АРХЕОЛОГИЯ СССР

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1985

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии

Ответственный редактор тома
Г. А. КОШЕЛЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1985

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

* ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
МЕЗОЛИТ СССР
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
* ЭНЕОЛИТ СССР
1983
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ
* АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ
СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ.
1982
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

В книге дается обобщающее исследование по археологии Закавказья и Средней Азии в I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. Рассматриваются проблемы развития ремесла и сельского хозяйства, типов поселений, различных сфер культуры, исследуется социально-экономическая и политическая структура данных обществ, место их в общей эволюции человеческого общества.

Авторы тома:

Ю. Ф. БУРЯКОВ
Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ
Г. А. КОШЕЛЕНКО
О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ
В. М. МАССОН
А. Б. НИКИТИН
В. Н. ПИЛИПКО
В. И. САРИАНИДИ
Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ
Г. А. ТИРАЦЯН
З. И. УСМАНОВ
М. И. ФИЛАНОВИЧ
Д. А. ХАЛИЛОВ
Г. В. ШИШКИНА
В. Н. ЯГОДИН

Д $\frac{0507000000-377}{042(02)-84}$ Подписное

Предисловие

Данный том «Археологии СССР» — «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» — охватывает два региона: закавказский и среднеазиатский. Уже само название указывает на те важнейшие особенности, которые отличают материалы, представленные здесь, от предшествующих томов издания: мы впервые вступаем в эпоху, когда народы, являющиеся объектом нашего исследования, поднимаются на ступень классового общества и государственности. Этот этап истории означает усложнение структуры общества, его экономической жизни, политической организации, наличие классовых противоречий, своеобразие идеологии, усиление и усложнение контактов различных политических и этнических объединений. Рождаются новые явления, как правило, не свойственные первобытнообщинной стадии развития,— письменность, монета и т. д. В силу всего этого меняется роль археологических источников. Ранее они выступали если не как единственный, то по крайней мере важнейший источник для реконструкции всей картины истории общества, теперь же для изучения политической и социально-экономической истории общества на первое место выдвигаются иные, прежде всего письменные, источники. В связи с этим отчасти меняется структура организации предлагаемого материала: выделяются специальные главы, освещающие проблемы денежного обращения и характеристику монеты как специфического источника, наряду с изложением важнейших результатов археологических исследований приводятся также данные письменных источников различного характера, более развернутый характер приобретают итоговые разделы, посвященные политической и социально-экономической истории народов в рассматриваемую эпоху.

Точно так же подвергается определенной модификации и система периодизации: наряду с собственно археологическими вводятся политические и социально-экономические критерии. Изложение материалов тома начинается с эпохи раннего железа, конечный же хронологический рубеж примерно совпадает со временем перехода от рабовладельческой к феодальной общественно-экономической формации. Несколько меняются и принципы территориального деления. Определяющее значение теперь приобретают политические границы. Конечно, мы сознаем всю условность и изменчивость этих границ в древности, однако необходимость следовать им очевидна, поскольку уже тогда сформировались достаточно устойчивые этнополитические области, сохранявшие при всех политических изменениях свою специфичность, например Бактрия, Хорезм в Средней Азии, Колхида или Армения в Закавказье.

Отметим еще одну особенность данного тома, связанную со своеобразием исследуемой исторической эпохи. Хотя он имеет название «Древнейшие государства на территории СССР», в начальных разделах каждой из двух частей значительное место уделяется археологии и истории тех народов, которые в тот момент еще находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Подобный подход, как нам кажется, естествен. Действие закона неравномерности исторического развития сказывалось, в частности, в том, что, когда одни народы уже перешли грань, отделявшую доклассовую и догосударственную стадию от классовой и государственной, другие еще только подходили к ней. Однако переплетенность исторических судеб их столь велика, что было бы неоправданным формализмом начинать изложение истории и археологии каждой отдельной области и каждого отдельного народа только с момента, когда здесь возникает государство. Мы избрали иной принцип исследования в рамках значительного региона и отправная точка — момент начала железного века.

Марксистская историческая наука исходит из того, что наиболее динамичным элементом в системе общественных отношений являются производительные силы. Именно развитие производительных сил определяет все изменения в обществе. Поэтому классики марксизма особо выделяют ту огромную революционизирующую роль, которую сыграло появление железных орудий труда: «железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[1]. В конкретных условиях Закавказья и Средней Азии только распространение железных орудий труда создало предпосылки для таких общественных изменений, которые в конечном счете привели к формированию классового общества и государства. Археология первых классовых обществ на юге нашей страны — основная тема данного тома.

Необходимо вместе с тем отметить, что современные политические границы, естественно, не совпадают с границами древних политических и этнических образований и в силу этого иногда авторам приходится привлекать материалы из раскопок зарубежных памятников для характеристики некоторых государственных образований в отдельные периоды их истории. Например, основные центры государства Урарту находились южнее границ СССР. Для более полной обрисовки археологии этого древнейшего государственного образования на территории СССР пришлось использовать материалы из

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21. с. 163.

раскопок памятников, расположенных на территории Турции.

Авторский коллектив считает своим приятным долгом поблагодарить рецензентов Б. Я. Ставиского и И. Р. Пичикяна за их ценные замечания, сделанные при обсуждении этого тома. Авторский коллектив включает: Ю. Ф. Бурякова (Институт археологии АН УзССР), Ю. А. Заднепровского (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР), Г. А. Кошеленко (Институт археологии АН СССР), О. Д. Лордкипанидзе (Центр археологических исследований АН ГССР), В. М. Массона (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР), А. Б. Никитина (ГИМ), В. Н. Пилипко (Институт истории АН ТССР), В. И. Сарианиди (Институт археологии АН СССР), Р. Х. Сулейманова (Институт археологии АН УзССР), Г. А. Тирацяна (Институт археологии и этнографии АН АрмССР), З. И. Усманова (Ташкентский государственный университет), Д. А. Халилова (Институт истории АН АзССР), М. И. Филанович (Институт археологии АН УзССР), Г. В. Шишкину (Институт археологии АН УзССР), В. Н. Ягодина (Каракалпакский филиал АН УзССР).

В большинстве глав, авторами которых выступают несколько специалистов, текст писался совместно и разделить его по отдельным авторам не представляется возможным. Исключениями являются глава IX «Северная Парфия», основная часть которой написана В. Н. Пилипко, а Г. А. Кошеленко принадлежат параграфы «Искусство» и «Серахский оазис», и глава X «Маргиана», где В. Н. Пилипко написал «Денежное обращение» (основные авторы: Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова, М. И. Филанович). Авторский коллектив и ответственный редактор тома благодарят М. Х. Исамиддинова и М. Тулебекова, предоставивших свои неопубликованные материалы для главы XIII «Согд» («Керамика» и «Фортификация»).

Важнейшей частью тома являются таблицы. Авторы их указаны в подписях. Над таблицами работали художники Ин-та археологии АН СССР С. А. Суджаева и Е. Ф. Маракулина. Указатели к тому выполнены З. В. Сердитых.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Закавказье

Введение

Объектом исследования первой части тома является закавказский регион в эпоху существования здесь древнейших государств. Определение географических границ его и хронологических рамок, в которых он рассматривается, требует некоторых пояснений.

Закавказье охватывает территории трех советских республик: Грузинской, Армянской и Азербайджанской. На севере, западе и востоке границы региона имеют естественный характер: Главный Кавказский хребет. Черное и Каспийское моря. Эти границы определяли Закавказье и в древности, очерчивая зону развития однотипных (или очень близких) цивилизаций и государственных образований, связанных общностью исторических судеб. Южная граница не совпадает с важными географическими рубежами, определявшими границы древних обществ. Поэтому для более полной обрисовки истории и археологии Урарту, древней Армении и Атропатены необходимо в той или иной мере обращаться к памятникам, расположенным на территории Турции и Ирана.

Нижняя хронологическая грань, определяющая начало периода, подлежащего исследованию в данном томе, как уже отмечалось выше,— это рубеж между бронзовым и железным веками. Впервые железные предметы, по мнению некоторых исследователей, появились в Закавказье еще в XIV в. до н. э. (Абрамишвили Р. М., 1957; 1961). Однако только в самом конце II тысячелетия до н. э. они сравнительно постоянно (хотя и очень редко) начинают присутствовать в закавказских археологических комплексах. В начале I тысячелетия до н. э. количество железных предметов, в первую очередь оружия, резко возрастает. Эпоха широкого освоения железа относится к IX—VI вв. до н. э., хотя железное оружие полностью вытесняет бронзовое только в V в. до н. э. (Погребова М. Н. 1977, с. 24).

Верхняя граница рассматриваемой эпохи определяется приблизительно IV—V вв. н. э. Согласно наиболее распространенному в советской науке мнению, именно в это время в странах закавказского региона происходит переход к феодальным отношениям. Хотя детальная картина развития феодализма здесь еще совсем не ясна и, в частности, существуют очень серьезные расхождения относительно самой природы социально-экономических отношений в древнем Закавказье (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980), все же подавляющее большинство исследователей признают, что IV в. н. э. был важной исторической вехой, отметившей самые серьезные изменения в общественных отношениях [1].

При всем единстве исторических судеб стран закавказского региона все же достаточно отчетливо выявляются специфические особенности истории отдельных районов. Эта специфика порождена различиями природных условий, этнического состава населения, влиянием внешних факторов. Достаточно отчетливо выделяются три основных района: причерноморские области, где возникло государство Колхида, восточное Закавказье, где сформировались Иберийское царство и Албания, южное Закавказье — область, где существовало Урартское, а затем Армянское государство. Конечно, политические границы были достаточно изменчивы, однако подобное ориентировочное членение (не претендующее на абсолютную точность) имеет свои основания, как чисто археологические, так и (позднее) историко-политические. Отличия Колхиды от остальных районов Закавказья, с точки зрения материальной культуры, достаточно заметны уже в раннебронзовую эпоху, сохраняются они и в эпоху раннего железа (Погребова М. Н., 1977, с. 26). Памятники материальной культуры этого района особенно тесно связаны с причерноморскими областями Малой Азии, в то время как другие районы — с Иранским плато.

Отражением этих различий явилось существование двух древнегрузинских государственных образований — Колхиды и Иберии. Приморское положение Колхиды привело и к очень ранним ее контактам с миром греческих полисов, включению Колхиды в орбиту так называемой великой греческой колонизации, что наложило особый отпечаток на исторические судьбы народов, населявших в древности западное Закавказье.

Специфика материальной и духовной культуры южного Закавказья определяется тем, что уже в IX в. до н. э. этот район стал объектом урартской экспансии. Урарту — древнейшее государство на территории СССР. По характеру своей общественной структуры, материальной и духовной культуры оно являлось государством древневосточного типа, близким, например, Ассирии. Несколько веков владычества Урарту наложили серьезный отпечаток на исторические судьбы описываемого района. В дальнейшем Армения теснее, чем другие части Закавказья, была связана с Мидийским и Ахеменидским государствами, что также способствовало формированию специфических черт культуры.

История восточного Закавказья тоже обладает рядом особенностей. Расположенный значительно дальше от центров переднеазиатской цивилизации (как южное Закавказье) и Черного моря (как западное

---

[1] Например, С. Т. Еремян (Еремян С. Т., 1951) считал, что феодальные отношения в Армении зародились в начале н. э., а господствующими они стали с IV в. н. э.; в «Очерках истории Грузии» период ранних феодальных отношений относится к IV—X вв. н. э. (Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970). А. П. Новосельцев (1980, с. 196) формирование класса-сословия феодалов в странах Закавказья датирует IV—VIII вв. н. э. Примеры можно умножить.

Закавказье), этот район более полно сохранял традиции предшествующего времени. Хотя и здесь имеются внутренние различия (например, на территории Иберии достаточно отчетливо ощущаются связи с Колхидой), все же в целом восточное Закавказье характеризуется определенным единством, например, в материальной культуре, несмотря на различия в этническом составе. Здесь позднее, чем в западном и южном Закавказье, сформировалось классовое общество и государство.

Создание внутренней периодизации исследуемой эпохи сопряжено со значительными трудностями. К их числу необходимо отнести факторы как субъективного, так и объективного характера. К последним относится некоторое несовпадение археологической и исторической периодизации. Так, с точки зрения археологии, самый большой внутренний рубеж в рамках данной исторической эпохи приходится на VI в. до н. э., когда заканчивается ранний железный век (Погребова М. Н., 1977, с. 24), а с точки зрения истории большинства политических образований Закавказья, наиболее важные перемены относятся к IV в. до н. э. (см. ниже). Субъективным фактором является разная степень археологической изученности различных периодов и различных районов, что мешает создать единую всеобъемлющую схему, отражающую изменения в материальной и духовной жизни всех закавказских обществ в рамках исследуемой эпохи. Нам представляется, что на современном уровне изученности археологии Закавказья еще нет возможности создать такую периодизацию. В силу этого авторский коллектив считает возможным применить следующий принцип хронологического членения материалов: вся эпоха делится на два больших периода, рубежом между которыми является IV в. до н. э. Внутри этих периодов членение на отдельные этапы зависит от возможностей хронологического членения материала. Выбор IV в. до н. э. в качестве определенного поворотного пункта определялся следующими соображениями. Во-первых, это значительный рубеж в истории всего Переднего Востока. В 30—20-х годах IV в. до н. э. под ударами войск Александра Македонского гибнет держава Ахеменидов. Начинается новая — эллинистическая — эпоха, значительно отличающаяся от предшествующей (подробнее см.: Кошеленко Г. А., 1979). Влияние эллинистических государств на закавказский регион было неизмеримо более сильным, чем предшествующих государственных образований. Во-вторых, в этот период внутри самих закавказских обществ, что отмечается всеми исследователями, происходят значительные структурные изменения, следствием которых явилось, в частности, образование в IV в. до н. э. или вскоре после него государств на тех территориях, которые в предшествующее время еще находились на стадии первобытнообщинного строя. Первые века до н. э. и первые века н. э.— время, когда при всех внутренних различиях Закавказье в целом представляет собой область развитой государственности и существования классов.

В тесной связи с проблемой периодизации находится и проблема хронологии — обоснования датировок исследуемых археологических комплексов. Данная проблема может быть расчленена на две части: датировка археологических комплексов раннего железа и датировка археологических комплексов эпохи существования государственных образований на всей территории Закавказья. Исследование относительной хронологии комплексов раннего железа тесно связывалось с исследованиями комплексов поздней бронзы (Погребова М. Н., 1977, с. 25). В Грузии эти работы проводились первоначально на базе памятников Триалетского района, затем схема уточнялась и видоизменялась применительно к другим районам республики (Абрамишвили Р. М., 1957; 1961; Куфтин Б. А., 1941; Пицхелаури К. Н., 1972; 1973). В Азербайджане эталонными памятниками, позволившими установить относительную хронологию, стали Мингечаур и Ходжалинское могильное поле (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959; Гуммель Я. И., 1940а; Даниэлян О. А., 1971; 1973; Иессен А. А., 1965; Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962). На территории Армении наиболее полно эту проблему рассмотрел А. А. Мартиросян (Мартиросян А. А., 1961; 1964) [2].

Установление относительной хронологии позволило создать и абсолютную хронологию археологических комплексов. В наиболее выигрышном положении были районы западной Грузии и Армении, в археологических комплексах которых имелись хорошо датируемые объекты. Для Колхиды это, в частности, импортные греческие вещи. На территории Армении ситуация облегчалась наличием урартских надписей, хорошей синхронизацией истории Урарту и Ассирии, устанавливаемой на базе не только памятников материальной культуры, но и многочисленных нарративных и эпиграфических источников. Однако до сего времени не разработана хронологическая шкала самого массового вида археологических материалов — урартской керамики. Для других районов Закавказья, естественно, база абсолютной хронологии устанавливалась на основе сопоставлений с урартскими и отчасти скифскими материалами, а также с материалами из других переднеазиатских регионов, поступавших в Закавказье не непосредственно из районов своего производства, а через Урарту и другие промежуточные области (Погребова М. Н., 1977, с. 25). При этом, однако, перед исследователями иногда встают очень серьезные трудности, поскольку неизвестно время «нахождения в пути» вещи, используемой для датировки, а иногда и сами датирующие предметы могут оказаться объектом сложных дискуссий (Погребова М. Н., 1977, с. 25). Однако в целом относительная и абсолютная хронология памятников раннего железного века на территории Закавказья в настоящее время в основных чертах может считаться установленной, что позволяет наметить и основные черты эволюции материальной и духовной культуры, попытаться обрисовать (хотя бы в самых общих чертах) эволюцию общественных отношений.

Несколько лучше обстоит дело с датировкой археологических комплексов периода ранней и развитой государственности. Причиной этого является наличие достаточно широкого круга письменных источников, надписей, нумизматических находок, по-

[2] Подробнее о проблеме в целом см.: *Погребова М. Н.*, 1977, с. 24—26.

зволяющих, датировать археологические комплексы. Однако и здесь существуют определенные трудности: основное число монет, найденных при раскопках,— иноземные и время обращения их на территории Закавказья не всегда может быть определено достаточно точно. Не решен еще вопрос о времени начала чеканки албанской монеты (подражания эллинистическим монетам) и об их хронологической классификации, что затрудняет датировку комплексов Албании. Имеются определенные сложности и с интерпретацией письменных источников: например остаются дискуссионными вопросы об источниках того или иного античного автора и тем самым о точном соотнесении с памятниками сведений, сообщаемых данным автором. Такова ситуация с анализом сообщений Страбона об Иберии (Болтунова А. И., 1947; Лордкипанидзе О. Д., 1957, ср.: Ельницкий Л. А., 1964, с. 150; Новосельцев А. П., 1980, с. 21) и Албании (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980, с. 20—21). Тем не менее в основных чертах абсолютная хронология археологических комплексов данного периода разработана. Лучше выявлена она для Колхиды и Армении, что позволяет рассматривать эволюцию материальной и духовной культуры этих областей подробнее, слабее — для Иберии и Албании, поэтому материалы данных областей описываются более суммарно.

Начало археологического изучения Закавказья относится к 30-м годам XIX в. Основное внимание тогда уделялось христианским древностям Армении и Грузии (Пиотровский Б. Б., 1949, с. 6). Постепенно стал проявляться интерес к античным памятникам, а позднее — и к памятникам более раннего времени. В целом периодизация исследований археологических памятников рассматриваемой эпохи на территории Закавказья может быть представлена следующим образом. Первый этап продолжался до 1881 г., т. е. до времени проведения V Всероссийского археологического съезда в Тбилиси, второй — с 1881 г. до Великой Октябрьской социалистической революции и завершения гражданской войны в Закавказье; третий — время от установления Советской власти в Закавказье до окончания Великой Отечественной войны; четвертый — послевоенный период.

Первый этап может быть определен как первичное ознакомление с археологическими памятниками Закавказья. Были проведены археологические исследования, давшие материалы, которые в дальнейшем, по мере углубления знаний о прошлом региона сыграли очень большую роль, став опорными пунктами в создании картины эволюции материальной культуры Закавказья. Таковы, например, раскопки могильника в Армении около Дилижана («Редкин лагерь»), чрезвычайно важные для понимания самой начальной фазы раннего железного века. Большое значение имели и раскопки Ф. Байерном Самтаврского могильника. Организационным центром археологического изучения Закавказья в то время был Кавказский археологический комитет, в 1873 г. преобразованный в Общество любителей кавказской археологии. Основными недостатками первых исследований археологии Закавказья являлись ограниченность работ и малочисленность научно подготовленных кадров. Общество составляли любители-дилетанты, преимущественно из русской и местной аристократии и городского чиновничества (Пиотровский Б. Б., 1949, с. 6).

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V Всероссийский археологический съезд. Уже в процессе подготовки к съезду был проведен ряд археологических исследований (А. С. Уваровым, А. Д. Ерицовым, И. С. Поляковым). Обширной и разнообразной была программа съезда. После 1881 г. устанавливаются тесные связи кавказских научных учреждений с Московским археологическим обществом, а затем и с Археологической комиссией. В 1901 г. в Тбилиси было учреждено Кавказское отделение Археологического общества. Кроме того, съезд популяризацией древних памятников Кавказа возбудил интерес к древностям в широких кругах кавказской интеллигенции (Пиотровский Б. Б., 1949, с. 7). В эти годы раскопки проводились в гораздо более широких масштабах, некоторыми из них руководили археологи-профессионалы. Однако по-прежнему большинство работ осуществлялось мало подготовленными людьми. Вместе с тем материалы, полученные в результате этих работ, в той или иной степени были вовлечены в научный оборот, впервые стали использоваться как исторический источник. И все же практически неразработанной оставалась относительная и абсолютная хронология археологических комплексов. Значительная часть территории Закавказья археологами практически не изучалась.

Планомерные археологические исследования начались здесь после установления Советской власти. Важными центрами их явились музеи и научно-исследовательские институты. Раскопки, как правило, стали проводить специалисты-профессионалы, число которых быстро росло. В Грузии основную работу первоначально проводил Государственный музей Грузии, затем подключились и местные краеведческие музеи (Зугдиди, Кутаиси, Поти). Новый импульс археологическому изучению республики дало создание в 1936 г. Грузинского филиала АН СССР (в 1941 г. преобразован в Академию наук Грузинской ССР). На территории Грузии работали многие высококвалифицированные археологи, среди которых необходимо отметить Б. А. Куфтина (Краткий очерк истории грузинской советской науки за 25 лет. Тбилиси, 1946; Пиотровский Б. Б., 1949, с. 11; Апакидзе А. М., 1967).

В Армении основные работы в это время были сконцентрированы в Комитете охраны исторических памятников и в Государственном музее Армении. Особенно много было сделано тогда для изучения крепостей так называемой циклопической кладки, обнаруженных в ряде мест Армении. Важнейшую роль сыграли начавшиеся в 1939 г. систематические раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур совместной экспедицией АН Армянской ССР и Государственного Эрмитажа под руководством Б. Б. Пиотровского (Кафадарян К. Г., 1945; Пиотровский Б. Б., 1949, с. 11—12; Аракелян Б. Н., Мартиросян А. А., 1967).

В Азербайджане первоначально основная археологическая работа проводилась в Обществе обследования и изучения Азербайджана, в Азербайджанском комитете охраны памятников старины и искусства и в Государственном музее. В дальнейшем важней-

шим центром ее стала Академия наук Азербайджанской ССР (Джафарзаде И. М., 1945; Пиотровский Б. Б., 1949, с. 12; Ваидов Р. М., Нариманов И. Г., 1967).

Важнейший итог всех описанных работ — достаточно обширные комплексы археологических материалов, полученные в результате широких по масштабам и научно организованных раскопок. Была выявлена (хотя еще только в самых общих чертах) хронологическая последовательность этих комплексов, достигнуты значительные успехи по соотнесению комплексов, обнаруженных в различных частях Закавказья, что позволило впервые достаточно широко и обоснованно использовать археологические материалы в качестве исторического источника, особенно для ранних периодов. Эти материалы включали работы, в которых делались первые попытки дать сводные очерки истории каждой из республик Закавказья (Джанашиа С. Н., 1949; История Азербайджана. Краткий очерк. Баку, 1941; Манадян Я. А., 1944), а также в первом опыте сводной истории народов СССР (История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. М., 1939).

Характерной особенностью современного периода археологического изучения Закавказья является широкомасштабное планомерное исследование практически всех категорий памятников материальной культуры, проводимое на высоком методическом уровне, что позволяет ставить и решать важнейшие вопросы, связанные с прошлым народов Закавказья. В каждой из республик работают многочисленные экспедиции, организуемые как соответствующими институтами Академий наук, так и университетами, музеями. Археологические материалы стали важнейшим источником для реконструкции прошлого народов Закавказья: без них ныне не возможны никакие исторические исследования ранних периодов истории народов закавказского региона (см.: История армянского народа. Ереван, 1971, т. I; История Азербайджана, Баку. 1958, т. I; Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1970, т. I).

Эта краткая информация об общих этапах археологического изучения Закавказья должна быть, естественно, дополнена порайонным обзором археологических исследований в применении к памятникам исследуемой нами эпохи.

Археологические исследования на территории древней Колхиды начались с 70-х годов XIX в., по велись они тогда преимущественно любителями-краеведами или учеными-естественниками. Уже на заседаниях подготовительного комитета V Всероссийского археологического съезда в 1878 г. местные краеведы-энтузиасты сообщали об археологических находках в Рионской низменности (Кутаиси и его окрестности) и по ущелью р. Квирила (Г. Церетели), в районе древней Диоскурии — Себастополиса (В. Чернявский) и т. д. В начале XX в. археологические исследования проводятся в Сачхере, Вани и других пунктах (Э. С. Такаишвили). К 30-м годам (1933—1934, 1936, 1938) относится начало первых планомерных раскопок поселений (Наохваму) в Колхиде (Г. К. Ниорадзе). В 1934—1935 гг. в приморской полосе работает экспедиция под руководством И. И. Мещанинова, а позже — А. А. Иессена. Ведутся раскопки поселений античного времени у Очамчирского порта (И. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев), могильников и поселений в Даблагоми (Н. А. Бердзенишвили, Б. Н. Куфтин, Н. В. Хоштариа).

Прерванные в годы Великой Отечественной войны археологические исследования возобновились во второй половине 40-х годов (Н. В. Хоштариа) и с 50-х годов ведутся систематически различными учреждениями АН ГССР (Институт истории, археологии и этнографии, Государственный музей Грузии, Абхазский институт языка, литературы и истории, Батумский научно-исследовательский институт), а также Тбилисским государственным университетом и Государственным музеем искусств Грузии в наиболее важных центрах древней Колхиды. За эти годы изучены районы по нижнему течению р. Риони, где предполагается наличие г. Фасиса, район Кобулети — Пичвнари, городище Эшери; значительные по масштабам раскопки проводятся в древнем Питиунте, в Вани — одном из важных центров Колхиды. Изучаются могильники как местного населения, так и греков. Особое внимание уделяется исследованию древнеколхидского очага железной металлургии (подробнее см.: Апакидзе А. М., 1967; 1972; Лордкипанидзе О. Д., 1977а).

Археологические памятники Иберии стали привлекать внимание с середины XIX в. Уже в 1852 г. краевед Д. Мегвинетухуцесишвили провел первые раскопки городища античной эпохи в Уплисцихе. В 60-х и 70-х годах во время земляных работ при перетрассировке и расширении Военно-Грузинской дороги также обнаружили некоторые памятники. В 1867 г. в окрестностях Мцхета на правом берегу р. Куры (где ныне ЗАГЭС) была найдена древнегреческая строительная надпись, относящаяся ко времени императора Веспасиана (Амиранашвили А. И., 1928; Каухчишвили Т. С., 1951; Церетели Г. В., 1960). В 1871 г. в Мцхета начаты раскопки Самтаврского могильника, продолжавшиеся до 1877 г. (Ф. Байерн).

Систематические археологические раскопки в Грузии начались лишь после установления Советской власти. Особенно большое значение имело широкое археологическое изучение (1937 г.) столицы Иберии — Мцхета и его окрестностей под руководством академика И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа. В 1936—1940 гг. Отделом охраны памятников культуры и Отделом истории Государственного музея Грузии в юго-восточной Грузии — Триалети были проведены раскопки (М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин) в зоне строящегося Алгетского водохранилища, во время которых обнаружен и ряд могильников античной эпохи.

После Великой Отечественной войны археологические исследования памятников Иберии приняли систематический характер. В настоящее время экспедиции Института истории, археологии и этнографии ведут раскопки в Мцхета и его окрестностях (А. М. Апакидзе), городищ Дзалиса, Саркине, Настакиси (А. В. Бохочадзе), Цихиагора (Г. Г. Цкитишвили), поселений и могильников в Арагвском ущелье (Р. М. Рамишвили), могильников Тбилиси и его окрестностей (Р. М. Абрамишвили). Археологические экспедиции Государственного музея ведут раскопки городищ Урбниси (П. П. Закарая,

Л. А. Чилашвили), Самадло и Дедоплис Миндори (Ю. М. Гагошидзе) и могильников в юго-восточной части Грузии (Ц. О. Давлианидзе), а экспедиции Государственного музея искусств Грузии — в Уплисцихе (Д. А. Хахутайшвили) (подробнее см.: Ломтатидзе Г. А., 1955; Гобеджишвили Г. Ф., 1948; Апакидзе А. М., 1972; Лордкипанидзе О. Д., 1977а).

Первые памятники урартской культуры были археологически исследованы в западной части Армянского нагорья на территории современной Турции (К. Леманн Гаупт, Н. Я. Марр, И. А. Орбели). Широкое изучение их на территории Армении началось только в годы Советской власти. Шла работа по сбору, обработке и изданию урартских клинописных надписей различного характера (Г. А. Меликишвили, Н. В. Арутюнян, И. М. Дьяконов). Самые значительные по масштабам раскопки были проведены на городище Кармир-блур, где располагался урартский город Тейшебаини (Б. Б. Пиотровский). Кроме того, исследовались также городища Эребуни (К. Л. Оганесян), Аргиштихинили (А. А. Мартиросян), урартские крепости Цовинар, Аргац, Енокаван и т. д. (С. А. Есаян и др., подробнее см.: Пиотровский Б. Б., 1959; Аракелян Б. Н., Мартиросян А. А., 1967).

Археологическое исследование древнеармянских памятников началось только в советское время. Важную роль сыграли раскопки, проведенные в конце 20-х — начале 30-х годов в Старом Армавире и Валаршапате (С. В. Тер-Аветисян, А. Калантар, Т. Торамян). Систематическое исследование памятников этого времени началось после Великой Отечественной войны. Важнейшим объектом раскопок стали первоначально г. Гарни (Б. Н. Аракелян), позднее Ацаванская крепость (Г. А. Тирацян), Армавир (Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацяп), Арташат (Б. Н. Аракелян, Ж. Д. Хачатрян) и ряд других памятников (подробнее см.: Тревер К. В., 1953; Аракелян Б. Н., Мартиросян А. А., 1967; Саркисян Г. Х., 1978).

Археологическое изучение памятников Азербайджана периода, рассматриваемого в данном томе, практически началось только после установления Советской власти. Важную роль сыграли раскопки Ходжалинского курганного поля (И. И. Мещанинов, И. М. Джафарзаде). Были впервые открыты памятники ялойлутепинской культуры (Д. М. Шарифов). которые в дальнейшем исследовались рядом ученых (С. М. Казиев, А. А. Иессен и др.). Тогда же впервые обратили внимание на древние города Кавказской Албании. В 30-е годы проводили изучение античных памятников в Шемахинском, Исмаилинском, Ханларском районах, в Мингечауре и Мильской степи (Я. И. Гуммель, А. К. Алекперов, И. И. Мещанинов и др.). Особенно широкий размах археологические работы приобрели в послевоенные годы. Важнейшую роль сыграла Мингечаурская экспедиция (С. М. Казиев, Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе). Тогда же начались систематические раскопки городов Кавказской Албании (Д. А. Халилов, С. М. Казиев, О. Ш. Исмизаде, И. А. Бабаев) (подробнее см.: Тревер К. В., 1959; Ваидов Р. М. Нариманов И. Г., 1967; Алиев И. Г., Алибекова Э. Б., 1977).

В целом по рассматриваемому в данном томе периоду истории Закавказья накоплен значительный археологический материал, который (в сочетании с данными нарративных источников, эпиграфики и нумизматики) позволяет создать общую картину эволюции материальной и духовной культуры народов этого региона в период перехода от первобытнообщинного к классовому строю, выявить основные особенности производства, системы поселений, искусства, верований жителей древнейших государств, понять характерные черты их социальной структуры и политической организации. Вместе с тем имеется еще ряд дискуссионных и нерешенных вопросов разной степени сложности, которые являются объектом наиболее активных исследований в последние годы. К числу таких относятся, в частности, проблема стадиальной принадлежности древних государств (кроме Урарту) Закавказья, проблема характера греческой колонизации в Восточном Причерноморье, этнические процессы и особенности этногенеза народов Кавказской Албании, проблема существования «Скифского царства» на территории Закавказья.

Проблема стадиальной принадлежности древних обществ Закавказья давно уже обсуждается в науке. Только в отношении Урарту в советской науке не было дискуссий. При значительных расхождениях относительно ряда вопросов социальной структуры этого общества все исследователи соглашались с тем, что оно по своей природе чрезвычайно близко Ассирии и является одним из обычных древневосточных государств (Меликишвили Г. А., 1954; Дьяконов И. М., 1968).

Вопросы же стадиальной принадлежности более поздних (иногда их называют античными) государств Закавказья очень активно и уже давно обсуждаются в литературе (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980, с. 56 и сл.). Не касаясь ранних этапов дискуссий о природе общественного строя Закавказья во второй половине I тысячелетия до н. э.— первых веках новой эры, отметим только, что уже в 30-е годы наметилось основное расхождение позиций исследователей: если С. Т. Еремян и С. Н. Джанашиа считали (соответственно), что в древней Армении и древней Грузии господствовали рабовладельческие отношения, то Я. А. Манандян в общем признавал наличие в Закавказье феодальных отношений. И все же большинство исследователей стояли на позициях признания общества того времени рабовладельческим.

Во второй половине 60-х годов, главным образом благодаря трудам Г. А. Меликишвили, проблема общественного строя древнего Закавказья вновь встала со всей остротой. В настоящее время существуют следующие основные точки зрения по этому вопросу: 1) признается господство рабовладельческих отношений в регионе; 2) говорится об очень значительной специфике рабовладельческих отношений, о резком отличии их от «классического» рабства; 3) считается, что в Закавказье в процессе формирования классовых отношений возникла «архаическая» формация, которая медленно эволюционировала, превращаясь в феодальную.

Проблема характера греческой колонизации в Восточном Причерноморье также имеет значительную историографию (см.: Проблемы греческой колониза-

ции Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979). Укажем следующие основные точки зрения: 1) греческая колонизация в Восточном Причерноморье практически ничем не отличалась от греческой колонизации в Северном и Западном Причерноморье; она сопровождалась созданием типичных греческих полисов, обладающих обычными полисными институтами, хорой и т. д.; 2) греческая колонизация не затронула Восточное Причерноморье и не оказала сколько-нибудь серьезного воздействия на этот регион; 3) колонизация в Колхиде отличалась особой спецификой: греческие поселения, расположенные здесь, не имели полисной структуры, хоры, а были торговыми поселениями-факториями. С этой общей проблемой связано то или иное решение более частных вопросов, например о характере денежного обращения в Восточном Причерноморье и т. п.

В последние годы активно обсуждался и характер этнических процессов, протекавших на территории современного Азербайджана в древности. Наиболее спорным здесь является вопрос о проникновении тюркоязычных народов. С точки зрения некоторых исследователей, вопреки принятому мнению основная часть населения древнего Азербайджана (т. е. Кавказской Албании) была тюркоязычной (состояние проблемы см.: Алиев И. Г., Алибекова Э. Б., 1977, с. 117).

Дискуссионным является также вопрос о существовании в VII в. до н. э. на территории Закавказья Скифского царства. Здесь можно назвать две основные точки зрения: 1) сколько-нибудь значительного проникновения скифо-сакских племен на территорию Закавказья не наблюдалось, они здесь не оседали на длительное время и не оказали серьезного влияния на материальную и духовную культуру местных народов; 2) на территории Закавказья осело значительное число кочевых скифо-сакских племен, здесь существовало Скифское царство, скифский элемент был достаточно активен в закавказском регионе по крайней мере в VII—V вв. до н. э. (о состоянии вопроса см.: Алиев И., 1979).

Можно назвать и другие дискуссионные проблемы в освещении древней истории и археологии Закавказья. Все они, насколько это возможно для изданий подобного рода, будут упомянуты далее.

Кроме того, необходимо отметить и некоторые «белые пятна» (что отчасти объясняет и существование тех дискуссионных проблем, о которых мы говорили выше): практически полная неисследованность сельских поселений Урарту; отсутствие сколько-нибудь значительных археологических материалов из приморских (греческих и местных) поселений на территории Колхиды; недостаточная изученность сельских поселений Колхиды и Армении; ограниченность материалов из городов Кавказской Албании (особенно по проблемам городского ремесла, жилой застройки и т. п.).

Глава первая
Западное Закавказье

Колхида

Колхидой греко-римские авторы называли нынешнюю западную Грузию (включая Аджарскую и Абхазскую АССР). На юге ее граница проходила по р. Чорох (древний Абсар), на севере — примерно у современной Пицунды (древний Питиунт), на востоке — в районе Сурамского хребта, соединяющего Большой и Малый Кавказ. Название «Колхида» происходит от этникона «Колхи», т. е. западнокартвельского (западногрузинского) народа мегрелочанской языковой группы. Этот народ заселял в древности Рионскую низменность и юго-восточное Причерноморье. В состав населения Колхиды входили также древнегрузинские племена сванов, занимавших южные склоны Большого Кавказа, и древнеабхазские племена, обитавшие в северо-западной Колхиде. С эллинистического времени в восточных областях Колхиды начинается расселение картов — племен восточногрузинской языковой группы (Меликишвили Г. А., 1959, с. 62—93; Микеладзе Т. К., 1974, с. 9—75).

Как уже отмечалось выше, в истории Колхиды выделяется несколько периодов, самый ранний из которых охватывает время с VII в. до н. э. до первой половины IV в. до н. э. (включительно). Именно этот период является объектом рассмотрения в данной главе (рис. 1).

Источники. Исторические источники по истории Колхиды чрезвычайно ограничены. Видимо, древнейшие упоминания колхов и Колхиды содержатся в ассирийских и урартских надписях, говорящих о государственном (или племенном) объединении «Кулха» или «Колха». Они относятся к IX—VIII вв. до н. э. (Меликишвили Г. А., 1959; 1962; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 9—10; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 13). Основную информацию сообщают греческие и латинские авторы. Возможно, что древнейшие сведения о Восточном Причерноморье содержатся в «Илиаде» (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 14). В более позднее время Колхиду, отдельные города и племена ее упоминают (с различной степенью информативности) многие античные авторы: Гекатей Милетский, Геродот, Псевдо-Гиппократ, Псевдо-Скилак, Помпоний Мела, Плиний Старший, Арриан, Клавдий Птолемей и др. (см. Инадзе М. П., 1968, с. 39—96; Каухчишвили Т. С., 1957; 1960; 1963; 1965а; 1965б; 1967а; 1969; 1977; 1979; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 14—21; Ломоури Н. Ю., 1963; Микеладзе Т. К., 1967, с. 33—38). Сложность исследования сведений этих авторов определяется краткостью, иногда фрагментарностью сообщений, неясностью во многих случаях характера традиции и тем самым реальной даты того или иного явления, зафиксированного в текстах. Особой, чрезвычайно сложной проблемой является использование поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика» как источника по истории ранней Колхиды. Очень трудно решить — к какому периоду относятся сведения, содержащиеся в поэме: к легендарному походу аргонавтов (относимого греческой традицией ко времени за одно поколение до троянской войны), жизни Аполлония Родосского (III в. до н. э.) или к какому-либо периоду между этими крайними точками (см.: Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 25 сл.).

Эпиграфические источники еще более скудны. К рассматриваемому времени относится только одна надпись — исполненная на серебряной чаше, некогда принадлежавшей святилищу Аполлона в Фасисе, датируемая (на основе палеографических данных) концом V или началом IV в. до н. э. (Думберг К. Е., 1901). Важным источником могут служить нумизматические данные (см. ниже), а также археологические материалы.

Поселения. Поселения Колхиды исследованы еще крайне недостаточно. Это касается как греческих населенных пунктов, так и местных — колхских. Античные источники упоминают здесь три греческих поселения: Фасис, Диоскурию и Гиэнос (подробнее см.: Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 111 сл.). Однако археологические раскопки, проведенные в предполагаемых местах расположения этих городов (Гиэнос — в районе г. Очамчира, см.: Качарава Д. Д., 1971; 1977; Инадзе М. П., 1975; с. 58—59; Диоскурия — в районе Сухумской бухты, см.: Трапш М. М., 1969, с. 212; Фасис — к востоку от г. Поти, у древнего русла р. Риони, см.: Бердзенишвили М. Д., 1942; Микеладзе Т. К., 1978, с. 5—20), не дали пока сколько-нибудь значительных материалов, позволяющих судить о планировке, характере застройки, экономике описываемых поселений (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 120 сл.)

Колхские поселения засвидетельствованы во многих районах Колхиды. Ряд их открыт в юго-западной Колхиде — в бассейне р. Чорох и окрестностях Батуми: крупное поселение в окрестностях Батуми у устья р. Коронисцкали, рядом с которым находятся несколько мелких (Махвилаури, Джого и др.) (Инаишвили А., 1966, с. 69—72; Кахидзе А. Ю., 1971, с. 18; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 121). Крупные колхские поселения зафиксированы также в Цихисдзири (Кахидзе А. Ю., 1971, с. 12) и на территории с. Чакви (Рамишвили А. Т., 1964). Считается, что в первой половине I тысячелетия до н. э. была полностью заселена Кобулетская низменность. В VI в. до н. э. на территории Кобулети-Пичвнари формируется крупное колхское поселение

(Кахидзе А. Ю., 1971, с. 34, 144; Инадзе М. П., 1968, с. 145; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 33; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 121—122). Остатки этого городища занимают площадь примерно 30 га. По мнению исследователей, с середины VI в. до н. э. здесь появляется обособленный греческий квартал. Следы поселений выявлены в нижнем течении р. Супса (Джапаридзе О. М., 1950, с. 109 сл.; Хоштариа Н. В., 1955). Многочисленные поселения обнаружены по нижнему течению р. Риони, особенно в междуречье Риони и Пичори (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 127 сл.). Среди них наиболее крупными являются Наохваму и Зурга. Ряд поселений известен и севернее Риони (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 130).

Раскопки Очамчирского поселения показали, что оно располагалось на трех искусственных холмах и примыкающей к ним равнине (Качарава Д. Д., 1971, с. 773—776). Значительное число поселений фиксируется в районе Сухумской бухты (Гумистский мыс, пос. Красный маяк, Эшера, Лечкои, Гуадиху, Сухумская гора и т. д.— Микеладзе Т. К., 1977; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 43 сл.; Шамба Г. К., 1977; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 135; Воронов Ю. Н., 1972) и далее на север около Гудауты и на территории Пицунды (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 144).

Поселения, как можно предполагать, не имели упорядоченной планировки и их границы археологически фиксируются достаточно плохо. Как правило, они располагались на возвышенностях или искусственных холмах, окруженных одним или двумя рвами. Строительные остатки выявляются с большим трудом, что, видимо, связано с основным строительным материалом — деревом.

Несколько лучше известны благодаря раскопкам в Вани поселения внутренней Колхиды (Вани, I—V, 1972—1980). Вани считается центром одной из административных единиц Колхиды — Скептухии. Ядром ее являлся треугольный в плане холм, окруженный с двух сторон глубокими оврагами (благодаря чему здесь не нужны были укрепления), соединенными, возможно, искусственным рвом. На верхней террасе холма находились деревянное святилище и высеченные в скальном грунте ритуальные каналы. Видимо, жилища знати располагались на террасах, рядом с каждой усадьбой находился могильник. Жилища рядового населения фиксируются на прилежащей к холму территории. В 10 км к северу от Вани в с. Мтисдзири на высоком холме открыты оборонительные сооружения (башни) V—IV вв. до н. э. (Гамкрелидзе Г. А., 1977). Видимо, это укрепление охраняло подступы к городу. Сельское поселение Колхиды может быть представлено на основе раскопок Дапнарского поселения, находящегося в округе г. Вани (Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., 1977). Можно полагать, что отдельные жилища были разбросаны на склонах искусственных и естественных террас на некотором расстоянии друг от друга. Вполне вероятно, что вокруг них были приусадебные участки и виноградники.

Фортификация. Фортификация ранней Колхиды исследована (в связи с общей недостаточной изученностью поселений) чрезвычайно слабо. Можно полагать, что мелкие сельские поселения с характерной для них усадебной системой расселения не были укреплены. Ранняя фортификация Вани не сохранилась, так как она, видимо, была полностью уничтожена при строительстве стены эллинистического времени. Укрепления V—IV вв. до н. э. зафиксированы в с. Мтисдзири, служившем форпостом г. Вани (Гамкрелидзе Г. А., 1977). Здесь обнаружены прямоугольные постройки-башни. Сохранилась их цокольная часть, выполненная в смешанной технике: фасад выполнен из каменных плит, уложенных в высеченные в скале «гнезда», а внутренняя часть — из деревянных бревен. Пространство между ними заполнено глиной и камнями, помещенными между деревянными перегородками. Общая толщина стен — до 3 м. Можно также предполагать, что важной частью всех фортификационных систем были рвы. Они засвидетельствованы в Вани, на Эшерском городище и в других местах.

Застройка. Строительная техника (табл. I). Характер застройки населенных пунктов Колхиды также известен недостаточно.

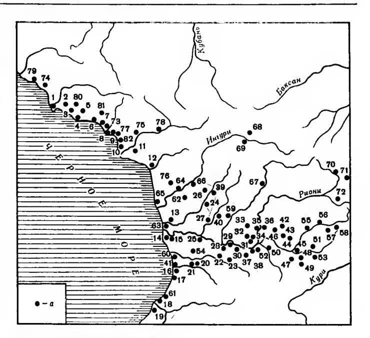


Рис. 1. Памятники Колхиды

1 — Пицунда; *2* — Бамборская долина; *3* — Адзлагара; *4* — Гудаута; *5* — Куланурхви; *6* — Новый Афон; *7* — Эшера; *8* — Гвандри; *9* — Сухуми; *10* — Гульрипш; *11* — Атара; *12* — Очамчира; *13* — Кариети; *14* — Симагре; *15* — Квемо Челадиди; *16* — Пичвнари; *17* — Кобулети; *18* — Гонио; *19* — Гурианта; *20* — Батуми; *21* — Вашнари; *22* — Букисцихе; *23* — Диди Вани; *24* — Нокалакеви; *25* — Сагвичио; *26* — Лехаинурао; *27* — Носири; *28* — Дапнари; *29* — Даблагоми; *30* — Мтисдзири; *31* — Парцханаканеви; *32* — Маглаки; *33* — Месхети; *34* — Квишири; *35* — Кутаиси; *36* — Гелати; *37* — Вани; *38* — Саканчиа; *39* — Чхороцку; *40* — Сепиети; *41* — Уреки; *42* — Чхари; *43* — Терджола; *44* — Сазано; *45* — Шорапани; *46* — Дзеври; *47* — Клдеети; *48* — Илети; *49* — Бори; *50* — Дими; *51* — Саргвеши; *52* — Варцихе; *53* — Харагаули; *54* — Чибати; *55* — Чиатура; *56* — Сачхере; *57* — Саирхе; *58* — Горадзири; *59* — Бандза; *60* — Григолети; *61* — Цихисдзири; *62* — Зугдиди; *63* — Анаклиа; *64* — Тагилони; *65* — Гудава; *66* — Лиа; *67* — Цагери; *68* — Чубери; *69* — Хаиши; *70* — Брили; *71* — Шошети; *72* — Квашхиети; *73* — Ачандара; *74* — Ст. Гагра; *75* — Цебелда; *76* — Гали; *77* — Келасури; *78* — Лата; *79* — Гантиади; *80* — Отхара; *81* — Анухва; *82* — Мачара 2; а — поселение. Карту составил Г. Г. Цкитишвили

Колхидский жилой дом описан Витрувием: «У колхов на Понте благодаря обилию лесов кладут лежмя на землю цельные деревья справа и слева на таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами и таким образом выводят бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, они возводят кверху башни, а промежутки, оставшиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши; обрубая концы поперечных балок, они перекрещивают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят их кверху в виде пирамид, покрывая их листвой и глиной, и варварским способом строят на башнях шатровые крыши» (Витрувий, II, гл. 1, § 4, 6).

Большинство исследователей сходятся в том, что Витрувий описал древнейший тип колхидского жилища — башенный дом с центричным ступенчатым-венцеобразным перекрытием. Это почти квадратное в плане жилище с бревенчатыми стенами, постепенно суживающимся конусообразным перекрытием-крышей (в котором, возможно, было устроено светодымовое отверстие) (Сумбадзе Л. З., 1960; Чиковани Т. А., 1967; Джандиери М. И., Лежава Г. И., 1976, с. 52—54). Сведения Витрувия подтверждаются археологическими находками остатков деревянных строений, в частности бревенчатых конструкций и других отдельных деталей (Лежава Г. И., 1979, с. 17—18).

Деревянные жилища были открыты на поселении Симагре. Дома строились следующим образом: на почву клали плетень из веток (местами настил из досок), который покрывали водонепроницаемой черной с органическими примесями земляной обмазкой. Тщательно утрамбовав полученную площадку, на ней воздвигали срубы домов, а сами площадки служили полами. Дома, насколько можно судить, квадратные в плане (5,60×5,60 м). По углам они имели специальные бревенчатые узлы, которые служили им основанием, несли на себе тяжесть сооружения и препятствовали оседанию их (Микеладзе Т. К., 1977; 1978). Аналогичные сооружения засвидетельствованы и в других (в том числе горных) районах Колхиды (Сахарова Л. С., 1976а, б). На поселении Симагре были обнаружены также и более крупные жилища (площадью до 100 кв. м), состоящие из трех помещений — главной квадратной в плане комнаты и прямоугольного строения, примыкавшего к ней с запада и разделенного на две части (Микеладзе Т. К., 1977, с. 15). Известны также деревянные прямоугольные в плане (6×12 м) дома, где основным строительным материалом были доски (Микеладзе Т. К., 1977, с. 21), в ряде мест зафиксированы мазанки, в которых основу стен составлял плетень, обмазанный глиной (Китурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., 1977, с. 57).

Общественные сооружения также почти еще не изучены. Деревянное святилище V в. до н. э. выявлено в Вани. Оно представляет собой открытый с восточной стороны дворик, пристроенный к длинному коридору шириной до 2 м. Северная стена, возведенная из деревянных балок, через каждые 2 м имеет поперечные деревянные перегородки, пространство между которыми заполнено глиной, насыпанной на булыжнике. В западной части сооружения на площади 20 м выявлены расположенные в два ряда прямоугольные углубления — высеченные в скалистом грунте «гнезда», в которых были уложены деревянные бревна, служившие опорой для возведения поперечной стены. Вся площадь между «гнездами» покрыта сильно обгоревшими обломками глиняной обмазки, на которых отчетливо сохранились отпечатки деревянных прутьев и досок. Можно думать, что дворик служил для совершения ритуальных церемоний, а крытый коридор, вероятно, для приношений (при раскопках найдены многочисленные обломки колхидской и привозной греческой керамики) (Вани, IV, 1979, с. 30—35).

Хозяйство. Орудия труда (табл. II). Одной из ведущих отраслей экономики Колхиды, несомненно, было земледелие, развитию которого способствовала плодородность колхидской земли, обусловленная субтропическим климатом, а также множеством горных рек и ручьев (Гегешидзе М. К., 1961, с. 101—112). Уже древнейшая эпическая традиция, сохранившаяся в сказаниях о походе аргонавтов, рисует Колхиду развитой земледельческой страной (Микеладзе Т. К., 1974, с. 157). Действительно, высокий уровень развития земледелия в античную эпоху (в чем, несомненно, важную роль сыграло также и техническое наследие предыдущей эпохи) подтверждается и открытиями множества предметов сельскохозяйственного назначения по всей Колхиде. Особенно примечательны в этом отношении находки на могильнике VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвизиани железных лемехов, нескольких десятков мотыг и других сельскохозяйственных орудий, подтвердившие мнение о развитии в Колхиде, по крайней мере уже с начала I тысячелетия до н. э., плужно-мотыжного земледелия (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 91—99; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 70—73),

При раскопках колхских поселений начала и середины I тысячелетия до н. э. весьма часты находки зерен пшеницы, проса и т. д., а также пифосов для хранения зерна (со специальными отверстиями у днища, а также на плечиках). В частности, просо было найдено при раскопках Диха-Гудзуба 2 — поселения конца VI в. до н. э. (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 92).

Археологические материалы (железные орудия для обрезки виноградной лозы, разнообразные керамические сосуды для вина, виноградные косточки) указывают на интенсивное развитие виноградарства и виноделия (Бохочадзе А. В., 1963; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 97). Видимо, было развито и садоводство (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 98).

Животноводство являлось также одной из важных отраслей экономики Колхиды (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 99 и сл.). Зоной его преимущественного развития были горные районы.

Новейшие археологические материалы дали материал для изучения ремесленного производства Колхиды VI—IV вв. до н. э. (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 100 и сл.; 1979, с. 74 и сл.). Наиболее важное значение имели металлургия железа и обработка металла вообще. Здесь имелись все условия для интенсивного развития этого вида производства:

а) наличие богатых железорудных месторождений в различных областях страны, б) обилие лесов, обеспечивавших производство топлива, и наконец, в) многовековые традиции металлодобычи и металлообработки. По археологическим данным, уже с начала I тысячелетия до н. э. производство железа в Колхиде носило массовый характер, хотя железоплавильные печи той эпохи в отличие от более ранних (Хахутайшвили Д. А., 1977а, б) почти не изучены. Археологические раскопки на Дапнарском селище выявили остатки круглой наземной железоплавильной печи V—IV вв. до н. э., построенной из крупных блоков прессованной глины. Кроме того, здесь обнаружены сопла, шлак и губчатая крица (состав железа в ней достигает 63,2%). Реконструировать дапнарскую печь не удается, но по своему типу она, видимо, отличается от более ранних горнов и близка греческим (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 101). Считается, что источником руды служили залежи магнетитового песка. Это подтверждается и литературными свидетельствами, в частности сочинением Псевдо-Аристотеля «О чудесных слухах» (см.: Гвелишвили И. А., 1964; Хахутайшвили Д. А., 1973, 1977а, б). В могильнике Нигвизиани найдена половинка литейной формы для отливки колхидского топора (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35). Можно полагать, что уже по крайней мере с VI—V вв. до н. э. обработка железа в Колхиде производилась и в местностях, расположенных вдали от железогенных районов (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 81).

О широких масштабах производства железа красноречиво свидетельствуют многочисленные находки в погребениях и культурных слоях самых разнообразных предметов хозяйственного, боевого, ритуально-культового и других назначений: лемехи или лемехообразные орудия, мотыги, топоры, ножи и серпы, мечи, кинжалы и клинки, наконечники копий и стрел, гвозди, предметы конской упряжи и др. Весьма важно при этом отметить, что железные изделия VI—IV вв. до н. э. в типологическом отношении во многих случаях повторяют формы, созданные в Колхиде еще в эпоху бронзы.

В описываемое время здесь продолжалась и обработка бронзы, хотя она уже не имела столь важного хозяйственного значения, как производство железа. Бронза в этот период применялась главным образом для изготовления украшений (браслеты, гривны, фибулы, перстни и др.), культурных и ритуальных предметов, среди которых есть замечательные образцы художественного ремесла. Особо следует упомянуть об изготовлении больших котлов-ситул, центр производства которых находился в северных, горных, областях Колхиды, в частности в Рача-Лечхуми, издревле славившейся своей металлообработкой (Сахарова Л. С., 1965; 1976а, с. 32—34, 49—50). Видимо, развита была и обработка серебра, особенно серебряных пиал (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 84). Нет сомнений в высоком уровне керамического производства (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 74—79; Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д., 1977; Вани, V, 1980), хотя ни одной керамической обжигательной печи еще не найдено (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 76).

Большого развития достигло и ювелирное дело, особенно златокузнечества, наиболее яркие памятники которого открыты в Вани — одном из самых значительных центров древней Колхиды.

Золотые изделия, найденные в Вани и в других местах Колхиды, весьма многочисленны и довольно разнообразны: а) диадемы, крученый ободок которых увенчан ромбовидными пластинками, украшенными чеканным изображением борьбы зверей; б) серьги и височные украшения самых разнообразных форм (с «лучами», ажурными или полыми сферическими подвесками, а также «калачеобразные» и в виде всадников), всегда обильно украшенные зернью в виде пирамид и треугольников и, как правило, миниатюрной розеткой на кольце (характерная особенность украшения колхидских золотых и серебряных серег); в) многочисленные золотые ожерелья, составленные из фигурок птиц, теленка, баранов, черепах и т. д., а также геральдические изображения орлов; г) золотые и серебряные браслеты, увенчанные скульптурными головками львов, теленка, барана, тура, кабана.

В целом, золотые и серебряные украшения V—IV вв. до н. э. характеризуются строгим художественно-стилистическим и техническим единством. На их местное, колхидское, происхождение указывает оригинальность художественных форм, которые большей частью типичны для Колхиды и, как правило, не известны за пределами Грузии (диадемы, серьги и височные кольца с «лучами» или сферическими подвесками и др.). Следовательно, можно с уверенностью констатировать наличие в Колхиде V—IV вв. до н. э. (возможно, в первую очередь в Вани) высокохудожественной школы златокузнечества, уверенно применявшей сложнейшие технические приемы ковки, чекана и тиснения, литья, накладывания зерни, филиграни (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 84—100; Чкониа А. М., 1977).

К высокоразвитым отраслям ремесленного производства необходимо отнести и ткачество (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 103).

Торговля в Колхиде должна быть рассмотрена в двух аспектах — международная и внутриколхидская. Можно думать, что уже в это время сложилась система экономических связей, охватывавшая всю Колхиду. Об этом можно судить по керамике, производившейся для массового потребления: ее характеризуют некоторая стандартизация форм и широкое распространение однотипных сосудов по всей Колхиде. Особо следует отметить распространение этой керамики в горных районах Колхиды — в верховьях р. Риони (на территории Рача-Лечхуми), где никогда не было своего гончарного ремесла и, следовательно, керамика проникала сюда из производственных центров, расположенных по среднему течению р. Риони (Фасис). Через Ингурское ущелье керамические изделия с места изготовления доставлялись и в самую высокогорную область Колхиды — в Сванети. Все это как нельзя лучше иллюстрирует товарный характер керамического ремесла Колхиды в VI—IV вв. до н. э., имевшего важнейшее значение для развития внутриколхидских экономических связей. О том же говорят изделия других ремесел, например бронзовых котлов. Находки бронзовых котлов в самых различных областях Колхиды (главным образом в погребениях V в. до н. э. Кобулети-Пич-

внари, Сухуми, Брили, Итхвиси, Вани) указывают не только на интенсивную производственную деятельность горных областей, но и на их активное участие в общеколхидских экономических связях. На массового потребителя были рассчитаны дешевые украшения из бронзы, железа, реже — серебра. В IV в. до н. э. их производство становится массовым (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 102).

В настоящее время все больше укрепляется точка зрения, согласно которой греческие поселения в Колхиде представляли собой торговые поселения, во всяком случае торговая функция являлась определяющим фактором их экономики (состояние вопроса см.: Проблемы..., с. 369—407).

Греческие поселения в Колхиде были основаны главным образом с целью получения металла (железо, золото). По сообщению античных авторов, из Колхиды греки вывозили также корабельный и строевой лес, воск, мед и смолу, различную дичь (фазан) (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 149—153).

На раннем этапе торгово-экономических связей греческого мира с Колхидой отчетливо выступает активная роль восточногреческих торгово-ремесленных центров. В археологических материалах из раскопок прибрежных поселений Колхиды (Батуми и его окрестности, Кобулети-Пичвнари, окрестности Поти, Эшера) зафиксированы следующие группы восточногреческой керамики: «полосатая ионийская керамика», «родосско-ионийская» и стиля «фикеллюр». Единичные их находки известны и во внутренних районах. Греческая керамическая тара представлена главным образом амфорами конца VI в. до н. э. (хиосские «пухлогорлые», лесбосские и его круга, со стаканообразными доньями и др.). Амфоры этого периода еще не известны во внутренних районах. К импортным изделиям из восточногреческих центров конца VI — начала V в. до н. э. относятся и золотые перстни-печати, найденные в Вани (Лордкипанидзе М. Н., 1975а, б).

Заметим, что во второй половине VI в. до н. э. в Колхиду завозились те же предметы из тех же производственных центров, что и в остальные области Понта Евксинского. Поэтому ионийский импорт в Колхиде следует рассматривать как частицу общей (понтийской) системы экономических связей восточногреческих центров с Причерноморьем. Ведущая роль в этих связях, как известно, отводилась Милету, поддерживавшему тесные связи со своими понтийскими колониями. Значительную роль играли Хиос, а также Самос. С середины VI в. до н. э. начинается проникновение в Колхиду и аттического импорта. Однако имеющиеся в настоящее время археологические материалы еще не дают основания предполагать сколько-нибудь значительные (особенно по сравнению с Северным Причерноморьем) экономические связи Афин с Колхидой в VI в. до н. э., хотя за последние годы участились находки аттической чернофигурной и чернолаковой керамики последней четверти VI в. до н. э. в приморской полосе (Пичвнари, Симагре, Эшера), а один случай (обломок чернофигурного килика) зафиксирован и в восточной Грузии (поселение Ховлэ). Распространению аттического импорта в этот период, вероятно, способствовало установление политического влияния Афин в Геллеспонте.

После некоторого ослабления торговых связей в начале V в. до н. э. (в связи с греко-персидскими войнами) с 70-х годов V в. до н. э. начался новый подъем торговли греческого мира с Колхидой, продолжавшийся до последней четверти IV в. до н. э. уже под полной гегемонией Афин. К этому времени в археологических материалах можно усмотреть появление в Колхиде организованных аттических торговых поселений типа эмпория. Такое поселение существовало в Кобулети-Пичвнари, о чем свидетельствует довольно обширный могильник, отражающий этническую структуру городища. Большинство погребений принадлежит местному населению. На могильнике открыт и участок с типично греческим образом захоронений. В отдельных погребальных комплексах встречаются хиосские и фасосские амфоры. Особенно многочисленна и разнообразна находимая в этих погребениях греческая керамика, в подавляющем своем большинстве аттическая (Кахидзе А. Ю., 1975). Обособленный, греческий участок могильника Кобулети-Пичвнари возник не ранее середины V в. до н. э. и прекратил существование в конце IV в. до н. э., т. е. функционировал именно в тот период, когда Афины занимали доминирующее положение в торговле с Колхидой.

К началу активизации афинской торговли (последовавшей сразу же после победоносного окончания греко-персидских войн), т. е. ко второй четверти V в. до н. э., относятся находки в Вани в богатом погребении знатной колхидянки первоклассных образцов аттической художественной торевтики: бронзовых патер с антропоморфной ручкой и ойнохои, серебряного арибалла с гравированным фризом (шествие сфинксов, в изображении которых прослеживается влияние греческих вазописцев краснофигурной техники — Сотада и Пистоксена) и др.

Аттическая поздняя чернофигурная (килики группы Каймона), а также краснофигурная и главным образом чернолаковая керамика (килики, скифосы, канфары, аски, сетчатые лекифы, рыбные блюда, солонки и др.) в V—IV вв. до н. э. распространяются в Колхиде почти повсеместно. Наряду с аттическими керамическими изделиями в Колхиду поступают и греческие высокосортные вина, а возможно, и оливковое масло, о чем свидетельствуют находки амфор (в том числе и во внутренних областях). В V—IV вв. до н. э., как и в других припонтийских областях, в Колхиде распространились амфоры преимущественно тех средиземноморских центров, которые входили в состав первого Афинского морского союза. Особенно часто встречаются амфоры Хиоса («пухлогорлые» второй половины V в. и более поздние с так называемыми колпачковыми ножками) и Фасоса или его круга. Возможно, что с афинопонтийской торговлей связано распространение в Колхиде некоторых египетских (в том числе уникальной полихромной нагрудной бляхи, подвешенной на цепочке к золотой же фибуле) и сирийских (полихромные бусы) изделий, а также стеклянных бальзамариев (так называемых финикийских), встречающихся, как правило, в комплексах вместе с аттической керамикой (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 154—179).

Включение Колхиды в орбиту высокоразвитой греческой международной торговли, несомненно, ус-

ложняло экономическую структуру колхидского общества, в первую очередь — структуру внутриколхидской торговли. Наиболее ярким ее проявлением следует считать возникновение денежного обращения: с последней четверти VI и в течение V—IV вв. до н. э. по всей Колхиде широко обращаются серебряные монеты (так называемые колхидки) разных номиналов.

В литературе (Капанадзе Д. Г., 1955а; Дундуа Г. Ф., 1970) описаны следующие типы и номиналы колхидок, чеканившихся в VI—IV вв. до н. э.: 1. Тетрадрахмы, на аверсе которых дано изображение львиной головы с раскрытой пастью, а на реверсе — в углубленном квадрате — протомы скачущего вправо крылатого коня. В настоящее время известны только три такие монеты (весом 10, 13, 23 г), но все они беспаспортны. Большое сходство с остальными колхидками дает основание специалистам причислить их к нумизматическим памятникам Колхиды и датировать VI в. до н. э.; 2. Дидрахмы трех типов (их вес колеблется в пределах 8—10 г): а) на аверсе — изображение лежащего льва с повернутой назад головой и раскрытой пастью, а на реверсе — в прямоугольном углублении — коленопреклоненной обнаженной человеческой фигуры (с женским бюстом и бычьей головой). Датируются они последней четвертью VI в. до н. э.; б) на аверсе изображена человеческая голова вправо, включенная в линейный ободок, а на реверсе — в прямоугольные углубления,— такие же, но меньшего размера, две человеческие головы, обращенные лицом друг к другу. Датируются эти монеты V в. до н. э.; в) аналогичная вышеописанной, однако на реверсе вместо человеческих голов изображены головы быков; 3. Колхидская драхма, вес 5,52 г. На аверсе — львиный скальп, а на реверсе — голова быка вправо во вдавленном квадрате. Датируется V в. до н. э. Кроме крупных номиналов, уже в V в. появляются более мелкие номиналы колхидок; 4. Полудрахмы или триоболы, которые пока что представлены лишь двумя разновидностями: а) на аверсе — львиная голова с раскрытой пастью (в профиле), а на реверсе — протома львицы во вдавленном квадрате. Вес 2,21 — 2,60 г; б) на аверсе изображена человеческая голова вправо, включенная в точечный или линейный ободок, на реверсе — голова быка вправо в линейном ободке. Вес в среднем 2 г. Датируется в основном V—IV вв. до н. э. Это наиболее многочисленная и распространенная группа колхидок, количество которых исчисляется тысячами.

Вопрос о том, кем чеканились колхидки — греческими городами или колхидскими царями,— является одним из спорных в грузинской нумизматике (Капанадзе Д. Г., Голенко К. В., 1957; Болтунова А. И., 1973; Дундуа Г. Ф., 1979а, б; Лордкипанидзе О. Д., 1979; Golenko K., 1972).

Ареал колхидок полностью совпадает с территорией Колхидского царства: они встречаются главным образом в междуречье Ингури и Риони и в приморской полосе — от г. Сухуми до р. Чорох. За пределами Колхиды находки их крайне редки. Таким образом, совершенно бесспорно, что эти монеты чеканились для торговли на местном — внутриколхидском — рынке. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что колхидки использовались не только как платежное средство, но и как средство накопления, о чем свидетельствуют весьма многочисленные находки кладов почти по всей Колхиде — как в приморской полосе, так и во внутренних областях. Конечно, не следует утверждать, что деньги проникали во все области экономической жизни общества, но столь значительное количество колхидок, обнаруживаемых в самых различных областях страны, несомненно, указывает на товарный характер производства, а также на высокий уровень организации торговли.

Топография находок колхидок и других археологических предметов (местной и импортной керамики, металлических изделий, ювелирных украшений) свидетельствует и о тесных экономических отношениях между отдельными областями Колхиды, связанных между собой речными и сухопутными путями, по которым развивалась торговля собственными и привозными товарами.

Орудия труда. В настоящее время известны главным образом сельскохозяйственные орудия труда. Как правило, они были железными. В нескольких местах (основная масса в Нигвизиани) найдены лемеха плугов. Они имеют слегка согнутый корпус, полукруглое лезвие, открытую вертикальную втулку (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35, рис. 3, 9). Считается, что это лемеха плугов градильного типа (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 93 и сл.). Известны также мотыги — с широким полукруглым лезвием и слегка согнутым корпусом (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34, рис. 3, 5), которые, видимо, были наиболее распространены в предгорной полосе (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 91 и сл.). Кроме того, встречаются топоры, специальные лесные топоры (цалди), ножи виноградарей (массивные, изогнутые), черенковые серпы, ножи (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34; Лордкипанидзе Г. А., 1978, табл. III). Изредка встречаются зернотерки (Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., 1977, с. 55). О развитии рыболовства свидетельствуют находки рыболовных грузил (там же), о ткачестве — пряслица.

Оружие, конское снаряжение. Некоторые сведения о состоянии военного дела Колхиды исследуемого периода дают письменные источники. Описывая колхских воинов в составе персидской армии, Геродот говорит, что у них были деревянные шлемы, маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и махайры (Herod., VII, 79). Естественно, что деревянные шлемы и кожаные щиты не сохранились. О защитном доспехе колхов дают некоторое представление археологические находки. В это время здесь появляются бронзовые шлемы аттического типа (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 89—90, табл. V). Находки пластинок, бронзовых и железных, свидетельствуют о наличии чешуйчатых доспехов, состоявших из льняной или, вероятнее, кожаной рубахи, на которую нашивали эти пластинки (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 49, 78, табл. V). Своеобразный оборонительный доспех был найден на Красномаяцком некрополе (Трапш М. М., 1969, с. 123; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 48—49, табл. V). Он пластинчатый и представляет собой изображение грифа или орла с распростертыми крыльями (ширина 0,6 м, высота 0,54 м). Состоит из трехслойной

бронзовой пластины, толщина которой достигает 0,1 см. Крылья прикреплены к центральной части бронзовыми стержнями. Сквозные, парно расположенные отверстия служили для нашивки на кожаную одежду. Кнемиды были как бронзовыми, так и железными (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 77, 89).

Наступательное оружие представлено железными боевыми топорами-молотами, мечами, копьями, дротиками, кинжалами, ножами, камнями для пращи, стрелами. Одним из наиболее обычных видов оружия был топор-молоток (Каландадзе А., 1953, с. 27–31, 34; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 53, 54). Известны мечи нескольких типов, в том числе скифские акинаки (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34). Один из них — со своеобразным антенновидным навершием и сердцевидным, точнее бабочкообразным, перекрестием (Каландадзе А., 1953, с. 31; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 53). Встречены изогнутые греческие махайры, служившие, видимо, оружием всадников (Шамба Г. К., 1972, с. 98 и сл.; Трапш М. М., 1962, с. 247; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 44, 57, 89). Наиболее распространены, однако, разные варианты прямых двулезвийных мечей, гораздо более длинных, чем акинаки (Шамба Г. К., 1972, с. 98; Каландадзе А., 1953, с. 27, 31, 34; Трапш М. М., 1962, с. 247 и сл.; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 44, 53, 54, 57).

Самым распространенным, судя по количеству находок, видом оружия были копья. В некоторых погребениях встречено по нескольку их наконечников. Наконечники копий, как правило, большие (длиной до 45 см) втульчатые (втулка либо цельная, либо раскрытая), либо листовидные со слабо выраженным ребром, либо более узкие — лавролистные (Шамба Г. К., 1972, с. 98 и сл.; Каландадзе А., 1953, с. 27, 34–35; Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 44, 50, 54, 57, 78, 89); изредка встречаются очень узкие, штыковидные (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 54). В наиболее ранних слоях зафиксированы и бронзовые наконечники копий тех же форм (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34). Наряду с обычными железными наконечниками дротиков встречаются и скифские — стреловидные (Каландадзе А., 1953, 27 сл.; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 53, 78–79).

Кинжалы — обычно черенковые, иногда с изогнутой ручкой. Встречаются как железные, так и бронзовые. Форма клинка может быть листовидной, но чаще они прямые, иногда с желобком посредине. Один раз были зафиксированы деревянные ножны кинжала, покрытые бронзовой обивкой (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 34). Стрелы как железные, так и бронзовые. Первые чаще всего трехлопастные, втульчатые, вторые черенковые (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 77).

Конские удила встречены при раскопках двух некрополей — Красномаяцкого и Вани. Они бронзовые, с неподвижными, согнутыми под углом псалиями, отлитыми в одно целое с двусоставными мундштуками, снабженными шипами (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 48, 49).

Керамика (табл. III) является наиболее массовым материалом из раскопок культурных слоев поселений и погребений (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 74–79; Гиголашвили Е. Г., Кочарава Д. Д., 1977; Вани, V, 1980).

Пользуясь техническими достижениями производства круговой керамики предыдущей эпохи, колхидские гончары VI–IV вв. до н. э. снабжают своих потребителей разнообразными изделиями, которые отличаются своеобразием и вместе с тем — консервативностью форм и орнаментального декора на протяжении трех столетий. Это огромные пифосы с заштрихованной поверхностью и отогнутым кнаружи венчиком, украшенным геометрическим орнаментом, кувшины с биконическим туловом и вертикальной трубчатой ручкой, бокальчики с коническими или цилиндрическими корпусами, бокальчики и кубки на высокой ножке, миски с плоским дном и косыми стенками и другие изделия, которые объединяются орнаментальным декором: лощеные вертикальные линии и ромбовидные узоры, волнистые линии (нанесенные рифленым гребенчатым штампом), спирали, вдавленные концентрические кружки, косые насечки в «елочку» и др. Описанные наиболее характерные украшения часто присутствуют на сосудах различных форм. В целом колхидская керамика VI–V вв. до н. э. отличается изящными формами, подчеркнутыми биконическими очертаниями тулова или плавными переходами от одной части к другой, а также строгой геометрической орнаментацией, удачно сочетающейся с контурами самого сосуда. Лепная керамика использовалась мало.

Обилие и разнообразие колхидских керамических изделий указывают не только на высокий профессиональный уровень, но и на широкие масштабы производства в VI–IV вв. до н. э., уже рассчитанного на массового потребителя. Об этом свидетельствуют, как было сказано выше, некоторая стандартизация форм и широкое распространение однотипных сосудов по всей Колхиде.

Одежда. Бытовая утварь. Об одежде колхов практически ничего не известно. Учитывая свидетельства письменных источников о популярности льна, можно думать, что преобладала одежда из льняных тканей.

В быту широко использовалась керамика, как местная (изредка лепная), так и привозная (в меньшем числе). Помимо греческих амфор различных типов, встречены чернолаковые, чернофигурные и краснофигурные сосуды следующих форм: килики, аски, кратеры, котилы, лекифы, амфориски, солонки. Использовались и привозные светильники из коричневой глины с выступающим посредине полым патроном и загнутыми внутрь боками.

В быту местных жителей применялись традиционные виночерпалки из тыквы, деревянные мешалки, ложки и гребешки (Микеладзе Т. К., 1977, с. 15). Встречается изредка и серебряная посуда, главным образом чаши (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 8). Греки или эллинизированные местные жители занимались спортом, о чем свидетельствуют найденные в могилах стригели (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 6).

Видимо, широко пользовались всякого рода корзинами, которые сохраняются очень редко (Микеладзе Т. К., 1977, с 15).

Украшения. Достаточно широко распространены были золотые или серебряные диадемы, крученый ободок которых завершается ромбовидными орна-

ментированными пластинами и застежками. Все серебряные диадемы орнаментированы почти одинаково: каждая ромбовидная пластинка разделена на два треугольника, на которых посредине изображены розетки (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 85). На золотых диадемах ромбовидные щитки украшались сценами борьбы животных (там же).

Довольно многочисленную группу украшений составляют височные кольца и серьги. Височные кольца, обычно овальные, выполнялись из серебра и бронзы (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35). Местное происхождение, видимо, имеют изящные серьги, крупное кольцо которых украшено миниатюрной розеткой, а лучеобразно расходящиеся стяжки заканчиваются пирамидками или треугольниками из зерни (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 90). Подобные серьги делали из золота и серебра, и различались они, главным образом числом лучей. Имеются и иные варианты серег, но для большинства характерно использование техники зерни. Одним из наиболее распространенных мотивов этих украшений являются головки животных (там же). Особо выделяются замечательные серьги, изображающие двух воинов на колеснице. В первой половине IV в. до н. э. распространяются бусы в виде «калачиков», также украшенные зернью.

Подвески, чаще всего золотые и серебряные, характеризуются также широким применением техники зерни. Они представляют собой изображения миниатюрных фигурок птиц, головки баранов, телят, туров. Очень интересны барабановидные подвески, украшенные геометрическими узорами (меандр, свастика) (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 93—94). В Симагре найдена золотая подвеска из двух спаянных треугольных пластин, два нижних конца которых украшены выполненными зернью головками быков. На поверхности одной изображены (также зернью) бычьи головы, на другой — меандр (Микеладзе Т. К., 1977, с. 21); встречаются подвески-амулеты, например с изображением рыбы (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35), кабана (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 94) и др.

Бусы делали из сердолика, кварцита, пасты, гишера, стекла (среди последних часты «глазчатые»), янтаря. Известны и золотые, часто украшенные зернью (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35). Встречаются гривны (чаще всего бронзовые) из витой и гладкой проволоки с удлиненными пластинчатыми концами, бронзовые и железные фибулы (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35).

Найдено довольно много браслетов: золотых, серебряных, железных, бронзовых. Наиболее ранние золотые браслеты обнаружены в Вани. Одна пара браслетов украшена головками баранов, другая — скульптурными изображениями дикого кабана. Для золотых и (повторяющих их по форме и характеру украшений) серебряных браслетов конца V — первой половины IV в. до н. э. характерны черты, общие для всех подобных предметов Переднего Востока ахеменидской эпохи (вогнутая спинка и головка животных, в частности льва, тура, теленка и др.; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 95). Бронзовые браслеты бывают как пластинчатые, так и проволочные (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 35).

Иногда на одежду нашивали бляшки. Известны, в частности, бляшки колхидско-кобанского типа с изображением змеи: встречены изображения орлов (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 95).

Перстни известны самые различные, иногда высокохудожественные — привозные. Особенно высоким качеством отличается золотой перстень с изображением Афродиты и Эрота (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 8).

Погребальные памятники и обряд захоронения (табл. IV). В конце VII—VI в. до н. э. (и частично, быть может, в начале V в. до н. э.) по всей Колхиде продолжает бытовать характерный для VIII—VII вв. до н. э. обряд коллективных захоронений — погребальные площадки или больших размеров овальные ямы (3,4×2,4 м) с булыжным перекрытием. Костные остатки несут отчетливые следы сильного огня, свидетельствуя об обряде вторичного захоронения с частичной кремацией или использованием ритуального огня. Такие погребальные поля, открытые в Палури (Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. Б., 1974), Мухурча (Гогадзе Э. М. и др., 1977, с. 60), Нигвизиани (Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б., 1977, с. 33), Мерхеули (Барамидзе М. Б., 1971), Уреки (Микеладзе Т. К., 1978) и других местах, содержат довольно разнообразный погребальный инвентарь: керамику (кувшины с трубчатой ручкой, кружки с отогнутым венчиком, двуручные сосуды, кубки), оружие (бронзовые и железные наконечники копий с открытой и цельной втулкой, черенковые кинжалы, акинаки, наконечники стрел) и сельскохозяйственные орудия (железные ножи и серпы, мотыги, лемехообразные орудия), украшения (бронзовые шейные гривны, фибулы, браслеты, бусы из сердолика, гишера, разноцветной пасты и стекла), металлические статуэтки с изображением человека (итифаллические мужские фигуры) или различных животных.

В северных приморских районах в это время фиксируется иной обряд — ингумационный. В погребениях Красномаяцкого некрополя возле Сухуми (ранняя группа погребений VIII—VI вв. до н. э., более поздняя — V—II вв. до н. э.) умершего укладывали в грунтовую могилу, овальную в плане, на дне ее насыпали мелкую морскую гальку. Большинство костяков находится в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на запад или северо-запад. На рубеже VI—V вв. до н. э. скорченные погребения заменяются вытянутыми на спине. В V в. до н. э. исчезает из практики галечная подстилка. Некоторое время два метода укладки погребенных сосуществуют. Погребальный инвентарь не отличается богатством и разнообразием (Трапш М. М., 1969, с. 78 сл.; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 46 и сл.).

В V—IV вв. до н. э. среди рядового населения Колхиды распространился обряд грунтовых погребений с немногочисленным инвентарем (один или два глиняных сосуда, бронзовые украшения, железные мотыги). Однако встречаются и сравнительно богатые грунтовые погребения с золотыми и серебряными украшениями. Такие погребения, обнаруженные в восточных областях (Сачхере), имеют каменную насыпь. Покойники уложены в скорченном положении головой на запад (Надирадзе Д. Ш., 1975). Старый погребальный обряд коллективных захоронений с кремацией в это время сохраняется только в гор-

ных районах (некрополь Мерхеули) (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 59).

Своеобразные погребальные комплексы V—IV вв. до н. э. выявлены в окрестностях Сухуми (Сухумская гора, Гуадику). Здесь параллельно существуют два метода погребений: ингумация и кремация (Трапш М. М., 1969, с. 47 и сл., 78; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 56 и сл.). Кремация представляет собой частичное трупосожжение до обугливания костей, совершавшееся непосредственно в могильной яме. Ингумация осуществлялась в прямоугольных грунтовых ямах, ориентированных по линии запад—восток, погребенный укладывался на спину, головой на запад. Погребальный инвентарь — обычный (керамика, украшения, иногда орудия труда и оружие). Высказывалось предположение, что трупоположения характерны для мужчин, а кремация — для женщин (Лордкипанидзе Г. А., 1979, с. 52). Данный тип кремационных погребений фиксируется и в некоторых районах горной Колхиды, в частности в Брильском могильнике (Гобеджишвили Г. Ф., 1959, с. 111).

Некрополь греческого населения обнаружен в Кобулети-Пичвнари. Большинство погребений — ингумационные с ориентировкой на восток. Сохранившиеся в некоторых погребениях крупные железные гвозди указывают, что покойников хоронили в деревянных гробах, представлявших собой скорее всего прямоугольные ящики, сколоченные гвоздями. Засвидетельствованы и случаи кремации. Около некоторых погребений сохранились площадки для тризны. В погребальный инвентарь, как правило, входят греческие бронзовые зеркала, киафы, сита, стригели, ойнохои, серебряные чаши, золотые и серебряные украшения, монеты («кизикины», пантикапейские, нимфейские), керамика (фасосские, хиосские амфоры, аттическая расписная) (Кахидзе А. Ю., 1975). Этот некрополь функционировал с середины V в. до н. э. до конца IV в. до н. э.

Исследование некрополей дает основной материал для решения проблемы развития имущественной дифференциации и появления социальных различий среди населения Колхиды. Если в ранних некрополях никакой разницы в количестве и качестве погребального инвентаря в погребениях не наблюдается, то в дальнейшем эти различия становятся очень явственными. Так, на Красномаяцком некрополе после V в. до н. э. впервые встречены погребения почти без инвентаря или совсем без инвентаря (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 50). В местном некрополе Пичвнари примерно 1/4 погребенных лишены сопровождающих вещей (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 37). Одновременно появляются могилы с инвентарем, количество и качество которого резко превышает обычный уровень. Некоторые из таких погребений несут уже отдельные элементы кочевнических традиций; рядом с покойным захоронена лошадь, что указывает, видимо, на особый социальный статус погребенного (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 48). Характерной чертой является также наличие греческих вещей только в сравнительно богатых погребениях (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 51). Кроме того, в середине I тысячелетия до н. э. впервые встречаются могилы, которые, видимо, можно истолковать как погребение насильственно умерщвленного раба или рабыни.

Но особенно показательны для исследования процессов социальной дифференциации захоронения самого высшего слоя общества — знати. Они резко отличаются от погребений рядовых членов общества как по устройству могил, так и по составу погребального инвентаря. Богатые захоронения в Вани — одном из наиболее важных политических и экономических центров Колхиды — представляют собой большие деревянные саркофаги (возможно, имитирующие земное жилище), помещенные в вырубленные в скальном грунте камеры и перекрытые булыжной насыпью. Погребальный инвентарь состоит из множества золотых и серебряных украшений — диадемы, височные украшения и серьги, несколько ожерелий, браслеты и т. д., разнообразной утвари — серебряные и глиняные сосуды, разноцветные стеклянные флаконы для благовоний, огромные бронзовые котлы для пищи (в виде туши различных животных и дичи) и т. д. (Вани I, 1972). Характерным для Вани является и обряд конских захоронений.

Наконец, необходимо отметить, что с IV в. до н. э. в Колхиде начинает распространяться кувшинный обряд захоронений, широко представленный в последующую эпоху (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 84).

Культовые предметы и сооружения. Выше уже отмечалось общественное сооружение в Вани, видимо, предназначенное для совершения религиозных церемоний. Возможно, что остатки храма засвидетельствованы в с. Саирхе близ Сачхере, где, согласно предположениям исследований, находился центр самой восточной скептухии Колхиды (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 130). В одной из построек (прямоугольная в плане, размером 11×10 м) были обнаружены фрагменты известняковой львиной головы, каменного фаллоса и изваяние Ктепса. Считается, что данное сооружение представляет собой святилище, посвященное богам плодородия. С подобным же комплексом религиозных представлений связаны и бронзовые фигурки итифаллического характера, часто встречаемые в погребениях. Этот обычай появился в Колхиде еще в эпоху поздней бронзы — раннего железа (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 131). С религиозной символикой связаны и изображения орлов, часто присутствующие в прикладном искусстве колхов. Греческими влияниями, видимо, определяется появление в могилах монет — имитация греческого «обола Харона» (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 132).

Предметы искусства. Своеобразие положения Колхиды, соприкасавшейся с греческим миром, способствовало проникновению сюда произведений чисто греческого искусства, в первую очередь расписной керамики. Некоторые ее образцы представляют собой высокохудожественные произведения греческой вазописи. Видимо, лучшим образцом является известный краснофигурный кратер из некрополя в Пичвнари, датируемый 460—450 гг. до н. э. (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 8, рис. 4). Прекрасным образцом греческой скульптуры можно назвать рельеф, обнаруженный в море около Сухуми, датируемый 430—420 гг. до н. э. (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 139). В ходе раскопок найдено значительное число произведений греческого прикладного искусства (главным образом аттического производства): серебряные сосуды, перстни и т. п.

Характер местного искусства ярче всего, как мы говорили, отразился в ювелирном деле, для которого характерны не только очень высокое техническое мастерство, но и сознательное «сплетение» воедино древневосточных традиций и веяний, пришедших из ахеменидского искусства, и позднеархаических греческих.

* * *

Археологические материалы (в сочетании с данными письменных источников) позволяют считать, что на территории Колхиды уже с VI в. до н. э. формируются классовое общество и государство (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 137). Длительный процесс предшествующего развития привел в начале I тысячелетия до н. э. к бурному подъему экономики, связанному в первую очередь с освоением железа. Колхида в это время стала одним из важнейших центров металлургии, что послужило основой всех тех изменений в структуре общества, которые (с различной степенью полноты) фиксируются археологическими данными: становление специализированного ремесла, развитие обмена, технический подъем сельского хозяйства, рождение города, появление и развитие имущественной и социальной дифференциации. Видимо, контакт с греческим миром явился одним из стимулов, ускоривших прогресс древнего общества Колхиды, хотя причины прогресса, бесспорно, были заложены в самой природе этого общества. В описываемую эпоху в Колхиде развивалась и самобытная местная культура, теснейшим образом связанная с традициями предшествующего времени.

Глава вторая
Южное Закавказье

Урарту

Источники. Важнейшее место среди письменных источников по истории государства Урарту занимают ассирийские (летописи, письма-донесения, так называемые «реляции богу»). Летописные сообщения иногда иллюстрируются рельефами, изображающими описываемые события (например, взятие и разграбление важнейшего культового центра Урарту Мусасира ассирийцами). На основе этих источников создается внешнеполитическая канва урартской истории (Дьяконов И. М., 1951). Важную роль играют и собственно урартские тексты — иероглифические и клинописные. Урартское иероглифическое письмо имело ограниченное распространение и охватывало только хозяйственную и культурную сферы. Уже с IX в. до н. э. на смену ему пришла клинопись, заимствованная у ассирийцев (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 28). Урартские надписи (Меликишвили Г. А., 1960) крайне однообразны. В большинстве случаев это краткие сообщения о победах, но иногда пространно описывается военная добыча (летописи царей Аргишти и Сардури). Значительную часть надписей составляют строительные, наименьшую — религиозные. Понимание надписей затрудняется еще недостаточной изученностью урартского языка. Особенно важны для исследования хозяйственных отношений, существовавших в Урарту, клинописные глиняные таблички — документы хозяйственной отчетности и письма. К сожалению, до сего времени их найдено очень немного (Дьяконов И. М., 1963).

Важнейшим источником являются археологические материалы (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 34 и сл.). Археологические работы проводились как в северных районах государства Урарту (на территории советской Армении), так и в центральных частях его. Среди зарубежных археологических работ важны раскопки в Топрахкале (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 18 сл.), исследования населенных пунктов вокруг оз. Ван, осуществленные в последние годы (Клайс В., 1978; Nylander C., 1966), раскопки в Алтындепе и ряде других пунктов (Bilgic E., Ögün B., 1964; Burney Ch., 1966; Kleiss W., 1976; Kroll St., 1976а,б; Özgüc T., 1966, 1969). На территории советской Армении особое значение имеют раскопки Кармир-блура (Тейшебаини) (Пиотровский Б. Б., 1950; 1952; 1955а; Мартиросян А. А., 1961), Аринберда (Эребуни) (Оганесян К. Л., 1964; 1973; Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979) и Аргиштихинили (Кафадарян К. К., 1975; Мартиросян А. А., 1974), Армавира (Тирацян Г. А., 1978в). К сожалению, все эти раскопки представляют собой исследования городских центров; сельские поселения Урарту до сего времени практически не изучались (рис. 2).

Поселения (классификация, топография, планировка) (табл. V). Время существования государства Урарту — это начало процесса урбанизации в закавказском регионе. Становление классового общества и государства имело своим естественным результатом сложенке города как особого социального организма и особого типа поселения. Уже в IX в. до н. э. был построен город Тушпа-Ван, ставший столицей Урарту. К началу VIII в. до н. э. относится появление городов Эребуни и Аргиштихинили. Позднее они пришли в упадок, но родились новые, к которым и перешла ведущая роль в государстве в VII в. до н. э. (Тейшебаини, Русахинили). На рубеже VII—VI вв. до н. э. падение государства Урарту привело к полному уничтожению этих городов, в то время как возникшие ранее пострадали меньше (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 88, 92).

Археологические материалы и письменные источники позволяют выявить различные типы поселений. Ведущим являлся город, вероятно, можно говорить в двух его вариантах: 1) административно-хозяйственный центр (к этому варианту относятся практически все археологически обследованные города); 2) религиозный центр (видимо, Мусасир). Кроме того, известны государственные крепости и (только по письменным источникам) сельские поселения.

Цари Урарту проводили сознательную политику урбанизации, и, соответственно, планировка значительной части городов была заранее выработана. В частности, детально выявлен план урартского города около Зернакитепе: система пересекающихся под прямым углом улиц делит территорию города на практически квадратные (сторона 32—35 м) блоки, занятые жилыми массивами (Nylander C., 1966, рис. 1, с. 146). Видимо, прямоугольная система планировки существовала и в Тейшебаини, где выявлены главная городская артерия (ширина 6 м) и переулки, пересекающие ее (Мартиросян А. А., 1961, с. 106). Здесь же узловые точки плана города фиксировались на местности большими базальтовыми камнями.

Территория городов обычно достаточно велика — от 30 до 200 га (Аргиштихинили 400—500 га). Они, как правило, создавались у подножия высоких холмов, вершины которых занимали цитадели. Иногда города имели две цитадели, например Тушпа-Ван (на Ванской скале и на Топрахкале), Аргиштихинили (на Армавирском холме и на холме св. Давида). Цитадели опоясывали мощные стены, внутри которых располагались дворцы, храмы, казармы, хозяйственно-складские сооружения. Иногда на одном холме имелось несколько укреплений. Например, город Русахинили возник рядом с Бастамским холмом,

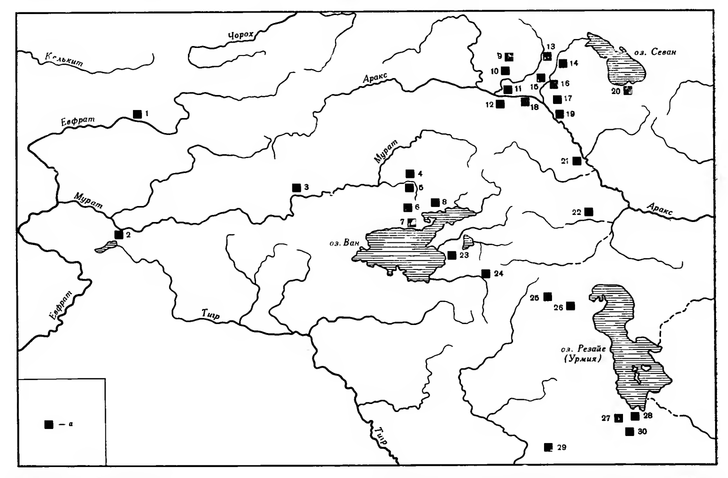


Рис. 2. Памятники Урарту

1 — Алтынтепе; *2* — Нортунтепе; *3* — Кайалыдере; *4* — Баднод; *5* — Азнавуртепе; *6* — Кеф-Калеси; *7* — Арцке (Адылджеваз); *8* — Зернакитепе; *9* — Ошакан; *10* — Мецамор; *11* — Аргиштихинили; *12* — Игдир; *13* — Покраван (Доври); *14* — Абовян (Элар); *15* — Тейшебаини; *16* — Эребуни; *17* — Джраовит; *18* — Менуахинили; *19* — Хор-Вираб; *20* — Цовинар; *21* — Верахрам; *22* — Русахинили (Бастам); *23* — Тушпа (Ван, Топрахкале); *24* — Айкаберд (Чавуштепе); *25* — Гиймли; *26* — Хавтафантепе; *27* — Калаттах; *28* — Хасанлу; *29* — Муджесир (Мусасир); *30* — Аграбтепе; а — поселение. Карту составил Г. А. Тирацян

на котором находились три крепостных сооружения (Клайс В., 1978). Иногда застройка цитадели представляла собой единый архитектурный комплекс, например цитадель Тейшебаини (площадь около 4 га) состояла из 150 помещений, связанных воедино.

Если цитадели урартских городов археологически изучены подробно (Эребуни, Аргиштихинили, Тейшебаини), то собственно городские поселения исследованы еще недостаточно. Строители городов стремились к тому, чтобы границы городской застройки совпадали с естественными препятствиями (река, отвесные склоны холмов, косогоры), затрудняющими доступ врагам (Оганесян К. Л., 1968, с. 15—17). Например, Зернакитепе располагался на холме с крутыми склонами (Nylander C., 1966, с. 142—145). Города, как правило, защищались стенами, которые прерывались только в местах, абсолютно недоступных для неприятеля. Цитадель города чаще всего включается в систему городских укреплений (Тейшебаини, Аргиштихинили). В Тейшебаини можно предполагать наличие оборонительных стен и внутри города: они делили его территорию на несколько изолированных районов, что облегчало оборону (Мартиросян А. А., 1981, с. 106). Иногда город разрастался и занимал территорию за городскими стенами. «Внешний город» по площади обычно намного превосходил «внутренний» (например, в Тейшебаини соотношение: 50 га к 600—800 га), хотя застройка его была много более разреженной (Мартиросян А. А., 1974, с. 44). В ряде мест (Аринберд, Кайалыдере) обнаружены остатки водопроводов, в Аргиштихинили найдены водохранилище и система каналов, снабжавших город и его окрестности водой.

Из числа урартских крепостей (табл. VI) более всего известны Айкаберд (Чавуштепе) и Алекберд — обе возле оз. Ван. Крепость айкаберд занимала довольно значительную площадь, обнесенную стеной. Алекберд располагалась на прибрежном утесе с крутыми и отвесными склонами со всех сторон; доступ в нее имелся только со стороны озера, проход был вырублен в скале над самой водой (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 197).

Фортификация. В сложении принципов урартской фортификации участвовали как местные традиции эпохи бронзы, так и иноземные влияния, пришедшие из Месопотамии и Малой Азии.

Городские укрепления обычно располагались вдоль естественных препятствий, служивших природными рубежами городской территории. Вместе с тем для отдельных отрезков стен характерна строгая прямолинейность форм. Оборонительные системы

состояли из одной, чаще двух, а иногда и трех линий крепостных стен. Цитадель являлась последним опорным пунктом в системе городской обороны. Иногда сама цитадель делилась внутри стенами на отдельные участки: если противнику удавалось овладеть одним из них, в других могло продолжаться сопротивление. Так, западная цитадель Аргиштихинили состояла из трех частей.

Городские стены толщиной обычно 3,5—4 м, были снабжены контрфорсами и массивными выступающими квадратными башнями. Стены чаще всего имели комбинированную конструкцию: нижняя часть — из камня, верхняя — из сырцового кирпича. Проблема защиты ворот разрешалась двумя способами. В одном случае вход фланкировался двумя мощными контрфорсами или башнями (Тейшебаини), в другом он располагался перпендикулярно основной линии оборонительных сооружений, т. е. под прикрытием крепостной стены, в результате чего подход к воротам проходил вдоль стен (Аргиштихинили) (Кафадарян К. К., 1975, с. 15—16, 30).

Застройка (дворцы, храмы, бытовые постройки и т. д.) (табл. VII). В настоящее время изучена только архитектура городов, сельские жилища и здания общественного назначения, расположенные в сельской местности, практически не известны.

Урартские дворцы имели различные планировочные решения. Выделяются два типа. Основу композиции дворца в Эребуни составляют два двора, вокруг которых находятся помещения различного назначения. Один из дворов — перистильный, и вокруг него сгруппированы все важнейшие помещения дворца (дворцовый храм Суси; зал, украшенный настенной росписью; хозяйственные помещения) (Оганесян К. Л., 1968). Ядром во дворцах второго типа являются колонные залы. Дворцовый комплекс западной цитадели Аргиштихинили (одновременный с дворцом Эребуни) делится на две части: парадно-жилую и хозяйственную. Ядром парадной части является большой колонный зал (два ряда по десять колонн). Во дворце в Русахинили (Бастам) важнейшее место также занимает колонный зал (два ряда по семь колонн) (Kleiss W., 1976, рис. 20). Во дворцах позднеурартского времени наблюдается увеличение рядов колонн в центральных помещениях: Алтынтепе — три ряда по шесть колонн; Аргиштихинили (восточная цитадель) — три или более рядов примерно по семь колонн. Дворцы, вполне вероятно, могли быть двухэтажными. Предполагается, что в Тейшебаини центральная часть дворца была двухэтажной, боковые — одноэтажными. На втором этаже, по предположению исследователей, находились жилые покои и помещения сакрального характера (Мартиросян А. А., 1961, с. 91). На территории цитаделей (как важный элемент комплекса дворца) обычно имелись кладовые, в которых находились вкопанные в землю большие сосуды (карасы), предназначавшиеся для хранения вина, зерна и т. п. Подобные помещения очень вместительны. По подсчетам исследователей, например, в девяти складах Тейшебаини могло храниться до 500 тыс. литров вина (Мартиросян А. А., 1961, с. 91).

Типологическая классификация урартских храмов пока носит только предварительный характер. К первому типу относится храм бога Халди в Эребуни. Он состоит из основного продолговатого зала с портиком перед ним и двух квадратных боковых помещений (одно из них башенное). Этот тип близок к встречающимся в хурри-митаннийском мире сооружениям, называемым бит-хилани. Второй тип (Топрахкале, Алтынтепе, Кайалыдере, Патноц, Айкаберд и т. д.) представляет собой квадратное в плане однокомнатное здание (возведенное на платформе) с угловыми выступами и шатрообразным перекрытием. Третий тип — прямоугольное, сравнительно небольшое помещение, включенное в общий дворцовый комплекс (храм Суси в Эребуни). Возможно, что четвертый тип (еще не выявленный раскопками) представлен на ассирийском рельефе, изображающем взятие Мусасира. Для него характерны высокий подиум, двускатная крыша, фронтон и колонны вдоль фасада. Правда, высказывалось предположение, что на этом рельефе изображен храм второго типа.

Раскопками недавнего времени выявлено большое разнообразие типов жилищ Урарту. Основные принципы типологии определяются социальным и имущественным положением их владельцев. Большая группа домов-особняков, видимо, принадлежавших свободным, полноправным, ведущим свое хозяйство жителям города, открыта в Аргиштихинили (Мартиросян А. А., 1974, с. 104 и сл.). Наружные стены этих домов сложены из крупных базальтовых блоков (внизу) и сырцового кирпича (вверху). Довольно часто используются контрфорсы. Внутренние перегородки выполнены из мелких камней и кирпича. Стены изнутри оштукатурены глиной. Дома этого типа состояли из большого числа помещений (до 20), общая площадь — до 700 кв. м. Ядром дома служил большой квадратный или прямоугольный зал (площадь 70—80 кв. м). В центре него (между двумя колоннами) находились очаг, специальное место для сакральных церемоний и, выложенные из камня скамьи. Вокруг располагались жилые помещения, кухни, склады, хозяйственные помещения. Удалось выявить, что в некоторых из этих домов имелись помещения для содержания 30—40 голов мелкого рогатого скота, склады для хранения не менее 12—13 тыс. литров вина и т. д. Зафиксированы археологические свидетельства занятий жителей этих домов и ремеслом (гончарное, металлообработка и т. д.). Считается, что каждый такой дом был занят большесемейной общиной (не менее трех поколений), ведущей самостоятельное общее хозяйство. Центральный зал являлся местом собраний общины. Вместе с тем потребление — уже раздельное, о чем говорит наличие нескольких кухонь в каждом из домов. Близкие по характеру дома найдены и при раскопках в Тейшебаини. К их числу принадлежит так называемый «дом знатного урарта» (Мартиросян А. А., 1961, с. 111 и сл.). Он также характеризуется наличием большого центрального зала, сочетанием в едином комплексе жилых хозяйственных и складских помещений. Отличие его от упомянутых выше особняков Аргиштихинили заключается в том, что в нем при достаточно больших размерах (площадь около 400 кв. м) жила, видимо, малая семья.

Место обитания военно-административной вер-

хушки г. Тейшебаини был, вероятно, большой дом, расположенный в юго-западной части города (Мартиросян А. А., 1964, с. 260 и сл.). Здание занимало площадь более 2 тыс. кв. м (62×33 м) и находилось на небольшом холме. Важнейшие капитальные стены имели фундаменты и были выполнены из очень аккуратно отесанных блоков базальта (на глиняном растворе с примесью щебня и гальки). Верхняя часть стен выложена из сырцового кирпича, углы укреплены миниатюрными башенками, а стены — контрфорсами. Все здание было разделено на четыре идентичные по устройству «секции», вход в которые находился с восточной стороны. Каждая из секций состояла из десяти помещений различного размера (500 кв. м каждая). Характерная особенность устройства этого дома — наличие в каждой из секций четырехколонного зала. В раскопанных помещениях не обнаружено никаких следов хозяйственной деятельности, в то же самое время имелись очень значительные по размерам складские помещения — кладовые, что является показателем высокого уровня благосостояния обитателей этих домов-секций.

Дома жителей, имевших более низкий социальный статус и имущественное положение, найдены как в Тейшебаини, так и в Аргиштихинили. В первом, в частности, выявлена специфическая группа домов, занимавших два обследованных квартала. Каждое жилище состояло из трех помещений, одно из которых — главное. Здесь располагались глиняные тондыры, каменные очаги и разнообразная утварь. Отсутствие помещений для скота и хранения сельскохозяйственных продуктов привело исследователей к выводу о том, что в этих домах обитали люди, не ведшие собственного хозяйства, а жившие на государственном довольствии — вероятно, воины, охранявшие цитадель (Мартиросян А. А., 1961, с. 108; Сорокин В. С., 1952, с. 128). Близкую картину мы наблюдаем в Аргиштихинили (Мартиросян А. А., 1974, с. 90 и сл.), где по всем сторонам центрального двора цитадели были построены абсолютно стандартные помещения (4,85×4 м). Жившие здесь люди (видимо, воины гарнизона) также снабжались государством, но их ранг был ниже, чем у воинов Тейшебаини, поскольку каждый имел только одну комнату.

Наконец, дома самых низких категорий населения обследовались в Аргиштихинили. Они имеют простейшую планировку (одна комната с отгороженной стеной маленькой кладовой) и «прилеплены» к контурам больших архитектурных объемов. Их тонкие стены построены из мелкой гальки и булыжника (в нижней части) и мелкого нестандартного сырцового кирпича (в верхней). Во всех этих домах ярко выражены следы производственной деятельности (гончарные круги, грузила от ткацких станков, костяные орудия ткачей, обломки железных серпов, ножей, крючьев).

Можно полагать, что данная категория населения также жила за счет довольствия, выдаваемого государством. Крайне показательным является и место расположения этих жилищ — на территории цитадели, у подножия второй стены (Мартиросян А. А., 1975, с. 93 и сл.).

Особое место в архитектуре Урарту занимают пещерные сооружения. Как правило, перед пещерой была выровнена обширная площадка, к которой вела выбитая в скале лестница. Фасад пещеры тщательно сглаживался и имел уступчатый карниз. Дверь вела в высеченный в скале большой зал, к которому примыкали другие помещения. Комнаты имели плоские потолки или сводо- и куполоподобное перекрытие, ниша часто заканчивалась аркой, встречаются также скамьи и т. п. (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 207 и сл.; Kleiss W., 1976, рис. 6, *32*). Некоторые из таких искусственных пещер могли служить культовым целям, другие — погребальным.

Строительная техника. На территории Урарту строительство чаще всего начиналось с выравнивания скального грунта. Часто, особенно при создании цитаделей, скала обрабатывалась в виде уступов, уровни полов различных помещений не совпадали, сами же помещения соединялись лестницами. «Террасное» расположение сооружений приводило к необходимости строительства подпорных стен. Особенности грунта, как правило, делали ненужными фундаменты: стены возводились непосредственно на скале. При строительстве некоторых сооружений особого назначения (например, храм бога Халди в Топрахкале) создавались искусственные платформы (из камня или кирпича-сырца).

Использовались различные виды кладки — применяли глиняный связующий раствор или клали «насухо». Рядовые постройки (например, дома) возводили из грубо оббитого базальта и туфа местных пород. Только наиболее ответственные детали (дверные проемы, подпятники, опорные столбы, базы) в домах состоятельных жителей выполняли из тщательно отесанного туфа (Мартиросян А. А., 1961, с. 111). При строительстве монументальных сооружений камень обрабатывали обычно очень тщательно. Известны кладки «циклопического» характера (например, крепость Цовинар), чаще, однако, использовались либо «рустованные» блоки, либо тщательно отесанные со всех сторон блоки одной высоты (хотя и разной ширины). При строительстве городских стен, как правило, оба фаса выкладывали из таких именно блоков, а пространство между ними заполняли бутом. Нижняя часть стен (на высоту 3—4 м) выкладывалась из камня, верхняя — из сырца. Иногда такая комбинированная кладка использовалась и в других сооружениях, в частности в жилых домах. Толщина городских стен обычно от 2 до 5 м, толщина стен в жилых домах 0,7—1 м (в Зернакитепе до 1,2 м), во дворцах 2—3,5 м. Обычная высота стен домов до 3—4 м.

Использовались сырцовые кирпичи различных размеров. В Тейшебаини они были двух видов: прямоугольные (51,8×35×14 см) и квадратные (51,8×51,8×14 см). В Эребуни — иной стандарт (47,4 см). Наиболее употребительными являлись кирпичи прямоугольной формы, но для перевязки швов в ряд прямоугольных кирпичей в разной последовательности укладывались квадратные (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 205).

Достаточно широко использовалось в строительстве дерево. Из дерева делали обычно перекрытия, как правило, плоские (хотя иногда встречались и сводчатые — коробовые, выложенные из кирпича).

Существовало два типа перекрытий: 1) потолок состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга; поверх них укладывались: слой камыша, затем сучья и второй слой камыша, наконец — плотно утрамбованная земля; 2) основу потолка составляла клетка из поперечных балок и продольных жердей, через которые был виден нижний слой камыша (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 207). Значительное число длинных и узких помещений в урартских дворцах объясняется тем, что они удобны для перекрытия короткими балками (Мартиросян А. А., 1961, с. 91). В тех случаях, когда нужно было перекрыть большие пространства, использовались пилоны, сложенные из сырцового кирпича, или деревянные колонны. Иногда применялись пилоны из хорошо отесанных базальтовых блоков (например, Адылджеваз) (Bilgic E., Ögün B., 1964, табл. XV—XVI), имевших башнеобразную форму. Подобного рода башенки, возможно, могли служить и декоративным целям, украшая верхнюю линию стен помещения (Пиотровский Б. Б., 1962, табл. 10). Иногда в зданиях общественного назначения по краю крыши шли зубчатые парапеты.

Глухие поверхности стен (особенно в зданиях монументального характера) стремились оживить контрфорсами. Для этой цели использовали камни разного цвета. Храм на Топрахкале был сложен из крупных хорошо отесанных блоков светлого и темно-серого камня, чередовавшихся в шахматном порядке (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 96). Употребляли и каменные плиты с декоративными глухими окнами (встречены в Аргиштихинили, Топрахкале и Айкаберде (Тирацян Г. А., 1978в, с. 109). В одном из зданий Топрахкале каменная инкрустация использовалась для украшения пола (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 202). Иногда стены зданий (особенно, видимо, храмов) декорировались круглыми металлическими щитами. Интерьер некоторых дворцовых и храмовых помещений был украшен живописью.

Заслуживают внимания дренажные системы урартских крепостей. Водоотводные устройства представлены как наземными каналами, так и вырубленными в скале желобами, выходящими наружу из-под оборонительных стен (Тирацян Г. А., 1978а; Kleiss W., 1976, рис. 3).

Хозяйство. Основой экономики Урарту было сельское хозяйство. Об уровне его развития и характере свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 133 и сл.). Политика царей Урарту была направлена на хозяйственное освоение принадлежащих им территорий, и важную роль в этом играло ирригационное строительство. Остатки каналов, плотин, искусственных водохранилищ зафиксированы в большом числе мест (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 138 и сл.). Некоторые из них (например, так называемый «канал царицы Шамирам» возле Тушпы) функционируют до настоящего времени (Lehmann-Haupt C. F., 1931, с. 95). Сложность проведения каналов определялась здесь гористым характером местности, поэтому необходимо было пробивать их в скальном грунте и перебрасывать через ущелья. В таких случаях создавали настоящие акведуки, проходившие по верху мощных подпорных стен или деревянных мостов. Ширина «канала царицы Шамирам» 4,5 м, глубина 1,5 м, скорость движения воды 3 м/сек. Имеются отводы, подававшие воду из магистрального канала на поля.

Археологические находки показали, что важную роль в сельском хозяйстве играли различные виды зерновых (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 134; Мартиросян А. А., 1964, с. 256; 1974, с. 136; Туманян М. Г., 1944; 1948; Якубцинер М. М., 1956; Бахтеев Ф. К., 1956; Гулакян В. О., 1966). Наиболее распространенными культурами были мягкая пшеница и многорядный ячмень разных сортов, происходившие от аборигенных форм этих злаков. Исследователями отмечается чистота и однородность зерна, отсутствие семян сорняков. Особо указывалось, что среди находок встречается пшеница одного из лучших сортов — кармраат. Сеяли также просо, сорго, кунжут, горох, рожь, конские бобы, чечевицу, нут. По подсчетам археологов, в амбарах дворца Тейшебаини хранилось 750 т пшеницы (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 40—41), в Аргиштихинили — не менее 5 тыс. т (Мартиросян А. А., 1974, с. 138).

По письменным источникам известно о садоводстве в Урарту. Археологические материалы позволяют уточнить и расширить наши представления о нем (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 142 и сл.; Мартиросян А. А., 1964, с. 256; 1974, с. 136). Найдены остатки яблок, груш, алычи, айвы, вишен, персиков, гранатов. Из бахчевых был известен арбуз. Очень большое место в экономике занимало виноградарство. Археологические материалы свидетельствуют о разнообразии сортов винограда, возделывавшихся в Урарту: воскеат (харджи), мсхали, арарати (хачабаш), кишмиш (назели, еревани), а также некоторых сортов черного винограда. На одном деревянном блюде в Кармир-блуре найдены остатки изюма из сорта типа кишмиш. Изюм этот хранился в прессованном виде (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 143).

Значительной была и роль скотоводства (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 147; Даль С. К., 1952). Разводили крупный рогатый скот, овец двух видов (один — мериносы), коз, свиней. Письменные источники показывают, что количество мелкого рогатого скота значительно превосходило крупный. В литературе отмечается (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 149), что время военных походов в значительной мере определялось особенностями скотоводства. Поскольку скотоводство было полукочевым (яйлажным), а походы совершались ради захвата людей и скота, то они осуществлялись либо весной (когда скот еще не ушел на горные пастбища), либо осенью (когда он вернулся). Мясо, видимо, играло очень важную роль в рационе урартов. Они разводили и домашнюю птицу (кур и водоплавающих).

Наиболее распространенным домашним животным была лошадь (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 151). Остеологические материалы позволили восстановить облик одной из пород урартских лошадей (Даль С. К., 1947). Как вьючный скот использовались ослы (Бурчак-Абрамович Н., 1948) и верблюды (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 147), земля вспахивалась волами.

При археологических раскопках найдены остатки муки. Практически во всех жилищах (около очагов) обнаружены зернотерки и ступки из пористого базальта. Зернотерки состояли из двух одинаковых (или различных) камней овальной формы с плоской

рабочей стороной. Иногда нижний камень достигал значительных размеров и был прямоугольной формы. Каменные ступки служили для рушения зерна перед растиранием на зернотерках (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 142).

Хлеб пекли на очагах (типа тондыров), или вкопанных в землю, или возвышающихся над полом. Иногда использовались глиняные плоские жаровни с высокими бортами. При раскопках были найдены остатки хлеба, выпеченного из просяной муки крупного помола, лепешки из непромолотого зерна проса и пшенная каша. Из проса и ячменя изготовляли пиво. В Кармир-блуре обнаружены специальные сосуды для его производства (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 136—137), а также чан для вымачивания ячменя. Здесь же найдена мастерская по изготовлению кунжутного масла (Касабян З., 1957; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 137). Она занимала три помещения в цитадели. В специальной каменной ванне кунжутное зерно вымачивали, затем подсушивали и очищали от шелухи в ступках. Давили зерно с помощью деревянного пресса, полученное масло хранили в бурдюках. Хотя виноделие играло важную роль в хозяйстве, о приготовлении вина в Урарту практически ничего не известно (Пиотровский Б. Б., Джанполадян Р. М., 1956). Из молока приготавливали масло и сыр (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 150). Были обнаружены крупные «маслобойки» — сосуды с одной горизонтальной ручкой для раскачивания и отверстием (для заливки молока) в верхней части боковой стенки. Известны также и приспособления для изготовления сыра: крупные воронки из туфа (диаметром около 1 м), установленные на деревянных конструкциях над плоским каменным чаном с желобом. Важную роль играло использование и шерсти скота.

Высокоразвитое ремесло также представляло собой важнейшую отрасль хозяйства Урарту. Особое значение имели металлургия и металлообработка. По мнению ряда исследователей, Урарту было одним из тех центров, где раньше всего освоили железо (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 161). Развитие железной металлургии и металлообработки, широкое распространение железных орудий труда и оружия оказывали решающее воздействие на все области экономики Урарту. Здесь широко использовались в производстве и военном деле бронзовые орудия труда и оружие.

Урартская металлургия была обеспечена богатыми местными источниками сырья — железа, меди, золота, свинца, олова и т. д. О высоком уровне развития металлургии и широких масштабах производства металлов свидетельствуют и ассирийские хроники, рассказывающие о захвате большого количества различных металлов и изделий из них при взятии урартских городов. Кроме того, не подлежит сомнению, что урартская техника обработки металла оказывала воздействие на металлообработку различных народов (в том числе и отдаленных).

К сожалению, еще не обнаружены урартские рудники. Мастерская по производству металлических изделий известна только одна — в Аргиштихинили (Мартиросян А. А., 1974, с. 95—99, 150—157), хотя каменные и глиняные тигли находились и в других местах, например в Эребуни, что заставляет думать о существовании и там металлообрабатывающих мастерских (Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 103). Значительный материал для понимания характера ремесла могут дать сами предметы, произведенные в урартских мастерских (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 161 и сл.).

Мастерская в Аргиштихинили (так называемый дом бронзолитейщика-кузнеца) относится к концу VIII в. до н. э. Ее характеризуют несколько важных особенностей: 1) она не входила в состав царского или храмового хозяйства, а являлась частным предприятием, обслуживавшим нужды рядового населения города; 2) в ней сосредоточивались все стадии обработки металла, кроме первичной (производимой, видимо, непосредственно у рудников); 3) в мастерской работали как с бронзой, так и с железом; 4) для нее характерен очень широкий ассортимент производимой продукции: она удовлетворяла практически все нужды в обычных металлических предметах, необходимых в быту и хозяйстве рядового населения города; 5) археологические материалы говорят об успешной деятельности мастерской, свидетельством чего является постепенное расширение территории, занятой ею.

Руда, видимо, поступала из Кагызманских или Кульпских рудников, расположенных в 30—40 км от Аргиштихинили. В состав мастерской входило устройство для обогащения руды путем измельчения и промывки (Мартиросян А. А., 1974, с. 97—98). Оно включало «ванночку» (длина 2,27, ширина 1,27 м), состоящую из шести плотно пригнанных туфовых плит и имеющую выступающие прямые борта. «Ванночка» располагалась выше уровня пола и имела квадратное отверстие в углу. Под этим отверстием находился туфовый хорошо обработанный камень с углублением и желобом, который связывал «ванну» с другим желобом, устроенным под полом помещения. Желоб шел к очень большому колодцу (диаметр 1,23 м, глубина 2,5 м), обложенному большими базальтовыми камнями на глиняном растворе. В этом же помещении находились огромные куски металлического шлака.

В других помещениях обнаружены: сильно спекшееся кирпичное основание металлургического горна с большим количеством остатков угля, золы, фрагментов сильно обожженных крупных сосудов, тиглей; большой карас с мелким песком, применяемым в литейном деле; тигель, металлические шлаки; металлические формочки для литья, железные крицы. Судя по находкам, в этой мастерской производились бронзовые котелки, клинья различных размеров, шилья, булавки, фибулы, простые диадемы из листовой бронзы, полусферические бляхи, колечки, браслеты, молоты, молотки, тесла, лопаты, мотыги, тяпки, серпы, ножи, железные наконечники копий, бронзовые и железные стрелы, мечи и кинжалы (Мартиросян А. А., 1974, с. 150).

Плавильная печь была сделана из глины. Она имела цилиндрическую форму, отверстия в донной части для поступления воздуха и выхода расплавленного металла. Анализ остатков шлаков показал, что при плавке использовались различные виды флюсов. Видимо, можно полагать, что урартские мастера умели изготавливать несколько сортов железа и бронзы — в зависимости от того, какие пред-

меты нужно было отлить. Это подтверждается и анализом и самих предметов, и остатков расплавленной бронзы, сохранившейся в тиглях. Из орудий труда, применявшихся в мастерской, особенно важны глиняные тигли и заготовки каменных тиглей из туфа, собственно литейной формы (для бронзовых браслетов, копий, клиньев и т. д.). Найдены также льячки.

Значительный материал для понимания характера металлообработки в Урарту дают произведения искусства, орудия труда и оружие, выполненные в урартских мастерских и найденные при раскопках (табл. VIII). Технический уровень урартского ремесла был очень высок. Урартские бронзовые скульптуры отливались по восковой модели (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 172; 1962, с. 53). После отливки предметы украшали иногда чеканкой, иногда покрывали тонким слоем золота. Способ золочения был очень прост: поверхность предмета обтягивалась тонким золотым листком, края его закреплялись зачеканкой в специально просеченные для этого бороздки (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 174). Широко использовалась ковка, причем предметы изготавливались путем не только одной ковки, но и склепки из прокованных листов (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 180). В частности, известны пластинчатые пояса (с узорами и изображениями), выполненные штампом с последующей гравировкой. Применялась также пайка (например, на некоторые медальоны к серебряной поверхности припаивали золотые фигурки).

Большую роль в хозяйстве Урарту играла обработка камня, которая была необходима при строительстве городов и особенно их цитаделей: выравнивание скалы, заготовка больших блоков для строительства цоколей стен и т. д. Остатки каменоломни найдены в Аргиштихинили (Мартиросян А. А., 1974, с. 159—160). Добыча камня производилась традиционными способами,— путем применения кольев, бревен, воды, железных ломов, клиньев и т. д. Для строительства использовались различные виды камня, особенно базальт и туф. Камень обрабатывали разными способами: грубо оббивали стальными молотами, тесали и даже полировали.

Камень использовался также для изготовления орудий труда и предметов быта: зернотерок, терочников (из пористого базальта), ступ, пестов, молотов, отбойников, лощил. Из туфа часто изготовляли ванны, кормушки для животных, формочки, применяемые в литейном деле, гончарные круги и т. д. Известны (хотя и немного) памятники урартской монументальной каменной скульптуры (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 187). В большом количестве изготовляли каменные (чаще всего из базальта) чаши, но еще больше — бусы различных форм, печати и т. п. (из агатов, сердоликов, оникса и т. д.). Каменные вставки использовались для украшения произведений прикладного и декоративного искусства (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 187). Отметим, что мелкие художественные изделия из камня вообще были широко распространены в Урарту.

Крупные камни обрабатывали железным теслом и бучардой, а мелкие — железным резцом. Резцом же исполняли и клинообразные надписи. Известны были также сверление и полировка.

Видимо, высокого уровня достигла обработка дерева. Хотя дерево плохо сохраняется, все же некоторые находки позволяют представить характер этого вида ремесла. Фрагменты деревянных дверей, найденные в Аргиштихинили и Тейшебаини, состояли из отдельных досок, обстроганных рубанком и соединенных деревянными перемычками, вдетыми в сквозные отверстия досок двумя-тремя поясками (Мартиросян А. А., 1974, с. 165). При раскопках Кармир-блура найдено значительное число деревянных предметов: ложка с крючком для подвешивания, совки, сосудики и чашечки, изготовленные на токарном станке, и части мебели с инкрустацией из руна. Из орудий труда столяра наиболее интересна железная пила (длина 39 см) (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 195).

Можно думать, что высокого уровня достигли также обработка кости, кожевенное дело, прядение и ткачество, плетение корзин, циновок, изготовление всевозможных веревок из растительного волокна. При раскопках были найдены: небольшие статуэтки, выполненные из кости, полуфабрикаты — заготовки из рога оленя, костяные рукоятки ножей, большое количество ткацких грузил, костяные шпильки, гребни, псалии, коробочки, остатки шерстяных тканей и т. д.

Бесспорно, важную роль играло керамическое ремесло. Однако до сего времени на территории Урарту не найдены керамические обжигательные печи, хотя гончарные круги представлены в большом числе. О характере керамического ремесла позволяют судить и сами сосуды, обнаруженные при археологических раскопках (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 189 и сл.; Мартиросян А. А., 1974, с. 143 и сл.). Керамика Урарту очень разнообразна с точки зрения методов изготовления.

Исследование проблем *обмена* затруднено тем обстоятельством, что, как правило, археологические материалы (основной источник для суждения об обмене) не могут указать, каким образом поступили иноземные предметы в Урарту — в результате торгового обмена или, например, как военная добыча. Тем не менее, обилие иноземных вещей (в том числе и из очень отдаленных районов) в Урарту и урартских за пределами страны заставляет думать, что торговые связи Урарту были достаточно активны. В частности, при раскопках обнаружен ряд вещей, поступивших из восточного Средиземноморья (стеклянные изделия с острова Родос, золотые серьги, серебряный кувшин). Некоторые печати (фаянсовые и каменные), бесспорно, происходят из Ассирии (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 77—80; Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 107); иранское происхождение, видимо, имеет каменная коробочка, украшенная рельефным изображением сцены охоты и скульптурной фигуркой лежащего льва; из Египта поступили подвеска, изображающая богиню Сохмет (пастовая с зеленой глазурью), пастовые пронизки-амулеты с иероглифами, амулет, изображающий бога Беса, и т. д. (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 83—85; Ходжаш С. И., 1975). В кладовых Кармир-блура обнаружено значительное число бронзовых скифских наконечников стрел, среди бус в урартских ожерельях встречены типичные скифские пастовые полушаровидные бусы

с рубчиками (характерные как для Северного Кавказа, так и Причерноморья), группа костяных и роговых изделий скифского происхождения (пластинчатые псалии, пряжки в виде головок грифонов и т. д.) (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 241—242). Бесспорно, что среди бус, найденных в Урарту, значительное число — иноземные, но отделить их от собственно урартских сейчас невозможно (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 108). Урартский экспорт, видимо, состоял из металла и металлических изделий, в том числе произведений торевтики. Его присутствие зафиксировано в Малой Азии (в частности, в Гордионе), на ряде островов Эгейского моря (Родос, Самос), в материковой Греции (Дельфы, Олимпия), даже Этрурии (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 83).

Орудия труда. Основные сельскохозяйственные орудия были железными. При раскопках в Топрахкале обнаружены железные лемехи плугов. Они имели вид узкой лопаты и напоминали по форме наконечники мотыг (Lehmann-Haupt C. F., 1931, с. 546—547; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 141). В Тейшебаини найден железный наконечник мотыги (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 141). Известны также остатки железных вил, лопат, серпов (Мартиросян А. А., 1961, с. 97). Однако наряду с железными на всем протяжении урартской истории продолжали употребляться серпы и с каменными вкладышами (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 141). Известны также железные орудия, предназначенные для каменотесных работ,— тяжелые молоты, топоры и т. п. (Мартиросян А. А., 1974, рис. 86; Kleiss W., 1976, рис. 4). Среди других орудий труда, использовавшихся ремесленниками, при раскопках встречены железная пила, тесла, ножи, шилья и т. п. Различные виды камня шли на изготовление ступок, лощил, терочников и отбойников.

Оружие. Конское снаряжение. Оружие и оборонительный доспех урартов могут изучаться на основе как археологических находок, так и изображений (главным образом на ассирийских рельефах).

Основным источником для IX в. до н. э. служат воспроизведения урартских воинов на рельефах Балаватских ворот Салманасара III. Оружие урартов того времени очень близко хеттскому. В VIII в. до н. э. урартское вооружение уподобляется ассирийскому (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 166). Наступательное оружие урартов состояло из копий, боевых топоров, мечей, кинжалов, луков. Копья можно разделить на четыре типа, при этом наконечники первых трех бывают как бронзовыми, так и железными, четвертого — только железными. Первый тип (Есаян С. А., 1966, с. 16—19) — с узким перьевидным наконечником, имеющим ромбовидную в сечении форму и узкую круглую втулку. Наиболее широко распространены подобные копья в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Второй тип (Есаян С. А., 1966, с. 20—22) появляется впервые еще в III тысячелетии до н. э. и существует на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Копья этого типа имеют в основном наконечники листовидной формы (ранние образцы — перьевидные) и круглую полую втулку, которая проходит, как правило, по всей длине наконечника, образуя круглое или плоское ребро и оставляя по краям неширокие голя, являющиеся лезвием наконечника. Наконечники копий третьего типа (Есаян С. А., 1966, с. 22—24) бытуют с X по VI в. до н. э. В сечении они имеют форму приплюснутого ромба, но отличаются от предыдущих наличием четко выраженного срединного ребра, проходящего по всей длине наконечника и сходящего на нет у втулки. Четвертый тип (Есаян С. А., 1966, с. 24—26) — самый немногочисленный. Наконечники этого типа появляются с начала I тысячелетия до н. э. и бытуют до VI в. до н. э. Для них характерна листовидная форма с небольшой (типа раструба) втулкой, они плоские, чуть овальные в сечении, без срединного ребра.

На протяжении III—II тысячелетий до н. э. в этом регионе одним из наиболее популярных видов оружия были бронзовые боевые топоры. В IX—VIII вв. до н. э. они полностью вышли из употребления и заменились железными, которые известны по находкам в Кармир-блуре (Есаян С. А., 1966, с. 40 и сл.).

Широко распространенным видом оружия являлись кинжалы. С начала II тысячелетия до конца VIII в. до н. э. наиболее популярными были кинжалы так называемого переднеазиатского типа. Самая характерная особенность кинжалов этого типа — рукояти, имеющие плоскую форму с выступающими бортами для закладки вкладышей (Есаян С. А., 1966, с. 70 и сл.). В начале I тысячелетия до н. э. появляется новый тип (с многочисленными вариантами), который обычно называется севанским и представляет собой небольшие цельноотлитые кинжалы с закругленным или заостренным клинком и язычком для насадки рукояти. В большинстве случаев на клинках сохраняется бронзовая ажурная обойма для закрепления деревянных рукоятей, завершающихся, как правило, ажурным навершием разнообразных форм, отлитым по восковой модели (Есаян С. А., 1966, с. 73 и сл.). Уже в IX—VIII вв. до н. э. кинжалы этого типа перестают делать из бронзы, их начинают изготовлять из железа (Есаян С. А., 1966, с. 76). В VII в. до н. э. появляется новый тип кинжалов, обычно называемый лалварским. Для них характерно очень большое разнообразие клинков, типология которых еще не разработана (Есаян С. А., 1966, с. 47).

Мечи начинают применяться в рассматриваемом регионе со второй половины II тысячелетия до н. э. Первые из найденных здесь мечей — импортные. Однако постепенно развивается и местное производство их. К исследуемому периоду относятся мечи нескольких типов. Возможно, что раннеурартским временем можно датировать железные мечи с бронзовой рукоятью, состоящей из четырехгранного стержня с вильчатым основанием и навершием с волютами. Дальнейшим развитием этого типа являются железные мечи с бронзовыми обоймами на рукояти, придающими им вильчатую форму (Есаян С. А., 1966, с. 83—85). Они были найдены при раскопках Кармир-блура (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 30; 1955, с. 41). В конце II — начале I тысячелетия до н. э. распространились мечи так называемого закавказского типа — цельнолитые, железные (Есаян С. А., 1966, с. 88).

Луки урартов, насколько можно судить по изображениям на ассирийских рельефах, были большими и

их носили не в горите, а прямо через плечо. Стрелы хранились в колчанах, изготовлявшихся из дерева, кожи или металла. Остатки деревянного колчана найдены при раскопках Кармир-блура (Пиотровский Б. Б., 1955, с. 38). Наиболее распространенными были металлические колчаны. Они представляли собой трубку длиной 65—70 см, изготовленную из согнутой бронзовой пластины, имеющей в сечении овальную форму (точнее — одна сторона полукруглая, а другая сходится под углом). По всей вероятности, часть колчана, соприкасавшаяся с телом воина, была кожаной. Колчан снабжен в верхней и нижней частях кольцами для закрепления ремней. В нем находилось примерно 30—35 стрел. Колчаны украшали полосами, внутреннее пространство которых заполнялось зигзагообразным или точечным орнаментом. При раскопках Кармир-блура было найдено 18 колчанов. Некоторые из них имеют надписи с именами урартских царей и украшены изображениями боевых колесниц и всадников (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 167).

Наконечники стрел известны с III тысячелетия до н. э.; они изготовлялись из кости и камня (обсидиан и кремень). Каменные наконечники употреблялись и в урартское время, когда все оружие было уже металлическим. Они имели миндалевидную форму, острые ретушированные края и небольшой прямоугольный или округлый вырез в нижней части (Есаян С. А., 1966, с. 45). В урартское время употреблялись также и бронзовые стрелы, имеющие плоский листовидный наконечник с выступающими усиками и плоским или четырехгранным черенком. Такие наконечники стрел вырубали из металлических пластинок и дополнительно обрабатывали ковкой, после чего затачивали (Есаян С. А., 1966, с. 46). Известен еще один тип бронзовых стрел — плоские наконечники с четко выступающим плоским или округлым срединным ребром и с длинным черенком (Есаян С. А., 1966, с. 47). Чаще всего, однако, при раскопках встречаются стрелы так называемого скифского типа двух вариантов — двуперые и трехгранные. В Аринберде найдено большое число бронзовых стрел с трехгранными наконечниками ромбической формы без втулок, а также двуперых и трехгранных со втулками и срезанными перьями (Оганесян К. Л., 1961, с. 8), такие же стрелы встречены и в Кармир-блуре (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 85; 1952, с. 9, 14, 16; 1955, с. 41; Есаян С. А., 1966, с. 48).

Оборонительный доспех урартов включал щит, шлем и панцирь. Для урартского времени характерны щиты ассирийских типов. При раскопках Кармир-блура было найдено около 20 однотипных щитов (диаметром 0,7—1 м); некоторые несут надписи, сообщающие об их принадлежности царям. Щиты изготовлялись из бронзы, имеют очень характерную форму — шляпы с полями. Средняя часть щита представляет собой конический выступ на низком барабане. С внутренней стороны барабана прикреплены три ручки. Крупная ручка помещена в верхней части, две меньшие — с боков. Малые ручки, по всей вероятности, соединялись ремнем, вдевавшимся на локоть, а большая ручка захватывалась кистью, что давало возможность свободно оперировать щитом. Некоторые из этих парадных щитов замечательно украшены (Есаян С. А., 1966, с. 94—95; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 168).

Существовали щиты и другого типа. К сожалению, ни один из них не сохранился целиком, найдены только несколько умбонов из листовой бронзы, конической формы, нижний конец их слегка отогнут и имеет многочисленные мелкие отверстия, через которые умбоны прибивались к щиту гвоздями. Высота умбонов около 15 см, диаметр 12—15 см. Эти щиты, видимо, были круглой формы, в центре их располагалась большая ручка. На некоторых умбонах читаются надписи урартских царей и имеются рельефные изображения (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 24; 1952, с. 39, 63; Есаян С. А., 1966, с. 95—96).

Урартские шлемы очень близки ассирийским. Они известны благодаря многочисленным находкам в Кармир-блуре. Шлемы изготовлялись из бронзы, имели форму шишака (высота около 30 см, диаметр около 25 см), некоторые — с надписями урартских царей, они богато украшены (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 167; Есаян С. А., 1966, с. 98).

Самые ранние панцири представляли собой кожаные или матерчатые рубахи с нашитыми на них бронзовыми бляхами. Такого рода доспех употреблялся и в урартское время, хотя уже широко распространились собственно панцири, появившиеся под влиянием ассирийцев (Есаян С. А., 1966, с. 101). Остатки таких панцирей найдены в Кармир-блуре (Пиотровский Б. Б., 1955, с. 30—36). Панцири составлялись из удлиненных бронзовых пластинок (с закругленным нижним краем), частично находивших друг на друга. Иногда пластинки украшали. Соединялись они ремнями (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 167; Есаян С. А., 1966, с. 101—102). Помимо бронзовых, существовали и железные панцири, пластины от которых были найдены при раскопках Кармир-блура (Пиотровский Б. Б., 1955, с. 35—36).

Урартская армия состояла из пехоты, конницы, отрядов боевых колесниц. Об урартских колесницах можно судить исключительно на основании их изображений. По типу урартские колесницы очень близки позднеассирийским, только, видимо, были несколько легче. Они имели легкий кузов, сильно выгнутое вверх дышло и колеса, помещавшиеся у заднего края кузова. Колеса имели восемь спиц (иногда фигурных), массивные обода. Способ запряжки, применявшийся урартами (как это видно на изображениях), был близок ассирийскому. Ассирийская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывавшего шею лошади наподобие ошейника, и подпруги. Голову лошади обрамляли пышные надголовные украшения.

До нас дошло несколько экземпляров удил с бронзовыми изогнутыми псалиями, железной мундштучной частью, образующей одно целое с псалиями, и удила с напускными псалиями (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 154—156).

Керамика. Урартская керамика весьма разнообразна по своим формам, технике изготовления, декору. К сожалению, она исследована еще не полностью: не выявлена хронологическая эволюция форм, недостаточно разработана типология. Имеется только одна специальная работа, посвященная керамике Эребуни (Ходжаш С. И., 1968), в силу чего

изложение проблем урартской керамики в целом должно базироваться на этом в общем локальном исследовании.

Большая часть керамики Урарту изготовлялась на гончарном круге. Существующая типология ее базируется в основном на характере глины и ангоба, а не на формах сосудов. Выделяются следующие группы керамических сосудов: 1) краснолощеные ярко-вишневого цвета с хорошо отполированной поверхностью; 2) с орнаментом, нанесенным ангобом другого цвета, чем фон сосуда (двуцветная); 3) светло-красного и красновато-коричневого тонов, сплошь или частично покрытые ангобом; 4) с желтовато-кремовым ангобом, покрывающим всю поверхность; 5) из черной глины, покрытые ангобом того же цвета; 6) серые, лепные (Ходжаш С. И., 1968, с. 135).

1. Наиболее совершенными по технике исполнения являются сосуды первой группы. В изломе глина у них серая, хотя, по мнению исследователей, эта та же самая глина, которая покрывала всю поверхность сосуда (Lehmann-Haupt C. F., 1931, с. 578). Но глина, предназначенная для обмазки, подвергалась дополнительной обработке: ее предварительно обжигали, измельчали, разводили водой и затем этой массой покрывали сосуд. После обжига сосуд полировали. В такой технике изготовлялись блюдца с тонкими слегка отогнутыми наружу краями, чашки, вазы с высоким горлом, курильницы, фляги, сосуды с шарообразным туловом и невысоким цилиндрическим горлом с утолщенным краем. Сосуды этого типа подражали бронзовым, точно так же и фиалы (входящие в керамику этого типа) аналогичны бронзовым.

2. К группе двуцветной керамики относятся большие миски (диаметром около 40 см) с выгнутым наружу краем, опоясанные широкими темно-красными полосами, толстостенные сосуды, украшенные темно-красными горизонтальными линиями, очень большие толстостенные сосуды с широким туловом, небольшие (диаметром 20 см) чашечки, тарелочки с профилированным отогнутым наружу краем, кувшины, опоясанные темно-красными полосами.

Сосуды полировали как снаружи, так и внутри. Снаружи их украшали большими треугольниками. В отличие от идеально полированной темно-красной поверхности сосуда орнамент светло-розовый матовый, его контуры подчеркнуты вдавленной прорисью.

Среди керамики этой группы можно также отметить и изящные вазы, украшенные светло-розовыми треугольниками и рельефным орнаментом в виде кружочков (нанесенных штампом) на ручках. Иногда у сосудов второй группы ручки оформлялись в виде стилизованных животных. Как правило, орнамент наносился глиной другого тона, чем ангоб сосуда, но иногда встречается и керамика, где для орнамента использовались минеральные краски.

Расписная керамика в Закавказье появляется в начале I тысячелетия до н. э. и является, таким образом, прямым продолжением керамических традиций II тысячелетия до н. э. Расписная керамика зафиксирована во многих центрах урартского царства (Osten H. H., 1952, с. 307—328; Тирацян Г. А., 1965, с. 271). Ранее считалось, что она характерна только для раннеурартского времени (IX—VIII вв. до н. э.), однако исследования последнего времени (Erme K., 1969, Kroll St., 1976b, с. 62; Stronach D., 1974; Тирацян Г. А., 1976, с. 140—141) показали, что такая керамика существовала и в позднеурартское время — вплоть до эпохи эллинизма.

3. Красноглиняная керамика с ангобом. В зависимости от степени обжига цвет этой посуды изменяется от светло-розового до кирпично-красного. Посуда очень разнообразна по форме и назначению. Величина диаметра мисок, чаш, блюдец колеблется от нескольких сантиметров до полуметра. Наиболее крупными были миски, использовавшиеся для перемешивания теста. Они имели круглое дно, широкое тулово с высокими наклонными стенками и широкий утолщенный край. Миски, служившие для еды, были меньшего размера.

Очень распространены были плоские тарелочки. Они имели округлое, слегка суживающееся книзу тулово и плоское дно. Край тарелочки несколько утолщен и слегка отогнут наружу. Вдоль края идет вдавленная полоса.

Наиболее простые по форме — круглые чаши со стенками, слегка суживающимися книзу, и круглым плоским донышком. Тонкие стенки, интенсивный красный цвет, полированная поверхность, красивая форма придают этим сосудам изысканность.

В третью группу входят и кувшины для вина. Они бывают различных размеров. В той же технике выполнялись и светильники, имеющие круглое тулово и небольшой выступающий носик. Невысокая перегородка с отверстиями для фитиля делит тулово на две части.

У многих сосудов, покрытых красным ангобом, очень тонкие стенки с хорошо отполированной поверхностью: маленькие сосуды с туловом в форме шара, конусообразные кубки пурпурного цвета с перламутровым оттенком, крошечные флакончики. Некоторые формы сосудов этой группы повторяют известные в других группах (например, вазы с округлым туловом, высоким широким горлом и ручками в виде стилизованных голов животных — форма, характерная для двуцветной керамики).

4. Очень многочисленна группа сосудов, сделанных из светлой глины и покрытых красным или желтовато-кремовым ангобом. К ней относятся самые большие сосуды для хранения припасов — так называемые карасы. Они имели коническую форму, вертикальный венчик с отогнутым наружу краем. Днище караса обычно изготовляли на гончарном круге, а затем постепенно, слой за слоем наращивали тулово, прилепляли край, покрывали внутри обмазкой из тонко отмученной глины. Карас закрывался сверху крышкой и опечатывался. Для этого в горловинах делали дырки, в которые продевали шнур, оба конца шнура обмазывали глиной, сверху ставили печать. Карасы часто украшали рельефным узором в виде плетенки, расположенным в несколько рядов вдоль горла и тулова. На широкую часть тулова наносили вдавленный узор в форме больших лопаток. На многих карасах имелись клинописные и иероглифические надписи, указывающие объем сосуда. Карасы Эребуни, например, вмещали 750—1750 л (Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 98 и сл.).

Из светлой глины делали и большие одноручные кувшины, тулово некоторых из них было граненым. К этой группе относятся также сосуды с круглым туловом, черпачки, маслобойки и т. д.

5. Из черной крупнозернистой глины изготовлялась керамика с черным ангобом. Такими, в частности, были большие (высотой до 1 м) сосуды для хранения продуктов — с овальным туловом и нешироким отогнутым наружу утолщенным венчиком. Тулово опоясано тремя выступающими рельефными полосами, дно конической формы, так как сосуды закапывались в землю. Для хранения продуктов использовались также сосуды с веретенообразным заостренным книзу туловом и невысоким горлом, с утолщенным отогнутым наружу краем. Из черной глины делали также различные миски, чаши, блюдечки.

6. Имеется некоторое количество сделанной от руки керамики (чашечки, тарелочки, круглые горшочки, шарообразные сосуды, слегка суживающиеся кверху, маленькие стаканчики, большие круглые чаши). Все сосуды этой группы отличаются простотой и примитивностью обработки, лишены декора, ангоб у них отсутствует.

Наряду с урартской употреблялась и керамика, выполненная в местных традициях. Она сделана из серой глины. Форма сосудов более или менее одного типа — горшки с плоским круглым донышком, шарообразным туловом и широким горлом (Ходжаш С. И., 1968, с. 150).

Бытовая утварь. В быту урартов важнейшую роль играла керамика (см. выше). Однако помимо керамических сосудов, достаточно широко использовались и каменные (например, базальтовые чаши — Мартиросян А. А., 1964, с. 265), и бронзовые (чаши и котелки) сосуды. Особенно известны бронзовые котлы с бортами, украшенными головками быков и «сиренами» (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 56). Употреблялась и деревянная посуда.

Широко известны урартские железные и бронзовые светильники — канделябры. Они состояли из длинного стержня, чаши для масла и трех ножек. Железные светильники найдены при раскопках Кармир-блура (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 69—70), бронзовый (гораздо более изысканный и богаче декорированный) — в Тушпе (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 174). Рядовые жители пользовались обычными глиняными светильниками.

В Кармир-блуре встречены остатки сгоревших деревянных табуреток. От них сохранились некоторые бронзовые детали, соединявшие деревянные части (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 53; 1962, с. 54, 63). В одном из помещений Кармир-блура около двери была обнаружена часть бронзового запора с клинописной надписью (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 20—21), в другой — замок, состоявший из массивного стержня и задвижки.

Необходимой принадлежностью урартского жилища являлся очаг. Известно три типа их: два — наподобие тондыра, либо впущенного в пол (как в современных армянских сельских домах), либо возвышающегося над ним. Третий тип — плоские жаровни прямоугольной или круглой формы с высокими бортами (Пиотровский Б. Б., 1950, с. 24).

Одежду урартов можно представить на основании как археологических находок, так и изображений на рельефах. Они носили длинные одеяния, украшенные бахромой, поверх набрасывался плащ. На ноги надевались высокие зашнурованные сапоги, детали их устройства хорошо известны благодаря находкам раскрашенных глиняных сосудов, имеющих форму сапожка. На голове носили мягкие войлочные шляпы с кистями (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 40). Известны каменные и костяные шкатулки, костяные гребни (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 90—91, 102).

Украшения. Среди урартских украшений особое место занимают бронзовые пояса (Куфтин Б. А., 1944; Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О., 1958; Пиотровский Б. Б., 1962, с. 73; Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 104 и сл.). Они изготовлялись из тонких раскованных пластин, нашивавшихся на кожаную или войлочную основу. Пластины часто украшали штампованным орнаментом и изображениями — сцен охоты, образов божеств, мифологических существ, животных. Широкие пояса на Востоке были обычным предметом амуниции воинов-лучников, а также имели определенное культовое значение, служили оберегами.

Самым известным из урартских ювелирных украшений является золотой медальон, найденный на Топрахкале, с изображением сидящей на троне богини и стоящей перед ней женщины. Серебряные медальоны из Кармир-блура — гораздо более грубые (Лосева И. М., 1962). Большое распространение в Урарту получили пекторали. Серебряная пектораль была найдена в Топрахкале. На ней имелось изображение, близкое тому, которое мы видим на золотом медальоне. При раскопках обнаружены и бронзовые пекторали. На некоторых урартских статуэтках хорошо видны воспроизведения этих украшений (Тирацян Г. А., 1968в, с. 190—192).

В ходе раскопок (особенно Кармир-блура) найдено большое количество иных украшений, в частности золотая серьга с биконическим украшением в центре (Пиотровский Б. Б., 1955, с. 18; 1962, с. 86); много булавок (серебряная булавка, увенчанная тремя фигурками животных; золотая булавка с ажурной шестилепестковой головкой, крохотное навершие булавки, украшенное мелкой зернью,— Пиотровский Б. Б., 1962, с. 86—87); браслеты (золотой браслет с головками львов на концах — Пиотровский Б. Б., 1955б, с. 43, серебряные браслеты с головками змей на концах — Пиотровский Б. Б., 1962, с. 88; Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 105); треугольные и с закругленными краями ажурные фибулы (Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979, с. 105) и височные кольца (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 88).

Раскопки урартских центров дали огромное количество различных бус из сердолика, сардоникса, стеатита, горного хрусталя, полупрозрачной смальты, пастовых, покрытых цветной глазурью. Однако в настоящее время еще нельзя отделить собственно урартские бусы от привозных (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 105—108).

В Урарту большое распространение имели подвесные печати с изображениями, вырезанными на нижней, а иногда и на боковой поверхности. Одновре-

менно они служили амулетами. Часто их находят в составе богатых ожерелий, иногда вместе с серебряными медальонами. Изготовлялись печати из камней различных пород (горный хрусталь, оникс, тальк, стеатит и т. д.), керамической массы, иногда кости. Встречаются и металлические печати. Выделяются пять типов печатей (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 105): 1) конические со сквозным отверстием в верхней части и изображением только на нижней плоскости; 2) гиревидные с вогнутой боковой стенкой и ушком для подвешивания (также с изображением только на нижней плоскости); 3) столбчатая цилиндрическая с ушком для подвешивания и изображениями на нижней плоскости и часто на боковой; 4) столбчатая четырехгранная с ушком для подвешивания и изображениями на всех гранях; 5) дисковидная с изображениями на двух сторонах. Верхняя часть печатей (особенно металлических) часто имеет форму какого-либо животного. Эти печати своеобразны и отличаются от цилиндрических месопотамских. Под ассирийским влиянием в Урарту, видимо, вырезали иногда и печати цилиндрической формы без ушка с продольным отверстием для шнура. На изображениях самих печатей, а также на сохранившихся их оттисках на комках глины, буллах, клинописных табличках имеются отдельные фигуры или сложные сцены религиозного характера или композиции, связанные с придворной жизнью.

Погребальный обряд. Гробницами урартских царей считаются некоторые из искусственных пещер, высеченных в Ванской скале (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 216 сл.). Погребения знати представлены как скальными гробницами (Алишар, Гуши, Сангар, Кайалыдере, Алтынтепе) того же типа, что и царские, но меньших размеров (Burney Ch., 1966, с. 101—108, табл. XXII—XXIV; Kleiss W., 1976, рис. 6, *32*), так и гробницами, выполненными из каменных блоков (Алтынтепе, Гуши, Ошакан) (Kleiss W., 1976, с. 43, рис. 33; Есаян С. А., Калантарян А. А., 1976а,б). Хотя почти все эти погребения разграблены, можно полагать, что для них был характерен обряд трупоположения в каменных или глиняных саркофагах.

Рядовые погребения представлены каменными ящиками, саркофагами (каменными или глиняными), карасными погребениями и погребениями в урнах (обряд кремации).

Каменные ящики (Акко, Талин, Мецамор, Аргиштихинили) урартской эпохи ничем не отличаются от каменных ящиков эпохи бронзы и самого начала железного века (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 216—218; Ханзадян Э. В., 1973, с. 175). Карасные погребения зафиксированы в Аргиштихинили. Сосуд вкапывали в землю, в него помещали погребенного и инвентарь (Мартиросян А. А., 1974, с. 50—53). Глиняный саркофаг был найден в Ошакане. Возможно, что погребения в глиняных сосудах и саркофагах — результат месопотамских влияний. Иногда наблюдается видоизменение этого обряда. В Ошакане в склепе обнаружено 27 скелетов. Умершие, по всей видимости, были захоронены одновременно, между ними не наблюдается какого-либо имущественного или социального различия. Рядом с каждым костяком (или под ним) находились обломки специально разбитого глиняного саркофага (Есаян С. А., Калантарян А., 1976а,б).

Очень распространен был обычай кремации. Эталонным считается могильник у с. Малаклу (Игдир). Глиняные урны с пеплом покойных ставили в мягкую песчаную засыпь в расщелинах скал и прикрывали каменными глыбами. Урны имели специально просверленные отверстия и закрывались сверху чашками. Эти чашки обкладывались камнями или глиняными черепками. Инвентарь располагался рядом с урнами отдельными кучками (Куфтин Б. А., 1944). Некрополи этого типа зафиксированы в большом числе мест (Тазагюхе, Нор-Ареш, Мецамор, Аргиштихинили и т. д.). Обычай кремации существовал на Армянском нагорье и в доурартское время.

Иногда в одном некрополе фиксируются различные виды погребений, например в погребении 4 Мецаморского могильника, представляющем собой каменный ящик, отмечены и трупоположение, и трупосожжение. Среди погребального инвентаря встречены как урартские, так и местные вещи (Ханзадян Э. В., 1973, с. 185). От остальных покойников сохранились только черепа, что, возможно, связано с человеческими жертвоприношениями.

Культовые предметы и сооружения. Урартский пантеон известен в основном по надписям. Особое значение для изучения урартской религии имеет надпись в нише скалы около Вана (так называемая Мхер-Капуси — «Дверь Мхера»). В этом тексте (IX в. до н. э.) приводится перечень имен урартских богов с указанием полагавшихся им жертв. Всего здесь перечислено 79 имен богов и богинь. Верховным богом был Халди; кроме него, в триаду высших божеств входили также Тейшеба и Шивани. Большинство других божеств не упоминаются в других текстах (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 220 и сл.). Урартские храмы и культовые уголки в жилых помещениях охарактеризованы выше. К числу ритуальных сооружений относятся также и вырубленные в скале ниши. Они часто имеют три уступа, как бы три ниши, высеченные одна в другой. Эти ниши назывались «воротами бога», считалось, что через них выходило божество, находящееся в скале (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 224).

Монументальные скульптурные изображения божеств до нас почти не дошли. Очень незначительно число глиняных статуэток. В Кармир-блуре возле жертвенника в одной из кладовых были найдены изображения существ, сочетающих в себе черты человека и рыбы, в другой — статуэтка человека с хвостом скорпиона (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 230—231). Имелись также деревянные статуэтки божеств.

Искусство (табл. IX). Монументальное искусство Урарту представлено каменными рельефами и круглой скульптурой, а также настенными росписями.

Каменная скульптура делится на две четко различимые группы. К одной относятся памятники собственно урартской скульптуры, теснейшим образом связанные с традициями искусства древнего Переднего Востока. Находки этой скульптуры очень редки. Сохранилась, в частности, довольно сильно поврежденная статуя из серого базальта, найденная в Ване и изображающая, видимо, одного из первых урартских царей (Церетели Г. В., 1939, с. 62; Пиот-

ровский Б. Б., 1962, с. 94—95). Возможно, к числу памятников урартского искусства, выполненных на месте, относится голова из мелкозернистого известняка, найденная возле цитадели Эребуни (Аракелян Б. Н., 1976, с. 16, табл. XV).

Гораздо полнее представлена местная народная скульптура «традиционно-условного стиля» (Аракелян Б. Н., 1976, с. 14 и сл., табл. II—XI; Есаян С. А., 1980, с. 30 и сл.), продолжающая традиции скульптуры эпохи бронзы. Это были достаточно примитивные идолы, для подавляющего большинства которых характерно прежде всего плоское лицо. На этой плоскости рельефно выступают нос, брови и лоб, рельефно обозначены уши. Глаза переданы либо в виде еле заметных щелей под бровями, либо кружка или круглых довольно глубоких отверстий. Рот обозначен неглубоким врезом (Аракелян Б. Н., 1976, с. 14). Считается, что таким образом передавались образы местных божеств.

Монументальные рельефы представлены находками в Адылджевазе, где, видимо, была представлена процессия богов (сохранилось изображение бога Тейшеба на быке между священными деревьями) (Пиотровский Б. Б., 1962, с. 96—98), а также частью фриза из Вана со сценой поклонения священному дереву. В этом рельефе привлекает внимание широкое применение техники инкрустации (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 187). Возможно, что в урартское время создавались и наскальные рельефы (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 186).

Настенные росписи были достаточно широко распространены в искусстве Урарту. Настенная живопись (той или иной степени сохранности) зафиксирована в Бадноце (Патноц), Аринберде, Алтынтепе, Кармир-блуре, Армавире (Özgüc T., 1966; Оганесян К. Л., 1973; Пиотровский Б. Б., 1952, с. 41—43; Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979). В росписях использовались красная, синяя, черная и белая краски. Живописные панно располагались чаще всего в виде горизонтальных полос, часто чередующихся,— орнаментальных и изобразительных. Урартские росписи входят в общий круг переднеазиатской древней монументальной живописи. Особенно близки они ассирийской живописи. Для них характерны большая условность и каноничность, сказывающиеся в применении определенных стереотипов при изображении живых существ и растений, использование определенного строго ограниченного набора тем (преобладают изображения божеств, царей, ритуальных сцен), очень сильная символичность, связывающая воедино как изобразительные, так и орнаментальные мотивы.

Лучше всего, пожалуй, изучено прикладное искусство Урарту. Наиболее известны бронзовые (часто золоченые) фигурки мифических существ, служивших частями тронов. Фантастические существа сочетали в себе части птиц, быков, львов, а также людей. Изощренность этих изображений свидетельствует о высоком техническом и художественном уровне урартского прикладного искусства, обслуживавшего нужды дворцов и храмов. Несколько проще крылатые фигурки и головки львов, украшавшие борта крупных бронзовых котлов. Яркими образцами искусства Урарту являются парадные щиты, шлемы, колчаны, служившие приношениями в храмы. Для них характерна прежде всего военная тематика — изображения всадников, боевых колесниц, но часты и сакральные сцены.

Мелкая урартская скульптура представлена бронзовыми, глиняными и деревянными статуэтками. Для всех них характерны большая условность, схематичность, внимание к деталям, что особенно заметно в деревянной скульптуре, бывшей, судя по находкам в Кармир-блуре, полихромной. Глиняные статуэтки очень условны и схематичны. Известны также фигурки из слоновой кости.

В целом искусство Урарту можно определить как одну из ветвей искусства древнего Переднего Востока со всеми характерными его чертами, порожденными особенностями социально-экономической, политической и культурной структуры этого общества. В то же время в силу особенностей политической истории Урарту здесь можно отметить и существование особой линии искусства, нашедшей наиболее полное воплощение в ряде образцов скульптуры, связанной с традициями первобытнообщинного строя, существовавшего на Армянском нагорье во II тысячелетие до н. э.

Эпиграфические находки. Важнейшим видом эпиграфических находок являются урартские клинописные надписи. Меньшее значение имеют урартские иероглифические надписи. В ходе археологических исследований были обнаружены как монументальные надписи на скалах или каменных плитах, так и мелкие, например посвятительные, на предметах, помещавшихся в храмы или дворцовые сокровищницы (Меликишвили Г. А., 1960). Известно некоторое количество глиняных табличек с клинописным текстом (Дьяконов И. М., 1963). В настоящее время число урартских текстов приближается к 500. Монументальные надписи, как правило, представляют собой краткие сообщения о военных походах, взятой добыче; значительное место среди них занимают сообщения о строительной деятельности царей; наконец, третья группа (тексты культового характера) — обращения к богам и перечни жертвоприношений. Глиняные таблички являются документами хозяйственной отчетности и письмами.

* * *

Урартское царство — древнейшее государство на территории СССР. Хотя очаг его возникновения располагался в районах оз. Ван, уже очень рано власть урартских царей распространилась на север, в Закавказье, на территорию современной Армянской ССР. Урарту было одним из крупнейших и могущественных государств древнего Востока первой половины I тысячелетия до н. э. Его формирование и развитие связаны с тем общественным прогрессом, который был порожден распространением железных орудий труда. Вызванное этим ускоренное развитие производительных сил привело к формированию классового общества и государства на Армянском нагорье.

Социально-экономическая и политическая структура этого общества, насколько можно судить (Меликишвили Г. А., 1954; Дьяконов И. М., 1968), чрезвычайно близка структуре Ассирийского царства, борьба с которым за гегемонию в Передней Азии

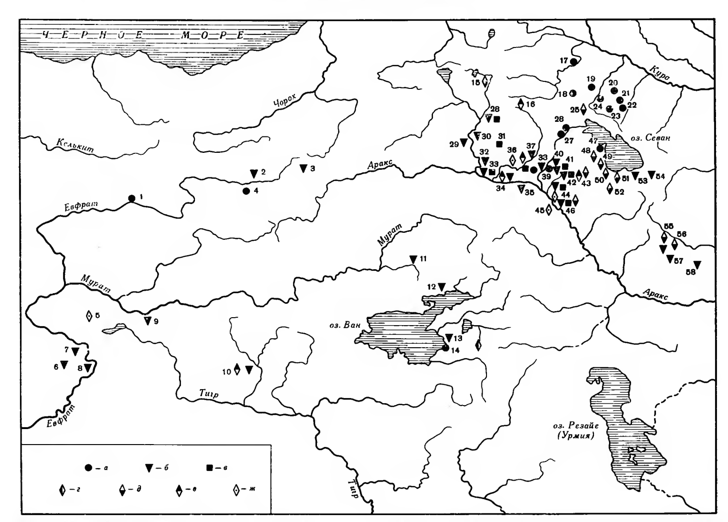


Рис. 3. Памятники Армении VI в. до н. э.— III в. н. э.

1 — Ерзнка; *2* — Каиберкей; *3* — Хасаикала; *4* — Ерзрум; *5* — Харберд; *6* — Арсамея-на-Нимфее; *7* — Немрутдаг; *8* — Арсамея-на-Евфрате; *9* — Аршамашат; *10* — Тигранакерт; *11* — Патноц; *12* — Зернакитепе; *13* — Ван-Калечик; *14* — Ван; *15* — Спитак; *16* — Апаран; *17* — Кариглух; *18* — Бердатех; *19* — Астхи-блур; *20* — Калкар; *21* — Берд; *22* — Нор-Ашен; *23* — Гезлу; *24* — Иджевап; *25* — Техут; *26* — Джрарат; *27* — Атарбегян; *28* — Еруандаван; *29* — Ани; *30* — Джрапн; *31* — Ашиак; *32* — Еруандакерт; *33* — Еруандашат; *34* — Армавир; *35* — Цолакерт (Ташбурун); *36* — Вагаршапат; *37* — Ошакан; *38* — Кармир-блур; *39* — Аринберд; *40* — Гехадир; *41* — Ацаван; *42* — некрополь Гарни; *43* — Гарни; *44* — Двин; *45* — Алетлу; *46* — Арташат; *47* — Камо; *48* — Кармиргюх; *49* — Цаккар; *50* — Личк; *51* — Вагашен; *52* — Алберд (Кзиут); *53* — Карчахпюр; *54* — Акунк; *55* — Ишханоцсар; *56* — Сиснаи; *57* — Сариакунк; *58* — Горис; *а* — памятники VI—IV вв. до н. э.; *б* — памятники III—I вв. до н. э.; *в* — памятники I—III вв. н. э.; *г* — место нахождения древнеперсидской надписи; *д* — место нахождения арамейской надписи; *е* — место нахождения греческой надписи; *ж* — место нахождения латинской надписи. Составитель Г. А. Тирацян

являлась почти постоянным фактором истории всего региона. Экспансия Урарту на север влияла на социально-экономический прогресс всего Закавказья в целом, способствуя переходу от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государственности значительного числа народов. Характер культуры Урарту определялся, с одной стороны, той социально-экономической структурой, которая возникла здесь, а также влиянием более развитых обществ Переднего Востока (в первую очередь Ассирии), с другой стороны, сохранением ряда традиций, унаследованных от эпохи бронзы, продолжавших существовать у народов, завоеванных урартскими царями. Оценка урартской культуры, чрезмерно высокая у Герцфельда (Herzfeld E., 1921) и весьма уничижительная у де Франковича (de Francovich L., 1966), должна определяться степенью самобытности этой культуры и ее влиянием на последующее развитие региона. Можно полагать, что первая определялась сохранением ряда древних местных народных традиций и именно это обстоятельство в значительной мере облегчило усвоение урартского культурного наследия его преемниками на Армянском нагорье.

Армения VI—IV вв. до н. э.

Падение Урарту в начале VI в. до н. э. привело вскоре к образованию (практически на той же самой территории) Армянского царства. Оно первоначально находилось в зависимости от Мидии, а затем от государства Ахеменидов. После подавления вспыхнувшего в Армении восстания царь ахеменидского Ирана Дарий I разделил страну на две сатрапии. Под властью Ахеменидов Армения находилась до гибели этого государства под ударами армии Александра Македонского (рис. 3).

Источники. Письменные источники для этого времени чрезвычайно скудны. Некоторые события упоминает Геродот, чрезвычайно важны свидетельства

Ксенофонта, который во время отступления армии греков после битвы при Кунаксе (конец V в. до н. э.) прошел вместе с греческими войсками через юго-западную часть Армении. Он оставил яркое описание быта населения, экономики, административной системы. Некоторые сведения по этому периоду содержатся и в труде Моисея Хоренского. Документальные материалы очень ограниченны: некоторые факты сообщаются Бехистунской надписью Дария I, на Ванской скале имеется строительная надпись царя Ксеркса. Впервые могут быть использованы нумизматические источники: на территории Армении найдено, правда очень небольшое, число греческих монет того времени. Археологические материалы также еще недостаточны. При раскопках некоторых урартских центров (Армавир, Эребуни, Ван) было выявлено, что они продолжали существовать и в древнеармянский период. Исследовались крепости северо-восточных районов Армении, некоторые материалы получены и при изучении сельских поселений и крепостей древней Армении на территории современной Турции.

Поселения (табл. X). Бесспорно, что гибель Урартского царства имела своим следствием и значительный упадок целого ряда городов (Мартиросян А. А., 1961, с. 137; 1974, с. 55—58; Вайман А. А., Тирацян Г. А., 1974, с. 69; Есаян С. А., Калантарян А. А., 1976а, б; Тирацян Г. А., 1973б, с. 88), хотя в некоторых жизнь (хотя и в меньших масштабах) сохранялась. Возможно, продолжал существовать Армавир; некоторые археологические находки и надпись Ксеркса на Ванской скале, говорящая о строительных работах (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 117), заставляют думать, что продолжалась жизнь и в Тушпе-Ване. Отдельные исследователи полагают, что он стал столицей древнейшего армянского царства (Еремян С. Т., 1952, с. 103). Важную роль продолжал играть г. Эребуни. Высказывалось предположение, что город был центром XVIII сатрапии Ахеменидского царства (Тирацян Г. А., 1960). Ряд урартских сооружений цитадели использовался в то время почти без переделок (например, крепостные стены), некоторые подвергались значительным переделкам (колонный зал и «большой храм огня»), были возведены и новые сооружения (так называемый малый храм огня) (Оганесян К. Л., 1961; Лосева И. М., 1958). Имеются значительные вещественные находки того периода (Тирацян Г. А., 1960, с. 102—103; Аракелян Б. Н., 1971).

Письменные и эпиграфические источники упоминают и сельские поселения. Ксенофонт, в частности, сообщает, что в двух из них имелись дворцы, принадлежавшие сатрапам, однако такое поселение было окружено валом. Остатки (плохо сохранившиеся) раннеармянского поселения обнаружены в Айкаберде (Чавуштепе) к юго-востоку от Вана (Erzen A., 1976, с. 33) и в Бастаме (на месте урартского г. Русахинили).

Письменные источники упоминают также крепости. Археологически лучше всего изучены крепости северо-восточной Армении (Астхи-блур, Бердатех, Норашен, Пилорпат, Калкар, Бердакар) (Есаян С. А., 1976, с. 44 и сл.). Они сооружены в труднодоступных местах, на холмах, скальных выступах, мысах. В это время появляются крепости, обычно небольшие (площадь 1—2 га), возведенные на искусственных насыпных холмах. Они служили сторожевыми пунктами, загонами для скота, иногда представляли собой укрепленные поселения. Отдельные крепости (или их системы) контролировали горные перевалы и дороги на пастбища и кочевья, закрывали проходы по ущельям. Известны раннеармянские крепости и на правом берегу Аракса (Шорбулах, Кале-Гявур).

Фортификация. В некоторых раннеармянских центрах (Эребуни, возможно, Армавир и Ван, ряд крепостей на правом берегу Аракса — Kleiss W., Kroll St., 1976) использовались (после ремонтов и небольших переделок) урартские укрепления. Крепости северо-восточной Армении свидетельствуют о сохранении традиций циклопических крепостей эпохи бронзы и раннего железа. Крепостные стены повторяли контур холмов, на которых они располагались и, как правило, в плане представляли собой неправильный овал или прямоугольник (Есаян С. А., 1976, табл. 46, 49—52, 59, 67). Стены имели изломы и выступы, изредка укреплены контрфорсами или башнями. Ворота (хорошо защищенные и состоявшие из системы коридоров, каменных мешков и т. д.) обычно фланкировались башнями (прямоугольными или полукруглыми). Правилом являлся один ряд стен, но изредка встречаются крепости с несколькими рядами, а также внутренние стены, делящие крепость на отдельные отсеки. Некоторые крепости имели цитадели.

Архитектура. Строительная техника (табл. XI). Архитектура раннеармянского периода изучена еще недостаточно. Первые данные о жилищах этого времени получены в ходе раскопок крепостей северо-восточной Армении. Они имели прямоугольную планировку. К собственно жилищам примыкали хозяйственные помещения. Строились эти жилища из рваного камня на глиняном растворе (Есаян С. А., 1976). Судя по описанию Ксенофонта, для районов южной Армении были характерны дома с башнями, а для центральных и северных — подземные жилища с входом в виде колодезя, в которые жители спускались по лестнице.

Храмовая архитектура известна главным образом на основании памятников Аринберда (Оганесян К. Л., 1961, с. 75 сл.). Один из комплексов урартской цитадели был перестроен в так называемый большой храм огня — замкнутое помещение с глухими замурованными окнами. Функциональное назначение его подтверждается наличием толстого слоя золы на полу. На холме Аринберд обнаружен также и «малый храм огня». Он небольших размеров, состоит из трех помещений: большого прямоугольного центрального и двух малых боковых. Здесь также нет окон, здание освещалось через дверной проем. На полу, как и в «большом храме огня»,— слой золы. В некоторых крепостях северо-восточной Армении (Бердатех, Калкар) также обнаружены святилища (Есаян С. А., 1976, с. 50, 93), прямоугольные в плане с толстыми стенами. Перед одним из этих святилищ располагалась скальная площадка. Возможно, что именно храм воспроизведен на глиняной модели двухэтажного здания, найденной в Астхи-блуре в слое VI—IV вв. до н. э. (Есаян С. А., 1968, табл. IX). Обращают на себя внимание двускатная

крыша, наличие стилизованных головок барана на фронтоне, украшения в виде налепных кружков на ограде.

Единственный пример здания дворцового назначения — так называемая ападана на холме Аринберд (Оганесян К. Л., 1961, с. 75 сл.). Здесь храм бога Халди был перестроен в большой 30-колонный зал. По всей видимости, это здание повторяет (в упрощенной форме) большие многоколонные залы, типичные для ахеменидской дворцовой архитектуры (Тирацян Г. А., 1964б, с. 75).

Строительная техника раннеармянского периода не имеет никаких принципиальных отличий от строительной техники урартского времени. В строительном деле использовались камень, сырцовый кирпич, дерево. В монументальных сооружениях цоколь выполнялся из тщательно отесанного камня, собственно стены — из сырца. В рядовых жилищах стены выкладывались либо из сырца, либо из колотого камня на глиняном растворе. Крепостные стены, как правило, имели наружный и внутренний футляры из достаточно тщательно отесанных каменных плит, пространство между ними заполнялось булыжником и щебнем. Колонны всегда делались из дерева. Деревянными, видимо, были и перекрытия.

Хозяйство. Характер хозяйственного развития в этот период исследован еще недостаточно. Можно полагать, что, помимо сельского хозяйства, были развиты гончарное производство, металлообработка, обработка камня и т. п. (Тирацян Г. А., 1971б, с. 464 сл.). В развитии некоторых отраслей ремесла, в частности металлургии и металлообработки, выявлена прямая преемственность между урартским и раннеармянским периодами (Тирацян Г. А., 1969, с. 87—106). Особенно высокого уровня достигли торевтика и ювелирное дело. Важную роль играли экономические связи. Через территорию юго-западной Армении проходила персидская «царская дорога», значительно интенсифицировавшая торговлю Армении с соседними странами (Манандян Я. А., 1954, с. 16—18).

Находки на территории Армении предметов иранского производства подтверждают этот вывод (Тирацян Г. А., 1973б, с. 91). Вполне вероятным представляется наличие экономических связей и с северной Месопотамией. Археологические материалы (афинская монета VI в. до н. э. из Зангезура; милетские монеты из Аринберда, произведения торевтики, найденные в ряде пунктов, а изготовленные в западной части Малой Азии; восточногреческий скарабей) говорят и о торговле с западом, особенно Грецией. Возможно также наличие торговых связей с живущими у Черного моря народами Предкавказья, в частности с синдами (Манандян Я. А., 1954, с. 13—15).

Орудия труда. Орудия труда представлены ножами, косами, топориками. Имеется несколько типов ножей: изогнутые (на рукоятках сохранились гвозди для закрепления накладок); с кольцевидной ручкой; с длинными прямыми клинками (верх которых представляет собой небольшие заостренные язычки, на которые насаживались рукояти); миниатюрные (с узким черенком для рукояти). Два первых типа — урартского происхождения (Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961, с. 11). Лезвия кос обычно достаточно длинны, край их слегка изогнут (Есаян С. А., 1976, табл. 141). Маленькие двулезвийные топорики обычно считаются орудиями труда мастера, производившего бронзовые украшения (Карапетян И. А., 1974, с. 289). Видимо, к числу таких орудий труда необходимо отнести железные щипцы, бронзовый стержень, бронзовые формы.

Оружие (табл. XII), употреблявшееся в раннеармянское время, представлено находками наконечников копий, стрел, кинжалами, панцирными дисками и т. д. (Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961, с. 69 сл.; Есаян С. А., 1969, с. 287 сл.). Наконечники копий делятся на два основных типа с подтреугольными и листовидными лезвиями. Первый тип имеет широкие аналогии на Переднем Востоке.

Среди наконечников стрел отчетливо различаются местная и скифская группы. Местные наконечники черенковые. Были найдены двуперые — бронзовые и четырехперый — железный. Скифские стрелы — дву- и трехперые с полой втулкой. Встречаются костяные наконечники (трехгранные), видимо, применявшиеся при охоте и в культовых церемониях.

Кинжалы имеют прямые или слегко изогнутые клинки с односторонней заточкой. Сохранились бронзовые ножны.

Зафиксированы два типа удил. Один — из бронзы с прямыми псалиями, отлитыми вместе с мундштучными звеньями, имеющими кольцевидные окончания и соединенные в середине при помощи круглой петли. Этот тип встречается на обширной территории от Ирана до Греции и датируется ахеменидским временем. Второй тип состоит из колец с изогнутыми в противоположные стороны концами прямыми псалиями. Наиболее близкие аналогии имеются во фракийских курганах IV—III вв. до н. э.

Керамика. Накопившийся за последние годы керамический материал, большей частью найденный в погребениях, позволяет решить ряд вопросов, связанных с его производством и классификацией (Мартиросян А. А., 1961, с. 139 и сл.; Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961, с. 74 и сл.; Есаян С. А., 1976, с. 197 и сл.).

К первой группе относятся те типы сосудов, которые, бесспорно, генетически восходят к керамике урартского времени: карасы, кухонная посуда (горшки и миски), биконические сосуды с раструбообразным венчиком и ручками в виде небольших выступов, стаканчики.

Некоторые формы сосудов в настоящее время представлены только единичными экземплярами: вытянутый двуручный сосуд с профилированным туловом и раструбообразным венчиком (точно такой же сосуд изображен на рельефах Персеполя в руках армян, приносящих дань), двойные сосуды, фиалы (Тирацян Г. А., 1968в).

Видимо, самую распространенную группу керамики раннеармянского периода составляют кувшины. Одна из групп кувшинов отличается особенно устойчивыми признаками: светло-красный или светло-коричневый цвет, плоское дно, выпуклое тулово, сравнительно узкое цилиндрическое горло, расширяющийся раструбовидный венчик, круглая в разрезе дугообразная ручка. Часть кувшинов, изготов-

ленных на гончарном круге, имеет тонкие стенки. Керамика этой группы впервые появляется только в раннеармянское время. Тогда же появляются и первые образцы раннеармянской расписной керамики (Есаян С. А., 1968, табл. V, *1*; Мартиросян А. А., 1961, рис. 68). В большинстве случаев они относятся к IV в. до н. э. и синхронны найденным в Иберии расписным сосудам.

Украшения. Металлические украшения представлены главным образом гривнами, браслетами, фибулами, булавками, подвесками и т. д. (Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961; Карапетян И. А., 1974, табл. IV; Есаян С. А., 1976, с. 145). Гривны изготовлялись из толстой проволоки с уплощенным широким окончанием или с крючковидными концами. Известно два их типа — витые и гладкие. Браслеты представлены несколькими типами. Некоторые из них повторяют урартские, некоторые появляются только в раннеармянское время. К числу последних относятся, в частности, «браслеты с выгибом». Видимо, прототипами бронзовых армянских браслетов являлись золотые ахеменидские браслеты (Amandry P., 1958, табл. 8, *3*). К первой же группе относятся браслеты из круглой в сечении проволоки со сходящимися, расходящимися и заходящими друг за друга концами, плоскими или змеиноголовыми. К ней же принадлежат и браслеты, изготовленные из широких бронзовых пластин с расходящимися концами, украшенные снаружи врезными параллельными линиями, кружочками с точечными углублениями в центре и т. д.

Большая часть бус — из стекла. Они имеют различную форму (чаще всего биконическую или шаровидную) и различный цвет (синий, зеленоватый, черный). Встречаются бусы с остатками позолоты. Каменные бусы редки.

Погребальный обряд. Для раннеармянского периода, как и для предшествующего ему урартского, характерно многообразие вариантов погребального обряда. Все варианты, засвидетельствованные в то время, существовали уже ранее. Чаще всего встречаются каменные ящики как для индивидуальных, так и для коллективных (до нескольких десятков) захоронений. В развалинах урартского города Тейшебаини находились каменные ящики овальной в плане формы, перекрытые плитами в виде ложного свода (Мартиросян А. А., 1961, рис. 3). В Кармир-блуре погребения содержали одиночные, в редких случаях парные костяки в скорченной позе на боку (как в захоронениях аборигенов урартского времени). Иногда встречаются и погребальные ложа (например, в Джирарте), очень похожие на те, которые употреблялись в VIII—VII вв. до н. э. (Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961, с. 69; Есаян С. А., 1968, с. 82, 86).

Курган с кремацией обнаружен в местности Гезлу в Шамшадинских горах (Есаян С. А., 1965, с. 229 сл.). Погребение представляет собой круглую яму, в центре которой находилась яма меньшего диаметра. В ней была произведена кремация. Яма до уровня дна основной ямы заполнена золой, пеплом, углем. Основная же камера заполнена камнями. В ней находился и погребальный инвентарь (главным образом керамика).

Искусство (табл. XIII). Произведения искусства раннеармянского времени известны мало. Некоторое представление можно составить только о торевтике, ювелирном деле, глиптике. На территории Армении найдено довольно значительное число бронзовых, серебряных и золотых сосудов и украшений (*Тирацян Г. А.*, 1969; *Аракелян Б. Н.*, 1971). Особенно интересны ритоны — роговидные металлические сосуды, нижняя часть которых оформлена в виде фигурок грифона, козерога, лани, всадника и т. д. Эти предметы, стилистически составляющие одну группу, характеризуются некоторой скованностью, сочетанием схематичности с тенденцией к реалистической передаче ряда деталей. Наиболее близкие аналогии этим произведениям встречаются в ахеменидском искусстве, хотя отмечаются некоторые традиции и искусства Урарту.

Прекрасным образцом ювелирного искусства является пектораль, найденная в Армавире. Она имеет форму полумесяца, на концах ее — фигурки обращенных в противоположные стороны птиц. Между ними помещено схематизированное изображение трех деревьев. Нижняя часть пекторали окаймлена рядом чередующихся цветков и бутонов лотоса. Вся композиция передана при помощи инкрустации разноцветными камнями (синими, красными, белыми), вставленными в специальные ячейки.

В раннеармянское время были распространены резные камни: многогранники, скарабеоиды, каменные или стеклянные, воспроизводящие сцены охоты и единоборства, а также отдельных животных (Хачатрян Ж. Д., 1965; 1974; Тирацян Г. А., 1971б). Среди произведений глиптики выделяются две основные группы — привозные и местные. Местные характеризуются более суммарной трактовкой фигур, их скованностью и застылостью, несоразмерностью изображений, более грубой работой. Привозные относятся к числу так называемых греко-персидских резных камней, производившихся в западной части Малой Азии. Они отличаются более свободным расположением фигур, лучшей моделировкой и передачей деталей.

Нумизматические и эпиграфические материалы. Армения в рассматриваемое время не чеканила собственной монеты. На ее территории найдено небольшое число афинских монет VI в., милетских V в., ахеменидских VI—IV вв. до н. э. (Мушегян Х. А., 1975, с. 4 и сл.). Единственным эпиграфическим памятником является трехъязычная надпись Ксеркса II на Ванской скале.

* * *

Археологические материалы (правда, еще пока очень незначительные) позволяют выявить некоторые важные особенности развития культуры и политической истории Армении в VI—IV вв. до н. э. (Мнацаканян А. О., Тирацян Г. А., 1961, с. 80—83; Тирацян Г. А., 1964а, с. 77—78). Территория Армении была разделена ахеменидскими царями на две сатрапии. Видимо, центром XIII сатрапии являлся Ван, XVIII — Аринберд (Эребуни). В материальной и духовной культуре рядового населения были чрезвычайно сильны традиции предшествующего времени, в культуре же верхних слоев общества ощущаются теснейшие связи с основными центрами Ахеменидской державы.

Глава третья
Восточное Закавказье

Племена Иберии

Территория современной восточной Грузии, к востоку от Сурамского хребта, в верхнем течении р. Куры была занята восточногрузинскими племенами (самоназвание — «карты»). Здесь в III в. до н. э. возникло государство, которое греко-римские историки называли Иберией (рис. 4). На протяжении всей древней истории существовало различие между западной и восточной Грузией — Эгриси и Картли. Основным населением восточной Грузии были карты, но в горных районах проживали и северокавказские племена (подробнее см.: Меликишвили Г. А., 1959, с. 266—298; Мусхелишвили Д. Л., 1978б, с. 146—200). На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. здесь складывается своеобразная культура раннежелезного века. Завершающим этапом эпохи широкого освоения металла считается вторая половина VII—VI в. до н. э. (Абрамишвили Р. М., 1961), когда произошла почти полная замена бронзовых орудий труда и оружия (за исключением наконечников стрел) железными.

Источники. Письменные данные по истории этого региона в первой половине I тысячелетия до н. э. практически отсутствуют. Только самый конец периода освещают грузинские средневековые сочинения «История царей» Леонтия Мровели и «Обращение Картли», анализ которых, однако, чрезвычайно сложен. Археологические источники для понимания процессов, происходивших на территории, занятой иберийскими племенами, довольно значительны. Они представлены как материалами раскопок поселений, так и некрополями.

Поселения этого периода были расположены на холмах и, как правило, развивались на тех же местах, что и в предыдущую эпоху, достигая иногда довольно внушительных размеров. Раскопки одного из таких поселений так называемого протогородского типа, возникшего еще во второй половине II тысячелетия до н. э. и просуществовавшего до VI в. до н. э., ведутся на западной окраине г. Тбилиси, на Дигомской равнине, на холмах Трелигореби, растянувшихся на 1,5 км. Особенно густо были заселены восточные склоны холмов. О большой плотности населения свидетельствует то, что жилые и хозяйственные комплексы непосредственно примыкают друг к другу, а перекрытие одного здания являлось двориком для жителей дома на верхней террасе за этим помещением (Абрамишвили Р. М., 1978, с. 19).

Описанный выше тип поселения характерен для всего II — первой половины I тысячелетия до н. э. Он обнаружен в Ховле (Мусхелишвили Д. Л., 1978а), Мцхета (Апакидзе А. М., Каландадзе А. Н. и др., 1978, с. 109—119), в окрестностях Уплисцихе (Хахутайшвили Д. А., 1964, с. 16—50).

Типичный пример развития такого поселения представляет собой Ховлегора (около станции Гракали, на правом берегу р. Куры). Раскопками (1954—1961 гг.) вскрыт мощный культурный слой, состоящий из восьми строительных горизонтов, на основе которых прослеживается жизнь поселения с XV в. до н. э. до IV в. до н. э. Установлено, что первоначальное поселение возникло на искусственном холме, огороженном каменной оградой. С XII в. до н. э. поселение постепенно располагается вокруг этого холма, принявшего функцию цитадели и места отправления культа, и отделяется от него глубоким рвом и несколькими поясами мощных каменных оград. Недалеко от поселения возникает участок для керамического производства (Мусхелишвили Д. Л., 1978а).

К VI в. до н. э. упомянутые выше крупные поселения приходят в упадок или прекращают существование. На большинстве из них фиксируются следы насильственных разрушений и сильных пожаров. Трудно сейчас объяснить причину этих кризисных явлений, нашедших отражение в археологических материалах. Во всяком случае, на хорошо изученных памятниках явно фиксируются определенные лакуны для конца VI и первой половины IV в. до н. э. Так, например, на Самтаврском могильнике с VI в. резко сокращается число погребений, а для V—IV вв. до н. э. они пока почти полностью отсутствуют. То же самое наблюдается и в районе Трелигореби. Огромное поселение с весьма обширным могильником, в том числе с богатыми захоронениями в деревянных или каменных склепах, отличающимися обилием оружия и предметов высокохудожественного достоинства, следами сложного заупокойного ритуала (Абрамишвили Р. М., 1978), с VI в. до н. э. также приходит в полный упадок (жизнь восстанавливается лишь с позднеэллинистической эпохи).

Однако вышесказанное вовсе не означает полного повсеместного опустошения. Так, например, в V в. до н. э. все еще полнокровная жизнь продолжалась на поселении Ховлегора, как об этом свидетельствует разнообразный археологический материал горизонта «Ховле II». Однако анализ материала позволяет говорить и о культурных инновациях (начавшихся уже в VI в. до н. э.). Появляются новые формы красноглиняной керамики: «чайникообразные сосуды» — одноручные кувшины с трубчатым носиком на тулове, остродонные сосуды, фляги, резко профилированные фиалы и др. (Мусхелишвили Д. Л., 1978а, с. 50—55). Совершенно аналогичная керамика представлена и в погребениях V в. до н. э. в юго-восточной Грузии (Давлианидзе Ц. О., 1978.

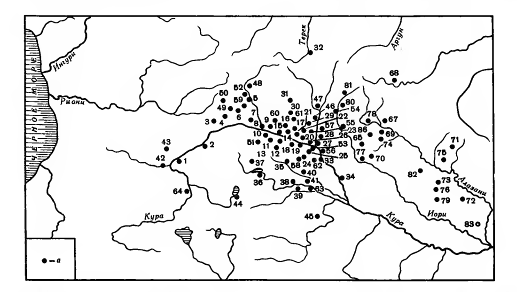


Рис. 4. Памятники Иберии

1 — Ацкури; *2* — Борджоми; *3* — Сурами; *4* — Али; *5* — Цхинвали; *6* — Дедоплис Миндори; *7* — Урбниси; *8* — Гори; *9* — Уплисцихе; *10* — Ховле; *11* — Земо Хаидаки; *12* — Гостибе; *13* — Ахалкалаки; *14* — Каспи; *15* — Метехи; *16* — Игоети; *17* — Оками; *18* — Кавтисхеви; *19* — Самадло; *20* — Настакиси; *21* — Агаиани; *22* — Мухрани; *23* — Дзалиси; *24* — Ничбиси; *25* — Цихедиди; *26* — Саркине; *27* — Мцхета; *28* — Цицамура; *29* — Цилкаии; *30* — Квемо Боли; *31* — Садзегури; *32* — Казбеки; *33* — Тбилиси; *34* — Рустави; *35* — Манглиси; *36* — Кущи; *37* — Саита; *38* — Тетри Цкаро; *39* — Болниси; *40* — Ардасубани; *41* — Цинцкаро; *42* — Ахалцихе; *43* — Одзрхе; *44* — Пока; *45* — Цопи; *46* — Арагвиспири; *47* — Жинвали; *48* — Монастери; *49* — Авлеви; *50* — Абаио; *51* — Атени; *52* — Тамарашеии; *53* — Дзегви; *54* — Симониантхеви; *55* — Сиони; *56* — Загеси; *57* — Сагурамо; *58* — Лаврисхеви; *59* — Двани; *60* — Рене; *61* — Ламискана; *62* — Цкнети; *63* — Арухло; *64* — Цунда; *65* — Гомбори; *66* — Икалто; *67* — Напареули; *68* — Омало; *69* — Гулгула; *70* — Сагареджо; *71* — Лагодехи; *72* — Архилоскало; *73* — Когото; *74* — Телави; *75* — Улиаиовка; *76* — Апага; *77* — Ниноцминда; *78* — Земо Алваии; *79* — Квемо Магаро; *80* — Челети; *81* — Артани; *82* — Хорнабуджи; *83* — Хораита; а — поселеиие. Карту составил Г. Г. Цкитишвили

с. 6). Их появление объясняется усилившимися торгово-экономическими и культурными связями с ахеменидским миром (Мусхелишвили Д. Л., 1978а, с. 93—97).

В VI—V вв. до н. э. интенсивная жизнь протекает в юго-восточном районе Иберии (так называемом Квемо Картли). О густоте населения свидетельствует серия погребений, открытых почти во всех селениях этой области (Куфтин Б. А., 1941, с. 34—64; Давлианидзе Ц. О., 1977; Абрамишвили Р. М., Гугашвили Н. И., Казиани К. К., 1980).

Архитектура. Фортификация. Характер застройки возникающих в начале I тысячелетия до н. э. поселений (некоторые исследователи, например Д. А. Хахутайшвили, 1973, считают их городами) определяется следующими чертами: центр поселения представлял собой укрепленную возвышенность, на которой (как считается) находились общинные святилища и проживала общинная аристократическая верхушка. Фортификационная система была представлена широким рвом и стеной, построенной из камня, дерева или кирпича-сырца. Вокруг укрепленной части поселений находилась неукрепленная, где, видимо, проживали рядовые члены общин (Хахутайшвили Д. А., 1973, с. 179). Исследованиями зафиксированы также специальные кварталы ремесленников, располагавшиеся на некотором удалении (иногда весьма значительном) от основного поселения. Их обитатели занимались одним или несколькими видами ремесла (гончарное дело, металлургия, металлообработка и т. п.) (Хахутайшвили Д. А., 1966, с. 67—72, 125—142; 1973, с. 182).

Жилища выявлены на холмах Трелигореби (в окрестностях Тбилиси). Они представляли собой однокомнатные полуземлянки с плоским перекрытием. В некоторых помещениях сохранились остатки опорных деревянных бревен. Стены жилищ, возведенных из рваных камней и булыжников на глиняном растворе, изнутри были оштукатурены глиной. В каждом доме обнаружены печи, рядом с которыми обычно находились невысокие площадки с жертвенниками разных форм. В хозяйственных помещениях, иногда непосредственно примыкавших к жилым комнатам, найдены закопанные в землю большие глиняные сосуды для хранения вина, уксуса и других сельскохозяйственных продуктов.

Основой экономики иберийских племен было сельское хозяйство. Видимо, достаточно высокого уровня развития достигло и ремесло. Во всяком случае, засвидетельствованы гончарство, металлургия, металлообработка, ювелирное дело и т. д. (Хахутайшвили Д. А., 1966, с. 62—72, 125—142). Любопытны гончарные круги, аналогичные урартским (Мусхелишвили Д. Л., 1978а, с. 44—48). Известны керамические обжигательные печи.

Орудия труда и оружие (табл. XIV) обнаружены главным образом при раскопках некрополей: железные топоры нескольких типов (в основном с молоткообразным четырехгранным обухом); ножи, из которых наиболее часты согнутые, малых размеров; железные мечи с широким лезвием; акинаки; железные наконечники копий с открытой трубчатой втулкой, различающиеся формой лезвий (длинные, с резко выделенным посередине ребром; листовидные или удлиненно-треугольной с низким центральным ребром); «штыковидные» наконечники копий; костяные, бронзовые и железные наконечники стрел (главным образом втульчатые бронзовые трех-

лопастные «скифских типов») (Абрамишвили Р. М., 1957, с. 125—127).

Керамика (табл. XV) как по форме и орнаментации (врезной и лощеный геометрический рисунок), так и технологии (черного или темно-серого обжига) продолжает традиции предыдущей эпохи. Вместе с тем с конца VII и в VI в. до н. э. появляется красноглиняная, покрытая красной же краской керамика (местное производство которой доказывается открытием гончарных обжигательных печей), несущая, однако, новые черты, порожденные влиянием урартских традиций. Это большие пифосы с характерным треугольным в сечении горлом и плоским венчиком, украшенные рельефным пояском в виде крученой веревки; безручные кувшины с сигарообразным корпусом; кувшины с трегубым венчиком; глубокие миски и чаши с вогнутым внутрь венчиком или открытые; профилированные фиалы, гончарный круг (совершенно аналогичный урартским, найденным в Кармир-блуре и Кайалыдере) и др. (Мусхелишвили Д. Л., 1978а, с. 44—48). Их появление объясняется инфильтрацией в местную среду новых этнических масс, находившихся под воздействием урартской культуры (Мусхелишвили Д. Л., 1978а, с. 66; 1978б, с. 90—92; Давлианидзе Ц. О., 1977).

Украшения известны главным образом по находкам в некрополе: бронзовые фибулы, бронзовые и серебряные «лучеобразные серьги», перстни, колокольчики; браслеты, на концах которых находились стилизованные изображения животных, в основном змей; сердоликовые, агатовые, янтарные, стеклянные и пастовые бусы различной формы.

Погребальный обряд. Основным типом погребений в начале исследуемого периода, как и в предыдущую эпоху, были грунтовые, иногда с каменной насыпью. Покойники уложены в скорченном положении. В южных районах восточной Грузии в этот период уже встречаются каменные ящики, составленные и перекрытые плоскими плитами (Куфтин Б. А., 1941, с. 48—51). Позднее (ориентировочно с V в. до н. э.) ведущим типом становятся каменные ящики, каждая из стенок которых выложена обычно из двух—четырех каменных глыб, перекрытых цельной плитой (или 2—3 камнями). Длина колеблется от 90 до 150 см, ширина — от 50 до 130 см. В большинстве случаев погребения ориентированы с востока на запад. Покойников укладывали на правом или левом боку с сильно скорченными верхними и нижними конечностями. В качестве погребального инвентаря в могилы помещали оружие (копья, мечи, ножи, топоры, стрелы), украшения, керамику.

От обычных отличаются погребения, принадлежащие, по всей видимости, представителям племенной знати, обнаруженные в Хеви (Цитланадзе Л. Г., 1976), Ахалгори (Смирнов Я. А., 1934), Конгаети (Гагошидзе Ю. М., 1964) и Алгети (Куфтин Б. А., 1941, с. 34—41; Давлианидзе Ц. О., 1976). Погребальный обряд здесь тот же самый, что и в рядовых погребениях, а отличия заключаются в характере инвентаря В могилах найдено большое количество золотых и серебряных украшений (шейные гривны, ожерелья, серьги, височные украшения, перстни, бляхи, серебряные и бронзовые сосуды и т. д.).

* * *

Первая половина I тысячелетия до н. э. на территории восточной Грузии — время изживания первобытнообщинных отношений. Формирование поселений с цитаделями, наличие социальной и экономической дифференциации общества, выявляемой благодаря исследованиям некрополей, — свидетельства этого процесса. Конец V в. и первая половина IV в. до н. э. на описываемой территории знаменуется оформлением отдельных территориально-административных единиц, во главе которых становится местная родовая аристократия. Центры этих новых социально-политических образований локализуются в ущельях рек. Процесс становления классового общества и государства ускоряется благодаря контактам с Ахеменидской державой, в зависимости от которой, видимо, находились племена Иберии.

Племена на территории Азербайджана

На территории Азербайджана в первой половине I тысячелетия до н. э. существовали, по всей видимости, несколько союзов племен. Практически полное отсутствие письменных свидетельств для этого периода резко повышает роль археологических материалов (рис. 5).

Поселения. На территории Азербайджана зафиксированы поселения двух типов — укрепленные и неукрепленные. Укрепленные поселения (так называемые циклопические сооружения) особое распространение получили на Малом Кавказе и в Нахичевани. До недавнего времени функциональное назначение «циклопических сооружений» было объектом дискуссий. Их считали культовыми сооружениями, опорными пунктами на торговых

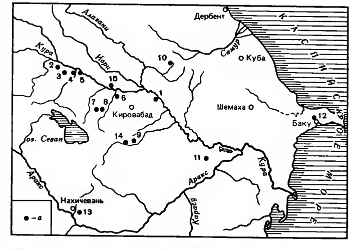


Рис. 5. Памятники раннего железного века Азербайджанской ССР

1 — Мингечаур; *2* — Сарытепе (Казахский район АзССР); *3* — могильник у с. Казахбейли; *4* — Тойратепе; *5* — Шомутепе; *6* — поселение и могильники (Ханларский район); *7* — могильники Кедабекского района; *8* — могильники Дашкесанского района; *9* — Ходжалинские курганы; *10* — грунтовые погребения Варданлы; *11* — Каратепе; *12* — могильники и поселения Апшерона; *13* — Кюльтепе; *14* — Арчадзорские курганы; *15* — Шамхорские грунтовые погребения; а — древнее поселение. Составитель Дж. Халилов

путях, укреплениями-убежищами для населения и скота и т. д. (Мещанинов И. И., 1932, с. 68; Джафарзаде И. М., 1938, с. 51—52; Абилова Г. А., 1953, с. 12; Халилов Дж. А., 1959, с. 43 и т. д.). Раскопки последних лет показали, что они представляют собой укрепленные стенами поселения (Кесаманлы Г. П., 1972, с. 70—73). Эти поселения занимали, как правило, возвышенности. Размеры их зависели от величины холма. Иногда рядом с укрепленным поселением существовало и неукрепленное (например, «Пир калагасы» в 1,5 км от Кедабека, на горе Магара-Даг — Халилов Дж. А., 1959, с. 28). Укрепленные поселения встречены и в предгорной, низменной полосе; например, Ханларское поселение 1 площадью 63 га (Гуммель Я. И., 1940а, с. 80—102; Нариманов И. Г., 1958, с. 45—47).

Неукрепленные поселения зафиксированы в ряде мест Азербайджана — Мингечауре (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959), в Казахском районе — Сарытепе, Казахбейли, верхние слои Тойретепе, и Шомутепе и др. (Халилов Дж. А., 1958; 1960а; Нариманов И. Г., 1959; Нариманов И. Г., Халилов Дж. А., 1962), Ханларском районе (Гуммель Я. И., 1940а); Нахичевани (Абибуллаев О. А., 1959), Физулинском районе, на Апшероне (Асланов Г. М., 1965) и других местах. Эти поселения почти всегда занимали поверхность холмов и иногда территорию вокруг них. Поверхность холмов предварительно выравнивалась. Обычно в больших поселениях наиболее возвышенные части холма заселяли представители привилегированных слоев общества.

Фортификация. «Циклопические сооружения» не имели регулярного плана, их планировка целиком зависела от конфигурации холма и рельефа местности. Стены обычно выкладывались из массивных бутовых камней без применения связующего раствора. Сохранившаяся высота их 1,5—2 м (один-два ряда камней). На Ханларском поселении 1 с одной из сторон располагался вал (сохранившиеся размеры: высота 1,3 м, ширина 6 м), с трех других — каменные стены.

Застройка. Строительная техника. Архитектура. Археологические исследования выявили жилища (различных типов), хозяйственные сооружения, дворцы, и т. д. Жилища делали как в виде полуземлянок, так и в виде наземных построек. В основном они имели размеры 20—25 кв. м, иногда встречаются более 35—40 кв. м. В плане они, как правило, прямоугольные. Фундаменты выкладывались из камня-булыжника, стены — из сырцового кирпича или битой глины. Крыши были одно-или двускатные. Их делали из жердей, соломы, камыша, а затем обмазывали глиной, перемешанной с соломой. Стены и пол также обмазывали глиной. Полы предварительно утрамбовывали. В Мингечауре исследовали прямоугольные или трапециевидные в плане полуземлянки. Наземные части их были выполнены из камыша и прутьев. Стены также обмазаны глиной с примесью соломы. Сверху полуземлянки покрывали односкатной кровлей, состоящей из жердяного наката, покрытого камышом, ветками, сухой травой, присыпанной землей и обмазанной глиной (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959). В каждом жилище у стены (иногда в середине, ближе к двери) располагались углубленные в землю очаги. Один раз встречена прямоугольная печь, сложенная из камней-булыжников. Она имела округлое углубление, завершающееся внизу продольным каналом-поддувом (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 41).

Видимо, жилищем представителя родовой знати является многокомнатный дом, обнаруженный в нижних слоях Каратепе (Исмизаде О. Ш., 1962, с. 171—217). Стены его выложены из квадратного сырцового кирпича (42×42×14, 42×42×12, 38×38×12, 36×36×14, 32×32×14 см и т. д.) на глиняном растворе. В стенах помещений обнаружены как дверные, так и оконные проемы. Полы были тщательно обмазаны глиной с примесью соломы и заглажены. Найдены также каменные базы деревянных колонн, остатки тандыров, многочисленных хозяйственных и мусорных ям.

Хозяйственные и подсобные помещения идентичны по планировке и способам строительства жилым. В них чаще всего находились врытые в землю хозяйственные кувшины (кюпы), в которых хранились пищевые припасы.

Видимо, зданием дворцового типа является сооружение, выявленное в верхних слоях Сарытепе (Нариманов И. Г., 1960б, с. 162, 163) (табл. XVI). К сожалению, значительная часть его разрушена при земляных работах. Остатки позволяют реконструировать план здания. Внутренняя часть включала зал площадью около 300 кв. м., в котором обнаружены каменные базы колонн «персеполитанского» типа. Зал окружен 12 комнатами, выход из него был на восток, во внутренний двор, окруженный в свою очередь 23 комнатами и 9 четырехугольными башнями. Главный вход во дворец находился в восточной стене и фланкировался двумя башнями. Стены имели ширину до 1,3 м, были выполнены из сырцового кирпича (36×36×12, 36×36×14 см), возведены на фундаменте из камня-булыжника (высота 0,5 м). Они оштукатурены глиной (с примесью соломы), сохранились остатки побелки. Комплекс датируется серединой I тысячелетия до н. э., самые близкие аналогии ему — в архитектуре ахеменидского Ирана. По мнению некоторых исследователей, он представляет собой резиденцию сатрапа (Тирацян Г. А., 1964б, с. 3).

Хозяйство. Основой экономики племен Азербайджана являлось земледелие. Из зерновых возделывались пшеница, ячмень, просо (Бунятов Т. А., 1957, с. 59; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 122—124; Мустафаев И. Д., 1955, с. 33—34). Землю обрабатывали деревянным плугом и сохой, использовались также железные и костяные мотыги. При сборе урожая применяли железные серпы (Казиев С. М., 1947, с. 143). Молотьбу производили при помощи тягловой силы, о чем свидетельствуют найденные при раскопках молотильные доски (Гуммель Я. И., 1949, с. 55). Зерно хранилось в ямах и больших глиняных кувшинах (кюпах). Было развито и садоводство. При раскопках обнаружены косточки персика, граната, черешни, алычи, винограда, грецкие орехи, фундук, миндаль (Гуммель Я. И., 1940а, с. 110; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 124—125). Об

этом же свидетельствуют и находки садовых орудий (секачи, серповидные ножи и т. п.). О наличии виноградарства можно судить по остаткам затвердевшего вина (Негруль Л. М., 1960), а также косточек винограда (найдены на Сарытепе) (Нариманов И. Г., 1960б, с. 34; Халилов Дж. А., 1960а, с. 69). Археологические материалы позволяют также говорить о развитии скотоводства (Бунятов Т. А., 1957), особенно овцеводства.

В первой половине I тысячелетия до н. з. па территории Азербайджана происходит значительный подъем ремесла, особенно металлургии и металлообработки. К сожалению, о характере и уровне их развития можно судить главным образом на основании изучения предметов, найденных при раскопках, так как сами мастерские еще археологически не выявлены. Отметим находку каменной формы для изготовления бронзовых топоров-тесел в Мингечауре (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959) и каменных форм для отливки боевых топоров (Hummel J., 1933, с. 233; Нариманов И. Г., 1958, с. 132).

Не подлежит сомнению высокое развитие гончарного ремесла. В районе Мингечаура были обнаружены четыре одноярусные гончарные печи, датированные началом I тысячелетия до н. э. (Ионе Г. И., 1951, с. 77). О ткачестве свидетельствуют остатки тканей, многочисленные пряслица из глины, камня и кости, грузила для ткацких станков. В Мингечауре обнаружены предметы с остатками льняных и шерстяных тканей на них (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 152 – 154). Производились также войлок и циновки. Можно думать, что существовали кожевенное производство, деревообработка, обработка камня, кости и т. д.

Археологические материалы говорят и о наличии экономических связей с окружающими странами. Судя по этим материалам, основную роль играли связи с Передним Востоком. При раскопках обнаружены: глазурованные сосуды, цилиндрические печати (с характерными для Передней Азии сюжетами), некоторые золотые изделия, кинжалы так называемого переднеазиатского типа, бусы из камня. стекла и пасты, в том числе агатовая бусина с клинообразной надписью (Мещанинов И. И., 1926), изделия из перламутра и предметы, инкрустированные перламутром, золотом и слоновой костью, изделия из олова и т. п. (Джафаров Г. Ф., 1978). Некоторые привозные вещи явно поступали из очень отдаленных районов — Египта, Палестины, Индии (Джафаров Г. Ф., 1978).

Орудия труда (табл. XVII). Для производства орудий труда использовались железо, бронза, камень, кость. Из железа изготовлялись лемехи для плугов, серпы, ножи, ножницы, секачи, из бронзы — широко распространенные в то время клиновидные топоры-тесла. Последние применялись для обработки дерева (Куфтин Б. А., 1944, с. 33), кожи (Ниорадзе Г. К., 1947, с. 189), а также при земляных работах (Халилов Дж. А., 1959, с. 42).

Широко использовались бронзовые однолезвийные черенковые ножи с утолщенной спинкой и двулезвийные с закрепленным концом и овальным отверстием на конце. Рукоятки этих ножей были деревянными или костяными. Из бронзы изготовлялись шилья, иглы, крючки.

Некоторые орудия труда оставались каменными, например мотыги, сделанные из речных голышей. Каменными были зернотерки, ступы, песты и т. д.

Оружие. Конское снаряжение (табл. XVIII). Оружие племен Азербайджана изготовлялось в описываемый период как из бронзы, так и из железа. Мечи в основном бронзовые. Они длинные, с широким клинком. На клинке часто вырезаны фигурки коз, змей, изредка вставлены камни. Часть мечей имеет железный клинок и бронзовую рукоять. Длина их 72—75 см (Халилов Дж. А., 1958, с. 35). Судя по остаткам дерева, их носили в деревянных ножнах, обтянутых кожей.

Основное место в вооружении племен Азербайджана занимали бронзовые и железные кинжалы. Часто встречаются цельнолитые бронзовые кинжалы с язычком для насадки деревянной или костяной ручки, завершающейся ажурной бронзовой головкой, реже — цельнолитые бронзовые без язычка, имеющие специальные выемки на ручке для крепления деревянных или костяных накладок. Железные кинжалы по форме напоминают бронзовые первого типа.

Одним из основных видов оружия были копья с деревянным древком и бронзовыми или железными наконечниками. Бронзовые наконечники представлены двумя разновидностями: 1) с раскрытой трубчатой втулкой; 2) с плоскими и широкими краями, листовидной формы, снабженные конусообразной втулкой с одним или двумя отверстиями для крепления древка. Железные наконечники повторяют формы бронзовых. В качестве оружия использовались и топоры-секиры, засвидетельствованные многочисленными находками как самих топоров, так и каменных форм для их отливки (Нариманов И. Г., 1958, с. 132; Халилов Дж. А., 1958, с. 14—15; Hummel J., 1933, с. 233, рис. 29). Были известны и боевые вилы, изготовлявшиеся как из бронзы (часто), так и железа (редко). Втулка двузубых вил обычно расширяется внизу, иногда украшена рельефными выступами или головками хищников.

При раскопках найдено большое количество наконечников стрел. Они представлены двумя типами: «закавказским» и «скифским». «Закавказские» — черенковые, треугольной формы, с острыми опущенными краями. Они употреблялись с конца II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э. «Скифские» — трехгранные, втульчатые, с резко выраженными гранями, на некоторых втулках имеются шипы (Ионе Г. И., 1953, с. 81—93; Халилов Дж. А., 1971, с. 186).

Распространение наконечников этого типа связывают главным образом с нашествием скифов на Кавказ. Высказывается также мнение о том, что они могли появляться и из Мидии (Пиотровский Б. Б., 1949, с. 124; Ионе Г. И., 1953, с. 86). Встречаются наконечники стрел, сделанные из кости: граненые, имеющие в сечении форму ромба с удлиненными углами и втульчатые круглого сечения с утолщением у конца острия (Ионе Г. И., 1953, с. 81—98). Единственным экземпляром представлен тип железного наконечника с язычком на конце для насадки на деревянный черенок (Ивановский А. А., 1911).

Защитный доспех известен плохо. Найдены металлические пластинки, которые, как считают, являлись умбонами щитов (Халилов Дж. А., 1959, с. 109—111).

Эпоха раннего железного века характеризуется появлением двухъярусных удил (Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 115). Характерные образцы этих удил — без псалий, жгутовые; с пластинчатыми крючковатыми псалиями; с напускными прямыми стержневыми псалиями — обнаружены в Мингечаурских курганах (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 96, табл. XXXIX).

Керамика (табл. XIX). Глиняные сосуды в основном были изготовлены на гончарном круге, реже — от руки. Они черного или бурого цветов. По способам орнаментации делятся на следующие группы: сосуды, имеющие белую инкрустацию на поверхности, и сосуды темного цвета, орнаментированные врезными линиями и лощением.

Первая группа представлена чашами с высокими краями, кувшинами с невысоким трубчатым горлом и округлым венчиком, а также некоторыми другими типами. Для этой группы характерен орнамент в виде волнистых линий, штрихов, треугольников, точек, меандров, примитивных фигур животных и т. д. Керамика описываемой группы распространена главным образом в западном Азербайджане (Нариманов И. Г., 1958, с. 99—100; Халилов Дж. А., 1959, с. 76—80).

Во вторую группу входят горшки с двумя или одной ручкой, миски, кружки, кувшины с трубчатым горлом и круглым, реже трехлепестковым, венчиком, зооморфные и антропоморфные сосуды, вазы, сосуды в виде сапожков и т. д. (Халилов Дж. А., 1959, с. 85—89; Нариманов И. Г., Халилов Дж. А., 1962; Казиев С. М., 1949, с. 20; Голубкина Т. И., 1951, с. 103—140). Самой распространенной формой среди этой группы являются горшки. Они, вероятно, использовались для варки пищи. Орнамент состоит из вдавленных линий белого цвета. Кувшины имеют одну или две ручки, иногда ручки имитируют головки животных. Поверхность лощеная, орнамент состоит из врезных и лощеных зигзагообразных, сетчатых линий, лепных пуговок и фигурок. Миски имеют различные размеры, поверхность их ровная, без орнамента, дно плоское, края изгибаются наружу. На внутренней поверхности некоторых мисок — орнамент, нанесенный при помощи сильного лощения в виде кружков, расходящихся лучистых линий и т. д. Сосуды для хранения продуктов (кюпы) двух типов — широкогорлые и узкогорлые, обычно серого цвета.

Бытовая утварь. Одежда (табл. XX). Посуда изготовлялась не только из глины. Иногда материалом для ее производства служил камень. Каменные сосуды имели следующие формы: маленькие горшкообразные сосуды с крышкой, вазы на украшенной спиральным орнаментом ножке, неглубокие тарелки с ручкой в виде бараньей головки и т. д. (Казиев С. М., 1949, с. 23—24; Халилов Дж. А., 1959, с. 89—91; Исмаилов Г. С., 1973, с. 90—101). Для помола зерна использовали каменные зернотерки в основном ладьевидной формы. Известны также каменные ступки. Из глины изготовляли переносные очаги, очажные подставки и т. п. Ткани, использовавшиеся для пошива одежды, практически до нас не дошли. О покрое одежды дают некоторое представление изображения людей на бронзовых поясах (Халилов Дж. А., 1962, с. 79, 82, 86). При раскопках встречено некоторое количество фибул и пуговиц.

Украшения изготовляли из бронзы, сурьмы, полудрагоценных камней. Большое распространение получили цельнолитые браслеты с сомкнутыми или несомкнутыми концами и с рубчатой поверхностью. Встречаются также браслеты, между концами которых вставлена большая круглая сердоликовая бусина. Височные кольца изготовлялись из бронзовой проволоки; их носили подвешенными на металлической цепочке или ремешке. Пояса и венчики делали из листовой бронзы. Пояса очень часто покрывали сложным чеканным орнаментом (геометрические формы и изображения животных). Серьги, обычно бронзовые, снабжены иногда ажурной прорезной подвеской-шариком. Некоторые подвески из сурьмы имеют на лицевой стороне сложный геометрический орнамент.

Погребальные памятники и обряд захоронения. Ведущими типами погребальных памятников в эпоху раннего железного века являются курганы, каменные ящики и грунтовые погребения. Захоронения покойников под курганами — обряд, широко распространенный на данной территории в предшествующие эпохи. Насыпь курганов земляная, каменная и смешанная. Под ними встречаются могилы, врытые в грунт, гробницы в виде каменных ящиков и могильные камеры, покрытые бревенчатым накатом (Рёсслер Э., 1905, с. 15—18; Гуммель Я. И., 1931; 1939, с. 65—66; 1940б, с. 8—69; Джафарзаде И. М., 1941; Казиев С. М., 1949; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с 90—98; Нариманов И. Г., 1958, с 44—47; Халилов Дж. А., 1959, с. 46—60). Курганы с земляной насыпью — круглые или овальные в плане. Высота их различна. Под пятью курганами, обследованными в Мингечауре, оказались прямоугольные грунтовые камеры длиной около 10 м, шириной 6—7 м и глубиной 2,5—4,5 м. Пол, часть стен покрыты циновками. Камеры перекрыты толстыми балками, опиравшимися на подпорные столбы. В курганах находился богатый инвентарь, покойника сопровождали и лошади, число которых иногда доходило до шести (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 102—114). Курганы с земляными насыпями, исследованные в других районах Азербайджана, дали почти аналогичную картину (Кушнарева К. Х., 1957, с. 147). Наиболее ярким примером курганов с каменной насыпью может служить Ходжалинский курган 11. Здесь под насыпью находился каменный ящик, в котором лежал погребенный. Среди инвентаря — агатовая бусина ассирийского царя Ададнинари II (807—788 гг. до н. э.) (Пассек Т. С., Латынин Б. А., 1926, с. 53—66; Мещанинов И. И., 1926, с. 107—111; Джафарзаде И. М., 1941, с. 15—26). Из курганов со смешанной каменно-земляной насыпью особенно полно исследованы Арчадзорские курганы (Кушнарева К. Х., 1957, с. 136—137). Под насыпью в каменных ящиках больших размеров находились коллективные захоронения. Один из костяков вытянут, а остальные (видимо, сопровождавшие

его) в сидячем положении. В ящике — богатый погребальный инвентарь: керамические сосуды (лепные и изготовленные на гончарном круге), бронзовые предметы (кинжалы, мечи, удила, наконечники стрел, боевые вилы, секира, украшения и т. д.).

Наиболее распространенными, однако, были погребения без курганных насыпей (в каменных ящиках и грунтовых могилах). Каменные ящики обследованы в нагорных и предгорных районах Малого Кавказа, в Нахичеванской АССР, Нагорном Карабахе, на Апшероне и других районах Азербайджана (Гуммель Я. И., 1939, 1940а; Кесаманлы Г. П., 1965, с. 32—41; Алекперов А. К., 1960, с. 249—262; Абибуллаев О. А., 1961, с. 27—37; Джафарзаде И. М., 1948, с. 83). Каменные ящики сооружались из необтесанных плит известняка и сверху покрывались такими же плитами. Они имели различные размеры. В каменном ящике обычно находился один погребенный. Положение костяка могло быть самым различным (вытянут, на спине; скорченный на правом или левом боку; изредка в сидячем положении). В нахичеванских каменных ящиках обычно вместе с погребенным захоронена лошадь. Инвентарь состоит, как правило, из керамических сосудов, оружия, украшений.

Грунтовые могилы также достаточно обычны. Они обнаружены в Мингечауре (Казиев С. М., 1949, с. 9—43; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959), Варданлы (Казиев С. М., 1962а, с. 217), Казахском (Халилов Дж. А., 1958, с. 29—40), Шамхорском (Кесаманлы Г. П., Джафаров Г. Ф., Гусейнов М. А., Асланов Г. Г., 1978, с. 25—26) и других районах. Все могилы четырехугольные в плане (иногда с округленными углами), засыпаны землей, захоронения в них — одиночные, скорченные (на правом боку) или вытянутые, головой чаще всего ориентированы на северо-запад. Погребальный инвентарь состоит из керамики, оружия и украшений.

Культовые предметы и сооружения. Единственным сооружением, которое можно определить как культовое, видимо, является сооружение, обнаруженное на Сарытепе у г. Казаха (Халилов Дж. А., 1960, с. 69—70; Нариманов И. Г., 1959; 1960б). Здание имеет площадь 41,1 кв. м, перекрыто двускатной крышей. Приблизительно в середине здания находится своеобразный алтарь с глинобитными низкими стенами. С восточной стороны стена сравнительно низкая, с западной — более высокая с тремя низкими глиняными столбиками. В середину каждого из них вставлены шесты, обмазанные глиной. Снаружи и западная стена, и столбики покрыты лепными узорами в виде переплетенных солярных знаков. Все они обожжены. Рядом находились грубо вылепленные из глины фигурки: голова безрогого барана и двойная голова (на одной шее) — барана и кабана. Вокруг алтаря и вдоль северной и южной стен имеются полукруглые углубления, в которых стояли сосуды с продуктами. На полу обнаружены различные сосуды, в том числе своеобразный сосуд: два сообщающихся кувшина с изображением змеи на ручке.

Видимо, связаны с культом и глиняные штампы — пинтадеры (Халилов Дж. А., 1960а, с. 73; Нариманов И. Г., Халилов Дж. А., 1962, с. 6; Нариманов И. Г., 1973, с. 114—130). Рабочая часть штампов круглая или прямоугольная. Основу почти всех изображений на ней составляет свастика, выполненная нарезными желобчатыми линиями. Пинтадеры (за одним исключением) имеют прямую ручку (Нариманов И. Г., 1973, с. 119). Функциональное назначение сосудов — объект дискуссий. Их считали знаками собственности (Асланов Г. М., 1953, с. 563), печатями для опечатывания складов, зерновых ям, кюнов и т. д. (Казиев С. М., 1962а, 156, 170). Более предпочтительным является мнение о том, что они использовались для орнаментации священных хлебцов (Нариманов И. Г., 1973, с. 130).

Видимо, культовое назначение имеют некоторые сосуды — зооморфные, антропоморфные, сообщающиеся.

Предметы искусства. Высокого уровня достигло прикладное искусство. Самыми яркими образцами его являются бронзовые пояса (Халилов Дж. А., 1963, 68—108). Они украшены как геометрическим орнаментом, так и сюжетными изображениями. Чаще всего воспроизводились сцены охоты, борьба человека со львом, телега, запряженная волами, отдельные животные (олени, львы), птицы, змеи, фантастические животные. К сожалению, семантика этих изображений еще не исследована. Уникальными образцами прикладного искусства могут считаться также зооморфные и антропоморфные керамические сосуды с животными и птицами; ручки и носики сосудов завершались изображением головы человека или животного.

* * *

Рассматриваемая эпоха в истории племен, населявших в древности территорию Азербайджана, исследователями обычно определяется как время разложения первобытнообщинных отношений, канун становления классового общества и государства. Одной из форм проявления этого процесса явилось создание племенных союзов. Важную роль играли и внешние факторы: становление в непосредственной близости от рассматриваемой территории сначала государства Урарту и несколько позднее — Манну, Мидии, ахеменидского Ирана, а также движение скифских племен с севера не могли не сказаться на социально-экономической и политической ситуации в восточном Закавказье.

Глава четвертая
Западное Закавказье

Колхида в IV—I вв. до н. э.

Со второй половины IV в. до н. э. в развитии материальной культуры Колхиды наступил резкий перелом. Вторая половина IV в. до н. э.— первая половина III в. до н. з., видимо, могут считаться переходным периодом, вторая половина III—I в. до н. э. (иногда не совсем точно называемые позднеэллинистическим периодом) — время, когда в культуре данного региона появляется и развивается ряд новых черт. Уже в переходный период на территории Колхиды начинают вырисовываться два различных культурных ареала — приморская часть и восточные районы. Традиционные черты в культуре сильнее сохраняются в восточной, горной части Колхиды (см. рис. 1).

Источники. Письменные источники по истории Колхиды IV—I вв. до н. э. не очень значительны. Некоторые сведения по началу периода содержатся в «Периегесе» Псевдо-Скимна. Фрагменты из этого труда сохранились в «Перипле Понта Евксинского» неизвестного автора (V в. н. з.) (подробнее см.: Инадзе М. П., 1968, с. 70 и сл.). Наиболее значительная информация может быть получена путем анализа сочинения Страбона (Каухчишвили Т. С., 1957; Инадзе М. П., 1968, с. 75 и сл.), а также античных авторов, описывавших борьбу Митридата VI Понтийского с Римом, особенно последние этапы этой борьбы (подробнее см.: Немировский А. И., 1980, с. 154 и сл.; Шелов Д. Б., 1980, с. 199 и сл.). Некоторые сведения могут дать сочинения географического характера греческих и латинских авторов более позднего времени (Помпоний Мела, Плиний Старший, Клавдий Птолемей). Археологические материалы для характеристики периода получены главным образом из раскопок Вани и Эшерского городища, а также нескольких некрополей.

Поселения (табл. XXI). Хотя наличие значительного числа сельских поселений и городов на территории Колхиды рассматриваемого периода не вызывает сомнения, археологически они исследованы чрезвычайно недостаточно. Сельские поселения практически не изучены. Города еще только начинают изучаться. В приморской части Колхиды сколько-нибудь значительные материалы получены только при раскопках Эшерского городища (Шамба Г. К., 1980). Площадь его 4 га; оно занимало холм, расположенный на расстоянии более 1 км от моря. С двух сторон холм практически неприступен, однако можно предположить, что стены окружали его со всех сторон. Ясно различимы две террасы. Верхняя была заселена и в предшествующее время, нижняя — видимо, только начиная с эллинистической эпохи. Раскопки вскрыли некоторые участки городских укреплений и (частично) несколько зданий общественного назначения. О городах глубинной части Колхиды наиболее полное представление дают раскопки Вани (Вани, I—V). Основные строения (храмы, святилища, алтари, общественные здания) располагались на треугольном в плане холме, разделенном на три террасы и обнесенном мощными стенами (площадь 6—12 га; см.: Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 72). В северной части находились городские ворота, построенные в III в. до н. э.; видимо, можно предполагать, что Вани представляли собой город, являвшийся храмовым центром (тип города, хорошо известный по всему Переднему Востоку в эллинистическое время). Обширное поселение, обслуживавшее храмовый центр (Личели В. Т., 1977), открыто в низменной части нынешнего пос. Вани у слияния рек Сулори и Риони (его площадь, видимо, 20—25 га). Можно полагать, что именно этот город имел в виду Страбон (XI, 2, 17), рассказывая о разграблении святилища богини Левкотеи сначала боспорским правителем Фарнаком, затем Митридатом Пергамским (Лордкипанидзе О. Д., 1971; иная точка зрения см.: Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 72). Следы двукратного разгрома засвидетельствованы археологически. После первого из них жизнь теплилась только на верхней террасе, которая была поспешно обнесена стеной. Однако после второго нашествия она прекратилась и там.

Фортификация (табл. XXII). Укрепления Вани были возведены в III в. до н. э. (подробнее см.: Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 61 и сл.). Стены «верхнего» города были выполнены из сырцового кирпича, на каменном цоколе, высотой 1,1 м. Кладка его панциря, фасадные части состоят из трех рядов хорошо отесанных и подогнанных квадров, пространство между панцирями заполнено забутовкой (рваным камнем и булыжником на глине). Толщина цоколя 2,80 м, размеры квадров панциря 0,5×0,5×0,3 м. «Нижний» город также, видимо, был обнесен стенами аналогичного устройства (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 72).

В ходе исследования укреплений «верхнего» города выявлены и изучены остатки городских ворот и системы укреплений, прикрывавших их. С запада стены у крепостных ворот примыкали к отвесной скале, а с востока они были фланкированы башней. Поверхность грунта здесь выровнена каменными «подушками». Сохранившаяся западная половина крепостных ворот имела длину 3 м, ширину 2,8 м, сохранившуюся высоту 1,9 м. Возведена она насухо по двухпанцирной системе из хорошо отесанных и

подогнанных квадров. Забутовка представляет собой также регулярную кладку, где для нивелировки рядов, возведенных одновременно с панцирями, использован глиняный раствор. Фундамент стены впущен в скальный грунт. Верхняя часть укреплений ворот была выполнена из сырцового кирпича (размер 0,52×0,26×0,09 м).

У входа сохранился мраморный постамент для (несохранившейся) статуи богини-хранительницы. Неглубокий вертикальный паз по боковой стене служил для спуска железной решетки-катаракты, замыкавшей вход во время опасности. Еще дальше, на каменном пороге, сохранились дугообразные царапины от вращения обитых железом деревянных дверей. Северные ворота города были предназначены для пешеходов, т. е. представляли собой так называемые малые ворота. С востока почти вплотную к воротам примыкала полукруглая в плане башня диаметром около 12 м, выступавшая за гладь стены на 4 м. Она также выполнена в двухпанцирной системе, фундамент впущен в скалистый грунт, внутреннее помещение заполнено землей, что придавало башне монолитность. Кладка башни не связана кладкой городской стены (как советуют античные полиоркетики). Вполне возможно, что на верхней платформе этой башни была позиция для катапульт. На расстоянии 30 м от башни выявлена вторая (сохранился только цоколь).

Внутри за крепостной стеной сохранился каменный фундамент удлиненного в плане здания с сырцовыми стенами и черепичной кровлей, служившего, вероятно, казармой или арсеналом для стражи, охранявшей ворота.

Архитектурный комплекс городских ворот построен по всем правилам эллинистической фортификации. Строительная техника, конструктивное устройство ворот, основанное на принципе дипилона, и вся система обороны, несомненно, восходят к греко-эллинистическому началу. Но вместе с тем довольно отчетливо выступают особенности, наличие которых, несомненно, обусловлено местными традициями. К таковым следует отнести статую богини — хранительницы города, воздвигнутую с наружной стороны у входа.

Укрепления Эшерского городища (Шамба Г. К., 1980, с. 13 и сл.) были возведены во II—I вв. до н. э. Они выявлены на двух участках. Стены имеют толщину 1,8—2 м. Цоколь стен выложен из камня (булыжники и рваные известняковые плиты). Камни составляли панцирь, внутреннее пространство заполнялось бутовым камнем, глиной и битой керамикой. Верхняя часть стен была, по всей вероятности, выполнена из сырцового кирпича. С внутренней стороны к стене пристроено несколько небольших помещений, в которых, видимо, располагался караул. Башни имели почти прямоугольную форму. Две из них выступали за гладь стен, одна практически не выступала. Для строительства башен использовались необработанные валуны и известняковые квадры (во вторичном использовании). Наружные части стен башен сложены из камней более крупных размеров. Промежутки между камнями заполнялись глиной, битой керамикой, поверх наливался высококачественный известковый раствор. Расстояние между башнями несколько более 30 м. Можно думать, что перед стенами (на расстоянии 5—10 м от них) находился ров.

Застройка (табл. XXIII, XXIV). Характер застройки поселений Колхиды рассматриваемого времени может быть представлен только на основе застройки «верхнего» города Вани. На территории города открыто несколько сооружений. К основной стене городских ворот с внутренней стороны пристроено небольшое культовое здание, открытое с восточной стороны. У западной стены, точно посередине, воздвигнут каменный алтарь, вокруг которого были найдены приношения — 23 сосуда: миски, одноручные и двуручные кувшины, украшенные красными поясками, и пять амфор. Все сосуды являются местными изделиями. Две амфоры были полны просом, игравшим важную роль у грузинских племен в ритуале, связанном с божеством плодородия. К этому в целом небольшому храмику-святилищу ведет мощенная мелким булыжником мостовая длиной 18 м и шириной 2 м.

На нижней террасе в 100 м к юго-востоку от городских ворот располагался довольно обширный храмовый комплекс, занимающий примерно 800 кв. м. Он состоял из башнеобразного здания, жертвенной площадки, ступенчатого жертвенника, колонного зала и специального помещения для приношений (огромные пифосы, наполненные различными злаками).

Сложный архитектурный комплекс расположен в южной части центральной территории. Главным было святилище с мозаичным полом и каменным столбом-алтарем, вокруг которого обнаружены бронзовые сосуды, украшенные фигурками орлов, великолепной статуэткой крылатой богини Ники и горельефными изображениями божеств круга Диониса и его спутников (Ариадна, Пан, Сатир, менады). Обнаруженные там же огромный колхидский пифос и около 40 амфор для вина (представляющих собой «зедаше», т. е. подношение) свидетельствуют, что святилище было посвящено богу виноделия и виноградарства.

С западной стороны этого святилища обнаружены сильно разрушенные остатки прямоугольных залов, в развалинах которых найдены обломки терракотовой маски (Диониса?) и бронзовых сосудов (канделябры?). В одном из залов сохранились остатки алтаря, сложенного из прямоугольных плит. Обращает на себя внимание, что в некоторых помещениях скала (на которой построены эти здания) оставлена без облицовки и, видимо, являлась объектом почитания.

С северной стороны к «зданию с мозаичным полом», видимо, примыкали монументальный «алтарь» со ступеньками, дошедший до нас в сильно разрушенном виде (сохранились параллельные ряды стен из рустованных квадров), прекрасно обработанные прямоугольные плоские (в среднем 1,00×0,65×0,30 м) плиты (составные части ступенек), довольно крупных размеров хорошо отесанные камни кубической формы (0,8×0,7×0,6 м), архитрав (длиной 2,70 м), базы колонн аттического типа (диаметром 0,5 м) и др. В развалинах же «алтаря» найдены две капители из местного известняка, одна украшенная погрудным скульптурным изображением богини, а другая — аканфовыми и пальмовыми

листьями и рельефной розеткой на выступающем карнизе.

К алтарю направлен (с запада на восток) высеченный в скалистом грунте «канал» (длиной 18 м), замыкающийся множеством ям, овальных и круглых, видимо, ритуального назначения. Некоторые из них (круглые с желобком для слива), возможно, служили для возлияний и представляли собой «жертвенные ямы», предназначенные для культа хтонических божеств. Другие ямы, по всей видимости, являлись хранилищем для приношений («зедаше»), таких, как хлебные злаки. Можно предположить, что весь этот культовый комплекс (еще не раскопанный полностью), составной частью которого был и храм «с мозаичным полом» в честь божества виноделия, предназначался для сложного и многообразного ритуала почитания культа земли, плодородия и всевозможного изобилия.

Целый ряд сооружений открыт в северной части центральной террасы — одной из важнейших частей древнего города. Особый интерес представляет так называемый круглый храм. Установлено, что на этом месте первоначально находилось прямоугольное здание, возможно, аналогичное по плану с привратным святилищем. От этого здания сохранились западные и восточные стены, сложенные из великолепно отесанных прямоугольных, плотно пригнанных насухо плит, а также высеченные в скалистом грунте гнезда для каменных квадров фундамента, по которым удалось восстановить первоначальный план прямоугольного здания: его длина равнялась 11,4 м, а ширина 10,4 м. Толщина стен 3 м. Пол был выложен плитами разных размеров.

В конце III в. до н. э. на прямоугольном фундаменте было построено круглое, видимо, башнеобразное в плане здание (внутренний диаметр 5,4 м). О культовом назначении его свидетельствует вотивный тарапан, найденный при раскопках.

Пока что трудно представить архитектурные формы храма. Однако едва ли было бы правильным восстановить это здание по принципу эллинистических круглых храмов, хотя использование конструктивных особенностей последних вполне вероятно. С этой точки зрения представляют, несомненно, большой интерес находки каменных плит трапециевидной формы с выбранными четвертями (средний размер плит 90×20 см при ширине 12 см) — кессон крыши потолка круглого здания. Совершенно очевидно, что их применение связано с влиянием строительной техники эллинистической архитектуры. С круговым храмом был связан, по-видимому, «священный амбар», где найдены около 40 колхидских амфор с пшеницей и просом. Открыты также остатки «абсидального здания», общественные сооружения с черепичной кровлей. Удалось восстановить и способ перекрытия, оказавшегося довольно оригинальным и неизвестным до сих пор среди памятников классической и эллинистической архитектуры: керамиды (50×60; 52×64 см) сверху перекрываются такой же плоской черепицей, а желобчатые (т. е. калиптеры) уложены лишь по краям в перевернутом виде и тем самым служат водостоком.

В западной части центральной террасы открыто еще одно культовое сооружение — алтарь, довольно оригинальный и необычный. Алтарь представляет собой сложный архитектурный комплекс, состоящий из двух пристроенных к оградной стене (толщиной 1,5 м) великолепно отесанных и тщательно пригнанных друг к другу прямоугольных каменных блоков: к прямоугольной платформе (4,45×3,90 м) с восточной стороны примыкает ступенчатое сооружение — алтарь с шестью прямоугольными и столькими же полукруглыми ступеньками. Восточная часть алтаря дошла до нас в сильно разрушенном виде, но тем не менее, реконструкция ее не вызывает сомнения.

В развалинах алтаря и по всей прилегающей площади разбросаны многочисленные фрагменты бронзовых скульптур (или скульптурной композиции).

К юго-западу от алтаря зафиксированы развалины небольшого помещения (площадь примерно 6×5 м), сложенного, по-видимому, из деревянных брусьев с глиняной обмазкой. Под завалом глиняных обмазок (с отпечатками деревянных брусьев и досок) найдены самые разнообразные предметы. По всей площади были разбросаны глиняные пирамидальные грузила разных размеров для вертикального ткацкого станка (всего 87 штук), керамика, бусы, наконечники копий, кинжалы, бронзовые умбоны, серебряные украшения (медальоны, статуэтки) и т. д. Можно предположить, что это здание служило сокровищницей.

На центральной террасе было, по-видимому, воздвигнуто еще одно монументальное здание, которому принадлежат скульптурные львиные головы, высеченные из местного белого известняка, две из которых представляют собой часть симы с водостоком. Все они были одинаковых размеров: длина 70 см, высота 45 см, ширина 36 см. Одна сохранилась полностью с конструктивной частью, по которой осуществлялось крепление с карнизом. Аналогичные скульптуры львиных голов характерны для декоративного решения водостока в классической и эллинистической греческой архитектуре. Скульптурные водосточные львы из Вани, несомненно, являются частью карниза монументального сооружения храмового типа и могут служить убедительным доказательством сильного влияния строительных приемов греческой архитектуры.

На самой вершине холма, с самого начала служившей священным участком, в III—I вв. до н. э. был воздвигнут монументальный алтарь, представлявший собой каменную платформу (шириной 16 м и длиной 9 м), к которой вела лестница с восточной стороны (зафиксировано восемь ступенек). Алтарь занимал главенствующее положение на вершине холма, укрепленном мощными оборонительными стенами.

Открытые на Эшерском городище здания общественного назначения имеют гораздо более примитивный характер. Здесь выявлены остатки «казармы» (Шамба Г. К., 1980, с. 10) и плохо сохранившиеся части двух других зданий, одно из которых находилось на нижней террасе и имело деревянные колонны.

Строительная техника и архитектура. В строительстве Колхиды эллинистического времени использовались камень (разных пород), сырцовый кирпич, дерево, черепица. Из камня выкладывали фундаменты (иногда они заглублялись в скалистый грунт) и цоколи практически всех сооружений (зда-

ния общественного назначения, башни). Иногда цокольная часть зданий общественного назначения выкладывалась (как и в городских стенах) в виде двух панцирей, пространство между которыми заполнялось бутом. Сами стены обычно делали из сырцового кирпича. На Эшерском городище зафиксирована штукатурка (глиняная) и следы полихромной росписи. Для перекрытий использовали дерево (в Вани зафиксированы остатки балок и стропил) и черепицу (чаще всего местного производства). В Эшерах найдены остатки деревянных колонн, а в Вани — деревянные стояки дверей. Полы делали из каменных плит, иногда они были глинобитными, изредка — мозаичными (выкладывались из гальки). В Эшерах зафиксировано существование водопровода с керамическими трубами.

Изучение архитектурных памятников Ванского городища со всей очевидностью показывает, что местные зодчие были хорошо знакомы с достижениями эллинистической архитектуры и градостроительства. Влияние греческой архитектуры в первую очередь сказывается в строительной технике: рустованные блоки, широкое использование кровельной черепицы, появление мозаичных полов. Можно отметить также внедрение элементов ордерной архитектуры: баз аттического профиля, капителей коринфского (наиболее популярного в эллинистическую эпоху) ордера, архитровов. С этим же связано и использование сим в виде голов львов, кессонных потолков и т. п.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что влияние эллинистической архитектуры шло в первую очередь по линии внедрения элементов ордера в качестве декоративных систем, в то время как сами конструкции оставались часто традиционными. Планировка святилищ и иного типа общественных сооружений Вани не имеет серьезных точек соприкосновения с планировкой греческих храмов. Строительство башнеобразных сооружений в качестве святилищ, возможно, связано с традициями древнего Востока. Кроме того, в самом Вани существует и развивается и местная строительная техника, и кладка стен. Для них характерны разной величины грубоотесанные, в основном плоские плиты, сложенные на глине. Так построено большинство зданий на центральной террасе, в том числе так называемое 17-метровое здание, а также южная стена святилища с мозаичным полом, так называемое сооружение с контрфорсами и др.

Хозяйство. Торговля. Сельское хозяйство продолжало оставаться основой экономики Колхиды. При археологических раскопках неоднократно находили остатки проса и пшеницы (в Вани, окрестностях Кутаиси, Нацихвара, Эшери, Сванетии). Просо традиционно, до широкого распространения кукурузы было основной зерновой культурой западной Грузии. Природные условия Колхиды способствовали высоким урожаям этого злака (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 92 и сл.). Особое место занимали виноградарство и виноделие. Косточки винограда местного сорта «качичи» были обнаружены при раскопках Сухуми (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 97). Несомненным является широкое распространение садоводства (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 97—98). Видимо, возделывались здесь и оливки (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 97). Из технических культур наиболее популярен был лен, на распространение которого, помимо экономических факторов, оказывало влияние то обстоятельство, что лен был хорошо приспособлен к природным условиям Колхиды (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 95 и сл). Популярной была также конопля (там же, с. 96). Меньшую роль играло животноводство, преимущественной зоной развития которого были предгорья (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 99). При раскопках Вани обнаружены кости коровы, барана, свиньи (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 43).

В ряде мест Колхиды обнаружены следы производства по переработке сельскохозяйственной продукции. В частности, на Эшерском городище выявлены фрагментированные мукомольные жернова (Шамба Г. К., 1977, с. 28; 1980, с. 45), однако в гораздо большем количестве — зернотерки (Шамба Г. К., 1980, с. 44—45). В районе Пичвнари (с. Зенити) была найдена высеченная в скале виноградная давильня (Инадзе М. П., 1968, с. 190). Показательным является тот факт, что при раскопках одного из храмов Вани обнаружен вотивный тарапан. При раскопках Эшерского городища найдены железные ножницы для стрижки овец (Шамба Г. К., 1980, с. 59). Видимо, широко было развито ткачество. Особенно славились колхидские льняные ткани (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 103). В различных местах Колхиды найдены большие пирамидальные грузила, которые служили подвесками вертикального ткацкого станка. Характерно, что в слоях предшествующего времени (VI—V вв. до н. э.) они не встречаются (Инадзе М. П., 1968, с. 195). Можно говорить также о существовании косторезного ремесла.

Важнейшее место в ремесленном производстве Колхиды занимали производство металла и металлообработка. К сожалению, до сего времени не обнаружены остатки металлургических и металлообрабатывающих мастерских того времени. Только при раскопках Вани найдены железные кузнечные клещи (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 102). О характере этих видов ремесла можно судить только на основе многочисленных остатков железных орудий труда и оружия. Не подлежит сомнению высокий уровень колхидского ремесла, мастера которого знали все основные технологические процессы, известные в Средиземноморье. Продолжало развиваться и ювелирное дело (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 102 сл.). Бесспорно развитие камнеобрабатывающего, а также плотницкого и столярного ремесел. Можно говорить о значительном подъеме в IV—I вв. до н. э. гончарного ремесла Колхиды. Керамические мастерские того времени почти не известны, о высоком уровне этого ремесла можно судить на основании изучения местной керамики. С III в. до н. э. наступает резкий перелом в развитии колхидской керамики. Наряду с керамикой, которой присущи чисто местные формы и орнаментация, колхидские (возможно, и приезжие греческие) гончары начинают изготовлять также сосуды греческих типов (миски, рыбные блюда, кубки типа канфаров, веретенообразные бальзамарии, подражания краснолаковой керамике) (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 191). Появляются местные рас-

писные сосуды (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 12). В это время начинается также выпуск местной керамической тары античного типа. Это так называемые «амфоры коричневой глины». Один из производственных центров по производству керамической тары, видимо, находился на северо-востоке Колхиды, поскольку на Эшерском городище выявлены керамический брак и ошлакованные амфорные фрагменты (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 190—191). Очень большой интерес представляют сведения о находке у устья Шицкуара остатков гончарной печи и обломков амфор, в частности с клеймом Διοσκου на ручке (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 191).

Если в IV—III вв. до н. э. колхидские амфоры изготовлялись по синопским образцам, то во II—I вв. до н. э. они приобретают оригинальную форму: их тулово сужается в средней части, что не свойственно греческим амфорам эллинистического времени (Путуридзе Р. В., 1977, с. 68—71; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 190—191). В это же время в Колхиде начали выпускать и местную черепицу, которая распространялась не только в городах, но и в сельской местности (Лордкипанидзе Г. А., 1970, с. 102—103; Толордава В. А., 1977а).

Археологические материалы свидетельствуют о дальнейшем развитии обмена и торговли в Колхиде. В эпоху эллинизма через Колхиду (и другие страны Закавказья) проходил один из больших торгово-транзитных путей, связывавших страны Востока с Западом. Этот путь шел из Индии до Каспийского моря, затем через Закавказье по р. Куре — Сурамскому перевалу — р. Фасис достигал берегов Черного моря у г. Фасиса, далее морскими путями был связан с городами Малой Азии и Причерноморья.

В эллинистический период из Колхиды экспортировались те же товары, что и в предыдущую эпоху. Однако состав стран и отдельных торгово-ремесленных центров, поддерживавших торгово-экономические связи с Колхидой, заметно изменился. Сходит почти на нет афинская торговля с Колхидой. Но с середины IV в. до н. э. активную и все возрастающую роль играют города юго-восточного Причерноморья, особенно Синопа. В III—I вв. до н. э. синопский импорт в Колхиде занял доминирующее положение: обломки синопских амфор (свидетельствующих о ввозе оливкового масла), лутериев, черепиц найдены повсеместно как на поселениях прибрежной полосы, так и во внутренних областях. Наряду с Синопой в торговле с Колхидой участвовала и Гераклея. Известны находки амфор типа Солоха I и Солоха II. Встречаются обломки хиосских («с колпачковыми ножками») и фасосских (с «рюмкообразными ножками») амфор IV и III вв. до н. э. В III—II вв. до н. э. торговые связи с Колхидой поддерживал Родос, как об этом свидетельствуют находки обломков родосских, косских и книдских амфор. В III—I вв. до н. э. в Колхиду поступают черно- и краснолаковая керамика, «мегарские» чаши и другие изделия малоазийских ремесленных центров, главным образом Пергама, Самоса и др., а также, возможно, Александрии. Малоазийский импорт распространялся как в приморской полосе, так и во внутренних районах. По Рионо-Квирильской торговой магистрали через Сурамский перевал малоазийская керамика проникала и в восточную Грузию, а по р. Ингури достигала высокогорной части Колхиды — Сванетии. В III—I вв. до н. э. продолжались экономические связи Колхиды с Северным Причерноморьем, как об этом свидетельствуют находки амфор в Колхиде, а колхидской керамики (пифосы, амфоры) — в Северном Причерноморье.

Оживленные экономические связи эллинистического мира с Колхидой подтверждаются также многочисленными находками золотых статеров сиракузского тирана Гиерона, статеров и тетрадрахм Филиппа II, Александра II и Филиппа III македонских, золотых и серебряных монет Лисимаха, афинских тетрадрахм «нового стиля», понтийских, каппадокийских, парфянских, пантикапейских, ольвийских, херсонесских и других монет.

На смену серебряным «колхидкам», обращавшимся, по-видимому, и в IV—III вв. до н. э., во II—I вв. до н. э. в Колхиде чеканились местные золотые подражания статерам Лисимаха. В восточных областях обращались, как правило, золотые подражания статерам Александра Македонского (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 196).

Изучение распространения античного импорта приводит к выводу, что в процесс международного товарообмена были вовлечены широкие слои населения древней Колхиды как низменных, так и горных районов. Интенсивность внешних торговых связей, несомненно, способствовала росту местного товарного производства и имела важное значение для социально-экономического развития страны (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 191—195).

Орудия труда (табл. XXV, XXVI). Значительное количество орудий труда обнаружено при раскопках Эшерского городища, в частности мотыги, полностью повторяющие типы мотыг VII—VI вв. до н. э. из Нигвазиани, с лезвием дуговидной формы, покатыми плечиками и круглой втулкой (Шамба Г. К., 1980, с. 45—46, табл. LVIII). В Эшерах и Вани найдены топоры с прямой лобной частью, несколько свисающей вниз, плоским четырехугольным обухом и почти прямоугольной втулкой (Шамба Г. К., 1980, с. 46; Лордкипанидзе Г. А., 1979, с. 101). В нескольких местах обнаружены «цалди» (небольшие топорики) (Инадзе М. П., 1968, с. 190). В Вани встречены тесло (Лордкипанидзе Г. А., 1979, с. 101), а в Эшерах — несколько зубил и ножницы (Шамба Г. К., 1980, табл. LXVIII, LXIX, *1—2*; LXX, *2*). На Эшерском городище обнаружены 15 однотипных (хотя и различающихся в деталях) ножей с изогнутыми спинками. Такие ножи считаются обычно ножами виноградарей, хотя не исключено, что они могли употребляться в качестве оружия (Шамба Г. К., 1980, с. 46—47).

Оружие. По всей видимости, в IV—I вв. до н. э. значительных изменений в характере вооружения населения Колхиды по сравнению с VI—V вв. до н. э. не произошло. В качестве оружия использовались кинжалы, мечи, боевые топоры, копья, стрелы.

Кинжалы обычно железные, изогнутые, длиной 10—16 см (Шамба Г. К., 1980, с. 47, табл. LX, *7, 8*), хотя встречаются и прямые (там же, LX, *9*). Мечи, как правило, железные. Представлены следующие основные варианты: с прямым навершием,

брусковидным и кольцевым. Длина их до 50 см (Шамба Г. К., 1980, с. 47; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 77, табл. VIII, *5*). Имеются также мечи типа греческих махайр. Они встречены на Эшерском городище и в Ихтвиси, датируются IV в. до н. э. (Шамба Г. К., 1980, с. 47; Лордкипанидзе Г. А., 1978, табл. VIII, *1*). При раскопках Эшерского городища обнаружены семь боевых топоров, все они сделаны из железа и очень близки боевым топорам предшествующего времени (Шамба Г. К., 1980, с. 47—48). Точно так же наконечники копий этого времени напоминают копья более ранние (Шамба Г. К., 1980, с. 48—49; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 53, 77, 78). Наконечники стрел в IV—I вв. до н. э.— только железные, как втульчатые, так и черешковые (Шамба Г. К., 1980, с. 49—50). Оборонительный доспех представлен бронзовыми аттическими шлемами (IV в. до н. э.) (Лордкипанидзе Г. А., 1978, табл. V, *3*), железными и бронзовыми кнемидами (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 77; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 180), бронзовыми чешуйками от пластинчатого доспеха (Шамба Г. К., 1980, с. 50; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 78), бронзовыми обивками от круглых щитов (Шамба Г. К., 1980, с. 50) и железным щитом (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 180). Важным нововведением в военном деле было появление катапульт. На территории Вани обнаружено более 200 каменных ядер от катапульт. Использовался и «чеснок» — многогранные железные стрелки, разбрасывавшиеся по полю,— против кавалерии.

Керамика (табл. XXVII). На протяжении рассматриваемого периода происходит резкое изменение характера керамики. Хотя и в третьей четверти IV в. до н. э. все еще сохраняются некоторые формы колхидской керамики, характерные для VI—V вв. до н. э. (пифосы, кувшинчики с трубчатой ручкой, миски с косыми стенками и др.), но вместе с тем появляются и новые: кувшинчики с воронкообразными, трегубыми или круглыми венчиками (иногда с высокой узкой горловиной), сферическими, биконическими или грушевидными туловами и др. В орнаментации преобладают геометрические мотивы (заштрихованные шевроны, зигзагообразные линии, волнистый орнамент с ромбовидной сеткой и т. д.).

Входит в быт и расписная керамика — различные варианты росписей (шевроны, геометрический узор), нанесенных красной краской по светлому ангобу, на кувшинчиках с грушевидным туловом. Такая керамика засвидетельствована также в восточных областях Колхиды (Сачхере, Ихтвиси, Вани), и проникла она сюда скорее всего из восточной Грузии. Широко распространяется керамика, повторяющая формы греческой (см. выше).

Украшения (табл. XXVIII). Хотя в IV—I вв. до н. э. в основном сохраняется традиционный набор украшений, их характер изменяется. В частности, новые элементы появляются и в златокузнечестве: на смену традиционным и столь консервативным на протяжении трех столетий формам (диадемы с ромбовидными щитками, серьги с лучами и т. д.) приходят типологически новые виды, в которых отчетливо видно греческое влияние. Таковы: головной убор «знатного воина», составленный из полых золотых фигурок всадников и птиц, украшенных зернью (Вани, I, с. 203, рис. 166), роскошное ожерелье из Вани (погребение 12) — плетеная цепь, увенчанная сердоликовыми бусинами и миниатюрными головками рогатых львов, и т. д. (Вани, IV, с. 149, рис. 107).

По-прежнему одним из основных видов украшений остаются гривны (серебряные, бронзовые и железные). Гривны находят даже при телах насильственно убитых людей, сопровождавших погребение знатного лица (в Вани). Гривны на своих концах чаще всего имеют стилизованные изображения головок животных. Встречены они в Вани, Пичвнари, Эшерах и других местах (Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977; Шамба Г. К., 1980, с. 80; Лордкипанидзе О. Д., Путурадзе Р. В., Матиашвили Н. Н., 1977, с. 48). Наряду с гривнами иногда на шее у погребенного находилось другое украшение — ожерелье (Лордкипанидзе О. Д., 1980, с. 180). Бусы, как и ранее, были каменными, стеклянными, пастовыми, позолоченными. Они встречаются во всех некрополях Колхиды (Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977; Шамба Г. К., 1980, с. 54). Использовались в качестве украшений и подвески, чаще всего стеклянные: дельфиновидные, амфоровидные, сердцевидные и др. Зафиксированы подвески из голубого стекла с изображением человека (египетского происхождения). Очень редко встречаются золотые подвески, чаще серебряные — кольцевидные, известны также бронзовые — с отверстием в центре и четырьмя ответвлениями (Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977; Шамба Г. К., 1980, с. 53—54). В небольшом количестве встречены височные кольца, серьги (золотые, украшенные зернью с биконическими подвесками), бронзовые пряжки, булавки (серебряные и бронзовые), кольца, нашивные бляшки.

Очень часты браслеты: золотые, серебряные, бронзовые и железные. Для них характерно следование старым традиционным типам. Браслеты бывают как с прямой спинкой, украшенные стилизованными головками зверей или цилиндрическими утолщениями, так и с вогнутой спинкой и стилизованным изображением головы змеи (Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 180, 181; Кахидзе А. Ю., 1977, с. 11; Толордава В. А., 1977б, с. 49; Шамба Г. К., 1980, с. 44).

На новую ступень поднимается и колхидская глиптика, развивавшаяся под влиянием хеттской (каппадокийской) и ассирийской. Местные резчики изготовляли правовые печати особого назначения — инсигнии (золотой перстень знатного воина — Дедатоса), официальные и личные печати (Лордкипанидзе М. Н., 1975б). Очень широко представлены золотые, серебряные, бронзовые и железные перстни-печати с изображениями, заимствованными из греческой мифологии: силен со свирелью, Психея со светильником, всадник, на шее коня которого подвешена бородатая маска сатира, и т. д. Встречаются перстни с традиционными сценами терзания зверей (орел на зайце и т. п.). Наконец, известны перстни явно официального назначения — с изображением богини, сидящей на троне, и надписью греческими буквами ΔΕΔΑΤΟΣ — именем

владельца печати (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 180, 209; Толордава В. А., 1977б, с. 49; Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 41; Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977 и др.).

Бытовая утварь. В связи с тем что жилые комплексы еще практически не исследованы, бытовая утварь изучена слабо. Основное место, естественно, занимала среди бытовой утвари керамика. Кроме керамических сосудов, в быту использовались также металлические—бронзовые греческие блюда (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 183), аттические серебряные килики (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 12, Толордава В. А., 1977, с. 49), бронзовые ойнохоии и патеры (Толордава В. А., 1977, с. 50) и т. д. Известны бронзовые зеркала, алабастры из финикийского цветного стекла (Кахидзе А. Ю., 1977, с. 12). Светильники были как привозными (металлические — из Малой Азии и глиняные), так и местные (глиняные). Для освещения пользовались и канделябрами (Шамба Г. К., 1980, с. 39; Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 205, рис. 50). В небольшом количестве, видимо, проникала в Колхиду и греческая мебель: найдены бронзовые ножки сиденья (или ложа).

Погребальный обряд. Как уже отмечалось выше, вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. явились переходным периодом. Характерные признаки нового этапа в этнокультурном развитии нашли отражение в погребальных обрядах и в отдельных отраслях материальной культуры. В приморской полосе Колхиды продолжают бытовать грунтовые погребения, но погребальный инвентарь отражает появление новых типологических признаков в материальной культуре, особенно в керамическом производстве, украшениях и т. д.

Интересный в этом отношении могильник исследуется в Кобулети—Пичвнари. Погребения опущены в песчанистый грунт, в основном с ориентировкой на восток (иногда и на север). Длина ям около 2 м, ширина колеблется между 1,5—0,75 м. В песчанистом грунте костяк не сохраняется, что затрудняет точное определение способа погребения. По расположению инвентаря фиксируются как скорченные захоронения, так и вытянутые на спине. Погребальный инвентарь довольно разнообразен. Наиболее многочисленную группу составляет местная керамика, изготовленная, как правило, на гончарном круге (хотя встречаются и лепные сосуды). Наряду с традиционными формами (кувшины с трубчатой ручкой) появляются новые.

Характерными являются кувшины с коричневатым или красным обжигом. Они имеют сферическое тулово, отогнутый наружу венчик и отличаются друг от друга оформлением ручек — плоских или овальных в сечении и двуствольных (новый признак). Большинство сосудов имеет гладкую, неорнаментированную поверхность, но в единичных случаях встречаются каннелированные и даже расписной кувшин. В погребальный инвентарь входят также горшки и миски, сосуды с трубчатым носиком на тулове, фляги, вазы на высокой ножке, канфарообразные сосуды, лутерии и др. Встречается и привозная керамика (лекифы, бальзамарии, арибаллоявидные сосуды). Довольно разнообразны украшения. В погребениях обнаружены монеты, главным образом серебряные «колхидки» (обычные триоболы), а также синопские. Этот могильник датируется IV—II вв. до н. э. (Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977).

Значительные сдвиги в этнокультурной истории наиболее ярко проявляются в центральной и восточной областях Колхиды. Следы нового в культуре древней Колхиды отчетливо несут богатые погребения IV—III вв. до н. э. из Вани и его округи. Наряду с деревянными погребальными сооружениями, перекрываемыми мелким булыжником или крупными камнями из местного песчаника (тири), появляются деревянные саркофаги с черепичным перекрытием (Толордава В. А., 1976а) и каменные ящики (Хоштариа Н. В., 1972). Новые элементы отмечены и в погребальном инвентаре: в погребения кладут амфоры, покойников снабжают монетами, что, по всей вероятности, связано с влиянием греческих загробных представлений (плата Харону за перевоз души в царство мертвых); распространяется обычай насильственного умерщвления слуг-рабов и т. д. (Вани I, с. 203; Вани IV, с. 147—150).

В этот период изменяется и погребальный обряд рядового населения: в то время как в приморской полосе продолжает бытовать старый обряд грунтовых погребений, в восточных областях Колхиды с IV—III вв. до н. э. распространяется обряд кувшинных погребений. Это, как правило, индивидуальные усыпальницы, и лишь в редких случаях засвидетельствованы парные погребения. Пифос, предварительно распиленный посередине, устанавливался в яму вертикально, горловиной вниз. Донная часть служила своеобразной крышкой. Иногда пифосы уложены горизонтально, с пропилом вдоль продольной оси. В таких случаях одна половина служит крышей. Покойников укладывали в сильно скорченном положении, головой на запад. Погребальный инвентарь, как правило, состоит из глиняной посуды (положенной обычно у изголовья и у согнутых колен), монет — «колхидок» (которые клали в рот или в руки) и украшений и т. д. (Куфтин Б. А., 1941; Толордава В. А., 1975; 1976; Кигурадзе Н. Ш., 1976; Вашакидзе Н. В., 1973).

Культовые предметы и сооружения. Свидетельства о характере религиозных представлений жителей Колхиды получены главным образом в результате раскопок Вани. Видимо, можно думать, что в своей основе они оставались такими же, как и в предыдущее время (см. выше). Вместе с тем в Колхиду проникали и греческие религиозные идеи. Особой популярностью пользовался культ Диониса (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 209 сл.). Греческий культ наслаивался на местные религиозные представления, синкретизировался с ними. С этими религиозными представлениями связано распространение изображений дионисийского круга (бронзовые и терракотовые статуэтки и маски, некоторые мотивы росписи на местной керамике). Видимо, с этим же культом связана и находка вотивного тарапана в одном из святилищ Вани (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 206). Другой греческий культ, который распространялся в Колхиде и также синкретизировался с местными верованиями,—это культ Геракла (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 210). В Вани найдены штамп (глиняный) и медальон с изобра-

жением Геракла (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 210). Кроме того, можно считать, что обычай класть с погребенным монету («обол Харона») — также результат влияния греческих религиозных представлений.

Вани, как считает ряд исследователей, являлся храмовым центром. В силу этого большинство сооружений, обнаруженных в «верхнем» городе, в той или иной степени связаны с культом (см. выше). Здесь же находилось значительное число алтарей, как монументальных, так и сравнительно небольших по размерам, имевших самую различную форму (см.: Лордкипанидзе О. Д., 1979, рис. 74). Кроме того, обнаружен ряд приспособлений, которые можно интерпретировать как жертвенники хтоническим божествам — в первую очередь вырубленные в скале жертвенные ямы со специфическими канавами для сброса жертвенной крови (Лордкипанидзе Г. А., 1978, с. 122 сл.). К числу предметов, связанных с культом, относятся также железные курильницы (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 203).

Предметы искусства (табл. XXIX). Сравнительно небольшие масштабы раскопок, естественно, не могли дать значительных коллекций произведений искусства. К сожалению, еще нельзя даже сказать — существовали ли вообще некоторые виды искусства в Колхиде исследуемого периода, например живопись. Не подлежит сомнению наличие монументальной каменной скульптуры. Помимо того, что выявлен постамент статуи, расположенной у городских ворот (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 199), находки архитектурных деталей (фигурной капители и двух сим — голов львов) убеждают в том, что по крайней мере в крупных центрах существовала местная скульптура. Головы львов выполнены из местного известняка, в их трактовке чувствуются определенные влияния традиций искусства Востока, хотя сама принципиальная схема, бесспорно, греческая (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 207). Фигурная капитель, где женская полуфигура занимает место между волютами, входит в общий круг восточноэллинистических «коринфизированных» капителей, являясь, видимо, одним из самых первых образцов этих своеобразных архитектурных деталей.

В Колхиде имелась и бронзовая скульптура. Фрагменты ее обнаружены на Эшерском городище (Шамба Г. К., 1980, табл. LXXVI, *1*). При раскопках Вани найдены многочисленные фрагменты бронзовых скульптур (или скульптурной композиции), выделяются отдельные, сильно поврежденные части человеческого тела. Особо следует отметить левую кисть мужской руки, вцепившейся в гриву животного, прекрасно моделированное человеческое ухо, фигурку змеи, отдельные позолоченные фрагменты, украшенные гравированным орнаментом, и др. Известны и небольшие по размерам статуэтки — серебряные, также найденные в Вани, на которых изображены нагие юноши (высота их 8,5 и 7 см). Один из них в правой руке держит фиалу.

Видимо, в эллинистическое время в Колхиде распространяется мелкая терракотовая пластика. Известны сами терракотовые статуэтки (изображение человека в длинных одеждах и рогом изобилия в руках, терракотовая маска и т. п.), а также формы для изготовления фигурок Геракла и Силена (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 73, 210).

Чрезвычайно интересны образцы торевтики, найденные при раскопках Вани: фрагменты огромного бронзового сосуда и украшающие его фигурки — орлы (высота 16 см), богиня Ника (высота 18 см), а также шесть горельефных изображений (высота 10—12 см) голов божеств дионисийского круга (Пан, Сатир, Ариадна, две менады, еще одна головка, сильно пострадавшая, неопределима). Все эти изображения являются прекрасными образцами эллинистического искусства. Наиболее близкие им аналогии имеются в искусстве Пергама середины II в. до н. э. (Лордкипанидзе О. Д., 1979, с. 203 сл.). Интересны также две золотые прямоугольные пластинки, несомненно, служившие обкладками какого-то предмета. Обе они сильно повреждены (размеры полностью сохранившейся пластинки 9,5×5,5 см). На одной из них — тисненое изображение человеческого лица и кружков, обрамленных псевдозернью. На другом — веревочный орнамент и буквенные знаки одной из разновидностей семитского (как предполагают, арамейского) письма.

Монеты и эпиграфические памятники. Монеты, обращавшиеся в Колхиде, обрисованы выше. Эпиграфических памятников этого времени в Колхиде обнаружено немного. Можно отметить надпись на перстне (см. выше). На Эшерском городище обнаружены несколько фрагментов бронзовой плиты с греческой надписью, датируемой концом IV в. до н. э. (Шамба Г. К., 1980, с. 54). На стене предвратного сооружения в Вани начертана вертикальная греческая надпись αρ ω ανασα, которую расшифровывают следующим образом: ἀρᾶομαι ὦ ἄνασσα («молю (тебе) владычица»). Датируется она IV—III вв. до н. э. Невдалеке обнаружены две надписи — горизонтальные, справа налево, т. е. криптограммы. Они обе читаются: "Αρσανς. В них видят имя строителя ворот (Каухчишвили Т. С., 1967б).

* * *

Можно думать, что в IV—I вв. до н. э. Колхида прошла сложный путь. Дальнейшее развитие общественных отношений способствовало усилению классовой дифференциации, социальных противоречий, укреплению государственности. С конца IV в. до н. э. Колхида входит в обширную зону периферийных государств эллинистического мира, сохранявших свою самобытность в социальной и политической сфере, но подвергавшихся значительному культурному влиянию со стороны собственно эллинистических государств. Контакты (политические, экономические, культурные) с эллинистическим миром способствовали ускорению развития общества. Вместе с тем вовлечение в «большую» международную политику в конечном итоге оказалось пагубным для Колхиды. Восточные районы ее попали под влияние Иберии (не только культурное, но, видимо, и политическое), а приморские были включены сначала в состав державы Митридата VI Понтийского, а затем и Рима.

Колхида в I—IV вв. н. э.

Еще на рубеже II—I вв. до н. з. большая часть Колхиды вошла в состав Понтийского царства (Лордкипанидзе Г. А., 1970), но после окончательного поражения Митридата VI Евпатора, нанесенного ему римлянами (63 г. до н. э.), Колхида становится зависимой от Рима (Меликишвили Г. А., 1959, с. 331—333; Ломоури Н. Ю., 1968). Начинается новый этап в истории страны и развитии ее материальной культуры (см. рис. 1).

С установлением римского политического влияния на колхидском побережье Черного моря строятся римские крепости для постоянных гарнизонов, появившихся в Колхиде не ранее 80-х годов I в. н. з., после размещения императором Веспасианом двух легионов — XII Фульминанта и XV Аполлинарис в Каппадокии, командованию которых подчинялись и гарнизоны Колхиды (Левкинадзе В. А., 1965).

Первые века н. э. в то же время — период образования новых местных политических единиц, среди которых ведущее место занимало Лазское царство, поэже (с IV в. н. э.), распространившее свое политическое влияние почти на всю западную Грузию — древнюю Колхиду (Меликишвили Г. А., 1959, с. 363—390; Ломоури Н. Ю. 1968). IV в. н. э. является поворотным в истории Колхиды. В это время основная часть римских гарнизонов была эвакуирована.

Источники. Важнейший источник для римского периода истории Колхиды — сочинение Флавия Арриана «Перипл Понта Евксинского», значение которого определяется тем, что в нем сообщаются сведения о приморских городах Колхиды, собранные римским администратором во время посещения этих мест (см.: Инадзе М. П., 1968, с. 90 сл.). Некоторые сведения содержатся и у ряда других авторов римского времени: Плиния, Клавдия, Птолемея, Иосифа Флавия (Инадзе М. П., 1968, с. 86 сл.). Значительную ценность имеют материалы авторов позднеантичного и ранневизантийского времени: Зосимы, Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского (Инадзе М. П., 1968, с. 227 сл.). Некоторую крайне отрывочную информацию содержат немногие, как правило, плохо сохранившиеся эпиграфические памятники. Археологические материалы получены главным образом из раскопок римских укрепленных пунктов на колхидском побережье: Себастополиса (бывшей Диоскурии), Питиунта и др. Для глубинных районов основные археологические материалы дала серия богатых погребений или «кладов» (большей частью также являющихся погребальными комплексами) в различных областях Колхиды: в Клдеети (Ломтатидзе Г. А., 1957), Тагилони (Амиранашвили А. И., 1935), Саргвеши (Tschubinaschwili G., 1925), Гонио (Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А., 1980), Цихисдзири (Хоштариа Н. В., 1962) и др. Однако подробная характеристика материальной культуры местного населения Колхиды первых веков нашей зры затрудняется из-за скудности археологического материала. Поселения еще не раскопаны. «Клады» и погребения лишь в редких случаях были исследованы регулярными раскопками. Тем не менее можно судить о погребальных обрядах и отдельных видах материальной культуры.

Поселения. Фортификация. Архитектура. На территории Колхиды в первые века нашей эры исследовались только населенные пункты, где стояли римские гарнизоны. Самой южной римской крепостью, расположенной на колхидском побережье, был Апсар — у устья р. Чорох на месте современного с. Гонио, где сохранилась монументальная крепость площадью 4,7 га с 18 башнями и прямоугольной планировкой. Некоторые исследователи (Левкинадзе В. А., 1961) выделяют два основных строительных слоя: I—II вв. и IV—VI вв. н. э. При разведочных археологических раскопках как на территории самой крепости, так и эа ее пределами были обнаружены сильно перемешанные культурные слои, содержащие наряду со средневековыми остатками многочисленные фрагменты краснолаковой керамики, амфор и других изделий I—IV вв. н. з. (Гзелишвили И. А., Хахутайшвили Д. А., 1964).

Не найдены еще римские крепости, описанные Аррианом в 134 г. в Фасисе и Себастополисе (на месте древней Диоскурии). Однако остатки более поздних крепостных сооружений Себастополиса открыты в Сухуми на самом берегу моря (Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н., 1960; Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д., 1963; Трапш М. М., 1969, с. 285—362).

Наиболее древними являются остатки кастеллы, от которой фиксируется лишь северо-восточная стена (так как остальная часть сооружения погружена в море). Эта стена (укрепленная позднее пятью контрфорсами и двумя башнями) имела толщину 2,4 м и была построена так называемой «смешанной» кладкой: сложена из голыша на известковом растворе с использованием кирпича, образующего в основном двурядный пояс. Однако в углах прослеживается и пояс из четырех рядов кирпича. Большая часть стены в плане вырисовывается как прямой отрезок, лишь в своем северо-западном конце она эакругляется. По реконструкции В. А. Левкинадзе эта кастелла, построенная в конце II или III в., имела параллелограммовидную планировку с закругленными углами. Ее площадь равнялась приблиэительно 0,6—0,8 га — соответственно размерам римской нумериальной кастеллы — и была рассчитана примерно на двести солдат. Позднее (конец III—IV в.) на том же месте строится новая римская кастелла площадью 2,0—2,5 га (Левкинадзе В. А., 1966). В 2 км от описанных кастелл обнаружена квадратной формы башня (внутри 5,40×5,47 м, снаружи 6,30×6,45 м), стены которой (толщиной 0,90 м) возведены прямо на грунте из булыжных камней на известковом растворе с морским песком и гравием, местами с включением толченой керамики и обломков черепиц. Судя по археологическим материалам из раскопок внутреннего пространства, башня была построена не ранее последней четверти II в. н. э. и продолжала функционировать в III и IV вв. н. з., контролируя территории на подступах описанных выше кастелл (Трапш М. М., 1969, с. 313—317).

Из римских крепостей в Колхиде наиболее полно изучен древний Питиунт — на месте нынешней Пицунды. Многолетние раскопки выявили (Великий

Питиунт, I—III) целый ряд оборонительных, административных, культовых и жилых сооружений в Пицунде и ее окрестностях. Отдельные и незначительные находки (главным образом керамические) относятся еще к I в. н. э. Однако строительство римской крепости следует отнести, по археологическим данным, ко времени не ранее середины II в. н. э. (что подтверждается и указаниями письменных источников: Арриан в 134 г. н. э. еще не упоминает Питиунт). Основные сооружения древнего Питиунта состояли из двух частей — прямоугольной в плане кастеллы и примыкающей к ней канабы, также окруженной оборонительной стеной и башнями. Кастелла площадью 150×130 м, рассчитанная примерно для одной когорты (500 легионеров), была построена во II—III вв. н. э., но затем в IV—V вв. несколько перестроена и даже расширена за счет канабы. Стены толщиной 3,00—3,20 м выложены из конгломерата на известковом растворе. Они укреплены четырехугольными многогранными и полукруглыми башнями. Входные ворота в кастеллу зафиксированы в восточной оборонительной стене. Ворота фланкировались двумя башнями весьма своеобразной формы: их лобовая массивная часть снаружи закруглена, а внутренняя — в плане прямоугольная. Внутри кастеллы открыты сооружения, наиболее важное из которых (преторий) состоит из ряда частей (Левкинадзе В. А., 1968).

С восточной стороны к кастелле примыкало поселение (канабе), возникшее, по археологическим данным, не ранее второй половины II в. Этот гражданский посад был обнесен крепостной стеной с башнями, составлявшей вместе с реставрированной кастеллой единую фортификационную систему. Однако первоначально канабе была, несомненно, изолирована от кастеллы, о чем свидетельствуют наличие вышеописанных двух башен у восточной стены кастеллы, обращенных к канабе, и др. данные (Апакидзе А. М., 1978, с. 62—63). Большинство сооружений, раскопанных на территории поселения, датируются IV—VI вв. (в том числе и христианские базилики с мозаичными полами). К III—IV вв. относятся канализационная система и баня, занимавшая площадь примерно 260 кв. м. Подобно малым римским термам, баня имела пять отделений: аподитерий, фригидарий, тепидарий, калдарий и топочное отделение (Толордава В. А., 1977б).

Отдельные оборонительные сооружения — крепостная стена и круглая башня, входившие в единую фортификационную систему,— обнаружены в окрестностях Пицунды у оз. Инкит (Лордкипанидзе О. Д., 1965; Апакидзе А. М., 1978, с. 48—49).

Хозяйство. Видимо, основой экономики Колхиды в первых веках нашей эры, как и ранее, продолжало оставаться сельское хозяйство. Вместе с тем можно думать, что появляются новые сельскохозяйственные культуры. При раскопках Питиунты были обнаружены, в частности, зерна риса. В Себастополисе найдена ручная каменная круглая мельница обычного античного типа (Воронов Ю. Н., 1980, с. 92). О значении рыболовства свидетельствуют находки рыболовных крючков и рыбозасолочных ванн (Инадзе М. П., 1968, с. 258). Видимо, определенную роль играли садоводство и виноградарство, а также животноводство (там же). Приморские города были важными ремесленными центрами. Большая печь для обжига кирпичей или черепиц найдена при раскопках Себастополиса (Сухуми). Считается, что в одной такой печи одновременно могло обжигаться не менее 1000 штук кирпичей или черепицы (Воронов Ю. Н., 1980, с. 91; Инадзе М. П., 1968, с. 256—257). Керамическая печь обнаружена и в Питиунте (там же). Бесспорно, что в ряде приморских городов Колхиды существовало производство не только керамических строительных материалов, но и керамической тары. Предполагается даже, что здесь изготовляли и краснолаковую керамику (Инадзе М. П., 1968, с. 257). Не исключено наличие в Питиунте мастерских, выпускавших стеклянную посуду и металлические украшения (Инадзе М. П., 1968, с. 258). Видимо, здесь знали металлургию и металлообработку (Воронов Ю. Н., 1980, с. 91). Бесспорным является существование мастеров-каменотесов: в Себастополисе, в частности, найдены орудия их труда (там же). Не подлежит сомнению наличие деревообрабатывающего и косторезного ремесел.

Экономическое влияние римских приморских центров, однако, ограничивалось только районами, непосредственно примыкавшими к побережью. В глубине Колхиды было довольно ощутимо иберийское (восточногрузинское) экономическое, политическое и культурное влияние. Это своеобразное положение иллюстрируется и нумизматическими данными (Голенко К. В., 1964; Дундуа Г. Ф., 1975; 1979а). В I—III вв. н. э. на территории древней Колхиды вырисовываются две обособленные области, в которых основу денежного обращения составляли разные монетные единицы. В приморской полосе, на территории римских крепостей и в соседних с ними районах, с конца I и во II в. обращались кесарийские монеты, поступавшие, как полагают, из Трапезунта, игравшего важную роль в снабжении римских гарнизонов закавказских городов. Однако на внутреннем рынке медные монеты не имели хождения, а обращались дидрахмы и денарии. С конца II в. в монетную циркуляцию внутренних районов включаются денарии общеимперского типа. В то же время в восточных районах Колхиды основу денежного обращения составляли императорские медные монеты, которые, как полагают, проникали из соседней Иберии.

В приморские районы Колхиды попадали товары из различных центров Южного побережья Черного моря, в первую очередь, видимо, из Синопы. Достаточно широко представлены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор южнопонтийского происхождения, а также — херсонесских, боспорских, синопских, италийских и других центров (Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В., 1975). Весьма разнообразна и краснолаковая керамика II—III вв. н. э. (миски, чаши, блюда, тарелки, кубки, одноручные и двуручные кувшины). Особо следует отметить многочисленные обломки блюд овальной формы с округлыми стенками, горизонтально отогнутым краем и плоскими ручками. Края и ручки блюд украшены рельефными изображениями (сцены охоты, цапля, дельфин, рак, рыбы, канфар, растительный орнамент). В качестве украшений встречаются также бугорки и рубчики (Лордкипанидзе О. Д., 1962; Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д., 1963; Путурид-

зе Р. В., 1965). Привозные керамические изделия (краснолаковая посуда, амфоры), столь характерные для приморской полосы этого времени, во внутренних областях Колхиды еще не обнаружены. С I в. распространяется привозная стеклянная посуда, хотя во II—III вв. н. э. во внутренних районах она все еще малочисленна: несколько бальзамариев и колбообразных флаконов найдено в богатых погребениях Клдеети (Ломтатидзе Г. А., 1957, с. 23—24).

Орудия труда и оружие. Орудий труда при раскопках найдено немного. Наиболее обычны железные топоры и согнутые, серповидные ножи. В Цебельдинской долине найдена железная мотыга, повторяющая формы мотыг более раннего времени (Воронов Ю. Н., 1980, рис. 23, 8), в Себастополисе — железное долотовидное орудие (видимо, принадлежавшее каменотесу) с четырехгранным стержнем и широкой рабочей частью (там же, с. 91). Оружие включает: мечи (длинные, двулезвийные, с узким навершием для рукояти), кинжалы (с кольцевидными навершиями — так называемого «сарматского типа»), наконечники копий (с листовидным удлиненным пером с продольным ребром и конусовидной втулкой), боевые топоры (традиционной формы), наконечники стрел (железные трехлопастные, черешковые). Засвидетельствованы находки фрагментов шлема, бронзовых и железных кольчуг, круглых, овальных и многоугольных щитов (римского типа с железным умбоном).

Керамика. Большим разнообразием отличаются амфоры I в., а особенно II—III вв. н. э. Широко распространены красно- и коричневоглиняные амфоры удлиненных пропорций с перехватом в средней части, считающиеся местным, колхидским, типом амфор. Керамика других типов однообразна. Наиболее типичны: одноручные и двуручные кувшины (часто с трегубым венчиком), кубышки и небольшие миски на высоких поддонах, вазы в форме усеченного конуса на высоких полых поддонах (также в форме усеченного конуса), одноручные горшки, пифосы и другие хозяйственные сосуды (дерги). Наряду с этими общими формами засвидетельствованы кувшинчик с раздвоенным туловом и трегубым венчиком, канфарообразные миски и др.

Бытовая утварь. Естественно, что самую важную роль среди бытовой утвари играет керамика. Кроме керамики, распространена была в приморских районах стеклянная посуда.

В богатых погребениях и «кладах» весьма часто находят металлические сосуды, большей частью привозные или изготовленные на месте по античным образцам: каннелированные золотая фиала (Гонио) и серебряные кубки (Тагилони, Бандза), различные серебряные кубки с богато декорированной поверхностью, на литых ножках (Хаиши, Тагилони, Саргвеши), серебряные орнаментированные литые блюда и тарелки (Тагилони), серебряное блюдо с центральным медальоном, изображающим Тихе-Фортуну (Цихисдзири), серебряная фиала с черновой инкрустацией (Квашхиети), украшенная рельефным изображением юноши в восточном одеянии и фригийском шлеме, ручка от серебряного канфарообразного сосуда (Цихисдзири) и др. (Мачабели К. Р., 1976). Кроме того, среди находок встречались бронзовые и костяные ложечки (Воронов Ю. Н., 1980, рис. 20). Часть глиняных светильников производилась на месте. Особенно интересен светильник из местной глины с греческой надписью: «Соверши поклонение Гермесу-Меркурию ради спасения» (Воронов Ю. Н., 1980, с. 92).

Украшения. Украшения достаточно разнообразны: золотые (часто декорированные вставками из разноцветных камней, стекла или пасты), серебряные и бронзовые. Наиболее характерны одночленные подвязные фибулы с верхней тетивой (плоской, круглой или квадратной в сечении). Такие бронзовые фибулы, датированные II—III вв. (Анхазава Н. И., 1979, с. 9), найдены в Чхороцку, Лия, Дзеври, а золотые (украшенные цветными вставками) — в Клдеети.

Золотые украшения представлены серьгами в виде виноградных гроздьев, браслетами с перевязанными и несомкнутыми концами (Путуридзе Р. В., 1959, с. 79—86). Разнообразны и перстни-печати, среди которых выделяют как привозные, так и местные изделия (Лордкипанидзе М. Н., 1961). Особенно разнообразны многочисленные предметы украшения одежды и головного убора. Среди них выделяются сложные золотые бляхи, составленные из украшенных цветными камнями и зернью прямоугольных пластинок, увенчанных одним или двумя треугольниками, на которых припаяны изображения птиц или животных. На нижней части пластинок — круглые золотые пластинчатые подвески (Ломтатидзе Г. А., 1957, с. 30—36; Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А., 1980).

Погребальные памятники и обряд захоронения. К югу и западу от оборонительных стен канабы Питиунта обнаружен довольно обширный могильник, частично разрушенный в средневековый период. Основным типом погребения были грунтовые погребения, в которых для III—IV вв. н. э. зафиксированы скорченные захоронения, возможно, в деревянных гробах. Встречаются и захоронения в амфорах — как ингумационные, так и кремационные. Зафиксировано наличие гробниц, выложенных морским конгломератом на известковом растворе или глиняными плитами. Погребальный инвентарь немногочислен (Апакидзе А. М., 1978, с. 50—51).

Погребальные обряды местного населения первых веков нашей эры отличаются некоторым разнообразием. Наиболее распространены грунтовые погребения, в которых костяки встречаются как в согнутом или скорченном, так и в вытянутом положении (Путуридзе Р. В., 1959). В с. Лия (по среднему течению р. Ингури) зафиксированы грунтовые погребения с каменной насыпью, обложенные вокруг булыжником. Покойники лежали в вытянутом положении на спине. Каждое погребение содержало несколько (2—4) глиняных сосудов. В женских погребениях преобладают украшения, а в мужских — оружие (мечи, кинжалы, наконечники копий, ножи). В обоих случаях встречаются фибулы и поясные бляхи. В мужских погребениях найдены серебряные римские монеты I—II вв. н. э. (Цитланадзе Л. Г., 1973). Эти погребения принадлежали среднему слою местного общества. Богатые грунтовые погребения II—III вв. н. э. раскопаны в с. Клдеети на восточной окраине западной Грузии (находившегося, как предполагают, под политическим влиянием Иберии).

Покойники захоронены в грунтовых ямах, без каких-либо сооружений. Погребения засыпаны кучей крупных камней и валунов. Покойников укладывали на боку, головой к западу, с согнутыми конечностями. Зафиксированы погребения с конем и собакой, а в одном случае — кости мелких домашних животных (остатки мясной пищи). Погребальный инвентарь довольно богат и разнообразен: золотые, серебряные и бронзовые украшения с цветными вставками (бляхи, фибулы, пряжки, перстни), глиняная металлическая и стеклянная посуда, железное оружие (мечи, кинжалы, наконечники копий и др.), монеты (Ломтатидзе Г. А., 1957).

Наряду с грунтовыми погребениями в различных областях существуют и другие виды погребений: каменные ящики (в горных районах — с. Брили, Шошети), захоронения в пифосах (с. Бандза, Дзвери, Сайрхе), продолжающие традиции кувшинных погребений (Путуридзе Р. В., 1959, с. 67; Надирадзе Д. Ш., 1975, с. 128—130).

В с. Чхороцку (на берегу р. Очхамури — левого притока р. Хоби) засвидетельствована кремация покойников с захоронением пепла вместе с предметами в урнах (Хоштариа Н. В., 1941). Эти погребения датируются II—III вв. н. э. Этим же временем датируются ранние погребения так называемой цебельдинской культуры (на территории нынешней Абхазии, в ущелье р. Кодори), достигшей наивысшего расцвета в V—VII вв. Здесь засвидетельствованы грунтовые погребения — как ингумационные, так и кремационные (Трапш М. М., 1971; Шамба Г. К., 1970; Гумба М. М., 1978; Воронов Ю. Н., 1975).

Религиозные верования. Важнейшее явление в религиозной сфере в рассматриваемое время — постепенное распространение христианства в Колхиде. Вместе с тем на протяжении всего периода существовали как древние местные верования (свидетельством чего, например, является обнаруженная в Питиунте итифаллическая фигурка «рыболова» или терракотовая местная статуэтка с лентовидной налепной полосой через правое плечо и лепешкой в руке из Сухуми), так и чисто греко-римские представления, распространенные среди гарнизонов римских укреплений (свидетельством чего является уже упомянутый светильник, связанный с культом Гермеса). Распространяется христианство первоначально в прибрежных районах. Крупнейшим центром его становится Питиунт, епископ которого принимает участие в первом Вселенском соборе. Из приморских центров христианство проникает и к ближайшим племенам. В Цебельдинской долине, в частности, в погребении обнаружен нательный крест из тонкого золота. Кроме того, необходимо отметить, что здесь же распространяются привозные стеклянные и глиняные сосуды с изображением креста (Инадзе М. П., 1968, с. 262—263).

Предметы искусства. Находки произведений искусства на территории Колхиды пока не значительны. Наиболее яркие из них сделаны в Питиунте. Особо необходимо отметить мозаичные полы в одном из храмов. Представляется, что более справедливо мнение тех исследователей, которые считают, что эта мозаика (изображения тритона, рыб, дельфинов, геометрический орнамент) относится ко второй половине IV в. н. э. и имеет близкие аналогии в мозаиках Антиохии на Оронте (Мацулевич Л. А., 1956). Явные черты позднеантичного периферийного искусства несет известняковый бюст женщины, поднятый в море возле Сухуми (Воронов Ю. Н., 1980, с. 78). Широко распространена художественная рельефная керамика, особенно интересен светильник с изображением трех граций. Достаточно широко представлены, особенно в глубинных районах Колхиды, произведения торевтики (см. выше).

Эпиграфические находки. Эпиграфические памятники чрезвычайно ограниченны. Особенно важен фрагмент известняковой плиты с остатками латинской надписи, буквы которой глубоко врезаны в камень и окрашены в красный цвет. В надписи сохранились часть имени императора Адриана, часть имени и титула (легат) Флавия Арриана (Ельницкий Л. А., 1964, с. 138—140). Важна посвятительная мозаичная надпись из Питиунта, видимо, датируемая IV в. н. э. На некоторых местных (по производству) кирпичах и черепицах также имеются надписи; встречены граффити на сосудах (Инадзе М. П., 1968, с. 248; Воронов Ю. Н., 1980, с. 81). О местном светильнике с греческой надписью мы писали выше.

* * *

Установление римского контроля над побережьем Колхиды имело далеко идущие последствия. Одним из них было превращение небольших приморских городов в типичные римские пограничные населенные пункты со всеми чертами римской провинциальной культуры. С другой стороны, на месте Колхидского царства возникло несколько мелких «варварских» государственных образований, в той или иной степени зависимых от Рима и подверженных влиянию античной культуры. Одновременно усиливались (намечавшиеся еще в прошлом историческом периоде) процессы культурного расчленения Колхиды. Восточные, глубинные, районы ее и экономически, и политически, и культурно оказались более тесно связанными с Иберией, чем с приморскими центрами.

Глава пятая
Южное Закавказье

Армения в III—I вв. до н. э.

Крушение Ахеменидской державы создало необходимые условия для образования независимого армянского государства Еруандидов, в состав которого вошли все земли Армянского нагорья. Вскоре Армения попала под влияние Селевкидов, пытавшихся окончательно подчинить ее себе. В первой половине III в. до н. э. страна раскололась на две части. На западе образовалось объединенное царство Софены и Коммагены. Поражение селевкидского царя Антиоха III в битве при Магнезии позволило Арташесу I — основателю новой династии — провозгласить независимость страны, снова объединить все армянские земли и заложить основы политического и социально-экономического подъема. При Тигране II Армения стала державой, игравшей важную роль в системе эллинистических государств Передней Азии. Римское вмешательство положило конец политической мощи Армянского государства, но оно продолжало сохранять свою независимость. Независимость была утрачена в конце I в. до н. э. Династия Арташесидов перестала существовать (см. рис. 3).

Источники. Число письменных источников, позволяющее обрисовать историю страны в рассматриваемое время, значительно возросло по сравнению с предшествующим периодом. Это преимущественно греко-римские авторы: Полибий, Диодор, Помпей Трог, Дион Кассий, Аппиан, Арриан, Плутарх и др. У них имеется обширная информация по политической, социально-экономической и культурной истории страны. Новым видом источников для Армении рассматриваемого времени являются лапидарные надписи армянских царей, составленные на арамейском и греческом языках. Интересную информацию можно почерпнуть из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и других армянских историков раннего средневековья. Важнейшую роль играют археологические материалы, полученные при раскопках Гарни, Армавира, Арташата и других центров древней Армении.

Поселения. Термин «урбанистический взрыв», характеризующий явление, распространенное в обширных районах Передней Азии в эллинистический период, применим и к Армении. Сочетание результатов археологических исследований и данных письменных источников позволяет выявить облик многих городов Армении эллинистического времени.

Армавир. В основном раскапывалась цитадель. Собственно город изучен хуже (Аракелян Б. Н., 1969). Он был вытянут в западном направлении, занимая пространство между Армавирским холмом и его отрогами на востоке, руслом р. Аракс на юге и восточным краем норармавирских холмов на западе. Северная граница определяется с трудом, но она не могла располагаться слишком далеко от Армавирского холма. К югу от холма находился культовый комплекс города, возможно, включавший платановую рощу, служившую прорицалищем (Мовсес Хоренаци. История Армении, I, 20). Наличие здесь греческих надписей конца III в. до н. з. подтверждает это предположение. На западной окраине эллинистического города были обнаружены каменные основания жилищ (Мартиросян А. А., 1974, с. 58—69). Первичные данные позволяют говорить об их прямоугольном плане, что вполне соответствует планировке жилищ эллинистического времени на западном участке цитадели Армавира. Таким образом, мы получаем первые, но самые общие сведения об архитектуре городских строений. Обращают на себя внимание пристроенные к стенам жилищ отопительные очаги-камины, напоминающие очаги в поселении эллинистического времени Карчахпюр на юге Севана (Карапетян И. А., 1979, с. 505) и камины эллинистического города в Ай-Хануме (Афганистан) (Bernard P., 1973, табл. 83в, 84а,в). Здесь же была обнаружена виноградная давильня домашнего пользования (Кочарян Г. Г., 1978).

Аршамашат. Точное местонахождение города было определено археологическими раскопками, произведенными в связи со строительством Кебанской плотины на Евфрате. Цитадель была локализована на холме Шимшат-Калеси у самого берега Восточного Евфрата (Арацани), близ селения Хараба, между Элязыгом и Палу (Ögün B., 1971, с. 43—44; 1972, с. 77—78). Холм, господствующий над равниной по обеим сторонам реки, ввиду своей стратегически выгодной позиции вполне мог служить местом для цитадели такого эллинистического города, каким являлся Аршамашат. Древнейшие слои холма были отнесены к хеттскому и урартскому времени, часть открытых на холме стен, вернее, их фундаментов, может быть датирована эллинистическим и римским периодами. Из строительных остатков, несомненно эллинистического времени, особого внимания заслуживают остатки прямоугольной в плане башни оборонительной стены цитадели.

Еруандашат. Местоположение его долгое время являлось предметом споров. Хотя на предполагаемой территории города раскопки не производились, но вполне определенно устанавливается наличие развалин древнего города у слияния р. Аракс с ее левобережным притоком Ахуряном, по левому берегу каждой из них (Аракелян Б. Н., 1965). Город расположен на двух террасах, одна — обширная — повыше, другая — пониже, вдоль реки; эта терраса значительно возвышается над уровнем реки. Создается впечатление, что здесь было две части города: нижняя и верхняя. Город был опоясан длинными крепо-

стными стенами с башнями, следы которых видны во многих местах. Наблюдения показывают, что в черте города также имеется несколько толстых стен, параллельных руслу Аракса, деливших город на ряд участков — кварталов. Не исключена возможность, что возникновение этих кварталов связано с переселениями жителей эллинистических городов, предпринятыми при Тигране II и Артавазде II, из соседних стран.

Арташат. Хотя собственно территория города в общем не оказалась затронутой раскопками, работы в цитадели и в некрополях города позволяют определить границы его территории: древний город тянулся в основном к востоку и северо-востоку от хорвирабских холмов, образовывавших в древности цитадель. Его южную границу составляла р. Аракс, восточная доходила до теперешнего селения Лусарат и до пашен селения Нор-Кянк, северо-восточная — до селения Покр-Веди (Аракелян Б. Н., 1975; Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 59). К западу от цитадели застройка отсутствовала из-за болотистой местности. Здесь на имеющихся возвышенностях зафиксированы погребения, современные существованию города и составлявшие отдельный некрополь. Зафиксированы еще два некрополя — восточный и юго-восточный, простиравшиеся на довольно большое расстояние (Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 59).

Ряд данных позволяет утверждать, что древнеармянские города были основаны по всем правилам эллинистического градостроительства. Артаксата-Арташат, например, был назван по имени царя-основателя, построен при помощи синойкизма (Кркяшарян С. М., 1970; Саркисян Г. Х., 1960, с. 69—70). Для армянских городов этого времени характерна регулярная планировка, типичная для эллинистического времени. Однако вполне возможно, что здесь сказывались и урартские традиции, поскольку некоторые урартские города (например, Зернакитепе) также имели регулярную планировку. Они состояли из цитадели, собственно города и, возможно, полусельского пригорода (Кошеленко Г. А., Акопян А., 1978, с. 6). В некоторых городах (например, Еруандашат) существовала система отдельных районов со своей особой планировкой, что характерно для больших селевкидских городов (например, Антиохии на Оронте). Встречается в Армении и система, зафиксированная в ранней Парфии: сочетание собственно города и рядом расположенной царской цитадели (Кошеленко Г. А., Акопян А., 1978, с. 6). Города Армении являлись политическими, экономическими и культурными центрами страны.

Наряду с городами началось археологическое изучение поселений эллинистического времени, так называемых «аванов», древнеармянских источников. Один из них, по всей вероятности, упоминаемый в «Истории Армении» (II, 46) Мовсеса Хоренаци — Еруандаван, находится на левом берегу р. Ахурян к югу от современного г. Ленинакан. Поселение занимает площадь около 4 га, расположено на плоской возвышенности, огибаемой неглубокими ручьями (Караханян Г. О., Тер-Мартиросов Ф. И., 1978, с. 506—507). Обращают на себя внимание культовые, по всей вероятности, комплексы с вымосткой из плит и каменным алтарем на ней, с каменными базами под деревянными колоннами. Большое значение имеют производственные комплексы, судя по находкам, стеклоделательные и металлообрабатывающие мастерские. К северу был обнаружен могильник эллинистического времени.

Второе поселение находится на южном берегу оз. Севан, около современной дер. Карчахпюр (Карапетян И. А., 1977, с. 500; 1979). Поселение защищено оборонительной стеной, сложенной из больших грубо обработанных камней. Внутри поселения раскрыт ряд прямоугольных в плане жилищ с хорошо прослеживаемыми проходами и связывающими их между собой коридорами. Особый интерес представляет большое прямоугольное помещение с четырьмя базами в середине под деревянными колоннами, поддерживающими шатрообразно-уступчатое перекрытие, образец армянского народного дома — глхатуна (Карапетян И. А., 1979). За крепостной стеной, на возвышенности с юга, находился некрополь. Археологический материал указывает на развитость земледелия и рыболовства.

Фортификация (табл. XXX, XXXI). В более ранних городах (Армавир) использовались оборонительные сооружения урартского времени. Как известно, эти сооружения приспособлены к особенностям рельефа. Они местами состояли из двух рядов стен, имели хорошо защищенный вход, были снабжены прямоугольными контрфорсами, мощными угловыми башнями. Цитадель Армавира была сравнительно уязвима с северо-западной стороны. Здесь в эллинистическое время была воздвигнута почти полукруглая в плане башня, от которой остался нижний ряд кладки с характерными углублениями в виде ласточкина хвоста для специальных скреп, пригонявших квадры друг к другу.

Город Арташат, согласно письменным источникам, находился на полуострове, защищенном с трех сторон водами Аракса и Мецамора, а с четвертой, где находился перешеек,— рвом и валом. Хотя обе реки, довольно глубокие, и могли служить естественной защитой города, он был обведен мощными оборонительными стенами, идущими вдоль водных преград. Археологические раскопки подтвердили данные письменных источников. Установлено, что многочисленные холмы, входившие в состав цитадели, были также включены в общую систему оборонительных сооружений (Аракелян Б. Н., 1975, с. 14). Крепостные стены, опоясывавшие каждый холм в отдельности, были связаны между собой узкими коридорами, которые защищались высокими стенами, расположенными на седловинах между холмами. Как правило, стены были оснащены выступами — контрфорсами и башнями, прямоугольными (Аршамашат) или полукруглыми. Укреплялись не только города, но и некоторые небольшие поселения (Карчахпюр). Толщина каменных стен достигала 2—2,5 м.

Застройка. Строительная техника. Раскопки Армавира не выявили каких-нибудь монументальных зданий эллинистического времени. Здесь зафиксировано использование урартских зданий, в некоторых случаях слегка переделанных, в эллинистическое время. Два больших здания урартского времени были раскопаны на восточном склоне холма. У них общее направление (восток—запад), они примыкают к оборонительной стене: одна к южной, другая к северной. Разделены узким коридором. Большое здание

состояло из пяти помещений, малое — из трех помещений. По всей вероятности, они служили царским дворцом армянских Ерувандидов, правивших в Армавире с IV в. до н. э. до конца III в. до н. э. На вершине Армавирского холма уже в начале раскопок виднелись остатки большого здания, имевшего, по-видимому, исключительно важное значение. Это, по всей вероятности, храмовое здание урартского времени. Следы переделок послеурартского времени позволяют предположить, что храм продолжал существовать и действовать как таковой и в эллинистический период. Это, видимо, был храм Солнца и Луны (упоминаемый Мовсесом Хоренаци). К эллинистическому времени относятся остатки жилищ, раскрытых на западном конце цитадели,— прямоугольные в плане рядовые постройки. Наблюдается стремление приспособить их к древней урартской стене. Отдельно стоящие жилища замечены и ниже по склону. Раскопки Арташата также не выявили следов каких-нибудь монументальных зданий. Раскопки холмов I, V, VII, VIII выявили остатки жилищ, мастерских, помещений хозяйственного назначения и т. д. Остатки богатого дома были обнаружены на территории самого города, но пока не удалось выяснить его планировочные особенности. Некоторые сведения об архитектурных сооружениях Арташата имеются в письменных источниках (мосты, царские дворцы, тюрьма, храмы, монетный двор и т. д.).

Остается открытым вопрос о существовании в Арташате театра (Гоян Г., 1952, с. 165—166).

В письменных источниках содержатся важные данные о другом известном городе древней Армении — Тигранакерте. Аппиан, Плутарх и другие историки пишут о Тигранакерте как о большом, хорошо застроенном и богатом городе. Среди зданий, некогда украшавших город, особое место занимает театр. Не вызывает сомнения, что театр в Тигранакерте должен был быть построен по примеру эллинистических театров Малой Азии и Сирии.

Жилища исследованы еще недостаточно. Можно только отметить, что в тех случаях, когда они обнаружены, они имеют прямоугольную планировку. В одном случае зафиксировано сочетание в едином комплексе жилых и хозяйственных помещений (Армавир).

В эллинистическое время наблюдается дальнейшее развитие строительной техники. Наряду с традиционными строительными материалами применялись новые. Вошли в обиход новые приемы и способы строительства. Крепостные стены Армавира (башня эллинистического времени) и Арташата построены, как правило, из грубо обработанных камней; оборонительные сооружения Еруандашата сложены из необработанных камней, напоминающих памятники первобытнообщинного времени. Остатки прямоугольной в плане башни цитадели Аршамашата показывают, что она была воздвигнута из ровных рядов прямоугольных, хорошо обработанных камней средней величины. Хорошо обработанные блоки зафиксированы в Еруандакерте. Верхние ряды стен, во всяком случае в Армавире и Арташате, были выполнены из сырцового кирпича. Входившие в кладку стен каменные блоки скреплялись между собой металлическими или деревянными скрепами в форме ласточкина хвоста. Эта особенность строительной техники проникла в Армянское нагорье из западной части Малой Азии и стала повсеместно распространяться в эллинистическое время. Примеры такого способа крепления камней зафиксированы в Армавире, Хасанкале, Ташбуруне, Ани, Зернакитепе и т. д. (Тирацян Г. А., 1976). Жилые дома и другие здания, но не монументального облика построены из рваных камней на глиняном растворе. Верх стен был уложен из кирпича-сырца. Полы жилищ состояли из утрамбованной земли. Из гальки был сложен двор на западном участке цитадели Армавира. Здесь же обнаружены следы мозаичного пола, состоявшего из разной по цвету гальки. Стены домов более состоятельных людей, как это видно на примере остатков, обнаруженных на городской территории Арташата, были покрыты росписью и украшены хорошо профилированными архитектурными деталями из гипса. Перекрытие таких жилищ было плоским, оно состояло из деревянных балок и камыша. Начиная с I в. до н. э. все больше распространяется черепичное перекрытие, засвидетельствованное в Арташате. Здесь найдены солены и калиптеры малоазийского типа. Перекрытия целого ряда домов, а также зданий общественного значения покоились на колоннах, как правило, деревянных, о чем свидетельствуют многочисленные каменные базы. Они обнаружены в Арташате, в Еруандаване, Пайтакаране, Двине и Гарни. Эти торовидные базы восходят, по всей вероятности, к традициям древнеперсидской архитектуры (Пасаргады, Персеполь). В отличие от простых баз, имеющих форму неправильного квадрата, обнаруженных в Карчахпюре (Карапетян И. А., 1979), и тем более от баз аттического профиля, засвидетельствованных в Армении пока только в Гарни (храм) и Двине (случайная находка), они имеют квадратное основание, иногда ступенчатое, с плоской круглой подушкой (тор) под деревянным стволом колонны. Рассматриваемый тип баз встречается в эллинистический период на широкой территории, границы которой совпадают со сферой влияния ахеменидской культуры (Пичикян И. Р., 1978).

Хозяйство. Основой экономики Армении эллинистического времени являлось сельское хозяйство. О высоком уровне его упоминают древние авторы. Известно, что в Армении сеяли зерновые культуры, развивались виноградарство и виноделие (известны домашние давильни винограда в Карчахпюре, Двине, Каурашеке — см.: Кочарян Г. Г., 1978), садоводство. Большую роль играло животноводство, особенно в горных районах — на альпийских лугах. Высоко ценились армянские кони. О некоторых из ремесел — деревообделочном, ткачестве — можно говорить лишь в самой общей форме, так как имеющиеся данные явно недостаточны. О металлообработке, гончарном деле, обработке камня собран более богатый материал, позволяющий несколько подробнее охарактеризовать уровень их развития.

Обилие керамического материала в Армавире, разнообразие и устойчивость ведущих форм, типологическая связь с керамикой предшествующих эпох, главным образом с урартской и ахеменидской, его отличия от привозных форм указывают на то, что уже на рубеже IV—III вв. до н. э. в Армавире долж-

но было начаться массовое производство керамики. Армавир является одним из первых центров производства керамики в Армении эллинистического времени (Тирацян Г. А., 1973а, с. 49—100). То же самое можно сказать о древнем Арташате с его поразительно богатым керамическим материалом. В эллинистическом слое холма VII найден гончарный ручной массивный круг из туфа (Хачатрян Ж. Д., 1978б, табл. I, *1*). Здесь, по-видимому, было развито производство такого специфического вида городской керамики, как кровельная черепица, а также глазурованной керамики и стекла.

Обилие металлических изделий, прежде всего из железа, а также из бронзы и драгоценных металлов позволяет рассматривать города древней Армении как центры металлопроизводства. Остатки кузницы (наковальня и другие принадлежности) обнаружены на выровненном в эллинистическое время полу урартской комнаты, пристроенной к западной стене армавирской крепости с наружной стороны (Аракелян Б. Н., 1969, с. 166). Хорошо вырисовываются планы двух металлообрабатывающих мастерских на первом холме арташатской цитадели. Они состояли из трех отделений: одно для горна, второе для горючего и третье общее (Аракелян Б. Н., 1975, рис. 4). Следы металлообрабатывающей мастерской выявлены и в малом поселении — Еруандаван (см. выше). Всестороннее использование камня в строительстве, хозяйстве и быту не оставляет сомнения в наличии каменщиков и каменотесов в рассматриваемое время. В слоях эллинистического периода встречается (изготавливавшаяся на месте) каменная посуда в виде чаши на расширяющейся книзу ножке. Два цельных сосуда известных из Гехадира (Котайкский район) и из Нагорного Карабаха (Хачатрян Ж. Д., 1966, рис. 2, 3). Многочисленные фрагменты таких сосудов были найдены в Гарни, Армавире, Ацаване, Севане. Изготовлены они из конгломерата или порфирита синевато-сероватого цвета часто с черными крапинками. Стенки чаш, а также ножки сглажены, отполированы. Их широкое распространение, главным образом в слоях древних поселений, не исключает возможность их применения в быту. Восходят они к урартским прототипам (Тирацян Г. А., 1968а). Видимо, уже в эллинистическое время было налажено производство стеклянных изделий (бусы, застежки, геммы, амулеты, видимо, некоторое количество посуды), развито ювелирное дело (см. ниже).

Города древней Армении известны по письменным источникам как центры торговли и обмена. Находки привозных предметов в Армавире и Арташате, а также в Гарни, Сисиане и т. д. наглядно демонстрируют существование торговых связей Армении с сопредельными и более далекими странами. Керамические находки, например, указывают на связи с городами западной Малой Азии, островами Эгеиды и даже с материковой Грецией, с Аттикой. Привозные сосуды служили главным образом тарой: малые сосуды — для перевозки благовоний и мазей, большие — для перевозки масла и вин. Малые сосуды представлены бальзамариями-унгвентариями, амфорисками и пиксидами. Чернолощеный бальзамарий III в. до н. э., найденный в Армавире, происходит, как и указанные сосуды, из одного из городов западной Малой Азии. Большие сосуды — это амфоры, клейменые и неклейменые. Клейменые ручки трех таких сосудов найдены в Арташате. Установлены их родосское происхождение и дата — конец III — начало I в. до н. э. Там же обнаружены обломки неклейменой амфоры, привезенной также из Родоса, датируемой концом I в. до н. э., обломки косских неклейменых амфор I в. до н. э. и хиосской (?) амфоры того же времени (Зардарян М. О., 1977). Очень важной представляется находка фрагмента чернолакового сосуда аттического происхождения в Аршамашате (Тирацян Г. А., 1976, с. 137). О торговых связях говорят и находки (хотя и редкие) монет. Родосская монета IV—III вв. до н. э. найдена в Армавире (Мушегян Х. А., 1975, с. 11). Удается установить вероятные пути проникновения указанных предметов. Эллинистический Тарс на киликийском побережье, южнопричерноморские колонии Синопа, Амис, Трапезунд — вот основные центры, через которые проходили каналы этих связей, а также и дорога во внутренние районы Малой Азии. Устанавливаются более или менее прочные связи с Сирией. Включение (на короткий период при Тигране II) Антиохии в состав Армянского царства не могло не способствовать усилению сношений Армении с этой страной. Сиро-финикийское стекло, предметы торевтики по торговым путям доставлялись в Армению. Стеклянные изделия происходят из эллинистических слоев Армавира и Арташата, а также из погребения Сисиана, Ошакана, Меградзора (сосуды финикийского стекла — алабастры, чаши и т. д.) (Хачатрян Ж. Д., 1975а). Известно, наконец, что торговые пути шли из Армении и Закавказья на Северный Кавказ и Приазовье. Страбон (XI, 5, 8), например, указывает на наличие караванной торговли индийскими и вавилонскими товарами, которые при посредничестве армян и мидян, с одной стороны, и аорсов, с другой стороны, поступали в Боспорское царство и Приазовье. Единственной пока и потому чрезвычайно важной археологической находкой, позволяющей говорить о связях Армении с Боспорским царством в эллинистический период, является бронзовый перстень с изображением армянского царя, найденный в Фанагории (Марченко И. Д., 1956, рис. 4, *16а*).

Орудия труда. Оружие (табл. XXXII). Орудия труда, главным образом железные, дают определенное представление о хозяйственной деятельности населения Армении эллинистического времени (Зинджирджян В. К., 1978а,б). Известны мотыги, найденные в Арташате, нижняя рабочая часть которых широкая, верхняя — с изогнутыми краями — предназначалась для прикрепления древка. Лопата с широкой нижней частью и глубокими пазами в рукавах — для прикрепления древка — была найдена в Армавире. Серпы засвидетельствованы в эллинистических слоях Армавира. Они имеют характерную изогнутую форму с узким выступом для насаждения деревянной рукоятки. Виноградарские ножи, имеющие хорошие аналогии среди материалов античного мира (Кругликова И. Т., 1975, рис. 84), найдены в Армавире и Арташате. Большой интерес представляют железные орудия из Армавира, Арташата и Гарни. Один конец их длинного стержня имеет топоровидное окончание, другой изогнут крючком. Вполне вероятно, что это орудие применялось для

выпечки хлеба. Крючковидным концом хлеб извлекался из очага-тондыра, а топоровидным концом скребли дно и стенки очага. Особого внимания заслуживает напоминающий секиру железный предмет, найденный в нижних горизонтах эллинистического холма Армавира. По примеру аналогичных предметов из западной Грузии и Северного Причерноморья (Коридзе Д. П., 1965; Кругликова И. Т., 1975, рис. 88) его можно считать орудием для вырубания кустарников. Довольно богато представлены ножи, употреблявшиеся не только в домашнем хозяйстве, но и в отдельных ремеслах. Найденные топоры и тесла применялись не только в домашнем хозяйстве, но и деревообделочном ремесле. Большой интерес представляют тесло из Армавира с широкой рабочей частью и приспособлением для прикрепления ручки и зубило с рукоятью, найденное на первом холме Арташата.

Оружие Армении эллинистического периода разнообразно. Особенно богато представлены виды наступательного оружия. Наконечники копий относятся к двум основным типам. Один из них (существовавший еще в ахеменидское время) представляет наконечники с подтреугольным лезвием, широким у основания и постепенно сужающимся к концу. Все они имеют ярко выраженное серединное ребро и полую втулку. Из Арташата и Армавира происходят наконечники другого типа — тоже с подтреугольным лезвием и полой втулкой, но отличающиеся от первых тем, что их лезвие непосредственно продолжает втулку и напоминает кинжал (Тирацян Г. А., 1973а, рис. 7).

Раскопки Армавира и Арташата выявили также довольно большое количество разнотипных наконечников дротиков: с плоским подтреугольным лезвием без ребра и трубчатым обухом; двухперьевые наконечники с срединным ребром; стержневидные, сужающиеся к концу.

Найденные на территории Армении наконечники стрел эллинистического времени относятся к нескольким основным типам. Все они повторяют ранее существовавшие типы (некоторые даже с урартского времени) (Тирацян Г. А., 1971б, с. 226—227).

Трехлопастные черенковые стрелы эллинистического периода найдены в Армавире, Арташате, Кармир-блуре, Айгешате. Появление железных трехлопастных наконечников с черенком приходится на позднеассирийское время: они бытуют до первых веков н. э., а возможно, и позже. Листовидные железные наконечники стрел выявлены в Армавире, Арташате. Увеличивается количество четырехгранных наконечников стрел. Найденные в Гарни, Гехадире, Армавире, Арташате экземпляры хорошо датируются эллинистическим временем.

Мечей известно только два: из Арташата и Армавира — оба с односторонним острием. Более многочисленны кинжалы. Они имеют двустороннюю заточку и относятся к нескольким типам. Одной из редких, но интересных форм наступательного оружия является трезубец. Первый железный экземпляр трезубца случайно найден еще в 50-х годах в Гарни (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 14). Второй обнаружен в кургане раннеэллинистического времени в западной Армении — недалеко от Эрзерума, в Канберкее (Mellink M., 1966, с. 153).

Керамика (табл. XXXIII—XXV). Для изучения керамики Армении основные материалы дали раскопки Армавира (Аракелян Б. Н., 1969; Тирацян Г. А., 1971а; Карапетян И. А., 1971), Гарни (Хачатрян Ж. Д., 1976), Двина (Кочарян Г. Г., 1974а), Арташата, особенно первого холма его (Аракелян Б. Н., 1975; Хачатрян Ж. Д., Канецян А. Т., 1974), а также Гехадира, Ошакана, Ахбаша и некоторых пунктов западной Армении.

Обилие и разнообразие керамического материала позволяет приступить к работе по его систематизации и общей характеристике.

Древнеармянская керамика, например, Армавира засвидетельствована следующими видами: карасы или пифосы, горшки, кувшины, миски, тарелки, полушаровидные и полуяйцевидные кубки, чаши-фиалы, сосуды со сливообразным носиком, фляги, вазообразные сосуды, светильники и т. д.

Горшки. Форма их не претерпела каких-либо существенных изменений, начиная с периода железа вплоть до средневековья, что затрудняет их датировку. Кувшины встречаются разного размера и разной формы: с расширяющимся туловом, низкой шейкой и дугообразной, как правило, круглой в сечении ручкой, прикрепленной одним концом к краю венчика, а другим — к плечику. Сосуды отличаются друг от друга главным образом формой венчика, который бывает круглым, остроносым и в виде трилистника.

Кувшины с венчиком в виде трилистника засвидетельствованы на территории Армении в ахеменидское и эллинистическое время, но встречаются они и позже. Вероятно, часть подобных кувшинов восходит к урартским прототипам, но не исключена возможность также прямого или опосредствованного влияния греческих и эллинистических сосудов типа ойнохой.

Наряду с типичными для рассматриваемой эпохи образцами имеются сосуды, восходящие к прототипам (Урарту, раннеармянский период) или отражающие культурные отношения с древневосточным миром (Двуречье, ахеменидский Иран). В этом богатом и разнообразном материале вырисовывается группа керамики, выявляющая прямые или косвенные связи с античным миром (Тирацян Г. А., 1978б, с. 145—146): полушаровидные и полуяйцевидные кубки, кувшины с венчиком в виде трилистника, расписанные фляги и т. д. Ареал распространения упомянутых форм действительно очень велик — он охватывает большие регионы эллинистического мира. Такую общность трудно объяснить наличием одного-единственного центра, вырабатывавшего эти формы для всех периферийных районов.

Фигурная зооморфная керамика. Для керамики эллинистического времени Армении, как это видно на примере раскопок Армавира, характерными следует считать фигурные зооморфные сосуды, в целом ряде случаев представляющих собой ритоны. Были найдены протомы таких сосудов в виде барана, медвежонка, лошади. Эти сосуды напоминают, с одной стороны, зооморфные металлические сосуды ахеменидского времени, с другой стороны,— глиняные фигурные сосуды Малой Азии, в частности Каппадокии, дожившие чуть ли не до эллинистического вре-

мени. Фигурные сосуды-ритоны встречаются в рассматриваемое время также в соседнем Иране.

Черная и чернолощеная керамика. Черепки этой керамики украшены семячковидными углублениями, горизонтальными и вертикальными каннелюрами, зигзаговидными и концентрическими вдавлениями и врезными линиями. Они очень сходны с древнейшей керамикой эпохи железа, бронзы и даже ранней бронзы (прекрасным характерным образцом является сосуд в виде барана). Несмотря на данное обстоятельство, стратиграфические условия залегания этой керамики не позволяют сомневаться в ее датировке эллинистическим временем.

Поливная керамика. Находки глазурованной посуды урартского времени (Ошакан), эпохи железа (Айгеван) и даже бронзы (Лори) указывают на древние корни этой керамики, получившей особое развитие, как известно, в развитом средневековье. Поливная керамика представлена двуручными сосудами типа канфара (Армавир, Арташат), флягами (Арташат, Сисиан, Армавир), тарелками (Армавир, Арташат) и другими формами (Хачатрян Ж. Д., 1977а). Они все изготовлены из желтоватой или красноватой глины и покрыты голубовато-зеленой глазурью. Аналогичные сосуды засвидетельствованы в Иране.

Расписная керамика древней Армении представлена самыми разнообразными формами, многие из которых имеют точные параллели среди массовой нерасписной керамики Армении того же периода (Тирацян Г. А., 1965). Большая часть сосудов покрыта светлым ангобом (желтый, розовый, охристый, светло-коричневый), поверх которого наносилась роспись. В некоторых случаях роспись сделана прямо на поверхности глиняного сосуда, часто темноватого (серого, бурого) оттенка. Оттенки росписи разнообразны: это главным образом коричневые и красные, желтые, серые и даже черные цвета. Узоры, исполненные росписью, располагались по-разному: в зависимости от форм сосудов они покрывали внешнюю или внутреннюю поверхность сосуда, имеется несколько случаев двусторонней, внешней и внутренней, росписи. Орнаментальные мотивы в большинстве случаев носят геометрический характер: распространены прямые пояски, как правило, они нанесены в виде отдельных или параллельных горизонтальных линий. На флягах они образуют концентрические круги с крестообразным орнаментом в середине. В некоторых случаях пояски нанесены под самым венчиком с внутренней или внешней стороны. Прямые горизонтальные пояски встречаются также в сочетании с другими узорами. Следует упомянуть еще волнистые линии, спирали, а также орнаментальные мотивы более усложненного характера: горизонтальные полосы, заполненные сеткообразным орнаментом, ряды из двуцветных вписанных друг в друга треугольников, свободно выполненные пятилучевые звезды, ряд из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой, и т. д. Встречается также растительный орнамент: гирлянды, листовидные узоры, завитки, стилизованное дерево или орнамент в виде елочки. В некоторых случаях имеются и зооморфные мотивы.

Орнаментальные мотивы и другие особенности этой керамики выявляют некоторые связи с расписной керамикой древнейшей и древней Передней Азии, Ирана, Урарту, Фригии, Армении и Закавказья. Особенно важными представляются конкретные связи с синхронной керамикой Малой Азии из позднефригийских слоев и рядом групп расписной керамики Ирана, передатированной в последние годы более поздним временем, а также с керамикой древней Иберии и Албании. Традиция расписной керамики, засвидетельствованная на Армянском нагорье с древнейших времен, продолжалась и в исследуемое время, т. е. по крайней мере с V в. до н. э. до первых веков н. э., и дожила, по всей вероятности, до средних веков.

Украшения. За последние годы накопился интересный материал, позволяющий охарактеризовать ювелирное дело Армении эллинистического времени. Медальоны, найденные в Армавире, изготовлены из тонких дисковидных листиков золота, украшенных рельефными изображениями женских головок (Тер-Акопян С., 1935, рис. 4). Припаянные к верхней части ушки указывают на то, что они служили подвесками для ожерелий. Потертый вид медальонов, нечеткость изображений затрудняют их изучение. Черты лиц позволяют сблизить их в какой-то мере с античными, хотя стилистически они тяготеют к художественным изделиям местного, переднеазиатского, круга (Тирацян Г. А., 1978а, с. 145). Серебряные медальоны были найдены в гробнице I в. из Сисиана. Они обрамлены растительным орнаментом, а в центре помещено рельефное изображение орла с повернутой назад головой. Орел держит в когтях животное (Аракелян Б. Н., 1976, табл. 18; Хачатрян Ж. Д., 1977б, табл. 1). Хотя оборотная сторона медальонов повреждена, не исключена возможность, что они служили застежкой для прикрепления концов одежды.

Золотые подвески выявлены в канберкейском кургане V, недалеко от Эрзерума. Найденная в одном из курганов монета Александра Македонского позволяет датировать всю группу курганов раннеэллинистическим временем. Одна из подвесок — дисковидная, с орнаментом в виде двойной петли (так называемых парик Хатор), другая — полукруглая, с тремя висячими маленькими дисками. Эти предметы не имеют связи с греческим ювелирным искусством, являясь, скорее всего, произведениями местного стиля (Mellink M., 1966, с. 153).

Золотые нагрудные украшения найдены в Гарни (Хачатрян Ж. Д., 1976, табл. XX, рис. 41). Они состояли из целого ряда бляшек, которые располагались в определенном порядке и нашивались на одежду. В центре находилась круглая бляха с чеканным изображением лотоса посередине, по бокам бляхи в специально припаянные крестовидные гнезда вставлены гранатовые камни. Вокруг центральной бляхи расположены щитовидные бляшки, украшенные зернью, и треугольные в виде птичьих голов. Аналоги этих золотых украшений имеются среди ювелирных изделий эллинистического времени с юга России, из Северного Причерноморья, Грузии, Армении. Части золотого венка были найдены в Арташате на поверхности первого холма (Аракелян Б. Н., 1975, рис. 18). Здесь оказалось 22 листика, похожих на платановые, и четыре листика, напоминающих листья оливкового дерева. В сисианском

склепе I в. до н. э. было найдено золотое навершие со вставными камнями (Аракелян Б. Н., 1976, табл. XIX). Бляха выполнена в зверином стиле и сходна с сарматскими изделиями юга России и Северного Кавказа. Она, безусловно, свидетельствует о связях Армении с северокавказскими племенами.

Остальные украшения происходят в основном из погребений и представляют собой главным образом принадлежности туалета. Среди них много браслетов. Они делятся на несколько типов и подтипов. Общей особенностью браслетов является вогнутость посередине. Как уже было отмечено, подобные изделия характерны для археологических памятников Армении и всего Закавказья ахеменидского времени. Прототипами таких браслетов принято считать золотые браслеты с выгибом, бытовавшие в ахеменидском культурном мире. Б. А. Куфтин совершенно правильно указал на существование украшений этого типа в Закавказье и в последующие века. Дальнейшие раскопки на территории Армении подтвердили это обстоятельство: браслеты с выгибом часто встречаются в погребениях эллинистического времени (Гарни, Гехадир, Ахбаш, Кармир-блур и т. д.). Один из кармир-блурских браслетов имеет пять утолщений на равном расстоянии друг от друга (Вайман А. А., Тирацян Г. А., 1974, табл. II). Очень характерны для погребального инвентаря эллинистического времени браслеты с концами в виде змеиных и львиных голов, стилизованных и переданных при помощи тонких врезов (Гарни, Гехадир и т. д.). Они продолжают традиции древнейших времен. Браслеты со змеиными головами были распространены начиная с I тысячелетия до н. э., а со львиными — в урартский период (Игдир). Нельзя при этом не учитывать и некоторого влияния ахеменидской культуры.

Упомянем также скрученные из одной проволоки и свитые из нескольких проволок браслеты, найденные в погребениях Гарни, Гехадира, а также в Армавире (Хачатрян Ж. Д., 1966, табл. I). Они напоминают витые изделия более раннего времени (витые гривны бытовали начиная с эпохи бронзы) и характерны для ахеменидского (Сидон, Персеполь) и эллинистического периодов. Наконец, отдельную группу образуют простые проволочные браслеты с разомкнутыми концами без украшений.

Перстни встречаются в погребальном инвентаре захоронений и в археологическом слое, в первом чаще золотые и серебряные, во втором — бронзовые и железные. Бронзовые и железные перстни имеют щитки, иногда с врезными изображениями, серебряные и золотые — вставные камни (сердолик). Заслуживает внимания пара золотых серег, найденных в Арташате вместе с монетой Тиграна II (Хачатрян Ж. Д., 1977б, табл. II, *3*; III). Они образуют разомкнутый круг с концом в виде женской головки. Такие серьги встречены в Армении впервые, хотя они очень характерны для эллинистического времени и распространены на довольно большой территории.

Бусины из могильников эллинистического времени, как правило, невелики по размерам. Преобладание мелких бус над крупными характеризует не только кармир-блурский могильник, но и другие современные ему могильники Армении и Закавказья. Чаще всего эти бусины пастовые (в виде подвески) или стеклянные (шаровидные, биконические), встречаются и каменные — сердоликовые (шаровидные, бочкообразные, биконической формы), из горного хрусталя, агата, гишера. Стеклянные бусины часто имеют внутри золотую обкладку; пастовые обычно окрашены в красный, желтый или синий цвета. Наличие большого количества стеклянных бусин, а затем и явное их преобладание — характерная особенность погребального инвентаря Армении и Грузии в ахеменидское и эллинистическое время. В этот период большое распространение получают позолоченные стеклянные бусы.

Погребения (табл. XXXVI). Накопившийся за последние годы материал показывает большое разнообразие погребальных форм и обрядов рассматриваемого времени по сравнению с предшествующим, раннеармянским, что можно объяснить усложнением общественных явлений. Наряду со скромными захоронениями сравнительно небольших размеров, обильно зафиксированными в предшествующий период, встречаются погребения курганного типа, башневидные погребения и склепы, вмещающие останки знатных или состоятельных людей (Тирацян Г. А., 1976, с. 147).

Разбор типов погребений начнем с каменных ящиков; они делятся на несколько подтипов, из которых основной, как правило,— прямоугольный, среднего или малого размера, выполненный по краям каменными плитами разной толщины и перекрытый также каменной плитой. Такие ящики засвидетельствованы в Гарни (Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 21) и в Ошакане (Есаян С. А., Калантарян А. А., 1976б, с. 27, табл. I) [1].

Своеобразными каменными ящиками являются погребения эллинистического времени, обнаруженные в 1948 г. в развалинах урартского города Тейшебаини (Кармир-блур) (Вайман А. А., Тирацян Г. А., 1974, табл. I). Могилы образуют в плане не четырехугольники, а, скорее, вытянутые пяти- или шестиугольники. Сложены они из грубо обтесанных плит. Подобная форма могильного сооружения не случайна: она очень удобна для перекрытия способом так называемого ложного свода, потому что увеличивает опорную поверхность первого ряда перекрывающих плит.

Такие погребения характерны и для раннеармянского времени (V—IV вв. до н. э.; см. выше). Об устойчивости этого вида гробниц свидетельствуют раскопки в Паракаре и Гарни, где были найдены сходные погребения, датируемые I в. до н. э. Интересно, что в одном их них (гарнийском) скелет находился почти в сидячем положении (Аракелян Б. Н., 1957, с. 15—17).

Грунтовые погребения эллинистического времени встречаются в Гарни и в Арташате (Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 23—28). Гарнийские — обычного типа, вырытые в земле, с вытянутыми костяками. В Арташате в грунтовые могилы помещалась урна с прахом кремированного покойного. Над мо-

[1] Каменные ящики имеют долгую историю на Армянском нагорье и в Закавказье, будучи еще в эпоху бронзы одним из основных типов захоронений; поэтому нельзя согласиться с утверждением об иноземном происхождении каменных ящиков Закавказья античной эпохи (Алиев И., Алиев В., 1976, с. 181, прим. 1).

гилами лежало по два или три бесформенных камня.

Раскопки в Гарни, Калайчике (западная Армения), Ошакане показывают, что погребения в кувшинах (карасах) бытовали в первых веках до н. э. Кувшины имеют довольно устойчивую форму — косо срезанный или округлый венчик, продолговатое тулово и плоское дно с круглым отверстием посередине. Помимо карасных захоронений, встречаются и карасы, предназначенные для кремации (Арташат), которые зарывались в стоячем положении (Хачатрян Ж. Д., 1975б, с. 60—61). Появление карасных захоронений следует связать с областями Двуречья на юге Армянского нагорья. Если это так, то проникновение этого вида, засвидетельствованного в древнейшей Ассирии, следует приурочить ко времени, намного предшествовавшему эллинистической эпохе. При раскопках в Аргиштихинили на древнем могильном поле, заложенном еще во времена Аргишти I, были найдены погребения в кувшинах, что говорит о большой древности указанных захоронений на Армянском нагорье (Мартиросян А. А., 1974, с. 50—53, рис. 15).

Довольно распространены были в эллинистической Армении погребения в каменных саркофагах, хорошо датируемые образцы которых найдены в Гехадире. Они изготовлены из туфа и имеют форму не совсем правильного прямоугольника. Саркофаги покрывались плитой (Хачатрян Ж. Д., 1966, рис. 1). Раскопки последних лет показывают, что и этот казавшийся столь специфическим для эллинистического времени вид погребений в Армении может иметь урартское происхождение. Наряду с каменными саркофагами встречаются и глиняные. Хорошо сохранившийся глиняный саркофаг был найден в античном склепе I в. н. э. в Сисиане.

Переходим к погребениям больших размеров, построенных более тщательно и основательно, с большей затратой труда. Это склепы, курганы с внутренней погребальной камерой и башневидные сооружения. Склеп, обнаруженный в Сисиане (юго-восточная Армения), сложен из хорошо обтесанных известняковых камней (Хачатрян Ж. Д., 1975б, рис. 2). В плане он образует прямоугольник. Перекрытие уступчато, камни двух стен, начиная с четвертого ряда, постепенно сходятся, образуя верх камеры. Насыпной курган в Хасанкале, в верховьях р. Аракс, в центре Басенской долины, имеющий склеп и дромос, был срыт в 1917 г. в ходе земляных работ при проведении Эрзерумской железной дороги (Тер-Аветисян С. В., 1926). Склеп имел стены, сложенные сухой кладкой из очень чисто тесаных известняковых плит светло-серого цвета длиной примерно в 0,5 м. На полу камеры стоял ящик из каменных плит с перекрытием (саркофаг).

В 1965 г. турецкие археологи К. Кошай и Г. Вари раскопали группу курганов около Канберкея (Алачасирт, Икизтепелер), примерно в 20 км к северу от Эрзерума. Из имеющихся здесь пяти курганных погребений изучены три (Mellink M., 1966, с. 153). Курганные погребения Эрзерумского района, датируемые раннеэллинистическим временем, представляют интерес с точки зрения как их устройства, так и найденного в них погребального инвентаря. Курган, опоясанный камнями, напоминает кромлехи первобытнообщинной эпохи. Кромлеховидные погребения с характерным каменным кругом вокруг засвидетельствованы в последние годы и на территории Армянской ССР. Высеченные в скале камеры могут восходить к многочисленным урартским скальным погребальным сооружениям, хотя наличие дромоса, скорее, указывает на греческое влияние.

Отдельную значительную группу образуют башневидные погребения. В 1961 г. в с. Паракар, вблизи дороги из Еревана в Эчмиадзин, были раскопаны развалины интересного каменного сооружения, в которых нашли монеты, все без исключения датируемые I в. до н. э. Сооружение представляло собой, судя по остаткам, круглую башню или камеру на каменной платформе, которая образует в плане многогранник, приближающийся к кругу (поперечник около 10,5 м). Платформа имеет ступенчатый вид, поверхность ее покатая (Тирацян Г. А., 1970, рис. 1).

Переходя к погребальным обрядам и обычаям Армении эллинистического времени, заметим, что мы располагаем сравнительно немногочисленными данными по этому вопросу. Установлено, что в рассматриваемое время наряду с трупоположением практиковалась и кремация (Хачатрян Ж. Д., 1975б). Фиксируется несколько видов трупоположения — с вытянутым костяком, скорченным на боку и даже сидячим. Выявить закономерность ориентации могил не удалось. Встречаются могилы, обращенные с юга на север, с востока на запад или имеющие промежуточные ориентации, причем в одном и том же некрополе при наличии однотипных погребений можно увидеть погребения с различной ориентацией.

Особый интерес вызывает обычай класть монету в рот покойника, засвидетельствованный в разных точках древней Армении (Гарни, Канберкей, Калайчик) и связанный с греческими религиозными представлениями.

Кремация — не только вид захоронения, но и обряд. Ж. Д. Хачатрян установил многочисленные случаи кремации в некрополях древнего Арташата. Судя по месту нахождения обгорелых человеческих костей, она производилась на месте, в могиле или рядом. Кремация наблюдается также в урнах и карасах, вкопанных в землю в вертикальном положении. Этот обряд встречается в Армении с древнейших времен — с эпохи ранней бронзы. Изучение арташатских некрополей дает представление также о таких сторонах погребального обряда, как похоронная церемония и трапеза (поминки), которые в целом ряде случаев сопровождали и кремацию, и обычное погребение (Хачатрян Ж. Д., 1975б, с. 59 и сл.)

Сравнительно большое разнообразие погребальных форм трудно объяснить этническими отличиями населения древней Армении. Важно то, что большинство их восходит к ранним эпохам. Известно, например, что грунтовые захоронения, каменные ящики, карасные погребения, саркофаги, склепы и курганы встречаются и в эпоху бронзы, и в урартский период и доживают до эллинистического и более позднего времени. Следует отметить вместе с тем однородность погребальных обрядов, что, конечно, указывает на бóльшую общность, чем это могло показаться на основе данных форм погребений.

Памятники искусства (табл. XXXVII, XXXVIII). Видимо, можно говорить о наличии нескольких направлений в культуре Армении эллинистического времени. Произведения скульптуры немногочисленны, но именно здесь можно проследить различные художественные направления. Первое из направлений — это развитие форм, издревле существовавших на территории Армянского нагорья. Единственным образцом его можно считать голову статуи из Двина (Аракелян Б. Н., 1976, табл. XVIII). Она изготовлена из серого туфа. На голове — своеобразная, украшенная сетчатым узором тиара, верхняя часть которой отбита, так что трудно сказать, оканчивалась она зубцами или была плоской. Схематичность и грубоватость передачи — расположение на одной плоскости частей лица, горизонтальность бровей, угловатость граней носа — сближают голову из Двина с местной скульптурой предшествующих эпох.

Второе направление, видимо, занимавшее ведущее место, должно было быть представлено скульптурой, выросшей на основе слияния эллинских и местных художественных традиций: ее можно с полным правом назвать армянской эллинистической. Однако образцы армянской эллинистической скульптуры до нас не дошли, но для установления ее характера нам представляется возможным привлечь коммагенские скульптуры и рельефы I в. до н. э. на Немруд-Дага, Арсамеи и т. д. Среди верхушки армянского общества была популярна такая чисто эллинистическая скульптура. Она представлена двумя образцами: головой бронзовой статуи — так называемой Анаит,— найденной в западной Армении, черты лица которой сближают ее с типом Афродиты, относимым к кругу работ Праксителя, а также мраморной статуэткой Афродиты, найденной в Арташате (Аракелян Б. Н., 1976, табл. XXI, XXII). Для изучения армянской эллинистической скульптуры следует привлечь также армянские монеты эллинистического времени, главным образом Тиграна II и Артавазда II. Стилистический анализ портретов армянских царей на монетах выявляет, с одной стороны, индивидуальные черты, способствующие характеристике портретности, с другой стороны, идеализирующие, восходящие к заранее выработанным схемам. Выточенный профиль царя со спокойными, возвышенными и облагороженными чертами выполнен целиком в духе эллинистической портретности.

В Армении в эллинистическое время развивалась и коропластика. Найденные в Армавире и Арташате терракоты представляют женские и мужские фигурки всадников, музыкантов и другие статуэтки. В исполнении статуэток наблюдается наличие двух направлений. Одно — восходящее к традициям эллинистического искусства, а другое — к традициям искусства Востока. В общем, армянская коропластика имеет много общего с коропластикой Малой Азии, Сирии и Междуречья (Тер-Мартиросов Ф. И., 1973а; Хачатрян Ж. Д., 1977а, б).

Среди художественного металла заслуживает внимания серебряная фигурка козла из Арташата. По своему облику она напоминает изделия ахеменидского времени. Несмотря на это, допустима и несколько заниженная датировка статуэтки, тем более что она найдена в слое II—I вв. до н. э. (Аракелян Б. Н., 1976, табл. XCVI). В Арташате обнаружены также художественно оформленные ручки серебряных сосудов. Одна из них, завершающаяся амуром, была прикреплена к сосуду вертикально, другая ручка, горизонтальная, позолочена и изображает гиппокампа с рыбьей чешуей. Обе фигурки имеют эллинистический облик. Третья ручка, отлитая из бронзы, завершается головкой дракона: как и статуэтке козла, ей присущи восточные черты (Аракелян Б. Н., 1976, табл. XCVII, XCVIII). Серебряные чаши, покрытые узорами или с гладкими стенками, найдены в склепе I в. до н. э. в Сисиане. Одна имеет арамейскую надпись (Perikhanian A., 1971), другая — полушаровидная, на наружной стороне узоры в виде продолговатых листьев, поднимающихся к венчику. Этим она полностью тождественна чаше из найденного в Иране так называемого клада Карена, что указывает на тесные культурные контакты между Арменией и Парфией (Herzfeld E., 1921).

Монеты (табл. XXXIX). Случайные находки монетных кладов (Мушегян Х. А., 1973), отдельных монет, а также нумизматический материал, полученный в ходе планомерных раскопок (Аракелян Б. Н., 1975; Тирацян Г. А., 1970 и т. д.), позволяют охарактеризовать денежное обращение в Армении эллинистического времени. В стране обращались монеты как местного, так и иностранного чекана. Местный чекан представлен монетами царей западноармянского государства Софены (III в. до н. э.) и монетами Арташесидов, царей Великой Армении (II—I вв. до н. э.). Появление монет Софены свидетельствует о политической самостоятельности царей этой области, о ее социально-экономическом прогрессе. Сохранились медные монеты с изображением царей Аршама, Абдисара, Ксеркса. Портреты, а также изображения на оборотной стороне выполнены в традициях эллинистического искусства. Надписи — на греческом языке. Монеты были предназначены для обращения только в пределах страны (Мушегян Х. А., 1975, с. 11). Тем интереснее представляется находка монеты Ксеркса, царя Софены, в Иране, в Сузах (La Fuje, A. de, 1927, рис. 144).

Местный чекан переживает значительный подъем при Арташесидах и главным образом связан с именами царей Тиграна II (95—55 гг. до н. э.) и Артавазда II (54—34 гг. до н. э.). Монеты выпускали и их преемники — вплоть до конца существования династии (Тигран V, 6 г. н. э.). Что касается монет Тиграна I — предшественника и отца Тиграна II, то их атрибуция представляется до сих пор спорной. Монеты Тиграна II выпускались в столицах Армении — в Тигранакерте и Арташате, в сирийских городах, в Антиохии на Оронте и в Дамаске, а также, вероятно, в Экбатане. Они быстро получили международное признание, о чем свидетельствуют находки этих монет за пределами Армянского нагорья: в Сирии, Междуречье, в Иберии и Албании. Армянские монеты Арташесидов представлены медными и серебряными экземплярами. На лицевой стороне — изображение головы царя в своеобразной тиаре, на оборотной — богини Тюхе, восседающей на троне, квадриги, Геракла, слона и т. д. Здесь же помещены надписи на греческом языке: «царь Тигран», «царь царей Тигран», «царь великий Тигран, бог» и т. д.

Самые ранние монеты иностранного чекана, найденные в Армении,— это драхмы и тетрадрахмы Александра Македонского. Для Армении характерны серебряные монеты, выпущенные в Вавилоне, Милете, Эфесе, Кардии, Абидосе (Мушегян Х. А., 1975, с. 10). С III в. до н. э. в Армению поступают монеты Селевкидов. Особенно часто встречаются монеты селевкидских царей II—I вв. до н. э., указывающие на тесные политические и экономические связи двух стран. В Армении обращались монеты Каппадокии, Парфии, а также Римской республики.

Эпиграфические находки. До создания своей письменности в начале V в. н. э. армяне пользовались языком и письмом соседних стран. От Ахеменидов и Селевкидов, с которыми Армения поддерживала тесные политические и культурные связи, были переняты арамейский и греческий языки и письменность. Греческий и арамейский языки часто параллельно применялись в Армении. Однако между ними наблюдалась существенная разница. Будучи языком царской канцелярии, государственно-административного аппарата, греческий являлся одновременно разговорным языком верхушки общества или его части. Арамейский язык был заимствован только в качестве административного языка (Тирацян Г. А., 1971в, с. 907–915; Саркисян Г. Х., 1978).

На территории Армении обнаружено небольшое количество надписей эллинистического времени: арамейских и греческих. Среди арамейских наиболее важны надписи Арташеса I, являющиеся межевыми камнями (Борисов А. Я., 1946; Дьяконов И. М., Старкова К. В., 1955; Perikhanian A., 1971), среди греческих — серия из семи надписей, происходящих из Армавира и датируемых концом III—I в. до н. э. (Тревер К. В., 1953, с. 105 сл.) В них содержится информация о событиях конца III в. до н. э., связанных с личностью царя Еруанда IV, о статусе городов, о культе царей и других религиозных верованиях армян эллинистической эпохи.

* * *

До недавнего времени наше знание культуры эллинистической Армении основывалось главным образом на материале, известном с территории восточных областей исторической Армении. Введение в научный оборот и интерпретация новых (хотя и малочисленных) материалов из памятников западной Армении доказывают общность культуры на всем Армянском нагорье в эллинистическое время, тождество форм и явлений, позволяющее вместе с данными письменных источников говорить о едином характере исторического процесса, этнической и социальной структуры древней Армении. Вышеотмеченные особенности развития армянской культуры являются наглядной иллюстрацией истории вступившей в эллинистический период страны, дважды ознаменовавшейся объединением армянских земель: в последней четверти IV в. до н. э. при ранних Еруандидах и в начале II в. до н. э. при Арташесе I и его наследниках.

Археологическое изучение городов позволяет более обоснованно говорить о расслоении населения Армении эллинистического времени, о строгой дифференциации среди самих горожан. Социальное расслоение, хорошо прослеживающееся и на погребальном материале, усилилось в раннеэллинистическое время в условиях образования армянского государства Еруандидов.

Армения в I—III вв. н. э.

В 60-х годах I в. н. э. кончилось кризисное состояние, в котором находилось армянское государство более полувека. Воцарением Тиридата I в 66 г. н. э. было положено начало армянской династии Аршакидов. Хотя Армения продолжала оставаться главным объектом парфяно-римского соперничества и нередко опустошалась войсками противоборствующих сторон, ей удавалось сохранять относительную самостоятельность, предопределявшую дальнейшее социально-экономическое развитие и успехи культурного строительства (см. рис. 3).

Источники. Главным источником для воссоздания исторической картины страны продолжают оставаться греко-римские историки, дополненные раннеазиатскими и раннесредневековыми армянскими авторами. В трудах Корнелия Тацита, Арриана, Кассия Диона, Евтропия и других сохранились данные, позволяющие воспроизвести основные события исторического развития Армении в первые века н. э. Важное значение имеют и надписи, найденные на территории Армении (греческие, латинские, арамейские), освещающие как внутреннюю, так и внешнюю историю страны (строительная деятельность армянских царей и римских оккупационных войск, армяно-римские отношения и т. д.). Археологические материалы представлены результатами раскопок в Гарни, Арташате, Двине и других центрах.

Города. Поселения. Арташат. В 66 г. н. э. г. Арташат вступил в новый этап своего развития, длившийся несколько веков. Вместе с тем как раз в этот период на долю города выпали многочисленные испытания (был разрушен в 58–59 гг. Корбулоном, сильно пострадал в ходе римско-парфянской войны в 60-е годы II в. н. э.).

Событием, оказавшим роковое последствие на судьбу не только Арташата, но и остальных городов Армении, явился поход сасанидского царя Шапура II, разрушившего древние города и угнавшего их население. Арташат больше не оправился от этого удара и из большого города, бывшего около 600 лет столицей Армении, постепенно превратился в поселение сельского типа. Характерные для второго периода существования города невзгоды не могли остановить дальнейшего его роста, расцвета его экономической и культурной жизни. Об этом свидетельствуют как известные раньше письменные источники, так и ставшие доступными в последние годы археологические материалы. Строительные остатки первых веков н. э. на восьмом холме показывают, что застройка территории осуществлялась по единому плану. Внутренняя планировка крепости сходна с планировкой предшествующего периода, хотя наблюдается некоторое смещение общей ориентации (Аракелян Б. Н., 1975, рис. 6). В основе плана на восьмом холме лежат параллельные между собой улицы.

Валаршапат (находился на территории современного г. Эчмиадзина). Установлено, что Валаршапат был основан в первой половине II в. н. э. армянским царем Валаршем (117—140) на месте древнего поселения Вардгесаван. Возникновению одного из последних античных городов Армении способствовали благоприятные для экономического развития страны условия, сложившиеся после походов Траяна на Восток. В 163 г. после взятия римлянами г. Арташата и подавления восстания армян Валаршапат, переименованный в Норкалак или Кайнеполис, был объявлен столицей Армении и продолжал оставаться ею вплоть до потери страной независимости (вместе с Арташатом, а затем Двином). Данные археологических работ и письменных источников позволяют следующим образом представить структуру города (Калантар А., 1935; Тирацян Г. А., 1976). Сейчас уже нет сомнения в том, что территория цитадели-крепости в общих чертах совпадает с территорией, занимаемой Эчмиадзинским монастырем. Подобно другим городам Передней Азии (например, Хатра), это был прямоугольный в плане обширный дворцово-храмовый укрепленный комплекс. Здесь, на месте кафедрального собора, стоял античный храм, посвященный, вероятно, богине Анаит-Артемиде. Недалеко от него находились царский дворец, известный только по письменным источникам, а также здание бани, частично раскопанное в начале 30-х годов. Собственно город располагался вокруг цитадели, т. е. примерно на том месте, где находится сейчас г. Эчмиадзин. Источники упоминают о его оборонительных сооружениях и воротах. Они же позволяют определить приблизительные границы города: южные находились в районе храма Гаяне, восточные — примерно на полпути (или даже менее) расстояния от центра города (цитадели) до возвышенности, где впоследствии был воздвигнут храм Рипсиме, северные — в районе храма Шогакат. Данные письменных источников и результаты археологических работ позволяют говорить о загородном храме, некрополе и о производственных пунктах, расположенных вне города. На севере города, за пределами городских стен, по свидетельству Агафангела, простирались виноградники (История Армении, с. 150, 162, 192 и т. д.). Здесь же имелись виноградные давильни и стеклодельная мастерская. Более чем вероятно, что образующие пригородную обрабатываемую территорию сады входили в характерный для эллинистических городов земледельческий пояс, которым они были окружены. Такие пояса упоминаются историками при древнеармянских городах Арташат, Еруандашат и при ряде крепостей того же времени. Окружавшая город земледельческая территория состояла из деревень и частновладельческих имений — агараков и дастакертов, принадлежавших частично городской общине.

Двин широко известен как город средневековой Армении. Археологические раскопки выявили его многослойный характер. Предпринятые в последние годы работы по целенаправленному изучению слоев античного времени позволяют сделать первые выводы (Кочарян Г. Г., 1976, с. 209—210). Было установлено наличие античных слоев как в цитадели, так и на территории собственно города. Большого внимания заслуживают каменные остатки архитектурных сооружений, торовидные базы, фрагмент фуста колонн, плита-солен для перекрытия (Кочарян Г. Г., 1974а, б). Каменный алтарь с рельефными изображениями митраистического характера и другие данные указывают также на культовый характер поселения, а базальтовая плита-тарапан позволяет говорить о производственной жизни Двина, виноделии (Кочарян Г. Г., 1977; 1978). Путем сличения данных античных авторов о святилищах иранских Аршакидов в восточных областях Парфянской державы с данными «Армянской географии» VII в. н. э. С. Т. Еремян пришел к выводу о существовании в Двине в первые века н. э. святилища, основанного Тиридатом I в честь своих аршакидских предков (Еремян С. Т., 1971, с. 764, 824). Были обнаружены остатки некрополя античного времени с кувшинными погребениями (Кафадарян К. Г., 1953, с. 82, рис. 57, 58).

Ацаван. Древняя крепость находится у дороги, ведущей из Еревана в Гарни. Предпринятые здесь в 60-е годы раскопки выявили остатки крепостной стены и жилых зданий (Тирацян Г. А., 1962; 1963; 1968б). Первые наблюдения показывают, что жилища примыкали, по-видимому, по всему периметру к крепостной стене. Они, вероятно, были построены по единому плану одновременно с крепостной степой. Стены жилищ выложены из необработанных камней прямыми рядами. Имеются стены с кладкой в виде елочки. Стены изнутри замазывались известью и отделывались гипсовыми лепными рельефными поясами. Местами сохранились остатки пола из утрамбованной глины, уложенной прямо на материк. Каменные простые базы, остатки деревянных балок указывают на то, что перекрытия комнат подпирались деревянными столбами. Найденный археологический материал дает некоторое представление о быте жителей. Изучение крепости показывает, что она существовала долгое время. Древней крепости Ацаван была отведена роль форпоста Гарни. Через Ацаван или вблизи нее шли древние дороги из Араратской долины в Гарни.

Фортификация. Согласно сообщению Мовсеса Хоренаци, фортификационные сооружения Валаршапата состояли из стены, вала и рва. По аналогии с другими городами можно предположить, что стена (каменная) и вал (земляной) шли параллельно, а между ними находился ров. Первоклассным памятником фортификационного искусства древней Армении является гарнийская крепостная стена. Построена она была, во-видимому, во II в. до н. э., разрушена в 59 г. н. э. и целиком восстановлена в 77 г. н. э., как об этом гласит греческая надпись царя Тиридата I. Стена состоит из больших базальтовых блоков, хорошо обработанных и связанных между собой железными скобами. Стена преграждала путь неприятелю с северной и частично с восточной стороны. Остальными сторонами треугольный по плану мыс, на котором расположена крепость, был обращен к глубоким ущельям. Стена оснащена 14 квадратными в плане башнями.

Оборонительная стена Ацаванской крепости огибала со всех сторон возвышенность, на которой она была расположена. Северная, наиболее уязвимая часть крепости была защищена тремя полукруглыми башнями (две угловые, одна в середине),

остальные участки стены были усилены прямоугольными в плане контрфорсами. Вход в крепость выявлен в юго-западном углу. Плановое его решение напоминает особенности входов древнейших циклопических и урартских крепостей Армянского нагорья. В отличие от оборонительной стены гарнийской крепости, царской по существу, стена рядовой крепости, каким был древний Ацаван, построена из необработанных камней средней величины на глиняном растворе.

Архитектура. Строительная техника (см. табл. XXXI). Храмовая архитектура Армении первых веков н. э. представлена античным храмом в Гарни (Тревер К. В., 1953). Это периптер ионического ордера, стоящий на высоком подиуме. Прямоугольные в плане наос и пронаос окружены 24 колоннами, несущими двускатную крышу с фронтонами. В ходе восстановления храма выяснено, что перекрытие самого наоса было сводчатым (Саинян А. А., 1969, с. 193). Архитектурные детали храма, капители, плиты плафона, элементы антаблемента — архитравы, фризы и карнизы — богато украшены резьбой и скульптурными головами львов. Излюбленным мотивом декора храма является акантовый лист. Плиты по сторонам лестниц украшены рельефами с изображением нагой мужской фигуры типа атланта. Уже давно было показано, что, как с точки зрения архитектурной композиции, плановой и объемно-пространственной, размеров и пропорций, так и с точки зрения декора, существуют многие элементы соприкосновения между памятниками Малой Азии и гарнийским храмом (Тревер К. В., 1953). В последнее время были выявлены новые материалы, позволяющие наметить связи с кипрскими памятниками античного времени. Что касается датировки храма, то многие из исследователей останавливаются на I в. н. э. как на вероятном времени его сооружения. Тщательный анализ храма приводит к возможному заключению о том, что храм мог бы быть посвящен богу Михру. О других храмах рассматриваемого времени судить трудно, так как они были безжалостно уничтожены. Однако находки отдельных камней, украшенных античным орнаментом, позволяют говорить о наличии храмовых зданий и в других местах древней Армении. Под пилястрами купола раннесредневековой церкви Рипсиме были обнаружены хорошо обработанные фрагменты из туфа, обладающие поразительным сходством с аналогичными камнями гарнийского храма (Саинян А. А., 1964, рис. 16). Капители коринфского стиля имеются в кладке средневековой церкви из Багарана (Токарский Н. М., 1961, с. 36—37). Архитектурный фрагмент античного времени был найден в с. Апна на склонах Арагаца (Саинян А. А., 1964, с. 71).

Менее изучены постройки, открытые раскопками за последние годы к западу и северо-западу от храма в Гарни. В этот большой строительный комплекс входят три сооружения: в южной части — большой зал с пилонами, в северной — баня, а между ними — остатки третьего большого здания. В плане здание бани представляет собой удлиненный прямоугольник, ориентированный с востока на запад, с выступающими и примыкающими друг к другу четырьмя полукруглыми апсидами с южной стороны (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 4). Стены бани так же, как и другие постройки комплекса, сложены из рваного камня (базальта), связанного раствором. В кладке применялись тесаные туфовые квадры и кирпич. Внутренние стены бани были оштукатурены. Баня состоит из пяти помещений, четыре из которых расположены по одной оси. Первое помещение — предбанник — имеет богатый мозаичный пол, на южной стороне — полукруглую нишу. Следующие три помещения отапливались. Пятое помещение в северо-восточной части бани представляло собой раздевальню. Здание дошло до нас в разрушенном виде, вследствие чего утрачены некоторые очень важные черты его устройства, которые приходится дополнять по аналогиям (Тирацян Г. А., 1959а).

Детальное изучение раскопанных остатков и приводимые аналогии позволяют определить назначение каждого из отделений бани. Топка находилась в проеме, устроенном в западной наружной стене четвертого помещения. Нагретый воздух и дым из нее поступали в подпольное пространство примыкающего помещения и направлялись по подпольным проходам к остальным двум помещениям. Отапливаемые помещения имели два пола, в пространство между ними поступали горячий воздух и дым. Нижний пол состоял из утрамбованного раствора, на котором во всех помещениях были установлены столбики из круглых кирпичей, скрепленных раствором. Столбики, сохранившиеся в двух комнатах (36 в одной и 43 в другой), поддерживали верхний пол. Изучение его остатков, а также привлеченный сравнительный материал показывают, что в отапливаемой первой комнате пол был толщиной около 0,18 м и сделан из чередующихся слоев керамических плит и раствора. Основную часть пола составляли крупные, почти квадратные плиты (0,65×0,60×0,06), каждая из которых опиралась углами на четыре столбика. Поверхность пола была образована из толстого слоя раствора с примесью щебня, толченого кирпича и туфа. Высота подпольного пространства определяется примерно 0,75—0,70 м. Помещение у топки было горячим отделением. В прямоугольной нише этого помещения вблизи топки, вероятно, находилась ванна. Остальные два помещения относились, очевидно, к теплым отделениям бани. Холодным отделением являлась отгороженная стенкой глубокая полукруглая ниша в южной части «комнаты с мозаикой». По двум сторонам стенки, в предбанной комнате и в нише, были устроены узкие скамьи. Детальное исследование гарнийской бани с очевидностью показывает, что она обслуживала ограниченный круг людей. Группировка помещений, размещение их по одной оси напоминают сходные банные сооружения в крепостях античного мира, но в то же время отличаются от них простотой как плана, так и отделки. В гарнийской бане особенно выдержан принцип симметрии, а южная сторона здания оживлена четырьмя апсидами, имевшими, безусловно, и функциональное назначение. Два помещения были украшены мозаичными полами. Таким образом, гарнийская баня имеет характер усадебной, судя по аналогичным баням вилл античного мира. Особенности плана позволяют отнести гарнийскую баню к III в. Баня была обнаружена в цитадели г. Валаршапат. От нее сохранились два

помещения, сообщающихся подпольными отопительными каналами, образованными низкими продольными стенами (Тирацян Г. А., 1976, с. 85—88). Сохранились стены здания, сложенные из прямоугольных или квадратных сравнительно толстых кирпичей на растворе. Нижний пол бани образован из утрамбованной земли и раствора. На нем расположены столбики, несущие верхний, второй, пол, по которому шли посетители. В качестве столбиков здесь использованы большие керамические трубы.

Особенности плана одного из зданий, расположенного на восьмом холме Арташата, сохранившиеся отдельные его детали дают некоторое представление о рядовых банях Арташата первых веков н. э. Баня состояла из трех отделений, одно из которых могло служить для подогрева воды. Остальные отделения имели подпольную систему отопления. На нижнем полу помещения бани расставлены прямоугольные в сечении трубы, служившие опорой для второго, верхнего, пола (Аракелян Б. Н., 1975, с. 18—19, рис. 7). Имевшиеся в боковых стенках труб-опор отверстия служили для проникновения горячего воздуха в сами опоры.

Среди различных сооружений, раскрытых на восьмом холме Арташатской цитадели и датируемых первыми веками н. э., обращают на себя внимание тщательно выстроенные бассейны для хранения питьевой воды. Каменные и кирпичные стены бассейнов покрыты толстым слоем раствора. Пол выложен из прямоугольных хорошо обожженных кирпичей, покрытых слоем известнякового раствора (Аракелян Б. Н., 1975, с. 19).

Постройки первых веков н. э. продолжают воздвигаться из камня — хорошо отесанного или необработанного, рваного. Применение рустовки и железных скоб характеризует строительную технику первоклассных памятников, какими являются оборонительная стена крепости Гарни или сам античный храм. Железные скобы в Армении приходят на смену металлическим или деревянным скрепам в виде ласточкина хвоста, господствующим, как было показано в предшествующем разделе, в первых веках до н. э. Все больше начинает использоваться раствор из песка и извести, служивший прекрасным вяжущим материалом для камней средней и малой величины. Наконец, сравнительно большое распространение получает кирпичная кладка, при этом не только в банях (Гарни, Валаршапат, Арташат), но и в зданиях дворцового типа, как это видно на примере жилой части дворца и крепости Гарни. Очень характерно здесь сочетание кирпичной кладки с каменной.

Хозяйство. Основой экономики Армении в первые века н. э. оставалось сельское хозяйство. По-прежнему, видимо, важнейшую роль играли зерновые культуры. Существование садоводства также бесспорно, свидетельством чего являются (помимо письменных свидетельств) находки садовых ножей (см. ниже). В некоторой степени мы осведомлены о виноделии рассматриваемой эпохи. Раскрытая в нижнем этаже жилой части дворцового комплекса Гарни давильня датируется, как и все здание, в котором она расположена, концом III в. н. э. Она представляет собой маленькое помещение (2×2,5 м), пол которого образован из уплотненного слоя водонепроницаемого раствора. Стенки помещения были тщательно оштукатурены (Аракелян Б. Н., Караханян Г. О., 1962, с. 37—38). Давильня отгорожена от соседней комнаты низкой стенкой, позволявшей наполнять ее виноградом. Здесь виноград растаптывался ногами. По вделанной в низкую стенку на уровне пола глиняной трубе сусло стекало в соседнее помещение, в глиняный сосуд, стоявший на более низком полу, покрытом слоем раствора. Гарнийская давильня, видимо, напоминает виноградные давильни древнего Валаршапата, о которых упоминает раннесредневековый историк Агафангел.

Это первое документально засвидетельствованное долговременное сооружение виноградной давильни позднеантичного времени. Интересно отметить, что гарнийская давильня как по своему устройству, так и по объему отличается от античных виноделен, известных нам по раскопкам Боспора (Гайдукевич В. Ф., 1958). Она больше напоминает давильни материковой Греции.

Находка обжигательной гончарной печи III в. н. э. в Арташате имеет важное значение для изучения гончарного дела Армении первых веков н. э. (Тер-Мартиросов Ф. И., 1975). Мастерская расположена в двух смежных помещениях. В одном из них была раскрыта ванна, сложенная из камней на глиняном растворе, покрытых известковой обмазкой, а рядом с ней раскопана прямоугольная яма с низкими ступеньками из камня, заполненная песком. Во втором помещении находилась сама обжигательная печь, образующая неправильный круг. От задней стенки по направлению к двери печи шла опорная стена, как будто делившая печь на две части. У двери в наружной части печи был раскрыт длинный топочный канал, заканчивающийся небольшой ямой, заполненной пеплом, черепками и обломками черепиц. Печь построена из сырцовых кирпичей, топочный канал устроен в земле с облицовкой боковых сторон из черепичных плит. Печь состояла из двух частей: нижняя, образующая топочное помещение, и верхняя, представляющая собой обжигательную камеру. Топочная часть имела сводчатое перекрытие. Для укрепления перекрытия в топочной части была построена дополнительная подпорная стена. Этими своими особенностями арташатская печь напоминает римские небольшие печи (Гайдукевич В. Ф., 1934). Находки штырей (для подвешивания сосудов), разного типа подставок, прокладок дополняют наши представления о керамическом производстве первых веков н. э. в Арташате. Анализ керамического материала рассматриваемого времени показывает, что значительно увеличился удельный вес керамики, производимой на гончарном круге. Вместе взятые, эти данные говорят о рыночном характере сбыта глиняной посуды, обусловленном ростом спроса внутри страны. Отмеченный перелом в керамическом производстве, безусловно, отражает дальнейшие сдвиги, наблюдаемые здесь в первые века н. э. в экономической жизни.

Изучение стеклянных изделий показывает, что, хотя подавляющая часть их привозная, можно выделить и сосуды, изготовленные на месте (Аракелян Б. Н., Тирацян Г. А., Хачатрян Ж. Д., 1969, с. 20—21). Эта группа определяется при помощи типологического анализа. Речь идет как о сосудах,

изготовленных способом свободного выдувания, так и о сосудах, изготовленных способом выдувания в форме. Факт местного производства подтверждается как находками бракованных сосудов, так и тем обстоятельством, что некоторые их типы встречаются только в Армении. Техника стеклоделия была заимствована из Сирии, вероятно, благодаря переселению в Армению мастеров-ремесленников. По-видимому, стеклоделие было сконцентрировано в городах. Более чем вероятно, что в Арташате и Вагаршапате имелись стеклодувные мастерские (Аракелян Б. Н., 1957, с. 69). Это предположение находит свое подтверждение и в письменных источниках. К числу сосудов местного производства можно отнести колбовидные флаконы с яйцевидным туловом, шаровидные сосуды с вертикальными каннелюрами, ряд сосудов с вдавленными стенками и т. д.

На наличие ювелирного ремесла указывает находка маленького железного молотка в погребении, точно датируемом III в. н. э. (Хачатрян Ж. Д., 1976, рис. 18; *3*, с. 116—117). Находки предметов торевтики, а также золотые и серебряные украшения первых веков н. э. уже приводили к мысли, что ювелирное дело и художественная металлургия продолжали развиваться, хотя сравнительный анализ части предметов не говорит в пользу их местного производства. Находка молотка ювелира в Гарни одновременно указывает на то, что развитие ремесел не ограничивалось городскими центрами, что в поселениях и крепостях также была налажена работа ремесленников, что, конечно, как нельзя лучше согласуется, например, с «городским обликом» жителей античного поселения Гарни (Аракелян Б. Н., 1951, с. 53—54). Исследование железных орудий труда и оружия показало, что армянским мастерам того времени были также известны следующие операции: ковка, сварка железа и стали, пайка двух кусков железа с помощью меди.

Документальным подтверждением существования местных ремесленников-каменщиков следует считать находки самих орудий, бесспорно, относящихся к первым векам н. э. (Аракелян Б. Н., 1951, рис. 23; 1957, рис. 5). Способ обработки базальтовых камней и мрамора показывает, что могли применяться и другие типы молотков, металлических сверл, разных орудий для резьбы по твердому базальту.

Направление торговых путей, по-видимому, продолжало оставаться неизменным. Они по-прежнему шли в Малую Азию, к Эгейским островам, Греции и Италии, в Сирию, Двуречье, Иран, в страны Закавказья, Северный Кавказ, Приазовье и Боспор, в города Южного Причерноморья. Однако многие из упомянутых торговых путей не подтверждены археологическими данными. Но о двух или трех направлениях можно говорить с уверенностью. Так, например, сейчас совершенно очевидно, что наличие сирийского стекла в Армении явление не случайное. Установлено, что Сирия и Финикия были важными центрами стеклоделия античного мира, откуда стеклянные изделия торговыми путями доставлялись в Армению (Тирацян Г. А., 1959а). Археологические изыскания свидетельствуют, что стеклянные предметы в Армении получили широкое распространение в первых веках н. э. (Аракелян Б. Н., Тирацян Г. А., Хачатрян Ж. Д., 1969), что отражает общие тенденции развития торговли Ближнего Востока: к периоду ее процветания, к I—II вв., относится наибольшее количество привозных образцов, а ко времени затухания, к III в.,— лишь отдельные предметы. Возможность выявить динамику развития торговых связей создается благодаря тому, что многие стеклянные сосуды можно достаточно точно датировать. Ряд флаконов датируются первыми двумя веками. В их числе — большая часть колбовидных флаконов, небольшие флаконы с шаровидным туловом, флаконы с выпуклыми гранями. Из флаконов, выдутых в форме, первыми двумя веками н. э. датируются яйцевидные сосуды с двумя ручками и горизонтальными каннелюрами, чаша молочно-белого цвета с расширяющимися краями и т. д. К III в. относятся: из сосудов, изготовленных методом свободного выдувания,— большой грушевидный сосуд со шлифованным узором, чаша с накладными сетчатыми узорами; из сосудов, выдутых в форме, следует упомянуть шестигранный сосуд. Значительная группа сосудов может быть датирована также более общим образом — II—III вв., как то: флакон с длинной шейкой, шаровидные сосуды с двумя ручками и выгравированными узорами, сосуд с одной ручкой и вдавленными стенками, сосуд с накладными узорами. К этим же векам относится ряд сосудов, изготовленных в форме,— шаровидные флаконы с конусообразными рельефными узорами, цилиндрообразный флакон. III—IV вв. н. э. можно датировать большой шаровидный сосуд с выгравированными поясками, флаконы с вдавленными стенками, флакон с одной ручкой с накладным узором, сосуды с выпуклыми узорами. Изучение стекла убедительно показывает, что основным поставщиком стекла в Армению являлась Сирия (Тирацян Г. А., 1959б). Это обстоятельство не следует считать случайным, поскольку, как уже говорилось, Сирия вместе с Финикией была одним из самых известных центров стеклоделия античного мира. Наиболее яркие образцы сирийского стеклоделия, обнаруженные в Армении,— характерные сидонские бальзамарии, изготовленные методом выдувания в форме, амфориски, принадлежавшие к кругу производства известного в античном мире стеклодела Энеона, шаровидные сосуды с одной ручкой и вертикальными каннелюрами — как по количеству, так и по мастерству выполнения могут украшать лучшие собрания античного стекла.

Интересно отметить, что параллели нескольких образцов древнего стекла Армении указывают на Египет и Кипр как на возможное место их происхождения, хотя они, несомненно, привезены в Армению вместе с сирийским стеклом. Два первоклассных сосуда некоторыми своими особенностями напоминают изделия стеклодувного производства Рейнской области римского времени, но обстоятельства их ввоза в Армению еще нуждаются в дополнительном освещении.

Второе направление торговых связей, прослеживаемое тоже благодаря археологическим раскопкам,— западное. Сухопутными дорогами через всю Малую Азию или морским путем через Антиохию доставлялись в Армению, например, косские амфоры, наполненные, по-видимому, оливковым маслом. Почти целая косская амфора была найдена в погребении вместе с двумя монетами императора Траяна.

Фрагмент горлышка амфоры с ручками красновато-коричневой глины в Арташате может указать на связи с южнопонтийскими центрами (Зардарян М. О., 1977, с. 269), а некоторые образцы поливной посуды, найденной в Арташате, Армавире и других центрах,— на связи с парфянским Ираном и Двуречьем (Тирацян Г. А., 1974а, б, с. 62—63; Хачатрян Ж. Д., 1977а, б, с. 192). Данные, относящиеся к первым векам н. э., позволяют более конкретно поставить вопрос о связях, возможно торговых, Армении с Боспорским царством. Речь идет о монетах царей Рескупорида II (68—92) и Рескупорида VI (318—332), найденных в окрестностях Двина (Мушегян Х. А., 1962, с. 10—11 и 108). Важно также установить, чтó именно вывозила Армения в обмен на ввозимые товары. Античные авторы упоминают краски, растения, камни. Однако эти товары, по-видимому, не являлись основными предметами экспорта (Манандян Я. А., 1954, с. 107). В настоящее время мы еще не располагаем ни письменными, ни археологическими данными, чтобы судить, какие именно товары были главными в экспорте Армении.

Орудия труда. Железное зубило для обработки камня и железный молоток каменотеса были найдены в Гарни (Аракелян Б. Н., 1951, рис. 23; 1957, рис. 5). Молоток использовался с обоих концов, один из которых имеет вид топора с узким лезвием, а другой — тесловидный. Орудие сильно изношено: один конец его обломан. Железное зубило имеет широкое лезвие, размер которого соответствует вытесанной ленте, окаймляющей рустованные камни гарнийской оборонительной стены I в. н. э. Металлографический анализ позволяет выяснить технологические особенности изготовления молотка — путем сварки трех отдельных слоев металла. Применение распространенного в античном мире так называемого пакетного металла повышало механические свойства данного предмета, этой же цели служила его цементация, следы которой как будто сохранились на поверхности. Что касается зубила, то его состояние не позволяет выявить каких-либо следов цементации или холодной обработки (Зинджирджян В. К., 1978а, с. 64—68). Железный молоток малых размеров был найден в гарнийском погребении, датируемом III в. н. э. Один конец молотка тонкий и широкий, другой — плоский и узкий. По всей вероятности, молоток принадлежал мастеру-ювелиру (Хачатрян Ж. Д., 1976, рис. 18, с. 116). Сравнительно лучше представлены ножи рассматриваемого времени: один тип имеет плоское лезвие со скошенным концом, другой — ланцетовидный клинок с кольцевидной головкой — для подвешивания ножа. Особого внимания заслуживают кривые ножи из Гарни, представляющие собой дальнейшее развитие традиций изогнутых ножей предшествующих эпох. Важно отметить, что эти ножи использовались также в садоводстве (Хачатрян Ж. Д., 1974, рис. 16, *3*; 21, *2*, с. 115—116).

Оружие. Некоторое представление о предметах вооружения первых веков н. э. дают нам наконечники копий и стрел, кинжалы, меч, найденные главным образом в могильниках Гарни.

Наконечники копий представлены двумя типами — с подтреугольным и листовидным лезвиями. Все они имеют полую втулку с прорезью по одной стороне, с дырками для его прикрепления гвоздями к древку (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 10). Наконечники стрел можно классифицировать следующим образом: двуперые железные и костяные наконечники с острыми опущенными концами и с длинным черенком для насадки на древко. На черенке имеются утолщения или выступы, мешающие древку примкнуть вплотную к лезвию наконечника (Аракелян Б. Н., 1951, рис. 27; Хачатрян Ж. Д., 1976, рис. 48). Трехлопастные черенковые наконечники стрел представлены в погребениях первых веков н. э., обнаруженных недавно недалеко от Нахичевана. Все они изготовлены из железа (Алиев И., Алиев В., 1976, рис. 6, с. 183). В некрополе Гарни, а также на территории крепости найдены черенковые, четырехгранные, в основном железные, наконечники стрел (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 13). Не исключена возможность, что часть из них относится к первым векам н. э., что указало бы на развитие этого типа и в последующие века. Большой интерес представляет железный меч со сравнительно узким, обоюдоострым клинком. Подобные мечи найдены в Грузии и Азербайджане и датируются I—II вв. н. э. (Хачатрян Ж. Д., 1976, рис. 49, *1*).

Сравнительно большую группу образуют остроконечные кинжалы с обоюдоострыми клинками и металлическими черенками. На черенке одного из кинжалов сохранился гвоздик для прикрепления обкладки (Аракелян Б. Н., 1951, рис. 40; 1957, рис. 11).

Керамика первых веков н. э. (см. табл. XXXV) изучена главным образом на основе материалов из некрополя Гарни и отчетливо делится на две группы: грубые сосуды черно-серого цвета и светлые сосуды, главным образом кувшины с ручкой, покрытые ангобом.

Первая группа представлена сравнительно немногочисленными формами, в основном это горшки с широким и невысоким венчиком и плоским дном (Аракелян Б. Н., 1951; 1957; Тирацян Г. А., 1956, с. 10—11; Хачатрян Ж. Д., 1976). Горшки отличаются друг от друга степенью расширения в средней части, размерами венчика, но в основном это обычная форма бомбовидных сосудов с широким горлом без ручек, связанная с древними традициями закавказской керамики. Они относятся к сосудам так называемого кухонного назначения.

Вторая группа (имеющая близкие аналогии в Иберии) представлена кувшинами светлого цвета, поверхность которых покрыта светлым ангобом. Все кувшины имеют ручку, как правило, прикрепленную на плечике и к краю венчика. По формам эта керамика разнообразнее, чем в первой группе. Что касается назначения сосудов второй группы, то следует полагать, что они могли употребляться и как настольная посуда, в частности для воды и вина. К этой же группе относится сферический сосуд с плоским дном и с низким, отогнутым наружу венчиком. Кольцевидная маленькая ручка прикреплена в его средней части. Черепок в изломе плотный, светло-красный и привлекает к себе внимание качеством глины. Она мелкозернистая, очищена от всяких примесей и хорошо отмученная. Примечательной деталью всего сосуда является обработанность его туловищных стенок. Они украшены тремя ряда-

ми косо поставленных выпуклых шишечек. Несколько черепков с подобной орнаментацией были найдены на территории крепости Гарни, подобные сосуды известны и из других районов Закавказья. К этой же группе принадлежат глиняные бальзамарии — два редких для Армении образца сосудов, обнаруженные в Гарни (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 21). Один из них, поменьше, отчетливо выявляет морфологические сходства с античными колбовидными стеклянными бальзамариями, другой весьма своеобразен и не имеет известных нам аналогий в стеклянных сосудах.

В Гарни была найдена краснолощеная тарелка с плоским днищем, на кольцевой ножке, с чуть скошенным невысоким бортиком. О распространенности таких тарелок в самом Гарни говорят находки обломков сходной керамики в разных частях крепости. Сосуд, видимо, является местным подражанием краснолаковой средиземноморской керамике типа терра сигилята.

Керамика из Гарни в некоторой степени дополняется керамикой из раскопок Арташата. Восьмой холм Арташата дает интересный керамический материал (Аракелян Б. Н., 1975; Хачатрян Ж. Д., Канецян А. Г., 1974). Следует учесть то обстоятельство, что керамика первых веков н. э. Арташата довольно хорошо делится на две хронологические группы I—II вв. и III—IV вв., каждая представлена новыми, ранее не встречающимися формами. Особую группу образуют многочисленные блюда на ножке или без ножки, которые также являются подражаниями керамике терра сигилята. Все они покрыты красноватым или коричневым ангобом и тщательно вылощены. Обращает на себя внимание двуручная кружка на круглом поддоне. Ее ручки характерной формы — кольцевидные с горизонтальным выступом. Параллели этой форме встречены в Малой Азии и Северном Причерноморье. Керамика I—II вв. из Арташата включает также полушаровидные чаши на круглом поддоне. Они являются дальнейшим развитием местных полушаровидных чаш эллинистического времени, хотя имеют аналогии среди керамического материала Малой Азии, Северного Причерноморья и т. д.

Керамика III—IV вв. Арташата представлена леканами, блюдами, стаканами, горшочками, кувшинами и т. д. Все они являются дальнейшим развитием предыдущих форм и имеют мало аналогий в синхронной керамике как Армении, так и сопредельных стран.

Украшения. Украшения представлены бусами, серьгами и перстнями, булавками и шпильками, зеркалами и другими предметами. Это самые обыкновенные обиходные предметы, встречающиеся часто в погребениях первых веков н. э. на широкой территории. Они довольно скромного облика — золотые вещи, например, редки. Бусы встречаются в большинстве погребений первых веков н. э. и представляют собой довольно характерную группу вещей. Они разнородные по материалу и разнообразные по форме, но в основном хронологически не расходятся с инвентарем некрополя. В то же время надо отметить, что среди гарнийских бус, безусловно, бытуют и древние формы, идущие с эллинистического и более раннего времени. Найденные бусы изготовлены из стекла или стеклянной пасты. Встречаются самые разные формы: чечевицевидные, бочонкообразные, в виде приплюснутых шаров, двойные и тройные и др.

Зафиксированы бусы из цветных камней: сердолика, халцедона, горного хрусталя, агата, а также металлические: из серебра и железа. Следует упомянуть еще бусы в форме животных. Одна из бусин изготовлена из белой пасты и напоминает лягушку. Эти бусы служили не только украшением, но и талисманами (Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 125—126). Среди бус гарнийского некрополя сравнительно древнюю группу образуют бусы из так называемой египетской пасты, особенно шарообразные, рифленые, с жилками и «глазками». Что касается происхождения бус, то пастовые и часть стеклянных следует считать привозными. Относительно остальных (сердоликовые, каменные и т. д.), которые встречаются на территории Армении и в предшествующую эпоху, можно предположить, что они изготовлены на месте.

Отмечены металлические булавки, костяные шпильки. До нас дошли несколько булавок, бронзовых, очевидно, для закрепления плаща. Они имеют кольцевидные головки со жгутообразным орнаментом или просто в виде завитка. Было найдено большое число костяных шпилек, часто встречающихся в погребениях первых веков н. э. Размеры цельных экземпляров от 10 см до 14,5 см. Все они имеют головки, украшенные в виде шариков, колец, чередующихся валиков и шаров. Они служили, очевидно, для поддержания волос.

Представлены также зеркала. Это бронзовые диски, с одной стороны гладкие, посеребренные. Они были снабжены выступообразными ручками, которые, однако, обычно отбиты.

Характерны металлические подвески. Встречаются пирамидальные полые подвески с треугольными прорезями в стенках, затем — конусообразные, тоже полые, но без всяких прорезей. Особый интерес представляют ажурные подвески из бронзовой проволоки, овальные в сечении, украшенные точечным узором довольно древней формы. В отдельных погребениях встречаются морские раковины, безусловно привозные, а также маленькие речные раковинки. Они служили украшением для волос. Широко представлены застежки — каменные, стеклянные, глиняные. Здесь надо упомянуть металлические фибулы, одна приблизительно полукруглая по форме, другая — дугообразная, напоминающая фибулы первых веков н. э., найденные в Грузии и в Крыму (Калантар А., 1935, рис. 14, *6*; Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 117, табл. VII, *6*). Серьги изготовлены из различных материалов: железа, бронзы и меди, серебра и золота. Они представлены самыми разными формами. Очень много было найдено бронзовых серег, но так как они дошли в обломках, восстановить их форму трудно. Однако заслуживает внимания серьга, изготовленная из проволоки круглой формы с тремя колечками, к которым прикреплены проволочки, завершающиеся стеклянными шариками (Хачатрян Ж. Д., 1976, рис. 52). Она напоминает золотые подвески из Грузии. В Гарни и Ашнаке были найдены серебряные и золотые серьги в виде колечка с несомкнутыми концами и пирамидкой из

четырех шариков черни внизу (Тирацян Г. А., 1957, с. 88; Кинжалов Р. В., 1961, рис. 1, *8*). Такие серьги встречаются в Грузии и Азербайджане и датируются первыми веками н. э. Серебряные серьги в виде виноградных гроздей обнаружены в Валаршапате (Калантар А., 1935, рис. 14, *7*, *8*). Заслуживают внимания золотые серьги, например образующие почти правильный круг полые серьги с приспособлением на шарнирах для прикрепления к уху. Поверхность орнаментирована четырьмя рядами зерни. Интересны серьги из пластинчатого кольца с несомкнутыми суживающимися концами, найденные в Ашнаке и Айгешате. Они украшены узорами из зерен и гранатовой вставкой (Кинжалов Р. В., 1961, рис. 1, *5*, *6*, *7*; Торосян Р. М., Тер-Мартиросов Ф. И., 1976, рис. II, *8*). Следует еще упомянуть серьги-подвески, состоящие из треугольных пластинок, украшенные альмандинами и зернью, со свисающими с нижнего края пластинок колоколообразными полыми подвесками. Они совершенно аналогичны паре золотых серег из Борийского некрополя, большинство вещей которого, как известно, датируется I—II вв. н. э. (Кинжалов Р. В., 1961, рис. 1, *1*, *2*, с. 52—58).

Перстни и геммы образуют интересную группу вещей некрополей первых веков н. э. Среди них выделяется довольно четкая группа, проявляющая большое сходство с подобными же римскими изделиями. Перстни делали из железа, меди, бронзы, серебра и золота. В жуковинах или щитках некоторых из них вставлены литики или камни с врезными изображениями рыбы (?), петуха, крылатой фигуры, возможно, богини Ники, Афины в шлеме и со щитом, Деметры со снопом колосьев в руке, Пана и т. д. К сравнительно ранним изделиям относится маленькая тонкая пластинка из камня желтоватого цвета с изображением мухи или пчелы, найденная на территории гарнийской крепости (Аракелян Б. Н., 1957, рис. 50). Геммы с такими изображениями не редки для эллинистическо-римской эпохи. Обращают на себя внимание золотые перстни со вставными камнями, найденные в Гарни, Ашнаке, Атамхане. Первые два более ранние (I—II вв.), третий более поздний (III—IV вв. н. э.). Гарнийский перстень — трубчатой формы, постепенно расширяющийся кверху. В перстень вправлены три камня из сердолика (Хачатрян Ж. Д., 1976, табл. X, *5*, с. 122—124). Такой же приблизительно формы перстень найден в Атамхане, недалеко от западного берега Севанского озера. Дужка золотого перстня из Ашнака состоит из трех проволочек. В гнезде перстня вставлен овальный выпуклый гранат (Кинжалов Р. В., 1961, рис. 1, *9*).

Широко представлены также кольца из полудрагоценных камней, сердолика, горного хрусталя и стекла. Происходят они из погребений Валаршапата, Гарни, Армавира, Ланджахпюра. На некоторых из них имеются изображения быка Зебу, рыбы и скорпиона и т. д. (Калантар А., 1935, рис. 14, *3—5*; Хачатрян Ж. Д., 1976, с. 122—123).

Погребальный обряд (см. табл. XXXVI). Отдельные погребения или небольшие группы погребений первых веков н. э. встречаются довольно часто в разных местах Армении. Большие некрополи были раскрыты при раскопках Валаршапата, Гарни и Арташата. Они позволяют выявить основные тенденции развития погребальных форм, а также погребальных обрядов в позднеантичную эпоху. Характерной чертой этого развития являются сохранение и дальнейшее продолжение основных форм предшествующего периода, хотя наблюдаются некоторые изменения. Гарнийский некрополь первых веков н. э. был обнаружен на территории к северо-западу от крепости (Аракелян Б. Н., 1951; 1957; Тирацян Г. А., 1956; Хачатрян Ж. Д., 1976). Раскопано до 100 погребений, из которых большое число составляют каменные ящики — каждый из 6 плит. Встречаются захоронения овальных форм, выложенные из булыжника и покрытые плитами, грунтовые погребения, также прикрытые плитами, и, наконец, захоронения в кувшинах (карасах), иногда в двойных. Не представляется возможным пока провести какую-нибудь хронологическую дифференциацию погребений по их типу. Каменные ящики, например, встречаются на протяжении всех трех веков. Только по отношению к карасным погребениям можно сказать, что они представляют более ранние типы среди погребений гарнийского некрополя и датируются I в. или началом II в. Не существует единой ориентации погребений по странам света. Хоронили или в скорченном положении, или в вытянутом на спине. Предварительный анализ погребального инвентаря наглядно демонстрирует, что речь идет о рядовых захоронениях.

Погребальный инвентарь в основном состоит из стеклянных и глиняных сосудов, украшений, в том числе бус, перстней, зеркал, шпилек, булавок. Найдены также предметы вооружения этого времени, главным образом наконечники копий и кинжалы. Что касается датировки некрополя первых веков н. э., то точки опоры дают римские монеты, выявленные в отдельных погребениях: около восьми монет Августа (серебряные динарии), одна монета Адриана, одна Люция Вера (тоже серебряная) и одна Арташира I.

Разрослись в рассматриваемое время и некрополи г. Арташат, существовавшие уже во II—I вв. до н. э. Наряду с грунтовыми погребениями обычного типа и погребениями с обложенными камнями стенами и дном в Арташате появляются и захоронения в деревянных гробах. Грунтовые погребения обоих типов в рассматриваемое время в Арташате связаны с обрядом кремации, засвидетельствованным здесь уже в эллинистический период (Хачатрян Ж. Д., 1975б). Античный некрополь г. Валаршапат находился за городскими стенами, к востоку от них (Калантар А., 1935). Раскопками установлено наличие четырех основных видов погребений на территории некрополя: каменные ящики, грунтовые и карасные погребения, глиняные гробы двух подтипов. Погребальный инвентарь, хотя скромен по облику, довольно разнообразен по составу. Заслуживают внимания стеклянные сосуды, металлические и каменные перстни — некоторые с резными изображениями, украшения и т. д. Хорошо датирующим элементом для начального времени существования античного могильника служит серебряная монета Тита или Веспасиана. Особое внимание привлекают глиняные ваннообразные гробы. Они характерны для Двуречья уже со II тысячелетия до н. э. В Ар-

мении они, видимо, появляются с I в. н. э. Однако не исключена возможность, что этот тип погребения, так же как и ряд других, считавшихся до сих пор характерными для эллинистического времени (саркофаги, погребения в карасах), могли иметь более древние истоки, восходящие к урартскому периоду. Находки глиняных гробов в Сисиане (I в. до н. э.) и в Ошакане (рубеж VII—VI вв. до н. э.), а также, возможно, в самом Аргиштихинили делают вероятным такое предположение (Тирацян Г. А., 1978в, с. 8—9).

В первые века н. э. *искусство* Армении переживает подъем. Имеющиеся материалы позволяют говорить о развитии ряда отраслей искусства (см. табл. XXXVII).

В предбаннике античной бани из крепости Гарни был раскрыт мозаичный пол, образующий квадрат (2,9×2,9 м). Он выложен из мелких разноцветных камней (до 15 оттенков) местного, гарнийского, происхождения (Аракелян Б. Н., 1957, с. 23—41). Мозаичный пол состоит из трех частей: довольно широкого бордюра, окаймляющего всю мозаику, центрального почти квадратного панно и основного поля мозаики, между бордюром и панно. Бордюр выложен из сравнительно больших камней квадратной формы розоватого цвета. Поле мозаики в виде широкой полосы, идущей вдоль бордюра, обрамляющее панно, выложено, как и само панно, из камней более мелких, имеющих разные формы. На поле мозаики представлены мужские и женские фигуры — нереиды, божества, рыбак, а также изображения рыб, ихтиокентавров и т. д., многие из них с пояснительными надписями на греческом языке. Центральное панно, южная часть которого сильно пострадала, обрамлено разноцветным плетеным орнаментом. В нем имеются изображения океана (бюст мужчины с рогами) с надписью «Океан» (на греческом языке) и моря (бюст женщины) с надписью «Таласса» (море). Если учесть, что основное поле мозаики изображает море в виде зеленого фона, на котором наряду с отмеченными морскими существами (нереиды, ихтиокентавры и др.) имеются многочисленные изображения рыб, то станет ясным, что основной сюжет мозаики связан с водой. Датировка мозаики — III в. н. э. (Аракелян Б. Н., 1976, с. 93). В мозаике сочетается техника opus tessillatum (применение сравнительно крупных прямоугольных камушков) с техникой opus vermiculatum (применение мелких камушков различных форм). В гарнийской мозаике исследователями отмечается сохранение традиций эллинистического искусства и малое влияние римского (там же, с. 95). По всей видимости, в Армении рассматриваемого времени существовала и монументальная живопись, однако до нас дошли только незначительные фрагменты ее, обнаруженные при раскопках в Арташате.

В Армении развивалась и каменная скульптура. Несколько фрагментов мраморной скульптуры найдено при раскопках Гарни: торс статуи (часть декора саркофага II—III вв. н. э.— Аракелян Б. Н., 1976, с. 24—25, табл. XXIX), часть постамента со стопой одной и пальцами другой ноги статуи (там же, табл. XXX, *2*) и т. д. Имеют место скульптурные произведения, выполненные и из местного камня: мужская голова (из желтоватого туфа) (Аракелян Б. Н., 1976, с. 26, табл. XXXI), женская голова (там же, табл. XXXII). Оба эти произведения явно принадлежат местным мастерам, но в первой чувствуется влияние римских художественных вкусов, а во второй — парфянских. В общем русле развития местной культуры находятся и рельефы храма в Гарни: полуколенопреклоненные фигуры атлантов, высеченные в низком рельефе на лицевой стороне выступов подия, по обеим сторонам лестницы (Аракелян Б. Н., 1976, с. 28, табл. XLIV, XLV).

Имеется также значительное число произведений декоративно-прикладного искусства исследуемого времени: серебряная чаша с греческой надписью «От царя Пакора» и рельефными изображениями дионийского цикла (Аракелян Б. Н., 1976, с. 84), бронзовая маска Диониса, служившая, видимо, украшением ситулы (там же, с. 85), бронзовая обкладка деревянного ложа с изображением крылатой женской фигуры и головки собаки (там же, с. 85—86) и т. п. (см. табл. XXXVIII).

Археологические работы последних лет позволили выявить характер еще одной отрасли искусства античной Армении — коропластики (Хачатрян Ж. Д., 1979). Становление ее приходится на I в. до н. э., а расцвет — на первые века н. э. В настоящее время обнаружено более 30 терракотовых статуэток и их фрагментов. Все они изготовлялись в одностворчатой форме, затем обжигались. Часть терракот покрыта желтовато-зеленой глиняной обмазкой, на трех красной краской нанесены горизонтальные прямые и волнистые линии. Стилистически все статуэтки делятся на две группы: первая из них характеризуется очень подробной передачей фигур с тщательной отделкой деталей, вторая — стремлением к обобщенности. Наиболее типичными являются следующие изображения: сидящая женщина, держащая на руках ребенка, второй ребенок сбоку (вариант — в обрамлении колонн и свода); обнажающаяся женская фигура; женщины с музыкальными инструментами; большая группа статуэток изображает всадников; имеются также воспроизведения фронтально стоящих всадников, Силена и т. д. Коропластика Армении имеет много общих черт с коропластикой соседних народов античного периода (особенно Парфии), сохраняет эллинистические традиции, но в то же время является одной из локальных школ искусства малых форм Переднего Востока в античную эпоху.

Монетные находки. Состав монетных кладов показывает, что в первом веке н. э., когда многие из эллинистических монархий уже не существовали, их монеты еще находились в обращении и обслуживали потребности торговли (Мушегян Х. А., 1975, с. 17). Армянские Аршакиды, пришедшие к власти в 66 г. н. э., своих монет не выпускали. Право монетной чеканки принадлежало парфянской ветви рода Аршакидов, однако в самом конце II в. н. э. появились местные монеты. Столичный город Армении — Арташат стал выпускать свои медные монеты, предназначенные для внутренней торговли. Они датируются 181—183 гг. н. э. Типологический анализ монеты Арташата свидетельствует о сохранении эллинистических традиций в монетном деле Армении (Мушегян Х. А., 1975, с. 20—21). Преобладающими в составе денежного обращения Армении в рассматри-

ваемое время были римские монеты общеимперского типа. Кроме того, на армянский рынок стали поступать парфянские, а затем сасанидские монеты. Самая ранняя сасанидская монета, найденная в Армении, относится к эпохе царствования Арташира Папакана.

Эпиграфические находки. Использование лапидарных иноязычных надписей продолжалось и в первые века н. э. Что касается судьбы греческого языка в это время, то непосредственно из царской канцелярии исходят надписи I в. из Гарни и Апарана (Тревер К. В., 1953, с. 174 сл., 271 сл.) и надпись III в. из Тигранакерта (Саркисян Г. Х., 1960), составленные на этом языке. Вместе с тем о живучести арамейского языка свидетельствует обнаруженная в Гарни надпись II—III вв. н. э. (Периханян А. Г., 1964). На этом же языке составлены надписи на предметах из лазурита, смальты, а также граффити на обмазке жилища, часть которых может быть отнесена к первым векам н. э. Возможно, что некоторые из надписей связаны с говорившей на арамейском языке частью переселенных Тиграном II жителей. Новым явлением в первых веках следует считать составленные на латинском языке надписи. В отличие от арамейских и греческих надписей латинские связаны исключительно с пребыванием римских войск в Армении (Тревер К. В., 1953, с. 212 сл., 262 сл.) В целом надписи первых веков н. э. проливают свет на ряд аспектов жизни страны. Найденные в Харберде, Эчмиадзине, Тигранакерте и Арташате греческие и латинские надписи имеют значение для исследования армяно-римских отношений (Тревер К. В., 1953; Аракелян Б. Н., 1967). Греческая надпись из Тигранакерта содержит важный для характеристики городской жизни термин — «политея», обозначающий городскую общину. Эта надпись сообщает необходимые сведения об автономном статусе города в составе государства, о взаимоотношениях царя и города, о правах и обязанностях города и т. д. Известен ряд строительных надписей. Особенно велико значение греческой надписи Тиридата I для изучения истории крепости Гарни.

* * *

Археологические материалы являются свидетельством дальнейшего социально-экономического развития Армении в первые века н. э. Городская жизнь была в достаточной мере развитой в предшествующий период. И если все же в течение 50—70 лет, приходящихся на последние десятилетия I в.— начало II в. н. э., были построены три крупных города — Арташат-Неронея, Мцурн и Вагаршапат, то это немаловажный показатель поступательного движения общества (Манандян Я. А., 1954, с. 117). В рассматриваемое время город стал подлинным, хотя и не единственным, центром ремесленного производства. На археологическом материале удается раскрыть неизвестные ранее аспекты производственной жизни горожан. Вместе с тем раскопки показывают, что ремесла развивались не только в городских центрах, но и в поселениях и крепостях.

Со всей уверенностью можно говорить о развитии в рассматриваемое время виноделия, гончарного дела, стеклоделия, металлообработки и других отраслей. Одним из показателей экономического преуспеяния Армении первых веков н. э., прежде всего ее городов, является выпуск городских монет.

Глава шестая
Восточное Закавказье

Иберия

Иберией греко-римские авторы называли Восточногрузинское царство античной эпохи (III в. до н. э.—III—IV вв. н. э.) (см. рис. 4). Средневековые грузинские источники называют его Картли. Иберия занимала главным образом нынешнюю восточную Грузию (Картли, Кахети), южногрузинские области (Самцхе, Джавахети, Кола, Артаани, Кларджети). В дальнейшем она распространила свой контроль на юго-западные и восточные области западной Грузии (древней Колхиды): Аджара, Аргвеши, Эгриси. Политическое влияние Иберии постепенно распространялось на восток — в сторону Албании. Уже в III в. до н. э. территория исторической Эрети (восточная окраина нынешней Кахетии) входит в состав Иберии. Одновременно ей удается подчинить некоторые горские племена и осуществить контроль над перевалами Кавказа (Дарьяльское ущелье и т. д.). Периодом наивысшего подъема Иберии являются первые века н. э. Опираясь на союз с Римом, Иберия укрепила свои внешнеполитические позиции. Хотя царь Иберии официально считался «другом и союзником римского народа» (что обычно указывало на подчиненное положение этого союзника), римско-иберийский союз в действительности был равноправным, основанным на взаимной заинтересованности. Ослабление Иберии начинается с IV в., а в V в. она уже подчиняется царям Сасанидского Ирана. Основным населением Иберии были карты (восточногрузинские племена), но в горных районах проживали и северокавказские племена (подробнее см.: Меликишвили Г. А., 1959, с. 266—298; Мусхелишвили Д. Л., 1978б, с. 146—200).

Источники. Письменные источники по истории Иберии ограниченны и отрывочны. Среди античных авторов важнейшее место занимает Страбон, у которого имеется развернутая характеристика социальной структуры Иберийского царства. Однако существуют значительные трудности, связанные с вопросом о том, какого времени источники используются Страбоном: отражают ли они историческую ситуацию, близкую ко времени жизни Страбона, или много более раннего (см., например: Болтунова А. И., 1947; 1956; Лордкипанидзе О. Д., 1957). Помимо Страбона, определенную информацию об Иберии можно почерпнуть из трудов Плиния Старшего, Тацита, Плутарха, Птолемея, Диона Кассия, Аммиана Марцеллина (Новосельцев А. П., 1980, с. 16—28). Особенно ценны свидетельства Тацита (для эпохи ранней империи) и Аммиана Марцеллина (для поздней). Имеется также некоторый эпиграфический материал: как надписи (греческие и арамейские), найденные на территории Иберии (подробнее см.: Апакидзе А. М., 1968, с. 178 сл.), так и латинские надписи, происходящие с территории Римской империи (Новосельцев А. П., 1980, с. 169). История Иберии отражена и в грузинских средневековых исторических сочинениях («История царей» Леонтия Мровели, «Обращение Картли»). Однако эти источники чрезвычайно трудны в интерпретации, поскольку восходят по времени не ранее VII—VIII вв. н. э. и отражают более эпическую традицию, чем реальные исторические события. Однако и из этих источников может быть извлечена (при тщательном анализе) значительная информация (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980, с. 39 и сл.). Некоторые сведения об Иберии содержатся и в древнеармянских сочинениях, в частности у Мовсеса Хоренаци.

Археологические материалы достаточно обильны, но, к сожалению, ограничены тематически: исследовано значительное количество некрополей, проводятся раскопки ряда городских центров, но иберийская деревня остается практически неизученной.

Поселения. Начиная со второй половины IV в. до н. э. Восточная Грузия переживает период, который некоторые исследователи называют «урбанистическим взрывом» (Хахутайшвили Д. А., 1973). В это время вновь начинается активизация хозяйственной жизни в долине р. Куры и возникает целый ряд городов. Города эти, часто появлявшиеся внезапно (без непосредственно предшествующих им поселений), отличались друг от друга в функционально-типологическом отношении.

Обширное городище IV—II вв. до н. э. открыто у слияния рек Куры и Ксани. На правом берегу р. Куры в местности, называемой Самадло, на двух холмах была расположена цитадель, большая часть которой полностью разрушена (уже с 1907 г., когда началось добывание глины для Ксанского керамического завода). Город был основан на перекрестке двух важнейших дорог; одна из них шла вдоль р. Куры (являясь составной частью транскавказской торгово-транзитной магистрали), другая связывала Ксанское ущелье с южными областями Грузии — Триалети.

Раскопками установлено, что раннее поселение здесь существовало еще в VII—V вв. до н. э. В конце IV в. до н. э. начинается новое строительство цитадели. В настоящее время невозможно точно восстановить планировку цитадели. Крепостные стены не сохранились, так же как и главные здания дворцового или храмового типа. Склоны холмов были искусственно террасированы. На западном холме открыты семь таких террас (шириной 5—9 м при высоте до 3 м), ступенчато поднимающихся от основания холма к его вершине. На самой вершине находился дворец или храм, на ниже-

лежащих террасах зафиксированы отдельно стоящие здания хозяйственного назначения, видимо, связанные с ним. На одной из террас был обнаружен также склеп IV—III вв. до н. э. Здесь в 1912 г. случайно раскопали очень богатое женское погребение. Нахождение погребений на террасах Самадло заставляет думать, что здесь же находились и жилища знати. Цитадель в Самадло была разрушена не позднее середины II в. до н. э. (подробнее см.: Гагошидзе Ю. М., 1979).

В III в. до н. э. городское поселение возникло на противоположном от Самадло левом берегу р. Куры, на Настакисском поле. Городище занимает площадь длиной до 1 км и шириной 0,5 км вдоль берега р. Ксани. Поселение городского типа просуществовало здесь вплоть до конца VII в. н. э. Сооружения и культурные слои III и II вв. до н. э. сильно потревожены интенсивным строительством позднего периода. Однако обнаруженные здесь материалы свидетельствуют о городском характере этого поселения (Бохочадзе А. В., 1977, с. 93—95). Принято считать, что два городища — Самадло и Настакиси — представляли собой две части одного города: в Самадло находился акрополь, а в Настакиси — собственно город (Бохочадзе А. В., 1978б, с. 24; Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 25—30). В целом город представлял собой крупный центр ремесла, особенно керамического. Здесь изготовлялись строительные керамические материалы, в первую очередь черепица.

Самадло-Настакиси одновременно был и крупным торговым центром, на что указывает множество привозных изделий, в том числе и античный импорт — малоазийские чернолаковые и краснолаковые изделия (Бохочадзе А. В., 1978б, с. 23).

В функционально-типологическом плане от описанного выше города отличается открытое западнее, в 8—9 км от него, в долине р. Кавтура, городище (на левом берегу р. Куры у с. Кавтисхеви). Местность эта называется «Цихиагора» (что по-грузински означает «холм-крепость») и представляет собой холм высотой в 12 м, площадью 40×100 м. Раскопками (начавшимися в 1972 г. и продолжающимися в настоящее время) установлено, что холм был заселен еще в раннебронзовую и позднебронзовую эпохи. Затем следует лакуна. А в IV—III вв. до н. э. на холме строится весьма интересный и сложный архитектурный комплекс, вокруг которого в низменной части разрастается обширное поселение с могильником.

Мощность культурного слоя IV—III вв. до н. э. на холме местами достигает 5 м. Открывается храмовый архитектурный комплекс довольно сложной планировки. Вершина холма была обнесена оградой. Центральное место занимал храм, обнесенный особой оградой. О функции Цихиагора в IV—III вв. до н. э. высказываются разные предположения. Некоторые рассматривают ее как крепость — административный центр одной из областей, входивших в состав XVIII сатрапии Ахеменидского государства (Цкитишвили Г. Г., 1977, с. 92). Другие (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 21) считают, что Цихиагора была религиозным и политическим центром общины Кавтисхеви — отдельной политико-экономической территориальной единицы в предгосударственный период. Действительно, весь комплекс с главенствующим положением храма, со своими амбарами, хлебопекарнями и другими помещениями скорее напоминает хорошо засвидетельствованную на Древнем Востоке ситуацию, когда сельские общины группировались вокруг святилища. Наличие этого явления в древней Грузии подтверждается этнографическими данными о пережитках храмовой общины в Горной Грузии (Бардавелидзе В. В., 1949; 1952).

Все упомянутые выше городища и синхронные им поселения и могильники расположены по обоим берегам Куры и между ее притоками Ксани и Арагви. Однако еще не известно местонахождение городского поселения IV—III вв. до н. э. на территории Мцхета[1], которому, согласно древнегрузинской исторической традиции (подтверждаемой данными иных источников), было суждено сыграть решающую роль в объединении отдельных территориально-административных единиц в единое царство — Иберию и стать ее столицей на протяжении всей истории этого государства (Меликишвили Г. А., 1959, с. 284—290; Лордкипанидзе О. Д., 1968б). Между тем, существование поселений IV—III вв. до н. э. в окрестностях нынешнего Мцхета доказывается тем, что здесь обнаружены два могильника — один в Камарахеви (на левом берегу р. Арагви, у с. Цицамури), а другой в Мухатгверди (на правом берегу р. Куры, в 10 км к востоку от Мцхета).

Следующий этап в развитии городов Иберии падает на последние века до н. э.— первые века н. э. Ко II в. до н. э. относится возникновение городов на холме Багинети, в Армазисхеви, в местности Цицамура, Саркине, в с. Дзалиси, Урбниси. Согласно древнегрузинской исторической традиции, сохранившейся у Леонтия Мровели, первый царь Иберии Парнаваз начал строить свою резиденцию на горе Армази, где воздвиг также «идола» в свою честь. Согласно этой же традиции, последующие цари продолжили здесь строительство. Гора превратилась в акрополь. Грузинская традиция согласуется с данными античных авторов, называвших главный город Иберии Армозикой (Страбон) или Гермаст (Плиний). Этот город убедительно локализуется на треугольном холме Багинети, возвышающемся на правом берегу р. Куры, напротив нынешнего пос. Мцхета, к северу от Карснисхеви. Раскопками 1943—1948 гг. здесь открыты оборонительные стены, дворцовые и общественные сооружения, гробницы (Апакидзе А. М., 1968, с. 33—43).

Выбор места для строительства царской резиденции диктовался в первую очередь весьма удачным расположением холма, контролировавшего основные магистрали и вместе с тем отвечавшего всем требованиям успешной обороны. Однако нет данных о наличии регулярной планировки. Предполагается, что укрепленный город имел четыре входа, фланкируемых воротами. На самой вершине холма, имеющего

[1] Ранее принятая датировка ряда сооружений Мцхета и его окрестностей (так называемые памятники Армазцихе I) IV—III вв. до н. э. (Апакидзе А. М., 1968, с. 34) в настоящее время решительно признана ошибочной (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 102; Бохочадзе А. В., 1978а, с. 21—22).

форму треугольника, обнаружены остатки кладки из хорошо отесанных каменных блоков, принадлежащих зданию предположительно культового назначения. Общая площадь горы, занимаемой акрополем, достигает 30 га. Ее вершины и склоны были обнесены мощными оборонительными стенами, укрепленными башнями и контрфорсами.

К периоду не ранее II—I вв. до н. э. следует отнести и другие сооружения, открытые внутри крепостной стены. В первую очередь следует отметить большой архитектурный комплекс, основным сооружением которого является так называемый колонный зал. К более позднему времени, скорее всего II—III вв. н. э., относятся другие архитектурные сооружения с широким применением известкового раствора: баня, хозяйственные помещения, погребальные сооружения.

Можно полагать, что на холме Багинети располагался первоначально укрепленный город, резиденция царей Иберии, который по мере развития городского поселения постепенно выходил из крепостной стены и вскоре превратился в обширный город, занимавший правобережье р. Куры (между его правыми притоками Армазисхеви и Карнисхеви). На основе греческой надписи 75 г. н. э., найденной у селища Мухатгверди в местности Накулбакеви (Апакидзе А. М., 1968, с. 178—194), можно полагать, что и эта вновь возникшая часть города была обнесена оборонительной стеной. У устья р. Карнисхеви выявлены жилые и хозяйственные здания, керамические обжигательные печи и могильник I в. до н. э.— первых веков н. э. (Апакидзе А. М., Каландадзе А. Н. и др., 1978, с. 8—32).

На правом берегу р. Куры, у устья ее правого притока — речки Армазисхеви, находилась резиденция высших сановников Иберии. Раскопками 1937—1946 гг. вскрыты остатки дворцового комплекса и усыпальницы II—IV вв. н. э. Архитектурные сооружения дошли в сильно разрушенном виде, например баня. Здесь же располагалось винохранилище.

На левом берегу р. Арагви (левого притока Куры) в местности Цицамури локализуется «укрепленный город», упоминаемый Страбоном как Сисамура (Севсамора). Раскопками здесь выявлены стены и ряд сооружений (в том числе и остатки круглого в плане здания).

На левом берегу р. Куры, в 8—10 км к западу от нынешнего Мцхета, на склонах Саркинетского холма открыты остатки сооружений, построенных на искусственных террасах. В одном из зданий найдены великолепные терракотовые маски и статуэтки, изображающие Диониса и его спутников (Бохочадзе А. В., 1977, с. 95—96). Несколько западнее (местечко, называемое Грдзели Миндори) обнаружены остатки железообрабатывающего производства (Апакидзе А. М., 1968, с. 257).

В 20 км к северо-западу от Мцхета, в Мухранской долине, на берегу р. Нареквави, в с. Дзалиси открыто городище, идентифицируемое с г. Дзалисса, упомянутым Клавдием Птолемеем (Бохочадзе А. В., 1978б). Раскопками, начавшимися с 1971 г., установлено, что городище занимало площадь свыше 70 га. В северо-западной части находится искусственное возвышение (площадью 6—7 га), обнесенное стеной, служившее, вероятно, цитаделью. Разведочные раскопки подтвердили наличие на холме монументальных зданий.

В «нижней» части города открыты остатки различных по назначению сооружений: дворца, бань, святилища и т. д. По стратиграфическим данным наиболее ранний культурный слой содержит материалы II—I вв. до н. э. Но основные сооружения относятся к I—IV вв. н. э. (время расцвета города). В IV в. н. э. город был сожжен и разграблен. Хотя жизнь на нем продолжалась и в VI—VII вв. н. э., однако уже в гораздо более скромных размерах. Окончательное разрушение города связано с арабским нашествием в 30-е годы VIII в. (Бохочадзе А. В., 1977; 1979).

На левом берегу р. Куры, в западной части Иберии, в 12 км к западу от г. Гори открыты остатки городища Урбниси, упомянутого в древнегрузинских источниках («История царей» Леонтия Мровели, «Обращение Картли») среди древнейших городов Грузии. Археологическими раскопками 1953—1962 гг. выявлены памятники различных эпох, начиная от периода ранней бронзы до 30-х годов VIII в. н. э. Зафиксированы мощный слой пожарища IV—III вв. до н. э., а также различные сооружения первых веков н. э.: часть оборонительных сырцовых стен, остатки бани с калориферной системой отопления III в. н. э. и могильник (Чилашвили Л. А., 1964; Закарая П. П., 1965).

В Иберии существовали и так называемые пещерные города. Таковым считают Уплисцихе (на левом берегу р. Куры, в 15 км к северо-востоку от г. Гори), представлявшее грандиозный комплекс, высеченный в скалистом массиве и защищенный высеченным в скале рвом и сырцовой стеной на каменном фундаменте, построенной вдоль рва. Раскопками выявлены культовые, общественные и жилые комплексы античной эпохи, а также сельскохозяйственные поселения, расположенные в равнинной части (подробнее см.: Хахутайшвили Д. А., 1964; 1970).

Таким образом, города Иберии, возникшие в IV—III вв. до н. э. и достигшие расцвета в первые века н. э., представляли собой, как правило, центры окружающей сельской территории (в политическом, экономическом и культурном отношении). Несомненна роль городов как центров ремесленного производства и торговли. Для городов правилом была двухчастная система организации пространства застройки: цитадель (акрополь) — обычно на естественном (или реже искусственном) холме и «нижний» город. Основные общественные сооружения располагались в цитадели, хотя (в случае значительного расширения города) ряд зданий общественного назначения мог возводиться и среди рядовой городской застройки (подробнее см.: Меликишвили Г. А., 1959, с. 439—453; Апакидзе А. М., 1968; Хахутайшвили Д. А., 1966; Лордкипанидзе О. Д., 1968б).

Фортификация. Города в большинстве случаев имели двойную систему обороны: укрепления «нижнего» города и цитадели. Лучше изучены укрепления цитаделей. Наиболее ярким образцом стен цитадели являются стены Багинети. Стены, проходившие иногда по довольно крутым склонам, возведены следующим способом: в скалистом грунте высечены гнезда, в которые вставлены каменные

квадры, представляющие нижний ряд каменного основания стены. Это основание имеет от одного до шести горизонтальных рядов камней (в зависимости от рельефа местности) и построено по панцирной системе: квадры снаружи и изнутри, пространство между которыми заполнено мелкими камнями и глиной. На каменном основании возвышается кладка из сырцовых кирпичей. Для крепления массивной сырцовой стены внешние ряды основной стены через каждые 5 м с обеих сторон укреплены контрфорсами четырехугольной формы. В сырцовой массе вдоль кладки и поперек уложены деревянные брусья. Высота стен, должно быть, достигала 6—8 м, ширина варьирует от 2,80 до 3,20 м. Засвидетельствованы остатки башен. Цитадель Цихиагора обнесена стеной, выполненной только из сырцового кирпича (ширина 1,5 м, оштукатурена с внутренней стороны). Сырцовые стены засвидетельствованы и в Урбниси.

Застройка (табл. XL, XLI, XLII). Археологические раскопки выявили значительное число сооружений общественного характера (различного назначения), производственных и жилых построек.

При раскопках Самадло установлено, что вершину холма занимало какое-то монументальное здание — дворец или храм. От него сохранились только хорошо отесанные квадры белого известняка. Множество обломков черепиц и фрагментов скульптурного рельефа.

Храм IV—III вв. до н. э. был обнаружен при раскопках Цихиагора (см. выше). Он находился в центральной части холма цитадели и был окружен особой оградой. Храм был почти квадратным в плане (8×7,5 м). Между стеной храма и оградой устроены помещения, в которых были найдены глиняные диски с рельефными крестами и глиняные буллы. Во дворе перед храмом выстроен высокий квадратный каменный алтарь. К храмовой ограде с восточной стороны примыкает «священный амбар», состоящий из восьми помещений, шесть из которых представляли собой зернохранилища. К северной стене храма примыкает двухэтажное прямоугольное продолговатое здание (18×4,5 м). У дверей (устроенных в западной стене помещения) вдоль южной стены сооружены из сырцовых кирпичей три квадратных закрома. В одном из них обнаружены обуглившиеся зерна ячменя, а в двух — маленькие пифосы. Вдоль одной из стен вышеописанного помещения были устроены четыре хлебопекарные печи — «торне» (подробнее см.: Цкитишвили Г. Г., 1977). Некоторые исследователи (например, Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 22) считают это сооружение храмом огня.

Храмовый комплекс II—I вв. до н. э. раскапывается в 3 км западнее с. Арадети Карельского района, в междуречье Восточной и Западной Проне — левых притоков р. Куры, в местности, называемой Дедоплис Миндори («Поле царицы»). Раскопками выявлена грандиозная система одновременных построек, представляющих собой прямоугольник площадью около 6 га, ориентированный продольной осью с юга на север, с небольшим отклонением, и обнесенный стеной. В южной части комплекса находился главный храм (46×30 м) — четырехколонная квадратная целла с четырехугольной платформой для алтаря в центре. Целла и ведущий к ней обширный открытый портик с трех сторон окружены системой коридоров. К основному прямоугольнику храма с севера примыкает помещение типа айвана — открытый портик с двумя колоннами. В 90 м к северу от главного храма расположен малый храм с открытым с юга портиком, почти квадратной целлой с алтарем в юго-западном углу, двусторонней обходной галереей.

Строго симметрично по отношению к храмам находятся восточные и западные ворота, представляющие собой обширные пропилеи с шестью колоннами, состоящими из двух неравных портиков — наружного и внутреннего. По обе стороны последнего расположены небольшие прямоугольные помещения, связанные с ним дверьми. Ворота ведут во внутренний квадратный двор и ряд других помещений, в том числе и вне основного прямоугольника. В северо-восточной части теменоса выявлены три изолированных друг от друга храма с собственными дворами.

Святилище погибло от сильнейшего пожара, вероятно, после объявления христианства государственной религией в Грузии. Высказано предположение, что этот обширный храмовый комплекс был посвящен маздейским богам, в значительной степени смешавшимся с местными грузинскими астральными божествами, и что Главный храм был посвящен богине плодородия типа авестийской Ардвисуры Анахиты (см.: Гагошидзе Ю. М., 1977; 1978).

При исследовании городов Иберии выявлен ряд дворцовых комплексов. На холме Багинети, там, где, видимо, располагалась царская резиденция II—I вв. до н. э., исследован обширный архитектурный комплекс, основным сооружением которого был «колонный зал», представлявший собой четырехугольное продолговатое в плане помещение (20,82×8,87 м). По продольной оси храма расположено шесть торовидных баз колонн. Здание, видимо, имело двускатную черепичную кровлю. Главная фасадная стена расположена на восточной стороне и имеет по краям два антообразных выступа, а в центре устроена широкая четырехступенчатая лестница (по которой спускались в зал). Перед «колонным залом» обнаружена часть П-образной кладки с сильными следами огня — «жертвенник» (см.: Апакидзе А. М., 1968, с. 37—41).

К более позднему периоду, скорее всего II—III вв. н. э., относятся другие архитектурные сооружения с широким применением известкового раствора. Таковы баня с подпольной системой отопления и остатки водопровода.

Интересные результаты получены и при исследованиях в районе Армазисхеви, там, где находилась резиденция высших сановников Иберии. Раскопками 1937—1946 гг. вскрыты остатки дворцового комплекса и усыпальницы II—IV вв. н. э. Архитектурные сооружения дошли в сильно разрушенном виде, и их исследования еще не закончены, поэтому невозможно судить о планировке дворцового комплекса. Стены отдельных зданий возведены из рваного камня на известковом растворе. Здания имели черепичную кровлю. Находки орнаментированных капителей, каменных баз, профилированных карнизов и других архитектурных деталей свидетельствуют о богатом убранстве дворцовых сооружений. Общая

длина всего комплекса достигает 22,0 м при ширине 3,8 м. Баня, построенная по гипокаустической системе отопления, состояла из пяти помещений: раздевальни, топочного отделения, горячей, теплой и прохладной (с бассейном) бань. Лучше сохранилась горячая баня (площадь 12,1 м), нижний ярус которой представляет собой типичный калорифер. Его горизонтальный пол покрыт гидравлическим раствором (толщиной в 20 см) из извести и толченой керамики. Над полом возвышаются подпорные столбики из круглых кирпичей, а вдоль стен — из квадратных и продолговатых прямоугольных кирпичей. Столбики сверху перекрывались специальными квадратными керамическими плитами, скрепленными огнеупорным раствором. Эти плиты, замазанные сверху известковым раствором с примесью толченого кирпича, служили полом для верхнего яруса. Для нормальной циркуляции воздуха в углах гипокауста, а также в теплой бане в толще стен заложены вентиляционные керамические трубы.

В горячей бане сохранились две цистерны, обмазанные с внутренней стороны гидравлическим раствором и служившие для горячей и теплой воды, а в северной части — полукруглая ниша (экседра); засвидетельствовано применение для термоизоляции плоских черепиц с сегментообразными вырезами в загнутых бортах. Они попарно прикреплялись к капитальной стене железными Т-образными гвоздями и создавали между капитальной стеной и внутренними помещениями своеобразную сеть взаимно перекрывающихся (вертикально и горизонтально) каналов для свободного обращения по ним горячего воздуха, поступавшего снизу. На уровне пола верхнего яруса помещения холодной бани зафиксирована керамическая труба (диаметр 0,12 м), служившая для отвода в коллектор грязной воды. Коллектор, сложенный из рваных камней и желобчатых черепиц на известковом растворе, был сооружен вдоль фундамента восточной стены бани (длина канала 5,50 м, ширина 0,23 м, высота 0,30 м).

Несмотря на то что типологически армазисхевская дворцовая баня относится к широко распространенным в первые века н. э. баням с гипокаустической системой отопления, многие вопросы, связанные с конструкцией и функционированием (система освещения, водораспределительная сеть, детали черепичного перекрытия и др.), остаются еще спорными или не выясненными из-за плохой ее сохранности в целом.

На городище Дзалиси открыто здание дворцового типа, ориентированное на юго-запад, длиной 30 м. Хорошо сохранилась задняя стена. По фасадной стороне имеются базальтовые базы, служившие опорой для деревянных колонн (диаметром 28 см). Расстояние между задней стеной и колоннами 10 м. Пол (толщиной 5—7 см) сделан из хорошо утрамбованной гаджи. Под полом и стеной здания проходит водопровод для питьевой воды из глиняных труб (длиной 45 см, диаметром 17 см), скрепленных известковым раствором. Канава, в которой уложены водопроводные трубы, заполнена глиной для изоляции.

К дворцовому комплексу примыкает прямоугольная в плане (12,5×6,5 м) баня с тремя отделениями (горячее, теплое и холодное) одинаковых размеров (5×2,5 м) с хорошо сохранившимся гипокаустом, калориферы которого составлены из прямоугольных (27×27×4 см; 27×13,5×4 см) и круглых (диаметром 17, 22,5 и 23,5 см) кирпичей, перекрытых квадратными керамическими плитами (58×58×5 см), залитыми сверху известковым раствором.

Баня построена из обожженных кирпичей на известковом растворе. Стены с внутренней стороны облицованы керамическими плитами (27×27×2; 40×36×2 см), имеющими в углах выступы (5—9 см) для скрепления стенок. Пространство между стенами и облицовочными плитами было использовано для циркуляции горячего воздуха, поступавшего из гипокауста посредством калориферов через глиняные трубы, вмонтированные вертикально в стенах абсид. Многочисленные находки черепиц (соленов и калиптеров) дают основание предположить черепичное перекрытие.

В холодном отделении бани в его северной абсиде устроена ванна с мозаичным полом, составленным из мелких разноцветных кубиков. Мозаичным был пол в раздевальне бани, построенной из сырцовых кирпичей. Описанный банный комплекс входит в состав дворцовых сооружений и соединяется с прямоугольным сооружением (8,1×6 м) с мозаичным полом, атрибутированным как храм Диониса. Проводящий раскопки данного комплекса А. В. Бохочадзе описанное выше сооружение с мозаичным полом датирует II в. н. э. Эти здания были разрушены и сожжены в IV в. При раскопках зафиксирован мощный слой пожарища, в частности остатки обрушившихся деревянных балок от черепичного перекрытия.

К этим строениям примыкает еще один сложный архитектурный комплекс, не раз перестроенный и расширенный в разное время. Первоначальным принято считать так называемое здание с алтарем — прямоугольное сооружение, разделенное на две части проходом между двумя колоннами. В северной цокольной стене в полукруглой нише сохранилась выемка (диаметром 0,45 м) — предположительно для установки алтаря. Стены и пол этого здания выложены из хорошо отесанных блоков туфа. С восточной стороны здание соединяется открытым в плане четырехугольным (7,75×6,95 м) двориком-атриумом, пол которого также выложен хорошо отесанными плитами туфа. В центре устроен четырехугольный бассейн (предположительно для фонтана) глубиной 0,17 м, площадью 2×1,8 м. В 1,70 м от юго-восточного угла бассейна зафиксировано наличие люка (диаметром 0,40 м) для контроля канализации. Здание с алтарем и атриум были сооружены в I—II вв. н. э. В дальнейшем (II—IV вв.) к алтарной части и атриуму с западной и восточной сторон были пристроены бани и весь комплекс превратился в единое целое. Расположенная в западной части баня состояла из трех основных отделений (холодное с бассейном, теплое и горячее с хорошо оформленными абсидами в южной части). Все три отделения одинаковы по форме и размерам (6,3×3,65 м) и соединяются между собой проходами. Хорошо сохранился гипокауст, калориферы которого сделаны преимущественно из плоских кирпичей разных размеров (36×27×4; 30×32×8; 41×30×9; 29×29×6 см). Засвидетельствовано также использование

круглых кирпичей (диаметром 30 см, толщиной 4 см). Нижняя часть бани построена из булыжника на известковом растворе, а верхняя — из плоских прямоугольных кирпичей, оштукатуренных известковым раствором (в некоторых местах зафиксировано несколько слоев штукатурки, указывающих на неоднократный ремонт). Таким же способом сооружена топка в северо-восточном углу горячей бани. Вторая баня пристроена к атриуму с западной стороны и также сделана по принципу гипокауста. С восточной стороны к атриуму пристроено еще одно здание с гипокаустом, отделенное от него стеной из сырцовых кирпичей, но соединенное с проходом. Калориферами служили здесь в отличие от западной бани круглые кирпичи. Они перекрыты большими керамическими квадратными плитами (58×58×5 см), залитыми известковым раствором. Таким же способом сделан пол и в небольшом помещении, считающемся раздевалкой. С восточной стороны к ней примыкает отопительное помещение, выстроенное, как и гипокауст, на булыжнике с известковым раствором.

Ряд сооружений из сырцовых кирпичей пристроены к атриуму с северной стороны, а с южной сохранился фундамент, внешние панцири которого выложены из булыжника, а пространство между ними заполнено обломками кирпичей, черепицы и мелким булыжником. Под фундаментом засвидетельствован канализационный коллектор. Ниже уровня бани обнаружены остатки более ранних сооружений, построенных из сырцовых кирпичей разных размеров (длиной 52 см при толщине 9—10 см; 48×12 см, а также квадратных 58×58×16,5 см); на булыжном основании зафиксирован и культурный слой II—I вв. до н. э. (Бохочадзе А. В., 1977; 1978б).

К сожалению, еще мало исследованы рядовые жилища городов Иберии. Несколько жилищ изучены в Карнисхеви (возле Багинети). Жилые комплексы представлены четырехугольными в плане сооружениями, стены и фундаменты которых выложены из рваного камня на глиняном растворе. Кровля была черепичной. Полы глинобитные с очагами в центральной части. К жилищу примыкали легкие крытые постройки хозяйственного назначения, в каждой из которых также обнаружены очаги. Здесь же, к югу от жилых комплексов, находился производственный участок с керамическими обжигательными печами. На рядом расположенном могильнике открыты захоронения в черепичных ящиках и грунтовых ямах, принадлежащих, вероятно, мастерам-керамистам (Апакидзе А. М., Каландадзе А. Н. и др., 1978, с. 8—32).

Археологически исследованы некоторые производственные и складские помещения. В Самадло выявлены здания хозяйственного назначения, некоторые из них, возможно, были двухэтажными. Размер их обычно 4×4,5 м, стены из сырцовых кирпичей, черепичные покрытия. Иногда в центре находился деревянный подпорный столб.

В состав дворцового хозяйства Армазисхеви входило винохранилище, занимавшее площадь примерно 45×90 м. Вино хранилось во вкопанных в землю глиняных пифосах. Всего найдено свыше 50 пифосов.

Монументальный характер имели некоторые гробницы, представлявшие собой значительные по размерам наземные сооружения, включавшиеся в застройку городов (или пригородов). Наиболее яркий пример этого — погребальное сооружение в районе Багинети (у подножья северного склона Багинетского хребта, у Мцхетской станции железной дороги). Оно представляет собой однокамерное квадратное в плане (4,00×4,00 м) сооружение, ориентированное с запада на восток. Стены воздвигнуты из больших квадров песчаника, уложенных насухо, но местами заделанных или замазанных известковым раствором. Полукруглый свод выложен из длинномерных клинообразных блоков толщиной 0,45—0,50 м. Внутренняя площадь склепа равна примерно 4,2 кв. м (2,33—2,37×1,75—1,80 м) и полностью оштукатурена известковым раствором с примесью толченой керамики. Пол выложен хорошо тесаными камнями. Гробница обращает на себя внимание ярко выраженным фасадным решением в восточной части, облицованной различного размера квадрами из желтоватого песчаника и увенчанной фронтоном, но без горизонтального карниза (особенность, широко распространившаяся позже в Грузии). Еще одна особенность — блоки свода выходят на фасад торцами (отражая на нем клинообразный профиль самих блоков), создавая тем самым устойчивую конструкцию перевязки блоков. В центре устроена дверь с невысоким порогом и четко профилированным обрамлением. Дверь была плотно заложена большой каменной плитой (1,03×0,69×0,20 м). Склеп имеет двускатное перекрытие, составленное из плоской с загнутыми краями и желобчатой черепицы. На полукруглом своде черепица укреплена на известковом растворе. Перед гробницей устроен двор, обнесенный вместе со склепом оградой, выложенной на глиняном растворе и оштукатуренной глиной с внутренней стороны. Высота стен достигает 1,6—2,1 м.

Строительная техника. Архитектура. Археологические исследования, проведенные в Иберии, свидетельствуют о высоком уровне строительного дела и архитектуры. Уже в ранних городских центрах, например в Самадло, применялся такой сложный строительный прием, как террасирование склонов холма. Террасы имели ширину 5—9 м, в одном случае до 11,5 м, высота их достигала 3 м. Для укрепления краев террас создавались подпорные стены. Они возведены из камня на глиняном растворе и армированы бревнами, уложенными в толще стен вдоль и поперек кладки. Облицовка выложена ритмично чередующимися плоскими камнями и крупными квадрами местного необработанного песчаника. Забутовка составлена из смеси галечника с глиной. В некоторых местах подпорные стены укреплены мощными контрфорсами. Одна из таких стен подпирала платформу шириной 11,5 м и высотой 2—3 м. Фундамент был опущен в глинистый грунт на глубине 0,3 м. Толща субструкции платформы использовалась для устройства помещения подвального типа (4,5×9 м). Террасы существовали и в Саркинети. Иногда сравнительно небольшие по размерам цитадели возводились на искусственных холмах (например, Дзалиси).

В Иберии при строительстве использовали камень, обожженный кирпич и кирпич-сырец, дерево, тер-

ракоту. В более ранних сооружениях в качестве связующего раствора применялась глина (или он вообще не использовался). С первых веков н. э. в употребление широко входит известковый раствор. Камень использовался различных видов: известняк, песчаник, туф, базальт и т. д.; применялись различные виды его обработки: от грубой оббивки до полировки. Из камня делали фундаментные и цокольные части стен, иногда стены целиком, базы и стволы колонн, капители, плиты, обрамлявшие дверные проемы, выкладывали своды. В строительстве правилом было сочетание камня и сырцового кирпича. Интересные варианты сочетания этих двух строительных материалов демонстрирует Цихиагора. При строительстве священного амбара цоколь был выложен из больших камней в один ряд. Собственно помещение святилища имело комбинированные стены: на высоту 2 м — каменные, выше (сохранившаяся высота 4,25 м) — из сырцовых кирпичей. В двухэтажном здании с закромами и печами для хлеба стены первого этажа (высота 3,5 м) были каменными, а второго (сохранившаяся высота 1,5 м) — сырцовыми. При строительстве бань, естественно, сырцовый кирпич практически не употреблялся, кроме стен в сухих помещениях типа раздевален (например, в Дзалиси). Сырцовые кирпичи применялись даже в очень монументальных сооружениях (например, во дворце Дзалиси или «колонном зале» Багинети). Иногда для увеличения прочности сырцовых конструкций использовали поперечные и продольные прокладки из бревен. Этот прием зафиксирован, в частности, в городских стенах Багинети, в склепе IV—III вв. до н. э. в Самадло и других местах. Обычные размеры сырцового кирпича 52×52×12 см, встречаются и иные: 42×48×12 см; 58×58×16,5 см; 50×50×12 см; 50×25×12 см. Стены, выложенные из сырцовых кирпичей, имели различную толщину: в Дедоплис Миндори — у обычных зданий 1,10 м, у главного храма 1,6 м, у «колонного зала» и других сооружений Багинети 1,45—1,70 м, и т. д. Обожженный кирпич в основном использовался там, где невозможно было применение сырцового. В целом ряде бань, столь популярных в Иберии первых веков н. э. использовался жженый кирпич, причем стены, как правило, делали традиционным способом: цоколь — из камня, верхняя часть стен — из кирпича (квадратного и прямоугольного) (27×27×4; 27××13,5×4; 36×27×4; 32×30×8; 41×30×9; 29××29×6 см). В банях же, учитывая сложность их внутреннего устройства, употреблялись достаточно часто и круглые кирпичи (17; 22,5; 23,5; 30 см в диаметре). Иногда стены выполнялись из рваного камня на известковом растворе (например, в Армазисхеви), фундамент — из булыжника. Аналогичная техника была использована также при строительстве местного дворца. Очень широко, особенно в банях, пользовались обожженными керамическими плитами.

Перекрытия были как деревянными, так и черепичными. При раскопках в Дедоплис Миндори были зафиксированы остатки сгоревших балочных конструкций, скрепленных железными гвоздями. Черепицы использовались как плоские с вертикальными бортами, так и желобчатые (длина до 57 см), их часто окрашивали в красный цвет; на черепицах из Дедоплис Миндори и Цихиагора зафиксированы знаки, нанесенные по сырой глине. Довольно часто крыша была двускатной. Изредка использовались сводчатые покрытия.

Стены обычно штукатурили (чаще всего глиной), иногда расписывали (остатки росписи зафиксированы в «колонном зале» Багинети). В склепе в Багинети II—III вв. н. э. стены, сложенные из рваного камня, облицованы тщательно обработанными мраморными плитами. Полы устраивались различным образом. В Цихиагора пол был глинобитным, в склепе в Самадло тоже глинобитным, но лежал на специальном слое мелкого галечника, смешанного с глиной. В «колонном зале» (Багинети) зафиксирован утрамбованный пол из толченого туфоидного песчаника розоватого цвета. На памятниках первых веков н. э. постоянно встречаются водопроводные и водоотводящие системы, при строительстве которых использовались металлические трубы, помещенные в специальные каналы, выложенные из камня и перекрытые сверху каменными же плитами.

В архитектуре Иберии античного времени довольно широко использовались колонны. Стволы колонн обычно бывали деревянными, базы — каменными. Достаточно широко были распространены торовидные базы. Они зафиксированы в «колонном зале» Багинети, Цихиагора и ряде других пунктов. В Дедоплис Миндори и в Шиомгвиме (см. Гогошидзе Ю. М., 1979, с. 22) обнаружены фрагменты украшенной рельефом базы «персеполитанского» типа. В ряде простых построек, где в центре помещения располагался подпорный деревянный столб, в качестве примитивных баз употребляли оббитые камни. Капители известны самого различного типа: дорийские (в Дзалиси и Багинети), ионийские (в Саркиси), персидско-ахеменидские (с протомами быков) (в Цихиагора).

Планировочные решения архитектурных комплексов весьма различны, они явно восходят к различным традициям. По всей видимости, храм в Цихиагора близок древнейшим иранским храмам, еще более концепции иранской религиозной архитектуры сказываются в храмовом комплексе Дедоплис Миндори. Однако здания терм, столь популярных в Иберии первых веков н. э., воспроизводят римский архитектурный тип. Своеобразно здание «колонного зала» в Багинети, упрощенным вариантом которого можно считать здание общественного назначения в Кабале (Кавказская Албания). Возможно, в подобных сооружениях отражается живучесть местных, закавказских, архитектурных традиций. Наконец, в Иберии встречаются также и круглые в плане здания, напоминающие греческие толосы (например, в Цицамури).

Хозяйство. Основой экономики Иберии последних веков до н. э.— первых веков н. э. было сельское хозяйство. Определенные свидетельства этого содержатся в письменных источниках. Некоторую информацию дают и археологические материалы. Значительное количество обуглившегося зерна было найдено в «зернохранилище» Цихиагора (Цкитишвили Г. Г., 1977, с. 87). В ряде мест (например, в Настакиси — см.: Бохочадзе А., 1977, с. 93) открыты винохранилища. Определенную информацию

по этому вопросу дают и сельскохозяйственные орудия труда. К началу исследуемого периода относится широкое развитие орошаемого земледелия (о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические источники) (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 18—19). Строительство больших оросительных каналов (Тирипони, Урбписи, Мухрани, Алазани), видимо, совпадает с периодом становления в Иберии классового общества и государственности. Эти каналы, проводимые в горах, были для своего времени грандиозными и очень сложными гидротехническими сооружениями, включавшими плотины, насыпные акведуки, деревянные лотки и т. д. (Киквидзе Я. А., 1963).

В Иберии первых веков до н. э.— первых веков н. э. активно развивается ремесло. Основными центрами его являлись города (Лордкипанидзе О. Д., 1957). Наибольшее количество археологических материалов имеется по керамическому производству. В IV—III вв. до н. э. крупным центром ремесленного производства, особенно керамического, выступал Настакиси. Здесь изготовлялись строительные керамические материалы и в первую очередь — весьма многочисленная черепица, представленная тремя видами: плоская с вертикальными бортиками (так называемая керамида, солен), желобчатая (т. е. калиптер), а также специальная широкая желобчатая черепица, использовавшаяся для покрытия коньков двускатных крыш. Она изготовлена вручную из высококачественной мелкозернистой глины и хорошо обожжена. Поверхность окрашена красной краской (охрой) — от желтовато-красного до темнопурпурного оттенков. Черепица довольно больших размеров. Длина соленов колеблется от 57,5 до 73 см (но наиболее часто встречающаяся длина 58 см), а калиптеров — от 47 до 66,5 (наиболее часто встречается— 60 см). Длина конькового калиптера 97 см. На бортиках некоторых соленов нанесены по сырой глине различные знаки (углубленная точка, угол, косой крест, насечки). Имеются греческие буквенные обозначения (ΛΖΣΘΧ) которые рассматриваются (Хазарадзе Н. В., Цкитишвили Г. Г., 1980) как знаки ионийской буквенной системы нумерации, использовавшейся для учета изготовленных мастерами черепиц (см.: Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 53—61). Здесь же изготовлялась и керамическая посуда (горшки, фиалы, миски, ритоны, кувшины, пифосы и др.) на гончарном круге. Специальные петрографические исследования керамики из Самадло показали, что все керамические сосуды, как и черепица, изготовлены из одной и той же глины монтмориллонит-гидромусковитного типа, зафиксированного богатейшими выходами на территории Самадло и Настакиси (Морчадзе Т. А., 1979, с. 38—45).

Крупнейшим центром ремесленного производства в первые века н. э. являлась Мцхета (Лордкипанидзе О. Д., 1957). Наличие прекрасной сырьевой базы — огромных карьеров высококачественной глины — обусловило развитие гончарного ремесла в Мцхета с очень ранней эпохи. Уже с конца II тысячелетия до н. э. в мцхетских гончарных изделиях засвидетельствовано применение гончарного круга, что в свою очередь ускорило развитие гончарного ремесла. На правом берегу р. Куры, у устья Карнисхеви, обнаружен ремесленный квартал керамистов с их жилыми, хозяйственными и производственными сооружениями, а также могильником первых веков н. э. Производственные сооружения представляют собой печи, устроенные на склоне невысокого холма (Апакидзе А. М., Каландадзе А. Н., 1978, с. 24—32). В керамических мастерских Мцхета изготовлялись кувшины, миски и тарелки, горшки, миниатюрные сосудики, пифосы (квеври), глиняные подвески. В целом керамические сосуды I—III вв. н. э. не отличаются особым разнообразием и изяществом форм и в этом отношении значительно уступают керамике позднебронзового и раннежелезного периодов. Снижение художественного достоинства произошло, по-видимому, за счет увеличения количества производства продукции. Специалисты-гончары работали уже на широкий рынок для удовлетворения запросов не только городского, но и массы земледельческого населения, жившего в местностях, прилегающих к городам.

Вопрос об организации производства в Иберии вообще (и керамического в частности) является весьма сложным, так как мы не располагаем сведениями письменных источников. Учитывая размеры производства и различные технические приемы, требовавшиеся для изготовления сосудов разного назначения, можно предположить дифференцированность гончарного ремесла. Можно с уверенностью сказать, например, что в I—III вв. изготовление огромных сосудов хозяйственного назначения — квевров (т. е. «меквевроба») выделилось уже в самостоятельную отрасль керамического ремесла. В основе производства сосудов домашнего обихода и сосудов хозяйственного назначения лежало мелкое ремесло. Работники, изготовлявшие эти предметы, были, по-видимому, мелкими свободными ремесленниками, работавшими на рынок. Как показывают находки в сел. Земо-Авчала, Дигоми, Дампало, Ничбиси, изделия мцхетских гончаров сбывались и за пределами Мцхета, в прилегавших к городу сельских областях. Обмен носил, вероятно, в основном натуральный характер.

Видное место занимало производство строительных керамических материалов (черепиц, кирпича, керамических плит, водопроводных труб). Изготовление этих предметов в Мцхета подтверждается одинаковым минеральным составом глины черепиц и глин мцхетских карьеров, находками в Багинети бракованных черепиц. Некоторые особенности в конструкции черепиц, несомненно, также указывают на их местное производство. В Мцхета производились черепицы как желобчатые (калиптеры), так и плоские (керамиды). Мцхетский калиптер, имеющий в разрезе форму полукруга, по своей конструкции и технике изготовления (Апакидзе А. М., 1968, с. 67—105) значительно отличается не только от греческих калиптеров с граненой наружной поверхностью, обычных для Греции, Боспора и района Эгейского моря, но и от желобчатых калиптеров, известных из Синопы, Гераклеи Понтийской, Ак-Алана (Понт) и др. Мцхетские калиптеры обладают одной характерной деталью, выделяющей их в совершенно особую группу: на наружной части, ближе к узкому краю, имеется пальцеобразный выступ, благодаря которому осуществляется крепление верхней черепицы с нижней. Плоские черепицы

Мцхета типологически близки плоским черепицам, применявшимся и в других районах древнего мира.

Помимо керамического, в Иберии исследуемой эпохи были развиты и другие виды ремесел. Бесспорным является существование ремесел, связанных со строительством. Можно отметить, в частности, каменотесное, значительное развитие и высокий уровень которого засвидетельствованы рядом памятников (например, капитель ионийского ордера из Саркине или фрагменты архитектурных деталей со следами обработки на станке — Апакидзе А. М., 1968, с. 47 сл.); каннелированные колонны из Надарбазеви и Абулети (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 24—25 и т. д.).

Важную роль, бесспорно, играли металлургия и обработка металлов. К сожалению, они еще недостаточно исследованы. В Грдзели Миндори были найдены остатки мастерской по металлообработке (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 23; Апакидзе А. М., 1968, с. 257): огромное здание, в котором обрабатывалось не только железо, но свинец и медь, золото. Здесь же были найдены заготовки (для массивных кирок, топоров), просто слитки металла, а также множество готовых железных изделий (скобы, петли и т. д.). Очень высокого уровня достигли ювелирное дело и торевтика, что доказывается не только очень большим количеством произведений этих ремесел, найденных при раскопках городищ и особенно некрополей Иберии, но и остатками самого ремесленного производства (Апакидзе А. М., 1968, с. 249 сл.): металлических орнаментированных штампов, частей тиглей, а также полуфабрикатов. Проведенные исследования показали некоторые особенности техники изготовления предметов из драгоценных металлов. Серебряная посуда производилась путем выдавливания при вращении на быстром станке (Товадзе Ф. Н., Баркая В. Ф., 1954). Сам давильный инструмент был из дерева, кости или рога. Окончательная отделка производилась с помощью штампа. Засвидетельствованы и другие технические приемы: позолота серебра, чеканка, пайка и т. д. С этим ремеслом была тесно связана обработка драгоценных и полудрагоценных металлов, поскольку в ювелирном деле Иберии широко использовались вставки из камней (Апакидзе А. М., 1968, с. 254 сл.). Бесспорно, существовали местные камнерезные мастерские. М. И. Максимова в свое время отметила, что в Мцхетском могильнике имеются геммы античного облика с надписью греческими буквами, но местными именами. Это привело ее к убеждению, что в Мцхета должны были существовать собственные камнерезные мастерские (Максимова М. И., 1950). Вероятно, в Иберии развилось и собственное стеклоделие. Уже в достаточно раннее время (возможно, в IV в. до н. э.) здесь стали производиться стеклянные многогранники-печати (Максимова М. И., 1941). В дальнейшем на территории Иберии появилась иноземная стеклянная посуда (Апакидзе А. М., 1968, с. 260), после чего началось и местное производство ее (Угрелидзе Н. Н., 1961; Сагинашвили М. Н., 1970). Можно также говорить о развитом деревообрабатывающем ремесле (Апакидзе А. М., 1968, с. 261 сл.), монетном деле (там, же, с. 262) и ряде других ремесел.

Археологические материалы свидетельствуют о широком развитии обмена в Иберии. Уже в Самадло-Настакиси имеется античный малоазийский импорт — чернолаковые и краснолаковые сосуды (Бохочадзе А. В., 1978б, с. 23). В дальнейшем экономические связи усиливаются (Лордкипанидзе О. Д., 1957; Лордкипанидзе О. Д., Мусхелишвили Д. Л., 1970). Среди импортных предметов большое место занимают различные украшения в виде каменных бус, подвесок, среди которых встречаются в большом количестве подвески из голубой египетской (александрийской) пасты — фигурки лежащего льва и скарабея. Широко распространены также каменные бусы малоазийских и сирийских мастерских. К предметам восточного импорта (Средняя Азия, Индия, Аравия, Сирия) следует отнести драгоценные и полудрагоценные камни (жемчуг, гранат, альмандин, рубин, бирюза и др.), которые обильно применяли местные ювелиры для украшения полихромных изделий. С I в. н. э. на территории Иберии широко распространяются стеклянные изделия, находки которых в настоящее время засвидетельствованы почти во всех значительных городских центрах, а также в сельских местностях (табл. XLIII). Стеклянные сосуды являются обязательным компонентом погребального инвентаря. Абсолютное большинство их — продукция сирийского производства (Лордкипанидзе О. Д., 1957б; Сагинашвили М. Н., 1970). Наиболее распространены колбообразные бальзамарии, отличающиеся между собой отдельными типологическими деталями, цветом и фактурой стекла. Кроме них, широко представлены и бальзамарии других типов (фигурные двуручные кувшинчики с рельефными орнаментами, двуручные и одноручные кувшинчики с вертикально каннелированным туловом, многогранные двуручные сосудики, амфориски, фляжковидные двуручные сосудики и др.). Весьма разнообразны также сосуды типа бутылок, использовавшиеся для транспортировки ценных вин, масел, лекарств. Эти сосуды засвидетельствованы в Иберии почти повсеместно (Сагинашвили М. Н., 1970; Угрелидзе Н. Н., 1961). Однако встречаются и единичные образцы высокохудожественных изделий. Уникальными для Грузии являются чаша из голубого стекла, украшенная белыми нитями, нанесенными холодным способом эмалевой краской (так называемый тип Zarten Rippenschalen), найденная в комплексе I в. н. э. в Урбниси (Сагинашвили М. Н., 1970, с. 16—17), блюдо с рельефной греческой надписью III—IV вв., бальзамарии из фиолетового стекла, выдутого в форме, с двойной маской Силена сирийской работы II в. и чаша с фасетками сирийского типа, найденные в Згудери (Немсадзе Г. М., 1977). В Тбилиси обнаружен веретенообразный полихромный алабастр египетской работы I в. н. э. (Сагинашвили М. Н., 1977).

Среди многочисленных импортных изделий римского периода выделяется также группа бронзовых сосудов разных форм и назначений (кувшины, патеры, виночерпальный ковш, чернильница). Они покрыты обычно темно-коричневой, реже — темно-зеленой патиной. Почти все сосуды отлиты, а затем окончательно обработаны и отточены на станке, о чем свидетельствуют рельефные концентрические кружки разной величины на донышке, а посреди-

не — маленькая дырочка для прикрепления сосуда к станку. Общепризнано, что в I—II вв. главными центрами производства подобных изделий были южноиталийские города, особенно Капуя.

Устанавливая факт импорта италийских бронзовых изделий (и других предметов), следует также поставить вопрос о путях их проникновения на территорию Иберии. При отсутствии такого рода находок в соседней Колхиде нужно полагать, что италийский импорт шел в Иберию не морскими путями через Колхиду, а по сухопутной магистрали (отмеченной на Tabula Peutingeriana) — из Малой Азии через Армению. Несомненно, что эти товары доставлялись сначала в Мцхета, в столицу Иберии — один из самых крупных торгово-экономических центров страны, оттуда они распространялись в различные районы: на юго-запад (Ничбиси), запад (Хандаки, Згудери и даже в Бори, Клдеети), на север (Атоци) и на восток (Ахмета).

Ввоз италийских импортных изделий (Лордкипанидзе О. Д., 1964) совпадает со временем, когда складываются и укрепляются новые взаимоотношения между Римской империей и Иберией. Эти взаимоотношения, основанные на добровольном союзе, были обусловлены как политической, так и, вероятно, экономической заинтересованностью обеих сторон.

Рассмотренные выше импортные предметы первых веков н. э., найденные на территории Иберии (монеты, стеклянные изделия, памятники глиптики, бронзовые сосуды и др.), свидетельствуют о тесных и оживленных взаимоотношениях римского мира с Иберией (Лордкипанидзе О. Д., 1968б).

Весьма интересно (а для экономической истории очень важно), что в этот период в международную торговлю включается не только городское, но и сельское население. Импортные предметы довольно часто обнаруживаются не только на территории городов (Мцхета, Урбниси, Уплисцихе) или значительных политических и административных центров (Згудери, Бори, Клдеети), но и сельских поселений (Ничбиси, Хандаки, Атоци и др.). Обращает внимание и тот факт, что в первые века н. э. в среде сельского населения Иберии интенсивное распространение получает денежное обращение. Об этом красноречиво свидетельствуют весьма частые находки монет (главным образом денариев Августа и драхм Готарза) в сельских районах (Ничбиси, Дампало, Дигоми, Диди Лило, Ржиси, Хандаки и т. д.). Важным доказательством развития экономических связей является и распространение на территории Иберии иноземных монет (см. ниже).

Орудия труда и оружие. К сожалению, орудия труда и оружие Иберии исследованы еще недостаточно. Это объясняется (в значительной мере) тем, что в некрополях описываемого времени в сопроводительном материале эти находки почти не встречаются.

В Цицамуре обнаружено железное долото, использовавшееся в резке камня (Апакидзе А. М., 1968, с. 114), в одном из погребений Армазисхеви — железный топор (там же, с. 175), железные топоры и терки — в Грдзели Миндори (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 23). Значительное число железных изогнутых ножей виноградарей найдено в Самтавро (Толордава В. А., 1963), однолезвийные прямые железные ножи — в Камарахеви.

Обнаружено сравнительно небольшое количество оружия: короткие железные парадные кинжалы (из некрополей Мцхета — Апакидзе А. М., 1968, с 165—166), железные втульчатые наконечники копий (Давлианидзе Ц. О., 1977, с. 24—25), бронзовые (скифского облика) и (в памятниках начиная со II в. до н. э.) железные трехлопастные черенковые наконечники стрел (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 23; Давлианидзе Ц. О., 1977, с. 24—25; Бохочадзе А. В., 1977, с. 95).

Керамика (табл. XLIV). Керамика первых веков до н. э. наиболее полно представлена материалами из раскопок Настакиси — Самадло. Керамические изделия довольно разнообразны: горшки, фиалы, миски, ритоны, кувшины, пифосы и др. Все они изготовлены на гончарном круге. Как правило,— светлоглиняные, но встречаются несколько образцов фиал и мисок с блестящей черной лощеной поверхностью, покрытой ангобом светло-кремового цвета или высококачественной красной краской (охрой). Той же краской выполнялась и роспись. Среди расписной керамики особо выделяются сосуды типа колоколовидных кратеров и пифосы. Кратеровидные сосуды расписаны красной краской по кремовому или красноватому фону. Наряду с геометрическим орнаментом встречаются изображения мужского хоровода, всадников с копьями, птиц и животных. Расписные пифосы из городища Самадло довольно крупных размеров (высота 1,80 м, диаметр венчика 0,70 м, наибольший размер диаметра тулова 1,60 м) с широким раструбным горлом, яйцевидным туловом и узким плоским дном. Роспись сюжетная, расположена фризами и выполнена в обычной для Самадло манере красной охрой по желтоватому фону. На одном из пифосов представлены: на верхнем фризе — сцены сражений (три всадника и один пеший пронзают дротиками поверженного врага, изображенного в остроконечном шлеме, с мечом и щитом) и конной охоты на оленей и козерогов; на втором фризе этого же пифоса изображаются мужской хоровод и шествие птиц, а на третьем — шевроны. Нижняя часть сосуда до самого дна покрыта тройными поясами красной краски.

Расписная керамика из Самадло явно носит следы влияний восточноанатолийского, в частности позднефригийского, стиля (Гагошидзе Ю. М., 1979). Отдельную группу составляют кувшинчики и сравнительно крупные двуручные кувшины с горизонтальными параллельными полосами, нанесенными белой краской. Для украшения поверхности сосудов использовался также врезной и рельефный декор. Вышеописанные группы керамики широко представлены почти на всех синхронных поселениях внутренней Картли (Гагошидзе Ю. М., 1979 с. 76—95).

В первые века н. э. важнейшим центром по производству керамики становится Мцхета. В керамических мастерских Мцхета изготовлялись кувшины разных форм (наиболее характерны кувшинчики с отверстием в виде трилистника и витой или дугообразной ручкой), миски и тарелки (с поддоном или без поддона разных форм и величины), горшки (без ручек или с двумя ручками), разнообразные миниатюрные сосудики, глиняные подвески и др. Особое

место занимало изготовление больших глиняных пифосов (квеври) для подземного хранения вина или других сельскохозяйственных продуктов. Сосуды, как правило, выполнены на гончарном круге. Они обычно красного или светлого обжига и часто украшены (особенно миски) красно-бурым ангобом, иногда сочетающимся с лощением. Некоторые виды кувшинов расписаны красными поясками или простым геометрическим орнаментом.

Украшения. Раскопки (особенно многочисленных некрополей) дали обильный материал для суждения об украшениях, бытовавших в Иберии. Они весьма разнообразны и включают: пояса, фибулы, булавки, подвески, браслеты, пуговицы, бусы, диадемы, ожерелья, медальоны, кольца, колокольчики, бляшки, перстни, гривны, кулоны. Специфическим видом украшений являются золотые погребальные венки.

Для многих украшений характерна полихромия — искусственное применение разноцветных камней. В этом отношении они сближаются с «сарматскими» или «греко-сарматскими» ювелирными изделиями (Лордкипанидзе О. Д., 1957б).

Браслеты бывают как бронзовыми, так и золотыми. Наиболее типичны браслеты с вогнутой спинкой и утолщенными концами (Самтавро, Армазисхеви, Дедоплис Миндори) или змеиными головками (Камарасхеви). Для первых веков н. э. наиболее типичны браслеты с перевитыми концами (Немсадзе Г. М., 1977, с. 110). Иногда в качестве браслетов использовались золотые цепочки (Згудери). Очень разнообразны и по форме, и по материалу бусы (стеклянные, пастовые, костяные, каменные: гагат, сердолик, гранат, альмандин, янтарь, мрамор, агат, хрусталь). Серьги были золотыми, серебряными и бронзовыми. Часты простые серьги в виде незамкнутого колечка (Самтавро, Камарасхеви, Самадло), встречаются серьги с вставками из драгоценных и полудрагоценных камней (гранат, бирюза, жемчуг), в том числе и составные. Ожерелья чаще всего делали в виде золотых витых эластичных цепочек, к которым прикреплялись медальоны (с камеями или инкрустированные камнями — альмандином, украшенные эмалью — Немсадзе Г. М., 1977, с. 111; Рамишвили Р. М., 1977, с. 116, 118). Бляшки, как правило, штампованные, золотые. Известны бляшки с изображениями лиц и масок Силена (Самадло), бюста богини с полумесяцем над головой (Гагошидзе Ю. М., 1977, с. 110), бляшки с инкрустацией (Рамишвили Р. М., 1977, с. 118).

В античное время были очень широко распространены в Иберии перстни-печати. Самые ранние печати из обожженной глины появляются на территории восточной Грузии уже с XIV в. до н. э. Далее, в IX—VIII вв. до н. э., они постепенно сменяются печатями из песчаника, змеевика, мрамора, гишера и кости. В это же время появляются бронзовые печати. С VI в. до н. э. входят в моду перстни-печати со щитком, а со второй половины V в. до н. э. рядом с ними бытуют стеклянные многогранники и скарабеи (Лордкипанидзе М. Н., 1969).

По мере развития частной собственности широко распространяются как среди высших слоев общества, так и среди рядового населения перстни-печати различного назначения. Уже с позднеахеменидского времени в Иберии отливаются синие стеклянные многогранники, которые принято считать копиями малоазийских печатей (Максимова М. И., 1941; Лордкипанидзе М. Н., 1963).

С I в. до н. э. по всей Иберии широко распространяются резные камни, вправленные в перстни и украшения (Максимова М. И., 1950; Лордкипанидзе М. Н., 1954—1961; Джавахишвили К. А., 1972). Большая их часть привезены из различных античных и восточных центров («греко-римские», италийские, римские, малоазийские, боспорские, парфянские, сасанидские и др.). Однако уже с I в. н. э. подтверждается наличие и местных камнерезных мастерских, где наряду с приезжими работали и местные мастера, владевшие техникой станка (Максимова М. И., 1950; Лордкипанидзе М. Н., 1958, с. 102). В местных мастерских была освоена своеобразная техника отделки интальи золотой фольгой способом тиснения (Лордкипанидзе М. Н. 1969, с. 150—154). Среди местных изделий встречаются и высокохудожественные образцы, среди которых выделяются портретные геммы (иногда с именами владельцев) из Армазисхевского некрополя высших должностных лиц Иберии (Лордкипанидзе М. Н., 1958).

Погребальные памятники и обряд захоронения. Ряд могильников, исследовавшихся на территории Иберии, относится к IV—III вв. до н. э. Одним из них является некрополь в Камарасхеви (район Мцхета). В камарасхевском могильнике засвидетельствованы погребения трех видов: грунтовые (перекрытые каменными плитами, земляной или каменной насыпью), каменные ящики и погребения, стены которых выложены из песчаных плит и булыжника. В основном это индивидуальные погребения. Покойник уложен в скорченном положении на правом или левом боку. У изголовья лежит булыжный камень, на котором покоилась голова покойника. Погребения содержат довольно разнообразный инвентарь, однако встречаются и безынвентарные захоронения, но они, как правило, детские. В некоторых случаях вокруг погребений засвидетельствованы разбитая посуда и кости животных, предположительно — следы погребальной трапезы.

Большая часть керамических изделий изготовлена на гончарном круге, но встречаются (в основном в сравнительно бедных захоронениях) и лепные от руки сосуды. Обжиг сосудов — красного или сероватого цвета (гораздо реже встречается черная керамика). Их поверхность не орнаментирована, в редких случаях встречается орнамент из насечек. Несколько обособленно стоят светлоглиняные кувшинчики, украшенные орнаментом в виде треугольников, нанесенных красной краской.

Наиболее характерны кувшины грушевидной формы с круглым или трехлепестковым венчиком, миски — плоскодонные или на трех ножках, кру́жки и горшки. Оружие представлено железными наконечниками копий с открытой втулкой и стрел, секачом. Довольно, многочисленны однолезвийные согнутые железные ножи. Украшения состоят из бронзовых браслетов, булав с массивными цилиндрическими или конусовидными головками, колокольчиков, фибул, бус, серег, многочисленных сердоликовых и стеклянных бусин.

Синхронные могильники и отдельные погребения засвидетельствованы в различных частях восточной Грузии (Рамишвили Р. М., 1959, с. 39—52). Сравнительно хорошо они изучены в юго-восточных областях (могильники Кущи и Гомарети — Давлианидзе Ц. О., 1978; Квиэнадзе К. Д., 1975). Ведущим типом захоронения здесь являются каменные ящики небольших размеров. В большинстве из них было уложено по одному покойнику в скорченном положении, однако засвидетельствованы и парные захоронения. Изредка встречаются грунтовые погребения. Погребальный инвентарь каменных ящиков довольно разнообразен. Керамика представлена кувшинами (с круглыми или трегубым венчиком, трубчатым носиком), мисками (среди которых выделяются одноручные со сливом), горшками (одноручные или без ручек) и др.

В этот период наряду с каменными ящиками появляются и погребения в пифосах — «кувшинные погребения», которые засвидетельствованы как в юго-восточной Грузии (Абелиа, Горисисгора) (Квиэнадзе К. Д., 1975, с. 9), так и во внутренней — в Картли, на правобережье р. Куры. Погребальные пифосы уложены в горизонтальном положении, но зафиксированы и вертикально стоящие. Изготовлены они из хорошо отмученной глины красного или желтого обжига. Шея пифосов украшена косыми насечками. Встречаются и расписанные красной краской пифосы. Покойники уложены в скорченном положении. Наряду с индивидуальными засвидетельствованы как парные, так и коллективные захоронения (семейные усыпальницы). Погребальный инвентарь состоит главным образом из керамики, металлических украшений и каменных или пастовых бус (Цкитишвили Г. Г. и др., 1979).

В IV—III вв. до н. э. бытовали и каменные склепы. Один из них обнаружен в Самадло (см. выше). В погребальной камере лежали два деревянных саркофага, сильно потревоженных еще в древности. В одном из них оказалось семь скелетов, уложенных на боку, с согнутыми конечностями, лицом к югу (лишь один — к северу). Сохранившийся инвентарь небогат (серебряные колечки, красноглиняная плоскодонная крашеная миска и бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы с шипом). Предполагают, что это было захоронение слуг знатного лица, для которого предназначался столь внушительный склеп, а погребальный инвентарь которого был разграблен. О богатстве погребального инвентаря знатных лиц можно судить по случайно найденному в 1912 г. в Самадло женскому захоронению в деревянном саркофаге, от которого сохранились золотые серьги, разнообразные подвески от ожерелий, штампованные бляхи, серебряные фигурные обкладки железного ложа, серебряная и бронзовые гривны, бронзовые колокольчики, миниатюрные статуэтки баранов, стеклянные и каменные бусы и др. Для более позднего времени (особенно первые века н. э.) очень показательны некрополи в Армазисхеви и Самтавро.

Важнейшую часть армазисхевского археологического комплекса представляет собой обширный могильник, где выделяются обособленные богатые захоронения представителей высшей служилой знати Иберии. К этой группе принадлежат девять погребальных комплексов в каменных гробницах (в основном двух типов): а) гробницы, высеченные из цельных глыб, т. е. саркофаги, и б) гробницы, составленные из каменных плит. Зафиксированы гробницы с плоским или двускатным перекрытием. Все захоронения ингумационные. Гробницы ориентированы с востока на запад, а покойники лежат, как правило, головой к западу. Из-за плохой сохранности костяка не удается точно установить позу покойников. Однако в одном случае зафиксировано захоронение на правом боку со слегка согнутыми коленями, а в другом — вторичные захоронения (кости покойного лежали на серебряном блюде). В большинстве покойники уложены непосредственно на пол гробницы, но иногда — на специальное деревянное погребальное ложе (найдены серебрянные обкладки резных ножек ложа).

Погребальный инвентарь отличается исключительным разнообразием золотых (большей частью богато украшенных цветными вставками из драгоценных и полудрагоценных камней), серебряных, стеклянных и глиняных предметов: золотые инсигнии (парадные кинжалы, именные перстни-печати, пояса, диадемы), серебряная посуда (винные кувшинчики, декоративные блюда, чаши со скульптурными изображениями и др.), различные украшения (браслеты, кулоны, гривны, ожерелья, застежки, перстни, подвески), погребальные венки, амулеты и талисманы, зеркала и другие предметы туалета, железное оружие, стеклянная посуда и др. (Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А., 1958). Аналогичные погребения имеются и в Багинети (II—III вв. н. э.). Здесь, в частности, обнаружен каменный саркофаг с двускатным перекрытием с весьма богатым погребальным инвентарем (золотые ожерелья, браслеты, кольца, серебряные обкладки погребального ложа, кубок с изображениями сцен охоты и театральных масок, фиала, украшенная стилизованными изображениями виноградных гроздьев и листьев, ковши и ложка с «армазской» надписью, римские золотые ауреусы и серебряные денарии и др.) (Апакидзе Г. А., 1973).

Такие саркофаги, судя по богатству погребального инвентаря, принято считать захоронениями представителей правящих кругов и членов их семьи. В Багинети (у Мцхетской железнодорожной станции) обнаружен каменный склеп, сильно разрушенный и разграбленный в древности (Апакидзе А. М., 1968, с. 144—148). Принято считать, что склеп принадлежал представителю правящих кругов или, возможно, даже царской семье (Ломтатидзе Г. А., Цицишвили И. Н., 1951; Апакидзе А. М., 1968, с. 149—151; Лежава Г. И., 1979, с. 21).

Следует отметить, что аналогичные и синхронные армазисхевским и багинетским погребальные комплексы, принадлежавшие высшим сановникам Иберии, открыты и в других областях Иберии: Бори (Придик Е., 1914), Згудери (Немсадзе Г. А., 1977), Арагвском ущелье (Рамишвили Р. М., 1977). Это были правители административных областей, которые упоминаются в надписях, найденных в Армазисхеви (так называемая Армазская билингва), под названием «питиахши» (Церетели Г. В., 1942). Эти надписи интересны и тем, что впервые была засвидетельствована особая разновидность арамейской

письменности — армазская (Церетели Г. В., 1942; 1948).

Для характеристики культурного и социально-экономического развития населения Мцхета в первые века н. э. особенно большое значение имеют результаты многолетних раскопок многослойного (середина II тысячелетия до н. э.—VII—VIII вв. н. э.) обширного могильника на Самтаврском поле (на северной окраине нынешнего пос. Мцхета). После определенного перерыва в V—IV вв. до н. з. на указанном могильнике в последние века до н. э. вновь появляются захоронения, свидетельствующие о возрождении интенсивной жизни (хотя поселения этого и последующих периодов все еще не открыты). Погребения последней трети I тысячелетия до н. э. представлены главным образом так называемыми кувшинными погребениями, т. е. захоронениями в глиняных пифосах. Принято считать, что обряд кувшинного погребения появился на Самтаврском могильнике с III в. до н. э. и дожил до конца I в. до н. э. Одновременно этот погребальный обряд распространился и в других (особенно в восточных) областях Иберии (Толордава В. А., 1963).

Кувшинные погребения на Самтаврском могильнике фиксируются отдельными группами. Погребальные пифосы зарыты преимущественно горизонтально. Все захоронения ингумационные. Покойники уложены в сильно скорченном положении на левом или правом боку. Большинство погребений ориентировано с севера на юг, горлом пифоса, которое обычно прикрывалось плоской черепицей, реже — плитой песчаника или обломком большого сосуда,— к югу. Используемые для погребений пифосы (обычно бывшие до того в употреблении) довольно крупных размеров. Детей хоронили в пифосах меньших размеров, а младенцев — в разнообразных сосудах, чаще всего — в высоких горшках с двумя ручками.

Инвентарь кувшинных погребений Самтаврского могильника не отличается особым разнообразием и обычно состоит из глиняных сосудов и весьма разнообразных бус (каменные, костяные, стеклянные и пастовые). В поздней группе погребений встречаются и монеты (плата Харону) — аршакидские драхмы. Боевое оружие полностью отсутствует, а из сельскохозяйственных предметов представлены только железные изогнутые ножи, служившие для обреза виноградной лозы (Толордава В. А., 1963). Одновременно с кувшинными погребениями на Самтаврском могильнике бытуют и грунтовые погребения.

Несравненно разнообразнее становятся погребальные сооружения на Самтаврском могильнике с I в. н. э. В это время выделяются следующие типы погребений: а) грунтовые ямы с перекрытиями из каменных плит, черепиц или кирпичей; б) каменные ящики, сложенные из больших плит песчаника; в) гробницы, сложенные из черепиц («черепичные погребения») или из больших квадратных кирпичей («кирпичные погребения»). Иногда встречаются и комбинированные: кирпичные ящики с черепичным перекрытием или черепичные ящики с каменным перекрытием и т. д. Наиболее распространенными в I—III вв. н. э. являются черепичные погребения, стенки которых составлены из плоских черепиц, установленных (с бортиками наружу) поочередно то широким, то узким концом вниз (продольные стенки погребений средних размеров составлены обычно из четырех черепиц). Однако встречаются и другие способы возведения продольных стен, когда черепицы укладывались на их длинные стороны или, как обычно, вертикально на их короткие ребра, а стыки прикрывались желобчатыми черепицами. Полы выкладывались в большинстве случаев также из плоских черепиц, уложенных либо в один ряд поперек ящика, либо в два ряда вдоль ящика. Встречаются также полы из каменных плит или из квадратных кирпичей. Перекрытия состояли из дерева, каменных плит или из больших кирпичей, но в большинстве случаев — из плоских черепиц, прикрытых желобчатыми. В последнем случае простые перекрытия состояли из одного (преимущественно в детских погребениях) или двух рядов черепиц. Наиболее характерно, однако, следующее устройство. На деревянных стропилах укладывали два ряда плоских черепиц, опиравшихся одним концом на стенки ящика, а другим на балку. Стыки прикрывали желобчатыми черепицами также в два ряда. Единственный способ захоронения на Самтаврском могильнике в I—III вв. н. э.— трупоположение. В наиболее ранних сериях погребений все еще встречается архаический обряд погребений в скорченном положении, который, однако, постепенно сменяется вытянутой на спине позой. Погребения I—III вв. в основном индивидуальные, но засвидетельствованы и сопогребения двух и более покойников, а также случаи последовательного захоронения. Ориентировка костяков разнообразна, но преобладают все-таки лежащие головой на восток.

На основе анализа состава погребального инвентаря некоторые исследователи утверждают, что наиболее состоятельных представителей общества хоронили в каменных ящиках, особенно в ящиках с двускатным перекрытием, людей среднего достатка — в черепичных ящиках, а бедных и детей — в грунтовых ямах (Иващенко М. М., 1980, с. 219).

Абсолютное большинство погребений содержит погребальный инвентарь, однако засвидетельствованы случаи и безынвентарных, преимущественно детских (хотя в редких случаях и взрослых).

Инвентарь погребений I—III вв. на Самтаврском могильнике состоит из глиняных и стеклянных сосудов, изделий из металла (золото, серебро, бронза, железо), в том числе различных украшений (перстни с геммами, диадемы, серьги, браслеты, бусы, пуговки и бляшки, погребальные венки), принадлежностей одежды и туалета (поясной набор, фибулы и булавки, коноушки, бронзовые зеркала), сосудов и утвари (бронзовые ойнохои и патеры, серебряные кубки, тарелки, ложки и черпаки), каменных, пастовых и стеклянных бус, изделий из кости и раковин (принадлежности женского туалета), монет (парфянских драхм и римских денариев). Характерно почти полное отсутствие в погребениях боевого оружия и хозяйственных орудий (Иващенко М. М., 1980).

Синхронные могильники с аналогичным способом захоронений (грунтовые погребения, каменные ящики, «черепичные» и «кирпичные» погребения) засвидетельствованы во многих пунктах древней Иберии, но главным образом в долине р. Куры, где были расположены наиболее развитые городские центры.

Обращает на себя внимание, что столь характерные для этого региона «черепичные» и «кирпичные» погребения пока что не зафиксированы в юго-восточных областях Иберии — в Триалети, где продолжают фиксировать захоронения в каменных ящиках или грунтовых ямах (Куфтин Б. А., 1941, с. 24—30).

Произведения искусства (табл. XLV—XLIX). Произведения монументальной скульптуры практически неизвестны в Иберии. Можно только отметить фрагменты каменного рельефа из Самадло (Гагошидзе Ю. М., 1979, с. 65), на котором, видимо, изображалась сцена конной охоты на горного барана. Хотя этот памятник и относится к эллинистической эпохе, все же стилистически он восходит к произведениям ахеменидского искусства.

Среди произведений монументального искусства первых веков н. э. особое внимание привлекают мозаики из Дзалиси. В бане (в холодном отделении) располагалась ванна с мозаичным полом (составленным из мелких разноцветных кубиков). Бордюр выведен двумя полосками (ширина 4,8 см), между которыми располагался растительный орнамент (цветы и стебли). В основном поле (сильно поврежденном) сохранились изображения рыбы, головы дельфина, удлиненной раковины. Мозаичным был пол и в раздевальне бани, где зафиксированы растительный и геометрический орнаменты. В соседнем — дворцовом — помещении находилось большое мозаичное панно (8,1×6 м). На мозаике изображены сидящие на троне Дионис и Ариадна, а также персонажи дионисийского круга, богатые растительный (с преобладанием виноградной лозы и плюща) и геометрический орнаменты, пояснительные надписи. А. Бохочадзе датирует этот комплекс II в. н. э.

При раскопках Саркине обнаружены прекрасного качества терракотовые маски и статуэтки. Одна терракотовая статуэтка (высота 38,5) представляет собой погрудное изображение молодого Диониса с небольшими рогами на лбу, другая (высота 38 см), видимо, Ариадну. На принадлежность найденных там же трех масок к мифологическим персонажам дионисийского круга указывает то, что у одной из них на ушах, оформленных в виде виноградных листьев, висят виноградные гроздья. По стилю от описанных масок отличается изображение мужского лица с крупными чертами и угрюмым выражением. Маски и статуэтки изготовлены в формах из хорошо отмученной глины, хотя и с неравномерным обжигом, и окрашены в красный цвет. Если изображения Диониса и Ариадны связаны с образами эллинской мифологии, то некоторые из терракотовых масок, видимо, изображали представителей местной знати. Наиболее вероятным кажется то, что терракотовые маски служили для украшения интерьера здания общественного назначения и были расположены в один ряд, о чем свидетельствуют небольшие дырочки для шнура, которыми они подвешивались к стене. Дата их — II в. н. э. (Бохочадзе А. В., 1977, с. 95 сл.).

Наибольшее количество произведений искусства — прикладные изделия (от расписной керамики до глиптики; см. выше). Общие тенденции в этой области искусства ярче других отражает торевтика (Мачабели К. Р., 1980). Особый подъем здесь наблюдался в первые века н. э. I в. н. э. представлен незначительным количеством произведений, особенно высокохудожественных. Можно отметить лишь кубок с двойными стенками, украшенный орнаментом в виде виноградной лозы из Гори. Основная масса серебряных сосудов этого времени (цилиндрические сосуды, разнообразные блюдца, кубки, овальные каннелированные сосуды) — продукция местных мастерских, но следуют они греко-римским образцам. II в. н. э. представлен памятниками торевтики гораздо шире. Привезены из Рима чаша с рельефным портретом Антиноя, чаша со скульптурным бюстом мужчины, чаша с горельефным изображением богини Фортуны-Тихи (все из армазисхевского некрополя питиахшей). Эти серебряные сосуды принадлежат к группе роскошного декоративного серебра, часто служившего для почетных императорских даров. К этой же группе относятся ритуальная серебряная патера, украшенная графическими изображениями павлинов с гофрированной ручкой, увенчанной головкой барана (из Армазисхеви). Подобные сосуды обычно выполнялись почти исключительно из бронзы. Активно работают и местные торевтические мастерские, в творчестве которых в полной мере отражается эллинистическо-римское художественное влияние.

Довольно велико количество произведений торевтики, датируемых III в. н. э. Один из ярких образцов привозных (видимо, являвшихся подарками императоров) серебряных сосудов — блюдо, найденное в царском погребении в Багинети (Мцхета), с золотым медальоном, содержащим рельефный портрет римского императора Марка Аврелия. Среди серебра этого времени имеется также группа кубков и блюд александрийского происхождения с разнообразным рельефным декором со сценами охоты, масками, морскими сюжетами. Засвидетельствовано некоторое количество произведений восточного происхождения (серебряные чаши с портретным изображением сасанидского вельможи из Армазисхеви, с символическим изображением из Эрцо). Продукцией местных мастерских, видимо, являются чаши с графическим изображением коней перед жертвенником, фигурные ножки погребальных лож или тронов. Особенно яркое изделие этого типа — ножки трона из Багинети, где представлено фантастическое существо. Для всех произведений характерна оригинальная трансформация влияний западного и восточного искусства на базе традиционного местного искусства (Мачабели К. Р., 1980; Немсадзе Г. М., 1977; Рамишвили Р. М., 1977).

Монетные находки. Включение городов Иберии в международную торговлю лучше всего иллюстрируется нумизматическими находками. Особое внимание привлекают найденные в Мцхета и других районах Иберии золотые «подражания статерам Александра Македонского».

Продолжительность обращения всех этих монет — I в. до н. э.— II в. н. з. Почти одновременно в Иберии обращались драхмы Готарза, а также денарии Августа. Ко II в. н. э. здесь начинается чеканка и местных «подражаний» этим монетам. На регулярные связи с внешним миром указывают также находки монет римских императоров (от Нерона до Валериана) и парфянских царей (от Артабана до Вологеза). (Капанадзе Д. Г., 1955а, б).

Эпиграфические находки. Хотя эпиграфических находок на территории Иберии сделано немного, они достаточно разнообразны и включают в себя как памятники лапидарной эпиграфики, так и надписи на вставленных в перстни драгоценных камнях, на металлических или стеклянных сосудах (Апакидзе А. М., 1968, с. 178 сл.). Основная часть надписей — на греческом языке. Это строительная надпись (времени Веспасиана) и надгробная. Кроме того, чрезвычайно важны надписи на перстнях и сосудах, дающие имена и номенклатуру должностей высшего слоя иберийского общества. Особое внимание привлекает так называемая Армазская билингва, т. е. надпись, выполненная на греческом и арамейском языках. Все эти надписи датируются I—III вв. н. э. К несколько более позднему времени относятся две еврейские надгробные надписи.

На основе представленных выше материалов довольно отчетливо вырисовываются характерные черты экономики Иберийского царства в I—III вв. н. э.: многоотраслевое ремесленное производство, в котором значительное место занимали ремесла крупного масштаба (черепичное и металлообрабатывающее, строительные работы); города и рынки, которые играли значительную роль в процессе торговли и товарообмена; развитие денежного обращения и вместе с тем дальнейший рост товарного производства. Археологические материалы свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной дифференциации, усложнении социальной структуры иберийского общества.

Кавказская Албания

Албаны, видимо, аборигенное население, заселявшее с древнейших времен территорию Азербайджанской ССР, приморского Дагестана и часть Алазанской долины Грузии. Впервые албаны в письменных источниках упоминаются в связи с событиями конца IV века до н. э.— походом Александра Македонского. Арриан сообщает, что в сражении при Гавгамеле в состав армии Ахеменидов входили отряды воинов-албанов. Видимо, албаны находились тогда в зависимости от Ахеменидской державы. После падения ее, вероятно, возникло независимое государство Албания (рис. 6).

Границы Албании не были стабильными. Письменные источники и археологический материал позволяют определить, что приблизительно в середине I тысячелетия до н. э. Албания (союз родственных племен) занимала территорию, ограниченную приблизительно средним и нижним течением р. Куры и междуречьем Куры и Аракса. В этой зоне находятся археологические комплексы, характеризующие ранние периоды культуры Албании. В начале н. э. в ее состав вошло население приморского Дагестана и северная граница Албании протянулась почти до р. Сулак.

Источники. Письменные источники по истории Кавказской Албании чрезвычайно ограниченны. Среди них в первую очередь должно быть названо сочинение Страбона «География» (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980, с. 20 сл.). Сложность интерпретации сведений этого автора определяется тем, что до сего времени остаются дискуссионными вопросы о том, какого времени источники легли в основу сообщений Страбона о Кавказской Албании. Важны также свидетельства, содержащиеся в «Географии» Птолемея (подробнее см.: Новосельцев А. П., 1980, с. 22), «Естественной истории» Плиния Старшего (там же, с. 23). Некоторая информация по исследуемой проблеме имеется и у других античных авторов, в частности у Диона Кассия и Аммиана Марцеллина. Для поздних периодов истории Кавказской Албании важны сообщения древнеармянских историков (Лазарь Парапеци, Мовсес Хоренаци и др.). Эпиграфические памятники практически отсутствуют. Известны две надписи — греческая и латинская (подробнее см. ниже). Археологические материалы довольно обильны: они включают результаты раскопок городов и некрополей. Раскопкам подвергались города Кабала, Хыныслы, Шемаха и ряд других. Для изучения истории Кавказской Албании важны результаты раскопок некрополей данных городищ, а также могильных полей в Мингечауре, Ялойлутепе и других (см. ниже).

Поселения. На территории Албании выявлен и изучен ряд поселений. Многочисленные могильные поля часто помогают локализации поселений, которым они принадлежали. Археологическими исследованиями установлено, что обычно поселения возникали на экономически и стратегически выгодных местах, большей частью на холмах, у рек или вблизи других водных источников.

В начальный период Албании поселения, в основном сельского типа, занимали небольшую площадь. Жители их в зависимости от естественных условий занимались земледелием, скотоводством и некоторыми видами ремесла. Строения этих поселений одноэтажные. В них почти не зафиксированы большие постройки общественного назначения. Каждый дом имел небольшой дворик с хозяйственно-бытовыми сооружениями. К исследованным поселениям этой группы можно отнести: поселение на холме Каратепе в Мильской степи (Исмизаде О. Ш., 1962; 1965), средний 1,5-метровый слой которого относится к албанскому периоду; поселение на холме Каракепектепе около г. Физули, где ниже метрового раннесредневекового слоя выявлен мощный слой IV—III вв. до н. э.; поселение Сарытепе у г. Казаха, верхний слой которого частично относится к раннему этапу истории Албании (Нариманов И. Г., 1960а, б); поселения Мингечаур (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959), Ялойлутепе (Шарифов Д. М., 1927; Исмизаде О. Ш., 1956), Даг-Коланы (Халилов Дж. А., 1965а), Маразы, Малгам (Нуриев А. Б., 1961), Чирахлы Шемахинского р-на, Моллаисаклы (Пахомов Е. А., 1957), Гаджигатамлы (Османов Ф. Л., 1964) Исмаиллинского района, ряд поселений на северо-восточных склонах Большого Кавказского хребта и на территории Дагестана (Исаков М. М., 1959).

В дальнейшем некоторые поселения укреплялись, вокруг них возникли оборонительные сооружения. Обычно поселения расположены на холмах. Почти всегда холмы со всех сторон окружены широкими рвами, которые, вероятно, во время опасности заполнялись водой, а также стенами. Часто вокруг укреп-

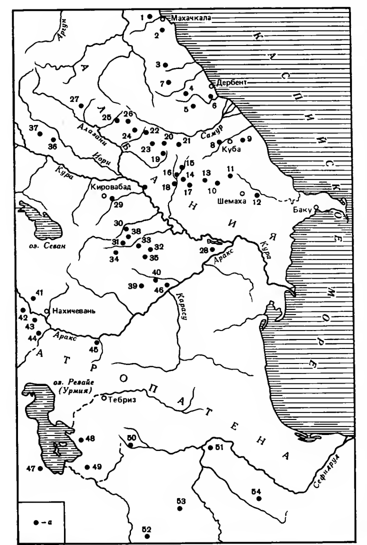


Рис. 6. Памятники Кавказской Албании и Атропатены

1 — Таркинский могильник; *2* — Карабудахкентский могильник; *3* — могильник Сергокала; *4* — Шаракунский могильник; *5* — городище Таргу; *6* — катакомбные погребения Паласасырт; *7* — городище Урцех; *8* — поселение и могильник Рустов; *9* — городище и могильник Джанахар; *10* — городища и могильник древней Шемахи; *11* — поселение у с. Малгам; *12* — поселение у с. Маразы; *13* — поселение и могильник Чахнаг; *14* — кувшинные погребения в Геогчайском районе; *15* — могильник и поселение Даг-Коланы; *16* — могильник Моллаисаклы; *17* — городище и могильник Шихдерекеллеси; *18* — могильник Нюди; *19* — Кабала; *20* — Ялойлутепинский могильник; *21* — поселение Таркеш; *22* — поселение Шорнабуль; *23* — поселение и могильник Еддичинардиби; *24* — кувшинные погребения у г. Шеки; *25* — катакомбные погребения (Кахский район); *26* — городище Торпак-кала; *27* — Алазанский могильник; *28* — Джафарханский могильник; *29* — сырцовые гробницы в Ханларском районе; *30* — кувшинные погребения в Мир-Баширском районе; *31* — городища и могильные поля Мингечаура; *32* — кувшинные погребения у Узеиркенда; *33* — кувшинные погребения Мильской степи; *34* — кувшинные и грунтовые погребения Узерликтепе; *35* — городище Каратепе; *36* — катакомбное погребение в Акстафинском районе; *37* — городище Сарытепе; *38* — городище Тазакент; *39* — городище Гяуркала; *40* — поселение Каракепектепе; *41* — городище Огланкала; *42* — городище Кала-Заринкух; *43* — городище Калаоглу; *44* — городище Билавар; *45* — городище Кала-Чахмаглы; *46* — городище и могильное поле Каракюбер; *47* — городище Гасанлу; *48* — городище Геохаркала; *49* — городище Лейланкала; *50* — городище Кала-Зохак; *51* — городище Мианийе; *52* — городище Кяфтарлу; *53* — городище Тахти-Сулейман; *54* — городище Заиджан. Составитель Дж. Халилов

ленного холма возникало собственно поселение. Вероятно, укрепленная часть (цитадель) была местожительством знати, вокруг располагались дома и хозяйственные строения основной массы населения.

В середине I тысячелетия до н. э. в Албании создались предпосылки для возникновения городов. Письменные источники отмечают здесь большое количество городов. Так, Птолемей говорит о 29 городах и населенных пунктах, особо выделяя четыре города: Телеба, расположенный в устье р. Гарр; Гелда — в устье р. Касий; Албана — в устье р. Албана и Гетера — в устье р. Кир. К сожалению, в настоящее время точная локализация их невозможна.

По Плинию Старшему, на рубеже н. э. главным городом Албании была Кабала. Археологическими исследованиями установлено, что остатки этого города находятся вблизи с. Чухур-Кабала Куткашенского района Азербайджанской ССР, в междуречье Карачая и Гočаланчая. Общая площадь его 50 га. Город имел оборонительные сооружения, о чем свидетельствуют остатки оборонительного вала с его южной стороны. Вал сохранился на пространстве более 1 км (Халилов Дж. А., Бабаев И. А., 1974, с. 100). Культурный слой на городище отражает жизнь города с конца IV в. до н. э. по II в. н. э. Приблизительно в начале II в. н. э. город по неустановленной причине на этой территории был разрушен и переместился на место, где в настоящее время сохранились остатки средневекового города Кабалы. Раскопки городища Кабалы античного времени дали большое количество остатков материальной культуры (фрагменты различных керамических и стеклянных сосудов, украшения, монеты, буллы, кровельные черепицы, обожженный кирпич и т. д.). Выявлены остатки большого здания общественного назначения с обширными залами и подсобными помещениями.

Другим крупным городом Албании была Шемаха, упоминаемая у Птолемея как Кемахея или Мамахея. Ее руины находятся к западу от современного города Шемахи и занимают площадь более 50 га. Мощный культурный слой (до 5 м) и раскопки некрополя дали значительное количество материала, который позволяет характеризовать город и определить его место в экономике и культуре страны (Халилов Дж. А., 1962а; 1965а; Халилов Дж. А., Бабаев И. А., 1974). Археологические исследования показывают, что приблизительно в конце IV в. до н. э. здесь на поселении эпохи ранней бронзы появилось новое поселение, которое, развиваясь, расширило свою территорию и к концу III в. до н. э. приобрело городские черты. Установлено, что в течение тысячелетнего периода здесь часто происходили разрушительные события. Вследствие этого участки, занятые в свое время городскими строениями, после разрушения использовались под могильники. Были периоды, когда участки с забытыми могильниками вновь занимали городские кварталы. Поэтому культурные слои здесь сильно пересечены многочисленными могильными ямами, остатки сооружений уничтожены. Сохранившиеся части стен, базы колонн, черепица и т. д. при сравнительном изучении с другими вещественными материалами, добытыми из культурных слоев и погребений (керамика, стекло, орудия труда,

оружие, украшения, монеты, печати), характеризуют албанский период истории г. Шемахи.

Многочисленные археологические памятники, особенно поселения и могильники албанского периода, а также место расположения Мингечаура не оставляют сомнений в том, что здесь существовал значительный город, игравший важную роль в экономике и культуре страны. Исследователи локализуют в этом районе города Осика (Osica) и Самунис (Samunis) упомянутые в письменных источниках (Яновский А., 1846, с. 110; Казиев С. М., 1949, с. 12).

Следы города сохранились у с. Тазакент Ждановсого района, в Мильской степи, где возвышаются два прямоугольных в плане холма, окруженные рвами (Иессен А. А., 1965, с. 33; Щеблыкин И. П., 1946, с. 258). Подъемные и добытые из разведочного шурфа материалы (Ахмедов Г. М., 1972) дают основание считать, что здесь был город, существовавший приблизительно с IV в. до н. э. до первых веков н. э. Среди зафиксированных и частично обследованных поселений к городам можно отнести и остатки больших населенных пунктов — Шихдерекеллеси в Исмаиллинском и Джанахар в Хачмасском районах. Первый занимает площадь около 30 га, на нем был собран большой подъемный материал, в том числе обломки кровельной черепицы (Османов Ф. Л., 1972а, с. 25—26; 1972в, с. 484), свидетельствующий о зданиях с черепичными крышами, характерных для городов Албании. Разведочным шурфом здесь установлен 1,2-метровый культурный слой, под которым находились погребения в глиняных гробницах. Городище Шихдерекеллеси датируется в целом последней четвертью I тысячелетия до н. э. (Османов Ф. Л., 1972в, с. 484). Городище Джанахар занимает большую площадь — в основном на поверхности около десяти холмов и у их подножий. Установлено, что некоторые части городища были обведены оборонительными стенами. Разведочные археологические работы (шурф на территории городища и раскопки некрополя) заставляют думать о существовании здесь города от первых веков н. з. до средневекового периода.

Для изучения городов и городской культуры Албании важное значение имеют городища, обследованные на территории Дагестана, особенно Урцекское, севернее от г. Дербента, в Ленинском районе. Первоначально здесь существовало поселение VIII—II вв. до н. э., которое впоследствии превратилось в город. Планировка его подчинена рельефу и подразделяется на цитадель, шахристан и посад (Котович В. Г. и др., 1972, с. 153—154; Магомедов М. Г., 1970, с. 7). Городище Урцек отождествляется со столицей царства гуннов в Дагестане Варчаном (Котович В. Г., 1965, с. 155), существовавшей до первой половины VIII в. Площадь городища 35—40 га. К рубежу н. з. этот город превращается в один из крупных ремесленных, торговых и политических центров на прикаспийской дороге. К нему примыкала обширная (более 200 га) сельскохозяйственная территория, защищенная системой «длинных стен» (Котович В. Г., 1974, с. 191).

Фортификация. Как отмечалось выше, рождение городов в Кавказской Албании сопровождалось и развитием их фортификации. Можно думать, что правилом для городов Албании было наличие стен и рвов. Иногда (как в Кабале) вместо стены для обороны города использовался вал (шириной до 6 м). Стены обычно имели каменный цоколь, верхняя часть выкладывалась из сырцового кирпича, иногда (как на Урцекском городище) стены сложены только из крупных камней (толщиной 1—1,5 м).

Застройка. Строительная техника. Архитектура (табл. L). Рядовые жилища исследованы еще недостаточно. Можно думать, что они были одноэтажными, в единый комплекс объединялись хозяйственные и бытовые помещения. К каждому дому примыкал дворик. В городах дома были больше по размерам, иногда встречаются крупные здания общественного назначения. Примером одного из них является выявленное основание большого общественного здания в Кабале (Бабаев И. А., 1977). Это здание представляло собой большой комплекс, состоявший из просторных залов, вестибюлей, подсобных помещений и коридоров, общая площадь которых составляет более 580 кв. м. Здание построено из сырцового кирпича. Толщина стен 2,1 м. Помещения отапливались специальными печами и переносными очагами. Остатки двухкамерной печи были расчищены у входа одного из коридоров восточной части здания. В средней части залов на полу обнаружены по две базы колонн из плотного ракушечника. Квадратный двухступенчатый плинт этих баз завершается округлым тором. В середине базы — круглое углубление для установки деревянных колонн, на которые опирались перекрытия черепичной крыши, состоявшие из плоских соленов, калиптеров и желобчатых коньковых черепиц. Помещения освещались через специальные проемы, которые в холодное время года закрывали коврами или тканями (Бабаев И. А., 1977, с. 218—225).

Находки местных баз колонн, кровельной черепицы, остатков больших строений в Шемахе, Тазакенте, Шихдерекеллеси свидетельствуют о наличии и в других городах Албании зданий общественного назначения. Бытовые постройки сложены в основном из сырцового кирпича на булыжном основании, местами использовался известняк. Стены штукатурили глиной с примесью соломы. Полы утрамбованы и обмазаны глиной. Источниками дневного освещения чаще всего, вероятно, были, как в Кабале, специальные проемы, закрываемые в холодное время года коврами, паласами или холстом. Крыши бытовых построек в основном плоские, слегка наклонены в одну или две стороны. Большие помещения, видимо, имели двускатную крышу. Перекрытия лежали на балках, покрытых хворостом, ветками и землей, и сверху обмазаны глиной, перемешанной с соломой. Не исключено, что в городах некоторые дома зажиточных людей имели черепичные крыши (Бабаев И. А., 1974, с. 48—59). В зданиях общественного назначения использовались колонны. Базы колонн обычно каменные, сами колонны деревянные, изредка — целиком каменные (например, в Шемахе; см.: Халилов Дж. А., 1974а, с. 12).

Раскопки городищ и поселений выявили остатки производственных сооружений. Среди них особое место занимают гончарные печи Мингечаура (Ионе Г. И., 1951) и Худжбала (Халилов Дж. А., 1965в). В Мингечауре многочисленные гончарные печи были сосредоточены вне поселения в одном пункте (рай-

он гончаров). Мингечаурский ремесленный квартал существовал до средних веков. Здесь были не только гончарные, но, судя по археологическим наблюдениям, также и другие производственные сооружения.

В числе последних археологически изучены в Шемахе остатки некоторых строений, связанных с виноделием: большие постройки с многочисленными хозяйственными кувшинами, вкопанными в землю, предназначенными, вероятно, для хранения вина. Недалеко от них обнаружены обломки больших ваннообразных виноградодавилен из монолитного известняка. Число их было значительным.

Выявлены также незначительные остатки кузнечных мастерских. В одном случае расчищены остатки помещения, часть пола которого вымощена плоским булыжником. Поверхность пола была покрыта толстым слоем золы и кусочков угля. У стены в углу стоял большой хозяйственный кувшин, предназначенный, вероятно, для воды. Недалеко от него находились большие ржавые бесформенные куски железа (Халилов Дж. А., 1962а, с. 212—213). Выявлены остатки кузни — место меха и фрагменты глиняной установки очага. Рядом с ними в неглубокой, круглой большого диаметра яме находился довольно значительный слой шлака. Подобные остатки зафиксированы в Шемахе, в Мингечауре и на других памятниках.

В городах Албании и, может быть, в некоторых других населенных пунктах имелись мастерские по изготовлению черепицы и обожженного кирпича. Так, в Кабале находки многочисленной цельной черепицы и ее фрагментов, в том числе с клеймом, свидетельствуют о наличии здесь специальных мастерских по производству черепицы (Бабаев И. А., 1974, с. 56).

Хозяйство. Основой экономики Кавказской Албании было сельское хозяйство.

Территория Албании (по особенностям почвы) разделяется на несколько зон, каждая из которых в зависимости от климатических условий благоприятна для определенной отрасли хозяйства. Хорошо орошаемые плодородные массивы, а также не нуждающиеся в искусственном орошении предгорные, увлажненные достаточным количеством осадков районы благоприятствовали развитию земледелия. Горные районы с альпийскими лугами, почти не знающими в зимние месяцы снега, степные пространства Кура-Аракской низменности и прикаспийские степные районы давали возможности для широкого развития отгонного скотоводства.

По своим природно-климатическим условиям земледельческие районы Албании делятся на две зоны — предгорную и низменную. Предгорная зона не нуждалась в искусственном орошении, для низменных районов оно было необходимо.

В настоящее время в некоторых степных районах, особенно в Муганской степи, из-за недостатка поливной воды большие массивы не используются под земледельческие культуры. Однако археологические памятники — остатки поселений, городищ, особенно многочисленные следы оросительных каналов, а также письменные источники — позволяют установить, что в рассматриваемое время некоторые современные степи имели другой облик: использовались под земледельческие культуры и были густонаселенными. В то время в Кура-Аракской и Прикаспийской низменностях широкое развитие получило орошаемое земледелие. Эти районы обеспечивались достаточным количеством поливной воды такими магистральными каналами и оросительными системами, как Гявурарх в Мильской степи и ирригационная система Мурганской степи, время сооружения которых относят к древности (Пассек Т. С., 1946, с. 186). О развитии орошаемого земледелия в Кура-Аракской низменности свидетельствует и заключение почвоведов (Почвы Азербайджанской ССР, 1953, с. 210).

Свидетельством существования орошаемого земледелия на Прикаспийской равнине являются сохранившиеся многочисленные остатки больших и малых каналов, именуемых населением «нова» (овраг), «гобы» (канал), гявурарх (канал неверных). Основными водными источниками для каналов служили горные речки, изобилующие в этой зоне. Все это подтверждает сообщение Страбона о том, что равнинная часть Албании орошалась лучше, чем вавилонская и египетская земли. О развитом земледелии в Албании говорят и археологические находки — различные орудия труда и остатки хлебных злаков (пшеницы и ячменя), ягод и др. Древние земледельцы-албаны применяли деревянный плуг, молотильную доску, бронзовые и железные серпы и другие орудия труда, которые на почве Албании были известны еще до изучаемого времени. В пахоте, молотьбе и транспортировке зерновых культур широко использовалась тягловая сила.

Одной из развитых отраслей хозяйства было виноградарство и связанное с ним виноделие. Албания входит в зону, которая считается одним из древних очагов виноградарства (Вавилов Н. И., 1932, с. 7; 1931, с. 93). Многочисленные археологические находки виноградных семян, обуглившихся ягод винограда, остатков вина, сосуды для хранения вина и сообщения древних авторов свидетельствуют о сравнительно высоком уровне этого вида хозяйства (Гуммель Я. И., 1940а, с. 750; Негруль Л. М., 1960, с. 117). В Шемахе открыты остатки давилен для винограда (см. выше).

Почвы Албании давали возможность получать большой урожай винограда. По сообщению Страбона, «виноградные лозы там (в Албании.— *Дж. Х.*) никогда не окапывают до конца, а только раз в пять лет подрезают. Молодые лозы уже плодоносят на второй год, а достигнув зрелости, дают так много гроздей, что значительную часть их приходится оставлять на ветвях» (Страбон, кн. XI, IV, 3).

Археологические материалы и сведения древних авторов показывают, что в исследуемый период в хозяйстве албанцев немалое место занимало садоводство. Обнаружены остатки фруктов — грецкого ореха, граната, семена айвы, обуглившиеся ягоды маслины; орудия труда садоводов — секачи, ножи. По сведениям Страбона, Албания была богата дикими плодами деревьев, выращенных человеком, и вечнозелеными растениями — здесь росла маслина (Страбон, кн. XI, IV, 4).

Богатые летние и зимние пастбища Албании благоприятствовали развитию здесь другого основного вида хозяйства — скотоводства. Благоприятные ус-

ловия для развития скотоводства отмечены древними авторами (Страбон, Элиан).

Для изучения состояния и масштабов скотоводства в Албании решающее значение имеют археологические материалы. Находки костей и изображений различных животных, сосуды и утварь, связанные со скотоводством, дают основание считать, что скотоводство Албании достигло значительного развития. Археологические материалы и этнографические наблюдения показывают, что эта территория весьма благоприятна для выращивания мелкого рогатого скота. Не последнее место в скотоводстве принадлежало коневодству. Оно имело, помимо хозяйственного, и военное значение. В источниках упоминается, что Албания располагала многочисленной конницей (Страбон, кн. XI, IV, 5).

Таким образом, население Албании в зависимости от природно-климатических условий занималось различными видами хозяйства. В низменной зоне благодаря искусственному орошению основу хозяйства составляло земледелие. В предгорной части преобладало скотоводство. Определенное место в хозяйстве населения имели виноградарство и виноделие, садоводство, огородничество и др.

Важную роль в экономике играло ремесло.

В Албании получили развитие металлургия и металлообработка, ювелирное ремесло, гончарное производство, стеклоделие, обработка камня, кости и дерева, кожевенное ремесло, ткачество и т. д. Богатые сырьевые базы и наличие подсобных материалов для различных ремесел были основными объективными условиями этого развития.

Археологические материалы свидетельствуют, что в числе металлических орудий труда и оружия (табл. LI) широко были распространены изготовленные из железа, которые производились в основном ковкой. Крупные кузнечные мастерские городов Албании удовлетворяли потребность в этих изделиях не только городского населения, но отчасти и сельского. Остатки мастерских по обработке металла зафиксированы в ряде мест.

Албанские кузнецы изготовляли разнообразные орудия труда (лемехи, сошники, секачи, ножи, серпы), оружие (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, боевые вилы), конскую сбрую, различные бытовые предметы и украшения. Ковка не была единственным техническим приемом обработки железа. Албанские мастера для придания своей продукции необходимого вида применяли закалку, заточку, клепку и пайку.

Большого мастерства достигли албанские гончары. Керамические обжигательные печи зафиксированы в Мингечауре. Они делятся на три основные группы: двухъярусные прямоугольные в плане с продольно-поперечной системой жаропроводных каналов; двухъярусные эллипсовидные и прямоугольные в плане с подпорными стенами внутри топочной камеры; круглые печи (Ионе Г. И., 1951, с. 32). Всего на территории Мингечаура найдено 37 разновременных гончарных печей. Печи, обнаруженные в других местах Кавказской Албании, не отличаются от мингечаурских.

Изделия албанских гончаров характеризуются изяществом выделки, крепким и равномерным обжигом, сложными формами и богатой орнаментацией. Основным мотивом орнамента являются геометрические рисунки, нанесенные прямыми, волнистыми, кривыми линиями, насечками, углублениями, кружка́ми, налепами и прочими элементами. В больших городах действовали специальные мастерские, изготовлявшие черепицу и кирпич.

Имеются данные о наличии в городах Албании стеклодельческих мастерских. Сначала было распространено привозное стекло. Затем албаны овладели мастерством изготовления стеклянных изделий и начиная с первых веков изготовляли стеклянные бусы, а приблизительно с начала III в.— стеклянные сосуды. Сравнительно высокого развития в изучаемое время достигло ювелирное искусство. Наряду с привозными ювелирными изделиями широко были распространены изделия местных ювелиров. Албанские мастера применяли почти все известные тогда приемы ювелирных работ — литье по восковой модели, чеканку, штамповку, тиснение и ряд других. Одним из основных ремесел в Албании было и ткачество. Свидетельствами этого являются остатки различных шерстяных, льняных, шелковых тканей из раскопок Мингечаура (Казиев С. М., 1946; Ваидов Р. М., 1961), Шемахи (Халилов Дж. А., 1974б), Ялойлутепе (Исмизаде О. Ш., 1956) и др., а также сообщения древних авторов. Определенное развитие получили здесь деревоотделочное и костерезное ремесла. Обнаружены деревянные миски и фрагменты других изделий (Нариманов И. Г., Асланов Г. М., 1962; Алиев В., 1969). На мисках отчетливо видны концентрические круги, симметричность которых дает основание предполагать, что в деревообделочном ремесле применялся станок с вращающимся устройством. Археологические раскопки дали ручки ножей и кинжалов, изготовленных из кости. Ремесла в Албании не исчерпываются отмеченными. Однако состояние археологических и нарративных источников не дает возможности подробно характеризовать кожевенное, сапожное, портняжное.

Торговля. Экономические предпосылки развития торговли в Албании создавались еще в начале железного века. С середины I тысячелетия до н. э. Албания включилась в международную торговлю (Меликишвили Г. А., 1959, с. 269).

Обнаруженные привозные предметы, клады и отдельные находки привозных монет и монет местного чекана, сведения письменных источников, уровень развития ремесла и других видов хозяйства документируют внутреннюю и внешнюю торговлю Албании. В сельских местах, вероятно, преобладал натуральный обмен. Отдельные области Албании славились своими традиционными товарами. Из Албании, видимо, могли вывозить продукцию сельского хозяйства, рыбные продукты и некоторые ремесленные изделия. В албанском экспорте наряду с готовыми продуктами, вероятно, было и сырье. Взамен вывозимых товаров в Албанию ввозились предметы ювелирного ремесла, бусы, изделия из стекла и пр.

Среди привозных вещей довольно много изделий из стекла. По форме стеклянные сосуды делятся на пять основных групп: бальзамарии, флаконы, бокалы, кувшины и чаши.

Количественно преобладают бальзамарии. Они поступали в основном с Боспора. Предполагается, что флаконы завозили в I в. н. э. из Сирии. Бока-

лы — с кольцевым поддоном — различны по величине и высоте поддона. Все они малоазиатского происхождения. Стеклянные кушины представлены единичными экземплярами. Они изготовлены дутьем, поверхность покрыта врезным орнаментом. Их ближневосточное происхождение не вызывает сомнений. Стеклянные чаши поступали из Сирии.

В целом особенно интенсивная торговля шла с Северным Причерноморьем. Известны следующие торговые пути: дорога, идущая на север по прикаспийской низине, примыкающей к Северному Кавказу; магистраль Кура—Рион и берега Черного моря.

Орудия труда. Применялись каменные, металлические и деревянные. Каменные орудия использовались в различных отраслях хозяйства: жернова, зернотерки, ступки, виноградодавильни, точильные бруски и др. Из металлов для изготовления орудий труда наиболее широко применялось железо. Находки свидетельствуют о применении железных топоров, серпов, секачей, ножей, ножниц, вил, крючков и других изделий. Топоры представлены легкими и тяжелыми видами. Они клиновидной формы. Обушковая часть их молотовидная. Отверстие для черенка треугольное, расширяется в одну сторону. Большое место среди железных орудий занимают серпы различных размеров с деревянной или костяной ручкой. Археологическими находками засвидетельствовано, что в III в. н. э. в Албании появляются железные зубчатые серпы (Казиев С. М., 1962а, табл. XXXIV, *7*; Асланов Г. М., 1963, с. 5). Секачи были различной формы, применялись в садоводстве и полеводстве (для очистки полей от кустов). Самыми распространенными железными орудиями труда являлись ножи различных типов. Не исключено использование некоторых из них и в качестве оружия. Ножи представлены несколькими разновидностями: с остроконечным лезвием, чаще с загибающимся кверху концом, с прямым лезвием. Ручки этих ножей обкладывались деревянными или костяными пластинками. Деревянные ручки не сохранились, костяные имели различные врезные инкрустированные украшения (Асланов Г. М., 1955, с. 67; Халилов Дж. А., 1975, с. 476). Мотивы орнамента различные: часты геометрические фигуры, есть изображение всадника. Среди ножей были распространены серповидные, по всей вероятности, применявшиеся в садоводстве.

Заметное место занимали ножницы (Асланов Г. М., 1963, с. 6; Казиев С. М., 1962а, с. 25). Можно предполагать, что в изучаемое время употреблялись проушные ножницы. Но, может быть, существовали и более примитивные — из двух частей, не соединенных между собой. Ножницы применялись при стрижке шерсти и в портняжничестве.

О ткачестве свидетельствуют пряслица, главным образом керамические, часто биконической формы или приплюснутой шаровидной. Встречаются пряслица, изготовленные из обломков гончарных сосудов.

Оружие. Оружие и военное снаряжение представлены в большом количестве: железные мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, боевые вилы, кольчуги и т. п. Мечи имели несколько разновидностей. Одну составляют узколезвийные, длинные, с заостренными концами, рукоятки с костяными или деревянными обкладками. Лезвие таких мечей обоюдоострое. Ножны были деревянными, обтянутыми кожей (Халилов Дж. А., 1961, с. 46; Асланов Г. М., 1963, с. 7). Другую (немногочисленную) группу мечей составляют сравнительно короткие мечи с кольцевым навершием. Они имеют сарматское происхождение (Казиев С. М., 1962а, табл. XXXV, *1*, *5*).

Еще одной разновидностью являются длинные с широким лезвием железные мечи (Халилов Дж. А., 1974а, с. 30). Длина их достигает более 1 м, ширина лезвия в верхней части 6—8 см. Концы заострены. Судя по сохранившимся остаткам, рукоятки были в деревянных обкладках, ножны также деревянные, обтянутые кожей. Предполагается, что эти мечи находились главным образом на вооружении тяжелой конницы или военачальников.

Кинжалы железные, отличаются от бронзовых предыдущего исторического периода сравнительно коротким и широким лезвием. Они представлены несколькими разновидностями: кинжалы с разъединителем, с односторонним лезвием; без разъединителя — мечевидной формы; кинжалы с очень коротким, почти треугольным клинком и сравнительно длинной ручкой. Рукоятки всех кинжалов, видимо, были деревянными, ножны тоже деревянными и обтянутыми кожей.

Наконечники копий железные, в основном втульчатые, очень длинные, треугольной формы, с выпуклой жилкой по всей длине. Реже встречаются наконечники копий листовидной формы.

Наконечники стрел изготовлялись из кости и железа. Костяные наконечники — трех-четырехгранные, ромбические в сечении. Подобные обнаружены в Мингечауре. Вне территории Албании такие наконечники стрел почти неизвестны. Их следует считать характерными для Албании, особенно для ее северных приморских районов. Железные наконечники стрел трехгранные и трехлопастные, черешковые, отличаются только размерами. По своей форме такие наконечники стрел очень сходны с железными наконечниками стрел из сарматских памятников Северного Кавказа и Поволжья (Смирнов К. Ф., 1951а, с. 259; Анфимов Н. В., 1951, с. 197—198). В некрополе древней Шемахи обнаружены шилообразные утолщенные в средней части наконечники стрел.

На вооружении албанских войск были также четырех-, трех- и двузубые железные боевые вилы (Ионе Г. И., 1955, с. 59, рис. 23, *1—4*; Казиев С. М., 1951, табл. V, *6*).

В составе защитных доспехов албанских войск письменные источники отмечают панцири, щиты, шлемы из звериной кожи (Страбон, кн. XI, IV, 5). Археологические раскопки последних лет выявили бронзовый шлем (Османов Ф. Л., 1972б, с. 71—74) и кольчуги (Халилов Дж. А., 1975, с. 476). Больше четверти албанского войска, по сообщениям древних письменных источников, составляла конница — 60 тыс. пехоты, 22 тыс. конницы (Страбон, кн. XI, IV, *5*). Археологически обнаружены удила, пряжки и другие приспособления конского снаряжения.

Керамика (табл. LII—LVI). Албанская керамика представлена весьма разнообразно. Это бытовые, хозяйственные сосуды и художественно-декоративная посуда. Они изготовлены в основном без приме-

нения гончарного станка, из хорошо отмученной глины, симметрично, с большим мастерством. Реже среди известного керамического материала встречаются экземпляры, формованные на гончарном станке. Керамика древней Албании состоит из нескольких групп. В каждой из них выделяются типы, иногда подтипы.

К первой группе относятся кувшины. Эта группа сосудов по форме делится на четыре типа. Первый тип представлен кувшинами с круглым венчиком. Они характерны для более ранних периодов. В рассматриваемый период, хотя и уменьшается число таких кувшинов, они продолжают бытовать. Эти кувшины имеют шаровидный корпус, трубчатую горловину с воронкообразным венчиком, одну, редко — две ручки, иногда ручки зооморфной формы. Последние характерны для сарматской керамики Северного Кавказа и Поволжья (Смирнов К. Ф., 1951б, с. 263). В Албании они большей частью происходят с северной, смежной с Сарматией территории. Второй тип составляют кувшины со сливом, в основном красного обжига. Встречаются окрашенные красной краской или покрытые беловатым ангобом, расписанные красной краской. Нередки, особенно из смежных с Сарматией районов, кувшины серого или бурого цвета. Сливы кувшинов этой группы по расположению, величине и по форме различны. Встречаются трехлепестковые с коротким или удлиненным сливом венчики. Иногда основание слива имеет сетчатую перегородку. Кувшины этого типа распадаются на два подтипа — с плоским дном и на кольцевом поддоне. Первые более традиционны, они были широко распространены. Им присущи локальные особенности. Так, например, в кувшинах со сливом и плоским дном из Дагестана, особенно из его северных районов, слив имеет не трехлепестковую, а клювообразную удлиненную форму, характерную для сарматских кувшинов Северного Кавказа и Поволжья. Кувшины второго подтипа — на кольцевом поддоне — занимают заметное место среди керамических сосудов из южных и центральных районов Албании. Они появляются на рубеже н. э. Эти кувшины отличаются симметричностью формы и богатством орнаментальных мотивов. Поверхность их лощеная, покрыта красноватой краской или белым ангобом.

Третий тип представлен кувшинами с носиком. Они укладываются в несколько подтипов. Первый подтип включает маленькие кувшины с округлым корпусом, плоским дном, круглым венчиком, с одной ручкой. Трубчатый носик расположен на их корпусе и наклонно поднимается до плечика сосуда. Они характерны для бассейна р. Куры и южных склонов Большого Кавказа (от II в. до н. э. до II в. н. э.). Вторым подтипом являются кувшины средней величины с носиком на плечике и с одной ручкой. Среди них — кувшины с расписной поверхностью. Красной краской сделан орнамент, состоящий из рисунков птиц, животных, деревьев и геометрических фигур. Встречается также орнамент, нанесенный врезными линиями, налепными фигурками и выпуклыми шишечками. Некоторые кувшины имеют кольцевидный поддон. Они характерны для центральных районов Албании. Кувшины, у которых носик соединен с венчиком, составляют третий подтип. Эти кувшины богато орнаментированы налепными пуговками, врезными штрихами и точечками, иногда — рельефным орнаментом. Известны также расписные кувшины этого вида. Часто на верхней половине их поверхности изображен сюжет, выполненный темно-красной краской. Эти кувшины появляются с IV в. до н. э. Четвертый подтип кувшинов с носиком составляют те из них, у которых носик расположен у венчика овальной формы. Поверхность большинства их имеет окраску. Они встречаются в центральных районах Албании и могут считаться для этой зоны локальной разновидностью. Последний подтип составляют кувшины с комбинированной ручкой, являющейся одновременно и носиком. У этих кувшинов полая ручка соединяет плечико сосуда с краем венчика. Подобные сосуды характерны для центральных и северных районов Албании I—III вв. н. э.

Третью группу составляют разнообразные по форме горшки. Являясь основной посудой для приготовления пищи, хранения продуктов питания и других бытовых нужд, горшки в течение почти тысячелетнего периода, начиная с раннего железного века, сохраняли традиционные формы. Горшки албанского периода представлены несколькими разновидностями. К первому подтипу относятся многочисленные горшки с одной или двумя ручками. Орнамент почти отсутствует или очень бедный, состоит из врезных линий, насечек, лепных несложных фигурок. Второй подтип составляют горшки с шарообразным корпусом и несколькими ручками. На плечиках расположены три или четыре петлеобразные ручки и одна, реже — две вертикально поставленные большие ручки, выступающие выше краев венчика сосуда. У некоторых подобных горшков петлеобразные ручки отсутствуют. Поверхность горшков этого подтипа часто окрашена красной краской. Нижние части ручек у соединения завершаются усикообразными налепами и резным орнаментом. Такие кувшины характерны для Ширвана. В других районах они пока не обнаружены, их, видимо, можно считать локальной группой Ширвана.

Четвертую группу бытовых сосудов составляют несколько разновидностей мисок. Наиболее распространенными среди них являются миски в виде срезанного опрокинутого конуса, поверхность некоторых покрыта краской. Верхние края их иногда загибаются внутрь, иногда они вертикальны и образуют кольцеобразный бортик. Встречаются миски с ушкообразными ручками, на кольцевидном поддоне. Поверхность этих мисок лощеная с обеих сторон, иногда покрыта белым ангобом. Другую разновидность мисок составляют более емкие сосуды, известные в Азербайджане под названием «хейрэ». Миски встречаются повсеместно. Только миски с загнутыми вовнутрь краями локализуются в северных районах Албании. Они близки сарматской керамике Поволжья и Прикубанья I—II вв. н. э. (Смирнов К. Ф., 1951б, с. 208).

Пятую группу гончарных сосудов составляют разнообразные чаши. Чаши первого типа — без ручек, имеют форму срезанного опрокинутого конуса. Некоторые из них окрашены красной краской. Чаши второго типа снабжены ручкой. На них встречается орнамент, нанесенный врезными линиями, пуговками, точечными углублениями, насечками. Некоторые чаши этого типа имеют кольцевидный поддон.

Они светлого тона, поверхность их сглажена. Характерны для центральных районов Албании, датируются III—I вв. до н. э.

Третий тип чаш — с вдавленным внутрь дном — как бы имитирует урартские и ахеменидские металлические парадные чаши. Ранние экземпляры этих чаш — более симметричные, с каннелюрами по поверхности. Начиная со II в. до н. э. их форма становится более грубой. Эти чаши — красноглиняные, без каннелюров, некоторые имеют четырехлепестковый верх. В начале н. э. они распространяются и на территории приморского Дагестана, входившего в состав Албании.

Вазы различных видов составляют шестую группу гончарных сосудов. Они на одной или на трех цилиндрических ножках. Прототипы этих ваз выявлены на памятниках середины I тысячелетия до н. э. (Ивановский А. А., 1911, табл. XI, *21*; XII, *7*, *9*; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, табл. 43, *4*, *7*, *9*). Вазы изучаемого периода включают четыре типа (Исмизаде О. Ш., 1956, с. 50, 51). Первый из них датируется III—II вв. до н. э. Это — вазы-тарелки па одной высокой ножке, завершающейся дисковидной опорой, с резким изгибом венчика; локализуются они в центральной части Албании.

Вазы второго типа — округлой формы, на одной ножке, имеют более широкий ареал, охватывают почти всю Албанию, включая приморский Дагестан. Вазы третьего типа — округлой формы, на трех конических ножках, по ареалу совпадают с вазами первой группы. Среди этих ваз имеются экземпляры со сквозными отверстиями на корпусе. Вероятно, они применялись в качестве дуршлагов. Последний, четвертый, типа — вазы-тарелки на трех ножках, они встречаются в центральных и южных районах Албании.

Седьмую группу гончарных сосудов составляют тарелки. Они имеют широкий бортик, плоское дно, иногда снабженное кольцевидным поддоном. Эти тарелки лощеные, некоторые покрыты беловатым ангобом.

Восьмая группа керамических сосудов включает так называемые молочники. Часто они имеют шаровидный корпус, плоское, иногда вдавленное внутрь дно, удлиненный желобчатый слив, верхним концом поднимающийся немного выше краев сосуда, ручку. Некоторые сосуды на кольцевидном поддоне. Ареал их распространения охватывает территорию, расположенную в басейне р. Куры и по южным склонам Большого Кавказа. Они датируются II в. до н. э. и I в. н. э.

Памятники, расположенные на южных склонах Большого Кавказского хребта, дали своеобразные сосуды — с шаровидным корпусом, плоским, иногда низким кольцевидным поддоном. Поверхность их лощеная, чаще покрыта красной краской. Тулово орнаментировано наклонными неглубокими каннелюрами, ручка петлеобразная. Эти миниатюрные сосудики составляют девятую группу керамических сосудов.

Десятая группа — светильники. Все они черного цвета, имеют полушаровидный, открытый сверху корпус. Края верхнего проема загибаются внутрь, трубчатый носик — для фитиля. На боку их расположена ручка. Имеется светильник со специальной подставкой на лентообразных ножках, ладьевидной формы, с желобчатым носиком. Он обнаружен в комплексе III—II вв. до н. э.

Встреченные среди керамического материала многочисленные крышки составляют одиннадцатую группу. Они различные по форме, цвету и орнаментации. Некоторые окрашены красной краской. Имеются крышки тарелкообразной формы с ручкой, расположенной внутри, на краю.

К двенадцатой группе относятся хозяйственные кувшины разного размера. Они красного обжига. Края венчика орнаментированы нарезами, щипками, а корпус — рельефными кручеными или украшенными нарезами поясками.

Тринадцатую группу гончарных сосудов составляют разнообразные фляги. По назначению они делятся на два типа — поясные и вьючные. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, имеют симметричную форму, в основном черепаховидную: одна сторона их выпуклая, другая плоская. У них узкая трубчатая горловина, иногда со сливом. Изредка встречаются фляги с трубчатым носиком. Часто выпуклая сторона фляг орнаментирована. Ареал их распространения охватывает бассейн р. Куры и прилегающие к нему с северо-востока и востока районы предгорной полосы Большого Кавказа. Датируются III в. до н. э.— I в. н. э.

Таким образом, на протяжении всей истории Албании на ее территории не было стабильности в типологии гончарных изделий. Это, видимо, зависело от уровня развития гончарного производства, который в центральных областях Албании был выше, чем на ее окраинах. Традиционные формы сосудов получили свое дальнейшее развитие именно в этих районах.

Украшения (табл. LVII). В качестве украшений использовались браслеты, гривны, кольца, фибулы, булавки, серьги, подвески, пряжки, бляхи, бусы. Браслеты делали из бронзы и железа, реже встречаются золотые и серебряные. Бронзовые браслеты делятся на ручные и ножные. Ножные браслеты более массивные и грубые, на них отсутствует орнаментация, встречаются они в более ранних комплексах. Ручные браслеты отличаются от ножных легкостью и более изящной формой. Они имеют некоторые разновидности. Одну из них составляют браслеты с несомкнутыми, обрубленными концами, другую — браслеты с утолщенными концами, иногда утолщение имеется и в середине. Еще одна разновидность — браслеты с утолщенными концами и вогнутостью в середине. Эти браслеты характерны для центральных районов Албании. Они датируются II—I вв. до н. э. Распространены были браслеты с зарубками на поверхности, с несомкнутыми и сомкнутыми концами, а также браслеты, концы которых спирально заходили один за другой. Они считаются типичными украшениями первых веков н. э. Железные браслеты, как обычно, сохранились в земле очень плохо, во фрагментах, по которым видно, что они изготовлены ковкой из проволоки круглого сечения. Серебряные браслеты редки. По форме они не отличаются от бронзовых. Золотой браслет представлен единственным экземпляром. Вероятно, он привозной. Изготовлен из проволоки круглого сечения, концы обрубленные.

Шейные гривны делали из бронзы и железа. Они характерны для ранних периодов истории Албании. Большое место среди них занимают гривны со сплющенными, спирально свернутыми концами. Иную разновидность составляют шейные гривны с утолщенными, несомкнутыми концами.

Разнообразны перстни. Одна из разновидностей их — бронзовые из тонкой проволоки с круглой линзообразной вставкой. Они относятся ко II—III вв. н. э. Некоторые перстни имеют овальную каменную или стеклянную вставку. Другой вариант — перстни с нарезной поверхностью. На них вставку заменяет ромбовидная пластинка. Выделяются перстни со щитком из проволочной спирали. Они характерны для I—II вв. н. э. Встречаются железные и бронзовые перстни с двумя завитками на концах. Известны золотые привозные перстни, они редки.

Фибулы двух основных групп: арбалетные и фибулы-броши. Они изготовлены из серебра, бронзы и железа. Встречаются раннеримские шарнирные фибулы, фибулы с выступом на конце ножки, с треугольной или круглой спинкой, шарнирные дужковые, с эмалью, сильно профилированные причерноморских типов, лучковые подвязанные. Железные фибулы сохранились плохо. Но можно допустить, что в большинстве случаев они изготовлены на месте по образцам привозных. В целом фибулы, обнаруженные на памятниках Албании, за исключением железных, по происхождению являются римскими.

Фибулы-броши, известные из раскопок памятников Албании, покрытые эмалью, имеют четыре разновидности: дисковидные, ромбические, прямоугольные и трапециевидные. Количественно преобладают дисковидные. Известна также шарнирная фибула-брошь в форме орла. Щиток отлит из бронзы и покрыт тонкой золотой фольгой. Эти фибулы имеют галло-римское происхождение.

Среди украшений много булавок из бронзы и железа. Они различаются между собой по форме головки. Имеются булавки с шарообразными, кубковидными, рогообразными и другими формами головок, они изготовлялись на месте.

Серьги очень разнообразны по форме. Они изготовлены из золота, бронзы, серебра. Иногда они комбинированные, имеют каменные вставки. Встречаются золотые серьги в форме калачика, ладьевидные, подково- и кольцеобразные с подвеской и др. Серебряные серьги также разнообразны по форме: с яйцевидной подвеской и с четырьмя пирамидально расположенными, припаянными снизу шариками. Есть серьги кольцевидные с несомкнутыми концами и с грушевидной подвеской. Бронзовые серьги по форме сходны с серебряными. Подвески выполнены в виде фигурок животных, птиц, бубенчиков, колокольчиков, ажурных шаров и дисков. Подвески, пряжки, бляшки изготовлены, как и другие предметы украшений,— из бронзы, железа, иногда из серебра.

Самым распространенным украшением являются бусы. Они нанизывались в виде ожерелий, ими украшали пояса, обувь, одежду, булавки, серьги, браслеты. Материал для изготовления бус использовался самый разнообразный: глина, сердолик, янтарь, мел, известь, стекло, паста, перламутр, ракушки, кость, металл. Формы бус отличаются большим разнообразием: округлые, усеченно-округлые, ребристые, цилиндрические, ромбовидные, бипирамидальные, конусовидные, зубчатые, эллипсовидные, многогранные. Многие виды бус изготовлялись в самой Албании. Среди импортных преобладали бусы городов Северного Причерноморья.

Погребальные памятники и обряд захоронения. Исследуемый период истории Албании характеризуется разнотипностью погребальных памятников. Установлено восемь типов погребений: грунтовые, ямные, ванночные, кувшинные, сырцовые, срубные, катакомбные, погребения в каменных ящиках. Встречаются и различные локальные варианты этих памятников. Многотипность погребальных памятников, вероятно, можно связать с исходной многоэтничностью Албании. В частности, Страбон пишет о том, что в Албании жило 26 этнических общностей, говоривших на различных языках (Страбон, кн. XI, IV, 6). Однако, несмотря на резкие различия погребальных обрядов Албании, они имеют много общего в инвентаре и в ряде деталей самого обряда погребения. Почти во всех погребениях (за очень редким исключением) захоронения одиночные, на правом или левом боку в скорченном положении, ориентация их произвольная. Все это заставляет думать о близости материальной культуры и идеологии различных племен Албании. Разные типы погребальных памятников часто встречаются одновременно на одной территории, иногда даже на одном могильном поле. Это, возможно, объясняется тем, что в крупных центрах жило разноплеменное население. Близость религиозных представлений способствовала тому, что люди хоронили своих покойников на одном могильном поле.

Грунтовые погребения имеют некоторые разновидности. Одну из них составляют грунтовые ямы четырехугольной или овальной формы без перекрытия и наземных признаков. Эти погребения характерны для центральных районов Албании. Другая разновидность — грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами четырехугольной формы. Такие погребения зафиксированы и исследованы на южных склонах Большого Кавказского хребта. В приморской части Албании и в Дагестане исследованы и другие варианты грунтовых погребений. Они обложены камнями и плитами, имели каменные ограды, погребальные камеры покрывались камнями. Встречаются грунтовые погребения, частично обложенные камнями. Здесь также преобладают грунтовые погребения без перекрытий (Крупнов Е. И., 1951; Смирнов К. Ф., 1951 а, б; 1961).

Ямные погребения Албании пока исследованы только на могильном поле древней Шемахи. Они представлены десятками памятников. По форме — это расширяющиеся книзу овальные или круглые в плане ямы различного размера. Во всех погребениях костяк расположен на дне могильной ямы, устланном обломками различных сосудов. Иногда костяк лежит без подстила. Ямные погребения локализируются в зоне Шемахи и считаются характерными памятниками этой зоны; датируются последней четвертью I тысячелетия до н. э. (Халилов Дж. А., 1962а).

Кувшинные погребения по своей распространенности и количеству известных захоронений занимают второе место среди погребальных памятников Албании. Этот обряд территориально распространен очень широко и охватывает большой отрезок времени. Погребения этого типа зафиксированы по обоим берегам р. Куры, в Ширванской и Мильской степях, в южных и юго-западных районах зоны Большого Кавказского хребта. Для погребения служили различные по форме и размерам кувшины хозяйственного назначения или сосуды, специально приготовленные для этой цели. Для погребения детей использовались различные бытовые сосуды. В кувшинах обычны одиночные захоронения, редко — парные. Погребальные кувшины всегда располагались в могильной яме в горизонтальном положении. Ориентация погребальных кувшинов и могильной ямы неустойчивая, хотя на отдельных могильных полях отмечается стабильная ориентация — северо-запад, юго-восток с небольшими отклонениями (Ваидов Р. М., 1965, с. 99). Погребальные кувшины располагались на различных глубинах. Для укладки покойника отламывали венчик и верхнюю часть кувшина. После того как укладывались покойник и часть инвентаря, приставляли отломанные куски кувшина. Горло его прикрывалось плоским камнем или большими кусками керамики. Вокруг кувшина устанавливали остальную часть могильного инвентаря и без перекрытия засыпали землей. Кувшинные погребения Албании датируются временем от IV в. до н. э. по VII в. н. э. Можно думать, что этот обряд захоронения пришел в Албанию с юга.

Синхронными с кувшинными являются ванночные погребения. Они зафиксированы в центральных областях Албании (Османов Ф. Л., 1964). Погребальные ванны красновато-бурого обжига, прямоугольной или овальной формы. Некоторые погребальные ванны имеют ручки, прикрепленные снаружи, с боков. Скелет в ваннах находился на левом боку в сильно скорченном положении. Яма после установления погребального инвентаря без перекрытия засыпалась землей. Аналогичные ванночные погребения вне территории Албании исследованы в Иране (Schmidt F., 1957, с. 117 и сл.). Почти по всем деталям они сходны с албанскими. Тот факт, что этот обряд на территории Албании зафиксирован только в одном районе, заставляет предполагать, что, вероятно, он был свойствен одной из определенных этнических групп.

Следующую разновидность погребальных памятников Албании составляют срубные погребения. Они обнаружены только в Мингечауре. Для сруба рыли четырехугольную яму. Его сооружали из бревен дерева местной породы — арчана (можжевельника). В срубах чаще всего парные, в редких случаях — одиночные захоронения (Казиев С. М., 1949, с. 39—40; Асланов Г. М., 1962, с. 137—146). Погребенные — в скорченном положении, на левом или правом боку, лицом к лицу, головами в основном на юго-восток. Встречались парные захоронения, в которых покойники помещались на одном и том же боку. В срубах обнаружены также сидячие костяки (Асланов Г. М., 1962, с. 38—143).

Обычно сруб занимал часть могильной ямы. На остальной части помещался инвентарь. Срубы покрывали обработанными бревнами без крепления. Иногда на крышах сруба располагали инвентарь. После этого могильная яма покрывалась толстыми бревнами, уложенными в один ряд, концы которых опирались на ступеньки на продольных стенах могильной ямы. Сверху эти бревна засыпали землей. В срубных погребениях обнаружен сравнительно богатый инвентарь, но имеются погребения с бедным инвентарем. Эти погребения датируются I—IV вв. Нахождение их в одном районе и малое количество исследованных могил затрудняют решение вопроса о происхождении и локализации срубных погребений Албании.

В начале н. э. в Албании появляется новый тип погребального сооружения — захоронения в катакомбах. Они в основном исследованы в Мингечауре, Казахском, Куткашенском, Кахском районах, но встречаются и в других местах (Асланов Г. М., 1955; 1961; 1962; Казиев С. М., 1953; 1964; Алиев В., 1969). Некоторые поздние катакомбные погребения обнаружены и в приморском Дагестане — Паласасырте (Котович В. Г., 1959, с. 148—156). Катакомбные погребения Албании по своим хронологическо-типовым признакам делятся на две группы — ранние и поздние. Ранние относятся к исследуемому периоду. Катакомбные погребения обеих групп имеют сходные камеры — куполообразные, сводчатые, эллипсовидные или круглые в плане. Различаются они по положению костяков и могильному инвентарю. Катакомбы раннего периода — однокамерные. В редких случаях имеют две камеры, расположенные на концах входной траншеи. В ранних катакомбах засвидетельствованы в основном одиночные захоронения, редко — парные или коллективные. В катакомбах с одиночными захоронениями погребенный часто располагался в кувшине или в деревянном срубе, что, вероятно, является пережитком более древних местных обрядов погребения. Катакомбные погребения имели специальные входные проемы, которые закрывались кладкой из булыги или сырцовых кирпичей. Среди ранних катакомбных погребений есть такие, в которых покойники уложены на полу камеры или на деревянном настиле. Все они датируются I—IV вв. (Асланов Г. М., 1962, с. 145). Об этнической принадлежности населения, использовавшего катакомбные погребения, существует ряд гипотез. По одной из них, катакомбы Мингечаура принадлежат албанам (Асланов Г. М., 1962, с. 145). Другая группа исследователей предполагает, что появление катакомбных погребений на территории Албании связано с проникновением в среду албан иных этнических элементов (Нариманов И. Г., Асланов Г. М., 1962, с. 226; Алиев В., 1969, с. 61). В последнее время выдвинуто мнение о том, что «нет никаких оснований отрывать мингечаурских катакомбников от общей массы северокавказских алан и считать мингечаурские катакомбы погребениями местных племен» (Алиев И. Г., Асланов Г. М., 1971, с. 193). Однако необходимо отметить, что эти погребения и их инвентарь связаны не только с сармато-аланскими племенами. Вероятнее всего, первоначально обряд захоронения в катакомбах привнесен извне, видимо, с юга, затем он был принят аборигенным населением. Одним из доказательств этого является наличие в камерах катакомб захоронений

в кувшинах и в срубах. Эти захоронения не отличаются от подобных погребений вне катакомб ни по обряду, ни по инвентарю. Что касается наличия в инвентаре катакомб отдельных предметов привозного характера, то они есть и в других памятниках этого периода. Все это подкрепляет мнение о симбиозном характере катакомбных погребений на территории Албании.

Сырцовые гробницы представляют следующую разновидность погребальных сооружений Албании. Они исследованы в двух пунктах — в Ханларском районе, около г. Кировабад, и у с. Джафархан Сабирабадского района, в Муганской степи (Гуммель Я. И., 1940а, с. 145; 1940б, с. 292—297; Алиев К., 1973; Пассек Т. С., 1946). Сырцовые гробницы обычно расположены группами. Погребальные камеры из сырцовых кирпичей устроены в грунтовых ямах, все сооружения камер вместе с их крышами ниже дневной поверхности. Кирпичи разных размеров. Сами камеры имеют 18 вариантов, их перекрытия — 7. Над гробницами возвышается небольшая насыпь, иногда гробницы впущены в насыпь более древних курганов. Погребальная камера имела сравнительно небольшие размеры, в среднем около 1,65×1,8×1,9 м. В ориентации сырцовых гробниц не наблюдается стабильности, однако преобладает ориентация восток—запад. Все погребения содержат по одному костяку, за исключением одного с парным захоронением в сидячем положении (ОАК, 1903, с. 95). В остальных костяки лежат на спине в вытянутом положении, реже — в скорченном, на правом или левом боку, с подтянутыми ногами. Голова обычно в восточной части гробницы, руки в большинстве случаев скрещены в области живота. В каждой могиле найден кусочек древесного угля. Рядом с погребенным находился керамический сосуд красно-желтого цвета, горлышко которого плотно прикрывалось чашечкой. Инвентарь сырцовых гробниц беден и аналогичен вещам из других синхронных памятников Албании. Время бытования сырцовых гробниц можно определить рубежом н. э. Этническую принадлежность погребенных в этих гробницах на основании наличного материала определить трудно.

Последнюю разновидность погребальных сооружений Албании составляют каменные ящики. Они известны на территории Дагестана (Карабудахкентские могильники 1 и 3) (Смирнов К. Ф., 1961). Каменные ящики — удлиненные прямоугольные в плане камеры, ориентированные в основном длинной осью северо-запад—юго-восток, сложенные из подтесанных камней, перекрытых такими же камнями. В них зафиксированы коллективные захоронения в вытянутом положении (Смирнов К. Ф., 1961, с. 217).

Анализ погребальных памятников и обнаруженного в них инвентаря позволяет предполагать, что в Албании жили различные, но близкие по материальной культуре и родственные общности людей. Несмотря на отличия в обрядах захоронения, элементы материальной культуры сходны. Лишь в некоторых областях Албании устанавливаются отдельные локальные черты, а в окраинных районах — взаимное влияние соседних культур.

Предметы искусства (табл. LVIII—LX). Ярким примером декоративного искусства Албании является художественная керамика. Древние гончары при изготовлении сосудов не только стремились сделать их наиболее удобными функционально, но и украшали их, придавали некоторым антропоморфные или зооморфные формы, изготовляли различные фигурные сосуды (Рзаев Н. И., 1961; 1964; 1976; Голубкина Т. И., 1951). Среди этого керамического материала первостепенное значение имеют антропоморфные и зооморфные сосуды. Сосуды эти уникальны, почти нет случаев, чтобы они повторялись. Изготовление зооморфных сосудов в Албании имеет древние традиции (Ивановский А. А., 1911, табл. XI, *17*; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, табл. XXXVII, *8*, *11*; Голубкина Т. И., 1951, с. 107; Нариманов И. Г., Халилов Дж. А., 1962). Зооморфные сосуды представлены двумя типами: в форме животных и птиц и с отдельными зооморфными элементами. Сосуды в виде козла, оленя, быка, петуха, голубя имеют своеобразную, художественно законченную форму, они получили наиболее широкое распространение в центральных областях Албании. Сосуды с зооморфными ручками, носиками и другими деталями представлены в северных районах Албании, включая и приморский Дагестан. Исследователи считают это результатом влияний сарматской культуры Прикубанья и Приволжья (Смирнов К. Ф., 1951а, с. 263), что, вероятно, закономерно. В керамике, характерной для центральных областей Албании, прослеживается развитие зооморфных элементов древней местной традиции. Антропоморфные сосуды найдены только при раскопках древней Шемахи. Они делятся на два вида. Первый из них — антропоморфные кувшины красного или черного обжига. Верхняя часть выполнена в виде головы человека, реалистично изображены уши, нос, глаза, ожерелье и другие детали. Известны еще керамические сосуды с отдельными антропоморфными элементами (второй вид подобной керамики), а также с ручками, завершающимися изваянной человеческой фигурой.

Третий тип фигурной керамики — терракоты, изображающие людей и животных. Они были распространены по всей территории Албании. Они, в общем, очень условны. Керамические статуэтки людей в основном изображают обнаженных женщин (богиня плодородия), изредка в одежде. Керамические статуэтки животных по выделке грубее. Однако и в них даны все характерные признаки изображаемых животных, например вьючных (Халилов Дж. А., 1962а, рис. 4). Назначение такого рода терракот, видимо, было культовым и декоративно-прикладным.

Известны сделанные из камня статуи. В центральных районах Албании обнаружен ряд образцов этого вида искусства (более 20). Изображались мужчины и женщины (Ямпольский З. И., 1955; Ашурбейли С. В., 1956, с. 87; Халилов Дж. А., 1960б; 1962а, с. 219, рис. 7; 1965а). У многих статуй отсутствуют головы. Большинство изваяний сделано из известняка, черты лица и тела даны условно. Имеются статуи, близкие по размерам естественным пропорциям человека (иногда крупнее натуральных размеров), но они, к сожалению, без голов. Хорошо переданы руки — всегда одним и тем же образом:

правая на левой груди, левая опущена, кисть ее на правом боку или же чаще левая рука на груди в области сердца, правая на животе. Назначение этих изваяний из-за их малочисленности трудно определить точно. Однако в письменных источниках имеются сведения о бытовании в Албании статуй богов и предков (Каганкатваци М., 1893, с. 70; Хоренаци М., 1893). Вероятно, исследуемые статуи также имели культовый характер. Подобные статуи были широко распространены и существовали веками. В частности, близкие к албанским статуи обнаружены в Армении. Они датируются V в. до н. э.— III в. н. э.

Ваятели древней Албании создавали не только большие статуи, но также и более мелкие, однако более совершенные по технике исполнения. К числу их можно отнести кубковидный предмет из мягкого белого известняка, обнаруженный при раскопках Шемахи (Халилов Дж. А., 1974а, с. 251—257). Он имеет колоколовидный полый корпус. Поверхность покрыта сплошным врезным орнаментом. Внизу на полосе, окаймленной врезными косыми и ломаными линиями, изображены следующие друг за другом животные, среди которых выделяются олени (традиционный мотив, характерный для раннего железного века Албании,— Халилов Дж. А., 1962б, с. 76 и сл.). В верхней части кубка горельефно изображены три головки — мужчины, женщины и собаки.

Среди археологических находок немало небольших скульптурных бронзовых изделий: фигурки животных, птиц, редко — людей. Албанским мастерам изобразительного искусства не чужда была и резьба по камню. Найдено несколько каменных печатей местного производства. На рабочей поверхности их выгравированы сюжеты, заимствованные из быта и мифологии соседних стран. Для создания предметов искусства албанские мастера использовали кость и дерево. На костяных накладках ручек ножей встречаются, в частности, изображения всадников.

Нумизматический материал. В процессе археологических раскопок и случайных земляных работ на территории Албании обнаружены клады монет и отдельные монеты, чеканенные в эллинистических государствах, Риме, а также монеты местной, албанской, чеканки. Вопреки сообщению Страбона о том, что албаны «по большей части не употребляют монет» (Страбон, кн. XI, IV, 4), выявленные нумизматические материалы свидетельствуют о довольно широком обращении их.

Начиная с конца IV в. до н. э. в Албанию проникают привозные монеты (обнаружены тетрадрахмы и драхмы Александра Македонского) (Пахомов Е. А., 1938, с. 9).

Клады монет, обнаруженные на территории Албании, часто имеют смешанный характер и иногда содержат монеты местной чеканки. В составе такого клада из Шемахи были монеты от IV в. до н. э. до I в. до н. э., чеканенные в различных странах. Кроме того, здесь встречено более 70 экз. монет местного чекана — подражаний селевкидским и македонским драхмам (Пахомов Е. А., 1962, с. 109; 1966, с. 19—21). На основании младшей монеты в составе клада его можно определить серединой I в. до н. э.

Другой смешанный клад обнаружен вблизи городища Кабала. Он содержал драхмы Александра Македонского, тетрадрахмы Лисимаха, нескольких царей династии Селевкидов, греко-бактрийские тетрадрахмы Диодота I и Евкратида, драхмы парфянских Аршакидов (II в. до н. э.) и местные албанские подражания тетрадрахмам и драхмам Александра Македонского. Зарыт клад, видимо, в последней четверти II в. до н. э. (Бабаев И. А., Казиев С. М., 1971, с. 17: Казиев С. М., Бабаев И. А., 1968, с. 319).

Еще один клад, содержащий только 36 монет местной чеканки, обнаружен в одном из погребений на могильнике Нюди Ахсуинского района Азербайджанской ССР (Османов Ф Л. и др., 1973, с. 13).

В первой половине I в. до н. э. к местным подражаниям, селевкидскими и аршакидским монетам на денежном рынке Албании добавляются римские денарии эпохи республики. За исключением одного небольшого клада, содержащего 12 денариев Октавиана Августа, из Тазакентского городища в Ждановском районе Азербайджанской ССР (Пахомов Е. А., 1957, с. 23), они известны в одиночных находках в составе могильного инвентаря (Пахомов Е. А., 1939, с. 28 и сл.).

Видимо, на протяжении III—II вв. до н. э. начинается чеканка местной монеты в Албании (Дадашева С. А., 1980, с. 121 сл.), что является свидетельством высокого уровня развития товарно-денежных отношений.

Глиптика (табл. LXI). Пинтадеры (как особый род печатей) были известны здесь еще в начале I тысячелетия до н. э. В середине и второй половине I тысячелетия до н. э. в связи с углублением имущественной дифференциации, развитием частной собственности и расширением культурно-экономических связей увеличилась потребность в настоящих печатях. Со второй половины I тысячелетия до н. э. в Албании получают распространение цельнолитые металлические печати-перстни, аналогичные перстням-печатям античного мира и ахеменидского Ирана (Бабаев И. А., 1965). На печатях изображены борьба человека с хищниками, различные бытовые и религиозные сцены, фантастические существа, реальные животные (Асланов Г. М., Бабаев И. А., 1969, с. 45). Пока трудно установить точное место производства этих предметов. Своеобразная резьба и другие элементы позволяют предположить, что среди них имеется продукция местных мастеров (Асланов Г. М., Бабаев И. А., 1969, с. 98). Наряду с цельнолитыми металлическими печатями в IV—III вв. до н. э. в Албании использовались и другие виды глиптики — привозные каменные скарабеи, местные скарабеоиды и стеклянные многогранные печати. На них схематически выгравированы различные сюжеты. На стеклянных многогранниках изображены сцены борьбы всадника с кентавром, конная охота на людей, грифон. Такие многогранники в большом количестве обнаружены и в Иберии. Установлено, что они были изготовлены здесь по оригиналам, привезенным из Малой Азии (Максимова М. И., 1941; Лордкипанидзе М. Н., 1963, с. 134—154). Мингечаурские многогранники тоже считаются продукцией иберийских мастеров (Бабаев И. А., 1965, с. 128—133). В последующие

века находки булл в слоях эллинистического времени Кабалы и Шемахи свидетельствуют о широком употреблении печатей. Оттиски на некоторых буллах нанесены привозными из эллинистических стран печатями. В связи с походами римских войск на Кавказ под предводительством Лукулла и Помпея в 69—65 гг. до н. э. сюда начинается широкий приток произведений античной глиптики. В это время, по предположению исследователей, геммы с античными сюжетами изготовлялись и на месте — в Албании, однако отделить их от привозных пока невозможно (Бабаев И. А., 1965, с. 7). На античных геммах римской эпохи обычно изображены боги античного пантеона, предметы культа, символические сцены и т. д. К особой категории памятников глиптики относятся литики с изображением рукопожатия, найденные в Кировабаде и Мингечауре. В римское время перстни с таким сюжетом служили обручальными кольцами (Максимова М. Н., 1941, с. 230 и сл.).

На бронзовом перстне из Мингечаура имеется неясная греческая надпись из шести букв, не поддающаяся чтению. На местных предметах глиптики чаще всего были изображены различные животные. Завоз римских гемм в Албанию прекращается в III—IV вв.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство печатей из памятников Албании исследуемого времени использовались при скреплении документов, опечатывании дверей кладовых и других помещений, наполненных сосудов, тюков. Об этом свидетельствуют десятки булл с оттисками печатей, выявленные при раскопках Кабалы.

Эпиграфические памятники той поры представлены двумя надписями. Одна из них — на древнегреческом языке из с. Беюкдегия Шекинского района является, вероятно, строительной, другая — на латинском языке — выявлена в Гобустане в районе горы Беюкдаш на нижней террасе. Надпись эта состоит из шести строк и документирует пребывание здесь центурии XII легиона во время императора Домициана (81—96 гг.) (Джафарзаде И. М., 1973, с. 265).

* * *

Можно полагать, что со второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кавказской Албании усиливается процесс классообразования, завершавшийся, видимо, во II в. до н. э. возникновением государства (Тревер К. В., 1959, с. 144). Важную роль в жизни древней Албании играли храмы (Ямпольский З. И., 1962).

В изучаемое время на всей территории Албании на базе древних местных традиций сложилась однородная культура, имеющая локальные варианты, в частности в погребальном обряде. Таким образом, мнение о существовании двух самостоятельных археологических культур — ялойлутепинской и культуры кувшинных погребений,— видимо, сейчас должно быть пересмотрено. Некоторое влияние на формирование этих локальных черт культуры оказали и связи населения разных частей Албании с соседними государствами Закавказья и Северного Кавказа.

Атропатена

В ходе греко-македонского завоевания в конце IV в. до н. э. происходят значительные изменения на политической карте Востока. Одним из них было создание особого политического образования — Мидии Атропатены, правителем которой стал Атропат, бывший сатрап Мидии при последних Ахеменидах (Дьяконов М. М., 1961, с. 162). Основным территориальным ядром этого государства являлись области современного Южного (иранского) Азербайджана. Политическая история Атропатены выяснена еще недостаточно. Она попала в зависимость от более сильных соседей — Селевкидов, Парфии, Армении, однако сохраняла свою самобытность (Алиев И. Г., 1961; Дьяконов М. М., 1961; Кошеленко Г. А., 1966; Сумбатзаде А. С., 1978). Частью Атропатены являлись области Каспиана (Ямпольский З. И., 1971а; 1974а), занимавшая территорию Мильско-Муганской степи, и Босорпед, занимавшая территорию современной Нахичеванской АССР. Начиная с рубежа н. э., Каспиана включается в состав Албании (иная точка зрения — Новосельцев А. П., 1980) (см. рис. 6).

Объектом рассмотрения в данной главе являются археологические памятники античной эпохи южной части Азербайджанской ССР, т. е. памятники исторической области Каспианы. Поскольку этот район археологически изучен еще недостаточно, мы вынуждены (в той или иной степени) привлекать данные раскопок памятников Южного Азербайджана — основной территории Атропатены, хотя степень изученности последних также незначительна. В результате археологических разведок на данной территории выявлено несколько десятков памятников: Каратепе, Каракепектепе, Каракебер, Тазакент в Мильской и несколько поселений в Муганской степи и в Талыше, Огланкала и другие в Нахичевани, Кале-Зохак, крепость Бурунна, Тепе-Тазакент, Кале-Зарин-Кух, Кале-Чахмаглы, крепость Реваз, Гасанлу — в южном Азербайджане (табл. LXII).

Для равнинных районов характерны сравнительно небольшие поселения (частью без укреплений) и укрепленные городища на возвышенностях, в горной полосе большинство поселений располагается на естественно защищенных горных грядах, в легко доступных местах устраиваются крепостные стены и башни из бутовой кладки без скрепляющего раствора (так называемая циклопическая кладка).

Масштаб проведенных археологических раскопок в настоящее время не позволяет подробно выяснить большинство вопросов, связанных с классификацией, топографией, планировкой этих поселений.

Тазакентское городище (в Мильской степи) расположено на двух окруженных рвами холмах. Во время разведочных археологических исследований выявлены каменные базы колонн (Щеблыкин И. П., 1946, с. 228; Иессен А. А., 1965, с. 33), которые свидетельствуют о том, что здесь находилось какое-то крупное здание. Отсюда же происходят римские денарии императора Августа (Иессен А. А., 1965, с. 33). В культурном слое мощностью 3,5 м обнаружен в основном керамический материал IV в. до н. э.— I в. н. э. Это городище отождествляется с Пайтакараном (Иессен А. А., 1965, с. 34). Другое

городище в Мильской степи, Галатепе, дало аналогичную картину. У подножия холма, на котором были остатки многослойного поселения, зафиксированы ров и вал (Османов Ф. Л., 1975а, с. 22).

Единственное исследованное городище горной части — Кале-Зохак, в ущелье р. Карангу. Общая протяженность застройки — 1 км в направлении север—юг. Крепостные стены были выполнены в бутовой кладке без скрепляющего раствора, имелись маленькие полукруглые и большие круглые башни (Kleiss W., 1973, с. 164, 166). Крепостные стены не раз подвергались перестройке и переделке, так как крепость существовала до раннеисламского периода. Разведками выявлены остатки строений, сложенных из камня на растворе. Здесь обнаружено большое количество керамики парфянского времени (Kleiss W., 1973, с. 168). В крепости за воротами, расположенными в северной части, обнаружены изолированно стоящие здания из бутовой кладки. На плато, отделенном крутыми расщелинами, выявлены остатки дворца (Kleiss W., 1973, с. 169). Здесь возвышается, в частности, павильон, соединенный с другими помещениями террасой. Он расположен над обрывом. Это квадратное (5,9×5,8 м) помещение, перекрытое сводом, высота его 9,4 м. С обеих сторон стены его оштукатурены. Свод опирается на арки. На штукатурке выявлены остатки красной краски. В некоторых местах имеются изображения женских головок, меандровый орнамент. Павильон завершается трехступенчатыми мерлонами. Некоторые детали Кале-Зохака находят аналогию в римской архитектуре (Kleiss W., 1973, с. 174). Арочный павильон Кале-Зохака считается парфянским (дата — приблизительно I в. н. э.— Kleiss W., 1973, с. 175), предполагается не культовое, а светское его назначение.

Юго-восточнее павильона находятся остатки здания, сооруженного из тесаного камня. Там были обнаружены капитель, фрагменты арки с зубчатой резьбой и известковая капитель пилястра, фрагмент глиняной черепицы. На поверхности также собраны фрагменты керамики, кувшин, глазурованный светлой бирюзой. Кале-Зохак отождествляют с Птолемеевской Фрааспой (Птолемей, VI, 2; Minorsky V., 1944, с. 261; Kleiss W., 1973, с. 186).

Видимо, близки этому памятнику сооружения Кале-Орлу в западной части Южного Азербайджана, южнее р. Аракс, около горы Хой в Южном Азербайджане, Лейлан на юго-восточном берегу Урмийского озера, хотя они более «провинциальны» (Kleiss W., 1973, с. 174).

Имеющийся в распоряжении исследователей керамический материал дает возможность констатировать развитие керамического производства в Атропатене. Великолепные гончарные сосуды из кувшинных погребений Мильской степи (Османов Ф. Л., Ахвердиев Р. Ш., 1975, с. 424), Талыша, Мугани (Пассек Т. С., 1946, с. 169—188), Нахичевани свидетельствуют о мастерстве гончаров Атропатены.

Керамика в основном происходит из памятников северных областей Атропатены, т. е. южной части Советского Азербайджана. Зафиксированы следующие формы: кувшины, горшки, миски и другие разновидности глиняных сосудов. Они изготовлены из хорошо отмученной, без примесей глины. Обжиг — розовый, серый, иногда черный. Поверхность (особенно черных сосудов) сглажена до зеркального блеска. Часто встречаются сосуды, орнаментированные красной окраской в виде треугольников, полосок, черточек и т. д., кувшины светло-розового обжига с трубчатой круглой горловиной или трехлепестковым венчиком, кувшины серого цвета. Некоторые расписаны красной краской. Имеются кувшины с врезным, вдавленным и лепным орнаментами. Миски разнообразные — в виде опрокинутого конуса с вогнутыми внутрь краями или завершающегося вертикальным венчиком. Они розового серого или черного обжига. Некоторые покрыты тонким слоем беловатого ангоба. Стены тонкие. Есть экземпляры, имеющие горизонтально прикрепленную на край венчика небольшую ручку. Орнамент расписан красной краской или врезной, иногда нанесенный снаружи и изнутри. Встречаются также тонкостенные пиалы и чаши. Пиалы черного и розового обжига, по форме не отличаются от мисок, но по размеру меньше. Чаши розового обжига, стенки от дна кверху расширяются. Дно чаш вдавлено внутрь. Они имитируют ахеменидские парадные металлические чаши. Немало горшков с одной или двумя ручками. Имеются также миниатюрные шаровидные сосуды с петлеобразными тремя ручками на плечике и одной вертикальной дугообразной выступающей с краев венчика, кувшины с одной ручкой и комбинированной ручкой-носиком, фляги и т. д.

Незначительность проведенных раскопок и в связи с этим отсутствие фактического материала затрудняют описание быта, одежды и украшений атропатенцев. Известны несколько браслетов (Алиев В. Г., 1976, с. 79, 81; Османов Ф. Л., 1975а, с. 109), колечко (Османов Ф. Л., 1975а, с. 109) и т. д.

Погребальные памятники и обряд захоронения атропатенцев в некоторой степени можно характеризовать исследованными в северных областях Атропатены кувшинными погребениями. Другие виды погребальных памятников пока не выявлены.

Кувшинные погребения исследованы в Мильской (Алекперов А. К., 1960, с. 30—44), Муганской (Пассек Т. С., 1946, с. 169—188) степях, в Ленкорано-Талышской зоне (Азимбеков И., 1926, с. 74—75; Османов Ф. Л., 1973, с. 73—77; 1975а, с. 106—110) и Нахичеванской АССР (Алиев В. Г., 1976, с. 73—84).

Кувшинные погребения охватывают большой промежуток времени, приблизительно от середины I тысячелетия до н. э. по IV в. н. э. Кувшинные погребения не имеют наземных признаков. Все погребения содержат одиночное захоронение в скорченном положении, на левом или правом боку, головой к горловине. Мелкий инвентарь и украшения положены в кувшин, а остальные установлены в могильной яме вокруг него. Могильная яма без предварительного перекрытия засыпалась землей. Самыми ранними являются кувшинные погребения, раскопанные в Агджабединском районе (Мильской степи), предварительно датированные VI—III вв. до н. э. (Османов Ф. Л., Ахвердиев Р. Ш., 1975, с. 474).

В Атропатене обращались монеты, чеканенные парфянскими царями (монеты Готарза, Вологеза II), а также римские монеты-денарии императора Августа (Иессен А. А., 1965, с. 33).

Заключение

Рассматриваемый в настоящем томе период в истории стран закавказского региона имеет особое значение, поскольку именно в это время здесь завершается эпоха первобытнообщинного строя и происходит становление и развитие классового общества и государственности. Археологические материалы, собранные и обработанные авторами первой части тома, помогают понять этот процесс. Общеизвестны те сложные проблемы, которые связаны с историко-социологической интерпретацией данных археологии, особенно для переходных периодов. Однако, учитывая крайнюю недостаточность письменных источников для всего этого региона (и особенно для ранних этапов истории), мы вынуждены обращаться в первую очередь к археологии. Естественно, что целый ряд выводов, к которым приходят авторы на основе анализа этой категории источников, может быть оспорен.

Начало I тысячелетия до н. э. было одним из самых важных рубежей в истории народов Закавказья (как и всего Переднего Востока). Значение его определялось тем, что именно в это время совершается один из важнейших переворотов в развитии производительных сил — осваивается и постепенно распространяется железная металлургия. Закавказье входило в зону древнейших центров освоения железа, и в значительной мере (помимо наличия пригодных для переработки железных руд) быстрый прогресс производства железных орудий труда и оружия объяснялся успехами бронзовой металлургии предшествующего времени.

Широкое распространение железных изделий обеспечивало резкое повышение производительности труда человека и тем самым создавало возможности для дальнейшего социально-экономического прогресса, нашедшего свое выражение в рождении и реализации в Закавказье того времени предпосылок для качественного скачка — перехода от первобытнообщинного строя к классовому и к государственности.

Процесс классообразования и становления государства в каждом регионе и в каждой отдельно взятой стране имеет свои специфические особенности и свой особый темп развития, зависящий от большого числа факторов. В данной работе, естественно, нет возможности детально исследовать ход этого процесса в Закавказье. Мы хотели бы только отметить некоторые важные особенности его в данном регионе, помогающие понять общие исторические закономерности.

Основной предпосылкой разложения первобытнообщинного строя и формирования классов служит появление у данного общества регулярного и значительного по масштабам прибавочного продукта. Первый шаг в этом направлении делается в рамках так называемой неолитической революции, т. е. в условиях перехода от присваивающей к производящей экономике. Дальнейшее движение совершается при освоении металла. Однако характер природного окружения общества — тот фактор, который определяет темп становления классов и государственности. В древнейших цивилизациях Ближнего Востока возможность обеспечения регулярного и значительного прибавочного продукта, необходимого для формирования классового общества, создавалась уже в эпоху энеолита (древнейшие общества Междуречья, Египта). С освоением бронзы резко расширилась зона, где происходил этот процесс,— за счет стран с менее благоприятными природными условиями (например, некоторых областей Малой Азии). Наконец, появление железных орудий труда обеспечило начало процесса классообразования еще в целом ряде районов с наименее благоприятными условиями, таких, например, как лесная часть Европы. К числу последних относилось и Закавказье, где возникновение классового общества и государственности становится возможным только после освоения железа и широкого распространения железных орудий труда.

Другое обстоятельство, которое привлекает внимание,— это время перехода от доклассового общества к классовому внутри рассматриваемого региона. Впервые данный переход совершается в южном Закавказье; видимо, несколько позднее — в западном и, наконец, в восточном. Такое развитие процесса определяется, как нам кажется, степенью близости первобытной периферии к уже сформировавшимся зонам государственности. Этот вопрос чрезвычайно сложен и в зависимости от ряда обстоятельств может иметь различный характер. Одна из наиболее вероятных возможностей, как мы отметили,— ускорение развития таких областей под влиянием уже существующих государств. Само становление государственности в центральной зоне Урарту было ускорено соседством с Ассирией. Ассирийская военная угроза привела к консолидации племен и формированию государства. Переход к классовому строю и государственности в южной части Закавказья был резко ускорен благодаря завоеванию урартами этих территорий.

Несколько по-иному происходил процесс формирования классового общества и государственности в западном Закавказье, в Колхиде. Здесь не было прямого завоевания и фактор военной угрозы не был определяющим; здесь существовали контакты, связанные в первую очередь с развитием обмена. Колхида очень рано стала важным центром производства железа, и это, естественно, привело к усилению контактов с окружающим миром. В отличие от южного Закавказья, связи которого ориентировались на юг и юго-восток, в сторону древних цивилизаций Месопотамии и народов Иранского плато, связи западного Закавказья были направлены к Малой Азии и морям, т. е. к цивилизациям Средиземноморья. Отражением этих связей, видимо, явился миф об

аргонавтах, о «златообильной Колхиде». Именно упомянутые контакты стали одной из причин, ускоривших социально-экономическое развитие общества Колхиды, приведших к рождению здесь классового общества и государственности. Как бы ни интерпретировались данные источников, несомненно, что этот процесс здесь происходил раньше, чем в восточном Закавказье.

Становление классового общества и государственности в восточном Закавказье — в Иберии и Албании происходит еще позднее. Причина, с нашей точки зрения, с одной стороны, заключается в том, что эти две большие области, находившиеся в начале I тысячелетия до н. э. на том же уровне развития, что западное и южное Закавказье, территориально были расположены дальше от зон существовавшей государственности и классового общества, и поэтому влияние последних на Албанию и Иберию было слабее. С другой стороны, намного большую роль играли их контакты с обширным миром кочевых народов степеней Предкавказья и горцами Кавказа. Переход здесь к классовому обществу и государственности совершался уже в эллинистическую эпоху, когда Восток переживал время значительных изменений. Эллинистический мир оказал огромное влияние (политическое, экономическое, военное) на развитие этих областей, ускорил те спонтанные процессы, которые определились в раннежелезном веке.

Политическая история Закавказья в описываемую эпоху еще во многом не ясна. Имеется много лакун, особенно для более раннего времени, вызванных недостатком источников. Становление государственности на Армянском нагорье приходится на конец II тысячелетия до н. э., когда здесь возникли мелкие города-государства (Тушпа, Мусасир и т. д.). Урарту как крупное государственное объединение, видимо, сформировалось в IX в. до н. э. Вся история его была наполнена борьбой с Ассирийской державой. При царе Сардури I урарты впервые начинают выступать как в некоторой степени соперники ассирийцев. Вскоре после 800 г. до н. э. урарты двинулись на юг, захватив целый ряд областей, ранее бывших под влиянием Ассирии. Несколько позднее под контроль Урарту переходят обширные области южного Закавказья, где строятся города-крепости Эребуни, Аргиштихинили и другие, которые осуществляют контроль над завоеванными территориями.

Решительное столкновение между Урарту и Ассирией становится неизбежным к середине VIII в. до н. э. Ассирийцы нанесли ряд тяжелейших поражений Урарту, что вызвало внутриполитический кризис в стране. Едва царю Русе I удалось преодолеть этот кризис и воссоздать единое урартское государство, ему пришлось столкнуться с новой мощной угрозой — появлением в Закавказье кочевников-киммерийцев. Руса I справился с этой опасностью, направил их движение в Малую Азию. Однако за это время возросла ассирийская угроза. Царь Ассирии Саргон II нанес Урарту страшный удар: были разграблены основные территории государства и захвачен Мусасир — сакральный центр страны. Урарты смогли несколько восстановить свои силы при царе Русе II, который много внимания и сил уделил возрождению экономики страны. При нем, в частности, в южном Закавказье был построен город Тейшебаини. Однако в это время в Закавказье появилась новая серьезная военная угроза — скифы, прорвавшиеся сюда из Северного Причерноморья вдоль побережья Каспийского моря. Вмешательство скифов в значительной мере изменило всю ситуацию на Переднем Востоке, оно было одной из причин падения Ассирии. В ходе борьбы с Ассирией резко усилилось Мидийское царство, нанесшее решительный удар по государству Урарту, гибель которого относится к 593—591 гг. до н. э.

Гораздо меньше сведений мы имеем о политической истории западного Закавказья в это время. Определенно известно, как мы уже говорили, что Колхида стала одним из важнейших металлургических центров всего Переднего Востока. Однако несомненна и преемственная связь культуры раннего железа с культурой поздней бронзы, проявляющаяся практически во всем, особенно отчетливо — в формах орудий труда. Вполне вероятным является мнение о существовании в юго-восточном Причерноморье в VIII в. до н. э. раннеклассового государственного образования Колха (Меликишвили Г. А., 1962), известного по ассирийским источникам. На основании этих же источников можно предполагать наличие военных конфликтов между царством Колха и Урарту при царе Сардури II. Одновременно сюда с востока проникало западное протогрузинское население. Государственное образование Колха занимало долины рек Чорох (совр. Турция) и Риони (Грузия). Оно, как полагают исследователи, было сокрушено киммерийцами. Разгром довершили скифы. На развалинах царства Колха (или Кулха) происходит в дальнейшем формирование двух новых государственных образований: уже в VII в. до н. э. западные протогрузинские племена (чаны) создают объединение, которое упоминается в урартских источниках под именем Халиту; севернее, в долине р. Риони, несколько позднее возникает другое государственное образование, сохранившее старое наименование,— Колхида. Населено оно было предками мегрелов и, возможно, абхазцев.

Значительные изменения происходят в закавказском регионе около середины I тысячелетия до н. э. С одной стороны,— это время создания державы Ахеменидов, оказавшей значительное влияние (политическое и экономическое) на все окружающие территории. С другой стороны, западное Закавказье вовлекается в процесс так называемой великой греческой колонизации. Эти явления чрезвычайно сложны и во многом еще дискуссионны.

На Армянском нагорье, где происходил процесс становления древнеармянской народности, возникло государство Милетена во главе с армянской династией (с центром в г. Мелид); оно вошло в состав Мидийского царства, сохраняя определенную автономию. С момента возникновения государства Ахеменидов это царство превращается в одну из сатрапий. Хотя в начале царствования Дария I Армения и попыталась добиться независимости, подняв восстание (как и многие другие народы, оказавшиеся в составе этого государства), однако оно было подавлено. Видимо, одна из причин разгрома восстания состояла в том, что часть армянской знати

поддержала персов. Во всяком случае, чрезвычайно показательно то обстоятельство, что подавлять восстание в Армении Дарий посылает армянина Дадаршиша.

Восточное Закавказье не было серьезно затронуто ахеменидским влиянием, хотя бесспорно, что в результате контактов с Ахеменидской державой происходили определенные изменения у народов, населявших в это время территорию Восточной Грузии (Иберии) и Азербайджана. Во всяком случае, известно, что часть территории Азербайджана находилась под властью Ахеменидов, известно также, что представители основного этнического элемента, обитавшего на этой территории,— албанов — оказались (хотя и в качестве наемников) в составе армии Ахеменидов. В некоторую зависимость от них, видимо, попала и Колхида. Колхи были вынуждены время от времени посылать ахеменидским царям дань рабами и поставляли вспомогательные отряды.

Наиболее сложными являются проблема «великой греческой колонизации» и тесно связанная с ней проблема наличия и характера государственности в Колхиде в описываемое время. Существует большое разнообразие точек зрения по этим двум вопросам. Наиболее крайние точки зрения следующие: население Колхиды в этот период существовало еще в условиях первобытнообщинного строя, в силу этого греки смогли создать на побережье Колхиды свои полисы, которые совершенно не отличались от греческих, возникших в ходе греческой колонизации на северном побережье Черного моря; т. е. это были полисы с аграрной направленностью экономики, с достаточно обширной сельскохозяйственной хорой, с обычными институтами греческого полиса. Другая точка зрения: в период греческой колонизации на территории Колхиды существовало уже достаточно мощное государственное образование, которое воспрепятствовало созданию собственно греческих полисов на побережье. Однако взаимная заинтересованность греков и колхов в торговых контактах привела к тому, что на побережье возникли торговые греческие фактории, возможно, даже греческие «кварталы» при местных городах.

При нынешнем состоянии источников дать бесспорные ответы на вопросы, порожденные этой проблемой, видимо, еще нельзя. Ответы могут быть в некоторых отношениях только гипотетическими, однако вероятность предложенных решений, как нам кажется, довольно велика. По всей видимости, в Колхиде того времени действительно существовали государство и классовое общество. Высочайший расцвет производительных сил, связанный с ранним и интенсивным освоением железной металлургии, бесспорно, должен был послужить мощным стимулом социально-экономического прогресса. Широкое участие в международном обмене должно было способствовать консолидации общества Колхиды. Археологические материалы показывают наличие имущественной дифференциации, видимо, связанной с социальной дифференциацией. Все эти обстоятельства делают весьма вероятным предположение о существовании в Колхиде высокоорганизованного общества. С другой стороны, данные греческой традиции с бесспорностью свидетельствуют о том, что греки стремились в Колхиду из-за ее природных богатств, в частности золота. Побудительными мотивами греко-колхских контактов были требования обмена. Распространение в Колхиде монет («колхидок»), хотя и выпускавшихся в греческих городах, но, бесспорно, обслуживавших потребности рынка всей Колхиды, является важным свидетельством значительной роли обмена в экономической жизни страны. Эти обстоятельства заставляют думать, что «модель» греческой колонизации Колхиды была иной, нежели «модель» колонизации Северного Причерноморья. Современные исследования показывают, что к моменту появления греков в Северном Причерноморье прибрежная полоса была если не безлюдной, то, во всяком случае, очень малонаселенной. Изменение этнической ситуации в этом регионе в начале I тысячелетия до н. э., появление киммерийцев, а затем и скифов, т. е. не земледельческих, а скотоводческих народов, привело к тому, что побережье обезлюдело и греки сравнительно легко смогли его освоить. Иной была ситуация в Восточном Причерноморье, где это явление не имело места. Поэтому естественным будет предположение, что характер и методы колонизации Восточного Причерноморья были иными.

Однако прямые свидетельства письменной традиции и некоторые археологические материалы не позволяют считать, что греческие поселения в этом регионе имели характер только торговых факторий. Можно думать, что характер основанных здесь греческих полисов (Фазис, Диоскурия, затем Питиунт) был несколько иным, чем, например, на севере Понта. Видимо, население их было незначительным, размеры хоры очень ограниченными. Основой экономики этих полисов являлась посредническая торговля. В силу развитости общества Колхиды, которое само было заинтересовано в развитии внешнеэкономических связей, эти полисы стали необходимым элементом экономической жизни западного Закавказья, что, видимо, обеспечивало их безопасное существование и процветание.

Важнейшей вехой в развитии всего закавказского региона явилось начало эллинистической эпохи. В это время в результате похода Александра Македонского гибнет Ахеменидская держава и на руинах ее возникает новый эллинистический мир. Не пытаясь определить сущность эллинистической эпохи, мы отметим только те ее явления, которые оказали определенное воздействие на Закавказье.

Прежде всего необходимо заметить, что завоевания Александра и последующие войны диадохов на обширных территориях полностью перекроили политическую карту Востока, вызвали ряд передвижений народов (особенно кочевых), занимавших периферию Ахеменидской державы. В бурные политические события оказались вовлеченными многие народы, не принимавшие непосредственного участия в «мировой» политике в предшествующие времена. Эллинистические государства на первых порах своего существования вели более активную внешнюю политику, нежели одряхлевшая держава Ахеменидов. Их мощный напор на первобытную периферию вызывал в свою очередь определенные внутренние перемены в обществах, бывших объектами их экспансии. Кроме того, в процессе гибели державы Ахеменидов ее окраины в условиях своеобразного

«вакуума» власти стремились добиться независимости. Это происходило как в Средней Азии, так и в Закавказье. Иногда указанная тенденция (в силу благоприятного стечения обстоятельств) могла и реализоваться. Примеры этого мы видим, в частности, в Закавказье.

Эллинистическая эпоха вызвала крупные изменения и в экономической сфере. В начале эпохи происходит значительный экономический подъем по всему Востоку. Он был связан со строительством новых городов, массовым переселением греков на Восток, широким распространением классического рабства, более рациональным использованием природных ресурсов, глубоким проникновением в экономику товарно-денежных отношений, введением в оборот огромной массы драгоценных металлов, ранее хранившихся в сокровищницах ахеменидских царей. Создались новые экономические центры, установились торговые связи между очень отдаленными районами, возникли в силу этого новые торговые пути.

Закавказье в эллинистическую эпоху также переживает новый бурный подъем. Спонтанное экономическое и социальное развитие многих его районов в новых, более благоприятных, нежели ранее, условиях, привело к качественным изменениям. Наиболее ярко новая ситуация проявилась в сфере государственности. Мы видим, с одной стороны, возрождение государственности в тех районах, где она была подавлена в ахеменидскую эпоху, а с другой — создание ее в тех районах, где она еще не существовала.

Хотя история Армении в начале эллинистической эпохи известна плохо, однако несомненно, что этот период — время возрождения армянской государственности. На территории западной части Армянского нагорья в конце IV в. до н. э. возникли два государства: Малая Армения и Софена. В северо-восточной части нагорья, в так называемом царстве Айрарат, правили потомки ахеменидского сатрапа Ерванда. По мнению некоторых исследователей, эта династия представляла собой прямое продолжение той, которая управляла Арменией перед ахеменидским завоеванием, в потом превратилась в наследственных сатрапов.

Близкий характер имели события и в более восточных областях. После разгрома последнего ахеменидского царя Дария III при Гавгамелах часть его приближенных изъявила покорность Александру Македонскому. В их числе был и правитель Мидии Атропат. Позднее он объявил себя независимым правителем. Понимая, что власть над всей Мидией ему не удержать, он создал свое государство в северной ее части (включая области вокруг оз. Урмия, к северу от г. Экбатаны и по обе стороны р. Аракса). Вновь возникшее государство стало Атропатовой Мидией, или Атропатеной.

После падения Ахеменидов возникло и Понтийское царство, создателем которого был сын одного из последних сатрапов XIX сатрапии Митридат. Занимая территории по южному и юго-восточному побережью Черного моря, по всей видимости, Понт смог подчинить если не своей власти, то влиянию и Колхиду.

Таким образом, мы видим, как на руинах Ахеменидской державы возрождается в той или иной форме местная государственность. Территории, на которых возникают эти государственные образования, были ранее либо частью Ахеменидской державы, либо находились в какой-то зависимости от персов, во всяком случае, под сильным персидским влиянием. Однако характер этой государственности, видимо, правильнее рассматривать с точки зрения не столько сохранения ахеменидских традиций, сколько ее места в эллинистической политической системе. Для этой эпохи характерно политическое господство греко-македонских завоевателей на основной части территории эллинистического мира. Государства с иной политической структурой (армянские царства, Мидия Атропатена, в некоторой степени Понт), где господство принадлежало местной традиционной знати, представляли собой другую тенденцию в развитии эллинистического мира, которая стала определяющей во второй половине эллинистической эпохи, когда стала возрождаться местная государственность.

Не менее важную роль сыграло другое явление — рождение местной государственности в тех областях закавказского региона, где ее ранее не существовало, в частности на территории восточного Закавказья. Согласно (правда, довольно смутным) раннесредневековым преданиям, государство в Иберии возникает в период, непосредственно следующий за походами Александра Македонского. Во всяком случае, несомненна связь этого процесса с теми грандиозными изменениями, которые происходят на Переднем Востоке в раннеэллинистическую эпоху. Несколько позднее аналогичный процесс происходит и на территории Азербайджана, где возникает Албания.

Таким образом, в начале эллинистической эпохи в закавказском регионе возникает целая система небольших государств, тесно связанных политически и экономически с основными центрами эллинистического мира, но в то же время представляющих собой принципиально иное явление, нежели собственно эллинистические государства, ибо господствующее положение в закавказских государствах занимала местная знать, а не иноземцы (греки и македоняне).

В дальнейшем политическая судьба этих государств была различной: Иберия, например, переживала период подъема, армянские царства (хотя и на короткий период) были завоеваны Антиохом III, Мидия Атропатена оказалась в зависимости от него, хотя официально и сохранила свое самостоятельное существование.

Однако уже в начале II в. до н. э. ситуация резко меняется. Разгром римлянами Антиоха III в Малой Азии (190 г. до н. э.) привел к резкому ослаблению Селевкидского царства. Вскоре с Востока началось движение парфян. Эти факторы стали определяющими в развитии политической ситуации и в закавказском регионе. Возрождается государственность в Армении (Софена и государство, созданное в Араратской долине Арташесом I), добивается полной независимости Мидия Атропатена. Однако вскоре благодаря вмешательству Рима и Парфии ситуация в Закавказье вновь изменяется. Наиболее бурные события происходят в конце II — начале I в. до н. э. Понтийское царство при царе

Митридате VI ведет борьбу с Римом, находившийся с ним в союзе царь Армении Тигран II развивает наступление на юг, захватывая часть парфянских владений в северной Месопотамии, подчиняя остатки селевкидских владений в Сирии и Финикии, и, наконец, также оказывается втянутым в конфликт с Римом.

Понтийское царство было разгромлено римлянами, та же участь постигла и державу Тиграна II. Римский полководец оставил в его власти только те земли, которые ему принадлежали до начала завоеваний. Помпей совершил поход и через окраинные территории Албании, покорил Иберию, а закончил свой подход в Колхиде. Римляне перекроили политическую карту закавказского региона, превратив царства Иберии, Албании, Армении в вассалов Рима. Однако усиление Парфянского царства и начавшаяся борьба между Римом и Парфией помешали римлянам беспредельно усиливать свою власть в Закавказье. Эта борьба осложнялась тем, что правители закавказских стран, выступая союзниками то Парфии, то Рима, в то же самое время искали выгод и лично для себя. Кроме того, в господствующих слоях закавказских царств имелись противоборствующие политические группировки, ориентированные на различные внешние силы. В ходе борьбы, продолжавшейся более столетия, происходила дальнейшая консолидация одних государств, другие лишались своей независимости и даже самостоятельного политического существования. В частности, усиливались Иберия и Кавказская Албания, находившиеся на северной периферии закавказского региона и более удаленные от основных театров военных действий. Колхида закончила свое политическое существование. Приморские территории ее были заняты римлянами, а часть восточных районов оказалась под властью Иберии. Мидия Атропатена вошла в состав Парфянского царства, хотя и в качестве автономной политической единицы. Армения, в конце концов, получила парфянскую Аршакидскую династию, хотя формально и признала зависимость от римлян.

Дальнейшие исторические судьбы стран закавказского региона также определялись в значительной мере взаимоотношениями Римской империи с Ираном (сначала Аршакидским, а затем — Сасанидским).

Лучше других известна история Армении. От момента появления Аршакидской династии до гибели Парфянского царства (224 г. н. э.) продолжался сравнительно мирный период развития страны. За это время состоялось только три похода римлян в Армению. Отношения с Парфией были довольно тесными, но никаких свидетельств, например, об обложении данью Армении нет. Армения в сущности играла роль привилегированного союзника Парфянской державы. Определенные осложнения вносили аланские набеги, однако они не могли серьезно изменить историческую ситуацию. Резкое ухудшение общеполитической ситуации началось с момента замены Аршакидской династии в Иране Сасанидской. Агрессивная политика Сасанидской державы первоначально имела еще и особую антиармянскую направленность, поскольку армянские Аршакиды выступили организаторами коалиции, которая пыталась организовать сопротивление узурпаторам. Армянские Аршакиды полагали, что после устранения старшей ветви династии именно им должно принадлежать господство над всеми территориями, управлявшимися парфянской династией.

На территорию Армении обрушились нашествия сасанидских войск. В эту борьбу были вовлечены многие народы Закавказья и Рим. Только на рубеже III и IV вв. н. э. положение несколько стабилизировалось. Армения была признана независимой, но отнесена к сфере интересов Рима. Следующие столетия были еще более тяжелыми для государства. Внутренние конфликты, почти постоянные войны, ведшиеся на армянской территории, закончились тем, что в 387 г. Армения была разделена между Римом и сасанидским Ираном.

Мидия Атропатена в первые века н. э. также управлялась одной из ветвей Аршакидской династии. Вскоре после прихода к власти Сасанидов Мидия Антропатена вошла в состав Ирана. Иная ситуация складывалась в Албании. В первые века н. з. Албания переживала бурный подъем. Вмешательство Рима в дела Албании было эпизодическим. Парфия также не могла сколько-нибудь активно влиять на ситуацию в этой части закавказского региона, но более мощное Сасанидское государство к концу IV в. н. э. полностью подчинило Кавказскую Албанию.

В Иберии ситуация в первых веках н. э. также была достаточно сложной. Первоначально Иберия сохраняла независимость и использовала в своих целях аланские племена, обитавшие на Северном Кавказе, пропуская их через Дарьяльское ущелье. Однако уже во второй половине I в. н. э. цари Иберии были вынуждены прибегнуть к помощи римлян, войска которых помогали Иберии противостоять Армении и несколько позднее — аланам. Цари Иберии, опираясь на римскую поддержку, проводили достаточно активную внешнюю политику, хотя они и меняли ориентацию на парфянскую. Иберия постепенно распространила свою власть на восточную часть Колхиды, но после возникновения Сасанидского государства и подчинения им Албании усилилось иранское давление и на Иберию.

Ситуация в Восточном Причерноморье характеризовалась тем, что в I в. н. з. римляне прочно утвердились в приморских городах, во внутренней части Колхиды в II в. н. э. организовалось государство Лазику, зависящее от Рима. Это государство стало форпостом, предохранявшим римские границы.

Таким образом, конец античной эпохи в истории Закавказья знаменуется упадком местной государственности. Давление мощных политических сил (Рима и сасанидского Ирана) приводило либо к утрате ими (постоянной или временной) своего государственного существования, либо к достаточно сильной зависимости от соседей. Можно полагать, что одной из важных причин этого были внутренние процессы, связанные с кризисом старой социальной структуры и становлением феодальных отношений.

Проблема социальных отношений, существовавших в древних обществах закавказского региона, в настоящее время не может считаться окончательно решенной. Бесспорно, у нас имеется несколько

отправных точек, которые не вызывают, в общем, серьезных дискуссий. Ясно, что на рубеже II и I тысячелетий до н. э. все общества данного региона находились еще в стадии первобытнообщинного строя. Бесспорно также, что многие общества и позднее жили в условиях этого строя, медленно и постепенно переходя грань, отделяющую первобытность от строя классового. С другой стороны, около середины I тысячелетия н. э. происходит формирование феодальных отношений, и дальнейшая история закавказского региона, с точки зрения развития социальных отношений, в основных чертах ясна. Дискуссии идут относительно периода между этими двумя хронологическими гранями. Суть этих дискуссий — в оценке того, в общем, очень незначительного материала источников, которые освещают социальную природу обществ закавказского региона с точки зрения формационной принадлежности их.

Для ученых досоветского периода здесь не было проблемы. Они считали, что общества Закавказья в древности существовали в условиях феодализма, хотя феодализм, в соответствии с господствующими тогда тенденциями, понимали не как особую общественную формацию, а как специфическую форму политической организации общества. В советское время, в конце 20-х — начале 30-х годов, возникли дискуссии о природе общественного строя стран древнего Востока, и, естественно, они нашли отклик и в тех исследованиях, которые были обращены к древней истории Закавказья. Однако в то время наиболее авторитетные историки (Я. А. Манандян, И. А. Джавахишвили, Х. Рачвелишвили и др.) считали, что в Закавказье феодализм развивался непосредственно из родового строя. Но в конце 30-х годов ситуация изменилась. Все большее число ученых, исследовавших эти проблемы, приходили к выводу, что в древности в Закавказье существовали рабовладельческие отношения (С. Н. Джанашиа, С. Т. Еремян). Помимо общетеоретических соображений, на выработку этой концепции, вероятно, оказали влияние выдающиеся археологические открытия. В результате работ Б. Б. Пиотровского были открыты памятники урартского времени. Близость Урарту (по господствующим социальным отношениям, политической организации, культуре) Ассирии создавали ту необходимую фактическую предпосылку, которая помогла исследователям принять точку зрения относительно рабовладельческой природы обществ Закавказья в древности.

Новое обострение дискуссий о характере общественных отношений на Востоке произошло в 60-х годах, в частности в связи с проблемой так называемого азиатского способа производства. В трудах Г. А. Меликишвили решение вопроса о характере социальных отношений в древнегрузинском обществе ставится в зависимость от общего решения вопроса о формационной принадлежности древневосточных обществ. Г. А. Меликишвили (а за ним и другие историки) отрицает рабовладельческий характер большинства древневосточных обществ. В ходе этих дискуссий было высказано много различных предположений, в частности о характере общественных отношений в закавказском регионе.

В настоящее время в литературе имеются следующие точки зрения на указанную проблему. Согласно одной из них, в обществах Закавказья не существовало рабовладельческих отношений и общая эволюция этих обществ была направлена в сторону феодализма. Согласно второй (более традиционной) точке зрения, в древнекавказском регионе рабовладельческие отношения имели специфическую форму.

Наиболее активно первую точку зрения отстаивает А. П. Новосельцев. Он полагает, что феодальной формации предшествует так называемый архаический общественный строй, возникший на основе крупных общественных разделений труда. Этот строй предстает в форме профессиональных сословий. Главной чертой такой системы является выделение эксплуататорских классов, пока еще завуалированных в родовую оболочку («царский род») или связанных с культом (жречество). В то же самое время на данном этапе основная масса населения, членов данной общины (народа), составляет в правовом отношении единое сословие (народ-войско), которому противостоят подчиненные общины или иное порабощенное население, первоначально зависимое от государства («царского рода»). Это свободное общинное крестьянство, живущее в селениях (кома, гевл, даба), все больше, однако, попадает под власть раннего государства, основанного на упомянутом сословном делении или иной форме объединения свободных общин. По-видимому, как правило, первоначально светская «родовая» знать входит в так называемый царский род, который на деле является не кровнородственной, а социальной раннеклассовой организацией (правда, с элементами первой). В дальнейшем происходит процесс разложения ранее единого народа-войска на две части: выделившуюся верхушку (азаты, азнауры, дехканы) и основную массу общинников, через посредство государства постепенно переходящих под опеку знати. Последняя наряду с представителями старой («родовой») знати включает и выделившуюся общинную верхушку, с которой первая постепенно сливается в единый класс-сословие (его можно назвать классом-сословием феодалов). По-настоящему говорить о формировании этого класса можно только с разложением крупной агнатической собственности нахарарских (мтаварских) родов. Параллельно имеет место процесс сближения основной массы закабаленных общинников (шинаканы, мдабури-мквидры) с древним зависимым населением (глехи, рамик). Позже обе категории сливаются воедино, образуя класс-сословие феодально зависимого крестьянства. Этот процесс шел неравномерно в разных странах региона: наиболее интенсивно и раньше в Армении, несколько позже в Картли и совсем поздно, уже накануне арабского завоевания, в коренной Албании.

Данная концепция, изложенная столь подробно, может служить отправным пунктом для суждения о характере социальных отношений в закавказском регионе в древности. Эта концепция, как нам кажется, совершенно верно отражает некоторые основные факты и направления социального развития региона. Однако это не значит, что мы целиком согласны с основным выводом А. П. Новосельцева. Во-первых, им не учтены другие важные социальные факторы, а кроме того, отдельные приведенные А. П. Новосельцевым положения могут быть проинтерпретированы и иным образом.

Армения. Храм в Гарни. I в. н. э.

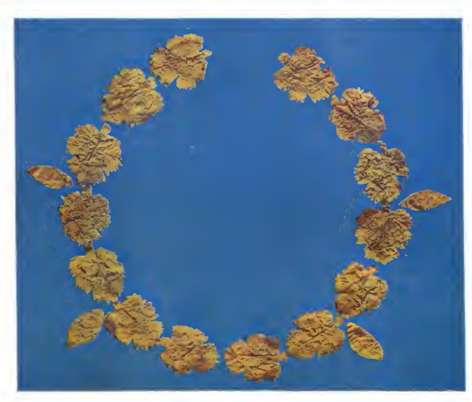
Парфия. Старая Ниса. Фриз ритона. Слоновая кость. II в. до н. э.

Парфия. Старая Ниса. Фрагуент метопы. Терракота. II в. до н. э.

Бактрия. Дальверзин-тепе. Фрагмент настенной росписи. I в. н. э.

Бактрия. Дальверзин-тепе. Голова богини. Раскрашенная глина. Первые века н. э.

Монеты сасанидских царей, обращавшиеся на территории Средней Азии. Серебро.



Армения. Сисиан. Золотой венок. I в. до н. э.

Бактрия. Халчаян. Голова Геракла. Раскрашенная глина.
I в. до н. э.— I в. н. э.

Маргиана. Мерв. Гандхарская статуэтка из реликвария в ступе. Камень с позолотой. Первые века н. э.

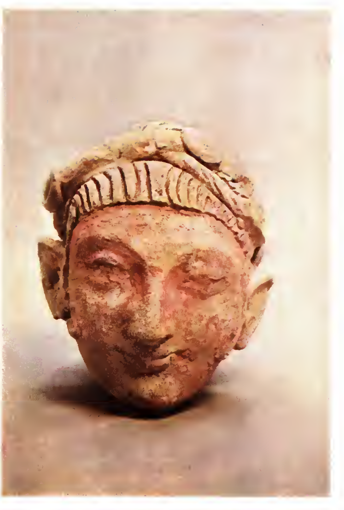
Бактрия. Барат-тепе. Юноша, обвитый змеями. Современный оттиск с древней матрицы. Терракота. II—III вв. н. э.

Парфия. Старая Ниса. Голова богини (Афродиты?). Мрамор. II в. до н. э.

Парфия. Старая Ниса. Статуэтка Афины.
Серебро с позолотой. II в. до н. э.

Парфия. Старая Ниса. Статуя «Родогуны». Мрамор. II в. до н. э.

Бактрия. Халчаян. Голова воина в шлеме. Раскрашенная глина. I в. до н. э.— I в. н. э.



Бактрия. Дальверзин-тепе. Голова статуи женщины. Раскрашенный гипс. Первые века н. э.

Бактрия. Дальверзин-тепе. Керамическая чаша. Первые века н. э.

Мы, естественно, не можем в данной работе подробно исследовать вопросы социальной структуры древних обществ закавказского региона сколько-нибудь подробно. Отметим несколько важных, с нашей точки зрения, фактов, которые, как нам кажется, позволят модифицировать картину, нарисованную А. П. Новосельцевым.

Назовем прежде всего то обстоятельство, что часть Закавказья вошла в государство Урарту и тем самым была включена в древневосточный мир. С точки зрения социальной структуры, Урарту больше всего напоминало Ассирийскую державу. Как бы в целом ни решался вопрос о формационной принадлежности древневосточных обществ, рабовладельческая основа строя Ассирии вряд ли может у кого-либо вызвать сомнения. Урартское наследие сыграло большую роль в последующей жизни закавказского региона. Но если мы признаем сохранение и в дальнейшем урартских традиций в области культуры, идеологии, то столь же несомненно, что в определенной степени сохранялись традиции и урартского общественного строя. Это тем более вероятно, что после падения Урарту на Армянском нагорье не произошел возврат к первобытнообщинному строю, а на руинах урартской государственности возникла раннеармянская.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание: значительная часть Колхиды достаточно рано вошла в государственные образования античного типа — сначала в состав Понтийского царства, а затем Рима, что имело своим естественным результатом распространение здесь рабства античного типа. Прибрежная Колхида очень долго находилась в составе Римской империи, была важным фактором римского влияния на Кавказе. Города, которые здесь существовали, являлись обычными провинциальными римскими городами, и главным элементом их социальной структуры было наличие рабства. Кроме того, можно полагать, что традиция римского влияния предполагала распространение классического рабства в государствах, тесно связанных с Римом.

Отмеченные обстоятельства заставляют думать, что концепция А. П. Новосельцева не полностью отражает ту социальную реальность, которая существовала в закавказском регионе в древности. Однако гораздо важнее два других момента.

Первый заключается в том, что из концепции А. П. Новосельцева полностью исчез город. В сущности им анализируются только отношения, существовавшие в деревне. Однако история закавказского региона в древности — это история обществ, в которых шел (как показывают и приведенные в данной части тома материалы) бурный процесс урбанизации. Он носил спонтанный характер, выражал общественный прогресс, в частности был результатом второго и третьего общественного разделения труда. Потребность общества в возникновении городов, выступавших как центры ремесла и обмена, была естественной, хотя пути становления городов различались. Процесс урбанизации общества начался достаточно рано и шел в различных частях закавказского региона с различной скоростью. Если на Армянском нагорье города появились уже в начале I тысячелетия до н. э., то в Албании они стали возникать только в первые века до н. э., но общая тенденция совершенно несомненна, и если общество Албании несколько отставало в этом отношении, то в первые века до н. э. оно переживало настоящий «урбанистический взрыв». К сожалению, наши сведения о внутреннем строе городов очень недостаточны. Наибольшее количество материалов для суждения о характере городов закавказского региона дает Армения. Выражением потребности общества в развитии урбанистического элемента своей структуры явилась градостроительная политика армянских царей. Наиболее подробные сведения мы имеем о Тигранокерте, основанном по воле Тиграна II. Это был типичный эллинистический город, крупный ремесленно-торговый центр, но в то же самое время имевший и полисный статус. Для нас представляется несомненным, что урбанизм в закавказском регионе, носивший спонтанный характер, вместе с тем приобретал определенные формы под воздействием эллинистического мира, а эти формы были порождены рабовладельческими отношениями. Города выступали как очаги развития рабства и рабовладельческих форм эксплуатации.

Отметим, наконец, еще одно важное обстоятельство — место подчиненных общин в общей структуре общества. Вопрос может быть поставлен следующим образом: каковы были формы эксплуатации этих подчиненных общин и к какому общественному укладу они могут быть отнесены? Нам кажется правильным, следуя концепции, разработанной И. М. Дьяконовым, отнести их к числу «подневольных работников рабского типа». Это соображение основывается не только на общетеоретических положениях, но также и на прямых свидетельствах источников. Страбон прямо называет четвертый разряд населения Иберии «царскими рабами». Кроме того, необходимо иметь в виду и очень большую близость социального строя закавказских обществ обществу Парфии, для которой, как показали недавние исследования, также было характерно существование формы зависимости основной массы эксплуатируемого населения, сходной со спартанской илотией. Поэтому можно сказать, что отношения рабовладельческого типа существовали и в сельском хозяйстве Закавказья. Наконец, отметим наличие царских дастакертов, рабовладельческий характер которых вряд ли может вызвать сомнения.

Таким образом, общества закавказского региона в эпоху древности можно определить как общества рабовладельческие. Конечно, мы не хотим упрощать картину и уподоблять их классическим рабовладельческим обществам, хотя мы не склонны и преувеличивать эти различия. Несомненно, что значительная часть населения в Закавказье, как городского, так и сельского, объединенного в общины,— свободные, полноправные граждане. И бесспорно, что процесс феодализации общества — это в известной мере превращение свободных общинников в зависимых от феодалов крестьян. Но наличие класса свободных мелких производителей является как раз одной из характерных черт рабовладельческой формации. Попытка отрицать рабовладельческий характер общества на том основании, что значительную часть общества составляет именно этот класс, основана на

непонимании основных характерных особенностей рабовладельческого государства. Необходимо в связи с этим подчеркнуть мысль, уже высказывавшуюся в литературе,— относительно роли рабского (и близкого ему) труда в общих судьбах общества: если труд свободных мелких производителей шел главным образом для простого воспроизводства, т. е. для поддержки существования данного общества, то продукты рабского труда (благодаря большей степени эксплуатации) были обращены на расширенное воспроизводство, т. е. обеспечивали прогресс.

В заключение необходимо самым кратким образом коснуться некоторых общих проблем культуры. Если рассматривать в целом культуру закавказского региона, то, видимо, справедливым будет мнение (уже высказывавшееся в литературе) о значительном культурном единстве в пределах этого региона. При всех отличиях его отдельных частей, вполне естественно объясняемых спецификой (социальной, политической и т. п.) их развития, преобладающей тенденцией была тенденция к культурному единству. В основе этого лежали не только древние традиции, но и общность исторических судеб, близость социальной структуры, политических институтов и ряд других факторов. Общества, возникшие в Закавказье, представляли собой общества «периферийного» типа, т. е. они находились на границе, отделяющей старые цивилизации Переднего Востока от обширного мира, где господствовали еще первобытнообщинные отношения. Это приводило к тому, что на социальную, политическую и культурную сферы этих обществ оказывали определенное воздействие старые, ранее сложившиеся центры государственности. Взаимодействие старых местных традиций, влияние культуры переднеазиатского (и античного) мира, контакты с горцами и степняками — все это в целом создавало неповторимый облик местных культур.

Можно думать, что определенное воздействие на культурное развитие региона оказал и древний Восток. Бесспорно влияние культуры Ассирии на Урарту, но столь же бесспорно, что Урарту в свою очередь оказало сильное воздействие на развитие форм культуры Мидийского и ахеменидского Ирана. Позднее последние в свою очередь вновь оказали определенное воздействие на культуру ряда народов Закавказья. Своеобразна ситуация с культурным воздействием эллинистического мира. В эпоху расцвета эллинистической государственности культурное влияние эллинистического мира на Закавказье было минимальным, но когда он стал клониться к упадку и особенно в постэллинистическую эпоху многие культурные достижения этого мира были восприняты народами Закавказья. В последние века до н. э. и в первые века н. э. на культуру Закавказья оказывали влияние и Рим, и Парфия. Парфянское влияние особенно ощутимо. Оно сказывается в ономастиконе привилегированных слоев общества, типах одежды, конского убранства, оружия, наконец в религии. Насколько мы можем судить, по всему Закавказью распространяются синкретические религиозные верования, в которых сливались культы древних местных божеств с культами функционально им близких иранских божеств, из которых особенно большую роль играли Митра и Анахита. Огромная роль храмов и жречества в Закавказье приводила к тому, что эти синкретические верования, как, возможно, и другие синкретические формы культуры, широко распространились среди местного населения (в этом состояло отличие от влияния римской культуры, распространение которой, за исключением районов приморской Колхиды, ограничивалось очень узким верхушечным слоем населения).

Глубокая трансформация местных культур происходит в IV—V вв. н. э. Наиболее значительными проявлениями тех структурных изменений, которые происходили в обществе, были принятие и распространение христианства, а затем создание собственной письменности. Нарождающийся феодальный строй решительно менял и культуру общества.

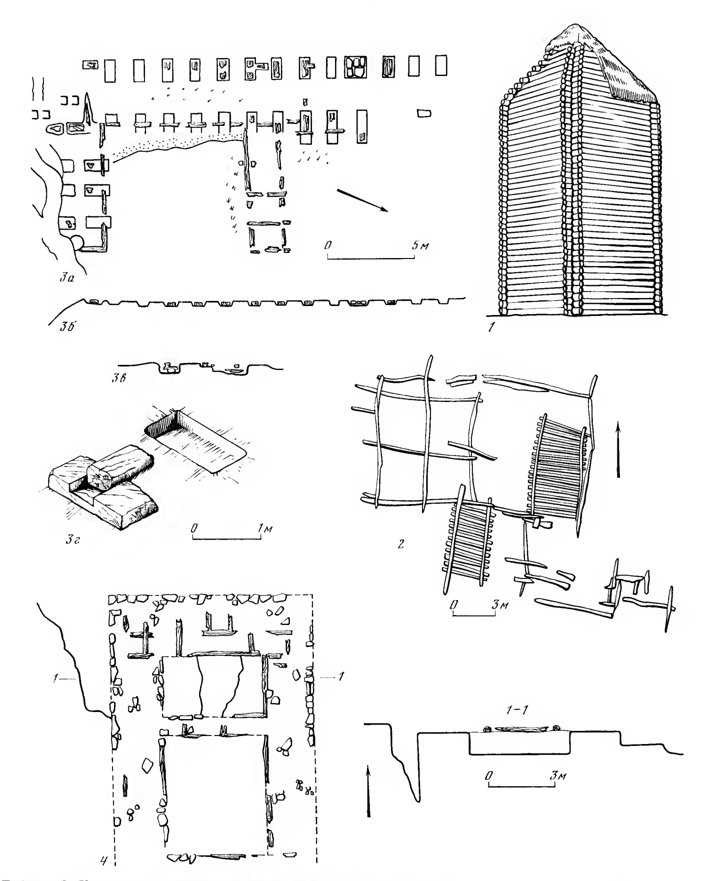


Таблица I. Колхидская деревянная архитектура VI—IV вв. до н. э.

1 — колхидский жилой дом по Витрувию (реконструкция Г. И. Лежава); *2* — поселения Симагре, VI в. до н. э. План дома; *3а, 3б, 3в, 3г* — святилище V—IV вв. до н. з. План, разрезы, остатки деревянных конструкций; *4* — фортификационное сооружение V—IV вв. до н. з., с. Мтисдзири. План и разрез (*1—1*). Составитель О. Д. Лордкипанидзе

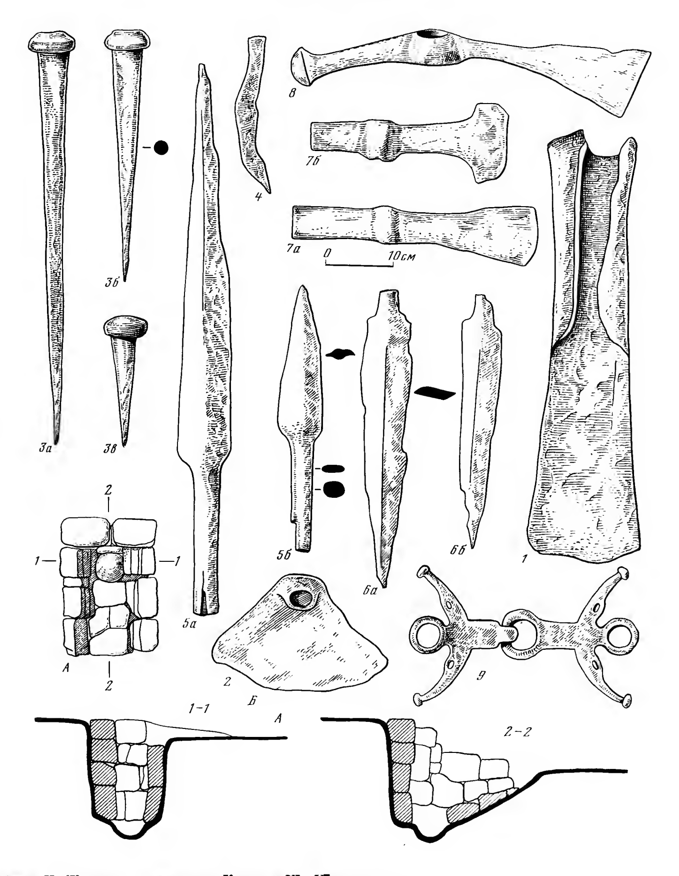


Таблица II. Железное производство Колхиды VI—V вв. до н. э.

А — железоплавильная печь. План, разрезы (*1—1*; *2—2*); *Б* — железные изделия: *1* — лемехообразное орудие; *2* — мотыга; *3а, 3б, 3в* — гвозди; *4* — серп; *5а, 5б* — наконечники копий; *6а, 6б* — кинжалы; *7а, 7б* — топоры; *8* — топор-молоток; *9* — удила. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

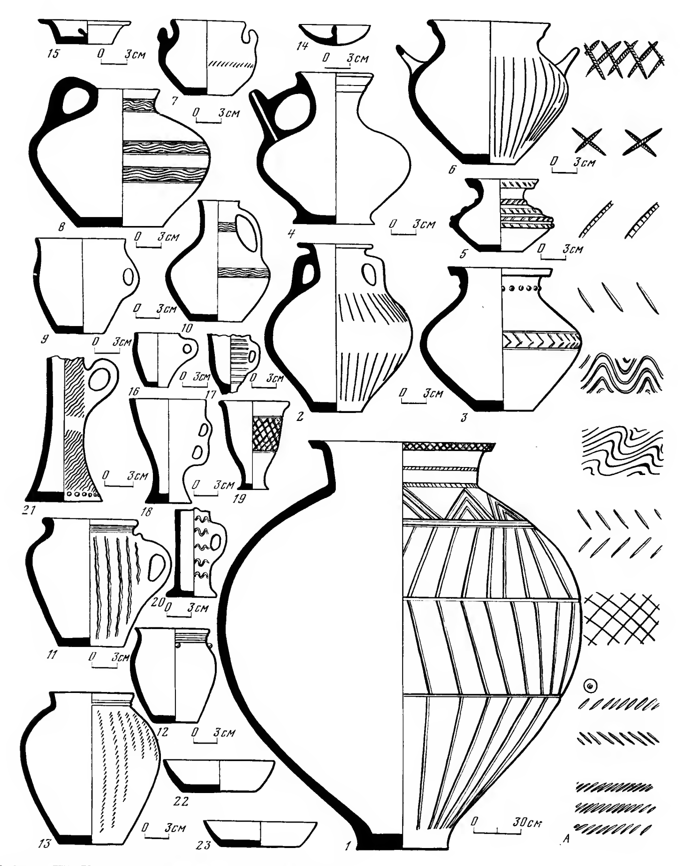


Таблица III. Колхидская керамика VI—IV вв. до н. э.

1 — пифос; *2, 6, 7* — корчаги; *4, 8, 10* — кувшины; *3, 5* — декоративные вазы; *9, 11—13* — горшки; *14, 15* — крышки; *16—21* — кубки; *22, 23* — миски

А — основные типы орнаментов. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

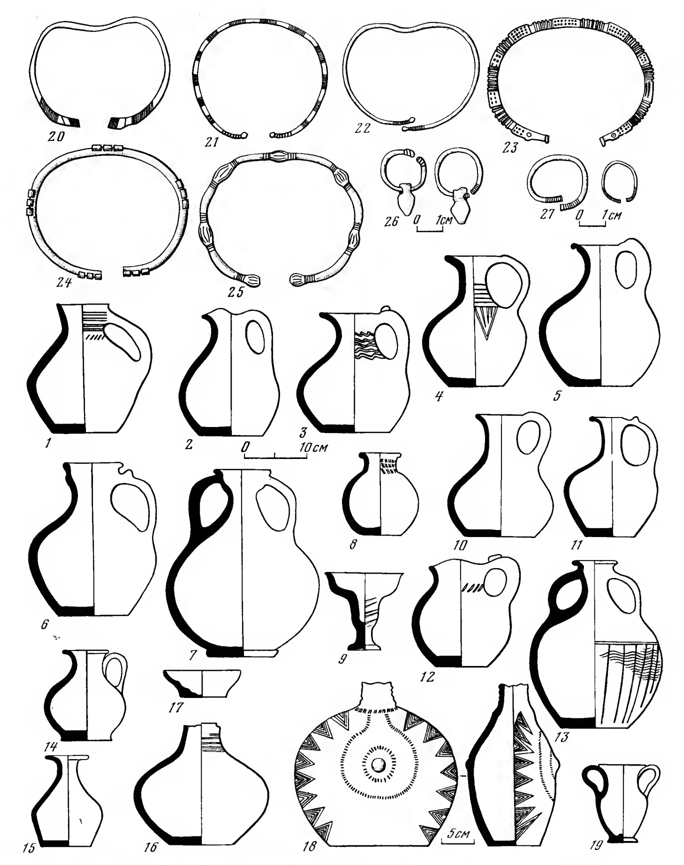


Таблица IV. Инвентарь кувшинных погребений IV—III вв. до н. э.

1—6, 10—12, 14—16 — кувшины; *7, 13* — двуручные сосуды; *8* — горшочек; *9* — ваза; *17* — миска; *18* — фляга (фас и профиль); *19* — канфарообразный сосуд; *20—25* — бронзовые браслеты; *26* — бронзовые серьги с подвеской; *27* — височные кольца. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

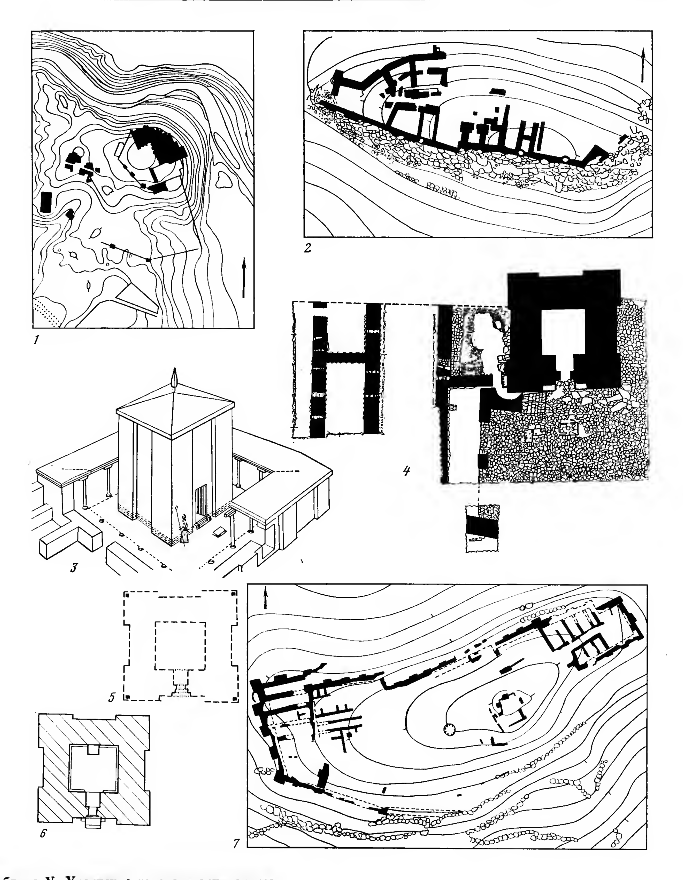


Таблица V. Урартские города и архитектура

1 — плана города Тейшебаини (Кармир-блур); *2* — план городища Кайалыдере; *3* — храм Алтынтепе. Реконструкция; *4* — план храма на городище Каиалидере; *5* — храм Топрак-кале (у г. Ван); *6* — храм Алтынтепе. План; *7* — план Армавира. Строительные остатки урартского времени. Составитель Л. П. Акопян

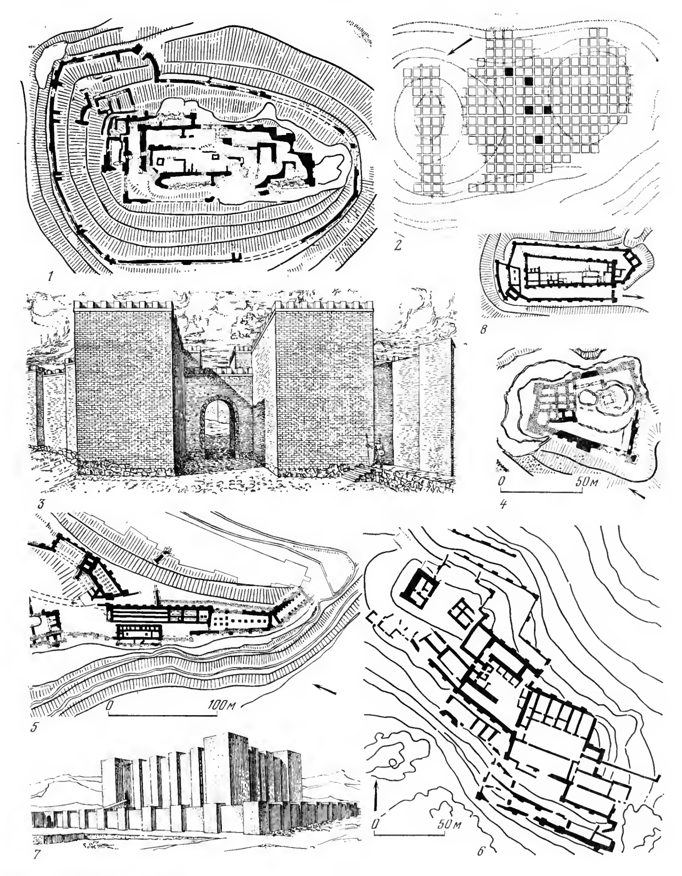


Таблица VI. Урартские крепости

1 — Киш-Калеши (близ Эволгу, к северу от оз. Урмия). IX—VIII вв. до н. э. План; *2* — Зернакитепе. План; *3* — Тейшебаини. Реконструкция главных (южных) ворот цитадели; *4* — крепость Даналу. План; *5* — Бастам (в юго-восточной части Армянского нагорья). План; *6* — западная цитадель города Аргиштихинили. VIII—VII вв. до н. э. План; *7* — крепость Арагац. Реконструкция; *8* — крепость Кух-и Самбил. План. Составитель А. П. Акопян

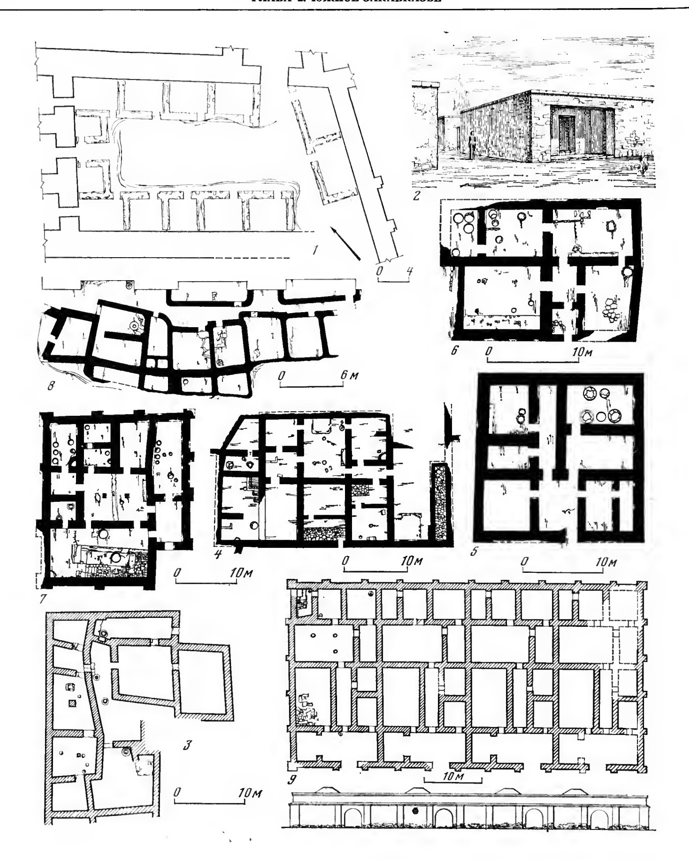


Таблица VII. Архитектура урартского жилища

1 — Тейшебаини, жилища воинов в цитадели. План.; *2* — Тейшебаини, жилая застройка города, реконструкция; *3* — Тейшебаини, «дом знатного урарта». План; *4—7* — Аргиштихинили, дома-особняки. Планы; *8* — Аргиштихинили, жилища бедняков позднеурартского времени. План; *9* — Тейшебаини, большое «секционное» здание. План и разрез (с элементами реконструкции). Составитель Г. А. Кошеленко

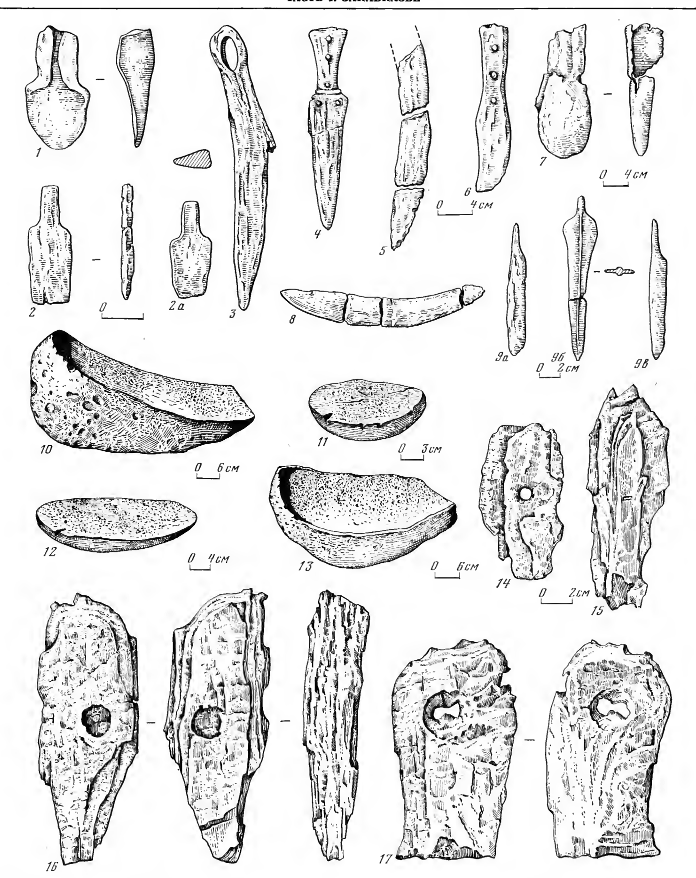


Таблица VIII. Орудия труда Урарту

1 — бронзовая лопата; *2, 2а* — железные изделия из дворца в Аринберде (Эребуни); *3, 4* — железные ножи; *5* — бронзовый серп; *6* — железный нож (фрагмент); *7* — железное скобло, Аринберд (Эребуни); *8* — бронзовый серп; *9а, 9б, 9в* — железные ножи; *10—13* — базальтовые зернотерки (Аргиштихинили); *14—17* — железные орудия каменотеса (Аргиштихинили). Составитель А. П. Аконян

Таблица IX. Искусство Урарту

1 — фрагмент настенной росписи большого зала Эребуни (Аринберд); *2* — серебряная подвеска из Топрахкале (около Вана); *3* — золотой медальон из Топрахкале; *4* — обломок бронзового колеса (с. Запин, западная Армения); *5* — бронзовый браслет (Аргиштихинили); *6, 13* — краснолощеный сосуд из урартского погребения (Аргиштихинили); *7* — костяное украшение в виде крылатого льва с человеческой головой на листьях аканта (Кармир-блур); *8* — серебряная гривна с позолоченным навершием в виде фигурки льва (Кармир-блур); *9, 11* — глиняный сосуд в виде сапожка (Кармир-блур); *10* — бронзовый браслет (Аргиштихинили); *12* — золотая серьга (Кармир-блур); *14* — костяной гребень (Кармир-блур); *15* — костяная поделка в виде лица человека (Кармир-блур); *16* — золотая серьга (Кармир-блур); *17* — бронзовая позолоченная фигурка божества, лицо из белого камня с инкрустированными глазами. Часть трона (Топрахкале); *18* — костяная ложечка (Кармир-блур); *19* — костяная поделка в виде лица человека (Кармир-блур); *20—22* — обломки бронзовых поясов из Нор-Арешского могильника. Составитель А. П. Акопян

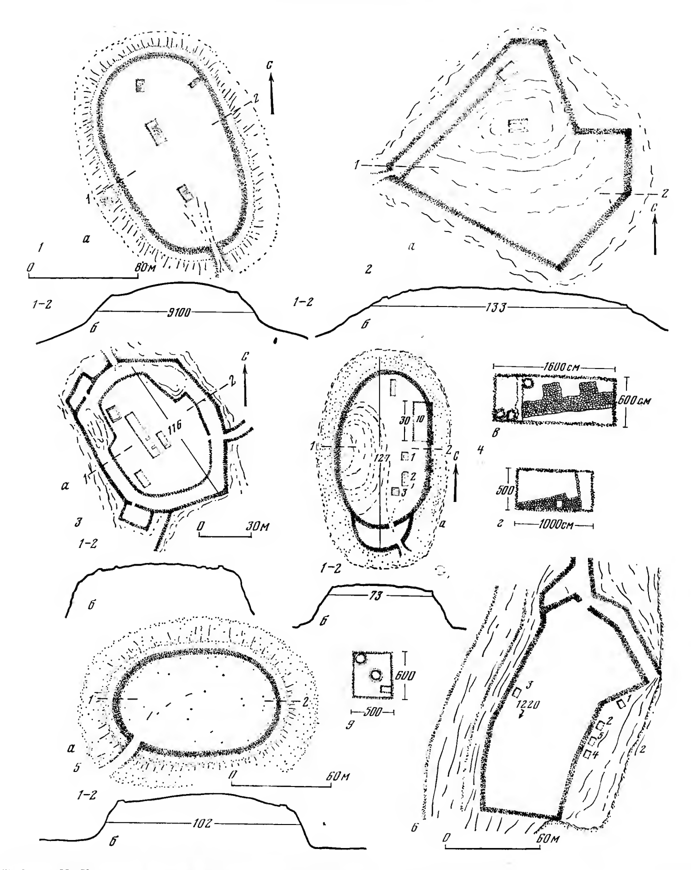


Таблица X. Крепости раннеармянской эпохи (VI—IV вв. до н. э.)

1а, 1б — крепость Тилорпаш. План и разрез; *2а, 2б* — крепость Бахрихач. План и разрез; *3а, 3б* — крепость Норашен. План и разрез; *4* — крепость Тмбдир: *4а, 4б* — план и разрез; *4в* — *4г* — остатки конструкций; *5а, 5б* — крепость Креханц-блур. План и рзэрез; *6* — крепость Калкар. План. Составитель А. П. Акопян

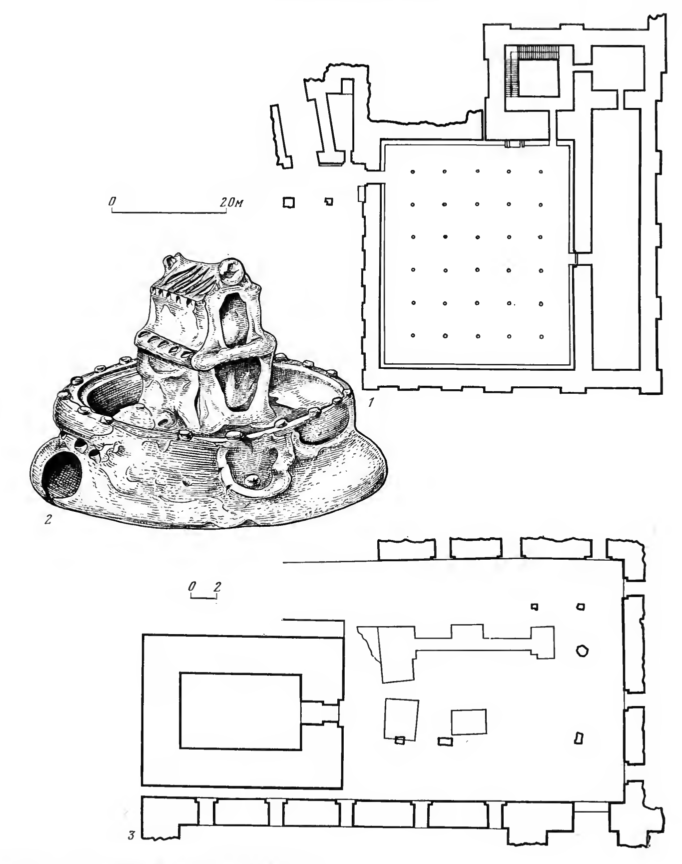


Таблица XI. Архитектура раннеармянской эпохи

1 — Эребуни, ападана. План; *2* — глиняная модель двухэтажного храма из Астхи-блура; *3* — Аринберд — храм огня. План. Составитель А. П. Акопян

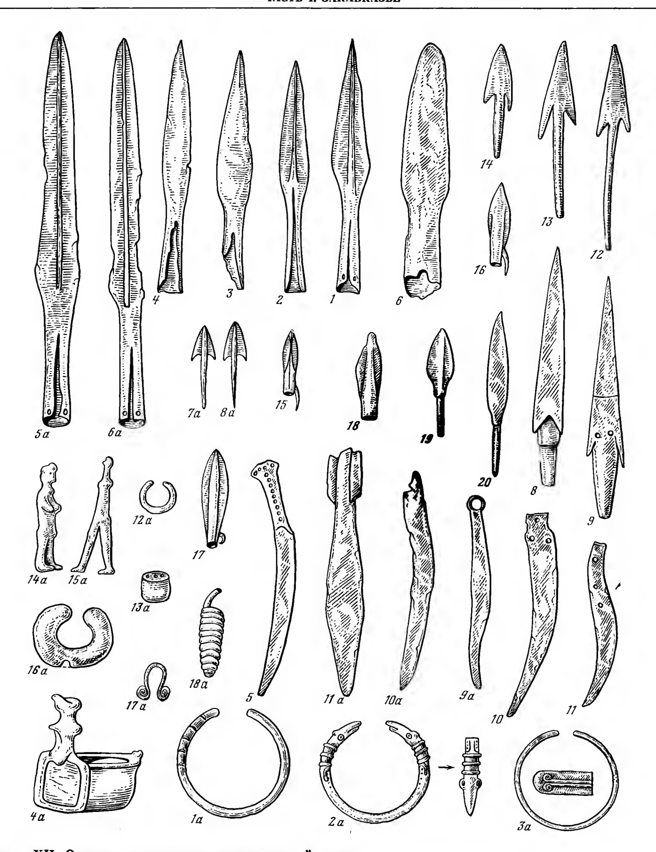


Таблица XII. Оружие и украшения раннеармянской эпохи

1—4, 6 — железные наконечники копий; *5, 10, 11* — железные ножи; *8, 9* — костяные наконечники стрел; *12—14, 20, 21* — бронзовые черенковые наконечники стрел; *15—18* — бронзовые наконечники стрел «скифского» типа (все Норашен). *1а, 2а, 3а* — бронзовые украшения; *4а* — предмет в виде птицы; *5а, 6а* — бронзовые наконечники копий; *7, 8* — бронзовые наконечники копий; *7а, 8а* — бронзовые наконечники стрел; *9а, 10а, 11а* — железные ножи; *12а* — бронзовый перстень; *13а* — бронзовый предмет; *14а, 15а* — бронзовые человеческие фигурки; *16а, 17а, 18а* — бронзовые подвески (все Астхи-блур). Составители Г. А. Тирацян и А. М. Акопян

Таблица XIII. Искусство раннеармянской эпохи

1—4 — серебряные ритоны; *5* — золотая пектораль (Армавир); *6—8* — серебряные браслеты; *9* — фигурка крылатого козла. Составитель А. П. Акопян

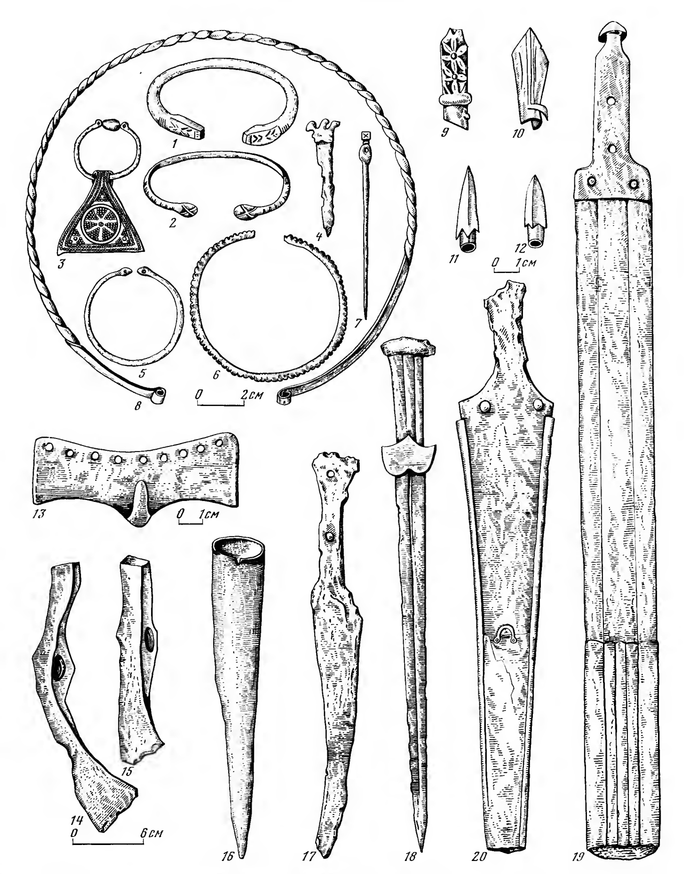


Таблица XIV. Металлические изделия Иберии конца VII—VI в. до н. э.

1, 2, 6 — бронзовые браслеты; *3* — височная подвеска; *5* — височное кольцо; *4, 7* — булавки; *8* — шейная гривна; *9* — фрагмент рукоятки кинжала; *10—12* — скифские наконечники стрел; *13* — поясная пряжка; *14, 15* — топоры; *16* — наконечник копья; *17* — нож; *18* — акинак; *19* — меч; *20* — кинжал с ножнами. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

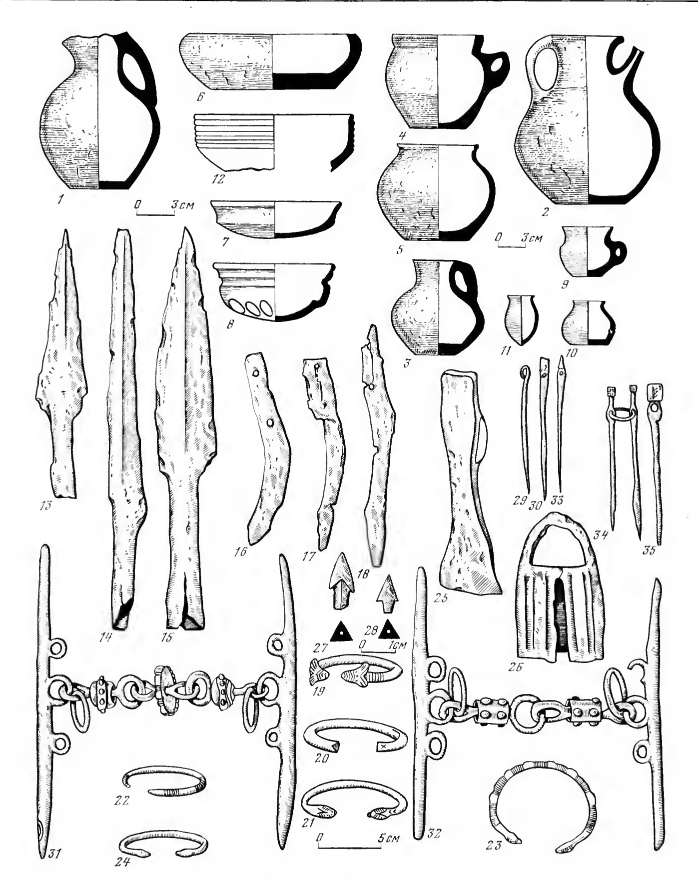


Таблица XV. Материальная культура Иберии V—IV вв. до н. э.

1, 3 — кувшины; *2* — кувшин с носиком; *4, 5, 9, 10* — горшки; *6—8, 12* — миски и чаши; *11* — миниатюрный пифосообразный сосуд; *13—15* — наконечники копий; *16—18* — ножи; *19—24* — браслеты; *25* — топор; *26* — колокольчик; *27, 28* — наконечники стрел; *29, 30, 33—35* — булавки; *31, 32* — удила. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

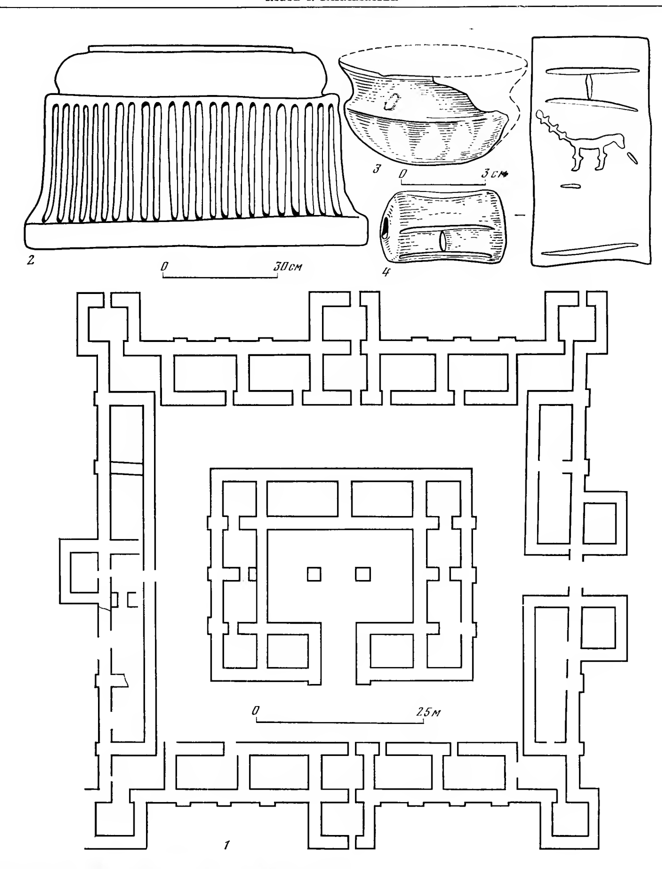


Таблица XVI. Комплекс Сарытепе (V—IV вв. до н. э.)

1 — план дворцового здания (частично реконструкция); *2* — база колонны; *3* — глиняная чаша; *4* — каменная цилиндрическая печать. Составитель Дж. Халилов

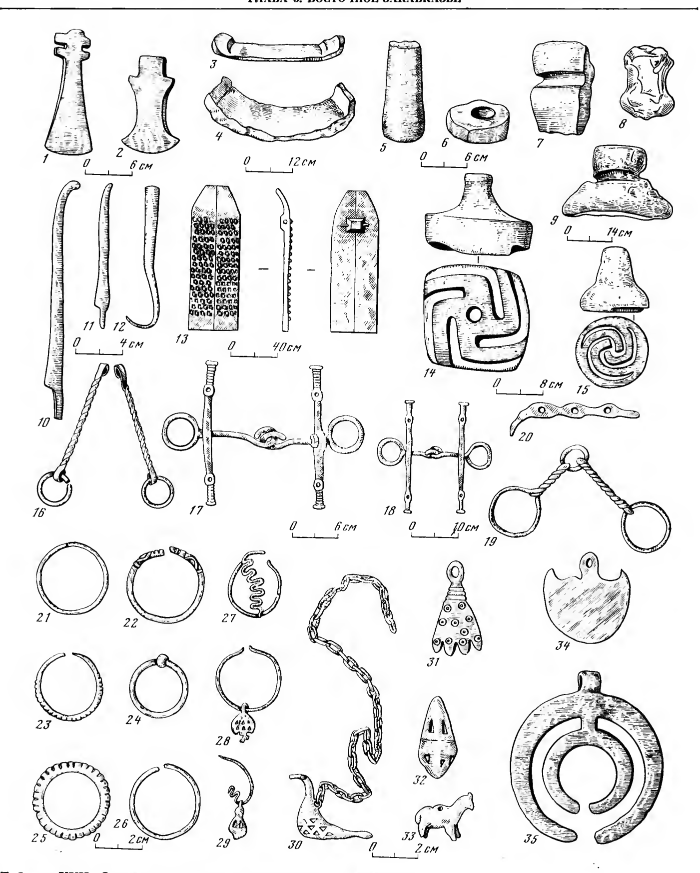


Таблица XVII. Орудия труда, конское снаряжение и украшения

1, 2 — бронзовые топоры (Казах, Кедабек); *3, 4* — каменные зернотерки; *5, 6* — пест и ступка (фрагментированные, Сарытепе); *7—9* — каменные мотыги (Сарытепе); *10, 11* — ножи (Кедабек); *12* — крючок (Кедабек); *13* — молотильные доски (Ханлар); *14, 15* — пинтадеры (Сарытепе); *16—19* — удила (Кедабек, Мингечаур); *20* — псалии (Мингечаур); *21—26* — браслеты (Кедабек, Мингечаур); *27—29* — серьги (Кедабек); *30—35* — подвески (Кедабек, Мингечаур). Составитель Дж. Халилов

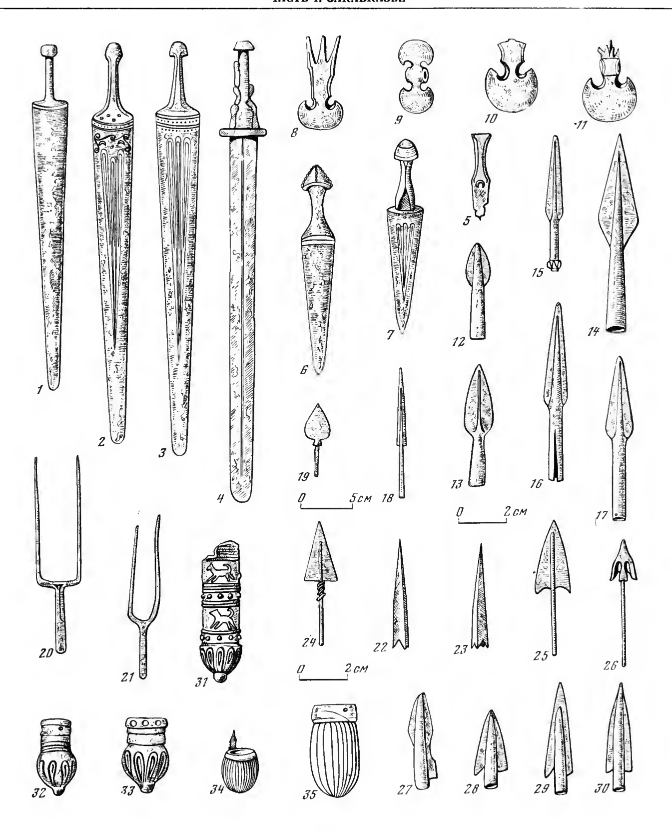


Таблица XVIII. Оружие

1—3 — бронзовые мечи (Кедабек); *4* — меч с железным клинком и бронзовой рукояткой (Казах); *5* — рукоятка меча «переднеазиатского типа» (Кедабек); *6, 7* — кинжалы (Кедабек, Арчадзор); *8—11* — секиры (Ханлар, Шамхор); *12—18* — наконечники копий (Мингечаур, Кедабек, Ханлар); *19* — железный наконечник стрелы (Кедабек); *20, 21* — бронзовые боевые вилы (Ханлар, Кедабек); *22, 23* — костяные наконечники стрел (Мингечаур); *24—30* — бронзовые наконечники стрел (Ханлар, Мингечаур); *31—35* — втоки (Мингечаур). Составитель Дж. Халилов

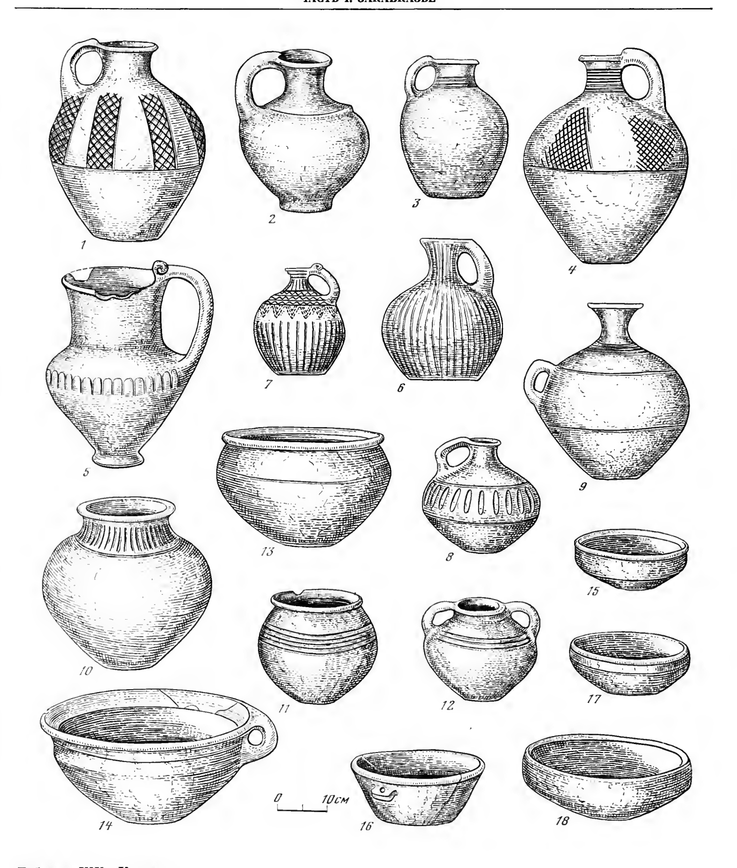


Таблица XIX. Керамика

1—9 — кувшины (*1, 2, 4, 5, 9* — из Шамхора, *6, 8* — из Арчадзора, *3* — из Мингечаура); *10—13* — горшки (*10—12* — из Шамхора, *13* — из Мингечаура); *14—18* — миски (*14—17* — из Мингечаура, *18* — из Сарытепе). Составитель Дж. Халилов

Таблица XX. Керамика и каменные сосуды

1—7 — сосуды с белой инкрустацией (Ханлар, Кедабек); *8, 9* — хозяйственные кюпы (Мингечаур); *10* — маслобойка (Шамхор); *11, 12* — сосуды в виде сапожков (Мингечаур); *13* — каменная ваза с инкрустацией (Мингечаур); *14—17* — каменные сосуды (Мингечаур, Кедабек). Составитель Дж. Халилов

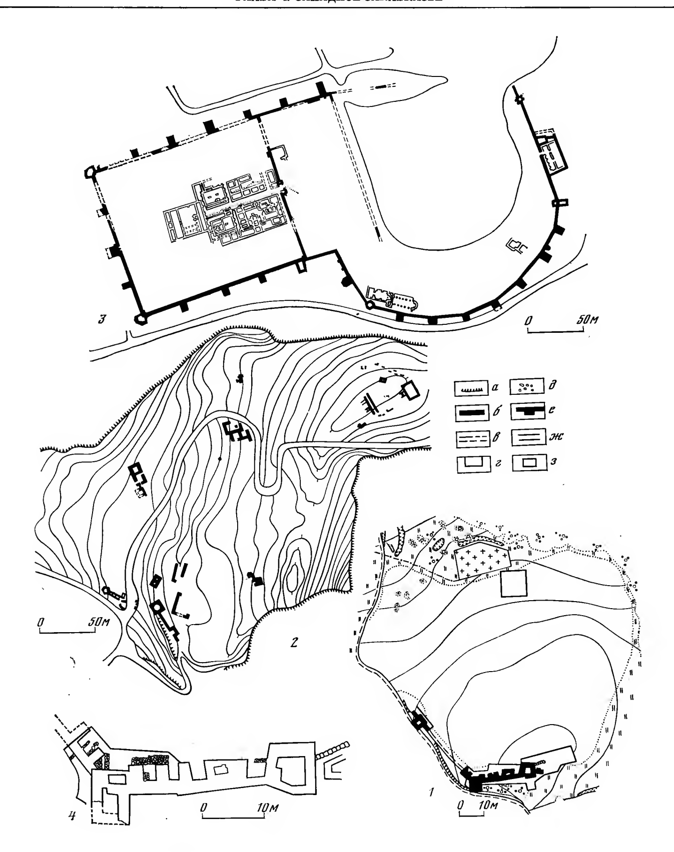


Таблица XXI. Города Колхиды. Планы

1 — Эшерское городище; *2* — Вани; *3* — Питиунт; *4* — укрепления Эшерского городища; *а* — обрыв, *б* — стены, *в* — реконструируемое направление стен, *г* — территория раскопа, *д* — растительность, *е* — стены с башнями, *ж* — постройки позднего времени, *з* — современная застройка. Составитель Г. А. Кошеленко

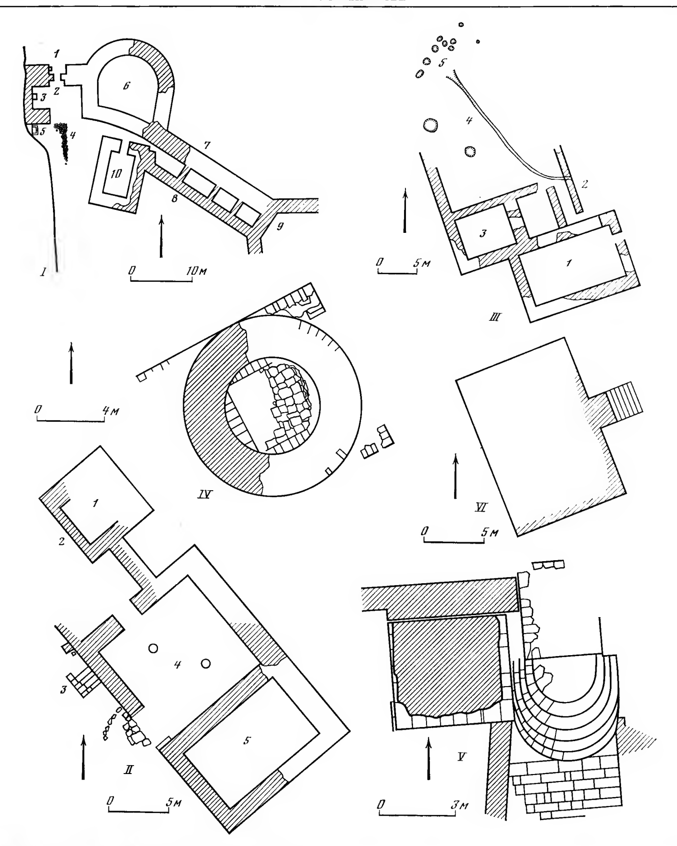


Таблица XXII. Архитектурные сооружения Вани

I — комплекс ворот: *1* — катаракта; *2* — калитка; *3* — привратное сооружение с алтарем; *4* — мостовая; *5* — жертвенник; *6* — полукруглая башня; *7* — оборонительная стена (первая линия); *8* — оборонительная стена (вторая линия); *9* — многогранная башня; *10* — казарма; II — храмово-культовый комплекс на нижней террасе, III—I вв. до н. э. *1* — башнеобразное здание; *2* — жертвенная площадка; *3* — каменная лестница, ведущая к деревянному жертвеннику; *4* — колонный зал; *5* — зал для приношений; III — культовый комплекс: *1* — святилище с мозаичным полом; *2* — алтарь со ступеньками; *3* — зал с алтарем; *4* — ритуальный канал; *5* — ритуальные ямы; IV — круглый храм; V — алтарь с 12 ступеньками; VI — церемониальный алтарь. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

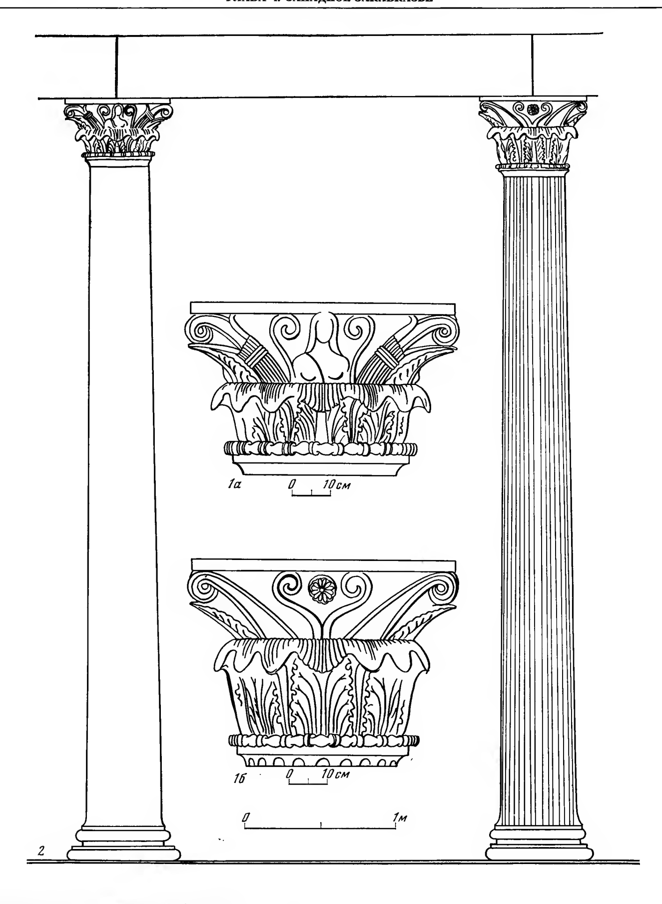


Таблица XXIII. Архитектура Колхиды

1а, 1б — капители колонн из Вани; *2* — реконструкция ордера.
Составитель О. Д. Лордкипанидзе

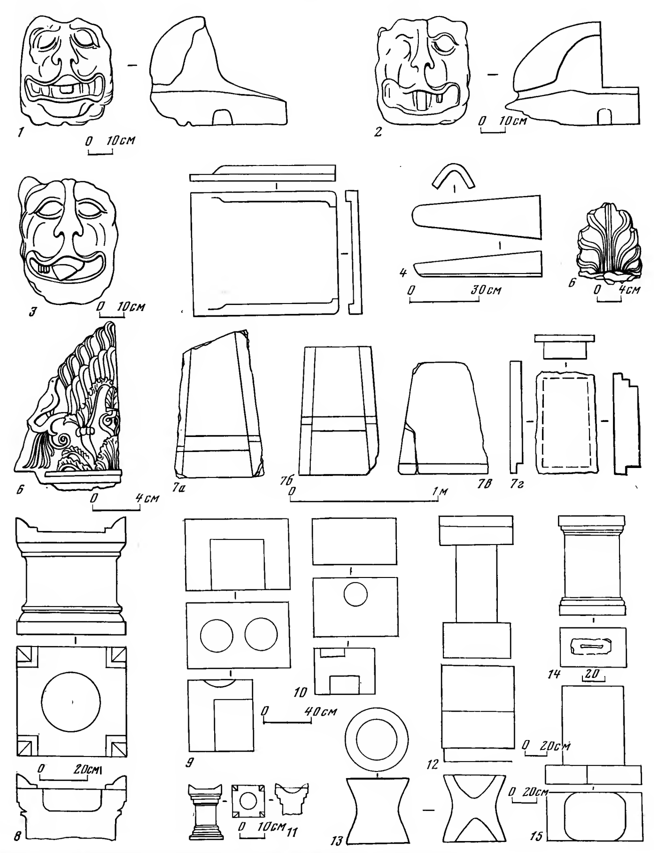


Таблица XXIV. Архитектурные детали и алтари из Вани III—I вв. до н. э.

1—3 — части симы от водостока (известняк); *4* — черепицы (солен и калиптер); *5* — антефикс (терракота); *6* — акротерий (известняк); *7а — 7г* — кессонные плиты от потолка круглого храма; *8—15* — малые каменные алтари. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

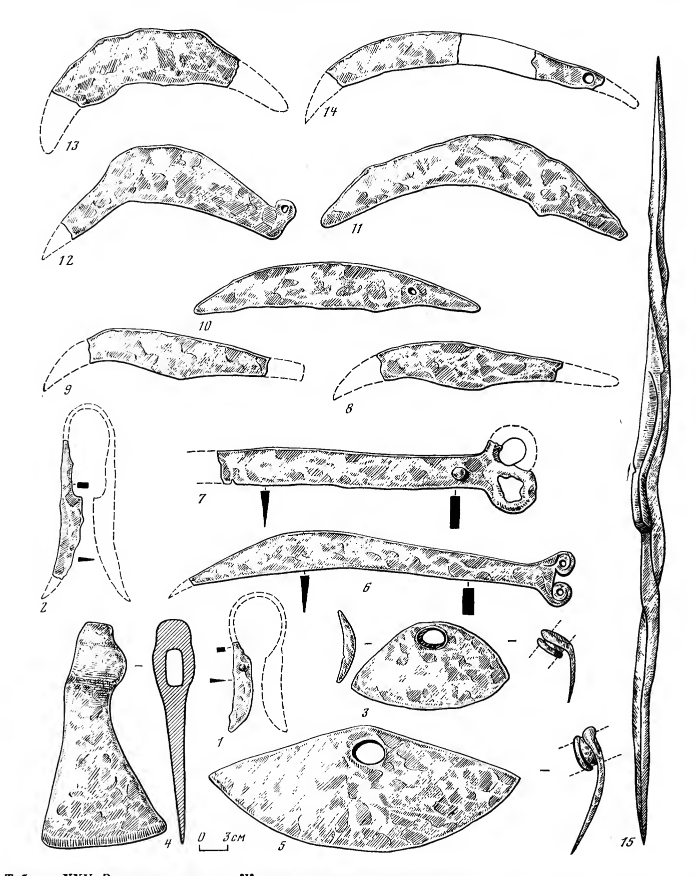


Таблица XXV. Эшерское городище. Железные орудия труда и оружие

1, 2 — ножницы; *3, 5* — сельскохозяйственные орудия (типа тяпок); *4* — топор; *6—14* — ножи и кинжальчики, эллинистическое время; *15* — предмет неизвестного назначения. Составитель Г. А. Кошеленко

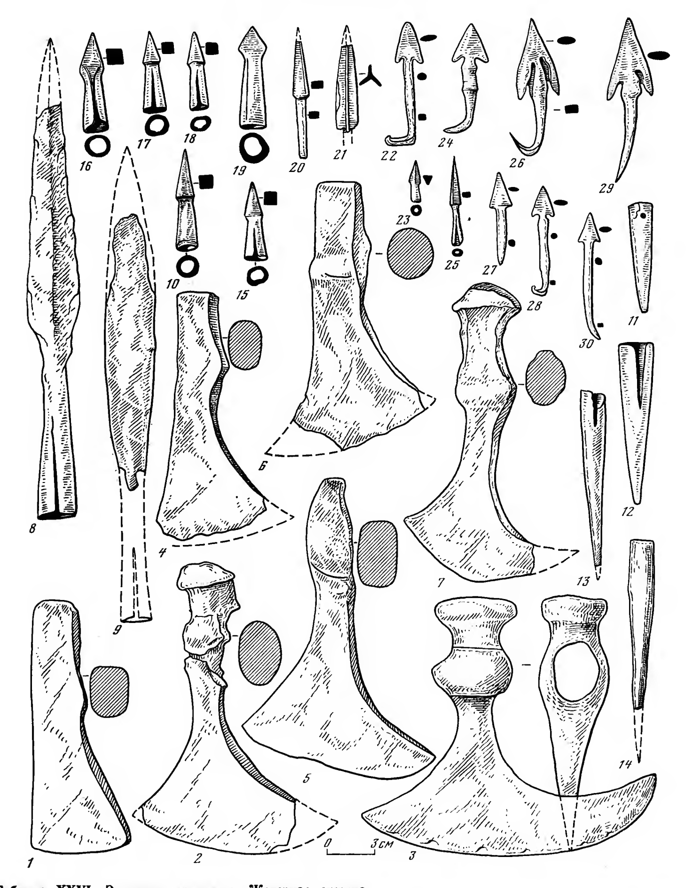


Таблица XXVI. Эшерское городище. Железное оружие

1—7 — боевые топоры V—II вв. до н. э.; *8—10, 15—19* — наконечники копий; *11—14* — наконечники посохов; *20—30* — наконечники стрел, эллинистическое время. Составитель Г. А. Кошеленко

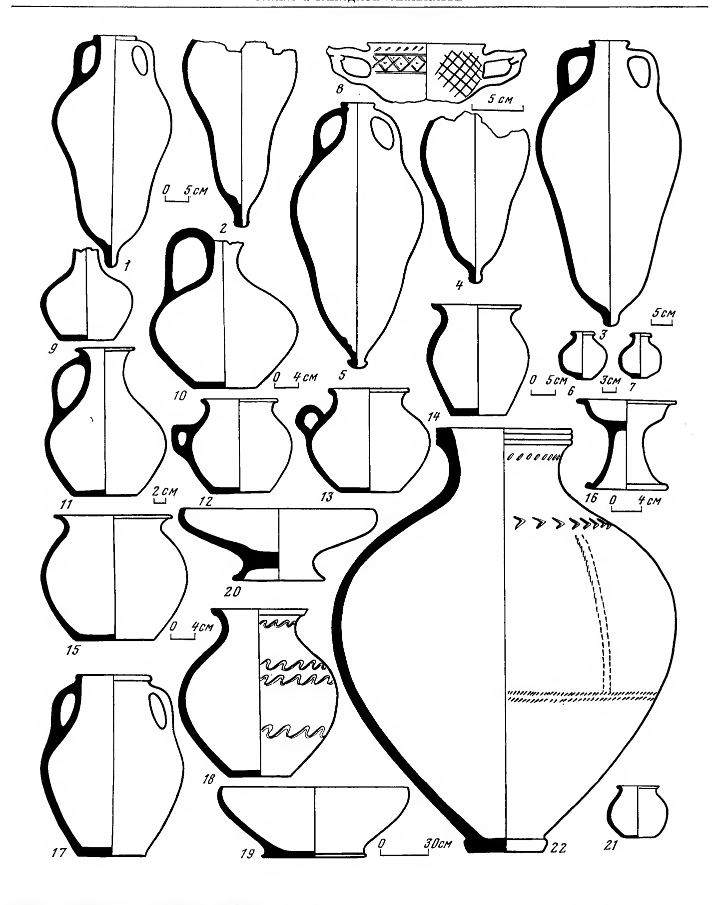


Таблица XXVII. Колхидская керамика II—I вв. до н. э.

1—5 — колхидские амфоры; *6, 7* — миниатюрные пифосы; *8* — канфарообразный сосуд; *9—11* — кувшины; *12—15* — горшки; *16* — расписная ваза; *17, 18* — корчаги; *19, 20* — миски; *21* — кувшинчик; *22* — пифос. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

Таблица XXVIII. Золотые и серебряные предметы из Вани

1, 3 — золотые височные украшения, V в. до н. э.; *2* — золотая фиала, первая половина II в. до н. э.; *4* — золотой браслет, V в. до н. э.; *5* — золотое ожерелье, V в. до н. э.; *6* — серебряная ложка, III в. до н. э.; *7* — серебряный медальон, II—I вв. до н. э. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

Таблица XXIX. Серебряные и бронзовые статуэтки из Вани

1 — бронзовая статуэтка Ники, II в. н. э.; *2* — серебряная статуэтка Аполлона, II—I вв. до н. э.; *3* — серебряная статуэтка II—I вв. до н. э.; *4, 5* — бронзовые статуэтки, III в. до н. э. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

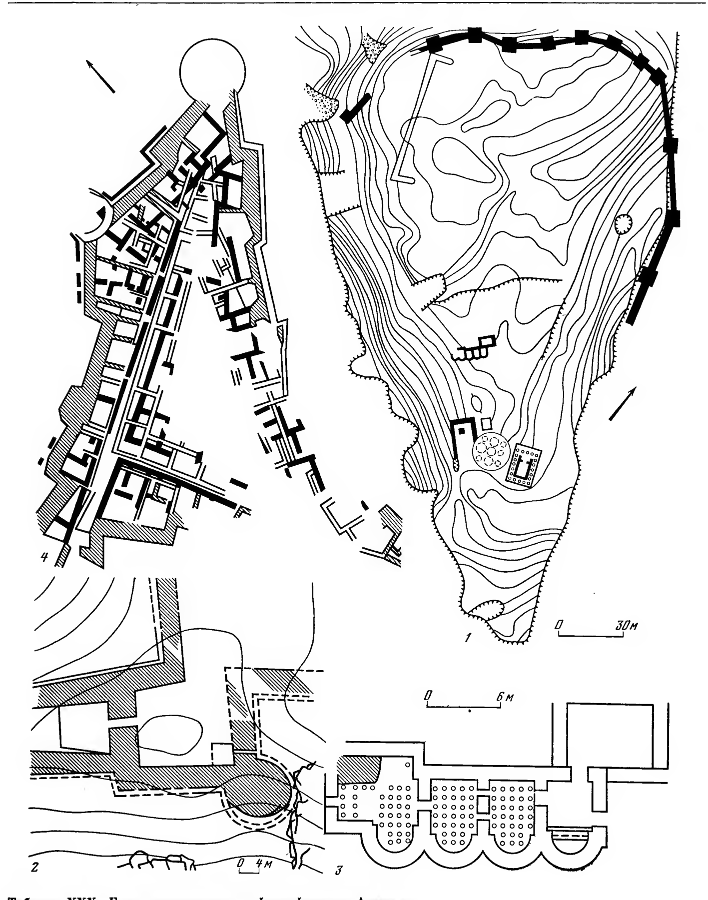


Таблица XXX. Градостроительство и фортификация Армении

1 — Гарни. План крепости; *2* — план части укреплений на холме IV Арташата; *3* — план бани в Гарни; *4* — Арташат. Планы холма I, вскрытый участок. Составитель А. П. Акопян

Таблица XXXI. Архитектура Армении

1 — храм в Гарни (восстановлен архитектором А. А. Саиняном); *2* — мозаичный пол бани в крепости Гарни (деталь); *3, 4* — орнаменты на нижней стороне архитрава храма в Гарни; *5а, 5б* — базы колонн из Арташата; *6* — фигура атланта на стене с левой стороны лестницы храма в Гарни; *7* — карниз из здания в Арташате (деталь); *8* — монументальная база из Арташата; *9* — одна из капителей храма в Гарни. Составители А. М. Акопян и А. П. Акопян

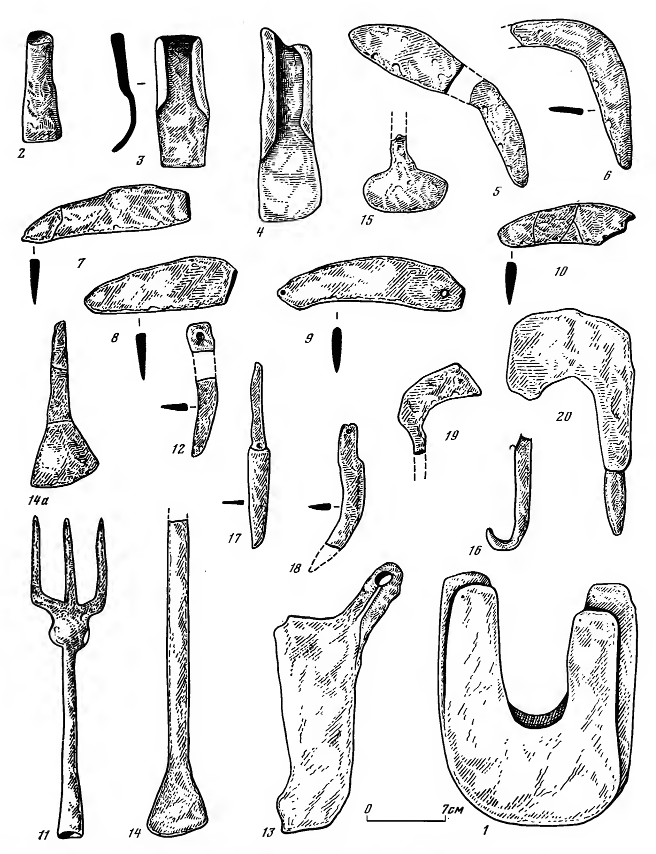


Таблица XXXII. Железные орудия труда (III в. до н. э. — III в. н. э.). Армения

1 — лопата (Армавир, III—I вв. до н. э.); *2—4* — мотыги (Армавир, III—I вв. до н. э.); *5—10* — серпы (Армавир, III—I вв. до н. э.); *11* — трезубец (Гарни); *12, 17, 18* — ножи (Армавир); *13* — орудие труда (топор?) (Армавир, III—I вв. до н. э.); *14, 14а, 15* — скребла (Армавир, III—I вв. до н. э.); *16* — орудие труда (неизвестного назначения); *19, 20* — садовые ножи (Армавир). Составители Г. А. Тирацян, А. П. Акопян, А. М. Акопян

Таблица XXXIII. Керамика и терракотовые статуэтки эллинистического времени (Армавир, Гарни)

1 — горшок; *2, 3* — кувшины с венчиком в виде трилистника; *4* — кувшин с ручкой; *5* — венчик караса; *6—12* — миски, чаши, тарелки; *13* — сосуд со сливообразным носиком; *14* — фляга; *15, 16* — высокие толстостенные сосуды; *17* — светильник; *18—20* — головки терракотовых статуэток (Гарни); *21* — фрагмент терракотовой статуэтки (Гарни); *22—29* — расписная керамика (Армавир). Составители Г. А. Тирацян и А. П. Акопян

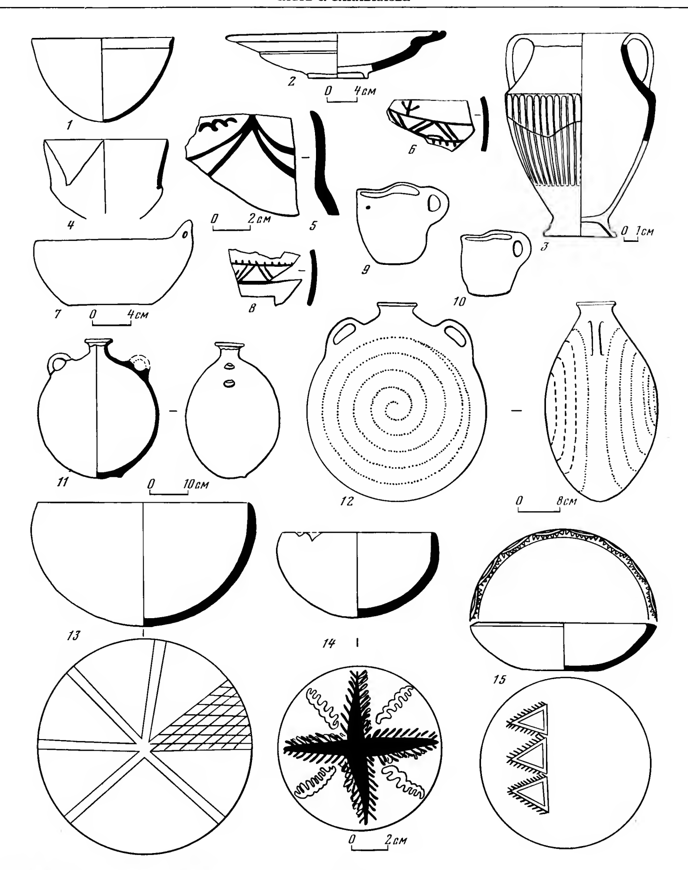


Таблица XXXIV. Керамика Армении, III—I вв. до н. э.

1, 13—15 — расписные полусферические миски из некрополя Арташата; *2* — гончарная тарелка из погребального комплекса, I—II вв. н. э.; *3* — фрагмент тулова поливного сосуда; *4, 5* — фиалы из погребения 40 некрополя Арташата; *6, 8* — фрагменты большого сосуда; *7, 9, 10* — миска и кубки из раскопок холма I Арташата; *11, 12* — фляги. Составитель А. М. Акопян

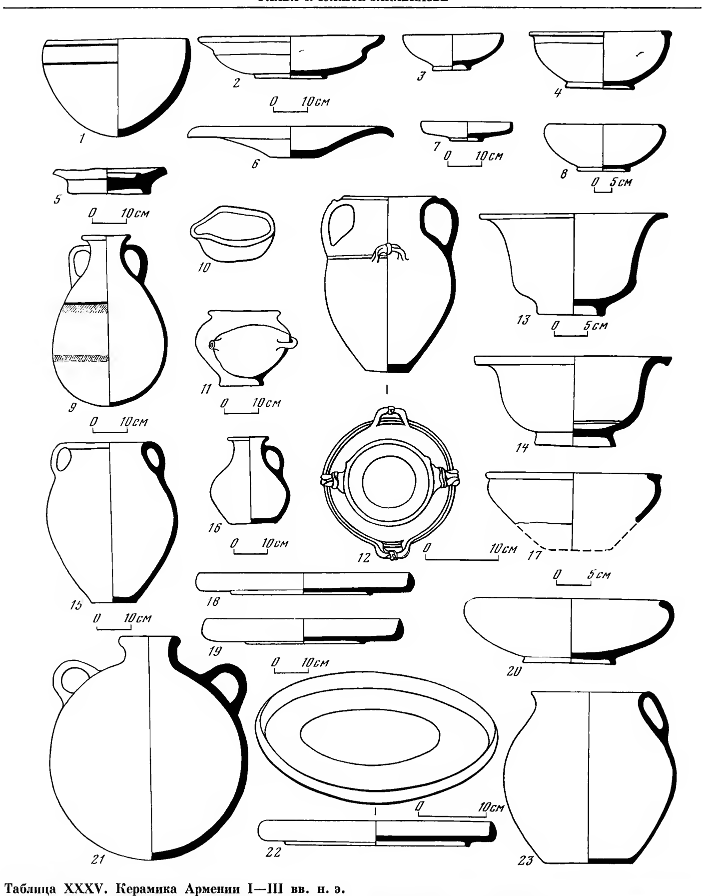


Таблица XXXV. Керамика Армении I—III вв. н. э.

1 — полусферическая расписная миска; *2, 6* — рыбные блюда; *3, 4, 8* — чаши; *5* — тарелка с круглым поддоном; *7* — блюдо; *9, 15, 16, 21, 23* — различные типы кувшинов из некрополя Арташата; *10* — лепной светильник; *11* — сосуд из погребения 40 некрополя Арташата; *12* — четырехручный сосуд; *13, 14* — чаши-фиалы; *17, 20* — миски; *18, 19, 22* — блюда из раскопок холма VIII Арташата. Составитель А. М. Акопян

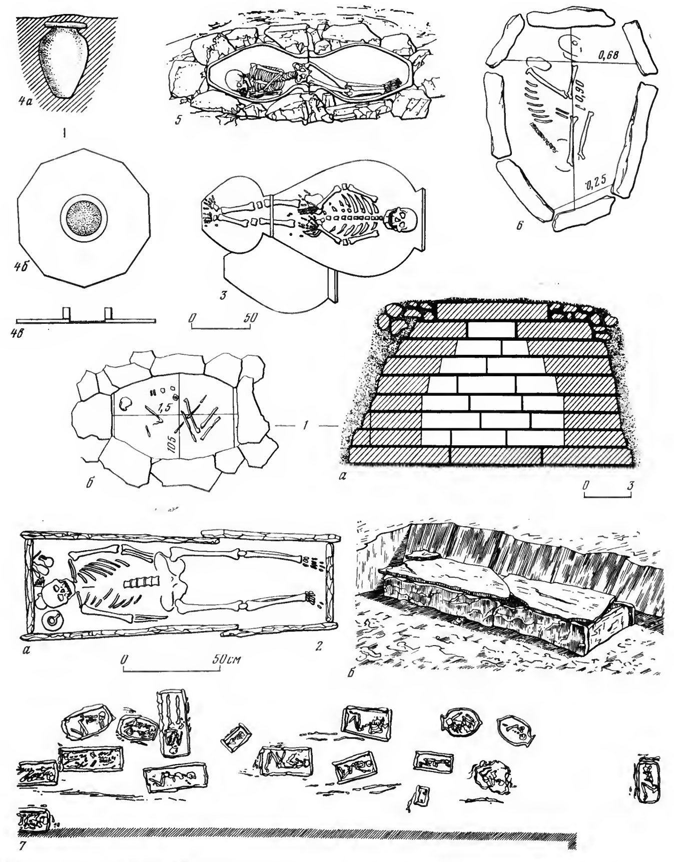


Таблица XXXVI. Погребальный обряд. Армения, III в. до н. э. — III в. н. э.

1а, 1б — сисианская гробница. План и разрез; *2а, 2б* — каменный ящик (Гарни); *3* — карасное (кувшинное) захоронение (Гарни, эллинистическая эпоха); *4а, 4б, 4в* — башнеобразное захоронение; *5* — кувшинное захоронение (Севан, эллинистическая эпоха); *6* — каменный ящик (Гарни, I—III вв. н. э.); *7* — Гарни. Расположение группы захоронений. План. Составитель А. П. Акопян

Таблица XXXVII. Искусство Армении

1 — каменная голова статуи (Двин); *2* — каменная голова статуи (окрестности Еревана); *3* — торс мраморной скульптуры (Гарни); *4* — голова каменной статуи (с. Дарбинд, вблизи г. Ленинакан); *5* — голова бронзовой статуи богини Анаит-Артемиды (Сагала-Сатах); *6* — мраморная статуя (Арташат); *7—9* — терракотовые статуэтки (Арташат). Составитель А. П. Акопян

Таблица XXXVIII. Декоративное и прикладное искусство Армении

1 — серебряная статуэтка (Арташат); *2* — серебряный медальон с изображением Исиды (Сисиан, I в. до н. э.); *3* — бронзовая статуэтка (Арташат); *4* — золотой венок (Арташат); *5* — серебряная чаша (хранится в Гос. Эрмитаже); *6* — серебряная чаша (Сисиан); *7* — бронзовая маска Вакха (Ани, в Шираке); *8* — серебряный медальон (Сисиан, I в. до н. э.); *9* — серебряная чаша царя Пакора. Составитель А. П. Акопян

Таблица XXXIX. Денежное обращение Армении

1 — Птолемей I Сотер (323—283 гг.), Египет; *2* — Селевк I (305—278 гг.), Сирия; *3* — Селевк II (246—225 гг.) Сирия; *4* — Антиох IV Епифан (175—164 гг.), Антиохия; *5* — Антиох X (94—83 гг.), Антиохия; *6* — Клеопатра и Антиох VIII (125—121 гг.), Дамаск; *7* — Тир (122/121 гг.); *8* — Митридат I (171—138 гг.), Селевкия на Тигре; *9* — Митридат II (123—88 гг.), драхма; *10* — Фраат III (70—57 гг. до н. э.); *11* — Ород II (57—38 гг. до н. э.); *12* — Фраат IV (38 г. до н. э.— 2 г. н. э., Селевкия на Тигре); *13* — Артабан II (10—38 гг. н. э.); *14, 15* — Тигран II (95—55 гг. до н. э.); *16* — денарий (III в. до н. э.), Этрурия; *17* — Рим (127 г. до н. э.); *18, 19* — Клавдий (41—54 гг. н. э.). Рим; *20* — император Филипп Араб (244—249 гг. н. э.); *21* — Нерон (54—68 гг. н. э.); *22* — Луций Вер, Марк Аврелий (161—169 гг.); *23* — Филипп Араб. Составители А. М. Акопян, А. Б. Никитин

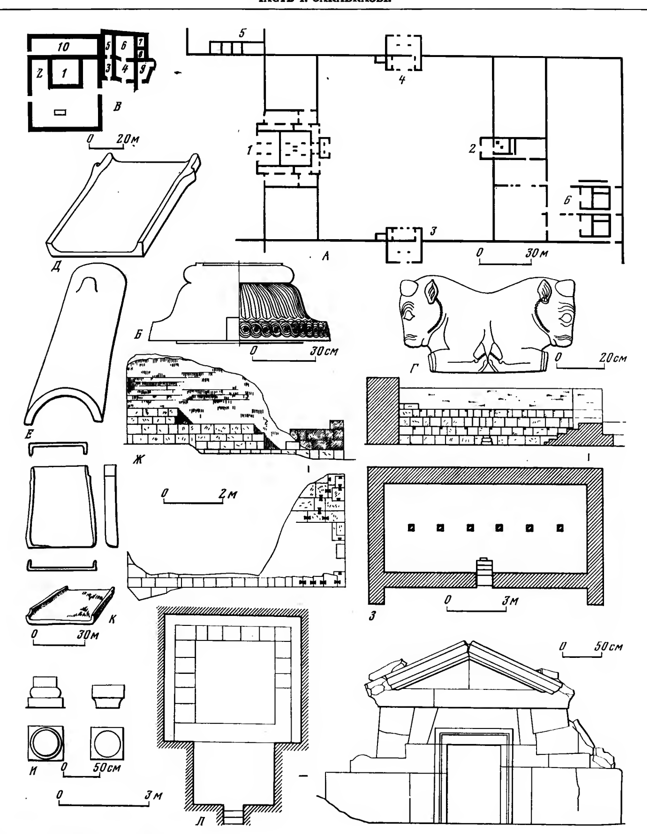


Таблица XL. Архитектура Иберии

Храмы А — Дедоплис Миндори (II—I вв. до н. э.): *1* — главный храм; *2* — малый храм; *3* — восточные ворота; *4* — западные ворота; *5* — юго-восточное строение, фланкирующее южный портик главного храма; *6* — строения в северо-восточной, угловой части теменоса. *Б* — база колонны (Дедоплис Миндори). *В* — Цихиагора: *1* — центральный зал храма; *2* — кладовая; *3, 5, 7—9* — зернохранилища; *4, 6* — жилые комнаты; *10* — двухэтажные помещения (дворец?). *Г* — капитель колонны (Цихиагора). *Д, Е* — черепица (Цихиагора)

Архитектурные сооружения Армазцихе (Багинети): *Ж* — оборонительные стены, II—I вв. до н. э. План и разрез. *З* — «колонный зал», II—I вв. до н. э. План и разрез. *И* — архитектурные детали из «колонного зала». *К* — черепица, первые века н. э. *Л* — склеп типа мавзолея. План и фасад. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

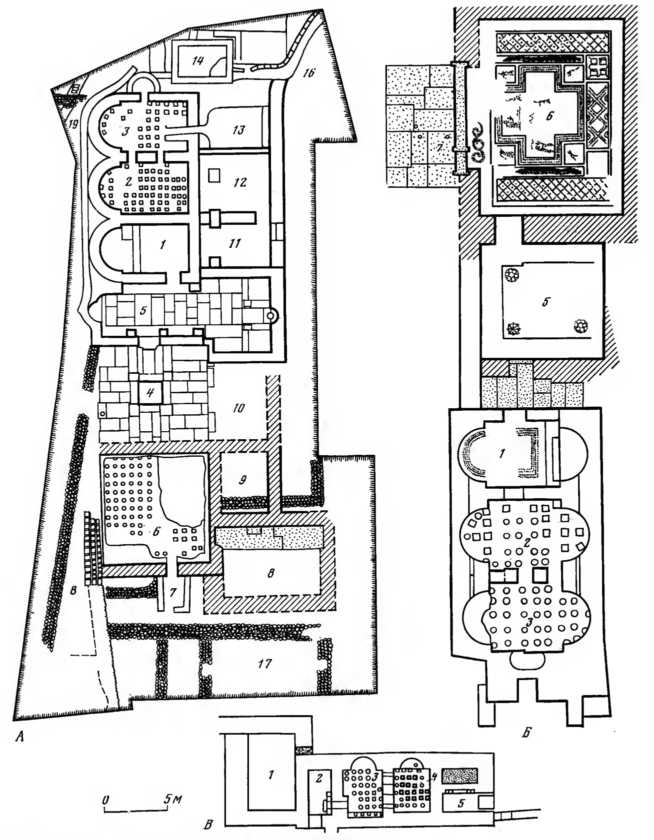


Таблица XLI. Архитектура общественных сооружений Иберии

А — банный комплекс в Дзалиса, II—IV вв. н. э.: *1* — холодная баня; *2* — теплая баня; *3* — горячая баня; *4* — атриум с фонтаном; *5* — культовое помещение; *6* — раздевальня; *7* — вестибюль; *8—12* — гимнасий; *13* — комната кочегара; *14* — резервуар; *15* — дымоход; *16* — водопровод; *17* — остатки древних сырцовых стен; *18* — цоколь поздней стены; *19* — коллектор. *Б* — «дом Диониса» в Дзалиса, II в. н. э.: *1* — холодная баня с мозаичным полом; *2* — теплая баня; *3* — горячая баня; *4* — коридор, мощенный каменными плитами; *5* — комната жреца; *6* — зал с мозаичным полом; *7* — площадка у входа в зал. *В* — баня в Армазисхеви, II—III вв. н. э.: *1* — раздевальня; *2* — топочное отделение; *3* — горячая баня; *4* — теплая баня; *5* — холодная баня. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

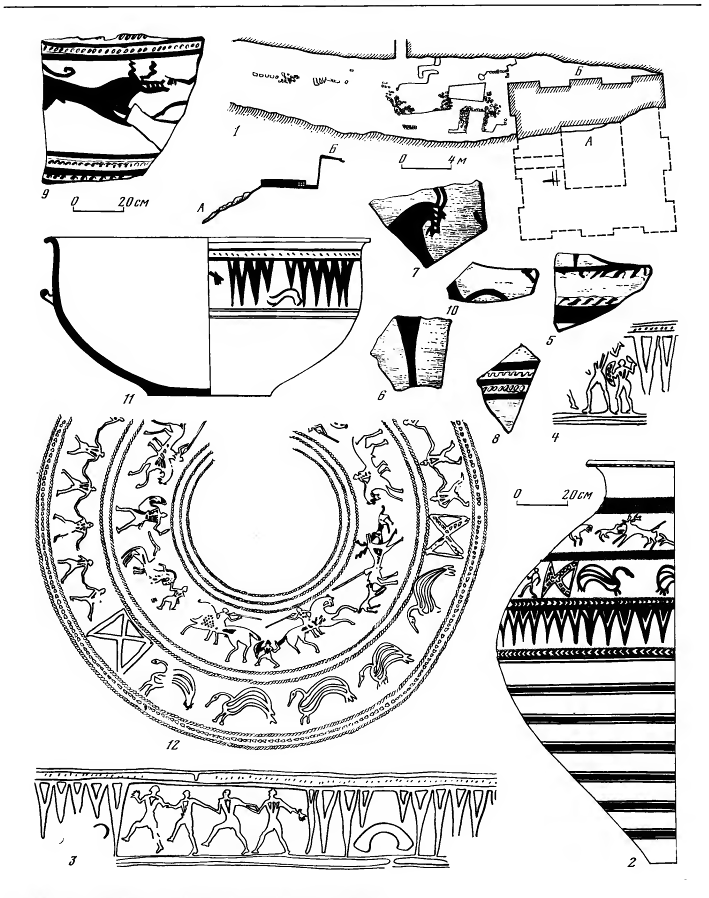


Таблица XLII. Самадло. План храма и расписная керамика

1 — план и разрез храма; *2—12* — расписная керамика. Эллинистическое время. Составитель Г. А. Кошеленко

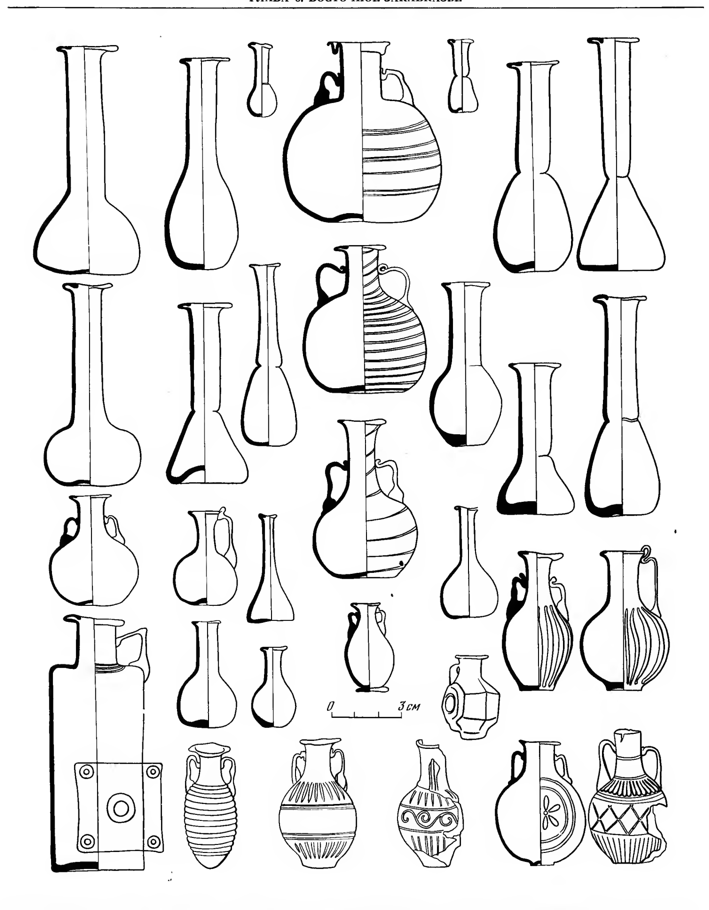


Таблица XLIII. Основные типы стеклянных сосудов. Иберия I—III вв. н. э. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

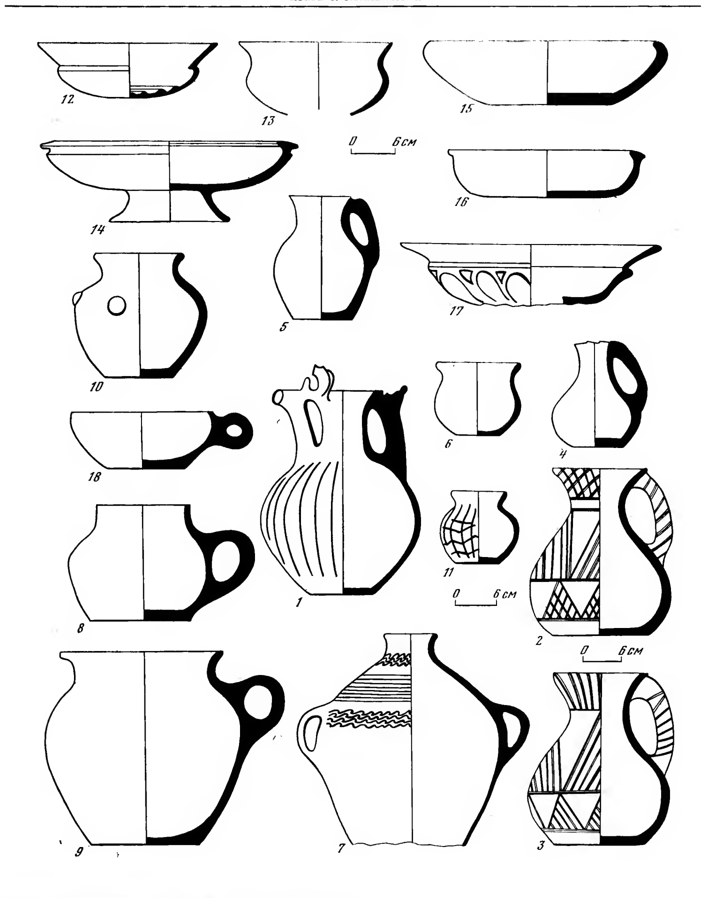


Таблица XLIV. Керамика Иберии IV—III вв. до н. э.

1 — кувшин с трубчатым носиком; *2, 3* — расписные кувшинчики; *4, 5* — кувшинчики; *7* — корчага; *6, 8—11* — горшки; *12, 13, 15, 16—18* — чаши; *14* — ваза на высокой ножке. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

Таблица XLV. Терракотовые маски из Саркине, II—I вв. до н. э. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

Таблица XLVI. Терракотовая скульптура и мозаика. Иберия

1 — Дионис — терракота (Саркине, II—I вв. до н. э.); *2* — Ариадна — терракота (Саркине, II—I вв. до н. э.); *3* — мозаика с изображением Диониса и Ариадны (Дзалиси, I—II вв. н. э.). Составитель О. Д. Лордкипанидзе

Таблица XLVII. Дзалиси. Мозаики, I—II вв. н. э. Составитель О. Д. Лордкипанидзе

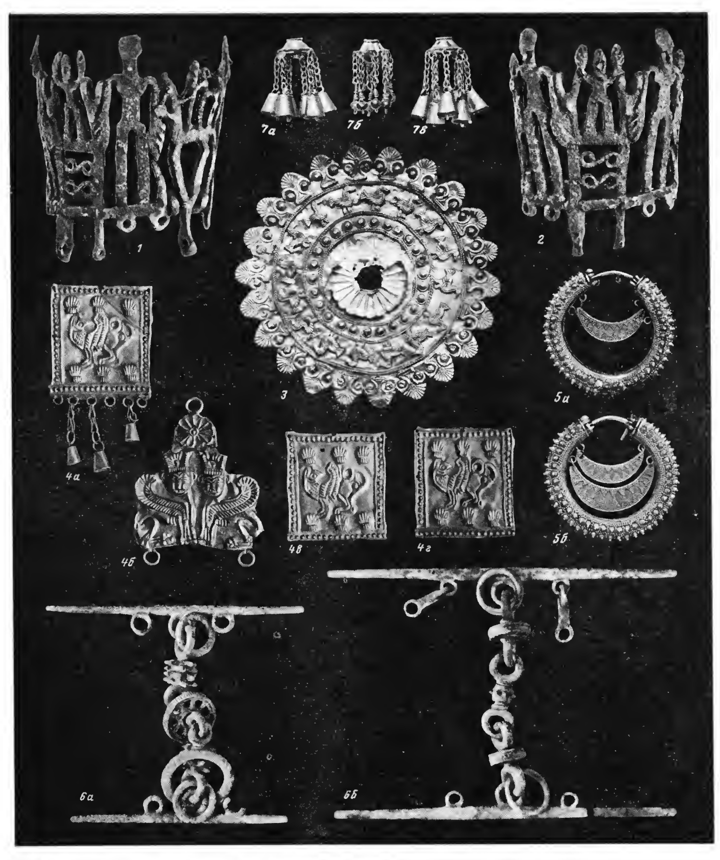


Таблица XLVIII. Находки из Конгаети и Ахалгори

1, 2 — бронзовые штандарты (Конгаети); *3, 4а, 4б, 4в, 4г* — золотые бляхи (Ахалгорийский клад, IV в. до н. э.); *5а, 5б* — золотые серьги (Ахалгорийский клад IV в. до н. э.); *6а, 6б* — бронзовые удила (Конгаети); *7а, 7б, 7в* — золотые подвески.
Составитель О. Д. Лордкипанидзе

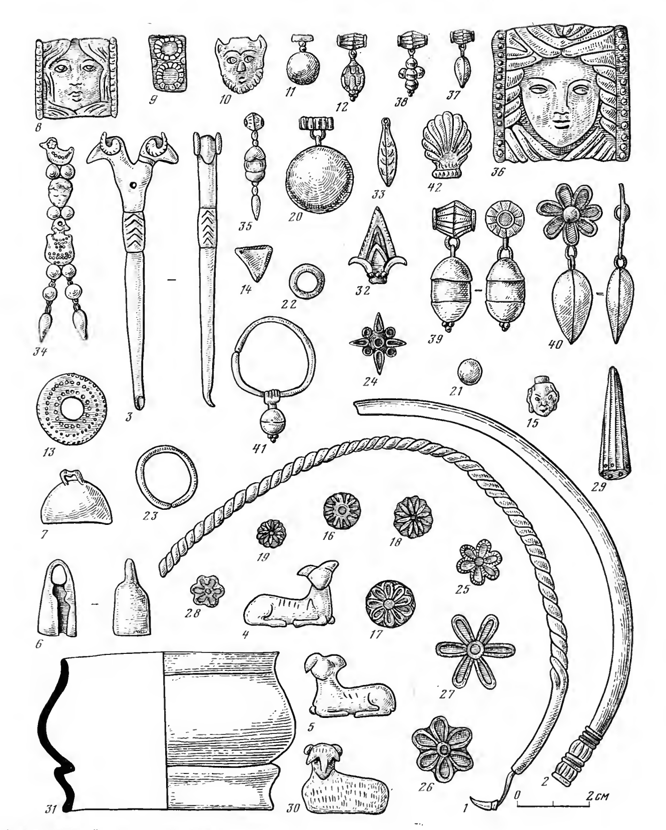


Таблица XLIX. Самадло. Украшения

1 — серебряная гривна; *2* — бронзовая гривна; *3* — бронзовая ковероушка; *4, 5* — бронзовые позолоченные фигурки барана; *6, 7* — бронзовые колокольчики; *8, 10, 13—19, 24—28, 32, 33, 42* — золотые бляшки; *9* — серебряная пластинка; *11* — золотая подвесная пластинка; *12* — золотая бусина; *20* — золотая трубочка-пронизка; *21* — золотая пуговка; *22* — серебряная бляшка; *23* — золотое колечко; *29* — золотая подвеска; *30* — серебряное позолоченное изображение барана; *31* — обломок серебряной обкладки фигурных ножек ложа; *34* — золотая подвеска; *35* — бусина из белой пасты; *36* — золотая пластинка; *37, 38* — золотые бусы; *39* — золотая розетка с бусиной-подвеской; *40* — золотая розетка с подвеской; *41* — золотая серьга. Составитель Г. А. Кошеленко

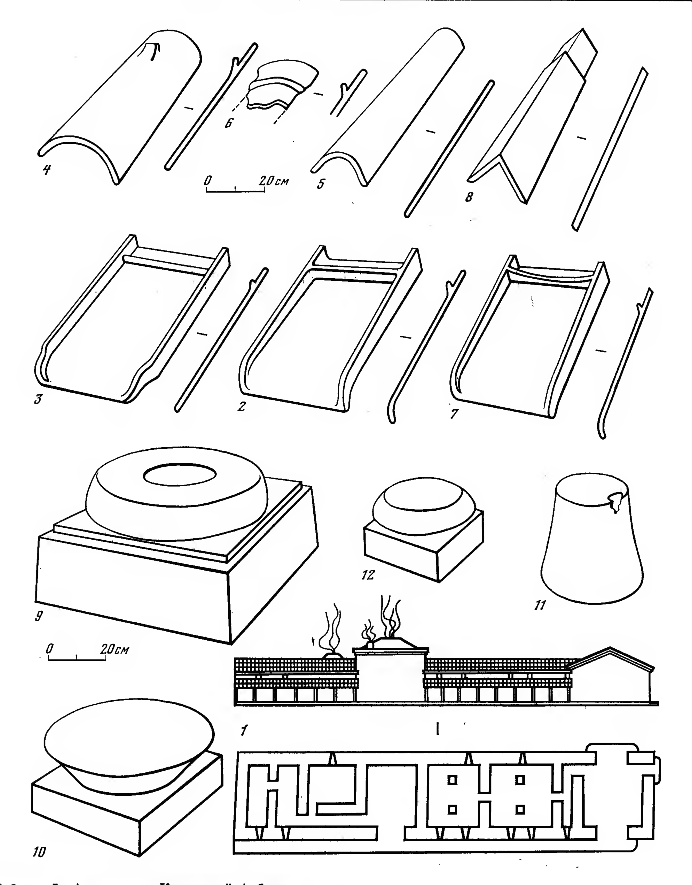


Таблица L. Архитектура Кавказской Албании

1 — общественное здание. План реконструкции (Кабала); *2—8* — черепица (Кабала); *9—12* — каменные базы колонны (Кабала, Шемаха). Составитель Дж. Халилов

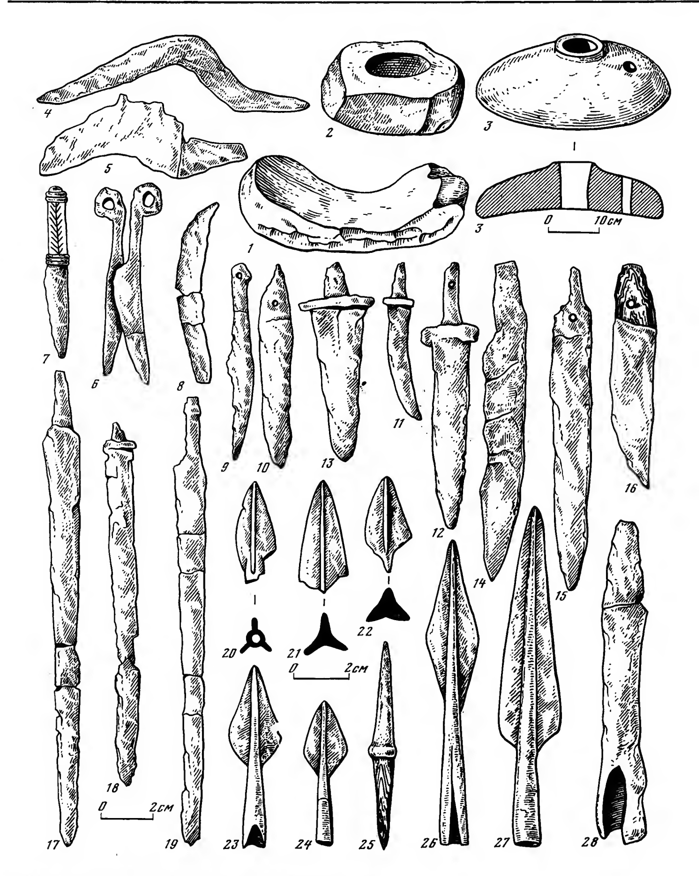


Таблица LI. Орудия труда и оружие. Кавказская Албания

1 — зернотерка (Шемаха); *2* — ступка (Шемаха); *3* — жернов (Шемаха); *4, 5* — серповидные ножи (Шемаха, Мингечаур); *6* — ножницы (Шемаха); *7—11, 14—16* — ножи (Рустов, Шемаха, Мингечаур); *12, 13* — кинжалы (Шемаха); *17—19* — мечи (Шемаха); *20—22, 25* — наконечники стрел (Рустов); *23, 24, 26—28* — наконечники копий (Шемаха, Рустов). Составитель Дж. Халилов

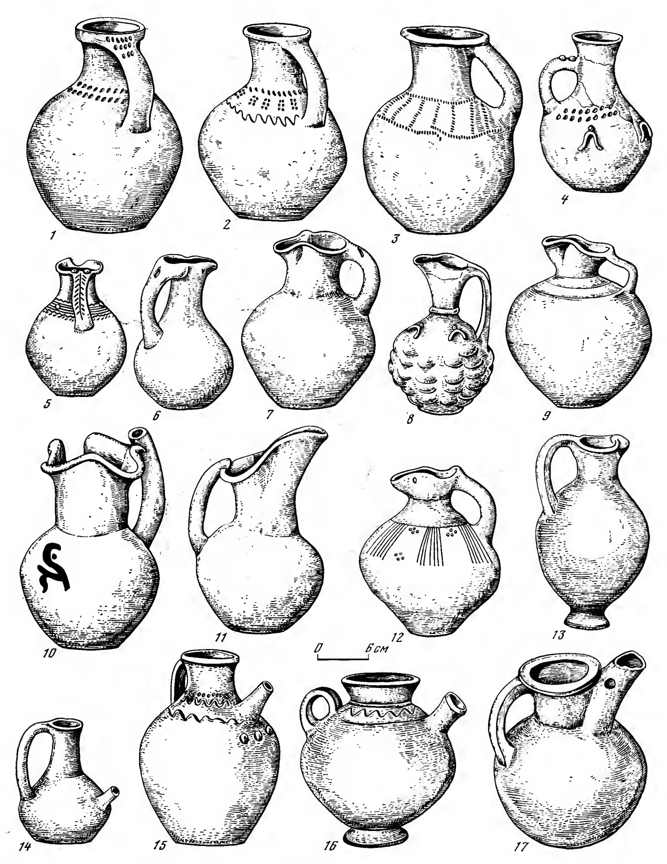


Таблица LII. Керамика Кавказской Албании. Кувшины

1—3, 5, 6, 15 — из Мингечаура; *4, 8, 9, 13, 16, 17* — из Шемахи;
7 — из Урцехи; *10, 11* — из Рустова; *12—14* — из Ялойлутепе.
Составитель Д. Ж. Халилов

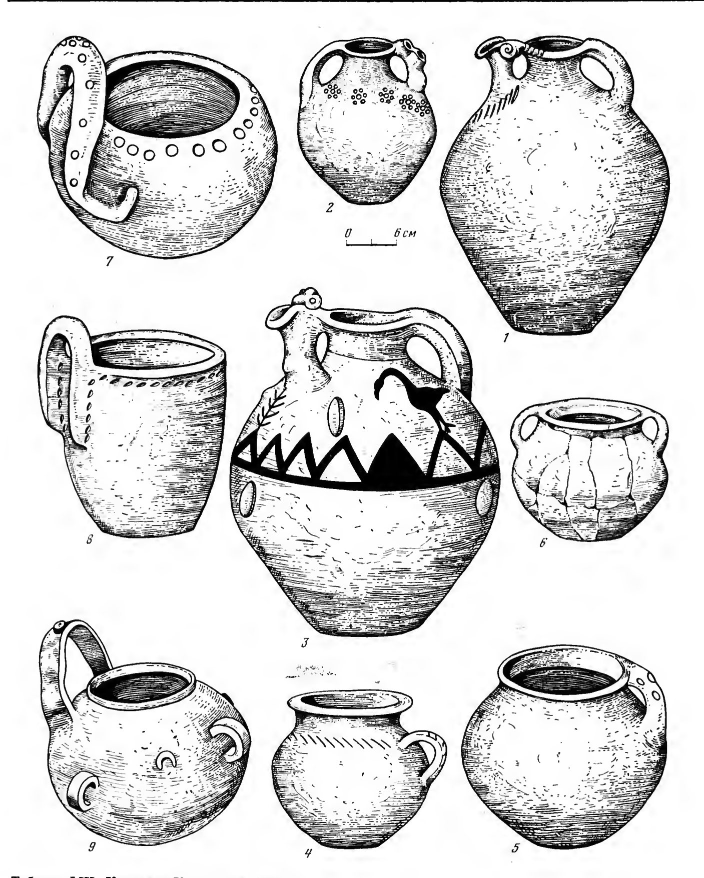


Таблица LIII. Керамика Кавказской Албании

1—3 — кувшины (Мингечаур); *4—6* — горшки (Шемаха); *7—9* — сосуды с вертикальной ручкой (Шемаха). Составитель Дж. Халилов

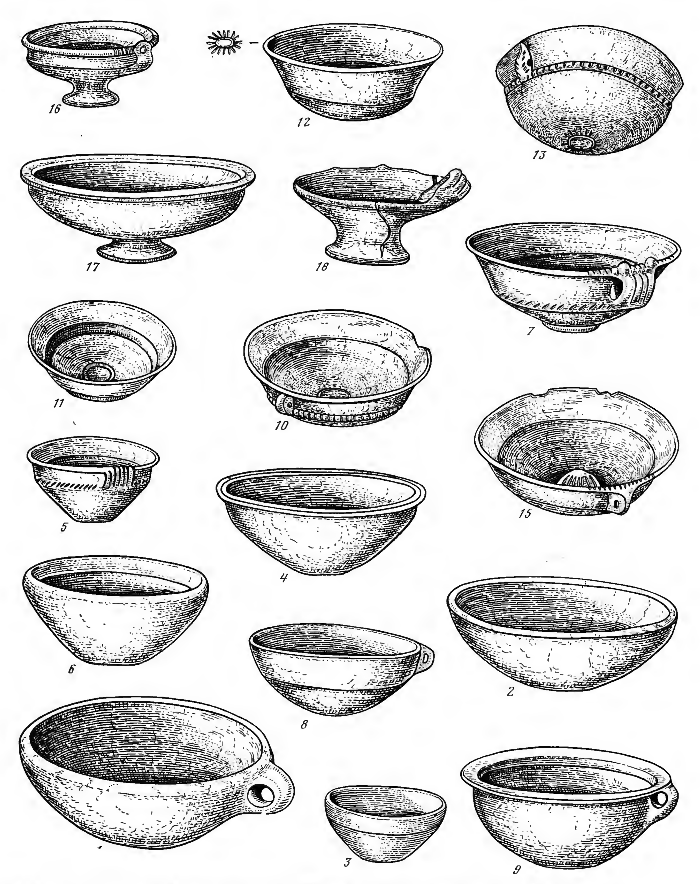


Таблица LIV. Керамика Кавказской Албании. Миски и чаши. Составитель Дж. Халилов

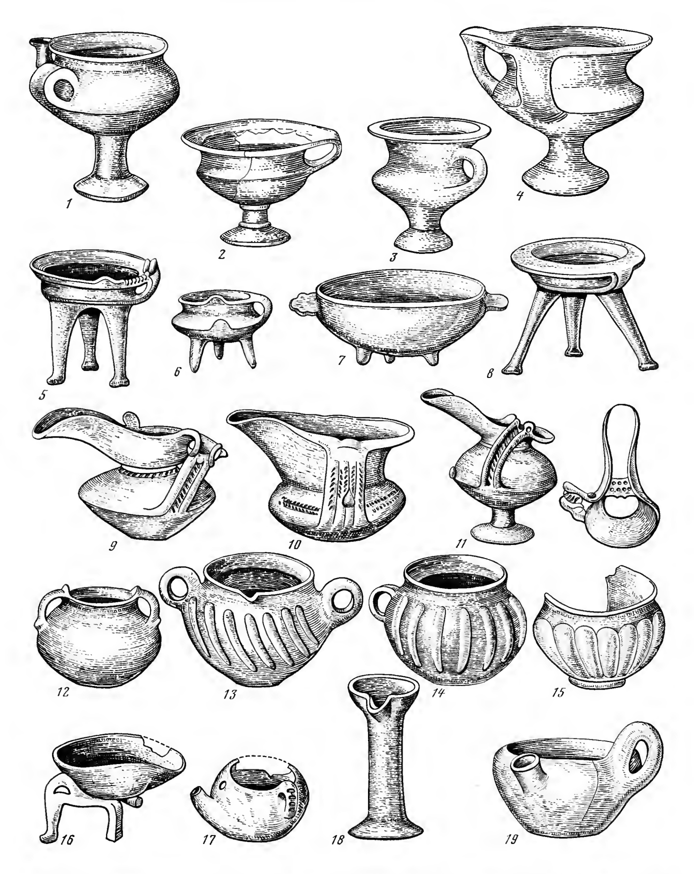


Таблица LV. Керамика Кавказской Албании. Вазы и светильники (Мингечаур, Кабала, Шемаха, Ялойлутепе). Составитель Дж. Халилов

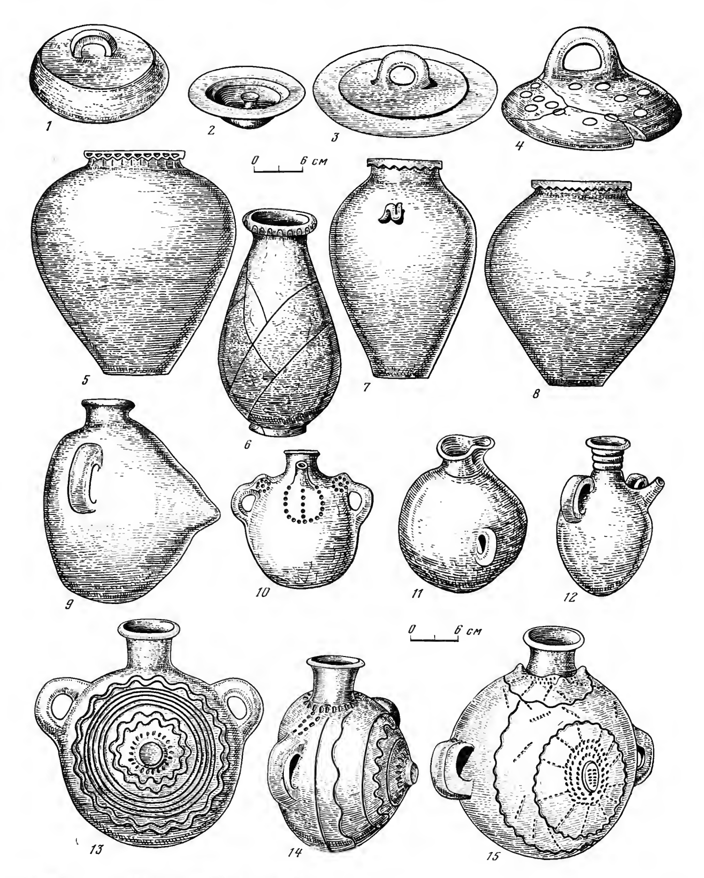


Таблица LVI. Керамика Кавказской Албании Ш

1—4 — крышки (Шемаха); *5—8* — хозяйственные кюпы (Мингечаур, Шемаха); *9—15* — фляги (Шемаха, Мингечаур). Составитель Дж. Халилов

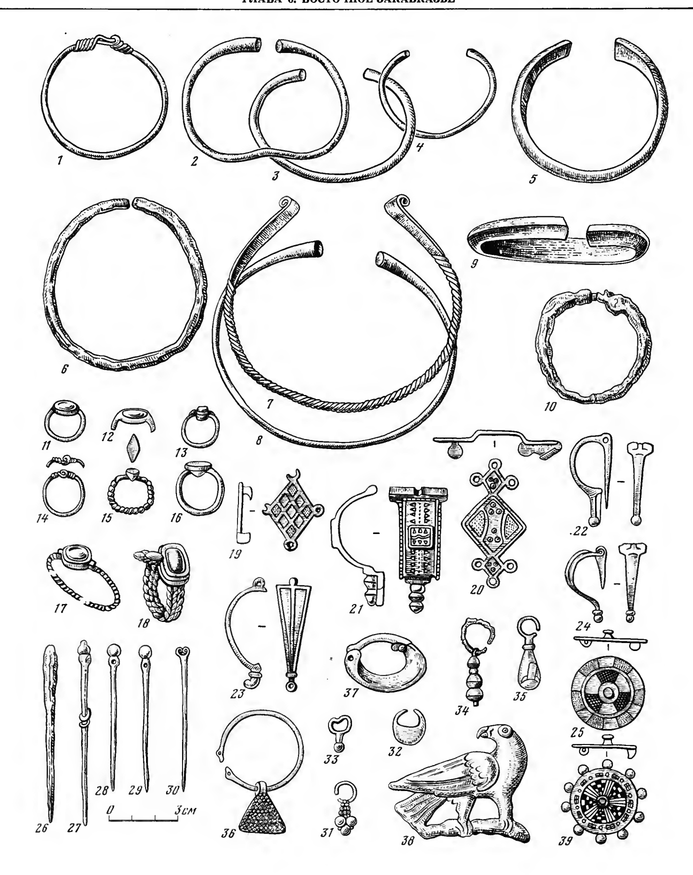


Таблица LVII. Украшения. Кавказская Албания

1—6, 9, 10 — браслеты (Мингечаур, Шемаха); *7, 8* — шейные гривны (Мингечаур); *11—18* — кольца (Шемаха, Топрагкала); *19—25, 38, 39* — фибулы (Шемаха, Мингечаур); *26—30* — шиловидные булавки; *31—37* — серьги (Мингечаур, Шемаха). Составитель Дж. Халилов

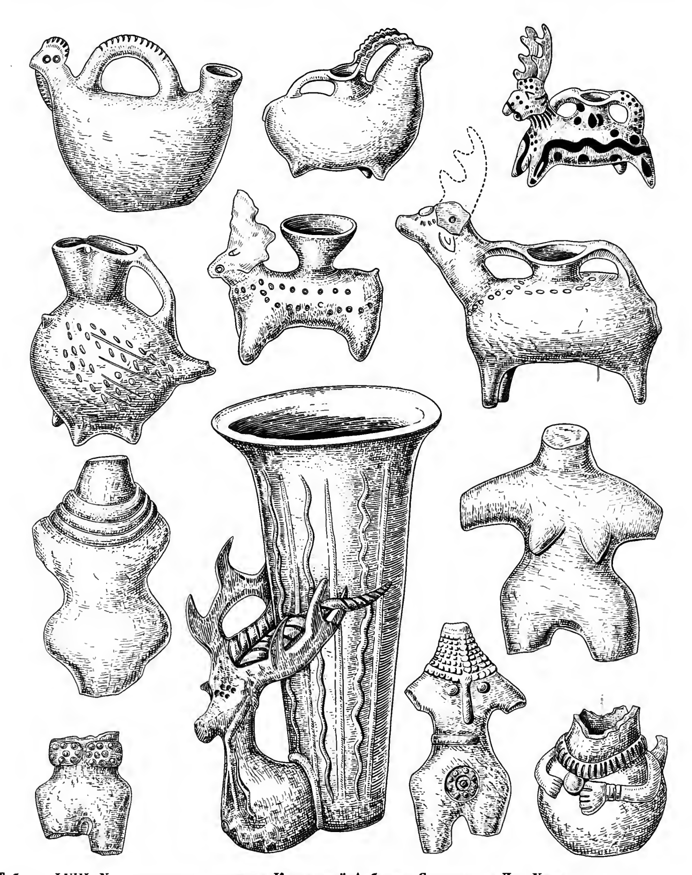


Таблица LVIII. Художественная керамика Кавказской Албании. Составитель Дж. Халилов

Таблица LIX. Художественная керамика Кавказской Албании. Составитель Дж. Халилов

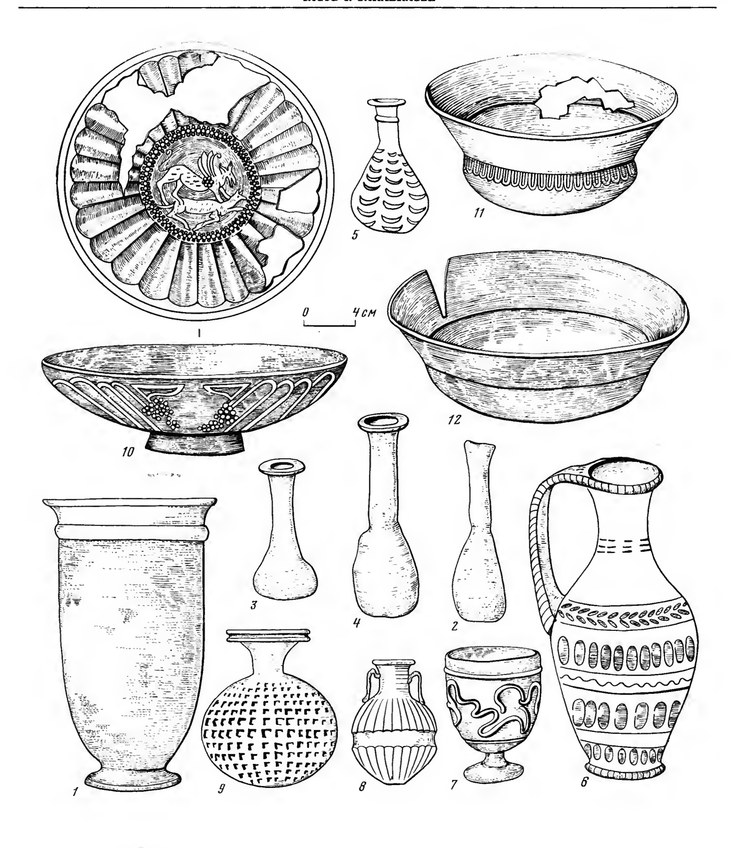


Таблица LX. Стеклянные и металлические сосуды. Кавказская Албания

1—9 — стеклянные сосуды (Мингечаур, Шемаха, Топрагкала); *10* — серебряная ваза (Топрагкала); *11, 12* — миски (Мингечаур). Составитель Дж. Халилов

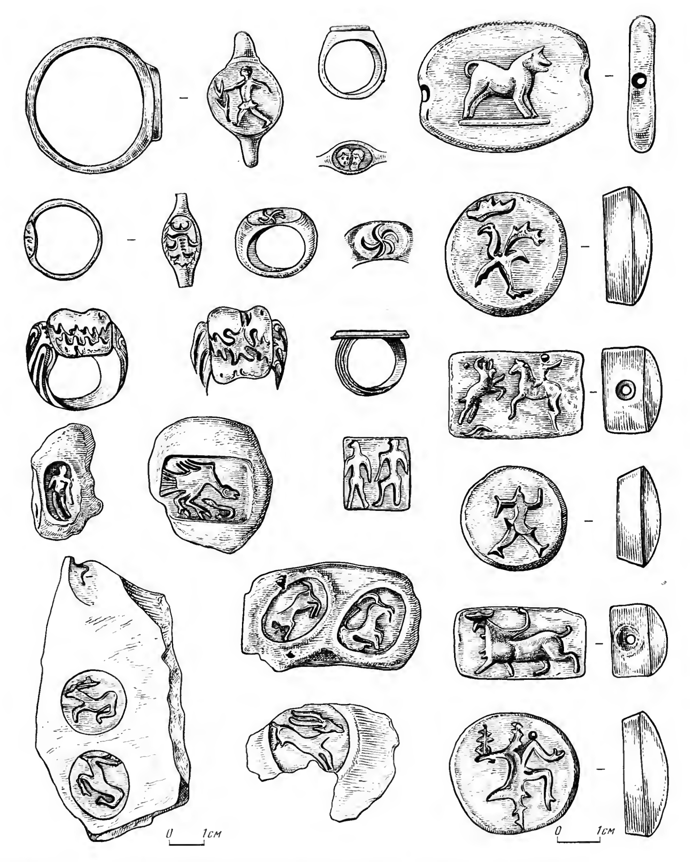


Таблица LXI. Печати и оттиски печатей. Кавказская Албания. Составитель Дж. Халилов

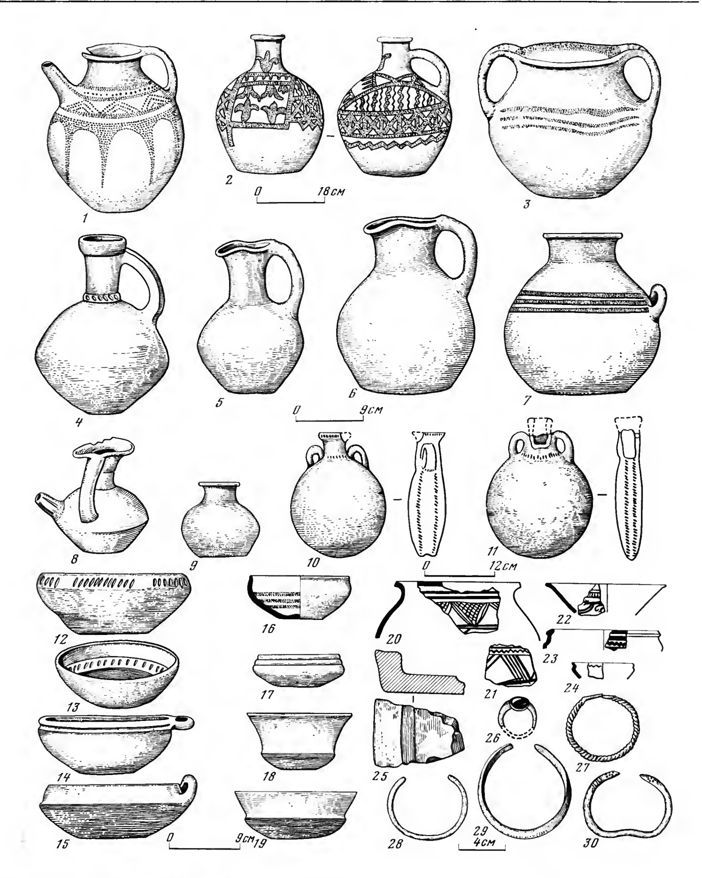


Таблица LXII. Керамика и украшения. Атропатена

1, 2, 4—6, 8 — кувшины (Агджебеди, Нахичевань); *3, 7, 9* — горшки (Агджебеди); *10, 11* — фляги (Кале-Зохак); *12—19* — миски и чаши (Агджебеди); *20—24* — фрагменты расписных сосудов (Кале-Зохак); *25* — обломок черепицы (Нахичевань); *26—30* — украшения. Составитель Дж. Халилов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Средняя Азия

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Введение

Глава седьмая
Мервский оазис, Северная Парфия, Серахский оазис, Северная Бактрия

Глава восьмая
Фергана, Ташкентский оазис, Уструшана

Заключение

АНТИЧНАЯ ЭПОХА

Введение

Глава девятая
Северная Парфия. Серахский оазис

Глава десятая
Маргиана

Глава одиннадцатая
Побережье Средней Амударьи

Глава двенадцатая
Северная Бактрия

Глава тринадцатая
Согд

Глава четырнадцатая
Уструшана

Глава пятнадцатая
Ташкентский оазис

Глава шестнадцатая
Фергана

Глава семнадцатая
Хорезм

Заключение

Введение

Средняя Азия представляет собой (в применении к изучаемой теме) достаточно четко очерченный регион: она охватывает области оседлоземледельческой культуры от восточного побережья Каспийского моря до гор Тянь-Шаня. В состав этого региона включаются следующие области: Северная Парфия, представляющая собой цепочку небольших оазисов, протянувшихся вдоль северных отрогов Копет-Дага и ограниченных с севера пустыней Каракум; Маргиана (Мервский оазис) — довольно значительный по размерам оазис, возникший в низовьях р. Мургаб и окруженный со всех сторон песками пустыни Каракум; ряд оазисов в долинах рек Зерафшан и Кашкадарья, представлявших собой в древности единую историко-культурную область Согд (Согдиану); с востока к Согду примыкала Уструшана, занимавшая территорию по течению Сырдарьи в районе Джизака—Ходжента и горы на юг от этой области; несколько областей располагалось вдоль берегов великой среднеазиатской р. Амударьи (и ее притоков): в верхнем течении по обоим берегам лежала Бактрия, далее по среднему течению шла цепочка оазисов (неизвестно, имели ли эти оазисы в древности какое-либо собирательное наименование); наконец, в низовьях Амударьи находился Хорезм. Самую восточную часть древней Средней Азии занимали еще две оседлоземледельческие области: Чач (Ташкентский оазис) и Фергана (Ферганская котловина).

Необходимо отметить, что само понятие Средняя Азия не имеет общепринятых географических границ. В трудах западных ученых чаще всего территория Средней Азии рассматривается не как самостоятельный регион, а как простое продолжение Ирана и обычно называется Восточным Ираном (см., например, Altheim F., 1947). Главный аргумент для такого определения — это то, что в древности основная часть населения Средней Азии — иранские по языку народы. При этом делаются и достаточно важные исторические выводы: Восточный Иран рассматривается не как самостоятельный исторический регион, а как простое периферийное продолжение Ирана, отражающее в своей истории историю Ирана с некоторыми искажениями, порожденными главным образом предполагаемой отсталостью этого региона (по сравнению с собственно Ираном) и большей ролью кочевого элемента в жизни Средней Азии.

Кроме того, сложность проблемы географических границ Средней Азии определяется еще и тем, что в современной зарубежной литературе очень популярным является понятие Центральная Азия, включающее, помимо Средней Азии, также оазисы Восточного Туркестана, Афганистан, Восточный Иран (в частности, Систан и Белуджистан), Пакистан и северную Индию. Это понятие — более широкое, чем Средняя Азия.

Наконец, современные политические границы в некоторых местах проходят таким образом, что они членят древние историко-культурные области. Это касается Парфии и Бактрии. Однако необходимо учитывать некоторые обстоятельства, которые делают возможным рассмотрение в данном томе археологических материалов только определенных частей этой территории. В первом случае граница между Южной и Северной Парфией проходила по горам Копет-Дага, что приводило к известной изоляции северной части страны, порождало ее определенное своеобразие. Кроме того, южная часть Парфии, расположенная на территории современного Ирана, исследована неизмеримо меньше, чем северная. Учитывая эти обстоятельства, мы считаем возможным рассматривать археологию Северной Парфии как особую тему, не привлекая специально южнопарфянских материалов. В некоторых отношениях сходная ситуация наблюдается и в отношении Бактрии, хотя, конечно, Южная Бактрия археологически исследована достаточно хорошо. При всем сходстве археологических материалов юга и севера Бактрии все же определенные различия существовали. Отражением этих отличий является достаточно древняя традиция, согласно которой Амударья делит не Бактрию на две части, а отделяет Бактрию от Согдианы. Во всяком случае определенное историко-культурное единство Северной Бактрии и определенная степень ее отличия от Южной позволяют рассматривать эту область самостоятельно.

Средняя Азия в конце II — начале I тысячелетия до н. э. переживает один из самых сложных периодов своей истории. Значительные изменения происходят как на юге региона, в зоне традиционных земледельческих культур, так и в более северной части его, зоне распространения пастушеского скотоводства.

На юге Средней Азии, где в эпоху бронзы сложились яркие центры протогородской культуры, наблю-

дается перемещение орошаемых земель. Насколько можно судить в настоящее время, этот процесс прошел через два этапа. На первом этапе происходит угасание культур бронзового века в предгорьях Копет-Дага (центры типа Намазгатепе и Алтындепе). Причины этого упадка определяются по-разному: аридизация климата, истощение и засоление почв в результате долгого непрерывного использования и т. д. Как считают, следствием этого явилось массовое переселение жителей предгорной полосы в низовья Мургаба, где возникают отдельные оазисы позднебронзовой культуры (так называемый келлелинский комплекс). Практически тогда же отмечается массовое передвижение населения с запада через территорию современного северо-восточного Ирана далее на восток, на территорию Бактрии, где по обе стороны Амударьи возникают яркие центры позднебронзовой культуры: Дашлы на юге (Сарианиди В. И., 1977) и Сапалли на севере (Аскаров А., 1977).

Несколько позднее, предположительно на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в южных областях Средней Азии распространяется новый археологический комплекс, лучше всего представленный материалами слоя Яз I, отличительным признаком которого является изготовление лепной, в том числе расписной посуды. Традиционно считалось, что эта культура расписной керамики замещает старую эпохи поздней бронзы. Однако новейшие материалы не исключают частичного сосуществования этих двух археологических комплексов Намазга VI и Яз I. В это время резко возрастает доля лепной, в том числе расписной, изготовленной без применения гончарного круга керамики, полностью исчезает искусство коропластики, сфрагистики, отмечаются изменения в погребальных обрядах. Однако нет оснований преувеличивать глубину этих изменений. Наряду со старыми центрами возникают новые, причем земледельческая основа экономики сохраняется в течение всего периода. Постепенно вновь широко входит в употребление гончарный круг и неуклонно происходит снижение доли лепной керамики, наконец, самое важное — именно в это время появляются и распространяются первые железные орудия труда. По всей видимости, одна из главных причин происшедших изменений — появление новых групп населения на всей территории юга Средней Азии. Именно для этого нового этнического элемента была характерна лепная, в том числе расписная, керамика, ставшая своеобразным индикатором новой эпохи. Проникновение этого нового элемента не означало насильственной гибели старого населения. Материалы новейших исследований на территории Южного Туркменистана, особенно на территории Мервского оазиса, показывают, что на протяжении какого-то периода наблюдалось сосуществование традиционного местного населения и пришельцев.

Эти новые материалы заставляют пересматривать старую, родившуюся еще в начале XX в. концепцию (в результате раскопок американской экспедиции на холмах Анау под Ашхабадом) относительно «эпохи варварской оккупации» древних земледельческих центров, занятых скотоводами-кочевниками, пришедшими из среднеазиатских степей.

Таким образом, южная часть Средней Азии — традиционная зона земледельческих культур, охватывающая предгорную полосу Копет-Дага (в дальнейшем — Северная Парфия), включая Серахский и Мервский оазисы, юг Узбекистана и Таджикистана (территория, которая в античную эпоху стала называться Северной Бактрией), переживала на рубеже II—I тысячелетий до н. э. эпоху глубоких изменений. Однако не менее важные изменения происходят в это время еще в одной зоне — зоне, расположенной к северу и северо-востоку от традиционных земледельческих областей юга: становление земледельческого типа хозяйства на территории Ферганской долины, Ташкентского оазиса (древний Чач) и Уструшаны. Для этих областей характерно было также господство лепной, в том числе и расписной, керамики. Однако характер развития общества в этих областях достаточно отличается от развития общества на юге. Постепенно эти различия стирались, однако в эпоху раннего железного века они были еще чрезвычайно велики.

Чтобы яснее представить общеисторическую картину развития Средней Азии в рассматриваемую эпоху, необходимо указать еще на одно важнейшее явление, происходившее вне двух зон земледельческой культуры. В начале I тысячелетия до н. э. происходит становление особого типа хозяйства — кочевого скотоводства. Хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства четко определен М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым: «Хозяйство... высоко специализировано; как показывает само название этого типа, он связан с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов... Основу питания составляет мясная и молочная пища, в связи с чем способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды квашеного молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносной шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти (ткаными или валяными) или, реже, кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует» (Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. 1955, с. 9).

Взаимодействие кочевых племен и оседлых земледельцев стало одной из важнейших особенностей исторического развития Средней Азии. И хотя в данном томе не рассматриваются проблемы истории кочевников Средней Азии, все же необходимо иметь в виду факт наличия кочевнической периферии и ее постоянного взаимодействия с миром земледельческих народов.

Таким образом на всей территории Средней Азии в начале I тысячелетия до н. э. происходят серьезнейшие изменения, затронувшие все сферы жизни народов, населявших ее территорию. Однако важнейшее из них — постепенное распространение здесь железных орудий труда, оружия и украшений.

Время начала раннего железного века на территории Средней Азии является еще объектом дискуссий. В. М. Массон в 1959 г. относил начало раннего железного века к периоду Яз I, т. е. 900—

650 гг. до н. э. (Массон В. М., 1959, с. 108), однако несколько позднее в сводной работе «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (М; Л., 1966), вышедшей под его редакцией, период Яз I (а также чустская культура Ферганы) помещены среди культур поздней бронзы. Чустская культура ее основным исследователем Ю. А. Заднепровским относится то к позднебронзовой, то к раннежелезной эпохе (Заднепровский Ю. А., 1962а; 1966 — позднебронзовая; 1978 — раннежелезная). А. Аскаров и Л. И. Альбаум полагают, что ранний железный век начался в Средней Азии в период Кучук II (750—600 гг. до н. э.) (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979). Этот список расхождений легко можно умножить (см. Сагдуллаев А. С., 1982).

Недавно А. С. Сагдуллаев составил свод древнейших находок железных предметов на территории Средней Азии (Сагдуллаев А. С., 1982, с. 233).

Северная Парфия
- Анау — IX—VII вв. до н. э.
- Анау — V—IV вв. до н. э.
- Елькендепе — V в. до н. э.

Согд
- Даратепе VII—VI вв. до н. э.
- Лалазар — VI—IV вв. до н. э.
- Афрасиаб — VI—V вв. до н. э.

Хорезм и сакские памятники
- Куюсай — VII—IV вв. до н. э.
- Уйгарак — VI—V вв. до н. э.
- Кюзелигыр — VI—V вв. до н. э.
- Дингильдже — V в. до н. э.

Бактрия
- Газимулла — VI—V вв. до н. э.
- Кызылча 1 — VI—V вв. до н. э.
- Калаи Мир — VI—IV вв. до н. э.
- Кызылча 6 — V—IV вв. до н. э.

Фергана
- Дальверзин — VIII в. до н. э.
- Ак-Там — V—IV вв. до н. э.
- Дашти-Ашт — V—IV вв. до н. э.

Могильники Памира
- Тегермон-Су 2 — VI в. до п. э.
- Акбеит — VI—IV вв. до н. э.
- Тамды — V—IV вв. до н. э.
- Аличур 2 — V—IV вв. до п. э.

Этот свод позволяет прийти к определенным выводам: по-видимому, VI в. до н. э. знаменуется повсеместным распространением железных изделий в Средней Азии в целом, хотя впервые появляются они в различных районах в разное время. Если же рассматривать Среднюю Азию как единый регион, то неизбежным будет вывод о том, что начало раннего железного века в регионе следует относить к IX в. до н. э., как и в Западной Европе и южной части Восточной Европы (Граков Б. Н., 1977).

Как отмечалось выше, в мире земледельческих племен Средней Азии выделяются две зоны. В соответствии с этим в данном разделе тома, посвященном раннежелезной эпохе Средней Азии, материал сгруппирован в две главы. В одной из них исследуются Северная Парфия, Маргиана, Бактрия, Серахский оазис, в другой — Ферганская долина, Ташкентский оазис, Уструшана.

Из обзора выпадают две области: Хорезм и Согд. Материалы для раннего железного века здесь еще очень незначительны и поэтому многие важнейшие вопросы истории этих двух областей еще не могут быть решены. Создается впечатление, что культура Хорезма так называемой архаической эпохи отражает влияние, идущее из более южных областей именно в период раннего железного века. Очень сложна ситуация в Согде. Раскопки в Саразме, кажется, позволяют считать также и Согд страной традиционно земледельческой. Но, во-первых, Саразм находится на периферии этой области, во-вторых, материалы из центральных частей Согда еще очень незначительны. В силу этих соображений тот небольшой материал, который имеется по раннему железному веку, мы включили в соответствующие главы четвертой части тома.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Мы заканчиваем обзор раннего железного века V—IV вв. до н. э. Эта несколько неопределенная дата объясняется недостатком конкретного археологического материала, а также неразработанностью понятийной номенклатуры. Действительно, что считать концом раннего железного века? Для южной зоны мы приняли условную границу — конец периода Яз III и соответствующих ему комплексов в других регионах. Примерно по этой хронологической грани мы провели границу и в истории более северных частей Средней Азии.

Глава седьмая

Мервский оазис, Северная Парфия, Серахский оазис, Северная Бактрия

Мервский оазис

К числу наиболее изученных памятников Средней Азии раннего железного века можно отнести памятники Мервского оазиса (Маргианы) (табл. LXIII). История их исследования очень коротка. Первые памятники этой эпохи в долине Мургаба были открыты еще в начале века экспедицией Р. Пампелли (Яздепе, Арвалидепе, Койнедепе, Учдепе) (Hungtington E., 1980, с. 219—231). В дальнейшем они также неоднократно обследовались специалистами (Букинич Д. Д., 1924; Ершов С. А., 1944), но настоящее их изучение началось только с 1946 г., с момента организации Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (Массон М. Е., 1955а). Большие по масштабам работы (раскопки и разведочное обследование) были проведены в 1954—1956 гг. (Массон В. М., 1959). В частности, в результате стратиграфических раскопок на Яздепе была установлена археологическая периодизация слоев раннего железного века: Яздепе I — 900—650 гг. до н. э.; Яздепе II — 650—500 гг. до н. э.; Яздепе III — 500—400 гг. до н. э. По проблеме датировок слоев Яздепе имеется обширная литература. Не приводя здесь всех точек зрения и всех соображений, отметим только самое основное: а) исследование памятников подгорной полосы Копет-Дага показало, что в этом районе комплексы типа Яз I начинают существование уже в самом конце II тысячелетия до н. э. (Марущенко А. А., 1959), что, впрочем, не меняет датировки начала комплекса Яз I в Мервском оазисе; б) было доказано, что керамика типа Яз III не исчезает внезапно около 400 г. до н. э. (Усманова З. И., 1963а), а продолжает существовать и позднее, но уже совместно с керамикой «раннеантичного» облика.

С 1972 г. работы по исследованию памятников раннежелезного века в дельте Мургаба были возобновлены — здесь начала работать Мургабская археологическая экспедиция ИА АН СССР, в тесном сотрудничестве с которой (с 1976 г.) работают сотрудники Института истории АН Туркменской ССР. В результате маршрутных исследований был выявлен ряд новых памятников, а также было установлено, что ряд населенных пунктов эпохи поздней бронзы продолжал существовать и в раннем железном веке (Гутлыев Г., 1976; Масимов И. С., 1982).

Поселения. Архитектура. Строительная техника. На территории древней дельты Мургаба выявлен ряд небольших оазисов, каждый из которых орошался водами дельтовых протоков бассейна р. Мургаб. Однако необходимо учитывать одно обстоятельство. Когда в середине 50-х годов В. М. Массон выделил три оазиса, картина географического распределения памятников казалась очень ясной и убедительной. Позднее был открыт еще ряд памятников эпохи Яз I—III, которые не совсем укладываются в предложенную схему. Поэтому границы оазисов имеют несколько условный характер.

1. Тахирбайский, в состав которого входят поселения: Тахирбай 1, 2 и Чурнок (Массон В. М., 1959, с. 63 сл.).
2. Наиболее значительным оазисом является Яздепинский, который включал и самое крупное поселение всей Маргианы рассматриваемого времени — Яздепе. К северу от Яздепе располагались многочисленные поселения: северное Учдепе, среднее Учдепе, южное Учдепе, Сулуджидепе, Отлиятан 1—3, Айрак 1—4, Адам — Басан 1—3, Чоплыдепе 1, 2, Дашлыдепе (Массон В. М., 1959, с. 82 сл.), а также группа поселений, находящаяся на расстоянии 8—9 км к югу от Учдепе (им даны условные наименования Учдепе 4—10) (Масимов И. С. 1982, с. 23).
3. Арвалидепинский оазис. В его состав включаются: Гюмишдепе, Койнедепе, Арвалидепе, Кушбягидепе Дашлыдепе 1—3, Хызлидепе (Массон В. М., 1959, с. 87 сл.), а также группа поселений, расположенная к западу от Дашлы. Памятники этой группы получили условное наименование 4—6 (Масимов И. С., 1982, с. 25 сл.).
4. Таипский оазис, где было обнаружено семь памятников эпохи Яз I—III, условно названных Таип 2—7 (поселения Таип 1, 8—10 относятся к эпохе бронзы), а также два памятника у колодца Хаятлы (Масимов И. С., 1982 с. 21 сл.).
5. Тоголокский оазис, включающий свыше 10 поселений с расписной керамикой. На центральном поселении Тоголок I раскопки установили, что здесь слои времени позднего Яз I перекрывают комплекс типа позднего Намазга VI.

Типология памятников в настоящее время из-за незначительного объема раскопочных работ может быть только условной, поскольку она базируется в большинстве случаев на внешних признаках. Можно выделить три типа памятников. К первому типу относятся крупные по площади поселения, состоящие из ряда оплывших бугров, группирующихся около высокого холма, являющегося остатками цитадели. К этому типу относятся: Тахирбай I (в Тахирбайском оазисе); Яздепе, северное Учдепе, возможно, среднее Учдепе, Чоплыдепе 2, Учдепе 10 (Яздепинский оазис); Койнедепе, Арвалидепе, возможно, Дашлы 4 (Арвалидепинский оазис). Второй тип представлен крупными по размерам поселениями

(площадью более 1 га), лишенными цитаделей. Наконец, третий тип — малые поселения (которые по аналогии с памятниками Северной Бактрии можно истолковать как отдельно стоящие усадьбы). В некоторых оазисах имеется несколько поселений с цитаделями; другие, например Таипский, вообще лишены поселений, имеющих цитадели. Это отличает Маргиану от Северной Бактрии, где, насколько можно судить, в каждом отдельном оазисе было одно только поселение с цитаделью.

Сколько-нибудь значительные по масштабам раскопки проводились только на Яздепе. На территории собственно поселения некоторый (довольно незначительный) материал для понимания жилой архитектуры дал раскоп III (Массон В. М., 1959, с. 69 сл.). Здесь были частично вскрыты остатки трех домов и небольшого переулка. Выявлено наличие помещений, служивших видимо, кухней и хранилищами. В качестве строительного материала использовался кирпич-сырец размером 53×28—29×12—13 см. В тесто кирпичей обычно добавляли саман. Стены обычно тонкие: 35—40 см, стены иногда штукатурились глиной, полы также изредка имели глиняную обмазку.

Раскопки производились также и на цитадели Яздепе (Массон В. М., 1959, с. 73 сл.). Здесь были выявлены следующие факты: сама цитадель была возведена на мощной платформе, сложенной из сырцового кирпича. Хотя раскопки не выявили наличия стены по краю платформы, вполне вероятно, что она в древности существовала и позднее была смыта. Во всяком случае стена по краю цитадели, кажется, вполне определенно фиксируется на поселении Учдепе 10 (Масимов И. С., 1982, с. 24). Большая часть цитадели была занята постройками, плохо сохранившимися. Только в южной части цитадели было частично вскрыто здание общественного назначения (дворец или храм). Основными конструктивно-планировочными особенностями этого здания являются: наличие нескольких очень узких коридорообразных помещений, перекрытых сводами, и очень толстых стен. В северо-западной части здания находился большой прямоугольный в плане зал. Восточная стена зала была украшена четырьмя прямоугольными выступами (игравшими декоративную роль), на западной стене — полукруглый выступ (диаметр 4 м). К северу от здания находился двор. На втором этапе ряд помещений был заложен, перестроен большой зал, возможно, над частью здания был построен второй этаж.

Хозяйство. По всей видимости, основой экономики Мервского оазиса рассматриваемого времени было сельское хозяйство. Природные условия Мервского оазиса таковы, что земледелие здесь возможно только на базе искусственного орошения. Высказано предположение, что Яздепинский и Арвалидепинский оазисы орошались водами двух крупных магистральных каналов (Массон В. М., 1959, с. 67 сл.). В Яздепинский оазис подводил воду канал, носящий сейчас название Гати-Акар. Его русло местами достигает ширины в 5—8 м и глубины в 2—3 м. От него в обе стороны отходят арыки (как под острым, так и прямым углом), непосредственно орошавшие поля. Арвалидепинский оазис орошался каналом Гуияб, русло которого имеет ширину 5—6 м, а глубину 1,5—2 м. Около канала видны следы древних полей, представляющие собой участки, огражденные валиками. Верхние части обоих каналов находятся в зоне современных культурных земель. Можно допустить, что начало древних каналов примерно соответствует головным сооружениям современных. В таком случае длина Гунияба будет около 36 км, а Гати-Акара — около 55 км. Оба канала скорее всего забирали воду прямо из русла Мургаба без устройства каких-либо подпорных сооружений.

Очень незначительны материалы по истории ремесла рассматриваемой эпохи. На поселении Тахирбай 1 и Чурнок обнаружены железные шлаки (Массон В. М., 1959, с. 65), что делает возможным предположение о наличии здесь пунктов металлургического производства. Следы керамического производства обнаружены на большом числе памятников (Тахирбай 1, 2, Чурнок, Яздепе, Учдепе северное, Айрак 2, Чоплыдепе 1, 2, Дашлы, Кушбеги, Учдепе 4, 7, 10). Было раскопано несколько керамических печей (Сарианиди В. И., 1957). Две печи были открыты на поселении Чурнок. Хотя они различались размерами, устройство их было практически идентичным. Топки печей, имевшие в разрезе колоколовидную форму, были вырыты в земле, обложены изнутри кирпичами и покрыты толстым слоем глиняной промазки. Топочный канал чуть понижался к центру, но оканчивался значительно выше дна топки. В верхней части топки было несколько жаропроводящих каналов, подававших горячий воздух в обжигательную камеру, имевшую круглый план и, видимо, перекрытую куполом. Обе эти печи относятся к периоду Яз III. На поселении северное Учдепе обнаружен керамический квартал (найдены остатки восьми печей). Здесь же раскопаны две керамические печи. Они также относятся к периоду Яз III. В принципе их устройство аналогично устройству печей Чурнока, однако имеется отличие: в одной из печей жаропроводящие каналы расположены в виде трех концентрических колец. Помимо круглых в плане, иногда встречались керамические печи и овальные. Печь такого устройства (сохранилась, правда, только топочная камера) была раскопана на поселении Кушбегидепе (Массон В. М., 1959, с. 88). Свидетельством динамики развития керамического ремесла является и сама керамика. В пору Яз I большая часть керамики делается от руки, позднее — почти вся на гончарном круге.

Орудия труда и оружие. При исследовании Яздепе и других памятников было найдено некоторое количество орудий труда и оружия, в частности обнаружены каменные зернотерки и куранты. В слое Яз I найдено довольно значительное количество бронзовых предметов: иголки, прямоугольные в сечении шилья, пробойники с расширением посредине, видимо, отделяющим рабочую часть от черенка, черешковый нож (Массон В. М., 1959, с. 38). В слое Яз II был обнаружен фрагмент железного топора (там же, с. 40). В слое Яз III было найдено шесть аналогичных топоров. Топоры проушные, возможно один конец был у них заострен, другой притуплен (там же, с. 41, 71), в этом же комплексе найдено железное тесло.

Были обнаружены бронзовые наконечники стрел. Для слоя Яз I характерны два типа: а) двухперые черешковые с шипообразно загнутыми концами, б) лавролистые втульчатые. Для слоя Яз II — бронзовые двухперые втульчатые, для слоя Яз III — такие же, но трехперые (Массон В. М., 1959, с. 40, 41). Во всех слоях обнаружены глиняные ядра для пращи, в слоях Яз I они обычно биконические (из обожженной глины и несколько каменных), в слоях Яз III — круглые. В слое Яз I найдена каменная булава.

Керамика. Керамика комплекса Яз I делится на две группы: изготовленную на гончарном круге и сделанную от руки. Первоначально доля гончарной керамики была очень невелика, но с течением времени ее процент увеличивается. Черепки сосудов красноватого цвета, глина хорошо отмучена, обычно без посторонних примесей. Снаружи сосуды, как правило, покрыты зеленовато- или желтовато-белым ангобом. Наиболее распространенные формы: кубки, миски, хумчи. Кубки имеют прямой венчик и скругленный переход ко дну. Ангоб, как правило, нанесен только на верхние две трети сосуда, нижняя часть его сохраняет красный цвет черепка. Хумча имели сравнительно большой диаметр устья, невысокую шейку и отогнутый наружу венчик (иногда в виде валика, иногда приобретающий в разрезе более прямоугольные очертания). Другие формы (небольшие горшкообразные сосуды, глубокие миски) встречаются гораздо реже. Видимо, только к концу периода появились чаши.

Лепная керамика делится на три группы: расписную, нерасписную и с черепком серого цвета. Однако для всех групп характерен один и тот же состав черепка — обычно с большим количеством толченой керамики. Одним из наиболее ярких признаков, определяющих весь комплекс Яз I, является наличие расписной керамики. Ее формы очень ограниченны: 1) различные варианты горшковидных кубков; 2) горшковидные хумы и хумчи с венчиком, слегка отогнутым наружу. Расписывавшиеся сосуды покрывались зеленовато-белым ангобом (изредка желтым и кремовым), игравшим роль фона. Роспись производилась красновато-коричневой, коричневой, изредка темно-красной или темно-малиновой краской.

Мотивы росписи довольно однообразны и почти целиком сводятся к ряду треугольников, обращенных вершиной вверх и образующих фриз в верхней части сосуда. Для крупных сосудов (хумов и хумчей) характерна следующая система: по краю венчика или ниже его шли одна или две прямые линии. Прямая линия проводилась и посредине тулова. Между этими линиями помещались треугольники, образованные сочетанием различных элементов росписи. Характерным является помещение между линиями крупных точек, разделение треугольника па ромбы, заполненные в шахматном порядке или штриховкой и точками, или сплошной заливкой. Те же самые мотивы и в росписи горшковидных кубков.

Сосуды с черепком серого цвета снаружи часто слегка залощены и имеют почти черный цвет. Для керамики этой группы характерны те же формы, что и для расписной посуды.

Среди довольно многочисленной группы нерасписной посуды с розовым или желтоватым цветом черепка выделяется кухонная посуда: котлы и жаровни. Котлы имеют высокое горло, прямой или чуть отогнутый венчик и ниже покатых плечиков почти цилиндрическое тулово. Котлы часто украшались налепными валиками с защепами, сделанными пальцами. Некоторые котлы имели небольшой слив и вертикальные ручки. Жаровни имеют форму больших дисков с невысокими бортиками. Кроме кухонной посуды, к этой группе относятся полусферические чаши с прямым или чуть отогнутым венчиком. Наиболее часто в этой группе встречаются хумы и хумчи, имеющие ту же форму, что и расписные и сероглиняные хумы. Иногда на них появляется лепной декор (как на кухонных котлах). Лепными были и крышки. Изредка встречаются кубки (Массон В. М., 1959, с. 34 сл.) (табл. LXIV).

Яз II. Керамика комплекса Яз II членится на три горизонта, хотя для нее характерно большое количество общих черт. Керамика первого горизонта отличается от посуды комплекса Яз I прежде всего по технике изготовления. Почти вся она выполнена на гончарном круге, исчезает примесь шамота в тесте, черепок сделан из хорошо отмученной глины. Сосуды обычно покрываются беловатым ангобом. Расписная керамика полностью отсутствует. Наиболее популярны банкообразные сосуды со скошенной придонной частью (обычно в археологической литературе эти сосуды называют цилиндроконическими), как крупных, так и мелких размеров. Стенки сосудов обычно почти прямые, лишь слегка вогнуты в середине, где у некоторых сосудов намечается валик. Горшкообразные сосуды почти полностью повторяют форму лепных горшков, характерных для комплекса Яз I. Чаши, также изготавливавшиеся на гончарном круге, благодаря этой технике у них появилось ребро, разделяющее вертикальную стенку и подкос, идущий к плоскому дну. Верхняя часть ангобирована, нижняя сохраняла красно-кремовый или кремовый цвет черепка (изнутри чаши ангобировались полностью). На гончарном круге изготовлялись хумы и хумчи, они также имели ребро в нижней части. Венчики хумов имели характерный крючкообразный профиль и под ними часто шел налепной валик или иногда делался выем. Хумы и хумча покрывались беловатым ангобом. У мисок, характерных для комплекса Яз I, теперь появился венчик, завершающийся валиком, и перелом стенок при подкосе ко дну.

Лепными были только кухонные котлы, в тесте их присутствуют дресва.

Керамика второго горизонта отличается дальнейшим развитием типов, характерных для первого. Банковидные сосуды становятся как бы более вычурными: подкос ко дну приобретает вид вогнутой выкружки, более заметен прогиб стенок к центру, заостряется ребро, разделяющее две части сосуда. Появляются кубковидные сосуды, имеющие прямые стенки и скошенную придонную часть. У горшковидных сосудов также в средней части ребро (вследствие перехода к технике изготовления на гончарном круге). Чаши и миски сохраняют те же черты, что и в первом горизонте. Хумы и хумчи также прежней формы, но налепные валики ниже венчика почти не встречаются. Иногда у них подчеркнутое ребро и

валикообразный венчик (результат все большего загибания клювовидного венчика).

Кухонные котлы по-прежнему изготовлялись от руки и сохраняли старую форму.

Для керамики третьего горизонта характерны те же черты. Однако банковидные сосуды с подкошенной придонной частью получают все более заостренное ребро и придонная часть часто становится невысокой. Появляется новая форма банкообразных сосудов — с расширяющимся верхом. У чаш венчик иногда приобретает изгиб, а иногда исчезает излом, разделяющий вертикальные стенки и скос придонной части. (Массон В. М., 1959, с. 39 сл.) (табл. LXV).

Керамика Яз III продолжает традиции комплекса Яз II. Существовали появившиеся в период Яз II банкообразные сосуды, расширяющиеся кверху. Подкошенная часть у них становится столь небольшой, что практически они близки к плоскодонным сосудам без подкоса. Многие экземпляры имеют резкозаостренное ребро. Посредине тулова обычно проходит несколько рельефных поясков. У чаш теперь нет ребра и они становятся полусферическими. Появились небольшие тарелочки с отогнутым венчиком. Они иногда не покрывались ангобом.

Миски, сохранив свою форму, имеют венчик уже в виде уплощенного валика. Этот характерный для всего комплекса Яз III признак особенно четко выступает у хумов и хумчей. Наиболее распространенным видом хумов и хумча является сосуд с цилиндрическим туловом и подкошенной придонной частью. Иногда наблюдается небольшое сужение у горла, завершающегося венчиком в виде уплощенного валика, сменяющего крючкообразную форму венчиков хумов из комплекса Яз II. Полностью исчезают котлообразные сосуды. Не исключено, что керамика Яз II и III представляет один керамический комплекс. Кухонные котлы были ручными (Массон В. М., 1959, с. 41) (табл. LXVI).

Украшения. В слоях Яз I найдены бронзовые украшения (нашивные бляшки с петелькой, несомкнутый браслет) (Массон В. М., 1959, с. 38). В слое Яз II (горизонт II) обнаружена золотая серьга-подвеска. Она представляет собой изогнутый стержень, на конец которого были напаяны три полых цилиндра, причем их шапковидные навершия во всех трех случаях напаяны отдельно. В вертикальных швах между цилиндриками имеется мелкая зернь, а сверху — три крупных зерна (Массон В. М., 1959, с. 40—41).

В настоящее время можно представить некоторые общие черты развития Маргианы в эпоху Яз I—III. В эпоху Яз I складываются четыре оазиса: Яздепинский, Арвалидепинский, Тоголокский и Таипский. Важную роль играло поселение Яздепе, видимо, бывшее центром всей Маргианы мидийского времени. Здесь рядом с поселением была построена мощная цитадель. Тогда же существовали и почти все крупные поселения Арвалидепинского оазиса. Время Яз II было временем наибольшего подъема этих древнемаргианских оазисов. Продолжают процветать Яздепинский и Арвалидепинский оазисы, возможно, некоторый упадок переживает Таипский. В это время, правда, ветшает монументальное здание на цитадели Яздепе, но это, видимо,— следствие каких-то частных событий, поскольку само поселение продолжает процветать. Яз III несет уже вполне определенные симптомы запустения. Почти полностью забрасывается Арвалидепинский и северная часть Яздепинского оазисов, прекращается жизнь на крупнейшем поселении восточного оазиса — Тахирбайдепе, из восьми поселений Таипского оазиса жизнь сохраняется только на одном.

Этот упадок, по-видимому, связан с миграцией древнего русла р. Мургаб, когда центр переместился южнее — в район городища Гяуркалы. Возможно, в это время создается сложная ирригационная система на Мургабе, в результате чего отпала необходимость в огромных по протяженности каналах.

Северная Парфия

История изучения памятников раннего железного века этого района начинается в первые годы XX в., когда американская экспедиция под руководством Р. Пампелли провела раскопки на холмах Анау. На верху Южного холма были вскрыты слои с лепной (в том числе и расписной) керамикой. Этот комплекс получил название Анау IV A (Pumpelly R., 1908). Тот факт, что на смену выполненной на гончарном круге керамике пришла главным образом лепная, заставил Е. Шмидта считать, что древние оазисы Южного Туркменистана были захвачены пришлыми скотоводческими племенами, и определить это время как «эпоху варварской оккупации». В дальнейшем археологические разведки А. А. Марущенко и С. А. Ершова привели к открытию еще ряда памятников (Яшиллидепе, Елькендепе), на которых были зафиксированы материалы типа Анау IV A. В послевоенные годы был обнаружен еще ряд памятников этого характера, на некоторых проводились археологические раскопки: Елькендепе (Марущенко А. А., 1959), Улугдепе (Сарианиди В. И., Качурис К. А., 1968; Сарианиди В. И., 1969; Сарианиди В. И., 1971).

В результате этих работ, главным образом стратиграфического характера, были составлены две достаточно близкие друг другу стратиграфические колонки (одна на базе Улугдепе, другая — Елькендепе):

Улуг I	Елькен III	Яз II
Улуг II	Елькен II	Яз I
Улуг III	Елькен I	Намазга VI, эпоха поздней бронзы

Поселения. Архитектура. Строительная техника. На территории подгорной полосы Копет-Дага выявлено три типа поселений: 1) значительные по размерам, с цитаделями; 2) средние (площадью свыше 1 га), лишенные цитаделей; 3) мелкие (площадью менее 1 га) (Гутлыев Г., 1974, с. 7—8). Поскольку раскопки проводились на очень ограниченном числе памятников, данная классификация имеет, естественно, только предварительный характер.

К числу памятников первого типа относится Елькендепе (Марущенко А. А., 1959). Поселение здесь

возникло еще в период поздней бронзы (Елькен I), в эпоху раннего железа (Елькен II) возводится многоугольная в плане цитадель (до 130 м в диаметре), высота ее 6 м, сложена она из сырцового кирпича. Вокруг цитадели развивается поселение (500×290 м), которое предположительно обносится стенами. Хотя предполагается, что стены возведены в эпоху Елькен II (Марущенко А. А., 1959, с. 58), видимо, все-таки строительство их следует датировать периодом Елькен III, т. е. временем наивысшего подъема поселения. Перед стенами располагался ров. В эпоху Елькен III (VII—IV вв. до н. э.) поселение резко увеличилось. Оно было окружено новой стеной, возник пригород, также укрепленный стеной.

Улугдепе III также возникает в эпоху поздней бронзы. В период Улуг II возводится мощная (до 10 м высоты) платформа. Вокруг цитадели располагается поселение, однако в отличие от Елькендепе здесь нет следов стен вокруг самого поселения (Сарианиди В. И., 1969). К числу памятников этого типа также, видимо, относятся поселения Кошадепе I, II (поселения площадью 4—5 га), Бабаязлык I (размеры 550×325 м, предположительные размеры цитадели 30×30 м), Бабаязлык II (того же характера, но несколько меньших размеров), Кошаджа (площадь свыше 5 га, предполагаемая цитадель — 25×25 м), Гараой-депе (размеры 300×200 м), а также Яшиллидепе (Гутлыев Г., 1974б, с. 7—8; Гутлыев Г., 1982) (табл. LXVII, LXVIII).

К числу памятников второго типа относятся Ясыдепе (площадь 250×250 м) (Гутлыев Г., 1977), Дашлыджадепе (площадь свыше 2 га), Агачлыдепе (Гутлыев Г., 1974б, с. 7—8).

К третьему типу можно отнести Крахандепе I, II, III, Елендепе, Овадандепе (Гутлыев Г., 1974б, с. 7—8), наконец, поселение, некогда располагавшееся на вершине южного холма Анау (Schmidt H., 1908).

Даже предварительное (с очень незначительным объемом земляных работ) исследование этих памятников позволяет сделать ряд наблюдений: во-первых, очень значительное число поселений с цитаделями, чем этот район отличается, например, от Маргианы; во-вторых, соседство памятников, которые возникли еще в эпоху бронзы и продолжали существовать в раннем железном веке, и памятников, возникших только в раннем железном веке; в-третьих, новые работы позволили считать, что это время (ранний железный век) не было периодом упадка, а временем широкого освоения основной части территории подгорной полосы Копет-Дага.

На вершинах кирпичных платформ, видимо, располагались здания монументального характера, однако раскопки их еще не вскрыли. Чрезвычайно незначительны и архитектурные остатки рядовой застройки. Несколько плохо сохранившихся однокомнатных домов было вскрыто на Гараойдепе. Их план обычно был прямоугольным (Гутлыев Г., 1982). В качестве строительных материалов использовалась пахса и сырцовый кирпич, обычно прямоугольный (60×25×10; 60×24×10; 60×30×10 см). Стены и пол обмазывались глиной (часто с добавлением рубленой соломы). В отдельных случаях стены покрывались алебастровой штукатуркой (Гараойдепе — см.: Гутлыев Г., 1982). Изредка находились каменные подпятники для дверей.

Материалы по истории фортификации дает только Елькендепе. Характерной особенностью системы укреплений является наличие двойных стен. Двойная стена эпохи Елькен II, по А. А. Марущенко, (но, видимо, относящаяся к началу периода Елькен III) окружала собственно город. Она сложена из сырцового прямоугольного кирпича, общая толщина ее 10,5 м, ширина внутреннего коридора 6 м (Марущенко А. А., 1959, с. 62—64). Двойная же стена существовала и у цитадели на последнем этапе ее существования. Она имеет любопытную конструкцию: стена двойная, но толщина внешней и внутренней стен несоизмеримы (внешняя стена 1,4 м, внутренняя 6,6 м., коридор между ними 2 м) (Марущенко А. А., 1959, с. 66).

Хозяйство. По-видимому, основой экономики населения подгорной полосы Копет-дага в рассматриваемое время было земледелие. Хотя зерна злаков еще не встречены при раскопках, по аналогии с предшествующим позднебронзовым веком можно предполагать, что в период раннего железа здесь в основном культивировались мягкая пшеница и двурядный ячмень, т. е. традиционные злаки, известные здесь с энеолитического времени (Лисицына Г. Н., Сарианиди В. И., 1971).

Хотя материалов по истории орошения прикопетдагской равнины почти нет, можно предполагать, что главным источником воды были небольшие реки и ручьи, стекавшие с гор (такие, как Душак и Лоинсу). Предполагается, что для многократного полива на этих речках возводились специальные водоразборные сооружения, в том числе типа дамб и плотин, при помощи которых регулировалась подача воды на поля. К концу рассматриваемой эпохи здесь появляются такие специфические сооружения, как кяризы. Один из кяризов прослежен у поселения Улугдепе, он насчитывает 20 колодцев (Лисицына Г. Н., 1978, с. 214).

Ремесленное производство раннежелезного века еще практически неизвестно. При раскопках Елькендепе были найдены очень незначительные остатки меднолитейного и железоделательного производства. О характере эволюции керамического производства позволяет судить керамика поселения. Чрезвычайно незначительны находки орудий труда и оружия. На южном холме Анау были найдены фрагменты железного ножа, железных серпов и бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Schmidt H., 1908, с. 156, 185), в подъемном материале Елькендепе — бронзовые наконечники стрел — листовидные или трехлопастные с открытой втулкой (Марущенко А. А., 1959, с. 67), на Улугдепе и Елькендепе — каменные зернотерки, ступки, пестики, обломок каменной булавы.

Керамика. Керамика подгорной полосы очень близка керамике Маргианы. Однако необходимо указать, что отдельные фрагменты лепной расписной керамики впервые появляются еще в слоях эпохи поздней бронзы (т. е. в слоях Елькен I и Улуг III). Развитие керамики подгорной полосы лучше всего прослеживается на материалах поселения Улугдепе.

Слой Улуг II. Лепная керамика (в том числе расписная) преобладает над гончарной (в соотношении

3 : 1). Расписная керамика украшена исключительно геометрическими рисунками черной, красной, коричневой, реже зеленоватой краской по розоватому или красноватому ангобу. Основные формы ее — небольшие тонкостенные, полусферические с плоским дном и слабо отогнутым венчиком чаши; орнамент, как правило, в виде фриза опоясывает верхнюю часть таких чаш. Встречаются также горшочки и миски. Крупные сосуды чаще всего украшены небрежной росписью в виде широких лент. Известны также котлы и крышки с округлыми ручками. Материал слоя Улуг II полностью соответствует керамике типа Яз I.

Выделяется десять основных типов орнаментов. Исследование их показательно в нескольких отношениях. Прежде всего, набор орнаментов практически неизменен во все время существования комплекса Улуг II, уменьшение их числа заметно только к самому концу периода. Для ранних слоев комплекса Улуг II характерны орнаменты как заштрихованные, так и со сплошной заливкой, для поздних слоев характерна только штриховка.

Сравнение набора орнаментов Улугдепе с другими памятниками подгорной полосы показывает, что наиболее сложные орнаментальные мотивы имеются только на керамике Улугдепе.

Слой Улуг I. Большая часть посуды выполнена на тончарном круге, светлофонная. Основные формы представлены банкообразными сосудами с характерными округлыми венчиками, верхние части их покрыты светлым ангобом, придонные части несут следы срезов. Сосуды крупных и средних размеров представлены хумами и хумча, преимущественно с клювовидными венчиками. Кухонная посуда лепная, часто с примесью толченой керамики и песка; выделяются котлы шаровидной формы, изредка имеющие вертикально поставленные ручки. Весь этот керамический комплекс полностью соответствует посуде типа Яз II—III. В единичных экземплярах встречены фрагменты лепной расписной керамики, более характерной для нижележащего слоя.

Украшения и предметы быта. Материалы этого типа крайне немногочисленны, зафиксированы каменные подпятники, остатки циновок, из украшений — биконическая каменная бусина (слой Елькен II), бронзовые спиральные и овальные с несомкнутыми концами кольца, обломки тонких круглых в сечении браслетов (слой Елькен III) (Марущенко А. А., 1959, с. 67).

Северная Парфия в некоторых отношениях является ключевой областью для понимания тех процессов, которые происходили в южной исконно земледельческой части Средней Азии. Важнейшим фактом является то, что керамика типа Яз I появляется здесь еще в эпоху поздней бронзы, ранее, чем в Маргиане и Северной Бактрии. Второй важной особенностью этого района является обилие поселений с цитаделями.

Можно полагать, что наиболее важные центры предгорной полосы в конце периода Елькен III, т. е. в пределах IV в. до н. э. переживают гибель. Во всяком случае наличие определенной лакуны между памятниками этого времени и собственно парфянскими кажется несомненным.

Серахский оазис

Серахский оазис располагается в южной части Туркменистана. Он занимает территорию Серахской дельты р. Теджен и западную часть холмогорья Бадхыз. На юге территория оазиса ограничивается северными отрогами Паропамиза, доходящими до долины р. Теджен. На юго-востоке естественная граница оазиса проходит по Бадхызу. К северу Бадхыз постепенно переходит в пустыню Каракум, составляющую восточную и северо-восточную границу оазиса. На севере и северо-западе граница проходит по степной и пустынной равнине, прорезанной руслом р. Теджен и отделяющей Серахский оазис от Тедженского и небольших оазисов Меана и Чаача. Общие размеры оазиса до 70 км в направлении с севера на юг и 20—25 км — с запада на восток (Оразов О., 1973, с. 3).

Единственным водным потоком, орошавшим Серахский оазис, является р. Теджен. В верховьях она называется Герируд и течет по территории Афганистана. В пределы Туркмении река входит в районе Зюльфагорского прохода.

Есть все основания полагать, что в древности Серахский оазис был теснейшим образом связан с Гератским, т. е. древней областью Ареей, представляя собой северную окраину этой важной историко-культурной области Среднего Востока (Оразов О., 1973, с. 99 сл.). Возможно, что именно с р. Герируд—Теджен связано известное свидетельство Геродота об ирригационном строительстве на р. Акес и финансовой политике Ахеменидов (плата за пользование водой) (Массон В. М., 1967).

История археологического изучения Серахского оазиса очень коротка. В 1953 г. на территории крупнейшего центра оазиса — городища Старый Серахс провел раскопки А. А. Марущенко (Марущенко А. А., 1956), им же были осуществлены небольшие разведки в окрестностях. В 1964—1970 гг. раскопки в Серахсе и детальное разведочное обследование памятников оазиса проводил О. Оразов (Оразов О., 1973).

Заселение оазиса началось в эпоху энеолита; вторичное заселение — в эпоху раннего железа (по стратиграфической шкале Маргианы — в эпоху Яз I). Материалы этой эпохи засвидетельствованы в оазисе, помимо городища Старого Серахса, только на Бешдепе. В середине I тысячелетия до н. э. жизнь засвидетельствована на городище Старого Серахса, на Бешдепе, Мовлекдепе, Акчадепе. На городище Старого Серахса существует поселение на месте цитадели (неправильный пятиугольник со стороной 300—320 м), поселение окружено глинобитной стеной или валом, сохранившаяся высота его 1,8 м. Следы застройки имеются и на территории шахристана, вне цитадели. Поселение Бешдепе состоит из пяти бугров, диаметр каждого 30—60 м. Аналогичный характер имеет и Мовлекдепе. Чрезвычайно показательно, что оба эти поселения находятся на значительном (20—30 км) расстоянии от реки. Возле поселения Мовлекдепе прослежены остатки древнего канала на протяжении более 5 км. Ширина канала до 6 м. Можно предполагать, что в это время в Серахском оазисе существовала ирригационная

система, напоминавшая ирригационную систему архаического Хорезма и, возможно, Маргианы — с очень длинными каналами и поселениями, располагавшимися у их окончаний (Образов О., 1973, с. 97).

Материальная культура оазиса рассматриваемой эпохи изучена еще слабо. Керамика Серахского оазиса очень близка керамике Мервского. Сосуды эпохи Яз I выполнены от руки, часть фрагментов — расписная. Почти вся керамика времени Яз II—III выполнена на гончарном круге. Она делится на хозяйственную и столовую. Характерными являются банкообразные сосуды со скошенной придонной частью, известные в среднеазиатской археологической литературе под названием цилиндроконических. Чаши характеризуются наличием четкого ребра, разделяющего вертикальные стенки и поднос в нижней части. Ангоб обычно покрывает снаружи только верхнюю часть стенок, изнутри чаши ангобированы полностью. Венчики хумов и хумчей имели типичный крючкообразный профиль. На поселениях также были найдены каменные зернотерки, при исследовании Старого Серахса — железные шлаки и керамические ядра (*Марущенко А. А.*, 1956, с. 175, 196).

Северная Бактрия

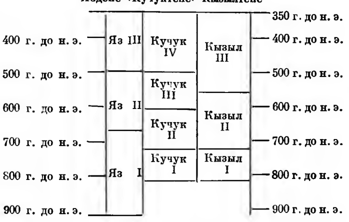
Первый памятник эпохи раннего железа в этом районе был обнаружен в начале 50-х годов. Это было городище Калаи-Мир, где были зафиксированы слои VI—IV вв. до н. э. (комплекс Кобадиан I) (Дьяконов М. М., 1953, с. 25; Дьяконов М. М., 1954, с. 121—140; Забелина Н. Н., 1953, с. 131). В дальнейшем на территории Южного Таджикистана исследовался еще ряд памятников: Болдайтепе (Зеймаль Т. И., 1971а), Тамошатепе и Безымянное. Несколько позднее началось изучение памятников эпохи раннего железа и на территории юга Узбекской ССР. В начале 60-х годов были зафиксированы слои VI—IV вв. до н. з. на городище Халчаян (Ханакатепе) (Пугаченкова Г. А. 1966б, с. 32—33). Затем было обнаружено поселение Кучуктепе (Альбаум Л. И., 1969, с. 69—70). В дальнейшем здесь было открыто около двух десятков поселений исследуемого времени, часть из них была раскопана в довольно значительных масштабах (Сагдуллаев А. С., 1978б; Сагдуллаев А. С., 1980; Аскаров А., 1982; Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979; Беляева Т. В., Хакимов З. А., 1973; Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В., 1976; Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976; Ртвеладзе Э. В., 1976). Для понимания истории зтого района в эпоху раннего железа очень большое значение имеют также памятники, расположенные на южном берегу Амударьи, в Северном Афганистане, особенно Тиллятепе (Сарианиди В. И., 1972; Сарианиди В. И., Ходжаниязов Т., 1980).

С точки зрения изучения стратиграфии и определения времени существования поселений особенно важны были раскопки двух памятников: Кызылтепе и Кучуктепе. На базе материалов из раскопок их были созданы две стратиграфические шкалы (очень близкие друг другу).

Шкала Кучуктепе (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 48—67): Кучук I—Х — первая половина VIII в. до н. з.; Кучук II — вторая половина VIII—VII в. до н. э.; Кучук III — конец VII—VI в. до н. э., Кучук IV — конец VI—V в. до н. з.

Шкала Кызылтепе (Сагдуллаев А. С. 1978а, с. 12—13): Кызыл I — 1000—700 гг. до н. э.; Кызыл II — 700—550 гг. до н. э.; Кызыл III — 550—400 гг. до н. э.

Однако обе зти стратиграфические шкалы вызывают серьезные возражения, в частности относительно дат ранних комплексов. Обе схемы в конечном счете отталкиваются от язовской стратиграфической шкалы, что и естественно, ибо она в настоящее время наиболее твердо установленна и хорошо аргументирована. А. С. Сагдуллаев, А. Аскаров и Л. И. Альбаум сравнивают соответственно слои Кучук I и Кызыл I с комплексом Яз I, но при этом они заглубляют даты бактрийских комплексов по сравнению с комплексом Яз I по крайней мере на 100 лет, хотя фактических материалов для этого нет. Более того, сравнение комплексов Кучук I и Кызыл I с комплексом Яз I показывает, что они лучше всего синхронизируются с поздним этапом Яз I. В силу этого мы считаем возможным несколько изменить датировки, предложенные авторами раскопок для различных периодов Кучук-тепе и Кызыл-тепе:



При этом необходимо также отметить, что у нас вызывает сомнение возможность разделить на два периода ранние слои Кучуктепе. Нам представляется, что более правильным было бы объединение двух комплексов: Кучук I и Кучук II в единый (табл. LXIX).

Поселения. Фортификация. Архитектура. В начале рассматриваемого периода (время Кучук I, II, Кызылтепе I, II) на территории Северной Бактрии существует ряд поселений: Джаркутантепе (верхний слой), Буйрачитепе 1 (верхний слой), Буйрачитепе 2, поселение на месте цитадели Кызылтепе, Безымянное тепе (в Миршадинском оазисе), Кучуктепе (нижние слои), Бандыхантепе I (средний слой) (Сагдуллаев А. С., 1978а; 1978б, с. 35; Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979; Сагдуллаев А., Хакимов З., 1976; Беляева Г. В., Хакимов З. А., 1973; Аскаров А., 1976; Ртвеладзе Э. В., 1976). В настоящее время о характере поселений еще судить трудно вследствие недостаточности материала. Можно только отметить, что уже в это время появились крупные поселения, к числу которых относится, например, Бандыхантепе 1, которое состояло из двух

частей, разделенных руслом канала. Возможно, что одна из частей поселения представляла собой цитадель (Ртвеладзе Э. В., 1976, с. 95). Кроме того, зафиксированы в это время и отдельно стоящие усадьбы (например, Кучуктепе). В горных районах в настоящее время выявлен только один памятник — в районе Восе. Разведочный шурф в нем выявил расписную керамику типа Яз I (Негматов Н. Н., 1982б, с. 78).

Более определенными становятся наши сведения о характере поселений в следующий период (Кучук III, IV, Кызылтепе III). В это время вполне определенно можно говорить об оазисной системе расселения (Ртвеладзе Э. В., 1975; Сагдуллаев А. С., 1978б). Зафиксировано пять небольших оазисов, находившихся на расстоянии 25—40 км друг от друга. Они располагались в предгорьях Кугитанга и Байсуна, включали на юго-западе Муэрабадскую и Шерабадскую степи, далее на северо-запад — Бандыханский массив (Кызырыкдар) и большое холмистое плато, продолжающееся до долины Халкаджардарьи. Поселения всех оазисов располагались на берегах небольших рек ледникового или родникового происхождения (или в непосредственной близости от них), невдалеке от выхода их на равнину. Долины больших рек (Сурхандарьи и Амударьи) в сколько-нибудь значительных масштабах еще не осваиваются. Достаточно отчетливо прослеживается как рост общего числа поселений (по сравнению с предшествующим периодом), так и увеличение площади ряда поселений (возникших в первый период). Кроме того, усложняется общая структура поселений.

Выделяются следующие оазисы:

1. Сангардак-Туполангский. Исследован еще недостаточно. К концу исследуемого периода относится нижний слой Халчаяна.
2. Халкаджарский (Миршадинский). Включает городище Кызылтепе, группу мелких поселений вокруг него, разрушенное поселение Ахдакуль, возможно, Буйрачитепе 2 (верхние слои).
3. Ургульский (Бандыханский). Зафиксированы поселения: Газимуллатепе, Киндыктепе, Безымянное тепе.
4. Шерабадский: Джандавляттепе, Пагмантепе, Талашкантепе 1, Безымянное тепе.
5. Уланбулаксайский (Музрабадский) оазис включает: Кучуктепе, Дабилькурган.

Обычно каждый оазис включает группу из трех-четырех поселений, одно из которых является центральным, выделяясь размерами, наличием фортификации и достаточно четким планом (Кызылтепе, Талашкантепе 1, Безымянное в Ургульском оазисе).

Видимо, примером рождающегося города (поселения первого типа) может считаться Кызылтепе (Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976; Ртвеладзе Э. В., 1975, с. 263—264; Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8—9). Поселение здесь возникает в VIII—VII вв. до н. э., в VI в. до н. э. возводятся городские стены. Основная часть городища прямоугольна, общая площадь около 30 га. Юго-западный угол городища (около 2 га) занимает группа крупных холмов (высотой более 10 м), доминирующих над остальной территорией. Предполагается, что здесь находилась цитадель. Рельеф остальной части городской территории довольно ровный, с едва уловимыми следами былых улиц. Городище обрамлено стенами, за пределами стен (в восточном направлении) прослеживаются также остатки былой застройки (более 5 га).

Второй тип: поселения, состоящие из крепости и неукрепленной части, расположенной вокруг нее. К этому типу принадлежит, например Талашкантепе 1 (Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В., 1976). Ядром поселения является круглая в плане крепость (диаметр 125—130 м). Достаточно хорошо сохранились крепостные стены. Вокруг зафиксированы следы неукрепленного поселения (размеры не установлены) (Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8; Ртвеладзе Э. В., 1975, с. 264).

Третий тип: рассредоточенные поселения достаточно крупных размеров, не имеющие укреплений, например Газимуллатепе (площадь до 10 га).

Четвертый тип: мелкие отдельно стоящие поселения (площадью до 0,5 га). К этому типу относится, например, Кызылчатепе 6 (Сагдуллаев А. С., 1981, с. 8 сл.; Сагдуллаев А. С., 1980).

Как отмечалось выше, часть поселений имела укрепления, которые появились уже в первый период. В частности, возможно, такой характер имела цитадель поселения Бандыхантепе 1. Тогда же появились и укрепленные усадьбы (Кучуктепе). Сведений об укреплениях последующего времени нет. Городские стены зафиксированы и изучались на ряде памятников. Стена Талашкантепе имеет ширину до 5 м, сохранившаяся высота 3 м. Она выложена из прямоугольного сырцового кирпича. С внешней стороны у нее — незначительный уклон, с внутренней — ступенькообразный выступ. Стена представляет собой единовременное сооружение (Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В., 1976). Хорошо прослеживаются остатки городских стен городища Кызылтепе. В основании стены лежит глинобитный монолит, поверх него — пахсовые блоки (шириной от 0,6 до 1 м). Ширина стены в основании 10 м, она сужается кверху (на высоте 4 м ширина ее 4,5 м) (Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976). Характер башен удалось проследить только на городище Бандыхан 2 — округлые в плане с внутренними помещениями (Ртвеладзе Э. В., 1976 с. 97; Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8). В ряде мест зафиксированы рвы, находившиеся перед стенами, лучше всего на Кызылтепе (Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976).

Примером укрепленной усадьбы является Кучуктепе. Основным фортификационным элементом здесь была высокая (до 4 м) глинобитная платформа, по краю которой шла стена усадьбы. На всех этапах жизни усадьбы этот прием сохранялся (кроме, видимо, последнего) (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 18—30).

В настоящее время имеется возможность охарактеризовать только рядовую застройку поселений Северной Бактрии, точнее даже, только один вариант ее — отдельно стоящую усадьбу [1], на примере усадеб Кызылчатепе 6 (Сагдуллаев А. С., 1980, 1981) и Кучуктепе (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979). Усадьба Кызылчатепе 6 располагалась в окрестностях городища Кызылтепе, существовала в период VII—IV вв. до н. э. Все это время она сохра-

[1] Небольшие материалы позволяют считать, что имелись также и жилища типа полуземлянок (Негматов Н. Н., 1982б, с. 79).

няла один и тот же принцип планировки: в центре располагался двор, по периметру его — длинные коридорообразные помещения. Имелся один вход. На некоторых этапах, помимо внутреннего двора, существовал и внешний. Внешние стены имели значительную толщину (до 3 м), внутренние — гораздо тоньше. На протяжении всего существования усадьбы она включала 8—12 помещений. Зафиксированы прямоугольные и круглые очаги. Часть внутреннего двора получила впоследствии перекрытие, здесь был построен портик-айван. Общая площадь застройки жилого комплекса достигает 880—900 кв. м, из которых примерно 190 кв. м занимает полезная площадь помещений и 200 кв. м — площадь двора.

Выделяются следующие (по функциональному назначению) помещения: жилые (с суфами, остатками циновок на полу, большим количеством находок), хранилища (с большими хумами), производственное помещение (заготовки для каменных орудий или уже готовые, но не использовавшиеся орудия труда), кухня (с большим количеством кухонной посуды и тремя-четырьмя пристенными очагами), общая трапезная (слои органического происхождения и большое количество костей). Таким образом, по мнению автора раскопок, Кызылчатепе 6 представляет собой систему, в которую входило четыре жилых секции (две небольшие по 11—13 кв. м, две значительно большие — по 25—26 кв. м), два больших хранилища, производственное помещение, кухня и столовая. Все это позволяет высказать предположение, что в усадьбе жила большая патриархальная семья (20—25 человек), состоявшая из четырех малых. Аналогичную картину дает и усадьба Кызылчатепе 1 (Сагдуллаев А. С., 1981, с. 10 сл.).

Несколько иные принципы положены в основу планировки усадьбы Кучуктепе (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 18 сл.). Усадьба построена на мощной (4 м) платформе. Само здание было прямоугольным в плане, вход располагался с востока. Внутреннее пространство делилось на три примерно одинаковые по размерам комнаты. В одной из комнат зафиксированы остатки очага. Во втором строительном периоде здание несколько расширяется, появляется небольшой хозяйственный дворик у входа. Для этого этапа авторы раскопок считают возможным выделить внутри усадьбы три отдельных хозяйственно-жилых комплекса. На третьем этапе происходит дальнейшее расширение усадьбы: в составе усадьбы появляется специальное помещение предположительно культового назначения. Четвертый этап связан со временем упадка и планировка читается плохо. Большинство помещений имеет хозяйственное назначение, одно — возможно культовое.

По мнению А. Аскарова, Л. И. Альбаума, Кучуктепе представляет собой укрепленный общинный дом. Они предполагают, что здесь жила семья вождя, однако более справедливым представляется мнение А. С. Сагдуллаева, сравнившего это здание с усадьбами Кызылчатепе 6 и 1, и видевшего здесь обычное рядовое жилище большесемейной общины (Сагдуллаев А. С., 1981).

Можно, следовательно, предполагать, что в бактрийском регионе в рассматриваемую эпоху существовало два варианта усадеб, служивших жилищами большесемейных общин. Общим для них является сравнительная изолированность, наличие мощных внешних стен, существование отдельных жилых ячеек, которые могут быть интерпретированы как место обитания малой семьи (как элемента большесемейной общины). Отличия сказываются в различной планировочной структуре: компактная застройка с маленьким двориком у входа в одном случае и застройка по периметру большого двора — в другом.

В качестве строительных материалов используются пахса (битая глина) и кирпич-сырец. Иногда в кладке стены применяются оба материала. Большинство кирпичей прямоугольного формата, размеры различны (40—60×20—30×8—12 см). Используется в строительстве и дерево: на Кызылчатепе 6 засвидетельствованы остатки деревянных столбов, поддерживавших крышу айвана. Видимо, дерево применялось и для перекрытий. В одном случае зафиксировано сводчатое перекрытие, выполненное из сырцового кирпича в технике «ложного свода». Видимо, иногда деревянными были двери, свидетельством чего являются найденные при раскопках Кызылтепе каменные подпятники. В конце исследуемого периода в домах появляется система водоотводов, свидетельством чего являются кобуры, обнаруженные на Талашкантепе 1. Стены штукатурились глиной, в особых случаях специально обработанной, чтобы придать определенный колористический эффект.

Хозяйство. Основной сферой экономической деятельности населения приамударьинского региона в рассматриваемый период было сельское хозяйство (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 81 сл.; Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8). По всей видимости, земледелие базировалось на искусственном орошении. Сухой жаркий климат и небольшое количество атмосферных осадков делали в сущности невозможным здесь богарное земледелие. Хотя остатков каналов обнаружить еще не удалось[1], все же само расположение памятников таково (в непосредственной близости от мелких речных русел), что вполне естественным кажется предположение о том, что именно отсюда бралась вода для орошения. При раскопках ряда памятников (в частности, Кучуктепе) встречались сгнившие остатки соломы слоями до 3—4 см толщиной. О значении земледелия говорит и сравнительно большое количество орудий труда, используемых в сельском хозяйстве и переработке сельскохозяйственных продуктов (зернотерки, ступки, песты, терочники, каменные, бронзовые и железные, в верхних слоях, серпы).

Вторая важная отрасль хозяйства — скотоводство. В настоящее время обработан остеологический материал, полученный только из раскопок Кучуктепе. Его анализ показывает следующее: все время, пока существовало поселение, разводился крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи. Поскольку авторы раскопок основную историческую грань проводят между периодом Кучук I, с одной стороны, и Кучук II—IV — с другой, то мы, естественно, попытаемся рассмотреть эволюцию в составе стада с учетом этой границы. Можно отметить следующие из-

[1] Возможно, что к самому концу рассматриваемого периода относится канал Болдай в Вахшской долине (Зеймаль Т. И., 1971б).

менения: увеличивается доля крупного рогатого скота и падает — мелкого, несколько увеличивается доля свиньи и лошади, во втором периоде появляется осел, кости которого в слоях Кучук I совершенно не зафиксированы. При сравнении с материалами II тысячелетия до н. э. наиболее важное отличие — появление лошади, существование которой среди домашних животных более раннего времени не зафиксировано.

Определенную роль в жизни населения Кучуктепе играла и охота. Здесь также прослеживаются определенные изменения по сравнению со II тысячелетием до н. э. Почти перестает быть объектом охоты кабан, охота на бухарского оленя, имевшая в период Сапалли особое значение, отходит на второй план. Лишь куланы и джейраны стабильно, как и во II тысячелетии до н. э., продолжают интересовать охотников. Видовой состав диких животных, добытых охотниками поселения Кучуктепе, предполагает применение на охоте дальнобойного метательного оружия, такого, как лук. Падение роли охоты по сравнению со II тысячелетием до н. э., видимо, связано с увеличением значения в хозяйстве скотоводства.

Для ремесла рассматриваемого периода характерны следующие особенности. Хорошо заметен прогресс в производстве керамики. Если первоначально основная масса керамики — лепная, то позднее практически вся она изготавливается на гончарном круге. Улучшается тесто, более качественным становится обжиг. Важную роль играет обработка камня, особенно на ранних этапах. Из камня делают серпы, зернотерки, песты, терочники и т. д. На поселении Кызылча 6 выявлено отдельное помещение, где жители занимались изготовлением именно этих предметов. Однако в публикациях никаких подробностей о мастерской не сообщается. Важную роль играет металлообработка. Из бронзы изготовлялись наконечники стрел, серпы, гвозди, заклепки, сосуды, кинжалы. В рассматриваемый период появляются железные орудия труда (в частности, зафиксированы серпы и ножи). Однако поскольку раскопки еще не вскрыли никаких производственных комплексов по обработке металла, наши сведения об этой стороне экономики бактрийского региона остаются очень ограниченными.

Орудия труда и оружие. Значительное место среди орудий труда занимают каменные. Особенно много зернотерок (различных размеров). Они — овальной, удлиненной формы с плоской вогнутой рабочей частью. Встречаются зернотерки во всех слоях. Изготовлялись они из серого гранита, песчаника и мраморизованного кварцита. Ступы округлой формы с глубокими резервуарами, сделаны из гранитных булыжников. Пестики обычно круглые в сечении, небольших размеров, удлиненной формы. Довольно часто встречаются небольшие лощилки округлой, четырехгранной и прямоугольной формы с овальной усеченной плоскостью рабочей части. Возможно, что при помощи этих орудий растирали краски или лощили керамические изделия. Особый интерес представляет топорообразный каменный молот, выточенный из диорита и найденный на Кучуктепе. При раскопках также встречались грузики с боковыми выемками удлиненной и округлой форм, навершия булав, точильные бруски, пряслица. Особую серию каменных орудий составляют серповидные ножи.

Костяные орудия труда использовались мало, зафиксированы только шилья.

Довольно значительно количество бронзовых орудий труда. Обнаружены, в частности, бронзовые ножи. Они представлены следующими вариантами: однолезвийные, серповидные, с отверстием в ручке; однолезвийные, пластинчатые с длинным черешком, на спинке небольшая горбинка, в поперечном сечении одна сторона — ровная, вторая — слегка выпуклая в верхней части. Встречаются также бронзовые шилья.

На поселении Кызылча 6 обнаружен целый железный втульчатый серп с заклепками для крепления деревянной ручки. Здесь же найден и фрагмент железного ножа.

Оружие представлено бронзовыми наконечниками стрел и бронзовыми же кинжалами. Материалы Кучуктепе позволили выявить определенную эволюцию бронзовых наконечников стрел.

К периоду Кучук I относится один вариант: листовидные черешковые двухлопастные с коротким круглым в сечении черешком и двусторонними прожилками посредине пера.

К периоду Кучук II относятся три варианта наконечников стрел:

1) листовидные втульчатые, перья широкие с хорошо выраженной втулкой, продолженной в виде валика до острия. Острие и верхние грани лопастей заточены;

2) двухлопастные, с подтреугольной формой головки и длинным черешком. Черешок у основания лопастей круглый в сечении, внизу с двух противоположных сторон уплощенный. Кончик черешка образует заостренный клин;

3) двухлопастный наконечник с подромбической формой головки и сильно выступающей втулкой, продолжавшейся в виде валика до затупленного острия.

К периодам Кучук III и IV относятся два варианта наконечников стрел:

1) трехперые черешковые, черешки длинные, по основанию лопастей круглые в сечении, с другого конца — двусторонне уплощенные. Характер перьев различен (*а* — наконечники с треугольной головкой, прямыми основаниями лопастей и заостренным концом; *б* — наконечники со сводчатой головкой и опущенными жальцами; в — наконечники с треугольной головкой и опущенными жальцами);

2) наконечник башнеобразной формы, втульчатый, с опущенными жальцами.

При раскопках изредка находили и бронзовые кинжалы. Опубликован в настоящее время один — двухлезвийный, с полуовальным навершием ручки, посредине вдоль лезвия с обеих сторон проходит полукруглый выступ, ручка плоская.

При раскопках Кызылтепе и Талашкантепе 1 были найдены глиняные ядра (Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В., 1976, с. 21; Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976, с. 25). Ядра изготовлялись из необожженной глины. Выделяются две группы: биконические, 3,5×6,5 см, с четкой гранью по центру или же яйцевидной формы. Подобного типа ядра предна-

значались, видимо, для стрельбы из ручной пращи. Вторая группа — крупные ядра округлой формы, диаметром 10—12 см. Довольно значительные размеры и вес ядер данной группы дают возможность предположить, что для стрельбы ими пользовались чем-то вроде катапульт.

Керамика. Керамика приамударьинского региона изучена еще недостаточно. Известна керамика в основном двух поселений: Кучуктепе и Кызылтепе. Поскольку работа по детальному сопоставлению их керамики еще не проведена, мы вынуждены характеризовать их раздельно.

Кучуктепе (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 31—40). Основной границей эволюции керамики, по мнению авторов раскопок, является граница между комплексами Кучук I и Кучук II. В комплексе Кучук I 80% керамики — лепная. В более поздних комплексах, наоборот, основная часть керамики выполнена на гончарном круге, лепная встречается только среди кухонной. Лепная керамика комплекса Кучук I делится на две группы: орнаментированную и неорнаментированную. Первая группа — невелика, основная часть керамики — неорнаментированная. Орнамент встречается на сосудах всех форм. Формы лепной керамики следующие: чаще всего встречаются горшки разных размеров, форма их вытянутая, яйцевидная, венчик имеет обычно отогнутый заостренный край, дно плоское. Известны также дисковидные крышки от этих сосудов. Широко представлены полусферические чаши и миски с широким открытым венчиком. Они в большинстве случаев плоскодонные, но встречаются также с округлым и уплощенным дном. Чаши обычно покрыты ангобом, у них чаще всего слегка загнутый внутрь заостренный край. У значительного числа полусферических чаш отмечено двустороннее лощение по светлому фону. Большая группа керамики — корчаги и кухонные сосуды. Кухонная посуда — более груба в изготовлении, в тесте большая примесь дресвы.

Роспись обычно наносили на светло-розовый фон черепка красной или темно-красной краской. Орнамент прост, нанесен небрежно, как правило, вдоль венчика, очень редко узоры спускались на тулово сосудов. Характерны следующие узоры: разнообразные треугольники (силуэтные замкнутые и незамкнутые, заштрихованные), каплевидные насечки, ромбы, кружочки, трехзубчатые вилки. В основном орнаментация встречается на столовой посуде.

Ассортимент гончарной керамики комплекса Кучук I довольно однороден и состоит из двух типов: чаши (три варианта), горшки (четыре варианта).

Керамика верхних комплексов (Кучук II, III, IV) охарактеризована исследователями очень суммарно, без членения на отдельные комплексы. Почти полностью исчезает лепная керамика (кроме кухонной). Точно так же полностью исчезает роспись на сосудах. В комплексе Кучук II продолжают существовать некоторые варианты гончарных чаш и горшков, характерных для комплекса Кучук I. Однако основную массу керамики составляют цилиндроконические сосуды. Среди них значительное место принадлежит кубкообразным тонкостенным сосудам с заостренным краем венчика. Корпус у них обычно слегка изогнут, встречается рифление. Вторую группу среди цилиндроконических сосудов составляют крупные банкообразные сосуды с округлым или плоским дном. Они подразделяются на несколько вариантов (по оформлению профиля венчика). Изредка встречаются вазообразные тарелки с широко открытым резервуаром на низком кольцевом поддоне или крупные миски с невысокими прямыми стенками и скошенной нижней частью на плоском поддоне.

Керамика Кызылтепе (Сагдуллаев А. С., 1978, с. 10—12). Керамический комплекс Кызыл I. Основная масса (96—97%) керамики — лепная. Керамика довольно низкого качества (грубая лепка ленточным способом, примесь песка в тесте, слабый обжиг, ангоб светло-желтый и редко красный). Основные формы: хумчи, горшки, котлы, жаровни, чаши, миски, тагора. Встречается в небольшом количестве расписная посуда.

Кызыл II. При переходе к этому комплексу резко увеличивается количество гончарной посуды (более 70%). Качество керамики улучшается (примеси в тесте незначительны, черепок плотный, красного цвета, ангоб светло-желтый). Основные формы: цилиндроконические хумчи и хумы с резко выраженным крючкообразным венчиком, цилиндрические миски и чаши с плавным почти округлым ребром, объемные конические и полусферические миски, банки и бокалы. Некоторые станковые цилиндроконические формы имеют расписной геометрический орнамент.

Кызыл III. Практически вся керамика выполнена на гончарном круге. Распространяется посуда с красным и розовым ангобом (наряду со светло-желтым). Исчезает станковая расписная посуда типа Кызыл II и клювовидный профиль венчика. Хумы и хумчи имеют плоский валикообразный или подтреугольный венчик. Цилиндроконическая керамика варьирует в размерах от мелких чаш и кубков высотой 6—10 см до крупных хумов высотой 1—1,2 м. Банки и чаши имеют острое ребро, донная коническая часть становится низкой.

Погребальные памятники и обряд. До недавнего времени практически совершенно неизвестным был погребальный обряд жителей приамударьинского района в рассматриваемую эпоху. Сейчас опубликованы результаты раскопок памятника Пшактепа, который, по мнению автора раскопок, является погребальным комплексом (Аскаров А., 1982). Данное сооружение представляет собой здание довольно своеобразной планировки. В центре его находилось узкое коридорообразное помещение, разделенное перегородкой на две части. В это помещение складывался прах кремированных умерших. Каждая кучка пепла покрывалась сырцовым кирпичом. Одно из помещений (судя по сильной ошлакованности стен) предназначалось для кремации. Другое помещение служило для церемониальных обрядов (в том числе и трапез). Датируется комплекс VII—VI вв. до н. э. По предположению автора раскопок, в данном регионе существовал обряд кремации умерших.

Культовые предметы и сооружения. Характер религиозных верований населения данного региона нам практически неизвестен. По предположению А. Аскарова и Л. И. Альбаума, в составе комплек-

са Кучуктепе в ходе раскопок были обнаружены помещения, имевшие культовое назначение.

В третий строительный период здесь было создано помещение (№ 7), которое авторы раскопок считают культовым (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 24 сл.). В этом помещении поверхность стен обмазана специальной каолиновой глиной, заглаженной до зеркального блеска. В центре помещения находился очаг, напротив него, в южной стене располагалась прямоугольная ниша, оконтуренная глиняным бордюром. В верхней части ниши в стене прямоугольное углубление, а вдоль верхних углов ее расположено два световых отверстия. На полу перед нишей — плотно утрамбованная земля, в центре небольшое углубление, уходящее на 20 см под стену.

Культовое назначение, по мнению исследователей (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979, с. 28), имело одно из помещений (№ 17) и четвертого строительного периода. В одной из стен комнаты на уровне пола сделана ниша размером 50×50 см. С внешней стороны по краям ниши выступает бордюр. В нише плашмя поставлен гладкий округлый камень, с сужением к лицевой поверхности. В нише над камнем установлен второй полукруглый булыжник. Перед устьем ниши, на полу был сделан круглый бордюрчик из глины, он сильно обожжен.

К сожалению, в настоящее время очень мало материалов по проблеме искусства Бактрии рассматриваемой эпохи. Возможно, что часть предметов так называемого Амударьинского клада может считаться произведенной в Бактрии в самом конце исследуемого периода, но надежных критериев для их выделения нет (Зеймаль Е. В., 1979).

Хотя исследование памятников Северной Бактрии раннего железного века началось недавно, тем не менее здесь были получены очень важные результаты, позволяющие решить многие вопросы истории всей южной зоны Средней Азии. Этому помогает и то обстоятельство, что памятники раннего железного века Южной Бактрии в настоящее время также активно изучаются советскими археологами. Сопоставив материалы из этих двух районов, можно утверждать, что памятники с расписной керамикой (типа Яз I) появились на левобережье Амударьи раньше, чем в правобережье. Очень важны наблюдения над структурой расселения — наличие в этом районе четкой системы мелких оазисов с центральным поселением, отличающимся от остальных как размерами, так и более сложной структурой.

Глава восьмая

Фергана, Ташкентский оазис. Уструшана

Фергана. Чустская культура

Зоной распространения чустской культуры является Ферганская долина. Как и для культур раннего железного века в более южных частях Средней Азии, своеобразным индикатором ее является расписная керамика. Первый памятник с расписной керамикой (Эйлатан) был найден Б. А. Латыниным в 1933—1934 гг. Однако он был датирован тогда эпохой бронзы. Затем Т. Г. Оболдуева в 1939 г. обнаружила аналогичную керамику в ходе археологических наблюдений при строительстве Большого Ферганского канала (Оболдуева Т. Г., 1951). Планомерное изучение этой культуры началось только с 1950 г. Памиро-Ферганской комплексной экспедицией. Изучалось, в частности, Чустское поселение (Спришевский В. И., 1954; 1957а, б; 1958а, б, в; 1963), в 1952 г. было открыто поселение Дальверзин, на котором проведены многолетние исследования (Заднепровский Ю. А., 1962а; 1964; 1978). В эти же годы было обнаружено значительное число новых поселений в различных частях Ферганы. В настоящее время зафиксировано около 80 памятников этой культуры, примерно на четвертой части их осуществлены стратиграфические шурфы и небольшие раскопки. Широкие по масштабам раскопки были проведены на Чустском и Дальверзинском поселениях, полностью раскопано малое поселение Бозтепе.

В настоящее время чустскую культуру принято датировать временем от рубежа II—I тысячелетий до н. з. и до рубежа VIII—VII вв. до н. э. (Заднепровский Ю. А., 1978, с. 33), хотя до 1957 г. (Заднепровский Ю. А., 1957) ее обычно датировали эпохой бронзы (в том числе и III тысячелетием до н. э.). Отметим, что нижняя граница чустской культуры определена еще недостаточно точно. Кроме того, с нашей точки зрения, не исключено, что в хронологические границы этой культуры может быть включен целиком VII в. до н. э. (табл. LXX).

Поселения. Фортификация. Поселения Ферганы времени чустской культуры концентрировались в виде отдельных оазисов. Они связаны с древними руслами рек или их дельтами. Поселения обычно размещались вдоль этих русел или отдельных их протоков. Расстояния между оазисами в среднем составляли 20—30 км. Известны следующие оазисы: Узгенский (9 поселений), Карасуйский (24 поселения), Тава-Кассансайский (8 поселений), Карадарьинский, Хаджибадский. В некоторых из этих оазисов имелись крупные поселения, служившие их центрами (Заднепровский Ю. А., 1981).

Типология поселений носит еще в значительной мере условный характер, она основывается главным образом на их размерах. Выделяются три типа: 1) крупные поселения — 12—25 га (Ашкалтепе и Дальверзин); 2) средние — 4—5 га (Чуст, Дехкан); 3) малые — от 0,02 до 0,9 га (подавляющее большинство поселений).

Среди крупных поселений наиболее изученное — Дальверзин. Оно занимает овальный холм площадью 25 га, состоит из трех частей, каждая из которых имеет свою систему фортификации: цитадель (площадь 2 га), большая часть территории которой была незастроенной, а несколько жилых комплексов располагались вдоль внутренней стены; жилой район (площадь 18 га); район между ними (площадь около 5 га) незастроен и, видимо, служил загоном для скота.

Второй тип (средние по размерам поселения) может быть представлен на примере Чустского поселения. Оно состояло из двух частей. Большая часть его оставалась неукрепленной, укреплена была стеной только северо-западная часть его (площадь около 1,5 га). Точное назначение укрепленной части неизвестно, поскольку раскопки здесь не проводились. Существуют два предположения о функции ее: цитадель или загон для скота в момент военной опасности.

Малые поселения могут быть рассмотрены на примере целиком раскопанного поселения Бозтепе, которое представляет собой большой многокомнатный дом (около 20 комнат), видимо, занятый одной большой семьей.

Имелись также временные поселки, расположенные на хребтах, видимо, связанные с сезонным пребыванием — может быть, для выпаса скота (Заднепровский Ю. А., 1966, с. 197).

Укрепления, как отмечалось, существовали только у крупных и средних поселений (Заднепровский Ю. А., 1976): на Дальверзине и Чусте. В обоих случаях стены появились на втором этапе существования поселений. Дальверзин был окружен стеной (внешней), внутреннее пространство разбивалось двумя стенами (внутренними) на три участка. Внешняя стена была построена следующим образом: глинобитная платформа, сверху слой утрамбованной земли, затем панцирная кладка из сырцового кирпича толщиной до 0,6 м. Толщина стены 4—6 м, высота сохранившейся части 2,5 м. Другой участок этой стены имеет несколько иное устройство: стена сложена из пахсовых блоков, внутри коридор

(ширина 2 м), толщина внешней части стены 4 м, внутренней 1,2 м. Позднее коридор был забутован.

Одна из внутренних стен (отделяющая загон от жилого района) имеет толщину 4 м (сохранившаяся высота 1 м). Другая внутренняя стена (отделяющая цитадель) сложена целиком из сырцовых кирпичей, толщина ее 2,5 м, высота 2,6—3 м. Внутренний край стены вертикальный, с внешней имеется глинобитная платформа высотой 1 м, толщиной 5 м, наклонно поднимающаяся вверх (Заднепровский Ю. А., 1976, с. 7). Оборонительная стена цитадели Чуста также сложена из сырцового кирпича, толщина ее в различных местах разная — от 1,5 до 3 м, высота от 2 до 5 м. В обоих случаях и на Дальверзине, и на Чусте башни не зафиксированы.

Архитектура. Известно несколько вариантов жилищ чустской культуры: а) наземные глинобитные дома зафиксированы на Дальверзине, Чусте, Бозтепе. На Дальверзине обнаружено несколько жилых комплексов в цитадели. Они примыкают непосредственно к внутренней городской стене. Один из комплексов состоит из четырех помещений. В середине находился большой зал (размером 7,2×7 м), по краям располагались две узкие комнаты, с севера ко всем этим комнатам примыкало помещение айванного типа. Общая площадь дома около 140 кв. м. На территории жилого района Дальверзина был обнаружен однокомнатный дом (площадь 5×8 м). Остатки похожих домов, но худшей сохранности, были найдены и на Чусте. Особое место занимает Бозтепе, где исследовано большое здание, состоявшее из 20 с лишним помещений; б) землянки зафиксированы на Дальверзине и Чусте. На Дальверзине обычно землянки прямоугольные в плане, на Чусте — овальные. Обычно заглубляются в грунт примерно на 1 м, стены иногда обкладываются сырцовым кирпичом, иногда имеются деревянные столбы, поддерживающие перекрытие; фиксируются хозяйственные ямы; в) легкие наземные постройки каркасного типа.

Ю. А. Заднепровский считает, что одна из землянок, обнаруженных на Дальверзине, имеет культовое назначение. Она четырехугольная, все стены разной длины, общая площадь — 60 кв. м. Стены ее обложены сырцовыми кирпичами, в центре — овальный очаг.

Хозяйство. Основными занятиями населения были земледелие и скотоводство. Возделывались ячмень, пшеница, просо, бобовые (нут), некоторые плодовые растения. Видимо, земледелие основывалось на лиманной системе орошения. Важную роль, видимо, играло и скотоводство, судя по обилию костей домашних животных, найденных на Дальверзине и Чусте. Видовой состав стада на обоих поселениях одинаков, хотя роль различных видов домашних животных различна. На Дальверзине: лошадь — 25%, крупный рогатый скот — 42%, овца и коза — 31%. На Чусте: лошади и крупный рогатый скот — в два раза меньше, овца и коза — в два раза больше. Охота занимала незначительное место. Существовало и рыболовство, о чем свидетельствуют находки рыболовных крючков и костей рыб.

Ремесло жителей Ферганы исследуемой эпохи изучено еще недостаточно. Видимо, широкое развитие получило бронзолитейное производство, для которого хорошей базой были рудные месторождения гор Ферганы (Заднепровский Ю. А., 1966). На Чусте и Дальверзине найдены формы для отливки плоских круглых зеркал, на Чусте — литейная форма для отливки двух серпов. Все процессы вторичной обработки металла производились в пределах поселения. Плавка осуществлялась в обычных сосудах. Хотя преобладают предметы, изготовленные методом литья, но известна была и ковка. Видимо, жители Ферганы начали уже знакомиться и с железом. При раскопках Дальверзина был найден обломок железного ножа, здесь же были встречены и шлаки железных руд (Заднепровский Ю. А., 1966, с. 199—200). Определенную роль играла и обработка камня, поскольку продолжали широко использоваться некоторые виды каменных орудий. На поселениях, в частности, найдены заготовки для каменных серпов. Также значительна была роль и обработки кости и рога. Хорошо документирован еще один вид домашних промыслов — изготовление пряжи и тканей. Найдены костяные гребни для подбивания утка, челнок, пряслица от веретен, отпечатки тканей на сосудах. На основании последних установлено, что наибольшее распространение имели ткани полотняного и репсового переплетения, а ткани саржевого переплетения встречаются редко. Сырьем служила шерсть и лубяные культуры, ткани изготовлялись, видимо, на вертикальном станке (Коробкова Г. Ф., 1962). Большое место в хозяйственной деятельности занимало гончарное производство.

Орудия труда и оружие. Набор бронзовых орудий труда и оружия чустской культуры довольно разнообразен. Он включает: из орудий труда — серпы, долота, ножи, шилья, иглы; из предметов вооружения — наконечники стрел и копий. Серпы имели слабо изогнутое лезвие, закругленный обушок и отверстие. Типичны ножи с узкой рукоятью, составляющие одно целое с клинком и заканчивающиеся круглым навершием, различного размера двухлопастные черешковые наконечники стрел, наконечники копий двух разновидностей (листовидные с центральным ребром и со втулкой, на которой имелось отверстие для закрепления на древке, и листовидные с прорезями) (Заднепровский Ю. А., 1966, с. 199). Среди металлических изделий чустской культуры вычленяются три группы: 1) местные изделия, характерные только для Ферганы; 2) изделия, сходные с формами, распространенными в областях, расположенных от Ферганы на юго-запад (Южная Туркмения, Иран); 3) изделия, формы которых типичны для степных культур бронзового века. Количественно самое большое место занимает третья группа, свидетельствующая о тесных связях Ферганы с миром степных племен (Заднепровский Ю. А., 1962, с. 81—82). Велико было и значение каменных орудий труда. Для обработки почвы использовали массивные мотыги трапециевидной формы со слегка выделенной рукоятью. Типичны для чустской культуры серповидные ножи. Они имеют слегка изогнутую форму, с прямым обушком и массивным рабочим краем, несколько различаются по форме, степени изогнутости лезвия и размерам. Многочисленны находки каменных зернотерок,

как правило, больших размеров. Чрезвычайно широко распространены каменные шаровидные отбойники. Встречаются также каменные грузила с центральным отверстием и гитарообразные грузила. Каменное оружие представлено навершиями булав (обычно конической формы, изготовлены из мраморовидного камня белого или черного цвета).

Из кости изготовлялись проколки-шилья, наконечники стрел, пряслица и т. д.

Из бронзы изготавливались двусоставные удила из стержня с кольцами на концах (кольцо располагалось перпендикулярно плоскости удил) и псалии (в виде длинного стержня с тремя отверстиями в одной плоскости на небольшом расстоянии друг от друга, верхний конец которых заканчивается кнопковидной шишкой). Псалии изготавливались и из кости (роговые трехдырчатые) (Заднепровский Ю. А., 1966, с. 199—200).

Керамика. Вся посуда на поселениях чустской культуры изготовлялась вручную, поскольку гончарный круг в Фергане этого времени неизвестен. Всего выделяется шесть групп керамики: 1) с красной облицовкой; 2) расписная; 3) с белой облицовкой; 4) серо-чернолощеная; 5) сероглиняная (кухонная); 6) толстостенная (корчаги, хумы и т. п.). Основную массу составляет керамика трех типов: с красной облицовкой (72% — в комплексе Дальверзина) и кухонная сероглиняная (17%), толстостенная (8%). На долю остальных трех групп приходится всего 3% (в том числе на долю расписной — 1,7%).

Керамика с красной облицовкой изготовлена из плохо промешанной массы с примесью дресвы, плохо обожжена. Сосуды снаружи покрыты красной краской, на которой разбросаны пятна различного цвета (от светло-коричневого до черного). Посуда формовалась ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Ведущие формы этой группы: круглодонные кувшины, плоскодонные горшки конической формы, миски с перегибом бортика, чаши полусферической формы и с плоским дном. Характерны также чаши и миски с носиком-сливом.

Сероглиняная посуда изготовлена из глины с примесью известняка ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Для нее характерны: большие шаровидные котлы, кувшины, жаровни.

Расписная керамика, несмотря на ее относительную малочисленность, очень важна, так как она представляет один из важнейших признаков чустской культуры в целом. С точки зрения техники исполнения и цвета расписной орнамент делится на три разновидности: 1) черная роспись по красному фону; 2) красноватая роспись по светлому и коричневому фону; 3) буро-коричневая роспись по грубой светло-коричневой поверхности кухонной посуды. Преобладают росписи первой разновидности. Роспись занимала главным образом верхнюю часть сосуда. В чустском орнаменте господствуют геометрические мотивы. Основные и наиболее распространенные узоры — ромб и треугольник.

Украшения и предметы быта. На памятниках чустской культуры зафиксировано изготовление круглых плоских с небольшой ручкой бронзовых зеркал (Заднепровский Ю. А., 1966, с. 199) и ажурных украшений типа подвесок (Заднепровский Ю. А., 1962) Бронзовыми были браслеты, кольца, бусы-пронизки, полусферические нашивные бляшки, украшения, состоящие из кованого стержня с головкой и округлой розеткой. Бусы также были каменными, в частности бочонкообразные из лазурита и сердоликовые биконической формы. В качестве украшений использовались и раковины-каури.

Погребальный обряд. У чустских племен был распространен обычай хоронить умерших сородичей на территории поселения, как правило, в скорченном положении на боку. Выделяется несколько вариантов погребального обряда: 1) одиночные погребения без сопровождающего инвентаря (изредка с одним сосудом); 2) коллективные захоронения (в яме — несколько человек с различной ориентацией и в разных положениях); 3) вторичные захоронения костей умерших (особо выделяются захоронения одних черепов — в одном случае зафиксировано комплексное захоронение: лошади, коровы, черепа козы или барана, рядом с которыми находилось пять человеческих черепов).

Фергана.
Эйлатанская культура

Следующий период в истории Ферганы получил название Эйлатанского по наименованию городища Эйлатан, при исследовании которого в 1934 г. Б. А. Латыниным был выявлен своеобразный комплекс керамики. Некоторый материал аналогичного характера был получен в 1939—1941 гг. при работах археологического надзора на строительстве ферганских каналов. Значительную роль в изучении эйлатанской культуры сыграла Памиро-Ферганская комплексная экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. В ходе ее исследований раскапывались курганы могильника Тулейкен и вновь были проведены раскопки на городище Эйлатан Ю. А. Заднепровским. В дальнейшем на этом городище работала Т. Г. Оболдуева (Оболдуева Т. Г., 1981). Очень значительный материал был получен при исследовании могильников: Кунгайского (Горбунова Н. Г., 1961в), Актамского (Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957; Горбунова Н. Г., 1961б, Горбунова Н. Г., 1962), Суфанского (Горбунова Н. Г., 1969б), Дашти-Ашт (Салтовская Е. Д., 1971, 1975) и др. (табл. LXXI).

Первоначально Б. А. Латынин датировал керамику (поскольку других материалов при исследовании городища Эйлатан не было) данного комплекса III—II тысячелетием до н. э. Однако уже в конце 30-х годов Т. Г. Оболдуева часть материалов этого комплекса датировала периодом раннего железа (Оболдуева Т. Г., 1940, 1951). Работы конца 40—50-х годов с бесспорностью показали, что эйлатанский период должен относиться ко времени раннего железа (Заднепровский Ю. А., 1962а), с этой датировкой согласился и Б. А. Латынин. В настоящее время существуют две несколько различающиеся датировки эйлатанской культуры. Ю. А. Заднепровский относит ее к VII—IV вв. до н. э. (Заднепровский Ю. А., 1962а), Н. Г. Горбунова, ориентируясь в основном на материалы могильников (в первую очередь Актамского), предлагает в качестве даты VI—IV вв. до н. э. (Горбунова Н. Г., 1961б, 1962), хотя не

исключает и более поздней верхней даты — III в. до н. э. (Горбунова Н. Г., 1979а, с. 23)[1]. В литературе более принята система датировок Ю. А. Заднепровского (см., например, Литвинский Б. А., 1976, с. 53). Для суждения о времени существования эйлатанской культуры важны следующие факты: она непосредственно сменяет чустскую, являясь в значительной мере ее продолжением; вместе с тем если в чустское время находки железа чрезвычайно редки, то в эйлатанскую эпоху (особенно в могильниках) железные предметы встречаются достаточно часто. Важную роль играют и находки в могильниках бронзовых наконечников стрел скифского типа. Видимо, в связи с малым количеством находок достаточно твердо датируемых предметов время существования эйлатанского периода можно определить VII—IV вв. до н. э. (не исключая, впрочем, возможности и несколько более поздней верхней даты).

Памятники эйлатанской культуры зафиксированы практически на всей территории Ферганы, однако исследованы они очень неравномерно. Исследован ряд могильников, небольшие раскопки проведены на городище Эйлатан, на других поселениях зафиксировано только наличие слоев эйлатанского времени.

Поселения. Застройка. Строительная техника. Исследования (да и то незначительные по масштабам) проводились только на городище Эйлатан (Латынин Б. А., 1935, 1961; Заднепровский Ю. А., 1960, 1962; Оболдуева Т. Г., 1962, 1981). Городище неправильной четырехугольной формы, вытянуто в широтном направлении и имеет два ряда стен. Размеры внутренней части примерно 500×400 м. При раскопках были обнаружены остатки застройки. В частности, было раскопано небольшое помещение размером 3,7×2 м. Стены его были глинобитными, на полу зафиксирован очаг-кострище. Предполагается, что основной тип застройки был представлен небольшими, отдельно стоящими постройками с прилегающими хозяйственными площадками, на которых располагались открытые очаги, хозяйственные ямы, лежали зернотерки, были вкопаны хумы (Оболдуева Т. Г., 1981, с. 189—190). При раскопках Ю. А. Заднепровского была вскрыта часть здания с длинными (более 11 м) и узкими (ширина 3 м) помещениями. Стены были выложены из пахсы и имели ширину 0,8—0,9 м (Заднепровский Ю. А., 1962). Эта часть поселения была окружена стеной. На расстоянии около 60 м друг от друга располагались башни. Раскопки показали (Оболдуева Т. Г., 1981, с. 187), что стена имела ширину 4 м, сохранившаяся высота 2,5 м. Стена сложена из сырцового кирпича и гуваля (округлые комья глины, сформованные от руки). Кладка стены лежит на невысокой платформе из гуваля, перемежающимися слоями глины. Края стены сложены аккуратно, а в середине кладка более небрежная. Размеры кирпичей варьируют от 30—31×35 см до 20—35×45 см. На верхней поверхности некоторых кирпичей пальцем нанесены знаки.

Были проведены раскопки также и в том месте, где предполагалось наличие ворот — на основании наличия двух рядом расположенных башен и проема между ними. Была раскопана южная башня с частью прилегающей к ней стены и часть проема ворот. Городская стена здесь также имеет ширину 4 м, она сложена из сырцового кирпича. Башня выступает за гладь стены на 4—5 м, она прямоугольная в плане (10,5×10 м), сохранилась в высоту на 3,5 м, сложена из крупных (в основном 45×40×8—9 см), реже — несколько меньших размеров сырцовых кирпичей. В основании башни — платформа из крупных плотных гуваля. Кладка башни — сплошная, лишь в северо-западной части (со стороны проема ворот) имелось небольшое (3×2 м) прямоугольное в плане привратное помещение с дверным проемом (ширина 0,9 м) в сторону ворот (Оболдуева Т. Г. 1981, с. 192).

На расстоянии 500 м от внутреннего периметра стен сохранились остатки внешнего. Здесь в 30-е годы также были видны остатки башен. Длина сохранившейся части северного фаса более 2 км, восточного — около 900 м. С других сторон стены не сохранились, причем предполагается, что на юге, там, где городище примыкало к пойме, укреплений вообще не было. На участке между двумя кольцами стен не зафиксировано никаких остатков застройки. Предполагается, что здесь находился загон для скота. Возможно, что существовали и иные типы поселений: небольшие неукрепленные (Сымтепе) и отдельно стоящие усадьбы (Тюря-Курган). Однако бесспорных материалов, подтверждающих это,— нет.

Хозяйство. Предполагается, что основой хозяйства населения Ферганы в эйлатанский период было сельское хозяйство. Об этом, по мнению исследователей, свидетельствует топография размещения и поселений и могильников. Как поселения, так и могильники расположены в непосредственной близости к реке, причем обязательно к заболоченным участкам. Возможно, в это время продолжали возделывать пшеницу, ячмень, просо. Не исключено, что именно тогда же началось освоение культуры риса. О значении земледелия говорит и большое число зернотерок, находимых на поселении (Горбунова Н. Г., 1962, с. 106—107). Значительную роль в хозяйстве играло скотоводство. Сравнение состава стада на предшествующем (чустском) и последующем (шурабашатском) периодах позволяет сделать вывод об их почти полной идентичности и на основе этого предположить, что в эйлатанский период важнейшую роль в стаде играл мелкий рогатый скот, примерно в два раза меньше было крупного рогатого скота, последнее место занимала лошадь (Горбунова Н. Г., 1962, с. 107 сл.). Возможно, именно в это время началось освоение предгорий для выпаса скота.

На протяжении эйлатанского периода наблюдается дальнейший прогресс ремесленного производства в Фергане. Хотя основная часть посуды (как хозяйственной, так и столовой) делалась вручную, все же около 40% керамики делались на гончарном круге. (Горбунова Н. Г., 1962, с. 108). Важнейшим отличием эйлатанского периода от более раннего чустского является факт появления в это время в Фергане гончарного круга. Видимо, однако, круг был медленного вращения. Высказывалось предположение, что в эйлатанский период гончарное производство уже частично выходит за рамки домашнего производства. Вторым важным отличием, с точки зрения развития производства эйлатанского периода, является доста-

[1] Н. Г. Горбунова также предлагает и несколько иное название этой культуры — эйлатано-актамская.

точно широкое распространение орудий труда из железа и, соответственно, железоделательного производства. Продолжало существовать и развиваться также меднолитейное ремесло. О ткацком производстве можно судить главным образом по отпечаткам тканей на дне сосудов, пряслицам и каменным грузикам. Исследование отпечатков тканей показало, что в основном это были ткани полотняного переплетения. Кроме того, встречались также ткани саржевого и репсового переплетения. Ткани, вероятнее всего, были шерстяными. Большинство их могло изготовляться в каждом доме на простейшем горизонтальном станке (Горбунова Н. Г., 1962, с. 109). Существовала также обработка камня.

Орудия труда. Находок орудий труда очень немного. Наиболее полно представлены ножи. Все найденные ножи (несколько десятков экземпляров) — железные, небольшие однолезвийные. Черенок выделен слабо. Встречаются также каменные грузики для ткацкого станка и глиняные конические пряслица. В могилах находили каменные оселки, на поселении Эйлатан — каменные зернотерки, железные шилья.

Оружие. Предметов вооружения также найдено немного: несколько бронзовых наконечников стрел, каменные навершия булав и роговая пластинка, возможно, служившая накладкой на ножны акинака. Наконечники стрел — бронзовые трехперые, иногда со скрытой втулкой, иногда черешковые (Горбунова Н. Г., 1962, с. 100).

Керамика. Керамика эйлатанской культуры включает четыре группы: 1) лепная крашенная; 2) светлофонная станковая; 3) лепная; 4) сероглиняная кухонная. При раскопках городища Эйлатан зафиксированы все четыре группы керамики, в могильниках представлена главным образом керамика первых двух групп.

Наиболее характерна для комплекса Эйлатана первая группа (на городище — 41—44%, в погребениях Актамского могильника — до 60%) — лепная посуда, покрытая жидкой лиловато-красной краской. Преобладающая форма среди керамики Эйлатана — круглодонные чаши со слегка загнутой внутрь закраиной, формировавшиеся на матерчатом шаблоне. Известны также плоскодонные кувшины, сосуды на кольцевом поддоне, кубковидные сосуды. К этой группе относятся и три фрагмента с росписью буро-красноватой краской по лиловому фону. Венчик чаши украшен узором в виде шевронов углами вправо. Среди керамики Актамского могильника этой группы численно преобладают чаши и миски, затем следуют горшки. Примерно 11% лепных сосудов украшены росписью темно-красной и коричневой краской по светлому фону. Основной мотив орнамента — треугольники, заштрихованные сеткой, косыми линиями, со сплошной заливкой.

Группа II — светлофонная керамика, изготовленная на гончарном круге. Сосуды — тонкостенные и покрыты желтовато-розовым или беловатым ангобом и залощены. Чаши и горшки с резко загнутыми венчиками. Специфическую особенность составляют налепные валики вокруг горловины. Материалы Актамского могильника добавляют еще один тип — кружки с петлевидными ручками.

Группа III — лепная, отличающаяся от первой составом глины (с большой примесью песка, серовато-оранжевым цветом поверхности), а также формами посуды. Для этой группы характерны корчаги — широкогорлые кувшины, хумчи, украшенные круглыми ямками вдоль венчика, а также налепными ручками-выступами конической формы.

Группа IV — чрезвычайно незначительна по количеству обнаруженных фрагментов.

Украшения, бытовая утварь, одежда. Материалы данной категории также незначительны, встречены они главным образом при раскопках некрополей. Наиболее часты находки булавок, главным образом железных (по материалам Актамского могильника соотношение железных и бронзовых булавок следующее: 35 железных, 2 — бронзовые). Железные булавки однотипны: они представляют собой стерженьки длиной 10—17 см с округлой (или, реже, граненой) головкой и заостренным концом. Браслеты также в основном железные. Они согнуты из округлого стержня или из узкой пластины, концы их не сомкнуты, иногда расплющены. Бронзовые браслеты — того же типа. Кольца — все железные, из узких пластин, некоторые из них имеют сверху овальную площадку — перстни. Бусы — в основном, мелкий округлый или рубленый бисер из стекловидной пасты белого и синего цвета или из серпентина. Каменных бус немного (встречаются сердоликовые, агатовые, сделанные из песчаника и серпентина). Встречаются изредка костяные и железные бусины, очень редко — из раковин каури, серьги и подвески — достаточно редки. Серьги — или серебряные, в виде несомкнутого колечка с петелькой, или бронзовые. Подвески — из бронзы, железа, камня.

Очень немногочисленны и костяные пряжки. Они — небольшие, прямоугольные, с одной закругленной стороной, с одним продолговатым отверстием и несколькими круглыми. Имеются пряжки и другой конфигурации. Встречены также железные пуговицы, железные пряжки, сурьматаши (небольшие каменные стерженьки, бывшие предметами косметики).

Погребальный обряд. Наибольший материал для суждения о характере погребального обряда дал Актамский могильник (Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957). Он располагается на краю адыра в 9 км к югу от г. Ферганы. Большую часть курганов составляют малые (диаметром 3—5 м, высотой 0,7 м). Встречаются также и так называемые длинные курганы, они образовались благодаря тому, что могилы располагались одна подле другой и их могильные насыпи сливались в конце концов в одну длинную насыпь, вытянутую в направлении север—юг. В таких «длинных» курганах количество могил варьирует от 3 до 9.

Под насыпью располагались овальные грунтовые могилы, заглубленные в материке (от 0,3 до 0,9 м). Размеры ям: от 1,4×0,4 м до 2,6×1,5 м. Погребальный обряд однотипен: вытянутое на спине трупоположение, головой на запад. В большинстве могил под головами (реже — под ногами) погребенных найдены овальные уплощенные гальки (своеобразные каменные «подушки»). Посуду обычно ставили на уступе ям — «полочке», к югу от головы. В небольшом количестве встречаются украшения и ору-

жие. Могилы засыпались галькой, смешанной с землей. Из этого же материала создавались и насыпи курганов. Количество погребенных в одной яме различно — от одного до четырех. Иногда у ног одного костяка брошены в беспорядке кости другого (что свидетельствует о вторичных захоронениях).

Кроме Актамского, изучались также могильники Кунгайский и Суфанский, а также Дашти-Ашт. При практически полной идентичности погребального обряда имеются небольшие отличия в характере намогильных сооружений. Так, например, в Кунгайском могильнике наряду с захоронениями в грунтовых ямах имеется значительное количество погребений на древней дневной поверхности в наземных каменных сооружениях. В Суфанском могильнике грунтовые ямы окружены каменной выкладкой (Горбунова Н. Г., 1969б).

Предметы искусства. Предметы искусства чрезвычайно редки. Особо необходимо отметить находку в Актамском могильнике роговой пластинки с резным изображением человека (Горбунова Н. Г., 1961б). Возможно, эйлатанскими по происхождению являются некоторые случайные находки. В частности, при строительстве Большого Ферганского канала был найден медный котел с цилиндрическим корпусом и уплощенным дном. По краю корпуса расположены четыре кольцевидные ручки и между ними фигурки козлов влево (своего рода шествие животных) (Оболдуева Т. Г., 1951). Котел датируется VIII—VII вв. до н. э. (Литвинский Б. А., 1972), возможно, происходит из земледельческой среды (Заднепровский Ю. А., 1962). Видимо, к этому кругу относится и котел скифского типа, найденный на берегу Каракульджи (Заднепровский Ю. А., 1962а).

Ташкентский оазис. Бургулюкская культура

Бургулюкская культура существовала на территории Ташкентского оазиса. Первые материалы бургулюкского комплекса были получены Г. В. Григорьевым в 1934 г. в нижних слоях городища Каунчитепе (Григорьев Г. В., 1937, с. 36—37; 1940, с. 84—86). Как самостоятельная бургулюкская культура была выделена А. И. Тереножкиным в 1940 г. после раскопок по Бургулюксаю. Он вычленил два этапа, датировав первый VI—IV вв. до н. э., второй, перекрываемый каунчинскими слоями,— III—II вв. до н. э. (Тереножкин А. И., 1940, с. 30—33). Впоследствие бургулюкские материалы были обнаружены в Ташкенте (Крашенинникова Н. И., 1960, с. 159—162), Куланчитепе и Чангтепе (Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г., 1973, с. 41—48). В течение долгого времени хронологическая шкала А. И. Тереножкина была общепринятой, хотя имелись некоторые материалы, явно выходящие за рамки, намеченные для этой культуры. Позднее была открыта группа ранних бургулюкских поселений в среднем течении р. Ахангаран в зоне Туябугузского водохранилища (Спришевский В. И., 1978, с. 52—53; Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф., Алимов К., 1974, с. 453—457; Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И., 1976, с. 495—496; Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И., 1977, с. 522—523).

Исследование этих памятников дало материалы, позволившие вновь поставить вопрос о ее датировке. Х. И. Дуке на основании аналогий с бронзовыми предметами и керамикой чустской и карасукской культур датировал Бургулюк I IX—VII вв. до н. э. (Древности Туябугуза, 1978, с. 86—87, 89). Однако анализ бургулюкского комплекса показывает, что в его формировании, помимо чустско-эйлатанского элемента, определенную (видимо, довольно значительную) роль играл и сакский элемент (Массон В. М., 1959, с. 62; Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г., 1973, с. 46—48; Тереножкин А. И., 1950, с. 153, 155). Необходимо также отметить, что на чустских поселениях наряду с бронзовыми серпами (аналогичными бургулюкским) широко представлены и каменные, совершенно отсутствующие в Туябугузе. Это заставляет думать о несколько более поздней дате бургулюкской культуры по сравнению с чустской. Видимо, ранний период бургулюкской культуры (Бургулюк I) необходимо датировать IX—VII вв. до н. э. (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 70) (табл. LXXII).

Материалы позднебургулюкского типа были получены при раскопках Каунчитепе в 1976 г. (Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. 1977, с. 522) и нижних слоев Шаштепе в 1978 г. (раскопки Спришевского В. И., см. Буряков Ю. Ф., Филанович М. И., 1979, с. 50). Керамика этого типа может быть сопоставлена с усуньской керамикой Южного и Восточного Казахстана III—II вв. до н. э. и керамикой актамо-кунгайского и суфанского могильников V—III вв. до н. э. Кроме того, на Шаштепе вместе с бургулюкским материалом были найдены сосуды прохоровского типа, датируемые IV—II вв. до н. э. (Буряков Ю. Ф., Филанович М. И., 1979, с. 50). Все эти наблюдения (с учетом также датировки каунчинской культуры, перекрывающей бургулюкские слои) позволяют датировать комплекс Бургулюк II VI—III вв. до н. э. (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 70).

Поселения. В настоящее время известно более 10 поселений бургулюкской культуры. Обычно они располагались в пониженной болотистой части речных долин, низовьях их саевых протоков, удобных для каирного и лиманного орошения. Характер планировки поселений в настоящее время представить еще трудно. Жилища располагались на выдающихся в сторону реки лёссовых мысах и стояли в основном вдоль берега, входом к реке. Между постройками обычно существовали довольно значительные разрывы. Лучше всего сохранилось поселение № 1 Туябугуза. Оно имело овальную в плане форму (размер 260×100 м). С юго-запада, запада и северо-востока оно защищено рвом, выведенным из реки. Ширина рва до 25 м, глубина 2,2 м (Древняя и средневековая культура Чача, с. 171—173). Возможно, что здесь имелся и вал (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 67).

Для бургулюкской культуры характерны три типа жилищ: 1) легкие постройки наподобие шалашей. Обычно у них вдоль стен, на полу находили ямки для столбов, поддерживающих легкую кровлю; 2) основной тип — землянки площадью до 22 кв. м (преобладающий размер 12—15 кв. м). Землянки в плане круглые или овальные (лишь одна прямоугольная). В некоторых из них удалось проследить по

краю ямы углубления, видимо, предназначенные для деревянных столбов, поддерживающих кровлю. Стенки — глинобитные и каркасные. Лишь в одном случае была выявлена стена из кирпича, но размер его точно установить не удалось (Древняя и средневековая культура..., с. 17). Входы обычно ориентированы в сторону речных русел; 3) землянки крупных размеров, членящиеся пахсовыми перегородками на отсеки, или две землянки, соединенные входами. В этом, наверное, можно видеть зарождение многокомнатного дома. Иногда в землянках имелись пристенные очажки, но чаще использовались открытые очаги, в расположении которых нет никакой системы. В некоторых землянках зафиксировано наличие следов литейного производства.

В самом конце бургулюкского периода отмечается начало процесса урбанизации. Свидетельством этого является строительство Канки — мощной крепости, возведенной на берегу Ахангарана. Площадь ее около 6,5 га, в плане — почти квадрат (со стороной равной 230 м), слегка сжатый, вследствие условий местности. В северном углу — цитадель (также квадратная). И цитадель, и собственно город окружены стенами и рвами (шириной до 50 м), соединяющимися с рекой. Система укреплений цитадели еще не выяснена, система укреплений города — достаточно сложная. На слегка снивелированном лёсовом холме создана платформа (толщиной 3 м) из утрамбованной земли и пахсы, поверх несколько рядов сырцового кирпича (размеры 40×40×10 см). Стена возведена с отступом от края платформы. Ширина бермы до 14 м. Собственно стена имеет в основании пахсовую кладку, выше — из сырцового кирпича. Стена двойная: внешняя стена 2,7 м, коридор 2,2 м, внутренняя стена 4,5 м. Внешняя стена имеет уклон до 70°. Коридор перекрывается сводом (сложенным из трапециевидного кирпича), на высоте 3,4 м — остатки верхнего коридора (второй ярус стены). В месте разреза стены обнаружена башня, примыкавшая к стене. Она в плане овальная, диаметр у основания 9 м, возведена на той же платформе (ширина бермы 4,3 м) (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 103; Абдуллаев К., 1973, с. 133). Имелись только одни городские ворота (в юго-западном фасе), видимо, они имели мощные укрепления: удвоение стен и система предвратных башен.

По мнению Ю. Ф. Бурякова, строительство Канки не является результатом спонтанного развития местного общества, а результатом согдийского проникновения и влияния на Ташкентский оазис (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 104).

Хозяйство. Хозяйство бургулюкского периода можно определить, как земледельческо-скотоводческое. Земледельцы занимают ограниченные площади низовьев поймы Чирчика и Ахангарана и саев их междуречья, скотоводы — обширные районы адыров, горные и степные районы, сливающиеся со степями средней Сырдарьи. Можно предполагать наличие небольших ирригационных систем (Лиманное орошение, 1970). Скотоводство было оседлым и, возможно, отгонным. В пользу последнего предположения говорит топография поселений — расположение их на границе с адырами. Незначительный остеологический материал свидетельствует о разведении как крупного, так и мелкого домашнего скота, хотя не позволяет определить соотношение видов.

Из ремесел в первую очередь следует отметить металлургию. Изготовление многих орудий производилось на месте. Раскрыты печи-лунницы. Был известен способ отливки методом «утраченной модели». Раскрошившиеся обломки сломанных глиняных форм встречены около лунниц. Способ этот характерен для сакского времени (Копылов И. И., 1957, с. 291—299). Металлургия Чаткало-кураминского района, по данным археологии, развивается со II тысячелетия до н. э. на местной рудной базе (Буряков Ю. Ф., 1974, с. 98). В I тысячелетии до н. э. некоторые рудники, вероятно, функционируют более регулярно, снабжая своим сырьем население Кайраккумов и долины Ахангарана.

Гончарство бургулюкцев развивается без применения гончарного круга. Отмечается два приема в технике изготовления сосудов: лепка ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Следует отметить и ткацкое ремесло, многочисленные следы которого сохранились в виде пряслиц, отвесов ткацких станков, отпечатков ткани на крупных и мелких сосудах.

Орудия труда и оружие. Для бургулюкской культуры характерно разнообразие бронзовых предметов. Отмечалось наличие следующих орудий труда и предметов вооружения: двуушковые кельты-лопаты, серпы с закругленной и утолщенной спинкой, ножи с прямой, закругленной и коленчатой рукояткой «типа бритвы», прямоугольные шилья, игла, лопаточковидная ложечка, листовидные черешковые наконечники стрел, бронзовые наконечники копий, фрагмент бронзового кинжала (Тереножкин А. И., 1950, с. 164, рис. 69; Древности Туябугуза, с. 63 сл.; Древняя и средневековая культура..., с. 45 сл.). Большинство этих предметов находит аналогии в материалах из поселений чустской культуры Ферганы, в Кайраккумах, а также памятниках андроновско-тазабагъябского круга (Заднепровский Ю. А., 1962, с. 31; Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., 1962, с. 222; Гришин Ю. С., 1960, с. 122; Новгородова Э. А., 1970, с. 67—82; Литвинский Б. А., 1972, с. III, табл. 40, *1*). Известны каменные зернотерки.

Керамика. Керамическая посуда бургулюкского периода целиком вылеплена от руки. Почти все сосуды круглодонны, покрыты светлым ангобом с легким марганцевым оттенком. По подсчетам Х. И. Дуке, 99% керамики не орнаментировано, незначительное количество украшено росписью — залитыми, заштрихованными, прорисованными треугольниками, ломаными линиями и широкими полосами коричневой краски (Древности Туябугуза, 1978, с. 69). Многочисленный керамический материал туябугузских поселений дает очень ограниченное число форм: 1) сосуд со сферическим туловом, прямопоставленной или срезанной горловиной, с овальным носиком с одной стороны и горизонтальной ручкой-налепом — с другой. Сосуды этой формы и миниатюрные (диаметр венчика 12—15 см) и крупные (диаметр венчика до 50 см). Некоторые из них закопчены (так как они выполняли роль котлов), другие несут следы росписи; 2) близкие к ним горшки также сферической формы. Некоторые имели, как и котлы, ручку-налеп, но сливы у них не от-

мечены; 3) глубокие и мелкие полусферические миски с обрезанной сверху и слегка отогнутой наружу закраиной. Размеры их также различны.

Материалы позднебургулюкского типа были получены при раскопках на Каунчитепе (Алимов В., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И., 1977, с. 522) и нижних слоев Шаштепе В. И. Спришевским (Буряков Ю. Ф., Филанович М. И., 1979, с. 50).

Керамика Бургулюка II в целом незначительно отличается от раннего этапа. Однако в ней наблюдается бóльшая стандартизация форм, уменьшение процента расписной керамики и ухудшение техники росписи. Кроме того, появляются некоторые элементы, развивающиеся в следующем, каунчинском, комплексе. Это — появление плоскодонной посуды, изменение формы носика-слива, окраска сосудов растекающимися мазками (Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г., 1973, с. 48—49).

Уструшана

Уструшана была в древности одной из важных областей Средней Азии. Она занимала обширную территорию к северу от Туркестанского хребта: от Джизака до Ходжента (Ленинабада) и горные районы к югу от Туркестанского хребта, между ним и Гиссарским хребтом (Смирнова О. И., 1953б, с. 189). Уструшана была чрезвычайно тесно связана с Согдом.

Письменные источники по истории древней Уструшаны чрезвычайно ограниченны (Негматов Н. Н., 1953). Археологическое изучение памятников рассматриваемой в данном разделе эпохи началось сравнительно недавно и масштабы работ еще очень невелики. Сколько-нибудь значительные материалы получены только при раскопках древнего Ходжента и Нуртепа. Их датировка определяется на базе сравнения с материалами из Ферганы (эйлатанская культура), Ташкентского оазиса (бургулюкская культура), памятниками Северной Бактрии и Маргианы первой половины и середины I тысячелетия до н. э., а также памятниками кайраккумской культуры, входящей в круг степных культур.

Поселения, фортификация, застройка. В настоящее время зафиксировано наличие трех населенных пунктов, существовавших в Уструшане в исследуемое время. Одним из них является Нуртепа (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К., 1982; Негматов Н. Н., 1982), располагавшееся на высокой горной гряде, вклинивающейся в Голодную степь. Общая площадь городища около 18 га. Оно состоит из двух частей: цитадели и собственно города. Каждая часть имеет собственную систему фортификации. Возникновение поселения относится к VII в. до н. э., в VI—V вв. до н. э. возводится внешняя городская стена. Для ее строительства была использована подровненная естественная лёссовая гряда. Толщина ее 4,25 м, высота 1,2—1,5 м. Рядом с этой грядой изнутри была построена пахсовая стена толщиной 2,1 м. Между валом и стеной был оставлен коридор шириной 1,4 м. Видимо, тогда же были построены (внутри города) и укрепления цитадели. Для их строительства также использовался лёссовый останец, на котором была возведена пахсовая стена толщиной 5,5 м, сохранившаяся высота ее 2 м. В IV в. до н. э. поверх остатков пахсовой стены была построена новая — из сырцового кирпича. Для этого строительства были использованы кирпичи двух форматов: квадратные — 33×33×11 см и прямоугольные — 40×28×10, 43×33×11 см.

К сожалению, меньше известно о другом городе Уструшаны, который был зафиксирован в письменных источниках,— городе Курукада (Киресхата, Кирополь). Данные нарративных источников говорят о том, что городище было окружено стенами «земляными и невысокими» и что, помимо собственно города, отдельные укрепления имелись и у цитадели (Негматов Н. Н., 1982). Обычно Курукада отождествляется с современным городом Ура-Тюбе, в центре которого на естественном возвышении стоит цитадель Мугтепа (площадь 6 га). Городище подвергалось предварительным археологическим обследованиям (Смирнова О. И., 1953б), проводились небольшие по масштабам раскопки (Ранов В. А., Салтовская Е. Д., 1961; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1962), показавшие, что жизнь здесь началась с V в. до н. э.

На стыке Уструшаны и Ферганы на берегу Сырдарьи в VI—V вв. до н. э. возникло еще одно поселение — на территории современного Ходжента (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1977; Беляева Т. В., 1978; Беляева Т. В., 1979; Негматов Н. Н., 1981; Негматов Н. Н., 1982). Здесь зафиксированы остатки оборонительных валов и стен, городская застройка. Позднее этот город был захвачен Александром Македонским и на его месте был создан греческий полис Александрия Эсхата.

Цитадель имела свою стену, сложенную из пахсы, поверх которой была кладка из сырцового кирпича (размеры: 50×40×13; 50×39×14; 57×37×12 см).

Раскоп в другом месте цитадели дал несколько иную картину: в качестве основы для укреплений был использован естественный лёссовый вал (высота 2 м). Поверх вала — засыпка из мелкого гравия с песком, завершающаяся вверху ровным слоем галечника среднего размера. На поверхность этой площадки укладывались сырцовые прямоугольные кирпичи (размеры: 46×26—28×13; 43×32×13; 42×32×15 см). Эта кладка сохранилась в высоту на 1,3 м.

Характер городской застройки изучен еще недостаточно. На Нуртепа зафиксировано наличие землянок. К сожалению, в большинстве случаев они раскопаны только частично. Можно полагать, что землянки были довольно больших размеров, зафиксирована землянка длиной более 5 м и шириной 3,5 м. Землянки имели легкие перекрытия. Помимо землянок, видимо (судя по некоторым наблюдениям), имелись также и легкие наземные постройки каркасного типа. Найдены остатки очагов и хозяйственных ям. К концу периода появились наземные жилища, выполненные из пахсы и сырцового кирпича.

Хозяйство, орудия труда, оружие. Считается, что основой экономики Уструшаны в рассматриваемое время было сельское хозяйство. Предполагается, что именно в это время на территории Уструшаны совершается переход от лиманного орошения к регулярному искусственному орошению, созданию небольших ирригационных систем, несложных голов-

ных сооружений у выхода на плоскость ручьев, саев, появляются небольшие магистральные каналы в результате расчистки русел сбросовых потоков, прорывавшихся в сторону от основного течения горной реки (Билалов А. И., 1980, с. 137). При раскопках Нуртепа и Ходжента находили каменные зернотерки и терочники, были также встречены железные ножи и железные серповидные ножи.

Важнейшими свидетельствами экономического прогресса общества Уструшаны в рассматриваемое время являются два факта: освоение металлургии железа и распространение гончарного круга, ранее здесь неизвестного.

Из оружия при раскопках встречены только бронзовые наконечники стрел. Все они — трехгранные, втульчатые.

Керамика. Подробнее всего изучена керамика Нуртепа (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К., 1982). Керамика Нуртепа делится на две основные группы: лепную и сделанную на гончарном круге.

Лепная керамика представлена главным образом следующими формами: горшочки, чаши, котлы, жаровни. У чаш и маленьких горшочков черепок красный, в тесте заметен мелкий песок, поверхность хорошо заглажена, покрыта либо беловатым, либо в тон черепка ангобом. На чашах — темно-коричневое покрытие с тщательным лощением. Венчики чаш — прямые или слегка загнуты внутрь. Горшки имеют отогнутый край, невысокое горло плавно переходит в яйцевидное тулово, заканчивающееся плоским дном. Котлы имели округлую форму, прямой или чуть загнутый край. Поверхность котлов заглаживалась по верхнему краю с двух сторон, дно же оставалось неровным, часто встречаются отпечатки матерчатого шаблона. У края или немного ниже обычно крепились шишковидные ручки. В глину, как правило, добавляли шамот и кварц. Жаровни — плоские с небольшим вертикальным бортиком, внутри хорошо заглажены.

Лепная керамика Нуртепа близка по формам и технике изготовления лепной керамике кайраккумской культуры степной бронзы, керамике бургулюкской культуры и лепной керамике городищ Северной Бактрии этого же времени. Некоторое удивление авторов раскопок вызывает отсутствие расписной керамики, что они объясняют небольшими масштабами раскопок.

Керамика, выполненная на гончарном круге, имеет, как правило, красный цвет черепка, покрыта беловатым или розовым ангобом. Чаще всего встречаются крупные формы: хумы и хумчи. Хумы и хумчи обычно имеют утолщенный отогнутый наружу край. Иногда их плечи украшает налепная лента с углублениями, сделанными пальцами. Дно хумов достаточно часто имеет слегка округленную форму и следы матерчатого шаблона. Встречаются также и другие формы. Чаши обычно с широким устьем и плоским дном. Для мисок характерны чуть загнутые внутрь края, округлое тулово и плоское дно. Снаружи они иногда украшены горизонтальными рифлеными полосами. Маленькие кувшины — без ручек, с рельефным валиком по плечику. Очень редкой формой являются большие кувшины с одной ручкой у горловины. Встречаются тонкостенные бокалы с прямым краем и округлым туловом и маленьким плоским дном, а также вазы на высокой ножке. Гончарная керамика Нуртепа наиболее близка керамике Северной Бактрии этого же времени, большое сходство имеется и с керамическим комплексом Яз II. Керамика выполнена на круге быстрого вращения.

Для керамического комплекса древнего Ходжента (Беляева Т. В., 1978), несколько более позднего, чем комплекс Нуртепа, характерно также сочетание лепной и круговой керамики.

В целом можно говорить об очень большой близости этих двух комплексов. Необходимо только отметить два обстоятельства. Во-первых, в лепной керамике Ходжента, хотя и в небольшом количестве, представлена расписная керамика. Зафиксированы следующие типы росписи: заштрихованные треугольники и пряжки со сплошной заливкой. Во-вторых, исследователи обращают особое внимание на близость керамики (особенно лепной) Ходжента и ферганской керамики эйлатанского периода.

Погребальный обряд. Погребальный обряд известен только по одному погребению, открытому на Нуртепа (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К., 1982, с. 98). Могильная яма размером 0,8×1,8 м была ориентирована в направлении запад—восток, в северном срезе имелась подбойная камера. Камера была закрыта сырцовыми кирпичами, установленными торцом. Скелет лежал на спине, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, так что кисть лежит на животе. Ноги вытянуты, ступни перекрещены. В ногах стояли два кувшина, у бедра лежал цилиндроконический бокал с маленьким плоским дном.

Заключение

Как показывает приведенный выше материал, история Средней Азии эпохи раннего железа изучена еще очень неравномерно. Многие важные проблемы на базе имеющегося материала могут быть только поставлены, но не имеют еще однозначного убедительного решения. В силу этого в данном разделе работы и мы не можем дать бесспорных ответов на многие вопросы, а вынуждены ограничиться более или менее убедительными гипотезами.

В частности, не имеет еще бесспорного решения проблема генезиса культур раннего железного века Средней Азии, точнее две тесно связанные проблемы: генезис культур южной зоны (Парфия, Маргиана, Бактрия) и генезис культур северной зоны (Фергана, Ташкентский оазис, Уструшана).

Что касается первой из них, то в настоящее время, естественно, уже не может удовлетворить традиционное решение этой проблемы, появившееся в начале этого века, а позднее поддержанное рядом исследователей (Ганялин А. Ф., 1956, с. 86; Марущенко А. А., 1959, с. 70—72; Толстов С. П., Итина М., 1966, с. 31—35) — сложение комплекса Яз I как результат движения на юг степных андроновских племен. Точно так же и несколько модернизированная точка зрения, некогда защищавшаяся (хотя и без большой убежденности) В. М. Массоном (Массон В. М., 1966, с. 189) также не может быть принята на современном уровне изученности проблемы. И уж совершенно нельзя согласиться с точкой зрения, защищаемой А. Аскаровым и Л. И. Альбаумом (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979), согласно которой возникновение культуры типа Кучук I происходит на базе синтеза местной культуры позднебронзового века и культур степной бронзы. Все эти точки зрения обладают одной изначальной слабостью — для культур степной бронзы не свойственны те типы керамики и ее орнаментации, которые наиболее ярко характеризуют комплекс Яз I и связанные с ним комплексы предгорной полосы Копет-Дага и Северной Бактрии.

Мы полагаем, что при решении проблемы происхождения этих культур необходимо ориентироваться именно на те элементы, которые наиболее специфичны для них. Исходя из этого, представляется, что тем центром, откуда началось движение племен «язовского типа» может быть только приход новых племен, причем северо-восточный Иран являлся промежуточной территорией на этом пути. Движение племен этой культуры имело два направления: через горы Копет-Дага в подгорную равнину и в сторону южной, левобережной Бактрии. В результате этого движения возникают два новых важных центра этой культуры: северопарфянский (важнейшие пункты Улугдепе и Елькендепе) и южнобактрийский (наиболее известен Тиллятепе). Из этих центров началось вторичное движение — из Северной Парфии в Маргиану, а из Южной Бактрии — в Северную. В Маргиане в результате возникли поселения типа Яздепе, а в Северной Бактрии — типа Кучуктепе. Подобная схема движения естественным образом объясняет все хронологические различия между центрами культур племен «язовского» типа. Можно полагать, что Маргиана и Северная Бактрия не были конечными этапами этого движения. Хотя памятники Согда начала I тысячелетия до н. э. еще почти не изучены, отдельные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, заставляют думать, что зона распространения южных культур охватила и Согд.

Насколько мы можем судить, движение этих племен нельзя воспринимать как сокрушительное нашествие, сметавшее старые культуры и их центры. Археологические материалы показывают, что движение было относительно медленным и мирным и не сопровождалось гибелью старых центров позднебронзовых культур. В ряде мест зафиксировано сосуществование центров культур поздней бронзы и центров «язовских» племен. В конечном счете формирование культур раннего железного века юга Средней Азии — результат синтеза именно этих двух начал.

В самом деле, когда в 1970 г. в северо-восточном Иране были встречены отдельные расписные черепки, было высказано мнение о существовании особой восточнохорасанской культуры, связанной с культурами раннежелезного века Ирана (Сарианиди В. И., 1973). В последующие годы итальянскими археологами здесь были выявлены уже отдельные поселения этой культуры, относящиеся к концу II тысячелетия до н. э. Наконец, крупномасштабные раскопки Тиллятепе в Южной Бактрии в 1978—1979 гг. выявили представительную коллекцию расписной керамики, давшую такое большое количество типов орнаментов, которое в несколько раз превосходит все известные из южных областей Средней Азии.

Анализ орнаментированных типов посуды Тиллятепе показал их преимущественную связь с расписной керамикой юго-западного Ирана, восходящей в конечном счете к традициям расписной посуды таллибакунского типа. Если упомянутые керамические комплексы разделяет большой хронологический период, то определенную близость обнаруживают синхронные материалы расписной посуды поселения Пирак в Белуджистане. И хотя последнее поселение располагается у боланского прохода, соединяющего между собой Афганистан и Пакистан, думается, что предполагаемая связь имела не прямой, а опосредствованный характер. В этом отношении показательны материалы поселения Нади-Али, расположенного на границе Ирана и Афганистана. Новейшие раскопки показали, что подобно вышеотмеченным столичным центрам и здесь находилась высокая кирпичная цитадель, на верхней плоскости

которой располагались здания монументального характера. Найденный здесь археологический материал относит время существования Нади-Али к мидийскому времени, т. е. более позднему, чем Тилля-тепе, но в целом одновременному Яз I. Хотя в настоящее время не хватает многих связующих данных, думается, что памятники типа Нади-Али, расположенные на крайнем юго-востоке Афганистана, более тяготеют к поселениям юго-западного Ирана, чем северного Афганистана, где их разделяют горные кряжи Гиндукуша.

Особая проблема — проблема генезиса северных среднеазиатских культур: культур Ферганы (сначала чустской, а затем эйлатанской) и бургулюкской культуры Ташкентского оазиса. Нам представляется, что нельзя (как это иногда делается) уподоблять процесс становления этих культур и культур юга. Различие между ними достаточно велико в силу того, что и чустская культура, и связанная с ней бургулюкская формировались в результате трансформации местных степных племен, ведших ранее пастушеско-земледельческое хозяйство, переходивших на рубеже II—I тысячелетий до н. э. к постоянной оседлости и новому экономическому базису — земледелию. В этом процессе необходимо учитывать не только роль спонтанного развития этих племен, но также и роль влияний, идущих с юга, а также, как это уже неоднократно указывалось в литературе, роль казахстано-сибирских и восточнотуркестанских связей чустских племен (Литвинский Б. А., 1981, с. 159—160). В Фергане и в Ташкентском оазисе ситуация осложнялась тем, что в процессе исторического развития населения этих районов в первой половине I тысячелетия до н. э. бóльшую роль (чем на юге) играли постоянные контакты со скотоводческими племенами. При этом в силу тех или иных причин часть этих племен оседала на землю. Этот процесс нашел свое выражение, в частности, и в формировании эйлатанской культуры, в генезисе которой, помимо чустских элементов, важную роль сыграли племена кайраккумской культуры, а также влияния кочевников Тянь-Шаня, Алая и Семиречья (Литвинский Б. А., 1976).

Процесс исторического развития в двух земледельческих зонах Средней Азии шел в одном и том же направлении, но в рассматриваемый период результаты этого развития были различны, поскольку начиналось оно от разных «отметок»: на юге Средней Азии традиции земледельческой культуры насчитывали уже много столетий и историческое развитие здесь шло быстрее, чем на севере, где общества только осуществили переход к земледелию. При этом необходимо иметь в виду, что и там, и здесь основные факторы, определявшие исторический прогресс, были одни и те же: постепенное распространение железных орудий труда и развитие ирригационного земледелия. Практическое различие между этими двумя зонами сказывалось в том, что на юге общество уже имело определенные навыки и опыт строительства и эксплуатации ирригационных систем (хотя бы и примитивных), в то время как на севере его не было. На юге в первой половине I тысячелетия до н. э. происходит постепенное усложнение социальной структуры общества. Внешне это находит свое выражение в создании оазисной системы расселения, что предполагает существование четкой системы руководства трудовыми усилиями общества в рамках оазиса. Точно так же одним из внешних выражений этого явления было создание различных типов поселений. Дело заключается не только в возникновении поселений с цитаделями (на что обычно обращается внимание и интерпретируется как свидетельство становления государственности), но и в самом факте наличия разнотипных поселений, что явно отражает сложную структуру общества — наличие внутри него разного типа социальных организмов. Это усложнение социальной структуры общества было одним из проявлений процесса перехода от первобытнообщинного строя к строю классовому и государственности. В период Яз I этот процесс активно шел на территории южных областей Средней Азии. Мы полностью согласны с тем мнением, которое стало уже общепринятым в советской науке,— становление государственности здесь происходит путем создания очень мелких примитивных государственных образований (на базе отдельных микрооазисов). В этих условиях особой проблемой является существование «Бактрийской державы», смутные сведения о которой сохранились у античных авторов. Нам представляется, что из всех тех решений этой проблемы, которые предлагались современной наукой, наиболее близко к реальности то, которое видит в ней достаточно рыхлое и примитивное объединение ряда областей Центральной Азии, создавшееся отчасти под влиянием деятельности кочевников в период 650—540 гг. до н. э. (Дьяконов И. М., 1971, с. 144—145).

В северной зоне этот же процесс происходил значительно медленнее. В полном согласии с подавляющим большинством исследователей мы полагаем, что и чустская, и эйлатанская, и бургулюкская культуры (по всей вероятности также и культура Уструшаны этого времени) были культурами эпохи первобытнообщинного строя. Соответственно ни Дальверзин, ни Чуст, ни Эйлатан не могут быть определены как города. Видимо, полностью справедливо то мнение, согласно которому в Фергане в период существования эйлатанской культуры только создавались предпосылки для становления государственности.

Проблемы этнической истории Средней Азии во II — начале I тысячелетия до н. э. активно обсуждаются в последнее время в науке. При всех расхождениях (см., например: Литвинский Б. А., 1981; Грантовский Э. А., 1981) в одном пункте согласно подавляющее большинство исследователей — оседлоземледельческие (как, впрочем, и кочевые) общества Средней Азии с начала I тысячелетия до н. э. были в подавляющем большинстве ираноязычны.

Ахеменидское (для западных частей Средней Азии даже, видимо, мидийское) завоевание прервало спонтанное развитие местной государственности. Однако оно охватило только южную зону, северная же зона (Фергана, Ташкентский оазис) сохранила свою независимость. Это привело к тому, что углубились различия в характере культуры этих двух зон. Вопрос относительно причин очень большого единства культуры южных областей Средней Азии (а также Согда и Хорезма) в середине I тысячелетия до н. э. все еще остается нерешенным.

Введение

В данном разделе рассматриваются проблемы археологии и истории Средней Азии начиная (ориентировочно) с V—IV вв. до н. э. и вплоть до периода становления феодальных отношений. Некоторая неопределенность и неодновременность начальной хронологической грани[1] объясняется несколькими причинами. Во-первых, еще совершенно не разработан вопрос о границах раннежелезного века; во-вторых, неодинакова степень археологической изученности Средней Азии; в-третьих, наличие (в силу специфики исторического развития) несовпадающих в различных областях Средней Азии этапов внутреннего развития. Несколько неопределенный характер носит ее верхняя хронологическая грань (в силу аналогичных причин). Мы ограничиваемся в данном томе рассмотрением материалов III—IV вв. н. э., полагая, что более поздний период mutatis mutandis должен исследоваться в томе, посвященном Средней Азии феодальной эпохи.

Для всех земледельческих областей Средней Азии период, рассматриваемый в данном томе, это период существования классового общества и государственности. Даже в тех областях, которые в эпоху раннего железного века переживали еще период завершающей стадии первобытнообщинного строя, в первые века до н. э. совершается переход к новым общественным отношениям. Это составляет важнейшую особенность этого исторического этапа по сравнению с предыдущим.

Второе обстоятельство, которое необходимо учитывать,— это то, что история народов Средней Азии этого времени оказывается более тесно связанной с судьбами народов вне пределов среднеазиатского региона, чем раньше. Эта взаимосвязанность находит многообразные выражения. Например, в политической сфере это новое явление проявляется в том, что народы Средней Азии часто входят в границы политических образований, включающих и иные, несреднеазиатские, народы. Так, в начале рассматриваемого периода значительная часть Средней Азии находилась под властью Ахеменидов, позднее она оказалась под властью Александра Македонского, затем Селевкидов. Но позднее мы наблюдаем иную картину: государственные образования, родившиеся на территории Средней Азии, распространяются затем далеко за ее пределы (Парфия, Греко-Бактрия, Кушанское царство).

Наконец, необходимо учитывать постоянное соседство с миром кочевых скотоводческих племен. Кочевые племена явились непосредственными соседями жителей оседлоземледельческих оазисов, и контакты между этими двумя мирами имели огромное значение в истории Средней Азии. Формы этих контактов были многообразны. Во-первых, большинство кочевых народов были этнически близки оседлоземледельческим и в силу этого наблюдалась также и известная близость их культур. Во-вторых, важную роль играли экономические связи этих двух миров. Потребность кочевников в продукции высокоразвитого ремесла оседлых районов и соответственно потребность жителей оазисов в продуктах животноводства делали эти связи постоянно действующими факторами в жизни среднеазиатского общества. Некоторые современные ученые считают даже, что необходимо говорить об единой экономической системе, охватывающей как оседлые оазисы, так и кочевников, системе, в которой оба сектора экономически не могли нормально функционировать без постоянного взаимообмена. Нарушение этого экономического единства (в случае внешних завоеваний и других подобных обстоятельств) приводило к тяжелейшим последствиям и для кочевников и для жителей оседлых оазисов (Briant P., 1982). Наконец, надо иметь в виду и политические формы взаимодействия этих двух миров. Это взаимодействие имело различный характер. Иногда кочевые племена выступали как своего рода политическая «периферия» государственных образований, являясь полувассальными союзниками больших государственных образований, связанных с ними определенными обязательствами (военной помощи и т. п.), Иногда же кочевники завоевывали оседлоземледельческие оазисы, и вожди объединений кочевых племен становились создателями правящих династий. Такова была, в частности, ситуация в Парфии, где кочевники — парны завоевали оседлоземледельческую территорию и кочевая по происхождению династия Аршакидов возглавила это государство, ставшее позднее одной из мировых держав древности. Аналогичной была ситуация и в Бактрии, где завоевание кочевников привело в дальнейшем к формированию Кушанского царства.

Кочевническое завоевание оседлых областей приводило к многообразным последствиям: оно модифицировало социальную структуру общества (лучше всего это известно на примере Парфии — см.: Košelenko G., 1980), способствовало укреплению связей между кочевыми племенами и оседлыми оазисами, поскольку в процессе завоевания оседала на землю только часть кочевников, часть же сохраняла традиционные формы жизни. Наконец, очень сильно сказывались культурные влияния кочевников, особенно на верхушку общества. Для проблемы взаимоотношения кочевников и жителей оседлых оазисов важным является еще одно обстоятельство: граница между зонами оседлоземледельческих племен и кочевников не была стабильной. При всех локальных и хронологических изменениях ведущей остава-

[1] Во «Введении» к разделу III данного тома мы уже объясняли причины, по которым изложение согдийских и хорезмийских материалов начато в этом разделе с несколько более раннего времени.

лась тенденция к расширению зоны оседлоземледельческих культур. Это было связано с общим прогрессом общества, сказывавшемся, в частности, в росте территории, которая осваивалась для земледелия.

Политическая история среднеазиатского региона в рассматриваемую эпоху изучена еще недостаточно. Главная причина этого заключается в незначительности информации, содержащейся в письменных источниках. Под властью Ахеменидов оказалась основная часть оседлоземледельческой зоны среднеазиатского региона. Хотя ахеменидское завоевание и прервало процесс становления местной государственности, все же включение Средней Азии в состав этого грандиозного государственного образования способствовало ускорению социального развития среднеазиатских народов. Местная знать, насколько мы знаем, достаточно быстро интегрировалась в структуру господствующего слоя царства Ахеменидов и использовала государственную машину для усиления своего влияния в обществе. Приобщение к «мировой» политике, участие в больших военно-политических предприятиях Ахеменидов, знакомство с более высокими «стандартами» жизни верхушки общества стран Переднего Востока способствовали большей консолидации знати среднеазиатского региона, росту ее потребностей и тем самым приводили к усилению угнетения народных масс, которые подвергались двойной эксплуатации: со стороны завоевателей Ахеменидов и со стороны местной знати (с ее все растущими потребностями). Естественной реакцией на это было усиление борьбы народных масс, имевшей различные формы. Наиболее яркое выражение эта борьба нашла в восстаниях народных масс, разразившихся в различных частях державы Ахеменидов в 20-х годах VI в. до н. э. В Средней Азии восстания вспыхнули в Маргиане и Парфии. Они были жестоко подавлены.

С другой стороны, постепенно рос и сепаратизм местной среднеазиатской знати. Основным его очагом была Бактрия. Огромное значение этой сатрапии в составе царства Ахеменидов (она включала также, видимо, Согд и Маргиану) сказывалось в том, что ее наместником, как правило, являлся кто-либо из принцев царствующего дома. Очень часто именно он выступал выразителем этих сепаратистских тенденций. Процесс ослабления государства Ахеменидов в IV в. до н. э. привел к определенной реализации этих тенденций. От него отпал Хорезм, чему есть и археологические подтверждения. Попытку реализации сепаратистских настроений в своеобразных условиях падения власти Ахеменидов и завоевания Александра Македонского предпринял последний наместник Ахеменидов в Бактрии Бесс.

Завоевание Александра привело к включению в состав его мировой державы почти всех тех областей Средней Азии, которые входили в состав государства Ахеменидов (Хорезм сохранил свою независимость). Это завоевание натолкнулось на решительное сопротивление населения основных частей среднеазиатского региона, в первую очередь Бактрии и Согдианы. В сопротивлении участвовали три силы: часть знати, народные массы Бактрии и Согдианы и некоторые кочевые племена. Во главе восставших стоял выдающийся руководитель народной войны Спитамен. Длившаяся несколько лет война потребовала от завоевателей предельного напряжения сил, полной реорганизации армии, изменения политики по отношению к знати. В результате всех этих мер, а также систематически проводившейся политики «геноцида» (по выражению П. Бриана — см.: Briant P., 1974) сопротивление народных масс было сломлено, бактрийская и согдийская знать примирилась с завоевателем, отряды бактрийских и согдийских воинов участвовали в индийском походе. Символом примирения между Александром Македонским и местной знатью стал брак между новым царем и дочерью местного аристократа Роксаной. Ряд представителей бактрийской и согдийской знати занял высокие посты в административном аппарате державы Александра. Однако никакой уверенности в постоянной покорности местного населения не было, и Бактрия (а возможно, и Согдиана) стали объектом активной колонизации, в рамках которой создавались греческие военные поселения (Кошеленко Г. А., 1979, с. 122 сл.).

Период нестабильности, начавшийся после смерти Александра, сопровождался восстанием греков-колонистов в Бактрии, какими-то не совсем ясными движениями среди местного населения, борьбой за власть различных претендентов на престол и как следствие сменой высших руководителей македонской администрации в Средней Азии. Он закончился около 306 г. до н. э., когда вся среднеазиатская территория, ранее входившая в состав державы Александра, оказалась под властью Селевка, создателя крупнейшего из эллинистических государств. Время первых селевкидских царей было временем определенной стабилизации греко-македонского господства. Однако уже в середине III в. до н. э. происходят очень серьезные изменения в политической ситуации. В силу ряда причин селевкидские наместники в Средней Азии (Андрагор в Парфии, Диодот в Бактрии) отделяются от Селевкидов. Для Андрагора это отпадение оказалось фатальным. Кочевые племена парнов под руководством Аршака завоевывают Парфию, Андрагор гибнет в борьбе; Диодоту же удается консолидировать свою власть и в результате возникает государство, которое современные исследователи называют обычно Греко-Бактрией. Попытки Селевкидов восстановить свою власть оказались безуспешными: и Парфия, и Греко-Бактрия сохранили свое государственное существование. Таким образом, на рубеже III и II вв. до н. э. политическая ситуация в Средней Азии была следующей: в Парфии набирало силу государство Аршакидов, Бактрия составляла ядро Греко-Бактрийского царства, в состав которого входила также Маргиана и, возможно, Согд. Хорезм сохранял независимость и ничего более об его истории в это время сказать нельзя. Столь же не ясна ситуация в Фергане и на среднем течении Сырдарьи.

В дальнейшем Парфия постепенно консолидирует свои силы и разворачивает экспансию на запад и на восток. В результате этой экспансии во II в. до н. э. под ее властью оказывается Маргиана. Походы же на запад привели к созданию одной из крупнейших держав древнего мира, в период своего расцвета Парфянское царство простиралось от Сирии и Армении на западе и до Систана на востоке. В этих

условиях те области, где зародилось это государство, постепенно превращаются в окраину, удаленную от основных центров политического и экономического развития. Правда, насколько можно судить по скудным сообщениям источников, эта окраина сохраняла определенное значение как один из тех районов, где сохранились старые парфянские традиции, где сильны были позиции тех кругов знати, которые были настроены антигречески и антиримски, являлись сторонниками решительной внешней политики, и были тесно связаны со знатью кочевых племен.

Насколько мы знаем, в начале н. э. происходит известное обособление Маргианы, которая приобретает автономию в рамках Парфянского царства. Это явление связано с общей тенденцией развития Парфянского царства, которое постепенно превращалось из единого государства в конфедерацию нескольких государственных образований с известным преобладанием внутри нее «великого царя царей». Процесс дезинтеграции Парфянского царства сопровождался внутренними распрями, борьбой за престол различных представителей дома Аршакидов, частыми конфликтами с Римом. Последний удар по Парфии был нанесен восставшими вассалами — правителями Персиды из династии Сасанидов. В 20-х годах III в. н. э. они захватывают основные территории Парфянского царства, однако Маргиана некоторое время сохраняет известную автономию в рамках нового государственного образования. К концу III в. н. э. эта автономия была утрачена и Мерв стал интегральной частью Сасанидской державы, главным опорным пунктом власти Сасанидов на Востоке. Насколько мы можем судить на основании археологических материалов, смена политической власти первоначально не отразилась сколько-нибудь существенно на материальной культуре Парфиены и Маргианы. Решительные изменения происходят несколько позднее, в IV—V вв. н. э., когда на всей территории Средней Азии отчетливо сказываются те процессы, которые, согласно мнению, преобладающему среди советских исследователей, представляют собой кризис, характеризующий переход от рабовладельческой формации к феодальной.

История Греко-Бактрии известна гораздо хуже, нежели история Парфии. Известно, что в конце III — начале II в. до н. э. правители этого царства развернули широкую экспансию на юг, в сторону Индии. Значительная часть Северной Индии была включена в состав этого государственного образования. Однако его единство сохранялось недолго. Вскоре начались внутренние распри, приведшие к распаду царства на ряд отдельных владений. Ни число их, ни локализация владений отдельных правителей (весьма многочисленных, о чем свидетельствует множество монетных эмиссий) не могут считаться твердо установленными. В 30-х годах II в. до н. э. на Бактрию с севера надвинулись кочевые племена, и Бактрия оказалась под их властью. Можно полагать, что первоначально сохранялись отдельные мелкие греко-бактрийские владения, признавшие сюзеренитет завоевателей, которые, согласно китайским источникам, назывались юеджами (в греческих источниках употреблялись иные термины для обозначения их). На территории Бактрии и прилегавших землях постепенно создались пять самостоятельных владений юеджей, что, по-видимому, сопровождалось элиминированием старых греческих династий. По всей видимости, в I в. н. э. происходит процесс консолидации этих владений в единую Кушанскую державу. Самой большой сложностью, с которой сталкиваются исследователи, занимающиеся этим периодом, является отсутствие точной хронологии Кушанского царства (см. известные дискуссии о «дате Канишки»). Дата начала правления наиболее известного из кушанских царей Канишки различными современными исследователями определяется по-разному: от 78 г. н. э. до 278 г. н. э. Однако представляется, что наиболее предпочтительной является дата, приближающаяся к первой из них.

Развитие Кушанского царства сопровождалось его активной экспансией. По всей видимости, первоначальное ядро его составляла Бактрия. Позднее, кажется, в состав Кушанской державы были включены и согдийские территории. Хотя до сего времени продолжаются дискуссии о том, входил ли Хорезм в состав этого царства, все же, по-видимому, более предпочтительной является точка зрения, согласно которой Хорезм сохранял свою независимость. Независимыми от Кушанского царства были также Фергана и территории по среднему течению Сырдарьи, где сформировалось государство Кангюй, включавшее как оседлоземледельческие территории, так и кочевые племена. Очень значительными были успехи кушан в южном направлении их экспансии. Под их власть попала большая часть Северной Индии. Кушанское царство стало одной из «мировых держав» древности (наряду с Римской империей, Парфией и ханьским Китаем). Именно на эпоху существования Кушанского царства приходится время наивысшего расцвета древней Средней Азии, ее экономики, культуры, искусства (Ставиский Б. Я., 1977б).

Проблема гибели Кушанского царства также во многом еще не ясна. Можно предполагать, что главный удар по нему нанесли кочевые племена хионитов, хотя определенную роль сыграло и наступление Сасанидов с запада. Во всяком случае Сасаниды захватили значительную часть территории Бактрии, где и было создано сасанидское «кушанское наместничество», известное нам главным образом на основании монетных серий, выпускавшихся его правителями. Очень многое в истории этого обширного владения еще не ясно, можно только предполагать, что основные территории его находились к югу от Амударьи, в Южной Бактрии. Северные территории были захвачены хионитами. Можно предполагать, что в IV в. н. э. происходило известное возрождение Кушанского царства, что было связано с приходом к власти новой, Кидаритской, династии. Однако уже к V в. н. э. Кушанское царство окончательно гибнет и с его гибелью оканчивается древняя эпоха истории Средней Азии.

Археологическое изучение памятников древней Средней Азии началось в конце XIX в., после присоединения ее к России. Однако результаты тех работ были чрезвычайно скромными. Подлинное начало археологического изучения памятников древности в Средней Азии приходится на советское время, в частности на 30-е годы, когда развернулись

работы в Хорезме (А. И. Тереножкин и С. П. Толстов), в Фергане (Б. А. Латынин), на Зеравшане (А. Ю. Якубовский), в Бактрии (Термезская комплексная экспедиция под руководством М. Е. Массона) и др. Великая Отечественная война прервала эти работы, но уже вскоре после ее окончания археологическое исследование памятников древней Средней Азии возобновилось. Они достигли вскоре очень значительных масштабов, охватив все области древней Средней Азии. Не претендуя на исчерпывающую полноту, отметим только самые основные экспедиции и районы их деятельности: Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (М. Е. Массон) — Ниса и Мерв; античный отряд Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (В. Н. Пилипко) — сельские памятники парфянского времени в подгорной полосе Копет-Дага; Маргианский отряд (Г. А. Кошеленко, А. Губаев, С. В. Новиков) — памятники северной части Мервского оазиса. Огромны масштабы работ Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции, исследовавшей города, сельские поселения и иные типы памятников на территории Хорезмского оазиса (С. П. Толстов, затем М. А. Итина). На территории Согда работы ведутся главным образом силами различных отрядов Института археологии АН УзССР (на Афрасиабе — В. А. Шишкин, А. И. Тереножкин, Г. В. Шишкина, в Кашкадарьинском Согде — С. К. Кабанов и Р. Х. Сулейманов, в Бухарском Согде — А. Р. Мухаммеджанов). Здесь же проводились работы специальной экспедицией Ташкентского Государственного университета (М. Е. Массон). Ряд экспедиций изучает древние памятники Бактрии: огромную роль сыграла Таджикская экспедиция (А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов), отметим также Бактрийскую экспедицию ИА АН СССР и Института археологии АН УзССР (В. М. Массон), Узбекистанскую искусствоведческую экспедицию (Г. А. Пугаченкова), раскопками буддийского памятника Каратепе руководит Б. Я. Ставиский. На той же части территории Бактрии, которая ныне входит в состав Таджикской ССР, археологические работы осуществляют Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция (Б. А. Литвинский), особенно важны для изучения античного периода исследования одного из отрядов этой экспедиции под руководством И. Р. Пичикяна. В периферийных районах древней Средней Азии большие исследования осуществляются экспедициями под руководством Н. Н. Негматова (Ленинабад), Ю. Ф. Бурякова (памятники Ташкентского оазиса), М. И. Филанович (Ташкент), Ю. А. Заднепровский, Н. Горбунова (Фергана).

В результате этих археологических работ накоплен огромный документальный материал, позволивший наметить решение ряда важных и ранее совершенно не изученных вопросов истории древней Средней Азии. Благодаря материалам, полученным в ходе этих работ, стало ясно, что в I тысячелетии до н. э. Средняя Азия переживает период становления классового общества и государственности, археологические материалы помогают осветить этот процесс. Они демонстрируют многообразие типов поселений, существовавших в Средней Азии в древности, показывая тем самым усложнение характера общества: крупные и небольшие города, крепости, сельские поселения различных типов и т. д. В ходе археологических исследований вскрывались дворцы, храмы, жилища различных категорий населения, были получены значительные материалы для исследования характера производства, особенно керамического. Для каждой области Средней Азии составлена достаточно надежная и подробная стратиграфическая шкала на основе главным образом керамических находок. Изучен ряд некрополей, что позволило выявить особенности погребального обряда в ряде областей и их эволюцию во времени. Археологические исследования определили характер и эволюцию систем орошения в ряде областей Средней Азии. Наиболее подробно изучена система орошения Хорезма, много сделано в исследовании ирригационных систем Бухарского Согда. В результате многолетних исследований установлена в основных чертах картина монетного дела и денежного обращения в основных областях древней Средней Азии, получены значительные материалы для суждения о характере обмена как международного, так и внутреннего, наконец, для понимания характера обмена между оседлыми областями и кочевыми народами.

Огромный, ранее совершенно неизвестный материал для понимания всех сфер культуры древнего населения Средней Азии был добыт в ходе археологических раскопок; памятники архитектуры, скульптуры, живописи, мелкой пластики, декоративно-прикладного искусства были обнаружены во всех областях Средней Азии, что позволило уже в настоящее время не только наметить основные этапы эволюции культуры Средней Азии данной эпохи, но и понять локальное своеобразие отдельных областей. Новые материалы получены для изучения религиозных верований народов Средней Азии.

Археологические исследования последних десятилетий ознаменовались весьма впечатляющими успехами, в результате которых появилась возможность для написания историй отдельных республик Средней Азии. Но эти успехи не означают, что в изучении древней Средней Азии не имеется нерешенных проблем и «белых пятен». Позволим себе указать только на некоторые из них.

До сих пор еще остается дискуссионным вопрос о природе социальных отношений в Средней Азии в древности. В 30-х годах С. П. Толстов выдвинул тезис (позднее поддержанный М. Е. Массоном и А. Н. Бернштамом, а затем получивший самое широкое распространение среди советских ученых) о рабовладельческом характере общественных отношений в Средней Азии в древности. Вместе с тем указывалось, что рабовладельческие отношения здесь были переплетены с отношениями первобытнообщинного типа. Эта концепция (в различных вариантах) стала на многие годы господствующей в советской науке. Однако недостаточность источниковой базы все же не позволяет считать этот тезис окончательно доказанным (хотя и наиболее вероятным). В последние годы обострилась дискуссия вокруг этой проблемы. А. М. Беленицкий попытался доказать, что в Парфии господствующими были феодальные отношения, ему возражал Г. А. Кошеленко, стремившийся показать, что на формирование социальной структуры парфянского общества опреде-

ляющее воздействие оказал факт парнского завоевания, в результате чего основная масса эксплуатируемого населения оказалась в зависимости типа спартанской илотии. Новое направление дискуссии придал А. П. Новосельцев, анализировавший социальную природу обществ двух регионов: закавказского и среднеазиатского. А. П. Новосельцев полагает, что здесь можно говорить о существовании особой «архаической формации», медленно эволюционировавшей в сторону феодализма. Французский ученый П. Бриан, рассматривая обширный регион от Малой до Средней Азии, стремился доказать, что в древности здесь существовал «азиатский способ производства».

Наличие столь большого диапазона мнений свидетельствует не только о сложности теоретических дефиниций, но еще больше о недостатке документальных письменных источников, исследование которых может дать ответ на эти насущные вопросы. До сего времени значительные документальные материалы были получены только при раскопках Нисы и Хорезма. Однако парфянские материалы (при всем их значении) все же очень мало сведений содержат о социальной природе парфянского общества, хорезмийский же материал сравнительно немногочислен, фрагментарен и труден в интерпретации.

Другой сложной и важной проблемой, еще не имеющей удовлетворительного решения, является проблема среднеазиатского города. Несмотря на ряд исследований, осуществленных в последние годы, все же характер города как особого социального организма остается в значительной мере неопределенным. Это объясняется даже не столько недостатком письменных материалов, сколько малой археологической изученностью городов. Если для среднеазиатской археологии раннесредневекового периода своего рода эталонным памятником стал Пенджикент, где осуществлены раскопки на очень значительных площадях, то для древней Средней Азии такая изученность отдельного города остается еще недостижимым идеалом. Единственный город этой эпохи, где раскопки произведены в довольно больших масштабах,— это Дальверзин, однако степень его изученности такова, что социологические выводы здесь пока невозможны.

Близкая картина и в исследованиях среднеазиатских деревень эпохи древности. Только несколько деревень различных областей и различных периодов раскопаны достаточно полно, что позволяет делать некоторые выводы о социальной природе среднеазиатской деревни, однако их число совершенно недостаточно для общеисторических выводов. Вызывают определенные сомнения и методы социально-исторической интерпретации материалов, в частности использование источников, характеризующих индийскую деревню, для понимания (по аналогии) деревни Средней Азии.

Можно назвать еще ряд сложных и недостаточно разработанных проблем: характер становления цивилизации раннего железного века; причины поразительного единообразия материальной культуры, особенно керамики основных районов Средней Азии в ахеменидскую эпоху; границы селевкидских и греко-бактрийских владений в Средней Азии к северу от Амударьи; хронология кушанской эпохи; характер кризиса, поразившего Среднюю Азию на рубеже древности и средневековья, и т. д.

Глава девятая
Северная Парфия. Серахский оазис

Северная Парфия

В древности Парфией первоначально называлась область исконного обитания парфян. Наиболее раннее документальное ее упоминание зафиксировано в надписях ахеменидских царей, в частности в Бехистунской надписи. В этих надписях и сочинениях более поздних греческих и римских историков и географов нет четкого описания границ Парфии. Но из их содержания ясно, что это была небольшая страна, занимавшая Туркмено-Хорасанские горы и прилегающие к ним участки Большой Соляной пустыни и Каракумов. Названные пустыни ограничивали пределы Парфии с юга и севера, на западе она граничила с Гирканией, а на востоке с Ареей [1]. (подробнее см.: Массон М. Е., 1949а).

После образования Парфянского государства (середина III в. до н. э.) и превращения его в мировую державу (середина II в. до н. э.) этот термин потерял свою первоначальную четкость. Он стал употребляться для обозначения как области обитания парфян, так и всего их обширного государства. Кроме того, как явствует из «Географии» Страбона (XI, IX, 1), произошло не только «раздвоение» самого названия Парфия, но подверглись ревизии границы исконной Парфии — области обитания парфян. Описанная Страбоном «Парфия» включает в себя практически всю Гирканию и даже часть Мидии. Однако отраженная Страбоном точка зрения на границы собственно Парфии не получила всеобщего признания, и другие авторы продолжали рассматривать Гирканию как самостоятельную историко-географическую область [2].

Собственно Парфия делилась на ряд более мелких историко-культурных областей. Из дорожника Исидора Харакского (Isid. Char. Mans. Parth., 11—13) известно, что таких областей, возможно, соответствующих сатрапиям административного деления, в Парфии было по крайней мере три: Астауэна, Парфиена и Апаварктикена. Большинство современных исследователей считает возможным Парфавнису Исидора Харакского отождествлять с городищами Старая и Новая Ниса вблизи Ашхабада. Соответственно Парфиена помещается в пределах современных Ашхабадского и Геоктепинского районов ТССР, а расположенная восточнее Апаварктикена рассматривается в целом как соответствующая современному Каахкинскому району. Эта гипотеза в настоящее время является наиболее приемлемой, однако следует отметить, что у нас нет бесспорных доказательств для отождествления городища Новая Ниса с Парфавнисой (Нисаей) Исидора Харакского.

Нерешенным остается также вопрос о местонахождении области Нисайя, неоднократно упоминаемой Страбоном [3] (XI, VII, 2; XI, VIII, 3). Нисайя упоминается также Плинием, но о ней ничего не сообщает Исидор Харакский и Птолемей. Имеется также серия парфянских драхм, относящаяся к I в. до н. э., упоминающая название области NICAIA. Некоторые монеты II в. до н. э.— II в. н. э. содержат обозначения: N, NI, NICA, NICAK. Ряд нумизматов склонен видеть в этих надписях и буквах обозначение монетного двора в городе Ниса, некоторые из них прямо указывают на городища Новая Ниса в Багире (Sellwood D., 1976, p. 13—14). Если допустить, что все имеющиеся в нашем распоряжении источники отражают реальную действительность, вернее, разные ее стороны, то можно сделать следующие предположения, снимающие противоречия источников: 1) Парфиена и Нисайя — разные названия одной области с главным городом Ниса; 2) Парфиена и Нисайя — разные области с главными городами, имеющими одинаковое название; 3) Парфиена и Нисайя — названия соподчиненных административных единиц. Парфиена, например, могла быть сатрапией, а Нисайя — марзпанством, а столицей той и другой была Ниса. Нельзя исключить также, что Нисайя — это общее название всех трех областей (сатрапий), указанных Исидором Харакским или название части Парфии, расположенной к северу от Копет-Дага [4]. Однако, поскольку все эти предположения не могут быть подкреплены убедительной документацией, в настоящей работе для обозначения области обитания парфян в пределах границ Советского Союза применяется нейтральный термин Северная Парфия. На основе относительного единства материальной культуры III в. до н. э.— III в. н. э. в нее включена подгорная равнина Южного Туркменистана на участке между селениями Кызыл-Арват и Чаача, а также горные долины северных отрогов Копет-Дага.

История изучения. Целенаправленное изучение памятников парфянского времени в подгорной полосе Копет-Дага началось с 1930 г., когда совместная экспедиция Института туркменской культуры (Туркменкульта) и Наркомпроса РСФСР приступила к раскопкам на городищах Нисы в селении Багир близ Ашхабада. В 1930 г. экспедиция работала под руководством А. С. Башкирова при участии А. А. Марущенко, С. А. Ершова, П. В. Арбекова.

[1] Гиркания — область, занимающая юго-восточное побережье Каспийского моря, Арея — область в верховьях реки Теджен — Герируд (область Герата).

[2] Страбон сам неоднократно упоминает Гирканию как отдельную от Парфии область.

[3] Различные точки зрения о местонахождении этой области и Нисайи Авесты рассмотрены М. Е. Массоном (1949а, с. 17—20).

[4] В связи с этим уместно вспомнить о «потусторонних» парфянах Плиния (VI, 25).

В последующие годы (1931, 1934—1936) раскопки проводились силами сотрудников Туркменкульта при научном руководстве А. А. Марущенко. На городище Старая Ниса раскопки носили разведывательный характер и осуществлялись путем закладки многочисленных траншей и шурфов. Работы этих лет явились важным этапом в изучении парфянской культуры [5]. Они документально подтвердили принадлежность городища к парфянской эпохе и дали обильный археологический материал. Во время этих исследований были частично вскрыты основные архитектурные сооружения Старой Нисы, получившие, однако, не совсем правильное определение (см.: Массон М. Е., 1949а, с. 30—35).

Раскопки на Новой Нисе проводились в течение трех сезонов (1930, 1934 и 1936 гг.) и также носили разведывательный характер. В 1934 г. в шурфе, заложенном в центральной части городища, обнаружен ряд предметов, бесспорно относящихся к парфянской эпохе. В 1936 г. в северо-восточной части городища расчищено несколько полуразрушенных склепов парфянского некрополя.

Помимо раскопок на городищах в селении Багир, в довоенный период проводилось рекогносцировочное обследование подгорной полосы Копет-Дага. В этой работе принимали участие местные археологи А. А. Марущенко, С. А. Ершов, П. В. Арбеков, ашхабадские краеведы и ученые из других научных центров (Робинзон В., 1930; Семенов А. А., 1931; Ершов С. А., 1944). При этих разведках наряду с памятниками других эпох были обследованы некоторые археологические объекты, содержащие слои парфянского времени. Однако в силу слабой изученности материальной культуры парфянской эпохи этот факт не всегда осознавался самими исследователями. В этот период было установлено наличие слоев парфянского времени на городищах Анау, Хосровкала, но остались неопознанными или незамеченными материалы парфянского времени на Кунякале в Кешах, Геамикале, Кошадепе у Баба-Дурмаза, Куня-Каахке.

Следующий этап в изучении памятников Северной Парфии связан с деятельностью Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). В 1946 г. ЮТАКЭ возобновила работы на городищах Старая и Новая Ниса [6]. На Старой Нисе было продолжено исследование объектов, выявленных разведочными раскопками довоенных лет. В 1946—1953 гг. было осуществлено полное вскрытие «квадратного зала» и «круглого храма» в дворцово-храмовом комплексе и большого «квадратного дома» в северной части городища. Кроме того, были проведены некоторые дополнительные вскрытия во «дворце», осуществлены разведывательные раскопки фортификационных сооружений и начаты работы по изучению хозяйственного комплекса в северной части городища (Массон М. Е., 1965б; 1974б, в). Почти полное вскрытие отдельных архитектурных объектов и высокий методический уровень раскопок создали прочную научную базу для воссоздания истории построек, их интерпретации и реконструкции.

На Новой Нисе из-за наличия мощных средневековых напластований и сильной перемешанности культурных слоев вскрытия на больших площадях не производились. Пробные раскопки (сезоны 1946—1949 гг.) в разных частях городища выявили остатки сооружений парфянского времени и позволили высказать некоторые предположения о топографии города парфянского времени. Наиболее крупные работы проведены на территории парфянского некрополя в северо-восточной части городища, где, помимо нескольких погребальных сооружений, вскрыты остатки небольшого раннепарфянского храма. В разных частях городища продолжались работы по изучению его стратиграфии, но результаты этих исследований полностью не опубликованы (Вязьмитина М. И., 1949, 1953).

С 1953 г. объем археологических работ на городище Старая Ниса значительно сокращается. В 1954—1967 гг. продолжаются раскопки хозяйственного комплекса и проводится ряд дополнительных работ по доследованию архитектурных сооружений дворцово-храмового комплекса. Важнейшим достижением раскопок этих лет является обнаружение в северном винохранилище Старой Нисы более 2,7 тысяч парфянских документов, содержащих ценнейшие сведения по истории, экономике и культуре Парфии.

Раскопки на Нисе сочетались с разведывательными исследованиями. В 1947 г. была организована специальная поездка из Багира в Теджен с целью ознакомления с археологическими памятниками Ашхабадского и Кaахкинского районов и отождествления пунктов, упомянутых в дорожнике Исидора Харакского, с реальными археологическими объектами [7]. Городище Анау было отождествлено с городом Готар, Кунякала в Гяурсе — с Сироком, Куня-Каахка — с Апаварктикой (Массон М. Е., 1953б, с. 27). Помимо трех указанных городищ, к парфянскому времени было отнесено еще одно безымянное поселение, расположенное к югу от станции Каушут. При повторной поездке по этому маршруту, осуществленной в 1962 г. Г. А. Кошеленко, З. И. Усмановой, М. И. Филанович, не было открыто новых памятников, но на поселении у Каушута этой группой проведена разведывательная расчистка одного из мелких всхолмлений, позволившая в общих чертах выяснить планировку небольшого жилого дома (Массон М. Е., 1963а, с. 48; Кошеленко Г. А., 1966а, с. 17).

Парфянские памятники фиксировались сотрудниками ЮТАКЭ также попутно при выполнении иных археологических задач. Ряд памятников парфянского времени зафиксирован в 1947 г. при разведывательных исследованиях в подгорной полосе Копет-Дага на участке между Ашхабадом и Бахарденом (Литвинский Б. А., 1951). М. Е. Массоном были

[5] Однако их ценность в значительной мере снижается отсутствием научных публикаций и утратой полевой документации. История изучения городищ Нисы наиболее полно изложена в специальной работе М. Е. Массона (Массон М. Е., 1949а), там же приведена библиография.

[6] Раскопки осуществлялись В. А. Булатовой, М. И. Вязьмитиной, Е. А. Давидович, С. А. Ершовым, Д. Г. Зильпер, Б. А. Литвинским, Н. И. Крашенинниковой, М. С. Мерщиевым, Н. Б. Немцовой, Г. А. Пугаченковой, Л. М. Рутковской под руководством начальника экспедиции М. Е. Массона.

[7] Подобная работа ранее была частично проделана А. А. Марущенко, который предлагал Готар отождествлять с городищем Анау, а Апаварктику с Хосровкалой у Каушута (Массон М. Е., 1953б, с. 27; Марущенко А. А., 1956, с. 142—143).

осмотрены парфянское сельское поселение вблизи устья Чулинского ущелья, безымянная крепость в Геоктепе, поселение Бакы-Кумбет в окрестностях Мурчи (Массон М. Е., 1955б, с. 225—226).

Значительная работа по изучению памятников парфянского времени в Ашхабадском районе была проделана местными краеведами под руководством А. А. Рослякова. В 1948—1950 гг. ими в окрестностях Ашхабада зафиксировано 42 памятника с материалами парфянского времени (Росляков А. А., 1955а, с. 77—84). Несмотря на то что результаты этих исследований опубликованы очень обобщенно, они имеют большую научную ценность, поскольку многие из этих памятников в последующие два десятилетия были уничтожены и повторно археологами не обследовались.

Подобного же характера работа, но в более широких масштабах, проделана в 1950—1952 гг. сотрудником Музея истории ТССР С. А. Ершовым. Им было осуществлено рекогносцировочное обследование всей подгорной полосы Копет-Дага. Результаты этих поездок нашли частичное отражение в рукописной работе С. А. Ершова «Археологические памятники Туркмении». Он учел в подгорной полосе Копет-Дага 50 памятников парфянского времени [8].

С 1952 г. в изучение памятников подгорной равнины Копет-Дага включился сектор археологии Института истории АН ТССР. В 1953 г. А. А. Марущенко провел стратиграфические исследования на городище Хосровкала, которые подтвердили его предположение о наличии слоев парфянского времени как на самом городище, так и на его цитадели. На основании результатов этих раскопок А. А. Марущенко предложил считать Хосровкалу остатками древнего города Апаварктика, а городище Куня-Каахка — городом Рагав (Марущенко А. А., 1956). В этом же году А. А. Марущенко совместно с Ф. Я. Коське провел разведывательные раскопки на безымянной крепости в Геоктепе. Памятник был признан однослойным и отнесен к раннеэллинистическому времени [9] (Коське Ф. Я., 1962, с. 120, 124). В 1955 г. Д. Дурдыев занимался изучением стратиграфии городища Куня-Каахка. Удалось установить, что древнейшие культурные слои городища относятся к античному времени и достигают толщины 4 м. Тогда же был расчищен участок древней стены со стреловидными бойницами и башнями треугольной формы (Дурдыев Д., 1959а, с. 12). В 1959—1963 гг. Д. Дурдыев в широких масштабах проводит раскопки крупного архитектурного комплекса парфянского времени (Мансурдепе) в нескольких километрах севернее городища Новая Ниса, но изучение этого памятника не было завершено, материалы не опубликованы. В кратких предварительных отчетах он определялся как «рабовладельческая усадьба I в. н. э.» В 1967 г. А. Губаев и Г. А. Кошеленко провели контрольные раскопки на поселении Гащепе, датированном позднеантичным временем, и заложили шурф на расположенном рядом небольшом поселении Шордепе (Губаев А., 1968а; Губаев А., Кошеленко Г. А., 1968). В 1970 г. эти же исследователи предприняли разведывательные раскопки на поселении Ишан-Кяриз на 53 км шоссе Ашхабад — Красноводск (Губаев А., 1970). В 1975—1976 гг. Х. Юсупов впервые осуществил раскопки крепости Игды, расположенной на левом берегу Узбоя. Материалы из этих раскопок заставили пересмотреть ранее предлагавшуюся датировку памятника (Толстов С. П., 1959, с. 29—31), так как наряду с керамикой раннесасанидского периода здесь обнаружены материалы бесспорно парфянского времени (Юсупов Х., 1972, с. 125—126; 1977в).

Ряд памятников парфянского времени открыт сотрудниками отдела археологии Института истории АН ТССР при разведывательных поездках. В 1958 г. А. А. Марущенко в 4 км восточнее Геоктепе обнаружил памятник парфянского времени Ортадепе, в том же году им было установлено наличие слоев античного времени на городище Сунча. В 1967 г. О. Бердыев и А. А. Марущенко во время специальной разведывательной поездки по трассе III очереди Каракумского канала осмотрели несколько античных поселений севернее поселков Каахка и Каушут и в Геоктепинском районе. В 1967 г. А. Губаев обследовал небольшое античное поселение Гулалекдепе в окрестностях ст. Артык (Губаев А., 1968б, с. 89). В том же году И. С. Масимов обнаружил новое безымянное поселение парфянского времени между станциями Артык и Баба-Дурмаз. В 1970 г. А. Губаевым и Г. А. Кошеленко при разведывательной поездке между Геоктепе и Бахарденом осмотрено несколько парфянских поселений, в том числе ранее не обследовавшееся поселение Ет-Агачдепе II в зоне Копетдагского водохранилища [10].

С целью систематического и планомерного изучения памятников парфянской эпохи в 1967 г. в Институте истории АН ТССР организован специальный античный отряд, который продолжает свою деятельность до настоящего времени.

За период 1967—1979 гг. экспедицией проведено широкое разведывательное обследование подгорной полосы Копет-Дага. На безымянной крепости в Геоктепе (Пилипко В. Н., 1968, с. 34—35), поселениях Ортадепе, Яндаклыдепе (Пилипко В. Н., 1968, с. 30—34), Коша-Хаудан (Пилипко В. Н., 1972а, с. 76—78), Ярыкдепе проведены разведывательные раскопки. В 1968—1972 гг. осуществлены раскопки парфянского сельского поселения Гарры-Кяриз в Геоктепинском районе (Пилипко В. Н., 1975). В 1973—1976 гг. раскопано крупное, отдельно стоящее здание раннепарфянского времени на поселении Кошадепе в окрестностях ст. Баба-Дурмаз. В 1976—1979 гг. осуществлялись раскопки укрепленного поселения Чакандепе вблизи селения

[8] Рукопись хранится в отделе археологии Института истории АН ТССР. Следует отметить, что ознакомление с коллекциями, собранными С. А. Ершовым (хранятся в Музее истории ТССР), и повторное обследование сохранившихся памятников показали, что предлагаемые С. А. Ершовым датировки не всегда точны.

[9] Рукопись статьи Ф. Я. Коське, специально посвященной этому памятнику, хранится в отделе археологии Института истории АН ТССР. Датировка памятника раннеантичным временем не нашла подтверждения при дальнейшем его изучении (Кошеленко Г. А., 1966а, с. 13, прим. 9; Пилипко В. Н., 1968, с. 34—35).

[10] Перечисленные выше открытия сотрудников отдела археологии сделаны, как правило, попутно при выполнении иных задач и в большинстве своем не нашли отражения в печати. Сведения о них почерпнуты из отчетов и дневниковых записей.

Шоркала Геоктепинского района. В результате проведенных исследований накоплен материал для типологической классификации парфянских поселений не только по внешним признакам, но и на основе учета результатов раскопок некоторых из них.

Наряду с изучением памятников оседлого населения в подгорной полосе Копет-Дага проводились раскопки курганных погребений кочевого населения. В 1951 г. А. А. Марущенко провел раскопки двух групп курганов между станциями Бами и Кодж и одиночных курганов в районе г. Безмеина. На основании анализа сопровождающего инвентаря А. А. Марущенко сделал вывод о связях кочевников предгорий Копет-Дага с племенами сарматского круга (Марущенко А. А., 1959). Этот тезис был поддержан А. М. Мандельштамом, раскопавшим в 1961 г. два небольших могильника в Каракалинском районе (Мандельштам А. М., 1963, 1971). В 1970—1971 гг. Х. Юсупов проводил раскопки цепочки из четырех крупных курганов в районе ст. Кодж, но эти раскопки не дали положительных результатов (Юсупов Х., 1972, с. 133—134). Территориально не относятся к Северной Парфии, но очень важными для понимания взаимосвязей оседлого населения подгорной полосы со своими северными соседями являются могильники северо-западной Туркмении, которые в 1962—1964 гг. раскапывались А. М. Мандельштамом (Мандельштам А. М., 1976), а с 1969 г. систематически изучаются Х. Юсуповым (Юсупов Х., 1972, 1977а, 1977б).

В итоге всей этой работы в настоящее время в подгорной полосе Копет-Дага известно около 140 археологических объектов, относящихся к парфянской эпохе [11]. Современный уровень изученности подгорной полосы Копет-Дага позволяет рассматривать памятники середины III в. до н. э.— начала III в. н. э. как принадлежащие к одной археологической культуре, которую на основании данных письменных источников о расселении здесь парфян можно назвать парфянской. При дальнейших исследованиях, возможно, будут выделены два ее варианта, соответствующие древним историко-культурным областям Парфиене и Апаварктикене, но в настоящее время материалов для подобного деления еще недостаточно. В хронологическом отношении также намечается выделение нескольких периодов в развитии культуры, но пока мы вынуждены рассматривать ее памятники нерасчлененно, особенно при типологической классификации поселений (табл. LXXIII).

На начальных стадиях изучения материальной культуры Северной Парфии хронологическое определение предметов парфянского времени, в первую очередь керамики, основывалось на достаточно ярко выраженном их отличии от сравнительно легко выделяемых предметов ахеменидского и сасанидского периодов, а также путем привлечения очень далеких аналогий. При этом датировка давалась широкая, часто в пределах всей парфянской эпохи. В настоящее время для Парфиены в основном создана хронологическая колонка керамики, позволяющая определять время бытования новых комплексов, не содержащих точно датированных предметов, с точностью до двух столетий. Основой для создания этой колонки послужили комплексы керамики с Гарры-Кяриза (Пилипко В. Н., 1975, 1977) и Коша-Хаудана (Пилипко В. Н., 1972), датированные монетными находками, а также комплекс находок из северного винохранилища Старой Нисы, точно датированный I в. до н. э. благодаря совместной находке с письменными документами (остраками), содержащими даты по парфянской эре (Крашенинникова Н. И., 1963).

Для Апаварктикены (Каахкинский район), керамика которой несколько отлична от керамики Парфиены, подобная хронологическая колонка еще не создана. При определении возраста памятников этой области приходится широко прибегать к аналогиям, с привлечением в первую очередь материалов Парфиены. Единственным сравнительно точно датированным комплексом находок с этой территории пока являются материалы с поселения Кошадепе у Баба-Дурмаза, датированного II—I вв. до н. э. на основании стратиграфических данных, находок наконечников стрел и палеографического анализа найденных здесь парфянских письменных документов. Важное значение, особенно для датировки позднепарфянских комплексов, имеет стратиграфическая колонка Хосровкалы (Марущенко А. А., 1956).

Типология поселений. Все выявленные памятники парфянского времени можно разделить на три категории: поселения, не поддающиеся типологической классификации; поселения, поддающиеся типологической классификации, и погребальные сооружения. К первой категории принадлежат разрушенные поселения, о существовании которых известно лишь по отчетам, не содержащим достаточного количества сведений, необходимых для их типологической классификации; разрушенные поселения, представленные отдельными находками на месте их былого расположения; поселения, перекрытые поздними культурными наслоениями.

Ко второй категории относятся неперекрытые парфянские поселения и поселения, последующее обживание которых не привело к значительному искажению планировочной структуры, сложившейся в парфянский период. При их разделении на типы принимались во внимание следующие признаки, легко фиксируемые при рекогносцировочном обследовании и разведывательных раскопках: 1) наличие или отсутствие фортификационных сооружений; 2) структура застройки; 3) плотность застройки; 4) сведения о хозяйственных занятиях обитателей поселения; 5) площадь поселения. Учитывая предыдущие опыты классификации (Росляков А. А., 1955 а, с. 77—84; Пугаченкова Г. А., 1958 а, с. 26 и сл; Кошеленко Г. А., 1963), мы смогли выделить среди памятников, поддающихся типологической классификации, три группы поселений: поселения городского типа, сельские поселения и памятники особого назначения. Вместе с тем необходимо отметить, что данная схема является предварительной,

[11] Эта цифра лишь приблизительно отражает общее количество парфянских памятников в подгорной полосе Копет-Дага. В нее не включена группа памятников Каахкинского района, обобщенно датированных первой половиной первого тысячелетия нашей эры в силу малочисленности и невыразительности подъемного материала. Кроме того, число памятников парфянского времени в дальнейшем может быть значительно увеличено за счет изучения стратиграфии многослойных памятников, имеющих кроющие слои средневекового времени.

поскольку даже не все типы памятников затронуты раскопками.

Поселение городского типа — это укрепленное поселение (городище) с нуклеарной частью площадью свыше 4 га, с плотной застройкой внутри стен и следами ремесленных производств. Контуры памятника четко очерчены внешней стеной. Одним из характерных признаков поселения этого типа является неоднородность внутренней застройки, выделение цитадели и наличие в большинстве случаев укрепленного или неукрепленного пригорода.

Наиболее известным поселением этого типа является городище Новая Ниса, расположенное в 18 км к западу от Ашхабада (Массон М. Е., 1949а; Вязьмитина М. И., 1949; 1958; Пугаченкова Г. А., 1949; 1952б, с. 217—218; 1958а, с. 30—32). Для него характерна трехчастная система планировки (цитадель, город и пригород). Цитадель, возведенная на естественной возвышенности в южной части городища, являлась наиболее высокой и надежно защищенной частью города (площадь ее около 4 га). Здесь находились здания административного назначения, винохранилища. Собственно город занимал площадь около 18 га и имел неправильную ломаную линию внешних стен. Из-за интенсивного заселения городища в последующие исторические периоды трудно судить о характере внутренней городской застройки. Имеющиеся археологические данные все же позволяют предполагать наличие определенной обособленности в расселении различных социальных групп населения. Например, в юго-западной части города находились кварталы малоимущих горожан, а в северо-восточной обнаружен некрополь парфянской знати (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 30—32). Третьей составной частью общегородской планировки Новой Нисы является пригород. Он также был обведен стеной, но застройка здесь была более разреженной.

К этому типу поселений, помимо Новой Нисы, относятся еще городище Куня-Каахка, Ярыкдепе, расположенный между селениями Меана и Чаача, «Безымянная крепость» в Геоктепе. С некоторыми оговорками сюда могут быть причислены городище Анау, Койнекала в Гяурсе и Хосровкала у Каушута[12], а также Кемелек-депе, расположенное к северу от Каушута. Все эти городища имеют различную планировочную структуру, что отчасти является отражением различных путей их формирования. Новая Ниса дает пример возникновения города из более раннего разросшегося поселения. Неправильный контур оборонительных стен фиксировал уже сложившиеся его границы. Городище Ярыкдепе иллюстрирует процесс превращения в город поселения, сложившегося вокруг небольшого укрепления. Планировка городища Анау восходит к кольцевой планировке оборонительных сооружений предпарфянского и парфянского времени. Пример основания города по заранее обдуманному плану дает Геоктепинское городище.

Новое поселение создавалось на незастроенной ровной территории, что позволило придать ему геометрические очертания. «Безымянная крепость» у Геоктепе в плане близка к квадрату со стороной около 200 м, ориентированному осями по странам света. Толщина ее стен достигает 8 м. Двадцать мощных прямоугольных башен равномерно распределены по всему периметру стен. Башни выступали за линию стен примерно на 2 м. Судя по микрорельефу, городище имело одни ворота, расположенные в середине южного фаса. Внутренняя планировка имела регулярный характер. В микрорельефе достаточно четко прослеживается разделение городской территории на четыре части двумя крупными осевыми улицами. В юго-западном углу обособленно располагалось крупное здание или группа зданий, вероятно, административного характера, образующее в микрорельефе возвышенную площадку со стороной около 40 м. Городище имело еще одну, внешнюю линию оборонительных стен, защищавшую пригород, имевший форму четырехугольника площадью не менее 21 га[13]. Четкую геометрическую форму имеют также городища Куня-Каахка и Хосровкала.

Крепость — это крупное (площадью свыше 4 га) городище с мощной системой обороны и относительно слабой внутренней застройкой. Следы ремесленной деятельности обычно отсутствуют. К этому типу относятся два безымянных поселения к северу от Каушута, получившее условное обозначение Дашлы 6 и Дашлы 9. Поселение Дашлы 6 имеет четкс выраженные валы стен, образующие почти правильный четырехугольник со стороной около 300 м. Внутри квадрата стен имеется несколько всхолмлений, среди которых выделяется центральное, имеющее высоту 2,5 м и размеры в поперечнике до 100 м. Поселение Дашлы 9 в плане — круг диаметром 270—280 м. Валы стен высотой до 2,5 м четко выражены в микрорельефе. Внутри стен ровная пониженная поверхность, лишь в центре имеется небольшое округлое возвышение диаметром 87—104 м и высотой около 1 м.

Среди сельских поселений выделяется несколько типов: поселения с плотной застройкой, укрепления или крупные усадьбы, мелкие усадьбы, поселения рассредоточенного типа и поселения рассредоточенного типа с укреплениями.

Поселение с плотной застройкой. Крупное «распластанное» всхолмление неправильных очертаний, площадь свыше 1 га, внешняя ограждающая стена обычно отсутствует. Примером поселения этого типа является Кебелекдепе около Арчмана. Площадь памятника около 1 га, не считая отдельных небольших увалов, расположенных на значительном удалении от холма. Высота 4,7 м. Склоны пологие.

Крупная усадьба или укрепление[14]. Отдельно расположенный холм с четкими геометрическими очертаниями в плане, площадь от 0,25 до 4 га. Обычно в микрорельефе хорошо прослеживаются остатки внешней оборонительной стены, рва и обширного внутреннего двора. Известны усадьбы и укрепления прямоугольной, квадратной, круглой

[12] Все эти городища перекрыты средневековыми слоями, поэтому судить о их планировочной структуре в парфянский период без проведения широких раскопок трудно.

[13] Площадь городища указывается приблизительно, так как северный его фас разрушен позднесредневековой мельницей, а восточный — текинской крепостью.

[14] В принципе усадьба и укрепление являются разными типами поселений. Однако в силу того, что без проведения широких раскопок расчленить эти типы поселений часто практически невозможно, мы вынуждены рассматривать их в совокупности.

и овальной формы. Вокруг усадьбы могут группироваться отдельные всхолмления примыкающего к ней поселения.

Образцом поселений этого типа может служить Геамикала. Усадьба подквадратная в плане со стороной 125—130 м, ориентирована по странам света. Внешний контур образован довольно мощной стеной, с внутренней стороны которой предположительно располагались жилые и хозяйственные постройки. Середину усадьбы занимал обширный двор. На углах усадьбы, возможно, имелись башни (Росляков А. А., 1955, с. 82, рис. 4).

Другую планировочную схему представляет Ортадепе, расположенный в 4 км восточнее поселка Геоктепе. Это — сильно оплывший холм подквадратных в плане очертаний. Размеры его 80×80 м. Высота 4,5 м. Микрорельеф сглажен, но основные черты планировки памятника выявляются достаточно четко. Усадьба была обведена рвом и укреплена мощной стеной, возможно, с башнями по углам. Ворота, защищенные дополнительным укреплением, располагались в середине восточного фаса. В центре усадьбы находилось крупное подквадратное здание.

Усадьба Говдуздепе в плане имеет овальную форму, а поселение Дашлы 13 представляет собой 16-гранник. Предположительно небольшим укреплением, а не усадьбой, была «Зеленая горка» в Ашхабаде. При относительно небольших размерах (около 1 га) она имела мощную систему обороны. Бесспорно сторожевым пунктом была Игдыкала. Этот памятник находится на берегу Узбоя, т. е. вне пределов подгорной полосы Копет-Дага, но крепость была основана парфянами. Она имеет в плане очертания неправильного четырехугольника 75,5×60×45×60 м. Сложенные из камня стены снабжены прямоугольными выступающими башнями. Угловые башни имеют форму «ласточкиного хвоста». Северо-восточная обращенная к Узбою стена башен не имеет. Снаружи крепость обведена рвом, высеченным в скальном грунте. Внутри застройка концентрируется вдоль стен (Толстов С. П., 1959, с. 29—30; Юсупов Х., 1972, с. 125).

Малая усадьба (домохозяйство) — изолированно стоящий холм площадью до 0,5 га. Обычно памятники этого типа имеют вид сильно оплывших холмов. Размеры и высота этих бугров различны в зависимости от длительности обживания, характера построек и степени их сохранности. Примером такой усадьбы может служить дом на малом холме поселения Кошадепе у Баба-Дурмаза. До раскопок поселение имело в плане форму неправильного овала с размерами в поперечнике 90×68 м. Высота холма 5 м[15]. Раскопками установлено, что верхние слои холма являются остатками одного жилого дома первых веков до н. э. Здание несколько раз перестраивалось (Пилипко В. Н., 1978).

Рассредоточенное поселение. Группа близко расположенных отдельных холмов (мелких усадеб). Количество бугров, составляющих поселение, от трех и выше. Размеры всхолмлений обычно варьируют в больших пределах от 8—10 до 70—80 м в поперечнике. Общая площадь, занятая поселением, от 3 га до 1 кв. км.

Образцом поселения этого типа может служить поселение Гарры-Кяриз, расположенное примерно в 60 км северо-западнее Ашхабада. До раскопок поселение представляло собой группу из 15 разновеликих холмов, занимающих территорию площадью около 12 га. Какой-либо системы в расположении холмов не прослеживалось. В результате археологических раскопок выяснилось, что с парфянским поселением конца III в. до н. э.— начала I в. н. э. связано восемь холмов (Пилипко В. Н., 1975). За исключением одного, все они являются остатками жилых домов, расположенных на некотором удалении друг от друга. Пространство между домами, вероятно, было занято садами и огородами. Во всяком случае это была культурно освоенная территория, так как здесь в настоящее время довольно часто встречаются обломки сосудов парфянского времени. При раскопках трех наиболее крупных холмов получены сведения об архитектурном устройстве сельских жилых домов и общественных сооружений.

Поселение Гарры-Кяриз является обычным средним по своим размерам поселением рассредоточенного типа. Самые маленькие поселения этого типа состоят из трех-четырех холмов и занимают площадь в несколько гектаров. Самое большое «рассредоточенное» поселение (безымянная группа холмов между станциями Арман-Сагат и Душак) занимает площадь свыше 1 кв. км и состоит примерно из 50 отдельных всхолмлений.

Рассредоточенное поселение с укреплением. Эти поселения сочетают в себе два других отраженных в названии типа. Внешнее их отличие от «рассредоточенных» поселений состоит в том, что среди образующих поселение оплывших округлых холмов имеется еще один четырехугольный в плане с хорошо сохранившимися следами мощных внешних стен[16].

Таковым, например, является поселение у Изгантского поворота. Оно имеет площадь около 18—20 га и состоит из шести сильно оплывших всхолмлений, имеющих в поперечнике от 25 до 70 м. Высота холмиков от 0,8 до 3 м. Расстояние между холмами от 50 до 130 м. Подквадратный в плане холм имеет размеры 72×70 м.

Памятник особого назначения. Археологический объект, являющийся остатками сооружения (или сооружений) общественного назначения. Памятники этого типа выявляются только в результате широких археологических раскопок. До проведения раскопок известные памятники особого назначения формально можно было относить к поселениям городского типа. Это — городища Старая Ниса и Мансурдепе.

Первый из них представляет собой хорошо известную благодаря многолетним археологическим раскопкам заповедную царскую крепость — Михрдаткирт (или Митридатокерт), основанную, вероятно, в период правления Митридата I (171—138 гг. до н. э.) (Левина В. А., 1949; Пугаченкова Г. А.,

[15] Малый юго-западный холм археологического комплекса Кошадепе является многослойным памятником, поэтому современный холм слагается из продуктов разрушения не только парфянского здания, но и более ранних построек.

[16] Формально к этому типу можно отнести некоторые усадьбы с поселением, но в данной типологической схеме они рассматриваются по разряду «укрепления и крупные усадьбы», так как крупные усадьбы (укрепления) являются в них центральными, доминирующими элементами.

1952а; 1958а; с. 32—37; 1967, с. 34 и сл.; Массон М. Е., 1953б, с. 196 и сл.; 1955а; 1974б; Крашенинникова Н. И., 1960; Крашенинникова Н. И. и Пугаченкова Г. А., 1964; Кошеленко Г. А., 1966а, с. 17 и сл.; 1977). Несколько необычна форма крепости в виде неправильного пятиугольника, что связано с формой естественного холма, на котором она построена. Внутренняя планировка Старой Нисы обусловлена специальным назначением памятника: центральную часть его занимает комплекс культовых и дворцовых построек, а вдоль стен и в северной части городища размещались строения хозяйственного назначения и жилища обслуживающего персонала.

Другим крупным архитектурным комплексом специального назначения является Мансурдепе, расположенный в 2,8 км севернее городища Новая Ниса и определяемый в настоящее время как святилище парфянского времени [17]. Основные архитектурные сооружения комплекса находятся внутри обширного обведенного стенками пространства. С южной и восточной сторон стены не сохранились, поэтому площадь памятника может быть установлена лишь приблизительно в пределах 20—30 га. Стены возводились неодновременно. Первоначально, по-видимому, был огорожен прямоугольный или квадратный участок площади не менее 9 га, затем площадь комплекса была увеличена за счет ограждения дополнительной территории к северу от существующих построек. Постепенно сближаясь, стены северного участка примыкают к углам четырехугольного сооружения площадью около 1 га, назначение которого точно не выяснено [18].

Основные архитектурные сооружения группируются вокруг внутреннего двора, имеющего прямоугольные очертания и занимающего площадь около 1,2 га. Северо-восточный и юго-восточный углы двора фланкированы двумя курганообразными возвышенностями. Форма и размеры их одинаковы, что позволяет видеть в них остатки однотипных сооружений, условно названных «северным» и «южным» храмами. В середине восточной стены двора обнаружены остатки нескольких небольших помещений, вероятно, служебного назначения. Возможно, здесь располагался парадный вход в двор. С запада двор ограничен монументального характера зданием размером 50×40 м.

Фортификация. Близость пустыни, населенной родственными, но, видимо, не всегда дружественно настроенными кочевыми племенами, заставляла жителей подгорной полосы Копет-Дага уделять значительное внимание безопасности своих жилищ. Мелкие сельские поселения в большинстве своем были укреплены. Однако внешние стены самих жилищ, имеющие толщину 2—3 м и значительную высоту, сами по себе служили надежным укрытием при разбойничьих налетах. В планировке некоторых сельских домов прослеживается введение в архитектуру постройки небольших прямоугольных выступов кладки, как, например, у дома № 3 поселения Гарры-Кяриз или выступление за красную линию стен отдельных элементов строения, как это имеет место в постройке на малом холме Кошадепе у Баба-Дурмаза. В единичных случаях (поселение Алтыяб) предпринимаются попытки ограждения стеной всего поселения (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 56—57). Крупные усадьбы укреплялись почти в обязательном порядке. Мощные угловые башни достаточно четко прослеживаются в микрорельефе поселения Ортадепе. На Чакандепе выявлены часто расположенные массивные прямоугольные башни. Они монолитные; оборона, видимо, велась с открытой верхней площадки. Кроме мощных внешних стен, усиленных башнями, некоторые усадьбы имели еще рвы. Они, в частности, хорошо прослеживаются у поселений Гашдепе и Говдуздепе.

Еще более значительными и сложными были фортификационные сооружения городов и крепостей. Города имели многоступенчатую систему обороны — стена пригорода, стена основной части города, цитадель. Разведывательное изучение внешних стен Старой (Ершов С. А., 1949, с. 116—122; Левина В. А., 1949; Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 32—37) и Новой (Вязьмитина М. И., 1949, с. 149—152; Крашенинникова Н. М., 1978, с. 116—118) Нисы, Геоктепинского района (Пилипко В. Н., 1968, с. 34), Куня-Каахки (Дурдыев Д., 1959а, с. 12) показали, что стены северопарфянских городов возводились из сырцового кирпича и пахсы. В основании они имели толщину 6—12 м при реконструируемой высоте 10—15 м. Стены были усилены прямоугольными выступающими башнями, расположенными на расстоянии 10—40 м друг от друга. Исключение составляют лишь башни Куны-Каахка, имеющие в плане треугольную форму. Башни, как и стены, в нижней своей половине были монолитными. Оборона велась из помещений, расположенных во втором ярусе, или с открытых верхних площадок. Для обстрела использовались бойницы стреловидной формы. В некоторых случаях (Старая Ниса) для психологического воздействия на противника устраивались ложные бойницы. Система обороны северопарфянских городов использовала основные достижения своего времени и была достаточно надежной.

Строительная техника и архитектура. В подгорной полосе Копет-Дага в парфянский период, как и в

[17] Первое описание этого памятника в научной литературе дано А. А. Росляковым, определившим его как раннесредневековую усадьбу (Росляков А. А., 1955а, с. 87—88). В 1953 г. А. А. Марущенко, приняв за курган один из входящих в комплекс холмов, осуществил его крестообразный разрез скрепером и обнаружил остатки архитектурного сооружения (угловой «Северный храм»). В 1959—1963 гг. широкие раскопки комплекса осуществлял Д. Дурдыев, определивший его как рабовладельческую усадьбу I в. н. э. В 1968 г. дополнительные раскопки памятника проведены Античным отрядом Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР (Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н., 1968; Лелеков Л. А., Берлин Т. И., Рузавин Ю. А., 1968; Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А., 1972). В 1969 г. А. Губаевым и Г. А. Кошеленко осуществлены небольшие дополнительные зачистки в одном из сооружений комплекса (Губаев А., Кошеленко Г. А., 1970). Раскопки памятника не завершены, поэтому от уточнения его датировки в пределах парфянской эпохи во избежание преждевременных выводов в настоящее время следует отказаться. Наряду с парфянской керамикой из верхних слоев завалов получено некоторое количество керамики, возможно, относящейся к периоду раннего средневековья. Эту керамику следует связывать с мощным слоем гравия, перекрывшим здание после его заброса. На памятнике изредка встречается керамика периода развитого средневековья. Ее появление здесь связано с возведением двух мавзолеев этого времени в восточной части комплекса.

[18] Д. Дурдыев предполагает, что это — крепость.

предшествующие исторические эпохи, основным строительным материалом продолжала оставаться глина. Из глины, обычно с примесью мелкорубленой соломы, изготовлялся сырцовый кирпич. От кирпича предшествующей эпохи его отличают квадратная форма [19] и наличие клейм [20]. Строгого стандарта размеров кирпича не существовало, длина его сторон колеблется от 38 до 50 см, толщина от 10 до 15 см, наиболее распространенным был кирпич со стороной 40—43 см. Наряду с сырцовым кирпичом использовалась пахса — битая глина. Известны комбинированные кладки из сырца и пахсы. Судя по известным памятникам парфянской архитектуры, преобладали однородные кладки из сырцового кирпича. Раствор обычно глиняный (табл. LXXIV—LXXVI).

При возведении некоторых несущих конструкций употребляли жженый кирпич. Лабораторный анализ этого кирпича показал, что он отличается высокими физико-механическими показателями (Гражданкина Н. С., 1958, с. 39 и сл.). Однако этот вид строительного материала не получил широкого распространения в Северной Парфии. Его применение зафиксировано лишь в дворцово-храмовых сооружениях Нисы и расположенного неподалеку комплекса Мансурдепе. В тех же памятниках Старой Нисы известно использование элементов архитектурного декора из терракоты (Пугаченкова Г. А., 1949, с. 216 и сл.). В единичных случаях отмечено употребление каменных архитектурных деталей (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 81). Единственный пример использования камня в качестве основного строительного материала дает крепость Игды, расположенная в пустынной местности, лишенной полноценного сырья для изготовления сырцовых кирпичей. Любопытно отметить, что каменные блоки, использованные в кладке стен Игдыкалы, имеют размеры, близкие к формату парфянского сырцового кирпича (Толстов С. П., 1959, с. 30).

Стены сырцовых построек имели значительную толщину, что в определенной мере связано с климатическими условиями этих районов; природными условиями, вероятно, также обусловлено обычное для парфянской жилой архитектуры объединение в единый комплекс помещений и открытых пространств — двориков. Интерьеры жилых помещений отличаются простотой отделки — обмазанные глиной или вымощенные сырцовым кирпичом полы, гладкие плоскости оштукатуренных глиной стен. Последние лишь изредка оживлялись небольшими нишами, часть из которых, вероятно, выполняла функции домашних алтарей. Окна не характерны для парфянской архитектуры [21]. Помещения освещались через дверные проемы или с помощью специальных световых отверстий в перекрытиях (Пугаченкова Г. А., 1953, с. 145). Узкие входные проемы иногда имели высокие пороги и деревянные створки дверей. Перекрытия, большей частью плоские, основанные на балках из местной копетдагской арчи (разновидность можжевельника). Эта арча обычно дает пригодные для строительства балки длиной в 3—3,5 м (Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А., 1964, с. 121), что в некоторой степени влияло на форму помещений. Ширина жилых комнат редко превышает указанные величины и большие по площади комнаты, как правило, имеют в плане узкие вытянутые очертания. Наряду с плоскими балочными кровлями парфяне применяли сводчатые перекрытия (Пугаченкова Г. А., 1958б, с. 220—223). Можно также предполагать их знакомство с купольными конструкциями. По-видимому, такой тип перекрытия был применен в центральном помещении «северного храма» комплекса Мансурдепе.

На территории Северной Парфии до сего времени не подвергался исследованиям ни один городской жилой дом. В некоторой степени заполнить эту лакуну позволяют дома, открытые английской экспедицией на территории Гекатомпила. Для них характерны: наличие обширного внутреннего двора, вокруг которого группируются жилые и хозяйственные помещения; замкнутый характер; наличие башен.

Сельские жилища изучались на ряде поселений. Одним из них является поселение Кошадепе у Баба-Дурмаза. Здание несколько раз перестраивалось. На поздних этапах своего существования оно имело вид крупной четырехугольной постройки с прямоугольными выступами на северном и южном углах. Размеры (без учета выступов) 40×34,2×38,7×35 м. Вдоль внешних стен постройки П-образно располагались длинные узкие помещения (в дальнейшем они были разделены перемычками на ряд отсеков). На северо-западном фасе имелся еще один ряд меньших по размерам помещений. Северо-восточная стена здания была почти полностью свободна от застройки. В ней имелся узкий проход, выходящий в обширный центральный двор. Этот дом — усадьба — самый крупный из всех исследованных в настоящее время сельских жилищ. Возможно, это объясняется тем, что здесь мы имеем дело с отдельно стоящей усадьбой-домохозяйством, в то время как все остальные исследованные сельские жилища являлись частями поселений.

На поселении Гарры-Кяриз также были исследованы два сельских жилища. Здание, вскрытое на холме 3, представляет собой жилой дом, состоящий из нескольких помещений и хозяйственного дворика. По внешним параметрам это — прямоугольная постройка, ориентированная углами по странам света. Внешние стены достигают толщины 2,5—3 м, на северо-западном фасе имеется прямоугольный выступ кладки. Общая площадь 480 кв. м, из которых полезной площади — менее половины. Помещения имеют разную площадь и форму — от квадрата до сильно вытянутого прямоугольника. В конце существования дома центральные помещения заменяются внутренним двориком.

Второй жилой дом, расположенный на холме 7, имел в плане неправильные округлые очертания.

[19] В редких случаях в кладках стен, вероятно, для лучшей перевязки, использовался кирпич прямоугольного формата (Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н., 1968, с. 33). Прямоугольный кирпич с глубокими вмятинами-бороздами на одной из сторон использовался при выведении сводов (Крашенинникова Н. И., 1960, с. 42; Пилипко В. Н., 1975, с. 48).

[20] Наиболее подробно вопрос о назначении клейм рассмотрен в работе Г. А. Пугаченковой (1966, с. 129—130, примеч. 255—258, с. 277). Следует отметить, что в некоторых постройках одновременно употреблялись кирпичи с клеймами и без них (Пилипко В. Н., 1975, с. 104).

[21] Световые проемы в стенах известны только по обводным коридорам «Храмовой башни» Старой Нисы.

Размеры в поперечнике примерно 20,5—24 м. По периметру располагались помещения, конфигурация которых подчинена общей планировочной схеме (большинство имело в плане трапециевидную форму). Центральную и южную части постройки занимал обширный двор, разделенный на две части выдвинутым в него небольшим помещением. Двор являлся организующим ядром постройки, большинство помещений открывается в него проходами и изолировано друг от друга. Общая площадь здания около 400 кв. м, полезная площадь — не менее 250 кв. м. Стены помещений тонкие, шириной в один-два кирпича. Первоначально небольшую толщину имели и внешние стены, но постепенно в результате добавления ремонтных «рубашек» они достигли ширины нескольких метров. С северо-востока к дому примыкал большой хозяйственный двор и какие-то подсобные постройки. Первоначальная планировочная схема с незначительными изменениями продолжала сохраняться на протяжении всего периода функционирования «верхнего здания» холма 7. Архитектура малых всхолмлений поселения Гарры-Кяриз вследствие ее плохой сохранности осталась неизученной. Но, судя по характеру находок (среди керамики значителен процент столовой посуды), располагавшиеся здесь постройки также являлись жилыми. Вероятно, это были небольшие дома общей площадью в несколько десятков кв. м.

Примером очень бедного жилища является дом, обнаруженный возле Каушута (Кошеленко Г. А., 1966а, с. 17), состоящий всего из двух помещений и маленького тамбура-прихожей.

Несколько лучше изучены здания общественного назначения. Примером сельского святилища, вероятно, является здание, раскопанное на холме 2 поселения Гарры-Кяриз (Пилипко В. Н., 1975, с. 16—21). Оно прямоугольное в плане (20×12,3 м) с прямоугольным выступом у южного угла. Внутренняя планировка очень четкая: сквозной коридор с четырьмя симметрично расположенными по сторонам нишами и единственное помещение с прямоугольными устоями и массивной «платформой» у одной из стен. Обращает на себя внимание тщательность выведения стен и прямых углов — во всем чувствуется стремление следовать определенному, заранее обдуманному плану. Интерьер здания не приспособлен для повседневной жизни. При относительно небольших размерах здание отличается монументальностью и нерациональным использованием внутреннего пространства. Общая площадь здания в первый период его существования была равна примерно 250 кв. м, из которых только около 80 м приходилось на помещения, на поздних этапах полезная площадь еще более сокращается. Все это в сочетании с малочисленностью находок указывает на какое-то общественное, скорее всего культовое, назначение постройки.

Наиболее значительный материал для суждения о характере зданий общественного назначения в Северной Парфии дали раскопки Старой Нисы. Важнейшие постройки здесь сосредоточены в середине городища и образовывали так называемый дворцово-храмовый комплекс. Раскопки его полностью не завершены, что затрудняет описание составляющих его построек и выявление их взаимной связи, а также является одной из главных причин незатихающих дискуссий относительно назначения отдельных построек.

Основным планировочно-организующим элементом центрального комплекса был обширный двор, по крайней мере с трех сторон окруженный постройками, обращенными к нему фасадами. С северо-востока и частично с юго-востока двор обрамлен постройками дворцового характера. Общая планировочная схема этой части комплекса еще не выявлена [22]. В литературе имеются лишь указания, что здесь располагались бытовые и хозяйственные помещения, сочетавшиеся с колонными портиками и внутренними двориками (Пугаченкова Г. А., 1958, с. 98).

Одной из важнейших построек Старой Нисы является «Квадратный зал». Это прямоугольная в плане постройка с единственным внутренним помещением размером около 20×20 м [23]. Первоначально «Квадратный зал», возможно, представлял собой отдельную подквадратную в плане постройку (Пугаченкова А. Г., 1967а, с. 36). В дальнейшем путем сооружения дополнительных подсобных помещений он был связан с другими элементами дворцово-храмового комплекса и стал восприниматься именно как зал, а не как отдельная постройка. Сооружение зала, как и всех других построек Михрдаткирта, предположительно относится ко II в. до н. э. Зал функционировал несколько столетий. За это время произошли значительные изменения в оформлении его интерьера, возможно, даже изменилось его функциональное назначение. Первоначально зал имел пять проходов, три парадных, раскрепованных уступами, располагались в северо-западной стене и по одному служебному проходу имелось в северо-восточной и юго-восточной стенах. Стены зала членились на два яруса. Нижний был оформлен пилястрами, облицованными каменными плитами с каннелюрами, а верхний — полуколоннами из жженого кирпича. Общая высота зала достигала 8—9 м. Плоское балочное перекрытие основывалось на стенах и четырех круглых кирпичных столбах, установленных в середине зала (Пугаченкова Г. А., 1949; Пугаченкова Г. А., 1953а; Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 69—103; Пугаченкова Г. А., 1967, с. 37—40). По мнению Г. А. Пугаченковой, в этот период «Квадратный зал» использовался как парадное помещение для приемов. Это определение «Квадратного зала» получило наибольшее распространение, но имеются и другие мнения относительно функционального назначения этой постройки. А. А. Марущенко считал его мавзолеем (Массон М. Е., 1949а, с. 39), а Г. А. Кошеленко склонен видеть в нем храм огня (Кошеленко Г. А., 1966, с. 20—22).

В начале нашей эры в зале проводятся крупные ремонтные работы, возможно, связанные с изменением его назначения. Как предполагает Г. А. Пугаченкова, в связи с тем, что политический центр Парфянского государства переместился далеко на запад, и Михрдаткирт потерял значение царской ре-

[22] Раскопки здесь начаты в 30-х годах А. А. Марущенко и продолжены ЮТАКЭ. Специальные публикации, посвященные раскопкам этого участка Старой Нисы, отсутствуют.

[23] Описание «Квадратного зала» и других построек Старой Нисы дано по работам Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова Г. А., 1958, 1967).

зиденции, «Квадратный зал» обрел характер «дома обожествленных предков», и первоначальное светское назначение его вытесняют функции, связанные с династическим культом (Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 39—40). При этих ремонтных работах колонны в центре зала заменяются более мощными четырехлопастными устоями, коренным образом меняется архитектурная разбивка стен. Членение на два яруса сохраняется, но пилястры нижнего яруса заменяются полуколоннами из жженого кирпича, а во втором ярусе появляются круглые колонны с деревянным каркасом. Между этими колоннами в специальных нишах были установлены глиняные раскрашенные скульптуры. Зал в это время обретает более замкнутый характер. Два из трех парадных входов северо-западного фаса закладываются. С северо-восточной стороны пристраивается «Красный коридор» — длинное узкое помещение, пол и стены которого на высоту 1,75 м покрыты залощенной темно-красной штукатуркой. С юго-востока появляются три небольших служебных помещения.

Второй важной постройкой центрального комплекса Старой Нисы является «Круглый храм». Это сооружение первоначально представляло собой изолированную постройку, внешний контур стен которой образовывал в плане квадрат, внутри располагалось единственное круглое помещение диаметром 17 м. В дальнейшем эта постройка была дополнена обводным коридором и функционально связана с другим крупным сооружением — «Храмовой башней», о которой будет сказано ниже. На основании данных раскопок интерьер этой постройки реконструируется следующим образом. Высота стен «Круглого зала» достигала 12 м. Как и в «Квадратном зале», они имели двухъярусное членение, но плоскость стены нижнего яруса была гладкой, оштукатуренной белым ганчем. Во втором ярусе, начинавшемся с высоты 6 м, располагались колонны из жженого кирпича и глиняные раскрашенные статуи. Зал, вероятно, имел шатровое стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Цилиндрическая форма зала и характер его архитектурного оформления дают основание для его сопоставления с самофракийским храмом Арсинойон как возможным архитектурным прототипом (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 101—102; 1967, с. 40—41; Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А., 1964, с. 134—135). Первоначально эту точку зрения разделял и Г. А. Кошеленко, но он подчеркивал, что возникновению данной архитектурной формы способствовало существование в Средней Азии построек с близким планировочным решением, таких, как мавзолей Тагискена и Кой-Крылганкала (Кошеленко Г. А., 1966, с. 26). Однако позднее он отказался от сопоставления «Круглого храма» с Арсинойоном. Он указывал, что предположение о сходстве этих двух зданий вряд ли справедливо, поскольку совершенно различен их внешний вид: Арсинойон представляет собой круглое в плане здание, в нисийском же сооружении круглый план внутреннего помещения сочетается с квадратом внешнего решения. Исходя из этого, Г. А. Кошеленко предложил иные западные сопоставления (с «Львиной гробницей» в Книде, Галикарнасским мавзолеем и македонским герооном в Палатице) и иное определение функции здания — мавзолей или, скорее, героон кого-либо из парфянских царей (Кошеленко Г. А., 1977, с. 60—64).

Третьей крупной постройкой дворцово-храмового комплекса является «Храмовая башня». Основу этого сооружения составляет огромный параллелепипед из сырцового кирпича (размеры основания 20×20 м, высота 8 м), на вершине которого отмечены остатки плохо сохранившихся помещений, в одном из которых обнаружены обломки большой глиняной статуи. Основание башни опоясано двумя рядами сводчатых коридоров. Культовый характер этого сооружения не вызывает сомнений у исследователей. Г. А. Кошеленко считает возможным сопоставлять его с башнями-святилищами Парса (Кошеленко Г. А., 1966а, с. 28, 29), что, однако, оспаривается Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова Г. А., 1978, с. 21—22).

В северной части крепости концентрировались постройки хозяйственного назначения. Важнейшей из них является полностью раскопанный большой «Квадратный дом». В истории этой постройки устанавливается несколько этапов. Первоначальная планировка этого здания отличается большой четкостью. Оно квадратное в плане (59,7×59,7 м) с внутренним центральным двором размером 38×38 м, обведенным колонным портиком. Вокруг двора располагалось 12 однотипных помещений. Каждое помещение вдоль длинных стен имело сырцовые суфы, конструктивно связанные с кладкой стен. На оси каждой комнаты имелось по четыре деревянные колонны на каменных или кирпичных базах. Помещения каждого фаса анфиладно связаны между собой. Единственный узкий проход внутрь здания находился в южной части постройки. При раскопках установлено, что дверные проемы комнат последовательно замуровывались и опечатывались. В комнатах обнаружены остатки разнообразного инвентаря, представленного преимущественно произведениями искусства, оружием и изделиями из драгоценных металлов, многие из находок бесспорно являются привозными. Характер находок и факт опечатывания комнат позволили сделать вывод, что данная постройка являлась сокровищницей. Возможно, она предназначалась для хранения «посвятительных реликвий, связанных с заупокойным культом старших Аршакидов» (Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 35). Вероятно, после того как все помещения сокровищницы были заполнены, колонный портик сносится и у восточной стены двора возводится ряд дополнительных небольших кладовых. Центральное помещение этого ряда предназначалось для охраны, из него по двум лестницам из сырцового кирпича можно было попасть на крышу постройки. Когда и эти кладовые были заполнены (входы в них оказались замурованы), вдоль западной и северной сторон двора построили длинное узкое помещение, также снабженное суфами (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 73). У южной стены этого помещения был устроен пристенный алтарь, нижняя сохранившаяся часть которого имела вид полуколонны, украшенной изображением цветочной гирлянды, перевитой лентами.

К южному фасу «Сокровищницы» дополнительно пристраивается еще один ряд комнат с суфами и колоннами. Интересно отметить, что среди расположенных рядом хозяйственных построек иного на-

значения также имеется изолированное прямоугольное здание с колоннами на длинной оси и суфами вдоль стен, т. е. имеющее планировку, аналогичную первоначальным помещениям «Сокровищницы». В этот хозяйственный комплекс входили постройки разного назначения и планировки. Здесь, в частности, выделяется большое здание винохранилища. Помещения его хорошо спланированы, стены параллельны, углы прямые, но здание не имеет четкого внешнего контура. Создается впечатление, что к первоначальному прямоугольному ядру по мере надобности пристраивались дополнительные помещения. Четкой архитектуре царских хранилищ противостоит хаотичная планировка здесь же расположенных жилых и подсобных помещений.

В Новой Нисе был исследован храм, расположенный в северо-западной части городища, в районе некрополя парфянской знати (Вязьмитина М. И., 1949, с. 147—169; Вязьмитина М. И., 1953, с. 147—168; Пугаченкова Г. А., 1953б; Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 60—69). Г. А. Пугаченкова датирует сооружение этого храма III—II вв. до н. э., время гибели — I в. до н. э. Здание своей тыльной частью примыкало к городской стене. Оно было возведено на платформе, сложенной из сырцового кирпича, высотой 0,8 м. Ширина платформы 23 м. Две базы колонн, найденные здесь, заставляют думать, что на платформе располагался колонный портик, охватывающий здание с трех сторон. Ширина здания 18 м, вход в него расположен в центре длинной стороны. Здание членится по высоте на два яруса: нижний, отвечающий по высоте портику — айвану, оформлен невысоким ступенчатым стилобатом, пристенными полуколоннами, увенчанными рельефными терракотовыми плитками, воспроизводящими рисунок ионийской капители; верхний ярус (над портиком) представляет ровную гладь стены. Стилобат, полуколонны, тонкая полоска фриза окрашены в черный цвет, капители — в красный, пространство стены между колоннами — в малиновый, верхний ярус — в белый. Храмовый характер сооружения не вызывает сомнения у исследователей (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 66; Кошеленко Г. А., 1977, с. 70), однако не было предложено сколько-нибудь убедительных его типологических сопоставлений и не определен характер культа.

Несомненно храмовый характер имел также и комплекс Мансурдепе. Основную роль здесь играло здание монументального характера, расположенное в западной части двора. Внутренняя его планировка имеет четкую архитектурную разбивку. Выделяется три группы помещений — северная, южная и западная, вероятно, имеющие различное функциональное назначение. Северная группа состоит из подквадратного в плане зала (целлы) и открытого на восток айвана. Они расположены на одной оси и изолированы от остальных помещений П-образным коридором. Еще один коридор отделял целлу от айвана. В южную группу, вероятно, имеющую подсобный характер, входят помещения разной площади и компоновки. Они соединены между собой и с северной группой системой коридоров и проходов. Планировка западной группы помещений еще не выявлена. Здесь полностью вскрыт лишь квадратный в плане (64 кв. м) зал, стены которого украшены росписью. К северо-востоку от главного здания имелась еще какая-то постройка, составной частью которой является небольшой открытый на юг айван.

Так называемый «северный храм» был раскопан полностью. Он представлял собой квадратную в плане постройку (15,3×15,3 м), ориентированную осями по странам света. Ее единственное центральное также в плане квадратное помещение было обведено сводчатым коридором, который на позднем этапе был разделен на ряд сообщающихся отсеков. Уровень пола центрального помещения на 0,8 м превышает уровень пола в коридорах. Возможно, что это помещение было перекрыто куполом. Это, несомненно, культовая постройка. По своей планировочной идее она является предшественницей «чортаков» сасанидского времени (Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А., 1972, с. 152—153).

Относительно назначения комплекса Мансурдепе имеются разные предположения. Д. Дурдыев считает его усадьбой, Г. А. Пугаченкова — дворцом, Г. А. Кошеленко и автор данного раздела — святилищем. Основным аргументом Д. Дурдыева и Г. А. Пугаченковой в пользу светского характера его служит сопоставление с дворцом в Ашуре (Пугаченкова Г. А., 1978, с. 22). В пользу культового назначения ансамбля могут быть привлечены следующие аргументы. Планировочная схема северной группы помещений главного здания, расположенные на одной оси и окруженные коридорами айван и целла типичны для древнеиранской культовой архитектуры. Эта планировка восходит еще к ахеменидскому времени, а наибольшее распространение в ираноязычной среде получила в парфянский период (Schippmann K., 1969, S. 1021—1024). Близкое планировочное решение характерно для дворцово-храмовых построек Кух и Ходжа в Сеистане (Herzfeld E., 1941, p. 291 и сл.), парфянского храма Хатры (Andrae W., 1912), святилища Канишки в Сурх-Котале (Schlumberger D. et al., 1983). Обводные коридоры в архитектуре Среднего Востока преимущественно применялись в сооружениях культового характера. Близким по времени и территории примером могут служить обводные коридоры культовых построек рядом расположенного Михрдаткирта («Круглый храм», «Храмовая башня»).

Важным аргументом в пользу особого назначения комплекса является также отсутствие массовых находок бытовых предметов и обнаружение в одном из коридоров гипсовых шаров с находящимися в них остатками растений. Аналогичные поделки были найдены при раскопках Старой Нисы и определялись как вотивные (Массон М. Е., 1955б, с. 206; 1978а, с. 167; Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А., 1964, с. 125—126).

Суммируя известные сейчас сведения, мы можем сказать, что архитектура жилых и общественных сооружений Северной Парфии достигла высокого уровня развития. Парфянские строители умело использовали местные строительные материалы и владели всеми основными достижениями своей эпохи в области строительного дела. При некоторой тяжеловесности и излишней монументальности жилые дома Северной Парфии отличаются четкой планировкой, указывающей на существование традиционных планировочных схем. В частности, широко были рас-

пространены постройки с внутренними двориками как наиболее соответствующие местным климатическим и социальным условиям. Вместе с тем в жилой застройке отсутствует стандартизация, что является показателем большого опыта парфянских зодчих и наличия технических возможностей для удовлетворения разнообразных потребностей. Четкая архитектурная разбивка плана некоторых построек, вероятно, свидетельствует о привлечении к их сооружению профессиональных строителей, знакомых с основами геометрии.

Если архитектура сельских поселений базировалась в основном на местном опыте, обнаруживая определенное сходство с архитектурой ахеменидского периода, то дворцово-храмовая архитектура Нисы дает пример широкого использования достижений соседних народов и стран эллинизма. Причем это заимствование носило не подражательный характер, а являлось творческим освоением передовых достижений в области архитектуры. Важной чертой парфянской дворцово-храмовой архитектуры является ее синтез с элементами пластики и живописи. Важное место в постройках Михрдаткирта занимала крупная глиняная раскрашенная скульптура. Архитектурные детали интерьера окрашивались в разные цвета: стволы пристенных колонн — в белый цвет, капители — в розовый, голубой, малиновый, зеленый. Верхние ярусы стен украшались орнаментальными бордюрами. Широко применялась монохромовая окраска больших плоскостей, при этом окрашенные плоскости часто образуют традиционное для Парфии колористическое сочетание красного, белого и черного. Такое цветовое сочетание, к примеру, дает «Новонисийский храм» (Пугаченкова Г. А., 1949, с. 231 и сл.; 1967, с. 41). Важно отметить, что здесь окраска отдельных архитектурных деталей умело подчеркивает архитектонику здания.

Хозяйственная деятельность. Основным занятием населения подгорной полосы Копет-Дага являлось сельское хозяйство. Земледелие в Северной Парфии было, видимо, преимущественно поливным. Оно базировалось на многочисленных мелких речках и ручьях, стекавших с северных склонов Копет-Дага. В необходимых случаях создавались искусственные ирригационные системы. Хорошо сохранившиеся каналы парфянского времени зафиксированы в Дашлинском оазисе к северу от Каушута. В этот период было известно и, вероятно, широко применялось кяризное орошение. Этот вид водоснабжения, в частности, использовался на поселении Гарры-Кяриз (Пилипко В. Н., 1975, с. 53). Непосредственно в предгорьях, видимо, практиковались богарные посевы. Набор сельскохозяйственных культур для Северной Парфии выявлен еще не полностью, поскольку специальные исследования в этой области не проводились. Можно говорить о посевах ячменя, пшеницы, проса. Следует также предполагать широкое распространение плодовых и овощных культур. По нисийским документам устанавливается широкое развитие виноградарства (Массон М. Е., 1971, с. 62—63). Среди сельскохозяйственных орудий, найденных при раскопках сельских поселений, имеются остатки какого-то массивного землеройного орудия (Пилипко В. Н., 1975, с. 26), серпы, виноградные ножи, тесло или мотыга.

Значительное развитие животноводства можно лишь предполагать, учитывая традиционность этой отрасли для территории Туркменистана. Некоторое представление о составе парфянских стад можно составить на основе изучения остеологического материала с небольших сельских поселений, хозяйство которых носило замкнутый характер. По материалам Гарры-Кяриз (Пилипко В. Н., 1975, с. 55 сл.) устанавливается преобладание мелкого рогатого скота, в частности овец, костные остатки которого составляют 80% от всех находок. Разведение крупного рогатого скота носило мясо-молочную направленность. На это указывает остеологический материал (остатки мясной пищи) и находки сосудов для хранения и переработки молока. Разводили парфяне и свиней, но в небольшом количестве. Учитывая сведения письменных источников о нисийских конях и парфянском образе жизни (Юстин, XLI, 3, 4), следует предполагать значительное развитие коневодства, но костные остатки лошади на поселениях встречаются очень редко. Несомненно, разводились также верблюды и ослы.

Ремесло Северной Парфии изучено слабо. Сведения о крупных производственных мастерских отсутствуют, так как широкие раскопки городских центров, где преимущественно концентрировалось ремесло, не производились. Раскопки сельских поселений позволяют говорить о том, что значительное место в жизни их обитателей занимала переработка продуктов сельского хозяйства. Многочисленные зернотерки, а для позднеантичного времени жернова свидетельствуют об изготовлении муки непосредственно в крестьянских хозяйствах. Виноградное вино изготовлялось как в царских хозяйствах, так и крестьянами. В виде налогов оно поступало в царские винохранилища Михрдаткирта. На поселении Кошадепе обнаружены следы костерезного производства. Многочисленные находки пряслиц свидетельствуют о широком распространении ткачества; проколок, шильев и ножниц — об изготовлении одежды и обуви. О деятельности оружейников мы можем судить лишь по немногочисленным образцам их продукции. Основным оружием парфян был лук, известный по многим произведениям парфянского искусства (изображается он и на терракотовых декоративных плитах из Старой Нисы). Лук был сложный. При его изготовлении использовались накладные костяные пластины, которые известны по раскопкам Чакандепе. Стрелы изготовлялись из тростника, наконечники — из бронзы и железа. Бронзовые наконечники употреблялись до конца парфянской эпохи. Парфяне пользовались также крупными копьями, являвшимися основным орудием тяжеловооруженных всадников — катафрактариев. В раннепарфянский период употреблялись короткие мечи — акинаки, в более позднее время получили преобладание массивные длинные мечи. Для пробивания шлемов и панцирей использовалось оружие типа клевцов. Один парадный боевой топорик найден в сокровищнице Старой Нисы (Массон М. Е., 1955 б, с. 212—213). Там же найдена крупная секира, остатки панцирей разных типов (Пугаченкова Г. А., 1966 а, с. 33) и деревянных щитов, обтянутых кожей и украшенных накладными металлическими бляшками (Крашенинникова Н. И., 1969).

Следы керамического производства в виде обломков необожженной керамики, керамических шлаков и горнов обнаружены на многих исследованных поселениях (Кошедепе, Гарры-Кяриз, Яндаклыдепе, Гащдепе). Это в сочетании с тем, что нам неизвестны крупные керамические центры, указывает на то, что сельские поселения в какой-то степени сами удовлетворяли свои потребности в керамической посуде.

Керамические печи в подгорной полосе Копет-Дага раскопаны лишь на трех поселениях: Ярыкдепе, Гарры-Кяриз и Гащдепе. На Ярыкдепе раскопана крупная двухъярусная печь с круглой обжигательной камерой диаметром 3,4 м и топкой без опорного столба. По своей конструкции эта печь очень близка к печам Джиндепе в Мервском оазисе (Мережин Л. Н., 1962), хотя она относится к более позднему времени (Пилипко В. Н., 1978, с. 26—28). Печь Гарры-Кяриза также двухъярусная, круглая в плане, но отличается значительно меньшими размерами (диаметр обжигательной камеры 1,2—1,3 м) и иным техническим решением перекрытия топки. Если топка печи Ярыкдепе перекрыта в технике ложного купола, то на Гарры-Кяризе перекрытие ее, вероятно, было плоским. Печи Гащдепе аналогичны гаррыкяризским[24]. Следует отметить, что если на Ярыкдепе и в Гарры-Кяризе обнаружены одиночные печи, то на Гащдепе существовал небольшой керамический центр, в котором насчитывалось не менее четырех печей (Губаев, А., Кошеленко Г. А., 1968, с. 39—41) (табл. LXXVII, LXXVIII).

В античный период относительное единообразие керамических комплексов позднеахеменидского времени в земледельческих оазисах сменяется развитием специфических черт в каждой крупной историко-культурной области. Керамика северопарфянских областей обладает рядом черт, общих для античной Средней Азии (табл. LXXIX — LXXXIV). К ним следует отнести подавляющее преобладание круговой ремесленной керамики хорошего качества, широкое употребление ангобных покрытий и лощения, изготовление черноглиняной керамики. Среди керамических форм в это время распространяются чаши, кувшины, бокалообразные сосуды. Вместе с тем парфянская керамика имеет ряд специфических черт. В целом ее характеризует простота форм, отсутствие вычурности в проработке венчиков и других деталей сосудов. Ангобные покрытия используются умеренно. К концу античного периода количество ангобированных и лощеных сосудов уменьшается. Ангобы употреблялись красного, красно-коричневого, коричневого (шоколадного) цветов. Лощение, как правило, полосчатое. Отличительной чертой парфянской керамики является отсутствие орнаментации штампами и вообще крайне скудное использование орнаментальных средств. В наборе сосудов наблюдается определенная устойчивость. Преобладающими формами в парфянской керамике являются горшки и кувшины, широко распространены хумы, чаши, тазы. Характерной и довольно распространенной формой являются фляги. Бокаловидные сосуды на ножке, столь характерные для юго-восточных районов Средней Азии, напротив, крайне малочисленны.

При сравнении керамики подгорной полосы Копет-Дага с синхронными керамическими комплексами других областей Средней Азии ее можно рассматривать как некое единство. При более детальном анализе становится отчетливо видна ее некоторая неоднородность. Помимо хронологических изменений, значительно преобразивших облик парфянской керамики за пять столетий ее развития, выявляются локальные особенности, на основании которых в дальнейшем, видимо, появится возможность говорить о керамике Парфиены и керамике Апаварктикены в отдельности. Уже сейчас как своеобразный комплекс следует рассматривать керамику кочевого населения, которая представлена многочисленными находками из погребальных сооружений (Юсупов X., 1972; 1977а, б; 1978).

В настоящее время в результате накопления материала в целом создана хронологическая колонка керамики Парфиены, позволяющая определить возраст отдельных комплексов с точностью до двух столетий. Основу этой колонки составляют комплексы из Гарры-Кяриза (Пилипко В. Н., 1975, с. 78—94, рис. 30, 35; 1977), Коша-Хаудана (Пилипко В. Н., 1972а) и Чакандепе, датированные монетными находками, и комплекс керамики из винохранилищ Старой Нисы, получившей точное хронологическое определение благодаря совместной находке с датированными парфянскими документами (Крашенинникова Н. И., 1963).

На основе этой колонки появилась также возможность выявить основные направления в развитии парфянской керамики. В раннепарфянских комплексах III — начала II в. до н. э. в пережиточном виде встречаются некоторые черты керамики ахеменидского времени: горизонтальная гофрировка стенок отдельных сосудов, подтреугольные загнутые внутрь венчики хумов, цилиндроконическая форма некоторых бокаловидных чаш. Характерной формой этих комплексов являются чаши с перегибом стенки. Отсутствуют узкогорлые кувшины с высокой горловинкой.

В комплексах II—I вв. до н. э. увеличивается число модификаций отдельных типов сосудов. Ведущими формами этих комплексов становятся чаши с плавно отогнутым наружу венчиком, кувшины с круглой в сечении ручкой и двояковыпуклые крупные фляги. Для горшков и кувшинов характерна равномерно круглая форма тулова. Часть столовой посуды ангобируется и имеет лощение. Особенно характерным является темно-коричневый (шоколадный) ангоб. Довольно большую группу составляет черноглиняная (серая) керамика (до 5,5%). В целом керамика этого периода отличается высоким качеством, даже кухонная керамика частично изготовляется на гончарном круге.

В первых веках нашей эры заметно снижается количество чаш, реже встречаются фляги, особенно двояковыпуклые. Постепенно исчезает черноглиняная керамика. Редким явлением становится ангобирование и лощение. Резервуары горшков и кувшинов приобретают более приземистые, утяжеленные книзу очертания. Значительно шире представлены узкогорлые кувшины. Наряду с круглыми в сечении

[24] Печи Гащдепе, возможно, относятся уже не к парфянскому, а раннесасанидскому времени.

ручками появляются фасолевидные и даже овальные. В единичных случаях сосуды украшаются орнаментальными лентами из наколок двузубчатой палочкой или единичными волнистыми линиями.

Для Апаварктикены, керамика которой несколько отлична от керамики Парфиены, создание подобной хронологической колонки еще не завершено. При определении возраста памятников этой области приходится широко прибегать к аналогиям, с привлечением в первую очередь материалов Парфиены.

Интересный комплекс конца IV—III в. до н. э. получен при раскопках поселения Капыркала к югу от Каушута. Он сохраняет ряд черт, сближающих его с комплексами ахеменидского периода, но характерные для этого периода цилиндроконические баночные сосуды в нем уже отсутствуют. Вместе с тем появляются сосуды, типичные для античного времени,— кувшины, фляги, чаши с отогнутым наружу венчиком. Сравнительно точно датированный комплекс составляют материалы с поселения Кошадепе у Баба-Дурмаза, отнесенные к II—I вв. до н. э. на основании стратиграфических данных, находок наконечников стрел и палеографического анализа найденных здесь парфянских письменных документов (Пилипко В. Н., 1980б). Этот комплекс представлен типичным для античного времени набором сосудов. Доминирующее положение в нем занимают чаши, отличающиеся большим разнообразием форм. Особенностями комплекса являются почти полное отсутствие черноглиняной керамики и фигурные зооморфные сосуды. Комплексы первых веков н. э. для Апаварктикены четко еще не выделены. Для их характеристики в определенной мере может быть использована стратиграфическая колонка Хосровкалы (Марущенко А. А., 1956).

О роли торговли в жизни местного населения судить трудно из-за скудости фактического материала. Известно, что по подгорной равнине проходил «Великий шелковый путь», парфянские купцы активно участвовали в международных торговых операциях. Все это должно было как-то сказаться на хозяйственной деятельности местного населения, но конкретных фактов, свидетельствующих о его вовлечении в международную торговлю, у нас нет. Можно лишь указать на находки глазурованной керамики, происходящей из Месопотамии (Массон М. Е., 1955б, с. 228; Марущенко А. А., 1959, с. 114), находку глиняной буллы на поселении Кошадепе у Баба-Дурмаза и бронзовую монету кушанского правителя «Сотер Мегаса» с территории Ашхабада (Массон М. Е., 1949б, с. 139). Об активном обмене с кочевыми племенами, населявшими современную пустыню Каракум, свидетельствуют довольно многочисленные находки парфянской ремесленной керамики в погребениях на Узбое (Юсупов Х., 1977а, б). Товарно-денежные отношения в Северной Парфии были развиты слабо. По нисийским документам известны лишь натуральные поставки в царскую казну. Монеты здесь встречаются значительно реже, чем, например, в Маргиане, и представлены в основном серебряными номиналами. Наиболее ходовой монетой была драхма — основная денежная единица Парфянского государства. В Северной Парфии известны находки двух кладов парфянских серебряных монет II в. до н. э. Один из них найден на поселении Гарры-Кяриз (Пилипко В. Н., 1976а), второй — на Зеленой горке в Ашхабаде (Пилипко В. Н., Логинов С. Д., 1980). Помимо этих кладов, известны единичные находки драхм различных парфянских правителей. Монеты крупного серебряного номинала — тетрадрахмы — встречаются очень редко. Они представлены не только парфянским чеканом Селевкии, но и монетами Греко-Бактрии. Одна драхма Евкратида входила в состав Гаррыкяризского клада. Тетрадрахмы Евтидема имеются среди находок из «сокровищницы» Митридатокерта (Массон М. Е., 1955б, с. 206, 227). В «сокровищнице» помимо парфянских и грекобактрийских монет найдены подражания монетам Александра Македонского, монеты Понта (Массон М. Е., 1955б, с. 206) и монета согдийского чекана конца III — начала II в. до н. э. (Массон М. Е., 1978, с. 143).

Находки бронзовых монет малочисленны. В Апаварктике в качестве мелкой разменной монеты в позднепарфянский период использовались «медные драхмы» так называемого маргианского чекана, отличительной чертой которых является изображение на оборотной стороне знака в виде буквы П. Свыше десятка этих монет найдено на городище Ярыкдепе, на поселении Сарыкдепе у Душака и на Акдепе у Артыка (Губаев А., Логинов С. Д., Вдовин В. Ю., 1977). В Парфиене несколько монет «маргианского» типа найдено на Чакандепе, но более распространенными здесь были монеты с монограммой ᛗ. Есть основание предполагать, что этой монограммой маркировалась продукция местного монетного двора, расположенного в Старой Нисе — Митридатокерте (Sellwood D., 1976, p. 13—14). Судя по известной монетной продукции, время активной работы этого двора приходится на I в. до н. э.— первую половину I в. н. э.

Искусство. Памятники искусства преимущественно известны по раскопкам городища Старая Ниса, где найдены образцы эллинистической скульптуры, великолепные ритоны из слоновой кости, образцы мелкой художественной пластики. Эти находки неоднократно пубиковались и анализировались, поэтому здесь мы ограничимся лишь самыми общими сведениями (Массон М. Е., 1960; Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954а; 1956; 1957; Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 48—71; Кошеленко Г. А., 1966а, с. 36—44; 1977). Наибольшее внимание среди этих находок привлекают фрагменты мраморных статуй: так называемые «Нисийская богиня», «Родогуна», голова статуи Афродиты, ноги мраморной статуи Артемиды, фрагмент групповой статуи, от которой сохранились мужская голова с лежащей на ней женской рукой и т. д. (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1957, с. 460—489). «Нисийская богиня» — скульптурное изображение девушки, одетой в хитон, поверх которого наброшен пеплос, через правое плечо переброшен закрученный валиком шарф. Руки утрачены. Эта статуя восходит к архаизирующему направлению эллинистической скульптуры, стилистически она связана с традициями аттического искусства позднеклассического времени (Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 48; Кошеленко Г. А., 1977, с. 95—96). Статуя так называемой «Родогуны» — полилитная, верхняя часть ее выполнена из белого, а нижняя — из серого мрамора. Изображена

полуобнаженная молодая женщина со слегка склоненной головой, торс — в легком полуобороте. Руки (частично утрачены) были, видимо, подняты к голове. Данная скульптура восходит к широко распространенному в эллинистическую эпоху типу Афродиты Анадиомены. Стилистически статуя связана с александрийской школой, датируется III—II вв. до н. э. (Кошеленко Г. А., 1977, с. 96—99; Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 49—50). Головка статуи Афродиты, бесспорно,— одна из реплик Афродиты Книдской Праксителя (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1957, с. 471—472). Импортными, поступившими из западных центров эллинистического мира являются и все остальные фрагменты мраморной скульптуры. К числу привозных собственно греческих произведений искусства принадлежат фрагменты терракотовых, иногда позолоченных, иногда раскрашенных статузток: возлежащая на скале женщина, возможно, наяда, обнаженная девушка и т. д. (Массон М. Е., 1953а, с. 155; Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1957, с. 463—464). Импортными же являются миниатюрная серебряная с позолотой статузтка Афины, серебряное изображение Эрота, простирающего вверх руки, часть серебряного предмета с выполненной в очень высоком рельефе мужской головой и т. д. (Кошеленко Г. А., 1977, с. 115). (табл. LXXXV—LXXXVIII).

Среди произведений собственно парфянского искусства наибольшее внимание привлекает глиняная скульптура. Сильно фрагментированные остатки этих статуй были найдены при раскопках как «круглого храма», так и «квадратного зала» (Ремпель Л. И., 1949, с. 355 сл.; Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 51—52; Кошеленко Г. А., 1966а, с. 60; Кошеленко Г. А., 1977, с. 89 сл.). Статуи изображали фигуры мужчин (в пластинчатых панцирях, плащах и шароварах) и женщин (в легких окутывающих одеяниях). Считается, что они изображали богов или обожествленных представителей Аршакидской династии. В сколько-нибудь целом виде дошла только одна статуя, изображающая стоящую женщину в просторном одеянии. Пластически обработаны только лицевая сторона и бока, сзади фигура уплощена, поскольку она (подобно всем остальным) была пристенной. Техника изготовления нисийской скульптуры следующая: на свинцовый, деревянный или камышовый каркас накладывалась сырая глина зеленого цвета, окончательная отделка производилась более тонко отмученной глиной цвета светлой терракоты; поверх этого слоя иногда наносился еще один тонкий слой обмазки из белого алебастра, затем статуя раскрашивалась. Стилистически нисийская скульптура входит в общий круг среднеазиатской скульптуры античного времени.

Монументальная живопись Северной Парфии почти неизвестна. В храмовых и дворцовых сооружениях Старой и Новой Нисы широко использовалась сплошная покраска плоскостей стен или выделение особыми тонами декоративно-архитектурных злементов. В «Квадратном зале» Старой Нисы обнаружены остатки полихромной росписи преимущественно геометрического характера, покрывавшей верхние части стен. В «Квадратном доме» Старой Нисы было найдено изображение гирлянды на глиняном алтаре. Своеобразной была живопись, остатки которой были найдены при исследовании айвана храма в Мансурдепе; видимо, и технически и стилистически она была близка собственно эллинистической живописи (Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А., 1971). Пока уникальным образцом парфянской живописи является зскиз мужской головы из Мансурдепе, выполненный на обломке глиняного сосуда.

При исследовании «Квадратного дома» Старой Нисы найдено некоторое количество произведений прикладного и декоративного искусства; они, возможно, изготовлялись по заказам местной знати или во всяком случае соответствовали ее вкусам. К их числу относятся: серебряная позолоченная пластинка с головой льва, напоминающая сарматские фалары; бронзовое зеркало с рельефным изображением протомы бегущего оленя (также стилистически близкое произведениям искусства кочевников); серебряная с позолотой фигурка птицы-сирены, бронзовая накладная бляшка с изображением кентавра, золотая статуэтка орла, серебряная фигура грифона на прямоугольной подставке и т. д. (Пугаченкова Г. А., 1967а, с. 67—69; Кошеленко Г. А., 1977, с. 115—126). Оригинальным образцом парфянского прикладного искусства является керамический ритон с Кошадепе (у Баба-Дурмаза), имеющий форму лошади (Пилипко В. Н., 1980б).

Наибольший интерес вызывают найденные там же ритоны (общее число их около 40), сделанные из слоновой кости (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954а; 1956). Ритоны — рогообразные сосуды для питья — были разнообразны по своим формам. Нисийские ритоны принадлежат к тому типу, который был особенно популярен в иранском и скифском мире (хотя встречался и в Греции). Он характеризуется удлиненным изогнутым туловом, более широким вверху и суженным у конца, украшенным протомой какого-либо животного. Ритоны из Нисы повторяют естественную форму бивня слона, а сделаны из отдельных кусков кости. Горловина ритона оформлена в виде «карниза», на котором чаще всего расположены рельефные изображения головок, разделенные свободным пространством или декоративным мотивом. Ниже находится отчлененный рельефными полосами фриз, на котором развертывается композиция, выполняемая в высоком рельефе.

Чаще всего встречается композиция, представляющая двенадцать олимпийских божеств. Исследователи (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954 а) указывают, что стиль изображений божеств — не чисто греческий, в нем сказываются и определенные восточные влияния, особенно в изображении богинь. Среди других сюжетов, представленных на ритонах,— дионисийские шествия, жертвоприношения, миф о Пенфее. Наиболее ярко слияние греческих и восточных черт видно в фигурах, завершающих ритоны. К числу чисто греческих сюжетов, видимо, можно отнести только изображение женщины с амфорой и менады, сидящей на плече у кентавра. Все остальные мотивы — синтетичны, в них слились и греческие, и местные черты. По технике исполнения эти фигуры целиком находятся в русле эллинской художественной культуры. Однако сами образы в большинстве случаев чисто восточные, иногда даже определенно связанные с миром иранских религиозных представлений (например, человеко-бык —

«Гопатшах»). Нисийские ритоны являлись парадными сосудами, употреблявшимися при различных торжествах. Хотя обычно их считают самым ярким образцом раннепарфянского искусства, иногда высказывается мнение, что местом их производства является Бактрия эллинистической эпохи (Bernard P., 1970; Ghirshman R., 1962; Сергеева Т. В., 1972).

Из слоновой кости выполнена парадная мебель, более тридцати фрагментов которой также были найдены при раскопках Старой Нисы совместно с ритонами (Пугаченкова Г. А., 1969, с. 161—171). Видимо, это детали трона, тахты и скамеечки. Г. А. Пугаченкова полагает, что в оформлении парадной мебели можно различить особенности, восходящие к ахеменидским прототипам, и эллинские черты. Она также высказывает предположение, что трон был создан во время царствования Митридата I. П. Бернар, исследовавший аналогичные фрагменты, найденные при раскопках Ай-Ханум, подчеркивал, что значительная часть мебели и Нисы и Ай-Ханум в своих основных чертах чисто греческая. Он также (хотя, правда, в очень осторожной форме) высказывает предположение, что нисийская мебель — бактрийского происхождения (Bernard P., 1970, p. 327—343).

Известное представление о парфянской глиптике дают оттиски печатей, обнаруженные при раскопках Старой Нисы (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954б). Оттиски характеризуются небольшими размерами и четкостью форм. Поражает разнообразие сюжетов. Часть печатей восходит к ранним ахеменидским образцам, например, сцена единоборства царя со вставшим на задние лапы чудовищем. Ряд печатей связан с зороастрийской и древнеиранской традицией (изображение двух животных, стоящих в геральдических позах по обе стороны от «священного дерева», священные животные и культовые предметы). Наконец, третий цикл — изображения, связанные с прославлением царя (например, Ника, венчающая царя). Имеются сюжеты и чисто греческие — изображения эллинских божеств (Зевс, Афина, Афродита и т. д.).

При раскопках рядовых поселений найдены печати и их оттиски (Изгант, Гарры-Кяриз); их характеризует большая простота исполнения и полное отсутствие «официальных» сюжетов (табл. LXXXIX).

Погребальные памятники. В подгорной полосе Копет-Дага, помимо курганных погребений, в настоящее время известны лишь одиночные, случайно обнаруженные захоронения античного времени и некрополь на городище Новая Ниса. Некрополь расположен в северо-западной части городища у внешней его стены (Вязьмитина М. И., 1949, 1963; Крашенинникова Н. И., 1978). В III в. до н. э. здесь существовал небольшой храм (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 60—66), вокруг которого в последующие столетия сложилось кладбище зажиточной части горожан. Некрополь сильно разрушен промоинами, грабителями, поздними ямами, поэтому четкого представления об архитектуре погребальных сооружений и обряде захоронения составить не удалось. Предполагается, что некрополь состоял из громоздящихся друг на друга массивных прямоугольных сооружений (11,5×5,5; 9×6; 8×5 м), внутри которых располагались одна или две сводчатые погребальные камеры размерами 2×3; 2,3×3,2 и др. (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 68; Крашенинникова Н. И., 1978, с. 123). Сложены они из сырцового кирпича, стены и пол покрыты специальной красной штукатуркой. Некоторые камеры имели вымостки из тонких керамических плит. Отсутствие непотревоженных погребений и фрагментарно представленный сопроводительный материал[25] не позволяют составить четкого представления об обряде захоронения. Одиночные погребения парфянского времени обнаружены при работах на Ярыкдепе и неолитическом поселении Чопандепе. В обоих случаях погребения совершены в групповых ямах, костяки расположены в вытянутом положении. Погребение на Ярыкдепе без инвентаря, оно датируется стратиграфическими данными, а погребение на Чопандепе сопровождалось находками бронзовых наконечников стрел.

На территории Северной Парфии имеются также курганные могильники. Часть из них раскопана. Это курган у Безмеина, Кизыл-Чешме и Хас-Кяриза (Марущенко А. А., 1959), Мешрепитахтинский и Пархайский могильники (Мандельштам А. М., 1963). Все эти могильники состоят из невысоких земляных насыпей. Захоронения совершены в овальных подземных камерах (катакомбах), сообщающихся с поверхностью с помощью прямоугольной ямы — дромоса. Покойники укладывались в катакомбы в вытянутом положении на спине. Ориентация преимущественно южная. Наряду с одиночными захоронениями встречаются коллективные. Причем установлено, что совершались они неодновременно (Мандельштам А. М., 1963, с. 30). Сопровождающий материал невелик, некоторые покойники были вообще его лишены. Среди находок из погребений имеются сосуды, в том числе каменные, курильницы, оружие. Анализ находок позволяет говорить о том, что культура этих кочевников имеет черты, сближающие ее с культурой племен сарматского круга (Мандельштам А. М., 1963, с. 33). Вместе с тем в погребениях имеются предметы, изготовленные местным земледельческим населением, а также предметы импорта. Расположение могильников на территории, занятой земледельческим населением, возможно, свидетельствуют об оседании части кочевников.

При рассмотрении погребальных памятников Северной Парфии нельзя оставить без внимания могильники кочевого населения Узбоя, хотя этот район территориально не входит в состав Северной Парфии. Среди погребений этого района изредка встречаются катакомбные захоронения, находящие прямые аналогии в подгорной полосе Копет-Дага (Юсупов Х., 1978, с. 59—60), но большинство погребений совершено в каменных наземных сооружениях, являющихся своеобразными семейными усыпальницами (Юсупов Х., 1972; 1973; 1977а, б, в, 1978). Эти различия в способе захоронения кочевого населения подгорной полосы Копет-Дага и приузбойских районов могут быть отражением этнической неоднородности населения этих мест.

[25] Находки мелких золотых бляшек и оригинального эллинистической работы бронзового светильника указывают на принадлежность некрополя зажиточной части горожан. Находка монеты Орода II (57—37 гг. до н. э.) позволяет уточнить один из этапов функционирования этого древнего кладбища.

Памятники письменности. С раскопками на городищах Нисы связано одно из крупнейших открытий в археологии Средней Азии — находка более 2700 парфянских хозяйственных документов на обломках сосудов. Шесть из них найдены на городище Новая Ниса, остальные при раскопках северного хозяйственного комплекса Старой Нисы (Массон М. Е., 1951 а; 1955 б). Документы составлены на парфянском языке с использованием арамейской графики с большим количеством арамейских идеограмм. Большинство остраков является учетными документами, связанными с деятельностью царских складов в Михрдаткирте (Старая Ниса), в первую очередь винохранилищ. Все документы в настоящее время переведены на русский и английский языки и прокомментированы М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем (Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1951; 1953 а, б, 1954; Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1956; 1960а, б; 1966; Diakonoff J. M., Livchiz W. A., 1976—1978).

Помимо сведений об экономике царского хозяйства, документы являются важным источником для изучения парфянской административной системы, топонимике, ономастике, календаря и политической истории. Следует отметить, что грамотность в Парфии, вероятно, не была достоянием лишь узкого круга профессиональных чиновников. В настоящее время, помимо находок из Нисы, памятники парфянской письменности известны из Кунякалы в западном пригороде Ашхабада, поселении Кошадепе у Баба-Дурмаза и крепости Игды, расположенной на Узбое. Краткие надписи имеются на парфянских печатях (Дьяконов М. М., 1954в). Надписи из Игды и Кунякалы фиксируют принадлежность сосудов (на которых они исполнены) определенным лицам. Содержание подобных надписей превратилось в стандартную формулу, употреблявшуюся в разных концах Парфянского государства (Лившиц В. А., 1978). Два остракa с Кошадепе являются хозяйственными записками, один из них, возможно, относится к числу эпистолярных памятников. Плохая сохранность документов не позволяет полностью уяснить их содержание. Устанавливается, что в обоих документах сообщается о выдаче (или получении) муки определенной группе лиц, названных по именам. Употреблявшиеся при этом термины находят аналогии в нисийских документах, хотя кошадепинские остраки датируются несколько более поздним временем.

Серахский оазис

История Серахского оазиса, как уже отмечалось, теснейшим образом связана с историей Гератского. В силу этого можно полагать, что те исторические события, которые развертывались в Арейе, задевали и Серахс. Арейя была одним из центров сопротивления Александру Македонскому, и эти события нашли достаточно подробное освещение у историков. (Оразов О., 1973). Видимо, справедлива точка зрения о том, что Серахский оазис входил в состав Греко-Бактрийского царства и что недалеко от него произошло первое столкновение войск греко-бактрийского царя Евтидема и селевкидского царя Антиоха III, о котором рассказывает Полибий (Марущенко А. А., 1956, с. 200; Оразов О., 1973, с. 103). В позднепарфянское время Серахский оазис носил название Сиракена, как об этом свидетельствует Птолемей (Оразов О., 1973, с. 109).

В парфянское время происходят значительные изменения в системе расселения, существовавшей в оазисе. В это время прекращается жизнь на поселениях Бешдепе и Мовлекдепе, одновременно перестают функционировать и те длинные архаические каналы, которые обеспечивали их существование. В это время ирригационная сеть приобретает новые черты: каналы стали короче, но их сеть — гуще (Оразов О., 1973, с. 109). Резко увеличилось число поселений. Помимо городища Старого Серахса, слои этого времени зафиксированы еще на ряде поселений: Агачлыдепе, Менглидепе, Акчадепе, Огулнияздепе, Безымянное депе слева у дороги из Серахса в с. Ялавач, Меле-Хейран, Гуйруклыдепе, холм к востоку от Ярты-Гумбяз (Оразов О., 1973, с. 99). Старый Серахс в это время в общем сохраняет свою старую структуру: укрепленный центр на месте цитадели и неукрепленная застройка вокруг — на территории шахристана. Выделяется несколько вариантов сельских поселений: а) поселения, имеющие внешнюю стену (Агачлы — внешняя стена имеет толщину около 2 м, сложена из сырцового кирпича размером 39×34×10 см; Огулнияздепе — внешняя стена шириной 2,5 м сложена из сырцового кирпича 44×41×10 см; Гуйруклыдепе — квадратное в плане размером 120×120 м, окружено стеной); б) поселения, имеющие небольшую цитадель в центре неукрепленного поселения (Меле-Хейран); в) поселения, не имеющие укреплений вообще (Менглидепе, Акчадепе, Безымянное).

Материальная культура изучена еще недостаточно. Керамика первых веков до н. э. отличается довольно высоким качеством, изготовлена на круге быстрого вращения, глина тонкой отмучки красного или розового цвета, ангоб обычно светлого цвета, изредка — красного. Наиболее типичные формы: низкогорлые горшки с прямым и ровным краем или округлые чаши с прямым утолщенным краем. В небольшом количестве встречается лепная керамика. Керамика первых веков н. э. отличается довольно высоким качеством, изготовлена также на круге быстрого вращения. Довольно часто встречается зеленоватый ангоб. Обычным становится употребление резного орнамента — чаще всего в виде лент из двух — трех параллельных полосок, опоясывающих венчики или шейку сосуда. Появляется волнообразный узор того же типа, горизонтальные лепные валики. Типичные формы: чаши, кувшинчики, хумчи (Марущенко А. А., 1956, с. 175 сл.; Оразов О., 1973, с. 54). Часто встречаются обломки каменных зернотерок. На дне некоторых лепных сосудов отмечено наличие отпечатков тканей.

Интересны монетные находки (Оразов О., 1975). Все монеты, найденные здесь, относятся к мервскому чекану (позднепарфянскому или раннесасанидскому), что заставляет думать о том, что в конце парфянской эпохи Серахс политически и экономически зависел от Мерва. Находки фрагментированных оссуариев (Оразов О., 1973, с. 103) позволяют предполагать, что существовали зароастрийские верования.

Глава десятая
Маргиана

Маргиана — одна из древних историко-культурных областей Средней Азии, располагавшаяся в глубине пустыни Каракум, на территории Мервского оазиса, орошавшегося водами дельты р. Мургаб. Возможно, что в состав этой области входили и территории по среднему течению Мургаба, но слабая археологическая изученность этого района не позволяет делать каких-либо позитивных выводов по этому вопросу. Археологические наблюдения показывают, что в связи с изменениями режима реки (вызывавшимися в значительной мере деятельностью человека) менялось местоположение и конфигурация оазиса. В эпоху бронзы он располагался на несколько десятков километров севернее современного оазиса, однако уже в эпоху раннего железа центр оазиса сместился южнее и находился на северной окраине современного оазиса (поселение Яздепе), в ахеменидское время происходит дальнейшее перемещение его на юг — в район городищ Эрккала и Гяуркала. В это время активно обживаются территории вокруг этих городищ, а Яздепинский район переживает последний этап своего расцвета (Усманова З. И., 1960б, с. 37; Усманова З. И., 1963 а, с. 27 сл.; Филанович М. И., 1974, с. 24 сл.). В первые века до н. э. и первые века н. э. зоной, наиболее полно освоенной человеком, была территория от Гяуркалы до Яздепе, Яздепе прекратило свое существование, в этом районе проходила граница между культурными землями и пустыней. Ряд памятников античного времени зафиксирован и к югу от Гяуркалы, однако недостаточная изученность этого района не позволяет надежно определить южные границы оазиса в античную эпоху (рис. 7).

Мервский оазис в «Авесте» называется Моуру, в древнеперсидских текстах — Маргуш, античные авторы употребляют термин Маргиана, в среднеперсидских сочинениях появляется уже термин Мерв. Свидетельства письменных источников по истории Маргианы чрезвычайно ограниченны. Несколько раз упоминается Мервский оазис в «Авесте», в Бехистунской надписи царя Дария I в очень краткой форме сообщается о восстании, происшедшем здесь в начальные годы его царствования (Дандамаев М. А., 1963). Свидетельства античных авторов о судьбе Маргианы в годы походов Александра Македонского очень незначительны. Некоторые сведения о Маргиане можно почерпнуть у Страбона, Плиния Старшего, Исидора Харакского, Птолемея. Китайские источники (Бичурин Н. Я., 1950) также малоинформативны. Поздняя персидская и арабская традиция (см. МИТТ, т. 1) концентрирует свое внимание на легендарных и полулегендарных событиях, в частности связанных с основанием Мерва.

Первые надежные факты в истории Маргианы появляются в период ее вхождения в состав Ахеменидского царства. Мервский оазис, видимо, был завоеван персами (как и другие области юга Средней Азии) в VI в. до н. э. В 522 г. до н. э. здесь вспыхивает восстание под предводительством некоего Фрады (одно из цепи восстаний, которыми ознаменовалось начало правления Дария I). Указание Бехистунской надписи на огромное количество убитых повстанцев истолковывается (по всей видимости, справедливо) современными исследователями, как свидетельство подлинно народного характера восстания, направленного против ига Ахеменидов. По приказанию Дария восстание было подавлено сатрапом соседней Бактрии, и с этого момента Маргиана включается в состав Бактрийской сатрапии (Струве В. В., 1949).

В результате похода Александра Македонского Маргиана стала частью его державы. Здесь создаются греко-македонские поселения: сообщается, в частности, об основании Александрии Маргианской (Plin. Nat. Hist., VI, 18, 47) и шести укреплений (Curt. Ruf. VII, 10, 15). Позднее Александрия была разрушена и восстановлена царем Селевкидской династии Антиохом, переименовавшим город в свою честь (Plin. Nat. Hist., VI, 18, 47). В составе государства Селевкидов Маргиана находилась до середины III в. до н. э., а затем после возникновения независимого Греко-Бактрийского царства стала одной из областей его. Известно, что позднее Маргиана вошла в состав Парфянского царства, но точная дата этого события неизвестна. Согласно одной из существующих точек зрения, это произошло в период царствования Митридата I (171—138/7 гг. до н. э.) (Толстов С. П., 1948 а, с. 241; Воробьева М. Г., 1963, с. 308), согласно другой — Митридата II (123—88/7 гг. до н. э.) (Массон М. Е., 1951 б, с. 147). Ни одна из них не подкрепляется достаточно надежными данными источников. В сущности определение времени этого события целиком зависит от датировки серии парфянских монет с легендой ΚΑΤΑ ΣΤΡΑΤΕΙΑ («в походе») и названием Маргианы. Считается, что эти монеты чеканились в период парфянского завоевания Маргианы. А. К. Марков относил их к чекану Митридата I (Марков А. К., 1892, с. 279 сл.), М. Е. Массон — чекану Митридата II (Массон М. Е., 1951 б; с. 147; Массон М. Е., 1955 а, с. 12), В. Рос и Р. Мак Дауэлл считали эти монеты еще более поздними (Wroth W., 1903, p. XXXI—XXXII; Mc Dowell R. H., 1935, p. 52).

На протяжении нескольких веков Маргиана оставалась крайней северо-восточной областью парфянского царства Аршакидов. Согласно свидетельству Исидора Харакского (Isid. Char. Mans. Parth. 14), парфянская «царская дорога», шедшая от западных рубежей государства, именно в Маргиане круто поворачивала на юг, в Арею и Систан. Со второй поло-

вины I в. н. э. происходит известное обособление Маргианы. Именно в это время на Мервском монетном дворе начинают чеканиться монеты, отличающиеся от общегосударственного чекана (Пилипко В. Н., 1980 а). Одна из серий этих монет несет легенду «царь Санабар». Однако это обособление не означало полного разрыва с государством Аршакидов. Династия потомков Санабара (Массон В. М., 1957 а, с. 34 сл.) управляла Маргианой вплоть до конца парфянского периода. Даже после падения Аршакидов, как показывают официальные сасанидские документы, при первых Сасанидах, Мерв сохранял свою автономию и свою династию. Только при Шапуре I было окончательно покончено с автономией Мерва и он более органично входит в состав Сасанидского государства.

История изучения. Памятники древнего Мерва уже в XIX в. неоднократно привлекали внимание путешественников, с той или иной степенью подробности и точности описывавших их. Особенно часты стали посещения Мерва после присоединения его к России (подробнее см.: Массон М. Е., 1980). В 80-х годах на территории Эрккалы А. В. Комаровым были произведены первые археологические раскопки (Усманова З. И., 1963 а, с. 21; Массон М. Е., 1980). В 1888 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества им был прочитан доклад об археологических памятниках Закаспийской области. В этом докладе А. В. Комаров упоминает и памятники Мерва. Важную роль в исследовании прошлого Мерва сыграли работы В. А. Жуковского (Жуковский В. А., 1894) и В. В. Бартольда (Бартольд В. В., 1966), но они были посвящены практически только средневековью. Мерву древней эпохи было уделено в каждой из них по нескольку строк. Американская экспедиция, работавшая в южной Туркмении в начале этого века, проводила исследования и на территории Мервского оазиса. Помимо поездок по северной части его, регистрации памятников («курганов»), сбора подъемного материала, ею было заложено несколько шурфов на территории Мерва, в том числе на Гяуркале и Эрккале (подробнее см.: Усманова З. И., 1963 а). В частности, на территории Эрккалы до сего времени видны штольни, прорезавшие сплошной массив кладок платформы центрального холма. Несмотря на то что монетные находки были определены А. К. Марковым, а надписи разобраны В. В. Радловым, никаких наблюдений над стратиграфией не было сделано. Производители работ ограничились признанием единства и синхронности культуры, открытой на Эрккале и на Гяуркале, которая была названа ими сасанидской и отнесена ко времени не ранее III в. н. э. (хотя при раскопках были найдены парфянские монеты I—II вв. н. э.). Несовершенство методики работ неоднократно отмечалось в литературе (Массон М. Е., 1951 в, с. 90; Массон М. Е., 1980; Усманова З. И., 1963, с. 22; Филанович М. И., 1974, с. 18 сл.), но богатые вещественные материалы, полученные экспедицией, сейчас, когда создана стратиграфическая шкала Мерва, могут быть использованы в качестве дополнительного сравнительного материала (Филанович М. И., 1974, с. 19).

Археологические работы в древнем Мерве возобновились только в 1937 г. Б. Б. Пиотровский заложил

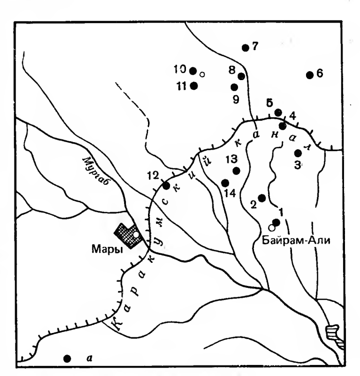


Рис. 7. Основные памятники Маргианы

1 — Гяуркала; *2* — Дэвкала; *3* — Одэнчидепе; *4* — Сычанлык (Чичанлык); *5* — Куруклы; *6* — Кишман; *7* — Гарры Кишман (Старый Кишман); *8* — Дурнали; *9* — Чанглы; *10* — Гебеклы; *11* — Яздепе; *12* — Джиндепе; *13* — Кыркдепе; *14* — Чильбурдж; а — памятник. Составители Г. А. Кошеленко, А. Б. Никитин

тогда шурф на северо-восточном холме Эрккалы (Пиотровский Б. Б., 1949). В результате изучения материала, полученного в ходе этих работ, было высказано предположение о возникновении поселения на месте Эрккалы во второй четверти I тысячелетия до н. э., что получило подтверждение в дальнейшем. Датировка верхних слоев, предложенная Б. Б. Пиотровским, позднее пересматривалась (Усманова З. И., 1960 б, 1963 а, с. 24). В том же году А. А. Марущенко проводил исследования на центральном бугре Эрккалы и в центральной части Гяуркалы. К сожалению, отчеты об этих работах не сохранились.

Широкое исследование Мерва и Мервского оазиса началось только в послевоенное время, когда была создана Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона. Основным объектом работ ЮТАКЭ в 50—70-х годах были городища древнего Мерва, в частности Эрккала и Гяуркала. На территории этих двух городищ было заложено несколько стратиграфических шурфов, осуществлялось изучение городских стен, раскапывались отдельные сооружения и комплексы их. Меньшее внимание ЮТАКЭ уделялось памятникам оазиса. В ходе разведочных поездок был зафиксирован ряд древних населенных пунктов, собран значительный подъемный материал, осуществлено изучение памятников архитектуры и древних караванных путей, остатков стены, окружавшей в античную эпоху Мервский оазис. Однако стационарные археологические исследования проводились на очень ограниченном числе

памятников. Наиболее важные результаты были получены при исследовании Яздепе (руководитель В. М. Массон), ставшего эталонным памятником для исследования эпохи бронзы и раннего железа на юге Средней Азии (Массон В. М., 1959). Меньшее значение имели раскопки Джиндепе, Мунондепе. В эти же годы некоторые археологические исследования в Мервском оазисе осуществили и сотрудники Института истории АН Туркменской ССР (раскопки Кыркдепе, Кишмана, Байрамалийского некрополя).

Однако в целом Маргиана исследована еще недостаточно. До сего времени нет археологической карты оазиса, время существования ряда населенных пунктов определено (как показали работы недавнего времени) не всегда правильно, наконец, чрезвычайно незначителен сам масштаб раскопок вне пределов Гяуркалы и Эрккалы.

Населенные пункты. На территории Маргианы зарегистрировано значительное число пунктов, где существовали поселения исследуемой эпохи. Однако проблема их типологии и динамики развития не может считаться решенной. В большом числе случаев ранние слои перекрыты более поздними, и облик поселений на античной стадии представить сейчас нельзя. Определение ряда населенных пунктов, как, например, парфянских, произведенное в ходе разведок в 50-х годах, сейчас нуждается в пересмотре, как это показали работы 1980 г. на Чильбурдже. Наконец, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что только на очень небольшом числе пунктов Маргианы производились стационарные археологические исследования. Все это делает решение вопроса о характере населенных пунктов Маргиана древней эпохи чрезвычайно трудным. Значительные по масштабам работы были проведены только на территории самого Мерва (городища Гяуркала и Эрккала). Однако размеры городищ столь велики, что эти раскопки позволили только получить представление о характере эволюции города в самых общих чертах (Усманова З. И., 1969; Филанович М. И., 1974) (табл. XC).

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. на севере Мервского оазиса существовало несколько небольших оазисов (Яздепинский, Арвалидепинский, Тахирбаевский). Среди них выделялся яздепинский с поселением Яздепе, укрепленным цитаделью. Он, видимо, был столицей всей области (Массон В. М., 1959). На VII—VI вв. до н. э. приходится наивысший расцвет всех оазисов северной Маргианы. Возможно, в это время (в связи с усовершенствованием ирригационной техники) делаются попытки освоения новых территорий в среднем течении р. Мургаб. Видимо, тогда и появляется небольшое поселение на протоке Разик, на территории будущей Эрккалы и частично Гяуркалы. Археологически здесь зафиксированы остатки культурного слоя с единичными фрагментами керамики, погребенными под илом и песком. По всей видимости, жители того времени еще не могли средствами своей ирригационной техники регулировать водный режим большого протока и поселение было размыто мургабскими водами.

Возрождение жизни на берегах Разика связано прежде всего с территорией Эрккалы. Здесь при стратиграфическом исследовании повсеместно обнаружен мощный культурный слой периода Яз II и Яз III. От того же времени сохранились две платформы (высотой 15 и 8 м), сложенные из сырцового кирпича (размер 52×31×10 см). Центральная (более высокая) платформа, видимо, выполняла роль стилобата, на котором располагалось дворцовое или храмовое здание. Поселение окружается оборонительной крепостной стеной, сложенной из пахсы. В плане оно имеет овальную форму и размеры 400××500 м. Вне стен также продолжается застройка, она тянется на восток и на юг. По приблизительным подсчетам общая площадь поселения 1800×500 м, что значительно превышает размеры самого крупного центра северной Маргианы Яздепе (700×400 м). Можно думать, что это поселение имело уже в то время городской характер и было центром всего оазиса. В конце периода интенсивность жизни усиливается: фиксируется активное наполнение культурного слоя в северо-восточной и центральной частях территории городища Гяуркала. К этому времени складывается и система внутригородского водоснабжения. Зафиксировано, в частности, ложе одного из городских каналов, идущее с севера на юг. По всей видимости, именно этот населенный пункт и был взят греко-македонскими войсками в период похода Александра Македонского. Сообщение Курция Руфа (VI, 10, 15—16) о том, что Александр, «перейдя реку Ох и Окс, прибыл к городу Маргиана», явно относится к данному населенному пункту. Судя по археологическим данным, подчинение этого города носило мирный характер и не отразилось на процессе урбанизации. Именно этот город и был переименован и назван Александрией.

Дальнейшая эволюция Мерва связана с возведением городских стен вокруг всего поселения. Их сооружение, видимо, можно отнести к первой половине III в. до н. э. Стена придала поселению очертания неправильного квадрата со срезанным северо-западным углом, что объясняется тем, что здесь протекал канал Разик и стена прошла вдоль его русла. На западном и частично северном участках русло канала выполняло роль крепостного рва, из него же город снабжался водой путем отводов в юго-западной и северо-западной частях города. Древнемаргианская овальная крепость Эрккала влилась в систему городской обороны в качестве цитадели. Ее стены были перестроены. Можно думать, что в это время происходят изменения в городской планировке: основная схема ее диктовалась наличием четырех городских ворот, расположенных примерно в середине каждой из стен. По всей видимости, две основные магистрали, пересекаясь примерно в центре, создавали основу системы городской застройки. Следы перепланировки засвидетельствованы археологически. В частности, русло канала в южной части города, функционировавшее в IV в. до н. э., было заброшено и погребено под вновь возведенными городскими домами. В это время расширяется и территория внутригородской застройки. Незастроенными остались только северо-западный и юго-западный углы (занятые садами, огородами и пронизанные оросительной сетью из двух отводов канала Разик) и территория вдоль северной стены в северо-восточном углу. В это же время (в III в. до н. э.) возводится стена (ныне известная как вал Гилякин — Чильбурдж), окружившая непосредственные окрестности Мерва. По под-

счетам исследователей, стена охватывала территорию около 60 кв. км. Во II в. до н. э. прямо на стене цитадели (Эрккала) возводится мощный замок правителей Маргианы.

Период I — начало III в. н. э. является временем наивысшего подъема Мерва. Именно тогда наиболее густо была застроена территория внутри стен Гяуркалы, перестраиваются стены города, на территории его происходит выделение ремесленных кварталов: сравнительно недалеко от центра возникает обширный ремесленный комплекс, видимо, государственного хозяйства, у северных городских ворот — квартал мукомолов, керамические мастерские — в центре и восточной части города.

В III в. н. э. наблюдается кратковременный спад в истории Мерва. В ряде пунктов зафиксировано запустение построек. Однако этот упадок был непродолжителен, и III—IV вв. н. э. представляют с точки зрения истории города прямое продолжение предшествующей эпохи. В это время происходит перестройка городских укреплений как на Гяуркале, так и на Эрккале. На Эрккале же полностью перестраивается замок. Старые помещения полностью забутовываются и превращаются в мощный цоколь для нового сооружения. Тогда же в цитадели создается и арсенал. Внутри стен Гяуркалы серьезных изменений в системе планировки, видимо, не произошло, хотя и возникает несколько новых зданий общественного назначения.

В конце IV в. н. э. Мерв вступает в период упадка. Археологические исследования показывают гибель ряда общественных сооружений, запустение ремесленных и жилых кварталов; во многих частях города возникли мусорные свалки. Возрождение города относится уже к эпохе Сасанидов.

Хотя, как отмечалось выше, исследование населенных пунктов Маргианы сопряжено со значительными трудностями и выводы по их типологии и историческим судьбам могут быть только предположительными, тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые заключения по этим вопросам. Мервский оазис был характерен тем, что в нем безраздельно царил один крупнейший городской центр — сам Мерв.

На территории оазиса не существовало других крупных городских центров. Однако можно отметить наличие нескольких сравнительно небольших городков.

Хронологическая классификация населенных пунктов затруднена. К эпохе Яз III на территории Мервского оазиса относится (или зафиксировано в ходе археологических работ) небольшое количество пунктов. В частности, видимо, в это время возникает поселение на месте Старого Кишмана (Массон В. М., 1966б, с. 95 сл.). Характерно, что это поселение имело в плане форму неправильного овала, охватывающего площадь не менее 112 га. В северной части его сохранилась стена, в южной она разрушена поселением более позднего времени. Стена прослеживается на 2,3 км. В двух местах отмечаются следы городских ворот. Разрез стены показал, что она выполнена из пахсы и имела толщину около 3,5 м у основания. Поселение снабжалось водой, шедшей по одному из протоков дельты Мургаба. Вдоль этого протока на протяжении 2,5 км встречается керамика IV—III в. до н. э. Это позволяет думать, что поселение Старый Кишман являлось не изолированным, а центром небольшого района.

Памятники более позднего времени многочисленнее, поэтому возможны попытки их типологической классификации (Кошеленко Г. А., 1963а).

Основное деление: населенные пункты, не имеющие укреплений, и населенные пункты с укреплениями. К числу первых относятся Джиндепе (Мережин Л. Н., 1962; Кошеленко Г. А., 1962а, с. 64; 1936б) и Такырджадепе (ныне уничтоженное). Для этих поселений характерна свободная планировка, наличие больших незастроенных пространств. Остатки отдельных жилых кварталов предстают как оплывшие бугры. На поселении Джиндепе был раскопан один из таких бугров — руины квартала. В северной части Джиндепе располагается более крупный бугор — возможно, развалины здания общественного назначения или даже маленькой цитадели. Для обоих поселений данного типа характерна большая роль керамического ремесла, что засвидетельствовано числом печей, расположенных на них.

Другой тип — с обводной стеной представлен более значительным числом памятников и имеет несколько вариантов. Однако одна черта — общая для всех них: как правило, в основе плана укрепленного поселения лежит фигура прямоугольника (хотя и не всегда очень правильного). Один из возможных принципов выделения различных вариантов внутри типа (поскольку все эти памятники почти не подвергались раскопкам, то в основу разделения кладутся внешние признаки) — это деление на поселения, имеющие цитадели, и лишенные их. К числу памятников первого варианта (с цитаделями) могут быть отнесены Кыркдепе (Дурдыев Д., 1959а; Пугаченкова Г. А., 1953а, с. 41) и Дэвкала (Кошеленко Г. А., 1963а, с. 61). Кыркдепе своей планировкой очень напоминает Мерв. Основа плана городища — квадрат (305×305 м). Цитадель города представляет собой кольцо диаметром 60 м со следами многочисленных башен. Расположение ее по отношению к городу аналогично расположению цитадели древнего Мерва — Эрккалы. Цитадель имеет одни ворота, выходящие в город, защищенные сложным привратным укреплением.

Дэвкала представляет собой прямоугольник, длина стен которого 800 и 350 м. Один из углов занят цитаделью с многочисленными башнями и одними воротами, ведущими в нее из города. Характерной чертой этого варианта укрепленных поселений является отсутствие или слабая развитость застройки вне пределов городских стен. Можно также высказать предположение, что Кыркдепе представляет собой более раннюю разновидность с цитаделью, нежели Дэвкала.

Следующий вариант укрепленных поселений представляют такие памятники, как Дурнали (Пугаченкова Г. А., 1952б; 1958а, с. 46 сл.; Кошеленко Г. А., 1963а, с. 62 сл.), Чичанлык (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 46), «крепость» Старого Кишмана (Дурдыев Д., 1959б; Массон М. Е., 1966б, с. 86 сл.). Все эти поселения имеют в основе плана прямоугольник, достаточно сильно укреплены. Насколько можно судить, вокруг каждого из них существовало поселение. Можно полагать, что этот вариант населен-

ного пункта получил наибольшее распространение в первые века н. э.

В двух случаях (Дурнали и Чичанлык) поселения вокруг крепости — неукрепленные; в одном (Старый Кишман) — укрепленные. Здесь, видимо, и в первые века н. э. продолжала существовать ранняя стена.

Наконец, последний вариант данного типа — это поселения, в центральной части которых располагается укрепление — достаточно мощное, но сравнительно небольшое (длина каждого фаса стен свыше 100 м) с единственным зданием, построенным на мощной платформе внутри стен и неукрепленным поселением вокруг. К числу памятников этого типа относятся Гёбеклы и Акчадепе (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 44 сл.).

Функциональное определение различных типов населенных пунктов в настоящее время затруднено незначительным масштабом раскопок.

Фортификация. Фортификация Маргианы изучена неравномерно. Ряд разрезов на городских стенах Гяуркалы и Эрккалы позволил представить историю укреплений древнего Мерва, на других памятниках исследования проводились спорадически. Древнейшие укрепления Мерва обнаружены при осуществлении разреза стен Эрккалы. Самая ранняя стена (стена I) здесь относится к VI—IV вв. до н. э., т. е. к тому времени, когда возводились и две платформы внутри окруженной стенами территории городища. Она выполнена из пахсы, включавшей большое количество песка. Высота пахсовой стены 10,5 м. Общая толщина ее по подошве (включая берму) — 25 м. Имела ли эта стена башни или нет — неизвестно. Таким образом, укрепления древнейшего поселения на Эрккале резко отличались от укреплений Яздепе, где существовала только одна поднятая на платформу цитадель, а поселение, окружающее ее, оставалось неукрепленным. Эрккала, видимо, с самого начала имела не только цитадель, но и стены, замыкающие поселение, лежающее у ее подошвы. Рисунок плана укреплений — многоугольник, воспринимаемый из-за многометровых оплывов как овал (Усманова З. И., 1969, с. 85, рис. 16—18). Однако необходимо иметь в виду, что очень скоро поселение расширилось и перехлестнуло крепостные стены. Эта довольно значительная по территории часть поселения оставалась неукрепленной.

В первой половине III в. до н. э. возводятся стены вокруг этого разросшегося поселения. Древнейшая стена Гяуркалы (Ташходжаев Ш. С., 1963) сложена из квадратного сырцового кирпича с примесью самана (размеры: от 38×38×10 см до 42×42×12 см). Стена с обеих сторон имела уклон до 10°. Сохранилась она на высоту 7,4 м при ширине в основании 6,6 м. Сырцовая кладка была возведена на цоколе, выполненном из пахсовых блоков. Высота этого цоколя-платформы 3 м, за передний фас сырцовой стены она выступает на 2 м. Вопрос относительно наличия или отсутствия башен у этой ранней стены остается открытым. Ш. С. Ташходжаев считает, что стена Гяуркалы имела башни, не выступавшие за гладь стен (Ташходжаев Ш. С., 1963, с. 104). Можно предположить, что существовала обычная для того времени система — с выступающими башнями (Филанович М. М., 1974, с. 38).

Видимо, в это время происходит известная перестройка и стен Эрккалы. Стена 1 была сверху надстроена (а с внутренней стороны взята в «футляр») кладкой из сырцового кирпича прямоугольного формата (размеры: 52×30×10, 52×26×12, 52×32×11, 60×30×10 см). Высота кладки над пахсой 4 м. Таким образом, общая высота стен стала достигать 15,5 м.

Стены Эрккалы и Гяуркалы составили в это время единую оборонительную систему. Многоугольная крепость Эрккалы стала служить цитаделью всего города. Часть обвода ее стен выходила за внешнюю грань стен Гяуркалы. Единственные ворота были обращены внутрь города. В стенах Гяуркалы имелось четверо ворот, расположенных по центральным осям. Видимо, существовали и еще одни ворота — в месте соединения стен Гяуркалы и Эрккалы (западный стык) (Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1964). Укрепления Гяуркалы включали также и ров, расположенный перед стеной. Как показали исследования, роль рва перед западной стеной выполнял уже ранее существовавший канал Разик. Городские стены строились применительно к уже существовавшему каналу (Филанович М. И., 1974, с. 37).

Во II—I вв. до н. э. происходят очень значительные перестройки укреплений Мерва. Как показывает раскоп II (разрез западной стены Гяуркалы), в это время строятся новые мощные стены, взявшие в «футляр» остатки старой стены. В наружной части стены, как и в конструкциях более раннего времени, был создан пахсовый цоколь (ширина 8,5 м). Его верхняя поверхность вымощена четырьмя рядами сырцовых кирпичей. Высота пахсовой платформы 5 м, она на 2 м выше кирпичной кладки более ранней стены. Внешний фас стены сохранился плохо, но можно предполагать, что нижняя часть (своего рода цоколь стены) имел уклон до 75°. Стена имеет толщину до 10 м и сохранилась на высоту 6—6,5 м. Сложена она из сырцового кирпича (размер 39—41 см в стороне при толщине 10—15 см). Здесь же расчищена часть башни (вероятнее — форта). Она также имеет пахсовую платформу (верхняя поверхность ее на 0,5 м выше основания платформы собственно стены), уклон которой 75°. Башня выступает за гладь стены на 6,9 м, она также не вертикальна, имеет уклон 75°. Сложена из сырцового кирпича. Кладка стены и башни — раздельная, только в самой верхней части — вперевязку. Старая стена была взята в «футляр» и с внутренней стороны. Здесь также имеется пахсовая платформа (высота 8 м, ширина 1,5 м). Над ней кладка из сырцовых кирпичей. И пахсовая и кирпичная кладка имеют уклон до 75°. Стена эта неоднократно ремонтировалась (Ташходжаев Ш. С., 1963, с. 105 сл.).

Стены Эрккалы в это время не перестраивались — был проведен только ремонт, но на гребне южной стены был построен мощный «замок» правителя, резко усиливший оборонительные возможности цитадели Мерва (Усманова З. И., 1963, с. 48).

Следующие значительные перестройки укреплений Мерва относятся к позднепарфянскому времени (видимо, II в. н. э.). Новая стена Гяуркалы была построена на оплывах уже довольно сильно разрушившейся к тому времени раннепарфянской стены.

Мощные остатки парфянской стены были наращены на значительную высоту. Новая кладка была выведена из сырцового кирпича размером 42×42×10—12 см. Остатки внешнего фаса, расчищенные на высоту 1,4 м и по длине на 7,5 м, указывают, что фас был отвесным (чем он резко отличается от укреплений предшествующих эпох). Здесь удалось расчистить четыре бойницы. Высота каждой 1,3 м, ширина 0,3 м. Расстояние между бойницами 1,3 м. Они имеют плоские перекрытия. К внешнему фасу старых (раннепарфянских) укреплений на оплывах была пристроена прямоугольная в разрезе кладка из пахсы. Она имеет высоту 3,7 м и ширину у основания 2,3 м. Верхняя часть этой кладки заканчивалась у основания новой стены. Видимо, в это время ров уже не существовал, он был затянут землей. Отсутствие рва в известной мере компенсировали мощные оплывы парфянской стены, которые давали большой уклон и затрудняли возможность применения стенобитных машин (Ташходжаев Ш. С., 1963, с. 111). Сохранившаяся высота стены (если учесть и цоколь) была равна 7,7 м.

Видимо, одновременно проводились работы и по усилению стен Эрккалы. Ко II в. н. э. относится так называемая стена II. Она перекрывает более раннюю стену, ее сохранившаяся высота 2,5—3 м. Выполнена она из сырцового кирпича в сочетании с пахсой.

В эпоху ранних Сасанидов, видимо в IV в. н. э., укрепления Мерва еще раз подвергались значительной перестройке. На развале стен Гяуркалы, видимо, была создана двойная стена с коридором. Очень серьезные перестройки отмечены на северном фасе (раскоп I) (Филанович М. И., 1974, с. 41). Здесь на укрепленном массиве стены предшествующего времени была построена новая стена. Она имела пахсовый цоколь (высота 2 м), полого суживавшийся ко рву. В кладке стены был использован кирпич-сырец (размеры: 38—41×38—41×9—11 см). Сохранившаяся высота стены более 10 м, толщина 15,3 м. В стене был коридор шириной 6,5 м, не имевший перекрытия. Внешняя стена (толщина 3,69 м) имела ход и бойницы (высота хода 2,66 м, ширина 0,8 м). Внутренняя стена коридора имела ширину 4,2 м, она сложена из кирпича иного размера (34—36×34—36×9—12 см). Возможно, что эту систему укреплений можно считать не единой стеной с внутренним коридором, а двумя стенами. Учитывая, что внутренняя стена шире внешней, можно думать, что она имела и большую высоту, господствуя над внутренней.

Значительные изменения наблюдаются в раннесасанидское время и в месте примыкания стен Гяуркалы к Эрккале (западный стык). Ранее существовавшие здесь ворота были забиты глиной. На этой забутовке была построена стена. Она имела понизу толщину 6,7 м и, сохраняя северную (внешнюю) поверхность отвесной, а южную (внутреннюю) наклонной (до 75°), сужалась кверху до 1,5 м. Высота ее 8 м. Она была выложена из сырцового кирпича (размеры: 33×33×12, 33×32×12, 33×31×13, 35××32×12 см). Немного позднее эта стена была расширена с внутренней стороны пристройкой из кирпича (размеры 42×42—43×12 см) и достигла толщины 2,2 м поверху. Еще несколько позднее впереди северного фаса стены появилась малая стена — протейхизма (толщина 1,85 м) (Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1964, с. 34—40).

В Эрккале к раннесасанидскому времени относится стена III. Сохранившаяся высота ее 2,5—3 м, ширина 7 м, имеется внутренний коридор. Она выполнена из кирпича-сырца (размеры: 32×32×12, 35×35×12—15 см). Грани стены не вертикальные, а имеют наклон до 80°, с внутренней стороны она берет «в футляр» остатки стены II. Перед основной стеной — протейхизма.

Дальнейшие перестройки стен Гяуркалы и Эрккалы (относящиеся к позднесасанидскому времени) выходят за хронологические рамки данного тома.

Некоторый материал по истории фортификации Маргианы дают исследования малых памятников оазиса. Насколько сейчас известно, ни один из них не имеет столь сложной истории своей фортификации, как Мерв. Укрепления ранних периодов на территории Мервского оазиса практически (за одним исключением) еще не изучались. Исследовано только укрепленное поселение, возникшее в ахеменидское время (и продолжавшее существовать в раннепарфянское) на месте Старого Кишмана (Массон М. Е., 1966б, с. 95 сл.). Стена его прослежена на протяжении 2,3 км. Неправильный овал стен выявлен только в северной части. Южнее они перекрыты слоями раннесредневекового времени. На ныне существующем участке стен отмечены места двух ворот. Разрез стены (осуществленный в наиболее сохранившемся месте) показал, что стена была возведена на плотно утрамбованной глине из пахсы, ширина стены у основания была равна 3,5 м, на высоте около 2 м она сужается до 3,3 м. Исходя из этого, М. Е. Массон предполагает, что первоначальная высота ее была равна приблизительно 7 м. Никаких сведений о башнях не имеется. Лучше можно представить систему фортификации рядовых населенных пунктов оазиса в первые века н. э. Как правило, для них характерна прямоугольная (или близкая ей) планировка, довольно частое расположение прямоугольных башен, иногда — наличие предвратных лабиринтов. Видимо, наилучшая сохранность укреплений (и, соответственно, наилучшая изученность) — у крепости Дурнали (Пугаченкова Г. А., 1952б; 1958а, с. 46 сл.). В плане Дурнали почти прямоугольна (размеры длинных стен 183 и 173 м, коротких 160 и 150 м). Нижняя часть стен выложена из пахсы (два блока по 1 м в высоту с небольшим уклоном — 16 см на 1 м высоты). Выше — отвесная кирпичная кладка из кирпича-сырца (размеры: 40—42×40—42×13—14 см). Сохранившаяся высота стен 7,5—8 м. По мнению Г. А. Пугаченковой, первоначально высота их достигала 15 м. Башни — прямоугольные в плане, они выступают за гладь стен на 6 м. Помимо четырех угловых, имеется также по семь башен на трех сторонах (западной, северной и восточной). Южная стена подверглась большему разрушению, ситуация там менее ясна, и можно предполагать наличие шести башен и крупного бастиона, прикрывающего ворота. Расстояние между башнями 10—17 м. Начиная от нижнего уровня сырцовой кладки, толщина стен в общем невелика — 1,2 м. Снаружи стены раскреплованы широкими пилястрами, выступающими на

43 см. В каждом пилястре и разделяющем их простенке устроено по бойнице. То же самое оформление и внешних поверхностей башен: на лицевом фасаде — по три пилястры и по два простенка, на боковых — по две пилястры и по одному простенку. Все они также прорезаны бойницами. На угловых пилястрах бойницы ложные.

Внутри башен находятся квадратные в плане помещения со стороной 3,7 м, перекрытые, видимо, сводом. Вход во внутрибашенное помещение оформлен аркой (пролет 1,2 м). Бойницы узкие, удлиненные (до 2 м высотой) с сильным скосом нижней грани, что позволяло осуществлять навесной обстрел. Форма их — стреловидная.

Худшая сохранность укреплений другого городка первых веков н. э.— Чичанлыка (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 46). Он имеет почти квадратный план (около 200 м в стороне), углы укреплены квадратными башнями, на трех стенах (южной, западной и северной) зафиксировано по четыре башни, на восточной — три и Г-образный предвратный лабиринт. Верхняя часть стен и башен выполнены из сырцового кирпича размером 40—42×40—42×12—14 см. В настоящее время невозможно сказать, имелся у этих конструкций пахсовый цоколь или нет. Также неизвестно устройство башен (имели они внутрибашенное помещение или нет) и бойниц.

Некоторый материал имеется и по другой крепости первых веков н. э.— Кыркдепе (Дурдыев Д., 1959а, с. 123 сл.). В плане она повторяет план Мерва — с круглой по планировке цитаделью в середине северной стены и почти квадратным планом собственно города. Длина стены 305 м. Стены снабжены большим количеством башен (около 40). Башни и стены очень оплыли и их конфигурация практически не восстанавливается. Можно только предполагать, что башни были прямоугольными в плане. Было выявлено, что стены и башни имели пахсовую платформу, а верхняя часть их конструкций была выполнена из сырцового кирпича. Раскопки также показали наличие мощных укреплений, прикрывавших южные ворота, но детали их устройства остались неизвестными. Также не удалось выяснить и характер бойниц.

Изменения в системе укреплений городов Мервского оазиса в раннесасанидскую эпоху лучше всего могут быть прослежены на примере крепости Старого Кишмана (Дурдыев Д., 1959б, с. 136 сл.; Массон М. Е., 1966б, сл. 86 сл.). М. Е. Массон датирует возникновение крепости III в. н. э. Планировка ее — четырехугольная, приближающаяся к квадрату (размеры длинных стен около 180 м, коротких — чуть больше 150 м). При строительстве крепости использовался сырцовой кирпич (40—41×40—41×10—11 см — в основной кладке; в ремонтных кладках размеры варьировали от 37×37×10 см до 43×43××10 см). Стена имеет различную толщину: от 3,3 до 3,75 м, внутри них имелись проходы (ширина 0,88—0,92 м), обычно внешняя стена толще, чем внутренняя (в первом случае 1,3 м, во втором — около 1,1 м). Коридор не сплошной, он состоит из отдельных отсеков, в которых имеются лестницы, подводящие и к проходам в башни, и на верхний парапет (видимо, имевший зубцы). Общая высота стен, по мнению М. Е. Массона, была около 7 м. Внутристенные коридоры не имели бойниц. Не ясными с точки зрения фортификации являются проходы (числом около 15), обнаруженные в стенах. Их ширина равна 0,9—1,4 м, высота 2,5—2,7 м. Частично они заложены (иногда снаружи, иногда изнутри).

Перед стенами, видимо, находился ров. Углы стен укреплены башнями, близкими в плане к кругу (с диаметром 5—7 м). Кроме угловых, зафиксировано еще 12 башен (по три на каждой стороне) и две башни, прикрывающие ворота, находящиеся на восточной стороне. Расстояние между башнями варьирует от 25 до 39, ширина башен — 4,5—5,5 м, выступают за гладь стен они на 4—4,5 м. Планировка этих башен имеет следующий характер: от стены отходит прямоугольная кладка, затем она приобретает форму овала. Привратные башни имеют тот же план, что и обычные, но несколько большие размеры. Они выступают за гладь стен на 5 м, ширина их 6 м.

Башни имели монолитные основания, а с высоты около 4 м в них располагались сводчатые помещения. В процессе исследований было расчищено внутреннее помещение одной из угловых башен (размеры 4,1×2,3 м) и одной из привратных башен (4,2×2,6 м). В опубликованных отчетах никаких сведений о характере бойниц не имеется.

В общем имеющегося материала явно недостаточно для того, чтобы судить сколько-нибудь уверенно об эволюции маргианской фортификации. Можно сделать только следующие наблюдения. Самые ранние укрепления, восходящие к ахеменидской эпохе, обычно выполнены из пахсы (Эрккала, раннее поселение на городище Старый Кишман). В плане эти поселения имеют форму, приближающуюся к овалу (более или менее правильных очертаний). Ничего нельзя сказать о наличии башен у этих укреплений.

В раннеантичное время (и вплоть до конца парфянского времени) правилом становится двухчастное устройство укреплений: пахсовая платформа и собственно стены, выполненные из сырца. С этого времени план населенных пунктов, обнесенных стенами, обычно приближается к прямоугольному. В это время также правилом становится использование прямоугольных в плане башен.

В первые века н. э. отмечаются следующие изменения в системе фортификации: на смену стенам, имеющим скос, приходят вертикальные стены. Иногда поверхность городских стен декоративно разработана (Дурнали). В тех случаях, когда удается проследить устройство бойниц, они имеют следующий характер: узкие, высокие, перекрытые двумя поставленными на ребро кирпичами.

Для III—IV вв. н. э. характерно широкое употребление внутристенных коридоров (иногда появляются протейхизмы), башни иногда (Старый Кишман) приобретают форму овала или полуовала. В одном случае (там же) зафиксирована кладка стены целиком из кирпича-сырца, но эта практика, кажется, не нашла продолжения в раннесредневековое время.

Помимо укреплений населенных пунктов, в пределах Мервского оазиса зафиксировано наличие стен, окружавших целые районы. Это, во-первых, стена, возведенная Антиохом вокруг всего Мервского оазиса, и стена Гилякин—Чильбурдж, окружавшая пригороды Мерва. Стена вокруг городской ок-

руги Мерва (Гилякин—Чильбурдж) была сооружена из пахсы (высота 0,7—0,8 м) и выведена прямо на поверхности земли. Первоначальная ширина ее была, видимо, 6—7 м; в настоящее время в оплыве она имеет ширину свыше 20 м и возвышается над современным уровнем земли не более, чем на 3 м (Альхамова З. А., 1953, с. 405). Название Чильбурдж (сорокобашенная), вероятно, указывает на то, что в древности над стеной возвышалась башня (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 43). Значительная толщина стены заставляет думать, что она не только являлась защитой от набегов небольших шаек разбойников, но выполняла и более важные функции — служила первой линией обороны, которая могла остановить или задержать на время врага. Пока на главной линии обороны (городских стенах) шла подготовка к бою, жители скрывались в городе (Кошеленко Г. А., 1963а, с. 59).

Обследовалась также стена, сооруженная (согласно свидетельству Страбона) по приказу Антиоха I вокруг всего Мервского оазиса (Вязигин С. А., 1949; Мережин Л. Н., 1978). Она выявлена на протяжении примерно 70 км в северной части оазиса. Стена бесспорно охватывала все культурные земли. Толщина ее равна 4—5 м, она выполнена из пахсы. Местами в непосредственной близости от нее (со стороны оазиса) располагались сооружения, интерпретируемые как «башни» — вероятные здания охранных постов, в которых размещались пограничные отряды войск (табл. XCI).

Архитектура и строительная техника. Основным строительным материалом в Маргиане был сырцовый кирпич. Высокое качество его отмечается современными исследователями (Гражданкина Н. С., 1958). В более раннее время он был обычно прямоугольного формата (около 50×30×10 см), в парфянское и раннесасанидское — квадратного (примерно 40×40×10 см). Жженые кирпичи использовались много реже. Достаточно широко применялась и битая глина — пахса. Часто в постройках можно видеть сочетание кладок из пахсы и кирпича-сырца. Дерево использовалось редко: для перекрытий, дверей, иногда деревянные бревна и доски закладывались в сырцовую кладку для придания ей большей жесткости (Усманова З. И., 1966). Причиной ограниченного применения дерева, видимо, была редкость его в Мервском оазисе. Камень в строительстве применялся в очень ограниченных масштабах (табл. XCII, XCIII).

Кладка из сырцовых кирпичей обычно была тщательной, старательно следили за «перевязкой» швов, что придавало прочность конструкции. Горизонтальные и вертикальные швы между кирпичами заполняли жидкой глиной, обеспечивавшей при высыхании прочную связь кирпичей. Стены, как правило, были значительной толщины — до 2—3 м. Перекрывались помещения как деревом (с последующей обмазкой глиной), так и сырцовыми сводами. Наиболее обычной формой конструкции в этом случае был так называемый «свод отрезками». Возможно, что уже в парфянское время была освоена техника выкладки куполов. «Ложный купол» широко использовался при строительстве керамических печей.

Стены помещений, как правило, покрывались глиняной штукатуркой, в парадных частях зданий использовалась ганчевая обмазка. Иногда ганч красился, изредка — расписывался. В декоре (хотя и очень редко) использовались литые из гипса детали. Так, например, в доме ремесленника в Мерве — коринфизированная капитель (Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1963). Полы, как правило, были глинобитными, изредка они покрывались ганчем, еще реже устраивались вымостки из битых кирпичей.

Архитектура Маргианы изучена еще очень недостаточно. В частности, плохо известна архитектура жилища. Несколько жилищ было изучено на территории Гяуркалы. В восточной части городища исследовался дом, который считался жилищем одного из рядовых граждан города (Филанович М. И., 1974, с. 78 сл.). Дом вскрыт только частично. Он был выполнен из сырцовых кирпичей обычных размеров. Видимо, организующим элементом планировки был дворик. Хозяйственные и жилые помещения группировались вокруг него, причем первые были сконцентрированы в северной части комплекса, вторые — в южной. Комнаты были достаточно просторны, в одной из них зафиксированы две ниши, расположенные одна против другой. На территории дворика зафиксирован тандыр. В хозяйственных помещениях имелось большое количество вкопанных в пол хумов. Интересны находки, сделанные в процессе раскопок: керамика, терракотовые статуэтки, туалетные чашечки, пряслица, очень большое количество монет, киноварь в чашечке (возможно, китайского происхождения). Необходимо, кроме того, отметить большое количество железных криц, хотя никаких следов производства не обнаружено. Все это приводит исследователей к выводу, что здесь перед нами жилище мервского купца. Датируется дом II—III вв. н. э.

В северной части городища Гяуркала исследовался квартал мукомолов (Кацурис К., Буряков Ю., 1963). Здесь выявлено около десяти домохозяйств, расположенных очень тесно, на небольшой территории, отдельные дома часто имеют общие стены. Узкие переулки внутри квартала дополняют картину скученности и тесноты. Основным строительным материалом служит сырцовый кирпич. Иногда используются жженые кирпичи, но их функции всегда подсобные: вымостка пола или основание для жерновов. В одном случае в качестве вымостки служил слой утрамбованных черепков. Стены обычно большой толщины. Они штукатурятся глиной. Дворы (точнее, небольшие световые дворики) не служат организующим центром домохозяйства. В комнатах часто строятся глинобитные суфы. Хумы в помещениях чаще всего хранятся во вкопанном состоянии. Хорошо видна специализация отдельных помещений. Одни из них приспособлены только для хранения зерна или муки и заполнены в основном хумами. Другие служат собственно мастерскими, третьи — жилые. Датируется квартал III в. н. э.

Более сложен вопрос с так называемой мастерской ремесленника-металлиста (Усманова З. И., 1963б). Во-первых, есть основания полагать, что данная мастерская входила в состав государственного (царского) хозяйства, что не позволяет «напрямую» использовать этот материал для суждения о характере жилища Мерва. Комплекс неоднократно перестраивался (что очень затрудняет определение функций

отдельных помещений). Кроме того, вскрыт он неполностью. Тем не менее можно отметить следующее: в качестве основного строительного материала использовался кирпич-сырец, здесь также наличествует сочетание в едином комплексе производственных и парадно-жилых помещений. Именно отсюда происходит и известная гипсовая капитель.

Вне пределов Мерва жилища исследовались только на поселении Джиндепе, где был частично раскопан один из кварталов поселения (Кошеленко Г. А., 1963б).

В составе квартала имелось три домохозяйства и обширный двор, окруженный глинобитной стеной. В состав комплекса также входили две керамические печи. Квартал располагался изолированно, его окружало незастроенное пространство. Характерна большая толщина стен (1,8—2,2 м). Стены сложены из сырцового кирпича, проходы между отдельными помещениями перекрыты арками. В ряде помещений имеются алтарные ниши и глинобитные суфы.

В целом материал еще слишком незначителен, чтобы можно было делать какие-то серьезные выводы относительно жилища Маргианы. Можно только отметить разнообразие их типов, большое сходство с точки зрения конструкции (толщина стен, наличие суф, ниш и т. п.), частое сочетание в едином комплексе жилых и производственных помещений.

В Маргиане выявлено только одно здание дворцового характера. Оно расположено на гребене стен Эрккалы (Усманова З. И., 1963а). На стене была создана мощная платформа и уровень полов помещений этого сооружения был на 26 м выше уровня почвы в городе. Ядром всего комплекса служило большое квадратное помещение (8,6×8,5 м), с обводными коридорами вокруг него и рядом комнат за ними. Перекрытия, насколько можно судить, были балочными у основных помещений и сводчатыми у обводных коридоров. Основным строительным материалом был кирпич обычных в Маргиане размеров. Стены помещений были покрыты белой штукатуркой, поверх которой наносилась цветная. Преобладают тона: ярко-голубые, красные, желтые, розовые, черные по голубому фону, черные по красному. В одном из помещений обнаружена лестница, ведущая, видимо, на крышу, что заставляет думать, что имелся еще верхний этаж, возможно, выполненный из дерева. К сожалению, все помещения в сасанидскую эпоху были очень плотно забутованы и в силу этого большая часть комнат осталась неисследованной. Высказывалось предположение (Кошеленко Г. А., 1966, с. 86 сл.), что данное здание можно определить как дворцово-храмовый комплекс.

На территории Гяуркалы раскапывались остатки двух зданий, которые определяются исследователями как храмовые, возможно, зороастрийские. Одно из них располагалось в северо-восточной части города (Филанович М. И., 1974, с. 69 сл.). Здесь в I—II вв. н. э. на платформе из пахсы располагалось несколько помещений и отдельно стоящий квадратный цоколь (возможно, остатки башни). Стены помещений были покрыты цветными штукатурками с использованием белой, черной, красной и синей краски и позолоты. Были обнаружены очень мелкие фрагменты алебастровой скульптуры, окрашенной в черный цвет. В начале III в. н. э. комплекс был оставлен. Несколько позднее он вновь отстраивается. Здание имело замкнутый характер, включало большой зал и небольшие глухие комнаты. Интерьер украшала цветная штукатурка. Рядом был расположен мощный монолитный цоколь (квадратный в плане, со стороной 16,6 м), видимо, также служивший основанием башни. Высказывалось предположение, что на этой башне стоял алтарь, на котором возжигался огонь при религиозных церемониях.

Второе здание располагалось в районе южных ворот (Филанович М. И., 1974, с. 93 сл.). Оно, видимо, также было построено на платформе. Раннее сооружение (I—II вв. н. э.) выявлено только частично. Установлено, что в интерьере его использовались ганч с позолотой. Оно пришло в упадок в конце II — начале III в. н. э. и было вновь отстроено во второй половине III в. н. э. Для него характерными являются очень толстые стены (до 2,5 м), помещения как бы «вмурованы» в монолит кладки. Центральное помещение (видимо, целла) с трех сторон было окружено коридорами. Возможно, имелся и верхний этаж. Среди находок зафиксированы остатки рельефных золоченых штукатурок и рука ганчевой статуи.

В юго-восточной части городища Гяуркала обнаружены буддийская ступа и сангарама (Koshelenko G., 1966; Кошеленко Г. А., 1966, с. 95 сл.; Кошеленко Г. А., 1977, с. 110; Массон М. Е., 1963а; Усманова З. И., 1977). Возникновение этого комплекса относится к III в. н. э. Первоначально была возведена ступа. Она состояла из монолитной платформы (ширина 6,5 м, высота 3 м) и круглой в плане башенки, сохранившейся в высоту на 1,5 м. Для строительства был использован сырцовый кирпич обычных для этого времени размеров (42—45 см в стороне, толщина 10—12 см). В дальнейшем платформа с западной стороны дала просадку и произошел разрыв кладки платформы. Второй период в истории сооружения связан с ремонтом платформы. С западной стороны платформа была усилена кладкой (ширина 2,4 м), выложенной из сырцового кирпича с деревянными креплениями через каждые 0,7 м (в два ряда). Была также надстроена и увеличена в размерах башня. Несколько позднее башня получает новый купол и сооружается обводной коридор. К концу этого (третьего) периода (датируемого IV в. н. э.) ступа уже полуразрушена. Четвертый период связан с капитальными перестройками, придавшими сооружению очень монументальный характер. Башня получает новую оболочку, ее диаметр теперь достигает 10 м. Создается новый обводной коридор. Стены его поверх глиняной обмазки имели красную штукатурку. На северном фасе была построена новая монументальная лестница (прослежена по наклонной на 5,8 м, по высоте на 3,5 м). На ступеньках лестницы сохранилась белая ганчевая обмазка и красная краска поверх нее. На северном же фасе на платформе, фланкируя начало лестницы, были поставлены две круглые колонны, выложенные из сырцового кирпича. Тогда же, видимо, у основания была помещена статуя Будды. В это же время сооружается сангарама к югу от ступы. Исследовано несколько помещений, связанных между собой сводчатыми проходами. Почти в каждом помещении имелись ниши. Этот период датируется V в. н. э.

В дальнейшем ступа еще перестраивалась, разрушилась она в VI—VII вв.

Хозяйство. Основой экономики Маргианы, видимо, было земледелие. Во всяком случае письменные источники, в общем чрезвычайно малочисленные, о сельскохозяйственных культурах говорят неоднократно. Так, в китайских сообщениях говорится (в применении к Маргиане): «Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу, делают вино из винограда» (Бичурин Н. Я., 1950, 2, с. 51). Об очень высокой урожайности маргианской виноградной лозы говорит и Страбон, упоминая вообще чрезвычайное плодородие Маргианы (Страбон, XI, 10, 2). При археологических работах (в частности, при раскопках Эрккалы) были найдены косточки винограда, вишен, семечки дыни, арбуза и огурцов, крупные косточки винограда. В большом количестве были найдены остатки зерен и шалы риса, как крупнозернистого, так и мелкозернистого (Усманова З. И., 1963а, с. 80). Там же были обнаружены остатки тканей из растительных волокон кенафа и хлопка (там же, с. 70). Бесспорно существование скотоводства в Маргиане. Находки шерстяных тканей в Мерве свидетельствуют о местной переработке продуктов животноводства (там же, с. 72—73).

Ремесло Маргианы исследовано еще недостаточно. Лучше других известно керамическое производство, благодаря исследованию как самой керамики, так и обнаружению ряда обжигательных печей различного времени, что (хотя и с большими лакунами) позволяет представить эволюцию этого вида ремесленной деятельности (табл. XCIV).

Самые ранние керамические обжигательные печи обнаружены на севере Мервского оазиса (Тахирбай 2, Чурнок, Северное Учдепе), датируемые серединой I тысячелетия до н. э. (Массон М. Е., 1966б, с. 71—72; Сарианиди В. И., 1957; 1958). Наиболее полно исследованы печи на поселениях Чурнок и Северное Учдепе. Печи на Чурноке расположены рядом, конструктивно они совершенно идентичны и различаются только размерами. В печи 1 центральную часть составляет топка в виде вырытого в земле колодца, обмазанного внутри раствором глины с саманом. В верхней части топки радиально расходятся каналы, сложенные из сырцовых брусков глины с глиняной же промазкой, сверху они прикрыты целыми кирпичами (40×20×10 см). Секторы между каналами засыпаны рыхлой землей. От верхнего края топки до горизонта отверстий каналов идет глиняная с саманом обмазка в несколько слоев. Горячий воздух через каналы поднимался вверх и попадал в обжигательную камеру, которая, вероятно, имела купольную форму. В куполе были проделаны вытяжное и загрузочное отверстия. Специальное отверстие около топки предназначалось для добавочного отвода горячих газов в каналы и уменьшения потерь полезного жара. Вторая печь бóльших размеров (диаметр 4,5 м, глубина топки 2,75 м).

То же самое устройство зафиксировано и у двух печей, раскопанных на Северном Учдепе.

На поселении Джиндепе раскопано пять печей, датируемых II в. до н. э.—I в. н. э. (Мережин Л. Н., 1962). Все эти печи круглые в плане, очень больших размеров. Печи выполнены из сырцового кирпича (40—42×40—42×12—14 см), они — двухъярусные. Топочная камера заглублена в землю, ее высота обычно 2,5 м, диаметр колеблется от 1 до 2,5 м. В сечении топка представляет собой полуэллипс, плоское основание которого служит полом топочной камеры. К ней подводит длинный канал топочного устья. Через него производилась загрузка топки топливом (янтак, тамариск, солянка и др.). Облицовка стен топочной камеры осуществлялась горизонтальной кладкой кирпича (методом ложного купола). Примерно на высоте 3/4 своего потолка топка соединялась 8, 9 или 13 каналами с находящейся выше обжигательной камерой. Продухи были прямоугольными в сечении. Они сообщались с обжигательной камерой большей частью с помощью двух круглых отверстий. Иногда имелось большое центральное отверстие или открытые каналы продухов. Обжигательная камера также круглая в плане и ее диаметр обычно на 1/3 больше, чем у топочной. Располагаясь над дневной поверхностью, обжигательная камера имела стены и перекрытие куполом с отверстием вверху (для выхода дыма). Кладка перекрытия осуществлялась методом ложного купола. Высота этой камеры от 3 до 5 м. Она имела в стене загрузочный проход, который каждый раз заделывался после того, как обжигательная камера заполнялась продукцией, подлежащей обжигу.

Керамические печи III—IV вв. н. э. были обнаружены на Гяуркале и одна из них была раскопана (Ахраров И. А., Усманова З. И., 1980). Эта печь мало отличалась от более ранних печей. Единственное новшество в конструкции — двойная стена верхней (обжигательной) камеры. Видимо, это новшество порождено стремлением замедлить остывание ее и тем самым обеспечить более равномерный обжиг керамики.

С керамическим производством было, видимо, в какой-то степени связано и производство терракотовых статуэток, являвшихся самым массовым видом искусства Маргианы. На ряде памятников обнаружены терракотовые формы для этих статуэток (Пугаченкова Г. А., 1962). Вполне возможно, что обжигались эти фигурки в тех же печах, что и керамика.

Металлообрабатывающее ремесло Мерва известно только на основании материалов раскопок мастерской, находившейся на территории Гяуркалы (Усманова З. И., 1963б, 1964 сл.). Первые постройки здесь появились в I в. до н. э., но настоящий расцвет мастерской отмечается в первые века н. э. Всего в ходе раскопок исследовано 13 помещений (производственных, хозяйственных, жилых). Большинство из них — производственного назначения. Видимо, основное место в деятельности мастерской занимала металлообработка, в первую очередь бронзолитейное дело. Обнаружены остатки небольших глиняных горнов, куски шлака, фрагменты тиглей, а также глиняных форм для отливки (одноразового пользования). Кроме того, найдены фрагменты керамических форм, состоявшие из двух половинок,— для многократного пользования. В целом виде дошли формы, предназначенные для изготовления каких-то поделок в форме воронок. К числу обнаруженных предметов производственного назначения относятся точильные

бруски и стеклянные сосуды типа черпаков и реторт. Высказывалось предположение, что эти черпачки и реторты предназначались для растворения золота в ртути (при нанесении позолоты на металлические изделия).

В тех же помещениях, где производилось литье, обнаружены горны и железные крицы ладошкообразной формы, что свидетельствует о совместной работе литейщиков и кузнецов. В этих помещениях были найдены врытые в землю хумы. Считается, что они предназначались для охлаждения в воде железных изделий. В соседних помещениях найдены фрагменты костяных обкладок сложных луков с выемками для тетивы, изготовленные из рога бухарского оленя и тщательно отполированные. Основа луков, видимо, была деревянной. Наконец, в особой части дома (на север от основного комплекса помещений) в нескольких комнатах было найдено большое количество керамических пирамидальных грузил и пряслиц. Было высказано предположение, что здесь располагалась специальная ткацкая мастерская. Широкое распространение ткачества в Мерве в форме домашнего ремесла не подлежит сомнению. Об этом говорит повсеместное распространение грузил и пряслиц. Но, с другой стороны, столь же возможно и наличие здесь специализированных мастерских, поскольку в Мерве найдены остатки тканей из льна, шерсти, шелка иногда очень сложного плетения (Усманова З. И., 1961; Федорович Е. Ф., 1969).

Наконец, необходимо отметить, что на территории меднолитейной мастерской обнаружены небольшие лепешкообразные заготовки и бракованные медные монетные кружки. Вполне возможно, что в этой же мастерской осуществлялась и чеканка медных мервских монет. В таком случае можно предполагать, что данная мастерская являлась государственной, а не частной, как указывалось в публикациях материалов раскопок. Помимо факта чеканки монет, в пользу этого предположения говорит концентрация в рамках единого комплекса очень различных видов ремесла.

Раскопки древнего Мерва дали интересный материал для суждения об одном виде ремесла, связанном с переработкой сельскохозяйственной продукции (Кацурис К., Буряков Ю., 1963). В III в. н. э. у северных городских ворот возникает квартал мукомолов. Здесь выявлено около десяти отдельных хозяйств примерно одного имущественного уровня (в общем не очень высокого). В каждом из хозяйств было обнаружено три—пять установок для помола зерна и большое число больших хумов, в которых хранились как мука, так и предназначенное к помолу зерно. Каждая из этих мельниц[1] состояла из двух жерновов. Нижний, меньшего диаметра, неподвижно укреплялся на подставке из жженых трапециевидных кирпичей. Верхний, несколько большего диаметра, соединялся с ним деревянной осью. Поднимая или опуская эту ось, можно было получать разные помолы муки. Характерно разнообразие типов мельниц, их жернова имели диаметр от 6 до 35 см. Они изготавливались из гранита, кварцевого песчаника, гнейса, а также в отдельных случаях из керамического клиниста. Исходя из того что в Мервском оазисе нет месторождений камня, подходящего для производства жерновов, было высказано предположение (по-видимому, справедливое), что привозное сырье (или полуфабрикаты) окончательной обработке подвергалось на месте, в мервских ремесленных мастерских (Айзенберг Ю. В., 1958).

Не подлежит сомнению товарный характер хозяйства квартала. В каждом хозяйстве было несколько мельниц — в то время как и одной вполне хватило бы для удовлетворения домашних потребностей. Кроме того, при раскопках найдено более 600 медных монет мелких номиналов, это также подтверждает товарную направленность хозяйственной деятельности мукомолов.

О других видах ремесла Мерва можно судить только на основании ремесленной продукции, поскольку ремесленные мастерские и инструменты мастеров не обнаружены. Можно думать, что на достаточно высоком уровне находились отрасли производства, связанные со строительством. Если строительство рядовых жилищ, видимо, как правило, было делом рук самих хозяев, то большие строительные проекты (возведение общественных зданий, стен городов и т. п.) осуществлялись под руководством и при участии опытных ремесленников. В Маргиане (хотя и в сравнительно небольших масштабах) при строительстве использовался жженый кирпич, изготовление которого, бесспорно, производилось в специализированных мастерских (Гражданкина Н. С., 1958). Со строительством связаны и некоторые виды деревообработки (Усманова З. И., 1966). Кроме того, существовали виды ремесла, связанные с отделкой парадных помещений зданий общественного назначения. В целом ряде таких зданий, открытых на Эрккале и Гяуркале, найдены остатки цветных штукатурок, иногда очень хорошего качества. В доме ремесленника на Гяуркале была найдена литая из гипса капитель, принадлежавшая декору парадного помещения (Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1963). Капитель довольно сложной конфигурации является свидетельством существования особого вида ремесла в древнем Мерве.

Бесспорным представляется существование в Маргиане ряда отраслей ремесла, связанных с производством украшений. В частности, в Мерве изготовлялись каменные бусы (из гипса, агата, корунда, яшмы, талька, змеевика и некоторых других минералов) (Дресвянская Г. Я., 1969б, с. 70). Камнерезное ремесло засвидетельствовано и находками перстней местного производства (Пугаченкова Г. А., 1957; 1963). Кроме того, в Мерве изготовлялись и стеклянные бусы (Дресвянская Г. Я., 1969, с. 78). Мервский оазис, видимо, играл важную роль в международной торговле. Он лежал на одном из важных этапов «великого шелкового пути», связывавшего Средиземноморье с Дальним Востоком (Массон М. Е., 1955а, с. 33 сл.) В связь с развитием этой торговли некоторые исследователи ставят находки в Мервском оазисе двух Пальмирских рельефов (Массон М. Е., 1966а), хотя существует сомнение в том, что они в действительности были найдены здесь (Bernard P., 1973). Во всяком случае множество мелких находок (фрагменты шелковых тканей, кусочки киновари и т. п.) подтверждают

[1] Жернова распространяются в Мерве начиная с рубежа н. э., придя на смену каменным зернотеркам.

данные литературной традиции о развитии международной торговли и о роли Мерва. Несомненно также наличие связей с Индией. Огромное количество раковин каури, найденных при раскопках в Маргиане, произведения буддийского искусства, обнаруженные в Мерве, подтверждают это.

В парфянское время, особенно к его концу, можно говорить о широком развитии внутренней торговли в Мервском оазисе. Здесь существует местный монетный двор, видимо, чрезвычайно активный, выпуски монет которого удовлетворяли потребности местного рынка. Широкое развитие товарно-денежных отношений подтверждается многочисленными находками бронзовых монет. Особенно показательны в этом отношении раскопки квартала ремесленников-мукомолов.

Оружие. Оружие Маргианы изучено слабо. В большом количестве при раскопках встречаются только наконечники стрел. Для VII—IV вв. до н. э. характерны бронзовые двухперые лавролистной и треугольной формы со спрятанной или выступающей втулкой. Для этого времени характерны также глиняные обожженные метательные ядра. Среди них встречаются крупные, но преобладают биконические длиной до 8—9 см — для пращи.

В III—I вв. до н. э. в военном деле Маргианы начинают использоваться метательные машины. Об этом свидетельствуют многочисленные находки ядер круглой формы из обожженной глины диаметром от 10 до 22 см и весом от 3 до 10 кг. Была и другая разновидность ядер — в форме равносторонних пирамидок (высота до 8 см), которые применялись как защитное средство против кавалерии. Они разбрасывались перед стенами города (главным образом около ворот). Характерным типом наконечника стрелы для этого времени был трехгранный или трехперый (реже круглый) с выступающей или скрытой втулкой с опущенными жальцами. Луки в это время были составными. В центральной части Гяуркалы была обнаружена мастерская, в которой изготавливались луки этого типа. Основа их была деревянной, а обкладки с выемкой для тетивы — из рога бухарского оленя.

В первые века н. э. происходят некоторые изменения в военном деле Маргианы. Метательная артиллерия продолжала использоваться, но, видимо, происходят какие-то изменения в конструкциях машин. Ядра этого времени — более мелкие (диаметр 10—15 см). Производство их было сосредоточено в цитадели (Эрккала), где обнаружена обжигательная печь, загруженная необожженной продукцией.

Наконечники стрел этого времени по-прежнему бронзовые трехлопастные, преобладающую группу составляют наконечники со скрытой втулкой и приспущенными жальцами, выполнявшими функцию шипов.

В III—IV вв. н. э. значительных изменений в военном деле, видимо, не происходило. Во всяком случае такой вывод может быть сделан на основании находок глиняных ядер и наконечников стрел.

Об иных типах вооружения наши сведения чрезвычайно скудны. Можно полагать, на основании изучения терракотовых статуэток, что распространены были кинжалы (прямые и изогнутые), а также тяжелые широкие двуручные мечи.

Керамика. Керамика Маргианы исследовалась главным образом на основе раскопок Гяуркалы и Эрккалы. Керамика рядовых поселений оазиса исследована еще недостаточно. Первая обобщающая работа, посвященная керамике Мерва, появилась в начале 60-х годов (Рутковская Л. М., 1962, с. 44—116). В дальнейшем керамическая шкала Мерва уточнялась благодаря раскопкам Эрккалы (Усманова З. И., 1969) и Гяуркалы (Филанович М. И., 1974). Наиболее важны в этом отношении были материалы из стратиграфического шурфа 5 на Эрккале, позволившие пересмотреть датировку нескольких керамических комплексов. Вся керамика Мерва (за исключением небольшого числа кухонной посуды) делалась на гончарном круге (табл. XCV, XCVI).

В настоящее время существует следующая схема развития керамики древнего Мерва.

VII—IV вв. до н. э. Вся посуда сделана на гончарном круге, качество черепка высокое, хорошая отмучка глины, обжиг ровный, черепок красного цвета, светлый (кремовый и белый) ангоб покрывает внешнюю поверхность сосуда (иногда целиком). Характерны следующие формы: а) крупные банкообразные сосуды с уплощенным венчиком в виде валика и клювовидным профилем, стенки прямые или слегка расширяющиеся к устью, с подкосом при переходе к плоскому донцу; б) сосуды меньших размеров, но практически той же самой цилиндрической формы с подкосом почти у самого дна и тонким прямым венчиком; в) крупные и мелкие чаши с прямым слегка утолщенным венчиком и с довольно резким изломом стенок в самой широкой части тулова при переходе к донцу.

Особый комплекс представляет керамика конца IV — начала III в. до н. э. Это комплекс переходного времени, когда часто встречаются формы, характерные для предшествующего периода, но уже появляются формы, которые станут ведущими в последующий период. Этот комплекс надежно был выделен в шурфе 5 на Эрккале. Он включает: а) крупные сосуды баночных форм с изломом стенок ближе к дну; б) крупные чаши-миски с клювовидным венчиком и крутым изломом стенок в широкой части тулова; в) мелкие сосуды с плоским дном и выпуклым туловом, дающим резкий излом и сужающимся к центру вращения, после чего стенки плавно расширяются к венчику. Кроме того, появляются совершенно новые формы сосудов (которые позднее станут ведущими в древнем Мерве): а) сосуды, имеющие коническое тулово с прямо поставленным венчиком, сходящим на нет у закраины, и перегибом в месте перехода к тулову (это, по-видимому, бокалы-кубки); б) чаши со скругленным у закраины венчиком. В этом же комплексе впервые появляются у сосудов круглые в сечении ручки.

III—II вв. до н. э. Керамика этого времени отличается большой тщательностью выделки, имеет обычно розовый, коричневый или красноватый черепок плотной отмучки. Покрыта светлым, реже розовым ангобом, иногда отмечается лощение. Очень редко встречаются экземпляры сосудов черного и серого цвета, иногда с лощением. Наиболее распространены сосуды открытых форм: блюда или тарелки, чаши, чашевидные кубки, пиалы, миски, широкие вазы, дающие большое количество вариантов профи-

лей и развивающие черты керамики переходного периода. Прочно вошла в быт цилиндроконическая чаша с дисковидным и плоским поддоном, прямой или слегка закругленной закраиной. Распространились чаши сфероидного очертания с отогнутым краем, а также пиалы и небольшие чаши с вариациями загнутого внутрь или отогнутого наружу бережка. Характерна форма плоского блюда или тарелочки с отогнутым клювовидным краем на кольцевом или дисковидном поддоне, иногда с выступом у дна (типа «рыбных блюд»), а также тарелки с закраиной в виде закругленного валика. Характерную черту комплекса составляет присутствие широких ваз на полой ножке с профилированным краем (типа кратеров). Представлены также широкогорлые кувшины с крутыми плечиками, отогнутой закраиной, реже раструбообразной горловиной с одной, реже двумя, ручками на кольцевом поддоне. Горшки приземистые, также с отогнутой закраиной. Обе эти формы часто несут вдоль бережка выступ для крышки. Сами крышки очень похожи на перевернутые тарелочки с клювовидным краем. Комплекс мелкой столовой и кухонной посуды дополняют также тагоры с расходящимися стенками и хумы яйцевидной формы или приближающиеся (по форме) к цилиндру с выпуклым дном и валикообразным загнутым венчиком. Конец II в. до н. э.— первая половина I в. н. э. Этот комплекс характеризуется тем же цветом черепка, редким применением лощения, хорошим качеством выделки, свидетельствующим о высоком уровне технологии производства. В нем продолжают бытовать все формы, свойственные предыдущему периоду, однако несколько сокращается обилие вариантов чаш и тарелочек, уступая место крупным более тяжеловесным мискам с плавным перегибом стенки или с расходящимися стенками и плоским поддоном. Увеличивается также процент горшков с яйцевидным туловом, бортик которых часто украшает процарапанный орнамент.

Вторая половина I — начало III в. н. э. Керамика характеризуется высоким качеством выделки. Преобладает черепок розового и желтовато-серого цвета, появляются сосуды серовато-зеленого цвета. Ассортимент форм по-прежнему широкий, продолжают бытовать многие старые формы (чаши, тарелочки и миски). Прежде всего это относится к чашам, тарелочкам и мискам. Наибольшее распространение получили чаши с округлым туловом на кольцевом поддоне. Начиная с этого времени расширяется ассортимент кувшинов. Появились кувшины с широким устьем без горловины с расходящимися вниз стенками с двумя ручками фасолевидного сечения. Поддоны обычно плоские, но появились и кольцевые с шашечкой посредине. Появляется новый тип горшка с округлым очертанием тулова, переходящим книзу на конус, плоским дном и отогнутым клювовидным венчиком. Продолжает бытовать прежняя форма горшка, чаще, чем прежде, украшенного по плечикам волнистым орнаментом. Так же украшаются массивные дисковидные крышки горшков. Среди других типов посуды необходимо отметить фляги-мустахары с ручками-кольцами и плошки-светильники. Наряду с яйцевидными хумами распространяются хумы, близкие к усеченному конусу с выпуклым дном. В начале III в. н. э. входят в употребление глубокие тарелки с широким бортиком, украшенным иногда волнистым орнаментом и двумя маленькими налепами, имитирующими ручки.

III—IV вв. н. э. В это время происходят некоторые изменения в технологии керамического производства, приведшие к ухудшению качества продукции. Несмотря на то что формы посуды отличаются большой пластичностью и стройностью, черепок пористь и обожжен неравномерно. Эти изменения нашли отражение и в цвете керамики. Преобладает серовато-зеленый тон черепка. В ассортименте резко снизился процент чаш, почти исчезли маленькие тарелочки. Вышли из употребления чаши и бокаловидные чаши цилиндрического профиля. Взамен увеличивается набор кувшинов, широкогорлых и узкогорлых. Необходимо отметить огромное разнообразие их вариантов и размеров, начиная от вытянутых, грушевидных, яйцевидных и кончая шаровидными. Появляются амфоровидные сосуды с двумя изящно изогнутыми ручками и кувшинчики с вычурно профилированной закраиной горловины. Наиболее распространены кольцевые поддоны с шишечкой посредине, но есть и плоские. В конце периода появляются утяжеленные поддоны, выступающие за стенки кувшина (с продолжением в них емкости сосуда). Новым типом можно считать также конусовидные поддоны с валиком-перехватом, полые и сплошные. Распространена также форма широкогорлого кувшина с шароподобной раздутой горловиной и двумя изогнутыми массивными ручками. Ручки самые разнообразные, от кольцевидных и напоминающих «ослиное ухо» до витых вертикальных и горизонтальных с вмятинами или налепами. Широко распространены глубокие тарелки с налепами в форме пельменей и орнаментированным широким бортиком. Бытуют горшки с клювовидным и треугольным в сечении венчиком, украшенные по стенкам волнистым орнаментом. Так же украшены массивные сосуды типа ступок.

Бытовая утварь, одежда. Бытовая утварь и одежда жителей Маргианы исследованы еще недостаточно. Представление о типах женской одежды может быть получено на основании изучения терракотовых статуэток, возможно, воспроизводящих типы одежды, существовавшие в быту. Для III—I вв. до н. э. в изображениях женских образов преобладают одежды типа гиматий и хитон. В первые века н. э. популярными становятся длинные, до пят, платья с большим декольте и большим количеством нашивных украшений. Головной убор — в виде клобука или платка (иногда с венцом). Несколько позднее становится популярным «двурогий» головной убор и плащ.

Сравнительно немногочисленные статуэтки, изображающие мужчин, говорят о том, что в первые века н. э. в мужской одежде были распространены кафтаны и складчатые шаровары.

Находки при раскопках Эрккалы остатков тканей показывают, что для шитья одежды использовались шерсть, шелк и лен. При раскопках встречены также бронзовые зеркала и туалетные ложечки.

Украшения. Находки украшений также немногочисленны. Довольно обычны тонкие плоские или овальные в сечении бронзовые кольца, иногда со

щитками, несущими изображения, или каменными вставками. Судя по терракотовым статуэткам, возможно, воспроизводящим украшения, существовавшие в быту, использовались также браслеты (ручные и ножные), а также гривны и медальоны. Также популярными были всякого рода нашивные украшения — бляшки, пуговицы, застежки. Одна из таких застежек была найдена при раскопках жилого дома Гяуркале. Она выполнена из перламутровой раковины, на ней в технике точечной гравировки передано изображение противостоящих друг другу в геральдической позе двух козлов. Многочисленны находки костяных «стилей» и женских головных шпилек с разнообразными навершиями (лопаточек, сжатых лодоней рук, птиц и т. д.).

Самым распространенным украшением были бусы, многочисленные находки которых были сделаны при раскопках мервских городищ (Дресвянская Г. Я., 1969). Бусы изготовлялись из мраморовидного оникса, сердолика, бирюзы, горного хрусталя, коралла, граната, агата, талька, кварца, перламутра, гагата, халцедона. Формы этих бус весьма разнообразны. Кроме каменных бус, употреблялись также и стеклянные (цилиндрические, бочонковидные, биконические, шаровидные, шестигранные и т. д.).

Погребальные памятники и обряд захоронения. Погребальный обряд Маргианы исследован еще недостаточно. В частности, практически неизвестны некрополи ранней эпохи. Только начиная с парфянского времени появляется некоторый материал для суждения о погребальном обряде населения Маргианы. Для этой эпохи зафиксировано два некрополя. Один из них расположен возле Мунондепе (Кошеленко Г., Оразов О., 1965). Он датируется временем около рубежа н. э. На утрамбованной площадке находилось несколько сосудов, в которые были помещены предварительно очищенные кости умерших. Кроме того, там имелся специально выполненный глиняный оссуарий с рельефными налепами (в котором также были помещены кости умершего). Для останков умерших новорожденных детей использовались небольшие чаши. Кости укладывались на глинобитную площадку и сверху покрывались чашей.

Поскольку некрополь был очень сильно поврежден при земляных работах, в ходе раскопок нельзя было установить, были ли помещены все эти костехранилища в специальное сооружение (наус) или эта погребальная площадка располагалась под открытым небом (и, возможно, была обнесена оградой) (табл. XCVII).

Исследование этого некрополя показало, что погребальный обряд, существовавший среди жителей Мунондепе на рубеже н. э., был в своей основе зороастрийским, но сопровождался некоторыми обрядами, не типичными для «классического» канонизированого зороастризма. Эти обряды, напоминавшие мистериальное действо, восходили к древним местным традициям.

Другой некрополь, ранние части которого относятся также к парфянскому времени, расположен сравнительно недалеко от Мерва. В литературе он носит название «Байрамалийский некрополь» (Ершов С. А., 1959; Обельченко О. В., 1969; Сусенкова Р. С., 1969; Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М., 1966). Стратиграфия этого некрополя чрезвычайно сложна и не может считаться окончательно установленной. В силу этого очень трудно представить детальную картину развития погребального обряда. Тем не менее можно выделить основные характерные черты обряда, существовавшего в парфянскую и раннесасанидскую эпоху. Установлено, в частности, что в парфянское время на этом некрополе существовали погребения в хумах, выполненные по зороастрийскому обряду,— т. е. кости были очищены от мягких тканей (Обельченко О. В., 1969, с. 96). По всей видимости, в ряде случаев никаких специальных сооружений, в которые помещались бы подобные хумы-оссуарии, не было. Они располагались прямо на грунте. Однако одновременно существовали и наусы, в которых помещались хумы-оссуарии (Сусенкова Р. С., 1969, с. 105). Планировка их устанавливается с трудом. Можно только сказать, что они были выполнены из сырцовых кирпичей, имели в плане прямоугольную форму и, возможно, сводчатое перекрытие.

В позднепарфянскую — раннесасанидскую эпоху на этом некрополе существовали следующие основные типы захоронений в могилах, выложенных из сырцовых или (чаще) обожженных кирпичей. Погребенные, как правило, укладываются на спину, руки — вдоль тела. Никаких правил относительно ориентации нет, погребальный инвентарь полностью отсутствует. Могилы могут устраиваться в земле, но чаще всего они помещаются в погребальные сооружения, при этом могила может устраиваться в полу данного помещения, на полу или в нише. Второй тип (видимо, связанный с первым) — погребенные укладываются непосредственно на пол помещения, также без инвентаря, в позах таких же, как и в первом случае, также нет никаких правил относительно ориентации трупов. Относительно этого обряда высказывалось предположение, что оно связано с христианством. Предположение это кажется возможным, но еще не доказанным.

Вторая разновидность типов погребений — погребения очищенных костей. Для этого времени характерны, однако, не погребения в хумах и хумах-оссуариях (этот обряд возрождается, насколько мы можем судить, в позднесасанидское время), а помещение очищенных костей в виде беспорядочных куч на пол помещений. Иногда они укладываются и в выдолбленные в стенах помещений специальные ниши. При погребенных, как правило, отсутствует погребальный инвентарь. Считается, что данный обряд — зороастрийский.

Данная схема в общем согласуется с общими тенденциями развития религиозной ситуации в Мервском оазисе, однако при таком объяснении остаются неясными некоторые факты: например, наличие разнообразных погребений не только в пределах одного некрополя, но и в разных помещениях единого погребального сооружения.

Археологически зафиксированы в пределах Мервского оазиса рассматриваемой эпохи и иные формы погребального обряда, например погребения в хумах, когда тело умершего помещается в сосуд в скорченном положении, сидя. Однако одиночность этих фактов и неясность стратиграфического контекста их

находки не позволяет высказать каких-либо обоснованных соображений об их характере.

Культовые предметы и сооружения. Религиозная ситуация в Маргиане была достаточно сложной. Видимо, Мервский оазис был одной из тех областей, где достаточно рано распространился зороастризм (Струве В. В., 1949). Данные о погребальном обряде маргианцев подтверждают это, хотя, видимо, эта религиозная система здесь была насыщена традиционными местными народными верованиями (Кошеленко Г. А., Оразов О., 1965). Видимо, с зороастрийскими верованиями связана основная масса произведений малой терракотовой пластики, найденных в Мервском оазисе. Возможно, что курильницы (популярные в Мерве позднепарфянского и раннесасанидского времени), воспроизводящие формы каких-то архитектурных сооружений башенного типа, также связаны с этим культом. Довольно рано, возможно на рубеже н. э., в Мерве распространяется и буддизм (Литвинский Б. А., 1967а). В дальнейшем Мерв становится одним из важных центров буддизма в Средней Азии и мервские миссионеры-буддисты играют активную роль в распространении буддизма в Китае (Koshelenko G. A., 1966). Находки произведений искусства буддийского характера подтверждают мысль о значительной роли этого учения в Мерве.

Литературные источники говорят о распространении в Мервском оазисе христианства (начиная с конца парфянской эпохи) и манихейства (в раннесасанидское время). Возможно, что некоторые типы погребения Байрамалийского некрополя (могилы, сложенные из кирпичей и лишенные инвентаря) принадлежат христианам. Видимо, с народными верованиями связано появление налепов с изображениями животных на керамике. Они в общем довольно редки. Наиболее популярны были изображения собаки.

Искусство. Искусство Маргианы изучено еще недостаточно. Наиболее полно исследовано искусство мелкой пластики. Терракотовые статуэтки встречены на всех памятниках Мервского оазиса и представляют наиболее массовые находки произведений искусства в этом районе (Пугаченкова Г. А., 1959; 1962; Ремпель Л. И., 1949; 1953). Крайне показательным является то обстоятельство, что на древнемаргианских поселениях не зафиксировано находок терракотовых статуэток. Эта отрасль искусства возникает в Маргиане только после IV в. до н. э. и это, видимо, свидетельствует о влиянии греко-македонян на формирование ее в Маргиане.

В ранний период (конец IV—I в. до н. э.) среди терракотовых статуэток преобладают изображения женщин. Все они небольших размеров, до 15 см высотой, оттиснуты штампом из хорошо отмученной розовой глины (с последующей подправкой ножом или стекой) и обожжены. Ранние терракоты отличаются высоким четким рельефом, живостью, реалистичностью. При большом количестве вариантов выделяется несколько основных типов. Наибольшее распространение получили изображения богини, которая, видимо, была главным объектом поклонения. Г. А. Пугаченкова называет ее «великой маргианской богиней» и выделяет две ее ипостаси: девическую и женскую. Женская ипостась в ранних терракотах в несколько натуралистической манере передает функции богини-матери, изображавшейся в обнаженном или полуобнаженном виде с подчеркнутыми признаками пола. В другой ипостаси богиня изображалась в виде девы, одетой в эллинистические одежды (тунику и гиматий), ниспадающие мягкими складками, высокоподпоясанную, с ожерельем или гривной на шее. Богиня в образе девы не имеет головного убора и волосы ее убраны в прическу валиком и собраны сверху в узел (табл. XCVIII—С).

К I в. до н. з. наблюдаются некоторые изменения в передаче женского образа богини-матери. Видимо, новые религиозные установки требовали более строгой трактовки ее образа. В это время вырабатывается характерный тип изображения богини с зеркалом, с канонизированным изображением рук. Фигура богини облачается в эллинизированные драпирующиеся складками одежды, но не имеет опояски.

В I—III вв. н. э. эволюция иконографии «великой маргианской богини» характеризуется постепенным изживанием эллинистических черт. Богиня-мать теперь изображается в виде стройной женщины в сильно декольтированном платье до пят, украшенном драгоценностями, с косыми складками. Одна рука опущена вниз, она чаще всего придерживает одежду, другая — поднята к груди, иногда в ней сосуд. Легкий головной убор в виде клобука наброшен на прическу с шиньоном. Девичий образ богини в первые века н. з. также претерпевает изменения. В передаче прически, черт лица, в костюме он приблизился к образу богини-матери. По-прежнему главное отличие между ними отмечается в головном уборе: у девы — невысокая прическа, волосы убраны в локоны с наброшенным платком или одетым поверх венцом. Богиня-дева почиталась и в облике воительницы. С этой целью ее терракотовые статуэтки (где богиня изображена опирающейся на рукоять меча) замуровывали в кладки фортификационных сооружений.

Наряду с изображением женского божества в первые века н. э. достаточно широко распространяются и другие. В частности, стали появляться терракотовые статуэтки, воспроизводящие одетого в легкие одежды юношу с поднятыми вверх руками. Довольно часты изображения животных. Наиболее многочисленны статуэтки коней с признаками седел. На них крепились фигурки мужского божества.

В III—IV вв. н. з. по-прежнему популярны культовые терракотовые статуэтки. В это время два ранее существовавших варианта образа «великой маргианской богини» сближаются: богиня-мать изображается закутанной в складчатую одежду, в мягком «двурогом» головном уборе, с традиционным положением рук, в которых она держит по зеркалу. Утрачивается свойственная более ранним этапам развития изображения живость и реалистичность, приобретается схематичность и иератическая условность. Особенно большие изменения в сторону обобщенности и схематизации произошли в образе богини-девы, которая изображалась без головного убора, в платье с очень большим числом нашивных украшений на нем. Статуэтка превращалась в плоскую плитку с условно обозначенными ногами, сплошь покрытую кружками. В это время в мелкой

терракотовой пластике широко представлены и изображения мужских божеств. Очень популярным было изображение обнаженного юноши с женоподобным торсом, с медальоном на шее, в позе адорации. Почитаем был и образ бородатого мужчины-всадника, держащего в руках булаву или меч. Фигурка всадника оттискивалась обычно штампом, лошадь лепилась от руки. Достаточно популярны были и статуэтки коней, с нанесенными на них черной тушью или процарапанными символами (солнце, луна, свастика и др.).

В античную эпоху в Мерве было распространено и искусство глиптики (Пугаченкова Г. А., 1957; 1963б). На территории Мерва была обнаружена небольшая, но показательная коллекция резных камней, гемм-инталий. Наиболее характерный круг образов и уровень развития камнерезного искусства этого времени, манеру исполнения передают две геммы. Одна в форме овального щитка, вправлявшегося в перстень, резанная на зеленовато-сером неценном камне. Изображена крылатая богиня Ника, держащая в руках венок с лентами. Вторая гемма, резанная на стекле, также овальная, с изображением Геракла. Оба сюжета имеют эллинистическую основу, но в трактовке изображений уже отчетливо прослеживаются местные особенности. Материалом для гемм этого времени служат также халцедон и сердолик, а круг сюжетов включал изображения рыб и животных, зафиксированы также сцены терзания животных и т. п. Геммы из Мерва принадлежат к рядовым образцам азиатской глиптики. По всей видимости, владельцами их были представители средних слоев свободного населения.

Для III—IV вв. н. э. были характерны как печати на овальных щитках, вставлявшихся в перстни, так и бубликовидной формы камни, так называемые ложные перстни, где рисунок наносился на срезанный край, а сами они подвешивались на шнурке. Среди сюжетов есть изображения человеческих фигур, религиозных символов, но наиболее популярны были образы животных. Чаще всего изображались скачущие козлы, а также львы, кони, скорпион, гиена, зебувидный бык и т. д. Примечателен сюжет, изображающий двух баранов-архаров, лежащих под деревом жизни. Большинство резных камней очень невысокого качества. Имеются, однако, две геммы самого высокого художественного уровня. Они почти идентичны, одна из них хранится в Калькуттском, другая — в Британском музее. Выполненные из сердолика, овальные, они имеют надпись (на аршакидском пехлеви) «Атамшах, Канаранг Мерва, и Денач, жена его» и собственно портреты этих лиц. Датируются они последней четвертью III в. н. э. (Ghirshmann R., 1952). Однако остается открытым вопрос — изготовлены ли они в Мерве или ином центре.

Памятники монументального искусства Мерва почти не известны. По-видимому, единственным исключением являются остатки гигантской глиняной статуи Будды, обнаруженной при раскопках буддийской ступы в Мерве (Кошеленко Г. А., 1966а, с. 96; Koshelenko G., 1966). Обнаружена голова этой статуи, ее высота — 75 см. Она сильно пострадала, утрачены нос, левая часть лба и левый глаз, сильно повреждена прическа. Лицо Будды выполнено в соответствии с традициями позднегандхарской школы — мягкий округлый абрис, на губах — легкая улыбка. Лицо, как показали исследования, три раза перекрашивалось. Первоначальная окраска была нежно-розовой, затем — желтой и, наконец, красной. Губы окрашены в ярко-красный цвет, глаза и волосы — в синий, на волосах следы позолоты. Датируется эта статуя III в. н. э.

При раскопках в Мерве обнаружены также произведения искусства явно привозные. К их числу относятся находки, сделанные в другой буддийской ступе, находившейся за пределами городских стен Мерва (Ртвеладзе Э. В., 1974а). Этна ступа датируемая VI в. н. э., внутри имела тайник, в котором было замуровано как ценные реликвии несколько скульптур (Пугаченкова Г. А., 1968; Кошеленко Г. А., 1977, с. 110 сл.). Особое внимание привлекает облицовочный блок из шифера. На пьедестале изображена статуя Будды (голова утрачена), сидящего в традиционной «позе размышления». Нижняя часть (сам пьедестал) представляет собой традиционную композицию: сидящий Будда (или Бодисатва) и четверо поклоняющихся, расположенных попарно по обе стороны от него. Поклоняющиеся изображены в трехчетвертном повороте, центральная фигура — фронтально. Сцена обрамлена выступами, оформленными в виде крупных животных, видимо, слонов, сейчас сбитых. Еще одна статуэтка изображает сидящего Будду. Она также выполнена из светло-серого шифера и покрыта густой позолотой. Кроме того, были найдены: небольшая сильно поврежденная статуэтка (арфистка у дерева) и скульптурное навершие «модели» ступы, полое внутри. Верхняя часть последнего представляет три яруса «зонтиков», средняя — четыре одинаковых изображения сидящего Будды. Все скульптуры происходят из Гандхары и могут быть датированы первыми веками н. э. Они попали в Мерв в результате проникновения сюда буддизма, что имело место в первые века н. э.

Монеты и эпиграфические находки. Денежное обращение в Маргиане античного периода теснейшим образом связано с политической историей этой области. Для ранних этапов ее истории мы пока не располагаем нумизматическими данными. Можно лишь предполагать, что вхождение Маргианы в состав империи Александра Македонского и затем державы Селевкидов способствовало активизации процессов развития товарно-денежных отношений. Во всяком случае для периода вхождения области в состав Греко-Бактрийского царства уже имеются документальные свидетельства обращения здесь разменной бронзовой монеты, являющейся ярким показателем развития рыночной торговли. В Антиохии Маргианской при археологических исследованиях найдено четыре бронзовые греко-бактрийские монеты, древнейшая из которых относится к чекану Диодота I (Массон М. Е., 1970, с. 20). Вполне допустимо, учитывая важное экономическое значение Антиохии Маргианской, что в греко-бактрийский период здесь уже мог функционировать монетный двор, но фактическими данными, подтверждающими это предположение, мы пока не располагаем.

Открытым остается также вопрос о мервском чекане Митридата I, так как сам факт вхождения Маргианы в состав владений этого парфянского пра-

вителя оспаривается рядом исследователей (Массон М. Е., 1970, с. 19; 1974, с. 301)[2]. Первым достоверным чеканом Маргианы можно признать лишь монеты Артабана I, на которых позади головы правителя имеется сокращение МАР, являющееся начальными буквами названия области (Sellwood D., 1971, p. 53). В связи с вторжением кочевых племен в третьей четверти II в. до н. э. наблюдается дестабилизация экономики области и расстройство ее денежного хозяйства. В этот период на ее территории, вероятно, продолжают обращаться монеты греко-бактрийского чекана[3] и парфянские драхмы. Как следствие сако-парфянских войн следует рассматривать находку на городище Старого Кишмана «варварского» подражания монетам Гелиокла (Дурдыев Д., 1959в, с. 151). В период правления Митридата II Маргиана прочно входит в состав Парфянского государства, что привело к вытеснению с местного рынка денежных знаков иных династий. При Митридате II и его преемниках в Маргиане, вероятно, возобновляется чеканка монет, но критерии для выделения местных эмиссий еще не разработаны. Свидетельством в пользу этого могут служить хорошо известные драхмы с упоминанием названия этой области, выпуск которых наиболее предпочтительно относить к первой четверти I в. до н. э. (Sellwood D., 1971, p. 80; 1976).

Со времени правления Фраата III (70—57 гг. до н. э.) на парфянских драхмах под изображением лука появляются монограммы — метки монетных дворов (Sellwood D., 1976, p. 11 и сл.). Основываясь на массовых монетных находках, М. Е. Массон (1953а, с. 146) и В. М. Массон (1957а, с. 40) предложили считать знак отличительной чертой маргианского монетного двора[4]. На драхмах этот знак прослеживается с чекана Фраата III до Вардана I (40—45 гг. н. э.)[5]. При Митридате III отмечен выпуск бронзовых монет, с изображением на реверсе головы быка и знака ⊓ (Sellwood D., 1971, p. 114, тип. 40/18).

Во второй половине I в. до н. э. в Маргиане начинают выпускаться бронзовые монеты со знаком П и изображением традиционного для драхм лучника. Эти монеты близки к драхмам не только по характеру изображений, но и по весу, что дало основание называть их «бронзовыми драхмами». Начало чеканки этих монет точно не установлено, так как почти все имеющиеся экземпляры плохой сохранности, и их точное определение затруднено. Есть основания предполагать, что их выпуск начался еще при Ороде II (57—38 гг. до н. э.). Документально фиксируется их чеканка при Фраате IV и Фраатаке.

[2] С городища Гяуркала в настоящее время известны две находки бронзовых монет Митридата I (Массон М. Е., 1974б, с. 301; 1978б; с. 116).

[3] В старом Мерве на городище Эрккала найден «мелкий халк типа монет греко-индийского правителя Филоксены» (Массон М. Е., 1970, с. 20).

[4] На ранних драхмах с этим знаком под луком (Фраат III, Митридат III) верхняя перекладина знака имеет дугообразные очертания, т. е. знак по своему начертанию занимает промежуточное положение между греческими буквами М и П.

[5] В более поздних эмиссиях на парфянских драхмах проставляется только знак (Селвуд считает, что это знак монетного двора в Экбатане). Причины этого явления пока не выяснены.

Приход к власти династии младших Аршакидов, видимо, сопровождался какими-то изменениями в политическом положении Маргианы. В период правления Артабана II (10—38 гг.) здесь начинается выпуск монет, отличных от общегосударственного стандарта, что, вероятно, является отражением претензий местных правителей на определенную политическую самостоятельность (Пилипко В. Н., 1980а). Их стремление к независимости наивысшего выражения достигло во второй половине I в. н. э., когда на эмиссиях мервского монетного двора появляется имя местного правителя «царь Санабар». В нумизматической литературе глубоко укрепилось мнение о связи бронзовых монет с легендой «царь Санабар» с драхмами, выпущенными от имени Санабара. Однако последние исследования в этой области позволили доказать, что серебряные монеты выпускались индо-парфянским царем Санабаром, а бронзовые — мервским царем того же имени. Общего у них нет ничего. В это время на многих монетах имеется легенда «царь царей», что отражает претензии мервской династии на «великодержавие». Сближение типов монет мервского монетного двора и общегосударственного чекана в конце существования парфянского царства заставляет думать, что в конце II — начале III в. н. э. самостоятельность мервского монетного двора была несколько ущемлена. Выпуск монет со знаком ⊓ продолжался и в первые десятилетия господства Сасанидов в Мерве.

В I в. до н. э.— II в. н. э. для денежного обращения Маргианы характерно подавляющее преобладание парфянских монет[6]. В III в. н. э. после падения династии Аршакидов положение меняется. На местный денежный рынок начинают проникать сасанидские монеты, постепенно полностью вытеснившие местный чекан. Помимо сасанидских, в денежном обращении Маргианы используются, правда в очень небольшом количестве, позднекушанские эмиссии (Массон М. Е., 1968, с. 21) (табл. CI).

Эпиграфические находки редки. На ряде памятников были найдены целые и фрагментированные сосуды с надписями (начиная с I в. до н. э.). По характеру букв ранние надписи очень напоминают письмо парфянских документов из Нисы. Надписи эти еще не прочтены.

В целом Маргиана в I тысячелетии до н. э. и первых веках н. э. представляет собой одну из достаточно высокоразвитых областей Средней Азии. Экономика ее, основанная на ирригационном земледелии, переживала в то время период несомненного подъема. Свидетельством его был прогресс ремесла, развитие процесса урбанизации. По всей видимости, Маргиана в одном отношении представляла собой явление уникальное в Средней Азии. Насколько нам известно, ни в одной из областей Средней Азии нет столь явного преобладания одного городского центра, как в Мервском оазисе.

Только, видимо, в конце рассматриваемой эпохи происходит становление ряда мелких городских центров, что, видимо, можно рассматривать в контексте углубления процесса урбанизации. Упадок древней Маргианы начинается в IV в. н. э.

[6] В Маргиане найдены многие сотни парфянских монет указанного периода и всего три кушанские монеты (Массон М. Е., 1968; с. 213; 1974, с. 293, 304).

Глава одиннадцатая
Побережье Средней Амударьи

Термин Средняя Амударья широко употребляется в современной научной и общественно-политической литературе. Однако границы этой области представителями разных областей знания определяются по-разному [1]. В настоящей работе под Средней Амударьей понимается долина этой реки на участке от Келифа до северных пределов Чарджоуского оазиса (близ современного поселка Нефтезаводск).

В физико-географическом отношении эта область представляет единое целое. В пределах указанных границ Амударья не имеет притоков и является единственным источником для орошаемого земледелия. Долина реки на этом участке имеет ширину в среднем 6—8 км, местами увеличиваясь до 15—20 км. С обеих сторон она ограничена пустынями, за исключением южного участка правобережья, где к реке подступают отроги Гиссарских гор.

Физико-географические условия области неблагоприятны для сохранности археологических памятников. В орошаемой зоне ограниченность пригодных для земледелия территорий компенсировалась интенсивным их использованием, что отрицательно сказывалось на сохранности археологических памятников. Постоянное блуждание русла реки, размыв коренных участков берегов, высокий уровень грунтовых вод приводят к разрушению памятников, расположенных в непосредственной близости от Амударьи.

Вопрос о единстве Средней Амударьи в историко-культурном плане в настоящее время не может быть решен однозначно в силу ограниченности фактического материала. Известные письменные источники античного времени практически не содержат сведений об этой области. На основании косвенных данных можно заключить, что она не входила в состав Хорезма и Согда и не могла полностью входить в состав Бактрии. Этот факт в сочетании с общностью физико-географических условий и относительной однородностью археологического материала позволяет рассматривать Среднюю Амударью, по крайней мере в кушанский период ее истории, как относительно самостоятельную историко-культурную область.

Изучение античных памятников Средней Амударьи преимущественно осуществлялось разведочными методами. В дореволюционный период памятники античного времени не были опознаны и выделены из числа других археологических объектов, хотя некоторые из них посещались специалистами или любителями древности. В частности, в 1890 г. Е. Ф. Каль впервые предпринял специальное археологическое исследование на Средней Амударье. Им были осмотрены окрестности города Керки, левый берег Амударьи от Керки до афганской границы и правый берег от Керки до устья Сурхана. В сохранившемся дневнике Е. Ф. Каля подробно описана лишь поездка по правому берегу, во время которой им осмотрены некоторые крупные поселения: Акдепе и Мазарлидепе (могила Сейид-Абдулла-Вали) в Хатабе, Шордепе (Шурдепе) у современной железнодорожной станции Мукры, Шордепе у селения Аккум-Улам [2].

Первой попыткой археологического изучения Средней Амударьи в годы Советской власти является экспедиция Туркменского научно-исследовательского института в 1926 г. в Керкинский округ, которой собраны небольшие коллекции керамики с древних крепостей Керки, Керкичи, Мирзабек, Келиф. Терракотовая головка, найденная на Мирзабеккале, явилась первым документальным свидетельством наличия памятников античного времени на Средней Амударье (Брюллова-Шаскольская Н. В., 1927а, б).

В 1931 г. разведывательную поездку на Амударью предпринимает сотрудник Туркменкульта А. А. Марущенко. Им были выборочно обследованы памятники на участке от Келифа до Керкичи и от г. Керки до Чарджоу. Результаты этой экспедиции нашли лишь частичное отражение в печати (Ершов С. А., 1944, с. 30—31), а отчеты и другая научная документация к настоящему времени утрачены.

В 1939 г. разведывательное исследование побережья Амударьи к северу от Чарджоу осуществлено Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. В пределах рассматриваемой области группой под руководством С. П. Толстова обследована античная в своей основе крепость Усты (Толстов С. П., 1941, с. 181—184).

В послевоенные годы археологическое изучение области проводится более интенсивно и планомерно. С 1948 г. здесь работал ряд отрядов ЮТАКЭ. В 1948 г. М. Е. Массон осуществляет археолого-топографическое изучение г. Керки, в результате которого сделан вывод о наличии «кушано-сасанид-

---

[1] В общественно-политической литературе и работах по экономической географии под этим термином понимается современная Чарджоуская область ТССР (см., например: Аманеков Д., Бабаев А., Вейсов К., 1963). В физической географии долина среднего течения Амударьи на участке от границы с Афганистаном до Кабаклы выделяется в особый Приамударьинский район (Бабаев А., 1961). В исторической литературе этим термином обычно определяется долина Амударьи на участке от Келифа до Даргана, но иногда имеют в виду всю Чарджоускую область или отрезок побережья от Термеза до Даргана (см., например: Ставиский Б. Я., 1977б, с. 40—41).

[2] Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 24—25. Дневник К. Ф. Каля, с. 139—143.

ских» слоев на Бековской крепости (Массон М. Е., 1973б, с. 7). В 1949 г. А. А. Росляков провел рекогносцировки левого берега от Чарджоу до Халача и правого — от Бурдалыка до Ходжамбаса (обследовано 44 археологических объекта, большинство из которых определено как небольшие кушанские городки) (Массон М. Е., 1955б, с. 202—207). В этом же году В. А. Левиной сделан ряд интересных наблюдений на городище Мирзабеккала [3].

В 1950 г. Г. А. Пугаченкова впервые установила наличие слоев античного времени на городище Старого Чарджоу (Массон М. Е., 1966, с. 136), а в 1954 г. Г. Е. Трапезников провел здесь стратиграфические и историко-топографические исследования (Трапезников Г. Е., 1957, 1959; Массон М. Е., 1966б, с. 142—149). В результате этих работ на городище выявлены слои первых веков н. э. и сделан вывод о тяготении области древнего Амуля к Бактрии — Тохаристану (Массон М. Е., 1966б, с. 148—149). В 1961—1963 гг. О. Оразовым проводится стратиграфическое изучение Битыка, расположенного неподалеку от железнодорожной станции Новый Фараб, на котором под мощными средневековыми напластованиями обнаружены слои античного времени (Оразов О., 1965).

В 1960 г. совместная экспедиция Института истории АН ТССР и ЛОИА, возглавляемая А. М. Мандельштамом, осуществила археологическую разведку в Чаршангинском районе. На побережье Амударьи и в долине Кугитанга экспедицией зафиксировано 18 археологических памятников, большинство из которых датировано античным временем. На основании полученных материалов А. М. Мандельштам пришел к выводу о вхождении обследованного района в состав Северной Бактрии — Тохаристана (Мандельштам А. М., 1967, с. 30). Основной задачей этой экспедиции была разведка памятников кочевого населения античного времени. На указанной территории зафиксировано четыре курганных могильника, один из которых, Бабашов, расположенный между железнодорожными станциями Ташрабат и Мукры, раскапывался в 1960 и 1962 гг. Материалы этих раскопок полностью опубликованы (Мандельштам А. М., 1975).

В 1966 г. в связи с началом работ по составлению археологической карты Туркменской ССР Институтом истории АН ТССР была создана Амударьинская экспедиция (руководитель В. Н. Пилипко), приступившая к сплошному обследованию Чарджоуской области. В 1966—1968 гг. на участке от Даргана до Келифа экспедицией обследовано 126 археологических объектов, на 45 из которых выявлены слои или материалы античного времени. Затем экспедиция приступила к осуществлению второй части программы — составлению местной хронологической колонки на основе стратиграфических исследований. С этой целью с 1968 по 1975 г. проведено стратиграфическое изучение 12 памятников кушанского времени (в том числе Одейдене, где было заложено четыре шурфа, осуществлен разрез внешней стены и в небольшом раскопе исследован верхний культурный слой городища) (Пилипко В. Н., 1969; 1979), на поселении Чоплидепе близ Хатаба пройден стратиграфический раскоп площадью 60—55 кв. м, исследована 11-метровая толща культурных отложений первой половины I тысячелетия н. э.

Работами Амударьинской экспедиции завершен разведывательный этап изучения античных памятников области. Накопленный в результате работы многих экспедиций материал позволяет в настоящее время составить общее представление о количестве памятников, районах их концентрации и типологии. Результаты стратиграфических исследований дают возможность наметить историческую периодизацию и получить опорные данные для датировки памятников в пределах этих периодов. Однако отсутствие широких раскопок не позволяет составить четкое представление о материальной и духовной культуре области в античный период. Многие стороны материальной культуры древнего населения Средней Амударьи остаются совершенно неизвестными.

Памятники Бактрии в хронологическом отношении принято разделять на две большие группы — греко-бактрийские (III—II вв. до н. э.) и кушанские (I в. до н. э.— IV в. н. э.). Это деление приемлемо и для Средней Амударьи. Слои III—II вв. до н. э. на Средней Амударье в настоящее время известны лишь на одном поселении — Мирзабеккале, расположенном в южной части региона, их мощность 3,5 м. Есть основания предполагать, что ядро городища сложилось именно в этот период. Нуклеарная часть городища представляет собой квадрат со стороной около 200 м. Оси ориентированы по странам света. В северо-западном углу располагалась также квадратная в плане цитадель со стороной около 100 м, отделенная от остальной части городища широким рвом.

В комплексе керамики, полученном из нижних слоев городища, ведущими формами являются цилиндроконические бокалы на низкой конусовидной ножке; плоские тарелочки с подтреугольным отогнутым книзу венчиком, восходящие к античным (греческим) рыбным блюдам; хумы с серповидными и овальными вмятинами по внешней стороне венчика. Наряду с красноглиняной встречается черноглиняная керамика. Основные керамические формы из нижних слоев Мирзабеккалы находят близкие аналогии в керамике Ай-Ханум, надежно датированной III—II вв. до н. э. (Gardin J. C., 1973). По набору сосудов и профилировке форм керамика с Мирзабеккалы сопоставима с материалами из нижних слоев стратиграфического шурфа на цитадели древнего Термеза (Козловский В. А., Некрасова Е. Г., 1976, с. 32, рис. 1). Но наряду с большим сходством, здесь можно отметить некоторые различия, возможно, обусловленные этнокультурными факторами. В комплексе с Мирзабеккалы отсутствуют сосуды с носиком, нет двуручных кувшинов, горшочков на трех ножках, фляг, неизвестна орнаментация штампами. В комплексе из Термеза нет хумов с защипами по венчику. Более отдаленное сходство комплекс из нижних слоев Мирзабеккалы обнаруживает с керамикой III—II вв. до н. э. из Дальверзинтепе (Пугаченкова Г. А., 1971б), Афрасиаба (Шишкина Г. В., 1969б), Мерва (Рутковская Л. М., 1962, с. 44—59).

[3] *Левина В. А.* Дневник начальника XIII отряда ЮТАКЭ, 1949 г., с. 51—59. Архив ЮТАКЭ; Массон М. Е., 1955б, с. 205.

Помимо этих аналогий, датировку III—II вв. до н. з. подтверждает находка бронзового втульчатого наконечника стрелы и редкие находки керамики, восходящей к ахеменидскому времени. Характер находок из Мирзабеккалы позволяет предполагать этнокультурное единство южной части региона с остальными районами Бактрии. Несомненно, в этот период обживались и другие участки побережья [4]. Однако памятники этого времени еще скрыты от нас под культурно-ирригационными наносами и в толще крупных многослойных поселений.

Слои или отдельные находки кушанского времени бесспорно зафиксированы на 45 поселениях [5]. В микрорельефе 37 из них прослеживаются основные элементы планировочной структуры, характерной для кушанского периода, что позволяет произвести их типологическую классификацию, однако в силу отсутствия широких археологических раскопок эта классификация носит условный характер (табл. CII).

Подавляющее большинство известных поселений кушанского времени имеет четкие внешние очертания в виде прямоугольника, чаще всего квадрата. В ориентации поселений не удалось проследить определенной закономерности, поэтому этот признак при классификации не учитывался. В планировочном отношении выделяются две разновидности поселений — без цитадели и с цитаделью. В количественном отношении преобладают последние. Положение цитадели относительно нуклеарной части характеризуется большим разнообразием. Чаще всего цитадель располагается в одном из углов нуклеарной части (иногда несколько выступая за линию ее стен), занимая от $^1/_{40}$ до $^1/_4$ ее площади. Значительно реже цитадель примыкает снаружи к одной из сторон нуклеарной части. В одном случае отмечено расположение цитадели в центре городища. Относительное единообразие планировочной структуры кушанских поселений, отражающее, по мнению В. М. Массона, высокий уровень урбанизации кушанского общества, заставляет положить в основу классификации размеры площади [6]. Графическая фиксация размеров площадей кушанских поселений позволяет выявить три группы. Первую группу составляют поселения площадью до 0,5 га, являющиеся остатками одиночных изолированных построек. Среди них выделяется два типа построек. Первый из них не имеет четко выраженных в микрорельефе следов специальных фортификационных сооружений: Аккала в Карабекаульском р-не, Ак-Терикала, Шордепе у ст. Бургучи, Учагачдепе, Пультапдыдепе. В планировке второго типа (Кумдепе) четко прослеживаются остатки мощных башен, расположенных у въезда во внутренний двор. Вокруг этих поселений усадебного типа иногда существовала вспомогательная застройка за пределами внешних стен. Остатки такой застройки зафиксированы у поселения Пультапдыдепе, где к северо-востоку от основной застройки отмечены россыпи керамики и остатки двух печей для обжига керамики.

Вторую группу составляют поселения площадью от 0,5 до 3 га (практически поселения площадью свыше 1,6 га не встречаются). Внутри этой группы выделяются три типа. К первому из них относятся поселения с предвратной башней, известные по первой группе (Шордепе Аккумуламское и, возможно, Шордепе у Мукры). Второй тип составляют бесцитадельные поселения, имеющие очертания, близкие к квадрату или прямоугольнику. У некоторых из них — Шордепе II в Ходжамбасском р-не, Чоплидепе — прослеживаются остатки башен, равномерно расположенных по периметру стен. Поселения третьего типа имеют цитадели, расположенные в одном из углов. В одном случае (Акдепе в колхозе Куйбышева) цитадель примыкает к основной площади застройки снаружи.

Поселения третьей группы имеют площадь нуклеарной части застройки от 3 до 9 га. Бесцитадельным в этой группе является всего одно поселение — Эссен-Менгликала. Это поселение площадью 3,5—4 га имеет в плане неправильно округлые очертания. Не исключено, что подобной планировкой оно обязано более ранней застройке. Остальные поселения имеют цитадель, расположенную внутри нуклеарной части (в одном из углов или в центре) или примыкающую к ней снаружи. За исключением одного, эти поселения имеют в плане четкие четырехугольные очертания. Нуклеарная часть поселения Одейдепе имеет в плане очертания неправильного круга. Возможно, это связано с тем, что в основе этого городища лежит крупное поселение эпохи раннего железа, для которых округлая планировка являлась обычной. Вокруг трех поселений этого типа сохранилась разреженная «пригородная» застройка. Городище Старого Чарджоу имело общую площадь застройки около 150 га (Массон М. Е., 1966б, с. 144, 148), Мирзабеккала — не менее 100 га, Одейдепе — около 30 га, у этого поселения до настоящего времени сохранились остатки стены (или вала), ограждающей «пригородную» часть поселения.

Еще одну особую группу поселений кушанского времени составляют укрепления (форпосты), расположенные, как правило, вблизи переправ на выступающих скальных мысах. Это Келиф, Курегенкала, Керкичи, Усты. Укрепления эти сильно разрушены и площадь их в настоящее время точно не устанавливается. Можно лишь предполагать, что она не превышала одного гектара. Наилучшую сохранность из этих маленьких крепостей имеет Усты, располо-

---

[4] Земледельческое освоение побережья Средней Амударьи активно осуществлялось уже в середине I тысячелетия до н. э. (остатки поселений ахеменидского времени обнаружены на Одейдепе, в Керках, окрестностях Чоплидепе), и нет оснований предполагать, что этот процесс прекратился или существенно ослабился после походов Александра Македонского.

[5] Их наличие предполагается еще на семи поселениях. Кроме того, слои этого времени в дальнейшем могут быть обнаружены при стратиграфическом изучении поселений, обживавшихся в последующие исторические эпохи.

[6] При определении площади поселения в расчет принимались только размеры нуклеарной части поселения, т. е. основной части поселения, имеющей плотную застройку и огражденную внешней стеной, хотя некоторые поселения (особенно крупные) имеют еще зону разреженной застройки (округу). Подобный подход обусловлен тем, что часть поселений в результате позднейших изменений рельефа утратила полностью или частично зону разреженной застройки и факт ее наличия или отсутствия во многих случаях не может быть точно установлен. Случаи наличия разреженной застройки оговорены в тексте. При определении площади поселения учитывалась территория поселения вместе с оплывами, т. е. обмеры производились по основанию холмов.

женная в 40 км ниже по течению от Фараба. Для сооружения укрепления был использован естественный холм. Склоны этой скалы были вертикально срыты, в результате чего образовался цилиндр диаметром около 60 м, а высотой 18 м, на вершине которого устроено укрепление. Въезд на вершину был возможен лишь по единственному узкому извилистому пандусу (Пилипко В. Н., 1972б, с. 72—73).

Отсутствие широких археологических раскопок не позволяет сделать социологическую интерпретацию данной типологии [7]. По этой же причине нельзя подробно характеризовать фортификацию поселений кушанского времени. Можно лишь отметить, что их обороне уделялось большое внимание. Даже самые маленькие поселения (первая группа) имели толстые внешние стены, а в ряде случаев специальные привратные башни. Более крупные поселения укреплялись еще больше. У некоторых поселений второй группы в микрорельефе четко прослеживаются остатки вынесенных за линию стен башен. Судя по наблюдениям на Чоплидепе, башни были прямоугольной формы. Важным звеном обороны служили башнеобразные цитадели. Крупные поселения третьей группы почти все имели цитадели, значительно возвышающиеся над остальной частью городища. Цитадель в ряде случаев отделялась от остальной части поселения рвом. Рвы, вероятно, имелись и вокруг нуклеарной части поселений. Внешние стены поселений третьей группы, по-видимому, были усилены выступающими башнями, остатки таких башен выявляются в микрорельефе поселения Ходжаидаткалы, но они перекрыты позднесредневековыми фортификационными сооружениями. Отчетливо прослеживаются башни на западной стороне Одейдепе. Они располагались на очень небольшом расстоянии друг от друга — 9—12 м. Форма их в плане точно не восстанавливается. Они имели ширину 6,25 м и выступали за линию стен не менее чем на 2,5 м. Нижнюю часть этих башен составляли монолитные кладки из сырцового кирпича, а в верхнем ярусе располагались камеры для стрелков. Обстрел осуществлялся через узкие щелевидные бойницы.

Основным строительным материалом являлся сырцовый кирпич и пахса. В количественном отношении преобладают сырцовые кладки, в некоторых случаях отмечено комбинированное применение пахсы и сырца. Сырцовый кирпич обычно имеет в тесте примесь растительных остатков. Наиболее употребительным был кирпич квадратной формы. Размеры его сторон на разных памятниках колеблются от 31 до 45 м, толщина от 9 до 16 см. Чаще всего встречается кирпич со стороной 34—40 см при толщине 10—12 см. Во многих случаях на нижней плоскости кирпичей имеются разнообразные клейма. Недостаточно ясен вопрос о частоте использования кирпича прямоугольного формата, применение которого можно предполагать на некоторых памятниках кушанского времени [8]. Для вымостки полов, облицовок и других целей в небольшом количестве использовался жженый кирпич. Кирпич, найденный при раскопках Чоплидели, имеет квадратную форму 28—30 см в стороне и толщину 4—4,5 см. При раскопках Мирзабеккалы найден как квадратный, так и прямоугольный жженый кирпич. Последний был использован в вымостке большого помещения. На Аккале близ Карабекаула найдены тонкие жженые плитки размерами 35×24×2,5; 37×21×2,8; 37×24×3,8 см.

Орудия труда представлены обломками зернотерок и жерновов, а также пряслицами и ткацкими грузилами. Довольно многочисленные их находки свидетельствуют о широком распространении таких отраслей домашних промыслов, как обработка сельскохозяйственных продуктов и ткачество. Пряслица трех типов: лепные керамические, изготовленные из стенок и донец глиняных сосудов и каменные. Последние имеют типичную для кушанских археологических комплексов сложную профилировку (Массон В. М., 1976а, с. 12, рис. 6). Ткацкие грузила из терракоты имеют форму вытянутой усеченной пирамиды с отверстием в верхней части. Эта форма грузил была широко распространена в Бактрии. Применялись также грузила из необожженной глины, имеющие форму сплюснутых глиняных шаров.

Несомненно, широко было развито керамическое производство, но материалом для его характеристики может служить лишь его конечный продукт — керамика [9]. Доступная для изучения керамика Средней Амударьи происходит преимущественно из стратиграфических шурфов или принадлежит к числу подъемного материала и в основном представлена фрагментами. Детальный типологический анализ ее на современном уровне исследования невозможен, поэтому ограничимся лишь выделением ведущих керамических форм и основных тенденций в их развитии.

В соответствии с периодизацией кушанской истории керамические комплексы разделены на следующие хронологические группы: юэджийская (конец II—I в. до н. э.), великокушанская — период правления «великих» Кушан (I—III вв. н. э.), позднекушанская, или кушано-сасанидская (конец III—IV в. н. э.) [10] (табл. CIII—CV).

На начальных этапах юеджийского периода полностью сохраняются традиции греко-бактрийского периода. В дальнейшем исчезают из употребления цилиндроконические бокалы, на смену им приходят выпуклоконические и колоколовидные (Мандельштам А. М., 1966 а, с. 145 и сл.; 1975, с. 125—128). Изредка встречаются хумы с частыми дугообразными защипами на наружной поверхности. Редкими становятся чаши с подтреугольным опущенным книзу венчиком и чаши с загнутым внутрь венчиком.

[7] На основании материалов сопредельных территорий (Ртвеладзе Э. В., 1974б, с. 83—85; Ставиский Б. Я., 1977б, с. 43—44) поселения первой и второй групп можно определять как сельские, а большинство поселений третьей группы — как поселения городского типа.

[8] В крепости Устыкала, нижние культурные слои которой относятся к кушанскому времени, в нижних рядах кладки пандуса использован сырец размерами 42×22,5×7—8 см.

[9] Керамические печи обнаружены только на поселении Пультапдыдепе, но они не раскапывались.

[10] Абсолютные даты даны ориентировочно. При их определении автор исходил из предположения о связи начальной даты эры Канишки с первой половиной II в. н. э.

Многочисленными становятся тонкостенные чаши в виде шарового сегмента и чаши с отогнутым наружу венчиком. Для последних становится характерным подчеркивание места перехода от выпуклой части тулова к отогнутой врезной линии с внутренней стороны; поддоны у этих чаш известны как сплошные, так и полые.

С началом великокушанского периода связано появление ряда форм и признаков, существовавших затем до конца кушанской эпохи. К ним относятся: бочковидные хумы с округлым дном и валикообразным венчиком, характерной особенностью которого является наличие маленького валика или ребра в нижней его части (в профиль эти венчики отдаленно напоминают фигурную скобку, поэтому для краткости они условно называются «скобчатыми»; лепные котлы с шаровидным туловом, венчиком в виде невысокого бортика, или почти совсем невыраженным, и округлым дном; различные варианты венчиков с разделкой наружной поверхности на несколько (обычно на три) параллельных валиков, орнаментация из одной или двух полос волнистого орнамента, заключенных в обрамление из параллельных линий.

Ведущими формами становятся двуручные кувшины с диаметром венчика 10—20 см и рюмкообразные бокалы. Выходит из употребления черноглиняная керамика и чаши с округлым дном, крайне редко употребляются чаши с отогнутым наружу венчиком. В конце периода (в слоях с монетами Васудевы и Канишки III) широкое распространение получают сложнопрофилированные трапециевидные венчики кувшинов, сочетающиеся с валиками на шейке. Основные керамические формы Средней Амударьи находят аналогии в керамике Бактрии и в меньшей степени Согда. Особенностью великокушанских комплексов Средней Амударьи является крайне редкое применение орнаментации штампами и отсутствие зооморфных налепов на ручках.

В позднекушанский (кушано-сасанидский) период важнейшим новшеством является появление керамики с грубым пористым черепком с добавками гипса. Часть этой керамики изготовлена на круге, часть лепная. Обжиг обычно некачественный. Из теста подобной фактуры изготовлялись преимущественно разных размеров горшки и хумы. Для их профилировки характерна низкая горловина и Т-образная форма венчика. Для хумов типичны отогнутые наружу желобчатые венчики. Часть сосудов этой группы имеет орнаментацию в виде коротких штрихов и небрежно процарапанных волнистых линий.

Продолжает также использоваться круговая керамика с качественным черепком и лепные шаровидные котлы. В этот период менее популярными становятся бокалы и чаши. Среди бокалов можно отметить распространение сосудов с перехватом тулова. Среди чаш преобладают блюдцеобразные экземпляры с вертикальным или слегка отогнутым внутрь бортиком. Уменьшение количества чаш и бокалов, вероятно, компенсировалось массовым изготовлением миниатюрных горшочков и кувшинчиков. Обычными для этого времени становятся крупные миски со слабо отогнутым наружу венчиком, украшенным с внутренней стороны острыми ребрами и волнистым орнаментом, а также «курильницы» на невысокой ножке. Только для южной части региона характерны оригинальной формы двухкамерные светильники.

Вышеизложенная характеристика керамики кушанского времени в основном основывается на материалах южной части области. Но с необходимыми оговорками она может быть распространена на всю территорию. В целом соответствуют этой характеристике комплексы керамики, полученные из шурфов на городище Старого Чарджоу (Массон М. Е., 1966б, с. 146—147). При несомненном наличии локальных особенностей керамическое производство во всех частях области развивалось в едином направлении. По имеющимся материалам исключение может быть сделано лишь для Чарджоуского оазиса времени существования кушано-сасанидского владения. В этот период здесь, в частности на городище Одейдепе, отчетливо прослеживается влияние Хорезма, выразившееся в распространении лепной керамики с обильной примесью шамота и кусочков гипса. Эта группа керамики представлена хумами, жаровнями, подставками. Для хумов характерно яйцевидное тулово, слегка выпуклое дно, четко выраженная горловина и венчик в виде выступающего наружу валика. Венчики многих хумов украшены одним или двумя рядами вмятин, сделанных пальцем. По горлу и плечикам процарапаны многорядные волнистые линии. По фактуре и орнаментации эти сосуды находят аналогии в керамике Хорезма IV—VI вв. н. э. (Неразик Е. Е., 1959, с. 227 и сл.). Важную категорию находок составляют терракоты, которые пока являются единственным источником для характеристики художественной культуры и идеологии местного населения (Пилипко В. Н., 1977 а). В настоящее время с разных памятников области известно около ста терракотовых статуэток. Большинство из них относится к числу подъемных, и датировка их кушанским временем устанавливается на основании стилистического анализа и сопоставления с немногими экземплярами, найденными в культурных слоях. Основную массу известных терракот следует датировать I в. до н. э.—III в. н. э. В IV—V вв. н. э. культовые женские статуэтки, вероятно, выходят из употребления. Во всяком случае они не были встречены при раскопках слоев кушано-сасанидского времени на поселениях Чоплидепе и Мирзабеккала. Все известные терракотовые статуэтки можно разделить на две группы — культовые и светские. (табл. CVI).

Наибольшее распространение получила культовая тематика, связанная главным образом с почитанием в народной среде женских божеств. В литературе, посвященной этому вопросу, первоначально бытовало отождествление большинства женских терракот с образом Анахиты. Однако новый материал свидетельствует о наличии большого количества устойчивых иконографических типов, несомненно, отражающих почитание нескольких разных божеств. Отождествление отдельных типов терракотовых статуэток с древнеиранскими божествами, известными по текстам Авесты и кушанским монетам, в настоящее время представляется проблематичным, так как научные критерии для подобных отождествлений еще не выработаны. Кроме того, почитаемые в народной среде женские божества не всегда совпадали с персонажами официальных религиозных культов.

Для Средней Амударьи в настоящее время выделяется не менее 10—15 иконографических типов. Столь большое их количество нельзя объяснить лишь разным временем их создания или этническими различиями отдельных групп населения. Например, в Старом Чарджоу со слоями первых веков н. э. связаны находки статуэток трех разных типов. Среди терракот Мирзабеккалы выделяются по крайней мере девять иконографических типов, причем некоторые из них представлены несколькими вариантами, указывающими на длительное почитание одних и тех же божеств. Все это свидетельствует о существовании на Средней Амударье культа нескольких женских божеств. Значение их, вероятно, было разным. Некоторые пользовались почитанием у всего населения побережья, сфера влияния других, видимо, ограничивалась отдельными районами.

Какое-то божество, пользующееся почитанием на всем побережье Амударьи, представляют статуэтки, изображающие женщину с сосудом в руке и венком в другой. Статуэтки этого типа найдены в Чарджоуском оазисе, окрестностях Керки (Пилипко В. Н., 1977а, тип. III), в районе Термеза (Альбаум Л. И., 1960, с. 28, 29, рис. 14; Массон М. Е., 1940 б, с. 77, рис. 49) и в Саксанохуре (Мухитдинов, 1975, с. 379). В северной половине области были популярны статуэтки богини в складчатых одеждах и без культовых атрибутов. В южных районах области большим почитанием пользовалась богиня, культовыми атрибутами которой были сосуд и виноградная гроздь. В этом же районе распространены фигурки богинь в плотных накидках с длинными ложными рукавами. Находки терракотовых статуэток богини с виноградной гроздью и в накидках с ложными рукавами известны по раскопкам в центральных районах Бактрии (Кругликова И. Т., Сарианиди В. И., 1971, с. 164, рис. 65; Кругликова И. Т., 1974, с. 36, рис. 26, 1). Встречены также идольчики с вылепленными от руки туловом и головой, оттиснутой в форме. Здесь же отмечены редкие находки сидящей богини, широко распространенной во всей Бактрии.

В числе стилистических особенностей женских культовых терракот Средней Амударьи можно отметить следующие. Все изображения строго фронтальны. Богини, за исключением одного типа, изображены прямостоящими, но в положении рук наблюдается значительное разнообразие, в некоторых случаях руки вообще не изображены. В соответствии с этим значительная часть богинь не имеет культовых атрибутов. В качестве культовых атрибутов местных божеств используются виноградная гроздь, венок, сосуд, возможно, плод граната. Высота статуэток от 8,2 до 16,5 см. Отношение высоты головы к высоте туловища обычно 1:3.

В коропластике Средней Амударьи можно обнаружить некоторое сходство с терракотами Маргианы, Согда, Бактрии и Хорезма, что свидетельствует об общих истоках и путях развития этого явления в культуре древней Средней Азии. Однако в целом при сравнении терракот с побережья Средней Амударьи с аналогичными изделиями из сопредельных областей отчетливо прослеживается самобытность коропластики этой области, позволяющая ставить вопрос о существовании среднеамударьинской школы коропластики, отражавшей особенности местной этнокультурной среды. Несмотря на большое разнообразие физических типов, представленных на терракотах, в облике женщин этой области отмечаются некоторые общие черты. Большинство головок изображает женщин европеоидного типа с длинным, сильно выступающим носом, маленьким близко расположенным к носу ртом, массивным подбородком и покатым лбом. Выделяются также особенности этнографического порядка, касающиеся причесок и покроя одежд. Прически короткие, во многих случаях богини простоволосые. За исключением одного случая, платья всегда длинные. Широко распространена его отделка многочисленными складками и накладными украшениями. Следует также отметить татуированные (?) кольца на щеках.

Помимо женских культовых статуэток, на поселении Аккала вблизи Карабекаула найдена статуэтка бодисатвы, свидетельствующая о наличии среди местных жителей приверженцев буддизма. Статуэтка изображает сидящего в позе созерцания бодисатву в короне с перекинутой через грудь цепью.

На основании стилистических особенностей и изучения стратиграфии памятника статуэтка датирована II—IV вв. н. э. (Пилипко В., Масимов И., 1969). В стилистическом отношении она обнаруживает большое сходство с буддийской пластикой Гандхары. Однако она несомненно является продукцией местных ремесленников. Статуэтка сработана штампом тонкой моделировки, но оттиск некачественный из-за недостаточно плотного наполнения формы глиной. При выемке из формы глина в некоторых местах расслоилась. Тыльная сторона статуэтки неровная с глубокими отпечатками пальцев. Все это заставляет предполагать, что перед нами пробный или бракованный образец терракотовой статуэтки.

Фигурка найдена не в крупном городском центре, связанном с международной торговлей, а на небольшом сельском поселении. Это наряду с фактом несомненного ее местного изготовления указывает на довольно глубокое проникновение буддизма в среду местного населения.

Среди статуэток светского характера подавляющее большинство составляют фигурки животных и всадников. Наиболее многочисленны фигурки коней. Вылеплены они от руки, очень обобщенно. Небольшая морда, стоячая грива, короткий хвост, конусовидные прямые ноги. У многих фигурок на спине следы прикрепления наездников. Целых фигурок всадников нет. Наилучшую сохранность имеет крупная (высота 18 см) статуэтка из Мирзабеккалы. Фигурка наездника также схематична. Всадник, грудь и шея лошади украшены оттисками кружков, возможно, это условная передача доспехов. Оригинальна статуэтка «тяни-толкай» с Чоплидепе. Это — гибрид из двух лошадиных протом, смотрящих в разные стороны. Головы и ноги сколоты. На спине следы прикрепления двух наездников, видимо, также смотревших в разные стороны. На фигурке частично сохранилось изображение упряжи, украшенной кружками и насечками. Большинство этих статуэток, вероятно, уже изготовлялось как детские игрушки, хотя некоторые по традиции могли сохранять культовое назначение (Пугаченкова Г. А.,

1973 а, с. 117). Возможно, для изготовления подобных фигурок наездников использовался штамп, найденный на городище Мирзабеккала. Он предназначался для изготовления небольших мужских головок с вислыми усами, подтреугольной бородкой и конусовидной шапки с меховой (?) оторочкой по низу.

Другой этнический тип передает поясная мужская статуэтка с городища Беширкала (Дурдыев Д., 1976). Одутловатое слегка монголизированное лицо, усы с подкрученными концами, длинная клиновидная борода, растущая только на подбородке. Оригинальная прическа со свисающей в виде прямоугольного зубца челкой.

Третья мужская статуэтка с побережья Средней Амударьи связана с совершенно иной культурной средой. Это — найденное в районе Керков терракотовое изображение сасанидского вельможи (Пилипко В. Н., 1977а). Статуэтка выполнена в строгом соответствии с канонами сасанидского официального портрета конца III — начала IV в. Появление этого иконографического образа на побережье Амударьи связано с вхождением этой территории в состав Сасанидского государства.

Сведения о денежном обращении области в настоящее время могут основываться примерно на сотне документально зафиксированных монетных находок. В древности Амударья в среднем своем течении являлась важной торговой артерией, связывающей многие экономические центры Средней Азии. В письменных источниках имеются упоминания о том, что по Амударье плавали парфянские купцы (Бичурин Н. Я., 1950, с. 151) и о том, что в древности имелась возможность доставлять товары из Индии в Черное море водным путём (Страбон, XI, VII, 3). Через побережье Амударьи несомненно проходили и важные сухопутные торговые трассы. Все это способствовало развитию товарно-денежных отношений в среде местного населения.

Наиболее ранними документально зафиксированными монетными находками на побережье Амударьи являются парфянские драхмы[11]; две Синатрука (77—70 гг. до н. э.) и одна Фраата III (70—57 гг. до н. э.). Одна монета Синатрука найдена в г. Керки (Массон М. Е., 1928, с. 285), две другие парфянские драхмы найдены на городище Мирзабеккала (Массон М. Е., 1955б, с. 205; Пилипко В. Н., 1976б).

Три независимые друг от друга находки парфянских драхм заставляют предполагать их участие в денежном обращении Средней Амударьи в I в. до н. э., тем более что никакие другие монеты этого времени в этой области пока не найдены. Причины, вызвавшие обращение парфянских монет на побережье Амударьи, пока неясны. Появление здесь парфянской серебряной монеты могло быть следствием экономического влияния Парфии, ее территориальных захватов или результатом ввоза иностранной валюты из драгоценного металла для удовлетворения нужд внутреннего рынка.

В первых веках нашей эры на Средней Амударье получили распространение кушанские монеты. В настоящее время здесь зафиксировано более 50 кушанских бронзовых монет (Пилипко В. Н., 1978). Цифра довольно значительная, если учесть разведывательный характер проведенных исследований. Синхронные монеты иных чеканов на территории побережья неизвестны. Все это является убедительным аргументом в пользу массового обращения кушанских монет на данной территории. При рассмотрении вопроса об ареале кушанских монет необходим дифференцированный подход, поскольку границы территории, на которую распространялось экономическое и политическое господство Кушан, несомненно, неоднократно изменялись за многовековой период существования этого государства. Наиболее ранние монеты, принадлежащие чекану Вимы Кадфиза (два экземпляра), пока обнаружены только на городище Мирзабеккала, расположенном на крайнем юге области. Находка монет Канишки (9 экземпляров) также связаны с южной частью области. Самый северный пункт находки этих монет находится в районе Халача. Возможно, при дальнейших исследованиях они будут обнаружены и севернее, но пока данные об их обращении в Карабекаульском и Чарджоуском оазисах отсутствуют. Достоверные сведения о вхождении всей области в сферу экономического и, вероятно, политического господства Кушанского государства имеются для периода правления Васудевы I и его преемников.

Средняя Амударья также полностью входила в область обращения кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монет. На территории области найдено 25 бронзовых монет этого чекана. Среди них имеются монеты кушаншахов Хормизда и Варахрана (Луконин В. Г., 1969а, табл. XXI). Сасанидо-кушанские монеты составляют основную массу монетных находок из верхнего слоя Чоплидепе (Керкинский р-н) и Одейдепе (Дейнауский р-н). Сасанидо-кушанские монеты имеются также среди находок с Кумдепе, Геокдепе, Акдепе (Бургучи), Курегенкалы. Кушано-сасанидских бронзовых монет найдено всего три. Две из них происходят с Мирзабеккалы и одна с Чоплидепе. В литературе имеются сообщения о находках золотых кушанских (Альхамова З. А., 1949, с. 130) и кушано-сасанидских монет в г. Керки и его окрестностях (Давидович Е. А., 1957, с. 137, 138; Массон М. Е., 1973 б, с. 7). Однако, как показали последние исследования (Пилипко В. Н., 1978), эти монеты правильнее определять как продукцию кидаритских, хионитских или эфталитских правителей (группа ALXON, по Р. Геблю, 1967).

Могильники оседлого населения Средней Амударьи пока не выявлены. Зафиксирован только кочевнический могильник Бабашов, расположенный на правом берегу Амударьи между железнодорожными станциями Ташрабат и Мукры, датируемый I в. до н. э.—II в. н. э., хотя не исключается также возможность датировки концом II в. до н. э. и III в. н. э. (Мандельштам А. М., 1975). Можно предполагать, что предметы ремесленного производства могильника Бабашов произведены в мастерских поселений оседлого населения (табл. CVII, CVIII).

---

[11] В литературе имеются сведения о находках на побережье Средней Амударьи дарика и греко-бактрийских монет. Эти сообщения могут приниматься к сведению, но ими нельзя оперировать как документальными фактами. Поскольку сведения о находке дариков в Керки основываются на не заслуживающем особого доверия устном сообщении их продавцов (Массон М. Е., 1973б, с. 7), а о находке греко-бактрийских монет в Келифе имеется лишь косвенное упоминание в научно-популярном издании (Масальский В. Н., 1913, с. 270—271).

Глава двенадцатая
Северная Бактрия

Бактрия впервые упоминается в клинописных источниках VI в. до н. э., это название древней страны просуществовало по крайней мере до IV в. н. э., когда оно было сменено названием Тохаристана (по имени одного из народов, обосновавшихся в древности на этой территории,— тохаров). Имя древней страны и ее столицы Бактр сохранялось в средние века в названии главного города Тохаристана — Балха (рис. 8—14).

Правда, существуют некоторые расхождения между пониманием границ Бактрии в сочинениях античных географов и историков. Уже при чтении описаний похода Александра Македонского создается впечатление, что Амударья рассматривалась как своего рода граница между Бактрией и другой крупной историко-культурной областью Средней Азии — Согдианой (Arr., VII, 5, 1—2; Strabo, XI, II, 2; Ptol., VII, II, I). Эта традиция сохранялась до IV в. н. э., как это видно по географическому обзору Аммиана Марцеллина, который, впрочем, судя по всему, прямо следовал за описанием Птолемея (Amm. Marc., XXIII, 6, 57).

Однако такое несколько формальное проведение границ историко-культурных областей по крупным водным артериям довольно рано вызвало сомнения исследователей. Например, В. Томашек полагал, что под Бактрией следует понимать области по среднему течению Амударьи как к югу, так и к северу от самой реки (Tomaschek W., 1896). Эти сомнения возросли по мере расширения фронта археологических работ, которые показали для древнего времени значительное культурное единство в районах по обеим сторонам великой среднеазиатской реки. Поэтому М. М. Дьяконов со всей решительностью писал, что реки вообще не разъединяют, а объединяют орошаемые ими оазисы, и что есть все основания придерживаться точки зрения В. Томашека (Дьяконов М. М., 1954 б, с. 123). Большинство современных исследователей следуют именно этой точке зрения, последовательно проанализированной Б. Я. Стависким (1977 б, с. 36 и сл.).

Современные источниковедческие исследования, кроме того, показывают, что Амударья служила границей между Бактрией и Согдианой только на одном очень узком участке (в районе Келифа). Результатом перенесения этой ситуации на все течение Амударьи явилась эта ошибка, довольно широко представленная в античной литературе. В античной литературе есть и вторая точка зрения относительно границ Бактрии: на юге ее ограничивают горы Гиндукуша, на севере — «скала Хориена» (видимо, Железные ворота). Эта точка зрения и принимается большинством современных исследователей (Пьянков И. В., 1982).

В этой связи необходимо отметить, что в географической литературе средневековой эпохи существовало два понимания термина Тохаристана, этого прямого наследника древней Бактрии. Уже по сообщению Сюань Цзаня, Тохаристан простирался от Гиндукуша на юге до гор, разделявших бассейн Амударьи и Кашкадарьи на севере (Beal S., 1888, с. 37). В таком расширительном понимании обычно рассматривали Тохаристан и арабские географы (Бартольд В. В., 1963, с. 118; 1965, с. 515). Наряду с этим под Тохаристаном порой понималась небольшая провинция, лежавшая к востоку от Балха и ограниченная с севера Амударьей, а с юга северными отрогами Гиндукуша (Бартольд. В. В., 1965, с. 515). Не исключено, что подобное двойное понимание границ страны существовало и в древности. Во всяком случае в данной книге Бактрия вслед за большинством современных исследователей понимается в расширительном варианте, что находит полное подтверждение в археологических материалах, практически идентичных на левом и на правом берегах Амударьи.

Три особенности политической истории Бактрии III в. до н. э.— V в. н. э. имеют первостепенное значение для развития культуры страны, ярко отраженной в археологических материалах. Прежде всего это вхождение Бактрии в состав державы Александра Македонского, а затем в 306—250 гг. до н. э.— в состав державы Селевкидов и после этого образование независимого греко-бактрийского царства (около 250—140/130 гг. до н. э.). В это время во главе страны стояли греческие правители (Диодот, Евтидем, Евкратид, Гелиокл) и широкое распространение получили эталоны и образцы греческой культуры, в том числе и греческий язык. В значительной мере, помимо политического господства греко-македонской верхушки, это было связано с притоком в Бактрию колонистов из Эллады и Малой Азии и созданием целого ряда городов и поселений (Кошеленко Г. А., 1979, с. 148 и сл.). Остатки такого греческого города были открыты французскими археологами при раскопках городища Айханум на левом берегу Амударьи (Bernard P., 1973; Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., 1976), и не исключено, что именно здесь располагалась упоминаемая источниками Александрия на Оксе.

Другое важное событие в истории Бактрии, оставившее яркий след в ее культурогенезе,— это падение Греко-Бактрии под ударами кочевых племен во второй половине II в. до н. э. При этом, как сообщают источники, кочевые племена первоначально обосновались к северу от Амударьи, что подтверждается открытием здесь обширных могильников, оставленных древними кочевниками (Мандельш-

там А. М., 1974). Специфические культурные традиции кочевого населения особенно наглядно проявились в сфере ювелирного дела и частично искусства.

Наконец, третьим важнейшим событием в древней истории Бактрии было объединение в I в. н. э. пяти кочевнических владений, сформировавшихся на руинах греко-бактрийского царства, наиболее удачливым предводителем вторгшихся племен, носившем имя Куджулы Кадфиза или Кадфиза I. Название этого владения, ставшего во главе нового государственного образования, в китайских летописях передается как Гуйшуан, что явно соответствует этнониму кушан, известному по западным источникам. В результате образовалась одна из крупнейших держав древнего мира — кушанская. В пору расцвета в правление Канишки, Хувишки и Васудевы в ее состав, помимо значительной части Средней Азии, входили также земли современного Афганистана, Пакистана и северной части Индии. Римская империя, парфянское государство, кушанская держава и ханьский Китай образовывали в первых веках нашей эры систему рабовладельческих государств, протянувшуюся от Атлантического до Тихого океана. В рамках кушанской державы широкое развитие получает международная торговля, происходит расцвет городов, наблюдается необычайный подъем искусства, синтезирующего достижения эллинизма и восточные традиции.

История древней Бактрии в общем довольно скудно освещена письменными источниками. Необходимо отметить прежде всего данные античной (древнегреческой и латинской) традиции. Однако только отдельные периоды истории Бактрии освещены в ней достаточно подробно, например поход Александра Македонского. Все остальные периоды освещены чрезвычайно скудно (см., например, Пьянков И. В., 1975; 1982; Новиков С. В., 1982, Савицкий Г. И., 1941). Помимо античной традиции, важную роль играют сообщения китайских авторов, особенно относительно завоевания кочевниками Греко-Бактрии и сложения Кушанского царства (Бичурин Н. Я., 1950).

История изучения археологических памятников Бактрии сравнительно коротка и в ней отчетливо наблюдается тенденция к сложению бактрийской (или кушанской) археологии как самостоятельного научного направления со своими специфическими приемами, понятийной сеткой и устойчивыми комплексами (Массон В. М., 1976а). Первые сведения о древностях амударьинского правобережья восходят еще к XIX в., когда развалины древних поселений и архитектурные сооружения осматривали и описывали географы, военные инженеры и просто любители-краеведы. В конце XIX — начале XX в. с большим профессионализмом рассматривались памятники мусульманского средневековья (Массон М. Е., 1940б). Собственно памятники, относящиеся именно к древней эпохе, не были вычленены из общей массы древностей, за исключением комплекса известного амударьинского клада, обнаруженного при случайных обстоятельствах (Зеймаль Т. Н., Зеймаль Е. В., 1962) и изданного уже не в целостном виде (Dalton O. M., 1905; Зеймаль Е. В., 1979).

По существу древние археологические комплексы на юге Средней Азии оставались не выделенными и в 20-е годы. Так, в 1926—1928 гг. в Термезе и в его округе работала экспедиция Музея восточных культур, обследовавшая, в частности, остатки ступы кушанского времени, руины которой носили название Зурмала, но сама ступа была ошибочно датирована IV—VII вв. н. э. (Стрелков А. С., 1927). Однако широкие археологические исследования и развитие местных научных центров после Великой Октябрьской социалистической революции в довольно короткие сроки ликвидировали отставание среднеазиатской археологии, хотя это произошло и не сразу.

Большое значение для археологии Северной Бактрии имело открытие в 1932 г. на одном городище около Термеза, носящем название Айртам, скульптурного фриза (Массон М. Е., 1933), а также раскопки в 1933 г. на этом памятнике. В ходе раскопок не только было установлено наличие остатков буддийского монастыря, но и выделен комплекс археологических объектов, прежде всего характерной керамики, датированной найденными в слое кушанскими монетами (Массон М. Е., 1935), что знаменовало рождение кушанской археологии. Важное значение в становлении этого раздела среднеазиатской археологии имели развернувшиеся в 1936—1938 гг. работы Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона (Массон М. Е., 1938; 1940а, б; 1945). В ходе этих исследований, охвативших ряд исторических периодов, были широко поставлены вопросы всестороннего изучения древних памятников, исследования древнего орошения, палеоботанических и остеологических коллекций. Были выявлены кушанские слои на территории Старого Термеза и установлено, что он в этот период был крупным городским центром, начаты раскопки буддийского культового комплекса Каратепе, специально изучались объекты архитектурного декора (Пугаченкова Г. А., 1945), продолжены раскопки на городище Айртам, где был получен выразительный керамический комплекс (Вязьмитина М. И., 1945а, б). Однако в целом объем раскопок культурных слоев кушанского времени был ограничен, памятники за пределами городищ Старого Термеза почти не обследовались, типология археологических материалов практически не разрабатывалась.

Со второй половины 40-х годов происходит заметное расширение числа исследованных памятников. На юге Узбекистана производит разведочные работы и небольшие раскопки Л. И. Альбаум (1955а, б) и В. Д. Жуков (1961), в западном Таджикистане разворачиваются работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, в ходе которых был открыт могильник Тупхона (Дьяконов М. М., 1950). Особенно важными для развития кушанской археологии были раскопки, проведенные на двух городищах в долине р. Кафирниган,— Калаимир и Кейкобадшах, где была установлена определенная стратиграфическая колонка и выделены комплексы Кобадиан I—V (Дьяконов М. М., 1953). Хотя в намеченную последовательность комплексов были внесены коррективы (Массон В. М., Заднепровский Ю. А., 1955; Мандельштам А. М., 1966а), в целом кобадианская стратиграфия как первый опыт хронологического членения памятников северной

Бактрии сыграла свою положительную роль. Помимо Кобадиана, в долине Кафирнигана изучался ряд других поселений, но особенно важным было открытие Согдийско-Таджикской экспедицией в Бишкентской долине обширных могильников, оставленных древними кочевниками (Мандельштам А. М., 1966а). В 60-е годы разворачиваются широкие систематические раскопки на ряде древнебактрийских памятников — на крупном, хотя и провинциальном, центре городище Яван (Юркевич Э. А., 1965; Зеймаль Т. И., 1969), на небольшом памятнике на юге Таджикистана — Саксанохуре, где был обнаружен выразительный комплекс монументальной архитектуры (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969), и на городище Халчаян по среднему течению Сурхандарьи, где были открыты первоклассные памятники древней скульптуры (Пугаченкова Г. А., 1966б; 1971а). С 1961 г. возобновились раскопки буддийского комплекса Каратепе в Старом Термезе (Ставиский Б. Я., 1964; 1969; 1972а). Наряду с выразительными объектами искусства массовый археологический материал все более заполнял кабинеты исследователей и музейные фонды. В известной степени уровень его разработки нашел отражение на состоявшейся в 1968 г. в Душанбе международной конференции по истории,

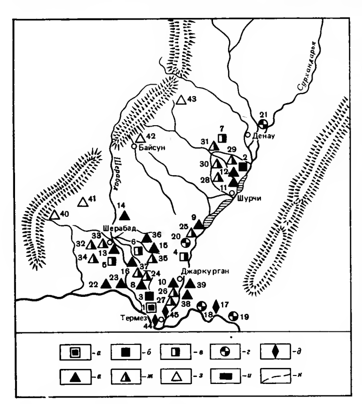


Рис. 8. Памятники Бактрии. Памятники нижнего и среднего течения р. Сурхандарья (по Б. Я. Ставискому)

1 — Старый Термез; *2* — Дальверзинтепе; *3* — Зартепе; *4* — Хаиттепе; *5* — Талашкантепе; *6* — Джандавляттепе; *7* — Дегризтепе; *8* — Хайрабадтепе; *9* — Караван-Туштy; *10* — Ялпактепе; *11* — Джартепе; *12* — Чоргультепе; *13* — Кулуг-Шахтепе; *14* — Бабатепе; *15* — Безымянное (Б — *37*); *16* — Каттатепе; *17* — Ходжа-Гульсуар; *18* — Айртам; *19* — Хатын-Рабат; *20* — Бараттепе (Байтепе); *21* — Халчаян; *22* — Кампыртепе; *23* — Шуробкурган; *24* — Шортепе; *25* — Арпа-Паятепе; *26* — Барауз; *27* — Ходжа-Камар; *28* — Савринджонтепе; *29* — Ишанбобо; *30* — Маслахаттепе; *31* — Мазартепе; *32* — Чаллатепе; *33* — Чопоната; *34* — Ходжа-Кия; *35* — Икизактепе; *36* — Аиртепе; *37* — Безымянное (Б — *40*); *38* — Актепе; *39* — Исмаилтепе; *40* — Дабилкурган; *41* — Майданкурган; *42* — Байсунское; *43* — поселение у с. Сина; *44* — «греческая переправа» через Амударью в Термезе; *45* — переправа через р. Сурхан; *а* — крупный городской центр; *б* — город; *в* — городок; *г* — поселение-оазис; *д* — культовые и другие отдельные крупные археологические комплексы; *е* — крупное сельское поселение; *ж* — сельское поселение; *з* — горное поселение; *и* — усадьба; *к* — древние каналы. Условные знаки общие для рис. 8—14

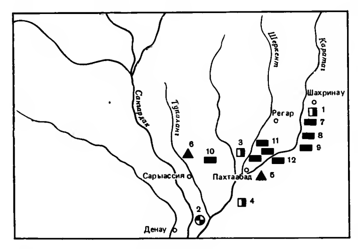


Рис. 9. Памятники Бактрии. Памятники в верхней части долины р. Сурхандарья (по Б. Я. Ставискому)

1 — Шахринауское городище; *2* — Халчаян; *3* — Узбеконтепе; *4* — Бешкала; *5* — Курганча; *6* — Караултепе; *7* — Кампыр-Зухро; *8* — Безымянное тепе (95); *9* — Аккурган; *10* — Караултепе; *11* — группа тепе у с. Курган-Куса; *12* — тепе в с. Минг-Тут

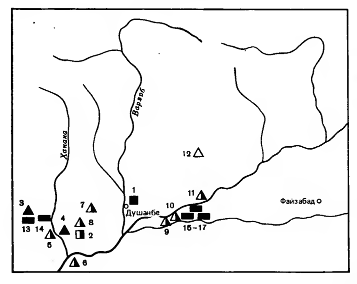


Рис. 10. Памятники Бактрии. Памятники Гиссарской долины (по Б. Я. Ставискому)

1 — городище в г. Душанбе; *2* — Хоки-Сафед; *3* — Ката-Джелаил; *4* — Хисор; *5* — Тепеи-Гозийон; *6* — Кунябай; *7* — Кампыркала; *8* — Безымянное (*23* км от Душанбе); *9, 10* — два безымянных поселения к северу от р. Илак; *11* — Калаи-Шодмон; *12* — Семигандж; *13, 14* — Нагоратепе. Безымянное тепе у с. Ноуабад; *15—17* — группа тепе к северу от р. Илак

археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Центральная Азия, I, 1974; II, 1975). На конференции были представлены и доклады о новых раскопках и новых археологических материалах кушанского и предкушанского времени. Но они в основном характеризовали лишь активное возрастание информационного потока без его целенаправленной организации. Конференция способствовала повышению интереса широкой общественности к одной из «забытых империй древности» — кушанской державе. Но ее тематика была традиционной, и собственно кушанской археологии касалась сравнительно мало. Проблемы хронологии рассматривались как обычно с учетом материалов нумизматики и письменных источников без привлечения данных археологической стратиграфии. Традиционным для кушанистики было изучение вопросов истории искусства и проявляющихся в нем взаимодействий разных культурных традиций. Показательно, что проблема синтеза различных начал в кушанской художественной культуре была одной из основных и в публикациях, посвященных материалам Халчаяна, хотя там в ходе проводившихся раскопок был сделан ряд наблюдений и чисто археологического характера.

Вместе с тем количественный рост новых материалов, зафиксированный, в частности, и душанбинской конференцией, не мог не привести к качественным переменам, которые и наступают с конца 60-х — начала 70-х годов. В организационном отношении новый период во многом связан с работой больших экспедиций с четко очерченной программой. Так, Узбекистанская искусствоведческая экспедиция сосредоточила свои основные усилия на широкомасштабных раскопках городища Дальверзин, что привело и к сенсационной находке клада золотых изделий, и к получению достаточно полной картины развития городской культуры (Пугаченкова Г. А., 1971б; 1974б). Широкие задачи поставила и Южно-Таджикская экспедиция, начавшая свои работы с 1973 г. (Литвинский Б. А. и др., 1977). В 1972 г. была создана Бактрийская экспедиция, объединившая усилия археологов ЛОИА АН СССР и Института археологии АН УзССР (Массон В. М., 1974а; 1976а). Бактрийская экспедиция поставила своей специальной задачей получение массового археологического материала (Некрасова Е. Г., 1974), характеризующего производство, быт и культуру различных слоев населения как сельского, так и городского. Особое внимание было уделено сплошному обследованию памятников и разработке их типологии, специальный отряд занимался раскопками сельских поселений.

Результаты не замедлили сказаться уже на самом характере и объеме собственно археологического материала. Широкие разведочные работы реально поставили вопрос о создании карты кушанских памятников (см.: Ставиский Б. Я., 1977б, с. 42–83). В печати лучше всего отражен учет памятников, проводившийся на юге Узбекистана (Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А., 1973; Ртвеладзе Э. В., 1974б; 1976). Значительный объем учтенных памятников позволил предложить разработки по типологии древних поселений (Ртвеладзе Э. В., 1974б; Массон В. М., 1976а). Продолжались систематические раскопки культовых центров, в числе которых, поми-

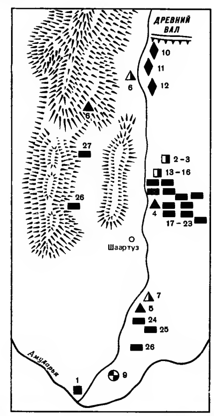


Рис. 11. Памятники Бактрии. Памятники в Нижнекафирниганской долине (по Б. Я. Ставискому)

1 — Айвадж; *2, 3* — Калаи-Мир и Кей-Кобад-Шах; *4* — Доккы-Юнус; *5* — Безымянное поселение (к югу от с. Янгиюль); *6* — Хан-Газа; *7* — Безымянное поселение у с. Янгиюль; *8* — Мунчактепе; *9* — оазис у с. Шах; *10, 11* — крепости; *13—16* — Лянгарата, безымянное тепе, Сангова и Тоштепе; *17—23* — Ок-Мазар и шесть безымянных тепе; *24—25* — два тепе; *26* — Чимгалыштепе; *27* — Безымянное тепе; *28* — Актепе

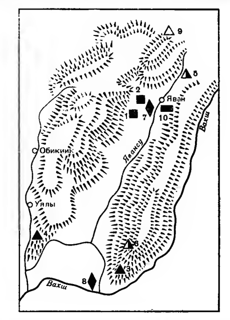


Рис. 12. Памятники Бактрии. Памятники на правобережье р. Вахш (по Б. Я. Ставискому)

1 — Тамошотепе; *2* — Гаравкала; *3* — Безымянное городище; *4* — Халкаджар; *5* — Чирокчитепе; *6* — Ходжакала; *7* — Калаи-Турткуль II; *8* — безымянная крепость; *9* — Джаман-Булак; *10* — Калаи-Саракамыш; *11* — Чоргуль

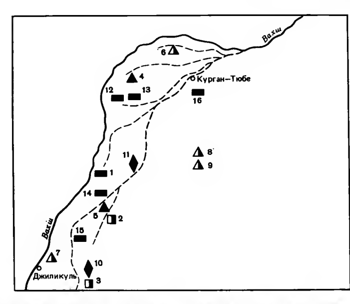


Рис. 13. Памятники Бактрии. Памятники Нижневахшской долины (по Б. Я. Ставискому)

1 — Безымянное тепе возле городища Лагман; *2* — Кафыркала; *3* — Кухнакала; *4* — Каунтепе; *5* — Безымянное тепе; *6* — Болдайтепе; *7* — Шуртепе; *8* — Ишантепе; *9* — Ядан-Кельды; *10* — Кумтепе; *11* — Урта-Боз II; *12* — Заргартепе; *13* — Шортепе; *14* — Искитепе; *15* — Безымянное тепе на возвышенности Кара-Бура; *16* — Кафыртепе

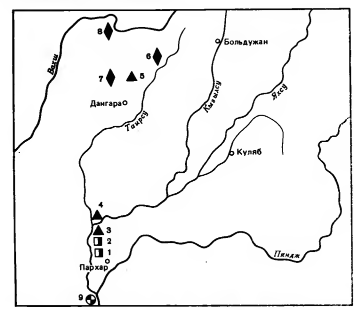


Рис. 14. Памятники Бактрии. Памятники в бассейне р. Таирсу и Кызылсу (по Б. Я. Ставискому)

1 — Саксанохур; *2* — Шуртепе; *3* — Шахртепе; *4* — Чоргультепе; *5* — Калаи-Турткуль; *6* — Пушинг; *7* — Тепеи Киевшайди; *8* — Игрониболо; *9* — Кокульское

мо Каратепе, следует назвать эффектный буддийский монастырь Фаязтепе, также расположенный в круге Старого Термеза (Альбаум Л. И., 1974; 1976; 1979), и культовый комплекс на Каменном городище в юго-западном Таджикистане (Пичикян И. Р., 1979; Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1979). Но наибольшее значение имели широкие раскопки поселений, доставившие самую разнообразную информацию о многих сторонах жизни и деятельности кушанского общества. Из работ на крупных городских центрах следует назвать раскопки на Дальверзинтепе (Дальверзинтепе, 1978) и на Зартепе (Массон В. М., 1973; 1974б, 1975; 1976б, 1977а, б; 1979). Ш. Р. Пидаев возглавил специальный отряд Бактрийской экспедиции, раскапывавший сельские поселения, что позволило рассмотреть вопрос не только о культуре и быте их обитателей, но и об аграрных отношениях в кушанской державе (Пидаев Ш. Р., 1974; 1975; 1976а, б). На ряде памятников были осуществлены стратиграфические разрезы, в том числе на городище Старого Термеза (Козловский Б. А., Некрасова Е. А., 1976), в Дальверзине, на Зартепе и на небольших поселениях в Ширабадском р-не (Некрасова Е. А., 1976). Это позволило обоснованно поставить вопрос об относительной хронологии и о выделении в рамках древней Бактрии нескольких археологических комплексов как устойчивых сочетаний типов массовых объектов от керамики до терракот (Массон В. М., 1979б; Завьялов В. А., 1979а; Некрасова Е. А., 1979). Резко возросло количество публикаций, среди которых наибольшее значение наряду с работами по искусству и общими обзорами (Массон В. М., 1966б; Пугаченкова Г. А., 1971а; 1973а; Ставиский Б. Я., 1977в; Staviski B., 1979) появляются специальные археологические монографии и сборники (Мандельштам А. М. 1975; Ставиский Б. Я., 1977б; Из истории..., 1973; Дальверзинтепе, 1978; Древняя Бактрия, 1974; Бактрийские древности, 1976; Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р., 1981; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983). Немалую роль сыграли и успешные работы советско-афганской археологической экспедиции, развернувшиеся к югу от Амударьи (Кругликова И. Т., 1974; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., 1977; Массон В. М., 1979а). По существу этими трудами была создана кушанская археология, имеющая теперь дело не только с эффектными памятниками искусства и архитектуры, но и с массовыми вещевыми материалами.

Обращаясь к их общей характеристике, остановимся прежде всего на выделении археологических комплексов и на вопросах хронологии. Здесь во многом решающее значение имеют стратиграфические шурфы и разрезы, позволяющие наметить членение археологических материалов на отдельные комплексы, связанные со строительными горизонтами, и проследить эволюцию объектов, взятых как отдельно, так и в устойчивых сочетаниях. Первая попытка такого членения для Северной Бактрии была предложена М. М. Дьяконовым, выделившим для эпохи, рассматриваемой в данном разделе, комплексы Кобадиан II—V (Дьяконов М. М., 1953). Однако это деление не во всех своих частях было достоверно обосновано стратиграфически и почти сразу же встал вопрос о возможном объединении комплексов Кобадиан II и III (Массон В. М., Заднепровский Ю. А., 1955). Последующие раскопки на городище Кейкобад-шах также не подтвердили разновременности керамики, выделенной в эти два различные комплекса (Мандельштам А. М., Певзнер С. Б., 1957), а потом вообще были высказаны сомнения в том, что в кобадианской колонке представлены ранние комплексы III—II вв. до н. э.

(Зеймаль Т. И., 1969, с. 7). Вместе с тем развертывание археологических исследований вело к накоплению данных по северобактрийской стратиграфии. Стратиграфическая колонка, правда, на ограниченной площади небольшого шурфа, была намечена для Халчаяна (Пугаченкова Г. А. 1966б, с. 30—37), стратиграфические же работы на городище Яван дали большой, пока почти не опубликованный материал (Зеймаль Т. И., 1969; Литвинский Б. А., 1973а, с. 14—17). Целая серия шурфов была заложена Бактрийской экспедицией как на городищах Старого Термеза (Козловский В. А., Некрасова Е. А., 1976) и Зартепе (Массон В. М., 1976а), так и на небольших поселениях (Некрасова Е. А., 1976). По материалам Дальверзинтепе Г. А. Пугаченкова предложила выделение таких комплексов, как греко-бактрийский, юечжийско-кушанский, великокушанский и позднекушанский (Пугаченкова Г. А., 1971б). Эта периодизация под немного измененными названиями была повторена и в обобщающей книге по этому городищу (Дальверзинтепе, 1978). Правда, в последнем издании уделено недостаточное внимание синхронизации разрезов и шурфов, осуществленных на территории этого огромного городища [1].

Эти материалы позволяют на основании характерных находок, в первую очередь керамики, предложить синхронизацию наслоений, вскрытых на перечисленных городищах и поселениях (Массон В. М., 1976а). При этом, разумеется, надо учитывать разный характер культурных отложений, выделяемых в качестве археологических горизонтов на том или ином памятнике.

Помимо стратиграфических колонок, широкие раскопки отдельных памятников на уровне одного-двух верхних горизонтов дают обильный и очень ценный для археологической систематики материал. Этот материал если и трудно именовать закрытым комплексом в узком значении этого слова, то во всяком случае благодаря своей массовости, позволяющей отличить случайное от типичного, на нем устанавливается устойчивое сочетание объектов, характерное для определенного этапа культурного развития. Эти комплексы, представляющие собой широкое сочетание различных типов объектов, существенно дополняют данные стратиграфических разрезов, материал которых не столь обилен, но зато дает представление о развитии культуры во времени.

Взаимозаменяемость всех этих стратиграфических разрезов и комплексов, представленная в виде таблицы, дает достаточно надежную картину относительной хронологии археологических комплексов Северной Бактрии. Решающие рубежи существенных изменений в наборе археологических объектов достаточно определенны, и практически действующая четырехчленная схема, по которой, например, было дано описание материалов Дальверзина (Пугаченкова Г. А., 1971б), в целом достаточно обоснованна, хотя, разумеется, со временем будут предложены и более детальные подразделения. Несколько иначе дело обстоит с вопросами терминологии. Понятийная сетка, построенная на исторических терминах, как, например, юечжийско-кушанский и великокушанский периоды, хороша для исторической периодизации, но едва ли удобна для организации археологического материала, поскольку самими наименованиями она уже вносит элемент его интерпретации, тогда как речь идет о начальном этапе собственно археологического и только археологического источниковедения. Поэтому безусловно объективное использование названий эталонных памятников, где соответствующие материалы представлены наиболее ярко или были выявлены впервые. Такие термины были предложены на совещании по античной культуре Средней Азии и Казахстана (Массон В. М., 1979б; Завьялов В. А., 1979а; Некрасова Е. А., 1979). К сожалению, пока в Северной Бактрии слои греко-бактрийского времени изучены лишь попутно и не вполне ясно, как следует с точки зрения археологической систематики именовать соответствующий комплекс, представленный в Южной Бактрии материалами городища Ай-Ханум. Археологический комплекс следующего периода, именуемого Г. А. Пугаченковой юечжийско-кушанским (можно проще говорить просто об юечжийском), предложено именовать халчаянским. Для двух других комплексов времени великих кушан и позднекушанского, часто именуемого кушано-сасанидским, предложены соответственно термины дальверзинский и зартепинский (табл. CIX—CXIII).

Полученные материалы позволяют дать общую характеристику этих археологических комплексов Северной Бактрии. Слои греко-бактрийского времени на правом берегу Амударьи отмечены для Халчаяна, Дальверзина, Каменного городища, а также, судя по всему, и для Старого Термеза. Одной из ведущих форм керамики этого времени являются уплощенные тарелки с оттянутым наружу клювовидным венчиком, явно следующим типу так называемых рыбных блюд греческой керамики, в изобилии обнаруженных на городище Ай-Ханум, где они имеются как среди серо-черной керамики, так и коричневато-красной. В шурфе в Старом Термезе найдены также цилиндроконические, являющиеся одной из ведущих форм на том же южнобактрийском городище. Комплекс этого времени на Дальверзине несколько отличен, что исследователи склонны относить за счет его провинциализма по сравнению с блестящим городским центром на берегу Амударьи (Дальверзинтепе, 1978, с. 145). Керамика здесь покрыта светло-охристым, иногда красноватым ангобом, серо-черная посуда полностью отсутствует. Встречены кубки овального профиля, но сосуды этой группы цилиндроконической формы пока неизвестны.

Значительными изменениями в наборе керамических форм характеризуется халчаянский комплекс, к которому следует относить, помимо соответствующих наслоений на целом ряде поселений, также комплексы некрополя Тупхона и могильников Аруктау и Тулхар. Наиболее примечательным новшеством является появление бокалов двух основных вариантов — колоколовидных и рюмкообразных. По наблюдениям А. М. Мандельштама, первые являются наиболее ранней формой (Мандельштам А. М., 1966а, с. 156), тогда как после рубежа нашей эры господствуют бокалы с рюмкообразным туловом, однако при раскопках поселений эта тенденция не получила полного подтверждения (Дальверзинтепе,

[1] Критику халчаянской стратиграфической шкалы см.: Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, с. 29 и сл.

1978, с. 150). Раскопки Мирзакуля показали, что по крайней мере частично сохраняются и цилиндроконические кубки, составляющие в несколько специфическом наборе посуды этого памятника почти 25% всех типов керамики (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 36). Уплощенные тарелки с клювообразным венчиком редки и постепенно исчезают.

Весьма многочисленны и разнообразны кувшины, в основном одноручные. Их специфическую разновидность представляют приземистые кувшины с широким дном (Дальверзинтепе, с. 147, рис. 101, *26*), явно следующие эталонам, привнесенным кочевыми племенами в Северную Бактрию (Мандельштам А. М., 1975, с. 134). Крупные сосуды в пору существования халчаянского комплекса покрывались преимущественно светлым ангобом; бокалы, часть чаш и кувшинов — красным различных оттенков. Представлена и серая керамика, составляющая в самом Халчаяне и на Мирзакуле около 5%. Орнаментация сосудов сравнительно редка, это — процарапанные волнистые линии и единичные штампы, которые в виде пальмет имелись еще на керамике Ай-Ханума. Наличие в Мирзакуле крупных тагора с процарапанным орнаментом по внутреннему краю отогнутого венчика (Пидаев Ш. Р., 1978, табл. V) может указывать на наиболее позднее положение этих материалов в рамках комплексов халчаянского типа, что соответствует и данным монетных находок, поскольку на городище найдены две монеты, подражающие чекану Гелиокла, и две «безымянного царя», по наиболее убедительной идентификации рассматриваемые как чекан Кадфиза I (Массон М. Е., 1950 б) [2]. Халчаянское время — пора сложения собственно кушанской археологической культуры. В этот период, помимо устойчивого набора основных форм керамики, появляются также фигурки всадников, терракотовые статуэтки женщин, среди которых ранним типом, возможно свойственным только этому комплексу, являются фигурки нагой богини (Пугаченкова Г. А., 1966 б, с. 42), костяные палочки с навершием в виде кисти руки, обычно именуемые в литературе стилями.

Дальверзинский комплекс в принципе не дает новых форм, более того, число вариантов основных типов сокращается, отмечена значительная стандартизация ведущих форм. Преобладают сосуды с черепком красновато-коричневого цвета, но имеются и отдельные экземпляры серой керамики. В Дальверзине широко распространены бокалы с колоколовидным туловом, а также двуручные кувшины. Новую форму представляют собой невысокий кубок на сплошной ножке (Дальверзинтепе, с. 151, рис. 103, *6*). Многочисленны различные терракотовые статуэтки от всадников до женских персонажей; в числе последних популярен образ сидящей богини с различными атрибутами в руках. Ярким элементом археологического комплекса являются усеченно-конические пряслица, выточенные из камня, и терракотовые ткацкие грузила в виде удлиненных пирамид со сквозным отверстием наверху. Иногда на этих грузилах встречаются штампы.

Комплекс зартепинского типа представлен материалами из ряда памятников — Зартепе (Завьялов, 1979а, б), Аккургана (Пидаев Ш. Р., 1978), Каратепе (Сычева Н. С., 1972, 1975) и поселений северо-восточной Бактрии (Зеймаль Т. И., Седов А. В., 1979). Для керамики этого времени характерны три черты — резкое сокращение, если не исчезновение, таких форм, как бокалы и кубки, широкое распространение небольших кувшинчиков, обычно покрытых снаружи коричневато-красным, как бы стекающим книзу ангобом и разнообразная орнаментация в виде украшений сосудов штампами и налепами, обычно помещаемыми под ручкой (головы козлов, антропоморфные налепы и т. п.).

Примечательной формой этого комплекса являются краснолощеные миски с загнутым внутрь тонким краем, украшенные снаружи налепными масками львов, выполненными штампами. Входит в моду штриховое лощение — сетчатое или арочное — в виде серий пересекающихся дуг, обычно наносимых с внутренней стороны сосудов открытых форм. Штампы на керамике наносились с помощью керамических матриц, но иногда для этого использовались и геммы. Они идут по наружной стороне сосудов в несколько рядов либо располагаются группами. Наиболее обычны штампы в виде листа с прожилками, генетически скорее всего восходящие еще к пальметам на штампах Ай-Ханума, но появляются также отдельные символы, связанные с буддизмом («ступня Будды», «колесо закона»).

Штампы, нанесенные геммами, нередко представляют собой высокохудожественные произведения. Таковы штампы на керамике Зартепе, изображающие двух птиц, расположенных одна над другой, и найденный там же черепок со штампом, воспроизводящим солнечное мужское божество, вероятно Митру, стоящего на колеснице, запряженной парой коней. Распространяются кувшинчики со смятым горлом, так называемые энохоевидные, и крупные тагора с массивными витыми ручками, обычно покрытые внутри щедрой орнаментацией из налепов и процарапанных линий. Несмотря на некоторые изменения, намечающиеся в составе керамических форм, комплекс полностью сохраняет основные черты кушанской культуры от широкого распространения костяных булавок-«стилей», среди наверший которых появляются фигурки коней, до пряслиц из белого мраморовидного известняка в форме усеченного конуса и терракотовых ткацких грузил в виде пирамид.

Определение абсолютного возраста этих комплексов связано с известными трудностями, поскольку в кушанской хронологии существуют значительные расхождения, прежде всего в определении начальной даты Канишки, которую по наиболее распространенным сейчас гипотезам помещают либо в 110/128 г. н. з., либо в 278 г. (Зеймаль Е. В., 1968). Известную роль в рассмотрении этой проблемы могут сыграть данные археологии, поскольку предложенная выше стратиграфическая колонка рисует развитие культуры без каких-либо значительных перерывов, и определение возраста одной из ее ячеек неизбежно влечет за собой важные выводы в отношении других подразделений. Нижняя часть нашей колонки, связанная с периодом существования Греко-бактрий-

[2] Сомнения относительно отождествления «безымянного царя» и Кадфиза I см.: Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, с. 162.

ского царства, датирована достаточно надежно III—II вв. до н. э., что полностью подтверждено раскопками Ай-Ханума.

Времени существования комплексов халчаянского типов было уделено значительное внимание А. М. Мандельштамом в связи с вопросом о датировке могильников Бишкентской долины. Находки материалов этого типа обычно сопровождаются достаточно выразительными монетами, чеканенными по типу оболов Евкратида или оболов Герая. При всех вариантах возможных дат их обращения время существования комплекса халчаянского типа наиболее вероятно в рамках конца II в. до н. э.— первой половины или середины I в. н. э. (ср.: Дальверзинтепе, с. 146)[3]. Позднекушанский комплекс по находкам соответствующей керамики в Каратепе Старого Термеза надежно связывается с IV в. н. э. (Сычева Н. С., 1975, с. 90; Ставиский Б. Я., 1972а, с. 51—52). Другое дело — вопрос об его верхней границе, которую Т. И. Зеймаль не без влияния гипотезы о дате Канишке — 278 г. н. э.— стремится распространить и на V в. н. э. плоть до его середины (Зеймаль Т. И., 1969, с. 7; Зеймаль Т. И., Седов А. В., 1979). Однако такое омоложение пока не имеет твердых подтверждений, и скорее в своих начальных проявлениях Зартепинский комплекс будет связан с какой-то частью III в. н. э. В таком случае датировка собственно кушанского (дальверзинского) комплекса придется на конец I — первую половину III в. н. э., что будет соответствовать помещению начала эры Канишки в первую четверть II в. н. э., к чему сейчас склоняется большинство исследователей (Массон В. М., 1981). Предельная поздняя дата правления этого кушанского царя царей, принимаемая как 278 г. н. э., создаст в археологической колонке Бактрии трудно заполнимые лакуны, нарушающие эволюцию, твердо устанавливаемую по массовым археологическим объектам.

Поселения (классификация, топография, планировка). Многочисленные памятники Северной Бактрии при всем своем разнообразии могут быть объединены в несколько групп, что отражает различное их значение и в древности. Тип поселения следует рассматривать как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных в первую очередь с выполнявшимися им функциями. Эти функции находят выражение в самих размерах памятника, в его внутренней структуре и в составе находок. Вопрос о выделении типов кушанских памятников ставился рядом исследователей с учетом главным образом величины занимаемой ими площади и некоторых данных о планировке (Юркевич Э. А., 1965; 1968; Ртвеладзе Э. В., 1974 б). Более основательное и широкое обследование памятников, а также раскопки на территории многих из них позволили шире привлечь данные об их внутренней структуре и выполнявшихся функциях (Массон В. М., 1976а). Правда, следует учитывать и то обстоятельство, что типология поселений по содержанию отлична, скажем, от типологии ремесленной посуды. Каждое поселение уже в древности представляло собой развивающийся организм, функции которого могли меняться, природные и исторические условия также заметно сказывались на его облике. Поэтому здесь наблюдается значительное число различных вариантов и локальных различий, а многие, особенно крупные центры, имеют индивидуальные неповторимые черты.

При учете такого внешнего показателя, как занимаемая площадь, по данным северобактрийских памятников видно, что значимая грань проходит в пределах от 4 до 5 га. Если считать, вслед за Р. Адамсом, что значительные размеры поселения сами по себе уже отражают сложную структуру выполнявшихся им функций, то есть основания относить кушанские памятники площадью менее 4 га к числу сельских поселений, а площадью более 5 га — к числу городских с возможной внутренней ранжировкой. Отметим, что для древней Месопотамии выведена близкая грань — около 6 га (Adams R. Mc., Nissen N. J., 1972, p. 17) (табл. CXIV).

В рамках этих общих размеров, отражающих, как правило, плотность застройки и соответственно населения древних центров, сами памятники различаются уже по характеру планировки. Так, среди поселений городского типа можно уверенно говорить по крайней мере о двух подтипах — городах и городках аморфной планировки (Джандавлат, Хайрабад и др.) и городах, план которых близок четкому квадрату или прямоугольнику (Кейкобад-шах, Дальверзин, Зартепе и др.). В первом случае изломанность периметра отражает сам процесс постепенного роста городских поселений, начавших свое существование еще в середине I тысячелетия до н. э., как это четко установлено для Джандавлата и Хайрабада. Во втором — перед нами результат целенаправленной строительной деятельности, специальной разбивки территории будущего города, проходившей под контролем или наблюдением каких-то центральных властей. Наиболее значительным центром и, видимо, столицей Северной Бактрии был Старый Термез. Остатки крупного города в верхней части долины Сурхандарьи городища Шахринау, если восстанавливать периметр полуразрушенных стен, занимают площадь около 350 га, но едва ли в древности эта территория была плотно застроена. Отдельные бугры, расположенные на этом огромном пространстве, раскапывались и содержат остатки жилых строений (Хаитгула, Чимкурган). Возможно, это поселение с четким периметром внешних стен создавалось именно как крупный центр, но практически было обжито лишь в незначительной мере.

Определенная типология намечается и внутри группы мелких или сельских поселений. Здесь уже на имеющихся материалах могут быть выделены по крайней мере подтипы или три вида — неправильных очертаний (овальные, овально-вытянутые, двухчастные и т. п.), подпрямоугольного или подквадратного плана без выделения в рельефе какой-либо из частей и подквадратного и подпрямоугольного плана с дополнительным, обычно квадратным, возвышением из углов (так называемое тепе с вышкой) или даже с планировочно обособленной небольшой цитаделью. Раскопки на некоторых из этих поселений позволили получить дополнительный ма-

[3] Иную датировку см.: Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, с. 34.

териал об их структуре и выполнявшихся ими функциях (Пидаев Ш. Р., 1978). Таков Аккурган в Ширабадском р-не, принадлежавший к числу памятников первого подтипа. Другой памятник — Мирзакултепе, находящийся на окраине современного Термеза, принадлежит уже ко второму подтипу мелких поселений. Близка Мирзакулю и застройка другого памятника второй подгруппы Шортепе. Здесь также имеется обводная стена, а многочисленные помещения внутри ее обвода образуют как бы сплошной массив (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 97). Совершенно ясно, что перед нами особый, специализированный тип сельских поселений, в которых обводная стена имела не столько оборонительное, сколько фискально-административное значение. Возможно, что в Аккургане мы имеем дело с общинным поселением, а памятники второго подтипа — это места расселения групп лиц, находившихся в какой-то зависимости от центральных властей (Массон В. М., 1976а, с. 8—9).

В Северной Бактрии достаточно определенно прослеживается групповая концентрация древних поселений, видимо соответствующая древним ирригационным районам или оазисам, скорее всего образовавшим в древности также обособленную административную единицу (Массон В. М., 1974а). В таком ирригационном оазисе, как правило, находится одно по крайней мере поселение городского типа и ряд более мелких селений разных подтипов.

Судя по всему, наиболее значительным центром Северной Бактрии и, видимо, ее административной столицей был Термез (Тармита древнеиндийских текстов). Его руины, известные как городища Старого Термеза, расположены на самом берегу Амударьи ниже по течению от современного города. Правда, город на этой территории продолжал существовать и в средние века, и образовавшаяся значительная толща культурных напластований существенно затрудняет широкое изучение самых ранних слоев. Уже многочисленные находки монет греко-бактрийских правителей показывали, что поселение на этой территории существовало по крайней мере в III—II вв. до н. э. Шурф, заложенный на так называемой цитадели, установил наличие здесь культурных слоев этого времени (Козловский В. А., Некрасова Е. Г., 1976). Судя по результатам шурфовки, при создании ядра города были использованы естественные всхолмления на амударьинском берегу, включенные в прямоугольный обвод первоначального центра. В шурфе было обнаружено небольшое помещение, вырубленное в материковом песчаннике, причем в него вела ступенчатая лестница.

В кушанское время обжитая территория разрастается, и внешняя обводная стена охватывает площадь почти в 350 га. Правда, сама эта территория, видимо, была застроена не в равной мере. Здесь находились и ремесленные кварталы и монументальные здания. Вероятно, из одного из них происходит каменная капитель с фигурами львов. В северо-западном углу внешнего города складывается буддийский культовый центр Каратепе, сочетавший пещерные и наземные помещения. Сразу же за оградой располагался другой, уже полностью наземный монастырь — Фаязтепе. К востоку от внешней стены города находилась монументальная ступа, руины которой носят название Зурмала.

По результатам последних исследований, важным культовым центром едва ли не всей Северной Бактрии было городище Айртам, находившееся также на берегу Амударьи к востоку от Термеза. Расположенные здесь руины не образуют компактного городища — на сравнительно большой территории разбросаны руины, содержащие остатки различных культовых построек, в том числе небольшой ступы, хозяйственно-жилых комплексов, печей для обжига кирпича, употреблявшегося при отделке древних строений (Массон М. Е., 1935; Тургунов Б. А., 1973). Айртам получил мировую известность благодаря открытию здесь еще в 1932 г. замечательного скульптурного фриза. Он по существу был первым памятником, давшим археологический комплекс кушанского времени. Открытие каменного блока с надписью, успешно дешифруемой В. А. Лившицем (Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В., 1981), позволяет по-новому взглянуть на значение этого центра в древней истории Бактрии. Надпись упоминает о ремонтных работах, частично связанных с водоснабжением, проведенных в четвертый год правления Хувишки. Особенно важно, что для всего айртамского культового комплекса здесь использован термин Баголагго — храм, святилище, такой же, как для важнейшего центра династийного культа Южной Бактрии — Сурх-Котала (Henning W., 1956). В надписи говорится, так же как и в надписи Сурх-Котала, о наличии в этом пункте укрепленного центра, где, видимо, сосредоточивались основные культовые строения. Раскопки 1933 г., так же как и последующие исследования, не оставляют сомнений, что в состав культовых построек Айртама входило и буддийское святилище. Но не исключено, что здесь располагался и один из династийных храмов кушанской державы. Остатки наиболее раннего здания на Айртаме авторы раскопок склонны были датировать концом греко-бактрийского времени (Тургунов Б. А., 1973, с. 55; Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 94—95). Однако пока нет уверенности в том, что культурные напластования этого памятника выходят за пределы юечжийского и кушанского времени (ср.: Ставиский Б. Я., 1977б, с. 243).

В непосредственном соседстве с Термезом и тяготеющим к нему ирригационным районом находился другой ирригационный, а возможно и административный район кушанской эпохи — ангорский. Время его возникновения, судя по всему, относится к юечжийскому периоду (пора бытования комплекса халчаянского типа), когда сюда была проведена вода из Сурхандарьи при помощи магистрального канала Занг, осуществившего межбассейновую переброску вод. Одновременно была построена столица оазиса — ныне городище Зартепе и целый ряд более мелких поселений, в том числе Хайрабадтепе. Городище Зартепе имеет все черты четко спланированного города. Квадрат крепостных стен, фланкированных полукруглыми башнями, охватывает площадь в 16 га. В одном из углов крепости высится мощная цитадель. По середине города проходила главная магистраль шириной около 10 м. Особого подъема Зартепе достигает во II—III вв. н. э., когда город-

ские стены становятся наиболее мощными. Верхний слой городища полно и разносторонне характеризует позднекушанскую культуру и именно для этого времени получены значительные данные о внутренней структуре города. Почти в самом центре города фасадом на главную уличную магистраль располагался дворцовый комплекс (Щетенко А. Я., 1974). Дворец погиб при пожаре.

По другую сторону улицы располагался жилой квартал. Тщательный анализ древних строений позволил здесь в пределах обширного массива выделить несколько отдельных домовладений, занимавших каждое от 600 до 800 кв. м. Имеется здесь и небольшое внутриквартальное святилище с алтарем огня в центре. Судя по размерам, эти домовладения являются местом обитания достаточно состоятельных семей со своими домочадцами, включая сюда слуг и домашних рабов. О составе таких семей, состоявших из 20—40 человек, мы знаем по документам из хорезмийского архива Топраккалы, относящегося к тому же времени, что и зартепинский квартал (Очерки..., с. 103). При раскопках этих домов найдены многочисленные медные монеты и глиняная посуда, в том числе образцы художественной керамики с налепами и штампами. В числе находок примечательны золотая серьга и бронзовый медальон с рельефным бюстом Хувишки (Завьялов В. А., 1979б). Раскопки на городище открыли и другие жилые комплексы (Завьялов В. А., Осипов В. И., 1976).

Святилище огня было не единственным культовым комплексом на Зартепе. Около одной из крепостных стен также в позднекушанский период была устроена буддийская кумирня с глиняной статуей Будды, украшенной позолотой (Пилипко В. Н., 1976в). Святилище это было разгромлено и, так же как и во дворце, здесь прослеживаются следы пожара, пламя которого закоптило глиняную статую. После этого разгрома жизнь в городе в определенной степени возрождается, но ненадолго. В V в. обживались лишь отдельные участки древнего города, в том числе и цитадель. К этому времени относится небольшая усадьба Куевкурган, расположенная в окрестностях Зартепе, где в парадном зале обнаружены глиняные статуи. Видимо, в это время в окрестностях пустеющего города возвел небольшую резиденцию один из местных принципалов и ему посчастливилось привлечь к ее оформлению квалифицированных скульпторов, сохранивших традиции старой школы.

Достаточно полно изучены руины другого крупного города Северной Бактрии — Дальверзинтепе, бывшего центром плодородного оазиса по среднему течению Сурхандарьи. Использование паводковых вод для поливного земледелия привело к тому, что в этом районе оседлая культура получила развитие уже в бронзовом веке, а в середине I тысячелетия до н. э. здесь складывается целый земледельческий оазис с крупным укрепленным центром — городищем Кызылтепе (Сагдуллаев А. С., 1978а). В III—II вв. до н. э. центр оазиса перемещается на территорию собственно Дальверзина, где создается обнесенное стеной поселение, занимающее площадь около 3 га (Пугаченкова Г. А., 1971б; Дальверзинтепе, 1978). Правда, отдельные строения были рассеяны и в его ближайшей округе, но не образовывали компактного ядра. Перелом наступает в юечжийское время, когда старое поселение превращается в цитадель, а рядом возникает крупный город. При его планировке был использован холмистый рельеф местности, позволивший заметно усилить городские укрепления. Крепостная ограда, возведенная в это время, охватывает территорию размером 650×500 м. Как и на Зартепе, расцвет Дальверзина приходится на время подъема Кушанской державы. Именно в это время здесь строятся новые дома и храмы, реализуются резервы городской площади, свободной от застройки.

В центре города проходила широкая улица, выводившая к расположенным в западной части двум домам, явно бывших резиденциями городского патрициата. Раскопаны на Дальверзине и дома рядовых горожан, близкие по размерам домовладениям Зартепе. Открыты здесь квартал мастеров-керамистов, винная лавка и два небольших храма, щедро украшенных живописью и скульптурой. В убранстве обоих храмов центральное место занимали фигуры сидящих богинь, в которых исследователи склонны видеть либо божество Орохшо, либо богиню Нанайю, также известную по кушанским монетам. В одной из росписей, помимо центрального женского персонажа, изображены еще одна женщина, бородатый мужчина и четверо детей. Ряд строений находился и за пределами основной крепостной ограды. Таково небольшое буддийское святилище с превосходной гипсовой скульптурой, погибшее в результате пожара. Опустевшее здание использовалось для коллективной гробницы. В окрестностях города имелись и специальные здания, предназначенные для захоронений, куда помещались в основном уже очищенные кости, что явно указывает на связь с зороастрийской традицией и позволяет уверенно именовать эти гробницы наусами (Дальверзинтепе, с. 112 и сл.).

Выше по течению Сурхандарьи среди группы поселений сельского типа открыт выдающийся памятник монументальной архитектуры и художественной культуры северной Бактрии — Халчаян (Пугаченкова Г. А., 1966б; 1971а). Здесь расположен ряд довольно значительных всхолмлений, но не ясно, объединялись ли они в крупный городской центр с общей обводной стеной. Сам Халчаян, судя по всему, представлял собой остатки загородного дворца-резиденции. Весь комплекс достаточно надежно датируется юечжийским или раннекушанским временем и скорее всего представляет собой резиденцию местного владетеля. Показательна определенная иконографическая близость скульптурных голов правителей из халчаянского дворца и бюста правителя Герая, известного по монетам. Предполагалось, что дворец принадлежит «царевичам гераевого рода» (Пугаченкова Г. А., 1966б, с. 248), но речь может идти и об эпохальной близости и о единстве моды, например в характере причесок, принятых в среде юечжийской аристократии.

Ряд древних ирригационных районов-оазисов может быть намечен и на территории северо-восточной Бактрии, соответствующей современным областям юго-западного Таджикистана (Ставиский Б. Я., 1977б, с. 56 и сл.). Как правило, центрами таких оазисов были поселения городского типа. Так, в Гис-

сарской долине, судя по разнообразным находкам, крупное городище кушанского времени располагалось на территории современной столицы Таджикистана — Душанбе. Здесь при различных обстоятельствах, в том числе и в ходе раскопок, были найдены разнообразная керамика, включающая обломок хума с кушанской надписью, художественные металлические изделия, а также раскопаны погребения нескольких типов (Тревер К. В., 1958б; Гулямова Э., 1958; Литвинский Б. А., 1958). Предположительно площадь этого городища достигала 20 га. Значительный оазис сформировался в нижней части долины Кафирниган, причем, как и в ряде других оазисов Северной Бактрии, первые оседлые поселения здесь возникли еще в середине I тысячелетия до н. э. Так, слои этого времени обнаружены здесь на территории городища Калаимир (Забелина Н. Н., 1953), занимавшего площадь в 7,5 га и, возможно, первоначально бывшим центром всего района. Затем, скорее всего в юечжийский период, был создан новый городской центр на территории городища Кей-кобадшах правильной прямоугольной планировки с крепостным обводом, охватившим площадь в 11 га (Дьяконов М. М., 1953; Мандельштам А. М., Певзнер С. Б., 1957). Небольшие поселения и усадьба существовали и в Бишкентской долине, известной в археологии благодаря раскопанным там обширным могильникам кочевых племен, видимо приходивших туда на зимовки (Мандельштам А. М., 1966а; 1975).

В соседней Вахшской долине находились по крайней мере два крупных ирригационных района. Первый — это Явано-Обикиикская долина, где располагалось крупное городище Яван или Гаравкала, имеющее в плане вид прямоугольника размером почти в 30 га (Юркевич Э. А., 1965). Культурные слои имеют здесь на вскрытых участках мощность до 10 м и характеризуют культуру всех основных комплексов древней Бактрии за исключением, пожалуй, греко-бактрийского (Зеймаль Т. И., 1969; Литвинский Б. А., 1973а, с. 14—17). Второй ирригационный район располагался в нижней части Вахшской долины. Система каналов, орошавших почти 40 тыс. га, детально изучена Т. И. Зеймаль (Зеймаль Т. И., 1969; 1971а, б).

Начало освоения района оседлыми земледельцами относится, как и в соседней долине Кафирнигана, к середине I тысячелетия до н. э. В кушанское время здесь существовало не менее двух десятков поселений, в том числе такой сравнительно крупный центр, как городище Кафыркала площадью в 13 га. Видимо, была сделана попытка создать и новый административный центр района путем постройки крепости Кухнакала, которая, однако, по каким-то причинам так и не была полностью обжита (Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1954; Литвинский Б. А., 1956). Исследователи этого памятника стремились на основании общих соображений отнести время его создания к концу греко-бактрийского периода, но убедительные археологические данные в пользу такого заключения отсутствуют.

Ряд, в основном небольших, древних памятников имеется в долине другого притока Амударьи — р. Кызылсу (Ставиский Б. Я., 1977б, с. 70—72). Здесь, по-видимому, административным древним центром было городище Сакcанохур площадью 5 га с возвышением в одном из углов, где вскрыт монументальный комплекс, определенный исследователями как дворцово-храмовый (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969, с. 177). Для отделки комплекса широко применялся камень, из которого были выточены базы колонн, капители и даже стволы самих колонн. На территории прилегающего поселения в числе прочих объектов были открыты также гончарные печи, указывающие на развитие в этом центре ремесленного производства (Мухитдинов Х. Ю., 1958).

Наконец, особо следует остановиться на памятнике, расположенном у слияния Вахша и Пянджа, дающих в этом месте начало Амударьи. Он носит название Каменного городища (Тахти-Сангин) по обилию встречающихся на нем каменных кладок и архитектурных деталей. Площадь его невелика — около 5 га. Шурфовкой установлено наличие шести строительных горизонтов (Мандельштам А. М., 1966а, с. 146). Выгодное положение городища на местности усилено крепостными стенами, выложенными из камня. Возможно, одна из главных функций этого памятника в древности — крепость на переправе. Однако это была не просто крепость для воинских отрядов — в последние годы здесь раскапывается культовый комплекс с центральным четырехколонным залом, окруженным обводным коридором (Пичикян И. Р., 1979). В полу коридора были устроены ямы, содержащие посвятительный сброс различных культовых и бытовых объектов. Помимо многочисленных костей животных и тысяч железных наконечников стрел, здесь обнаружены части мебели из слоновой кости и музыкальных инструментов, в числе которых флейта и лира, найдены также бальзамарии с притертыми пробками, обрывки парчи, расшитой золотыми нитками. На обнаруженных здесь же небольших бронзовых пластинках помещены изображения Эротов (Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1979). Интересны обкладки ножен мечей с изображением льва, держащего оленя, Геракла и Марсия, Александра Македонского в облике Геракла. Очень ценен миниатюрный каменный алтарик с бронзовой статуэткой Марсия и греческой надписью — посвящением богу реки Окс. Не менее интересны глиняные и гипсовые статуэтки, пластинки из слоновой кости со сценами охоты и т. д. (Litvinskij B. A., Pichikiyan I. R., 1981a, b).

Фортификация. Характерной чертой древнебактрийской культуры было широкое распространение укреплений. Стенами были окружены и крупные городские центры и значительная часть небольших поселков. В последнем случае они могли иметь и административно-фискальный характер, но в равной мере свидетельствуют о развитии фортификации (Сабиров К., 1979; Дальверзинтепе, с. 21 и сл.). Мощные сырцовые стены из пахсы и кирпичных кладок представляют собой развитие именно восточных, в данном случае бактрийских, традиций. Показательно, что даже город Ай-Ханум, построенный греками на Амударье и сохранивший в чистом виде многие черты греческой архитектуры, имеет массивные пахсовые стены, явно не имеющие ничего общего с эллинской фортификацией.

При постройке стен обычно первоначально сооружались массивные платформы, которые, выступая

вперед на 3—4 м в сторону окружавшего рва, образовывали род протейхизмы. Весьма типичен внутристенный коридор, предназначавшийся для перебрасывания сил защитников на наиболее угрожаемый участок. Сами бойницы в виде прямоугольных щелей иногда со стреловидным навершием часто располагались веерным пучком и, судя по высоте над полом стрелкового коридора, предназначались главным образом для стрельбы с колена. Имелись и ложные бойницы, которые с архитектурной точки зрения оживляли внешнюю гладь стены, а с функциональной должны были создать у осаждавших впечатление о многочисленности защитников крепости. Поскольку древнебактрийские города длительное время существовали на одном и том же месте, их укрепления, как правило, при детальном изучении рисуют сложную картину перестроек, когда древнейшие стены оказывались забутованными более поздними кладками, и все сооружение в целом образовывало внушительный массив. Ширина стрелкового коридора обычно составляла от 1,3 до 1,7 м и можно с уверенностью сказать, что в отдельных случаях он имел сводчатое перекрытие. Первоначальные стены таких городских центров, как Зартепе и Дальверзин, имели относительно небольшую толщину, но по мере закладки коридоров и устройстве на этом массиве, как на фундаменте, новых стен, их общая толщина достигала 9—11 м.

Можно говорить о существовании определенного фортификационного канона, особенно ярко представленного в тех городских центрах прямоугольного или квадратного плана, которые явно создавались под эгидой центральных властей. Для них характерен внутристенный коридор и прямоугольные башни, обычно с внутрибашенными помещениями, при расстоянии между башнями от 17 до 20 м. Таковы стены Кейкобадшаха, Дальверзина и даже сравнительно небольшого поселения Хайрабадтепе. Разумеется, в рамках общей схемы наблюдаются и индивидуальные особенности, характеризовавшие деятельность отдельных архитекторов. Так, строители Кейкобадшаха устроили на башнях выступы длиной в 3 м и с выходом за внешнюю грань башни на 0,8 м. Сами размеры башен здесь стандартны и составляют в длину от 12,6 до 13,6 м (Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б., 1956). В Кухнакала длина башен близка 17 м, но и стены и башни расчленены квадратными раскреповками (Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1954), что безусловно придавало всей крепости парадный вид, хотя едва ли усиливало саму фортификацию.

В Зартепе нарушение канона наблюдается в том, что башни здесь имеют полукруглую форму при диаметре в 8,5 м. Расстояние между башнями здесь исключительно стандартно и на восточном фасе городища, вскрытом полностью, составляет 34 м (Сабиров К., 1978). Имеются внутрибашенные сооружения с выводящими наружу бойницами и с закопченными нишками, где, видимо, во время ночных дежурств устанавливались светильники (Сабиров К., 1978). Северобактрийская фортификация была рассчитана в первую очередь на оборону от пеших и конных стрелковых контингентов, не подкрепленных сколько-нибудь мощными осадными орудиями. Видимо, именно этим объясняется и слабое развитие протейхизм, и небольшая толщина внешних стен, порой составлявшая, как это было на цитадели Дальверзина, всего 2 м (Дальверзин, 1978, с. 18).

Застройка. Археологические исследования в Бактрии позволяют, хотя бы и в самой общей форме, представить характер застройки поселений. В частности, можно представить характер жилища как сельского, так и городского. Рядовая застройка города известна на примере городища Зартепе (Завьялов В. А., 1979б). Дома вытянулись вдоль главной городской улицы. Каждое отдельное домовладение имело площадь 600—800 кв. м. Своими сравнительно узкими проходами домовладения выходили на внутриквартальную улочку, идущую параллельно главной магистрали. С противоположной стороны находились небольшие хозяйственные дворики, также входившие в состав каждого из этих домовладений. Внутри комплексов различаются жилые комнаты с тщательной отделкой стен, иногда даже покрытых алебастровой штукатуркой, подсобные строения и склады со стоящими в них несколькими хумами. Близкие по размерам и характеру рядовые жилые дома обнаружены и на Дальверзине (табл. CXV—CXVIII).

Дальверзин, однако, интересен тем, что он дает пример домов представителей городской верхушки. Планы двух раскопанных домов этого типа сходны: в двор выходил крытый колонный айван, за которым располагался вестибюль, ведущий в большой квадратный зал — михман-хану. О состоятельности обитателей этих домов свидетельствует находка в зарытом под полом кувшине клада золотых предметов, главным образом брусков с надписями, а также различных ювелирных изделий.

Жилище сельского населения лучше всего может быть представлено на примере домов поселения Аккурган (Пидаев Ш. Р., 1978). Здесь выделяются разделенные незастроенными участками пять многокомнатных хозяйственно-жилых комплексов, занимающих каждый площадь не менее 550 кв. м. Судя по всему, эти комплексы были местом обитания большесемейных общин, входивших в состав аккурганской земледельческой общины как основной единицы сельскохозяйственного производства. Полученные материалы указывают на занятия жителей Аккургана сельским хозяйством, а также на развитие некоторых производств, связанных с обработкой его продуктов (ткачество, виноделие, изготовление ступок и зернотерок).

Другая система зафиксирована на городище Мирзакултепе. Поселение окружено стеной. Помещения внутри составляют массив, который трудно расчленить на отдельные домохозяйства. Аналогичная картина на Шортепе (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 47).

Дворцовые сооружения зафиксированы на нескольких поселениях. Одним из них является Халчаян. Халчаян обычно определяют как загородный дворец-резиденцию. В центре фасада здания находился четырехколонный айван, ведущий в продолговатый зал—вестибюль, стены которого были богато украшены живописью и раскрашенной глиняной скульптурой. Отсюда вход вел в небольшой двухколонный зал, предположительно считающийся тронным (Пугаченкова Г. А., 1966б; 1971а). Дворцовый

комплекс зафиксирован и на городище Зартепе (Щетенко А. Я., 1974). В его парадную часть входило два многоколонных зала — в одном из них были найдены базы четырех массивных колонн, а в другом — двенадцати, стоящих в два ряда. Перед четырехколонным залом находился небольшой айван.

На территории городища Саксанохур был вскрыт монументальный комплекс, определяемый исследователями как дворцово-храмовый (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969, с. 177). Приподнятый на пахсовую платформу высотой в 1,5 м, комплекс представлял собой каре различного рода помещений вокруг центрального двора, имевшего размеры 27,7×27,7 м. В южной части двора находился глубокий четырехколонный айван, за которым располагался двухколонный зал размером 8,5×12,4 м. Такая поперечно-осевая композиция напоминает халчаянский дворец.

Сложная религиозная ситуация в Бактрии привела к разнообразию типов сооружений сакральной архитектуры. Распространение буддизма привело к строительству в Бактрии ряда типичных буддийских культовых сооружений. Так, Каратепе в Старом Термезе представляет собой довольно типичный пример пещерного монастыря — вихара, объединяющего ряд небольших групп строений с общим архитектурно-планировочным принципом, в основе которого лежал двор, обведенный открытой колонной галерей, с окружающими культовыми или бытовыми помещениями. Фаязтепе, наоборот, полностью наземный монастырь (сангарама). Но планировочный принцип здесь близок — центральную часть образует дворик, окруженный галереей, щедро украшенной живописью. По периметру шли кельи и молельни, а в центре против входа во двор находился зал общих собраний. В комплекс входила и небольшая ступа. Ступы имелись и в буддийском комплексе Айртама, общая планировка которого однако не ясна. В округе Термеза располагалось и монументальное буддийское сооружение — ступа, руины которой в настоящее время носят название Зурмала. Она представляет собой цилиндрообразный массив диаметром в 14,5 м с куполообразным завершением. В древности по основанию шла облицовка из каменных плит, а основной массив сооружения был облицован жженым кирпичом, окрашенным в красный цвет.

Маленькая буддийская кумирня обнаружена при раскопках Зартепе (Пилипко В. Н., 1976в). Небольшое буддийское святилище с превосходной гипсовой скульптурой располагалось в окрестностях Дальверзинтепе. Наряду с традиционными каноничными фигурами Будды и сопровождающих его персонажей здесь воспроизведены и светские лица — правитель в остроконечной шапке, усыпанной драгоценностями, его придворные и какие-то женщины, фигуры которых сделаны нарочито мелкими по сравнению с правителем. В конце своего существования святилище, подобно зартепинской кумирне, было беспощадно разрушено, причем с особенным ожесточением была разбита на куски крупная статуя Будды.

Храмы других культов зафиксированы также на Дальверзинтепа. Исследователи видят здесь храмы божеств Ордохшо или Нанайи. Божеству реки Вахш был посвящен храм на Тахти-Сангине. Примером небольшого внутриквартального святилища является святилище, обнаруженное в жилом квартале Зартепе (Завьялов В. А., 1979б): почти квадратное в плане, с выходом в одном из углов, суфами по всем сторонам и алтарем в центре.

Строительная техника и архитектура. Города и поселки древней Бактрии с их крепостными стенами и цитаделями, рядовой застройкой и монументальными комплексами во многом были обязаны развитию строительного дела и архитектуры (Пугаченкова Г. А., 1963). Основным строительным материалом была глина, среднеазиатский лёсс. Постройки возводились из глинобитных блоков высотой в основном в 60—70 см и из сделанного в деревянных формах кирпича, обычно квадратных очертаний от 40 до 30 см в стороне при толщине в 10—12 см. Как общая тенденция отмечается некоторое уменьшение размеров кирпича к позднекушанскому времени, когда преобладает кирпич 30—32×30—32×9—10 см (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 81; Дальверзинтепе, с. 190). Кирпич, как правило, имел знаки-метки, причем при возведении стен кирпич клался вниз стороной, содержащей метку. Знаки эти довольно разнообразны и варьируют от простых линейных значков до букв греческого алфавита, употреблявшегося в Бактрии для различных языков. По поводу назначения этих знаков нет единого мнения, но поскольку образцы с одинаковыми метками встречаются в кладке компактными группами, это, безусловно, какие-то символы учета продукции, которая для бактрийских городов была необходима в огромных количествах. Кладка стен осуществлялась на глиняном растворе.

Жженый кирпич обычно квадратных пропорций, но довольно разнообразный по размерам, использовался значительно реже, в основном для вымосток в помещениях специального назначения. Изредка встречается и черепица, явно заимствованная из практики эллинистического домостроительства. Но в Бактрии черепица с орнаментированным краевым щитком использовалась уже как декоративная деталь оформления плоских крыш. Относительно ограниченно употреблялся в строительстве и камень. Он шел главным образом на изготовление баз и капителей колонн, пилястров, карнизов и облицовочных блоков. Все эти элементы изготовлялись из мергелистого известняка, обрабатывавшегося в специальных мастерских или прямо неподалеку от возводимого строения. Само использование камня тесно связано опять-таки с воздействием эллинистической традиции, но в местных условиях она подвергалась определенной переработке. Так, сами стволы колонн сравнительно редко изготовлялись из камня, хотя известны отдельные находки каменных блоков. Судя по всему, в подверженных сейсмическим воздействиям областях Бактрии строители в конечном итоге предпочли комбинированный тип колонны с деревянным стволом, покоящимся на каменной базе. Сопрягаясь в шип, эти колонны представляли собой гибкую шарнирную конструкцию (Дальверзинтепе, с. 87).

При строительстве домов предпочтение отдавалось плоским балочным перекрытиям, иногда мы видим кассетные потолки. Такой кассетный потолок (тип

среднеазиатского «дарбаза»), судя по всему, существовал в парадном зале одного богатого дома на Дальверзине (Дальверзинтепе, с. 194—195). Сводчатые перекрытия характерны главным образом для помещений и коридоров с небольшим пролетом. В основном были распространены коробовые своды наклонными отрезками.

Древние зодчие Бактрии в полной мере овладели строительными материалами, бывшими в их распоряжении, и выработали определенный стиль, характеризующий бактрийскую архитектурную школу. Жилые постройки бактрийских поселений наряду с утилитарными функциями должны были создавать благоприятные условия для жизнедеятельности их обитателей в условиях жаркого, сухого климата. С этим обстоятельством связана значительная толщина сырцовых стен, предохраняющая от иссушающего зноя, и широкое распространение айванов или галерей, иногда опоясывающих по периметру внутренние дворы. Отопительные очаги в домах, как правило, отсутствуют. Дома городской застройки характеризуются, как показывают раскопки Зартепе, соблюдением четких осей, ориентированных на уличные магистрали, и наличием небольших хозяйственных двориков (Завьялов В. А., 1979б). Дома городского патрициата представляли собой, судя по раскопкам на Дальверзине, выдающиеся архитектурные комплексы, возводившиеся профессиональными архитекторами (Пугаченкова Г. А., 1973в; Дальверзинтепе, с. 199). Их центральное ядро составлял зал—михманхана с расположенным перед ним вестибюлем, открывавшимся в айван, выходящий во двор. Вокруг центрального ядра шел коридор, вдоль которого группировались жилые и подсобные строения незначительной величины. Судя по всему, центральный зал, имевший стены толщиной в 2,2—2,5 м, доминировал и в высотном отношении, возвышаясь над прочими строениями комплекса. Планировочная идея центрального ядра в виде зала или дворика генетически может восходить еще к бронзовому веку, когда в Бактрии был выработан устойчивый тип небольших поселений, представляющих собой правильное каре построек вокруг центрального двора (Сапали, Дашлы). В Северной Бактрии такая планировка отмечена в дворцово-храмовом комплексе Саксанохура. Для монументальных построек Бактрии характерно стремление к развертыванию фасадной композиции, отличительной чертой которой был парадный айван, нередко украшенный живописью и скульптурой. Видимо, с этим обстоятельством связано и распространение продольно-осевой планировки, ярко представленной в дворцовом здании Халчаяна. Типы буддийских культовых зданий были принесены из Индии, но подвергались некоторой местной переработке, особенно в связи с переходом от каменного строительства к сырцовой архитектуре.

Элементы архитектурного декора в основном выполнялись из камня и отражали сложную картину слияния на почве Бактрии различных архитектурных традиций. Так, для колонн использовались два типа баз. Первый — это торовидные базы с массивным валом, покоящимся на одинарном или двухступенчатом плинте, явно восходящие к восточной традиции. Широкой популярностью пользовался и второй тип баз, восходящий к аттическому ордеру,— плинт и два вала, разделенные полочками и скоцией (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 88). Однако четкого модуля в пропорциях нет — многочисленные измерения показывают большое разнообразие (Дальверзинтепе, 1978, с. 198). Широко распространены коринфизированные капители, имевшие в Бактрии местный эллинистический генезис и через греко-бактрийское посредство восходящие к античному первоисточнику. Однако и здесь наблюдается смещение пропорций в сторону большей массивности и приземистости. На смешанную природу декоративных элементов указывают капители, где между акантов помещена человеческая фигурка, так же как и образцы, где по углам воспроизведены фигуры различных зверей и птиц — хищников, грифонов и зебувидных быков (Ставиский Б. Я., 1972б). Таким образом, и в архитектуре нашли яркое отражение основные черты древнебактрийской культуры — древняя местная основа и культурный синтез.

Хозяйство. Археологические материалы и письменные источники характеризуют древнюю Бактрию как процветающую страну с высокоразвитым сельским хозяйством, базирующимся на поливном земледелии, с разнообразными ремеслами и налаженной торговлей, что в свою очередь нашло прямое отражение в развитии денежного обращения. Античные авторы всячески подчеркивали плодородие страны и отмечали, что она производит всевозможные продукты, кроме оливкового масла (Strabo, XI, II, 1). Древние оросительные системы и основанные на них поселения, объединяющиеся в ирригационные районы-оазисы, хорошо известны благодаря археологическим исследованиям. Эти же данные свидетельствуют о высоком уровне ремесленных производств, особенно керамического (Пугаченкова Г. А., 1973б; Сайко Э. В., 1975), достигших значительной специализации.

Керамические обжигательные печи обнаружены на целом ряде памятников Бактрии (Саксанохур, Айртам, Хатын-Рабат, Дальверзин) (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969; Пугаченкова Г. А., 1973б, Тургунов Б., 1973; Дальверзинтепе, с. 115 сл.). Видимо, есть основания считать, что хорошо устанавливается динамика развития этих печей. Первоначально они круглые в плане, в первых веках н. э. господствует тип прямоугольных в плане печей, двухъярусных, заглубленных в землю. На Дальверзине и Саксанохуре засвидетельствовано наличие специальных кварталов керамистов (табл. CXIX).

С керамическим производством тесно связано и производство терракотовых статуэток. Не исключено, что частично они выполнялись теми же мастерами и обжигались в тех же печах. Свидетельством этой отрасли ремесла являются не только находки статуэток, но и калыпов-матриц для их производства.

На Дальверзинтепе зафиксирована винодельня (Дальверзинтепе, с. 171). Возможно, к самому концу рассматриваемой эпохи относится винодельня на Паттатепе (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, с. 71). Зафиксированы также следующие виды ремесла: обработка камня, ювелирное, деревообработка, ткачество, ковроткачество. Бактрийцы разводили лошадей, ослов, крупный и мелкий рогатый скот

(Батыров Б. Х., 1974). Распределение продуктов все в большей мере происходило через посредство товарно-денежных отношений. Свидетельством этого являются многочисленные находки монет на древних поселениях (Массон В. М., 1955; Пугаченкова Г. А., 1967б; Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р., 1981).

Наряду с развитием внутреннего товарооборота происходила интенсификация и международных торговых связей. Через Бактрию осуществлялась транзитная торговля китайскими тканями, шедшими в торговый порт, располагавшийся в устье Инда (Masson V. M., 1966). В пределах Северной Бактрии этот путь проходил через Термез на Зартепе и далее на Байсунский перевал, известный позднее под названием «Железных ворот». Возможно, близость к этому международному торговому пути объясняет и относительное внешнее богатство городской культуры Зартепе, так же как и находки римской монеты на одном из тяготеющих к этому центру мелких поселений (Жуков В. Д., 1960). К предметам, привезенным из римского Средиземноморья, видимо, принадлежат бронзовый бальзамарий, стеклянный налеп в виде мужской головы из Халчаяна и мраморная головка, найденная на одном из поселений по среднему течению Сурхандарьи (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 127—128). В свою очередь бактрийские купцы достигали Александрии Египетской (Хвостов М. М., 1907, с. 395).

Орудия труда и оружие. Почти ничего в настоящее время нельзя сказать об орудиях труда и оружии Бактрии античной эпохи.

Можно сказать лишь о том, что в это время достаточно широко распространены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (Литвинский Б. А., 1965). Немногочисленные находки и изобразительные материалы позволяют предположить, что в Бактрии этого времени были распространены мечи различных типов: акинаки, махайры длинные — сарматского облика. Распространен был и оборонительный доспех.

Погребальные памятники и обряд захоронения (табл. CXXIII). Как правило, по соседству с городами и поселениями располагались и древние кладбища, но хуже сохранившиеся, они, как правило, становятся объектом археологических исследований лишь в редких случаях. Тем не менее, сейчас на территории Северной Бактрии известно значительное число древних захоронений, которые могут быть подразделены на три группы. Первая — это курганные могильники, оставленные кочевыми племенами, вторгшимися в Бактрию во II в. до н. э., и лучше всего изученные в Бишкентской долине, идущей параллельно долине р. Кафирниган (Мандельштам А. М., 1966а; 1975; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н., 1977; Медведская И. Н., 1979). В наиболее полно изученных и опубликованных Тулхарском и Аруктауском могильниках преобладающим типом погребений являются захоронения в подбое узкой глубокой ямы, реже встречаются захоронения просто в яме или в каменной обкладке, устроенной в обширной прямоугольной яме и напоминающей каменный ящик. Погребенные, как правило, покоятся на спине, в вытянутом положении, головой преимущественно на север с отклонениями на ССЗ и ССВ, с довольно скромным инвентарем. Помимо личных украшений — колец, браслетов, бус и серег, а также сравнительно редкого оружия,— это обычно два сосуда (бокал и широкодонный кувшин), а также кости барана (ножка, лопатка и несколько ребер). Общая датировка основной массы погребений последней третью II—I в. до н. э. (Мандельштам А. М., 1966а, с. 158—159) достаточно убедительна.

Вторая группа древнебактрийских погребальных памятников — это одиночные захоронения, лишенные в отличие от кочевнических погребений курганных насыпей или обкладок. Они объединяются в целые некрополи, обычно располагающиеся неподалеку от оседлых поселений, жителям которых скорее всего и принадлежат. Впервые такой могильник, названный Тупхона, был исследован в Гиссарской долине (Дьяконов М. М., 1950). Затем одиночные захоронения были обнаружены на Душанбинском городище (Гулямова Э., 1958), на Айртаме (Тургунов Б., 1973) и около сельского поселения Мирзакул (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 35—36). В Тупхоне большинство погребенных помещено в узкие ямы и находится в вытянутом положении, несколько различаясь положением рук, из которых либо одна, либо обе согнуты в локтях. Преобладающая ориентация северная, некоторые могильные ямы были обложены сырцовым кирпичом. Из инвентаря отмечены бокалы, стоящие в головах, иногда под правой рукой, согнутой в локте, находится чаша. Помимо личных украшений, примечательны небольшие монеты-оболы, подражающие чекану Евкратида, располагающиеся во рту или в области сердца. М. М. Дьяконов не без оснований указал, что этот обычай находит некоторую аналогию в греческих погребальных обрядах, когда в рот умершему клалась монета для уплаты Харону за переправу через подземную реку Стикс (Дьяконов М. М., 1950, с. 177; Пугаченкова Г. А., 1974а, с. 133). Помимо ямных захоронений, был встречен также овально вытянутый гроб, сделанный из обожженной глины, и одно погребение в хуме. В душанбинском некрополе погребения также одиночные, но два из них сделаны в специальных гробницах, построенных одна из жженого кирпича, а другая — из известковых плит с двускатной крышей. Сами гробницы небольшие: 2—2,3 м×0,6—0,8 м при высоте стен в 0,75—1 м. Погребения вытянуты, а среди погребального инвентаря примечательно нахождение у головы золотых кружков, имитирующих монеты и явно служащих им заменой (Гулямова Э., 1958, с. 33).

Мирзакульский некрополь почти полностью уничтожен, но и здесь можно отметить наличие наряду с вытянутым трупоположением также скорченные погребения. Особый интерес представляют 11 погребений, исследованных в Айратаме. Здесь часть усопших помещена в ямы, иногда обложенные кирпичом, часть — в могилы с подбоем, не отличающиеся от захоронений кочевых племен в Бишкентской долине. Погребения вытянуты, основная ориентация северная, хотя два костяка по принципу оппозиции положены головой на юг, в том числе один — в двойном погребении. Два-три сосуда (обычно бокал и кувшин) располагались в головах погребенного, что опять-таки напоминает бишкентский ритуал.

Местный погребальный обряд Бактрии хорошо известен для эпохи бронзы, но для середины I тысячелетия до н. э. представлен единственным одиночным вытянутым захоронением на Кучуктепе, сопровождавшимся бронзовым трехперым наконечником стрелы (Альбаум Л. И., 1969; Ходжайов Т. К., 1980, с. 104). Погребение совершено в яме, усопший лежит на спине, левая рука вытянута вдоль туловища, а правая согнута в локте так, что кисть ее находится перед лицевой частью черепа, что напоминает один из вариантов трупоположения тупхонинского могильника.

Это позволяет предполагать, что могильники из одиночных вытянутых захоронений, известные по раскопкам в первую очередь в Тупхоне и на Айртаме, представляют собой местную, бактрийскую традицию и принадлежат оседлому населению поселений и городов. Однако такие элементы, как помещение в рот монеты или устройство гробницы из известняковых плит, могут быть объяснены и воздействиями погребальных обрядов эллинского мира и стран Передней Азии. Но особенно показательно появление в этих некрополях подбойных могил, что явно указывает на инфильтрацию в среду оседлого населения кочевых племен, ассимилируемых постепенно местной культурой, но еще не отказавшихся полностью от всех своих традиций. Действительно, среди погребенных в айртамском некрополе отмечена примесь монголоидных элементов (Ходжайов Т. К., 1980, с. 108), что может быть объяснено только идущим процессом метисации.

Воздействие оседлой культуры наблюдается и в кочевнических могильниках. Это можно видеть и по характеру ремесленной посуды, хотя такая форма, как широкодонный кувшин, могла быть выполнена с учетом привычных форм сосудов в кочевой среде (Мандельштам А. М., 1975, с. 134), и по распространению изделий из латунной бронзы. Примечательна и такая черта погребального обряда, как помещение в могилу, как правило, в рот усопшего, монеты. В Тулхарском могильнике древние оболы были найдены в четырех могилах, причем в трех случаях они достаточно четко определяются как оболы Евкратида (Мандельштам А. М., 1966б, с. 138—139). Причем этот обычай представлен у разных категорий населения: в одном случае в захоронении мужчин, во втором — у женщин, в третьем — у подростка и, наконец, в четвертом — у ребенка. Некоторое внешнее сходство отдельных элементов обряда кочевых племен и оседлого населения (одиночное положение усопшего, вытянутая поза) могли способствовать облегчению процесса культурной ассимиляции и в сфере погребальных обрядов, отличающихся, как известно, особым консерватизмом.

Третий тип древнебактрийских погребений весьма своеобразен — это захоронения в коллективных погребальных камерах, причем туда помещались уже очищенные и расчлененные кости. Видимо, первое захоронение такого типа было открыто на городище Кухнакала, где в помещении размером 5,8×7 м громоздилась беспорядочная куча костей, принадлежавших по крайней мере семи — восьми особям (Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1954, с. 57—58). Здесь же были найдены различные личные украшения — бусы, браслеты, кольца, шейная гривна, керамические сосуды и восемь монет, в том числе безымянного царя, Канишки, Хувишки и, возможно, Васудевы. Работы 1972 г. в нижнекафирниганской долине вскрыли аналогичные сооружения, позволившие уже более четко охарактеризовать их облик и назначение (Литвинский Б. А., 1976а, с. 76—83; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, с. 84 сл). Они представляли собой специальные, отдельно расположенные постройки, причем наиболее хорошо сохранившаяся имела коридор, по обе стороны которого находилось два ряда погребальных камер размером каждая около 2,1×2,2 м. Камеры содержали разрозненные части скелетов, обрывки истлевшей ткани, керамику, бусы, монеты. Найден был здесь и алебастровый идол. Всего в комплексе отмечены останки по крайней мере 51 человека, но, по подсчетам исследователей, учитывая частичную разрушенность сооружения, их могло быть около 100 (Литвинский Б. А., 1976а, с. 80). Многокамерная гробница функционировала, видимо, достаточно долго, поскольку там в числе монет найдены подражания оболам Евкратида и два обола Герая, едва ли обращавшиеся много позднее начала н. э.

В другом погребальном сооружении, возможно однокамерном, с внутренней площадью 4,5×3,1 м вдоль стен шла суфа, поверхность которой, так же как и самих стен, была покрыта алебастровой штукатуркой.

Дальнейшие исследования показали, что этот тип погребальных сооружений был широко распространен в Бактрии, хотя их остатки, представляющие в настоящее время невзрачные холмики, легче всего подвергались уничтожению при землеустроительных работах. Многокамерное здание, разделенное коридором, по обе стороны которого находилось по четыре камеры-склепа, было открыто в пригороде Дальверзина (Дальверзинтепе, с. 97 и сл.). Его общие размеры составляют 12,5×13 м. Склепы имеют сводчатое перекрытие и арочный вход, до половины заложенный кирпичом. На полу двух склепов в самом нижнем слое найдены вытянутые захоронения, причем одно из них частично помещено в положенный на бок хум, частично в пристроенный к хуму ящик из жженого кирпича. Но основной пласт погребений костных остатков повсюду представлял собой груды расчлененных и перемешанных костей, явно помещенных сюда уже в очищенном виде (Дальверзинтепе, с. 109). Найдена была здесь и разнообразная керамика, в том числе кубки, кувшины и миски, а также различные украшения и прочие мелкие предметы — бусы, железные и бронзовые браслеты, кольца, перстни, зеркала и костяные «стили», что, кстати, может свидетельствовать в пользу точки зрения об их употреблении в качестве предметов туалета, например булавок. В коридоре отмечены следы заупокойных тризн.

Подобные погребальные камеры были открыты не только возле городов, но и поблизости от поселений сельского типа — рядом с Ялантуштепе, около Бандыхана (Ртвеладзе Э. В., Маликов О. С., 1977). Они состояли из двух камер, которые содержали останки до 11 человек. Наряду с керамикой здесь были найдены монеты чекана безымянного царя, Кадфиза II, Канишки и Хувишки. Помимо предметов личных украшений, в них обнаружены также и образцы ору-

дий и оружия — небольшой железный ножичек и железный трехперый наконечник стрелы.

Характер этих построек не оставляет сомнений. Это были специальные сооружения, куда помещались предварительно очищенные кости усопших, что позволяет их считать наусами-костехранилищами, типичными для определенной ступени развития зороастрийских религиозных представлений. То, что они были распространены в Северной Бактрии, достаточно широко подтверждает прочную связь основной массы бактрийского населения с зороастрийскими представлениями, в каком бы варианте они ни выступали. Древность этого обряда не вполне ясна, но состав монет в одной из камер Тепаишах показывает, что во II—I вв. до н. э. он, видимо, уже был представлен (ср.: Литвинский Б. А., 1976а, с. 83). В этой связи нельзя не вспомнить неоднократно цитировавшееся сообщение Онесикрита о нравах древних бактрийцев. Это сообщение известно в передаче Страбона, в тексте «Географии» которого говорится о согдийцах и бактрийцах: «Людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке они называли «могильщиками». Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей. Александр уничтожил этот обычай» (Strabo, XI, II, 3).

Многие исследователи считали, что в этом тексте явно сгущены краски (Tarn W. W., 1938, с. 115—116). Но скорее всего здесь вольно или невольно совмещены сведения о насильственной смерти престарелых членов племени, приводимые тем же Страбоном и для других народов, и обычай захоронения костей усопших в виде своего рода гекатомб после их предварительного очищения. У поздних наследников зороастрийского вероучения такое очищение производилось птицами и естественными факторами после помещения тела на специальное сооружение — дахму. Трудно сказать, использовались ли в древней Бактрии для этой цели собаки, но у Онесикрита, может быть, нашел искаженное отражение зороастрийский обычай подведения к только что усопшему собаки, лучше всего «четырехглазой» (т. е. с цветными пятнами под глазами), чтобы отогнать ведьму Друг Насу, которая будет стремиться овладеть трупом (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 30).

Как бы то ни было, вполне вероятно, что установление бактрийского варианта погребальной обрядности было длительным процессом, восходящим не только ко времени походов Александра, но и к более раннему периоду. Э. В. Ртвеладзе высказывал мнение, что перекрывание трупоположений, встреченных в нижнем горизонте дальверзинского науса, слоем костей, очищенных по зороастрийскому обряду, отражает победу последнего обряда, по крайней мере на какое-то время (Дальверзинтепе, с. 114). Скорее всего, в Северной Бактрии со сложным этническим составом ее населения, в среде которого к тому же были распространены различные религиозные верования и представления, могли длительное время сосуществовать различные погребальные обряды, что и нашло отражение в археологических материалах.

Религия. Религиозная ситуация в Бактрии была достаточно сложной. Издревле населенная племенами, говорившими на языках восточноиранской языковой группы, Бактрия была одной из стран, где получил значительное развитие зороастризм. По некоторым источникам, она даже считалась родиной создателя этой великой мировой религии — Зороастра, или Заратуштры. Разумеется, зороастрийские религиозные представления со временем претерпевали различные изменения (Тревер К. В., 1958а), но, судя по всему, местный, бактрийский, вариант зороастризма сохранялся здесь на протяжении всего рассматриваемого времени, хотя некоторые исследователи предпочитают осторожно говорить о древнеиранской религиозной системе или об «иранско-зороастрийской традиции» (Мухитдинов Х. Ю., 1973а, с. 32). На кушанских монетах, отражавших установку на широкую веротерпимость руководства столь обширного государства, неоднократно изображались такие божества зороастрийского круга, как Митра, Мах (лунное божество), бог ветра Вадо, бог огня Атшо. Имеются здесь и воспроизведения богини изобилия Ардохшо и местного бога Вахшу, бывшего, судя по всему, водным божеством, имя которого сохранилось в названии одного из притоков Амударьи — Вахша. Изображения именно этих божеств часто встречаются на медных монетах, находимых на поселениях Северной Бактрии, т. е. на выпусках, явно предназначавшихся для удовлетворения местных потребностей (Пугаченкова Г. А., 1974а, с. 127).

С греческой колонизацией получили в Бактрии популярность и различные божества эллинского пантеона. Так, в руинах Ай-Ханум, греческого города на Амударье, имеются надписи, посвященные Гермесу и Гераклу. Статуи Зевса, Посейдона, божественных близнецов Диоскуров нередко воспроизводились на монетах греко-бактрийских правителей. Со временем происходило слияние образов местных и греческих божеств, во всяком случае в иконографии, а возможно и семантически. Но еще на монетах Канишки среди многочисленных божественных персонажей имеются и три эллинских по происхождению — Гефест, Селена и Гелиос (Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, с. 164). Наконец, в кушанское время широкое распространение на обоих берегах Амударьи получил буддизм, которому кушанские правители явно покровительствовали, хотя и не отдавали безусловного предпочтения перед прочими религиями. Возможно, проникновение буддизма в Бактрию началось еще во II—I вв. до н. э. (Литвинский Б. А., 1975, с. 193).

Искусство. Художественная культура Бактрии рассматриваемой эпохи отличалась большим богатством и разнообразием. Из числа достаточно хорошо представленных видов памятников этой культуры и происходящих к тому же с различных поселений отметим терракотовые статуэтки, монументальную скульптуру, живопись и ювелирные изделия. Пока нет терракот, с достоверностью относящихся к греко-бактрийскому времени, и в этом отношении показательно, что ни одной фигурки не было найдено и при раскопках городища Ай-Ханум. Но, начиная с юечжийского периода, образцы коропластики становятся весьма многочисленными и разнообразными

(Мешкерис В. А., 1975). Часть из них, правда небольшая, связана с буддизмом и следует, хотя с некоторыми модификациями, каноническим образцам, разработанным в северо-западном Индостане. Такова изящная терракота бодисатвы, происходящая с Бараттепе (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 120). Более схематичная терракота была найдена в кушанских наслоениях Зартепе. Фигурки Будды известны по материалам Термеза (Мешкерис В. А., 1969). Весьма показательно, что терракота, воспроизводящая в высоком рельефе сидящего Будду, была найдена в позднекушанских слоях небольшого сельского поселка Аккурган (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 73). Культовый характер этих образцов не вызывает сомнений.

Вероятно, близким было и назначение большей части терракотовых статуэток, не имеющих отношения к буддизму и скорее всего связанных с местными народными верованиями бактрийского населения и вошедших в его состав кочевых племен. Таковы прежде всего фигурки женщин, различающиеся стилем и качеством изображения, но, как правило, обнаруживаемые во всех памятниках без исключения, будь то крупный городской центр или небольшая деревушка. Сами эти изображения весьма разнообразны и, возможно, воспроизводят разные божественные персонажи, но убедительная единая типология для всех терракот пока не разработана. Дробная типология предложена исследователями Дальверзина (см. Дальверзинтепе, с. 161 и сл.). Для раннего времени выделяется тип стоящей обнаженной женщины с вытянутыми вдоль тела руками, встреченный на ряде памятников (Пугаченкова Г. А., 1966б, с. 219—221; 1973а, с. 105—106; Дальверзинтепе, с. 161). Фигурки застыли неподвижно, нагота иногда нарушена опоясками и браслетами. В собственно кушанский период статуэтки этого типа, судя по всему, не изготовлялись. К сравнительно раннему времени относится тип стоящей женской фигуры в тяжелой одежде, веерообразно расходящейся у подола, с руками, сложенными под грудью, и с зеркалом в одной руке. Представленный массовыми материалами из Саксанохура (Мухитдинов Х. Ю., 1973а, б), этот тип, возможно, воспроизводит какой-то вариант образа женского божества, популярный в среде жителей северо-восточной Бактрии. В Дальверзине и на соседних памятниках вырабатывается иной канон сидящей женщины в годах с тяжелым лицом, в плотных одеждах (Дальверзинтепе, с. 162, рис. 113, *5—8*; *16*, *18*; Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 107). Некоторые фигурки выполнены с уверенным мастерством, напоминая миниатюрные копии крупных каменных статуй. Как правило, сидящее божество держит у груди неясный предмет. Одновременно были распространены и терракоты, воспроизводящие стоящих женщин в плотных тяжелых одеждах, ниспадающих многочисленными складками. Они встречаются во всех районах Северной Бактрии, различаясь характером предметов, не всегда, к сожалению, достаточно понятых, которые они держат в руке. В Саксанохуре — это сосуд в одной руке и инвеститурное кольцо или венок в другой (Мухитдинов Х. Ю., 1973а, с. 19), на Мирзакултепе — трилистник (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 43).

Головки женских статуэток, часто находимые отдельно от самих фигурок, довольно отчетливо передают лица двух типов: одни с утяжеленным овалом лица, имеющего правильные черты и прямой разрез глаз. Как правило, эти головки увенчаны высоким головным убором типа кокошника. Головки второго типа имеют подквадратное скуластое лицо с резким скосом бровей, волосы у них охвачены начельной лентой. Г. А. Пугаченкова допускает, что здесь подразумевалась передача двух этнических типов: в первом случае «бактрийского», в другом — «сакоюечжийского» (Дальверзинтепе, с. 219). Затруднительно конкретизировать персонификацию различных божеств, воплощавшихся в терракотовых статуэтках. На кушанских монетах чаще других изображались три женских божества: Ордохшо, богиня плодородия и изобилия с рогом в руках, Ника и Хванинда. Однако прямой корреляции между этими изображениями, возможно, воспроизводящими своего рода официальные монументальные скульптуры, и массовой, народной терракотой нет.

Реже встречаются терракотовые статуэтки, изображающие мужчин. Среди них имеются и сравнительно редкие нагие персонажи, возможно связанные с обрядами и представлениями местного дионисизма (Дальверзинтепе, с. 219). Но более обычны уплощенные фигурки, изображающие стоящих мужчин в поколенном кафтане с оторочкой, переданной декоративной отделкой, перехваченным поясом, и в шароварах, заправленных в мягкие сапоги. Находка статуэтки подобного типа в нижних слоях шурфа, заложенного в Старом Термезе (Козловский В. А., Некрасова Е. Г., 1976, с. 33, рис. 2, *5*), показывает, что этот тип терракот появился сравнительно рано, видимо, еще во II—I вв. до н. э. Эти фигурки, как правило, в одной руке держат сосуд, а в другой, как это видно по образцам из Айртама, иногда ветвь (Тургунов Б., 1973, с. 75, рис. 23, *2*). Одежды этих мужских персонажей характерны для кушанской знати в той мере, в какой они известны по памятникам монументальной скульптуры.

Большим схематизмом отличаются фигурки, использовавшиеся как всадники на терракотовых же статуэтках лошадей. Впрочем, и здесь встречаются художественно выполненные образцы (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969, с. 168, рис. 6). По ним видно, что всадник носит глухой кафтан и остроконечный головной убор, типичный для кочевых племен. Вполне вероятно, что распространение этих статуэток было стимулировано инфильтрацией в Бактрию сакоюечжийских племен и их постепенным проникновением в среду городского населения, что, кстати, отмечается и по данным антропологии (Ходжайов Т. К., 1980, с. 157—158). Встречаются статуэтки коней, на которых следы прикрепления всадников отсутствуют и которые, возможно, представляют собой вотивные фигурки, связанные с культом коня, столь популярного в мире степняков. Показательно, что эти статуэтки остаются в широком обиходе вплоть до позднекушанского времени, как об этом свидетельствуют раскопки верхних слоев Аккургана (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 75, рис. 24; Валиев А., Кошеленко Г., 1976, с. 95) и Зартепе.

Имеются и более редкие терракоты, как, например, изображение нагого юноши, борющегося со змеями, которое Г. А. Пугаченкова склонна рассматривать как воспроизведение персонажа древнеиран-

ской мифологии Зохака (Пугаченкова Г. А., 1973а, с. 118). Разнообразны статуэтки музыкантш, играющих либо на арфе, либо на «короткой лютне», характерной, судя по этим изображениям, именно для бактрийской среды (Дальверзинтепе, с. 168). В стилистическом отношении ранние терракоты отчетливо следуют эллинистическим традициям в приверженности к круглообъемной лепке, мягкой драпировке одежды. Затем предпочтение отдается фронтальному, иератическому стилю, складки одежд застыло неподвижны, так же как и черты лица, размеры головы непомерно велики по сравнению с туловищем. На позднекушанском этапе все более ощущается эта диспропорция форм, которая теперь сопровождается тяжеловесностью и всевозрастающим схематизмом. Разумеется, такова лишь общая тенденция развития, в рамках которой встречаются экземпляры, выполненные с разной степенью художественности и мастерства.

Монументальная живопись Северной Бактрии пока известна преимущественно по небольшим фрагментам, хотя в отдельных случаях удается более или менее убедительно говорить о композиции в целом или о ее значительных частях. Стенопись наносилась на слой глиняно-саманной штукатурки, которую предварительно покрывали тонкой белой гипсовой подгрунтовкой. Ее наиболее ранние образцы представлены в халчаянском дворце, где на панели — изображения побегов, листьев, плодов, различных цветов и виноградной лозы. На отдельных участках имелась сюжетная композиция, поскольку сохранилась крупная мужская фигура в богатых одеждах. Особенно выразительны изображения голов, одна из которых причесана и подстрижена по греческой моде, а другая явно воспроизводит степняка с присущими ему антропологическими чертами и небольшой косичкой на бритом черепе. Головы даны объемно с большой выразительностью, внешне даже напоминают фаюмский портрет. Но в них нет присущей последнему психологической глубины; несмотря на объемность лиц, они в целом не лишены некоторой линейности. Но во всяком случае эллинистическая школа, эллинистические традиции в этих изображениях проступают весьма явственно.

Иная манера в живописи Дальверзина, относящейся уже к периоду расцвета кушанской державы. Здесь в небольшом здании, видимо игравшем роль храма, найдены упавшие на пол части многофигурной композиции, центр которой занимало восседающее на троне женское божество. Вокруг него на красноватом фоне располагались женщины, бородатый мужчина, вероятно жрец, и детские фигурки, что в целом, видимо, иллюстрировало какую-либо мистерию. Передача фигур здесь становится еще более плоскостной, в постановке рук чувствуется нарочитая манерность, пластическая передача осуществляется с помощью легких красных бликов, но полного эффекта объемности этим не достигается. В одном из богатых домов того же городища сохранилась часть изображения тяжеловооруженного конного воина, основной ударной силы кушанских армий.

Наконец, имеются и образцы живописи, тематически связанной с буддийскими представлениями. Так, в буддийском комплексе Каратепе в одном из двориков с обводной галереей на стене над входом в святилище сохранилась роспись в зеленовато-синих тонах, изображающая Будду и монахов под деревьями (Ставиский Б. Я., 1977б, с. 94). Этот канонический сюжет выполнен в традиционной манере. Несколько большим разнообразием отличаются расположенные на той же стене, но несколько поодаль, фигуры донаторов — мужчин в мягких сапогах, женщин в длинных одеждах, видимо реальных представителей термезского патрициата, материально поддерживавших буддийскую общину. Впечатляющи фигуры таких донаторов и в росписи другого термезского монастыря — Фаязтепе. Там они сохранились значительно лучше и ясно видно, что перед нами выразительный, но идеализированный портрет такого дароносца.

Более многочисленна коллекция северобактрийской монументальной скульптуры, в основном из необожженной глины, хотя имеются прекрасные образцы каменных и гипсовых статуй. Глиняная и гипсовая скульптура, как правило, дополнительно раскрашивалась. Наиболее выразительная коллекция глиняных статуй происходит из раскопок халчаянского дворца (Пугаченкова Г. А., 1971а). Здесь скульптурный фриз шел на значительной высоте вдоль стен так, что само его такое расположение в известной мере определяло героизацию воспроизводимых персонажей. Судя по сохранившимся крупным частям скульптур и предложенной реконструкции, центральная часть фриза воспроизводила знатных лиц, возможно членов местной правящей династии, с характерной повязкой, охватывающей прямые волосы, что полностью соответствует типу прически кушанского правителя на монетах Герая. На одном из боковых фризов изображена конная группа тяжеловооруженных воинов, мчащихся с экспрессией, напоминающей традиции скифского искусства. Весь комплекс Г. А. Пугаченкова справедливо рассматривает как памятник утверждающегося династийного культа. Степень мастерства в передаче голов персонажей этих скульптурных композиций различна, но в целом налицо стремление к сохранению индивидуального начала, даже некоторой портретности, хотя уже без раскрытия внутреннего мира воспроизводимого персонажа, что столь характерно для психологического портрета эллинизма. Эллинистический реализм и ориентальная статичность выступают здесь в одном из начальных проявлений своего симбиоза, само становление которого происходило не гладким путем, а как борьба двух начал (Кошеленко Г. А., 1974, с. 305). Следующую стадию развития северобактрийской скульптуры рисуют гипсовые статуи из буддийского святилища в пригороде Дальверзина. Не говоря уже о каноническом изображении Будды, статуи донаторов, в том числе эффектная «голова принца», передают статичный, облагороженный облик, своего рода идеализированный портрет.

Изображения Будды, встреченные при раскопках в Дальверзине и Фаязтепе, представляют собой незначительную вариацию разработанной и канонизированной иконографии. Мягкая моделировка лица, правильные черты, несколько томные глаза воплощают неземную отрешенность традиционного образа, повторявшегося с разной степенью художествен-

ного мастерства и в крупных культовых центрах вроде Фаязтепе и в небольших святилищах, как позднекушанская кумирня на Зартепе. Первоклассным образцом каменной скульптуры Северной Бактрии остается айртамский фриз. Фигуры музыкантов, чередующиеся с крупными акантовыми листьями, отрешенно спокойны и следуют в стилистическом отношении канонам, выработанным скульпторами буддийской Индии.

Значительных успехов достигло в древней Бактрии и ювелирное мастерство. Находки каменных матриц (Дальверзинтепе, с. 204) подкрепляют данные стилистического анализа о бактрийском происхождении целого ряда художественных изделий из драгоценных металлов. Из числа предметов, входивших в состав дальверзинского клада, явно бактрийского происхождения золотая пектораль с античной геммой, вделанной в прямоугольную пряжку (Пугаченкова Г. А., 1974б).

В Бактрии, как и в ряде других областей, получила широкое распространение техника перегородчатой инкрустации, основанная на системе гнезд, в которые вставлялись различные самоцветы. Эта мода получила широкое распространение в мире кочевых племен евразийских степей и, возможно, не без этих северных воздействий утвердилась в Бактрии. Выполненные в подобной технике серьги в виде птиц с распростертыми крыльями были найдены в одном из курганов кочевнического могильника в Бишкентской долине (Мандельштам А. М., 1966а, табл. IX, *6*).

Но особенно богат и выразителен набор различного рода украшений из могил юечжийской знати, раскопанных советско-афганской экспедицией на Тиллятепе в Южной Бактрии (Сарианиди В. И., Ходжаниязов Т., 1980). Сами погребения помещены в узкие ямы, напоминающие могильные ямы аруктауского и тулхарского курганных некрополей. Но лица, захороненные в столь тесных гробницах, имеют богатейшие одежды, расшитые всевозможными золотыми украшениями поистине с варварским великолепием. Широко распространена здесь инкрустация жемчугом, бирюзой и лазуритом. В многочисленных изделиях, детальный анализ которых только начинается, имеются сюжеты, характерные для степняков Азии, особенно сцены терзания зверей, сцепившихся в бесконечном клубке. В мир эллинских традиций уводит фигура воина в парадных доспехах македонского типа, образ женщины, сидящей на льве. Многие изображения, видимо, отражают местные, бактрийские образы, сочетающиеся с эллинистическими и индийскими воздействиями (подвески, изображающие государя с двумя драконами по сторонам). Как бы то ни было, и здесь мы видим богатейший мир художественной культуры, творчески впитывающий и объединяющий различные течения, формирующий на этой основе свой собственный стиль и свои эстетические каноны (табл. CXX—CXXII).

Монеты и эпиграфические находки. Памятники письменности, обнаруженные на территории Северной Бактрии, относительно многочисленны и достаточно разнообразны. В очень небольшом числе представлены греческие надписи, например на алтаре из храма в Тахти-Сангине (Litvinskij B. A., Pitchikian, 1981b). Надписи преимущественно короткие — на глиняных сосудах или граффити на стенах древних сооружений. Прежде всего таковы памятники бактрийской письменности, представляющие собой надписи на бактрийском языке, сделанные с помощью греческого алфавита (Henning W. B., 1956; 1960), к которому был добавлен один знак для передачи отсутствующего в греческом языке звука «ш». Первоначально, видимо еще в пору вхождения Бактрии в состав Ахеменидской державы в VI—IV вв. до н. э., для бактрийского языка начали приспосабливать арамейскую письменность, господствующую в ахеменидской канцелярии. Надписи, сделанные такой бактрийско-арамейской письменностью, известны из двух пунктов в Южной Бактрии, а одна найдена при раскопках культового комплекса Фаязтепе (Лившиц В. А., 1979, с. 95, прим. 3).

Однако наибольшее распространение получила именно бактрийско-греческая письменность, созданная на основе греческого делового письма в I в. до н. э., если считать, что она применялась на монетах Герая, или при первых кушанских правителях, во всяком случае при Кадфизе II. При Канишке эта письменность в ее раннем варианте, получившем наименование «монументальное» письмо, заменяет на монетах греческие легенды. К IV в. н. э. развивается курсивное письмо, характеризующееся наличием лигатур и просуществовавшее в южных районах Средней Азии до IX в. н. э. Судя по всему, существовали специальные школы писцов — дибиристаны. На Джильберджине был найден глиняный черепок, на котором начинающий писец выводил свои первые знаки (Лившиц В. А., 1979, с. 97). В Северной Бактрии монументальное письмо представлено шестистрочной надписью на пьедестале скульптурной группы, найденной при раскопках Айртама. В ней упоминаются ремонтные работы, проведенные на местном культовом центре в правление Хувишки (Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В., 1981).

Ранний этап развития бактрийской письменности отражает и надпись на хуме, обнаруженная в Душанбе (Лившиц В. А., 1953). Большинство курсивных надписей, найденных в Северной Бактрии, представляют собой короткие тексты на обломках глиняных сосудов из раскопок Фаязтепе, Зартепе, Тепраишах и Каратепе. Последняя коллекция особенно многочисленна и интересна, поскольку ее дополняют надписи на стенах пещерного комплекса, сделанные разнообразными посетителями уже в пору его упадка и запустения (Лившиц В. А., 1969; 1977; Harmatta J., 1969; Хумбах Х., 1972).

Надписи на обломках сосудов скорее всего означали имя дарителя. На одном из сосудов была даже двуязычная надпись — индийская, письмо брахми, и бактрийская, бактрийско-греческим письмом. Текст ее идентичен: «(Дар) Буддаширы, проповедника дхармы» (Грек Т. В., Лившиц В. А., 1972). Надписи на стенах составлены в основном по одному образцу, призванному увековечить имена посетителей: «когда сюда пришли (или пришел)» с последующим перечислением имен и иногда с указанием года. Надписи эти, сделанные острым инструментом по глиняной штукатурке, плохо сохранились, что вызывает разночтения при их толко-

вании. Интересно, что имена большинства лиц, посещавших опустевшую буддийскую святыню,— зороастрийские. В одном случае сохранилась и дата, читающаяся как 35 год, но неизвестно, какой эры. Х. Хумбах предлагает видеть здесь отсчет по реконструируемой им эре «малых кушан», что соответствует 267—268 гг. н. э. (Хумбах Х., 1972, с. 128).

Индоязычные надписи связаны, видимо, в основном с буддийскими и сделаны с использованием письменностей кхароштхи и брахми (Воробьева-Десятовская М. Н., 1964; 1974). В Каратепе они преимущественно встречаются на сосудах, причем, по наблюдению исследователей, был выработан даже местный вариант орнаментального стиля вотивной надписи (Грек Т. В., 1964, с. 80). В основном, надписи упоминают имя дарителя, но сделаны на сосудах самых различных форм (Грек Т. В., Лившиц В. А., 1972). Имеются и надписи-поучения, представляющие, судя по всему, выдержки из буддийских сочинений, причем в самой Индии сосуды с такими надписями неизвестны. Полностью сохранившийся текст, помещенный в нижней части одного сосуда, гласит: «Тот, кто различия между личностями, отсекая, устраняет, тот находится на переднем конце пути» (Ветроградова В. В., 1975, с 70).

Индийские надписи письмом кхароштхи имеются и на золотых слитках из дальверзинского клада. В них содержится указание на точный вес бруска и приведено имя чиновника, видимо выдававшего эти бруски из государственной казны. Имя этого казначея чисто бактрийское (Митра). По палеографическим данным, надписи можно датировать I в. н. э. (Воробьева-Десятовская М. Н., 1976).

Имеются данные и о распространении в древней Бактрии других видов письменности. Так, в нижнем слое Явана найдена греческая надпись из восьми букв, процарапанная до обжига на стенке хума (Литвинский, 1973 а, с. 17). Малочисленность подобных находок, вероятно, связана с тем, что в Северной Бактрии слои греко-бактрийского времени в сколько-нибудь широких масштабах пока не вскрывались. Опустевшие сооружения Каратепе посещали не только местные жители, пользовавшиеся бактрийской письменностью, но и представители сасанидской армии, попавшие сюда в пору кушано-сасанидских войн. Об этом свидетельствуют две среднеперсидские надписи — в одной упомянут писец по имени Зик, а в другой приведена дата 60 или 61 г. При отсчете от начала правления Сасанидов эта дата соответствует 268—269 гг. н. э., а при более обычной для сасанидского государства практике датирования по правлению отдельных шахиншахов претендентом на такого долгоправящего царя является лишь Шапур II, и тогда дата соответствует 369—370 гг. н. э. (Луконин В. Г., 1969а, с. 46).

Особый интерес представляет открытие в южном Афганистане в местности Даште-Навур наскальной надписи, выполненной тремя письменностями — бактрийско-греческой, кхароштхи и еще одной неизвестной исследователям (Fussman G., 1974). Знаки этой письменности встречены на серебряной чашечке из сакского кургана Иссык в южном Казахстане, датированного V в. до н. э. Допускается, что эта пока еще не дешифрованная система письма могла быть связана с саками (Лившиц В. А., 1976, с. 165, прим. 14), либо с какой-то другой племенной группой кочевников, сокрушившей греко-бактрийское царство. Установлено, что образцы этой письменности имеются в Сурх-Котале, а также представлены на двух черепках, происходящих один из Халчаяна, а другой — с Каратепе.

Хотя исследователям пока остаются недоступными кушанские архивы, для которых, видимо, употреблялись документы на органических материалах, прежде всего на коже, уже известные памятники письменности позволяют сделать интересные исторические заключеня: их относительно широкое распространение свидетельствует о сравнительно широкой грамотности в кушанской державе. Некоторые исследователи полагают, что орудиями письма являлись также заостренные костяные палочки типа стилей, столь часто встречающиеся при раскопках кушанских памятников. Но даже и надписи, сделанные краской или процарапанные по глине, достаточно многочисленны и разнообразны.

Господствующим языком местного населения, видимо, был бактрийский, хотя в буддийских центрах, учитывая язык основных религиозных текстов, широко распространены надписи на кхароштхи и брахми. Вместе с тем примечательно, что даже в этих центрах постепенно устанавливается двуязычие, как об этом свидетельствуют надписи, одинаковые по содержанию и сделанные на одном сосуде, но на двух языках. И, наконец, сам характер письменности, принятой в кушанской державе, указывает на огромную роль эллинских традиций в бактрийской культуре. В это время в Парфии, Согде и Хорезме были распространены системы письма, основанные на арамейской письменности, приспособленной к некоторым лингвистическим особенностям местных языков. Как мы видели, подобное бактрийско-арамейское письмо было создано и в Бактрии, но не получило широкого признания. И в официальных текстах на монетах, и в монументальных надписях на крупных архитектурных памятниках, и в бытовой практике, отразившейся в надписях на сосудах или автографах на стенах пещер, решительно господствовала бактрийско-греческая письменность. Этому способствовала и общая культурная традиция, и политическая преемственность монетных выпусков первых кушанских правителей и, наконец, значительное число более или менее метисированных потомков греческих колонистов, пользовавшихся языком своих предков.

Чекан греко-бактрийского государства был основан на выпуске главным образом серебряных монет аттического стандарта с теоретическим весом тетрадрахмы в 17,1 г и драхмы в 4,27 г. В Северной Бактрии драхма Деметрия найдена в Халчаяне, а серебряная монета Антимаха — на месте древней переправы через Амударью, неподалеку от впадения в нее Сурхандарьи. Более показательны для развития местного денежного обращения находки монет мелких номиналов, изготовлявшихся из бронзы. Такие монеты Евтидема были обнаружены на Дальверзине, в Термезе, на Шордепе, на Шахринау, Агафокла — на Зартепе и Деметрия — в Гиссарской долине.

После падения Греко-Бактрии монеты в Северной Бактрии чеканились по образцу денежных знаков свергнутых правителей как привычных для обращения в местной среде. Так, мелкие номиналы выпускались по образцу оболов Евкратида, причем это происходило, видимо, в течение определенного отрезка времени, поскольку отмечаются разные стадии отхода от первоначального прототипа (Дьяконов М. М., 1950; Мандельштам А. М., 1966 б; Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р., 1981, с. 21). Более многочисленны монеты, выпускавшиеся по типу тетрадрахм Гелиокла, на которых искаженный портрет греко-бактрийского царя постепенно сменяется образом местного правителя или правителей (Массон В. М., 1956; 1957; Пугаченкова Г. А., 1966 б, с. 112—113; Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р., 1981, с. 24—35). Эти монеты явно выпускались на территории Северной Бактрии и особенно широко распространены в долине Сурхандарьи и Ширабада.

С установлением кушанской государственности вырабатываются новые типы монет (Зеймаль Е. В., 1965; 1967), и в правление Кадфиза II происходит монетная реформа, когда в основу обращения были положены золотые монеты весом 8 г, условно именуемые статерами (Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, с. 182). Изменился вес и медных монет, причем насчитывается по крайней мере четыре номинала, относящихся друг к другу как 8 : 4 : 2 : 1 (приблизительный вес соответственно 16; 8,6; 4,21; 2 г). Судя по многочисленным совместным находкам монет разных правителей, медная монета из обращения не изымалась и циркулировала наряду с новой эмиссией. В позднекушанский период получили особое распространение мелкие медные монеты с воспроизведением на реверсе алтаря огня, называемые сасанидо-кушанскими. Показательно обилие кушанских монет мелких номиналов на северобактрийских поселениях как городского, так и сельского типа. Так, при раскопках сравнительно небольшого поселения Аккурган в Ширабадском ирригационном районе были обнаружены 152 различные монеты (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 71).

* * *

Кушанские правители носят титул «царя царей». В их распоряжении был разветвленный административный аппарат наместников, традиционно носивших титул «сатрап» или «великий сатрап», а также другого административного персонала. Однако трудно судить, в какой мере государственное устройство кушанского государства приобрело черты централизованной деспотии. Стремление утвердить династийный культ, ярко проявившееся в области искусства, свидетельствует о наличии соответствующих тенденций, но едва ли они зашли очень далеко. Но во всяком случае централизующее начало самих ли кушанских шахиншахов или их наместников, управлявших отдельными провинциями обширного государства, ярко проявилось в целенаправленной градостроительной политике. Развитие ремесел, товарного производства и торговли стимулировали процессы урбанизации Бактрии, и это находило полную поддержку у политического руководства страны как в пору Греко-Бактрии, так и во все последующие периоды. В этом отношении особенно показательно, что в конце II — начале I в. до н. э., когда завоеванная кочевыми племенами страна находилась в состоянии политической раздробленности, развитие ирригации и строительство городских поселений продолжалось даже в рамках тех пяти юечжийских владений, о которых сообщают древние источники.

Все эти особенности социально-экономического развития Бактрии и исторические судьбы страны нашли яркое отражение в ее культуре. Основой ее развития в III в. до н. э.— IV в. н. э. были традиции местной высокоразвитой оседлой культуры урбанизированного облика, генетически восходящие еще к поре бронзового века. В число этих традиций входили прежде всего строительное дело с развитой фортификацией и монументальной архитектурой, а также различные ремесла, в том числе гончарное с набором стандартных форм основных типов изделий. Наряду с этим пластом урбанизированных культур древневосточного облика могут быть отмечены два основных пучка культурных стандартов и стереотипов (Массон В. М., 1979 б; 1980). Это прежде всего распространение эллинистических эталонов, дополненное позднее определенным влиянием римской культуры, а также распространение и адаптация традиций кочевого мира.

Эти черты и особенности могут быть прослежены в самых различных сферах культуры древней Бактрии. Так, три типа погребальных сооружений в разной степени связаны с этими различными культурными традициями. Преимущественно кочевнический характер курганных могильников бесспорен, но наряду с ремесленными изделиями, входящими в состав погребального инвентаря, начинается трансформация и погребального обряда — появляется обычай помещения в рот усопшему небольших монеток. Второй тип — одиночные бескурганные могилы, образующие некрополи различной величины у стен древних городов и поселений, вобрали в себя элементы западных эллинско-переднеазиатских традиций — сопровождение усопшего монетой, обычно помещаемой в рот, и использование глиняных гробов и гробниц с двускатной крышей. Наконец, третий тип — наусы для хранения уже очищенных костей — чисто местное, бактрийское явление, связанное с развитием погребальной обрядности зороастрийских религиозных представлений. Но вместе с тем примечательно сохранение обычая помещать в наусы монеты — явление, явно восходящее к традициям тупхонинского могильника, хотя, может быть, уже утратившее или трансформировавшее свое семантическое значение (табл. CXXIII).

Тот же основной спектр переплетающихся культурных традиций мы видим и в памятниках письменности. Бактрийско-арамейское письмо, пусть редко употребляемое, но все же существующее,— это явно древнее местное наследие Бактрии ахеменидской эпохи. Бактрийско-греческая письменность, официальная система письма кушанской державы — ярчайший пример огромной роли в Бактрии греческих традиций. И, наконец, система письменности кочевых племен (если подтвердится предположение о «сакском» генезисе письменности, третьей версии Даште-Навура), зафиксированная на двух памятниках Северной Бактрии, следует связывать с миром

кочевых племен. Культурная динамика, выступающая в тесной взаимосвязи с изменением политической ситуации, впечатляюще выступает и на примере монетного чекана, являющегося определенным отражением политической прокламации. Греко-бактрийская эмиссия — это чисто эллинистическое явление, и сами помещенные здесь изображения греко-бактрийских царей справедливо считаются одним из выдающихся достижений эллинистического портретного искусства. Вторгшиеся кочевники начинают постепенно видоизменять эту традицию, и на одной из групп монет, чеканенных по образцу тетрадрахм Гелиокла, фигуру Зевса на оборотной стороне заменяет верный спутник степного всадника — идущий конь. На монетах «кушанца Герая» (Зограф А. Н., 1937; Давидович Е. А., 1976) и так называемого «безымянного царя», за которым скорее всего скрывается Кадфиз I (Массон М. Е., 1950), мы видим уже изображения царя в виде всадника.

Взаимодействия этих элементов, их взаимопроникновение и взаимовлияние не было постоянно действующей величиной, а непрерывно менялось во времени, каждый раз создавая неповторимый облик конкретной культуры. III—II вв. до н. э. были временем широкого распространения в Бактрии эталонов и норм эллинистической культуры от архитектурных канонов до письменности и языка. Важную роль в этом сыграл и фактор греческой колонизации, столь убедительно иллюстрируемый результатами раскопок Ай-Ханума, и политическое господство правителей греческого происхождения. Но важнейшее значение имело другое обстоятельство, отмеченное М. М. Дьяконовым. Повсюду в Передней Азии, и в известной мере этот процесс в середине I тысячелетия до н. э. распространяется и на Бактрию, происходило развитие городов, торговли, ремесел, городских форм жизнедеятельности, в обществе утверждались новые ценностные ориентации, новые модели поведения. С распространением в рамках империи Александра и его наследников системы полисов эти урбанизированные процессы получили и дополнительные стимулы, и новые формы. М. М. Дьяконов пишет: «Поскольку таким образом местные города вливались в систему полисов, в которых необходимые классу рабовладельцев общественные, политические и юридические институты имели наиболее последовательные и гибкие формы... постольку естественно, что местное рабовладельческое общество испытывало сильнейшее влияние греческой культуры и всех форм греческой жизни» (Дьяконов М. М., 1961, с. 173).

Пока трудно говорить для Бактрии о каком-либо слиянии полисных форм и местных городских организмов, но социально-экономические предпосылки утверждения «греческого идеала» вскрыты исследователем достаточно убедительно. Первоначально в Бактрии, да и в других странах, идет как бы культурный параллелизм, и для греко-бактрийского времени можно говорить лишь о самых начальных этапах культурного синтеза. Так, при чисто эллинской архитектуре Ай-Ханума его фортификация явно местная, бактрийская. Возможно, началась семантическая трансформация и слияние божеств эллинского и бактрийского пантеонов, правда пока еще мало отразившаяся в иконографии известных изображений. Подлинный синкретизм происходит уже в период после падения в Бактрии политического господства греко-македонских властителей; эллинские инновации, прошедшие стадию переработки и адаптации, входят составным элементом в кушанскую культуру.

С нашей точки зрения, для кушанской эпохи, во всяком случае для территории Бактрии, можно говорить в плане культурогенеза о кушанском культурном комплексе (Массон В. М., 1976а; 1979б). Как известно, социологи под культурным комплексом понимают широкую совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом (Щепаньский Я., 1969, с. 47). В данном случае весь кушанский комплекс связан с кушанским городом и с тем широким развитием городской культуры и урбанизации, которое было характерно для этого времени. Кушанский культурный комплекс прямым образом отразился в археологических материалах, в том устойчивом наборе типов вещей, который позволяет нам выделять кушанские слои и ориентироваться в их временных и пространственных изменениях. Формирующийся на халчаянском этапе кушанский культурный комплекс переживает свой расцвет на дальверзинском, в то время как зартепинский этап — это уже его финал и начало трансформации. Специфической чертой бактрийских поселений кушанского времени является широкое распространение форм городского быта, представленных и в крупных центрах, и на мелких поселениях. Вместе с тем можно отметить, что на мелких поселениях, как правило, отсутствуют такие элементы кушанского культурного комплекса, как монументальная архитектура и ремесло.

И кочевнические, и эллинистические традиции сыграли свою роль в формировании кушанского культурного комплекса. Вместе с тем можно наблюдать, как популярные и традиционные формы, привычный стиль и иконография меняют семантику, наполняются новым содержанием. Основные элементы кушанского культурного комплекса, имеющие эллинский генезис, перечислены Г. А. Пугаченковой, которая в их числе называет для архитектуры коринфизированные капители, аттические базы и антефиксы; для скульптуры — дионисийский мотив и образы некоторых божеств, например Афины; для орнаментики — мотивы пальметты и виноградной лозы; для одежды — женские драпирующиеся платья и мантии, хорошо известные по скульптуре и терракотам (Дальверзинтепе, с. 176).

Таким образом, в кушанский период, в эпоху определенной политической стабилизации, культура древней Бактрии достигает наивысшего расцвета, творчески объединяет и перерабатывает разнокультурные начала и импульсы. С V в. н. э. мы наблюдаем упадок бактрийских городов, вызванный социально-экономическими причинами (Массон В. М., 1968) и усиливаемый политической ситуацией неустойчивости и постоянных иноземных вторжений. Приходят в запустенье все основные городские центры, о которых шла речь,— и Дальверзин, и Зартепе, и Кейкобадшах, и Яван. В развитии древней культуры народов Средней Азии подводится на определенном рубеже своего рода итоговая черта.

Глава тринадцатая
Согд

Согд (Согдиана) — одна из важнейших и крупнейших областей древней Средней Азии. По мнению некоторых исследователей — «сердце Центральной Азии» (Frye R. N., 1971, с. 222). До сего времени продолжаются дискуссии о границах этой области, особенно южных. На основании некоторых свидетельств древних авторов иногда считается, что границы Согда на юге простирались вплоть до Амударьи, что вряд ли справедливо (подробнее см. гл. «Бактрия»). Средневековые арабоязычные авторы Согдом обычно считали долину р. Зарафшан в ее среднем течении. Однако некоторые источники относят к Согду всю долину Зарафшана с Бухарой и Самаркандом, а также и долину Кашкадарьи с городами Кеш и Несеф (Бертольд В. В., т. III, с. 487, 488) (рис. 15).

Согласно современным представлениям Согд охватывал долины этих рек, западная граница проходила по пескам, ограничивающим Бухарский оазис, восточная — по предгорьям. Однако высказывалось мнение, что в состав Согда входили и горные области вплоть до Бадахшана (Bernard P., Francfort H. P., 1978). Согд делился на три района: Самаркандский, Бухарский и Кашкадарьинский. Население всех этих трех районов было этнически однородным и чрезвычайно близким по уровню и характеру культуры. Два района Согда (Самаркандский и Бухарский) располагались в долине р. Зарафшан. Неизвестно, когда река получила это наименование, засвидетельствованное только с XVIII в. Древние греки, появившиеся здесь в ходе завоеваний Александра Македонского, называли ее Политиметом («Высокочтимым»), что служит подтверждением достоверности реконструкции древнего имени реки — Намич (согдийское «славный», «знаменитый») (Лившиц В. А., 1969, с. 61). Свое начало Зарафшан берет из Зарафшанского ледника, принимая в горах воды более 50 горных речек. Выйдя на равнину, Зарафшан уже не принимает притоков, наоборот, интенсивно отдает свои воды для орошения. Ширина долины его — 30—40 км, северная граница ее примыкает к подножью отрогов Нуратинского хребта, южная граничит с адырами Зарафшанского. Большие и малые оросительные каналы, орошающие Самаркандский Согд, берут свое начало в районе выхода реки из гор. Северо-восточнее Самарканда Зарафшан разделяется на два рукава, образующие остров Мианкаль. Длина его 100 км, ширина 12—15 км. Этот остров с древности был самой освоенной человеком частью долины. Границей между Самаркандским и Бухарским Согдом является Хазаринская теснина. После ее пересечения Зарафшан течет к юго-западу и образует конусообразный Бухарский оазис. Не доходя 25 км до Амударьи, Зарафшан теряется в песках (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 19 сл.)

Долина Кашкадарьи расположена между двумя западными отрогами Памиро-Алайской горной системы — Зарафшанским и Гиссарским хребтами. В верхней ее части, охваченной с востока горами, находится обширный Шахрисябзский оазис, а в нижней, вне горного обрамления, среди степной равнины, сливающейся на западе с пустыней Кызылкумы — другой крупный оазис — Каршинский. Между этими двумя крупными массивами орошенных земель раскинулись степные пространства, в которые вкраплены небольшие участки освоенных еще в древности земель. Лишь вдоль русла реки почти сплошной полосой расположены орошенные земли. Река Кашкадарья образует замкнутый бассейн, питаемый ключевыми водами, ледниками и снегами (Кабанов С. К., 1977, с. 5 сл.)

История изучения. Основным объектом изучения в Согде до недавнего времени оставался Афрасиаб (Якубовский А. Ю., 1940, с. 285—336; Массон М. Е., 1956; Шишкин В. А., 1969а, с. 3 сл.). Первые раскопки здесь начались вскоре после присоединения Самарканда к России, но они были непрофессиональными и не были вкладом в науку. Тогда же было высказано предположение о тождестве Самарканда и Мараканды греческих авторов, описывавших поход Александра Македонского (Шишкин В. А., 1969а, с. 15). Первые научные работы были проведены Н. И. Веселовским, однако они также были незначительными (Шишкин В. А., 1969а, с. 26 сл.). Заложив в течение четырех месяцев более сотни разведочных шурфов, он оставил беглые описания только шести из них.

Значение Афрасиаба для решения больших исторических вопросов по достоинству оценил В. В. Бартольд. Он даже проводил здесь раскопки в 1904 г. Многолетние (1905—1930 гг., с перерывами) раскопки В. Л. Вяткина на Афрасиабе долгое время оставляли его в убеждении о незначительной древности города (Вяткин В. Л., 1927, с. 4). В 30-е годы благодаря энергии И. А. Сухарева при участии Г. В. Григорьева предпринимались разведывательные поездки на памятники в округе Самарканда со сбором материала, фотографированием, глазомерными съемками и картографированием. Обследовались остатки древней стены городской округи — Девари-Кылмат. Правда, материалов, относящихся к ранним периодам, собрано было немного, и выделить древние памятники не удалось. Важную роль сыграли работы Г. В. Григорьева на городище Тали-Барзу (в 12 км от Самарканда), проведенные в 1936—1939 гг. Время существования древнейшего слоя городища Г. В. Григорьев определил концом первой

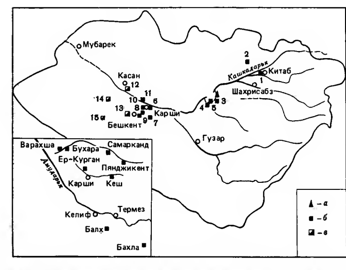


Рис. 15. Основные памятники Кашкадарьинского Согда (по С. К. Кабанову)

1 — городище в Китабе (Каляндартепе); *2* — Кургантепа; *3* — Кенделиктепе; *4* — Джангальтепа; *5* — Аултепа; *6* — Шортепа; *7* — Калаи-Захок-и Марон; *8* — Пирмет-бабатепа; *9* — Коштепа; *10* — Шумлюктепе; *11* — Еркурган; *12* — Касантепа; *13* — Каджартепа; *14* — Касбитепа; *15* — Куня Фазли; *а* — поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа; *б* — памятники античной эпохи; *в* — памятники античной эпохи, перекрытые средневековыми слоями

половины I тысячелетия до н. э. Кроме того, было выделено еще пять слоев, три из которых датировались пределами I тысячелетия до н. э. (Григорьев Г. В., 1940, с. 88—95). Очень скоро выяснилось, что Г. В. Григорьев неправильно датировал ранние слои, однако сам процесс пересмотра датировок сыграл большую роль в понимании характера культуры древнего Согда[1].

В 1940 г. во время археологического наблюдения за строительством Каттакурганского водохранилища был собран значительный материал для археологической карты не исследованной ранее части долины Зарафшана (Шишкин В. А., 1969 а, с. 115 сл.).

С 1945 г. начинается новый этап в изучении городища Афрасиаб и вообще древнего Согда (Шишкин В. А., 1969б). В этом году была создана Самаркандская археологическая база, руководителем которой стал А. И. Тереножкин. Несмотря на крайнюю ограниченность средств, А. И. Тереножкин сумел собрать (главным образом путем зачисток стенок оврагов, промоин и т. д.) большой и разнообразный археологический материал, а также сумел привести его в систему и построить на его основе периодизацию древнего и средневекового Самарканда, вычленив ряд стратиграфических комплексов (Тереножкин А. И., 1947а; 1950б). Некоторые ошибки археологического и исторического характера объяснялись ограниченностью масштабов археологических работ. В частности, не подтвердился его вывод об упадке Самарканда в первые века н. э. Напротив, на это время приходится один из периодов процветания города. Некоторые выводы А. И. Тереножкина были в сущности догадками, не подкрепленными имевшимся в то время материалом: например, вывод о значительных размерах раннего города (219 га). Только после раскопок 1974—1977 гг. этот вопрос был решен окончательно. В 1950 г. появилась статья М. Е. Массона, посвященная периодизации истории Самарканда (Массон М. Е., 1950а). Подвергая критике ряд положений А. И. Тереножкина, автор в то же время высказал убеждение в глубокой древности города и обратил внимание на существование стены городской округи (Дивари Кундалянг). М. Е. Массон сопоставил ее с упомянутой античными авторами, описывавшими поход Александра Македонского, внешней стеной Мараканды длиной 70 стадиев.

В 1958 г. была организована Афрасиабская археологическая экспедиция (руководители: 1958—1966 гг.— В. А. Шишкин, 1967—1970 гг.— Я. Г. Гулямов, с 1971 г.— Ш. Ташходжаев, с 1977 г.— Г. В. Шишкина). На первых порах сказались трудности изучения городища древнего Самарканда. Нарушенность (вплоть до полного уничтожения) ранних слоев в процессе интенсивной городской жизни привела к скептицизму относительно ранних дат становления города и его первоначальных размеров (Шишкин В. А., 1961), а ошибочная интерпретация фортификационных сооружений давала повод сомневаться в определении поселения первых веков до н. э. на Афрасиабе как города (Пачос М. К., 1966). Только в 70-е годы новые обширные материалы подтвердили сформулированную еще в 40-е годы гипотезу А. И. Тереножкина. Археологические исследования 70-х годов привели к открытию на Афрасиабе древнейшего поселения — предшественника города Самарканда, ранних укреплений его, большого вещественного материала, охватывающего всю древнюю эпоху существования города (Афрасиаб, вып. II; Афрасиаб, вып. III; К исторической топографии...).

Начиная с 50-х годов проводились археологические исследования и в различных районах Самаркандского Согда. В частности, исследовалось Кулдортепе (в 35 км на юго-восток от Самарканда). Здесь были обнаружены находки раннего времени, перемещенные в средневековые слои. Б. Я. Ставиский датирует их первыми веками н. э. (Ставиский Б. Я., 1960), хотя, несомненно, что среди них есть вещи и последних веков до н. э. Исследования разведывательных отрядов Афрасиабской экспедиции (начиная с 1958 г.) дали больше материалов для истории средневекового Согда, чем древнего. Тем не менее в разных частях долины выявлено значительное число пунктов, обжитых в последние века до н. э.— первые века н. э. В эти же годы проводились исследования и ирригационной системы Согда (Мухамеджанов А. Р., 1975).

История изучения южного, Кашкадарьинского, Согда еще короче, чем история изучения Самаркандского. До революции он почти не привлекал к себе внимания археологов и историков, что в значительной мере объясняется тем, что он входил в состав Бухарского ханства (Кабанов С. К., 1977, с. 7, сл.).

[1] Ошибочность хронологии Тали-Барзу отмечал С. П. Толстов (Толстов С. П., 1948а, с. 86), А. И. Тереножкин два ранних слоя (ТБ II и III) отнес к I—IV вв. н. э. (Тереножкин А. И., 1950б, с. 156—161). В дальнейшем и эти даты были пересмотрены. Сейчас нижний рубеж Тали-Барзу определяется IV в. н. э. (Шишкина Г. В., 1969, с. 5, 13, 14) или — не ранее второй половины III в. н. э. (Ставиский Б. Я., 1967, с. 22—28).

Многочисленные руины только иногда отмечались проезжавшими по служебным делам чиновниками и специалистами. В первые годы после установления Советской власти этот район также почти не был затронут археологическими раскопками. Первые археологические разведки здесь были осуществлены в 1946—1948 гг. С. К. Кабановым, А. И. Тереножкиным и Л. И. Альбаумом (Кабанов С. К., 1977, с. 8). В дальнейшем археологические работы здесь проводились в связи со строительством Иски-Ангорского канала и Чимкурганского водохранилища (Кабанов С. К., 1957; 1959б). Особенно активно стали проводиться археологические работы в Кашкадарье начиная с 1960-х годов. Здесь в 1965—1966 гг. работала Кешская археолого-топографическая экспедиция ТашГУ под руководством М. Е. Массона, проводившая главным образом разведки (Массон М. Е., 1973в), активно изучались сельские поселения (Кабанов С. К., 1977; 1981), крупные города исследовались Кашкадарьинской экспедицией Института археологии АН Узбекской ССР под руководством Р. Х. Сулейманова. Особенно активно изучается крупнейшее городище южного Согда — Еркурган, где раскапываются храм, квартал ремесленников-керамистов, укрепления. На основе работ этого отряда была создана стратиграфическая шкала керамических материалов Кашкадарьинского Согда (Исамиддинов М. Х., 1978; 1979).

Также в общем сравнительно коротка история изучения и Бухарского Согда. Первые сообщения о памятниках Бухарского оазиса относятся еще к первой половине XIX в. После 1868 г., когда бухарский эмир был вынужден признать себя вассалом России, территория оазиса стала более доступна для исследователей, но и тогда для изучения памятников рассматриваемой эпохи практически ничего не было сделано. Единственными исключениями, пожалуй, были работы военного топографа Н. Ф. Ситняковского и Л. А. Зимина. Н. Ф. Ситняковский дал ценное описание ирригационной системы оазиса, изучавшего остатки стены Кампирдивал (Кампирак), окружавшей в древности оазис, и произведшего небольшие по масштабам раскопки в ряде мест (подробнее см.: Шишкин В. А., 1963, с. 13, сл.). Л. А. Зимин в 1913—1915 гг. совершил несколько рекогносцировочных поездок по Бухарскому оазису, главным образом по восточным и западным окраинам (Шишкин В. А., 1963, с. 15).

Первой значительной работой советских археологов в оазисе была разведочная экспедиция Государственного Эрмитажа и Узкомстариса под руководством А. Ю. Якубовского в 1934 г. (Якубовский А. Ю., 1940). Для рассматриваемой в данном томе исторической эпохи, впрочем, экспедиция сделала сравнительно немного (Шишкин В. А., 1963, с. 10). Исследование стены Кампирдивал в 1934—1935 гг. проводил В. А. Шишкин. Им тогда же был открыт ряд памятников, в том числе и ныне знаменитый — Варахша (Шишкин В. А., 1963, с. 16). Несколько позднее было проведено разведочное обследование ряда памятников античного времени к западу от Варахши — Баштепинская группа памятников (Шишкин В. А., 1956; 1963, с. 139 сл.; Жуков В. Д., 1956а), а также начаты раскопки на Варахше (Шишкин В. А., 1963).

После Великой Отечественной войны возобновилось исследование Варахши, продолжавшееся до 1954 г. (Шишкин В. А., 1963), проводились раскопки на ряде памятников, таких, как Кызылкыр (Нильсен В. А., 1959). Очень важную роль сыграли исследования древней ирригационной сети оазиса (Мухамеджанов А. Р., 1978). Одновременно проводились раскопки на ряде античных памятников Бухарского оазиса. Особенно важную роль сыграли стратиграфические раскопки на городище Ромиш (Сулейманов Р. Х., Ураков Б., 1977; Ураков Б., 1982), позволившие создать стратиграфическую шкалу керамики Бухарского оазиса. Для исследования кочевников, обитавших на окраинах Бухарского оазиса, много сделано О. В. Обельченко (Обельченко О. В., 1956).

Основой хронологии и периодизации культуры Самаркандского Согда служит схема, разработанная А. И. Тереножкиным в 40-е годы и опубликованная в 1950 г. (Тереножкин А. И., 1950). Относительная хронология сложилась в результате наблюдений над стратиграфией Афрасиаба, абсолютные даты определялись с помощью сопоставления с иными комплексами (чаще всего территориально удаленными). Относительная хронология слоев, предложенная А. И. Тереножкиным, в сущности с того времени не изменилась. Абсолютная хронология уточнялась по мере накопления материалов (как с Афрасиаба, так иных, привлекаемых для сравнения). Особенно важным было изучение наконечников стрел, датируемых комплексами скифо-сарматского мира. Гораздо более серьезным модификациям должна быть подвергнута та часть периодизации, которая связана с историческими, культурными и этническими изменениями в Согде. И схему А. И. Тереножкина и последующие попытки ее исправить (Кабанов С. К., 1969, с. 194) вряд ли можно признать удачными. Из этой схемы можно взять определение только некоторых периодов («эллинистический», например), в то же время определение других периодов оказывается (в свете новых материалов) либо сомнительным (например, «древнесогдийский» — VI—IV вв. до н. э. или

Самаркандский Согд. Железный век

Период	Дата	Комплекс	Историческая интерпретация
Ж. В. 1	? *	? *	? *
Ж. В. 2	VII(?) — VI(?) вв. до н. э.	Лолаэор I **	доурбанистические поселения
Ж. В. 3	VI(?) — IV вв. до н. э.	Афрасиаб I Ia, Iб	становление крупного города
Ж. В. 4	Последняя четверть IV — I вв. до н. э.	Афрасиаб II—1 Афрасиаб II—2 Афрасиаб III	эллинистический период
Ж. В. 5	Рубеж н. э. — первая половина V в. н. э.	Афрасиаб IV Афрасиаб V	обособление Самаркандского Согда, переориентация контактов на север

* Объекты самой первой стадии железного века еще не выявлены, но поскольку их наличие более чем вероятно, то для них в схеме оставлено свободное место.

** Результаты самых последних работ заставляют думать, что, возможно, и на территории Афрасиаба в это время уже возникло поселение. См.: Туребеков М., 1981.

«позднесогдийский» — V—VII вв. н. э.), либо вообще неоправданным (например, «кангюй-кушанский»).

На современном уровне наших знаний, видимо, более обоснованной будет периодизация, независимая от исторических интерпретаций, но способная облегчить объективное раскрытие смысла исторических процессов.

Сравнительно недавно была разработана (на базе главным образом изучения керамики из стратиграфических шурфов) стратиграфическая колонка для Бухарского Согда (Ураков Б., 1982) [2].

Также совсем недавно была составлена стратиграфическая шкала для Южного Согда (Исамеддинов М. Х., 1978; 1979), основанная на материалах Еркургана. Эта шкала достаточно точно отражает состояние разработанной проблемы. Ее автор отказывается от точных хронологических определений первых (Ер I—III), отмечая только, что грань между периодами Ер II и Ер III приходится на IV в. до н. э. Кроме того, им отмечается невозможность в настоящее время четко определить границы внутри позднеантичного периода (период Ер VI, комплексы В, Г и Д).

Письменные источники. Письменные источники, описывающие историю Согдианы, в общем очень немногочисленны и хронологически распределены очень неравномерно. Основную массу сведений сообщают античные (древнегреческие и латинские) авторы, но в то же время определенная информация содержится в письменных (литературных и документальных) источниках, выполненных на различных иранских языках, китайских и в так называемых старых согдийских письмах. Согд упоминается несколько раз в Авесте («Видевдате», в «Михр-Яште») (Подробнее см.: Гафуров Б. Г., 1972, с. 42, сл.). Говорится о Согде (обычно только в перечислениях наряду с другими народами) в ряде древнеперсидских клинописных надписей (Бехистунской, «антидэвовской», ряде строительных) (Дандамаев М. А., 1963; ИТН, т. I, с. 200, сл.). Затем Согд на ряд веков исчезает из иранских письменных источников и упоминается вновь только в надписях сасанидского царя Шапура I 262 г. н. э. на «Каабе Зороастра» (Луконин В. Г., 1967, с. 16; 1969а, с. 30—31).

Бухарский Согд

Этап	Комплекс	Дата	Место обнаружения
Гулисангский	Ромиш I	IV — начало III в. до н. э.	Ромиштепа, Варахша, Бухара, Баштепинская группа памятников
Аяктепинский	Ромиш II	III—II вв. до н. э.	Ромиштепа, Бухара, Баштепинская группа памятников
	Ромиш III	II—I вв. до н. э.	Ромиштепа, Бухара, Баштепинская группа памятников
Ромишский	Ромиш IV	I—II вв. н. э.	Ромиш, Бухара, Баштепинская группа памятников
	Ромиш V	II—III вв. н. э.	Ромиш, Баштепинская группа памятников
Кызылкырский	Ромиш VI	конец III—IV в. н. э.	Ромиш, Кызылкырская группа памятников (Кызылкыр I, I; Сеталк I, II; Нортепе и др.)
	Ромиш VII	V в. н. э.	Ромиш, Кургани-Ромитан

Южный Согд

Стратиграфический период	Этап	Керамический комплекс	Дата (абсолютная или сопоставительная)	Историческая интерпретация периода
Ер I			Яз I	архаический
Ер II			Яз II—VII—VI вв. до н. э.	
Ер III			Яз III—VI—IV вв. до н. э.	древнесогдийский
Ер IV		комплекс А	III—II вв. до н. э.	раннеантичный
Ер V		комплекс Б	II в. до н. э. — I в. н. э.	
Ер VI	I	комплекс В	I—III вв. н. э.	
	II	комплекс Г	III—IV вв. н. э.	позднеантичный
	III	комплекс Д	IV—V вв. н. э.	

Более информативны античные источники, но и их информация крайне неравномерно распределена во времени. Согд и согдийцы эпохи вхождения в состав государства Ахеменидов упоминаются практически только Геродотом, да и то обычно в различного рода перечислениях (в рассказе о податных округах государства, о составе армии в период греко-персидских войн) (ИТН, т. I, с. 200, сл.).

Очень обширная информация о Согде содержится в греческих и латинских источниках, описывающих завоевания Александра Македонского. Несмотря на то что до нас не дошло ни одного произведения авторов, современников описываемых событий (о сложении и развитии античной традиции об Александре Македонском см.: Маринович Л. П., 1982), все же античная традиция (Арриан, Диодор, Курций Руф, Юстин, Плутарх) передает массу сведений о Согде того времени. Помимо рассказов о военных действиях, в сочинениях античных авторов содержатся указания на многие города и сельские населенные пункты, системы их укреплений, на характер хозяйства, быта и т. д. К сожалению, сведения этой традиции проанализированы еще недостаточно. Можно указать только на некоторые работы, в которых детально исследуется традиция, например о Самарканде (Пьянков И. В., 1972). В то же время на ряд очень важных вопросов не получено еще однозначного ответа. Так, например, до сего времени существуют различные решения относительно локализации таких областей Согдианы, как Ксенила и Наутака. При общем согласии в том,

[2] В более ранней предварительной публикации (Сулейманов Р. Х., Ураков Б., 1977) этот же материал был расчленен и датирован несколько по-иному.

что обе эти области располагаются в долине р. Кашкадарьи, исследователи расходятся в точной локализации. Так, С. К. Кабанов помещает Наутаку в районе Кеша (современный Шахрисябз), Ксениппу — в районе современного Карши (Кабанов С. К., 1977, с. 87, 88), М. Е. Массон же придерживается противоположной точки зрения (Массон М. Е., 1973). Определенная информация о Согдиане имеется также у ряда античных географов: Страбона, Плиния Старшего и Птолемея. Однако их информация очень кратка; а у последнего автора очень сложна в интерпретации (Ronca I).

Некоторые сведения о Согдиане имеются у китайских авторов (Бичурин Н. Я., 1950), хотя и здесь также существует несколько не до конца решенных сложных вопросов. Так, например, С. К. Кабанов считает, что упоминаемая китайскими авторами область Нашеболо должна соответствовать Каршинскому оазису, а главный город ее Боло отождествляет с городищем Еркурган (Кабанов С. К., 1971, с. 114), в то время как Б. И. Маршак решительно оспаривает это утверждение (Маршак Б. И., 1971, с. 64). Для самого конца рассматриваемого периода некоторые данные (хотя и сложные в интерпретации) имеются в армянских источниках (Тревер К. В., 1954). Наконец, важным источником могут служить и так называемые согдийские старые письма. Эти документы, происходящие из Восточного Туркестана, характеризуют жизнь согдийской колонии, расположенной здесь. Я. Харматта недавно доказал, что их необходимо датировать не началом IV в. н. э. (как это считалось ранее), а концом II в. н. э. (Harmatta J., 1979).

Поселения (классификация, топография, планировка). Характер городских и сельских поселений Согда выявлен еще недостаточно. Это объясняется как многослойностью ряда крупных населенных пунктов (что, во-первых, затрудняет широкие по масштабам раскопки, а, во-вторых, приводит к тому, что при позднем строительстве разрушались здания более раннего времени, как это, например, произошло на Афрасиабе), так и сравнительно небольшим еще масштабом раскопок (табл. CXXIV).

В настоящее время хуже всего изучены остатки поселений первой половины I тысячелетия до н. э. В это время, видимо, уже возникло поселение на Афрасиабе, хотя размеры его неизвестны (Туребеков М., 1979а), на южной окраине Самарканда (Лолазор) (К исторической топографии..., с. 7, сл.), Курганча I (Самаркандский Согд), существовало поселение и на месте городища Еркурган (Кашкадарьинский Согд). К сожалению, раскопки пока дали очень ограниченный материал для суждения об этих поселениях. На Афрасиабе выявлены в ряде мест слои этого времени, остатки системы водоснабжения и остатки укреплений на северном участке городской стены (Филанович М. И., 1969, с. 210). Эти укрепления представляли собой глинобитный вал. На поселении Лолазор обнаружены остатки системы ирригационных каналов, следы керамического и бронзолитейного производства, каменные орудия труда (К исторической топографии...).

Несколько обильнее материал для суждения о поселениях середины I тысячелетия до н. э. (VI—IV вв. до н. э.). Наличие поселений фиксируется во многих местах. Верхний рубеж этого периода совпадает со временем похода Александра Македонского, и поэтому для суждения о населенных пунктах Согдианы этого времени могут быть привлечены не только археологические, но и письменные источники. Данные, извлекаемые из этих источников, говорят о многочисленности населенных пунктов и их различном характере.

В Согде VI—IV вв. до н. э. существовало два крупных городских центра (городища Афрасиаб и Еркурган). Хотя слои раннего времени на Афрасиабе сильно разрушены, все же наличие их практически на всей территории городища представляется несомненным. Можно думать, что в VI—IV вв. до н. э. была обжита вся территория Афрасиаба и город занимал огромную территорию — 219 га. Вполне возможным является предположение, что город возник в результате своеобразного «синойкизма», когда сознательно в единое место были сселены жители ряда поселений. Возникновение единого центра на такой огромной территории в течение исторически короткого срока больше согласуется с теорией «синойкизма», чем с представлением о постепенном развитии городского поселения из небольшого населенного пункта. Город имеет укрепления. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что городская цитадель — очень небольших размеров (0,5 га). Засвидетельствованы остатки керамического ремесла, ткачества, система водоемов и т. п. (Немцева Н. Б., 1969; Филанович М. И., 1969).

На городище Еркурган в VI—IV вв. до н. э. городская территория была заключена внутри «первого» обвода стен. Город занимал территорию 34 га (Массон М. Е., 1973 в, с. 11—12; Сулейманов Р. Х., Туребеков М., 1978; 1981а, б). Новые археологические работы показали, что город в это время не имел цитадели, она возникла позднее (Туребеков М., 1982).

На территории Согда засвидетельствовано некоторое количество мелких населенных пунктов. В Самаркандском Согде это уже упомянутое поселение Лолазор, которое, возникнув на предыдущей стадии, продолжало существовать и в рассматриваемое время (К исторической топографии...). На территории Кашкадарьинского Согда поселения зафиксированы в зоне Чимкурганского водохранилища (Усманова З. И., Древсянская Г. Я., 1974; Ртвеладзе Э. В., 1981), в районе Яккобага Курганча I и II (Ртвеладзе Э. В., 1981, с. 95), Караултепе у пос. Каунчин (АО 1976 г., с. 529). К сожалению, об этих поселениях сейчас сказать ничего определенного нельзя, кроме того, что они различались по своим размерам (Чимкурганское — самое крупное). В Бухарском Согде поселения этого времени зафиксированы также в ряде мест: на территории Бухары (Ахраров И., Усманова З. И., 1978), Варахши, на Кузмантепе, Кумрабад I и II. Представить характер сельского поселения, однако, можно только на основании одного памятника — Чордара, представляющего собой, видимо, усадьбу (размером 40—20 м). Сохранившаяся высота стен 8—9 м. В юго-западном углу комплекса находится здание, состоящее из трех помещений, соединенных сводчатыми проходами.

Следующий период, охватывающий время от конца IV в. до н. э. по I в. до н. э. включительно, представлен рядом памятников, однако (как и для

предыдущего периода) материала слишком мало, чтобы составить ясное представление о характере поселений этого времени. Продолжалась жизнь на Афрасиабе. В это время в очередной раз перестраиваются городские укрепления. Видимо, в течение этого периода строится стена, окружающая городской пригород (К исторической топографии..., с. 121 и сл.). Не происходило серьезных изменений в структуре г. Еркурган. Он оставался в пределах ранней городской стены, хотя эта стена и перестраивается. Существует городское поселение на месте Китаба (древнего Кеша) (Крашенинникова Н. И., 1968), хотя, видимо, своего расцвета и максимальных размеров (до 15 га) город достигает в первые века н. э. (Кабанов С. К., 1962). Насколько можно судить по имеющимся материалам, в это время возникает единственный крупный городской центр, остатки которого представлены городищем Калаи-Захоки-Марон. Время его возникновения, как показывают археологические материалы, II—I вв. до н. э. (Туребеков М., 1979а; 1981а). Город имел очень своеобразную планировку: в центре располагалась мощная, квадратная в плане цитадель (60×60 м). Вокруг цитадели концентрически расположены три ряда стен. Размеры территории, охваченной первой стеной, 210×210 м; второй — 350×350 м; третьей — 1500×1500 м. К сожалению, еще не выявлен характер застройки внутри этого пространства. Если же будет установлено, что городская застройка занимает все окруженное стенами пространство, то придется признать, что этот город по территории был крупнейшим в Согде (225 га), превосходя как Еркурган, так и Афрасиаб.

Довольно значительное число сельских населенных пунктов, возникновение которых приходится на эллинистический период, зафиксировано в Бухарском оазисе. В первую очередь это Баштепинская группа памятников (Шишкин В. А., 1956, с. 163 и сл.; 1963, с. 139 и сл.; Жуков В. Д., 1956а, с. 172 и сл.; Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 27 и сл.). В нее входят поселения Яккатал (Безымянное I), Баштепе, Актепе I—II, Уртатепе I—II, Кошкыр I—II (Талисурх), Чектепе I—II (Безымянное II) и еще более 10. Насколько можно судить по имеющимся материалам (раскопки пока проводились в очень ограниченных масштабах), все эти сельские поселения условно можно разделить на два варианта. Первый вариант характеризуется следующими особенностями: остатки поселения представляют собой довольно высокий бугор (Биштепе и Чектепе 8 м, Аяктепе 8,5 м), обычно квадратный в плане (Чектепе 25×25 м, Баштепе 55×55 м, Аяктепе 64×64 м). На тех немногих памятниках, на которых проводились хотя бы небольшие по масштабам раскопки, выявлена следующая картина (Аяктепе II): этот бугор представляет собой остатки мощного сооружения, воздвигнутого на глинобитной платформе высотой 4,5 м. Сооружение состоит из двух частей: монументального здания (22×14 м) и прямоугольного двора, окруженного хозяйственными постройками (Жуков В. Д., 1956а). Отличия второго варианта от первого заключаются в том, что в данном случае вокруг центрального бугра располагаются малые, которые предположительно определяются как остатки жилищ крестьян.

Возможно, что в это время возникает еще одна группа поселений в западной части Бухарского оазиса — Кызылкырская (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 77 и сл.:). Здесь под слоями первых веков н. э. фиксируются слои первых веков до н. з. Однако ничего определенного о характере ранних поселений сказать еще нельзя, хотя исследователи, обследовавшие их (Шишкин В. А., 1963, с. 17, 145; Нильсен В. А., 1959, с. 145), утверждают, что в принципе ситуация здесь такая же, как и в Баштепинской группе памятников. В центральной части Бухарского оазиса слои этого времени зафиксированы на ряде памятников, в частности на Варахше (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 87; Шишкин В. А., 1963).

В первые века н. э. (вплоть до V в. н. э.) отмечается дальнейший рост числа населенных пунктов Согда, хотя (как и для предыдущих периодов) степень изученности их еще недостаточна. В Самаркандском Согде продолжалось развитие Самарканда (городище Афрасиаб). На этот период падает очередная перестройка стен, зафиксированная на северном участке (около рубежа н. э.) (Туребеков М., 1981а, с. 16) [3]. Типологически населенные пункты Самаркандского Согда этого времени могут быть расчленены на следующие варианты (хотя, вполне возможно, что сами эти населенные пункты и соответственно типология восходят еще к предыдущему периоду): 1) города и городки прямоугольные в плане, укрепленные, имеющие значительную по размерам цитадель (Кулдортепе); 2) город, имеющий ядро (полностью повторяющее по планировке предыдущий вариант) и обширное поселение вокруг него, также укрепленное (Кургантепе Санчкульское); 3) город имеет прямоугольный план, укреплен стенами, внутри этого прямоугольника располагается малый прямоугольник, также укрепленный стенами, и с цитаделью (Дурмонтепе); 4) город с большой цитаделью и, видимо, аморфным по абрису плана поселением (Кумышкент в Мианкале, Актепе Булунгурское).

В конце периода появляется новый тип населенного пункта — замок с обширным двором и донжоном.

В Бухарском Согде продолжалась жизнь на поселении, существовавшем на месте Бухары. Поселение было неукрепленным, размеры его не устанавливаются (Туребеков М., 1981а, с. 11). Археологические работы последних лет установили, что в III—IV вв. н. э. отмечается строительство нескольких крепостей вдоль границ Бухарского оазиса. К их числу, в частности, относится Шахривайрон. Ядром ее является цитадель (размер 50×40 м), вокруг нее возведено два обвода стен (I стена 70×60 м, II — 125×110 м) [4] (Туребеков М., 1981а, с. 12). В это же время создается крепость Караултепе, имеющая Г-образную планировку. Она обведена стеной со всех сторон, кроме южной, где протекает р. Зарафшан. К данному периоду относится и основная масса известных сейчас сельских населенных пунктов:

[3] В литературе неоднократно отмечалось, что в первые века н. э. Афрасиаб переживал некоторый упадок. Существует и прямо противоположное мнение. Однако решить сейчас этот вопрос, видимо, еще нельзя (Шишкин В. А., 1969б, с. 158).

[4] Третья стена построена в VI в. н.э.

Баштепинская группа памятников (верхние слои ее поселений), Кызылкырская группа (Кызылкыр I, II, Сеталк I, II, Нортепе и др.), Ромиш (Ураков Б., 1982). Сельские поселения в Бухарском Согде известны в двух вариантах. Первый вариант представляет собой небольшое неукрепленное поселение, сохранившееся в виде почти незаметных холмиков (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 77), второй — укрепленные поселения, сохранившиеся в виде плоских бугров, чаще прямоугольной или овальной формы, их размеры в среднем 50×50 м до 80×80 м, высота от 3—4 м до 6—10 м. Они, насколько можно судить, состоят из небольших крепостей на высоком глинобитном основании и больших домов, окруженных мощными глинобитными стенами и с привратным сооружением в углу (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 77).

В Кашкадарьинском Согде жизнь продолжалась на большинстве возникших ранее поселений, появляется и значительное число новых, особенно, возможно, к концу периода — в III—IV вв. н. э. (Кабанов С. К., 1977; 1981). На основании главным образом рекогносцировочных обследований предложена следующая типологическая схема населенных пунктов этой части Согда: а) поселения крупных размеров с укрепленной цитаделью в центре и несколькими рядами стен. Наиболее типичный пример такого поселения Калаи-Захоки-Марон (Кабанов С. К., 1977, с. 93). К этому типу относится более 20 населенных пунктов. В эту группу может быть включен и Еркурган, хотя он имеет и некоторые особенности. Здесь в I в. н. э. создается цитадель, а в IV в. н. э.— внешняя оборонительная стена (общей длиной 4,7 км), что является свидетельством бурного роста города в первые века н. э. (Туребеков М., 1981а, с. 8); б) поселения значительных размеров, прямоугольные в плане, с цитаделью в одном из углов. Типичным примером такого поселения является Мудинтепе (Кабанов С. К., 1977, с. 93); в) поселения прямоугольные или квадратные в плане без следов каких-либо особых (типа цитадели) укреплений. Подобного рода населенные пункты встречались еще в середине I тысячелетия до н. э. (Тастепе), но более характерны для III—IV вв. н. э. (Пирматбабатепе, Учтепе, Коштепе—2); г) небольшие округлые в плане бугры — развалины отдельно стоящих маленьких зданий (Кабанов С. К., 1971, с. 94); д) в III—IV вв. н. э. появляются поселения, которые С. К. Кабанов называет «двухъярусными», т. е. состоящими из центрального бугра и ряда более низких бугров, окружающих его (Палвантепе, Тешиктепе). Подобного типа поселения начали возникать в III—V вв. н. э., но наиболее характерными они становятся для V—VII вв. (Кабанов С. К., 1977, с. 94). На основании аналогии с другими районами Средней Азии, где подобного рода памятники раскапывались, можно высказать предположение, что населенные пункты этого типа — первые примеры замков с окружающими их поселениями крестьян.

Фортификация. Только раскопки самого последнего времени выявили хотя бы самые основные черты истории фортификации Согда (Туребеков М., 1981а) (табл. CXXV—CXXVII).

Древнейшие укрепления в Согде зафиксированы на Афрасиабе, где в конце VIII или в VII в. до н. э. строится оборонительный вал. Сохранившаяся высота его 3 м, он выполнен из комков глины. Возводился он вдоль обрыва, местами производилась подтеска холмов. Несмотря на примитивность системы укреплений, поражают ее масштабы. Для периода VI—IV вв. до н. э. наличие укреплений зафиксировано на двух городских центрах: Афрасиабе и Еркургане. В строительстве укреплений этого времени используется как пахса, так и сырцовый кирпич. На городище Еркурган выявлена конструкция внутренней городской стены этого времени. Ее сохранившаяся высота 7,15 м, толщина в верхней части 1,15 м, в нижней — более 3 м. Стена сложена из сырцовых кирпичей (48—54×32—36×10—15 см). В стене было трое ворот. Судя по микрорельефу, перед стеной располагался ров (Сулейманов Р. Х., Туребеков М., 1978). На Афрасиабе к VI—IV вв. до н. э. относится первая стена, возведенная непосредственно над валом. Стена имеет первоначальную толщину 6 м, выполнена она из сырцового кирпича (50—56×24—29×8—9 см) [5]. Стена трижды ремонтировалась: первоначально была усилена снаружи сырцовой кладкой (кирпич размером 50—56×25—28×10—12 см) толщиной 0,5 м, затем — изнутри пахсой (толщина «подушки» 0,5 м), наконец, еще раз изнутри — пахсовой кладкой толщиной 3 м. Предполагается, что стена, созданная в VI в. до н. э., существовала только на отдельных участках, укрепления вдоль обрывов рек Сиаб и Оби-Машад не были нужны. Можно предполагать, что в то время когда был произведен второй ремонт (V в. до н. э.), был возведен впервые северный участок стены, а в период третьего ремонта (IV в. до н. э.) впервые создаются укрепления на восточном фасе. Вполне возможно, что в VI в. до н. э. впервые создается и городская цитадель. Характерной особенностью укреплений этого периода является массивность стен, отсутствие внутристенных галерей и башен. Согласно существующей типологии укреплений Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. (Сабиров К. С., 1979), все фортификационные системы делятся на развитые, специализированные и упрощенные. Видимо, укрепления Афрасиаба и Еркургана можно отнести к последней категории.

Следующий период развития фортификации Согда охватывает время с конца IV в. до н. э. по I в. до н. э. В это время прослеживаются значительные изменения во всех элементах фортификации, отчасти они являются следствием влияний эллинистических систем фортификации. Для конструкций стен (в наиболее развитых фортификационных системах) характерны высокие стилобаты, внутристенные коридоры. Внутристенная стрелковая галерея имеет обычно плоские деревянные перекрытия, бойницы — стреловидные. На внешних гранях стен появляются пилястры, верхняя поверхность их оборудуется как стрелковая площадка. В это время впервые начинают строиться башни прямоугольные в плане. Обычно нижняя часть башни монолитная, внутренние помещения присутствуют только в верхней части. В кладках используется только квадратный кирпич.

Очень яркий пример укреплений этого типа дает Афрасиаб, где (участок Р-27) выявлена следующая

[5] Ср.: Шишкина Г. В., 1970.

картина: ранняя (VI—IV вв. до н. э.) стена благодаря подсыпкам снаружи и изнутри была превращена в платформу высотой 5 м и шириной 10 м. На этой платформе была построена стена толщиной 7 м с внутристенным коридором (ширина 2 м), пилястрами и прямоугольными (12×5 м) башнями и боевыми площадками (2,3×2 м). Наружная стена коридора прорезана стреловидными бойницами (1,15—1,25×0,10—0,16 м). В нижней части башен внутрибашенное помещение отсутствует. При строительстве укреплений использовался квадратный сырцовый кирпич (34—36×34—36×14—16 см). Археологические наблюдения показали, что эти укрепления были созданы в III—II вв. до н. э. по всему периметру городских стен. В некоторых местах эта стена ремонтировалась (на протяжении этого периода).

В Еркургане внутренняя городская стена, возведенная в предшествующий период, первоначально (III в. до н. э.) только ремонтируется — к ней снаружи пристраивается пахсовая кладка толщиной 2 м (Сулейманов Р. X., Туребеков М., 1978, с. 62). Решительная перестройка с применением новых принципов приходится только на II в. до н. э. В это время ранние кладки перекрывает новая кладка из пахсы и сырцового кирпича прямоугольного (48—52×30—36×10—12 см) и квадратного (32—42×32—42×10—12 см) форматов. Толщина стены достигает 11 м, высота не менее 10 м. Стена (видимо, впервые) фланкирована почти прямоугольными (12×2 м) башнями через каждые 21,5 м. Таким образом, Еркурган воспринял новые принципы фортификации только частично (Сулейманов Р. X., Туребеков М., 1978, с. 64).

Наконец, имеются примеры городских укреплений, хотя и возведенных в это время, но построенных в соответствии с принципами предшествующего времени. Такова ситуация в Калаи-Захоки-Марон, где все три стены возведены в период II—I вв. до н. э. Первая (внутренняя) стена выполнена из пахсы (высота рядов 1,1—1,6 м), толщина ее 10 м, прослежен закругленный угол. Вторая стена также выполнена из пахсы (толщина 9,5 м), третья стена — также пахсовая, имеет толщину до 11 м (Туребеков М., 1979а).

Следующий период в развитии фортификации Согда охватывает время с I в. до н. э.— по IV в. н. э. Судя по немногим материалам, полученным при исследовании Афрасиаба и Еркургана I в. до н. э.— I в. н. э., здесь происходят главным образом ремонтные перестройки, хотя в Еркургане, например, в I в. н. э. строится цитадель. Ее стены выполнены из пахсы. Она усилена прямоугольными башнями (12×1 м), также пахсовыми. Длина куртины 8 м. Толщина стены у основания 2,5 м, она прорезана бойницами через каждый метр.

В это же время создаются укрепления Варахши (Кабанов С. К., 1959а; Шишкин В. А., 1963, с. 107—111). Здесь при раскопках была обнаружена угловая башня, сложенная из сырцового кирпича (37—41× ×37—41×10 см). В плане башня представляет полуовал, примкнувший к скошенному (точнее, закругленному) углу городской стены. Размеры внутреннего помещения башни: по продольной оси (с юго-востока на северо-запад) 4,5 м, поперечник 4,95 м. Толщина стен 1,8—1,9 м, сохранились они на высоту 2,6 м. Стены прорезаны бойницами. Снаружи эти бойницы расположены в шахматном порядке как бы в два яруса, изнутри они все находятся на одной высоте — приблизительно на уровне груди человека, стоящего на полу помещения. Высота их внутри 38—40 см, снаружи 75—80 см, при ширине 20—22 см. Бойницы стреловидной формы. По обе стороны от башни вскрыты небольшие отрезки стен, толщина их 1,9—2,05 см. Стены, как и башня, снабжены стреловидными бойницами.

Большие фортификационные работы по всему Согду производились в период III—IV вв. н. э. В Еркургане полностью перестраивается внутренняя стена. По обе стороны прежней стены производится засыпка грунта слоем 1,5—2 м. Эта засыпка вместе с остатками ранней стены служит основанием для пахсовой платформы высотой более 8 м, при толщине у основания 22 м. На платформе сооружена крепостная стена толщиной 5,5 м с внутристенным коридором (шириной 2,5 м) и полукруглыми (8,6× ×6 м) башнями, расстояние между которыми 27 м. Против одной из башен вскрыт примыкающий изнутри к крепостной стене каземат. В кладках использован сырцовай кирпич (45—49×45—46×9—12 см). Коридор и каземат были перекрыты сводом из трапециевидных сырцовых кирпичей размерами 45—46×25—31×8—10 см (Сулейманов Р. X., Туребеков М., 1978, с. 64). К этому же времени относится и строительство внешней оборонительной стены Еркургана. Стена выполнена из пахсы. Высота их рядов 1,2—1,5 м, толщина стены 9 м. Стена фланкирована полукруглыми (8×6 м) башнями, расположенными через 60 м. Стена и башня имеют у основания выступ шириной 1,2 м и высотой 1 м. Наличие внутристенной галереи не установлено, так как сохранилась только цокольная часть стены (Сулейманов Р. X., Туребеков М., 1978, с. 65).

В III—IV вв. н. э. создаются первоначальные укрепления поселения Кафиртепе (на западной окраине г. Карши). Ранняя стена выполнена из пахсы, в верхней части она имеет толщину 7 м, в толще стены выявлен внутристенный коридор шириной 3,25 м.

В это же время активно укрепляются поселения Бухарского Согда. В частности, именно тогда возникает система крепостей вдоль границы оазиса. К числу этих крепостей относится Шахривайрон, состоящая из прямоугольной цитадели и трех концентрических рядов стен. К периоду III—IV вв. н. э. относится пространство внутри двух внутренних стен. Исследования конструкций ранних стен не производилось. Укрепления Караултепе состоят из цитадели и внешней стены. Исследовались только укрепления цитадели, которая имеет 16 башен (прямоугольных в плане) размерами 6,5×5,5 м, длина куртины 5 м. Стена и башни выложены из сырцовых кирпичей (22—24×22—24×9—12 см) с промежуточными слоями пахсы.

На Афрасиабе в это время проводились только ремонтные работы. В целом для этого периода характерно постепенное возрождение древних фортификационных традиций (вновь появляются стены без внутристенных стрелковых галерей и площадок по верху стены, исчезают пилястры), хотя достаточ-

но широко используются и приемы, характерные для эллинистического периода (прямоугольные башни и квадратный кирпич-сырец). Появляются полукруглые в плане башни. Широко применяется возведение стилобатов под стены и башни. Входы в укрепления обычно защищены башнями. Укрепления цитаделей отличаются наличием прямоугольных башен. Появляются сводчатые перекрытия внутристенных коридоров и казематов. В строительстве используется пахса и квадратный формат кирпича, хотя уже появляются трапециевидные и прямоугольные кирпичи.

Застройка. Для суждения о типах построек, существовавших в древнем Согде, материала еще очень мало. В частности, в настоящее время имеются примеры отдельных типов сооружений (сельское и городское жилище, храм, дворец и т. п.), но их так мало, что нельзя ни наметить их эволюцию, ни (в большинстве случаев) выявить функциональные или локальные варианты (табл. CXXVIII, CXXIX).

Сельские жилища Самаркандского Согда практически совершенно неизвестны. Некоторые материалы получены только для двух других районов Согдианы. В Бухарском Согде выявляется наличие по меньшей мере двух вариантов сельского жилища. В ходе исследования Кызылкырской группы памятников были обнаружены две полуземлянки (условное название Кызылкыр II — дом 2 и дом 3). Размеры одной из них: длина 7,3 м, ширина 5 м, сохранившаяся глубина 0,7 м, второй — 7,8 м, 4,6 м, 0,5 м соответственно. Вход одной из землянок ориентирован на юг, второй — на восток. Жилища, судя по остаткам столбов и штукатурки, имели каркасную конструкцию: стены их, сплетенные из ветвей и жердей, были обмазаны глиной, а кровля покрыта камышом. Перед жилищами находились врытые в землю очаги и хозяйственные ямы (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 77 и сл). Высказывалось (кажущееся справедливым) предположение, что характер жилища определяется особенностями экономической деятельности жителей данного района: сочетание придомного скотоводческого хозяйства (в небольших масштабах) с сезонным земледелием, имеющим передвижной характер и приспособленным к гидрографическим условиям низовьев Вабиенгадарьи (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 79).

В районах, где орошаемое земледелие базировалось на ирригационных системах, существовали более монументальные варианты сельских жилищ. В Бухарском Согде такие жилища изучались, в частности, при раскопках поселения Кызылкыр I. Здание было возведено на глинобитном стилобате, оно было квадратным в плане, состояло из шести комнат, было обведено толстой глинобитной стеной (толщина наружных стен 2,4 м, внутренних — 2,2 м). Вход в дом находился с южной стороны, там имелось привратное сооружение (7,5×4,5 м). Основная часть здания состояла из большого (9×9 м) зала, окруженного с четырех сторон коридорами (длина каждого 13,7 м, ширина 2,75 м). Здание неоднократно перестраивалось (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 80; Гулямов Я. Г., 1956, с. 159; Нильсен В. А., 1959, с. 61). В результате перестроек, в частности, появились помещения, предназначенные для совершения культа. Жилища аналогичного типа засвидетельствованы и в Кашкадарьинском Согде. Таковым было, например, Малое Кызтепе, датируемое позднеантичным временем (Кабанов С. К., 1981, с. 119). Некоторые наблюдения (и небольшие по масштабам раскопки) позволяют считать, что сельские жилища подобного устройства были очень обычны (Кабанов С. К., 1977, с. 100).

Гораздо хуже известны городские жилища. На территории Афрасиаба в слоях I—III вв. н. э. вскрыты дома рядовых (возможно, беднейших) горожан, располагавшиеся вдоль городской стены. Строились они из сырцовых кирпичей (35—40×35—40×9—11 см). Трудно сказать, составлял ли вскрытый комплекс одно жилище или два. Изолированно располагались два помещения: одно проходное, с очагом, другое — с суфами вдоль трех стен. Эти два помещения могли составлять самостоятельное жилище с выходом во двор, прилегающий к древней городской стене. С юга к ним примыкали (отделенные глухой стеной) четыре помещения: одно с самостоятельным входом, три других — сообщающиеся друг с другом. В одном из них находилось три вкопанных в пол хума. Самое большое помещение выполняло функции домашней молельни. Вдоль стены на невысокой суфе был устроен алтарь, на котором возжигался огонь (Кабанов С. К., 1969).

В Еркургане исследовался (работы еще не окончены) дворец правителя, располагавшийся в северной части города вблизи цитадели. Руины дворца представляют собой прямоугольный в плане бугор (120×90 м). Дворец был возведен на мощной платформе (высота до 5 м), выложенной из сырцового кирпича. В центре комплекса находилось несколько больших помещений, вытянутых в широтном направлении. Они были окружены коридором. Во всех помещениях зафиксированы остатки алебастровой штукатурки, окрашенной в ярко-красный цвет.

Несколько больше известна культовая архитектура. Святилища исследовались как в Кашкадарьинском, так и Бухарском Согде. Видимо, древнейшим из известных сейчас культовых сооружений является сооружение, возведенное в центральной части Киндаклитепе (средняя часть долины р. Кашкадарья) (Жуков В. Д., 1966). Здание раскопано лишь частично, однако специфичность его плана видна достаточно отчетливо. Центром всего комплекса было округлое в плане несколько вытянутое в направлении запад—восток помещение (6×7,5 м), разделенное стеной (не доходившей до восточной стороны) на две примерно равные по размерам части. Вокруг него проходил коридор шириной 2 м. Внешние стены в ряде мест перестраивались и утолщались. В коридоре зафиксированы остатки пандуса, ведущего на второй этаж.

Автор раскопок считал возможным предполагать, что ядро сооружения носило культовый характер, а поселение вокруг него — поселение лиц, занятых в храмовом хозяйстве. Время существования комплекса — последние века до н. э.— первые века н. э.

Все остальные храмовые сооружения Согда относятся к более позднему времени — самому концу исследуемого периода. Значительный храмовый комплекс находился в центре Еркургана. Он состоял из двух храмов. Более западный еще практически не исследован, только с внешней стороны его восточного фаса обнаружены остатки алтаря — квадратный

в плане подий (около 2 м в стороне) с гофрами на боковых сторонах и оштукатуренный алебастром. Вокруг следы огня.

Восточный (или малый) храм в значительной части уже вскрыт. Возведение его относится к III в. н. э. (просуществовал до VI в. н. э.). Перед входом в святилище (к югу от него) находился обширный двор, окруженный стеной, остатки которой и сейчас прослеживаются по микрорельефу. Святилище предваряется четырехколонным портиком-айваном. К западу находились подсобные помещения (исследованные еще не до конца). Некоторые из них, видимо, предназначались для хранения подношений храму, в других совершались какие-то обряды, включавшие ритуальные трапезы.

Святилище было возведено на специальном кирпичном стилобате (толщина 1,5 м). Первоначально оно представляло прямоугольное помещение (13, 2×7,5 м), вокруг стен находились суфы. Интерьер святилища оформлен большими полуциркульными по очертаниям нишами. Их пятнадцать: пять — в северной стене, по три в западной и восточной, четыре — в южной. Там, где (по аналогии с северной стороной) на юге должна быть центральная ниша,— вход. Центральные ниши крупнее остальных, самая крупная — центральная в северной стене — против входа. У центральных ниш имелись площадки, возвышавшиеся над полом. Перекрытие храма опиралось на две мощные колонны (диаметр 0,8—0,85 м), выложенные из треугольного жженого кирпича. Стены, ниши, колонны обмазаны саманной штукатуркой и покрыты ганчем, некоторые элементы архитектуры покрашены в красный цвет. В нишах следы орнаментальной и сюжетной росписи. При раскопках обнаружено большое количество фрагментов глиняной скульптуры, а также масса остатков храмовой утвари (светильники, курильницы, бронзовые зеркала, колокольчики, украшения). По мнению исследователей, культ, отправлявшийся в храме, был связан с почитанием огня.

Святилище претерпело пять перестроек, хотя при всех этих изменениях характер культа оставался прежним (Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982, с. 49—56).

Еще одно святилище изучено в Бухарском оазисе — Сеталк 1, располагавшееся в центре большой группы поселений. До раскопок оно представляло собой бугор до 8 м высотой и около 80 м в поперечнике. Здание неоднократно перестраивалось. Фасад его обращен на юг, вход узкий, высокий, фланкирован со всех сторон окнами, похожими на бойницы (по два с каждой стороны, два западных — ложные). Они располагались на высоте более 5 м, под потолком, нижняя часть их скошена и расширяется внутрь. Внутреннее пространство было занято большим залом и узеньким коридорообразным помещением, расположенном позади этого зала. В зале напротив входа находилась огромная ниша, фланкированная двумя далеко выступающими контрфорсами. Вокруг всего здания располагались зольники.

Позднее здание полностью забутовывается и на его месте возводится оригинальное сооружение в виде монолитного центрального квадрата с четырьмя монолитными же выступами, полукруглыми в плане, расположенными в середине каждой из сторон квадрата. Это сооружение было окружено стеной (длина каждой стороны около 40 м). Этот комплекс позднее неоднократно перестраивался, но общая конфигурация плана не менялась. Во дворе обнаружено очень большое количество зольников, содержащих кости животных и битую керамику. Археологические наблюдения показали, что пепел каждого кострища перекрывался сверху слоем кирпича, глиной или песком, видимо, для того чтобы не допустить развеивание золы. На одном из последних кострищ были обнаружены кости человека. Датируется Сеталк I IV—VI вв. н. э.

К числу памятников ритуального назначения относится и дахма, возведенная в III—II вв. до н. э. вне пределов городских стен Еркургана, к северу от ранней городской стены. Когда город разросся и была построена внешняя городская стена, дахма была замурована. Дахма представляла собой сооружение высотой более 10 м. В основании дахмы обширная прямоугольная платформа, а на ней — меньший прямоугольник собственно дахмы, имеющий гофрированные стены. На верхнюю площадку дахмы вела лестница. Западная часть этой площадки (там, видимо, укладывались трупы) была выложена рваными плитами известняка. Между плитами найдены мелкие фрагменты человеческих костей и ювелирные украшения.

Строительство и архитектура. С точки зрения развития строительного дела, Согд практически ничем не отличался от других областей Средней Азии. Основным строительным материалом была глина в виде сырцовых кирпичей или в форме пахсы (битой глины). Битая глина использовалась для создания платформ, на которых возводились монументальные сооружения, крепостные стены и просто стены зданий. Довольно часто в такого рода конструкциях наблюдается сочетание обоих основных видов строительных материалов, в частности при строительстве крепостных стен часто слои пахсы перемежаются слоями сырцового кирпича.

Сырцовый кирпич также широко использовался для создания платформ, стен зданий и городских стен. Как и во всей Средней Азии, в рассматриваемую эпоху наблюдается переход от прямоугольного кирпича (с длиной примерно 50 см, шириной 25 см), характерного для середины I тысячелетия до н. э., к квадратному кирпичу (40 см в стороне), наиболее распространенному в последующие века. Связующим раствором в кирпичных кладках обычно служила сырая глина, раствор заполнял как вертикальные, так и горизонтальные швы. В некоторых памятниках позднеантичного времени для выкладки сводов использовали уже и кирпичи трапециевидной формы. Жженый кирпич употреблялся чрезвычайно редко: для выкладки больших колонн в наиболее монументальных зданиях, для обкладок и т. п. Терракота использовалась еще реже. Известны только терракотовые плиты для устройства алтарей. Дерево использовалось также редко: только для перекрытий и изредка для стволов колонн. Но в полуземлянках, исследованных в Бухарском оазисе, деревянные столбы были основой конструкции. Чрезвычайно редко употреблялся и камень (для баз колонн и вымосток).

В архитектуре Согда очень распространенным был прием создания платформ из пахсы или кирпича. Платформы могли быть различной мощности: от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров. Стены имели значительную толщину — до 2,5 м (иногда и более). Стены обычно штукатурились глиной, в зданиях общественного назначения нередко поверх слоя глиняной штукатурки наносилась ганчевая. Иногда встречается раскраска стен, наиболее популярным цветом был красный. Часто вдоль стен устраивались суфы из нескольких рядов сырцовых кирпичей. В интерьере общественных зданий встречались ниши полуциркульных очертаний. Полы чаще всего глинобитные, покрыты специальной глиняной обмазкой. Перекрытия, как правило, деревянные, плоские. К концу эпохи в перекрытиях начинают использоваться своды. Колонны редки: иногда применялись при создании легких портиков-айванов перед зданиями, еще реже — в интерьерах общественных зданий.

Архитектурные принципы очень просты: создавались здания простых геометрических форм, преимущество отдавалось квадратным и прямоугольным помещениям, часто объединенным в блоки. Насколько можно судить, в жилищах более монументального облика часто использовались обводные коридоры, отчленявшие основную часть застройки от периферийной. Принцип отчленения хозяйственных и жилых частей здания соблюдался только в наиболее монументальных жилищах. Архитектура храмовых сооружений, как правило, также проста. В настоящее время трудно еще говорить о ее типологическом сходстве или различии с сакральной архитектурой других областей Средней Азии, хотя круглая планировка некоторых памятников заставляет думать о сходстве с памятниками Парфиены и Хорезма. План Сеталка на стадии II напоминает некоторые памятники Ферганы.

В декоре зданий общественного назначения встречается живопись, глиняная скульптура и терракотовые рельефы.

Хозяйство. Орудия труда. Основой экономики Согда в рассматриваемую эпоху являлось сельское хозяйство, причем (что и естественно) важнейшая роль принадлежала ирригационному земледелию. Остатки ирригационных систем выявлены в ряде мест Согда. Древнейшие из них зафиксированы на территории древнейшего поселения Лолазор (К исторической топографии..., с. 6). Однако, по-видимому, самые ранние ирригационные системы получали воду не из Зеравшана, а из родникового ручья Новадон. Значительные изменения происходят примерно на рубеже н. э., когда создается мощный магистральный канал Даргом, берущий начало в Зеравшане. Были исследованы остатки древней головной части канала, состоящей из туннельного водозабора (Мухамеджанов А. Р., 1969, с. 40—45; 1975; Гулямов Я. Г., 1974, с. 120). Считается, что из Зеравшана был выведен и огромный по тогдашним масштабам канал Эски-Ангор протяжением в 200 км, орошавший Каршинский оазис, до того времени маловодный (Мухамеджанов А. Р., 1975, с. 279). Однако детально изучать ирригационные системы Самаркандского Согда трудно, поскольку этому мешает «эффект непрерывного орошения».

Более подробно изучены ирригационные системы западной части Бухарского оазиса, которые до недавнего времени не возделывались. Здесь исследовались оросительные системы в районе Кызылкырской, Баштепинской и Варахшинской групп памятников, каждая из которых имела свой источник водоснабжения — один из протоков Вабкентдарьи (Мухамеджанов А. Р., 1978). Изучались магистральные каналы, их ответвления и оросители. Было установлено, например, что в районе Кызылкыра в древности орошалось до 20—25 тыс. га. В целом в Бухарском оазисе орошалось не менее 60—80 тыс. га. Ширина магистральных каналов 11—20 м, их ответвлений 6—8 м. Наибольшая выявленная длина одного из оросительных каналов до 30 км. В районе Баштепинской группы памятников выявлены следы древних полей в виде небольших квадратных и прямоугольных участков шириной 4—6 м, длиной 10—15 м. Сельскохозяйственных орудий труда найдено немного: железный наконечник сохи (при раскопках Тали-Барзу), маленькая железная лопаточка, слабо искривленный железный серп с втулкой для деревянной ручки (ИТН, т. 1, с. 545; Тереножкин А. И., 1950б; Гафуров Б. Г., 1972, с. 76). Чаще встречаются орудия, использовавшиеся при переработке сельскохозяйственной продукции. На большом числе памятников в слоях разного времени встречены каменные зернотерки. Они обычно удлиненные, сделаны из зернистого серого гранита. Размеры их от 25 до 50 см в длину, при ширине 12—20 см. Куранты к ним обычно изготавливались из плотного камня сланцевых пород (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 78, 86, 88; К исторической топографии..., с. 17). В первые века н. э. входят в употребление каменные жернова (Кабанов С. К., 1965), хотя продолжают использоваться и зернотерки.

Видимо, значительную роль в хозяйстве Согда играло и скотоводство. Правда, исследования остеологического материала чрезвычайно редки, что затрудняет решение вопроса о роли различных видов домашних животных в хозяйстве согдийцев. Можно только указать на исследование костей животных из слоев IV в. до н. э. на Афрасиабе, несомненно являющихся пищевыми отходами. Всего определено около 1 тыс. костей, из них 65% — кости крупного рогатого скота, 25 — мелкого рогатого скота, 10% — остальных домашних животных (свиньи, ослы, лошади, верблюды, собаки). Найдено пять птичьих (курица) костей и только две кости дикого животного — джейрана. По всей видимости, в рационе горожан мясо крупного рогатого скота занимало значительное место (К исторической топографии..., с. 47).

Недостаточно еще известно и ремесло Согда. Можно думать, что здесь были развиты металлургия и металлообработка. Уже в слоях поселения Лолазор обнаружены меднолитейные шлаки, свидетельствующие о развитии здесь металлообработки (К исторической топографии..., с. 18). Видимо, развита была и черная металлургия и производство железных орудий труда и оружия. Кроме упомянутых выше железных орудий труда, необходимо указать на находки железных ножей (Мухамеджанов А. Р., 1978, с. 78, 88), а также бронзовых ножей, шильев и игл (К исторической топографии..., с. 51, 57). На

поселении Лолазор I и в нижних слоях Афрасиаба часто встречаются уплощенные гальки-голыши со следами работы на их поверхности. Длина их обычно 10—15 см, но иногда до 20 см, ширина от 3,5 до 8 см, толщина 1,2—3,2 см. Вполне вероятно, что гальки служили в качестве наковаленок для ремесленника, производящего мелкие предметы (ювелира, например). На Лолазоре найдена часть большой кузнечной наковальни. Это большой булыжник (длина 37 см, высота 11 см). Одна из его плоскостей сильно сработана частыми ударами. По всей поверхности камня видны участки, пропитанные коррозированным железом.

Среди других видов ремесел необходимо отметить добычу и обработку камня. Помимо зернотерок и жерновов, изготовлялись мраморные блюда (К исторической топографии..., с. 45), добывались драгоценные и поделочные камни, в частности бирюза, лазурит и сердолик. Два последних вида камней уже в ахеменидское время вывозились в Иран, как об этом свидетельствуют эпиграфические документы (Гафуров Б. Г., 1972, с. 85). Развито было и ткачество. При раскопках находили грузила от ткацких станков, известны отпечатки тканей на керамике (К исторической топографии..., с. 20, 51; Афрасиаб, I, с. 160).

Важную роль играло керамическое производство, хотя древние гончарные мастерские на территории Согда исследованы еще недостаточно. В Самаркандском Согде изучены остатки ряда таких мастерских, в большинстве случаев плохо сохранившихся. Для стадии ЖВ-2 на поселении Лолазор сохранились только следы керамического производства в виде сырых бракованных изделий и фрагменты формовочных чаш. На Афрасиабе (Афрасиаб I = ЖВ-3) вскрыт участок гончарной мастерской с кружальными установками. Одна из них сохранилась, она представляет собой усеченный конус из цементирующего беловатого раствора со вставленной в него шарнирной галькой, имеющей углубление, и парная к ней галька с шипом. Вторая пара шарнирных галек найдена на полу мастерской. Об интенсивности работы мастерской свидетельствуют большие отвалы из керамических печей, содержащие бракованную посуду, куски оплавленного шлака, золу.

Обнаружены незначительные остатки печи периода Афрасиаб II—III (стадия Ж-4). Печь была круглой в плане диаметром 1 м (Шарахимов Ш. Ш., 1977, с. 111). В центре городища отвалы керамического производства времени Афрасиаб II. Существовали в это время и очень примитивные способы обжига керамики. Очень примитивная печь была обнаружена в слоях рубежа н. э. на Шортепе (в районе Карши) (Кабанов С. К., 1964, с. 76), представлявшая собой просто двухступенчатую яму. Подобный способ обжига керамики (усложненный костровый способ) известен по этнографическим данным.

Большой квартал гончаров IV — первой половины V в. с помещением мастерской (Тереножкин А. И., 1951 с. 137—140) и несколькими печами был открыт на Афрасиабе возле восточных городских ворот. В одной из стен мастерской располагался очаг (типа камина), а возле него врытый в пол хум. У противоположной стены находился очаг, сложенный из обломков сырцового кирпича. В середине помещения лежали запасы гончарной глины со следами лезвия, которым отделяли куски глины, а отдельно на полу — ком жирной зеленоватой глины. На полу мастерской найдены формы для оттиска статуэток, три терочных камня, точильный камень и нижняя шарнирная галька (такая же, какие применялись для гончарного круга в период Афрасиаб I). До нас дошли только топочные камеры печей с высоким (до 2 м) сводом пода, опирающимся на перегородку, разделяющую топку на два отсека.

В восточной части внутреннего города городища Еркурган тянется параллельно городской стене длинный плоский вал протяженностью более 300 м. Проведенные здесь археологические раскопки показали, что это был район гончаров с рубежа н. э. до конца существования города. Исследовались остатки нескольких крупных двухъярусных обжигательных печей, круглых в плане.

Считается на основании исследования керамики, что в начале эллинистической эпохи происходят значительные изменения в технологии гончарного производства, связанные с внедрением круга быстрого вращения (Сайко Э. В., 1971, с. 113; К исторической топографии..., с. 57).

Важную роль в экономике Согда играла торговля, хотя она еще детально не исследована. Важнейшим свидетельством развития ее является широкое распространение согдийских торговых колоний (в частности, в Восточном Туркестане) уже в первые века н. э., но может быть и раньше.

Оружие. Оружие Согда эпохи древности известно плохо. Довольно много материалов получено при исследовании кочевнических курганов, расположенных на окраинах согдийских оазисов, однако полной уверенности, что оружие, найденное там, произведено именно в мастерских Согда, нет (табл. CXXX, CXXXI).

На памятниках оседлых земледельцев Согда найдены практически только наконечники стрел. Эволюция наконечников стрел в Согде аналогична эволюции их в других районах Средней Азии. В слоях VII—VI вв. до н. э. найдены бронзовые двухперые втульчатые наконечники стрел. Для VI—IV вв. до н. э. характерны бронзовые трехперые с открытой втулкой и резко выраженными лезвиями-перьями. Наконечники этого типа существуют и позднее. Со II в. до н. э. входят в употребление железные трехперые наконечники стрел (найдены, например, на Калянтепе).

При раскопках подсобных помещений храмового комплекса Еркургана были найдены железные пластины, видимо, от оборонительного доспеха.

Керамика. Керамику Согда целесообразнее рассматривать по отдельным районам. Это объясняется тем, что при всем сходстве керамических комплексов трех различных районов Согда все же существует некоторая разница между ними, особенно заметная в конце рассматриваемой эпохи. В силу этого раздельное рассмотрение керамики позволяет выявить некоторые особенности истории культуры этих районов, выступающие более рельефно при таком рассмотрении. Кроме того, синхронизация комплексов различных районов еще не имеет завершенного характера (табл. CXXXII—CXXXVI).

Самаркандский Согд. Керамика стадии ЖВ-2 (Лолазор I) (К исторической топографии..., с. 7 и сл.). Как отмечалось выше, время начала этой стадии остается проблематичным. Обильный керамический материал для ЖВ-2 дает поселение Лолазор I и в меньшем объеме Курганча I, которые могут датироваться примерно VI в. до н. э. с возможностью некоторого удревнения.

Керамика, за исключением единичных экземпляров и кухонной посуды, изготовлена на гончарном круге. Заметно стремление придать небольшим сосудам биконическую или цилиндрическую форму. Изготовляются цилиндрические сосуды с плоским дном и резкой выгнутостью стенок в придонной части, образующей коническое расширение сосуда книзу. Большие сосуды, возможно типа блюда, делались на массивных цилиндрических ножках. Сосуды большой емкости формовались в два приема: верхняя основная часть сосуда обычным вытягиванием на кружале, а нижняя донная на круге же, но при помощи специальной чашевидной формы. Формовочные чаши выделывались обычно от руки либо в таких же, как изготавливаемая форма, чашах, либо в пологой лунке. На их тыльной стороне видны следы выпадов комочков земли, травяной прокладки, а на нижней плоскости отогнутых в стороны краев остаются незаглаженными наплывы глины.

На месте скрепления обеих частей сосуда нарочито выделялось горизонтальное ребро, которое обрабатывалось по-разному — заглаживанием мокрой рукой, горизонтальным срезом на вращающемся круге, редко оформлялось вмятинами. Характерной особенностью профиля большинства цилиндрических сосудов были заостренный к устью слабовыраженный манжетовидный венчик, выгнутость стенки ниже устья и вогнутость под венчиком.

Особая сфера гончарного производства поставляла кухонную посуду, изготовлявшуюся в древних традициях ручной лепки из глины с примесью дресвы и шамота с применением обтянутых материей болванок. Котлы для варки пищи варьируют в размерах, но близки по форме. Прямые стенки их слегка сужены к устью и имеют по два удлиненных упора. Из такой же массы и тоже лепным способом изготовлялись сковороды диаметром до 70 см и жаровни из грубо приготовленной глины.

Близкие параллели керамика Лолазор I находит в верхних слоях Кучуктепе (Аскаров А., Альбаум Л. И., 1979) и в слое Яздепе II (Массон В. М., 1959).

Стадия ЖВ-3 (Афрасиаб I). Керамический комплекс нижнего слоя Афрасиаба I (Немцева Н. Б., 1969, Филанович М. И., 1969) при значительной близости к предшествующему несет черты существенных изменений. Приемы формовки сосудов, как и разделение гончарного промысла на два сектора, производящих посуду с помощью кружала и без него, остаются прежними. Заметно меняется форма сосудов. У небольших цилиндрических сосудов более резко выделяется горизонтальное ребро. Венчики крупных сосудов утрачивают изогнутость стенок, а манжетовидное утолщение их становится более четким, с резким переходом к тулову. В кухонной керамике реже случаи использования матерчатых болванок, а налепы-упоры возле устья приобретают шишковидную форму в отличие от ранних вытянутых. На внутреннюю поверхность формовочных чаш иногда наносят пальцем (?) углубленный тамгообразный рисунок, дающий рельефный оттиск на днище сосуда.

Весь этот комплекс, продолжая традиции предшествующей стадии, сохраняет черты сходства с продукцией южных регионов Средней Азии, с бактрийскими и маргианскими комплексами.

Стадия ЖВ-4 (Афрасиаб II — 1). С. К. Кабановым впервые выделены комплексы, позволяющие проследить и понять связь между двумя периодами Афрасиаб I и ярко эллинизованным Афрасиаб II. В переходный период, относящийся к последней четверти IV — первой половине III в. до н. э., остается прежней или мало меняется кружальная керамика хозяйственного назначения. Изменения (и существенные) затрагивают группу столовой посуды. Появляются новые, ранее не производившиеся типы посуды: чаши ранее неизвестных пропорций и профилировок, цилиндрический кубок на высокой полой или монолитной ножке. Понять происхождение кубка затруднительно, но профилировка чаш с Г-образным венчиком заставляет вспомнить сосуды более поздних комплексов (Афрасиаб II и III). Чаши переходного периода массивны, не имеют поддонов, но уже передают характерный абрис эллинистических чаш. Начало эллинизации керамического производства Согда отразилось и в первых попытках лощения сосудов. Сырые изделия обрабатывались вертикальными движениями лощила, оставляющего слегка углубленные заглаженные полосы. Поскольку интенсивная эллинизация Востока началась, очевидно, после походов Александра, то комплексы, отразившие первые опыты освоения пока еще чуждых форм и технологических приемов, следует отнести к последней четверти IV в.— началу III в. до н. э.

Афрасиаб II-2; Афрасиаб III (Шишкина Г. В., 1969). Совершенствование технологии привело к появлению керамики (преимущественно столовой), своим обликом резко отличной от предшествующей гончарной продукции. Более тщательно готовится глиняная масса, по всей вероятности, совершенствуется гончарный круг, что позволяет формовать тонкостенные сосуды и четко профилировать усложняющиеся элементы поддонов, венчиков, тулова. Широко вводится совсем не применявшийся ранее плотный красный, реже черный ангоб, осваивается техника лощения сплошного и полосчатого.

Набор форм столовой посуды с очевидностью свидетельствует о связи ее с греческой керамикой, переработанной на свой манер. Это «рыбницы», «мегарские» чаши (но без рельефного орнамента), чаши полусферические на поддоне с центральным утолщением, чаши с Г-образным и чаши с Т-образным профилем венчика, «кратеры», ойнохои и лагины. Появляется большое количество сравнительно узкогорлых кувшинов с ручкой и без ручек с шарообразным туловом на широком днище. Местные формы меняются под влиянием вновь осваиваемых: цилиндрическим сосудам придают поддон или высокую ножку, кубки с округлыми стенками без поддона делаются тонкостенными и так же, как про-

чая столовая посуда, ангобируются и покрываются лощением.

При этом хозяйственная посуда продолжает изготовляться в уже известных традициях раздельной формовки верхней и нижней частей сосуда с горизонтальными ребрами в месте крепления. Также лепным способом производится кухонная керамика: сферические котлы с шишковидными упорами возле устья, сковороды и жаровни.

Выработанные согдийскими гончарами новые формы на основе греческих образцов, дошедших к ним, возможно, уже видоизмененными, обнаруживают сходство с гончарной продукцией Парфии, Маргианы и в еще большей степени Бактрии.

Стадия Ж-5. На рубеже н. э. или в I в. н. э. единство тенденции в развитии керамического производства Согда и Бактрии прерывается и четко обрисовывается обособленность согдийского гончарного промысла. В это время наблюдается резкое снижение уровня технологии. Формовочные массы становятся менее чистыми, более грубыми и хуже промешиваются, так же небрежно готовятся ангобные глины, которые теперь употребляются в более жидком виде.

Тем не менее генетические связи сохраняются.

Афрасиаб IV. Кубок на высокой ножке приобретает вытянутые пропорции тулова, а его ножка — неустойчивое цилиндрическое основание. Многим типам столовой посуды придается цилиндроконическая форма, но без резкого ребра в месте изгиба стенок, как это делалось в предшествующее время. С цилиндрической (или приближающейся к ней) верхней частью тулова изготовляются приземистые кубки на хорошо выраженной ножке, ведущие свое происхождение от ранних цилиндроконических кубков на ножке или на поддоне.

Афрасиаб V. На позднем этапе стадии ЖВ-5 появляются большие сосуды, получившие наименование кубки-вазы, особенностями своей формы тесно связанные с цилиндроконическим кубком. Перестает производиться керамика с горизонтальным ребром, способ двухчастной формовки сосудов выходит из употребления, за исключением хумов, где этот прием теперь скрыт тщательной заделкой стыков.

В конце периода Афрасиаб V (около первой половины V в.) появляются технологические приемы, получившие распространение позднее: обработка поверхности сосуда мокрой тряпкой, из-за чего проступают крупитчатые включения формовочной массы; песчаная подсыпка под днища крупных сосудов и следы среза нитью на донцах мелких, обработка придонной части тулова срезами, оставляющими вертикальные фасетки.

Во всех рассмотренных керамических комплексах прослеживается непрерывная преемственность, независимо от степени силы сторонних воздействий, результаты которых проявлялись в комплексе новых явлений, претерпевших местную переработку и вошедших органической составной частью в систему привычной технологии и привычных керамических форм.

Бухарский Согд[6]. Как уже отмечалось выше, только в результате недавних исследований была создана стратиграфическая шкала этой части Согда. Было установлено наличие семи сменявших друг друга керамических комплексов, объединенных в пять этапов.

Гулисангский этап. Комплекс Ромиш I. Для этого комплекса характерны хумы цилиндрической формы (три варианта венчиков, придонная часть часто скошена); хумчи той же формы, что и хумы, но меньших размеров; корчаги; горшковидные сосуды; кувшины, тагора; миски; чашки; пиалы; кухонные котлы и жаровни-сковороды. Почти вся керамика хорошего качества, черепок плотный, светло-желтого цвета, выполнена на гончарном круге. Керамика комплекса Ромиш I очень близка керамике комплексов Афрасиаб I Б, Еркурган III, Дингильдже; ряд форм этого комплекса находит параллели также среди керамики верхнего горизонта Кюзелигыра и из нижнего слоя городища Хазарасп, аналогичные сосуды имеются и в комплексе Яз III. Особенно велика близость с керамическими комплексами Хорезма.

Аяктепинский этап. Комплекс Ромиш II. Характерны: хумы (теперь они по форме венчика однотипны); хумчи; корчаги; горшки; котлы. Для тазов и мисок типичны впервые появляющиеся в керамике этого комплекса Г-образный профиль венчика. Также впервые появляются чаши цилиндроконической формы с резким изломом; очень широко распространены кубки и бокалы цилиндроконической формы (также впервые появляются) с невысокой конической ножкой, иногда встречаются низкие, почти незаметные поддоны. Характерны кувшины с вертикальной горловиной без особо выделенного венчика, а также кувшины с подтреугольным и уплощенным венчиком. В этом комплексе распространяется сплошное лощение по красному ангобу.

Ромиш III. В значительной мере повторяет керамические формы предшествующего комплекса. Исчезают горшки без шейки, широкогорлые кувшины, чаши в виде пиал и некоторые другие формы. Появляются некоторые новые формы сосудов (хумы с валикообразным венчиком, хумчи с венчиком подтреугольной формы, горшки с клювовидным венчиком и т. п.).

Для керамики Бухарского Согда этого этапа характерна чрезвычайная близость к керамике Самаркандского и Южного (Кашкадарьинского) Согда (Афрасиаб II, Еркурган IV). Близкая керамика встречается и в раннепарфянских комплексах Гяуркалы (Мерв) и в раннекангюйской керамике Хорезма. Некоторые аналогии имеются и в керамике Халчаяна и Ай-Ханум (Бактрия). Хумы с вдавлениями пальцев по венчику близки хумам, найденным на Бабиш-Мулле и среди керамики джетыасарской культуры.

Ромишский этап. Комплекс Ромиш IV. Значительная часть керамики аналогична предыдущему комплексу (хумы, хумчи, кувшины, тазы, блюда, миски, чаши). Однако у хумов и хумчей появляется высокая шейка, плечики их круто расширяются. Почти полностью выходят из употребления чрезвычайно характерные для предшествующего времени сосуды цилиндроконической формы, а также кубки и бокалы с конической или дисковидной ножкой. Появляются фляги (один бок плоский). В керамике этого

[6] Раздел написан на основе работы: Ураков Б., 1982.

времени довольно часто встречается вертикальное лощение, наряду с красным ангобом широко употребляется кремовый, коричневый и черный. Важной особенностью является появление черных потеков. Обжиг керамики стал менее качественным.

Комплекс Ромиш V. Большая часть керамики идентична керамике предшествующего комплекса (хумы, хумчи, корчаги, горшки, фляги, жаровни). Изменения коснулись форм кувшинов, тазов, блюдец. Миски и чаши аналогичны по форме сосудам более раннего времени, но край венчика у них с внешней стороны зачастую покрыт полосой черного ангоба. Расширяется число сосудов, имеющих черные потеки. Кубки и бокалы колоколовидной или вытянутой рюмкообразной формы. Наиболее близкие аналогии керамике ромишского этапа находятся в керамике I—III вв. Самаркандского (Афрасиаб) и Кашкадарьинского Согда, ощутимы также влияния джетыасарской керамики.

Кызылкырский этап. Комплекс Ромиш VI. Значительная часть керамики повторяет формы предшествующего времени. Характерной особенностью является резкое увеличение числа лепных сосудов (хумы, хумчи, корчаги, горшки, кувшины, тазы, котлы, жаровни, сковороды, крышки). Показательно появление курильниц, а также фигурных подставок с налепными изображениями бараньих голов. На ряде форм керамики наличествуют налепные валики, защипы, насечки, выступы, процарапанный орнамент. Важным признаком является общее огрубление форм и отделки поверхности сосудов.

Ромиш VII. Значительная часть керамики повторяет формы предшествующего времени. Для мисок и чаш характерны кольцевые поддоны, не встречавшиеся ни на одном из ранних этапов. Полностью исчезают бокалы и кубки на неустойчивой полой ножке. Увеличивается процент лепной керамики, в частности большинство крупных толстостенных сосудов теперь изготовляются ручным способом. Сокращается ассортимент сосудов. Исчезают все виды декора сосудов: валики, налепы, защипы, насечки, выступы.

Керамика кызылкырского этапа близка керамике других областей Согда III—IV вв. н. з. (Афрасиаб, Еркурган), ощущается близость с керамикой позднекушанского и кушаноафригидского Хорезма, ярко сказывается влияние культуры Каунчи II.

Южный Согд. Керамика этого района древнего Согда также только недавно получила свою стратиграфическую шкалу (Исамиддинов М. Х., 1978; 1979). Эта шкала, однако, ещё не до конца разработана, границы между отдельными периодами ещё не всегда достаточно отчетливы и не всегда они получили точные хронологические определения. Керамика архаического периода. (Ер I соответствует, согласно общепринятой схеме, периоду Яз I). Характерной особенностью керамики этого периода является наличие большого количества грубой лепной посуды, изготовленной с добавлением шамота.

Встречаются и фрагменты расписной посуды. Аналогичные комплексы известны на территории Парфии, Хорезма, Бактрии, Маргианы (Cattenat A., Gardin J — C. 1976; Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979; Массон В. М., 1959).

Расписная керамика нижнего слоя Еркургана имеет широкие аналогии в керамике Яз I (Маргиана); Кучук 2, верхнего слоя Бандыхан I, нижнего слоя Кызылтепа и Миршаде (Северная Бактрия); керамике верхнего слоя Саразм, нижних слоев Афрасиаба (до периода Афрасиаб I) (долина Зеравшана); керамике верхних слоев Чуста (Фергана) и бургулюкской культуры (Ташкентский оазис). Древнесогдийский период (Ер II, III)

Первый этап (Ер II). Характерной особенностью этого периода является господство в наборе форм цилиндроконических сосудов: имеются сосуды этого типа с волнистой наружной поверхностью заостренных венчиков; с четко выступающими плечиками, сравнительно узким туловом, расширяющимся книзу — к конической части сосуда. Характерно также наличие хумча с клювовидными венчиками. Характерным также является довольно значительное количество грубой лепной керамики (около 40%) и обязательное наличие мелкотолченого песка и гипса в плотном черепке. Керамика типа Ер II находит широкие аналогии в керамике Яз II (Массон В. М., 1959); в керамике раннего этапа древнебактрийского периода (Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979, с. 55), в комплексе Кызыл II Северной Бактрии (Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 12); в керамике поселения Лолазор (в районе Самарканда).

Второй этап (Ер III). Число цилиндроконических сосудов резко уменьшается. Хумы и хумчи часто имеют манжетовидные, иногда слегка округлые венчики. Донца хумов более округлых форм, коленчатые изломы профиля в большинстве случаев обточены. На этом этапе стало больше чаш различного вида, их общий признак — слегка заостренные, вытянутые наружу венчики. Горшки или хумчи со слегка заостренными волнистыми венчиками встречаются очень редко. Еще больше падает процент лепной керамики (до 11—12%), резко уменьшается и число сосудов, имеющих примесь гипса в тесте. Керамика Ер III имеет достаточно широкие аналогии: Яз III (Маргиана); Кучук-4, Кызыл III, Нижний Болдай I—II (Северная Бактрия); Афрасиаб I (Самаркандский Согд) Кюзелигыр, Калалыгыр, Дингильдже (Хорезм).

Раннеантичная керамика (Ер IV—V). Ранний этап (Ер IV, или комплекс А). Характерной особенностью этого этапа является сохранение некоторых форм сосудов предшествующего периода (баночные «ахеменидские»). Наиболее характерной формой являются чашевидные кубки на невысоких поддонах. У этих кубков почти всегда отсутствуют коленчатые изломы на верхней трети сосуда. Характерны также тарелки со слегка отогнутым краем. Кувшины обычно с короткими шейками и Г-образными венчиками. Тесто, как правило, коричневато-розовое, в нем обычно наблюдается примесь мелкого песка. Ангоб светлого красного цвета, у некоторых хумов серовато-белый ангоб.

Поздний этап (Ер V, или комплекс Б). На этом этапе резко увеличивается число цилиндроконических кубков на ножке. Исчезают тарелки со слегка оттянутым краем, их место занимают чаши с вертикальным бортиком, которые становятся самыми «модными» формами в последующее время. Увеличивается число кувшинов со слегка расширяющими-

ся кверху горловинами. Преобладают манжетовидные венчики. Характерной особенностью периода Ер V является наличие прочерченных круговых линий на дне чаш изнутри и фиолетово-коричневый черепок столовой посуды.

Керамика Еркургана комплекса Б (Ер V) чрезвычайно близка керамике этого же времени из Китаба (Крашенинникова Н. И., 1977, с. 78), особенно разительно сходство форм кубков, мисок, чаш, горшков, кувшинов. Все это заставляет думать, что закономерности развития керамики, выявленные на городище Еркурган, характерны для керамики всего Кашкадарьинского Согда.

Большая близость наблюдается также и с керамикой Бухарского Согда. Много общего у комплексов Ер IV (комплекс А) и Ер V (комплекс Б) с керамикой из комплексов Афрасиаб II и III соответственно (ср.: Шишкина Г. В., 1969б), определенное сходство наблюдается и с керамикой Ай-Ханум (Gardin J.— C., 1973).

Позднеантичная керамика (Ер VI). По материалам Еркургана удалось выделить три этапа развития позднеантичной керамики.

Ер VI — первый этап (комплекс В). В это время резко увеличивается доля красноангобированной керамики. Полностью исчезают цилиндроконические кубки на ножке. Вместо них появляются высокие бокалы на полых ножках. Исчезают бокалы с лощением, появились изящные бокалы вытянутых форм. Довольно много изящных открытых красноангобированных чаш с бороздками на внутренней стороне. Характерны чаши с уступами на венчике; тарелковидные чаши с вытянутыми наружу краями; более высокие, чем раньше, блюдца. Существует два вида кувшинов, появляются горшки всевозможных форм. Наряду с прочерченным волнистым орнаментом широко применяются прочерченные бороздки, проведенные с внутренней стороны чаш. Встречается своеобразный орнамент в виде вертикальных углублений, имеется также орнамент из треугольников, заполненных кружочками.

Ер VI — второй этап (комплекс Г). В основном сохраняется старый характер керамики. Резко возрастает доля красноангобированных чаш с вертикальным бортиком (на первом этапе их 11%, на втором — 44%). Встречаются в основном бокалы вытянутой формы на неустойчивой ножке. Большинство бокалов красноангобированные, в отличие от первого этапа, они лощеные. На этом этапе исчезают открытые тонкостенные чаши с желобком на верхней трети внутренней стороны, чаши с уступом на венчике, тарелкообразные чаши с вытянутыми краями.

Ер VI — третий этап (комплекс Д). В это время появляются довольно крупные бокалы, иногда с желобками на верхней трети внешней стороны. Большинство бокалов имеет полые, неустойчивые слегка профилированные ножки. Бокалы покрыты темно-красным или коричневым ангобом. В большом количестве выпускались красноангобированные чаши с вертикальными бортиками (обычно диаметр их 19 см). В слоях этого времени появляются красноангобированные котлы, в тесте которых имеется большая примесь песка. Встречаются также лепные круглодонные котлы (тесто с примесью шамота). Появились яйцевидные хумы с орнаментом из вдавлений пальцами по венчику; конические чаши.

Керамика позднеантичного времени Еркургана имеет много общего с керамикой Мундинтепа I и Китаба (Крашенникова Н. И., 1977), близкие аналогии можно видеть в керамике Афрасиаба II—III вв. н. э. (Кабанов С. К., 1969). Керамика Бухарского оазиса и Бактрии-Тохаристана этого времени довольно сильно отличается от керамических комплексов Кашкадарьинского Согда.

Бытовая утварь. Одежда. В силу того что жилые комплексы Согда изучены еще недостаточно, плохо известна и бытовая утварь. Можно упомянуть светильники (хотя большая часть известных сейчас происходит из храмовых комплексов), подставки для вертела, иногда украшенные налепными украшениями в виде головок баранов, бронзовые зеркала.

Одежда в настоящее время практически может быть представлена только на основании терракотовых статуэток, хотя остается открытым вопрос, насколько точно она отражает реальный костюм жителей Согда. Женская одежда состояла из шаровар (стянутых у щиколоток), платья (ниже колен) и плаща. Разнообразны головные уборы: платок, завязанный над лбом пышным бантом; коническая шапочка с отворотами; мягкий остроконечный колпачок; плоская шапка, расширяющаяся кверху. Мужская одежда (как она представлена на терракотовых статуэтках): длинные подпоясанные рубахи, шаровары и сапожки с отворотами (Заславская Ф. А., 1959).

Украшения. Украшения Согда также известны недостаточно. Наиболее распространенным видом украшений являлись бусы (агатовые, сердоликовые и т. п.) обычных форм (шаровидные наиболее популярны). Известны также бусы из голубой египетской пасты (в форме кулачка и виноградной грозди), иногда встречаются бляшки, нашивавшиеся на одежду (в том числе изредка с очень сложными изображениями), бронзовые кольца и браслеты (как правило, фрагментированные), подвески из золота и серебра (в форме розетки, к которой прикреплялись на проволоке кружочки; полумесяца, к рогам которого присоединялись также проволокой изображения листьев и т. п.). Значительное число украшений найдено при раскопках кочевнических курганов, расположенных на периферии согдийских оазисов. По всей вероятности, эти украшения производились ремесленниками Согда, однако полной уверенности в этом нет.

Судя по терракотовым статуэткам, согдийцы употребляли в виде украшений также гривны, однако при раскопках они найдены не были.

Погребальные памятники и обряд захоронения. Некрополи оседлого Согда до сего времени практически не известны, что находится в резком контрасте с состоянием изученности погребального обряда кочевников, населявших степи на периферии оазисов, исследовавшихся главным образом О. В. Обельченко.

По всей видимости, в Согдиане (во всяком случае в отдельных ее районах) уже в первых веках до н. э. был распространен зороастрийский обряд погребения, как об этом свидетельствуют раскопки дахмы Еркургана. Однако мест захоронения очищен-

ных костей (ассуариев и наусов) до сего времени не обнаружено. Одновременно существовали и иные способы погребения. Два ингумационных погребения (периодов Афрасиаб I и II) обнаружено при раскопках Афрасиаба. Первое из них (видимо, V в. до н. э.) исследовано только частично: была обнаружена часть могильной ямы, ориентированной в направлении восток — запад. Весь скелет рухнул с обрыва (возможно, еще в древности), на месте сохранился только череп у восточного борта могилы. Погребение периода Афрасиаб II вскрыто в западной части городища. Овальная погребальная камера, ориентированная север — юг (с небольшим отклонением к востоку), опущена на глубину 0,5 м. Костяк сильно потревожен грызунами. Череп лежал в южной части камеры, возле него стоял кубок. По западному краю погребальной камеры сохранилась кладка перекрытия могилы из обломков сырцового кирпича (Шишкина Г. В., 1969б, с. 227—228).

В конце рассматриваемой эпохи (в IV в. н. э.) в западной части Согда (в Бухарском оазисе) фиксируется наличие своеобразного погребального обряда, сочетавшего черты, свойственные зороастрийцам и племенам хионитско-эфталитского круга. Как указывалось выше, вокруг сакрального комплекса Сеталк I на последней стадии его функционирования отмечено большое количество зольников с костями животных и посудой. В южной части двора было обнаружено одно из последних кострищ диаметром около 3 м. На него были уложены кости взрослого человека головой на запад, хотя они были вмяты в золу, следов обгорелости на них нет. Многих костей не хватает, хотя они и уложены примерно в соответствии с анатомическим порядком, что, видимо, свидетельствует о том, что кости предварительно были очищены от плоти. Здесь же находились фрагменты керамики и кости домашних животных, в том числе в ногах костяка лежал в анатомическом порядке ряд позвонков барана.

Однако все эти находки не позволяют даже в самых общих чертах обрисовать общую эволюцию и локальные особенности погребального обряда жителей Согда.

Культовые предметы и сооружения. Выше уже описывались известные в настоящее время согдийские храмы, также указывалось, что особые культовые места имелись и в жилищах. Здесь, видимо, религиозные церемонии осуществлялись вокруг алтаря. Один из таких домашних алтарей обнаружен при исследовании жилого дома на Афрасиабе. Он располагался возле стены на невысокой суфе, был сделан из двух полуовальных керамических плит. Плита с прямоугольным вырезом у прямого среза была положена плашмя на суфу, вторая же была вставлена в стену вертикально. На плитах след огня, в лунке, ограниченной вырезом,— зола. Аналогичного устройства, но более простой алтарь был устроен в выходе из коридора городской стены (III в. до н. э.).

К числу предметов культового характера относятся также светильники и курильницы, наиболее яркие образцы которых найдены при раскопках позднего святилища в Еркургане (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1977). Курильницы высокие (до 30 см), на широкой ножке, украшены насечками и штампованным орнаментом, в верхней части — резервуар в виде полусферической чаши со слегка замкнутыми краями, также украшенный насечками и штампованным орнаментом. Они изготовлялись и на гончарном круге и лепились от руки. Светильники в виде круглой лепной чаши с крупной петлевидной ручкой. Иногда ручка в виде схематически трактованного животного. Встречаются также жаровни в виде плоских лепных блюд с низким вертикальным бортиком. Бортики иногда украшены зубцами. Внутреннее пространство одной из них разделено стенками на четыре части. К числу предметов культового назначения, бесспорно, можно отнести и терракотовые статуэтки.

Искусство. Наиболее массовым видом искусства Согда является коропластика (Trever C., 1934; Мешкерис В. А., 1962; 1977). Терракотовая пластика в Согде (как и в ряде других областей Средней Азии) после перерыва в ее развитии, длившегося несколько столетий, возрождается в IV—III вв. до н. э. (Мешкерис В. А., 1977, с. 9). В современной литературе существует следующая периодизация этого вида искусства: коропластика поры Ахеменидов и первых эллинистических государств (IV—II вв. до н. э.); коропластика кушанской эпохи (II в. до н. э.— IV в. н. э.). Эта слишком общая периодизация отражает состояние изученности проблемы: при обилии терракотовых статуэток в коллекциях музеев, происходящих главным образом из случайных находок и старых раскопок, очень мало находок из хорошо стратиграфированных слоев. Искусство коропластики явно имеет культовую основу. Основная масса терракотовых статуэток изображает женское божество, обычно ее называют «великой богиней-матерью» [7]. Для первого периода выделяют два основных стилистических направления: 1) изображения переднеазиатского типа; 2) эллинистические типы.

Изображения переднеазиатского типа включают как женские, так и мужские образы. Среди женских образов наиболее популярен вариант, воспроизводящий богиню с руками у груди, причем богиня может быть представлена как обнаженной, так и одетой. Характерным является наличие разных художественных манер (рельефные и плоскостные изображения). Другой вариант изображения богини: одна рука поднята к груди и держит какой-то предмет (видимо, плод растения), вторая рука опущена на бедро. Для этого варианта изображения обнаженной богини характерным является обилие украшений на теле.

Мужские изображения переднеазиатского типа различны. Среди них встречаются воспроизведения обнаженных мужчин (выделяются изображение музыканта), головки статуэток, передающих мужчин в головных уборах типа капюшонов. Эллинистические типы теракот этого времени воспроизводят образы Диониса, Афины, воина-эллина, богинь в чистогреческих одеждах. Иногда в местной неуме-

[7] В литературе, правда, высказывалось мнение (В. А. Лившиц), что статуэтки изображают не божества официального пантеона, а духов домашнего очага (ИТН, т. 1, с. 140, 141).

лой передаче они очень сильно трансформируются.

Коропластика кушанской эпохи. В. А. Мешкерис выделяет два основных художественных направления в коропластике Согда этого времени, несколько условно названного ею «кушанской эпохой» (Мешкерис В. А., 1977, с. 18). Первое направление называется каноническим. В нем различаются три вида культовых статуэток: 1) примитивные архаические фигурки; 2) фигурки зрелого стиля с выработанными нормами изобразительного канона; 3) стилизованные фигурки (с «фоном»). Фигурки архаического и зрелого стиля бытовали в Согде одновременно со II в. до н. э. по III в. н. э.; стилизованные фигурки появляются только в середине III в. н. э.

Архаические примитивные фигурки изображают стоящих женщин (реже мужчин). Характерны фронтальные позы и опущенные вдоль тела руки; у женщин кисти рук покоятся на лоне. Костюмы женщин и мужчин одинаковы: остроконечные шапки, короткая (выше колен) рубаха или кафтан с отделкой по подолу; шаровары и сапоги с отворотами; из украшений — височные кольца, прикрывающие уши, и гривна на шее. Фигурки приземистые, голова составляет $^1/_3$ общей высоты. Изображение, обычно, очень примитивно.

Статуэтки зрелого стиля представлены следующими тематическими группами: фигурки женского божества, мужчин, музыкантов. Статуэтки женского божества по дополнительным иконографическим признакам делятся на следующие типы: 1) богиня с плодами в руках, в кафтане (без головного убора или в плотно облегающем головном уборе); 2) богиня с плодами в руках в платье с накидкой (в повязке с бантом, в остроконечном колпаке, в короне, в складчатом хитоне); 3) богиня с трилистником; 4) богиня с веткой (или колосом); 5) богиня в «египетском» парике с сосудом в руке. По количеству мужских статуэток значительно меньше, чем женских. Кроме того, только один иконографический тип (стоящий фронтально мужчина, поза скованная, левая рука опущена вдоль бедра, правая, согнутая в локте, расположена несколько выше талии, костюм состоит из короткой рубахи, узких шаровар, заправленных в сапоги с отворотами, на шее гривна, на голове остроконечный колпак) представлен серией статуэток, остальные (сидящий в «азиатской позе», стоящий с опущенными руками, мужчина с мечом и венком) — в единичных экземплярах. Мужские и женские фигурки, изображающие музыкантов, делятся на следующие типы: мужчины — лютнисты, флейтисты, арфисты, женские — только флейтистки.

Все эти изображения более пропорциональные, чем архаические примитивные: голова у этих фигурок составляет не менее $^1/_4$ общей высоты, чаще $^1/_5$ и даже $^1/_6$.

Стилизованные статуэтки с «фоном» выпадают по стилю и особенностям техники выполнения из общей массы согдийских терракот кушанского времени, от которых они отличаются наличием «фона» в виде бортика, образованного излишком глины. Необычны они и по пропорциям — голова без головного убора укладывается во всей фигуре 2,5 раза, с головным убором — 1,5 раза. Но несмотря на то что головы непропорционально велики, узкая фигура с высоким головным убором создает впечатление вытянутости изображения.

Наряду с этим каноническим художественным направлением, занимавшим главное место в коропластике Согда, существовало и другое, основной отличительной особенностью которого исследователи (Мешкерис В. А., 1977, с. 32) считают тенденцию к реалистической передаче образа. К их числу относится несколько головок, в которых находят портретные черты: фигурки высокого рельефа, изображающие женщин и т. д. В конце рассматриваемого периода появляется совершенно новый тип терракотовых статуэток — фигурки всадников, вылепленные от руки, ставшие очень популярными в раннесредневековую эпоху.

Можно думать, что терракотовые статуэтки в глазах жителей Согда не имели художественной ценности, их роль сводилась к ритуальным, обрядовым функциям. Вполне вероятно, что именно поэтому два раза в году, когда изображения божеств «изживали себя», необходимо было пополнять домашний пантеон новыми фигурками, для чего организовывалась периодическая продажа их, как об этом сообщает Наршахи ((Наршахи, 1897, с. 30).

И с точки зрения материала (глина), и с точки зрения техники (изготовление путем оттискивания в форме и последующий обжиг) коропластике очень близки и художественные налепы на керамике (Мешкерис В. А., 1977, с. 36), распространяющиеся в Согде с III—IV вв. н. э. Считается, что в этой сфере прикладного искусства реалистические тенденции, восходящие к собственно античному искусству, представлены ярче, чем в собственно коропластике, где господствовал канон.

В музейных коллекциях Узбекистана хранится довольно много резных камней из старых сборов, возможно, происходящих с памятников Согда. В большинстве случаев трудно определить, являются ли они местным производством или привезены в Согд извне. Большинство резных камней Согда — интальи. Древнейший резной камень найден на Афрасиабе случайно, однако связь его с ахеменидским искусством и дата (середина I тысячелетия до н. э.) несомненны. Это подвесная печать из темно-коричнèвого камня прямоугольной формы с закругленными краями. Всю поверхность камня занимает изображение фигуры бородатого лучника с колчаном за спиной и луком перед грудью. Под луком вертикальная строка клинописной надписи или подражания ей (Тереножкин А. И., 1947а, с. 127, 128, рис. 1; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965, с. 127, рис. 131). Эллинистическими по сюжету и стилю является несколько гемм, найденных в переотложенных слоях на Афрасиабе: с изображением двух воинов — одного с круглым щитом и коротким мечом, припавшего на колено и второго, стоящего над ним, как бы прикрывающего его квадратным щитом и выставившего копье; с головой мужчины в венце (в профиль); со сценой борьбы двух антропоморфных крылатых существ со шлемами на головах. К кушанскому периоду относится булла, являющаяся оттиском печати с изображением всадника, сидящего на грифоне перед богиней (Исамиддинов М. Х., 1978, с. 224).

Камнерезное искусство не ограничивалось изго-

товлением резных камней. При раскопках храма в Еркургане было найдено миниатюрное изображение лягушки, выточенное из агата (Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982, с. 54).

Известно некоторое количество мелких металлических произведений декоративного искусства. К их числу относятся: небольшое кованое изображение змеи (из светлого металла, возможно, сплава олова) и золотая подвеска-амулет в виде ежа с бирюзовой инкрустацией, золотая бляшка с воспроизведением на ней изображения городской стены.

Памятники монументального искусства практически еще неизвестны. Недавние открытия в храме Еркургана фрагментов живописи и скульптуры (Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982) заставляют думать, что (во всяком случае с конца исследуемой эпохи) Согд был важным центром развития среднеазиатского искусства, где создавались произведения, предвосхищавшие бурный расцвет изобразительного искусства в раннесредневековую эпоху. Однако эти находки фрагментарны и плохо изучены. Можно отметить, что скульптура была как глиняной, так и ганчевой, полихромной. Можно предполагать, что стилистически она ближе всего скульптуре Бактрии позднекушанского периода.

Наряду с глиняной скульптурой в Согде существовала и каменная. Фрагмент каменного рельефа обнаружен при раскопках Еркургана: нижняя часть фигуры человека, одетого в кафтан, шаровары и невысокие сапожки. Этот фрагмент напоминает произведения искусства Гандхары. В состав архитектурного декора включались терракотовые рельефные плиты. Фрагмент одной из них также обнаружен при раскопках Еркургана. На нем изображены идентичные (оттиснутые в одной форме) головы мужчин.

Сохранившиеся фрагменты живописи включают орнаментальные и изобразительные сюжеты. Встречается орнамент в виде квадратной, ромбовидной или фигурной решетки, кругов, растительный орнамент. Выявлено частично сохранившееся изображение головы мужчины (повернутой в три четверти) с нимбом. Ниже — следы красной одежды с черными кругами. Насколько можно судить, живопись Еркургана напоминает живопись Бактрии кушанской эпохи (Каратепе и Дальверзин).

Своеобразны две фигуры, относящиеся к самому позднему периоду существования храма, изображающие дароносцев с венками и плодами в руках, очень архаические по стилистике (Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982, с. 56) (табл. CXXXVII—CXLII).

Монеты. Впервые, видимо, с монетой согдийцы познакомились в эпоху Селевкидов[8] (при раскопках на Афрасиабе были найдены две селевкидские монеты) (Зеймаль Е. В., 1978, с. 195), некоторое количество (очень ограниченное) монет греко-бактрийских царей также было обнаружено на территории Согда (там же, с. 197). В конце III или начале II в. до н. э. в Согде (видимо, в долине Зеравшана) начали чеканиться «варварские подражания», прототипом для которых послужили драхмы Антиоха I (лицевая сторона — голова царя вправо; оборотная сторона — голова коня вправо) (Массон В. М., 1955, с. 40—41; Зеймаль Е. В., 1978, с. 201). Примерно тогда же в Бухарском оазисе начинается выпуск монеты, подражающей тетрадрахмам греко-бактрийского царя Евтидема (первоначально — II и часть I в. до н. э.— только с искаженной греческой легендой) (Зеймаль Е. В., 1978, с. 201).

В Самаркандском Согде в I или II в. н. э. начинается выпуск монет с изображением на оборотной стороне лучника, на лицевой — голова правителя влево. Эта чеканка делится на четыре периода. Первый период — это монеты Аштама (раннесогдийская легенда на лицевой стороне), исходный образец для которых был выполнен явно не местным мастером и содержал на оборотной стороне греческую легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. В дальнейшем при изготовлении новых штемпелей местными резчиками греческая легенда очень быстро искажается и орнаментализируется. Первый тип существует до середины IV в. н. э.

Второй период (согдийская легенда на лицевой стороне βγwrty затем ḥprwrnh) сохраняют прежние композиционные схемы типов, но сами изображения значительно отдаляются от исходного образца. Датируется этот период второй половиной IV — началом V в. н. э. (Зеймаль Е. В., 1978, с. 208—209)[9].

В юго-западной части Бухарского оазиса в это же время (I—IV вв. н. э.) выпускались два варианта монет с именем Гиркода. В обоих случаях на лицевой стороне изображение головы правителя вправо и легенда ΥΡΚΩΔΟΥ, типы же оборотной стороны различаются: в одном случае стоящее божество с пламенем у плечей и легенда ΑΡΔΗΘΡΟΥ ΜΑ ΚΑΡΟΥ, в другом — протома лошади и легенда ΥΡΚΩΔΟΥ. В дальнейшем эти монеты видоизменяются, искажаются изображения, а легенды становятся нечитаемыми (Зеймаль Е. В., 1978, с. 209).

В южной (или юго-восточной) части Согда в это же время (II—IV вв. н. э.) выпускалась группа монет, восходящая к подражаниям раннеселевкидским драхмам с типами Александра (голова правителя влево на лицевой стороне и очень схематичным изображением Зевса-Этофора — на оборотной). На монетах согдийская легенда (лицевая сторона — γwδw/yn; оборотная MR'Y) содержит титул «владетель», переданный арамейской идеограммой (Зеймаль Е. В., 1978, с. 209).

В районе Бухары продолжалась и в этот период чеканка монет по образцу тетрадрахм Евтидема. Но в I в. до н. э. или в I в. н. э. рядом с испорченной греческой легендой сперва появляется тамга, а затем и раннесогдийская легенда. В чеканке согдийских монет по типу тетрадрахм Евтидема можно различать два периода. Первый охватывает время с I в. до н. э. по I в. н. э. (изображается правитель в диадеме), второй — со II по IV в. н. э. (изображается правитель в тиаре) (Зеймаль Е. В., 1978, с. 210).

Кушанские монеты на территории Согда встречаются достаточно редко (Массон М. Е., 1950а, с. 18—22; Ерназарова Т. С., 1974, с. 173). В Кашкадарьинском Согде в III—V вв. н. э. выпускались монеты,

[8] Хотя, возможно, в небольшом числе и ранее сюда проникали ахеменидские дарики (Ерназарова Т. С., 1974), а также монеты Александра Македонского (там же, с. 169).

[9] Два последующих периода выходят за хронологические границы данного тома.

на лицевой стороне которых изображена голова царя влево, а на оборотной стороне — царь, убивающий вставшего на задние лапы льва. Высказывалось мнение, что эти монеты чеканила местная династия, восходящая к парфянским Аршакидам (Массон М. Е., 1973а; другие точки зрения, в частности о датах, см.: Кабанов С. К., 1973; Смирнова О. И., 1981, с. 18) (табл. CXLIII).

История. Можно полагать, что исторические судьбы народов Согда в древнюю эпоху были чрезвычайно близки судьбам других народов Средней Азии. Процесс становления классового общества и государственности в Согде, видимо, проходил в первой половине I тысячелетия до н. э., являясь естественным результатом тех изменений в экономической структуре общества, которые в свою очередь были порождены переходом к железным орудиям труда и началом широкого ирригационного строительства. Процесс становления местной государственности был прерван ахеменидским завоеванием в VI в. до н. э. (Дандамаев М. А., 1963). Согдиана, подобно другим областям юга Средней Азии, стала составной частью древнеперсидской мировой державы. Ахеменидское владычество достаточно тяжело сказывалось на населении народов Средней Азии (в том числе и Согда): они были обязаны выплачивать значительные налоги, выставлять войска для армии «великого царя» и нести трудовую повинность. В то же время персидское владычество, видимо, отчасти способствовало укреплению позиций местной аристократии, которая пошла на союз с завоевателями и, став опорой власти Ахеменидов, умело использовала новую ситуацию (ИТН, т. 1, с. 209).

Важнейшим этапом в истории Согда было завоевание Средней Азии Александром Македонским. Именно в Согде Александр встретил самое ожесточенное сопротивление, вылившееся в настоящую народную войну против завоевателей. Македонский царь ответил на это массовым террором, уничтожением городов и деревень. Знать, первоначально возглавившая борьбу против греко-македонян, начала переходить на сторону завоевателей. Процесс «умиротворения» Согдианы сопровождался основанием здесь греко-македонских поселений, ставших опорными пунктами иноземного владычества (Кошеленко Г. А., 1979).

В настоящее время трудно ответить на вопрос: входил ли Согд в состав государства Селевкидов. Возможно, что уже в это время греко-македоняне утратили власть над этим районом, как считают некоторые исследователи (Зеймаль Е. В., 1978, с. 196), хотя этому как будто противоречит прямое указание в тексте Страбона (XI, II, 2), где говорится о том, что греки «владели также Согдианой».

Точно так же не ясен вопрос о вхождении Согдианы в состав Греко-Бактрийского царства. Бесспорно, однако, что кочевническому завоеванию Греко-Бактрии, имевшему место в середине II в. до н. з., должно было предшествовать завоевание ими Согда.

Вместе с тем эти завоевания не остановили экономического и культурного развития Согда. Первые века до н. э.— время определенного прогресса в ирригации, технике (в частности, в гончарном производстве), урбанизме. Особенно сильно этот процесс сказывается в Самаркандском Согде, но заметен он и в других оазисах этого региона. По всей вероятности, в Согде в зто время складывается несколько мелких государственных образований, отражением чего является своеобразный чекан монеты.

В первые века н. э. наблюдается дальнейший экономический подъем, но этот процесс носит несколько противоречивый характер. Расширение ирригационной сети, широкое освоение новых земель для сельского хозяйства сопровождается определенным замедлением темпов развития (и, возможно, даже упадком) самого крупного центра Согда — Самарканда. В то же время, видимо, это не означает упадка всего оазиса. Продолжается развитие в Бухарском и Кашкадарьинском Согде, особенно отчетливым становится подъем их к концу рассматриваемой эпохи. Политическая история Согда первых веков н. э. остается еще далеко не ясной. Бесспорным является наличие нескольких мелких государственных образований здесь, однако до сего времени нерешенным остается вопрос о том, входил ли Согд в состав Кушанского царства.

В характере материальной культуры Согда этого времени происходят разительные изменения. Если ранее наиболее отчетливыми были культурные связи с югом, с Бактрией, то теперь (особенно в III—IV вв. н. э.) гораздо яснее прослеживается связь с районами по течению Сырдарьи, а именно с каунчинской культурой. Вполне вероятным является предположение, что этот процесс определяется двумя факторами: с одной стороны, проникновением каких-то групп каунчинцев в Согд, а с другой — распространением политического контроля Кангюя на Согд.

В самом конце исследуемой эпохи начинают ощущаться влияния кризиса, охватывающего среднеазиатское общество. Яркими симптомами его является то, что происходит резкое уменьшение площади орошаемых земель. Особенно наглядно зто сказывается в Бухарском Согде. Вполне возможно, что этот процесс можно истолковывать как кризис при переходе от рабовладельческой к феодальной формации. Вместе с тем необходимо отметить, что кризис развивался в различных частях Согда по-разному. Сильнее всего он сказался в Бухарском Согде и, видимо, менее — в Кашкадарьинском.

Глава четырнадцатая
Уструшана

Памятники Уструшаны последних веков до н. э.— первых веков н. э. изучены еще чрезвычайно недостаточно. При этом если равнинная часть Уструшаны, примыкающая к Сырдарье, хотя бы в некоторых пунктах подвергалась археологическим исследованиям, то горная часть ее (та часть, которая в средневековую эпоху называлась Буттам) практически археологически не изучена. При рассмотрении истории Уструшаны мы считаем необходимым (как и в предыдущем разделе) привлекать также и материалы Ходжента, поскольку только в раннем средневековье Ходжент политически (административно) отделяется от Уструшаны. Если справедливо мнение о том, что Александрия Эсхата была построена на месте Ходжента, а это, по-видимому, справедливо, то в таком случае Ходжент, как и Уструшана, объединяются у античных авторов географическим понятием Согдиана (Негматов Н. Н., 1968а, с. 15).

Исторические источники, освещающие историю Уструшаны в древности, очень немногочисленны и неравномерно распределены во времени. Почти все свидетельства античных авторов касаются деятельности Александра Македонского в данном районе (хотя никто из античных авторов не упоминает названия Уструшаны) (Негматов Н. Н., 1953; 1957). Более поздние события в истории Уструшаны не нашли никакого отражения в античной литературной традиции. Китайские письменные источники по истории Уструшаны освещают только раннесредневековый период и для исследуемого в данном разделе периода могут быть использованы только ретроспективно (Негматов Н. Н., 1953, 1957).

Масштабные археологические исследования на территории Уструшаны проводились в 1943—1944 г. во время работ Фархадской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича. В ходе этих работ раскопки были осуществлены на городище Мунчактепе и на некрополях в окрестностях городища (Гайдукевич В. Ф., 1947; 1949; 1952). Позднее проводились археологические разведки в горной и равнинной частях Уструшаны (Смирнова О. И., 1950а, б; 1953а, б; Исаков А. И., 1982). Осуществляются также раскопки на территории Ура-Тюбе и древнего Ходжента, но материалы, полученные здесь, при всей значимости стратиграфических наблюдений еще незначительны (Негматов Н. Н., 1964; 1981; Ранов В. А., Салтовская Е. Д., 1966; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1962; Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1977; Беляева Т. В., 1978; 1979а, б; 1980). На базе имеющихся материалов созданы общие очерки истории Уструшаны в древнюю эпоху (Негматов Н. Н., 1957; 1968а; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975).

Поселения. Архитектура. На территории Уструшаны зафиксировано наличие нескольких населенных пунктов городского типа, из которых наиболее исследованным является Мунчактепе, и несколько сельских поселений. Сельские поселения практически не исследовались.

Мунчактепе (Гайдукевич В. Ф., 1947; 1949; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975) площадью около 4 га. В плане городище представляет прямоугольник (200×180 м), одна сторона прямоугольника — высокий обрывистый берег р. Сырдарьи. Поскольку река постоянно размывает берег, то, несомненно, первоначальная площадь городища была несколько большей. Северо-восточная часть городища (размеры 70×40 м) возвышается на несколько метров над остальной территорией городища, являясь, видимо, цитаделью. Городище было обнесено стеной, сложенной из сырцовых кирпичей.

Жизнь возникает на Мунчактепе в первые века н. э., продолжается до эпохи развитого средневековья. Город, видимо, имел (помимо остальных) и военную функцию. Он представлял собою мощный опорный пункт на границе со степью. Мунчактепе являлось центром системы опорных пунктов, зафиксированных в непосредственной близости от него (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 109).

Слои античного времени зафиксированы также в Ленинабаде (древний Ходжент) (Беляева Т. В., 1980, 1982; Негматов Н. Н., 1981), где выявлено, что поселение в первые века н. э. разрастается по сравнению со временем V—IV вв. до н. э. (Беляева Т. В., 1982, с. 281). Некоторые (правда, немногочисленные) материалы заставляют предполагать возникновение городища Ширин в первые века н. э. (Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А., 1982, с. 306). Материалы первых веков н. э. обнаружены при раскопках Мугтепе (в Ура-Тюбе) (Ранов В. А., Салтовская Е. Д., 1961, с. 117—126).

Архитектура Уструшаны исследуемого времени практически неизвестна. Только на городище Мунчактепе изучались два здания, но, во-первых, они относятся или к самому концу рассматриваемого периода, а, во-вторых, планы и разрезы их не изданы, что, естественно, чрезвычайно затрудняет понимание этих памятников. Одно из зданий датируется III в. н. э. Оно сложено из сырцового кирпича (размер 65×35×10—12 см). Изучены три помещения, в том числе одно внутри башнеподобного сооружения с очень толстыми стенами (толщина 1,85 м). Второе здание относится к IV—V вв. н. э. Оно располагалось на цитадели и определяется автором раскопок как замок. При строительстве использовались сырцовые кирпичи (48×24×8 см) и пахса. Во внутренних помещениях сочетание сырца и пахсы создавали своеобразную узорную кладку. В ряде помещений существовали сводчатые перекрытия, вдоль

стен имелись суфы, в стенах ниши. В замок вела входная галерея сложной планировки. Основную часть здания занимали шесть помещений: пять прямоугольных и одно трапециевидное.

Хозяйство. Основой экономики Уструшаны было сельское хозяйство (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 108; Негматов Н. Н., 1957, с. 82; 1968а, с. 11). В районе Мунчактепе оно базировалось на использовании прекрасных обильных источников ключевой воды, находящихся на расстоянии 3 км от городища. Кроме того, использовались воды и горной р. Аксу. Показательно, что источники ключевой воды, игравшие основную роль в водообеспечении этого района, охранялись специальным укреплением (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 109). Считается, что в античную эпоху наблюдается дальнейший прогресс в ирригации на территории всей Уструшаны, когда повсюду создаются небольшие ирригационные системы с несложными головными сооружениями у выхода на плоскость ручьев, саев, появляются небольшие магистральные каналы (Билалов А. И., 1980, с. 137). Наблюдения, проведенные на Мунчактепе, убедили В. Ф. Гайдукевича в оседлоземледельческом характере поселения: множество крупных глиняных хумов для хранения продовольственных припасов в домах, обилие каменных зернотерок, масса костей домашнего скота и т. д. (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 100).

Материалы Мунчактепе также показывают, что город был центром и ремесленной деятельности. В частности, при раскопках были получены определенные материалы, свидетельствующие о существовании здесь керамического ремесла, металлообработки и ювелирного дела.

На городище Мунчактепе была исследована керамическая печь (Гайдукевич В. Ф., 1949), относящаяся к самому раннему периоду существования поселения. Сохранилась только топочная камера, ее длина 5,7 м, ширина (внутри) 0,7—1,2 м, наибольшая сохранившаяся высота 1,18 м. При строительстве был вырыт в лёссовом материке котлован, конструкции печи были выполнены из сырцового кирпича. Печь прямоугольная в плане с длинным и узким топочным устьем. Боковые стенки топочной камеры усилены выступающими лопатками, в пространстве между которыми находились жаропроводящие каналы. При раскопках были найдены фрагменты той керамики, которая обжигалась в печи. Это в первую очередь чаши, имеющие в разрезе профиль плавной дуги (диаметр 27—32 см, высота 5,2—5,6 см). Все чаши изготовлены на гончарном круге, многие покрыты ангобом (темно-красный, коричневый или кремовый), часть из них подвергалась лощению. Обжигались также кувшины. В. Ф. Гайдукевич датировал время функционирования печи I—II вв. н. э.

В самом нижнем слое были также найдены и каменные литейные формы (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 100). Особенно интересна литейная форма, служившая для отливки серег. Она состоит из двух плиток (7,4×7,9 см) темно-серого сланца, на внутренних сторонах которых вырезаны формы пары серег и каналы для заполнения формы металлом (видимо, золотом). Для того чтобы обе половинки точно совпадали и не сдвигались, в одну половинку формы были вделаны два металлических штифта, на которые надевалась другая половинка, в соответствующих местах ее были просверлены отверстия. Очень интересно то, что хотя эти формы являлись утилитарными предметами производственного назначения, наружная отделка их исполнена с большим изяществом. Верхняя половинка литейной формы была украшена по краям мозаичным узором из желтоватых и красных треугольных пластинок, такие же цветные треугольники заполняли круг, находящийся в центре, угловые части заняты четырьмя семилучевыми вырезанными звездами.

Уструшана играла важную роль в международном обмене. Через нее проходил, в частности, один из отрезков «великого шелкового пути», связывавшего страны Средиземноморья с Дальним Востоком. Отражением этого являются находки на территории Уструшаны иноземных монет, хотя сама Уструшана в древний период монету не чеканила. При раскопках Ширинсайского могильника была найдена, в частности, китайская монета (Гайдукевич В. Ф., 1947, с. 94; 1952, с. 334), датируемая I в. н. э. На территории Уструшаны (в районе Ура-Тюбе) был также найден клад (более 300 монет, из которых сохранилось 19) римских монет (Зеймаль Е. В., 1962). В состав клада входили монеты, чеканенные в Римской империи в I в. н. э. (Веспасиан — 1 монета) и II в. н. э. (от Траяна до Коммода — 18 монет). Последняя по времени монета этого клада чеканена в 186 г. н. э.

Кроме монет, при раскопках Мунчактепе и могильников вокруг него были также найдены вещи иноземного происхождения: раковины каури, янтарные бусы, бронзовое китайское зеркало, плоская галька с вырезанной китайской надписью («золото и драгоценные камни» и цифровые обозначения).

Орудия труда и оружие. Орудия труда и оружие Уструшаны этого времени практически неизвестны. Можно только отметить большое количество найденных при раскопках зернотерок, керамических пряслиц, каменных оселков. При раскопках могильников найдено два железных ножа (сильно разрушенных коррозией), один из которых имел бронзовую, а второй — костяную ручку. При раскопках «восточного» могильника Мунчактепе был найден железный меч.

Керамика. Керамика первых веков до н. э. зафиксирована при раскопках Ходжента (Беляева Т. В., 1980), но она еще не издана. Керамический комплекс первых веков н. э. может быть изучен на основе раскопок Мунчактепе и Ширинсайского могильника. В Уструшане этого времени использовалась как лепная, так и выполненная на гончарном круге керамика. Лепная керамика лучше всего представлена в материалах могильника. Преобладают сосуды, сделанные из грубой глины с большим количеством включений. Обжиг, как правило, хороший, ровный. Большая часть сосудов покрыта ангобом (белым или красным). Ангоб обычно, особенно красный, непрочен. Довольно часто применялось лощение. Лепная керамика не отличается обилием типов: встречаются чаши, кувшины, горшки.

Значительную часть сосудов составляют чаши. Они, как правило, изготовлены из более чистой и лучше подготовленной глины, чем другие типы сосудов. Чаши довольно крупные, более или менее близкие к полусферической форме, дно снизу имеет обычно плоский срез (редко кольцевидную подставку).

Различаются чаши только формой венчика (прямой, слегка утолщенный; с небольшим отклонением наружу; круто отогнутый венчик с глубоким перехватом шейки).

Горшки в основном приземистые, с плоским широким дном. В орнаменте присутствует только два элемента — волнистая и прямая линии, опоясывающие в горизонтально круговом направлении плечики или тулово сосуда. Нередко тот и другой мотив украшения дан в виде различных комбинаций прямых и волнистых линий. Этот орнамент выполнялся при помощи заостренного инструмента, которым прочерчивался узор по мягкой глине до обжига сосуда. Много реже представлен другой вид орнаментации — волнистый орнамент, состоящий из ряда линий, сделанный при помощи гребенчатого шаблона.

Кувшины обычно одноручные, с тем же орнаментом, что и у горшков. У некоторых из кувшинов ручки оформлены в виде фигурок животных (видимо, овцы). Более редким типом керамики является вьючная фляга, имеющая один бок выпуклый, а другой — плоский. Выпуклая сторона украшена врезанной спиралевидной линией. Единственным экземпляром представлено глиняное блюдо с тремя ножками.

Выполненная на гончарном круге керамика также не отличается разнообразием типов. Чаще всего встречаются чаши, имеющие в разрезе профиль плавной дуги, обращенной концами кверху. Диаметр чаш 27—32 см, высота 5,2—5,6 см. Некоторые чаши покрыты темно-красным или коричневым ангобом, поверх которого производилось лощение. У некоторых чаш — утолщенный венчик, имеющий сверху горизонтальный срез. Другой распространенный тип керамики — чаши-кубки, плоскодонные, конически сужающиеся книзу, с вертикально (или почти вертикально) стоящим бортиком. Высота их от 6,5 до 9 см, но иногда встречаются и более высокие — до 12,5 см. Лучшие образцы этих сосудов покрыты хорошим темно-красным ангобом, поверхность чаще всего имеет признаки лощения. Третий тип керамики, выполненной на гончарном круге,— одноручные кувшины, похожие по форме и по характеру орнамента на лепные. Некоторые из них напоминают по форме ойнохойи (энохои).

Украшения. Бытовая утварь. Наиболее обычным видом украшений служили бусы. Для Уструшаны первых веков н. э., судя по находкам в районе Фархадстроя (Гайдукевич В. Ф., 1952; Кабанов С. К., 1948), было характерно разнообразие типов бус и материала, использовавшегося для их изготовления. Чаще всего встречались стеклянные бусы (из белой стекловидной пасты в форме приплюснутых шариков со следами позолоты, в виде параллелепипедов со срезанными углами. миниатюрных трубочек, кубические, шаровидные; коричнево-зеленоватые — продолговатые с инкрустированными кусочками стекла, обрамленными желтой каймой; зеленого цвета — кубической и биконической формы; темно-синие — биконические, продолговатые, усеянные шашечками в виде пары соединенных шариков; голубые — шаровидные, а также бисер из стекла светло-зеленого цвета. Встречаются также лигнитовые бусы (мелкие — в форме цилиндриков и кружочков; крупные — шаровидные); бусы из камней: агата (бочонкообразные, эллипсоиды, почти шаровидные, очень хорошо выполненные), из горного хрусталя (шаровидные крупные), из сердолика (шаровидные, особенно интересны три бусины, покрытые росписью в ромбовидном и звездчатом орнаменте белым лакообразным составом). Для бус также используется опал, горный хрусталь, бирюза, змеевик, кварцитовый феорит. Подавляющее большинство камней (кроме агата) — местного происхождения, из гор, окружающих Ферганскую котловину.

Помимо бус, зафиксированы и другие украшения: пронизи (в виде серебряной полой трубочки; из сердолика, имеющая форму кососрезанного цилиндра; крупная продолговатая, утолщающаяся посредине из серого роговика; плоская округлая из горного змеевика), подвески в форме пирамидки высотой 2,4 см, из черного с зелеными вкраплениями змеевика; подвески-медальоны с трехлопастной розеткой — золотые, на золотой же цепочке, перстни (железные и бронзовые — расширяющиеся спереди и имеющие круглое углубление), браслеты бронзовые проволочные, золотая серьга из тонких пластинок в виде фигурной коробочки с изображениями человеческих лиц. Для украшений использовались также раковины каури. В одном из погребений был найден бронзовый четырехгранный пирамидальной формы колокольчик, наружные стороны которого орнаментированы гравированными кружками с точками в центре, нижний край украшен зигзагами. В. Ф. Гайдукевич полагает, что колокольчик вплетался в косу (Гайдукевич В. Ф., 1952, с. 338). В одном из погребений так называемого восточного могильника были найдены золотые нашивные бляшки (четырехлепестковые розетки, круглые бляшки, окаймленные зернью, прямоугольные бляшки с рельефными S-образными украшениями и др.).

К числу предметов бытовой утвари, видимо, можно отнести бронзовое круглое зеркало диаметром 17,6 см, китайское по происхождению, украшенное рельефными орнаментами и снабженное иероглифическими знаками, датируемое эпохой Хань. Найдены также фрагменты трех бронзовых зеркал среднеазиатского происхождения (с ручкой в виде фигурного выступа в середине, с короткой боковой ручкой и т. п.). Необходимо также указать на находку миниатюрной статутэтки человека с палицей в руках из хризоколы.

Погребальный обряд. Погребальный обряд, существовавший в древней Уструшане, известен благодаря исследованию двух могильников, расположенных у Мунчактепе: Ширинсайского, материалы которого изданы В. Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич В. Ф., 1952), и так называемого восточного, материалы которого не изданы.

Большинство раскопанных в Ширинсае погребений — грунтовые ямные могилы. Наряду с этим зарегистрировано несколько погребений, которые были совершены в могилах катакомбного типа. К сожалению, они все оказались настолько разрушенными, что нельзя было выяснить их устройство. Большинство могил содержало одиночные захоронения, лишь одна оказалась с двумя костяками — рядом со скелетом женщины лежал скелет ребенка; еще одна могила содержала коллективное захоронение — в одной большой могильной яме находилось три костяка.

В преобладающей части могил были обнаружены костяки, которые лежали в вытянутом положении на спине, обращенные головой преимущественно на восток — юго-восток, но наряду с этим все же довольно значительное число исследованных погребений (около 25%), содержало костяки, лежавшие скорченными, чаще всего на левом боку с поджатыми ногами. В двух погребениях покойники лежали на спине, но ноги у них были согнуты в коленном суставе и поставлены коленями кверху. В могилы ставились сосуды, чаще всего пара — чаша и горшок или кувшин, иногда имелись также украшения. В «восточном» некрополе в одной из могил рядом с погребенным лежал меч. Некрополи у Мунчактепе датируются II—IV вв. н. э. В Уструшане, видимо, существовал и иной погребальный обряд — зороастрийский, свидетельством чего является находка фрагмента стенки глиняного оссуария (высота 29 см, ширина 15 см), у которого на внешней поверхности изображена (в виде налепа) голова человекоподобного существа, а ниже — гроздь винограда. Существование в древней Уструшане оссуарного обряда в известной мере подтверждается тем обстоятельством, что здесь в раннесредневековую эпоху этот обряд был широко распространен (Мирбабаев А. К., 1982).

Культовые предметы. Материалов, позволяющих судить о культах Уструшаны исследуемого времени, чрезвычайно мало. Помимо упомянутой уже фрагментированной стенки оссуария, необходимо указать на упоминавшиеся сосуды с зооморфными ручками, которые, по-видимому, можно воспринимать как свидетельство существования иранского культа фарна у населения Уструшаны (Литвинский Б. А., 1968) (табл. CXLIV).

* * *

Уструшана первых веков до н. э.— первых веков н. э., несмотря на недостаток археологических материалов, может быть охарактеризована как высокоразвитая область Средней Азии, роль которой определялась тем, что она выступала связующим звеном между Ферганой, Согдом, Чачем, Бактрией. Особенно отчетливо сказываются связи с Чачем и Согдом, с последним, видимо, не только в силу местоположения, но и в силу того, что население Уструшаны было согдийским по своему происхождению.

Глава пятнадцатая
Ташкентский оазис (Чач)

Чач (древний Ташкентский оазис) включал долины рек Чирчик и Ахангаран с примыкающими отрогами Чаткальских и Кураминских гор. Границей его на западе является Сырдарья (Яксарт), на севере — Келесская степь. С востока оазис ограничивался мощной горной системой Тянь-Шаня. Здесь протекал ряд рек, образующих и питающих Чирчик,— самый крупный правый приток Сырдарьи. Чирчик был основным источником воды для оазиса. С юго-востока оазис прикрыт Кураминским хребтом (рис. 16).

Равнины в долинах рек и часть предгорий с их плодородными землями входили в зону орошаемого земледелия, в предгорьях и горной зоне возможно было комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства. Скотоводческой зоной была и Келесская степь и земли по правобережью Сырдарьи, видимо, входившие в состав территории Чача.

В главе VIII данного тома рассматривались проблемы бургулюкской культуры, существовавшей на территории Ташкентского оазиса с IX по III в. до н. э. На смену бургулюкской приходит каунчинская культура, памятники которой были открыты в 1934 г. Г. В. Григорьевым (Григорьев Г. В., 1937). Последующие работы были направлены на исследование новых объектов, углубленное изучение ранее открытых, уточнение датировок и интерпретацию материала (Григорьев Г. В., 1940; 1948; Тереножкин А. И., 1950; Воронец М. Э., 1951; Крашенинникова Н. И., 1960; Агзамходжаев Т., 1961; 1966а, б; Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968; Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г., 1973). Была проведена систематизация каунчинского материала, в первую очередь керамического (Левина Л. М., 1971, с. 90—193), рассмотрены вопросы датировки культуры в целом и отдельных ее этапов (Тереножкин А. И., 1940а, с. 81, 84; 1950б; Толстов С. П., 1946, с. 175—176; Книпович Т. Н., 1949; Сорокин С. С., 1954, с. 134), атрибуции некоторых объектов каунчинской культуры (Литвинский Б. А., 1967б). Г. В. Григорьев разделил каунчинскую культуру на два этапа: Каунчи I и Каунчи II. Позднее некоторые исследователи выделили из состава каунчинской культуры (как ее продолжение и развитие) джунскую культуру (Оболдуева Т. Г., 1948; Тереножкин А. И., 1950б, с. 159—160; Литвинский Б. А., 1967б, с. 29—37), другие же сочли джунские памятники вариантом каунчинских и включают их в состав Каунчи II (Левина Л. М., 1971, с. 181—182), но выделяют дополнительный этап — Каунчи III (там же, с. 184—186).

Проблема датировки каунчинской культуры и ее отдельных этапов также вызвала очень большую литературу. Первооткрыватель каунчинской культуры Г. В. Григорьев отнес Каунчи I к концу бронзового века, т. е. к концу II — началу I тысячелетия до н. э., а Каунчи II датировал серединой I тысячелетия до н. э. (Григорьев Г. В., 1937, с. 39; 1940, с. 9; 1948, с. 49). Эта система датировок вскоре подверглась полному пересмотру (историю вопроса см.: Буряков Ю. Ф., 1982, с. 70 и сл.). В настоящее время наиболее приемлемыми кажутся следующие даты: Каунчи I—II в. до н. з.— II в. н. з.; Каунчи II—II—IV вв. н. э.; Каунчи III—IV — первая половина VI в. н. э. (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 79). В данном томе рассматриваются, естественно, только два первых этапа каунчинской культуры[1].

Источники. Важнейшим источником для воссоздания истории Чача в древности являются археологические материалы. Данные письменной традиции весьма немногочисленны.

По всей видимости, некоторые китайские источники освещают историю Ташкентского оазиса в первые века до н. з.— первые века н. э. В частности, вероятно, это сведения, введенные в рассказ о столкновениях хуннов с юечжами и последующих движениях племен. Перегруппировка племен на территории Средней Азии хронологически совпадает с переходом от бургулюкской культуры к каунчинской. В несколько более поздних китайских источниках говорится о владении Юни, находившемся в зависимости от государства Кангюй (Бичурин Н. А., 1950, с. 186). Археологические материалы подтверждают эти свидетельства, показывая процесс усложнения структуры местного общества, в частности становление городов, а также демонстрируя близость культуры Ташкентского оазиса и средней Сырдарьи, где находился центр государства. Позднее Юни, видимо, более органично включается в Кангюй (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 107 и сл.), но в III в. н. э. оно уже известно как самостоятельное владение Чачстан и под этим именем упоминается в сасанидской надписи Шапура I (Луконин В. Г., 1969 а, с. 126). В более позднее время Чач входит в состав эфталитского государства.

Поселения (классификация, топография, планировка, фортификация). Как отмечалось в разделе III, в эпоху существования бургюлюкской культуры в Ташкентском оазисе городов еще не было. Единственный населенный пункт городского типа — Канка обязан своим появлением не спонтанному развитию местного общества, а согдийским влияниям (табл. CXLV).

[1] В последнее время, исходя из материалов Шаштепе, была выдвинута идея о существовании промежуточной ступени между бургулюкской и каунчинской культурами — этап Шаш II, который предлагается датировать III—II вв. до н. э. (Аскаров А. А., Филанович М. И., 1980). Однако, как нам представляется, нет оснований для выделения этого этапа (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 78—79).

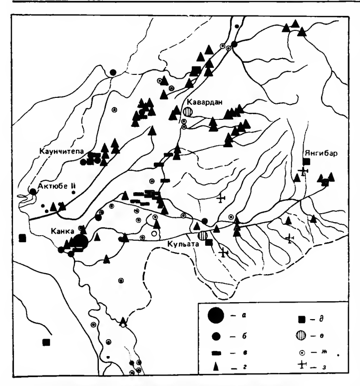


Рис. 16. Основные памятники Ташкентского оазиса

а — столица оазиса; *б* — малые города; *в* — поселения бургулюкской культуры; *г* — поселения времени Каунчи I—III; *д* — современные города; *е* — города средних размеров; *ж* — древние рудники; *з* — современные селения. Составитель Ю. Ф. Буряков

Эпоха собственно урбанизации в Чаче связана со временем бытования здесь каунчинской культуры. Время становления местных городов — первые века до н. э. или рубеж н. э. (Буряков Ю. Ф., 1975, с. 187). Для этого времени выявлено 97 поселений, из которых, видимо, 13 относятся к разряду городских (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 109). Размеры сельских поселений различны: от 0,3 га до 14 га, но обязательной чертой их является наличие укрепленного ядра или укреплений вокруг всего поселения. По характеру планировки можно выделить следующие типы: 1) поселение с укрепленным ядром (цитадель) и отсутствием стен вокруг собственного поселения (Чангтепе, см.: Буряков Ю. Ф., 1978, с. 103—113); 2) поселение с укрепленным ядром и наличием укреплений вокруг собственного поселения, обычно они сравнительно небольших размеров (Шаштепе, см.: Буряков Ю. Ф., Филанович М. И., 1979, с. 49—50; Аскаров А. А., Филанович М. И., 1980; У истоков древней культуры..., с. 91 и сл.); 3) отдельно стоящее большое укрепленное здание (Кадовадтепе, Туртукультепе 2 в Юсупхане, см.: Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М., 1973, с. 14—15). Большинство цитаделей (центральных укреплений) имеет овальную или округлую в плане форму. Строительный материал, который используется в сельских поселениях,— прямоугольный сырцовый кирпич в сочетании с пахсой. Наблюдения над топографией показывают, что в каунчинскую эпоху происходит дальнейшее расширение освоенной человеком территории. Если ранее поселения располагались только в районе низовий рек, то теперь начался переход к освоению долин Чирчика и Ахангарана целиком, а также отдельных участков их притоков (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 114).

В истории собственно городов Ташкентского оазиса рассматриваемой эпохи выделяются два этапа, в основном совпадающих с этапами развития каунчинской культуры. К первому этапу относятся Канка, Шаркия, Дальверзинтепе, Кендыктепе, Каунчитепе, Актобе 2. Города этого времени сконцентрированы в сравнительно узкой географической зоне — в западной равнинной части вдоль Сырдарьи и в низовьях основных притоков. На втором этапе возрастает число городов и расширяется зона их распространения. В старой урбанизированной зоне возникают города Туртукультепе I, Туртукультепе II, Шаматепе и Аккурган. В это же время появляются города и в глубине оазиса, на границе со скотоводческими районами степной и предгорной зоны (Кавардан, Кульата, Мингурюк) (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 111). С точки зрения планировки выделяются два типа городов: 1) с правильной планировкой; 2) неправильной, аморфной конфигурации. К первому типу относятся все города раннего и позднего этапов, расположенные на Сырдарье. Для них характерен прямоугольный и квадратный план, расположение в одном из фасов квадратной в плане цитадели, ров, окружающий город. В глубине оазиса встречаются и города этого типа (Турткультепе I, Мингурюк), но основная масса их имеет неправильную форму, обычно повторяющую рельеф. Цитадели этих городов обычно круглые или овальные в плане (Кентыктепе, Аккурган, Кавардан).

По всей видимости, города первого типа рождались под влиянием согдийских традиций, поскольку появились они впервые на границе с Согдом. Второй тип, видимо, развивает планировку более древних поселений, тесно связанных с полукочевым бытом земледельческо-скотоводческих племен, сочетавших стационарные и временные постройки и загоны для скота (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 113).

Самым крупным из городов в это время является Канка. Он был обнесен новой монументальной стеной, охватившей территорию более 150 га. Старое городское ядро превращается в цитадель. Так называемый «первый Шахристан» Канки фактически начинает выполнять роль цитадели. Город имеет теперь прямоугольную форму со срезанным (вследствие особенностей рельефа) северо-западным углом. Он окружен двойной стеной, имеющей внутренний коридор. Застройка достаточно густая. Видимо, Канка в это время являлась столицей Ташкентского оазиса (владения Юни) (Буряков Ю. Ф., 1975, с. 187).

Шаркия имеет площадь 21 га, форма ее плана — квадрат, углы которого ориентированы по странам света. Близкая планировка у Дальверзинтепе.

Кендыктепе удачно (в фортификационном отношении) расположено на защищенном с трех сторон естественной водной преградой мысу между Ахангараном и Бургулюксаем. Удлиненная, не совсем правильной формы территория его (площадь около 25 га) разделена протоками (или искусственными рвами) на три части. Две части заняты городом, оборона которого усилена отдельно стоящими вдоль воды прямоугольными пахсовыми башнями. Наиболее уязвимая площадь на юго-востоке защищена

круглой в плане цитаделью. В основании ее монументальная стена (толщина более 3,5 м) из прямоугольного кирпича, стоящая на кирпичной же платформе. Позднее она была перестроена и над ней появилась новая стена — из кирпича и пахсы. Наконец, последняя (по времени) стена — пахсовая. Застройка на территории города густая с плотно примыкающими друг к другу многокомнатными домами. Выделяются мастерские ткачей, ювелиров, а в одном хозяйстве — помещение типа лавки (Древности Туябугуза, с. 101—109). В другой части города располагались керамические мастерские, в которых обжигалась посуда, курильницы, подставки, «шашлычницы», пряслица и другие керамические поделки. В северо-восточной части города находилась крупная мастерская ремесленника-металлиста.

Несколько иное функциональное назначение другого пункта долины Чирчика — Каунчитепе. Оборонительные стены, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича, достигают толщины 6,5 м. Вплотную к ним примыкает жилая застройка, которую можно понимать как казарменную (ср.: Негматов Н., Хмельницкий, С. Г., 1966, с. 109).

Кавардан расположен в удобном в стратегическом отношении месте — в излучине Чирчика и на границе адыров. С двух сторон он защищен рекой, с третьей — ее притоком. Со стороны предгорий и сая он защищен стеной. К Чирчику выходит круглая в плане цитадель. Ранняя система ее укреплений возведена в виде двойной стены из прямоугольного кирпича и пахсовых блоков в пору позднего Каунчи I. Основная система городских укреплений, состоящая из ординарных стен, перемежаемых башнями округлой формы, возводится в период Каунчи II, к которому относится и наиболее широкое освоение городской территории. Однако плотно освоенные участки сочетаются с обширными мало застроенными площадями. Можно думать, что в городе стояли и юрты.

В среднем течении Ахангарана появляется город Кульата. Крепостное ядро его возникает в эпоху Каунчи I, а на втором этапе город достигает максимальных размеров (площадь до 50 га). В цитадели прослеживается три этапа перестроек. Плотное кольцо сплошной застройки окружает цитадель на площади до 10 га, а остальная территория освоена лишь местами. Специфической чертой города является обилие следов металлургического производства. По всей видимости, Кульата был специализированным металлургическим центром. Превалировало производство цветных и благородных металлов. Источники руды были в горах Карамазара (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 111 и сл.).

Города в долине Чирчика формируются, видимо, в первую очередь как крепости на границе со степью. На первом этапе к их числу можно отнести Каунчитепе. На втором — Туртукультепе I и Мингурюк. Туртукультепе I имеет правильную подквадратную форму. К стене, имеющей толщину 8 м, изнутри примыкает сплошная линия помещений, состоящих из одной-двух комнат, выходящих в коридор. В них можно видеть специальные помещения для воинов (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 112). Укрепления Мингурюка характеризуются более четкой планировкой. Оборонительная стена из пахсы, перемежающейся рядами кирпича-сырца, имеет у основания толщину 6,5 м, высоту более 5 м, завершается валгангом. Снаружи основание стены укреплено выступающей платформой из кирпича и пахсы. К стене примыкают изнутри помещения правильной планировки, в которых одни исследователи видят дома большесемейных общин (Воронина В. Л., 1950б, с. 190—191), другие — казармы для воинов (Негматов Н., Хмельницкий С. Г., 1966, с. 109). Фортификация и планировка города носит ярко выраженный крепостной характер (Древний Ташкент, с. 41).

Застройка. Строительная техника. Архитектура. Архитектура каунчинской культуры (за исключением оборонительной) изучена еще недостаточно. В качестве строительного материала обычно используется комбинация сырцовых кирпичей и пахсы. В некоторых пунктах встречены кирпич-сырец квадратного формата (40×40×10—14 см). Но этот стандарт не характерен для каунчинской культуры. Чаще всего применяется кирпич прямоугольного формата крупного размера (40—53×23—26×9—12 см). Используется и трапециевидный кирпич — для выведения сводов. На позднем этапе начинается строительство купольных конструкций. На протяжении периода происходит усовершенствование строительной техники и к середине I тысячелетия н. э. создается оригинальная система — выкладка блоков из рядов кирпичей в пахсовом футляре, придающая сооружению монументальность пахсовых конструкций, но в то же время достаточно гибкая, что не свойственно самостоятельным пахсовым и кирпичным конструкциям. Перекрытия были как сводчатые (в длинных и узких помещениях), так и плоские, выполненные из деревянных балок. На Кендыктепе, в частности, обнаружены остатки сгоревшей кровли (Древности Туябугуза, с. 102). Иногда встречались и деревянные колонны (там же, с. 105).

Жилища каунчинской культуры изучены недостаточно. Ряд помещений открыт на Мингурюке. Они примыкают непосредственно к стене; сложены из прямоугольного и квадратного кирпича. Некоторые исследователи видят в них жилища большесемейных общин (Воронина В. Л., 1950б, с. 190, 191), другие — казармы для воинов (Негматов Н., Хмельницкий С. Г., 1966, с. 109). Казарменного типа постройки зафиксированы также на Каунчитепе (там же). Иного характера застройка зафиксирована на Кендыктепе (Буряков Ю. Ф., 1975, с. 180, 181). Здесь вскрыт отрезок улицы, дома расположены по обе стороны ее. Любопытно, что отдельные помещения вытянулись в один ряд. Характерным является сочетание в одном комплексе жилых и производственных помещений. В некоторых помещениях открыты пристенные очаги (типа каминов). Можно полагать, что эти жилища принадлежат ремесленникам.

Единственное известное дворцовое сооружение происходит не с собственно территории Чача, а из района Чардары (на Сырдарье), но политически этот район подчинялся Чачу, что позволяет использовать эти материалы для характеристики архитектуры Ташкентского оазиса (Древности Чардары, с. 35; Буряков Ю. Ф., 1982, с. 112). Дворец этот расположен на поселении Актобе 2. В плане он представляет собой прямоугольник со скругленными углами размером 24×18,5 см. Он состоял из кресто-

образно расположенных пяти небольших помещений входного комплекса и двух коридорообразных помещений, огибавших с запада и востока все здание. С юго-запада к входному комплексу примыкала потайная лестница и колодец. В центре здания находилось квадратное помещение (3,6×3,6 м), сообщавшееся высокими арочными проходами со всеми остальными помещениями. Оно сохранилось на высоту 6—6,25 м, имело плоскую кровлю. Почти в центре его располагался колодец (позднее засыпанный). Малые помещения перекрывались сводами (за исключением одного, № 7, перекрытого куполом на примитивных тромпах). Арки и своды выполнены из сырцового кирпича квадратного формата (38—42×31—42×10—12 см), стены — из квадратного и прямоугольного (47—52×28—32×10—12 см). Толщина стен помещений не меньше 2 м. Стены покрывались глиняной штукатуркой. Кривая арок — многоцентровая, высота подъема их от 65 до 80 см при общей высоте 1,9—2,4 м. Они сложены поперечными обрезками. Храмовые сооружения в Чаче рассматриваемой эпохи еще не обнаружены.

Хозяйство. Каунчинская эпоха знаменует значительный прогресс в экономике Ташкентского оазиса по сравнению с бургулюкской эпохой. Качественно новой является база земледелия. От каирного и лиманного орошения начинается переход к поливному земледелию, основанному на искусственном орошении с помощью крупной и мелкой сети каналов и арыков, сооружению защитных дамб и небольших водохранилищ. Зачастую под каналы приспосабливались спрямлявшиеся русла иссыхающих или оставленных протоков (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 114).

К первым векам н. э. относится создание крупнейшего в правобережье Чирчика канала Зах, который, начинаясь почти от предгорий, протягивается более чем на 20 км для орошения удобных площадей восточнее Ташкента. В его головной части вырастает специальное укрепление Паргостепе, а на отводах развивается система поселений (Кулокчинтепе, Таукаттепе, Бузгонтепе и др.) (Дадабаев Г., 1974, с. 12—13). Наиболее освоенной была полоса в нижней трети долины Чирчика — от Ташкента до Янгиюля, на базе превращенных в каналы древних естественных протоков Салара, Джуна и Куркульдука.

На территории Ташкента ранняя группа оседлых пунктов формируется на базе вод Карасу — Салар-Джун, т. е. южной системы, непосредственно примыкающей к Чирчику. Это Бузгонтепе, Таукаттепе, Мингурюк, Кугаиттепе, Шаштепе. Все они, за исключением Мингурюка, носят типичные черты сельских поселений. Небольшие удобные земли осваиваются в верховьях реки (Кадовадтепе), где земледелие может сочетаться с садоводством, и в ее низовьях (Ахмадтепе).

В левобережье Чирчика определенно существовал канал Ханарык, обеспечивавший водой Кавардан и его округу. Ниже по течению — картина менее ясна. Вероятно, здесь функционировали иссыхающие протоки уходящего к северу Чирчика. Каналы в бассейне Ахангарана незначительны и проведены в основном из русел саев и ручьев. Это Акташ, Кырккизбулак, Карасу, Шаркия, Бахорсай. Локальные участки освоены вдоль Бургулюксая на периферии Кендыктепе. Можно думать, что основная масса населения новых поселений создавалась за счет оседания на землю кочевников (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 114—115).

Развитие оседлоземледельческой экономики способствовало более широкому освоению сырьевых богатств и развитию ремесел, в первую очередь металлургии, особенно в южных районах. В первые века н. э. начинается извлечение полиметаллических руд, обогащенных медью и серебром, в Алмалыкском горно-металлургическом районе. Позже включаются железные рудники в Карамазарском хребте по Кендырсаю, Шаугазу и Каракиясаю. В Кокреле добываются медные и железные руды. Важную роль в южных районах играет разработка золотосодержащих руд. Наряду с добычей в левобережье Ахангарана (Кочбулак) начинается извлечение золота в горах Южного Чаткала. В бассейне Чирчика определенно засвидетельствованы горные разработки пока лишь в Пскеме, где проводился сбор обогащенного железом галечника в долине и открытая выработка по разлому.

Постановка горнорудных работ очень кустарна, часто связана с разработкой маломощных по запасам месторождений, но с богатым содержанием руды. Добыча идет по зонам дробления, разломам, раздувам с выработкой отдельных открытых зон и россыпей, чтобы получить руду хотя и в небольших масштабах, но с минимальными затратами на подсобные работы и крепления. Это показатель слабой организации труда рудокопов. Однако перечень объектов показывает начальный этап знакомства с рядом золотых и серебряных пунктов Чач-Илака (Буряков Ю. Ф., 1975, с. 101—102).

Плавка руд, вероятно, в основном проводилась близ рудников, однако уже появляются специализированные пункты. Первичная обработка сырья проводилась и в прямоугольных печах (Кокрель), но появляются и круглые в плане (Шаугаз, Кадовадтепе, Ташбулак и, вероятно, Кульата).

Состав металлических изделий и остатки мастерских свидетельствуют о развитии различных отраслей металлургического ремесла — кузнечном, металлообрабатывающем, ювелирном. Имеются данные о кузнечной и ювелирной мастерской Кендыктепе, на Кульата. Медные и бронзовые шлаки найдены на Каунчитепе (Григорьев Г. В., 1940, с. 5; 1948, с. 48). Имеются данные о добыче самоцветов, строительного и поделочного камня и минеральных красителей, в первую очередь охристых из района Чанги, а также производственных для керамического ремесла, в котором наряду с обычными используются и каолиновые глины.

Преобладающая масса посуды формовалась вручную, лишь незначительный процент изготовлен на гончарном круге (Древности Чардары, с. 36—62; Левина Л. М., 1971, с. 96—109). В системе обжига исследователи выделяют посуду напольного обжига и горновую (Древности Чардары, с. 36). Горны, известные по мастерским Кендыктепе, круглые в плане, одноярусные, полуподземные.

С переработкой продуктов животноводства связаны прядильное и ткацкое ремесла, причем и отвесы ткацких станков и разнообразная форма прясел найдены и в городах и на поселениях. Отдельные

находки говорят о косторезном и деревообрабатывающем ремеслах.

Ремесленные мастерские сосредоточены не только в городах, но встречены и на поселениях. Последние концентрируются вокруг городских центров, но не являются простыми потребителями продукции города, а сами принимают активное участие в ремесленно-производственной жизни региона.

Орудия труда и оружие. Для Каунчи I характерно достаточно широкое распространение орудий труда и оружия, выполненных из железа. Известны: мотыжка, однолезвийные ножи с прямой и скругленной спинкой, крючья, звенья железной цепи, серпы, а также пластины от панциря, железные однолезвийные кинжалы с широким клинком и коротким слегка изогнутым черенком, двулезвийные мечи, наконечники стрел, преимущественно трехперые черешковые, поясные наборы (Древняя и средневековая культура Чача, с. 26 и сл.) (табл. CXLVI—CXLIX).

Для периода Каунчи II характерны: железные обоюдоострые мечи с рукояткой без перекрестия, однолезвийные черешковые ножи, трехперые и узкие четырехгранные черешковые наконечники стрел (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 76).

В каунчинское время достаточно широко распространяются каменные жернова, хотя встречаются и зернотерки. Встречаются каменные ткацкие грузила, пряслица, точилки.

Основная масса керамики Каунчи генетически не связана с бургулюкскими традициями.

В период Каунчи I керамика представлена почти целиком лепной посудой. Однако формы и стандарты свидетельствуют в пользу ремесленного производства. В противоположность Бургулюку керамика целиком плоскодонна. Многие формы сосудов по светлому ангобу украшены росписью коричневого или черно-коричневого цвета с растекающимися полосами.

Основные формы — хумы и хумчи яйцевидной, иногда даже вытянутой формы. На широком донце — следы подсыпки песка, зерна или матерчатой основы. Горловина невысокая, устье часто по размерам равно донцу, венчик слегка отогнут наружу, утолщен или чаще с подтреугольным клювовидным отворотом. На плечике иногда тамга — сдвоенные треугольники, крест.

Кувшины одноручные также вытянутой формы, но с утяжеленной нижней половиной тулова, широким устойчивым основанием. Плечики покатые, четкая горловина завершается округлым или подтреугольным венчиком. От плечика к середине горловины или к закраине поднимается миндалевидная в сечении ручка. Изредка она оформляется в виде фигурки животного, иногда просматривается его вид — чаще баран с завитыми рогами, но есть и только рога или насечки, имитирующие шерсть. На противоположной от ручки стороне изредка подлеплен цилиндрический носик со слегка выделенным сливом. Сосуды этого типа также украшались темной краской внаплеск иногда волнистыми линиями, изредка рядами насечек. Л. М. Левина отмечает сосуды с рифлением (Левина Л. М., 1971, с. 180). Однако этот тип в Каунчи I встречается лишь как исключение.

Характерны широкогорлые горшки с открытым устьем и устойчивым дном. Высота их близка к максимальному диаметру тулова. По плечикам две небольшие ручки. Орнамент очень редок, повторяет украшения кувшинов.

К ним приближаются по форме горшкообразные котлы, представляющие собой одну из самых распространенных форм культуры. Глина с примесями, формовка часто грубая. Они имеют округлое или слегка вытянутое вверх тулово, мягкий переход к плоскому дну. Плечики и округлые и тянутые, с двух сторон небольшие вертикальные ручки, спускающиеся непосредственно от закраины на плечико. По плечику часто проходит жгутовидный орнамент или изображение бараньих рожек. Близки к ним по форме горшки-котлы прохоровского типа, изготовленные из глины с шамотом. Стенка в изломе черного цвета. Эти сосуды преимущественно одноручные.

Вторая наиболее распространенная форма — небольшие горшочки-кружечки. Среди них и невысокие формы с округлым туловом, типичные кружки и более вытянутые, переходящие в горшочки. Переход к донцу иногда с округлением, закраина обычно прямо поставлена и заострена. Встречаются и упрощенные варианты подпрямоугольной и конической формы. Характерной чертой их является ручка-петелька на плечике. Часто она завершается фигуркой животного (баран, но есть и другие виды).

Не менее распространены миски и небольшие и крупные. Это невысокие сосуды открытой формы с небольшим плоским донцем, расширением нижней части стенки к середине тулова и резким или плавным переходом к прямо поставленному простому заостренному или утолщенному с плоским верхом венчику. Иногда венчик слегка загнут внутрь. Изредка встречаются крупные миски с кольцевыми ручками.

Небольшая по составу, но характерная форма — фляги типа мустахара с одним плоским и другим выпуклым краем. Размеры их различны — от очень маленьких до сосудов полуметрового диаметра. В большом количестве в слоях Каунчи I представлены невысокие толстодонные сосуды с коротким вертикальным или коническим бортиком — сковороды или жаровни. Встречены также небольшие курильницы — плошки. Крышки сосудов — плоские и дисковидные, иногда с процарапанным или рельефным, налепным орнаментом и различными формами ручек.

Характерной формой комплекса являются подставки — «шашлычницы», завершающиеся по бокам протомами с головками баранов. Они включают и реалистические изображения животных, вплоть до рельефной разделки шерсти и стилизованные с условной трактовкой отдельных элементов.

Для периода Каунчи II характерны следующие керамические формы: хумы яйцевидной формы, с выделенной горловиной и профилированным венчиком. Наряду с формой, у которой диаметр дна равен диаметру венчика и донная часть формуется на матерчатом шаблоне, появляются сосуды более стройных пропорций, изготовленные и ленточным способом и комбинированно с частичным применением гончарного круга. Венчики, в основном клювовидные, с утолщением бережка, но встречаются и подтреугольные в сечении. На плечике встречаются проца-

рапанные тамгообразные знаки, тулово иногда покрыто коричневой или черной краской вnaплеск. На позднем этапе распространяется массивный венчик, украшенный снаружи вертикальными пальцевыми вдавлениями.

Наряду с ними в горах района продолжают бытовать хумы бочонкообразной формы со слегка округлым туловом без выраженных плечиков. Венчик резко, почти под прямым углом выгнут наружу и прямо срезан по бережку. В сечении ободок венчика подковообразной формы. Хумчи широкогорлые, также яйцевидной и бочонкообразной формы, венчики подтреугольные в сечении, но встречаются прямые с утолщением, иногда обращенным внутрь с желобком по плоскому бережку для упора крышки. Котлы трех вариантов: горшковидные грушевидной формы с вертикальной ручкой; подцилиндрической формы с горизонтальными ручками в виде жгутов; шаровидные с налепными ручками разных форм — прямые и гофрированные налепы, ушковидный налеп.

Более разнообразны, чем на первом этапе, кувшины. Форма тулова округлая вытянутая, дно довольно устойчивое. Горловина выделена, но различных размеров и профилировки. Характерна пластинчатая или миндалевидная в сечении ручка (иногда с желобком на спинке), опирающаяся нижним краем в плечико, верхним — в середину горловины или под венчиком. Некоторые ручки украшены пальцевыми вдавлениями или насечками. Появляются тонкостенные красноглиняные сосуды станковой работы с вертикальным тонким венчиком, округлым валиком под желобком, иногда сложно профилированной закраиной, изредка с уступом-полочкой на внутренней стороне горловины.

Со времени Каунчи II известен тип широкогорлых кувшинов, иногда очень крупных с горизонтальным рифлением горловины и поперечной подлепной ручкой (иногда двумя на противоположных сторонах плечика). Ручка миндалевидная, сжата так, что иногда вместо желобка остается узкое углубление с острыми краями. Кувшины с носиками на плечике становятся более редки. Реже используется орнаментация их краской вnaплеск, переходящая больше на крупные и среднестенные сосуды, но есть кувшины, украшенные подковообразными и галочковидными завитками, шире распространяется рельефный орнамент — горизонтальные, волнистые и зубчатые полосы иногда в несколько рядов, точечный орнамент, рифление, налеп, иногда комбинирование нескольких элементов. Горшки и котлообразные сосуды сохраняют форму, характерную для предшествующего этапа, но наряду с ними встречаются двуручные котлы грушевидной или подцилиндрической форм, горловины не выделены или выделены слабо, венчик резко отогнут наружу и прямо срезан. С внутренней стороны венчика иногда полочка-уступ для крышек. Встречаются подтреугольные в сечении венчики, повторяющие форму горшков.

Широкогорлые горшки баночной формы и лепные и сформированные на гончарном круге иногда также с двумя ручками. Ручки и овальные и прямоугольные в сечении, смятые с боков и петлевидные. Стенки украшались рельефными налепами, насечками, волнистым процарапанным орнаментом. Мелкие горшки покрываются иногда красным лощением или красочной плетенкой (ромбы, пересекающиеся треугольники) черного и коричневого цвета. Крупные иногда покрываются густым коричневым ангобом с лощением.

Кружечки-горшочки, как и в Каунчи I, являются характерной формой второго этапа. Особенностью их является, что многие кружки покрыты красным или коричневым лощением. Встречаются экземпляры, покрытые орнаментальной плетенкой. Интересно на одном из сосудов сочетание налепа — животного и плетенки. Там же широко распространены открытые чаши. Преобладают сосуды с профилированной стенкой тулова, часто с изломом, но встречаются и полусферические. Стенки чаш покрыты и черной краской вnaплеск и красно-коричневой с лощением.

Наряду с ними встречаются более крупные сосуды, миски, которые снабжаются двумя ручками петлевидной формы.

Продолжают использоваться сосуды-фляги типа мустахара округлой формы с одним уплощенным боком и широким устьем, оформленным округлым валиком. На некоторых из них также сохранились тамгообразные знаки. В большом количестве встречены сковородообразные плоскодонные сосуды с устойчивым плоским дном и вертикально подлепленной стенкой. Лепка грубая, глина с большой примесью отощителя, иногда даже в виде мелких камешков. Они могли выполнять роль и сковород и жаровен. Но на Кендыктепе встречены интересные формы жаровни в виде цилиндрического котла без дна, закопченного изнутри.

Для Каунчи II более, чем для первого этапа, характерно обилие крышек, в основном грубоватых по выделке, плоских с ручкой-отростком в центре или вертикальными ручками ближе к краю крышки. Орнамент и рельефный налепной и вдавленный, мотивы разнообразны.

Среди керамических изделий, сопровождающих бытовые комплексы, в большом количестве встречены поделки в виде головы быка, трактованной и реалистично с выделением ноздрей, глаз, рожек и даже разделкой шерсти, и стилизованно, но обязательно с ямочными вдавлениями.

По сравнению с Каунчи I, таким образом, мы можем отметить в керамике следующие элементы: возрастающий масштаб тонкостенной посуды, сосудов, изготовленных на гончарном круге, в основном медленного вращения, появление ранее неизвестных форм, характерных для Джетыасарского комплекса II—III вв. н. э., например, широкогорлых горшков с рифлением горловины и поперечной петлевидной ручкой. Вновь распространяется орнаментальный узор — плетенка, прослеживается нарастание керамических форм (особенно в столовой посуде) с лощением внешней поверхности, в основном красного и черного цвета. Лощение и густое с интенсивной окраской и тонкое полосчатое. Вероятно, для Каунчи II можно считать более характерным в орнаментации сосудов изображение на ручках фигурок животных и реалистичных и стилизованных (Левина Л. М., 1971; Буряков Ю. Ф., 1982, с. 72 и сл.).

Бытовая утварь. Бытовая утварь Ташкентского оазиса известна плохо. Для периода Каунчи II можно отметить широкое распространение светильников. Это и плоские плошечки с ручкой-стерженьком или

даже без него, и курильницы на ножках. Резервуары и полусферические или конические, расширенные наружу и иногда почти закрытые, с прорезами. Ножки грубоватые, утолщенные, часто в виде сплошного конуса. Поделки обычно изготовлены грубо, иногда слабо обожжены. Украшения и налепные и процарапанные — линейные или точечные. Встречаются бронзовые зеркала.

Украшения. Украшения представлены не очень полно. Известны золотые браслеты и бляшки, серьги (иногда с инкрустацией, иногда с зернью), бусы (каменные, металлические и стеклянные), серебряные, бронзовые и железные перстни. Иногда браслеты делаются следующим образом: на перевязь из нити или жилки нанизываются чередующиеся бронзовые бубенчиковидные пуговки с петельками и крупные стеклянные бусы. Печати, как правило, бронзовые в виде небольших цилиндров с петелькой. На лицевой стороне имеются негативные изображения (растительные мотивы, животные). Пряжки бронзовые в виде колец и ромбов, крепящихся к рамке штифтами, и в виде замочка квадратной формы (Буряков Ю. Ф., 1982, с. 76).

Погребальные памятники и обряд захоронения. Погребальные обряды периода Каунчи представлены в основном курганными захоронениями с лёссовой, реже каменной насыпью. Конструкция могил — катакомбы с поперечным, реже продольным дромосом. Погребения одиночные, парные или групповые, трупоположения на спине. Сопровождаются инвентарем в виде сосудов, орудий труда, украшений. Этот обряд свойствен как кочевникам, так и горожанам.

Интересна находка вместе с катакомбными ямных и подбойных захоронений с каунчинскими материалами, но несколько иным типом трупоположения — раскрытыми руками и ногами, в «позе всадника» (Древности Туябугуза, с. 118). Такого рода захоронения известны на прохоровском и сусловском этапах сарматской культуры II—I вв. до н. э. (Абрамова М. П., 1959, с. 54—57).

Культовые предметы и сооружения. По всей видимости, культовое значение имеют зооморфные ручки, часто встречающиеся в керамике Ташкентского оазиса. Преобладают изображения фигурок баранов: от реалистических до крайне стилизованных и даже до воспроизведения лишь отдельных элементов (головки, рожки, имитация руна). Б. А. Литвинский связывает их с культом фарна (Литвинский Б. А., 1968, с. 46—58, 75—111). Возможно, также имеют культовое назначение и так называемые шашлычницы-подставки с головками баранов, повернутых в разные стороны. Значительная часть их обожжена, однако утилитарное назначение их (Григорьев Г. В., 1937) не доказано. На позднем этапе Каунчи II на подставках изображается голова быка. Встречаются имеющие культовое значение терракотовые статуэтки кабана (Канка), коня (Кадоваутепе). Видимо, имели религиозную символику изображения, процарапанные на сосудах. Преобладают знаки в виде круга, креста, креста и линий, креста в круге. Помимо известных ранее таких изображений (Григорьев Г. В., 1948, с. 55; Древности Чардары, с. 61, 294), в последние годы добавились сосуды со знаками из Кавардана, Кендыктепе, Шаматепе, Туртукультепе I. Более оригинально изображение на одной из фляг, найденной возле Кендыктепе: прямоугольник, разделенный на четыре части крестом, и отходящая от него волнистая линия, завершающаяся утолщением в форме змеиной головки (Древности Туябугуза, с. 110).

Большую группу находок составляют керамические каменные и медные печати — цилиндрические подвески с отверстиями для продевания нитей. Изображения на них рельефные, часто двусторонние. Знаки — те же самые, что и на сосудах: кресты, круги, круги с лучами. Г. В. Григорьеву встретилась печатка со схематичным изображением человеческого лица среди солнечных лучей (Григорьев Г. В., 1948, с. 55). Интересна и бронзовая печатка с Кандыктепе, на одной стороне которой изображен олень, на другой — сибирский козел с крупными откинутыми назад рогами. Культовое значение имеют и терракотовые статуэтки (см. ниже).

Искусство. Искусство Чача античной эпохи практически еще не известно. Имеется некоторое количество терракотовых статуэток, относящихся к самому концу рассматриваемой эпохи или, возможно, к самому началу следующей. В их числе барельефные изображения на плоских терракотовых плитах, например изображение женщины с лютней в руках — по всей видимости, часть скульптурного фриза (размеры 34×16 см), найдена возле Канки, датируется IV—V вв. н. э. (Абдуллаев К., 1974б, с. 45—48). К этому же времени, видимо, относится и плакетка с изображением всадника (Усова Е., Буряков Ю., 1981, с. 44 и сл.).

Монеты. Развитие городов, рост товарно-денежных отношений имели своим результатом появление местной монеты. Уже после первых монетных находок (16 из дальверзинского клада и одна из Канки) был поставлен вопрос о существовании чачского чекана (Массон М. Е., 1953, с. 27). В настоящее время монет этого чекана известно более 1250. Изучение их, однако, только начинается. На данном уровне изученности можно говорить уже о массовом выпуске и длительности периода их чеканки, наличии нескольких номиналов. Видимо, начало чекана монеты в Чаче относится к III в. н. э. Монета — медная, плоская, скифатная, кружок не всегда круглый, иногда с рваными краями, вес варьирует от 0,2 до 2,95 г. Основной тип представлен изображением на лицевой стороне головы государя влево, на обороте — тамга и легенда. Более редкий тип — с портретом царя на лицевой стороне, обращенным вправо.

История Ташкентского оазиса в I тысячелетии до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э.— это история постепенного развития и становления местного классового общества и государства. Этот процесс происходит на базе прогресса экономики. Здесь возникает государство, которое китайские источники называют Юни. Первоначально оно является малым владением в составе Кангюя, а затем входит в ядро этого государства. В конце II — начале III в. н. э. из Кангюя выделяется самостоятельное владение Чач. История Ташкентского оазиса в рассматриваемую эпоху характеризуется взаимодействием кочевнических влияний и влияний Согда. Однако воспринимать Ташкентский оазис только как объект влияний было бы неправильно. Он сам в свою очередь в период существования каунчинской культуры активно влиял на Согд.

Глава шестнадцатая
Фергана

Фергана в первые века до н. э. и первые века н. э. продолжала играть значительную роль в истории восточной части Средней Азии. Сведения письменных источников о древней Фергане, сохранившиеся главным образом в китайских исторических хрониках, крайне скудны и отрывочны. Большинство историков и востоковедов принимают отождествление царства Давань (Да-Юань) китайских летописей с Ферганой, предложенное более 200 лет назад французским синологом Ж. Дегинем. Китайские сведения о Давани относятся ко II—I вв. до н. э. и к первым вв. н. э. По этим данным Фергана предстает как страна высокоразвитого земледелия и скотоводства, причем особо славились знаменитые даваньские лошади. В стране было много городов. Особо отметим сообщение источников о сходстве развития культуры Ферганы и Бактрии. Упоминаемые у римских авторов Плиния и Помпония Мелы (42 г. н. э.) париане (pariani) в перечне народов, обитавших на северо-востоке Средней Азии, к северу от согдийцев и бактрийцев, на Яксарте (Сырдарье), возможно, обитали где-то в Ферганской долине. Локализация в Фергане народа париканиев, о котором сообщает Геродот, предложенная еще Э. Херцфельдом и поддержанная К. В. Тревер (1955), А. Н. Бернштамом (1951а, б), Ю. А. Заднепровским (1954), в настоящее время отвергается (Лившиц В. А., 1963; Литвинский Б. А., 1965) (рис. 17).

Население Ферганы, судя по археологическим данным, сохранило свою культурную самобытность и, по всей вероятности, и свою политическую самостоятельность в период утверждения власти Ахеменидов в Средней Азии. На берегах Сырдарьи у западных границ Ферганы были остановлены войска Александра Македонского. Для последующего периода в источниках сохранилось известие о походе селевкидского полководца Демодама за Яксарт и о походе греко-бактрийского правителя Евтидема в страну серов (в Восточный Туркестан). Однако у нас нет никаких оснований предполагать вхождение Ферганы в состав державы Селевкидов и в состав Греко-Бактрийского царства. В конце II в. до н. э. через Давань прошли племена юечжей, которые позднее на юге Средней Азии заложили основы будущей империи Кушан. Судя по археологическим данным, Фергана вопреки высказанному А. Н. Бернштамом (1951а, 1952) предположению не вошла в состав кушанского государства (I—IV вв. н. э.) и сохранила свою самостоятельность (Горбунова Н. Г., 1975а, б, в; Массон М. Е., 1975). Из краткого исторического обзора видно, что на протяжении всего древнего периода Фергана сохраняла свою самостоятельность. Это положение находит наиболее убедительное подтверждение в оригинальности ее культуры, выявленной в ходе археологических исследований.

Как и для предыдущих исторических периодов, только работы экспедиции ГАИМК 1930, 1933—1934 гг. под руководством Б. А. Латынина заложили основы научного изучения памятников первых веков до н. э. и первых веков н. э. (Латынин Б. А., 1935а,б; 1956; 1961).

Большие материалы по рассматриваемому периоду были собраны в ходе наблюдения на строительстве ряда каналов в Фергане в 1939—1940 гг. (Массон М. Е., 1940в; Гулямов Я. Г., 1951; Жуков В. Д., 1940, 1951; Оболдуева Т. Г., 1940; 1951; Заднепровский Ю. А., 1953).

Новый этап в изучении древней Ферганы связан с работами экспедиции ИИМК АН СССР, руководимой А. Н. Бернштамом, и особенно Памиро-Ферганской комплексной экспедиции 1950—1952 гг. (Бернштам А. Н., 1951а, б; 1952). Исследованием была охвачена вся территория Ферганской долины и соседних горных долин Алая и Кетмень-Тюбе. В результате проведенных работ А. Н. Бернштам разработал классификацию памятников и археологическую периодизацию культуры древней Ферганы (Бернштам А. Н., 1952). Большое внимание он обратил на памятники древних скотоводов и кочевников в горном окружении Ферганы. А. Н. Бернштам исследовал также вопросы развития ее хозяйства, культуры и политической истории. В его работах впервые освещены особенности исторических процессов, проходивших в Фергане с эпохи бронзы и до средневековья.

Дальнейшая разработка добытых экспедицией А. Н. Бернштама материалов по культуре древней Ферганы осуществлена Ю. А. Заднепровским в диссертации на тему «Древняя Фергана» (1954).

В 50-х годах развертываются широкие исследования культуры древнего периода Ферганы, в котором принимают участие экспедиции трех республик — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, а также центральных учреждений и местных музеев. Этот этап изучения начинается с 1954 г., когда были открыты памятники шурабашатской культуры, могильник Актам эпохи раннего железа и могильник Карабулак — важнейший памятник с катакомбными захоронениями. Южно-Киргизский отряд ЛОИА АН СССР и ИИ АН КиргССР с 1954 г. начал исследование шурабашатских поселений в Узгенском оазисе на востоке Ферганы. В итоге был выделен новый период в истории культуры Ферганы, названный шурабашатским (IV—I вв. до н. э.), который следует за эйлатанским и предшествует мархаматскому (Заднепровский Ю. А., 1956 а, б; 1958; 1960а, б, в; 1962а, б). Работы Ю. Д. Баруздина на Карабулакском и других могильниках выявили новые виды материальной культуры (импортные предметы, шелк, дерево и т. д.), которые значительно расшири-

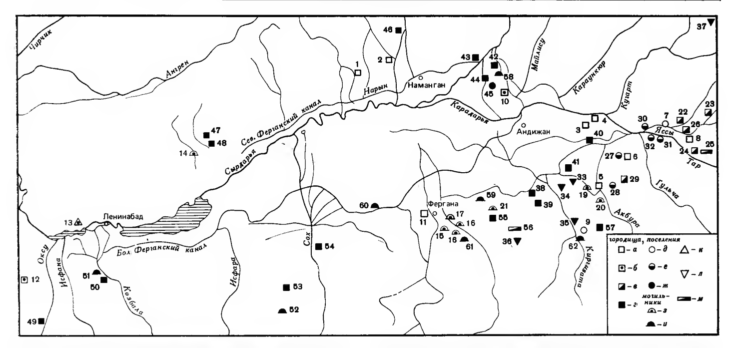


Рис. 17. Основные памятники Ферганы. Чустская культура

1 — Чуст; *2* — Тергаучи; *3* — Дальверзин; *4* — Ашкалтепе; *5* — Ошское; *6* — Хожамбаг; *7* — Бозтепе; *8* — Дехкан; *9* — Сасык-Бука. Эйлатанская культура. *10* — Эйлатан; *11* — Сымтепе; *12* — Нуртепе; *13* — Ленинабад; *14* — Дашти-Ашт; *15* — Актам; *16* — Кунгай; *17* — Суфан; *18* — Валик; *19* — Тюлейкен; *20* — Озгор; *21* — Керкидон. Шурабашатская культура. *22* — Шурабашат; *23* — Кошбулак; *24* — Карадарьинское; *25* — Карадарьинский оазис; *26* — Дунбулак; *27* — Хожамбагтепе; *28* — Мирзалимтепе; *29* — Мады; *30* — Шоштепе; *31* — Кулунчак I; *32* — Кулунчак II; *33* — Айрымачтау; *34* — Араван; *35* — Наукат; *36* — Абшир-Сай; *37* — Саймалыташ. Мархаматская культура. *38* — Мархамат; *39* — Мунчактепе; *40* — Гайраттепе; *41* — Биловуртепе; *42* — Кайноват; *43* — Кызыл-Джар; *44* — Куюктепе; *45* — Кугай; *46* — Касан; *47* — Тудаи-Хурд; *48* — Тудаи-Калон; *49* — Кара-Камарское; *50* — Кайрагач; *51* — могильник Кайрагач; *52* — могильник Карабулак; *53* — Баткенское; *54* — Отукчи; *55* — Мыктыкурган; *56* — Джилгин-Сай; *57* — Янги-Базар; *58* — могильник Кайноват; *59* — могильник Кувинский; *60* — могильник Коштепинский; *61* — могильник Кува-Сай; *62* — могильник Темир-Коруг; *а* — городище чустского периода; *б* — городище эйлатанского периода; *в* — городище шурабашатского периода; *г* — городище мархаматского периода; *д* — тепе чустского периода; *е* — тепе шурабашатского периода; *ж* — тепе мархаматского периода; *з* — могильник эйлатанского периода; *и* — могильник мархаматского периода; *к* — отдельные находки эйлатанского периода; *л* — наскальные изображения; *м* — оазисы (шурабашатского периода). Составитель Ю. А. Заднепровский

ли и обогатили наши представления о культуре древнего населения (Баруздин Ю. Д., 1956—1961).

В долине Исфары в юго-западной Фергане проводят работы археологи Таджикистана (Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955). Позднее под руководством Б. А. Литвинского в долине Исфары и в горах Карамазара (северо-западная Фергана) были проведены массовые раскопки погребальных памятников древнего периода, результаты которых обстоятельно опубликованы в четырех книгах (Литвинский Б. А., 1972; 1973а, б; 1978).

Археологи Узбекистана исследовали памятники древнего периода в Кувинском оазисе (Жуков В. Д., 1957). Значительные работы осуществлены В. И. Козенковой на Гайраттепе в восточной Фергане (Козенкова В. И., 1959; 1964). Новые памятники рассматриваемого периода обследовал сотрудник Наманганского музея Ю. Г. Чуланов (1967).

С 1962 г. начинает работы Ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Н. Г. Горбуновой, которая систематически исследует поселения древнего периода, а также синхронные могильники в разных частях Ферганы. Работы ее продолжаются до настоящего времени (Горбунова Н. Г., 1970а, б; 1971а, б, в; 1979; 1983). Исключительно ценные результаты получены в ходе многолетних работ на памятниках около Ашта в северо-западной Фергане Е. Д. Салтовской, которая обобщила их в своей диссертации (Салтовская Е. Д., 1971). Раскопки большого масштаба проведены археологами Киргизии под руководством П. Н. Кожемяко в зоне Андижанского водохранилища в 1964—1967 гг. Наибольший интерес представляют исследования на Кулунчакских поселениях шурабашатской культуры. Материалы одного поселения рассмотрены в диссертации П. П. Гаврюшенко (1970). Работы в этом оазисе были продолжены Д. Ф. Винником (Винник Д. Ф., Брыкина Г. А., 1968).

Памятники рассматриваемого периода изучались в Ахсыкете и в соседних оазисах северной Ферганы (Ахраров И., материалы не опубликованы). В юго-западной Фергане Г. А. Брыкина систематически на протяжении нескольких лет исследовала поселение и синхронный могильник Кайрагач. Небольшие раскопки на двух древних городищах осуществила сотрудник Андижанского музея Б. Абдулгазиева.

С 1972 г. Ферганская экспедиция ЛОИА АН СССР возобновила исследования памятников древнего периода и провела работы на Мархамате и Биловуре, а также на шурабашатском поселении в Карасуйском оазисе (Заднепровский Ю. А., 1977б; Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В., 1974; 1978).

Приведенный далеко не исчерпывающий перечень исследований сам по себе свидетельствует о значительном размахе работ и о большом количестве изученных памятников. В литературе освещен ряд

важных вопросов. Однако до сих пор недостаточно опубликовано работ, обобщающих результаты изучения истории культуры древней Ферганы в целом, и многие вопросы мало разработаны. К тому же материалы последних десятилетий еще не систематизированы и только частично отражены в литературе.

Проблемы периодизации истории древней Ферганы до сего времени остаются дискуссионными. В литературе известны периодизации Б. А. Латынина (1935а), А. Н. Бернштама (1952), Ю. А. Заднепровского (1954; 1959а, б; 1962а, б), сделаны попытки дробного разделения периода существования красноангобированной керамики В. И. Козенковой (1964) и Н. Г. Горбуновой (1971а, б). Однако ни одна из них не является общепризнанной.

Автор данного раздела полагает, что на смену эйлатанскому периоду приходит шурабашатский, затем сменяемый мархаматским. При этом мы исходим из того, что есть возможность наметить и более дробную периодизацию, хотя в издании такого типа, как «Археология СССР», рассматривать по этим дробным этапам (учитывая условность границ и недостаток материалов) еще нельзя. Предлагаемая периодизация выглядит следующим образом:

400 г. н. э.	Мархаматский период	Мархаматский этап
300 г. н. э.		
200 г. н. э.		Хожамбагский этап
100 г. н. э.		
0		
100 г. до н. э.	Шурабашатский период	Карадарьинский этап
200 г. до н. э.		
300 г. до н. э.		Шурабашатский этап
400 г. до н. э.		

Отметим, что Н. Г. Горбунова предлагает в настоящее время следующую периодизацию. Она считает, что II в. до н. э. — VII в. н. э. — это время существования единой кучайско-карабулакской культуры в Фергане. Внутренняя периодизация следующая: ранний этап — II в. до н. э. — I в. н. э.; средний этап — I—IV вв. н. э.; поздний этап — IV—VII вв. н. э. (Горбунова Н. Г., 1983).

С нашей точки зрения, имеющиеся археологические материалы позволяют говорить о непосредственной смене эйлатанского комплекса шурабашатским. Об этом свидетельствуют находки светлофонной эйлатанской станковой посуды в комплексе Шурабашата и на других поселениях. В то же время она никогда не встречается на памятниках следующего, мархаматского периода. На это же указывает сходство лепной крашеной посуды и распространение в обоих комплексах сходной расписной керамики. Однако различия между эйлатанским и шурабашатским комплексами столь существенны, что нельзя утверждать о простой преемственности развития. Наиболее ярким показателем служит различие станковой посуды — светлофонной и красноангобированной. Отличается и ассортимент форм посуды. На этом основании можно говорить о резкой смене культуры. Если обратиться к сравнению комплексов Шурабашат и Актама, то можно заметить определенное сходство погребального обряда (положение умершего, западная ориентация, помещение в могилу мяса барана, набор инвентаря) и лепной посуды. Резко отличается станковая посуда. Эйлатанская станковая посуда никогда не встречалась вместе с красноангобированной. Следовательно, Актам относится к более раннему периоду, чем Шурабашат. Это сопоставление указывает на существенные изменения культуры при смене эйлатанского комплекса шурабашатским.

Совсем иное положение наблюдается при сравнении шурабашатских памятников с последующими — мархаматскими. На всех этих памятниках представлены одни и те же группы керамики, но только представлены они разным количеством. Количественные, а также качественные изменения отражают постепенное прогрессивное развитие керамического производства и, очевидно, преемственное развитие культуры древней Ферганы.

Шурабашатский период (IV—I вв. до н. э.)[1] Дальнейшее развитие земледельческой культуры Ферганы отмечается в шурабашатский период (назван по городищу Шурабашат в Узгенском оазисе, где впервые в 1954 г. Ю. А. Заднепровский обнаружил оригинальную расписную лепную керамику в едином комплексе с красноангобированной). В настоящее время известно более 40 памятников этого периода. Почти половина из них исследована раскопками разной площади и шурфами. Однако большая часть памятников и добытых материалов не опубликована (табл. CL).

Шурабашатские памятники исследованы в следующих районах:

1. Долина Яссы — Шурабашат и тепе в его окрестностях; Джиланда, городище Кош-Булак, поселение Кзыл-Октябрьское, городище Кзыл-Октябрь, Дунбулак, Тенеш, Североузгенское, два тепе у Кампыр-Равата (позднее переименованные в Кулунчакские), Ана-Кызыл (Заднепровский Ю. А., 1962а; Кожемяко П. Н., 1970; Гаврюшенко П. П., 1970б). Шурабашатский сосуд найден в могильнике Караджар (Заднепровский Ю. А., 1960а).

2. Долина Карадарьи — городища и Тамтепе, Карадарьинское городище и оазис, тепе у сел. Мирза-Ака, Дехкан, Шоштепе, Южноузгенское (Заднепровский Ю. А., 1962а; Латынин Б. А., 1961; раскопки на Шоштепе продолжены Д. Ф. Винником, материалы не опубликованы). Шурабашатская керамика обнаружена также в шурфах на Узгенском городище (Горячева В. Д., 1972).

3. Долина Куршаба — Северокуршабское I городище (Заднепровский Ю. А., 1960а; раскопки на городище, названном Торткуль, провел Д. Ф. Винник, материалы не опубликованы).

4. Карасуйский оазис — городище Савай, Шалтактепе, городище Хаиттепе (Заднепровский Ю. А., 1962а). В шурфах на нескольких памятниках шурабашатскую керамику нашел О. Береналиев. На Хожамбагтепе в 1976—1977 гг. Ю. А. Заднепровским вскрыты полностью помещения дома-усадьбы верхнего горизонта.

[1] Отметим, что П. П. Гаврюшенко датирует время шурабашатской культуры V—II вв. до н. э. (Гаврюшенко П. П., 1970б, с. 20).

5. Долина Кугарта — тепе южнее Джалалабада и у сел. Каирма Базаркурганского района (Заднепровский Ю. А., 1960а).

Шурабашатская расписная керамика, кроме того, найдена на Гайраттепе (Козенкова В. И., 1964), на Биловуртепе, Мунчактепе и Мархамате. Все эти памятники сконцентрированы в восточной Фергане.

В шурабашатский период отмечается значительный рост населения. Это наглядно отражено в количестве поселений Карадарьинского и Узгенского оазисов. В чустский период в первом оазисе было всего шесть поселений, к шурабашатскому периоду количество их увеличилось в 15 раз. Значительно возросла плотность заселения. На участке 8 кв. км сосредоточено 70 поселений — 9 тепе приходится на 1 кв. км, тогда как в чустский период в Узгенском оазисе одно поселение приходилось на 20 кв. км. К этому следует добавить, что здесь возникают такие крупные поселения — древние города, как Шурабашат (70 га), Карадарьинское (10 га) и др.

Накопленные материалы позволяют предложить следующую типологию шурабашатских поселений:

I тип — многочисленные памятники, дошедшие до нас в виде округлых небольших холмов-тепе (тепе Карадарьинского и Карасуйского оазисов, Шоштепе). Это были укрепленные сельские дома-усадьбы площадью до 0,1 га. Располагаются они группами на довольно большом расстоянии друг от друга, как это отчетливо наблюдается в наиболее сохранившемся Карадарьинском оазисе. Более полное представление о памятниках этого типа дало Хожамбагтепе (Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В., 1974; 1978). Оно находится в северо-восточной части Карасуйского оазиса. Полностью раскопана постройка верхнего горизонта — прямоугольная в плане, общей площадью 750 кв. м. Дом состоял из семи комнат, расположенных в три ряда. Размеры комнат 12—20 кв. м. Имелось два выхода. Наружные стены (на краю холма) разрушены и поэтому невозможно установить, имелась ли оборонительная стена. Однако у постройки нижнего горизонта была внешняя стена (овальная в плане).

II тип — укрепленные сельские (общинные) поселения, в которых особо выделяется монументальная постройка, очевидно принадлежащая главе общины. Представление о них можно составить по Кулунчакским поселениям площадью 0,5 га. Одно из них, так называемое Кулунчакское, укрепленное, располагалось на берегу р. Яссы. Вскрыто шесть горизонтов. На уровне II—III горизонтов (время расцвета поселения) существуют оборонительные стены, окружающие его целиком. Внутри стен более 20 жилых и хозяйственных помещений, среди которых выделяется комната площадью 52 кв. м. На позднем этапе появляется отдельная крупная постройка (Гаврюшенко П. П., 1969а, б; 1970а, б). Рядом находится «первое Кулунчакское поселение». Оно представляет сейчас холм (100×50 м) с возвышением в западной части. В западной части в начале существования поселения построено монументальное здание площадью более 100 кв. м с массивными стенами и обводным коридором. Комплекс жилых и хозяйственных помещений вскрыт в пониженной части поселения. Оба эти поселения располагались в округе Шурабашата, являвшегося центром Узгенского оазиса.

III тип — неукрепленные поселения с аморфной конфигурацией, как, например, поселение Тенеш площадью до 5 га, Кзыл-Октябрьское (Заднепровский Ю. А., 1960а).

IV тип — сильно укрепленные крепости с одним, двумя или тремя возвышающимися холмами, занимающие площадь от 2,5 до 8 га. Это Кзыл-Октябрь, Дунбулак, Кош-Булак, Дехкан, Южноузгенское, Северокуршабское I (Торткуль). Все они располагаются на берегах Яссы и Карадарьи на расстоянии около 5 км друг от друга и образуют систему обороны оазиса. Раскопки на Дунбулаке, Кзыл-Октябре и Дехкане показали, что это были многослойные памятники, жизнь на двух последних возникла еще в чустский период. Кзыл-Октябрь и Дунбулак располагаются в местах переправы через Яссы, а Южноузгенское — у переправы через Карадарью.

V тип — городище правильной конфигурации, с сильными укреплениями и с цитаделью, площадь 10 га — Карадарьинское. Оно являлось центром довольно крупного оазиса. Городище четырехугольное в плане (320×330 м). С запада и востока оно ограничено оврагами, с севера — рвом, с юга — краем террасы. Городище окружено оборонительной стеной, имевшей башни. В середине западной стены выделяется высокий холм — остатки цитадели. В 1958—1966 гг. проводилось изучение цитадели. В плане она трапециевидной формы (400 кв. м), возвышается на 10 м над поверхностью городища. Вскрыты строительные остатки верхних четырех горизонтов. Внутреннее помещение перегорожено стеной, имеются четыре ямы от столбов, поддерживавших перекрытие. Стены сложены из кирпича размером 60×30×10 см. На них имеются знаки. На одном из горизонтов открыта часть хумхоны, в которой расчищено четыре хума. Внешняя стена цитадели сложена из кирпичей 38×23 см, положенных на два ряда пахсовых блоков. Небольшие раскопы произведены также на двух холмах на жилой части городища. Выявлены строительные остатки, участки пола с очагом.

В окрестностях городища в обрыве левого берега Узген-Арыка обнаружены на глубине 3,3 м остатки древних погребений с лепным кувшином и красноангобированной чашей. Сосуды аналогичны шурабашатским. Весьма возможно, что на этом месте хоронили умерших древние жители Карадарьинского городища (Заднепровский Ю. А., 1960а; 1962а).

В VI тип мы выделяем крупнейшее в Фергане городище древнего периода Шурабашат площадью 70 га. Оно находится на правом берегу р. Яссы в 10 км к северо-западу от г. Узгена. Состоит из четырех частей, вытянутых с запада на восток вдоль реки. С трех сторон оборонительная стена окружает городище. Только со стороны реки и болотистой поймы не было укреплений. Восточное городище выделяется и оно имеет особые стены. Здесь находится высокий холм, вероятно, остатки цитадели. Вокруг городища располагалось несколько тепе, составлявших земледельческую округу Шурабашата. Большая часть их была срыта при землеустроительных работах.

Небольшие раскопочные работы проведены в 1954—1957 гг. на всех частях Шурабашата. Они позволили выявить три этапа в истории поселения и охарактеризовать особенности материальной культуры (Заднепровский Ю. А., 1957б; 1960а; 1962а). Западная часть городища не была заселена в древности, судя по отсутствию культурного слоя. Она служила, вероятно, убежищем для населения и загоном для скота. Основные работы производились на городище II, на холме в северо-западном углу. Обнаружены остатки построек двух строительных горизонтов с хозяйственными ямами и многочисленными находками. На восточном городище III проведены раскопки на цитадели и жилой части. На цитадели заложили шурф для изучения стратиграфии и углубились до 9 м, но до материкового слоя не дошли. Общая высота холма цитадели составляет 12 м. Полученный комплекс керамики позволяет заключить, что цитадель существовала только в шурабашатский период.

На жилой части городища III в нижнем слое обнаружено небольшое количество станковой эйлатанской керамики и расписная керамика, сходная с материалами Актама. Поскольку эти виды керамики обнаружены только на восточном городище, то следует полагать, что первоначальное поселение возникло в эйлатанское время, возможно в конце его, именно на этом участке.

При изучении северного оборонительного вала обнаружено несколько захоронений с шурабашатскими сосудами.

Приведенные данные свидетельствуют о разнообразии типов поселений и, следовательно, о дифференциации их по функциональному назначению. Все это, несомненно, отражает сложность социально-экономической жизни древнего периода, резко отличающегося от предшествующей эпохи.

Обращает на себя внимание то, что многие шурабашатские поселения имели оборонительные укрепления. Укрепленными были крупные городища и небольшие поселения-крепости, а также сельские поселения и даже сельские дома-усадьбы.

Укрепленные поселения в долинах рек Яссы и Карадарьи располагаются на небольших расстояниях друг от друга, часто около переправ и образуют в совокупности систему укреплений, охранявшую земледельческие оазисы восточной Ферганы. В Фергане появление укрепленных поселений объясняется конкретно-политическими условиями и связано с экспансией Ханьского Китая.

Фортификация. Укрепления изучены в Шурабашате. С северной стороны его окружает вал длиной 3 км, шириной 38 м при высоте 6 м. Он был разрезан. При этом следов кладки не прослежено и можно предполагать, что основа вала была насыпной и только снаружи облицована кладкой. На валу на более или менее равных интервалах расположены возвышения (их 25), представляющие собой остатки башен. Городище II, расположенное в середине, дополнительно укреплено валом с башнями с западной и южной сторон. Восточное городище имеет замкнутую обособленную систему укреплений и, возможно, выполняло роль цитадели древнего города. Размеры его 300×280 м. А то, что ранее в Шурабашате названо было цитаделью,— это холм, примыкающий к восточной стене городища, который мог явиться своего рода донжоном — местом укрытия и последнего убежища в цитадели. Заключение о назначении восточной части Шурабашата является предположительным, поскольку в заложенном здесь раскопе не получено каких-либо определенных данных о планировке.

Древние фортификаторы, кроме искусственных сооружений, широко использовали рельеф местности в качестве естественных укреплений. Это наблюдается, например, в городищах Кошбулак и Карадарьинском. На последнем проведены небольшие работы на цитадели — большом холме, примыкавшем к западной стене. Этот холм принят за цитадель, поскольку в рельефе городища нет других выделяющихся частей. Верхняя площадка цитадели трапециевидной формы размером 20×20 м. Относительно небольшие размеры дают основания предположить, что она служила местом пребывания правителя города. Внутри она была разделена на две части перегородкой. В полу найдены ямы для четырех колонн, поддерживавших перекрытие. Внешние стены толщиной 2,8 м (Задненровский Ю. А., 1960а, 1962а).

Застройка. Жилище шурабашатского периода изучено недостаточно. Планировку сельского дома можно представить по материалам Хожамбагтепе. На кулунчакских сельских поселениях открыты части многокомнатных жилых комплексов с хозяйственными помещениями. Но выделить в них отдельные жилища не удалось. На всех других памятниках производились только разведывательные раскопки.

Обычно малые комнаты являются хозяйственными и кладовыми. Наиболее распространены комнаты размером до 20 кв. м. В каждом жилище имелось по одной большой комнате — центральному помещению.

Хозяйство. Развитие земледелия в шурабашатский период, видимо, в значительной мере основывалось на использовании искусственного орошения. Об этом можно судить, анализируя топографию поселений Карадарьинского оазиса. Большая часть их располагается на высокой террасе вдоль современного Узген-Арыка. Поливное земледелие в оазисе и в настоящее время связано с этим каналом. Канал прорезал глубокое русло, что само уже свидетельствует о его древности. По условиям рельефа местности вода могла поступать только с востока в том месте, где проходит Узген-Арык. Из всего этого следует, что широкое освоение Карадарьинского оазиса было возможным только после проведения канала.

Большая плотность поселений в этом оазисе, а также концентрация поселений вокруг Шурабашата в Карасуйском оазисе была обусловлена главным образом развитием ирригации. Об интенсивном земледельческом хозяйстве можно судить по многочисленным зерновым ямам на поселениях. Наряду с такими ямами для хранения использовали крупные хумы. Они найдены на многих поселениях: в Шурабашате, Дунбулаке и в сельской усадьбе Хожамбагтепе. На Карадарьинском городище и на Кулунчаке открыты кладовые помещения, в которых находится по нескольку хумов (хумхона). Они также использовались для хранения воды и вина.

Лаконично, но достаточно полно главные особенности сельского хозяйства Ферганы (Давани) конца II—I в. до н. э. охарактеризовал известный китайский путешественник Чжан Цянь, посетивший Фергану в 125 г. до н. э.: «Оседлые жители пашут поля, разводят рис и пшеницу, имеют виноградное вино, много хороших лошадей». Это сообщение говорит о высоком развитии земледелия и о наборе ведущих культур. Особенно удивили китайцев люцерна (мусу) и виноград, с которыми они не были знакомы. В источнике сообщается далее: «Китайский посланник привез семена, тогда сын неба (китайский император) начал посадку мусу и винограда на тучной земле» (Кюнер, 1961, с. 122). Так сами китайцы отмечают факт заимствования важнейших сельскохозяйственных культур из Средней Азии.

Китайские источники отмечают как характерную особенность скотоводства в древней Фергане большое развитие коневодства. Страна славилась породистыми знаменитыми даваньскими лошадьми. Разведением их занималось оседлое население, что вытекает из сообщения: «Давань имеет хороших лошадей, они находятся в городе Эрши, их скрывают, не соглашаются дать ханьскому посланнику» (Кюнер, 1961, с. 122). Эти лошади находились отчасти на стойловом содержании, их кормили люцерной. В этой связи следует вспомнить о незастроенных больших участках в Шурабашате, которые, возможно, использовались как загоны. Здесь они занимали большую часть поселения — около 30 га. Существование загонов на этих поселениях отражает традиции общинного выпаса и охраны скота.

Изображения знаменитых даваньских коней запечатлены и дошли до нас в наскальных рисунках. В местности Айрымчатау в 8 км от г. Ош на скальном хребте имеется 30 одиночных фигур лошадей. Поджарое тело, высокие стройные ноги, длинная плавно изогнутая шея с небольшой головкой — признаки породистой скаковой лошади талантливо подчеркнуты древним художником. На этой скале рукою искусного мастера выбита целая галерея изображений даваньских лошадей. Несомненно, они являлись объектом поклонения (Заднепровский Ю. А., 1962б).

В 20 км отсюда находится Араванская скала (вблизи Мархамата) с несколькими аналогичными фигурами лошадей (Бернштам А. Н., 1952). Недавно обнаружены еще два пункта таких наскальных рисунков — в долинах Науката и Абширсая. Концентрация памятников указывает, что именно эти предгорные районы являлись центром коневодства древнего периода.

О составе стада шурабашатского периода можно составить некоторое представление по костям животных, собранным на Шурабашате. Основная масса костей принадлежит овце и козе, затем идет крупный рогатый скот, лошадь и верблюд. Сравнение материалов по Шурабашату с памятниками бронзового века Чустом и Дальверзином показывает большое сходство, почти идентичность с составом стада Чуста. Таким образом, можно констатировать прямую преемственность форм скотоводства в Фергане начиная от эпохи бронзы.

По сообщениям китайских источников, ремесленные производства достигли высокого развития, однако археологических данных известно пока мало. На кулунчакском поселении найдена литейная форма (Гаврюшенко П. П., 1970б). Лучше всего представлено керамическое производство, есть свидетельства о значительном развитии строительного дела, ткачества, косторезного ремесла и т. д.

Начиная со II в. до н. э. действовал караванный путь — северная дорога из Кашгара в Давань и далее на запад, так называемый «великий шелковый путь». По нему осуществлялась международная транзитная торговля шелком и другими редкими товарами. На этом пути Фергана занимала важное место. Этим, в частности, объясняется увеличение населения и появление большого числа укрепленных поселений. Крепости в долинах Яссы и Карадарьи, несомненно, предназначались и для охраны торгового пути. Вполне возможно, что стремление обеспечить безопасность на «шелковом пути», а не только желание заполучить даваньских лошадей явилось главной причиной военных походов Ханьского Китая на Фергану.

Наряду с внешней торговлей, особенно оживленной между Ферганой и Восточным Туркестаном, развивался обмен со скотоводами окружающих горных долин, а также внутри страны. Преобладанием натурального обмена, вероятно, объясняется отсутствие собственной монеты. Слабо развиты были в Фергане денежные отношения, хотя медные китайские монеты у-ши часто встречаются в древних захоронениях. Все это является показателем определенного отставания Ферганы от передовых областей Средней Азии.

Орудия труда и оружие. На шурабашатских поселениях находки орудий труда и предметов вооружения встречаются исключительно редко. Железные ножи найдены в обломках, не позволяющих восстановить их форму. При раскопках обнаружено большое количество каменных зернотерок, аналогичных зернотеркам предшествующего времени.

На Шурабашате, преимущественно в хозяйственных ямах найдено 12 костяных накладок на лук нескольких разновидностей. Они позволяют говорить о распространении сложного составного лука у оседлого населения Ферганы. В настоящее время эти находки являются наиболее ранними в Средней Азии и заставляют вспомнить сообщения источников, что даваньцы искусны в конной стрельбе из лука и что их оружие состояло из луков со стрелами и копий (Бичурин Н. Я., 1950). Единственный бронзовый плоский наконечник стрелы найден на Кулунчаке (Гаврюшенко П. П., 1970б). К числу предметов вооружения относятся круглые каменные ядра для пращи.

Керамика. В литературе опубликованы классификации комплекса керамики Шурабашата и Карадарьинского городища (Заднепровский Ю. А., 1960а; 1962а) и Кулунчака (Гаврюшенко П. П., 1969а; 1970б). Ниже дается классификация, уточненная в последние годы автором. Вся керамика делится на группы [2].

[2] Ранее они назывались типами. В состав комплекса не включена расписная керамика Актамского вида (тип Iа Шурабашата) и станковая эйлатанская (тип IV Шурабашата, отдел IIIа — светлоангобированная, по П. П. Гаврюшенко), так как они относятся к предшествующему перио-

I группа — лепная керамика (которая ранее обозначалась как неорнаментированная). Эта группа соответствует отделам лепной светлоангобированной и неангобированной керамики, по классификации П. П. Гаврюшенко. Последняя разновидность представлена немногочисленными находками. Кроме светлого ангоба, применялись и другие виды и поэтому мы объединяем все разновидности лепной посуды без окраски и росписи.

II группа — лепная крашеная и расписная керамика, которая по технологическим признакам однородна, но внутри рассматривается раздельно по способу украшения.

III — сероглиняная (кухонная). В классификации П. П. Гаврюшепко не выделена.

IV группа — красноангобированная, которая объединяет, как это принято для мархаматского комплекса, и керамику с черным ангобом и керамику, украшенную процарапанным орнаментом (отдела III Б, В, Г, по П. П. Гаврюшенко).

V группа — станковая, которая соответствует VII типу Карадарьинского городища и, вероятно, отделу III Д, по П. П. Гаврюшенко.

VI группа — хумы. В классификации П. П. Гаврюшенко не выделена.

Количественное соотношение групп керамики на разных памятниках шурабашатской культуры сильно варьирует. В комплексе Шурабашата и Кулунчака преобладает лепная посуда, которая составляет 95 и 93,3%, а станковая лишь $^1/_{20}$ керамики комплекса. Такое соотношение выявлено для крупного городища и для сельского поселения. Совсем иное соотношение на Хожамбагтепе, где доля лепной посуды составляет только треть керамики комплекса, а количество станковой возросло в 12 раз. В Хожамбаге количество лепной крашеной и расписной посуды уменьшилось в 9 раз по сравнению с Шурабашатом.

Как видим, в керамическом комплексе шурабашатских памятников определяющую роль играла лепная посуда. Количественное различие соотношения групп керамики является основанием для хронологического разделения шурабашатских памятников.

Комплекс керамики делится на группы, каждая из которых подразделяется на классы: класс чаш, котелков, горшков, кувшинов, ваз, банкообразных сосудов, сосудов редкой формы. Каждый класс в свою очередь делится на типы по особенностям форм.

1. Лепная посуда представлена следующими типами: чаши, миски, котелки, горшки, узкогорлые кувшины биконической формы с петлевидной ручкой, широкогорлые кувшины-корчаги, котлы, жаровни, плошки, вьючная фляга.

II. Лепная крашеная и расписная керамика. Сосуды покрыты светло-розовым или красноватым ангобом и залощены. Некоторые одинаковые формы украшены и росписью и окраской. Например, нижняя часть чаш окрашена, а верхняя часть расписана узорами или вся внешняя сторона закрашена, а внутренняя расписана. Имеются сосуды с росписью на обеих поверхностях. Очень характерна окраска верхней половины сосуда или красочная полоса вдоль венчика. Крашеная керамика подразделяется на следующие классы: чаши (с отогнутой закраиной; с перегибом бортика; с загнутыми внутрь краями); миски (с загнутыми краями; с фигурным профилем); кружки с петлевидной ручкой; горшки, бутыли, банки; кувшины (без ручек; с ручками-налепами; с петлевидными ручками); котлы, плошки.

Расписная посуда представлена следующими типами: чаши, миски, котелки, горшки, кувшины, банки, кружки, вазы, жаровни, плошки, хумчи.

Кухонные сосуды обычно фрагментарны и не дают представления о формах.

Красноангобированная керамика представлена тонкостенными сосудами, покрытыми красным, коричневатым и черным ангобом. Она по качеству и формам мало отличается от аналогичной посуды центральных районов Ферганы. В Шурабашате встречены чаши полусферические, с перегибом бортика и с ручкой, котелки, миски, кувшины. Несколько больший набор посуды с красным ангобом в Карадарьинском городище и в Хожамбаге. Изредка встречаются фрагменты керамики с красным ангобом, украшенные процарапанным орнаментом. Всего четыре таких образца оказалось в Шурабашатском комплексе, 14 из 14 тыс. фрагментов в Кулунчаке, а также единичные находки в Карадарье, Хожамбаге и в Кзыл-Октябре.

Станковая посуда без красного ангоба фрагментарна. Встречаются хумы яйцевидной формы, обычной для древнего периода Ферганы, а также своеобразной шаровидной формы с сосцевидными ручками-налепами, не имеющие аналогий в Фергане и в других областях Средней Азии. Своеобразие комплексу керамики придают разные по форме ручки и крышки. К числу керамических изделий относятся прясла обычной круглой формы и биконические с горизонтальными желобками на нижней половине.

Особо следует остановиться на расписном орнаменте. Узор наносился карминно-фиолетовой и красной краской по светлому фону. Поверхности некоторых сосудов целиком покрыты узором. Но чаще встречаются сосуды с украшением только верхней половины. Широко распространены мотивы ромбов и треугольников, заштрихованные решеткой и в обрамлении зигзагов и волнистых линий. Полудуги, волюты, волнистые линии, узоры в виде ветки, шевроны, широкие мазки-полосы. Огромное разнообразие и самобытность шурабашатского орнамента резко выделяют этот комплекс среди всех известных комплексов керамики Средней Азии.

Украшения. Бытовая утварь. Одежда. Несколько больше известно о предметах быта, одежды и об украшениях. Около Шурабашата найден небольшой медный котел на подставке, с остатками ручки. Ферганские котлы эйлатанского и шурабашатского периодов своеобразны по форме и употребляли их длительное время. Находки эти позволяют выделить еще один самостоятельный центр производства котлов —

ду. Также должна быть исключена керамика с черными пятнами (отдел I Д, по П. П. Гаврюшенко), которая относится к комплексу керамики Чуста.

Классификация П. П. Гаврюшенко мало отличается от предложенной автором. В ней не обосновано выделение наравне с лепной и станковой керамикой немногочисленной группы лепной посуды на матерчатом шаблоне. Эта посуда ничем не отличается от остальной лепной керамики. К тому же отпечатки ткани обычно замазывали, и возможно, что большая часть всей лепной керамики изготовлена при помощи матерчатого шаблона. В работе П. П. Гаврюшенко не выделена кухонная посуда и тарная — хумы, корчаги.

Ферганский (Заднепровский Ю. А., 1962а). Из рога сделан оконечник на ремень. Имеются заготовки для костяных пряжек, предметы туалета — бронзовая пластинка для румян, сурьматаш с графитом. Среди металлических украшений отметим колокольчик и перстень из захоронения в валу Шурабашата. Перстень изготовлен из латуни. Разнообразны бусы из стекла (голубые ребрчатые крупные, из египетской пасты, такие же, но мелкие; круглые, бисер зеленого цвета), камня (янтарные плоские), кости (цилиндрические и круглые).

Особо следует остановиться на двух терракотовых изображениях человека, найденных в Шурабашате. Одно из них цилиндрической формы. Углублениями намечены глаза и рот, валиком обозначены брови и нос. Второе — представляет налеп, который, вероятно, украшал сосуд или ручку его (Заднепровский Ю. А., 1962а). Это наиболее древние изображения человека, известные ныне в Фергане.

Погребальный обряд. Погребальный обряд, существовавший в Фергане в шурабашатский период, продолжал традиции предшествующего времени (Заднепровский Ю. А., 1962а, с. 175). Трупы укладывали в земляную яму на спину, в вытянутом положении, головой на запад. В могилу укладывалось некоторое количество керамики, украшения, а также заупокойная пища (в погребениях найдены кости барана и птичьи кости).

Культовые предметы и сооружения. Имеющиеся материалы позволяют осветить некоторые стороны идеологических представлений населения Ферганы. Известные наскальные изображения лошадей имели, очевидно, культово-магическое значение и должны были способствовать размножению лошадей. Изображение лошади встречено также на сосудах — на хуме Сымтепе и на сосуде из Куюктепе (Горбунова Н. Г., Козенкова В. И., 1974), а также в Гайраттепе (Козенкова В. И., 1964) и Мунчактепе (Заднепровский Ю. А., материалы 1973 г. не опубликованы). Широкое распространение изображений коня не случайно. Имеются сообщения китайских источников, которые позволяют говорить о существовании в Фергане культа коня и о существовании объекта поклонения в виде скульптуры и наскальных рисунков. Культ коня, как известно, тесно связан у среднеазиатских народов с поклонением солнцу.

Явно культовое назначение имеет золотое украшение в виде фигурки птицы с подвесками, случайно найденное на городище Темир-Коруг близ Науката. Фигурка насажена на бронзовый стержень. Она украшена вставками из камня и зернью. Обращают на себя внимание два длинных крыла из тонкой пластинки. Подвески включают плоские кружки и серповидные пластинки, которые можно рассматривать как символы солнца и луны. И всю фигурку можно связывать с астральным культом. Золотая фигурка птицы уникальна. Эта первая находка золотого украшения скифо-сарматского звериного стиля на территории Ферганы, и она не имеет прямых аналогий в опубликованных материалах. На основании некоторого сходства с находками в Мордвиновском кургане на Украине ориентировочно темир-коругское изображение птицы можно датировать V—III, может быть, IV—III вв. до н. э.

Следует обратить внимание на то, что в одном захоронении Шурабашата наряду с костями барана находились и кости птицы. Этот обычай положения в могилу тушек птиц отмечен в некрополе Темир-Коруг, о котором будет сказано в следующем разделе. Приведенные наблюдения указывают на особую роль птицы в погребальном обряде. Имеющиеся материалы позволяют говорить, что в верованиях древних ферганцев большую роль играли поклонение и почитание основных сил природы. Особое значение придавалось культу коня.

Даваньское царство в политическом отношении представляло союз городов-государств или оазисов-государств. Во главе страны стоял правитель, который в источниках носил титул ван (царь, князь). Известны имена по крайней мере четырех правителей местной династии. Правитель опирался на совет старейшин, который играл важную роль в политической и религиозной жизни страны. Старейшины участвовали в решении вопросов войны и мира, они иногда решали и судьбу самого правителя: известно, что они приговорили одного из них к смерти.

Разложение первобытнообщинного строя в Фергане и начало формирования раннеклассовых отношений происходило на протяжении чустского и эйлатанского периодов. В ходе рассматриваемого периода все эти процессы завершились созданием государства. Появление таких крупных поселений со сложной структурой, как Шурабашат, документирует завершение процесса сложения государства.

В источниках приведены названия столицы — главного города Эрши и второго города — Ючэн, находившегося на востоке. Первый из них сопоставлен с городищем Мархамат (Бернштам А. Н., 1952). Это сопоставление наиболее вероятное. Среди известных археологических памятников на востоке Ферганы крупнейшим является Шурабашат, который и отождествляется предположительно с городом Ючэн (Заднепровский Ю. А., 1962а).

В исторических судьбах Ферганы исключительно важная роль принадлежала скотоводческим и кочевым племенам, обитавшим на окраинах Ферганской долины. Для этих племен Фергана являлась культурным и ремесленным центром.

Что касается места Ферганы в истории Средней Азии, то письменные источники и многочисленные археологические материалы свидетельствуют о самобытности ее культуры и о независимости, самостоятельном развитии и в этот период.

Мархаматский период. В первые века н. э. культура оседлоземледельческого населения Ферганы достигает наивысшего развития. В это время повсеместно распространяется превосходная тонкостенная станковая посуда с красным ангобом. Впервые памятники с этой керамикой были обследованы Б. А. Латыниным в 1930, 1933—1934 гг. Они были выделены как период Ф II в его периодизации истории культуры (Латынин Б. А., 1935б; 1961). В литературе имеется в настоящее время более десяти наименований этого периода — «даваньский», «кушанский» и др. Ю. А. Заднепровский предложил наименование «мархаматский» по названию городища, которое, очевидно, являлось столичным центром Даваньского государства. Это наименование используется и в данной работе (табл. CLI—CLIII).

Памятники мархаматского периода встречены на всей территории Ферганской долины, включая предгорные районы и центральную ныне безжизненную Каракалпакскую степь. Всего насчитывают около 600 памятников (Горбунова Н. Г., 1977а). По нашим подсчетам, не менее 1000 тепе и городищ относится к мархаматскому периоду. Шурфами и раскопами изучено около 30 памятников. Опубликована незначительная часть добытых материалов.

В настоящее время исследованы памятники: Мархаматское городище в долине р. Араван в юго-восточной Фергане, городище Биловуртепе на левом берегу р. Акбура, Гайраттепе (в 50 км к северо-востоку от г. Андижана) и др.

Поселения. Фортификация. Архитектура. Накопленные материалы позволяют предложить достаточно обоснованную классификацию поселений[3]. Поскольку в этот период ведущая роль в социально-экономической жизни Ферганы принадлежала городам, то и классификацию начинаем с них. Городские поселения — древние города.

I тип — городища больших размеров, с развитой фортификацией и неправильной конфигурацией. Таковы: Кайноват (15 га) — неправильной пятиугольной формы; Иски-Курган на Большом Ферганском канале (БФК) (13 га) — многоугольное в плане.

II тип — городища больших размеров, правильной прямоугольной формы, с мощной системой укреплений. Наиболее характерно городище Мархамат (38 га) и Учкурганское городище.

Мархаматское городище — прямоугольное в плане, размером 750×500 м, ориентировано по сторонам света. На высоких крепостных стенах часто поставлены башни, на западной и восточной стенах — по 20, а на северной стене — 12 башен. Южная стена сильно разрушена. Внутри стен сохранилось несколько холмов — тепе. Наиболее застроена была юго-восточная часть городища. В северо-западной части выделяется огромный холм, служивший, вероятно, цитаделью древнего города. Северная часть менее застроена. Особенности топографии внутри стен Мархамата дают основание предполагать, что она использовалась в качестве загона для скота (Бернштам А. Н., 1951а, с. 228).

Мархаматское городще, занимавшее площадь около 40 га, является крупнейшим во всей Ферганской долине, и оно достаточно обоснованно отождествлено А. Н. Бернштамом со столичным городом Давани Эрши. Результаты исследования 1950 г., проведенные А. Н. Бернштамом, не опубликованы.

В истории Мархамата А. Н. Бернштамом выделено два периода: позднедаваньский — период возникновения города (III—II вв. до н. э.) и кушанский (I—III вв. н. э.) — пора расцвета города и перестройки фортификации. Такое разделение основано на существенном различии состава керамики нижнего и верхнего слоев (Бернштам А. Н., 1951а). Комплекс керамики нижнего слоя состоял из лепной, так называемой даваньской, керамики и станковой посуды с красным ангобом, которые были представлены примерно в равном количестве. В верхнем слое преобладала красноангобированная керамика. В 1973 г. Ю. А. Заднепровский провел повторные раскопки на городище для уточнения вопросов стратиграфии и состава комплекса керамики. Добытая лепная керамики, которую А. Н. Бернштам называл «даваньской» (Бернштам А. Н., 1952, с. 219), оказалась сходной с шурабашатской. В коллекции 1973 г. имеются образцы крашеной и даже расписной посуды, бесспорно, шурабашатского облика. Повторные работы подтвердили наблюдения о наличии двух, а может быть, и трех периодов в жизни Мархамата. Они позволили уточнить его место среди других комплексов древнего периода. Поскольку в комплексе нижнего слоя Мархамат I почти в равном количестве представлена лепная и станковая керамика, то он может быть сопоставлен с комплексом Карадарьинского городища и Дехкан, т. е. со второй хронологической группой шурабашатских памятников. Хронологическую грань между шурабашатским и мархаматским комплексами можно, по всей вероятности, провести на рубеже н. э.

III тип — городища правильной прямоугольной формы, с укреплением среднего размера — около 10 га. Таковы Карадарьинское городище и Янги-Базарское.

IV тип — городища правильной прямоугольной формы, с выделенным холмом-цитаделью, малого размера (4—5 га). К этому типу относится Бузульмас (в междуречье Нарына и Карадарьи) и Куршабское (в одноименной долине).

V тип — поселения с аморфной конфигурацией и, видимо, без укреплений, площадью до 5 га. Таково Тенешское в Узгенском оазисе, Мунчактепе (около Мархамата).

VI тип — сильно укрепленные крепости площадью от 2,3 до 8 га — Кзыл-Октябрь, Дунбулак, Кошбулак и другие в Узгенском оазисе, Касан в северной Фергане, Мыктыкурган в южной Фергане.

Сельские поселения. Они представлены двумя типами: VII тип — поселения прямоугольной формы с возвышающимся холмом-тепе (так называемое тепе с площадкой) — Мунчактепе (у ст. Урганджи), Биловуртепе. Размеры их от 0,5 до 1 га.

Городище Биловуртепе расположено на левом берегу р. Акбура, в 8 км к западу от г. Ош. В настоящее время оно занимает площадь около 1 га. Южная часть его разрушена и ранее его площадь была большей. Поселение было окружено стеной, остатки которой выявлены на восточном краю. Толщина оборонительной стены достигала 3,5 м. В южной части раскопано около десятка жилых и хозяйственных помещений. В северной части на скальном основании возвышается холм цитадели. В ходе работ полностью вскрыта ее планировка. Внешняя стена круглая в плане (диаметр около 27 м) состояла из двух стен метровой толщины с проходом между ними. Четыре башни расположены крестообразно. Внутри стен находится монументальное здание из пяти комнат. Постройка крестовидного плана и центром ее служит большая парадная комната (площадь 50 кв. м). Со всех сторон к ней примыкают почти квадратные небольшие комнаты (площадь 15—17 кв. м). Стены из кирпича достигают толщины 2 м. Здание (площадь 260 кв. м) служило местом пребывания представителя землевладельческой знати. Биловуртепе — типичное укрепленное сельское поселение мархаматского периода. По составу комп-

[3] Иную классификацию см.: Горбунова Н. Г., 1977б.

лекса керамики оно тождественно верхнему слою Мархамата II. Раскопки на городище вел Ю. А. Заднепровский (1973—1978 гг.).

VIII тип — «городища с вышкой» — непропорционально больших размеров тепе, которое иногда занимает до трети всей площади — Кюльтепе (1,4 га), Актепе (1,5 га), Кургашинтепе (1 га).

К группе сельских поселений следует отнести также немногочисленные селища. IX тип — селища, открытые неукрепленные поселения, подобные селищу Кара-Камар, расположенному у р. Аксу к западу от сел. Исфана. На поверхности не было никаких внешних признаков поселения. Только в лощинах на участке длиной более 100 м выявлены выходы культурного слоя с красноангобированной керамикой. Найден образец с процарапанным орнаментом, который представляет наиболее юго-западный пункт в Ферганской долине находок этой специфической посуды мархаматского периода. Культурный слой перекрыт мощным скальным завалом. Здесь же удалось обнаружить детское захоронение с двумя сосудами с красным ангобом и каменным острием-сурьматашем (Заднепровский Ю. А., 1959). К этому же типу относится селище Отукчи в долине Соха и поселения Баткен (Заднепровский Ю. А., 1960а, с. 159).

Отдельные дома-усадьбы. X тип — тепе, как правило, овальной или круглой в плане формы, малые (диаметр 10—20 м) и средние (40—50 м). Они представляют остатки отдельных домов, очень часто укрепленных, как в Гайраттепе.

Гайраттепе — отдельный укрепленный дом, располагается в 50 км к северо-востоку от г. Андижана. Исследован в 1957—1961 гг. В. И. Козенковой. В плане он трапециевидной формы с четырьмя круглыми башнями по углам и пятой подковообразной башней. Размеры здания 24×25 м (площадь около 600 кв. м). Ориентировано оно углами по сторонам горизонта. Расчищены внешние стены толщиной до 3 м и башни и только частично внутренние помещения. Планировка в целом не прослежена. Удалось выявить строительные остатки трех горизонтов, первые два из которых по материалу сходны с комплексом Мархамат II (Козенкова В. И., 1964).

XI тип — парные тепе — Коштепе. Особо должны быть выделены во многом еще загадочные поселения с крестовидными постройками, возможно, культового назначения (Горбунова Н. Г., 1979б). Ряд памятников утратил первоначальную форму и поэтому невозможно отнести их к определенному типу.

Приведенная типология, по всей вероятности, не исчерпывает всего разнообразия типов поселений древней Ферганы. Она свидетельствует о сложности социально-экономической структуры общества.

Для рассматриваемого периода особенно характерно расположение памятников группами-гнездами в оазисах и долинах многочисленных саев и рек. Эта особенность неоднократно отмечалась всеми исследователями Ферганы (Латынин Б. А., 1935а; Оболдуева Т. Г., 1951; Бернштам А. Н., 1952; Заднепровский Ю. А., 1954). Особенность размещения памятников объясняется социально-экономическими условиями и во многом связана с речной и ирригационной системами. Наиболее отчетливо эта зависимость проявилась в Сохском ирригационном веере. Исследованные здесь поселения располагаются в виде полудуги на концевых участках веера Соха (Гулямов Я. Г., 1951).

Большая часть городских и сельских поселений, а также дома-усадьбы, такие, как Гайраттепе, были укрепленными. Наиболее сильные укрепления имел Мархамат. На западной крепостной стене находится 20 башен, расположенных на расстоянии около 40 м друг от друга. Важная роль в системе фортификации принадлежала цитаделям. На сельском поселении Биловуртепе вскрыта полностью цитадель круглой в плане формы, с четырьмя башнями. Она занимает площадь около 1000 кв. м. Другая разновидность цитадели открыта на Куюктепе в междуречье Нарына и Карадарьи. Она прямоугольная в плане, с десятью часто поставленными прямоугольными башнями. Внутри она, вероятно, не была застроена. Цитадель занимает площадь 750 кв. м (Горбунова Н. Г., 1979б). Следовательно, в Фергане выделяется по крайней мере две разновидности цитадели по форме, внутренней застройке и по расположению башен.

Эти цитадели сельских поселений играли роль своего рода донжонов — мест пребывания представителя землевладельческой знати — глав общины. Одновременно они служили местом последней защиты и убежища.

Многие отдельные дома представляют собой настоящие замки с оборонительными стенами и башнями, в которых имеются многочисленные бойницы. Они выявлены на Аралтепе (Горбунова Н. Г., 1979б).

В строительстве часто используется сырцовый кирпич (размеры 42—48×32—37×8—10 см), гуваля и пахса. Постройки часто возводятся на стилобатах. Иногда появляются сводчатые перекрытия (наряду с плоскими).

Хозяйство. Основой экономики Ферганы в исследуемое время было сельское хозяйство. Свидетельством дальнейшего развития его является расширение возделываемой территории. По мнению исследователей (Горбунова Н. Г., 1975б, с. 54), именно в это время осваиваются предгорья. В первые века н. э. впервые была освоена часть пустынного Сомгорского массива. Здесь в районе современного селения Сомгор возникло впервые оседлое поселение, впоследствии сильно разросшееся (Негматов Н. Н., 1968б, с. 118—143; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 261). Видимо, в первые века н. э. начинают обживаться оазисы Канибадама и Костаноза (Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 261). Существовало как богарное, так и поливное земледелие (Брыкина Г. А., 1982, с. 140). О переработке продуктов земледелия свидетельствуют многочисленные находки зернотерок. На одном из поселений, зафиксированных на трассе Большого Ферганского канала, было сделано важное наблюдение: в нижних слоях находились зернотерки, а в верхних наряду с зернотерками встречались и обломки жерновов (Гулямов Я. Г., 1951).

Материалы, полученные при исследовании западноферганских памятников Тудаи-Хурд и Тудаи-Калон, показывают, что значительную роль в жизни населения играло и скотоводство. Предварительные результаты определения остатков костей животных показывают преобладание крупного и мелкого рога-

того скота (Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 259).

Некоторые (правда, немногочисленные) материалы позволяют говорить о развитии ремесла в Фергане. На городище Гудаи-Колон (III—IV вв. н. э.) обнаружены остатки бронзолитейной мастерской (найдены обломки стенок и округлый край плавильной печи, а также льячка) (Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 259; Салтовская Е. Д., 1968а). Орудиями ювелира можно считать миниатюрное плоское долото и молоточек, найденные на городище Кайноват (Оболдуева Т. Г., 1951). Металл, как считается, давали окрестные горы. Первые века н. э. были временем значительного подъема горного дела в Фергане (Брыкина Г. А., 1982, с. 140; Салтовская Е. Д., 1968а).

Из орудий труда необходимо упомянуть железные топоры-тесла и многочисленные железные ножи разных размеров со слегка закругленной спинкой и черенком — продолжением спинки. Глиняные пряслица обычно биконической формы (Горбунова Н. Г., 1983, с. 32—33).

Предметы вооружения представлены железными черешковыми наконечниками стрел нескольких разновидностей. Они найдены на Кугайтепе (Латынин Б. А., 1961), на Чунтепе, Майдатепе (Горбунова Н. Г., 1971б), на Биловуртепе и Темир-Коруге (Заднепровский Ю. А., не опубликованы). На Темир-Коруге обнаружена нижняя часть двулезвийного меча длиной 34 см, шириной до 4 см.

Керамика. Для мархаматского комплекса показательна станковая посуда с красным ангобом. Высокое качество ее, несомненно, можно объяснить усовершенствованием производства, использованием ножного круга и специальных обжигательных печей. Все это позволило в условиях ремесленного производства изготавливать сосуды стандартных форм, ровного и сильного обжига и покрывать ангобом высокого качества.

Относительно принципов классификации мархаматской керамики в литературе до сих пор отсутствует единство мнений.

В данной работе комплекс керамики классифицирован по трехчленной системе — группа, класс, тип. В мархаматском комплексе выделены те же шесть групп, что и для шурабашатского[4]. Но представлены они количественно по-разному. Преобладает в нем станковая керамика. Причем красноангобированная составляет более половины всей коллекции, а в целом станковая посуда составляет от $^3/_4$ до $^4/_5$ всего комплекса. Доля лепной посуды колеблется от $^1/_{10}$ до $^1/_5$. В небольшом количестве представлена лепная крашеная и расписная керамика, характерная для шурабашатских поселений. Но эта группа встречается уже как пережиток.

Наиболее разнообразны по формам сосуды с красным ангобом. Класс чаш подразделяется на: полусферические с отогнутой закраиной; с перегибом бортика; с перегибом бортика и с клювовидными ручками; с загнутыми краями; с фигурным профилем; конической формы. Класс горшков представлен следующими типами: шаровидные; банкообразные; с фигурным профилем. Класс кувшинов подразделяется на следующие типы: яйцевидные; шаровидной приземистой формы; бутыли. Класс сосудов редкой формы включает: котлы на полой подставке, вазы, кубки, кувшинчик с носиком, кружки, в том числе с зооморфной ручкой, и др.

Небольшая часть сосудов с красным ангобом, главным образом горшки и кувшины, украшены процарапанным орнаментом. Узор наносился острым предметом по сыроватому ангобу после просушивания сосуда и обязательно до обжига. Процарапыванием обнажали светлую поверхность сосуда и таким образом узор резко выделялся на красном, коричневом или черном фоне. На сосудах можно заметить, что мастер наносил узор слева — направо, т. е. против движения гончарного круга. Наряду с тщательно исполненными узорами имеются украшения, процарапанные небрежно и криво.

Все многообразие орнамента исполнено путем комбинации пяти основных элементов: прямой и зигзагообразной линии, треугольника, полудуги и спиралевидных завитков. Особо следует отметить узоры в виде веток растений или схематических изображений деревьев. Редко встречаются изображения лошадей и птиц.

Наиболее распространена композиция из треугольников, заштрихованных отрезками параллельно боковой стороне. На других образцах свободное пространство между треугольниками заштриховано параллельно другой стороне и как бы составляет второй ряд, но уже вершинами, обращенными в другую сторону.

Уникальны уже упоминавшиеся образцы с процарапанными изображениями лошадей.

Особо остановимся на сосуде из Коштепинского могильника на трассе Большого Ферганского канала в южной Фергане (Жуков В. Д., 1951). На шаровидном горшке с красным ангобом имеется три пары птиц между «деревьями». Птицы повернуты вправо. Изображения их сходны, но не идентичны. Тулово заполнено зигзагами, на голове завитки разной формы, узкий и большой хвост поднят, ноги изображены в движении прямыми отрезками. Несмотря на условность рисунка, в облике птиц, по заключению специалистов, можно узнать фазана. Деревья изображены условно и ствол их внизу заканчивается кружком. Композиция явно не является чистоорнаментальной и о возможном культовом значении ее будет сказано ниже.

Рассмотренный прием орнаментации имеет аналогии в Средней Азии только в нескольких образцах серолощеной керамики Кой-Крылганкалы в Хорезме. Подобный прием украшения известен в нескольких синхронных памятниках Индии. При этом в Индии образцов процарапанной керамики оказалось во много раз больше, чем в Хорезме, и по узорам она ближе к ферганской.

Имеющиеся материалы позволяют заключить, что процарапанный орнамент мархаматской керамики составляет наиболее специфическую особенность, отличающую керамику Ферганы от синхронных комплексов Средней Азии.

Другие группы мархаматского комплекса представлены единичными целыми формами. В станковой посуде выделяются кувшины нескольких разно-

[4] Другой принцип классификации керамики см.: Горбунова Н. Г., 1971а.

видностей и вьючные фляги. В настоящее время известно значительное количество хумов яйцевидной формы с простым воротничковым венчиком.

Мархаматский комплекс керамики, и прежде всего красноангобированная керамика, развивался в Фергане продолжительное время. В настоящее время его изучение только начато.

Бытовая утварь, одежда, украшения. Очень часто встречаются бронзовые зеркала различных вариантов, в том числе китайские и подражания им. Правда, почти все они происходят из погребений (Горбунова Н. Г., 1983, с. 33). Довольно часты каменные миниатюрные сосудики (там же). При раскопках, главным образом в могильниках, были найдены ткани: хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые (в том числе и китайские) (Горбунова Н. Г., 1983, с. 33). Украшения также происходят главным образом из могильников: бусы (стеклянные, реже каменные), браслеты, серьги, подвески (в том числе и из египетского фаянса) (Горбунова Н. Г., 1983, с. 33).

Погребальный обряд. Среди разнообразных могильников Ферганы может быть выделена такая группа, которая расположена вблизи синхронных поселений и имеет много общего с ними в материальной культуре. Поэтому их можно считать могильниками оседлоземледельческого населения. Они к тому же отличаются по деталям погребального обряда от могильников древних скотоводов с подбоями и катакомбами. Отдельные захоронения этой группы обследованы во время работ на Большом, Южном и Северном Ферганских каналах. Они были уже обстоятельно рассмотрены (Заднепровский Ю. А., 1954).

Дополнительные данные о погребальном обряде земледельцев были получены при раскопках 1976—1978 гг. некрополя на городище Темир-Коруг вблизи сел. Янги-Наукат. Городище и некрополь находятся примерно в 50 км к юго-западу от г. Ош. Захоронения выявлены на участке 750 кв. м. Раскопано 33 могилы, которые располагаются рядами, вытянутыми с северо-запада на юго-восток. Всего пока обнаружено восемь рядов. Все захоронения одиночные и произведены в прямоугольных грунтовых ямах. Они были перекрыты накатом из арчевых плах. В одной могиле найдены ямы для столбов, которые держали накаты. Больше половины могил имели ниши в боковых стенах, которые располагались как с левой, так и с правой стороны покойника. Во многих погребениях обнаружены кости барана, как правило, целой туши, а в одной могиле положены даже две туши баранов. Эта специфическая особенность отличает обряд некрополя земледельческого населения от обряда древних скотоводов [5].

Все умершие положены на спину, вытянуто. Большинство головой обращены на юго-запад, а также на северо-восток. В могилу положен один или чаще три-четыре сосуда, единичные изделия из железа (ножи, кольца), простые украшения из бронзы, а также бусы. В нескольких могилах найдены прясла и каменные сурьматаши. В одной могиле оказалась китайская медная монета у-ши. По составу инвентаря большинство захоронений принадлежат женщинам. Предметов вооружения совсем не оказалось.

В некрополе всего найдено более 70 сосудов. Половина из них лепные. Они включают следующие типы: кувшины с петлевидной ручкой и на поддоне, горшок, плоскодонную банку, чашу и миниатюрные сосуды. Станковые сосуды подразделяются на следующие типы: кувшины с мазками и полосами красной краски; горшок шаровидной формы; горшок биконической формы с мазками красноватой краски и др.

Примерно треть коллекции составляют сосуды с красным ангобом — конические миски, чаши полусферические и чаши с перегибом бортика, чаша конической формы, горшки и кувшинчик. Большая часть сосудов по форме идентичны сосудам из поселений. Так, например, крупная чаша с перегибом бортика и с двумя клювовидными ручками находит многочисленные аналогии в материалах поселений. В комплексе Темир-Коруга чаши с красным ангобом составляют $^1/_4$ часть коллекции. Особо отметим сосуд с замечательным процарапанным орнаментом.

Весь комплекс находок позволяет датировать некрополь Темир-Коруга первыми веками н. э. Он находит особенно близкие соответствия в могильнике Кайноват, расположенном в 1 км от одноименного городища на трассе БФК (Оболдуева Т. Г., 1951). Захоронения производились в грунтовой могиле, вытянуто, головой на северо-восток. В могиле находилось по одному, но чаще по три-четыре сосуда. По форме сосуды Кайновата тождественны сосудам Темир-Коруга. Состав погребального инвентаря также сходен: биконические прясла, лежавшие внутри сосудов, обломки железного ножа, сурьматаш, а также китайские монеты. Следовательно, совпадает ряд признаков. И это притом, что могильники находятся в разных географических районах — в межгорной Наукатской долине и в междуречье Нарына и Карадарьи.

Ряд признаков позволяет сопоставить Темир-Коруг с Кувинским могильником на ЮФК (Жуков В. Д., 1940) и Коштепинским на БФК (Жуков В. Д., 1951). Все эти могильники могут быть выделены в единую I группу. К могильникам земледельческого населения первых веков н. э. следует отнести и ряд других памятников в южной Фергане (Козенкова В. И., 1966, ср.: Горбунова Н. Г., 1970б). Захоронения произведены в неглубокой грунтовой могиле под курганной насыпью. Они представляют второй вариант могильников земледельческого населения (II группу).

Особо следует обратить внимание на погребение, открытое случайно в местности Биш-Талы-Юкары на р. Чартак в северной Фергане. В могиле на глубине 2 м найдено три сосуда с красным ангобом, серебряное блюдо, медная чашечка и обломок зеркала (Григорьев Г. В., 1941). Это, пожалуй, наиболее богатое в Фергане захоронение с красноангобированной керамикой. К этой же группе относится и погребение на Кара-Камарском селище в юго-западной Фергане.

---

[5] Известно, что в подбойных и катакомбных могилах находят строго определенные части туши барана. Почти половина захоронений сопровождались тушками птиц, судя по цевке — фазанов. Причем в нескольких могилах находились кости птицы и барана.

Две особенности в некрополе Темир-Коруг заслуживают особого рассмотрения. Во-первых, наличие ниш, в которых поставлены сосуды. Эта особенность явно восходит к Актамским могильникам. Во-вторых, положение туши барана и птицы. Впервые этот обычай отмечен в захоронении в валу Шурабашата. Указанные особенности позволяют говорить о генетическом родстве населения на протяжении всего древнего периода. Обычай положения лепной и станковой посуды уже появляется в Актамских могильниках и в Шурабашате. Отличительную особенность составляет сочетание в погребальном инвентаре простых предметов быта и украшения с замечательной станковой посудой высокого качества. К выделенным двум группам могильников, вероятно, в качестве особого варианта можно отнести массовое захоронение в пещере Кувасай, которая представляет своего рода семейный или общинный склеп (раскопки Н. Г. Горбуновой, материалы не опубликованы).

Предметы искусства. Распространение в мархаматский период обычая украшения сосудов процарапанным орнаментом служит показателем своеобразия культуры древних ферганцев.

Изображение на горшке из Коштепинского могильника трех пар фазанов и деревьев входит в круг широкоизвестных в искусстве многих древних народов трехчастной композиции, состоящей из растения — дерева с двумя животными или птицами по сторонам. Дерево в этих композициях представляет собой «древо жизни» — источник жизни и бессмертия, источник плодородия.

Изображение фазана, петуха и павлина у земледельческих народов связано с культом огня и солнца (Григорьев Г. В., 1937). Таким образом, рассматриваемая композиция отражает религиозные и космогонические представления земледельческого населения древней Ферганы, пережитки которых отмечаются современными этнографическими наблюдениями.

На отдельных керамических сосудах сохранились отпечатки штампов с изображением грифона, коня (или джейрана?), несущегося в стремительном беге, и шествия львов (Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 259).

Очень интересной находкой являются обнаруженные на городище Тудаи-Калон фрагменты костяных прямоугольных пластинок. На самом крупном фрагменте выполненное неглубокой резьбой поясное изображение женщины с крыльями и венком в левой руке — по всей видимости, античной богини Ники-Виктории (Салтовская Е. Д., 1968б; Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975, с. 260).

К предметам искусства необходимо отнести также глиняные или алебастровые примитивные фигурки людей, найденные как на поселениях, так и могильниках (Горбунова Н. Г., 1983, с. 35). Видимо, согдийским по происхождению является серебряное блюдо из погребения Биш-Талы-Юкары (Григорьев, Г. В., 1941).

Монеты находятся только в погребениях. Это китайские монеты типа у-ши, наличие которых, однако, не свидетельствует о существовании здесь денежного обращения.

* * *

К середине I тысячелетия н. э. прекращается жизнь на Мархаматском городище. Как полагал А. Н. Бернштам, столичный центр переносится в Касан на север Ферганы. Это, возможно, связано с крупными политическими изменениями — с появлением новой династии.

Подводя итоги, можно заключить, что мархаматский период явился временем расцвета культуры древней Ферганы. В этот период широко и повсеместно распространены поселения, что обусловлено было большим скачком в развитии орошаемого земледелия и ирригации. Большую роль играли древние города — центры ремесла, политической и культурной жизни страны. Имеющиеся факты позволяют говорить об отделении ремесла от земледелия. Это создало благоприятные условия для развития ремесла и горного промысла. Продолжал функционировать «великий шелковый путь», и ряд импортных предметов индийского, а также китайского происхождения, найденных в Кзылтепе и в курганах Карабулака и других могильников, документируют направление торговых связей. В политическом отношении после военных столкновений с Китаем на рубеже II—I вв. до н. э. Даваньское царство, вероятно, полностью восстановило свои силы и свою самостоятельность.

Глава семнадцатая
Хорезм

Древний Хорезм — достаточно четко ограниченная область древнеземледельческих оазисов в низовьях р. Амударьи, территориально совпадающая с современными Ташаузской областью Туркменской ССР, Хорезмской областью Узбекской ССР и Каракалпакской АССР (рис. 18).

В связи с нестабильностью гидрографической сети низовьев Амударьи границы орошаемых земель в различные эпохи не совпадают, т. е. в некоторые периоды наблюдается рост орошаемых площадей, а, следовательно, и рост самого оазиса, в другие — сокращение площади орошаемых земель способствовало опустыниванию целых районов и сокращению площади оазиса как такового. Однако в целом границы древнего Хорезма можно очертить следующим образом. На севере границей является Аральское море, на юге границы древних оазисов прослеживаются до теснины Туямуюн на р. Амударье. С востока территория Хорезма ограничена песками Кызылкум, а с запада и юга — чинками плато Устюрт и песками Каракум. Русло Амударьи разделяло страну на две части — правобережный и левобережный Хорезм. Это разделение отражает и некоторые различия как в области экономики, так и в области культуры. Каждая из двух названных частей древнего Хорезма имела свою ирригационную систему, что в конечном итоге обусловливало иногда и некоторое политическое обособление этих частей одна от другой.

В целом рельеф страны равнинный, лишь на юго-востоке вдоль Амударьи вытянулась гряда невысоких останцовых гор, сейчас носящих название хребет Султануиздаг, а в древности, по предположению некоторых исследователей, называвшихся горы Чагра (Гулямов Я. Г., 1957, с. 22; Рапопорт Ю. А., 1971, с. 57; ККК, с. 240).

Культура древнего Хорезма была открыта в результате работ 1936—1937 гг. археологов Я. Гулямова, Т. Миргиязова (Гулямов Я. Г., 1937; Толстов С. П., 1948а, б) и археологических изысканий, начатых в низовьях р. Амударьи в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова (Толстов С. П., 1948а, б, с. 25 и сл.). В результате деятельности этой экспедиции, а также отдела археологии Каракалпакского филиала АН УзССР к настоящему времени практически завершен этап археолого-топографического изучения древнего Хорезма, картографированы и научно описаны все известные древние археологические объекты (Толстов С. П., 1948а, карта; 1962, карта). Картографированы и научно описаны остатки ирригационной сети древнего Хорезма (Андрианов Б. В., 1969), полностью или частично изучены целый ряд античных городищ (ККК; ГТК; Мамбетуллаев М., 1978; Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П., 1977; Гудкова А. В., 1964; Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958; Неразик Е. Е., 1958; Рапопорт Ю. А., 1958; Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е., 1963), мелких поселений (Неразик Е. Е., 1976) и оссуарных некрополей (Рапопорт Ю. А., 1971; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970).

Хронология. Основы хронологической классификации археологических памятников древнего Хорезма (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) разработаны С. П. Толстовым. По материалам своих исследований в 1937—1941 гг. он выделил в развитии Хорезма этого периода следующие этапы: 1) архаический — VI—V вв. до н. э.; 2) кангюйский — IV в. до н. э. — I в. н. э.; 3) кушанский — II—III вв. н. э.; 4) кушано-афригидский — III—V вв. н. э. (Толстов С. П., 1946, с 145, 147—149 и табл., с. 142; 1948а, с. 32—33; 1949а, с. 26, 27). Этой схемой исследователи пользуются и сейчас, хотя последующие работы С. П. Толстова и его сотрудников позволили несколько детализировать ее. Так, в частности, на основе изучения керамики и стратиграфии Кой-Крылганкалы кангюйский период был разделен на раннекангюйский — IV—III вв. до н. э. и позднекангюйский — II в. до н. э. — I в. н. э. — периоды (Воробьева М. Г., 1959, с. 86—90, 124; ККК). Для кушанского периода также выделены раннекушанский — II в. н. э. (Воробьева М. Г., 1959, с. 145) и позднекушанский (там же, с. 157) комплексы[1].

Источники. Древнейшим упоминанием Хорезма в античной литературе является сообщение Гекатея Милетского о хорасмиях (Пьянков И. В., 1972б), очень трудное в интерпретации. В не совсем ясном контексте упоминаются хорасмии и у Ктесия (Пьянков И. В., 1975). Некоторая информация содержится в труде Геродота. Особенно много дискутировался вопрос о реке Акес, в этом сообщении упоминаются и хорасмии (Массон В. М., 1967). Кроме того, хорасмии упоминаются Геродотом в списке военных обрядов в армии Ксеркса и в списке податных округов (III, 93; VII, 66). К этой же эпохе относятся упоминания о Хорасмии в ахеменидских надписях. В Авесте (в Михр-Яште) также имеется упоминание этой страны. Географический контекст всех этих сообщений таков, что он приводит современных исследователей к выводу, что первоначально хорасмии обитали в области Туркмено-Хоросанских гор и только с V в. до н. э. можно говорить об их продвижении в дельту Амударьи (Пьянков И. В., 1972б), в то время как ранее эти сообщения интерпретировались как свидетельство существования мощного Хорезмийского царства,

---

[1] Этой схемой периодизации будем пользоваться и мы, хотя прекрасно сознаем всю неточность исторических интерпретаций, заложенных в название этапов «кангюйский» и «кушанский».

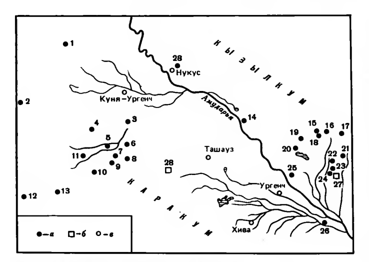


Рис. 18. Основные памятники древнего Хорезма

1 — Айбугиркала; *2* — Бутен-таукала; *3* — Кандумкала; *4* — Мангыркала; *5* — Турпаккала; *6* — Куняуаз; *7* — Калалыгыр II; *8* — Калалыгыр I; *9* — Кюзелигыр; *10* — Куюсайкала; *11* — Акча-Гелин; *12* — Кангкакала; *13* — Гяуркала; *14* — Гяуркала; *15* — Аязкала II; *16* — Кырккыз; *17* — Кургашинкала; *18* — Аязкала I; *19* — Топраккала; *20* — Кзылкала; *21* — Джанбаскала; *22* — Базаркала; *23* — Кой-Крылганкала; *24* — Анчкакала; *25* — Пилькала; *26* — Хазарасп; *27* — Дингильдже; *28* — Безымянное; *а* — городища, крупные крепости; *б* — замки, усадьбы, укрепления; *в* — современные населенные пункты. Составил А. Б. Никитин (по С. П. Толстову)

включавшего в себя не только низовья Амударьи, но и Маргиану, Арею, Согд.

Для IV в. до н. э. в письменных источниках имеется свидетельство о Хорезме как о независимом государстве со своим царем. Эти сведения содержатся в труде Арриана. По его сообщению царь хорезмийцев Фарасман явился к Александру в сопровождении 1500 всадников во время зимовки его в Бактрах (329/328 гг. до н. э.). Фарасман предложил Александру военную помощь и заключил с ним союз (Арриан IV, 15, 4, 5, 6). О жителях Хорезма — хорасмиях сообщает и Страбон. В его «Географии», однако, данные о Хорезме крайне ограничены. Он сообщает о хорасмиях — жителях Хорезма, и о том, что они входят в состав массагетов и саков (Страбон, кн. XI, 8, 8), некоторая информация имеется и у Птолемея.

С конца II — начала I в. до н. э. сведения об истории древней Средней Азии содержат китайские летописи. В написанной Бань Гу «Истории старшего дома Хань» (Цянь-Хань-шу) среди пяти владений, зависимых от Кангюя, упоминается Юегянь (Бичурин Н. Я., 1950, с. 186), по единодушному мнению исследователей, отождествляемый с Ургенчем (Хорезмом). Те же сведения повторяет и другая китайская летопись — Таншу (Бичурин Н. Я., 1950, с. 315). Некоторые данные об истории Хорезма III—IV вв. н. э. содержат сасанидские письменные памятники. Несколько упоминаний о Хорезме и хорезмийцах имеются в пехлевийских текстах, где, в частности, упоминается о войне Шапура I (241—272 гг.) с хорезмийцами в первый год его правления (Пигулевская Н. В., 1956, с. 159). В надписи шахиншаха Нарсе (193—300 гг. н. э.) в Пайкули среди перечня «властителей, принявших повеления Нарсе и приславших ему послов», упоминается Хорезмшах (Herzfeld E., 1924, с. 119).

Некоторая информация имеется в сочинениях средневековых авторов — Бируни, Табари, которая может быть использована для понимания истории древнего Хорезма, однако интерпретация ее сложна и вызывает большие дискуссии. Ценна она в первую очередь для понимания некоторых аспектов культуры древнего Хорезма.

Однако при всей ценности научной информации, содержащейся в перечисленных источниках, основным источником по истории культуры и развитию экономики Хорезма рассматриваемого периода остается археологический материал.

История Хорезма во многом остается для нас еще неизвестной. Одной из самых сложных, если не самой сложной, является проблема происхождения культуры древнего Хорезма. Все исследователи, касавшиеся ранней истории древнего Хорезма, единодушно подчеркивали огромную разницу между Хорезмом VI—V вв. до н. э. («архаическая эпоха») и обществом предшествующего времени. Однако признание этого факта не сопровождалось специальным исследованием проблемы сложения культуры архаического Хорезма. Сравнение же материальной культуры тазабагьябских и амирабадских племен с культурой архаического Хорезма показывает столь глубокие различия, что их объяснить только стадиальными изменениями невозможно: бесспорно, что одной из причин должны быть и изменения этнической картины, в частности приход новых значительных групп населения. Только в последнее время эта проблема начинает находить свое решение. Б. И. Вайнберг, исследовавшая недавно открытые на Узбое памятники куюсайской культуры, предложила, как нам кажется, убедительное решение этой проблемы (Вайнберг Б. И., 1979).

Согласно этой концепции носители куюсайской культуры представляют собой часть населения Мидии (Хоарена), которые в VII в. до н. э. в результате политической нестабильности в этом районе были вынуждены двинуться на север, заселив берега недавно вновь обводненного Узбоя. Куюсайцы были частью тех хорасмиев, которые упоминаются на юге (на территории Северного Ирана) ранней античной традицией (см.: Пьянков И. В., 1972б). На берегах Узбоя куюсайцы вели оседлоземледельческое и скотоводческое хозяйство. Затем они передвинулись на территорию Хорезма, освоив первоначально только левый берег Амударьи. Именно с этим движением куюсайских племен связано освоение жителями Хорезмского оазиса ряда элементов культуры, свойственных традиционно земледельческому югу Средней Азии.

Эта концепция достаточно хорошо согласуется с данными ранней античной традиции о южном местонахождении хорасмиев и с данными более поздней традиции — об их местонахождении в устье Амударьи (Пьянков И. В., 1972б). Хотя имеются некоторые несоответствия между выводами И. В. Пьянкова и Б. И. Вайнберг, однако они носят второстепенный характер. Видимо, на современном уровне изученности проблемы решение ее может быть только таким. На протяжении VI в. до н. э. Хорезм оказывается под властью Ахеменидов, чему

есть бесспорные свидетельства. Примерно на рубеже V и IV вв. до н. э. Хорезм добивается независимости — одним из подтверждений этому служит незаконченное строительство здания сатрапской резиденции на городище Калалыгыр. Как независимое государство со своим царем Хорезм предстает в эпоху завоеваний Александра Македонского. Изменения происходят в ту бурную эпоху, когда на юге Средней Азии гибнет Греко-Бактрийское царство под ударами кочевников. В это время правители одного из кочевых племен юечжийского круга смогли получить власть над Хорезмом (Вайнберг Б. И., 1977, с. 77). Во второй половине II в. до н. э. (не позднее начала I в. до н. э.) эта новая династия начинает чеканить свою монету. Сама чеканка, по мнению Б. И. Вайнберг, имела не экономическое, а только прокламативное значение. Необходимо отметить, что современные исследования не подтверждают активно разрабатывавшуюся С. П. Толстовым концепцию о существовании в первые века до н. э. мощного Кангюйского объединения, центром которого был Хорезм[2].

В первой половине I в. н. э. в Хорезме в силу неизвестных нам причин вводится новая система летосчисления (Вайнберг Б. И., 1977, с. 77 и сл.). Особой проблемой, чрезвычайно сложной и вызвавшей значительные дискуссии, является проблема взаимоотношения Хорезма и Кушанского царства. Видимо, все-таки есть основания полагать, что Хорезм не вошел в состав Кушанской державы и сохранил свою независимость (Вайнберг Б. И., 1977, с. 87 и сл.). В III в. н. э. в период завоеваний на востоке основателя Сасанидского государства Арташира Хорезм на короткое время попадает в номинальную зависимость от Ирана. Хотя несомненно, что в Хорезме после юечжийского завоевания и вплоть до арабского завоевания правила одна династия, тем не менее составить бесспорный список царей этой династии в настоящее время трудно, поскольку имеется довольно сильное расхождение между нумизматическими данными и сообщениями Бируни.

Чрезвычайно важным в истории Хорезма было взаимоотношение с кочевыми племенами. Для Хорезма, окруженного со всех сторон пустыней, эта проблема всегда имела первостепенное значение. В настоящее время вырисовываются только некоторые аспекты ее. В частности, не подлежит сомнению большое экономическое значение этих взаимоотношений.

Поселения. Насколько можно судить по имеющимся материалам, в Хорезме древней эпохи жизнь концентрировалась по сравнительно узким полосам (несколько км шириной) вдоль отдельных каналов. Вдоль магистрального канала создавался оазис, представлявший собой определенное экономическое и, видимо, административное (или политическое) единство. Материалы правобережного Хорезма, где памятники древности сохранились лучше, чем в других частях Хорезма, показывают это самым ярким образом. На территории правобережного Хорезма фиксируются следующие большие каналы, вдоль которых располагались оазисы: Кельтеминар (или Базаркалинский канал) с большим ответвлением в сторону Джанбаскалы; Тазабагьяб (Кырккызский, или Беркуткалинский); Якке-Парсанский (ответвляющийся от Тазабагьябского в районе крепости Большой Гульдурсун); Гавхорэ, орошавший окрестности Топрак-калы. По наблюдениям исследователей (Гулямов Я. Г., 1957, с. 99; Андрианов Б. В., 1969, с. 125), у истоков каждого из каналов находился большой укрепленный пункт (возможно, городской центр), а граница оазиса защищалась серией укреплений, возведенных на отрогах Султануиздага или отдельных возвышенностях (Бурлыкала, Аязкала 1, Большая Кырккызкала, Кургашинкала, Джанбаскала). Эта система сложилась по меньшей мере уже в IV—III вв. до н. э., т. е. в раннеканчюйское время (Неразик Е. Е., 1976, с. 14). Хотя материалов по левобережному Хорезму гораздо меньше, поскольку здесь (в отличие от правобережного Хорезма) жизнь продолжалась и в более поздние эпохи, исследования показали, что и здесь ситуация была аналогичной.

Данные принципы оставались неизменными на протяжении всей древней эпохи, что, однако, не означает отсутствия изменений внутри системы. Эти изменения проявлялись в том, что наряду с одним крупным городским центром в пределах оазиса возникало на протяжении древнего периода несколько более мелких. Кроме того, окраинные крепости иногда также превращались в небольшие городки.

Уже в архаическую эпоху можно говорить о существовании в Хорезме по крайней мере двух типов населенных пунктов. К первому типу относятся крупные, так называемые городища с жилыми стенами. Наиболее типичным среди них является Кюзелигыр (Толстов С. П., 1962, с. 94—104). Возведение его относится к периоду от рубежа VII—VI вв. до н. э. по V в. до н. э.[3] Зафиксировано два основных горизонта. Городище расположено на останцевой возвышенности вблизи большого канала. Оно имеет подтреугольную форму, протяженность с севера на юг около 1 км. Городище окружено стенами. Насколько удалось проследить, внутри стены проходит сплошное коридорообразное помещение шириной от 2,5 до 4 м. К нему примыкает в южной части городища один-два ряда помещений различных размеров и планировки. В центре городища располагалось крупное здание. Основной зал его имеет площадь 285 кв. м. Монументальная архитектура этого сооружения контрастирует с рядовой застройкой городища этого же горизонта. Невдалеке обнаружены остатки трех башнеобразных сооружений, назначение которых не ясно. Возможно, это культовые или погребальные сооружения. На городище зафиксированы также остатки медеплавильного и железоделательного ремесла и мастерской по обработке бирюзы.

[2] Отсюда пришло и название периода в истории Хорезма IV—I вв. до н. э.— канчюйский.

[3] Ср.: Массон В. М., 1959, с. 52—54, который считает (на основании сходства керамики Кюзелигыра и керамики комплекса Яз III), что городище может быть датировано периодом Яз III. Может быть, позиция В. М. Массона слишком радикальна, однако дата рубеж VII—VI вв. до н. э., с нашей точки зрения, слишком занижена. Видимо, можно говорить о возникновении городища в VI в. до н. э.

К концу архаической эпохи относится городище Калалыгыр (Толстов С. П., 1962, с. 112 и сл.), доминирующее над древней ирригационной системой Черменяб. Городище в плане представляет собой прямоугольник (1000×700 м), имеет мощные укрепления (башни, предвратные лабиринты). В западной части городища непосредственно у стены находилось дворцовое здание, построенное в традициях ахеменидской монументальной архитектуры; по предположению исследователей, оно могло предназначаться для ахеменидского наместника Хорезма. Строительство дворца и укреплений не было завершено, что, возможно, связано с выходом Хорезма из-под власти Ахеменидов.

Хотя вопрос о характере этих населенных пунктов остается еще дискуссионным, все же вполне правомерным будет предположение о том, что они представляют собой рождающиеся городские центры.

Ко второму типу относятся сельские поселения. Они зафиксированы в зоне древнего канала Кельтеминар (Толстов С. П., Андрианов Б. В., 1957, с. 7—8), в районе городища Кюзелигыр, Базаркала и ряде других мест (Воробьева М. Г., 1970, с. 47). Разведочные исследования показали, что в системе расселения Хорезма существует определенная специфика. Здесь, как правило, не существовало сельских поселений с компактной застройкой. В состав поселения входило некоторое количество домов-усадеб, которые располагались на значительном расстоянии друг от друга: от 60 до 150 м. Иногда эту систему называют усадебной, что, с нашей точки зрения, не совсем верно, ибо усадьбы группируются в поселения, хотя и разреженные. Размеры усадеб сильно разнятся (Воробьева М. Г., 1970, с. 77). Уже в это время появляются усадьбы, которые резко отличаются (и по размерам, и по устройству, и по характеру находок) от рядовых крестьянских усадеб. К числу таких усадеб, например, принадлежит полностью раскопанная усадьба Дингильдже (Толстов С. П., 1962, с. 104 и сл.; Воробьева М. Г., 1973).

Памятники кангюйского периода представлены в Хорезме многочисленными укрепленными городищами, гораздо меньшими по площади, нежели городища архаического периода (от нескольких сот, до нескольких тысяч кв. м): Базаркала, Джанбаскала, Кюнерликала, Кургашинкала и др. Ряд городских центров, существовавших в течение всей античной эпохи и в средневековье, возник в это время (Джигирбент, Шах-Сенем, Хазарасп). Хотя слои кангюйского времени перекрыты мощными отложениями последующего времени, стратиграфические раскопы показали наличие здесь слоев этого времени, а на Джигирбенте — также и наличие укреплений, полностью отвечающих принципам хорезмийской городской фортификации кангюйской эпохи (Неразик Е. Е., 1981, с. 221). Они имели сложную систему фортификации, включавшую стены со стрелковыми галереями и валгангами, башни, предвратные лабиринты Городища, как правило, имели регулярную планировку жилых кварталов, культовые и административные здания внутри городских стен не выделялись монументальностью архитектуры среди прочих построек. Укрепленные городища этого периода располагались в центре сельской округи, очевидно выполняя административные и оборонные функции каждое для своего района и своего участка оросительной системы.

Проблема городов Хорезма древней эпохи уже неоднократно дискутировалась в литературе. Указывалось, в частности, что хорезмские города обладали определенной спецификой в системе древних городов Средней Азии: 1) цитадели очень редки; 2) отсутствуют пригороды, расположенные за городскими стенами; 3) отсутствуют следы ремесленных кварталов (Пугаченкова Г. А., 1958а, с. 58). Однако более углубленное исследование проблемы (Неразик Е. Е., 1981) показало, что не все эти тезисы верны. Если действительно цитадели в древнехорезмийских городах встречаются редко, то два других тезиса опровергаются археологическими материалами. Во-первых, еще ранние археологические исследования на территории Хорезма, когда современное хозяйственное освоение не привело к разрушению памятников на значительных площадях, показали наличие застройки вокруг укрепленных городских центров (Гульдурсун, Акча-Гелин, Куняуаз, Топрак-кала и т. д.) (Гулямов Я. Г., 1957, с. 83, 86, 101; Неразик Е. Е., 1981, с. 222). Во-вторых, как уже отмечалось, практически все эти городские центры существовали долгое время и поэтому ранние слои перекрыты мощными наслоениями последующего времени, что затрудняет решение вопроса об отсутствии или наличии ремесленных кварталов. Однако даже очень небольшие раскопки на городище Хазарасп открыли остатки гончарного производства внутри городских стен (Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е., 1963, с. 168—171). Кроме того, более правильным является рассмотрение города не изолированно, а в связи с его непосредственной округой. При таком рассмотрении выясняется, что в округе городских центров (в радиусе 3—4 км от них), как правило, располагаются районы ремесленного производства, прежде всего гончарного (Неразик Е. Е., 1981, с. 222). Таким образом, нет оснований преувеличивать специфику древнего хорезмийского города по сравнению с городами других областей Средней Азии.

Наряду с городами и крепостями в Хорезме кангюйской эпохи существуют и сельские поселения. Насколько можно судить по имеющимся материалам, по-прежнему господствующей формой являются разреженные поселения с отдельно стоящими домами-усадьбами, разделенными значительными свободными пространствами. Возможно, к этому времени относится появление отдельно стоящей (вне поселения) крупной укрепленной усадьбы.

Продолжают существовать и культовые сооружения, не входящие в систему застройки городов и поселений. Самым ярким примером служит Кой-Крылганкала в левобережном Хорезме — круглое в плане укрепленное здание, совмещающее в себе функции мавзолея, храма, астрономической обсерватории. По периметру центрального ядра сооружения располагалась жилая застройка. Небольшие, отдельно стоящие святилища зафиксированы в окрестностях Базаркалы.

В первые века н. э., насколько мы можем судить, никаких принципиальных изменений в системе расселения не произошло. Многие города, возникшие в

кангюйское время, продолжали существовать и в первые века н. з. (так называемый кушанский период). Укрепленные города (иногда с неукрепленным пригородом) продолжают оставаться основным типом городского поселения. Продолжают существовать (а также строиться — например, Гяуркала) и крепости, предназначенные для защиты оазиса, расположенные на границах его и занятые гарнизонами. Самое крупное городское поселение этого времени — городище Топрак-кала, которое в течение недолгого времени было резиденцией хорезмийских царей. Топрак-калинский дворец в северо-восточном углу городища — трехбашенный замок, сохранившийся на высоту 25 м. Его центральная часть занимала площадь 80×80 м, северо-западный, северо-восточный углы и южная стена замыкались квадратными башнями (40×40 м) с многочисленными внутренними помещениями. При раскопках дворца были найдены фрагменты скульптуры и монументальной живописи, оружие, ювелирные изделия. Дворец, вероятно, был центром заупокойного культа хорезмийской царской династии. На городище Топрак-кала при раскопках вскрыты жилые кварталы, система укреплений, культовые сооружения. Рядом с городом располагался загородный дворец. Городища кушанского периода, как и более ранние, имели регулярную планировку жилых кварталов. Продолжали существовать два основных типа сельских поселений: крупные неукрепленные поселения, насчитывающие до нескольких десятков построек, и укрепленные дома-усадьбы.

Начиная с IV в. н. э. отмечается начало времени кризиса и упадка городов древнего Хорезма (табл. CLIV—CLVI).

Застройка. Имеющийся археологический материал позволяет наметить основные линии развития ряда типов сооружений древнего Хорезма. Наибольшее количество материалов имеется по проблеме сельского жилища (табл. CLVII, CLVIII).

Уже в так называемый архаический период истории Хорезма можно говорить о нескольких типах сельского жилища. Прежде всего необходимо отметить наличие жилищ типа полуземлянок. Такие жилища зафиксированы на поселении, расположенном в 6—8 км юго-западнее Турпаккалы на берегу архаического канала. Поселение (площадь 500××350 м) включало 10—12 жилищ, датируемых VI—V вв. до н. з. Было раскопано одно из них. Оно представляло собой округлую полуземлянку размером 8×10 м. Видимо, помимо таких однокамерных, были и двухкамерные жилища (Неразик Е. Е., 1976, с. 20). Предполагается, что жилища этого типа продолжают традиции предшествующей эпохи.

Второй тип представлен небольшими одно- двухкомнатными домами (площадь до 60 кв. м). Третий — обширными домами-усадьбами общей площадью до 3500 кв. м с одной-двумя постройками в пределах ограды этой усадьбы. Площадь основного дома достигала 370 кв. м. Характерным является сочетание в пределах одного поселения этих двух типов жилищ. Они зафиксированы в целом ряде пунктов (в районе городища Кюзелигыр, в урочище Дингильдже, в районах Базаркалы и Кой-Крылганкалы). Имеются также и дома-усадьбы, расположенные вне пределов поселений (Воробьева М. Г., 1970, с. 77). К сожалению, все эти жилища еще не подвергались раскопкам и поэтому наши знания о них очень ограниченны. Несколько более подробна наша информация об усадьбах самого конца архаической эпохи. Она получена благодаря тому, что полностью раскопана богатая усадьба Дингильдже (Толстов С. П., 1962, с. 104 сл.; Воробьева М. Г., 1973). Общая площадь усадьбы 3000 кв. м, а общая площадь дома (состоявшего первоначально из девяти помещений) — 816 кв. м. Здание располагалось в северо-восточном углу усадьбы. Главный вход находился в середине южной стены дома и вел в центральный коридор, делящий здание на две части. Здание содержит ряд прямоугольных комнат, расположенных по обе стороны этого коридора. В большинстве раскопанных комнат имелись квадратные и прямоугольные очажные выкладки. Интересны находки остатков круглых колонн из необожженной глины, внутри которых находился каркас из вертикальных жердей. На территории усадьбы раскопан также небольшой прямоугольный бассейн.

Кангюйская эпоха исследована еще недостаточно. Поэтому и наши знания о сельском жилище этого времени оставляют желать лучшего. Зафиксированы усадьбы различной величины общей площадью от 300 до 2000 кв. м. При заметном возрастании площади усадеб сами дома по величине мало отличаются от архаических. На небольших усадьбах дом занимает около 70 кв. м, на более крупных — 300—800 (Воробьева М. Г., 1970, с. 78). Примером большой усадьбы является здание Турпаккала III (Неразик Е. Е., 1976, с. 20 и сл.), к сожалению, сохранившееся очень плохо. На территории усадьбы (40×40 кв. м), окруженной мощными стенами (толщина внизу до 5 м), в северо-восточном углу ее располагается здание. Композиционным центром его является квадратное (7×7 м) помещение, окруженное с трех сторон прямоугольными помещениями, а с севера сообщающееся с прямоугольным айваном, открытым во двор. С южной стороны извне к стене усадьбы примыкало прямоугольное сооружение — возможно, башня.

В первые века н. з. увеличивается число типов сельских жилищ, что, с нашей точки зрения, чрезвычайно важно, ибо свидетельствует об усложнении социальной структуры общества. Отметим, однако, что существующая типология еще остается условной (Неразик Е. Е., 1976, с. 159).

1. Небольшие дома из одного-трех помещений, вытянутых в ряд. Площадь 30—50 кв. м.

2. Трехкомнатный дом, половину которого занимало одно большое помещение. В нем были сосредоточены очаги, закрома и прочие аксессуары хозяйственной деятельности жителей. Можно полагать, что оно было основным хозяйственным помещением в доме. Вероятно, именно здесь концентрировалась жизнь обитателей дома в зимнее время, но вообще оно, безусловно, было связано с деятельностью женщин. Две другие комнаты (меньших размеров), видимо, могут быть отнесены к чистой приемной части дома. Общая площадь домов этого типа — 104—140 кв. м. Важную роль в жизни обитателей дома играл довольно большой двор.

3. Жилище, помещения которого занимали две противоположные стороны двора. Вдоль одной из них

располагалось большое помещение с несколькими очагами, закромами и хозяйственными ямами (как большое помещение домов первого типа). Вторая постройка состояла из трех помещений: кладовой; помещения с очагом — чистого, может быть, приемного; помещения, функции которого трудно определить. Площадь жилья 104 кв. м, общая площадь с двором 272 кв. м.

В жилых комплексах этих двух типов, как правило, имелась отдельно стоящая небольшая постройка, тщательно украшенная керамическими плитками. Судя по находкам фрагментов оссуариев, эта постройка, видимо, предназначалась для совершения обрядов, связанных с культом предков.

4. Постройки располагаются по периметру двора. Хотя дома такого типа не раскапывались, поверхностные наблюдения убеждают в том, что в состав его входило одно большое помещение специально складского назначения (сплошь занятое хумами). Площадь домов такого типа примерно 300 кв. м.

5. У домов этого типа могут быть различные внешние очертания (в одних случаях это — правильный четырехугольник, в других один из углов довольно сильно выступает). В планировке чередуются крупные и мелкие помещения, расположенные в несколько рядов. В самых крупных из домов этого типа имелись один или несколько «колонных» залов, а также большие помещения с нишей в одной из стен. Площадь до 1200 кв. м.

6. Близки предыдущему типу неправильные по очертаниям дома Турпак-калинского поселения. Они лишены единого композиционного центра, велики, с обширными помещениями, индивидуальны по плану. Кроме особенностей, отмеченных для типа 4, необходимо отметить наличие узких коридоров, больших парадных залов, украшенных росписью или имевших вид четырехколонного зала с открытой очажной центральной выкладкой и нишей в стене против нее. Площадь домов 500—700 кв. м.

7. Дома с композиционным ядром в виде двух смежных помещений, одно из них является вестибюлем. Длинные оси помещений параллельны фасаду. В составе дома имеются большие помещения с колоннами и небольшие дворики. Площадь 300—500 кв. м (Неразик Е. Е., 1976, с. 159—161).

Наконец, необходимо отметить существование в это время и отдельно стоящих укрепленных усадеб типа Ангкакала, имеющей размеры 75×75 м, снабженной прямоугольными башнями и внутристенным стрелковым коридором (Толстов С. П., 1948 а, с. 113—114, рис. 50; Неразик Е. Е., 1976, с. 14).

Таким образом, история развития сельского жилища Хорезма характеризуется следующими особенностями: 1) уже в архаическую эпоху исчезают жилища в виде полуземлянок — наследие предшествующей исторической эпохи; 2) дальнейшее развитие — это развитие, характеризующееся увеличением числа типов жилищ, отражающим усложнение социальной структуры общества, при этом разница между крайними точками в системе типов жилищ увеличивается, что отражает возрастание социальных противоречий в обществе.

Гораздо меньше материалов имеется для суждения о типах городского жилища. На территории городища Кюзелигыр, древнейшего из городищ Хорезма, зафиксированы следующие типы жилищ: 1) примыкающие друг к другу дома площадью 30—60 кв. м, расположенные по периферии у ограживающих городище стен (с межстенным узким коридором, также использовавшимся для жилья); 2) легкие постройки каркасного типа.

Еще меньше данных относительно жилища Кангюйской эпохи. Можно только указать на те наблюдения, которые были сделаны относительно Джанбаскалы (Толстов С. П., 1948а, с. 93 сл.). С. П. Толстов снял план руин городища и провел зачистки в двух помещениях. Он пришел к выводу, что на территории Джанбаскалы в сущности было только два огромных дома-массива, разделенных центральной улицей. На каждом из этих массивов было множество небольших по размерам комнат (более 200), имелось также несколько внутренних двориков. На основании этих наблюдений (а также привлекая этнографические параллели) С. П. Толстов пришел к выводу, что каждый из домов-массивов был занят особым родовым коллективом; он также особо подчеркивал значение дуальной организации в системе общественных отношений и глубокую архаичность этой структуры. К сожалению, раскопки Топрак-калы дали мало материала для суждения о характере городских жилищ Хорезма в самом конце эпохи древности. Можно думать, что основную часть городской застройки занимали очень большие по размерам дома-массивы. Над каждым из таких домов-массивов возвышалась на кирпичном цоколе башня главы домовладения. Одно из домовладений в Топрак-кале включало почти 20 помещений.

Предполагается, что именно такие дома-домовладения упоминаются в документах топрак-калинского архива. В составе такого домовладения насчитывалось не менее шести-семи жилых комнат (ГТК, с. 139—140).

Очень незначительный и достаточно противоречивый материал имеется по общественной архитектуре древнего Хорезма.

В данном разделе остановимся только на дворцах Хорезма, проблема же храмовой архитектуры будет освещаться в разделе, посвященном культам Хорезма.

Возможно, дворцовый характер имело уже центральное сооружение городища Кюзелигыр (Толстов С. П., 1958, с. 150). Здесь вскрыта часть большого сооружения. Особое внимание привлекает большой прямоугольный зал (площадь 285 кв. м) с многочисленными очагами. С юга к этому залу примыкала система длинных узких вымосток, возможно, остатков портиков-айванов.

Бесспорно дворцовый характер имело главное сооружение городища Калалыгыр I (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963). Здание было практически полностью построено (на рубеже V и IV вв. до н. э.), но не обживалось. Считается, что оно должно было служить резиденцией представителя ахеменидской администрации, но изменение политической ситуации — отпадение Хорезма от Ахеменидов — привело к запустению здания. Здание было выполнено из пахсы и сырцового кирпича, в некоторых местах использовались и алебастровые кирпичи на известковом растворе. Использовались толь-

ко плоские деревянные перекрытия. Обнаружены каменные подпятники.

Хотя раскопана только 1/6 часть здания, план его реконструируется практически полностью. Основной массив дворца в плане близок к квадрату (75×80 м). С востока и юга к центральному массиву примыкают два двора. Само здание состоит примерно из 30 комнат, располагавшихся вокруг двух больших внутренних дворов (помещения 19 и 16). Особое внимание привлекает второе из них (размеры 40×19 м), поскольку оно имеет в середине каждой из стен глубокие ниши (ширина 10,5 м, глубина 4,2 м). Частично раскопано также помещение 12, интересное тем, что в центре его по длинной оси располагалось четыре колонны. В помещении 23 важной конструктивной особенностью является наличие шести колонн, расположенных в два ряда (по три колонны в каждом ряду). Интересно также помещение 8, имеющее в интерьере две колонны и пристенную кирпичную выкладку, видимо, служившую подием для небольшого домашнего алтаря огня. В процессе раскопок были найдены базы колонн — каменные уступчатые (три уступа) и с тором сверху, а также (что привлекает особое внимание) — обломки гипсовой формы для отливки головы орлиноголового грифона, подобного грифонам, украшавшим капители персепольского дворца. Сопоставление плана помещения 16 с «двором приемов» в сокровищнице Персеполя и факт наличия данной отливки привели исследователей к выводу о влиянии ахеменидской архитектуры на архитектуру дворца в Калалагыре и выводу о функциональном назначении этого здания.

Еще одно дворцовое сооружение относится к самому концу древней эпохи в Хорезме — это известный дворец в Топрак-кале. Хотя материалы раскопок еще не изданы, однако наличие значительного числа предварительных публикаций позволяет получить представление об этом выдающемся памятнике зодчества Хорезма (Рапопорт Ю. А., 1981).

Ядро дворца — Центральный массив — был поднят на кирпичный цоколь, имевший форму усеченной пирамиды (высота 14,5 м, площадь поверхности 80×80 м). Стены дворца отступали от края платформы на 1,5 м. Они были обработаны системой ниш и выступов (в соответствии с традициями древневосточной архитектуры) и покрыты алебастровой побелкой. Высота дворца 8—9 м. В нем насчитывалось свыше 100 помещений (различного назначения) первого этажа, сохранились небольшие остатки и помещений второго этажа. Несколько позднее были пристроены три огромных башни, превосходивших по высоте сам дворец.

Невдалеке от входа в юго-восточной части массива находилась обособленная группа из 12 помещений. Характерной особенностью этого комплекса было отсутствие росписей. Выдвигалось предположение (на основании находок хумов и керамических тазиков), что эти помещения предназначались для омовений.

Особое место в структуре дворца занимал так называемый Зал царей. Вдоль его стен были расположены высокие суфы, разделенные перегородками на 23 части. В центре каждой из них находилась глиняная сидящая статуя, выполненная в 1,5 натуральной величины. Во всех группах расположение фигур было одинаковым: справа две женские горельефные фигуры (одна на пьедестале), слева — мужские (все фигуры в натуральную величину). Предполагается, что самая крупная фигура изображала царя. У входа в зал находилась большая кирпичная платформа — подиум алтаря, на котором возжигался огонь в честь всех обоготворенных царских предков (реальных или легендарных). Зал служил, видимо, династическим святилищем.

Планировочным центром дворца является комплекс, состоящий из парадного двора и айвана, который считается тронным ансамблем. Общая площадь его — около 450 кв. м. По обе стороны двора располагаются колонны, по четыре в каждом ряду. Часть айвана была отделена трехарочным порталом, облицованным алебастром и, вероятно, украшенным скульптурой. С этим айваном непосредственно связан так называемый Зал танцующих масок. В центре были обнаружены остатки алтаря. Стены же были украшены 16 барельефными панно, каждое из которых изображало пляшущую пару (мужчину и женщину с козлиными ушами). Между панно располагались фигуры танцовщиц. В трех стенах святилища имелись большие ниши, в которых находились главные изображения. В завале возле одной из ниш были обнаружены остатки большой скульптуры, видимо, изображение женщины с каким-то хищным зверем. Исследование, проведенное Ю. А. Рапопортом, привело его к выводу, что Зал танцующих масок представлял собой святилище Анахиты и что здесь происходила какая-то часть мистерии священной свадьбы царя Хорезма и царицы (которая отождествлялась с этой богиней) (Рапопорт Ю. А., 1978). Имеется также помещение с глубоким колодцем, комнаты, в которых возжигались священные огни в честь умерших, и т. д.

В настоящее время исследователи Топрак-калы считают, что это здание необходимо рассматривать прежде всего как священный дворец, где была сосредоточена группа святилищ, связанных с царским культом. Вместе с тем нам представляется, что ограничивать топраккалинский дворец этой функцией было бы неправильно. Поскольку при раскопках дворца были найдены документы финансового характера, несомненно, что дворец имел и административную функцию. Нам представляется, что топраккалинский дворец был центром царского культа, центром управления и местом пребывания царской семьи.

Фортификация. Многие черты фортификационного искусства древнего Хорезма восходят к архаическому периоду, к так называемым городищам с жилыми стенами (Кюзелигыр и Калалыгыр VI—V вв. до н. э.— Толстов С. П., 1948а, с. 77—82; 1948а, с. 93—109; 1958, с. 143—153). Городище Кюзелигыр в левобережном Хорезме — крепость подтреугольной формы, протяженностью с севера на юг около 1 км. Стены городища имеют в своей основе одно сплошное коридорообразное помещение — три коридора с плоским перекрытием, идущие параллельно друг другу, охватывающее весь его периметр. Толщина внешней стены 1,5 м, внутренней — 1 м. Основания стен сложены из пахсы, расположенные выше части — из сырцового кирпича. Стена

имеет следы перестройки — на первом этапе она была возведена из прямоугольного кирпича 50×23×10 см; на втором этапе, при перестройке использовался кирпич размером 40×40×12 см. Внешняя стена прорезана многочисленными узкими бойницами с горизонтальным дном, отстоявшими друг от друга на 2 м. Вдоль стены через каждые 32—36 м расположены башни. Башни нижнего строительного горизонта — овальные, верхнего — прямоугольные. Сохранившиеся башни второго горизонта имеют в передней стене тройные бойницы. Учитывая огромную протяженность стен (около 2,5 км) и количество бойниц, можно предположить, что в обороне городища должно было принимать участие все его население. К концу архаического периода относится крепость Калалыгыр. Она представляет собой прямоугольник 1000×700 м. Внутри стен проходят два параллельных коридора. Стены усилены башнями. Четверо ворот городища защищены сложными предвратными лабиринтами — фортификационный прием, широко применявшийся в кангюйский период.

Укрепления кангюйского Хорезма характеризуются большим разнообразием фортификационных приемов и планировки крепостей. Географическое положение укрепленных городов Хорезма говорит о создании единой системы укреплений, защищавших линию оазиса: они расположены в основном в хвостовых частях арыков, замыкая полосы культурных земель, идущих вдоль каналов (Толстов С. П, 1948а, с. 122). Крепости этого времени обычно имеют мощные стены, сложенные из сырцового кирпича крупных размеров (40×40×10 см). В основе стен лежит цоколь из пахсы. В верхней части стены проходит одноэтажный или двухэтажный стрелковый коридор с многочисленными высокими и узкими бойницами, расширяющимися вниз с внешней стороны. В целом система обороны довольно архаична — некоторые крепости не имеют башен, крайне несовершенна система косых бойниц для защиты углов. В юго-западном Хорезме башни для защиты флангов появляются раньше. На правобережье долгое время держится традиция архаических укреплений (Толстов С. П., 1948а, с. 118—126). Почти все крепости имеют предвратные лабиринты — извилистый ход к воротам, обстреливаемый открытыми внутрь бойницами.

Одним из типичных памятников хорезмской фортификации этого времени является крепость Джанбаскала, расположенная на северо-восточной границе оазиса. В плане она представляет собой прямоугольник 200×170 м, ориентированный углами по сторонам света. Толщина стен с проходящими внутри двумя стрелковыми галереями 5 м. Мощность внешней стены увеличивается в ее нижней части; нижняя часть стен до уровня бойниц сложена из пахсовых блоков, верхняя — из сырцового кирпича. Внешняя стена прорезана двумя рядами узких стреловидных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Расстояние между ними 120 см. Внутренний проход стены разделен на два яруса плоским перекрытием — в стенах сохранились гнезда его балок. Башни отсутствуют. Для защиты флангов использовалась система косых бойниц группами по три бойницы (примерно через каждые 20—25 простых бойниц). Ворота защищались сложным сооружением в виде прямоугольного выступа стены. Сквозь него к воротам вел извилистый ход, простреливающийся открывающимися внутрь хода бойницами. В двух местах в предвратное сооружение открываются арочные проходы из стрелковой галереи, предназначенные, видимо, для вылазок во время боя внутри ворот (Толстов С. П., 1948а, с. 90, рис. 28, 29, 29а).

Чтобы избежать слабых мест в обороне, каковыми являются не защищенные башнями углы, крепостям иногда придавалась круглая или овальная планировка. Овальную планировку имеет крепость Кырккыз (Толстов С. П., 1948а, с. 120); круглую — городище Турпаккала в левобережном Хорезме (Толстов С. П., 1958, с. 27—29, рис. 3). Она также лишена башен. Круглую планировку имеет и Кой-Крылганкала, внешние стены которой уже имеют башни. В последнем случае круглая планировка была обусловлена, видимо, не столько военными задачами, сколько культовым назначением памятника.

Ряд крепостей левобережья, восходящих к кангюйскому периоду, образуют в плане пятиугольник, повторяя очертания возвышенностей, на которых они расположены (Куюсайкала и Кангакала — Толстов С. П., 1958, с. 70—73, рис. 80). Кургашинкала на северо-восточной границе оазиса демонстрирует разные системы обороны углов: один угол не имеет башен и защищен системой косых бойниц, другой защищен двумя башнями, близко подвинутыми к углу. На третьем углу эти башни сближаются, образуя фигуру «ласточкиного хвоста» — фортификационный прием, восходящий к традициям классического Древнего Востока. Четвертый угол защищен одной башней, ось которой является продолжением одной из сходящихся здесь стен. Все башни прямоугольные в плане, одной высоты со стенами и обладают такими же бойницами (Толстов С. П., 1948а, с. 120; 1948а, с. 112—113).

К особому типу укреплений кангюйского времени следует отнести небольшие крепости — крупные укрепленные поселения, которые С. П. Толстов рассматривал как общинно-родовые укрепленные дома-массивы (Толстов С. П., 1948, с. 100). К ним относятся Кюперликала на Черменябе, Актепе (близ Кваткалы) и укрепленный дом к югу от Базаркалы (Толстов С. П., 1948а, с. 101, рис. 36—38). Кюнерликала — крепостной массив, 55×55 м, высотой около 8 м. В центре здания возвышается еще на 3 м башня. С юго-востока расположен укрепленный вход; посередине каждой из остальных трех сторон сохранились небольшие башни с бойницами. Вокруг видны следы мощных стен, окружающих здание двора (Толстов С. П., 1948а, с. 100—101).

Развитие осадной техники, связанное, вероятно, с походами Александра на Восток и знакомством народов Средней Азии с достижениями античного военного искусства, вызвало изменения ряда фортификационных принципов.

Существовавшие в этот период крепостные сооружения подвергаются перестройке применительно к новым условиям ведения войны. Следы такой перестройки отмечены на крепости Хазарасп на юге Хорезмского оазиса. Первоначально стены крепости, подквадратные в плане (280×294 м), были возведены в духе старых традиций: из пахсовых блоков,

с двухъярусной стрелковой галереей и двумя рядами бойниц. Углы запирались квадратными башнями; по стенам в промежутках пристроено по три башни. Ширина куртин достигает 54—55 м — на расстояние полета стрелы. Перестройка началась вскоре после возведения первоначальных стен. Стена с внешней стороны была усилена мощным панцирем из сырцового кирпича; стрелковые галереи и башни заложены кирпичом. Образовавшийся при этом мощный цоколь должен был служить защитой против стенобитных машин. Вся система крепостных сооружений была обнесена по периметру дополнительной барьерной стеной, отстававшей от основных стен на 13,5 м. Барьерная стена имела два яруса обороны — стреловидные бойницы и открытый валганг и была укреплена башнями открытого типа. Пространство между основной и барьерной стеной было засыпано толстым слоем песка (до 1,5 м) для затруднения подхода стенобитных машин к стенам крепости (Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е., 1963, с. 195—197). Аналогичным перестройкам подвергались и некоторые другие крепости. Сырцовым кирпичом была заложена нижняя стрелковая галерея стен крепости Гяуркала, на Султануиздаге (Толстов С. П., 1958; Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 192—199, 350—351), нижние галереи стен городища Топрак-кала (ГТК, с. 57) (Толстов С. П., 1948а, с. 104, рис. 41). Образовавшийся в основании стен мощный цоколь был менее уязвим для таранов, а центр тяжести фронтального обстрела переносился на верхние ярусы обороны — на валганг и верхнюю стрелковую галерею.

Наиболее детально системы укреплений кушанского периода обследованы на крепости Гяуркала и городище Топрак-кала. Гяуркала (Султануиздагская) — небольшая крепость, расположенная на прибрежной скале и перекрывавшая дорогу, проходившую по правому берегу Амударьи. Стены крепости, достигавшие у основания ширины 9 м, заключали двухъярусную стрелковую галерею. Внешняя и внутренняя стены опирались на пахсовые цоколи. Башни прямоугольной формы со слегка скругленными углами шириной 9 м выдвигались за линию стены на 7,5 м и располагались через каждые 20 м. Сообщение между башнями и стрелковой галереей осуществлялось, очевидно, при помощи приставных лестниц — система изоляции на случай проникновения противника в один из участков обороны. Через каждые два метра в стене прорезаны бойницы. Двойные бойницы расположены были по углам башен. Нижний ярус стрелковой галереи со временем был забутован сырцом (Толстов С. П., 1958, с. 192—194; Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 348—354).

Вершиной крепостного строительства Хорезма конца античной эпохи считаются укрепления городища Топрак-кала. Фортификационное значение имеет его регулярная планировка: главная магистраль подводит к единственному входу в город, отходящие от нее боковые улицы — к участкам стен, защищать которые должны были жители близлежащих кварталов. Стены городища опирались на пахсовый цоколь высотой в среднем 3 м (средство защиты от стенобитных орудий). Внутри стен проходила двухъярусная галерея, бойницы были прорезаны только на уровне второго яруса. Прямоугольные башни расположены очень часто — через каждые 11 м и с большим выносом — 9 м. Они стоят на той же пахсовой платформе, что и стены. Угловые башни схватывали углы с двух сторон — прием, редко встречающийся в хорезмийском крепостном строительстве. Над стенами башни не возвышались. Вход в город защищался предвратным сооружением. Весь северо-западный угол городища занимает мощная цитадель (3,24 га). Дворец на высоком стилобате (14,5 м) в северо-западном углу цитадели входил в систему обороны городища. Стены прорезаны бойницами стрельчатой формы. Они имеют небольшое входное отверстие и очень широкий раствор — 3,5 м, который для увеличения сектора обстрела выведен в устроенные в стене ниши. По фасаду на каждую куртину приходилось по четыре ниши. Каждый такой участок дополнительно обстреливался из четырех боковых бойниц двух ограничивающих предстенное пространство башен и с расположенного на перекрытии стрелковой галереи валганга (ГТК, с. 56—69). При перестройке укрепления были усилены: весь город обведен по периметру новыми стенами, охватившими, как панцирем, старые. Старые башни срублены по уровень новой стрелковой галереи и вошли в ее цоколь. Внутристенный коридор был заложен и стрелковая галерея прошла уже не по перекрытию первого этапа, а по сплошному цоколю (ГТК, с. 57).

Строительная техника. Основным строительным материалом для Хорезма, как и для других районов Средней Азии, был лессовый сутлинок. Он применялся или в виде пахсы, или шел на изготовление сырцового кирпича, а также употреблялся для связующих строительных растворов, обмазок и штукатурок. Кирпич изготовлялся в формах без дна. Сырцовый кирпич — обычно квадратный, больших размеров (40—45×40—45×12—16 см). Несколько меньший размер имеют употреблявшиеся наряду с сырцовыми кирпичи из самана (40×40×10 см). Специальные трапециевидные кирпичи формовались для сооружения сводов (ККК, с. 226—227). Обожженный кирпич применялся редко, в основном на вымостки. Камень шел на изготовление баз колонн, для выкладки стен использовался только в горных районах. Дерево широко применялось для связующих опорных конструкций. Фрагменты керамики использовались для расклинки при устройстве сводов бескружальным способом и для вымостки. Для облицовки и при оформлении архитектурного декора фасадов и открытых помещений применялся алебастр как материал, более стойкий к воздействию климата, чем лёссовая глина. Алебастровые облицовочные кирпичи античного стандарта толщиной около 5 см использовались при строительстве дворца архаического периода на Калалыгыр для выкладки верхней части стен, где на них опирались плоские перекрытия, и карнизов. Там же обнаружены фигурные алебастровые кирпичи и алебастровая форма для отливки головы грифона — очевидно, части скульптурной капители, аналогичной капители персепольского дворца (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963). Алебастровыми кирпичами, декоративными элементами и скульптурой были

оформлены фасады и некоторые внутренние помещения топрак-калинского дворца.

Сырцовые стены возводились либо совсем без фундамента, на пахсовых блоках, либо при строительстве капитальных сооружений — на сплошном массивном цоколе (Толстов С. П., 1952, с. 88). Сырцовая архитектура подвержена разрушению водой, поэтому большое внимание уделялось гидроизоляции и сооружению дренажных систем. Для защиты от грунтовых вод служили стилобаты, возвышающиеся над уровнем дневной поверхности, часто имевшие сплошную конструкцию: выложенная из сырца клеть заполнена песком (стилобат топрак-калинского дворца), прослойка из песка и тростника между рядами сырцовой кладки стен. Дренажная система изучена на примере крепости Гяуркала (Султануиздагская). Стены крепости возведены на скальном грунте, не дающем фильтрации. Поэтому дренаж был там особенно необходим. Дренажный лоток, вымощенный каменными плитами, вел от северо-восточной стены крепости к расположенной в ее центре котловине. Справа и слева к лотку подходили керамические дренажные трубы — кубуры, сложенные из отрезков усеченноконусной формы, входивших один в другой (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 356, рис. 5). Аналогичные трубы применялись в дренажной системе Топрак-калы, Токкалы в Северном Хорезме (Ягодин В. Н., 1963, с. 251—253) и других памятников. С конца архаического периода на сырцовых кирпичах встречаются метки, различные тамгообразные знаки. Назначение их пока не ясно. Возможно, они служили для учета количества кирпича, формовавшегося отдельными мастерами или бригадами строителей (Гертман А. Н., 1979, с. 70—73).

Перекрытия помещений были либо плоские, деревянные, либо сводчатые, сырцовые. Для памятников архаического периода известны только плоские перекрытия (Толстов С. П., 1952, с. 152, рис. 58). Кровля плоских перекрытий из дворца Калалыгыр I состояла из камышовых фашин, перевязанных веревками и покрытых глиняной обмазкой. Поверх остатков обрушившейся кровли обнаружено много алебастровых кирпичей — возможно, ими была выложена крыша для предохранения ее от размывания (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963, с. 144).

При перекрытии больших площадей (комнат и залов дворца) балки поддерживались деревянными колоннами, опиравшимися на каменные базы. Базы, найденные во дворце Калалыгыр, приготовлены из красного песчаника. Основания их квадратные, 70×70 см, трехступенчатые. На них ставилась верхняя часть базы, круглая в плане, со сложной профилировкой (так называемые торовидные базы) (Толстов С. П., 1962, с. 112). Такую же форму имеют базы колонн кушанского времени — с Гяуркалы и Топрак-калы (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 359—360).

Балочные перекрытия использовались при устройстве многоярусных стрелковых галерей — на малых крепостях античного времени ниже верхнего яруса бойниц в стенах видны гнезда от балок перекрытия (Джанбаскала, Базаркала, Топрак-кала).

Сводчатые перекрытия лучше всего сохранились на Кой-Крылганкале, Аязкале 1, Топрак-кале и Елхарасе. Помещения перекрывались двойными цилиндрическими сводами. Нижние своды выкладывались техникой наклонных поперечных отрезков и служили постоянным опалубком верхним — обыкновенным клинчатым сводам (ККК, с. 286; Толстов С. П. 1948а, с. 104, рис. 41; Воронина В. Л., 1953, с. 19, рис. 17). Примыкание отрезков свода к торцовой стене осуществлялось постепенным наращиванием наклонных частей дуги. В каждом последующем кольце — отрезке свода кирпичи для перевязки были сдвинуты по отношению к кирпичам предыдущего кольца на половину своей ширины. Техника сводчатых перекрытий уже в IV в. до н. э. достигла высокого уровня: в Кой-Крылганкале перекрывались пролеты до 4,5 м. Известен был прием взаимного пересечения сводов (ККК, с. 291). Своды как несущая конструкция чаще всего применялись для перекрытия помещений нижних этажей многоярусных построек: кровля верхнего яруса делалась плоской, па основе балочных конструкций (ККК, с. 292).

Во дворце на Калалыгыре обнаружены каменные подпятники для полотнищ дверей. Они состоят из полусферического нижнего камня с коническим углублением и такой же верхней полусферы с коническим выступом. Двери были одностворчатые. В том случае, если дверной проем располагался в углу, в боковой стене устраивалась неглубокая ниша, в которой помещалось полотнище открытой двери (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963, с. 144). Почти полностью сохранилась обгоревшая при пожаре дверь в здании позднекушанского времени на Кангакале. Она была сделана из брусьев, скрепленных деревянными гвоздями. Дверной проем был укреплен деревянной рамой. Дверными скобами или накладками на засов, по-видимому, являются массивные железные скобы с городища Топрак-кала (ГТК, с. 104, рис. 50).

Освещение зданий осуществлялось преимущественно через световые люки, служившие одновременно дымоходами. Прорезанные в толще стен небольшие (40—50 см) оконные проемы обнаружены только в центральном здании на Кой-Крылганкале (ККК, с. 278). Стрелковые галереи крепостных стен освещались через бойницы — световые проемы устраивались во внутренней стене только в местах примыкания башен, где бойницы не могли служить для этой цели (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 335).

Хозяйство. Основой хозяйства древних хорезмийцев было земледелие, обслуживавшееся разветвленной сетью каналов и арыков. Остатки ирригационной сети античного времени прослеживаются на территории древних дельт Амударьи и Акчадарьи в правобережном Хорезме — здесь выявлены четыре наиболее мощные ирригационные магистрали. Ирригационная система левобережья представляла собой совокупность отдельных оросительных систем, бравших начало в протоках Присарыкамышской дельты, и постепенно, начиная с кангюйского времени, объединенная в одну большую систему (Толстов С. П., 1948а, с. 37 и сл.; Гулямов Я. Г., 1957; Толстов С. П., 1962, с. 89 и сл.; Андрианов Б. В., 1969).

Среди сельскохозяйственных культур преобладали, очевидно, злаковые — просо, ячмень, пшеница. Распространены были садовые и бахчевые культуры, традиционные и для современной Средней Азии. Важной была роль виноградарства. Основным пахотным орудием, видимо, служила соха с железным наконечником, известная еще народам классического Древнего Востока. Находки сельскохозяйственных орудий античного времени в Хорезме очень редки. Железные сельскохозяйственные орудия труда появились довольно рано. Самым ранним железным серпом считается найденный на городище Кюзелигыр в слое VI—V вв. до н. э. (Толстов С. П., 1958, с. 146), более поздние находили на Дингильдже, Кой-Крылганкале, Топрак-кале (Толстов С. П., 1958, с. 215; 1962, с. 106, 130), на Кой-Крылганкале были обнаружены железные ножи (Толстов С. П., 1962, с. 130). Зерно перерабатывалось в муку при помощи ручных каменных зернотерок, обычно имевших ладьевидную форму, с вогнутой рабочей поверхностью и высоко поднятыми концами (ККК, с. 171). В раннем средневековье зернотерки постепенно вытесняются более производительными ручными жерновами и жерновами типа «харос», приводившимися в движение силой животных (Неразик Е. Е., 1976, с. 96).

Свидетельством переработки винограда является находка винодельни в районе Аязкалы (Неразик Е. Е., 1976, с. 39 и сл.). Площадка, на которой давили виноград, была вымощена обожженными керамическими плитками и имела размеры 5×5 м. Она была ограничена пахсовой стенкой толщиной 0,5 м. По узкому с наклонным дном желобу, сделанному из таких же плиток, положенных плашмя и скрепленных алебастровым раствором, сок должен был стекать в огромный хум, врытый в землю. Рядом были зафиксированы остатки еще двух давильных площадок и не менее 20 закопанных хумов. Были зафиксированы следы виноделия и в других местах. Некоторые наблюдения подтверждают предположение, что виноделие в Хорезме имело товарный характер: виноград производился в огромных специализированных хозяйствах.

Важную роль играло и скотоводство. В архаический период в стаде преобладает крупный рогатый скот, лошади и верблюдицы — их кости, по материалам Кюзелигыр, составляют 52%. В кангюйское и кушанское время основную часть стада составляет мелкий рогатый скот — находки костей домашних животных с Джанбаскалы и Топрак-калы дают только 25% костей крупного рогатого скота (Толстов С. П., 1962, с. 104).

Следы крупного железоделательного производства — скопления металлургических шлаков и крицы — обнаружены в верхнем строительном горизонте Кюзелигыр. На Кой-Крылганкале и Топрак-кале найдены керамические сопла, применявшиеся при раздувании кузнечных горнов, литейные формочки. Железо обрабатывалось посредством ковки — изготовлялись орудия труда (серпы, ножи — ГТК, с. 105—106); оружие, в том числе железные наконечники стрел, вытеснившие бронзовые; мечи, панцирные чешуйки. На развитие цветной металлургии указывает большое число находок из меди и бронзы — украшений (перстни, серьги, подвески, булавки, пластинки поясных наборов, накладки) и предметов домашнего обихода, а также следы медеплавильного производства на Кюзелигыре (Воробьева М. Г., 1970, с. 78).

Следы керамического производства архаического периода обнаружены на одном из поселений в окрестностях Кой-Крылганкалы. Судя по остаткам печей, можно предполагать, что они были двухъярусными, округлой формы. Нижнюю топочную камеру вырывали в грунте и соединяли с верхней жаропроводящими каналами — отверстиями в дисковидной плите самана, разделявшей камеры. Верхние камеры, в которые загружалась предназначенная для обжига продукция, не сохранились (Воробьева М.Г., 1959, с. 180). Кварталы гончаров и гончарные печи известны на городище Джанбаскала, в окрестностях Кой-Крылганкалы, на городищах Канга-кала, Калалыкала, Кюзелигыр, в окрестностях Базаркалы (Толстов С. П., 1948а, с. 118; Воробьева М. Г., 1959, с. 199; 1978, с. 523). Самым ранним является гончарный квартал на городище Кюзелигыр. Производственный комплекс включал восемь печей, расположенных попарно. Печи двухъярусные — их конструкция аналогична архаическим печам. Обжигательные камеры выкладывались из сырца, в ряде случаев, очевидно, в виде ложного свода над врытой в грунт топочной камерой. Загрузочный люк находился с противоположной от устья топки стороны. Печи кушанского периода повторяют ту же конструкцию, но отличаются большим диаметром обжигательной камеры, наличием сложной системы жаропроводящих каналов и более узкой и вытянутой топочной камерой, снижавшей потери тепла при обжиге (Воробьева М. Г., 1959, с. 210—211). Следы керамического производства фиксируются и во многих других районах Хорезма — по гончарным отвалам. Гончарные отвалы IV в. до н. э.— II в. н. э. в районе Хумбузтепе в Хорезмской области тянутся вдоль берега Амударьи на километр (Мамбетуллаев М., Юсупов Н., 1974, с. 483). Гончары также производили и терракотовые статуэтки. Если производство форм для их изготовления (калыпов) было делом специальных мастеров-профессионалов, то тиражирование с помощью калыпа — делом рядового мастера-керамиста (Воробьева М. Г., 1981).

Костерезные мастерские функционировали в кушанский период на городище Топрак-кала (ГТК, с. 101—103), на крепости Капарас, в левобережном Хорезме (Коляков С. М., 1979, с. 48). Судя по отходам производства, основную их продукцию составляли костяные и роговые накладки для сложных луков. Возможно, что обе мастерские были филиалами государственных оружейных мастерских. Здесь же изготовлялись костяные булавки с фигурными навершиями, аналогичные булавкам кушанской Бактрии. Костяные статуэтки и пластинки с сюжетными композициями, скорее всего, привозные изделия, а не продукция местных мастеров (ГТК, с. 116; Неразик Е. Е., 1958, с. 218).

К числу типичных для античного времени изделий из камня относятся небольшие парфюмерные сосудики, цилиндрические коробочки-пиксиды, встречающиеся в слоях кангюйского времени, форма которых восходит, очевидно, к изделиям Ахеменидского Ирана (ККК, с. 140—145), прямоугольные

блюда с полусферическими лунками, которые появляются в кушанское время (назначение их неизвестно) (ГТК, с. 107, рис. 53).

О развитии ткачества свидетельствуют многочисленные находки пряслиц — на Кой-Крылганкале их найдено около 300 штук. Преобладают керамические лепные пряслица или выточенные из черепков гончарной посуды (последних 258 экз.). Каменных пряслиц немного (ККК, с. 166). В кушанский период получают распространение профилированные каменные пряслица, аналогичные происходящим из Бактрии и со Средней Амударьи (ГТК, с. 107, рис. 52). Среди найденных на Топрак-кале фрагментов тканей хлопчатобумажные и шерстяные, очевидно, являются продуктами местного производства, шелковые привозные.

Стеклоделие, вероятно, уже было известно в Хорезме эпохи поздней античности, но его продукция, скорее всего, ограничивалась изготовлением вставок в перстни и наборные пояса и бус. Фрагменты стеклянной посуды с Кой-Крылганкалы по химическому составу стекла более сходны со стеклами античного мира, нежели с более поздними среднеазиатскими (ККК, с. 145—146); стеклянная посуда и бусы с городища Топрак-кала также, вероятнее всего, восточносредиземноморский и иранский импорт (ГТК, с. 111, 117—119, рис. 58).

Некоторые материалы имеются (помимо указанных выше) для суждения о проблеме развития обмена. В I в. н. э. в Хорезме начинает чеканиться медная разменная монета, что свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений в обществе. Очень важную роль в жизни Хорезма играли взаимоотношения (в том числе и экономические) с кочевниками. Уже давно было обращено внимание на то обстоятельство, что целый ряд наиболее мощных очагов керамического производства располагался на границах со степью. Из этого был сделан вывод, что именно здесь производилась керамическая посуда, уходившая на обмен к кочевникам (Неразик Е. Е., 1976, с. 217).

Вооружение. Вопрос о характере и эволюции вооружения в древнем Хорезме подробно разбирался С. П. Толстовым (Толстов С. П., 1948а). По свидетельству Геродота (VIII, 64—67), хорезмийские отряды, входившие в состав ахеменидского войска, были вооружены акинаками и луками из тростника — сложный лук в V в. до н. э. еще не получил распространения. Тяжелого защитного вооружения они, видимо, также не имели. Изображение акинака, пристегнутого у правой ноги сидящего на верблюде всадника, имеется на фрагменте рельефной фляги с Калалы-гыр. На фрагменте другой фляги, с Кой-Крылганкала, изображен всадник в скифском головном уборе с тяжелым копьем наперевес (ККК, с. 203, рис. 75). В раннеантичное время в качестве наступательного оружия использовалась праща, впоследствии вышедшая из употребления. Глиняные и каменные ядра для пращи найдены на Кой-Крылганкале, Токкале и других памятниках кангюйского времени (ККК, с. 138, рис. 55).

Многочисленные бронзовые наконечники стрел скифского типа, трехлопастные, втульчатые найдены на памятниках Хорезма архаического и кангюйского времени (Толстов С. П., 1958, с. 146, рис. 56). С III в. до н. э. появляются железные черешковые трехгранные и трехлопастные наконечники (ККК, с. 133, рис. 53). С I в. до н. э. по IV в. н. э. распространяются крупные черешковые трехлопастные наконечники, известные по находкам на Кой-Крылганкале и Топрак-кале (ККК, с. 136). Многие исследователи связывают их появление с распространением нового типа сложного лука.

Представление о вооружении кушанского времени дают материалы Топрак-калы. В юго-восточных помещениях дворцового комплекса найдены фрагменты луков, стрел, колчанов, вызолоченные бронзовые пластины от поясов и панцирей. Луки сложные, укрепленные костяными накладками, около 160 см в длину. Древко сужается к середине и к концам. Между ними — плоская лопасть до 6 см шириной (Толстов С. П., 1952, с. 35, рис. 22). Найдены фрагменты четырех луков, один из них почти целый. Многочисленные накладки луков из оленьего рога найдены на городище Топрак-кала (очевидно, в качестве выбросов из ремесленной мастерской, изготовлявшей луки. ГТК, с. 101—103), а также на городище Куняуаз и на крепости Капарас (Коляков С. М., 1979, с. 49—50).

Стрелы изготовлялись из дерева и камыша — в камышовое древко вставлялась деревянная втулка, державшая в свою очередь железный трехгранный черешковый наконечник.

В «Зале темнокожих воинов» топрак-калинского дворца находились изображения воинов, реконструируемые по сохранившимся фрагментам, в железных чешуйчатых панцирях с плетеными из камыша щитами (Толстов С. П., 1952, с. 37—38). Панцирные чешуйки того же типа происходят из помещений дворца (Толстов С. П., 1958, с. 215).

Вооружение и военная тактика хорезмцев развивались под влиянием окружавшего их кочевого мира. Основной ударной силой в бою, видимо, была конница; могла применяться конно-стрелковая тактика, аналогичная скифской. Арриан, описывая визит хорезмского царя Фарасмана к Александру, говорит о сопровождавших царя 1500 хорезмских всадниках. Об их вооружении ничего не сообщается — это могла быть и легкая кавалерия и тяжеловооруженные катафрактарии. Соседи хорезмийцев — сакские племена восточного Приаралья — к концу IV в. уже знали военный доспех из железных чешуек и пластин — это подтверждается находкой значительных фрагментов такого панциря в погребальном комплексе Чирик-рабата (Толстов С. П., 1962, с. 150, рис. 82) и свидетельством Арриана о столкновении войск Александра со скифами на берегу Сырдарьи — при этом стрелой из стрелометной машины были пробиты щит и латы одного из скифских всадников. Появление тяжеловооруженной конницы катафрактариев С. П. Толстов связывал с Хорезмом и окружающим его степным миром (Толстов С. П., 1948а, с. 224—226; 1962, с. 149—150). Эта гипотеза пока не подтверждена фактическим материалом. В кушанское время на смену коротким акинакам приходят тяжелые длинные мечи. Среди скульптурных фрагментов «Зала царей» топрак-калинского дворца имеется изображение рукоятки такого меча (Толстов С. П., 1958, с. 196. рис. 91).

Керамика. Керамика древнего Хорезма условно

делится на три хронологические группы. К первой относится керамика архаического периода. Она впервые была обнаружена на городище Кюзелигыр. Подобная керамика распространена по довольно широкой территории — от Таджикистана до южной Туркмении и от Хорезма до Афганистана. По форме и технике она резко отличается от более поздней керамики. Время ее бытования — VI—V вв. до н. э. Вторая группа включает керамику кангюйского времени — IV в. до н. э. — I в. н. э. Третья группа керамики кушанского времени — II—IV вв. н. э.[4]

Архаическая керамика. В Хорезме, кроме Кюзелигыр, она найдена во многих районах правобережья и левобережья. В комплексе с ней встречаются бронзовые втульчатые стрелы скифского типа, сердоликовые и бронзовые бусы. Большая часть столовой посуды, судя по равномерной толщине черепка, сделана на круге быстрого вращения. Тесто насыщено толченым гипсом. Черепок в изломе — краснокирпичный или песочно-желтый, сверху желтоватый или беловатый. Иногда сосуды покрывались красным ангобом. Наиболее распространенная форма — цилиндрические сосуды с широким устьем, выпуклыми или вогнутыми посередине стенками и резким перегибом в нижней трети тулова, к небольшому плоскому дну. Сосуды такой формы бывали разных размеров и назначения: от хумов высотой до 1 м до небольших бокалов. Широко были распространены красноангобированные чашки со скошенными в нижней части стенками, плоскодонные высокие бокалы с небольшим дном и широким устьем, цилиндрические стаканообразные сосуды.

Керамика из двух строительных горизонтов Кюзелигыр в общем однотипна, но сосуды верхнего горизонта приближаются к формам, характерным для последующего времени. Меняется форма красноангобированных чаш — исчезает выделявшееся в нижней трети ребро. На плечиках некоторых хумчей появляется невысокий валик, венчик становится несколько толще. Появляются тонкостенные чаши с подкошенной нижней частью; ленточная роспись на хумах красной ангобной краской, неизвестная для сосудов того же типа из нижнего горизонта (Воробьева М. Г., 1959, с. 72—74). К более позднему по времени, но близкому к материалу верхнего горизонта Кюзелигыр, относится керамика с усадьбы Дингильдже (около середины V в. до н. э.). Увеличивается набор красноангобированной посуды. Хумчи, покрытые светлым ангобом, имеют окрашенный красной краской венчик и ленточную роспись на тулове. Кухонная посуда — лепные горшки и котлы из огнеупорной черной и серой глины и примесью дресвы и шамота — встречаются на протяжении всего архаического периода (Воробьева М. Г., 1959, с. 78 сл.).

Керамика Дингильдже отражает постепенный переход от архаических форм к формам так называемого кангюйского периода, сложившимся на местной основе, а не привнесенным извне. Керамика Хорезма кангюйского времени в противоположность архаической сильно отличается от керамики соседних территорий — в условиях относительной политической обособленности Хорезма в этот период развитие ее идет по своему пути (Воробьева М. Г., 1959, с. 85). Основную массу керамики этого времени составляет ремесленная гончарная посуда. Лишь незначительная часть (кухонные горшки) вылеплена от руки. Большинство сосудов покрыто светлым, красным или красно-коричневым ангобом. Встречается роспись в виде полос и спиралей более темной ангобной краской, лощение; многие сосуды орнаментированы нарезными линиями и рельефными валиками. Керамика включает довольно много видов, отличающихся большой стандартизацией форм на всей территории как правобережного, так и левобережного Хорезма. Различаются некоторые формы, типичные для начала и конца раннеантичного периода. Основные формы: хумы — грушевидной (высотой 95—115 см) и горшковидной (65—80 см) формы с ленточным орнаментом в виде спирали. Хумчи от 30 до 70 см высотой, диаметр горловины 28—35 см. Хумчи часто украшались орнаментом из прочерченных прямоугольников и треугольников, закрашенных через один темной ангобной краской (Воробьева М. Г., 1959, с. 95). Горшки — одна из самых распространенных форм. Преобладают сосуды средних размеров, приземистые, 16—20 см высотой. Иногда горшки расписывались короткими вертикальными линиями или «запятыми» красно-коричневой краской. Кувшины довольно мало изменяются на протяжении всей эпохи. Они появляются незадолго до кангюйского времени. Кувшины обычно имеют одну ручку, круглую или овальную в сечении, часто с налепами в виде головы льва наверху. Кувшины покрывались светлым желтым или красноватым ангобом и расписывались. В раннекангюйское время кувшинов сравнительно немного, в дальнейшем они распространяются шире. Вьючные фляги — асимметричные сосуды, одна сторона тулова почти плоская, другая — выпуклая, с узкой горловиной. По бокам имеются небольшие ручки с отверстиями, через которые при транспортировке продевались ремешки. Плоская сторона фляг часто украшалась оттиснутым по форме барельефным изображением, геометрическим или растительным орнаментом, сюжетными сценами. Значительное число фрагментов таких фляг найдено на Кой-Крылганкале. К концу раннекангюйского времени фляги с рельефом уже выходят из употребления. Емкость фляги средних размеров — 6—7 литров. Встречаются и сосуды гораздо большего объема.

Очень редко встречаются керамические ритоны, украшенные лошадиными или грифоньими головами. Они известны по находкам на Кой-Крылганкале и Калалыгыр. Прототипом их скорее всего являются металлические ритоны Ахеменидского Ирана (Воробьева М. Г., 1959, с. 169). Чаши появляются в архаический период и бытуют до конца античного времени. Они довольно однообразны. Все они покрыты красноватым ангобом изнутри и снаружи. К сосудам этого типа близки миски, отличающиеся большими размерами. Часто встречаются бокалы, или кубки — сосуды, восходящие к архаическому перио-

[4] Основные работы по хорезмской керамике: *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, 1959, IV; разделы «Керамика».— В кн.: Кой-Крылганкала. М., 1967 и в кн.: Городище Топрак-кала. М., 1981.

ду. Верхняя часть их тулова обычно покрыта неглубокими горизонтальными рубчиками. Ножки бокалов невысокие, дисковидные, иногда чуть вогнутые посередине. Крышки (крупных сосудов) — сегментированные, конусообразные, уплощенные или со сложным профилем. Часто украшены нарезным орнаментом или росписью. Особую категорию составляют миниатюрные сосудики как лепные, так и гончарные — кувшинчики и коробочки, подражающие изделиям из камня (Воробьева М. Г., 1959, с. 119—123).

К рубежу н. э. исчезает ряд типов (хумы и хумчи, орнаментированные треугольниками, кувшины с львиноголовыми ручками, фляги с рельефными изображениями) и появляются новые формы, особенно среди кувшинов и мисок.

Керамика кушанского времени исследована по материалам сельской усадьбы в районе крепости Аязкала 3, Топраккала, многослойного памятника Куняуаз и др.

Раннекушанский материал представлен на усадьбе Аязкала — он датируется по монетам Канишки — и в ранних слоях Куняуаз. В этот период в керамическом производстве происходят некоторые изменения: меняется техника выработки хумов — появились сосуды, сделанные не на гончарном круге, а вылепленные от руки, ленточным способом. Гончарные хумы обрабатывались «под ручную лепку» так, что их порой трудно отличить от лепных. Появляются новые формы горшков, еще шире распространяются типы кувшинов. Качество теста слегка ухудшается, сокращается число расписных и увеличивается число лощеных сосудов. Продолжают существовать и старые формы — красноангобированные чаши; чаши на дисковидном низком поддоне, редкие в кангюйский период, в кушанских слоях попадаются чаще. Намечается различие между «городской» и «сельской» посудой — на поселениях гораздо больше сосудов, вылепленных от руки.

Между керамикой раннекушанского (I—II вв. н. э.) и позднекушанского времени очень мало общего. Меняется форма и отделка, а также приемы выработки. Большинство крупных сосудов (хумы, хумчи, горшки, вьючные фляги) стали изготовляться ручным способом. Появляется восстановительный обжиг, дающий светлый в изломе черепок, хотя в основном продолжает применяться окислительный (табл. CLIX).

Украшения. Бусы архаического периода VI—V вв. до н. э. известны по находкам на городище Кюзелигыр. Это крупные халцедоновые бусы бочкообразной формы с белым орнаментом; мелкие сердоликовые подпрямоугольные; миниатюрные бронзовые цилиндрические и бисер зелено-голубоватого стекла (Толстов С. П., 1958, с. 146; 1962, с. 99).

В кангюйскую эпоху основную массу бус, находимых на памятниках, составляет античный импорт — стеклянные и пастовые бусы, привезенные из Северного Причерноморья, Сирии и Египта. Каменных бус сравнительно мало — в основном гагат, пирит, бурый железняк (Толстов С. П., 1948а, с. 118—119). Бусы и подвески кангюйского времени представлены подъемным материалом с Джанбаскалы, Базаркалы и других памятников (Пташникова И. В., 1952, с. 105—118). В слое нижнего горизонта Кой-Крылганкала найдены бусы из синего и голубого стекла, аналогичные находкам из памятников IV—III вв. до н. э. на Нижней Сырдарье и из сарматских погребений прохоровской культуры (ККК, с. 154); из слоев среднего горизонта, III—I вв. до н. э. происходят бусы цилиндрической формы из бирюзы, гагата, розового коралла, стеклянные бусы с позолотой между слоями (они появляются в Египте в IV в. до н. з.), подвеска в виде амфоры из горного хрусталя (Северное Причерноморье, III в. до н. з.— I в. н. э.), амулеты из египетской пасты в виде сжатой руки (ККК, с. 148). Аналогичные амулеты часто встречаются в подъемном материале на других памятниках. Бусы позднеантичного периода изучены по находкам на Топрак-кале. Основная их масса — тоже стеклянные и пастовые, аналогичные бусам Северного Причерноморья и бусам из сарматских погребений Кубани и Нижней Волги (Трудновская С. А., 1952, с. 126). В одном из помещений топрак-калинского дворца найдено целое ожерелье из 300 бус из стекла, пасты, раковин каури, янтаря (Трудновская С. А., 1952, с. 119—134, табл. II), пирита, граната и сердолика. Найденные во дворце бусы из красного коралла имеют средиземноморское происхождение (Трудновская С. А., 1952, с. 124, табл. II, *5*). Во дворце и на городище встречаются сердоликовые бусы как шлифованные эллипсоидной формы, так и с протравленным щелочью светлым геометрическим орнаментом (рисунок обычно состоит из пятиугольников с точкой посередине), бочковидной и сфероидальной формы. Последние, видимо, происходят из Ирана (ГТК, с. 112—113; Трудновская С. А., 1952, с. 124, табл. II, *7—8*).

Перстни. Самые ранние типы представлены находками с Кой-Крылганкалы — железные или бронзовые перстни с горизонтальным овальным плоским щитком, который постепенно переходит в суживающуюся овальную в сечении шинку. По аналогии с античными перстнями они датируются серединой V — концом IV в. до н. э. (ККК, с. 154, табл. XVIII, *5*). Более поздний вариант — перстни с вогнутым щитком и резной линией вдоль края — известны по находкам на Кой-Крылганкале и Джанбаскале (ККК, табл. XVIII, *1*; Толстов С. П., 1948а, с. 89, рис. 26). Эти формы могли быть заимствованы через Ахеменидский Иран. В первых веках н. з. распространены были перстни с выступающими щитками, со вставками и без вставок. Вставки могли быть из цветного стекла или полудрагоценных камней (ККК, табл. XVIII, *6*, *4*). Для кушанского периода характерен щиток с круглым глазком для вставки, переходящий в плоскую в сечении шинку (находки на Аязкале, Кой-Крылганкале и Топрак-кале) (Толстов С. П., 1948а, с. 110, рис. 45; с. 121, рис. 63; с. 122, рис. 64; ККК, с. 155) и бронзовые перстни с небольшим расширением-щитком, аналогичные бактрийским (Толстов С. П., 1948а, с. 110, рис. 45; ККК, с. 155; ГТК, с. 114, рис. 54, *12*). На Топраккале был найден обломок золотого перстня с гранатом — образчик полихромного стиля (Трудновская С. А., 1952, табл. III, *1*) и бронзовое кольцо с четырьмя спиральными завитками (Трудновская С. А., 1952, с. 125, табл. III, *3*).

Серьги. Один из самых распространенных в кушанский период типов серег — из круглых бронзовых проволок с расширяющимися, плоскосрезанными концами. Они известны по находкам на Кангакале (в верхнем слое III—IV вв.), в оссуарии на Калалыгыр (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963, с. 143) на Кой-Крылганкале (ККК, с. 155—156). На росписях топрак-калинского дворца изображены серьги в виде пластинок с миндалевидными подвесками и кружками на концах (Трудновская С. А., 1952, с. 128—129, табл. III, *5*).

Во дворце найдены фрагменты мужских наборных поясов — крупные граненые стеклянные пластины и пластины из позолоченной бронзы (Трудновская С. А., 1952, с. 129).

Печати. Значительная часть найденных в Хорезме печатей происходит из подъемного материала с такыров. Самые ранние датированные печати найдены на Кой-Крылганкале (ККК, с. 216, рис. 81, *1, 2*). На одной изображен рогатый грифон с воткнутой в спину стрелой, на другой — олень, стоящий между схематично изображенными деревьями. Обе печати по форме — скарабеоиды. Эта форма могла появиться в Хорезме под влиянием позднеахеменидских печатей-скарабеоидов V—IV вв. до н. э. Сделаны они из местных пород мягкого камня (известково-железистой конкреции и сланца), а не из полудрагоценных камней, как печати Ахеменидского Ирана. Резьба ручная, преимущественно линейная. Условия находки печатей не позволяют определить их дату, стратиграфически их относят к IV в. до н. э. по сходству с ахеменидской глиптикой и на основании находки оттиска аналогичной по стилю печати с изображением фантастического крылатого животного на фрагменте хума из нижнего горизонта Кой-Крылганкалы (ККК, с. 217, рис. 82).

Две других печати с Кой-Крылганкалы относятся к более позднему времени — они двухсторонние, с изображениями на лицевой и оборотной стороне. Манера изображения — мелкими штрихами — утрачивает связь с ахеменидской традицией. На одной печати изображены птицы, на другой — козел и знак в виде двухстороннего трезубца. Обе печати сделаны из известняка. Плоские двухсторонние печати с отверстием по вертикальной оси употреблялись вплоть до первых веков н. э. (ККК, с. 218).

На Кой-Крылганкале найдено много кусков необожженной глины с оттисками печатей. Они находились по соседству с хумами, которые, очевидно, таким образом опечатывались. Значительная часть оттисков сделана печатями-скарабеоидами, но рядом с ними есть и другие, более крупные квадратные оттиски, чаще всего с орнаментальными мотивами (Толстов С. П., 1958, с. 181, рис. 77). Наиболее популярный сюжет каменных печатей раннеантичного времени, происходящих с такыров Беркуткалинского оазиса — грифон (Толстов С. П., 1948а, табл. 83, *2—5, 7*). Оттуда же происходит печать с изображением всадника (Толстов С. П., 1948, табл. 83, *1—3*). Всадник на печати IV в. до н. э. отличается по иконографическим деталям от изображений всадников на монетах хорезмийской чеканки, более поздних по времени (Вайнберг Б. И., 1977, с. 46—47).

На рубеже IV и III вв. до н. э. печать-скарабеоид в Средиземноморье и на Переднем Востоке вытесняется перстнем-печатью со вставным резным камнем. В Хорезме старые формы, видимо, долгое время продолжают существовать вместе с новыми. Для резных камней-вставок могли предназначаться углубления на щитках перстней, найденных на городище Топрак-кала и в его окрестностях, в окрестностях Аязкалы и Беркуткалы (Толстов С. П., 1948а, рис. 63, 64, 73). В кушанское время распространяется также восходящая к более ранней эпохе традиция перстней с металлическими щитками с вырезанным на них изображением.

В архиве топрак-калинского дворца вместе с документами была найдена глиняная булла с оттиском античной геммы, по всей видимости, распространенное в римскую эпоху изображение Венеры с павлином (Толстов С. П., 1952, с. 43, рис. 31).

Погребальные памятники и обряд захоронения. В античную эпоху в Хорезме господствующим является оссуарный обряд захоронения: выставление трупов для очистки с последующим погребением костей в специальных костехранилищах-оссуариях или в сосудах. Своеобразие этого обряда позволяет говорить об особом хорезмийском варианте зороастризма, своими корнями уходящим в местные первобытные верования. Хорезмийский оссуарный обряд имеет сложную историю и, очевидно, является контаминацией обряда трупосожжения и обряда выставления трупов на возвышенных местах (Толстов С. П., 1962, с. 133; Рапопорт Ю. А., 1971, с. 23 и сл.). К настоящему времени в Хорезме учтено около 40 мест находок погребений в оссуариях и один археологический объект, являющийся, по-видимому, дахмой — местом выставления трупов (Толстов С. П., 1948а, с. 71; Манылов Ю. П., 1972; 1981). По типу погребальные памятники древнего Хорезма можно разделить на следующие: 1) оссуарные некрополи; 2) домашние хранилища оссуариев; 3) места выставления трупов (дахмы); 4) погребальные храмы и святилища.

Оссуарные некрополи, как правило, располагались на возвышенных местах: на склонах гор, на холмах, в курганных насыпях более раннего времени, на возвышенностях, образованных руинами заброшенных городищ. Открыто и обследовано несколько некрополей: Кенкусай, в западной части хребта Султануиздаг, в одной из долин. Обломки оссуариев находятся здесь в многочисленных искусственных и естественных нишах на склонах (Манылов Ю. П., 1972, с. 91—98); некрополь Бештюбе — группа холмов в 20 км к югу от г. Нукуса (датируется II—IV вв. н. э. — Манылов Ю. П., 1972, с. 98); некрополь в юго-восточной части хребта Султануиздаг, IV в. до н. э. — IV в. н. э. — оссуарные захоронения в скальных нишах (Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963, с. 6; Манылов Ю. П., 1972, с. 87—91); большой городской некрополь древнего Миздакхана, на склонах холма, рядом с городищем Гяуркала. Погребения в нем совершались со II в. до н. э. — оссуарии и сосуды помещались в ямы, в песчаном грунте (Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970); некрополь Каскажол в районе средневекового городища Кетенкала — курганная группа со впуск-

ными погребениями в оссуариях-сосудах и обломками статуарных оссуариев, устанавливающихся на вершинах курганов (Ягодин В. Н. и др., 1978, с. 146—147). Таким же образом статуарные оссуарии были установлены на склонах курганов группы Бернияз, на Устюрте (Ягодин В. Н., Юсупов Н. Ю., 1978, с. 542). Для некрополя было использовано городище Калалыгыр I (V—IV вв. до н. э.) — во II—IV вв. н. э. развалины дворцового здания были превращены в хранилище оссуариев. В стенах здания прорубались ниши, в которые ставились оссуарии или просто укладывались кости, завернутые в ткань. Оссуарии таким же образом устанавливались на крепостной стене (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963, с. 151—156).

Домашние хранилища оссуариев. В ряде случаев статуарные оссуарии были обнаружены не в некрополях, а в развалинах усадеб. Очевидно, в Хорезме существовал обычай сохранения в течение определенного времени оссуария обожествленного предка (ККК, с. 249—250). Это подтверждается сообщением китайских хроник о церемонии поклонения установленным на троне останкам среднеазиатских правителей (Бичурин Н. Я., 1950, с. 272, 273, 282). Раскопки сельских усадеб древнего Хорезма позволяют выделить в их структуре особое изолированное помещение. С ним обычно связаны находки фрагментов оссуариев — вероятно, оно специально предназначалось для их временного хранения и совершения всего цикла ритуалов, связанного с культом предков (Неразик Е. Е., 1976, с. 24—25, 159, 161).

Местом выставления трупов — дахмой — является городище Чильпык в правобережном Хорезме. Оно расположено в 43 км к югу от г. Нукуса в пустынной местности на вершине холма. В плане оно имеет форму овала, 70×65 м. В центре его имеется площадка, окруженная вертикальными 15-метровыми обрывами пахсовых стен. По периметру она была обведена желобом, состоящим из керамических секций — видимо, для отвода дождевых вод за пределы сооружения. Вход в сооружение — пологий пандус, который затем переходил в лестницу, находился с западной стороны. Предположение, что Чильпык является дахмой, впервые было высказано С. П. Толстовым (Толстов С. П., 1948а, с. 71) и подтвердилось последующими исследованиями (Манылов Ю. П., 1972, с. 81 и сл.). Примечательно, что на всех возвышенностях, окружающих Чильпык, обнаружены оссуарные некрополи. В качестве дахмы, очевидно, использовались обжигательные камеры двух гончарных печей на северной стене Калалыгыр, в которых были обнаружены несколько черепов и отдельные кости скелетов (Толстов С. П., 1962, с. 115).

С заупокойным культом было связано городище Кой-Крылганкала, центральное здание которого, вероятно, было погребальным сооружением, построенным для какого-то знатного лица. Следы огня в здании говорят о том, что погребальный обряд был связан с трупосожжением. Впоследствии здание могло функционировать как заупокойный храм.

На городищах Куняуаз и Кангагыр в левобережном Хорезме были обнаружены погребальные святилища. На Куняуазе — помещение в замке III—IV вв. с вымосткой из сырцового кирпича в центре. Вокруг вымостки кучками на камышовой подстилке лежали черепа и кости. Стены помещения были расписаны. У юго-восточной и юго-западной стен находились остатки раскрашенных антропоморфных статуй — оссуариев (Неразик Е. Е., 1958, с. 375, 378; Рапопорт Ю. А., 1971, с. 76—77). Аналогичное помещение обследовано на городище Кангагыркала. Оно также содержало кости, фрагменты скульптуры, обломок алебастровой маски (Толстов С. П., 1955, с. 500; Рапопорт Ю. А., 1971, с. 80).

Среди оссуариев преобладают керамические. Реже встречаются алебастровые и каменные. Известны оссуарии из необожженной глины. Все многообразие их форм можно свести к нескольким типам:

1. Статуарные погребальные сосуды и керамические маски. Погребения в статуарных сосудах — наиболее ранние — IV—III вв. до н. э. Такие статуарные сосуды, основа для которых — сформованный на круге сосуд цилиндрической формы, известны по находкам на Адамликала. Один из них изображает стоящую женщину, другой — сидящего мужчину. Фрагменты аналогичного оссуария были найдены на такыре, в окрестностях Якке-Парсана и на Кой-Крылганкала (Рапопорт Ю. А., 1971, приложение). Статуарным сосудам синхронны керамические погребальные маски. Одна маска была найдена в кострище на берегу древнего канала в окрестностях Кой-Крылганкала, фрагмент другой — на Кой-Крылганкале. Первая маска изображает бородатое мужское лицо. Обе носят следы росписи по алебастровой подгрунтовке (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 45). Следы огня на масках позволили предположить, что они связаны с обрядом кремации, с последующим помещением праха в оссуарий (Толстов С. П., 1962, с. 133; ККК, с. 227 и сл.).

2. Статуарные оссуарии генетически восходят к статуарным сосудам. Их использование продолжается до II в. н. э. — в некрополях III—IV вв. статуарные и архитектурные оссуарии уже не встречаются (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 57—58; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970). Керамические статуарные оссуарии, как правило, ангобированные, иногда носят следы раскраски. Чаще всего они выполнены в виде фигуры женщины, сидящей на прямоугольном ящике — основании, либо в виде сидящего, скрестив ноги, мужчины. Они найдены на многих памятниках древнего Хорезма. Наиболее полно сохранился изображающий сидящего мужчину оссуарий, из усадьбы из окрестностей Кой-Крылганкалы (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 70—73). Проработаны детали его костюма — пластинчатый панцирь и висящий у пояса меч с фигурной рукояткой. Статуарных оссуариев, изображающих всадника, сидящего на коне или на верблюде, очень немного. Обломки фигуры всадника на коне были собраны у гончарной печи, неподалеку от городища Уйкала (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 73), в развалинах сельской усадьбы к юго-западу от Джанбаскала (Неразик Е. Е., 1976, с. 35) на такыре возле одного из замков Беркуткалинского оазиса (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 75—76). Уникальна находка оссуария в виде лежащего верблюда в развалинах сельской усадьбы в районе городища Ангкакала. Оссуарий датируется рубежом эр.

Круглый вырез на месте горба, очевидно, закрывался фигурой всадника (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 76).

3. Архитектурные оссуарии, возможно, воспроизводят реально существовавшие архитектурные сооружения — мавзолеи. Строительство мавзолея было доступно далеко не для каждого хорезмийца, и архитектурные оссуарии как бы служили заменой такой гробницы. Все находки их были сделаны в правобережном Хорезме. Оссуарии имеют прямоугольную или цилиндрическую форму, с прорезанными квадратными оконцами и стреловидными бойницами, с парапетом, имитирующим стрелковую галерею. В ряде случаев сохранились крышки, имитирующие купольные перекрытия (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1968, с. 147—156) или зубчатый парапет открытой стрелковой галереи. Самые поздние оссуарии этого типа датируются рубежом IV—V вв. н. э. (Рапопорт Ю. А., 1971).

4. Ящичные оссуарии. В III в. н. э. происходит замена антропоморфных статуарных оссуариев вариантами ящичных; появляются погребения в бытовых сосудах и погребения очищенных костей в нишах на горных склонах, в стенах заброшенных зданий. Это могло быть связано с распространением в Хорезме канонического зороастризма, осуждавшего идолопоклонство (Рапопорт Ю. А., 1971, с. 89). Ящичные оссуарии разнообразны по форме: прямоугольные, с ножками и без ножек, с боковым сводчатым люком и крышкой для загружения костей и с купольной крышкой; бочонкообразной формы и др. Многие ящичные оссуарии найдены в непотревоженном виде, что дает возможность реконструировать погребальный обряд. В них укладывалось от одного до нескольких черепов, часто без нижней челюсти. В половозрастном составе погребенных не прослеживается никакой закономерности. Вместе с черепами укладывались отдельные кости скелета — обычно только кости конечностей. Находки инвентаря в оссуариях крайне редки. Наибольшее количество непотревоженных оссуариев найдено на Калалыгыр.

5. Сосуды-оссуарии и бытовые сосуды используются для погребений со II в. н. э. Это либо бытовые сосуды, часто с отбитой узкой горловиной, чтобы сделать возможным загружение костей, либо специально изготовленные сосуды-оссуарии, повторяющие форму бытовых. Находки сосудов-оссуариев отмечены на некрополях правобережного Хорезма, в левобережном — единичные на Калалыгыр и массовые — на некрополе древнего Миздакхана (Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963, с. 151; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970).

6. Оссуарии-саркофаги. Погребение молодой женщины в керамическом саркофаге вытянутой овальной формы (130×75 см, высота 60 см) в яме с подбоем, с камерой, выложенной сырцом, обнаружено на некрополе древнего Миздакхана. Кости были предварительно очищены, в саркофаге находился инвентарь (зеркало, стеклянный сосуд, перстни, подвески и серьги), позволяющий датировать его III в. н. з. Данный тип погребения не является исконно хорезмийским и, очевидно, принадлежит пришлому населению, попавшему под культурное и идеологическое воздействие хорезмийцев (Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970, с. 57—59, 117—122, 162, 166; Ягодин В. Н., 1971, с. 103—107).

Хотя оссуарный обряд в Хорезме и являлся господствующим, все же зафиксировано в ряде мест наличие иного типа захоронений (в районе Кой-Крылганкалы; в Беркуткалинском оазисе, рядом с замком № 37; возле крепости Большой Кырккыз, в окрестностях городища Куняуаз, у городища Базаркала). Планомерные раскопки проводились только на могильнике у городища Базаркала (Гудкова А. В., Манылов Ю. П., 1981).

Могильник находился примерно в 120—160 м к востоку от городища Базаркала в зоне разрушающихся такыров среди барханных песков. Погребения оказались на поверхности в результате деформации, так что невозможно ничего сказать о том, были над ними какие-либо сооружения или нет. Для могильника характерен обряд трупоположения. Умерших хоронили в неглубоких ямах и засыпали землей. У погребенных преобладает вытянутая поза на спине, иногда с поворотом головы в сторону. Реже встречаются погребения на спине в позе всадника. Костяк чаще лежит черепом на юг, реже — на север или с незначительным отклонением на северо-северо-восток. Захоронения содержат довольно скромный инвентарь, состоящий в основном из украшений и посуды. Сосуды почти всегда стояли в головах погребенного. Преобладают гончарные сосуды. Наконечник стрелы найден в одном захоронении, кости жертвенного животного отмечены в четырех случаях, в трех из них они лежали вместе с железным ножом. Очень редко встречаются погребения без инвентаря. Датируется могильник V—III вв. до н. э. (табл. CLX, CLXI).

Культовые памятники. Значительное место в религии древнего Хорезма играло почитание огня. Святилище огня кангюйского времени было открыто на Джанбаскале. Оно замыкало единственную идущую от городских ворот улицу. Середину одной из небольших комнат монументального здания занимало правильное овальное возвышение — видимо, основание для металлического жертвенника, на котором горел огонь. Вдоль стен шли узкие глинобитные возвышения-суфы. Пол помещения перекрыт слоем саксаульной золы, поверх которой была положена глиняная обмазка. Зола священного огня, по-видимому, не должна была выбрасываться из помещения, поэтому ее уплотняли и обмазывали сверху глиной (Толстов С. П., 1948а, с. 97). Большая комната в том же здании (8×14 м), очевидно, служила местом ритуальных трапез — пол его усеян черепками бытовой посуды и раздробленными костями животных. Святилище функционировало длительное время. С. П. Толстов выделяет три этапа перестройки хранилища священного огня (Толстов С. П., 1948а, с. 97, рис. 33).

Аналогичный храмовый комплекс того же времени находился в 1 км к югу от Базаркалы. В квадратном здании (49,5×44 м) в ямах, выложенных сырцом, были найдены многочисленные вотивные сосуды. Обычай сохранять таким образом приношения и пришедшую в негодность храмовую утварь, которую нельзя было просто выбрасывать, известен у многих

народов. Рядом расположено было собственно хранилище священного огня: в помещении 6×5 м у северной стены было открыто возвышение со следами огня. В северо-западном углу находилось другое возвышение, огороженное столбовыми ямами, назначение которого не раскрыто (Воробьева М. Г., 1978, с. 523; 1978, с. 549). Обычным в зороастрийской практике было возжигание огня на жертвеннике во время празднеств, жертвоприношений или ритуальных трапез от вечного «чистого» огня, горевшего в специальном помещении (adurian). К «чистому огню» имели доступ лишь жрецы, поэтому он хранился в закрытом помещении.

О распространении культа огня и его ритуальном возжигании во время празднеств говорят квадратные очаги топрак-калинского дворца (Рапопорт Ю. А., 1978, с. 276), храм огня с окружающей его монументальной застройкой на городище Топрак-кала в жилом квартале (ГТК, с. 6, 42—50), очаги, окруженные черепами и фрагментами погребальных скульптур на Куняуазе и Кангакале (Неразик Е. Е., 1958, с. 375, 378; Рапопорт Ю. А., 1971, с. 76—79), указывающие на какую-то связь культа огня с погребальным культом. Почитание огня и очага в измененной форме просуществовало в Хорезме до средневековья (Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А., 1979, с. 105—112). Ритуальное значение имел и комплекс Кой-Крылганкалы.

Сосредоточием нескольких культов или нескольких аспектов царского культа был дворцовый комплекс Топрак-кала. Их направление раскрывается живописным и скульптурным оформлением залов дворца: почитание обожествленных или героизированных предков, культ царского огня, заупокойный культ, мистерии дионисийского толка, почитание женских божеств или различных ипостасей одной великой богини (Рапопорт Ю. А., 1981, с. 228—240).

При раскопках городища Топрак-кала была исследована часть квартала, занятого храмами (ГТК, с. 41 и сл.). Исследования показали, что все время существования квартала он был занят монументальными постройками, те же здания, которые были полностью вскрыты, относятся к концу III или началу IV в. н. э. (ГТК, с. 55). Исследовано три храма, расположенных рядом друг с другом. Они занимали центральную часть квартала, возвышаясь посреди открытых площадей. Поздние храмы воздвигались на мощных платформах, в которые были превращены руины более древних. Все здания храмов имели одну и ту же схему планировки: цепочка помещений, соединенных широкими коридорами (в здании I и II — три помещения, в здании III — два). Самым монументальным было здание I. Авторы раскопок отмечают его близость (с точки зрения планировки) к месопотамским храмам и храму Джандиал в Индии. В то же время они предполагают, что он был храмом огня. Этот тезис подтверждает наличие особых ям-колодцев рядом со зданием, куда складывался пепел.

Среди находок, сделанных в «храмовом квартале», необходимо отметить фрагмент алебастровой статуи и декоративно оформленные рога архара.

Можно отметить также наличие комнат, игравших особую — видимо, сакральную — роль внутри больших сельских усадеб (Неразик Е. Е., 1976, с. 164). Иногда они имели планировку, напоминающую храмовую: четыре колонны и очаг в центре. Вполне вероятным кажется предположение о том, что эти помещения — место совершения домашнего культа.

Искусство. Самый ранний фрагмент миниатюрной настенной росписи, изображающей лучника (сохранилось только лицо и часть руки, держащей натянутый лук), найден на Кой-Крылганкале (Толстов С. П., 1962, с. 128, рис. 67). Он датируется в пределах IV—I вв. до н. э.— времени существования памятника. Почти все остальные известные хорезмийские настенные росписи происходят из дворца Топрак-калы. Роспись производилась минеральными красками по уложенной в несколько слоев ганчевой штукатурке: нерастертые кусочки минеральной краски были найдены в топрак-калинском дворце. Первоначально наносился красной краской контур изображения, затем оно раскрашивалось. В росписях топрак-калинского дворца преобладают коричневые и красные тона, употреблялась также черная краска (для проработки контуров), охра, зеленые и синие тона. Те же краски применялись для раскрашивания глиняной и алебастровой скульптуры.

Круг сюжетов топрак-калинских росписей очень разнообразен. Поскольку ни одна композиция не дошла до нас целиком, догадаться об их содержании трудно. Отдельные сохранившиеся фигуры и композиции получили условные наименования: «Червонный валет», «Червонная дама», «Арфистка», «Жрец, несущий свитки» и др. Почти во всех залах дворца присутствуют орнаментальные мотивы, изображения животных (тигра, фазана, грифонов), изображения музыкальных инструментов в росписях одного из залов. Роспись и скульптура залов дворца были задуманы, по всей видимости, как элементы единой композиции, связанной с различными культовыми сюжетами. Объемная и горельефная скульптура раскрашена. Вся скульптура была вылеплена из лёссовой глины, на деревянных каркасах и облицована ганчевой штукатуркой, поверх которой наносилась роспись.

Во дворце найдены также фрагменты алебастровой скульптуры и алебастровые формы для отливки отдельных деталей — мужская голова в остроконечном головном уборе, форма для отливки головы рогатого дионисийского персонажа и ряда других. Алебастровая скульптура, более стойкая к воздействию климата, могла украшать открытые помещения, а также фасад дворца. Как и глиняная, она раскрашивалась.

Скульптурное изображение головы мужчины в остроконечном головном уборе было найдено также на Гяуркала (Султануиздаг). Там же в центральном зале монументального строения сохранились незначительные фрагменты росписи, по-видимому, орнаментальной (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958).

Представление о развитии искусства в древнем Хорезме дают также статуарные оссуарии античной эпохи, терракотовые статуэтки, штампованные рельефные фляги.

Терракота. Терракотовые статуэтки появляются в Хорезме как бы внезапно, в начале IV в. до н. э.,

в период, когда Хорезм вышел из состава державы Ахеменидов. Видимо, к этому времени у хорезмийцев возникает потребность в создании изображений их богов — антропоморфные изображения и фигурки животных следует связывать, вероятно, с их религиозными представлениями — однотипные изображения, идентичные в деталях, были распространены на широкой территории и найдены на памятниках право- и левобережного Хорезма (Воробьева М. Г., 1981, с. 188).

К настоящему времени насчитывается около 400 антропоморфных терракотовых изображений античного периода; среди них преобладают женские статуэтки. Большая часть их оттиснута в матрицах (калыбах). С конца III в. н. э. терракотовые фигурки постепенно заменяются гипсовыми и в IV в. почти полностью исчезают. Среди материалов, относящихся к раннему средневековью, терракотовые фигурки единичны (Воробьева М. Г., 1981, с. 185—186).

Среди антропоморфных изображений фигурки женского божества, получившего условное название «богини с шарфом», преобладают с раннего периода. Ряд признаков — поза, положение рук, прическа, детали одежды — восходят к переднеазиатским типам. «Богиня с шарфом» была наиболее популярным иконографическим типом, сохранившимся на протяжении всего античного периода. Другие образы женского божества были менее распространены или существовали более короткое время: обнаженная богиня, богиня с зеркалом в руке (Воробьева М. Г., 1981, с. 190—191). Не исключено, что в «богине с шарфом» запечатлен образ Анахиты — богини водной стихии и плодородия.

В конце античного периода на всей территории Хорезма распространяется новый тип терракот — женщина с непокрытой головой, в длинном платье, сидящая в так называемой азиатской позе. Она частично вытесняет образ «богини с шарфом», частично сливается с ним (Воробьева М. Г., 1981, с. 192). Фигурки обнаженной богини, известные и для раннеантичного периода, чаще встречаются в более позднее время. Вероятно, обнаженная богиня и «богиня с шарфом» — две ипостаси одного божества. В позднеантичное время оба типа имеют одинаковые головные уборы, что еще больше подтверждает мысль о единстве этого образа (Воробьева М. Г., 1981, с. 193).

Многочисленны изображения коней, вылепленные от руки (в противоположность оттиснутым в форме антропоморфным изображениям). Встречаются изображения верблюдов, баранов, обезьян, налепы в виде головы льва на сосудах кангюйского времени, протомы животных на концах ритонов, очажные подставки, украшенные головами коней. Изображения на сосудах и подставках могли играть роль оберега. На Гяуркале (Султануиздагской) найдено изображение слона. Статуэтка довольно реалистична, но выполнена явно не с натуры (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958, с. 364, рис. 9).

Большим разнообразием отличаются сюжеты штампованных рельефов на керамических флягах, относящихся к раннекангюйскому периоду: всадник с копьем (Кой-Крылганкала, Джанбаскала) (ККК, с. 201; Толстов С. П., 1948а, табл. 82, *1*), сборщик винограда (ККК, рис. 79), рельефы с растительным орнаментом, различные многофигурные сцены, которые можно толковать как мифологические сюжеты (возлежащий на ложе мужчина, позади которого стоит музыкант с арфой в руках; женщина, мужчина и ребенок, возлежащие на ложе) (ККК, рис. 76, 77). Космогонические сюжеты: грифон, терзающий фантастическую птицу (Рапопорт Ю. А., 1977, с. 67—71), лани, стоящие перед деревом жизни (ККК, с. 206, рис. 75). Изображения на флягах, вероятно, восходят к традициям древневосточного искусства, к торевтике; в частности, можно указать на сходство между некоторыми из них и барельефами, украшавшими вавилонские керамические плитки начала II тысячелетия до н. э. (Воробьева М. Г., 1981, с. 189) (табл. CLXII—CLXV).

Монеты. Хорезмийские монеты привлекают внимание исследователей с конца XIX в. Э. Томас считал их индо-парфянскими (Thomas, 1870, с. 139—163), А. К. Марков относил к кушанской «династии Турушки» (Марков А. К., 1982), Кэннингхэм и Рэпсон (Rapson E. I., 1896, с. 246) — к чекану эфталитов. В 1937 г. с начала работ Хорезмской экспедиции появились находки этих монет из Хорезма, что позволило считать их хорезмийскими. В одно и то же время, в 1938 г., появились статьи С. П. Толстова (1938, с. 120—145) и М. Е. Массона (1938, с. 57—69), где монеты этого типа определяются как хорезмийские. Вопросам хорезмийской нумизматики по мере накопления материала было посвящено еще несколько работ С. П. Толстова (Толстов С. П., 1945, с. 275—286; 1948а, 1961, с. 54—71). О монетах древнего Хорезма писал В. М. Массон (1953а, с. 167—169; 1966, с. 76—84); ряд статей и монография «Монеты древнего Хорезма» принадлежат Б. И. Вайнберг (1962; 1971; 1972; 1977; 1979б). На материале всех известных к настоящему времени монет Б. И. Вайнберг построила их классификацию и установила наиболее вероятную последовательность типов — на основании иконографических признаков, перечеканок, совместных находок, палеографии (типология монет дается по кн.: Б. И. Вайнберг, 1977).

Первые серебряные хорезмийские монеты чеканились по типу тетрадрахм Евкратида, правителя Греко-Бактрии (вторая половина II в. до н. э.) — группа А. Тип А.I полностью повторяет тип монет Евкратида, но на реверсе имеет хорезмийскую тамгу [тамга]. Тип реверса — всадники Диоскуры и искаженная греческая легенда монет Евкратида. На типах А.II и А.III на лицевой стороне изображены уже хорезмийские цари в своих индивидуальных коронах. Происходит дальнейшее искажение греческой легенды. На реверсе типа А.III на смену Диоскурам появляется одиночный всадник. Парящая за головой царя на лицевой стороне Ника сближает монеты этого типа с бактрийским чеканом «Герая». Монеты группы А могут быть датированы в пределах конца II в. до н. э.— начала I в. н. э. (Вайнберг Б. И., 1977, с. 50—51).

Группа Б в отличие от предшествующей представлена не только серебряным, но и медным чеканом. Последовательность серебряных монет группы Б

определяется тоже по степени искажения греческой легенды. Наряду с ней на реверсе, внизу, появляется арамейская легенда, состоящая из идеограммы MLK, передающей титул царя, и имени. Она делится на две подгруппы — $Б_1$ и $Б_2$, последняя отличается регулярным выпуском медной монеты. В этот период завершается становление основных элементов хорезмийского монетного типа, сохранявшихся до VII в.,— портрет царя в индивидуальной короне, в профиль, вправо, на лицевой стороне, всадник, вправо и тамга на оборотной стороне. Тип — $Б_1$.I непосредственно связан с типом A.III и датируется около середины I в. н. э. На монетах типа $Б_1$.II читается имя царя — ’RT’W — «праведный». Следующие за ним типы $Б_1$.III и IV принадлежат чекану одного царя, носившего имя WRTRWHŠ; абсолютная датировка для монет этого типа не установлена: они чеканились до последней трети III в., когда на смену им появляется тип $Б_2$.V — монеты царя Вазамара, датируемые по типу короны и прическе, следующей сасанидской моде (а также совместной находке с драхмами Шапура I на Куняуазе).

При Вазамаре начинается регулярная чеканка медной монеты — типы $Б_2$.V/1—5. За образец медного номинала, видимо, была взята парфянская и раннесасанидская медь. При этом перечеканиваются медные кушанские монеты, в большом количестве ходившие в Хорезме,— выпуски Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки, парфянские монеты. По ним перечеканиваются уже эпизодические медные выпуски предшественников Вазамара — Артава и Артамуха — типы $Б_2$.20—21 и $Б_2$.22, а также предшествующий им Б,В/2, соответствующий, вероятно, серебряному номиналу неизвестного хорезмийского царя, $Б_1$.I (Вайнберг Б. И., 1979б, с. 47—48). Большое количество найденных в Хорезме медных кушанских монет Канишки и Хувишки надчеканены тамгой Артамуха-S. На следующих типах группы Б читаются имена царей Биварсара ($Б_2$.VI и VII), Санбара ($Б_2$.12), Раста ($Б_2$.13), Сиявуша ($Б_2$.14) и др. Относительная хронология их устанавливается по перечеканкам и совместным находкам, абсолютная — не ясна. Их предварительно датируют в пределах IV—V вв. Чекану одного царя принадлежит группа В (серебро и медь), которую отличает полное исчезновение следов греческой легенды. Хронологически она близка монетам типа $Б_2$.VIII.

Короны хорезмийских царей не отличаются большим разнообразием. Б. И. Вайнберг выделяет 10 основных типов для всего хорезмийского чекана. Ранние цари (типы А и $Б_1$) изображены в кулахах. Вазамар и его преемники обычно носят корону в виде головы орла, реже — в виде лежащего двугорбого верблюда (Вайнберг Б. И., 1977, с. 23 и сл.). Короны правителей, выпускавших типы $Б_2$.VI и VII,— уплощенные, украшенные рядами перлов и расположенным над лбом полумесяцем. На монетах типа $Б_2$ встречаются также короны, напоминающие округлые шапки. Считается, что почти все типы корон содержат те или иные символы богини Ардвисуры-Анахиты, покровительницы Хорезма. Оригинальная корона в виде лежащего верблюда появляется в Хорезме в конце III в. н. э. Как правило, она сочетается с чуждыми для Хорезма тамгами и, возможно, связана с династией, происходящей из присырдарьинских районов — легендарным «домом Афрасиаба» (Вайнберг Б. И., 1977, с. 34) (табл. CLXVI).

Эпиграфические памятники. Древнехорезмийская письменность в настоящее время известна по ряду эпиграфических находок. В левобережном Хорезме памятники письменности обнаружены на городище Большая Айбугиркала, Гяуркала, в правобережном — на городищах Кой-Крылганкала, Аязкала I, Бурлыкала и Топрак-кала. В основе древнехорезмийской письменности лежит арамейский алфавит. Древнейшие памятники ее датируются в пределах IV в. до н. э. В Хорезме она употреблялась вплоть до арабского завоевания (VIII в.). Палеографические изменения хорезмийской письменности прослеживаются на материале монетных легенд и датированных по археологическим данным надписей. Древнехорезмийский язык относится к восточноиранской ветви иранской языковой группы. Арамейская основа письменности, вероятно, была заимствована через ахеменидский Иран, где на арамейском языке велось делопроизводство. Прочтение и интерпретация большей части древнехорезмийской письменности сделаны С. П. Толстовым и В. А. Лившицем. В. А. Лившицем в настоящее время подготавливается Свод памятников хорезмийской письменности. К числу дошедших до нас памятников относятся надписи на сосудах, выполненные тушью или процарапанные, как правило, хозяйственного содержания; остраконы — тушью на черепках сосудов; строительная надпись на обмазке стены; документы фискального характера на коже, дереве и кости — списки имен, иранских по этимологии, иногда перечисление членов семьи с указанием их родства и статуса (свободные и рабы). В древнем Хорезме, бесспорно, существовала своя сакральная, историческая и научная литература, до нас не дошедшая. Об этом свидетельствуют изображение царя или жреца, несущего свитки, в росписях Топрак-калы (Толстов С. П., 1958, рис. 99), сообщения Табари и Бируни об уничтожении хорезмийских книг в период завоевания Хорезма арабами и сохранившиеся в трудах Бируни следы хорезмийской исторической традиции (Толстов С. П., 1948а, с. 226). Древнейшей хорезмийской надписью считается надпись, процарапанная на стенке хума с Большой Айбугиркалы (Мамбетуллаев М., 1979, с. 47—48). По археологическим и палеографическим данным она датируется в пределах V—III вв. до н. э. В надписи указывается объем сосуда. Строительная надпись с Аяз-калы 1, процарапанная на обмазке сырцовой закладки, состоит из одного слова — HMR. Возможная этимология — «мягкий», «недостаточно прочный». Она, вероятно, относилась к сводчатому помещению, которое пришлось заложить из-за недостаточной прочности свода. Ее датируют II в. до н. э. (Манылов Ю. П., Ходжаниязов Г., 1980). Надпись с Бурлыкала, выполненная тушью на обломке верблюжьей челюсти, содержит список имен собственных. Она датируется II в. до н. э. (Манылов Ю. П., 1972, с. 7). Раскопки Кой-Крылганкалы дали серию из семи надписей на сосудах и терракотовых ста-

туэтках. Они содержат в основном имена собственные и датируются в пределах IV—II вв. до н. э. (ККК, с. 220, сл.).

На Топрак-кале в завалах, образованных рухнувшими помещениями второго этажа дворца, в юго-восточном его углу, найдено около сотни документов на дереве и коже. 18 текстов на деревянных дощечках — списки иранских имен собственных, с указанием родства и статуса — очевидно, податные списки. Непосредственно на коже сохранились только восемь документов. Остальные представляют собой отпечатки на глиняных натеках между слоями истлевших кожаных свитков. Они написаны скорописным курсивом, и, по-видимому, являются хозяйственными документами дворцового архива (Толстов С. П., 1962, с. 215—222).

Более поздние, раннесредневековые, хорезмийские надписи — преимущественно надписи на оссуариях с Токкалы (Гудкова А. В., 1964), и из некрополя древнего Миздакхана (Ходжайов Т. К., Ягодин В. Н., 1970) и документы на коже с Якке-Парсана (Толстов С. П., 1962, с. 257) иллюстрируют дальнейшее развитие древнехорезмийской письменности и языка.

* * *

История древнего Хорезма — это история общества, имевшего много специфических черт, отличающегося как от древних земледельческих областей юга Средней Азии (Парфии, Маргианы, Бактрии), так и от более северных областей (Чач, Фергана). Влияние внешних по отношению к Средней Азии сил на Хорезм было минимальным. Он очень короткое время был под властью Ахеменидов, не был затронут греко-македонской экспансией. В этом отношении он схож с северной зоной, но уровень развития хорезмийского общества был много выше, чем уровень развития Чача и Ферганы, он был вполне сравним с уровнем развития обществ южной зоны. Хорезм — самый яркий пример спонтанного развития древнего среднеазиатского общества, не осложненного влияниями древневосточной и античной цивилизации.

Заключение

Первое тысячелетие до н. э. является важнейшей исторической эпохой в истории Средней Азии. Именно в это время происходит формирование первых классовых обществ и государства в этом обширном регионе. Развитие производительных сил, в данном случае распространение железных орудий труда и, что особенно важно, ирригационного земледелия были той базой, которая обеспечила развитие процесса классообразования и становления государственности. Первые примитивные государственные образования, возникшие здесь, практически почти неизвестны. Смутные сообщения античных источников о Бактрийском царстве, может быть, представляют отдаленные отголоски действительных событий. Чрезвычайно спорным является вопрос о том, отражают ли древнейшие части Авесты характер действительно среднеазиатского общества, а не западноиранского, например. Только археологические материалы дают бесспорные, хотя и очень ограниченные, данные для суждения о древнейших государственных образованиях. Появление еще во второй четверти I тысячелетия до н. э. поселений с мощными вознесенными над ними цитаделями, древнейшие ирригационные системы — первые зримые знаки начала новой эпохи.

Только после того как значительная часть Средней Азии оказалась завоеванной в VI в. до н. э. царством Ахеменидов, в нашем распоряжении оказываются некоторые достаточно ясные свидетельства источников о характере развития здесь социальных процессов.

В конце IV в. до н. э. власть Ахеменидов была сокрушена в результате похода греко-македонской армии, руководимой Александром Македонским. В результате короткого, но бурного периода борьбы его полководцев, деливших только что созданную державу сразу же после смерти ее создателя, южная часть Средней Азии вошла в состав мощного эллинистического государства Селевкидов. Хорезм, приобретший свою независимость еще и в конце ахеменидской эпохи, сохраняет ее и в это время.

Уже в середине III в. до н. э. из-под власти Селевкидов ускользает Парфиена, завоеванная кочевниками-парнами, создавшими вскоре мощное Парфянское царство. Греки Бактрии в это же время отпадают от Селевкидов и создают свое независимое царство, яркое, но эфемерное. Примерно через столетие на Греко-Бактрийское царство обрушивается удар кочевников, сокрушивших его. Вскоре на его руинах возникает Кушанское царство.

Парфянское и Кушанское царства являлись мощными государственными образованиями, власть которых распространялась на обширные территории далеко за пределами Средней Азии. К северу от территорий, занятых кушанами и парфянами, располагались менее влиятельные государственные образования (Хорезм, Давань, Кангюй). Судьбы всех этих государств в одном отношении сходны — около середины I тысячелетия н. э. в них происходят какие-то структурные изменения, приведшие к гибели одних из них и полной трансформации других. Большинство советских историков считают, что в этих событиях проявился переход от рабовладельческого строя, существовавшего в древних обществах Средней Азии, к феодальному.

Одним из важнейших факторов экономического прогресса Средней Азии рассматриваемого периода стало широкое распространение ирригационного земледелия, обеспечившего значительный рост прибавочного продукта в сельском хозяйстве. Ирригационное земледелие стало ведущей отраслью экономики всех оседлоземледельческих областей Средней Азии. В наиболее передовых областях, где уже в предшествующее время был накоплен определенный опыт строительства и эксплуатации оросительных систем, в I тысячелетии до н. э.— начале I тысячелетия н. э. наблюдается значительный технический прогресс, создаются новые, более усовершенствованные ирригационные системы, резко расширяются освоенные человеком территории. В ряде других областей Средней Азии, где во II тысячелетии до н. э. ирригационные системы отсутствовали, рассматриваемый период стал временем становления и развития их. Наиболее полно изучены оросительные системы древнего Хорезма, что позволяет не только выявить их отличие от ирригации первобытной эпохи, но и понять динамику развития на протяжении всего рассматриваемого периода (Толстов С. П., 1962, с. 89—96; Толстов С. П., Андрианов Б. В., 1957, с. 7—10; Андрианов Б. В., 1958, с. 311—328; 1955, с. 353—359; 1964; 1969, с. 94—184; Низовья Аму-Дарьи ...; Гулямов Я. Г., 1956, с. 76—107) (табл. CLXVII—CLXIX).

В двух основных районах древнего Хорезма сложились два несколько различающихся варианта оросительных систем. В районе Южной Амударьинской дельты (правобережный Хорезм) уже к концу архаической эпохи (VII—V вв. до н. э.) орошение базировалось только на искусственно созданной ирригационной сети. Магистральные каналы берут свое начало из боковых протоков и следуют, как правило, направлениям древних русел. Эти каналы имели ширину до 20—40 м, длина их достигала 10—15 км. Топографический рисунок мелкой оросительной сети отличается «подпрямоугольностью». Согласно некоторым подсчетам, в архаическую эпоху здесь было сооружено до 120—150 км магистральных каналов.

Начиная с так называемого кангюйского (IV в. до н. э.— I в. н. э.) периода и особенно в кушанский (II—IV вв. н. э.) периоды происходят значительные изменения в характере ирригационных систем правобережного Хорезма. Ирригационные системы архаической эпохи при всей их прогрессивности

(по сравнению с системами первобытного Хорезма) обладали рядом недостатков, которые преодолевались в последующее время. Архаические системы были неэкономичными (с точки зрения расхода воды) как вследствие большой ширины каналов, так и вследствие того, что ответвления каналов и распределители (в тех случаях, когда они не следовали направлениям древних русел) отходили от основного канала под прямым углом, что приводило к их большому заиливанию и, соответственно, увеличивало трудовые затраты на очистку оросительных систем. Территории, над которыми «командовали» каналы архаического периода, были значительными, но размеры обрабатываемых участков были небольшими и перемежались огромными пустырями. По некоторым подсчетам, засевалось только 5—10% земли, которую можно было оросить.

Изменения, происшедшие в кангюйский и кушанский периоды, видны и в росте масштабов оросительных систем и в характере их устройства. Общая длина магистральных каналов достигает 250—300 км. Резко увеличилась и доля используемых земель в орошенных районах. В кушанское время все каналы выводились только из основного русла реки, что при наличии защитных дамб (сооруженных повсеместно во второй половине I тысячелетия до н. э.) гарантировало долговременную эксплуатацию систем орошения. Магистральные каналы теперь проводились по средней линии такырных междуречий, что сильно расширяло зону командования каналов. Каналы становятся у́же, но глубже, распределители и оросители отходят теперь, как правило, от магистральных каналов под острыми углами, что обеспечивало меньшее заиливание их и, естественно, уменьшало трудовые затраты на поддержание в порядке оросительных систем.

В районе Присарыкамышской дельты строительство оросительных систем также началось в архаическую эпоху, здесь они первоначально имели несколько более примитивный характер по сравнению с системами правобережья, поскольку базировались на естественных боковых протоках дельты.

Важнейшей чертой прогресса в позднейшее время в ирригационном строительстве левобережья было соединение разрозненных систем в единую систему. На протяжении кангюйского и кушанского периодов все технические достижения, первоначально примененные в ирригационных системах Акчадарьинской дельты, вошли в практику и этого района древнего Хорезма.

В конце античной эпохи общая площадь орошенных земель в Хорезме достигала 1,3 млн. га (в том числе устойчивые очаги орошения — 700 тыс. га, неустойчивое дельтовое орошение — 600 тыс. га).

Изучение ирригационных систем Северной Бактрии (Сагдуллаев А. С., 1978а; 1978б, с. 34 и сл.; Ртвеладзе Э. В., 1975; Зеймаль Т. И., 1971б; Массон В. М., 1974а; Ставиский Б. Я., 1977а, б; Альбаум Л. И., 1955а, с. 88 и сл.; 1955б, с. 135 и сл.; Букинич Д. Д., 1945, с. 191 и сл.; Кастальский Б. Н., 1930) и динамики их развития сталкивается с многими трудностями, поскольку здесь мы имеем дело с зоной непрерывного орошения, где некоторые древние каналы функционируют вплоть до настоящего времени, хотя и изменив полностью свой облик, в то время как другие каналы полностью уничтожены. Небольшие ирригационные системы в Бактрии базировались либо на системе саев, берущих начало в горах, либо на протоках небольших рек. На базе этих небольших ирригационных систем возникли четыре маленьких оазиса, располагавшихся в предгорьях Кугитанга и Байсуна. Некоторый прогресс наблюдается в середине I тысячелетия до н. э., когда создаются два новых оазиса, один из которых снабжался водой древнего канала Болдай, имевшего длину до 10 км и орошавшего территорию площадью до 50 кв. км. Резкие изменения происходят в кушанский период, когда в очень сильной степени увеличивается число поселений, величина орошенной и освоенной человеком территории. На территории Северной Бактрии создается 14 оазисов, которые В. М. Массон предложил назвать ирригационными районами. Каждый из них имел свой источник водоснабжения, обладал в качестве центра крупным поселением городского типа и несколькими сельскими поселениями и, видимо, составлял определенный самостоятельный хозяйственный и административный организм. Одной из важнейших особенностей ситуации в Северной Бактрии было одновременное существование здесь как мощных ирригационных систем, способных осуществлять даже межбассейновую переброску вод (например, канал Занг) и орошавших обширные территории, так и сравнительно небольших местных систем, использовавших водные ресурсы небольших горных речек и саев. Это объясняется, по всей видимости, большой потребностью в орошаемых землях.

В Согде (Мухамеджанов А. Р., 1969, с. 40—45; 1975, с. 278—279; 1978; Гулямов Я. Г., 1974, с. 120 и сл.; Жуков В. Д., 1956а, с. 173—204; Шишкина В. А., 1956, с. 167—172) выявлению картины развития ирригационных систем так же, как и в Бактрии, мешает «эффект непрерывного орошения». В непосредственной близости от Самарканда орошение в середине I тысячелетия до н. э. базировалось на небольших каналах, использовавших родниковые воды. На рубеже н. э. происходят решительные изменения. Был создан мощный магистральный канал Даргом, берущий свое начало в Зеравшане и обеспечивающий водой почти весь оазис. Из Даргома был также выведен огромный по тогдашним масштабам канал Эски-Ангор, протяжением в 200 км, орошавший Каршинский оазис, до этого времени маловодный. В первые века н. э. создаются мощные, хотя и несколько архаические по своему устройству ирригационные системы в Бухарском Согде, источниками водоснабжения которых были древние протоки Вабкентдарья. Выявлено три отдельных оазиса, каждый со своей особой оросительной системой. Общая площадь орошенных земель в этом районе достигала 60—80 тыс. га.

Значительные изменения происходят и в Маргиане (Массон В. М., 1959, с. 67 и сл.; 1971). В дельте Мургаба в первой трети I тысячелетия до н. э. складываются два крупных земледельческих оазиса, орошавшихся посредством магистральных каналов, имевших длину 36 и 55 км. В античную эпоху эти каналы перестают функционировать и оазисы запустевают. Но взамен выше по течению Мургаба складывается новая обширная система, базировавшаяся,

по всей видимости, на менее длинных, но более мощных каналах.

Аналогичная картина наблюдается и в Серахском оазисе (Оразов О., 1972, с. 66—73), где в античную эпоху вместо двух очень протяженных каналов, возникших в середине I тысячелетия до н. э. (длина 60 и 37 км), функционирует пять коротких с более густой сетью поселений, возникших вдоль их русел. Это изменение в технике гидростроительства — знак технического прогресса, сказывавшегося, в частности, в экономии человеческого труда, потребного для строительства ирригационных систем.

В первой половине I тысячелетия до н. з. в Фергане (Латынин Б. А., 1956; 1959; 1962; Гулямов Я. Г., 1974, с. 120; Заднепровский Ю. А., 1978, с. 34 и сл.) существовали только достаточно примитивные системы орошения — лиманные. В период от III в. до н. э. по IV в. н. э. наблюдается значительный прогресс, в частности в усложнении систем, использовавших воды многочисленных горных саев (Исфара, Сох, Маргеланский, Исфайрам и др.). Новые системы базировались на водосборной сети на склонах предгорий или на водоемах и запрудах в устьях саевых оврагов. В результате развития распределительной сети образовывались сложные водохозяйственные вееры. Развитие ирригации в Фергане в этот период позволило освоить новые значительные территории, что привело к почти полному завершению формирования древнеферганского оазиса.

На рубеже н. э. начала формироваться ирригационная система Чача (Буряков Ю. Ф., 1975, с. 184—190; Гулямов Я. Г., 1974, с. 120). Самым древним каналом в этом районе был Салар, выведенный из Чирчика в I в. н. э. Расширение ирригационной сети вдоль Чирчика и Ахангерана имело своим результатом резкое увеличение освоенной под сельское хозяйство территории.

Очень недостаточно изучены вопросы развития ирригации в Парфиене (Пилипко В. Н., 1971; 1975). Здесь, видимо, в качестве источника водоснабжения использовались горные саи, а также система кяризов, о которых сообщают письменные источники. Во всяком случае несомненно, что и в Парфиене в последние века до н. э.— первые века н. з. увеличивается площадь орошаемых земель, свидетельством чего является возрастание числа поселений.

На периферии земледельческой зоны Средней Азии, в частности на нижней Сырдарье (Андрианов Б. В., 1969; Толстов С. П., 1962, с. 136—203), также в I тысячелетии до н. э. наблюдается процесс освоения техники ирригационного земледелия. Правда, здесь она имела очень примитивный характер, основывалась на регулировании паводковых речных разливов, старицы и обвалованные дельтовые русла использовались в качестве водохранилищ. Орошение, таким образом, носило лиманно-озерный характер, типичный еще для первобытной эпохи. Однако для нас важно иное: вторая половина I тысячелетия до н. з. и начало I тысячелетия н. э. были временем определенного прогресса, появления культуры земледелия, ранее здесь совершенно неизвестной.

Уникальным явлением в истории развития ирригационного земледелия в Средней Азии является Дахистан (Массон В. М., 1969, с. 96—109; Кесь А. С., Лисицына Г. Н., 1975, с. 118—135). Здесь в конце II — начале I тысячелетий до н. з. сложился обширный оазис, базировавшийся на развитой системе каналов, подававших воду из Сумбара и Атрека. В античное время происходит значительное сокращение орошаемой территории и, соответственно, числа населенных пунктов. Возможно, это связано с тем, что этот район стал местом обитания полукочевых племен дахов. Возрождение земледельческой культуры в оазисе наблюдается только в раннесредневековое время.

Таким образом, на территории Средней Азии в рассматриваемый период наблюдается значительный прогресс в ирригационном земледелии, имевший как количественный (расширение орошаемых территорий), так и качественный (усовершенствование ирригационных систем) характер. Он затронул практически все основные области Средней Азии и в конечном счете стал одной из главнейших причин общего экономического подъема ее.

Еще одним важным явлением (наряду с развитием ирригации) в техническом прогрессе сельского хозяйства Средней Азии стало распространение железных орудий труда. Ф. Энгельс следующим образом характеризовал революционную роль, которую сыграли железные орудия производства: «Железо сделало возможным производство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один из известных тогда материалов» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 163).

Хотя железо сохраняется в условиях Средней Азии плохо, тем не менее можно думать, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. железные сельскохозяйственные орудия достаточно широко распространяются по многим областям Средней Азии (Pumpelly R., 1908, с. 157; Массон В. М., 1959, с. 106; Тереножкин А. И., 1950б , с. 155; Толстов С. П., 1958, с. 148, рис. 56, *17*; Воробьева М. Г., 1973, с. 154; Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8; Заднепровский Ю. А., 1978, с. 74). Известны, в частности, железные серпы, найденные на ряде памятников архаического Хорезма, в Южном Туркменистане (Анау), Афрасиабе, Северной Бактрии. Вместе с тем в зто время используются еще бронзовые серпы и даже каменные. Очень интересен в зтом отношении северобактрийский памятник Кызылча 6, где жители одновременно пользовались железными, бронзовыми и каменными серпами. Каменные серпы решительно преобладают в периферийных районах, где земледелие не имело глубоких традиций. Так, на памятниках чустской культуры найдено до 800 каменных серпов, здесь же были в употреблении и бронзовые.

Во второй половине I тысячелетия до н. з. и в начале I тысячелетия н. з. железные орудия труда распространяются еще шире (Пилипко В. Н., 1975, с. 53 и сл.; Пидаев Ш. Р., 1978, с. 81), в это время наряду с серпами появляются и иные орудия труда, сделанные из железа. Железная мотыга найдена при раскопках парфянского сельского поселения Гарры-Кяриз, наконечник сохи в Тали-Барзу (Пилипко В. Н., 1975, с. 53; ИТН, т. I, с. 545).

На протяжении рассматриваемого периода начи-

нается употребление и каменных жерновов. На протяжении всего I тысячелетия до н. э. для размола зерна использовались только зернотерки (Массон В. М., 1956; Пилипко В. Н., 1975, с. 53 и сл.; Воробьева М. Г., 1973, с. 176 и сл.; ККК, с. 177; Пидаев Ш. Р., 1978, с. 81; Заднепровский Ю. А., 1978, с. 35). В начале I тысячелетия н. э. впервые появляются и жернова (Толстов С. П., 1958, с. 109; Кацурис К., Буряков Ю., 1963, с. 146—147; Пидаев Ш. Р., 1978, с. 81). В Хорезме их появление относится к рубежу I и II вв. н. э., вскоре они распространяются даже по периферийным районам Хорезма. Примерно тогда же появляются каменные жернова и в Бактрии. На поселении Аккурган примерно равное соотношение зернотерок и жерновов. Очень большое число жерновов найдено при раскопках квартала ремесленников-мукомолов в Мерве. В то же самое время на парфянском сельском поселении Гарры-Кяриз использовались только зернотерки. Подобный характер распределения ручных каменных мельниц — ареал их распространения совпадает с зонами наиболее развитого ирригационного земледелия — нам кажется очень показательным.

Общий прогресс сельского хозяйства Средней Азии сказывался также в появлении некоторых усовершенствований в агротехнике и способах восстановления плодородия почвы. Для этой цели широко стали использовать дувальные удобрения, т. е. земли, взятые с разрушенных глиняных построек и береговых отвалов заброшенных каналов, в которых содержится большое количество калийных солей. В качестве удобрения используется также и ил, приносимый водой при орошении. Проводится мелиорация путем пескования и т. п.

На протяжении рассматриваемого периода происходит процесс усложнения структуры сельского хозяйства народов Средней Азии. Диверсификация его сопровождалась выработкой нескольких локальных вариантов структуры, объясняемых как природными условиями, так и хозяйственно-культурными традициями различных народов (Гафуров Б. Г., 1972, с. 136—137; Усманова З. И., 1963б, с. 80 и сл.; Федорович Е. Ф., 1969, с. 56—61; Массон М. Е., 1951а, с. 5 и сл.; Пидаев Ш. Р., 1978, с. 103 и сл.; Толстов С. П., 1962, с. 95 и сл.; Андрианов Б. В., 1969, с. 128 и сл.; ККК, с. 51 и сл.; Неразик Е. Е., 1976, с. 39 и сл.; Заднепровский Ю. А., 1978, с. 34—39). В районах с развитыми ирригационными системами (Бактрия, Маргиана, Хорезм, возможно, Согд) ведущую роль в сельском хозяйстве играли зерновые культуры (пшеница, ячмень, просо). Античные авторы особо отмечали достоинства бактрийской пшеницы. В южной части Средней Азии (в Бактрии и Маргиане) к ним добавляется еще пришедший из Индии рис. Очень важную роль играло виноградарство и виноделие. В сообщениях античных авторов сквозит удивление перед урожайностью маргианской виноградной лозы. Широко были распространены садово-огородные и бахчевые культуры (вишня, абрикос, персик, слива, дыня, арбуз, огурцы). Начинают сеять технические культуры: кунжут, хлопок. Наряду с земледелием было развито и животноводство, причем основное место в стаде занимал мелкий рогатый скот. Аналогичной была структура сельского хозяйства и в Парфиене. Однако здесь не разводили рис, что, видимо, объясняется недостатком воды, но была известна культура маслины (Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960а, с. 18).

В периферийных районах, в частности в низовьях Сырдарьи, характер сельского хозяйства иной, гораздо большую роль играет животноводство, причем здесь структура стада иная: важнейшее место в ней занимает крупный рогатый скот, что отражает сохранение традиций скотоводов бронзовой эпохи. Некоторую роль играет и рыболовство. В земледелии ведущими культурами был ячмень и просо, известны также и бахчевые.

В сельском хозяйстве Ферганы наблюдается сочетание черт, присущих основным земледельческим районам (ведущая роль пшеницы, ячменя и проса, развитие садоводства, появление в конце рассматриваемого периода рисоводства и виноградарства), и черт, характерных для периферии (преобладание крупного рогатого скота в стаде).

Жители сельских населенных пунктов, как правило, занимались некоторыми домашними ремеслами. Так, практически на всех исследуемых поселениях засвидетельствованы следы ткачества, иногда обработки кож. На этих поселениях развивались и ремесла, выходящие за рамки традиционных домашних промыслов. Так, в Бактрии в одном из домов поселения Аккурган зафиксированы остатки мастерской, изготовлявшей жернова и зернотерки. Судя по масштабам производства, оно удовлетворяло потребности не только этого поселения, но, видимо, всего района. В границах некоторых сельских поселений Хорезма обнаружены и керамические печи.

Важнейшей особенностью экономического и социально-политического развития Средней Азии в рассматриваемый период является тесное соседство оседлоземледельческих областей Средней Азии с миром кочевых племен, занимавших обширные территории в степях и пустынях. Возникновение кочевого скотоводства в этом районе приурочивается обычно к концу II — началу I тысячелетия до н. э., к эпохе раннего железа (Марков Г. Е., 1976, с. 18). В это время во многих областях Средней Азии и Казахстана в горно-степной зоне начинают исчезать оседлые поселения, все большее значение приобретает коневодство и разведение мелкого рогатого скота. Но этот процесс был достаточно длительным. Первоначально наблюдаются еще некоторые черты, указывающие на сохранение традиций полуоседлости (Черников С. С., 1960), только к первым векам н. э. окончательно завершается процесс складывания полностью кочевого типа хозяйства (Марков Г. Е., 1973).

Взаимодействия между миром оседлоземледельческих и кочевых народов были многообразны и оказывали значительное влияние на судьбы тех и других. Ф. Энгельс подчеркивал историческое значение возникновения пастушества (бывшего прямым предшественником кочевого скотоводства) как чрезвычайно важного этапа в развитии производительных сил общества и разделения труда: «Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров — это было первое крупное общественное разделение труда» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.. т. 21, с. 160).

Экономические связи между этими двумя мирами были широки и многообразны. Существовал регулярный обмен продуктами животноводства (со стороны кочевников) и продуктами сельского хозяйства и ремесла (со стороны жителей оазисов). В ряде окраинных районов оазисов Средней Азии зафиксированы специальные поселения, занятые главным образом ремесленным производством для удовлетворения потребностей кочевников. Такие поселения известны и в Маргиане (Кошеленко Г. А., 1963б) и в Хорезме (Неразик Е. Е., 1976, с. 218). Однако нельзя сводить характер этих взаимоотношений только к обмену двух автономных в своей экономической деятельности обществ. К. Маркс подчеркивал, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 214). Эта мысль К. Маркса часто трактуется только с точки зрения изучения этногенетических процессов, однако она имеет более широкое значение, она указывает и на экономическую проблему взаимоотношения кочевников и оседлого населения в рамках одного народа. Недавнее исследование французского ученого П. Бриана (Briant P., 1982) подчеркнуло именно этот аспект характера взаимоотношений. П. Бриан на огромном материале Передней Азии показал существование у значительного большинства народов, вступавших или недавно вступивших на путь развития классового общества и государства во второй половине I тысячелетия до н. э., наличие следующих явлений: жители оседлоземледельческих долин и жители прилегающих к ним горных или степных районов составляли политическое и экономическое единство. Две отрасли хозяйства (земледелие у жителей долины и скотоводство у горцев и степняков) только в единстве их составляли экономическую базу данного политического и экономического организма. Именно в контексте этой единой структуры он рассматривает и результаты ахеменидского и греко-македонских завоеваний. Под власть завоевателей, как правило, попадали жители долин, и завоевание разрывало на две части единый экономический организм. Именно поэтому борьба с завоевателями была настоятельной экономической потребностью местных обществ данного типа.

По всей видимости, данная концепция вполне применима к обществам Средней Азии данного периода. Мир кочевых племен и мир оседлых оазисов выступали в известной мере как один организм, хотя различные повороты истории приводили неоднократно эти два мира к конфликтам.

Влияние мира кочевников на оседлые оазисы сказывалось и в социальной сфере. Все исторические и этнографические данные, бесспорно, свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной собственностью. Например, Ф. Энгельс по этому поводу писал: «И несомненно... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 58). Вследствие «обособленной собственности» «скот сделался товаром... приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени» (там же, с. 60). Частная собственность на скот появилась уже в процессе формирования кочевничества. Таким образом, частная собственность на скот у кочевников существовала параллельно с общинной собственностью на землю у жителей оседлых оазисов. Учитывая же единство (ту или иную степень его) оседлого и земледельческого миров, мы должны будем признать, что в это время неизбежно должно было сказываться влияние двух правовых концепций и стоящих за ними социальных отношений.

Можно отметить и другие сферы взаимодействия кочевых и оседлых обществ, в частности взаимовлияние в области культуры. Мы, однако, остановимся только на одной. Уже к III в. до н. э. на территории Средней Азии складываются мощные кочевнические объединения усуней, юечжей, гуннов, кангюй, парнов. Несколько позднее начинается движение этих кочевых объединений в сторону оседлых оазисов. Возможно, что одной из причин этого было предшествующее греко-македонское завоевание, разорвавшее то единство оседлых и кочевых народов, о котором мы говорили выше. Результатом этого движения стала гибель власти греко-македонян в Парфиене (в середине III в. до н. э.) и в Бактрии и Согде (во второй половине II в. до н. э.). В конечном счете в результате этих завоеваний возникли два могущественных государственных образования: Парфянское и Кушанское царства. На общественную структуру этих царств сам факт завоевания оказал определяющее воздействие.

Для суждения о проблеме аграрных отношений в Средней Азии исследуемой эпохи определенные материалы могут дать и наблюдения над системой расселения сельского населения. К сожалению, полностью раскопанные сельские поселения насчитываются буквально единицами. Другой трудностью в изучении этого вопроса является то, что, как правило, в каждой из областей Средней Азии насчитывается несколько типов сельских поселений, но в большинстве случаев разделение па типы является результатом только внешних наблюдений, без раскопок всех типов памятников. Поэтому выводы, построенные на базе таких наблюдений, могут носить только предварительный характер.

Уже в первой половине I тысячелетия до н. э. на территории большинства областей Средней Азии зафиксировано несколько типов сельских поселений, что, видимо, свидетельствует об усложнении социальной структуры общества, о появлении различных категорий сельского населения. Наиболее показательные материалы для этого времени дает Хорезм. На смену родовому поселению с расположенными в его пределах несколькими компактными группами теснящихся друг к другу домов (площадью 75—100 кв. м), предположительно населенными членами сильно разросшейся родовой общины (Итина М. А., 1963), появляются поселения трех типов (Воробьева М. Г., 1973, с. 218): 1) городища с компактной застройкой (например, Кюзелигыр); 2) рассредоточенные поселения различной величины (до 21 га) с относительно правильной линейной планировкой (один или два ряда домов и усадеб различной величины, вытянутых вдоль канала); 3) отдельно стоящие дома и усадьбы. Проблема историко-социологической интерпретации этого

материала чрезвычайно сложна. Основное противоречие в истолковании этого материала следующее: как трактовать отдельно стоящие усадьбы, являющиеся составными элементами поселений второго типа? Согласно мнению М. Г. Воробьевой, они являются жилищами малых семей (Воробьева М. Г., 1970, с. 77—80). Этот тезис самым решительным образом оспаривает Е. Е. Неразик (Неразик Е. Е., 1976, с. 206 и сл.), доказывающая, что невозможно представить, чтобы в столь короткий исторический срок произошел переход от родовых поселков амирабадской культуры (IX—VIII вв. н. э.) к поселениям хозяйственно самостоятельных малых семей. На всем Востоке малые семьи появляются поздно. Распадение патриархальных домовых общин, как правило, происходит в результате очень далеко зашедшего процесса экономического и социального развития общества. В частности, И. М. Дьяконов пришел к выводу (на основании обобщения обширных материалов), что «малая семья становится правилом в товаропроизводящих рабовладельческих обществах» (Дьяконов И. М., 1963, с. 29). Трудно допустить, чтобы Хорезм уже в архаическую эпоху достиг этой стадии развития и обогнал в этом отношении многие общества Востока, у которых распад большесемейных общин происходил много позднее. Е. Е. Неразик считает, что, хотя выделение малых семей из крупных родственных групп и не исключается, вряд ли они могли стать основной единицей общества, и роль родовых групп типа авестийских нафа и нмана, больших патриархальных семей была в это время очень велика (Неразик Е. Е., 1976, с. 211).

В Бактрии в первой половине I тысячелетия до н. э. имелись населенные пункты, имевшие укрепленную центральную часть и несколько мелких сельских поселений вокруг. Одним из таких населенных пунктов был Кызылтепе, в окрестностях которого целиком был раскопан комплекс Кызылча (Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976, с. 25—30), который А. С. Сагдуллаев считает поселением большесемейной домовой общины, состоящей из четырех малых семей (Сагдуллаев А. С., 1978а, с. 8—9).

Более обширны материалы по сельским поселениям собственно античного времени. На материалах Северной Парфии выделяется четыре основных типа сельских поселений (Пилипко В. Н., 1971; 1975): 1) укрепленная усадьба; 2) отдельно стоящий дом (домохозяйство); 3) поселение с компактной застройкой; 4) рассредоточенное поселение.

Широкому археологическому изучению подвергались только поселения последнего типа (Гарры-Кяриз). Близкая, с точки зрения типологии, картина существовала и в Бактрии (Юркевич Э. А., 1965; Ртвеладзе Э. В., 1974б), где также было археологически изучено только одно поселение (Аккурган), аналогичное по устройству парфянскому Гарры-Кяризу (Пидаев Ш. Р., 1978, с. 17 и сл.).

Исследователи, изучавшие Гарры-Кяриз и Аккурган, пришли к выводу, что данные поселения представляли собой общинные поселки, состоявшие из нескольких жилищ, каждое из которых было занято большесемейной домашней общиной. Анализ материалов, полученных при раскопках, привел их к утверждению, что в большинстве случаев эти большесемейные общины были экономически самостоятельны и обладали достаточным благосостоянием. Представляется, что с этим можно согласиться, хотя никаких бесспорных материалов для вывода об общинном характере организации их жителей не имеется. Это пока никакими археологическими материалами не подтверждается.

В современной литературе считается общепринятым, что в течение первой половины I тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии формируется классовое общество. Однако до сего времени продолжаются дискуссии относительно формационной принадлежности этих обществ. Согласно точке зрения, впервые высказанной С. П. Толстовым (Толстов С. П., 1938а, б) и М. Е. Массоном (Массон М. Е., 1938б; 1940а, б) и разделяемой большинством советских исследователей, древнейшие классовые общества Средней Азии имели рабовладельческий характер. Большинство же западных исследователей считают их феодальными. Сравнительно недавно с критикой концепции о рабовладельческой природе древних обществ Средней Азии выступил А. М. Беленицкий (Беленицкий А. М., 1970), однако его система аргументации не кажется убедительной.

Уже в Авесте, древнейшие части которой обрисовывают общество, находящееся на стадии разложения первобытнообщинного строя, появляются рабы, для обозначения которых пользуются терминами вира, вайса, париайтар (ИТН, т. I, с. 141). Во всяком случае нет сомнений, что в VIII—VII вв. до н. э. (время, которое в основном получило отражение в ранних частях Авесты) рабство было достаточно распространенным в Средней Азии институтом, хотя господствующей формой было домашнее рабство (Массон В. М., 1971, с. 37). Дальнейший толчок к развитию рабства, бесспорно, дало вхождение значительной части Средней Азии в состав рабовладельческой державы Ахеменидов. Еще более важную роль в этом отношении сыграли завоевания Александра Македонского, сопровождавшиеся массовым порабощением населения. Создание эллинистических государств, одним из важнейших элементов структуры которых были греческие полисы, неизбежно должно было иметь своим следствием дальнейшее развитие рабства в его классической форме, неотделимого от греческого полиса. Яркие доказательства этому дают документы из Суз, ставших греческим полисом в эллинистическое время (Кошеленко Г. А., Новиков С. В., 1979). Широкое распространение рабства в первые века н. э. не подлежит сомнению. Наибольшие материалы для суждения об этом дает Парфия (Периханян А. Г., 1952), но и хорезмские документы из Топрак-калы чрезвычайно показательны, ибо они свидетельствуют о значительной численности рабов в Хорезме позднеантичного времени (Лившиц В. А., 1971, с. 102 и сл.).

Однако признание того факта, что Средняя Азия в рассматриваемое время переживала рабовладельческий этап своего социально-экономического развития, может служить только началом в нашем исследовании, поскольку необходима более деталь-

ная характеристика. При всем своеобразии развития Средней Азии имеются некоторые общие черты, свойственные всем обществам рабовладельческой формации. Для нашей проблемы наиболее важным является то, что в современной советской литературе все большим признанием пользуется тезис относительно своеобразия социальной структуры рабовладельческого общества: наличие в ней не двух основных классов (рабов и рабовладельцев), а трех. Третьим основным классом рабовладельческого общества являются мелкие свободные производители (главным образом крестьяне) (Кузищин В. И., 1973а; Бонгард-Левин Г. М., 1973; Штаерман Е. М., 1974; Утченко С. Л., Дьяконов И. М., 1970).

Этот класс не является, как это часто утверждалось ранее, просто пережиточным явлением, реликтом первобытнообщинной формации, сохраняющимся в условиях уже классовоантагонистической формации и именно поэтому обреченным в конечном счете на уничтожение. Даже в условиях поздней Римской республики и ранней Империи, в условиях наивысшего расцвета рабовладельческих отношений проявляется постоянная тенденция к воссозданию крестьянства, находящая свое яркое выражение в политике государства (Кузищин В. И., 1973б).

Особенности отдельных рабовладельческих обществ в значительной мере определяются местом этого класса — мелких свободных производителей — в общей социальной структуре данного общества.

Для рассмотрения этой проблемы в рамках древних обществ Средней Азии наиболее показательные материалы предоставляет Парфия. Сопоставление данных нисийского архива и свидетельств античных источников, освещающих социальную структуру парфянского государства (Just. XLI, 2, 5—6; XLI, 3, 4; Plut. Crass. 21, 14—23), приводит к следующим выводам: 1) социальная структура парфянского общества очень точно соотносится с военной организаций общества; 2) отчетливость совпадения этих двух структур — явление типичное для рабовладельческого общества, где война — один из важнейших элементов самого производства; 3) в свидетельствах античных источников постоянно обращается внимание на границу между свободой и несвободой в парфянском обществе (Košelenko G. A., 1980).

Сопоставление всех свидетельств приводит к выводу о том, что в Парфии (в самой общей форме) социальная структура выглядит следующим образом: 1) знать — воины — катафрактарии; 2) легковооруженные всадники; 3) пелаты; 4) рабы.

При этом крайне показательным является следующее: знать (воины-катафрактарии) всегда рассматриваются как свободные; пелаты и рабы — всегда остаются несвободными; что же касается легковооруженных всадников, то в одних свидетельствах источников они предстают перед нами как свободные, в других — как несвободные.

Исследование этого явления приводит к следующим выводам: двойственность положения легковооруженных всадников объясняется особенностями возникновения Парфянского царства. Оно возникло в результате завоевания Парфиены кочевыми племенами парнов. К моменту завоевания парнское общество было достаточно отчетливо стратифицировано: в нем уже выделились слой знати и слой рядовых членов общества, попавших в зависимость от знати. Но в то же самое время факт завоевания способствовал повышению значения этой группы. В литературе справедливо указывалось (Раевский Д. С., 1977, с. 153), что в обычных условиях вооруженные силы кочевых племен ограничивались кругом военной аристократии и только в критические моменты представители социальных низов, в принципе чуждые военной функции, также вовлекались в военные действия. Парнское завоевание стало таким критическим моментом, но растянувшимся на длительный срок. Завоевание, борьба с внешней угрозой, необходимость сохранения господства над завоеванными народами привели к тому, что этот социальный слой приобрел военный характер. Если знать поставляла в парфянскую армию тяжеловооруженных воинов-катафрактариев, то представители этого слоя — легковооруженных военных стрелков. Есть основание полагать, что парнские племена в течение длительного времени жили на завоеванных территориях обособленно, сохраняя свой привычный хозяйственный уклад и быт. Об этом свидетельствуют письменные источники, очень часто сообщающие, что в процессе борьбы с внешним или внутренними врагами некоторые парфянские цари обращались к «скифским» племенам, причем по контексту ясно, что эти племена располагались не вне пределов государства, а внутри его границ. Подтверждается это и археологическими материалами (Кошеленко Г. А., 1963б; Мандельштам А. М., 1963, с. 32 и сл.; Марущенко А. А., 1959; Массон М. Е., 1953а).

Аналогичная картина наблюдается и в Северной Бактрии кушанского времени (Мандельштам А. М., 1964; 1975).

Таким образом, двойственность в описании положения этого слоя естественна. При рассмотрении его с точки зрения структуры кочевнического общества рядовые члены родо-племенных коллективов парнов предстают перед наблюдателем как слой, зависящий от кочевой аристократии, при взгляде же на него с точки зрения общей структуры парфянского общества прежде всего отмечается его принадлежность к завоевателям, т. е. господствующему слою, объединение их со знатью.

Источники достаточно ярко говорят о существовании и огромной роли знати в парфянском обществе. Многие античные авторы четко отличают «знать» от «народа». Можно предполагать, что и «знать», и «народ» — это группы внутри верхнего слоя общества, так как пелаты и рабы при этом не учитываются. Аммиан Марцеллин, рассказывая об обожествлении Аршака I, указывает, что это было сделано и знатью и простым народом (summatum et vulgi — Amm. Marcell. XXIII, 6, 4).

О парфянской знати, часто в противопоставлении ее простому народу сообщает и Тацит (Ann. II, 2; VI; 31; XI, 10; XII, 10; XV, 2). Однако особенно важны свидетельства Юстина, показывающие, что положение знати было институализировано, она являлась отдельным сословием (ordo) парфянского общества (Just. XLI, 2, 1) со своими четко очерчен-

ными привилегиями. Одной из важнейших среди них было исключительное право знати на занятие высших постов в административном и военном аппарате государства. По словам Юстина, именно из этого сословия «во время войны бывают у них полководцы (duces), а во время мира — правители (rectores)» (Just. XLI, 2,I). Другие источники подтверждают это сообщение. Во всяком случае у Тацита, рассказывающего о борьбе в Парфии в годы царствования Артабана II, постоянно присутствует равенство двух понятий: знать и сановники (Ann. II, 2; VI, 31, 37, 42). Плутарх, говоря о полководце Сурене, подчеркивает, что по знатности его рода он занимает второе место после царя (Plut. Crass. 21). Это обстоятельство, по-видимому, позволяет считать, что в парфянском обществе не было того противоречия, которое часто наличествует в ранних обществах — противоречия между аристократией «по крови» и служилой знатью.

Парфянская знать не была однородным слоем, внутри нее имелась собственная иерархия. Самое высокое положение занимали представители семи родов, основатели которых, согласно традиции, принимали участие в свержении македонской власти. Бесспорно, что подобное обоснование — фикция, в данном случае — это повторение ахеменидской традиции (Дьяконов М. М., 1961, с. 195). Характерно, что аналогичная легенда о семи основателях государства существовала и в Понтийском царстве (App. Mithr., 9). Представители этого самого верхнего слоя знати обладали определенными наследственными привилегиями.

И. Вольский, посвятивший специальное исследование парфянской аристократии (Wolski J., 1967, с. 133—144), особо подчеркивал следующие ее характерные черты: парфянская аристократия генетически связана с племенной аристократией парнского племенного союза. Это были представители наиболее богатых фамилий в племени, непосредственное окружение племенного вождя. Основу их богатства составляли многочисленные стада скота, особенно лошадей, а также добыча, которую получали при набегах на оседлые районы. Аристократия имела военный характер и вследствие этого получила значительный выигрыш от завоеваний оседлых территорий. Именно благодаря этому аристократия поддерживала первых парфянских царей, помогая превратить ограниченную власть племенного вождя в царскую абсолютную власть. Благодаря завоеваниям аристократия приобрела огромные земельные владения, ранее принадлежавшие грекам и македонянам.

Военный характер парфянской знати — это утверждение, которое давно уже стало общим местом во всех работах, посвященных Парфии. Однако точное определение этого характера — вопрос еще дискуссионный.

Отметим, что Аммиан Марцеллин, характеризуя парфянскую армию, следующим образом определял место знати в ней: «Сами они больше всего полагаются на храбрость своей конницы, в которой несет службу вся их знать» (nobilitas omnis) (Amm. Marcell., XXIII, 6, 83). Это общее указание может быть понято двояко: или конные отряды — это отряды знати, или в составе конницы парфянского государства служат представители знати, составляя ее часть. Бесспорно, первое предположение менее вероятно, учитывая, что кавалерия — основной вид вооруженных сил Парфии и численность парфянских армий достигала нескольких десятков тысяч человек (например, 50 или 40 тысяч в борьбе против Антония). Более вероятным представляется второе предположение, а учитывая, что ядро парфянской армии — катафрактарии, можно думать, что социальное понятие nobilitas (или optimates — термин, наиболее употребительный у Тацита) совпадает с военным понятием «катафрактарии». Этот вывод может быть подтвержден и свидетельством Тацита о сарматах (связи между парфянами и сарматами бесспорны), в которых панцирное вооружение, характерное для катафрактария, является отличительной особенностью «вождей и знати» (Tacit. Hist. I, 79). Этот тезис о соотносимости понятий «катафрактарий» и «нобиль» давно уже утвердился в литературе и, по-видимому, нет оснований от него отказываться (Rostovtzeff M., 1936).

Парфянская знать не только сама участвовала в войнах, но и была обязана выставлять в царскую армию вооруженные отряды. Об этом единодушно свидетельствуют источники и в общей форме (Just. XLI, 2, 5) и в применении к отдельным представителям высшей знати, например, Сурене (Plut. Crass., 21), Орноспаду (Tacit, Ann., VI, 37), Карену (Tacit., Ann., XII, 13) и т. д.

Из всех приведенных свидетельств явствует, что знать не была, строго говоря, единым слоем. Наряду с рядовыми представителями знати в источниках присутствуют и представители самого высшего слоя. Наиболее ярким образцом последних является Сурена. В сообщениях авторов (как античных, так и восточных) неоднократно отмечается, что парфянское царство — это в сущности конфедерация ряда отдельных царств. Во всяком случае Плиний Старший в составе Парфии насчитывал 18 царств (Nat. Hist, VI, 112). В Парфии существовала система «уделов», выделявшихся отдельным членам царского Аршакидского рода. Но практически такой же автономией обладали, видимо, в своих владениях и представители важнейших родов знати, таких, как род Суренов (Herzfeld E., 1932; Markwart J., 1901, с. 34, 46).

Как уже отмечалось выше, две социальные категории населения парфянского царства упоминаются постоянно среди несвободного населения. Это рабы и пелаты. Употребление термина «пелаты» Плутархом, бесспорно, не случайно. Эта категория у него отличается от собственно рабов (δοῦλοι), но в то же время, согласно свидетельству Юстина, включается в более общий класс servi. Таким образом, уже apriori можно считать пелатов особой социальной категорией, достаточно близкой рабам, но не идентичной им. В литературе парфянских пелатов обычно приравнивают к колонам и определяют как крепостных (serfs), что вряд ли справедливо. Данный термин в античных источниках характеризует иную форму зависимости. Он применяется Аристотелем (Ath. resp., II, 2) для определения основной массы населения Аттики до реформ Солона, и пелаты у него приравниваются к так называемым шестидольникам (καὶ ἐκαλοῦντο πελάται καὶ ἑκτήμοροι). В пре-

дыдущей фразе указывается (приведенная нами цитата служит расшифровке этого общего положения), что бедняки находились в порабощении (καὶ ἐδουλευόν οἱ πέντες). В аналогичном смысле определяют пелатов и лексикографы. Поллукс, в частности (Poll., III, 82), следующим образом описывает положение пелатов: πελάται καὶ θῆτες ἐλευθέρων ἐστιν ὀνόματα διὰ πενίαν ἐπ᾽ ἀργυρίῳ δουλευόντον («пелатами и фетами назывались свободные, которые из бедности рабствовали за деньги»). Почти то же самое определение мы видим и у Гесихия (Hesych S. V.): πελαται᾽ οἱ δια ἀναγκαίαν τροφὴν μισθῷ δουλεύοντες («пелаты — те, кто из-за нужды в пропитании за плату рабствуют»). Упоминаются пелаты также Платоном (Eutyphr, 4c) в связи с афинским землевладением на Наксосе. Точное определение социального положения афинских или наксоских пелатов — дело будущих исследований.

Для нас важно пока отметить следующее: 1) определенная противоречивость в определении их статуса: «свободные, но рабствующие»; 2) состояние личной зависимости.

Этот термин, насколько мы знаем, один раз зафиксирован и в эпиграфических документах. Это надпись 151 г. н. э. из Фанагории. «Тиберий Юлий царь Реметалк, друг Цезаря и друг римлян, благочестивый, земли в Фианнеях, посвященные Летодором, и пелатов, как записано на стоящем рядом памятнике, которых со временем стало меньше, все собрав и приумножив, возвратил в целости попечением Александра, сына Мирина, ведающего святынями, в 448 г., месяце Апеллее, 20 числа» (КБН, 976). Здесь пелаты оказываются связанными с храмом и, видимо, посвященными храму землями. Эта надпись неоднократно привлекала внимание исследователей. С. А. Жебелев, сопоставив этот документ с упомянутыми выше свидетельствами об афинских пелатах, склонялся к определению статуса фанагорийских пелатов, как крепостного состояния, хотя и указывал, что этот факт не может служить доказательством господства на Боспоре феодально-крепостнических отношений (Жебелев С. А., 1953, с. 125 и сл.). В. Д. Блаватский видел в пелатах прикрепленных к земле хлебопашцев. Он высказал предположение, что эта форма зависимости постепенно вытесняла на Боспоре собственно рабство (Блаватский В. Д., 1954, с. 41). В. Ф. Гайдукевич определял пелатов как закрепощенных земледельцев из коренных местных жителей. Они, по его мнению, живя в деревнях и обрабатывая землю, обязаны были отдавать значительную часть урожая владельцам земли (Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 363).

В литературе уже отмечалось, что для выяснения статуса пелатов необходимо привлечь данные и о проспелатах (προσπελάται). Данный термин употреблен Феопомпом (в изложении Афинея). По словам этого автора, фракийское племя ардиэи имело 300 000 проспелатов, которых они «использовали так же, как спартанцы использовали илотов» (Athen., VI, 271e; X, 443). Исследовавшая социальные отношения у фракийцев Т. Д. Златковская подчеркивает, что данное свидетельство говорит о возникновении во Фракии той формы зависимости, которая возникла в ряде областей Эллады в ходе завоевания (Златковская Т. Д., 1971, с. 139). Тем самым фракийские проспелаты справедливо ставятся в тот типологический ряд, который обнимает спартанских илотов, фессалийских пенестов, мноитов и войкеев на Крите, мириандинов в Гераклее Понтийской и т. д. Античные авторы определяли социальное положение этих категорий населения как положение «между рабством и свободой». Исследование именно зависимого населения привлекает в последнее время особое внимание ученых. При всем различии статусов этих категорий у них есть некоторые общие черты: появление зависимости в результате завоевания, сохранение определенной правоспособности, определенная хозяйственная самостоятельность.

Таким образом, есть основания полагать, что в Парфянском и Кушанском царствах возникала в принципе аналогичная ситуация: на характер социальной структуры, существовавшей в этих царствах, определяющее воздействие оказал факт завоевания оседлых территорий кочевниками. Ф. Энгельс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 183—185) указывал на два пути развития классовой структуры в ранних обществах: один — в результате развития внутренних процессов развития в обществе; второй — в результате завоевания. В среднеазиатских обществах античного времени ситуация была более сложной. Здесь первоначально начался процесс классообразования по первому пути, но в дальнейшем он был осложнен фактом завоевания, притом кочевнического завоевания. Сам этот факт в конечном счете определил основные черты социальной структуры ведущих среднеазиатских обществ. В обществах рабовладельческой формации, как правило, хотя и не всегда, внешнее завоевание резко ухудшало положение трудящихся масс. Таким образом, в результате завоевания формирующийся класс мелких свободных непосредственных производителей (главным образом крестьян) оказался в зависимости от господствующего слоя, состоящего в основном из потомков кочевой аристократии и рядовых членов кочевых племен. Главное, что характеризует положение крестьянства первоначально — это зависимость в целом от этих привилегированных слоев. Внешнее оформление эта система получила в виде сословных привилегий верхних слоев. Классовая позиция здесь находила выражение в виде сословной позиции, как это типично для рабовладельческого и феодального общества (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311, прим. 1).

Однако зависимость крестьянства не делала его полностью бесправным. Крестьянство (пелаты) заметно отличалось и от рабов. Видимо, можно думать, что основным орудием защиты крестьянства от окончательного порабощения являлась его общинная организация. В литературе уже неоднократно отмечалось, что само существование древнего крестьянства немыслимо без общинной организации. Община зафиксирована практически во всех древневосточных и античных обществах. Даже в Египте, где процесс разложения общины зашел дальше, чем где-либо в другом месте, определенные пережитки общинной организации существовали и в римское время.

Хорошо изучена община Малой Азии (Голубцова Е. С., 1962; 1972), области древнего мира очень

сильно урбанизованной, с многовековыми традициями классового общества и государственности. Эти общины менялись, из кровнородственных, племенных они превращались в территориальные, изменялся их статус — из общин свободных крестьян они становились общинами зависимыми, но при всех условиях община играла основную роль в организации производства. В общинах постепенно происходила имущественная дифференциация, разделение общинников на полноправных и зависимых, но в целом общинная организация, несмотря на центробежные силы, оказывалась очень устойчивой и надолго пережила римское господство. Бесспорное наличие крестьянской общины зафиксировано даже в области классического развития товарных, рабовладельческих вилл в Италии (Штаерман Е. М., 1972).

В Средней Азии был еще один особый фактор, способствующий длительному существованию крестьянских общин. Как уже отмечалось выше, Средняя Азия — страна ирригационного земледелия. И строительство и функционирование ирригационных систем невозможно без хорошо отлаженной системы кооперации труда земледельцев, а естественной формой организации этой кооперации является община.

К сожалению, письменные источники по данной проблеме почти полностью отсутствуют. Видимо, единственным бесспорным свидетельством являются авроманские пергаменты (Периханян А. Г., 1952; Ельницкий Л. А., 1964; Массон В. М., 1971, с. 73–75; Minns E. H., 1915). Прежде всего эти документы свидетельствуют об общинном землепользовании. Об этом свидетельствуют упоминания в документах «доли, выпавшей от сообщинников», совместное пользование водой, по строго определенным нормам, причем указывается, что это должно делаться сообща с другими сообщинниками и т. д. Сами документы являются контрактами о продаже виноградников. По всей видимости, сделки совершаются внутри общины или, если покупатель не принадлежит к числу общинников (что маловероятно), то приобретение участка общинной земли приводит его к включению в этот коллектив с получением всех привилегий и всех обязанностей общинника. Важным обстоятельством является то, что на основании этих документов можно говорить о том, что обработка земли общинником носит принудительный характер, рассматривается как государственная повинность. Доказательством служит указание на то, какие штрафы должен выплачивать владелец участка в случае, если он перестанет его обрабатывать. В одном случае этот штраф в 15 раз превышает стоимость участка, в другом — почти в восемь раз. Бесспорно, что при такой системе крестьянин оказывался практически прикрепленным к «тяглу», его право на участок земли (хотя он его и может отчуждать) сопряжено с выполнением определенных обязанностей, прежде всего с выплатой налога за этот участок земли.

Материалы Дура-Европос показывают, что парфянский царь рассматривался в качестве верховного собственника земли. Теоретической основой этого права царя выступало право завоевания, которое в античном мире рассматривалось как наиболее полное основание абсолютной власти завоевателя над жизнью и имуществом покоренных (Кошеленко Г. А., 1977, с. 72 и сл.). Материалы нисийского архива (Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1951; 1953а, б; Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960а, б; 1966) подтверждают этот тезис. Согласно этим материалам, в районе Михрдаткирта (Старой Нисы) располагались по крайней мере земли семи различных категорий. Природа некоторых категорий не ясна. Однако то общее, что характеризует все эти категории земли,— это обязанность выплачивать определенные сборы в царскую казну. Категории земли различаются именно по тому, какие сборы они уплачивают царю.

Наибольшее внимание привлекает категория земли, называемая «узбари». «Узбар» — сбор, известный еще в ахеменидское время, как поступление дохода непосредственно с царской земли. Это самый частый в документах из Нисы вид сбора. Он поступает не от какого-либо определенного лица или группы лиц, а непосредственно с «имения» или «виноградника». Сбор «узбари» — натуральный в виде вина, поступает он в царские винохранилища в Старой Нисе. Встречающееся на этих документах выражение «внесено в винный склад» было равнозначно выражению «внесено в казну царя».

Есть основания думать, что к этой категории относятся земли сельских общин. Помимо того что эти документы — самые многочисленные, есть еще определенные аргументы в пользу этого предположения. Характерным является то, что владельцы или держатели «имений» или «виноградников» не упомянуты. Можно думать, что для царской администрации это было безразлично. Повинность лежала на участке земли, а кто его держал — это не играло роли. Такое положение наиболее характерно именно для общинной земли. Аналогичную картину мы видим и в случае с авроманскими пергаменами. В частности, в пергамене Iа говорится о следующей сделке: виноградник, называемый Даубаканра, делится на две части, одна часть остается во владении прежнего хозяина, вторая за 30 драхм переходит в руки нового владельца. Ежегодную подать («как записано в старой записи») они, однако, должны платить совместно. Здесь та же ситуация, что и на земле «узбари» в окрестностях Нисы. Единицей обложения является виноградник, носящий свое индивидуальное название, зарегистрированный в земельном кадастре, и для царской администрации в сущности безразлично, что у него в результате этой сделки стало два хозяина, а не один.

Следовательно, можно полагать, что основная часть земель в окрестностях Старой Нисы — земли категории «узбари» — принадлежали крестьянам-общинникам. По всей видимости, аналогичная картина наблюдалась и в кушанской Бактрии.

Если справедливы предположения, что поселения Гарры-Кяриз и Аккурган — общинные поселки, то необходимо будет признать, что они служат свидетельством отсутствия равенства внутри общины. На поселении имеются и большие хозяйства и менее крупные. Наличие клада в одном из домов Гарры-Кяриза подтверждает мысль о том, что определенная часть крестьян-общинников обладала значительными денежными средствами. Об этом же говорят и

документы из Авромана: некоторые общинники лишаются части своих виноградников, а другие их приобретают. Наконец, могут служить подтверждением этому и некоторые из документов Нисы. Среди различных типов сборов там имеется сбор, называемый «от себя самого» или «от него самого». Сборы с земель этой категории идут от определенных поименно названных лиц, в том числе и от весьма высокопоставленных («главного начальника конницы», «казначея» и т. п.), но также и от простых «виноградарей». Относительно этих сборов высказывались издателями документов два предположения: либо это добровольный взнос на нужды культа, либо арендная плата с арендаторов. И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц больше склонялись к последнему предположению. Решительно его поддержал и В. М. Массон (Массон В. М., 1971, с. 71). Есть все основания согласиться с этим мнением. В таком случае можно предполагать, что какие-то участки царской земли брались как высокопоставленными представителями парфянской знати, так и рядовыми общинниками, обладавшими хозяйственными возможностями для обработки этих участков. В связи с этим представляется маловероятным определение категории «виноградарей» как издольщиков по принуждению или даже посаженных на землю рабов. (Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960б, с. 19). Трудно допустить, чтобы под одним титулом пользовались землей и арендаторы — представители знати и издольщики по принуждению или даже посаженные на землю рабы. Более вероятным представляется, что в этих «виноградарях» надо видеть крестьян-общинников, обладающих возможностью возделать не только свой участок, но и арендованный у государства виноградник. Практическая возможность для этого создавалась, видимо, и самим фактом существования больших семей у крестьян, как и тем обстоятельством, что некоторые из них были достаточно состоятельны для того, чтобы приобрести рабов.

Документы из архива Топрак-калы позволяют выдвинуть такое предположение (Лившиц В. А., 1971, с. 102—103). В этом архиве найдено 14 списков «домов-семей», в состав которых включаются и рабы. Эти документы относятся к III в. н. э. и составлены, видимо, в результате переписи для учета податного мужского населения (в документах перечислены только имена мужчин, входивших в состав дома-семьи, причем определенного возраста — совершеннолетние, но не престарелые). Из этих 14 списков только 5 сохранились достаточно удовлетворительно и дают представление о составе этих домохозяйств. В списке «дома Сарфарна» перечислено 15 взрослых мужчин: домовладыка, 2 его сына и 12 рабов, в том числе 8 рабов домовладыки и его сыновей (как и в других топрак-калинских списках рабы домовладыки и его сыновей даны одной группой, что, по-видимому, указывает на совместное владение ими) и 4 раба их жен. В «доме Гавишмара» насчитывается 21 мужчина: домовладыка, два сына, зять и 17 рабов, в том числе 12 рабов домовладыки и его сыновей (и зятя?), 2 раба их жен, 2 раба несовершеннолетних внуков и 1 раб детей наложниц домовладыки (имена самих детей наложниц в списке отсутствуют). Та же картина наблюдается и в двух других домах: «Харака» и «Ваваншира».

В. А. Лившиц считает, что в этих списках представлены весьма зажиточные семьи, хотя и не являющиеся знатными. От них несколько отличен список «дома Ширманака», в котором перечислено лишь четыре имени мужчин: домовладыки и трех рабов, в том числе один раб домовладыки, один его жены и один его матери. Этот документ, по мнению В. А. Лившица, отражает состав малой (индивидуальной) семьи, что доказывается и припиской к документу — «из нового выдела», т. е. выделившийся из большой семьи «дом».

Дома-семьи первого типа, бесспорно, обладали возможностями для того, чтобы в случае необходимости арендовать государственные земли.

Таким образом, можно думать, что община в Средней Азии античного времени уже не представляла собой коллектива примерно равных по имущественному положению сочленов. Наоборот, внутри общины достаточно отчетливо выделяется своя богатая верхушка, скупающая участки земли у обедневших сообщинников, арендующая царские земли, эксплуатирующая рабский труд. Мы не можем сказать, нашел ли этот процесс свое отражение и в формировании статусных различий внутри общины (как это, например, засвидетельствовано в ряде общин Малой Азии) или формально все члены общины оставались равными. Необходимо только отметить следующее: развитие процесса парцелляризации внутри общины (засвидетельствованное фактами продажи участков) и развитие рабства внутри общины. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что с точки зрения общей социальной структуры общества даже самые богатые общинники принадлежали к сословию пелатов, т. е. зависимых, «тягловых» крестьян, обязанных уже в силу самого своего сословного статуса рядом повинностей в пользу господствующих слоев.

Формы эксплуатации крестьянства-пелатов определялись именно этим. Важнейшим из них было налогообложение в пользу государства, воплощенного в личности царя. Право верховной собственности царя на землю служило теоретическим обоснованием для установления различных категорий налогов. Хотя иногда в литературе указывается, что налоги собирались только для общественно необходимых нужд, данное представление не кажется достаточно справедливым. Государство, являвшееся органом, служившим интересам господствующих слоев, бесспорно использовало налогообложение как одну из форм эксплуатации непосредственных производителей, в данном случае крестьян-общинников. Еще одна форма эксплуатации — собственность государства на все ирригационные сооружения или некоторые из них. Об этой форме имеется достаточно подробное сообщение у Геродота (Herod., III, 117) относительно реки Акес, на которой ахеменидские власти построили водохранилище и взимали (помимо обычной подати) «большие деньги за открытие шлюзов». Нет сомнений в том, что эта практика продолжалась и в более позднее время.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе. Нисийские документы показывают, что некоторые земли категории «узбари» (т. е. общинные земли)

находились «в руке» некоторых представителей аршакидской администрации: марзбана, сатрапа или дизпата (Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960б, с. 18). Издатели полагали, что часть земли этой категории была выделена на содержание представителей царской администрации. А. Г. Периханян высказала другое предположение: эти земли были вверены надзору и, возможно, административной власти этих чиновников, которые за осуществляемый ими административно-фискальный контроль получали кормление (Периханян А. Г., 1973, с. 13). Нам представляется это объяснение не совсем удачным. Марзпан, сатрап или дизпат являлись чиновниками не с узкоограниченными функциями, а представителями верховной власти на определенной территории, и тем самым они осуществляли административный контроль над всеми «имениями» и «виноградниками», расположенными на подведомственной им территории. Видимо, более справедливым будет сближение этой практики с той, которая засвидетельствована в западных частях Селевкидского царства: царский чиновник получает право на налог (или его часть), собираемую с определенных населенных пунктов. В буржуазной литературе эту практику, как правило, считали свидетельством существования феодальных отношений в Малой Азии ахеменидского и селевкидского времени. Однако П. Бриан (Briant P., 1973, с. 93—133) показал, что ничего общего с феодализмом эта практика не имеет. Получатель этих прав не обладает ни собственностью на эти земли, ни какими-либо формами суверенитета над их населением, он даже не имеет права и возможности лично собирать с населения налог. Налог собирается представителями центральной администрации и только после этого поступает в руки держателя права на него. По всей видимости, именно эта практика зафиксирована и в нисийском архиве.

Однако необходимо иметь в виду следующее: сама эта практика создавала потенциальную возможность для возникновения личной зависимости, поскольку держателем права выступал представитель именно территориальной администрации, под контролем которого находились и те земли, налоги с которых шли на его содержание. Во-вторых, при ослаблении центральной власти в государстве у местных административных властей увеличивалась возможность проводить более самостоятельную политику, в том числе увеличивалась возможность и к усилению зависимости данных категорий крестьян.

Сама природа рабовладельческого общества и государства, ориентированного на внеэкономическое принуждение, несла в себе тенденцию к усилению эксплуатации крестьянства, что в свою очередь вызывало социальный протест с его стороны. К сожалению, мы очень мало информированы об этой стороне жизни народов Средней Азии. В числе самых ярких примеров борьбы народов Средней Азии с угнетателями являются восстания в Парфиене и Маргиане против власти Ахеменидов в 522 г. до н. э. Развернувшиеся в период острого внутреннего кризиса державы Ахеменидов эти восстания носили народный характер и представляли собой реакцию среднеазиатского крестьянства на усиление его эксплуатации после ахеменидского завоевания. Крайне показательны огромные цифры убитых в Маргиане после подавления восстания — 55 243, это указывает на то, что выступление было действительно народным (Струве В. В., 1949).

Народные массы, в первую очередь крестьянство, явились также и той силой, которая наиболее последовательно и бескомпромиссно боролась с греко-македонским завоеванием в эпоху Александра Македонского (подробнее см.: ИТН, т. I, с. 236—272).

Особой проблемой является история среднеазиатского города древней эпохи. К сожалению, для понимания характера его еще слишком мало материалов. Средняя Азия античной эпохи еще не обладает таким «эталонным» памятником, каким, например, для раннего средневековья является Пенджикент.

Отметим прежде всего, что не ясны критерии выделения города. Чаще всего исследователи используют один критерий — размеры поселения. В общем этот критерий, видимо, справедлив, ибо увеличение размеров поселения естественно ведет к усложнению его структуры. Однако не ясно, где может проходить граница между сельским поселением и поселением городским. Критерий величины сам требует определений и может быть правильно применен только в том случае, если достаточно хорошо известна внутренняя структура поселений различных типов.

Для суждения о характере города Средней Азии явно не хватает свидетельств письменных источников. Археологические материалы, в общем недостаточные, становятся еще менее информативными из-за отсутствия сколько-нибудь серьезных данных письменных источников. В настоящее время о проблеме античного города Средней Азии можно сказать очень немногое.

Можно полагать, что города являлись административными центрами. Наблюдения В. М. Массона и Б. Я. Ставиского относительно Бактрии показали, что вся Бактрия состояла из отдельных небольших районов, которые справедливо были названы «ирригационными районами». Центром каждого из таких районов было поселение, выделяющееся своими размерами, которое исследователи называли городом и которое ими определялось, видимо, справедливо как административный центр оазиса. Раскопки на некоторых из них показали наличие зданий дворцового типа, которые (что вполне естественно) воспринимались как резиденции правителей этих оазисов. Однако характер власти этих правителей неизвестен и в силу этого уточнить роль города как административного центра не представляется возможным. Несколько более отчетливо проступает роль города как идеологического центра, поскольку исследовавшиеся в городах храмы, как правило, занимают заметное место в городской застройке. Однако поскольку характер религиозных верований населения деревень по-настоящему не изучен, неизвестно соотношение различных культов, характер и роль религиозных организаций и их иерархия, то этот тезис также в значительной мере остается умозрительным.

Еще сложнее проблема города как производственного центра и центра обмена. В ряде городов (или в их непосредственных окрестностях) выявлено наличие ремесленных кварталов. Однако, как отмечалось выше, в ряде областей Средней Азии наличие различных видов ремесла фиксируется и в деревне.

В силу этого нельзя в настоящее время определить различие между городом и деревней в этой важнейшей сфере. Можно только предположить (единственно на базе материалов из Мерва), что в городе развивались такие отрасли ремесла, которые не существовали в деревне: например, металлообработка, изготовление оружия и т. п. Однако, к сожалению, очень мало можно сказать об организации ремесла. Можно только предполагать, что ряд мастерских принадлежал дворцу.

Не ясна и роль земледелия в жизни горожан. Можно предположить, что какая-то часть жителей города была связана с сельским хозяйством (в роли ли землевладельцев или земледельцев), но пока этот тезис ничем не подкрепляется.

Одним словом, проблема города Средней Азии античной эпохи еще очень далека от своего разрешения. Археологические материалы позволяют сейчас только поставить эту проблему, но не решить ее.

Проблемы культуры Средней Азии эпохи древности также далеки от своего разрешения. Мы можем сейчас только подчеркнуть некоторые моменты. Во-первых, археологические раскопки показали высокий и самобытный уровень культуры Средней Азии. Культура Средней Азии при всех локальных отличиях в отдельных областях в целом предстает как нечто единое и достаточно специфичное, отличающееся от культуры и Ирана и Индии. Эта культура, восходящая к местным культурам бронзового века, доказала свою удивительную жизнеспособность. Восприняв влияния ахеменидского Ирана, культуры Греции, Индии, степных народов, она тем не менее на протяжении ряда веков сохранила свои основные, характерные черты.

* * *

Закавказье и Средняя Азия являлись двумя регионами на территории нашей страны, народы которых в древности ранее других переступили важнейший исторический рубеж — рубеж между первобытнообщинным строем и строем классовым. Развившиеся в этих двух регионах цивилизации прошли сложный путь: от ранних союзов племен до государственных образований поздней древности, до рубежа между рабовладельческой и феодальной формациями. Несмотря на огромные успехи археологии, их изучение еще только начинается. Бесспорно, что последующие археологические открытия позволят понять характер этих цивилизаций много полнее, нежели это возможно в настоящее время. Однако современный уровень изученности позволяет видеть и те общие закономерности развития общества, которые отразились в их истории, и глубокое своеобразие каждого из регионов, сказывающееся в специфике их социально-экономической структуры, политической истории, культурного развития.

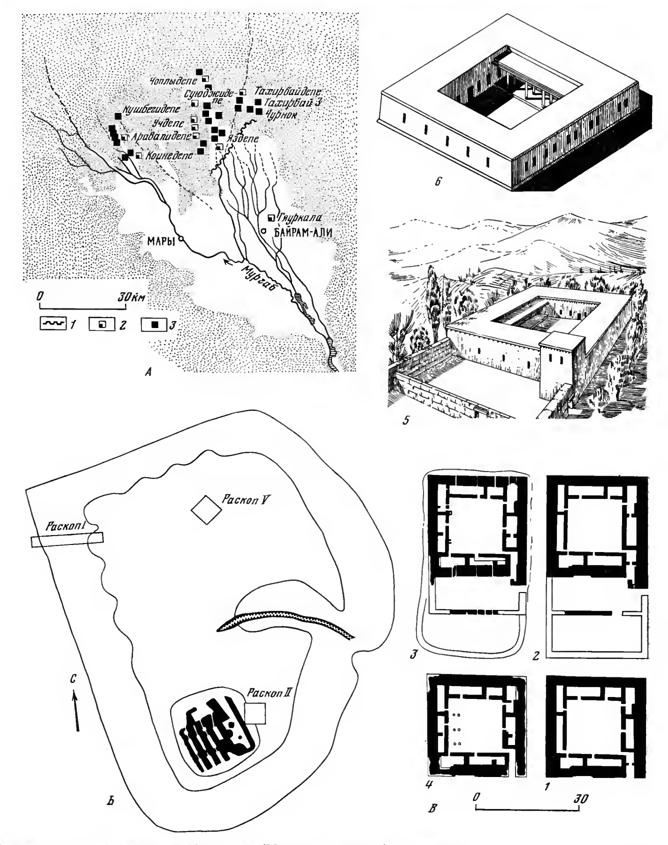


Таблица LXIII. Памятники Маргианы (Мервского оазиса) и Бактрии

А — схема расположения основных памятников раннего железного века в Маргиане (*1* — стена Антиоха, III в. до н. э.; *2* — древнемаргианские поселения с цитаделью; *3* — древнемаргианские поселения без цитаделей). *Б* — Яздепе. План. *В* — Кызылчатепе 6 (Бактрия): *1—4* — строительные периоды, планы; *5* — реконструкция Кызылча 6 по уровню горизонта *2* (реконструкция Г. А. Пугаченковой); *6* — реконструкция Кызылча 6 по уровню горизонта 4 (реконструкция Г. А. Пугаченковой). Составитель Г. А. Кошеленко

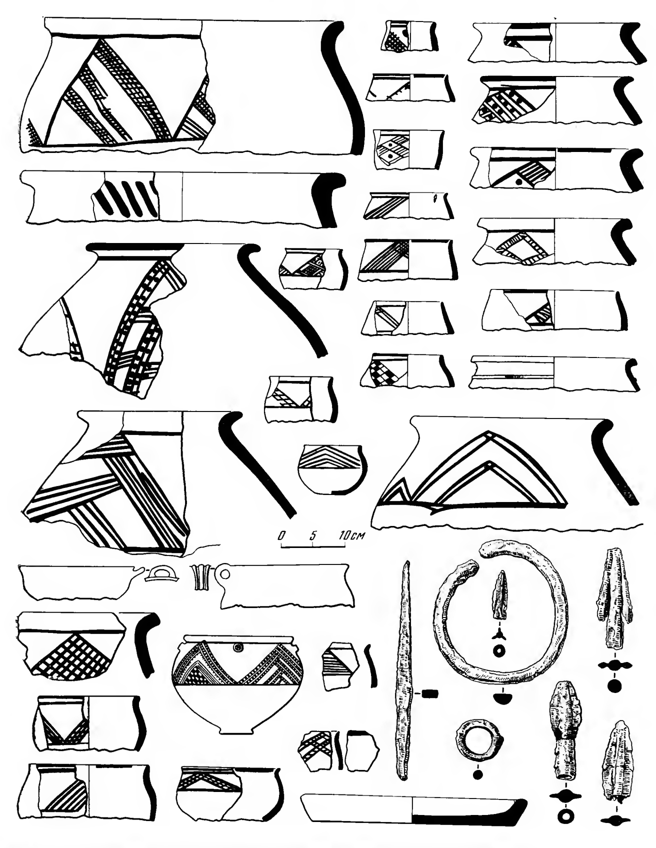


Таблица LXIV. Комплекс Яздепе. Сводная таблица. Составитель В. И. Сарианиди

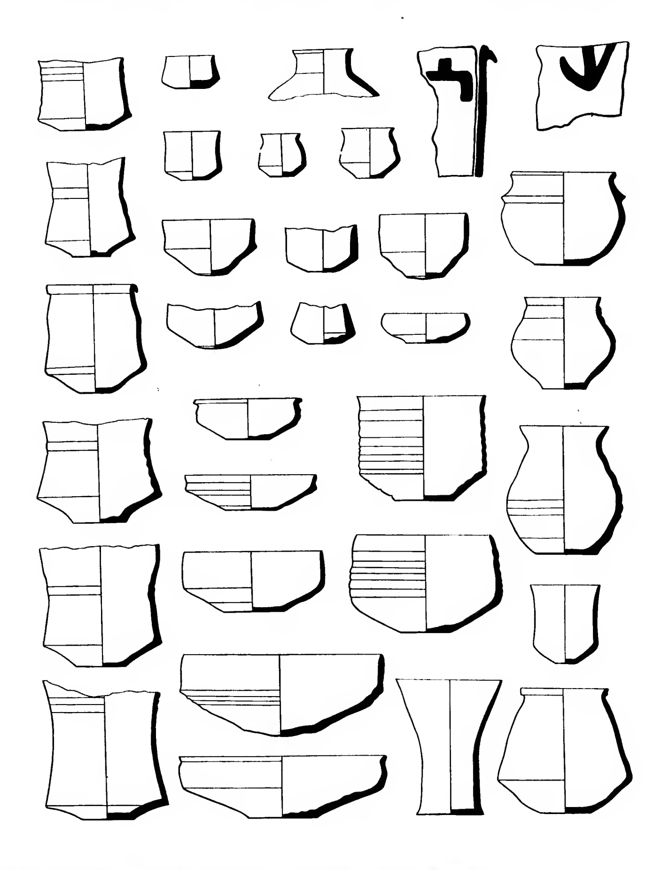


Таблица LXV. Керамический комплекс Яз II. Составитель В. И. Сарианиди

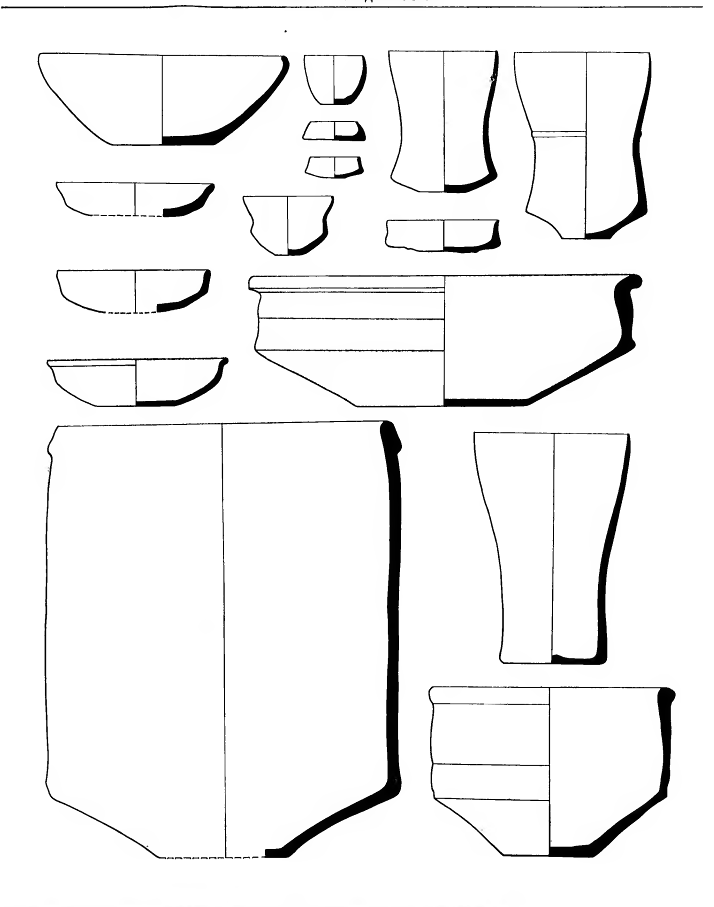


Таблица LXVI. Керамический комплекс Яз III. Составитель В. И. Сарианиди

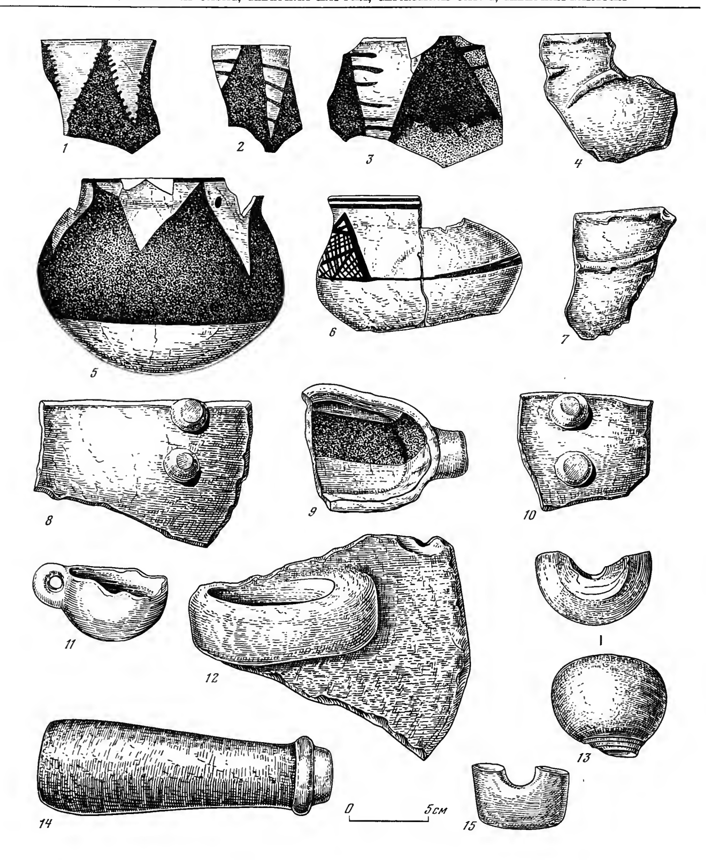


Таблица LXVII. Улугдепе. Расписная керамика и каменные изделия

1—3, 5, 6 — образцы расписной керамики; *4, 7, 8, 10* — образцы керамики с налепным орнаментом; *9* — обломок ковша с ручкой и росписью внутри; *11* — керамическая кружка; *12* — керамическая крышка с ручкой; *13* — каменное навершие булавы; *14* — каменное изделие (пестик?); *15* — каменный предмет. Составитель В. И. Сарианиди

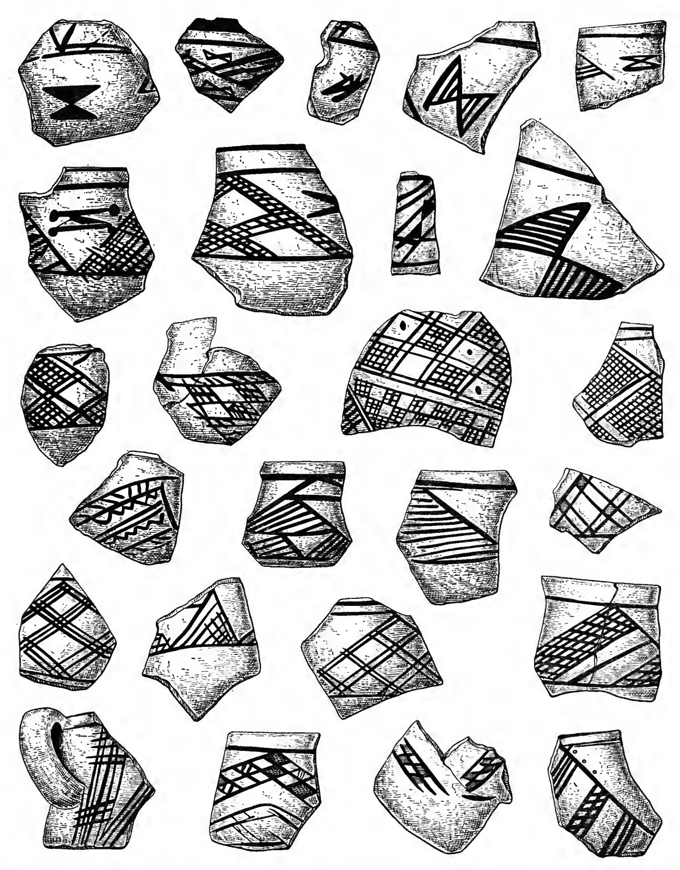


Таблица LXVIII. Улугдепе. Расписная керамика. Составитель В. И. Сарианиди

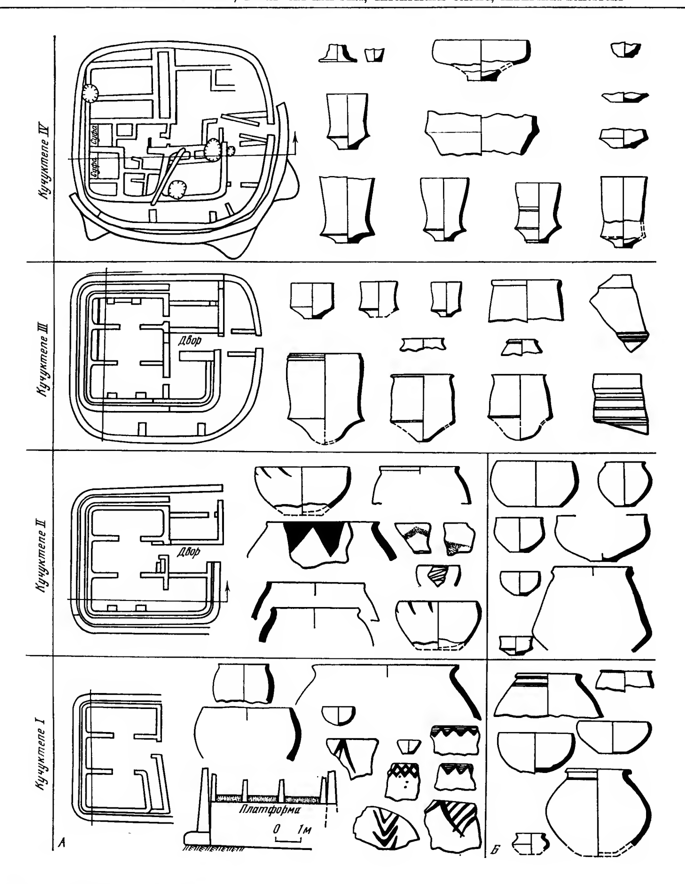


Таблица LXIX. Кучуктепе

I—IV — этапы развития поселения; *А* — лепная керамика; *Б* — керамика, выполненная на гончарном круге. Составитель Г. А. Кошеленко

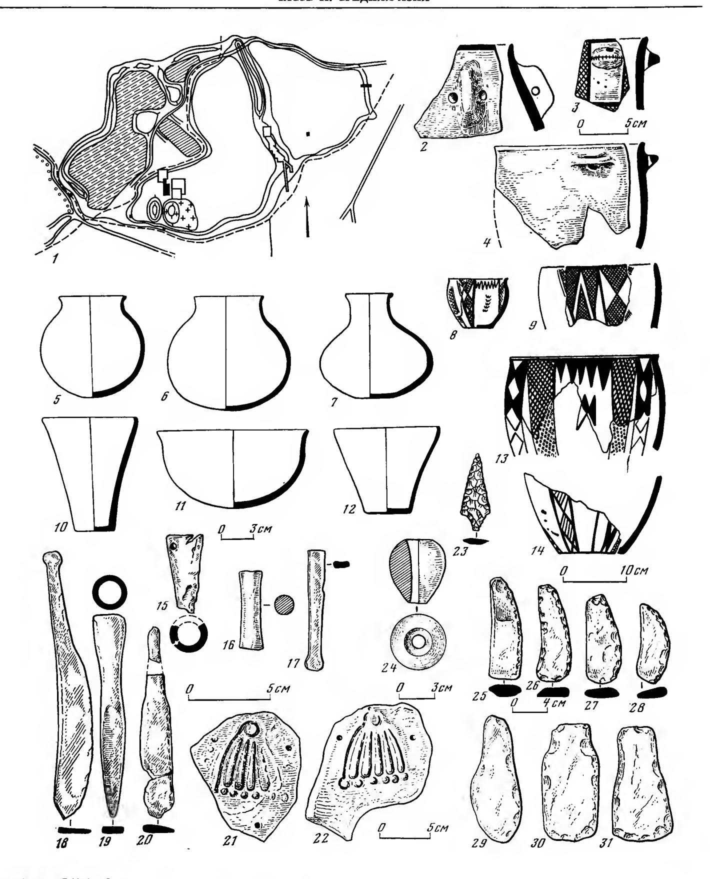


Таблица LXX. Фергана. Чустская культура

1 — поселение Дальверзин. Общий план; *2—4* — Дальверзин. Ручки сосудов; *5—7, 10—12* — формы нерасписной посуды; *8, 9, 13, 14* — образцы расписной посуды; *15—20* — бронзовые изделия; *21, 22* — литейные формы; *23* — кремневый наконечник стрелы; *24* — каменная булава; *25—28* — каменные серповидные ножи; *29—31* — каменные мотыги. Составитель В. И. Сарианиди

Таблица LXXI. Фергана. Эйлатанская культура

1 — городище Эйлатан; *2—10* — керамика Эйлатана; *11* — курган могильника Озгор; *12* — курган Суфанского могильника; *14, 16, 19* — лепные и станковые сосуды Озгора; *13, 17, 18, 20—28, 33—36* — керамика Актамских могильников; *29—32* — пряслица; *37—40* — изделия из железа; *48—55* — изделия из бронзы; *44—47* — изделия из камня; *41—43* — изделия из кости (Актамские могильники). Составитель Ю. А. Заднепровский

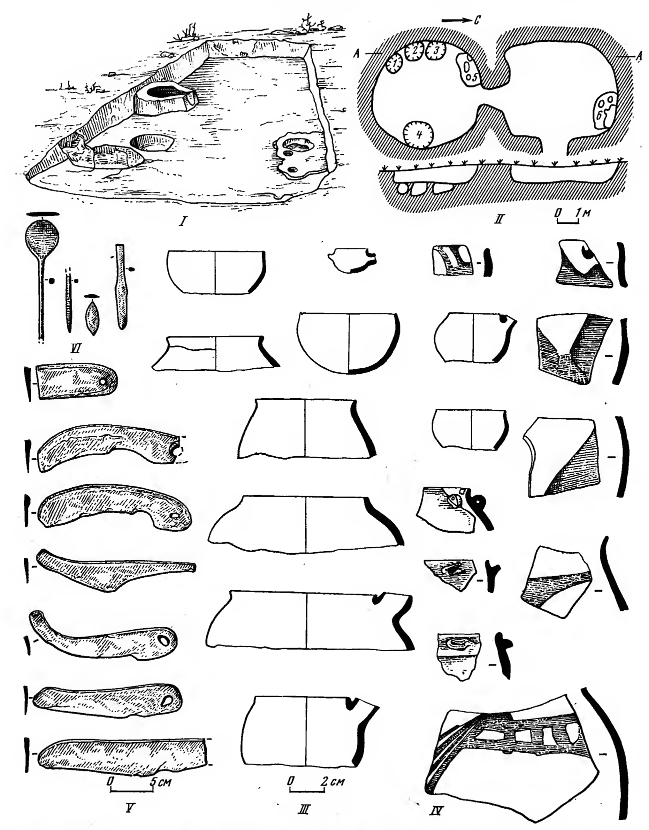


Таблица LXXII. Ташкентский оазис. Бургулюкская культура

I — вид раскопанной землянки; *II* — двойная землянка. План и разрез (*1—4* — хозяйственные ямы; *5—6* — очаги); *III* — основные формы керамики; *IV* — расписная керамика; *V* — бронзовые серпы; *VI* — бронзовые предметы (ложечки, нож, шильце, наконечник стрелы). Составитель Г. А. Кошеленко

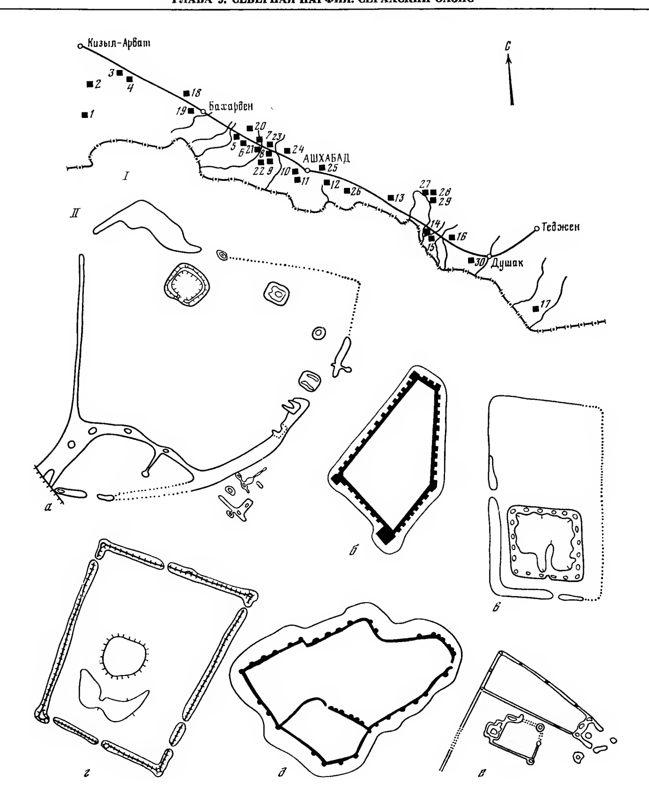


Таблица LXXIII. Основные памятники и типология поселений Северной Парфии

I — основные памятники парфянского времени: *1* — Пархайский могильник; *2* — Мешрепитахтинский могильник; *3* — Хас-Кяриз; *4* — Кызыл-Дашлы; *5* — Гарры-Кяриз; *6* — Коша-Хаудан; *7* — Геоктепинское городище; *8* — Яндаклыдепе; *9* — Чакандепе; *10* — Мансурдепе; *11* — городища Нисы; *12* — Анауское городище; *13* — Кошадепе; *14* — Хосровкала; *15* — Куня-Каахка; *17* — Ярымдепе; *18* — Кебелекдепе; *19* — Бакы-Кумбет; *20* — Ет-Агачдепе II; *21* — Говдуздепе; *22* — Гашдепе; *23* — Ортадепе; *24* — поселение у Изгантского поворота; *25* — Геамикала; *26* — Койнекала в Гяурсе; *27* — Дашлы-13; *28* — Кемелекдепе (Дашлы-9); *29* — Дашлы 6; *30* — поселение у Арчман-Сагата. II — типы поселения. *а* — Ярымдепе; *б* — Старая Ниса; *в* — Геоктепинское городище; *г* — Куня-Каахка; *д* — Новая Ниса; *е* — Мансурдепе. Составитель В. Н. Пилипко

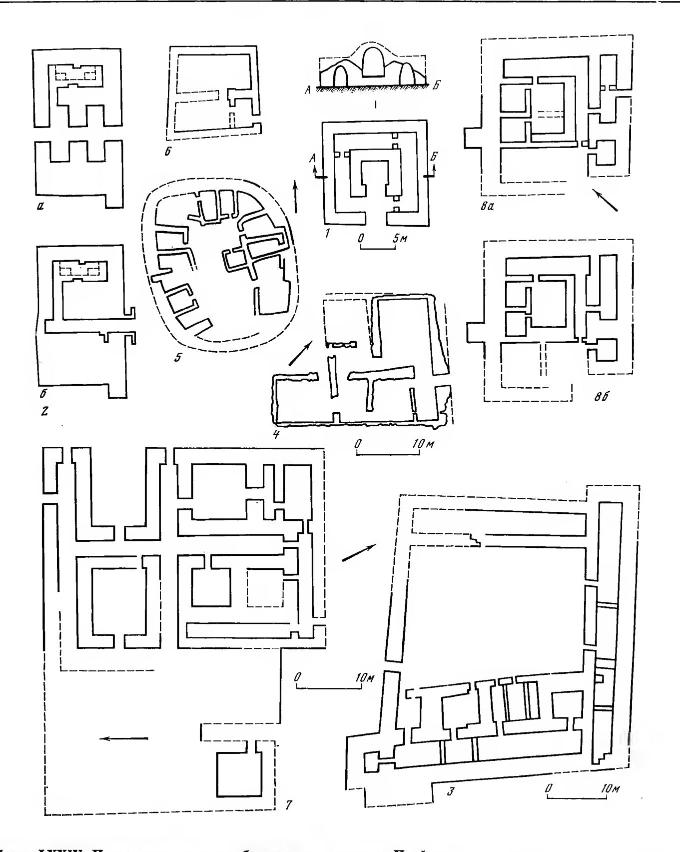


Таблица LXXIV. Планировка жилых и общественных построек Парфии

1 — Мансурдепе, северо-восточный храм, план и разрез; *2* — Гарры-Кяриз, холм 2 (*а* — первый период; *б* — второй период); *3* — Кошадепе у Баба-Дурмаза; *4* — фрагмент застройки Игдыкалы; *5* — Гарры-Кяриз, холм 7; *6* — Каушутское поселение; *7* — Мансурдепе, главное здание; *8* — Гарры-Кяриз, холм 3 (*а* — второй период; *б* — третий период). Составитель В. Н. Пилипко

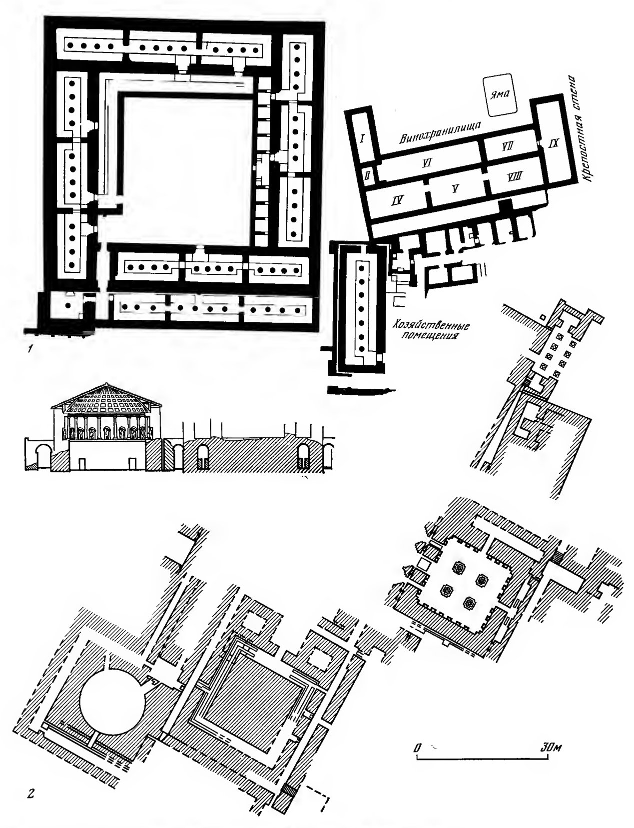


Таблица LXXV. Архитектурные комплексы Старой Нисы (Митридатокерта)

1 — северный хозяйственный комплекс; *2* — центральный дворцово-храмовый комплекс, план и разрез (с элементами реконструкции). Составители Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко

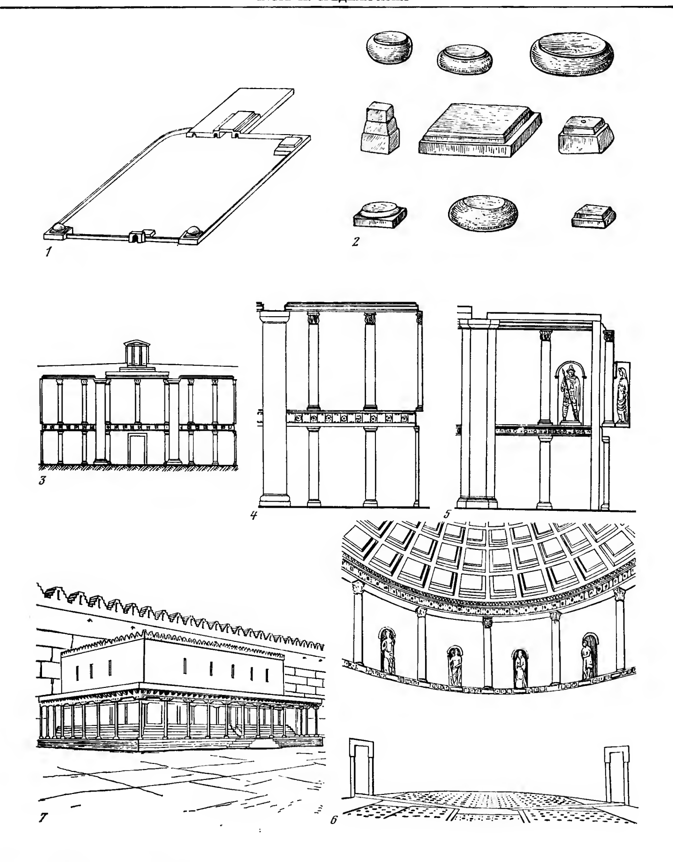


Таблица LXXVI. Архитектура Парфии

1 — святилище Мансурдепе, реконструкция; *2* — каменные базы колонн, Ниса; *3* — Ниса, квадратный зал, реконструкция; *4—5* — реконструкция ордера квадратного зала, два этапа; *6* — Ниса, круглый зал, реконструкция; *7* — Новая Ниса. Храм у городской стены. Составители Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко

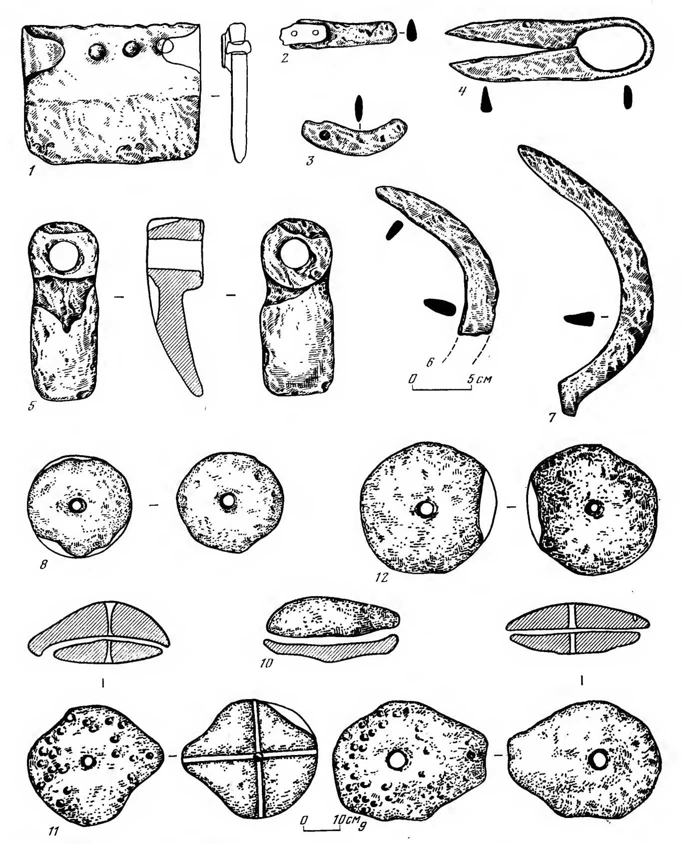


Таблица LXXVII. Орудия труда Парфии

1 — землеройное орудие (?) (Гарры-Кяриз); *2*, *3* — ножи; *4* — ножницы (Кошадепе у Баба-Дурмаза); *5* — теша (Гарры-Кяриз); *6*, *7* — серпы; *8*, *9*, *11*, *12* — жернова; *10* — зернотерка. *1—7* — железо, *8—12* — камень. Составитель В. Н. Пилипко

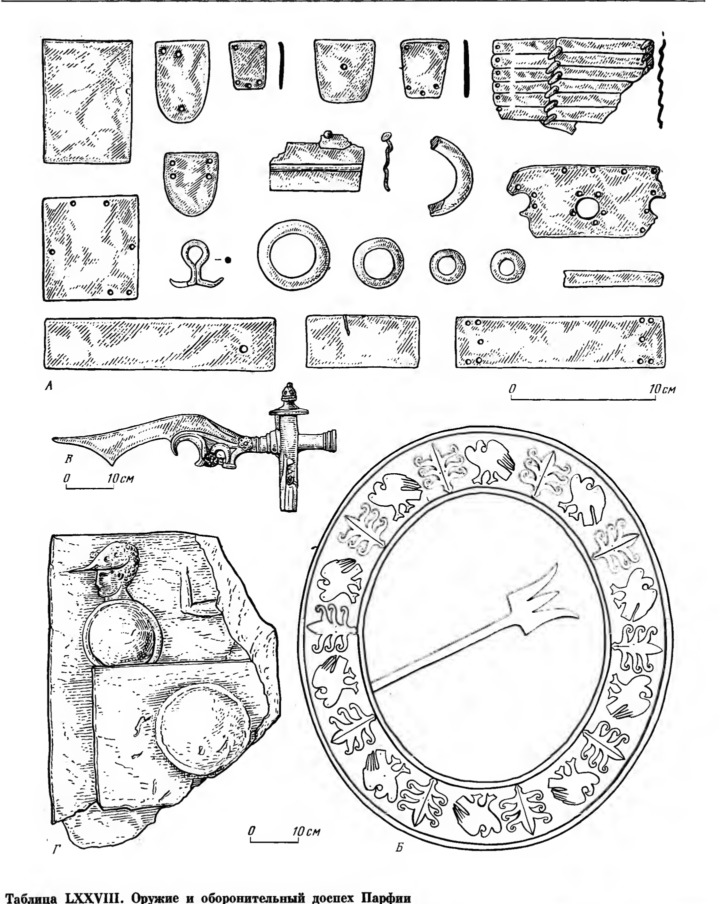


Таблица LXXVIII. Оружие и оборонительный доспех Парфии

А — фрагменты пластинок от оборонительного доспеха; *Б* — парадный щит (частично реконструкция); *В* — серебряный позолоченный топорик; *Г* — керамическая плита с изображением воина. Составители Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко

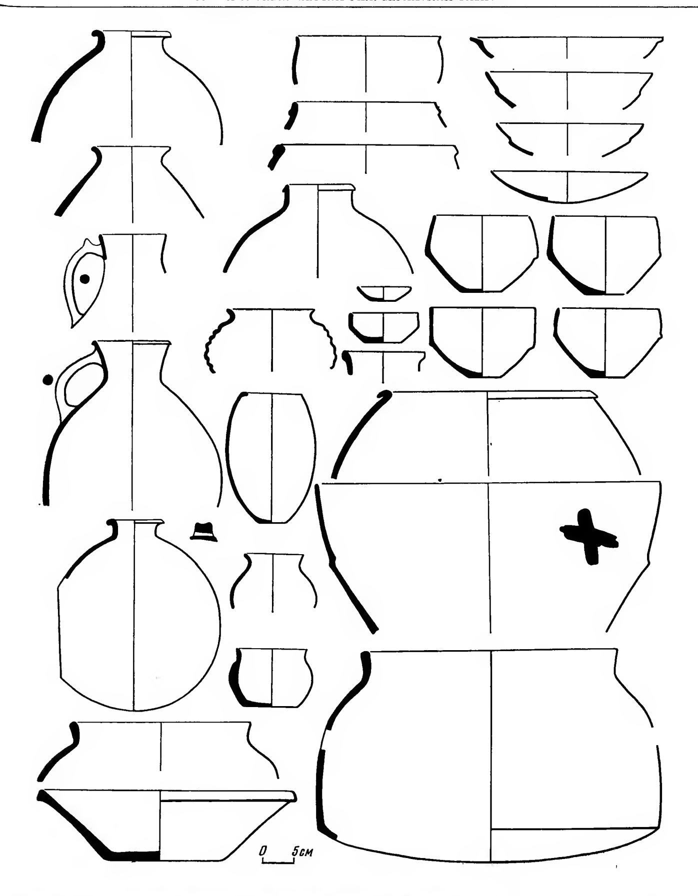


Таблица LXXIX. Комплекс керамики Капыркалы (Каахкинский район). IV—III вв. до н. э. Составитель В. Н. Пилипко

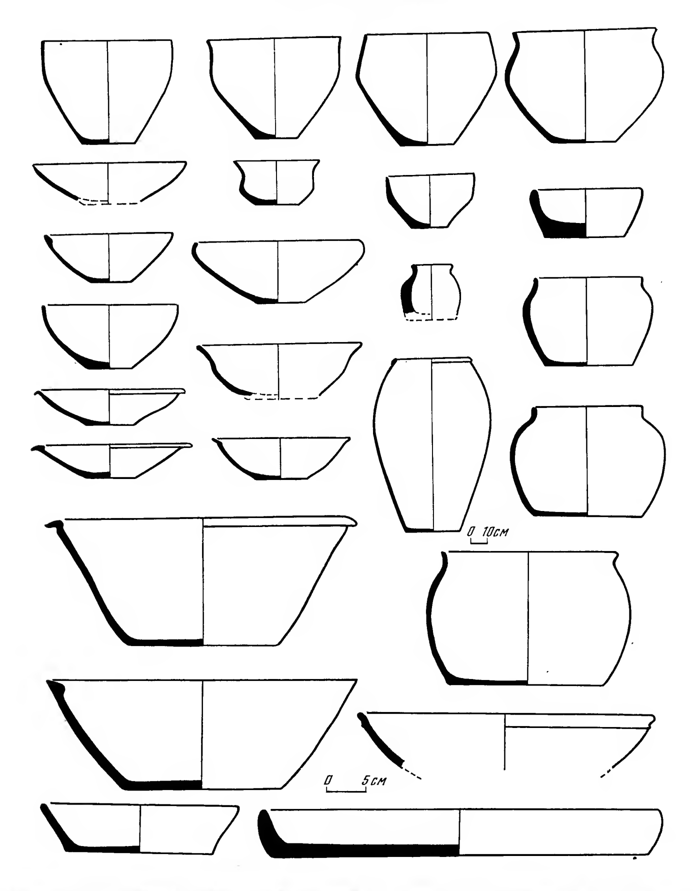


Таблица LXXX. Керамика Кошадепе у Баба-Дурмаза. II—I вв. до н. э. Составитель В. Н. Пилипко

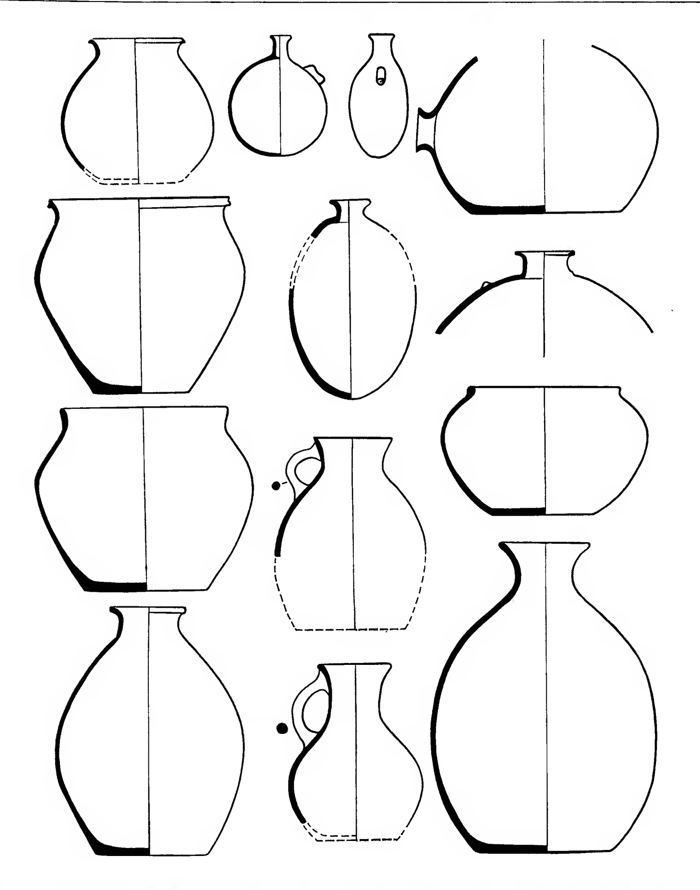


Таблица LXXXI. Керамика Кошадепе у Баба-Дурмаза. II—I вв. до н. э. Составитель В. Н. Пилипко

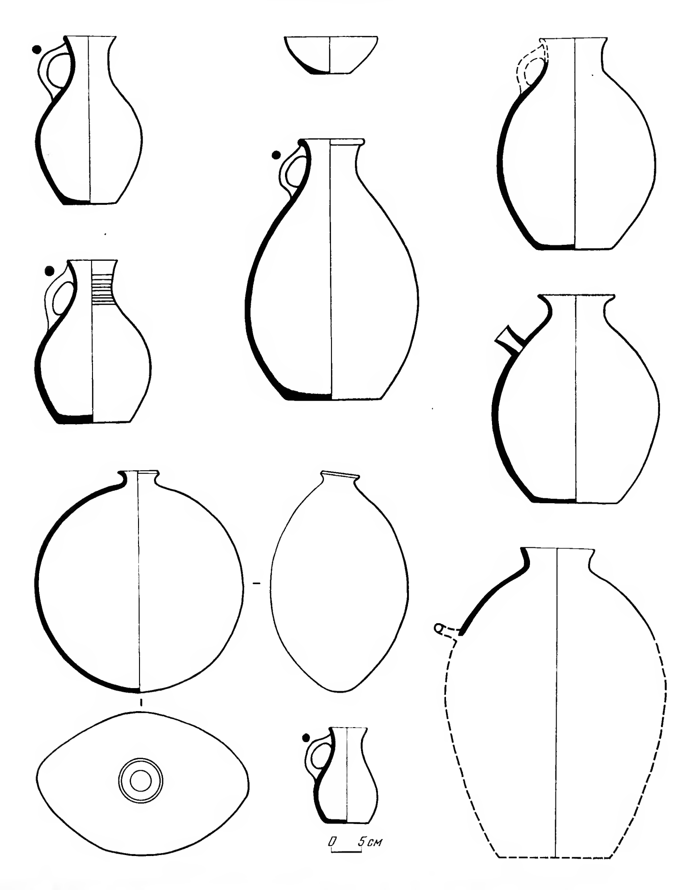


Таблица LXXXII. Керамика Анауского поселения. II—I вв. до н. э. Составитель В. Н. Пилипко

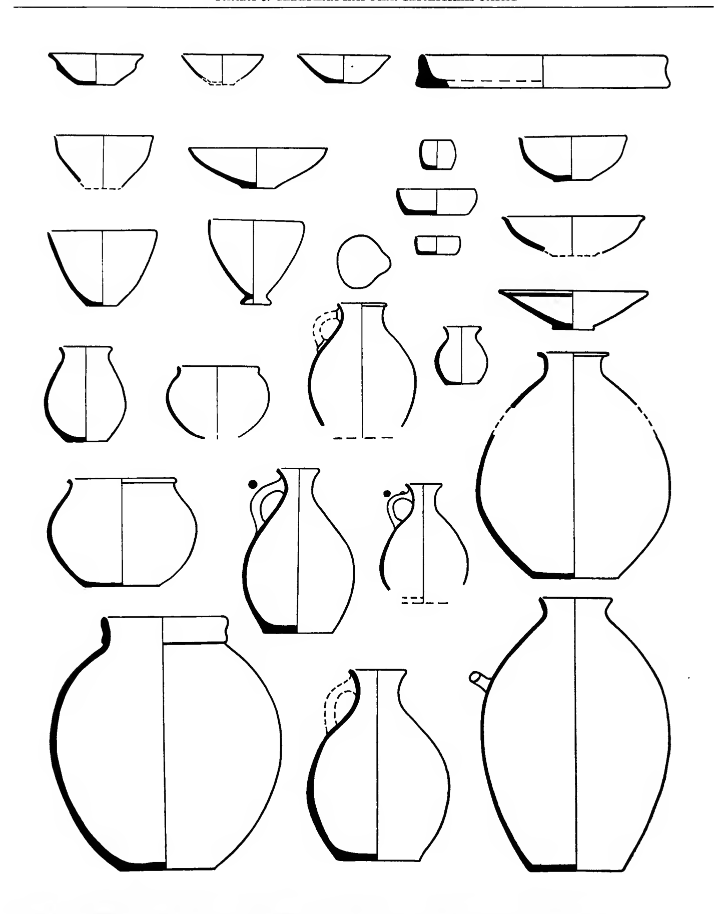


Таблица LXXXIII. Керамика Гарры-Кяриза. II—I вв. до н. э. Составитель В. Н. Пилипко

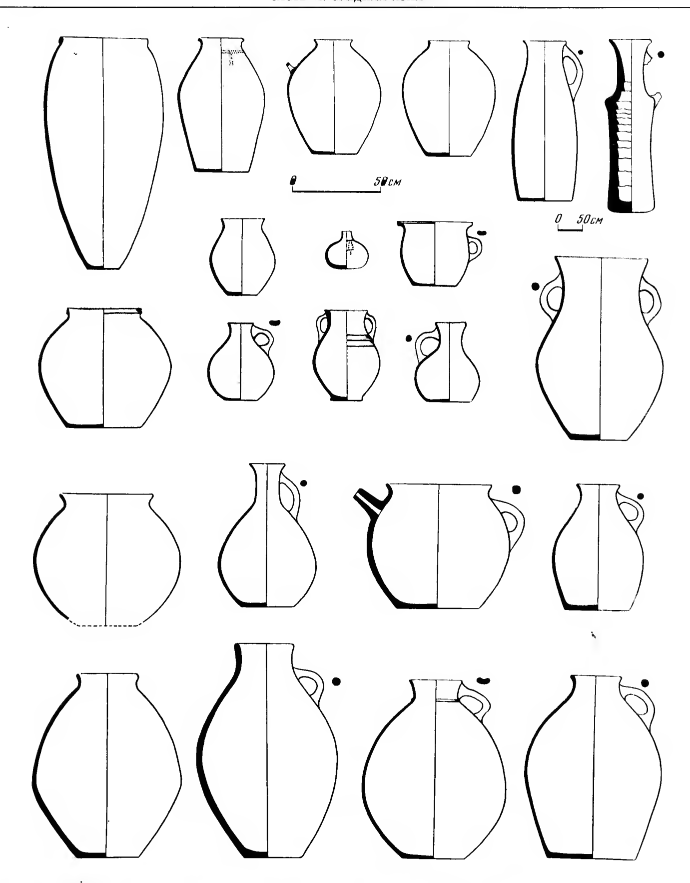


Таблица LXXXIV. Керамика Парфиены. I—II вв. н. э. Составитель В. Н. Пилипко

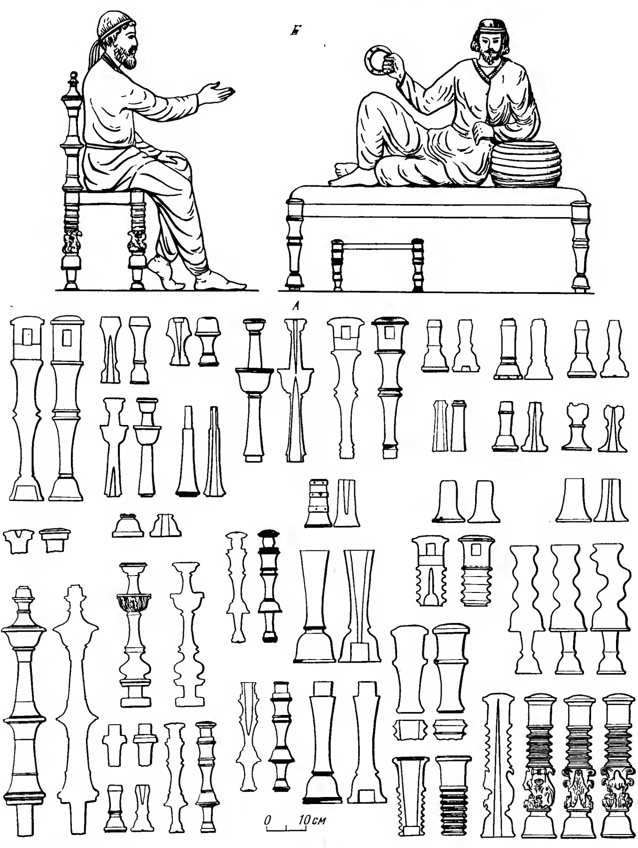


Таблица LXXXV. Мебель.

А — фрагменты мебели из слоновой кости, найденные при раскопках Старой Нисы; *Б* — реконструкция мебели (Г. А. Пугаченковой). Составители Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко

Таблица LXXXVI. Мраморные статуи из раскопок Старой Нисы. Составитель Г. А. Кошеленко

Таблица LXXXVII. Произведения мелкой художественной пластики из раскопок Старой Нисы. Составитель Г. А. Кошеленко

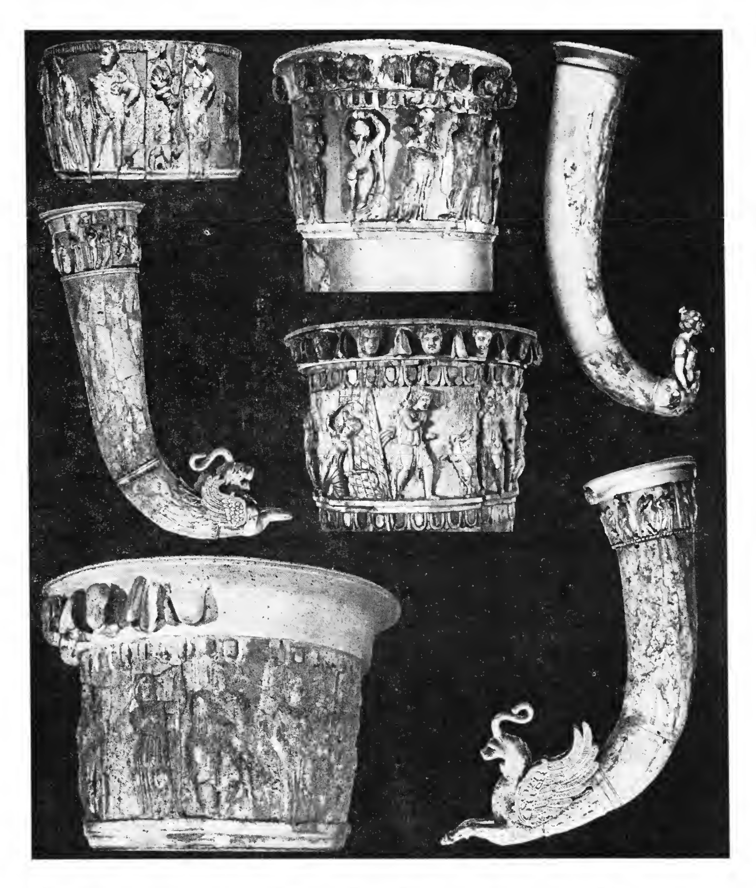


Таблица LXXXVIII. Ритоны и их фрагменты. Слоновая кость (Старая Ниса). Составители Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко

Таблица LXXXIX. Печати и оттиски печатей. Парфия. Составитель В. Н. Пилипко

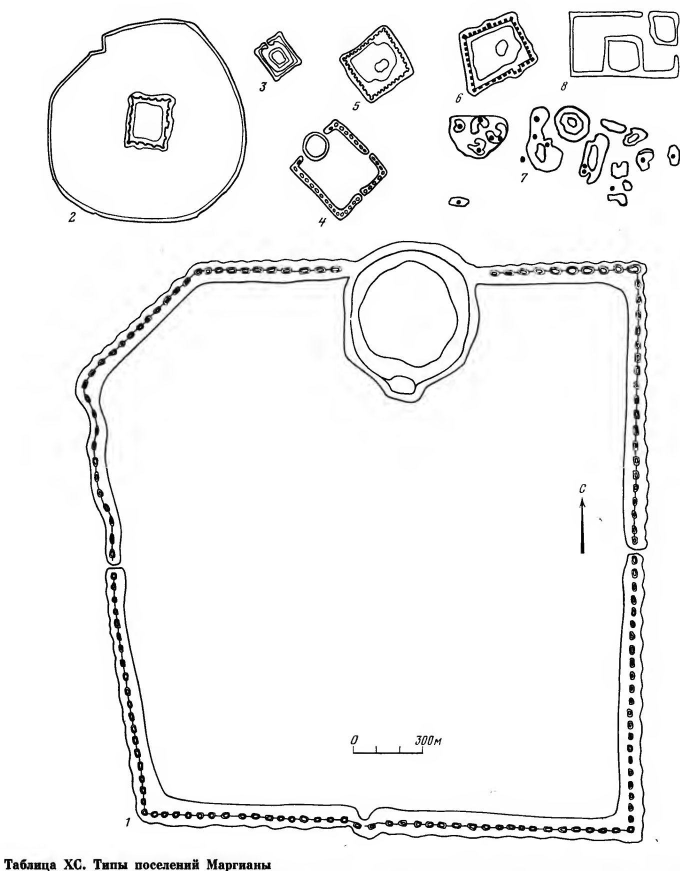


Таблица XC. Типы поселений Маргианы

1 — Мерв (Гяуркала и Эрккала); *2* — Старый Кишман (Гарры-Кишман); *3* — Гебеклы; *4* — Кыркдепе; *5* — Дурнали; *6* — Чильбурдж; *7* — Джиндепе; *8* — Дэвкала. Составитель Г. А. Кошеленко

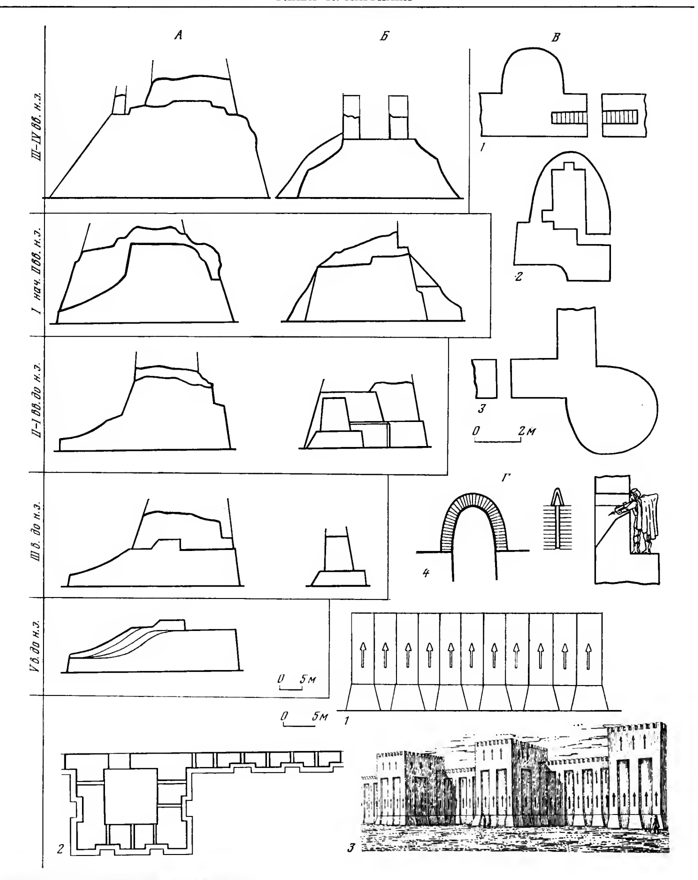


Таблица XCI. Фортификация Маргианы

А — Б — эволюция городских укреплений древнего Мерва. *А* — городские стены Эрккалы; *Б* — городские стены Гяуркалы; *В* — укрепления крепости Старый Кишман: *1* — план участка стен и башни на южном фасе; *2* — юго-западная башня; *3* — привратная башня; *Г* — укрепления крепости Дурнали: *1* — фас городской стены; *2* — план участка стен и башни; *3* — реконструкция; *4* — отдельные элементы. Составитель Г. А. Кошеленко

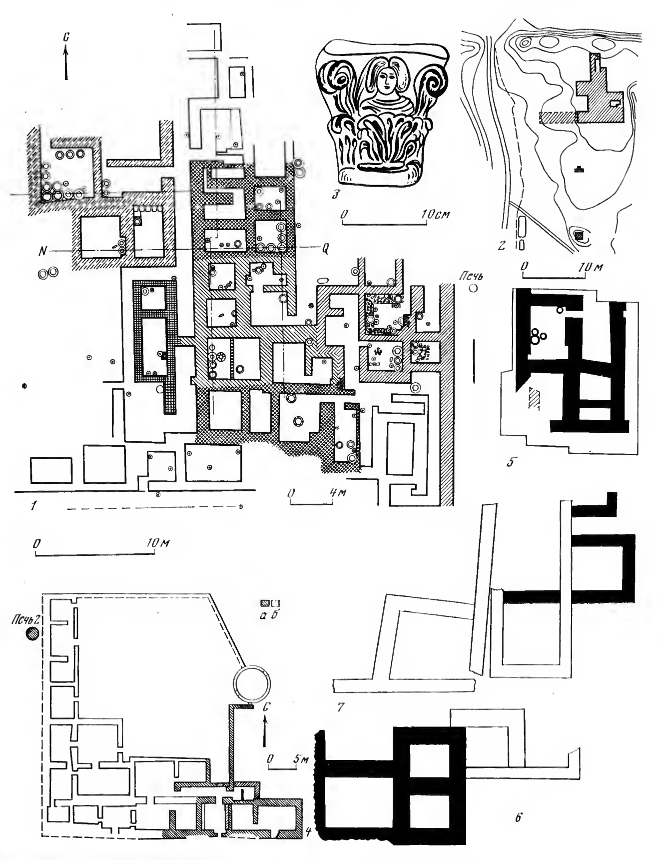


Таблица XCII. Архитектура Маргианы

1 — план «квартала мукомолов». Мерв. Гяуркала; *2* — расположение «квартала мукомолов» на территории городища Гяуркала; *3* — коринфизированная капитель. Мерв; *4* — план дома на поселении Джиндепе, I в. до н. э.— I в. н. э.; *5* — остатки дома на городище Гяуркала; *6—7* — мастерская ремесленника-металлиста. Гяуркала. Составители Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова, М. И. Филанович

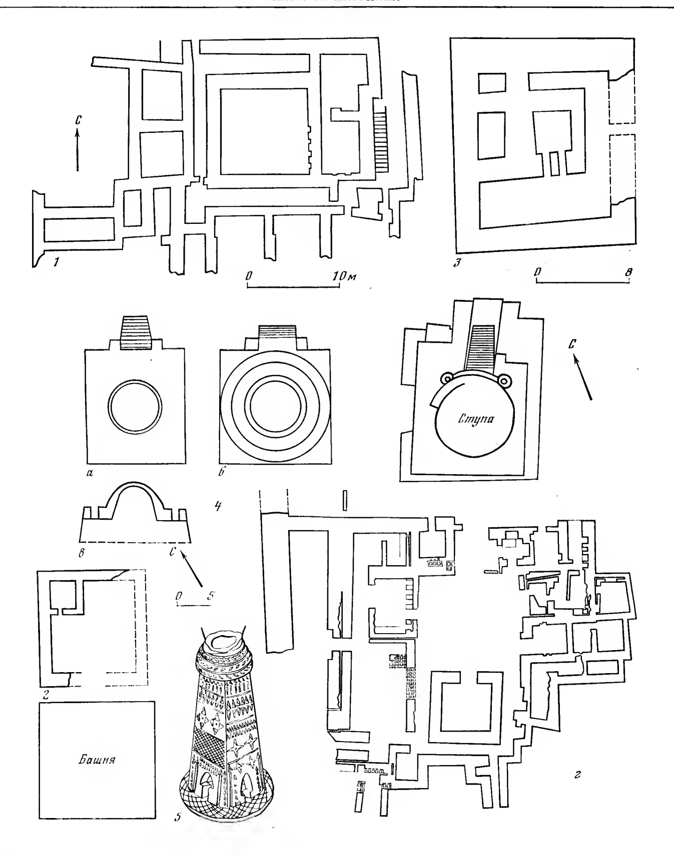


Таблица XCIII. Архитектура Маргианы

1 — план здания на вершине Эрккалы; *2, 3* — остатки зданий предположительно храмового назначения позднепарфянского времени. Гяуркала; *4* — буддийская ступа. Гяуркала. *4а, 4б, 4г* — три этапа существования ступы; *4в* — разрез (на втором этапе); *5* — курильница из Мерва, воспроизводящая башнеобразное здание позднепарфянского времени. Составители Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова, М. И. Филанович

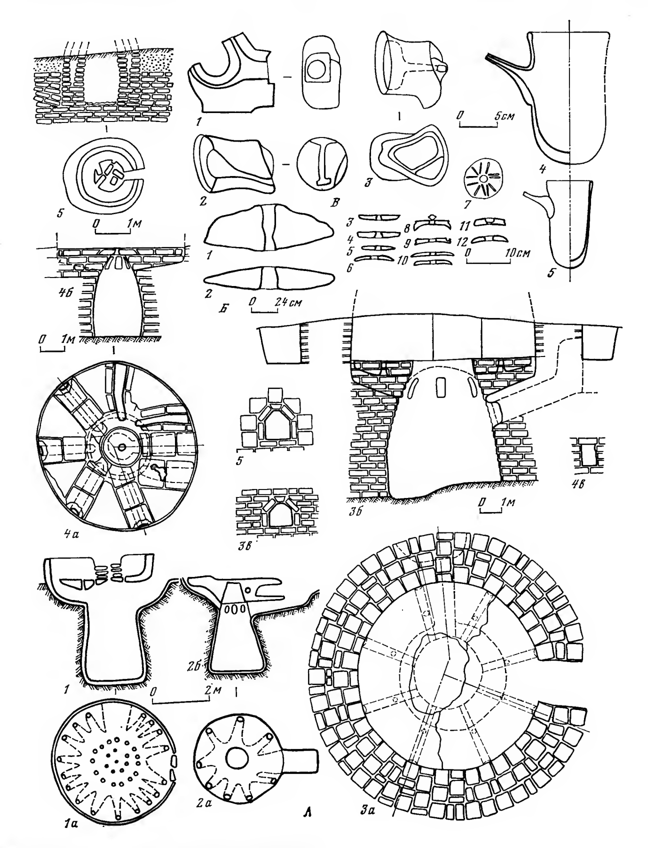


Таблица XCIV. Ремесленное производство Маргианы

А — керамические печи: *1, 1а* — печь на городище Учдепе. План и разрез; *2, 2а* — печь на городище Чурнок. План и разрез (VI—V вв. до н. э.); *3а, 3б, 3в, 4а, 4б, 4в* — печи на поселении Джиндепе, I в. до н. э.— I в. н. э. Планы, разрезы, конструкции жароироводящих каналов; *5* — печь на городище Гяуркала. II—III вв. н. э. План и разрез; *Б. 1—12* — каменные жернова (различные памятники Мервского оазиса); *В* — производственный инвентарь из дома ремесленника-металлиста (Гяуркала): *1, 2* — глиняные формочки для литья; *3* — глиняный тигель; *4, 5* — стеклянные реторты. Составитель Г. А. Кошеленко

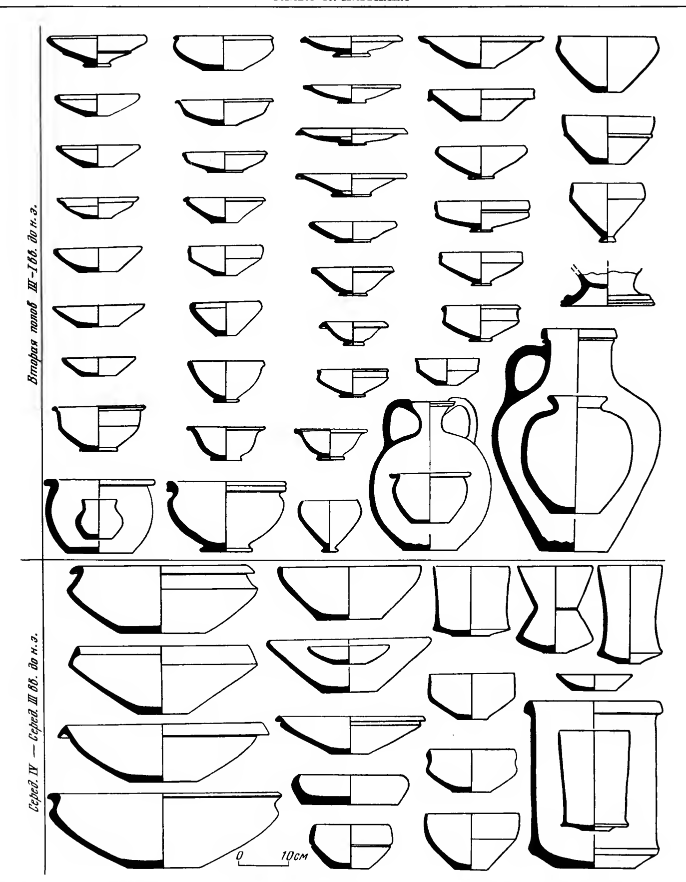


Таблица XCV. Керамика Маргианы IV—I вв. до н. э. Составители З. И. Усманова, М. И. Филанович

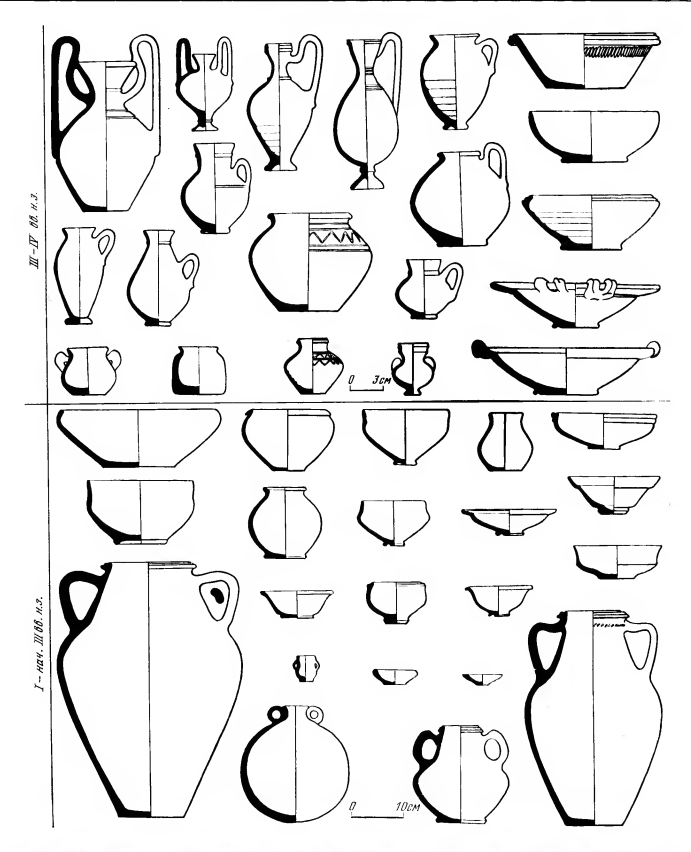


Таблица XCVI. Керамика Маргианы I—IV вв. н. э. Составители З. И. Усманова, М. И. Филанович

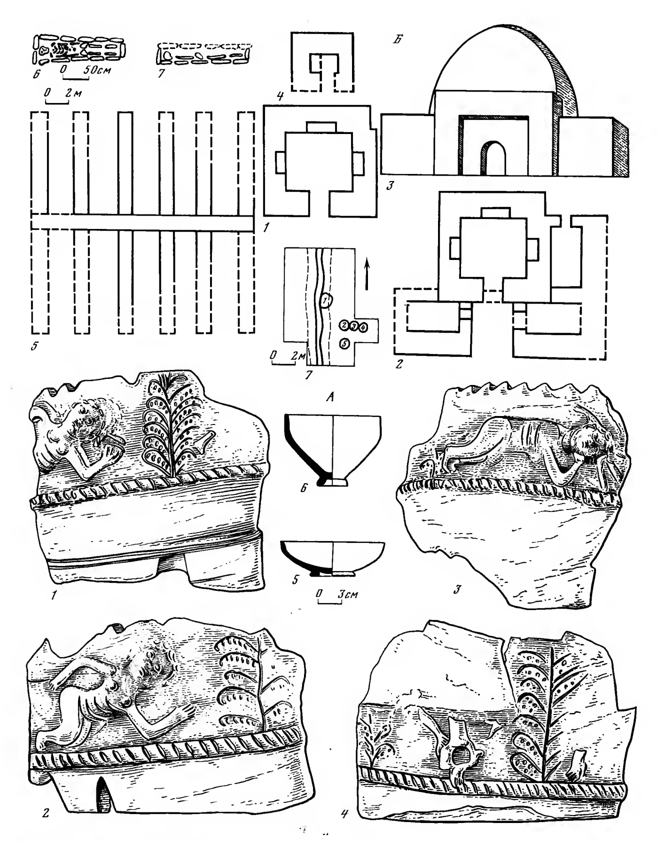


Таблица XCVII. Погребальный обряд Маргианы

А — Муниндепе: *1—4* — фрагменты оссуария; *5, 6* — чаши, покрывавшие детские кости; *7* — схема расположения некрополя (*1* — фрагмент оссуария с рельефными фигурками; *2—4* — фрагменты оссуария; *5* — чаши). *Б* — Байрамалийский некрополь: *1—2* — два этапа погребального сооружения (раскоп МН Р — 3); *3* — возможная реконструкция (этап 1); *4, 5* — планы погребальных сооружений; *6, 7* — план и разрез погребения в здании МН Р — 3. Составитель Г. А. Кошеленко

Таблица XCVIII. Развитие основных типов терракотовых статуэток Маргианы. Составители Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова, М. И. Филанович

Таблица XCIX. Памятники буддийского искусства из Мерва

1 — статуэтка сидящего Будды; *2* — голова глиняной статуи Будды; *3* — навершие модели ступы; *4* — облицовочный блок с фигурой Будды; *5* — изображение арфистки. Составитель Г. А. Кошеленко

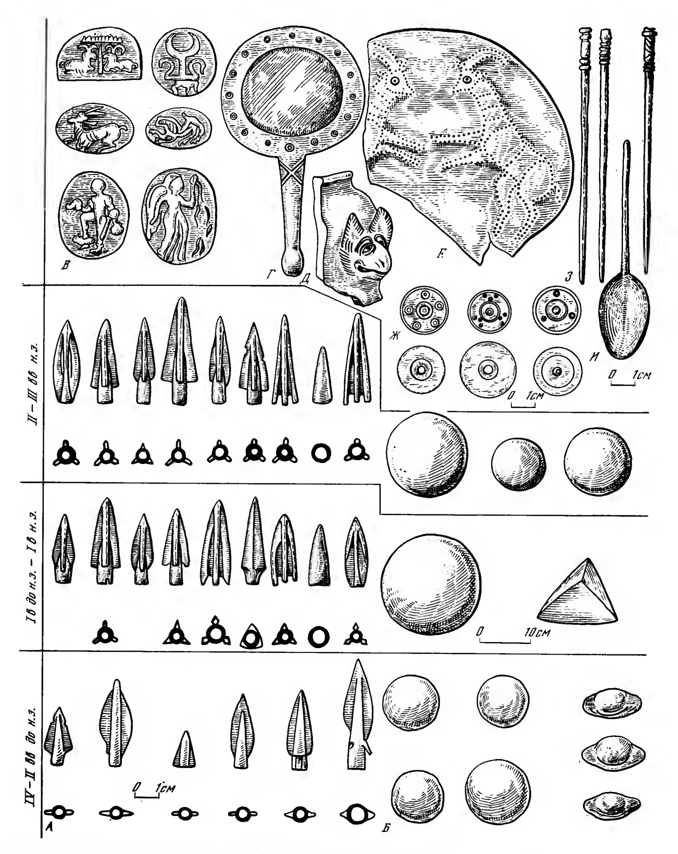


Таблица С. Оружие и произведения прикладного искусства Маргианы

А — бронзовые наконечники стрел; *Б* — керамические ядра; *В* — печати; *Г* — бронзовое зеркало; *Д* — налеп на сосуде; *Е* — раковина; *Ж* — костяные пуговицы; *З* — «стили» (кость); *И* — бронзовая ложечка. Составители З. И. Усманова, М. И. Филанович

Таблица CI. Монетный чекан Маргианы. Составитель В. Н. Пилипко

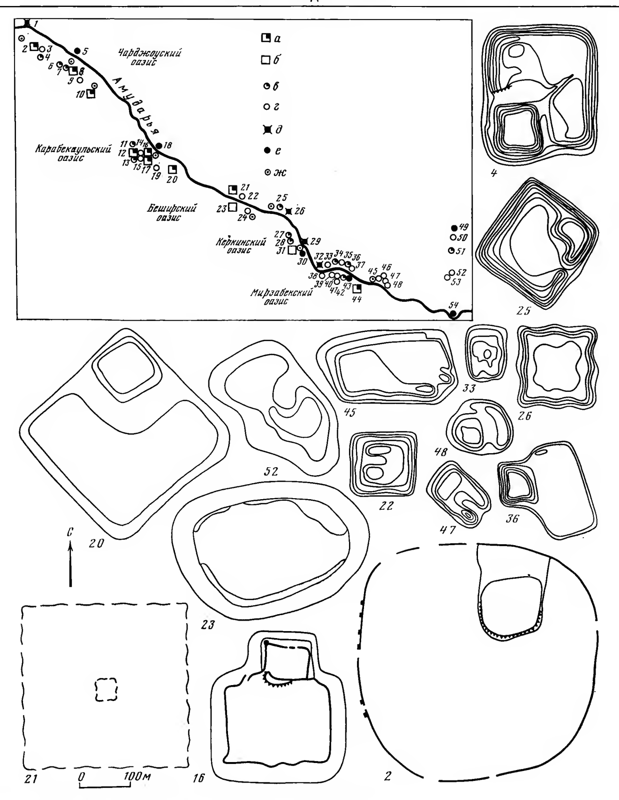


Таблица CII. Схема расположения поселений Средней Амударьи

1 — Устыкала; *2* — Одейдепе; *3* — Боклыдепе; *4* — Терезегандепе; *5* — Биштыккала; *6* — Гебеклидепе; *7* — Заргардепе; *8* — «Бековская крепость» в Чарджоу; *9* — Чарвачдепе; *10* — Хозарекдепе; *11* — Акдепе; *12* — Чишленкала; *13* — Кекрелидепе; *14* — Сазаклыдепе; *15* — Аккала; *16* — Кутнамкала; *17* — Ходжа-Идаткала; *18* — Кешккала; *19* — Кизилдепе; *20* — Ходжа-Гундузкала; *21* — Беширкала; *22* — Шордепе (Кизыл-Байдак); *23* — Эссен-Менгликала; *24* — Актерикала; *25* — Шордепе III (Ходжсамбас); *26* — Шордепе II (Ходжсамбас); *27* — Омаркала; *28* — Сакаркала; *29* — Керкичи; *30* — «Бековская крепость» в Керках; *31* — «Русская крепость» в Керках; *32* — Курегенкала; *33* — Шордепе (Бургучи); *34* — Акдепе (Хотаб); *35* — Уч-Агачдепе; *36* — Акдепе (Ташрабад); *37* — Мазарлидепе; *38* — Шордепе (Кызыл-Аяк); *39* — поселение у 39 км шоссе Керки-Босага; *40* — Дешеклидепе; *41* — Чоплидепе; *42* — Хотабкала; *43* — Мукрыкала; *44* — Мирзабеккала; *45* — Шордепе (Мукры); *46* — Шордепе (Уламское); *47* — Кумдепе; *48* — Пултаподыдепе; *49* — Мульзам-Атадепе; *50* — Мунчакдепе (сев.); *51* — Мунчакдепе (юж.); *52* — Тиллядепе; *53* — Кульдепе; *54* — Келиф. *а* — поселения городского типа с цитаделью; *б* — поселения городского типа без цитадели; *в* — сельские поселения с цитаделью; *г* — сельские поселения без цитадели; *д* — укрепления; *е* — неинформативные памятники; *ж* — современные паселенные пункты. Составитель В. Н. Пилипко

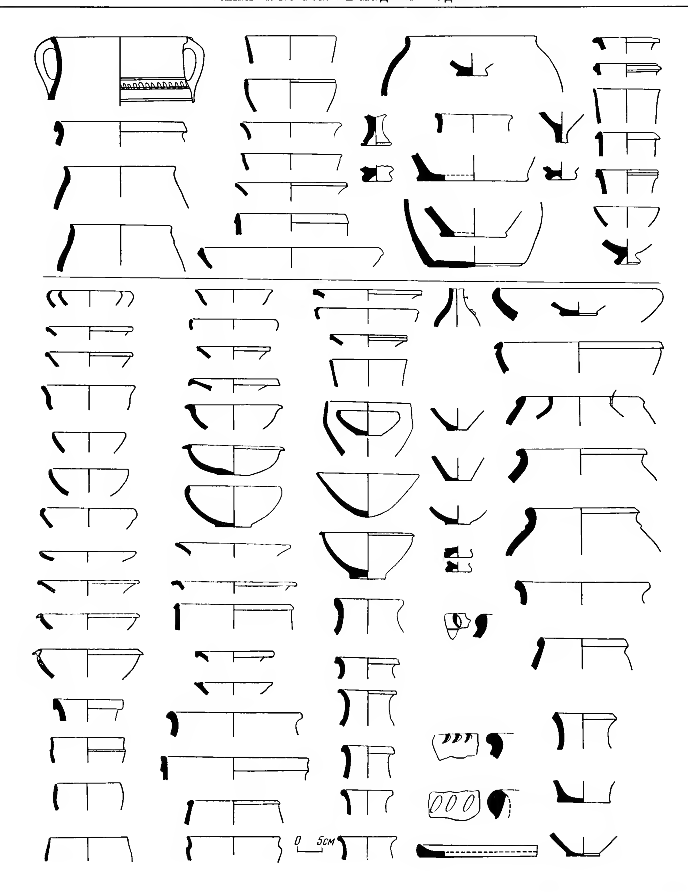


Таблица CIII. Керамика греко-бактрийского (внизу) и юеджийского (вверху) периодов по результатам раскопок Мирзабеккалы. Составитель В. Н. Пилипко

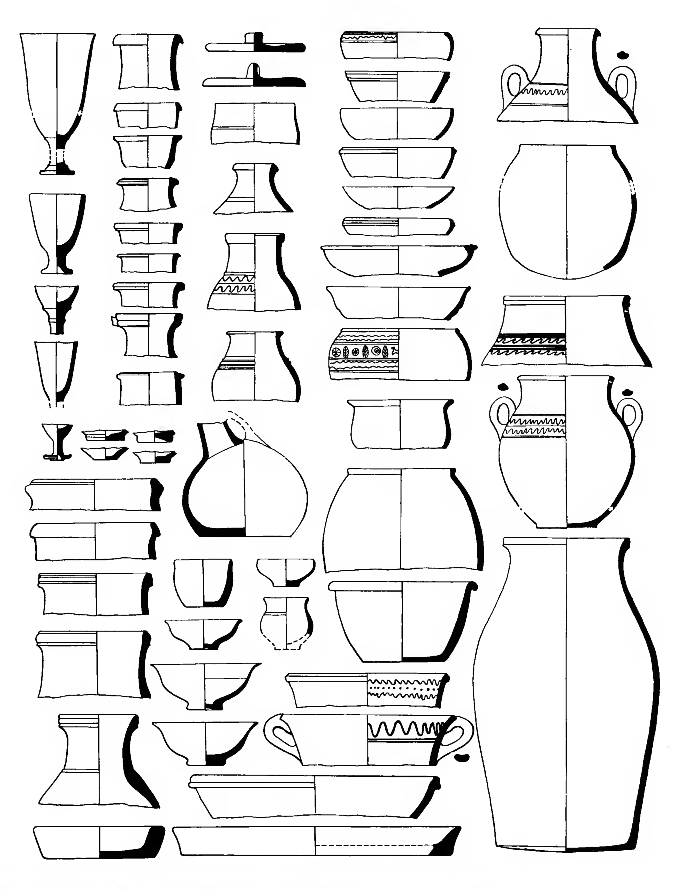


Таблица CIV. Керамика великокушанского периода. Составитель В. Н. Пилипко

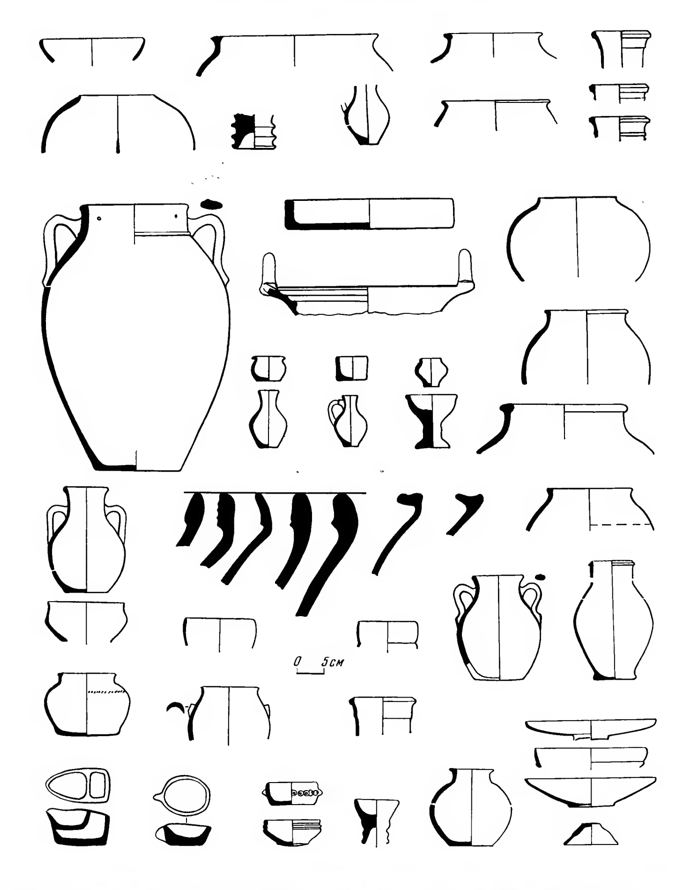


Таблица CV. Керамика позднекушанского (кушано-сасанидского) периода. Составитель В. Н. Пилипко

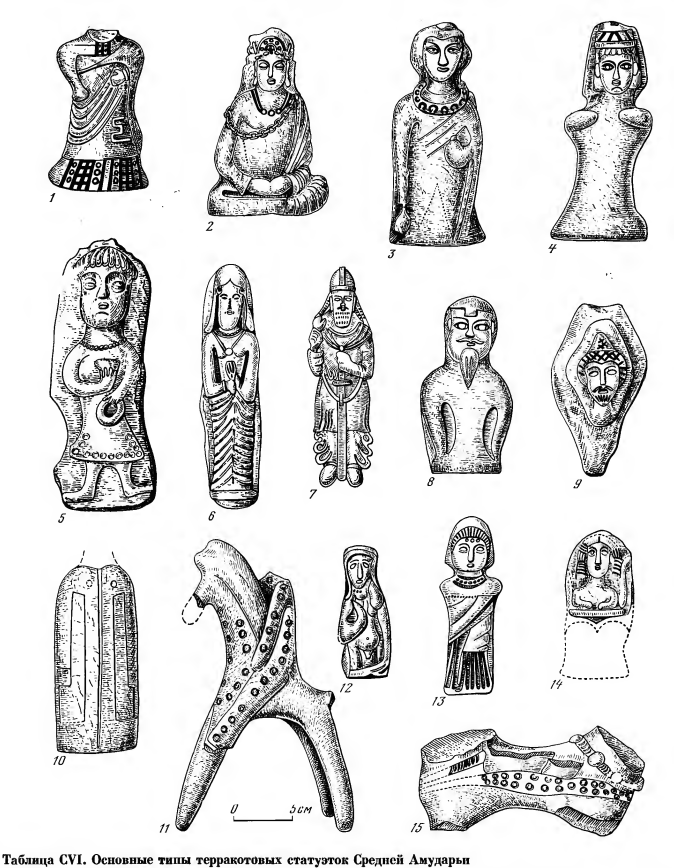


Таблица CVI. Основные типы терракотовых статуэток Средней Амударьи

1, 4, 13 — Чоплидепе; *2* — Аккала (Карабекаул); *3, 9—11, 14, 15* — Мирзабеккала; *5* — Омаркала; *6* — «Бековская крепость» в Чарджоу; *7* — район Керков; *8* — Бериркала; *12* — Фарабский район. Составитель В. Н. Пилипко

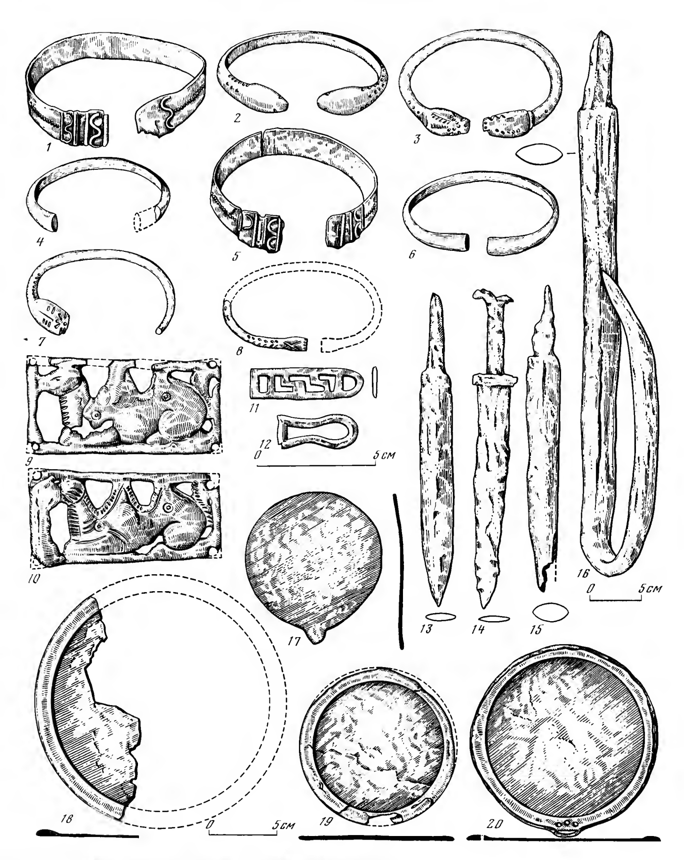


Таблица CVII. Металлические изделия из могильника Бабашов

1—8 — бронзовые браслеты; *9—12* — бронзовые пряжки; *13—15* — железные кинжалы; *16* — меч; *17—20* — бронзовые зеркала. Составитель В. Н. Пилипко

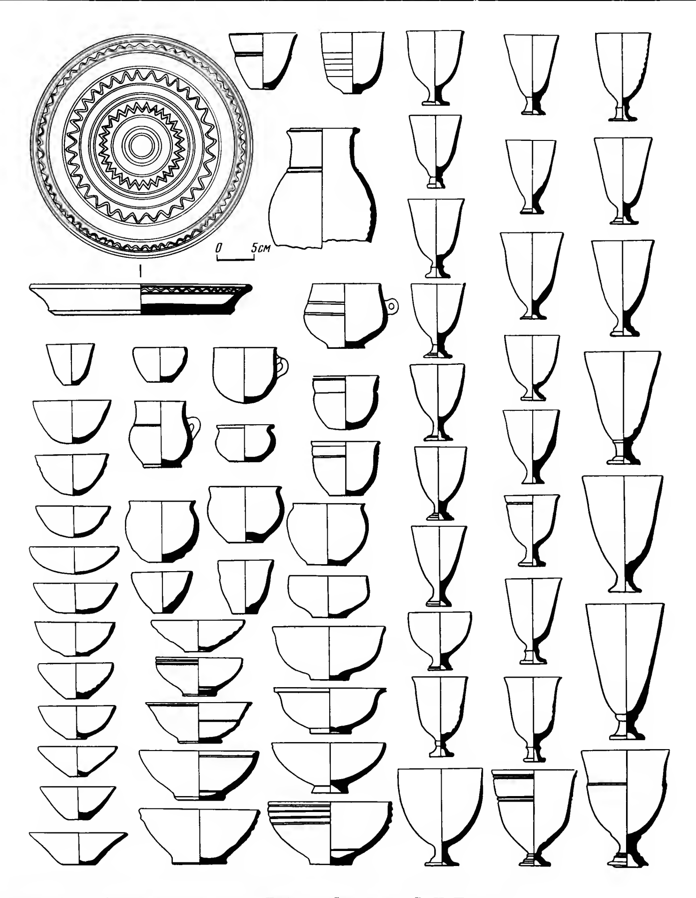


Таблица CVIII. Керамика из могильника Бабашов. Составитель В. Н. Пилипко

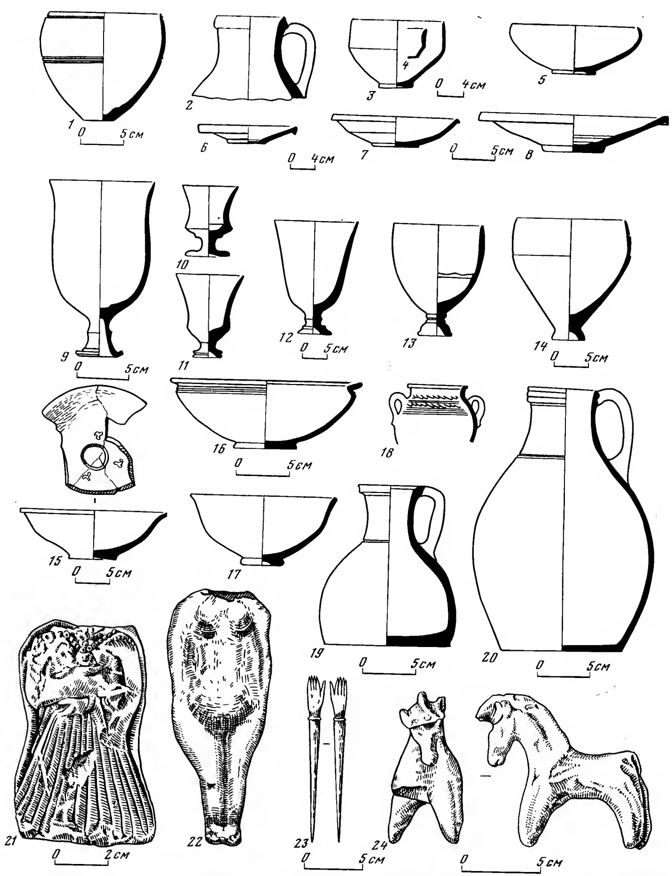


Таблица CIX. Комплексы греко-бактрийского (*1—8*) и халчаянского (*9—24*) типов. Составитель В. М. Массон

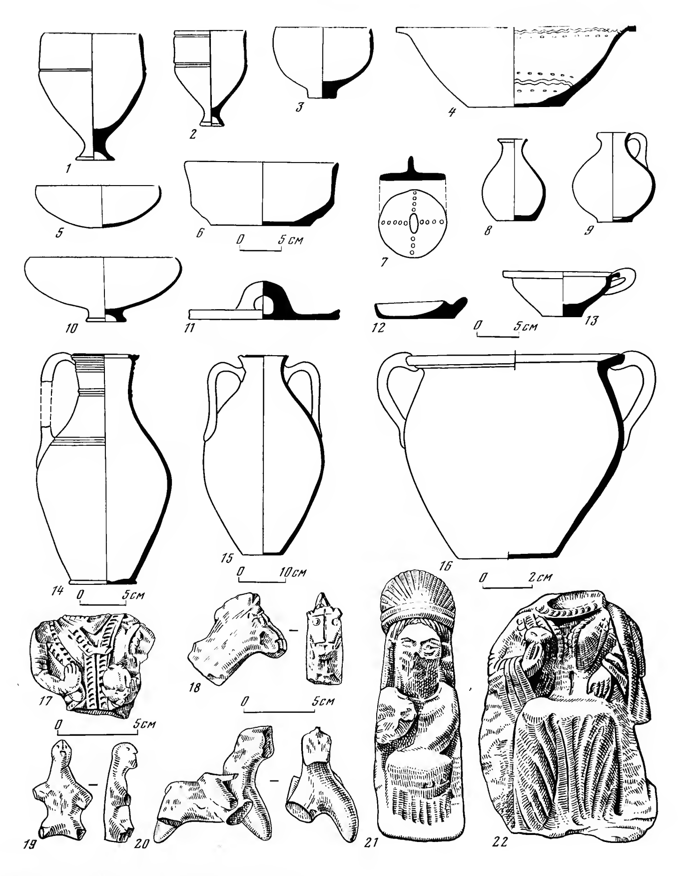


Таблица CX. Комплекс дальверзинского типа

1—16 — керамика; *17—22* — терракота; *1—16, 21, 22* — Дальверзин; *17—20* — Айртам. Составитель В. М. Массон

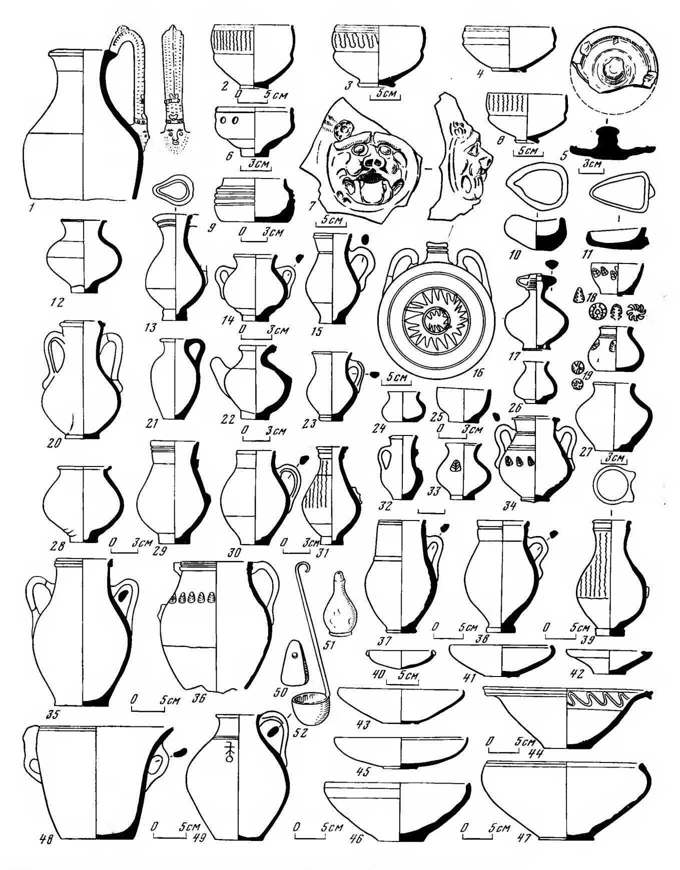


Таблица CXI. Комплекс зартепинского типа. Керамика и металлические изделия

1—50 — керамика; *51—52* — бронза. Составитель В. М. Массон

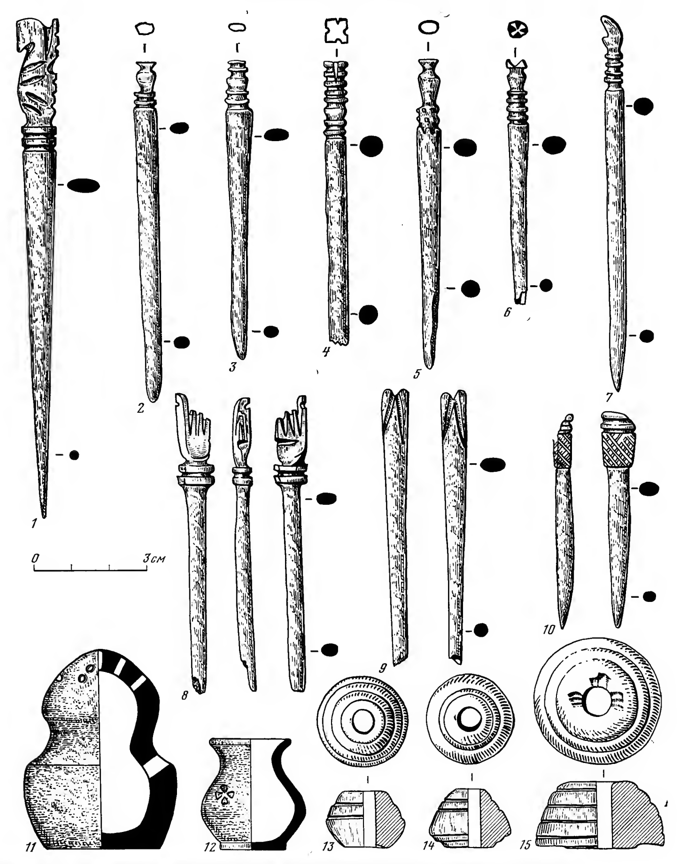


Таблица CXII. Комплекс зартепинского типа. Мелкие изделия из кости, камня и терракоты

1—10 — кость; *11, 12* — керамика; *13—15* — камень (долонит).
Составитель В. М. Массон

Таблица CXIII. Комплекс зартепинского типа. Зооморфная и антропоморфная терракота

1—10, 15 — зооморфная терракота; *11—14, 16—20* — антропоморфная терракота; *1—8, 11, 12, 14, 15, 17* — Зартепе, раскоп VI; *9, 10* — Зартепе, раскоп III; *13* — Зартепе, раскоп V; *16* — Зартепе, раскоп IX; *18, 19* — находки на Зартепе в Ташкентском музее; *20* — находки на Зартепе в Термезском музее. Составитель В. М. Массон

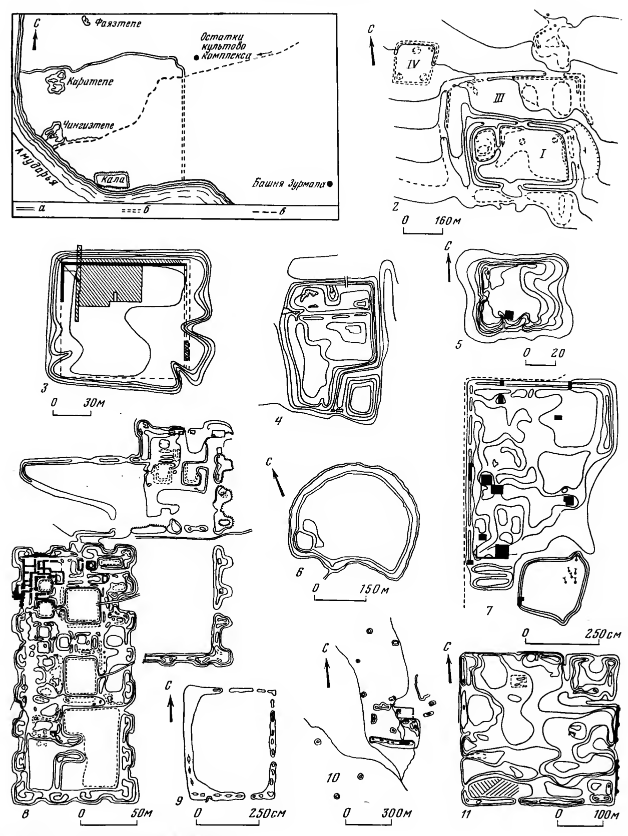


Таблица CXIV. Планы поселений Бактрии

1 — Старый Термез. *а* — стены; *б* — предполагаемые степы; *в* — канал; *2* — Яван; *3* — Шортепе; *4* — Кумкала; *5* — Актепе; *6* — Хайрабадтепе; *7* — Дальверзинтепе; *8* — Кузнакала; *9* — Кейкобадшах; *10* — Халчаян; *11* — Зартепе. Составитель В. М. Массон

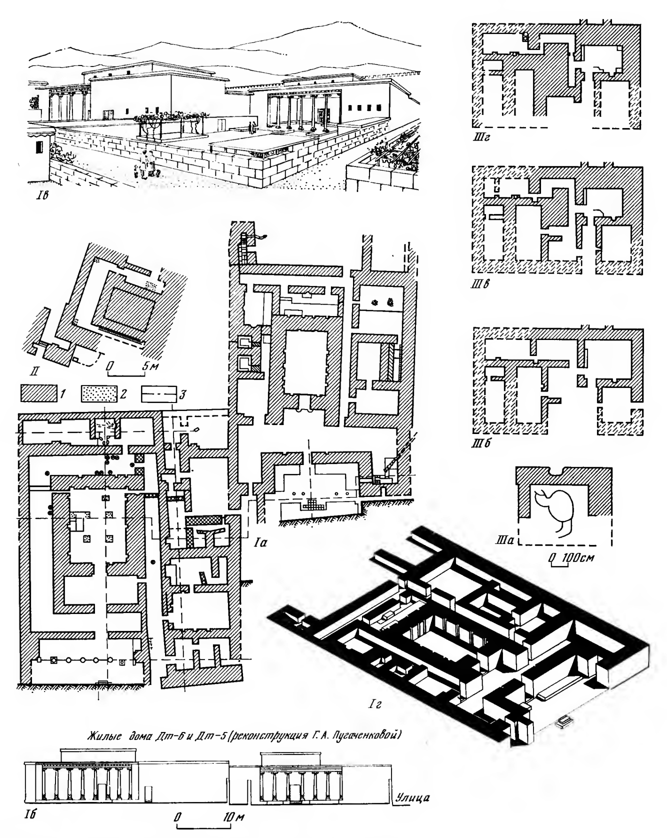


Таблица CXV. Дальверзинтепе. Жилая и сакральная архитектура

I — комплекс домов ДТ-5 и ДТ-6. *а* — план; *б* — реконструкция фасадов; *в* — реконструкция; *г* — аксанометрия дома ДТ-5; II — буддийское святилище; III а — III г — святилище, четыре этапа существования. Составители В. М. Массон, Г. А. Кошеленко

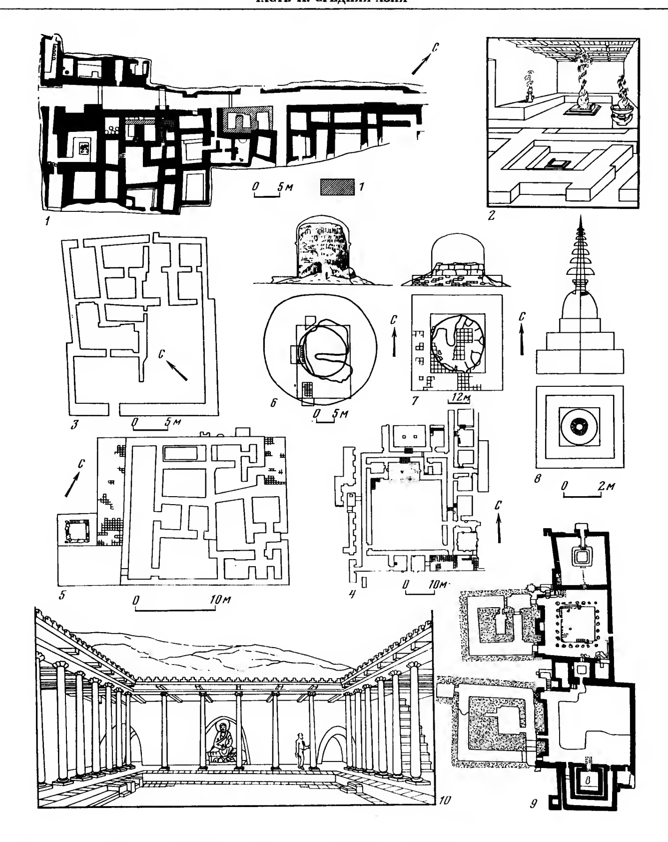


Таблица CXVI. Жилая и сакральная архитектура Бактрии кушанской эпохи

1 — городище Зартепе. План жилого квартала (*1* — поздние перестройки); *2* — городище Зартепе. Домовое святилище. Два этажа существования. Реконструкция; *3* — Дальверзинтепе. Дом *ДТ-2*. План; *4* — Саксанохур. Дворцово-храмовый комплекс. План; *5* — Хатын-Рабат. Жилой дом. План; *6* — план и реконструкция ступы Зурмала; *7* — Айртам. Ступа. План и разрез; *8* — модель ступы; *9* — буддийский монастырь Каратепе в Старом Термезе. План; *10* — буддийский монастырь Каратепе в Старом Термезе. Центральный дворик. Реконструкция. Составитель В. М. Массон

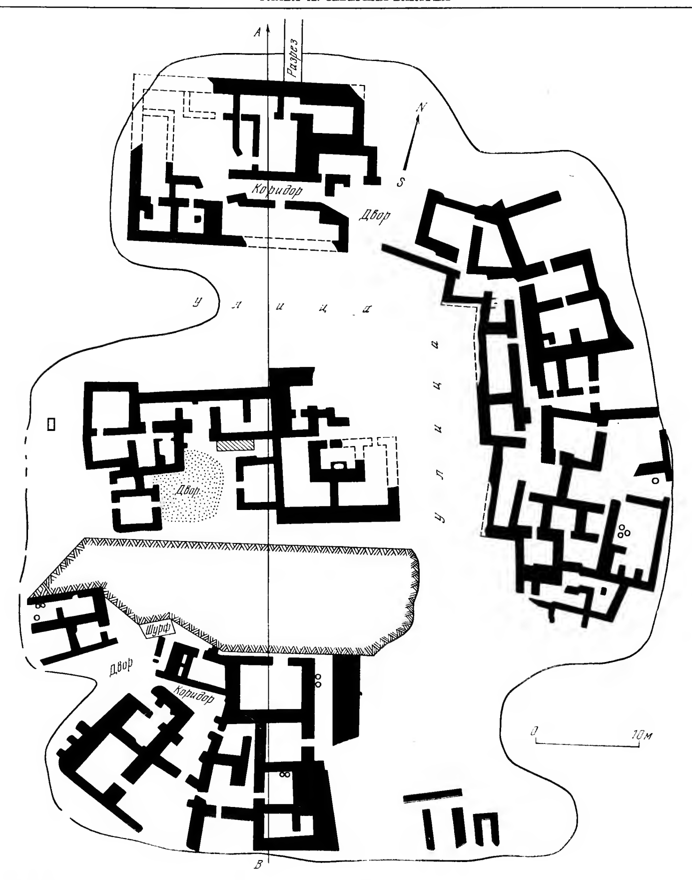


Таблица CXVII. План поселения Аккурган (по Ш. Р. Пидаеву). Составитель Г. А. Кошеленко

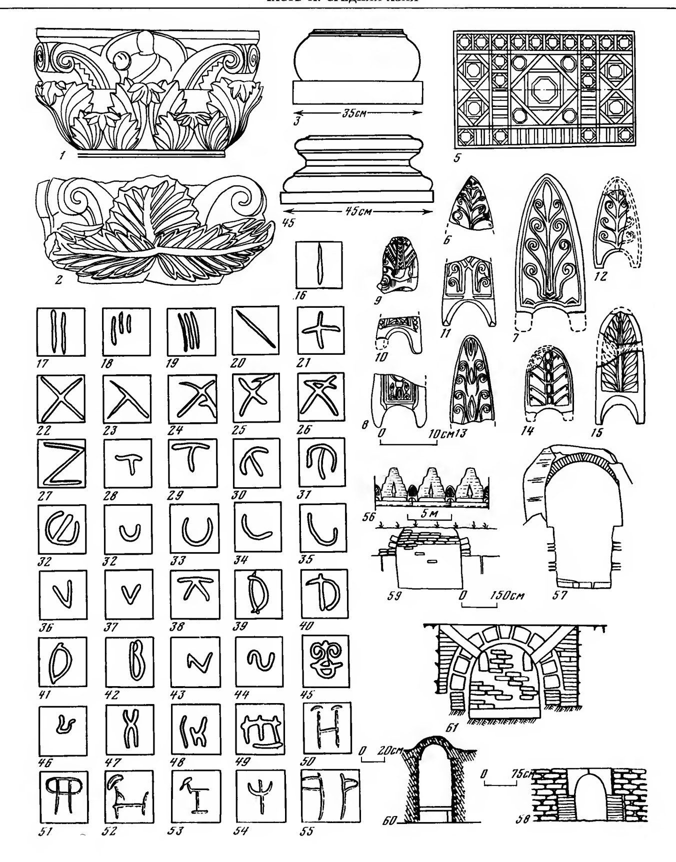


Таблица CXVIII. Типы архитектурных сооружений и детали архитектурного убранства Бактрии

1—4 — мергилистый известняк; *5* — дерево; *6—15* — терракота; *16—55* — сырцовые кирпичи со знаками; *58—61* — типы конструкций. Терракота, сырцовый и обожженный кирпич. *1* — Старый Термез; *2—4, 60* — Хатын-Рабад; *5, 7* — Дальверзинтепе; *6* — Культепе; *57—60, 61* — Айртам; *59* — здание у села Еш-Ленинчи; *51—56* — Кейкобадшах; *8—50* — Халчаян. Составитель В. М. Массон

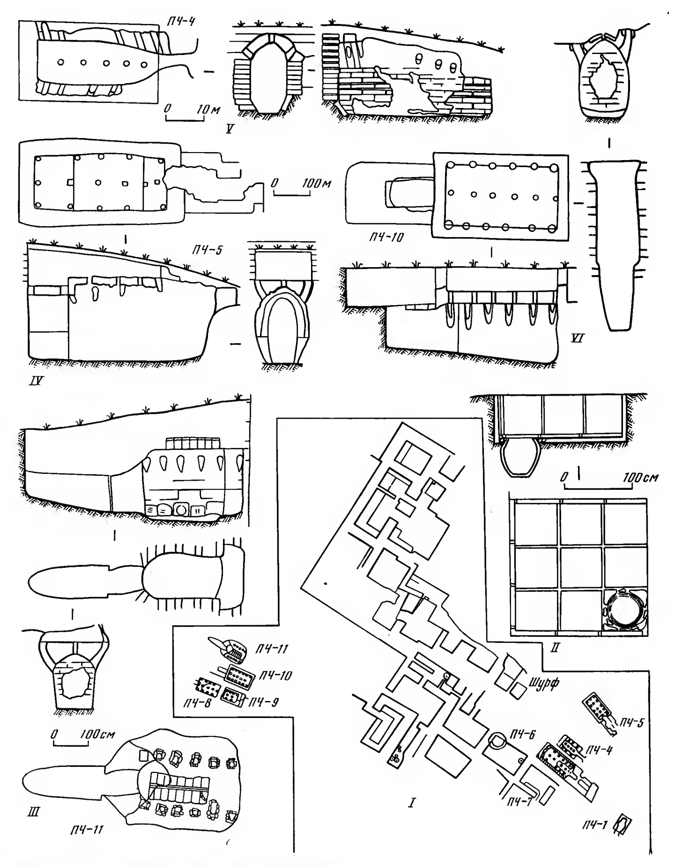
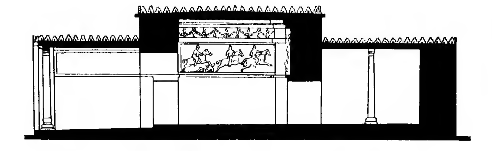
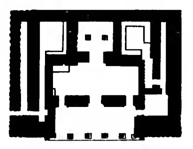


Таблица CXIX. Ремесленное производство Дальверзинтепе

I — план квартала керамистов; II — винодельня; III — керамическая печь *11*. План, разрезы; IV — керамическая печь *5*. План, разрезы; V — керамическая печь *4*. План, разрезы; VI — керамическая печь *10*. План, разрезы. Составитель Г. А. Кошеленко





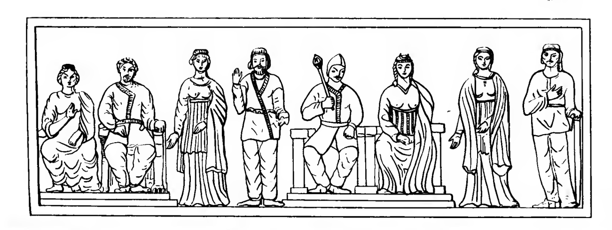


Таблица CXX. Архитектура и скульптура Халчаяна. Составитель В. М. Массон

Таблица CXXI. Глиняная и алебастровая скульптура Бактрии

1—5 — глина; *6* — алебастр; *1—2* — Халчаян; *3, 4* — Куевкурган; *5* — Дальверзин; *6* — Зартепе. Составитель В. М. Массон

Таблица CXXII. Настенная живопись Бактрии

1, 6 — Дальверзин, *2, 3* — Халчаян; *4, 5* — Каратепе. Составитель В. М. Массон

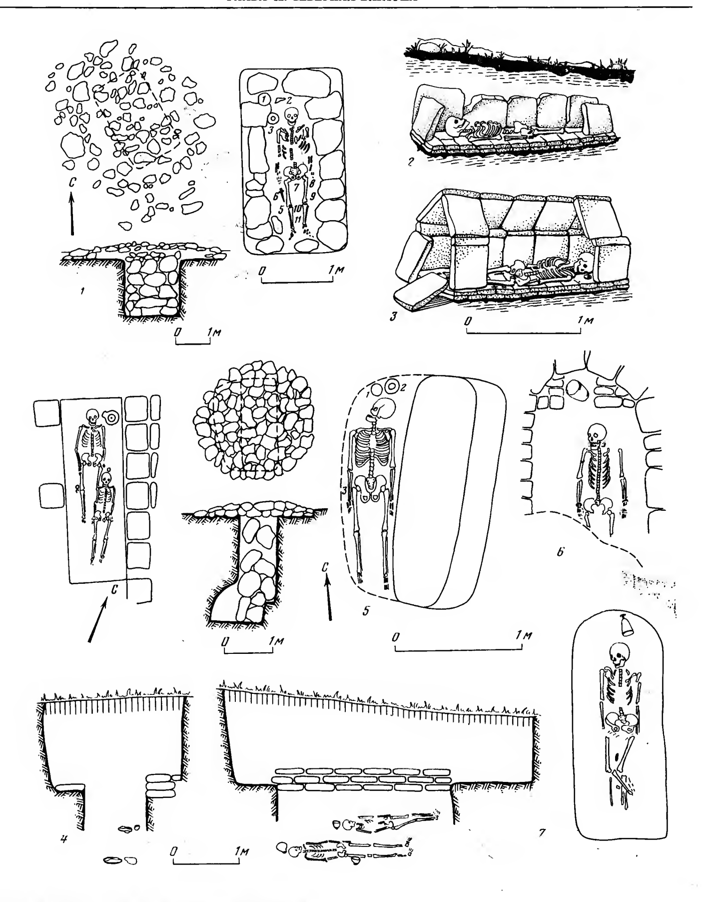


Таблица CXXIII. Типы могильных сооружений

1 — Тулхарский могильник, курган УП; *2, 3* — Душанбинский некрополь; *4* — Айртам, погребение *6*; *5* — Аруктауский могильник, курган VII, *2*; *6, 7* — могильнак Тупхона, погребение *85, 81*. Составитель В. М. Массон

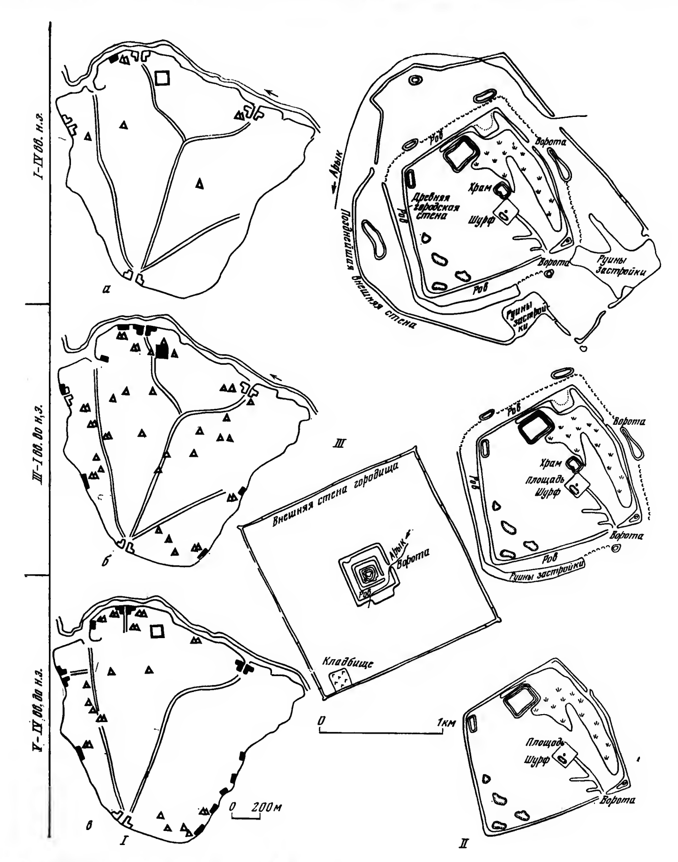


Таблица CXXIV. Эволюция типов поселений Согда

I — Самарканд; II — Еркурган; III — Калаи-Захоки-Марон.
Составители Г. В. Шишкина, Г. А. Кошеленко

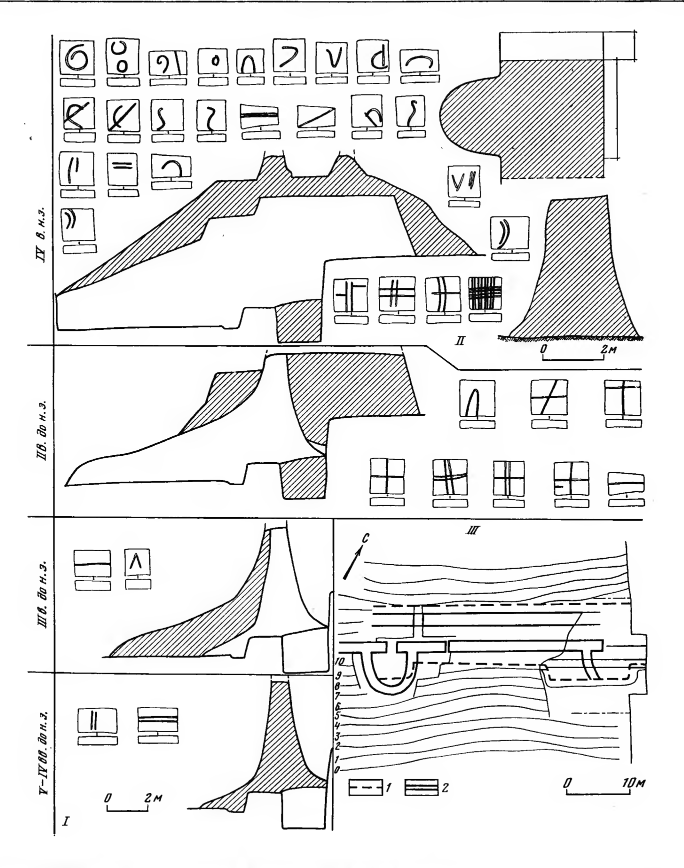


Таблица CXXV. Эволюция укреплений Еркургана. Клейма на кирпичах

I — внутренняя стена; II — внешняя стена; III — внутренняя оборонительная стена. Раскоп *12*, план: *1* — кладка стены V—IV вв. до н. э.; *2* — кладка стены III в. до н. э.; *3* — кладка стены II в. до н. э. Составитель Г. А. Кошеленко

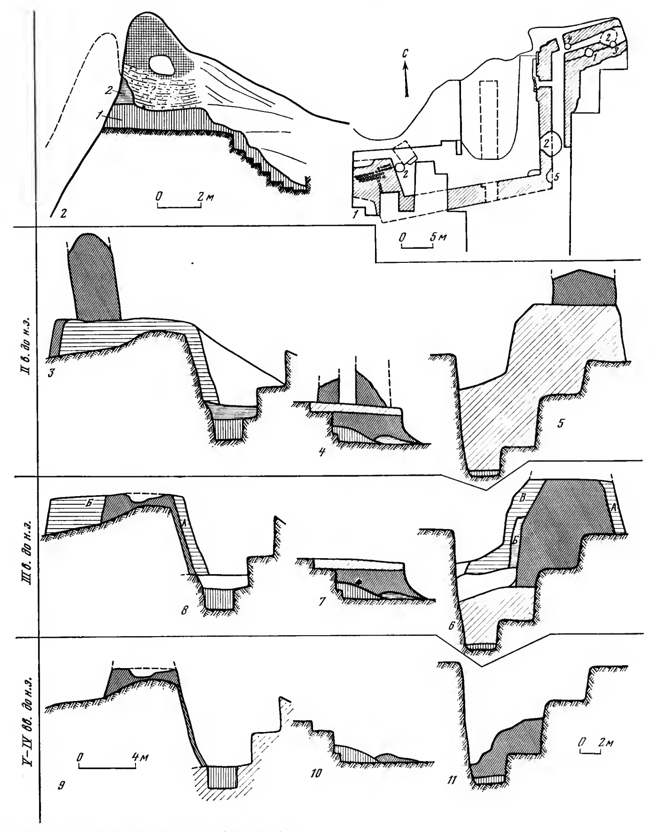


Таблица CXXVI. Укрепления Согда. Афрасиаб

1 — план северной части раскопа *6* по уровню древней крепостной стены; *2* — схема разреза *12А*; *3—11* — разрезы оборонительных стен Афрасиаба. Составители Г. В. Шишкина. Г. А. Кошеленко

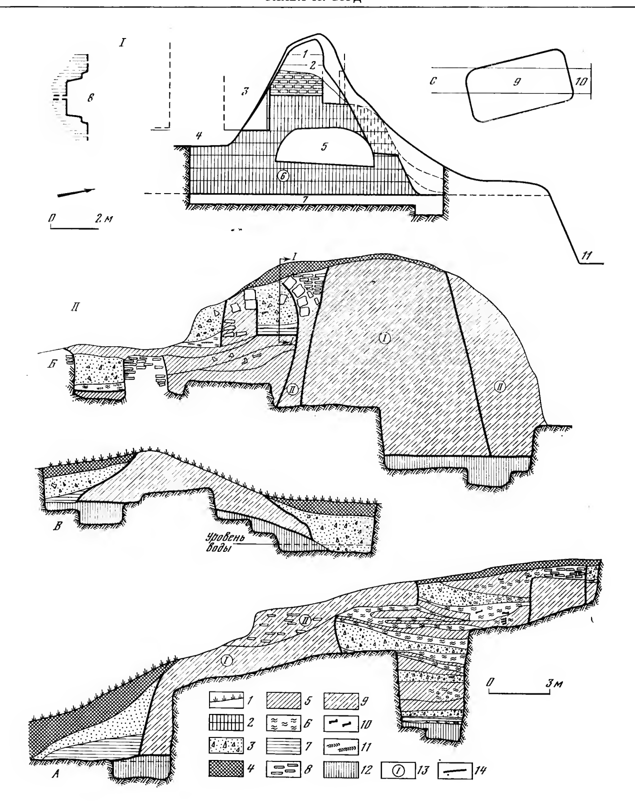


Таблица CXXVII. Укрепления Кашкадарьинского Согда

I — разрез крепостной стены древнего Кеша, III—II вв. до н. э.; *1* — пахса XVIII в.; *2* — патеки; *3* — внутристенный коридор; *4* — современный уровень; *5* — стрелковая камера; *6* — пахсовый цоколь; *7* — материк; *8* — оформление наружного фаса стены; *9* — стрелковая камера в плане; *10* — откос цоколя; *11* — уровень воды. II А—В — разрезы крепостных стен городища Калаи-Захоки-Марон: *1* — дерновый слой; *2* — твердая земля; *3* — завал стены; *4* — оплыв; *5* — рыхлая земля; *6* — зола; *7* — напосная земля; *8* — кирпичная кладка; *9* — пахсовая кладка; *10* — уголь; *11* — органические остатки; *12* — материк; *13* — строительные периоды (I — кладка II—I вв. до н. э.; II — кладка V в. н. э.); *14* — пол; *А* — разрез внутренней стены; *Б* — разрез средней стены; *В* — разрез внешней стены. Составитель Г. А. Кошеленко

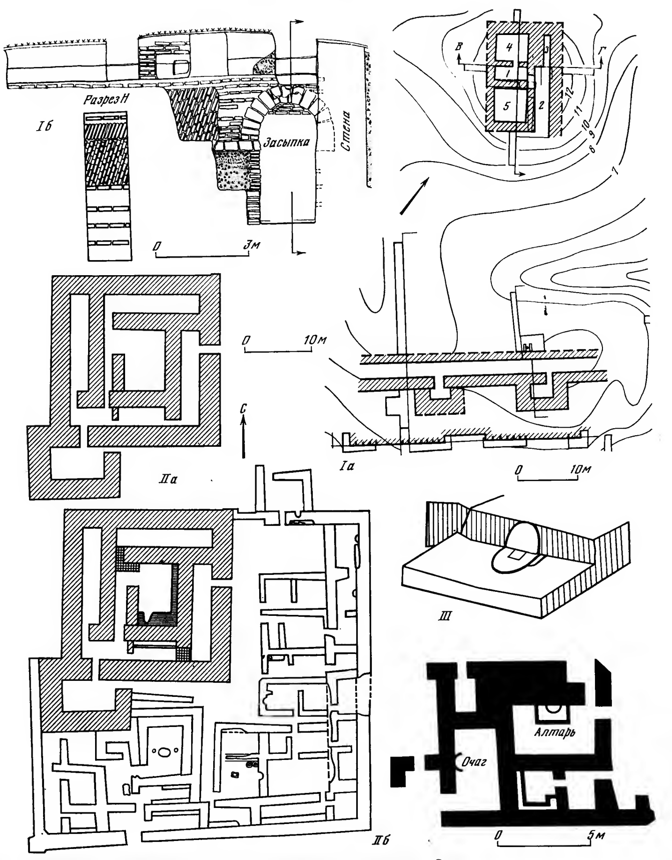


Таблица CXXVIII. Архитектура жилых и общественных сооружений Согда

I — дворец в цитадели Еркургана (план дворца, укрепления цитадели, элементы конструкции); II А, Б — два этапа существования здания на поселении Кызылкыр; III — жилой дом на Афрасиабе, план, пристенный алтарь — общий вид. Составитель Г. А. Кошеленко

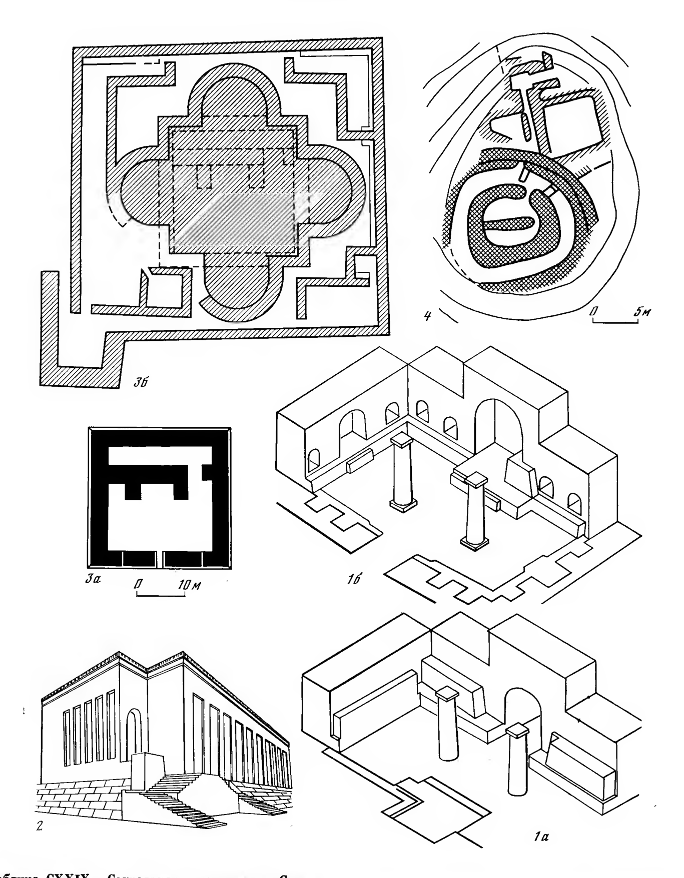


Таблица CXXIX. Сакральная архитектура Согда

1а, 1б — Еркурган. Храм. Два строительных периода. Аксонометрия; *2* — Еркурган. Дахма. Реконструкция; *3а, 3б* — Сеталк I. Святилище. Планы. Первый и второй строительные периоды; *4* — Киндаклитепа. Святилище. Два строительных периода. Составители Р. Сулейманов, Г. А. Кошеленко

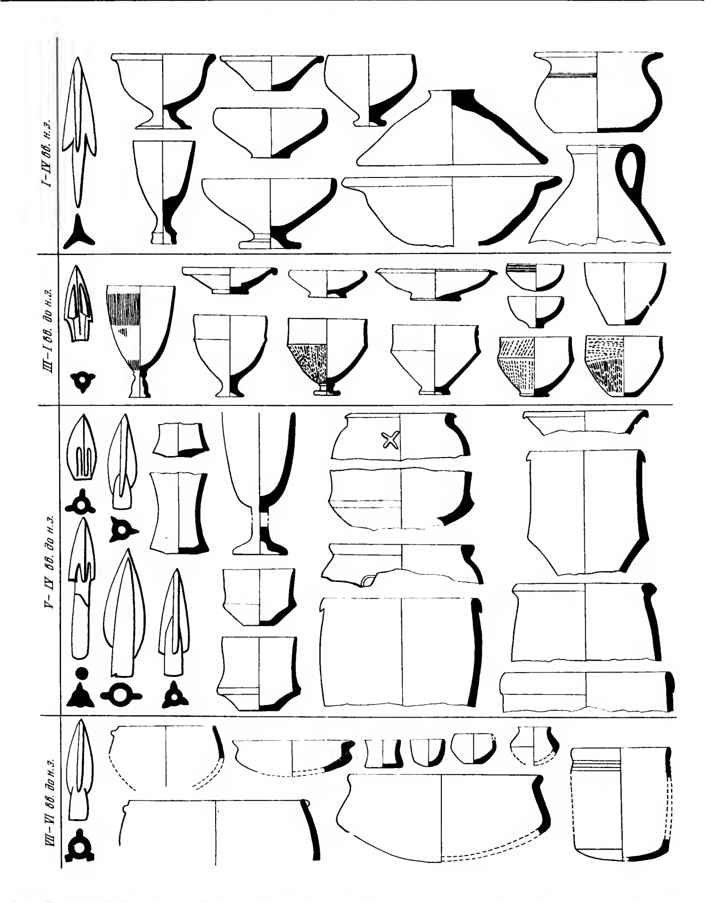


Таблица CXXX. Самарканд. Эволюция керамики и наконечников стрел. Составитель Г. В. Шишкина

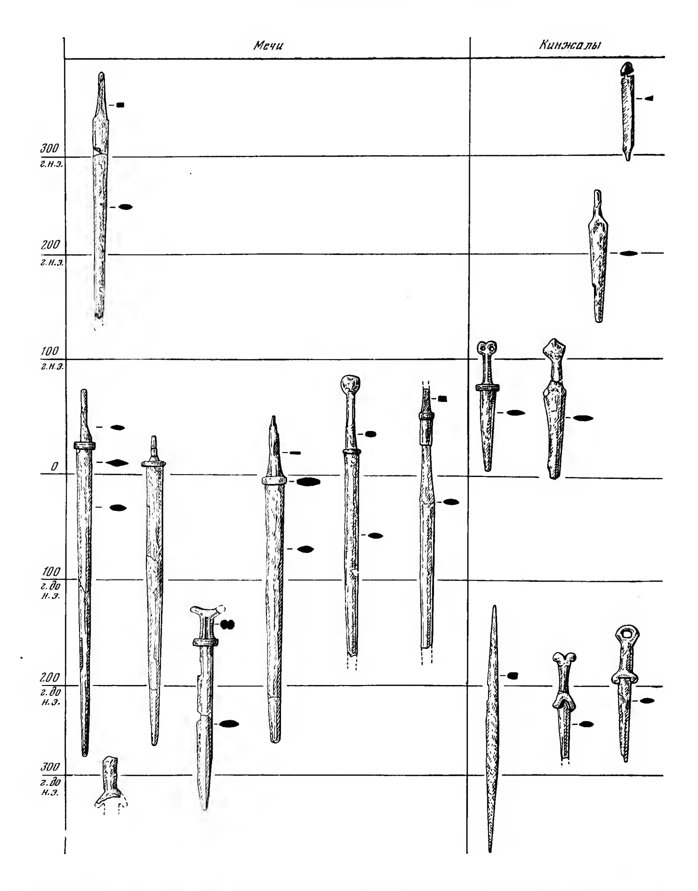


Таблица CXXXI. Мечи и кинжалы из курганов Согда. Эволюция (по О. В. Обельченко). Составитель Г. А. Кошеленко

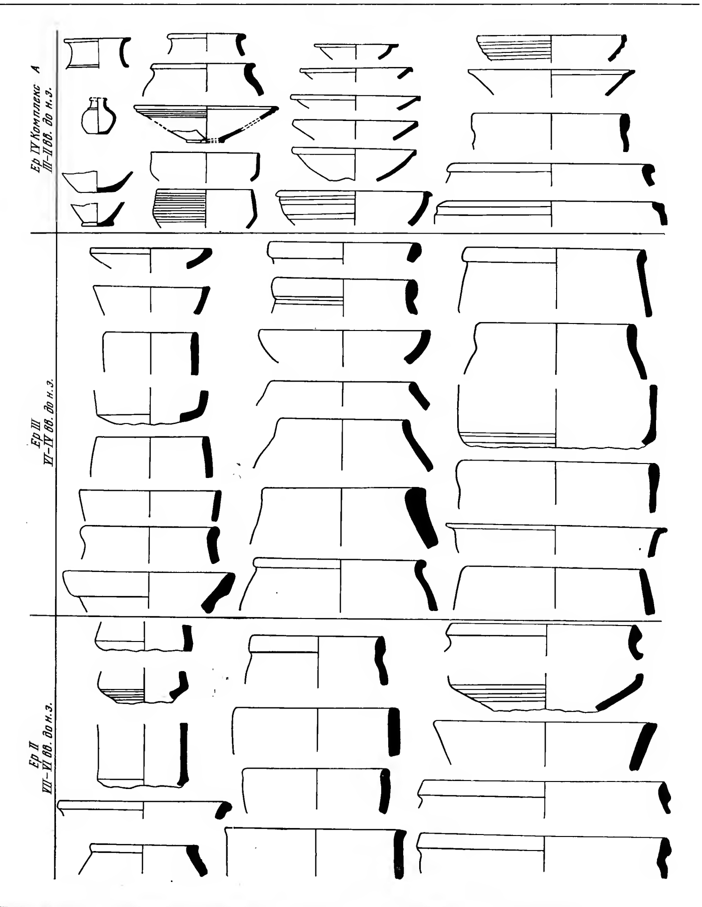


Таблица CXXXII. Керамика Еркургана, VII—II вв. до н. э. Составитель Г. А. Кошеленко

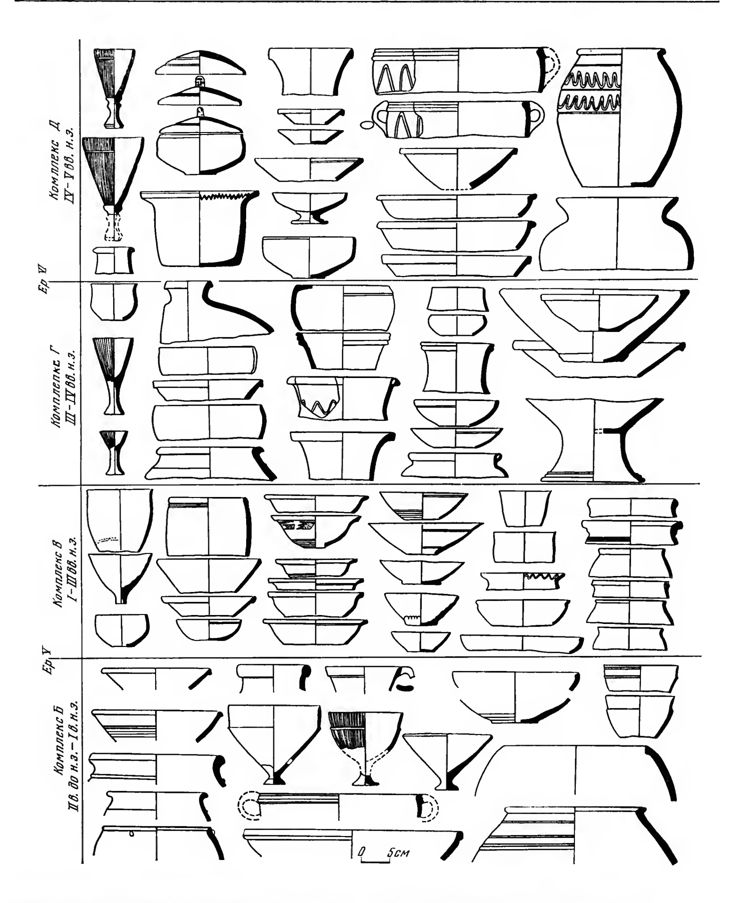


Таблица CXXXIII. Керамика Еркургана, II в. до н. э. — V в. н. э. Составитель Г. А. Кошеленко

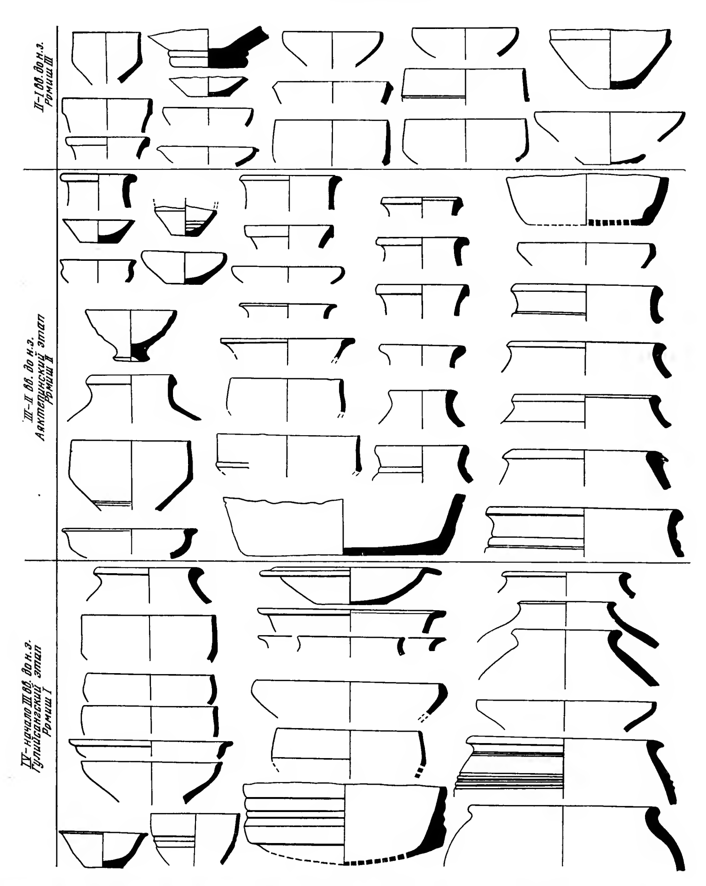


Таблица CXXXIV. Керамика Бухарского Согда, IV—I вв. до н. э. Составитель Г. А. Кошеленко

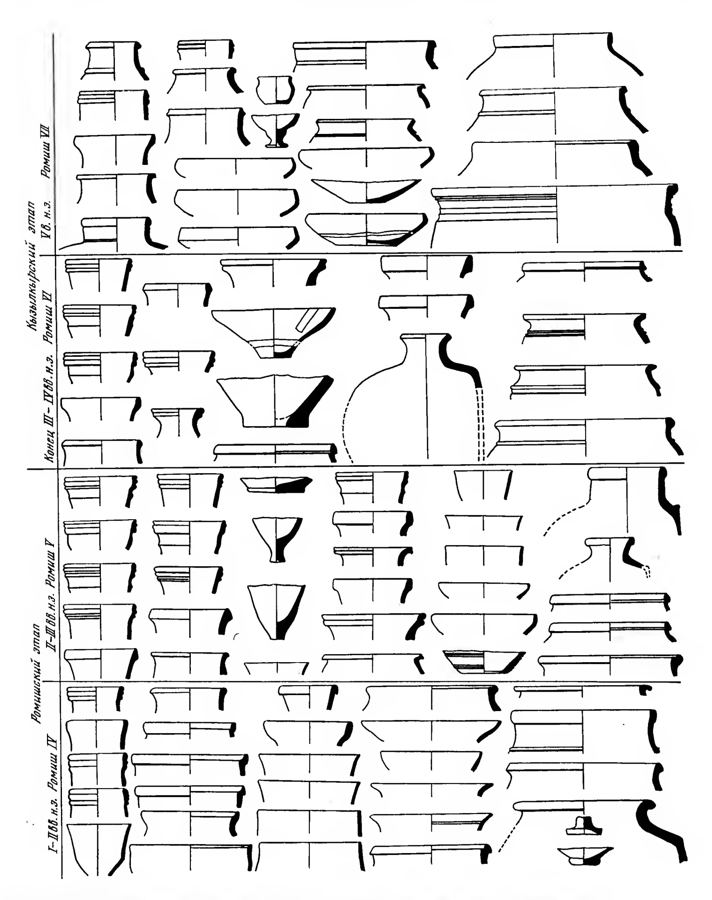


Таблица CXXXV. Керамика Бухарского Согда I—V вв. н. э. Составитель Г. А. Кошеленко

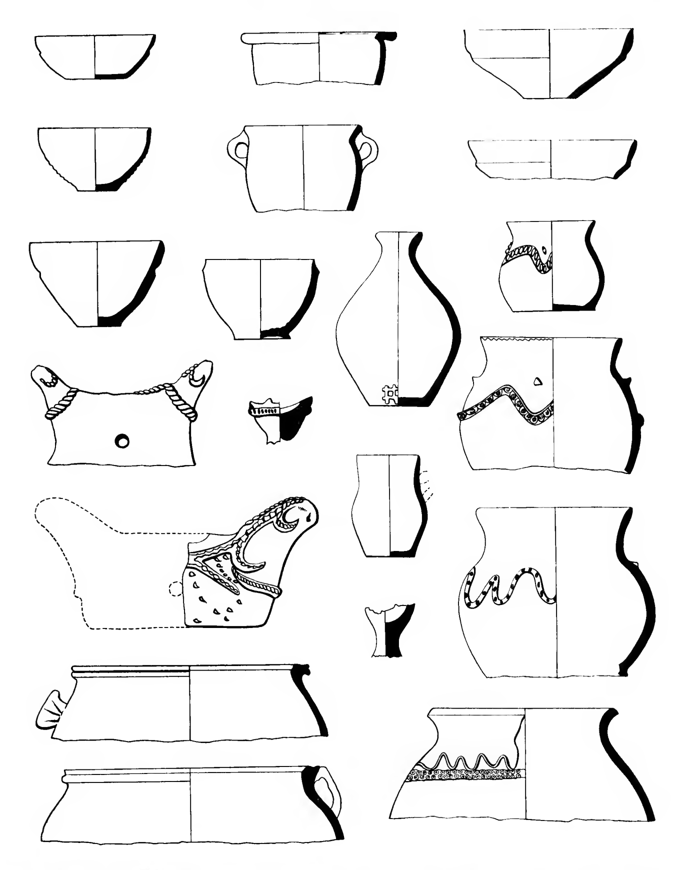
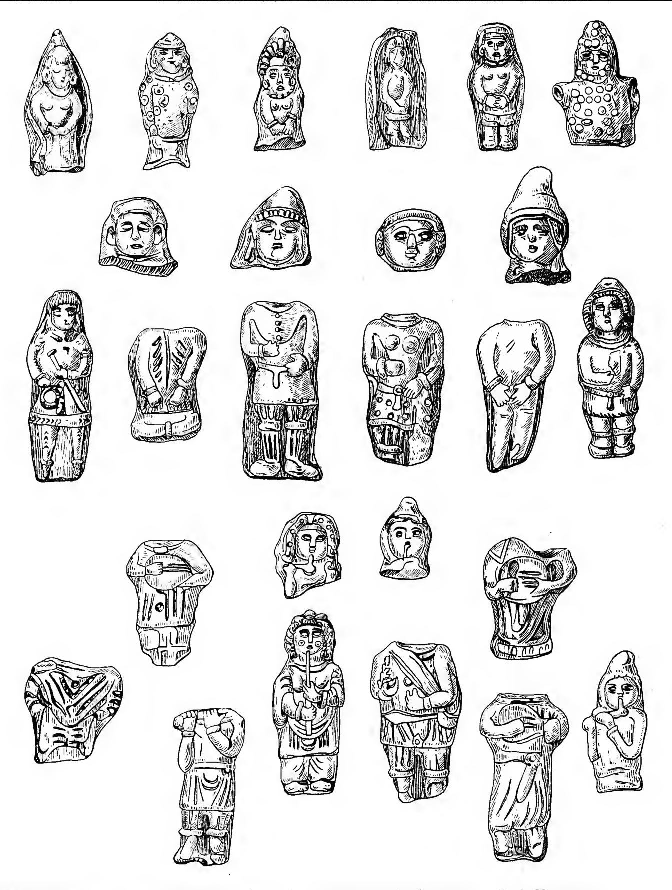


Таблица CXXXVI. Керамика поселения Кызылкыр I. Составители Р. Сулейманов, Г. А. Кошеленко

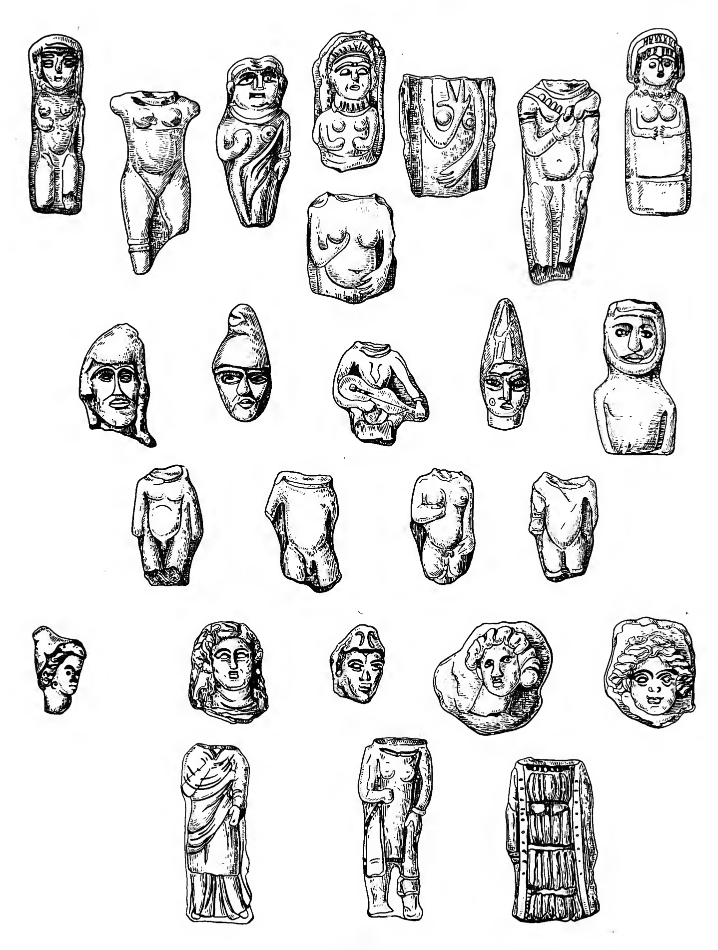
Таблица CXXXVII. Произведения искусства из раскопок Еркургана

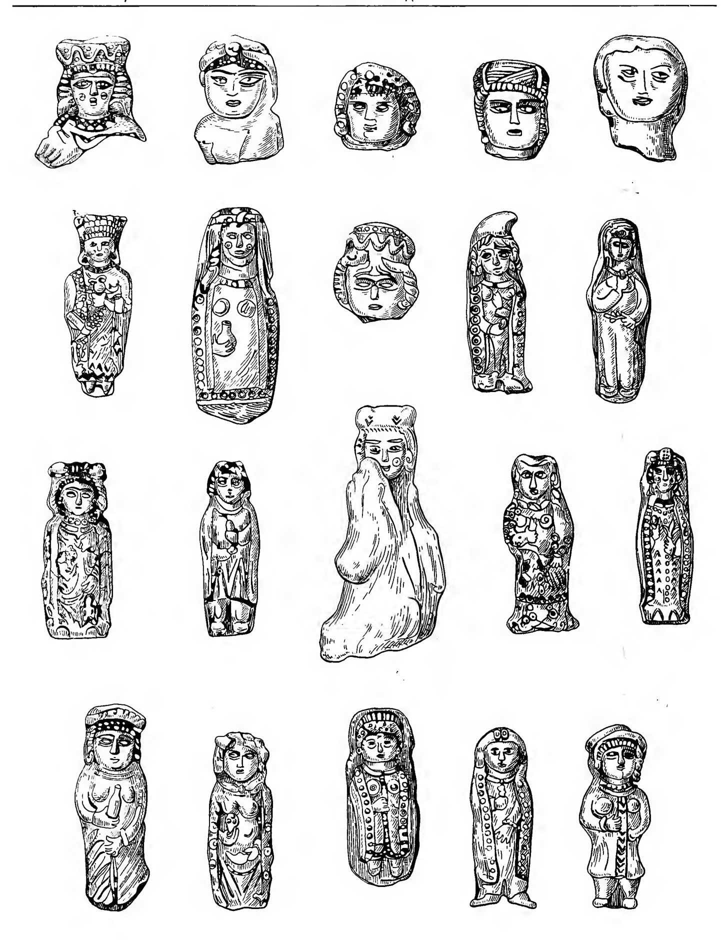
1—4 — золотые подвески; *5* — золотой предмет; *6* — терракотовый рельеф; *7* — золотая пластинка; *8* — каменная статуэтка; *9* — золотое изображение ежа; *10* — оттиск печати; *11* — бронзовое зеркало; *12* — живопись на колонне храма. Составитель Р. Сулейманов

Таблица CXXXVIII. Терракотовые статуэтки и налепы на керамике из раскопок в Еркургане. Составитель Р. Сулейманов



Таблицы CXXXIX — CXLII. Терракоты Согда (по В. Мешкерис). Составитель Г. А. Кошеленко





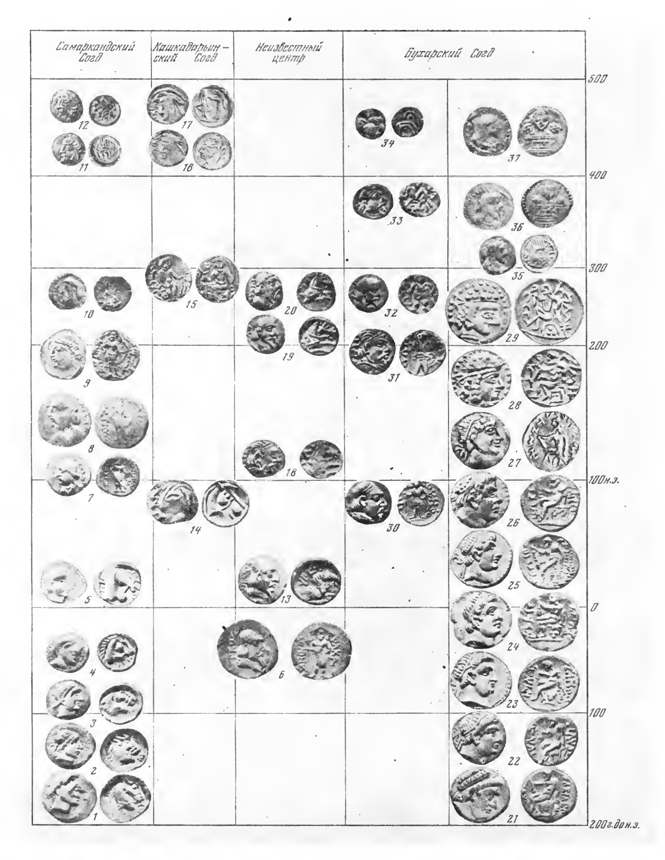


Таблица CXLIII. Денежное обращение Согда. Составители Е. В. Зеймаль, А. Б. Никитин, Г. А. Кошеленко

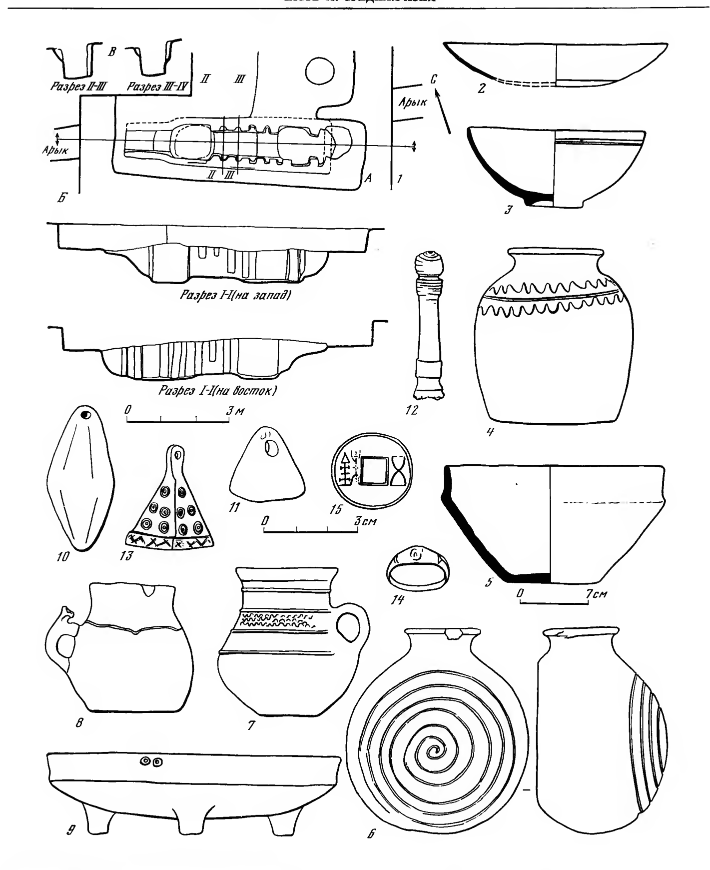


Таблица CXLIV. Уструшанский комплекс

1 — керамическая печь в Мунчактепе. Первые века н. э. *А* — план, *Б* — продольные разрезы; *В* — поперечные разрезы; *2*—*9* — керамика из раскопок Мунчактепе и могильника Ширинсай (*5* — Мунчактепе; *3, 5, 9* — изготовлена на гончарном круге; *2, 4, 6*—*8* — лепная); *10*—*14* — украшения (*10* — пронизь из роговика; *11* — подвеска из змеевика; *12* — бронзовая рукоятка ножа; *13* — бронзовый колокольчик; *14* — бронзовый перстень); *15* — китайская монета типа у-ши. Составитель Г. А. Кошеленко

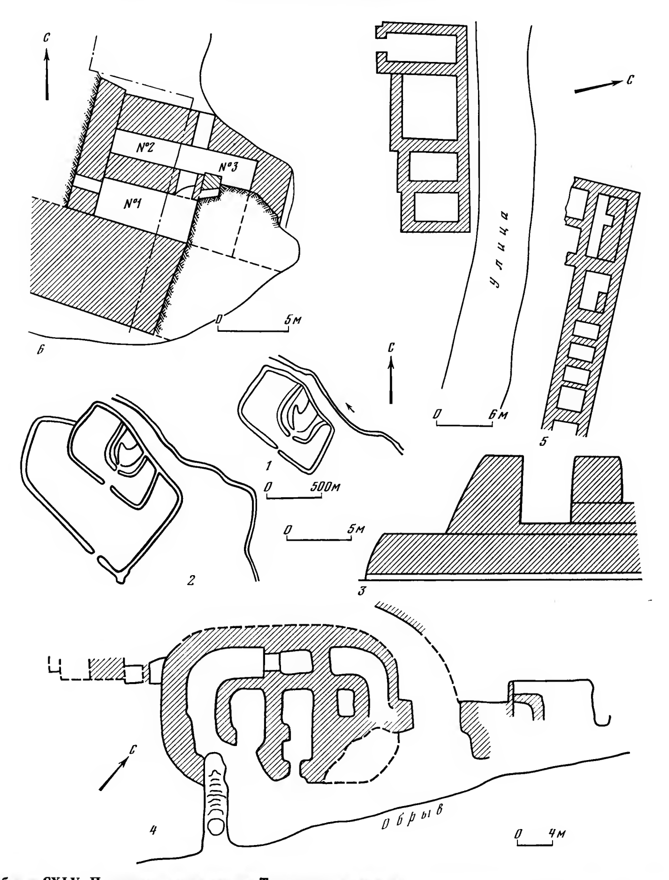


Таблица CXLV. Поселения и архитектура Ташкентского оазиса

1, 2 — схема городища Канка. Два этапа развития. *3* — городские стены Канки, разрез, ранний этап; *4* — план дворцового здания на городище Актобе *2* (Чардара); *5* — Кендыктепе, раскоп 6, городская застройка; *6* — Минг-Урюк. Комплекс помещений у городской стены. Составитель Г. А. Кошеленко

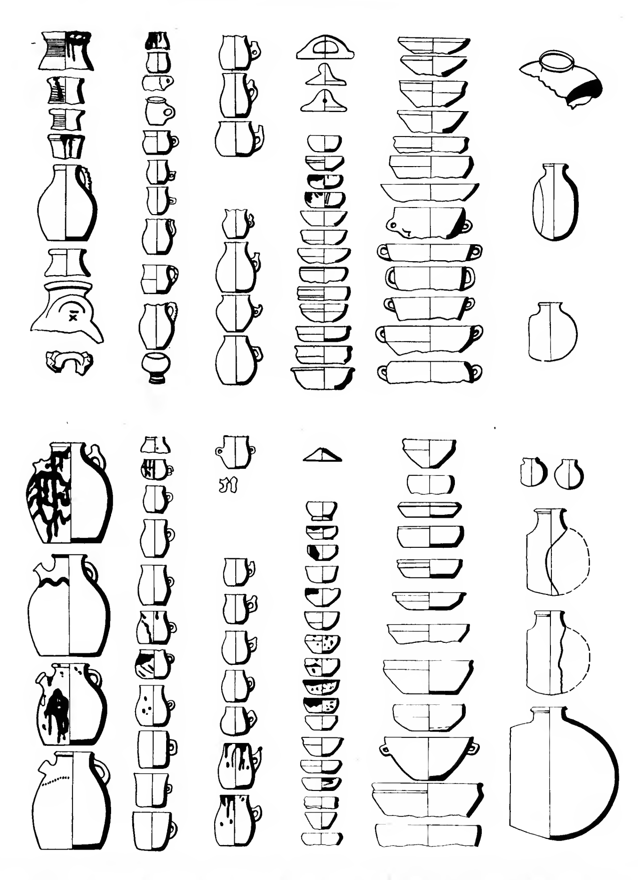


Таблица CXLVI. Керамика Ташкентского оазиса. Комплекс Каунчи I (внизу) и Каунчи II (вверху). Составитель Г. А. Кошеленко

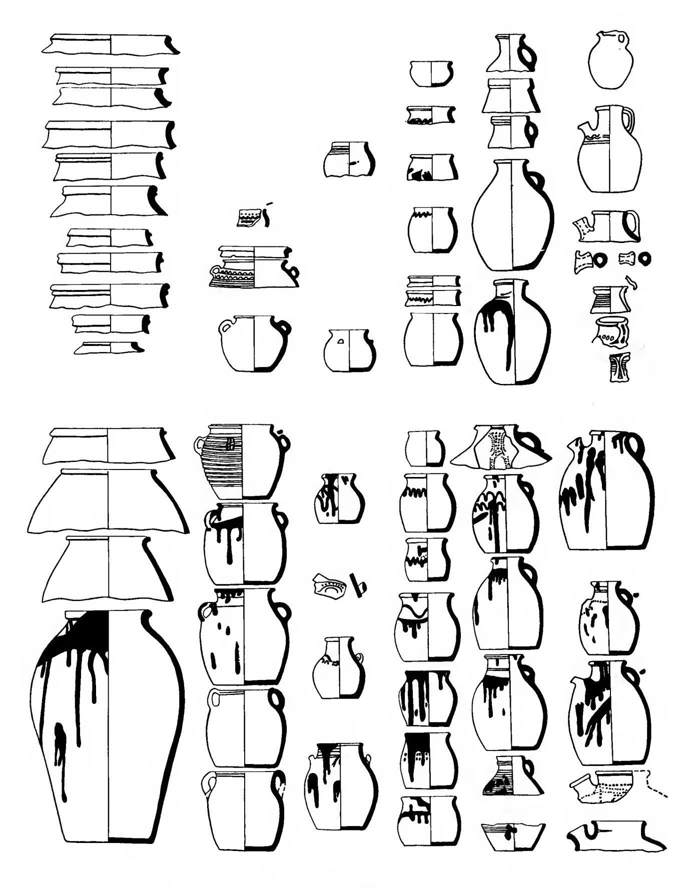


Таблица CXLVII. Керамика Ташкентского оазиса. Комплекс Каунчи I (внизу) и Каунчи II (вверху). Составитель Г. А. Кошеленко

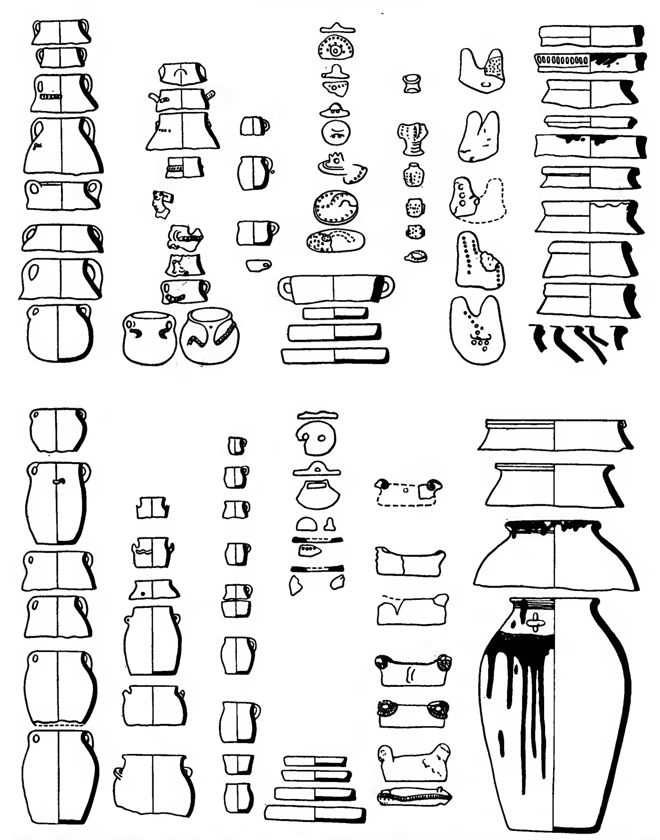


Таблица CXLVIII. Керамика Ташкентского оазиса. Комплекс Каунчи I (внизу) и Каунчи II (вверху). Составитель Г. А. Кошеленко

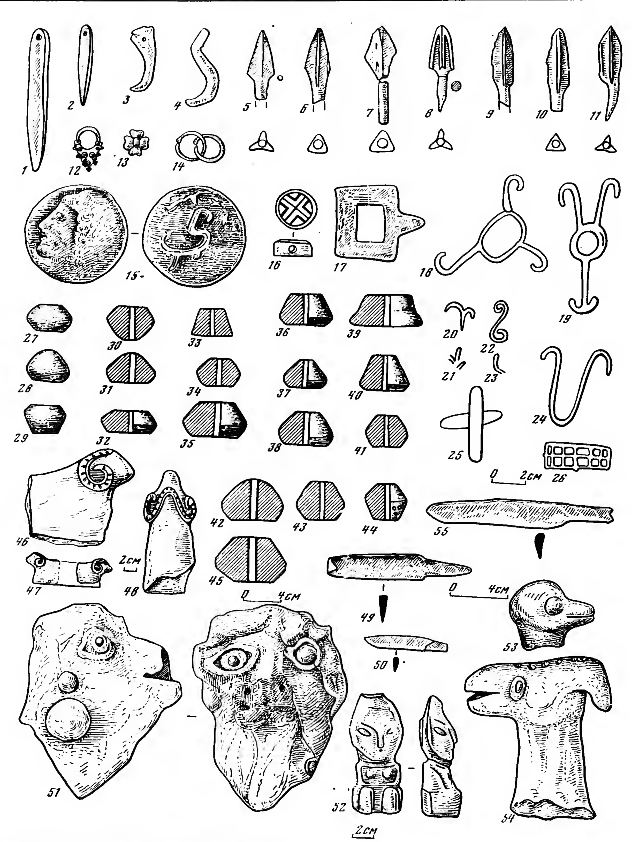


Таблица CXLIX. Культура Ташкентского оазиса

1, 2 — набор для сурьмташа; *3, 4* — железные крючки; *5—11* — железные наконечники стрел; *12* — золотая серьга; *13* — золотая бляшка; *14* — бронзовые колечки; *15* — бронзовая монета; *16* — глиняная печать; *17* — костяная пряжка; *18—26* — знаки на керамике; *27—45* — каменные пряслица; *46—48* — фрагментированная подставка под вертел; *49, 50, 55* — железные ножи; *51* — глиняная головка быка; *52* — алебастровая статуэтка; *53* — глиняная головка птицы; *54* — глиняная головка идола. Составитель Г. А. Кошеленко

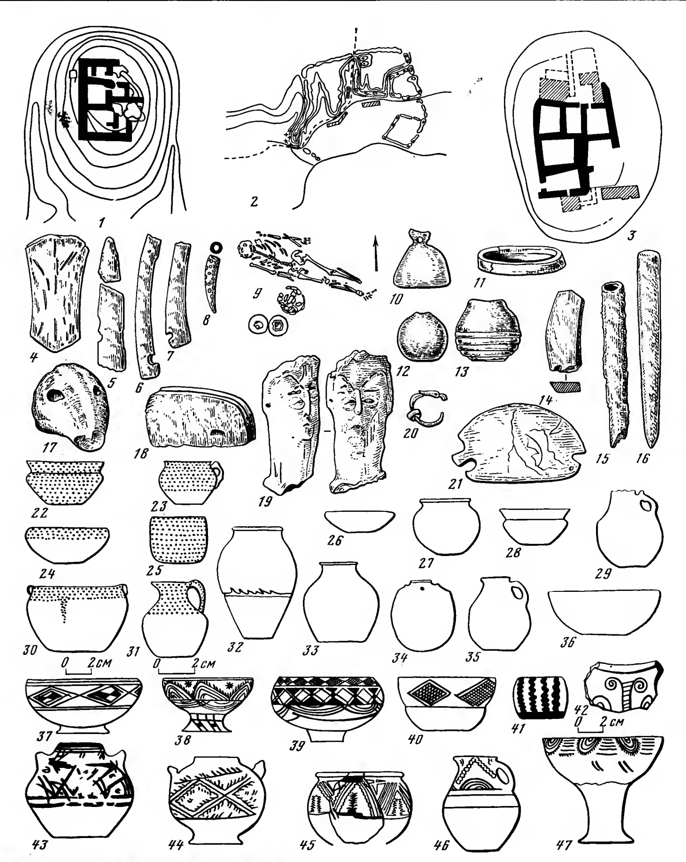


Таблица CL. Фергана. Шурабашатский этап

1 — Мирзалимтепе; *2* — городище Шурабашат; *3* — Хожамбагтепе; *4—8* — изделия из кости и рога; *9* — погребения в валу Шурабашата; *10* — бронзовый колокольчик; *11* — очажная подставка; *12, 13* — керамические прясла; *14* — каменное точило; *15* — фрагмент железного орудия труда; *16* — сурьматаш; *17* — керамический налеп; *18* — каменное точило; *19* — керамический налеп; *20* — бронзовая серьга; *21* — фляга; *22—36* — керамика; *37—47* — расписная керамика. Составитель Ю. А. Заднепровский

Таблица CLI. Фергана. Мархаматский комплекс I — IV вв. н. э.

1 — городище Мархамат; *2* — Гайраттепе; *3* — городище Куюктепе; *4* — цитадель Биловура; *6, 7* — аравапские изображения коней; *8, 13, 14, 17* — красноангобированная керамика; *5, 9, 15, 16, 20* — керамика с процарапанным орнаментом; *11, 18* — расписная; *21, 22* — станковая; *23* — хум; *24* — вьючная фляга; *25—29* — изделия из железа (ножи, наконечники стрел); *31* — серебряное блюдо; *32* — сурьмташ; *33—39* — альчики, раковины каури; *40, 41* — игральные кости; *42* — привозная костяная поделка с изображением. Составитель Ю. А. Заднепровский

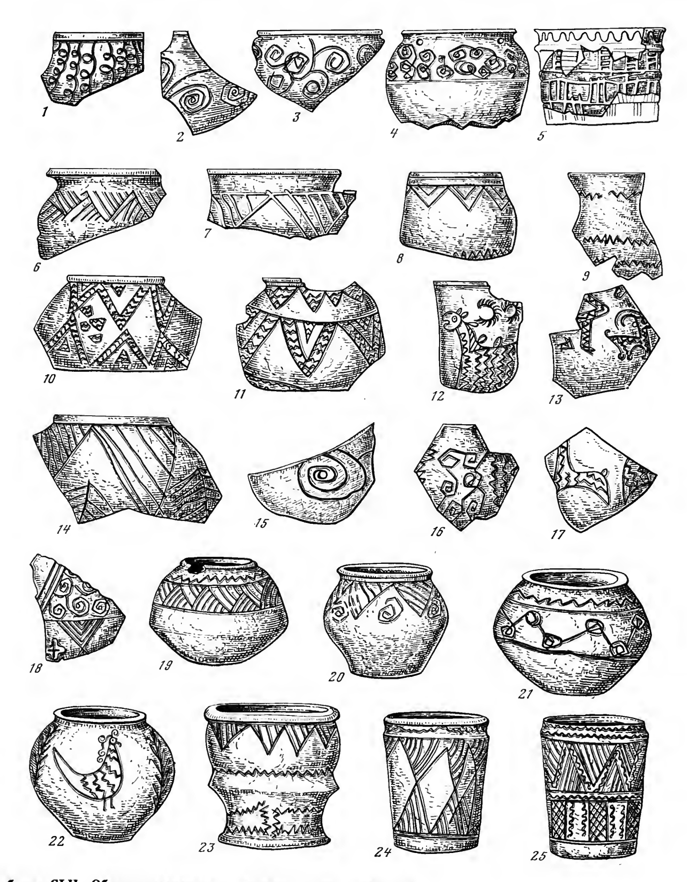


Таблица CLII. Образцы керамики с процарапанным орнаментом

1, 3, 7, 8, 11, 14, 18 — тепе Учкурганской степи; *2, 4, 5, 6, 9, 15, 20* — городище Биловуртепе; *10, 23* — городище Куюктепе; *12, 13, 17* — поселение Мунчактепе (у Мархамата); *19, 21, 22, 24* — Большой Ферганский канал; *25* — городище Мунчактепе. Составитель Ю. А. Заднепровский

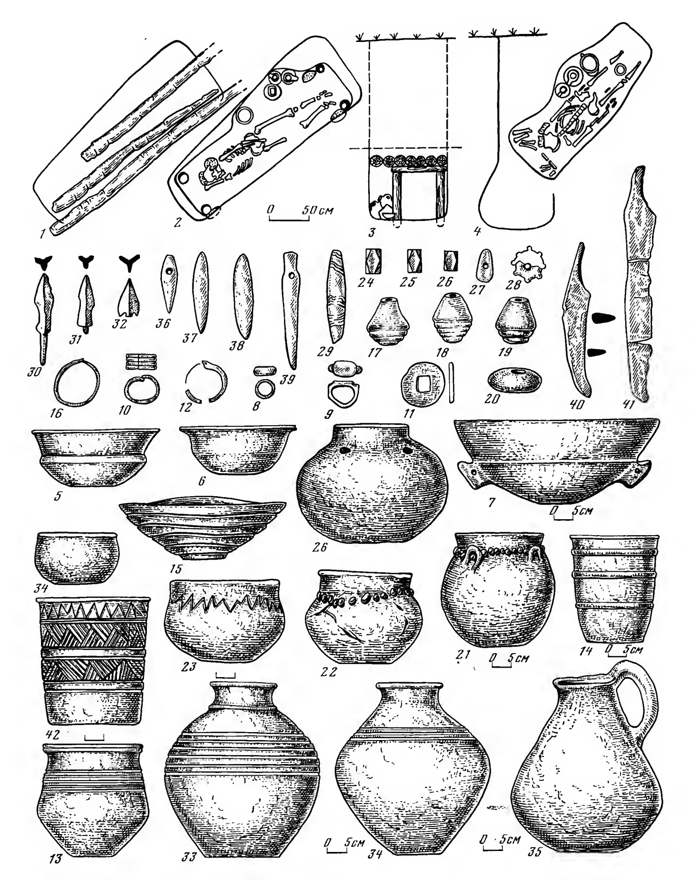


Таблица CLIII. Могильник Темир-Коруг

1—2 — погребение *30*; *3, 4* — погребение *31*; *5—7, 13—15, 33, 34* — красноангобированные сосуды; *8—10, 12* — изделия из бронзы; *11* — восточная монета; *17—19, 24—29* — бусы; *21—23, 35* — лепные сосуды; *30—32, 40, 41* — изделия из железа; *33—42* — сосуды с процарапанным орнаментом; *36—37* — изделия из кости. Составитель Ю. А. Заднепровский

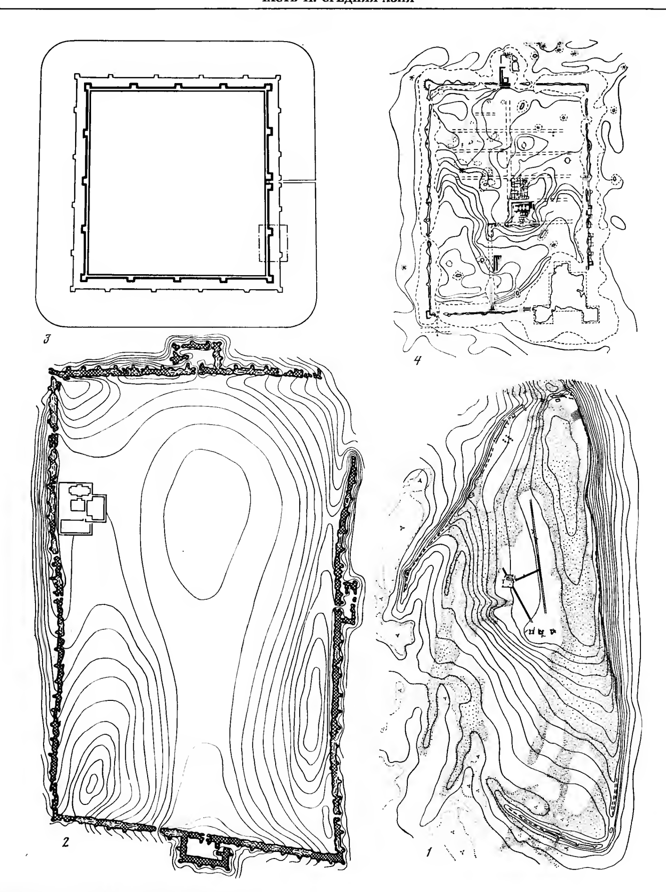


Таблица CLIV. Планы городищ Хорезма

1 — Кюзели-гыр, архаический период; *2* — Калалигыр, IV в. до н. э.; *3* — Хазарасп — крепость IV—II вв. до н. э.; *4* — городище Топрак-кала. Составитель А. Б. Никитин

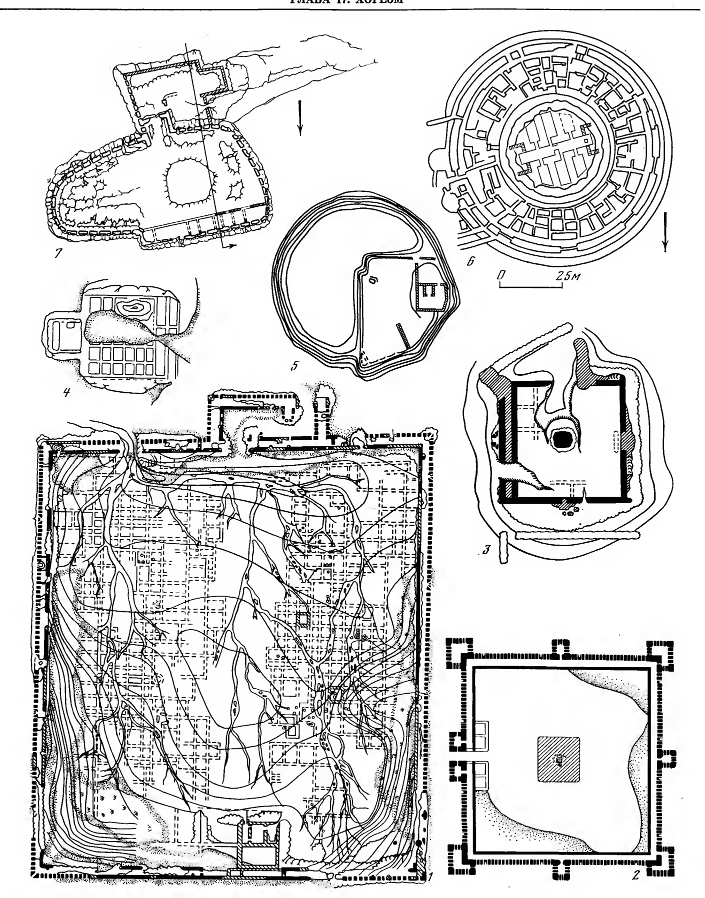


Таблица CLV. Планы крепостей и городищ Хорезма

1 — Джанбаскала; *2* — Ангкакала; *3* — Кюнерликала; *4* — Актепе; *5* — Малый Кырк-Кыз; *6* — Кой-Крылганкала; *7* — Аяз-кала 2. Составитель А. Б. Никитин

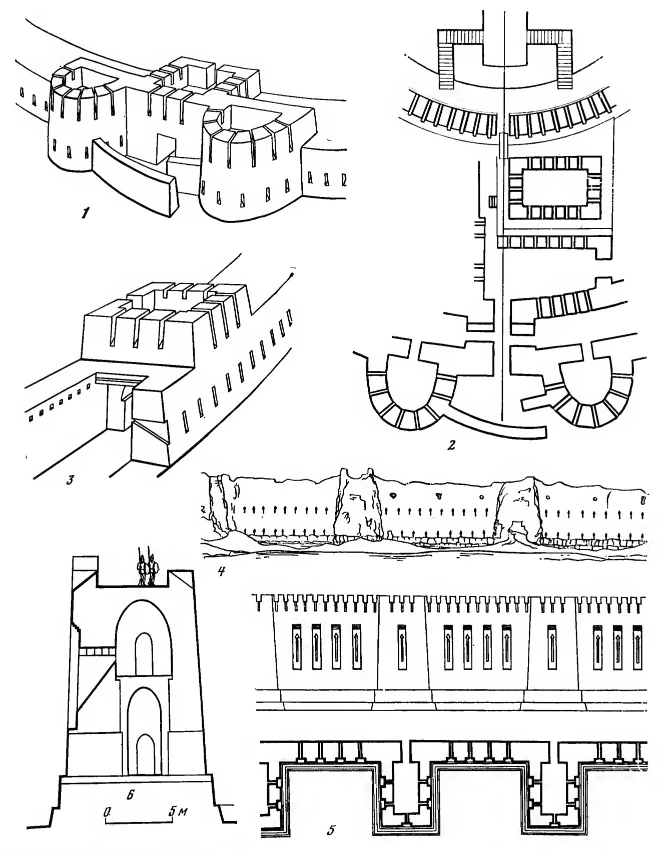


Таблица CLVI. Фортификация Хорезма

1—2 — предвратные укрепления Кой-Крылганкала (*1* — реконструкция, *2* — план); *3* — реконструкция внешних стен и башни Кой-Крылганкала; *4* — стены и башни Гяуркала (Султануиздаг); *5* — стены городища Топрак-кала; *6* — разрез стены городища Топрак-кала (реконструкция). Составитель А. Б. Никитин

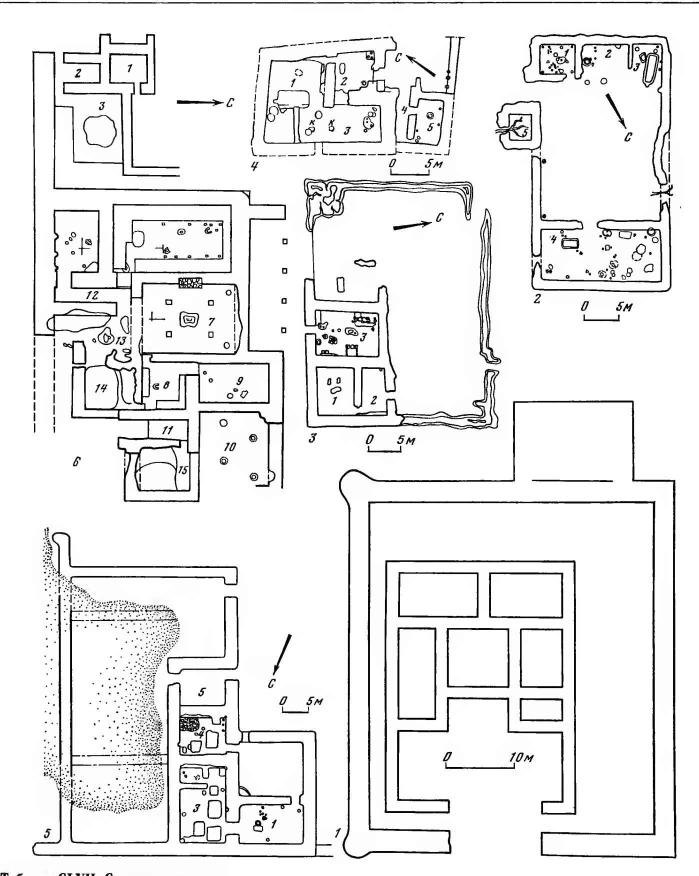


Таблица CLVII. Сельские жилища

1 — здание Турпаккала; *2—4* — сельские дома Джанбаскалинского оазиса; *5, 6* — сельские дома-усадьбы в районе Аязкала. Составитель А. Б. Никитин

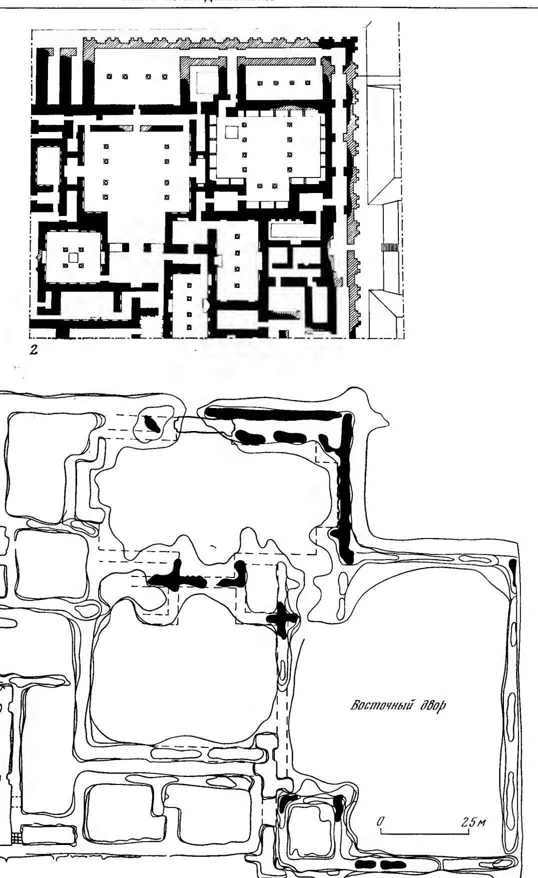


Таблица CLVIII. Дворцовые сооружения

1 — дворец городища Калалыгыр IV в. до н. э.; *2* — дворец-храм городищ Топраккала, III в. н. э. Составитель А. Б. Никитин

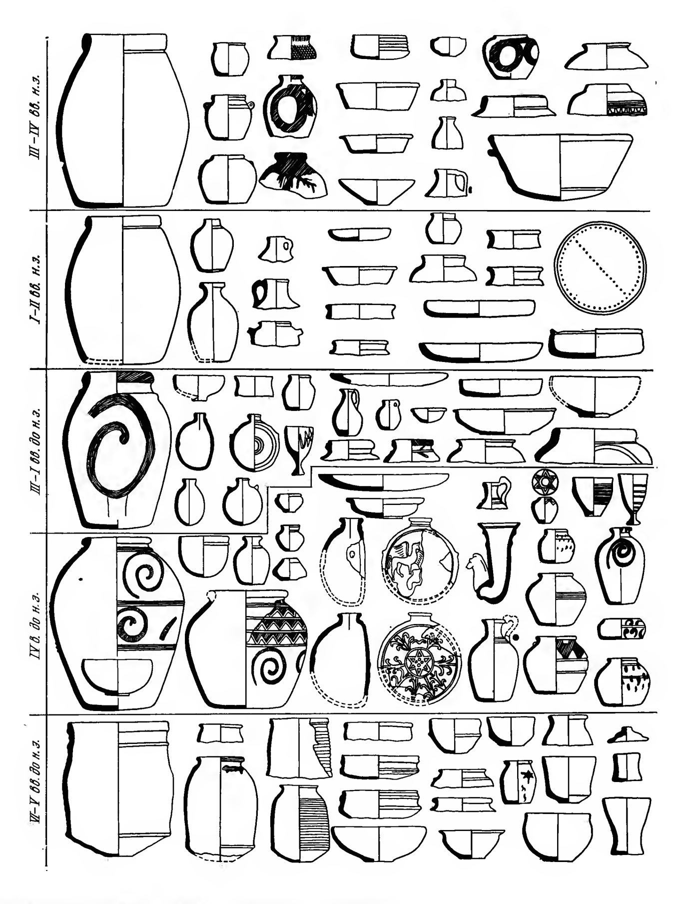


Таблица CLIX. Керамика Хорезма. Составитель А. Б. Никитин

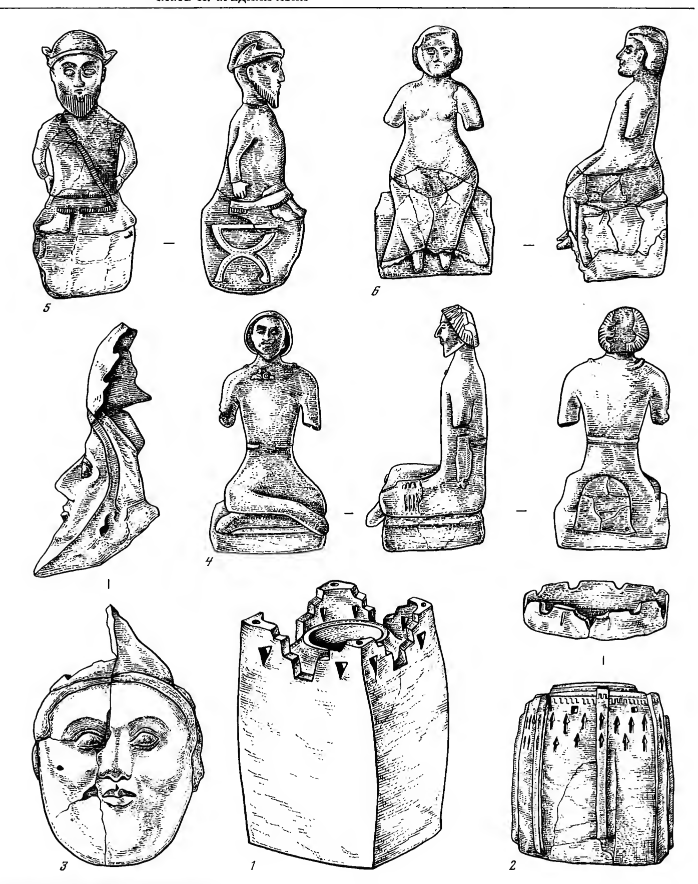


Таблица СХ. Оссуарии Хорезма

1 — башнеобразный оссуарий; *2* — башнеобразный оссуарий, поселение близ Джанбаскалы; *3* — керамическая маска из окрестностей Кой-Крылганкала; *4* — статуарный оссуарий, усадьба северо-восточнее Кой-Крылганкала; *5* — статуарный оссуарий в виде сидящего мужчины (точка *13/70*); *6* — оссуарий в виде сидящей женщины, Кой-Крылганкала. Составители А. Б. Никитин, В. Ягодин

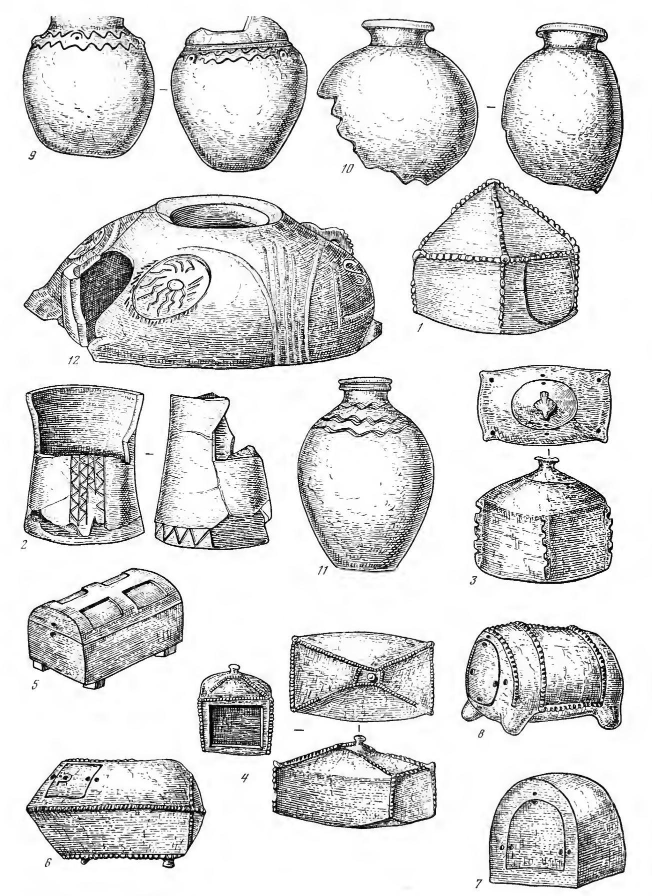


Таблица CLXI. Оссуарии Хорезма

1 — ящичный оссуарий, Кой-Крылганкала; *2* — основание статуарного оссуария, Кой-Крылганкала; *3—8* — керамические, алебастровые и каменные ящичные оссуарии некрополя Калалыгыр; *9—11* — оссуарии-сосуды; *12* — алебастровый ящичный оссуарий. Составители А. Б. Никитин, В. Ягодин

Таблица CLXII. Скульптура древнего Хорезма

1 — скульптурный портрет мужчины в островерхой шапке с Гяуркала; *2—10* — фрагменты алебастровой и глиняной скульптуры топрак-калинского дворца (*2, 3, 6* — скульптурные портреты, *4* — барельеф с головой оленя, *5* — голова «темнокожего воина», *7* — голова дионисийского персонажа, *8* — голова «супруги царя Вазамара», *9* — женские фигуры, *10* — рукоять меча, фрагмент скульптуры, *11* — статуэтка из слоновой кости с городища Топрак-кала). Составитель А. Б. Никитин

Таблица CLXIII. Живопись древнего Хорезма

1 — Кой-Крылганкала. Фрагмент росписи с изображением лучника. IV—I вв. до н. э.; *2—8* — фрагменты росписей залов топрак-калинского дворца (*3* — царь-жрец со свитками; *5* — «Арфистка», *8* — фазан). III в. н. э. Составитель А. Б. Никитин

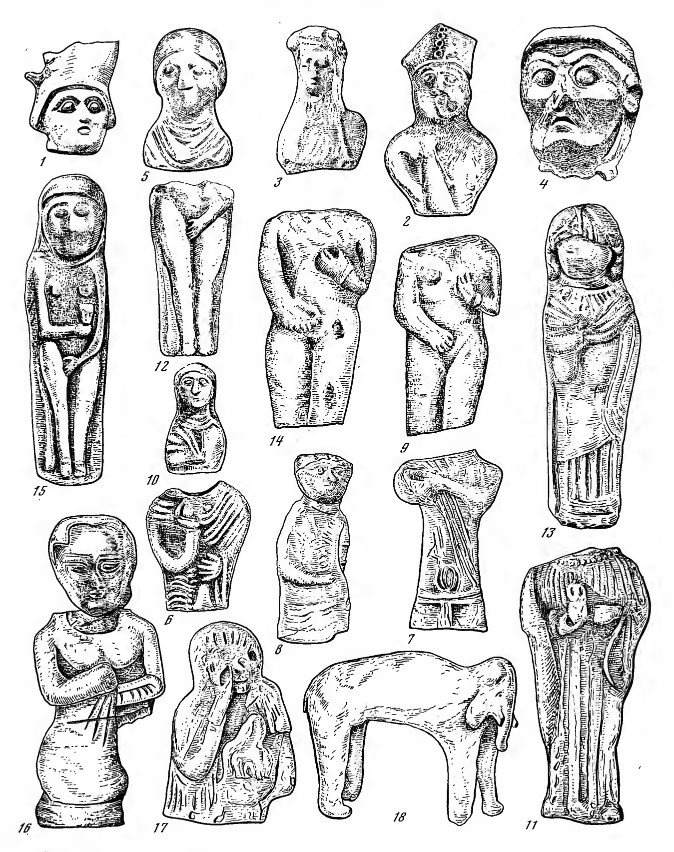


Таблица CLXIV. Терракота Хорезма

1, 2 — головы мужских статуэток; *3* — дионисийский персонаж; *4* — голова старухи из окрестностей Кой-Крылганкала; *5—8, 10, 11, 13* — статуэтки хорезмийских богинь; *9, 12, 14* — обнаженные богини; *15* — богиня с кубком; *16* — статуэтка сидящей богини (Кой-Крылганкала); *17* — обезьяна (Кой-Крылганкала); *18* — изображение слона из Гяуркалы. Составитель А. Б. Никитин

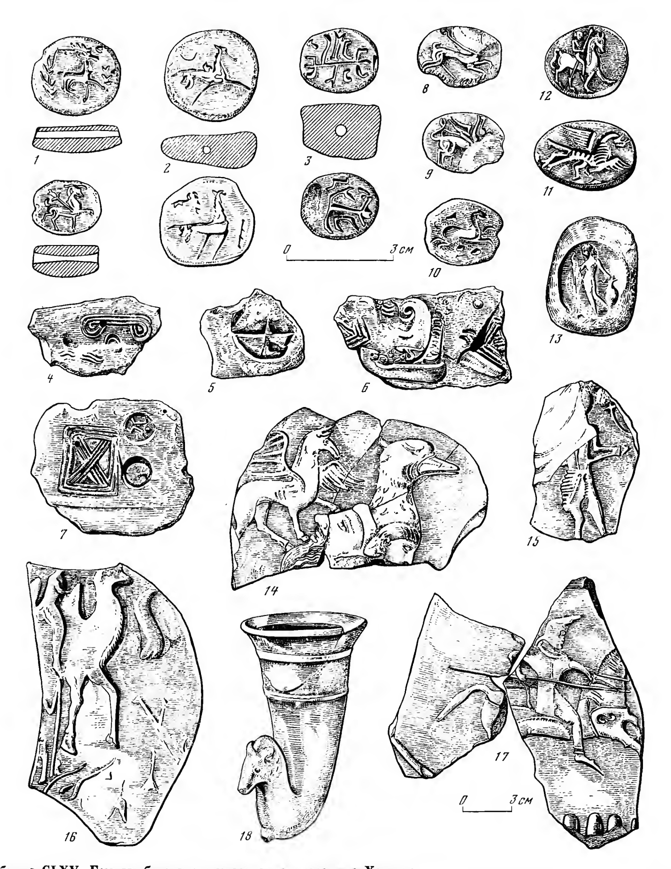


Таблица CLXV. Геммы, буллы, художественная керамика Хорезма

1—3 — каменные печати с Кой-Крылганкала; *4—7* — оттиски печатей на глиняных буллах с Кой-Крылганкала; *8—11* — геммы с изображением грифонов, подъемный материал; *12* — гемма с изображением всадника; *13* — глиняная булла с оттиском античной геммы, дворец Топрак-кала; *14—17* — фрагменты штампованных рельефов на флягах; *18* — глиняный ритон с протомой коня с городища Калалыгыр. Составитель А. Б. Никитин

Таблица CLXVI. Монеты Хорезма (по Б. И. Вайнберг). Составитель А. Б. Никитин

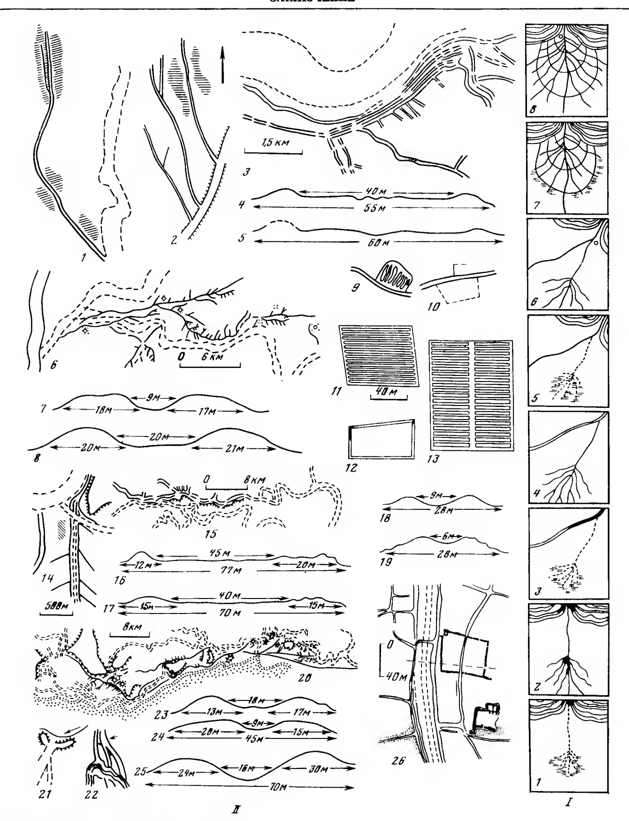


Таблица CLXVII. Ирригация Средней Азии

I, *1—8* — эволюция ирригационных систем Ферганского оазиса (по Б. А. Латынину). II — ирригационные системы древнего Хорезма (по Б. В. Андрианову). *1, 2* — каналы архаической эпохи, IX—VIII вв. до н. э. у поселения Базар и у стоянки Базар. Ирригация VI—V вв. до н. э. (южная Акчадарьинская дельта). *3* — канал Кельтеминар архаической эпохи; *4а, 5* — профили каналов архаической эпохи; *9, 10* — поля архаической эпохи. Ирригация кангюйско-кушанской эпохи (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) (Южная Акчадарьинская дельта), *6* — канал Кельтеминар кангюйско-кушанской эпохи; *7, 8* — профили каналов кангюйско-кушанской эпохи; *11, 12, 13* — планы полей кангюйско-кушанской эпохи. Ирригация архаической эпохи (VI—V вв. до н. э.) (Присарыкамышская дельта); *14* — каналы архаической эпохи в системе Чермен-яба; *15* — каналы архаической эпохи на Южном Даудане; *16, 19* — профили каналов архаической эпохи. Система ирригации кангюйско-кушанского времени (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) на Чермен-ябе. *20* — канал Чермен-яб; *23—25* — профили каналов кангюйско-кушанского времени; *21, 22* — головные сооружения каналов; *26* — план усадьбы в зоне канала Кельтеминар к северу от Джанбаскалы (сплошные линии — канал кангюйской эпохи, пунктирные — архаической). Составитель Г. А. Кошеленко

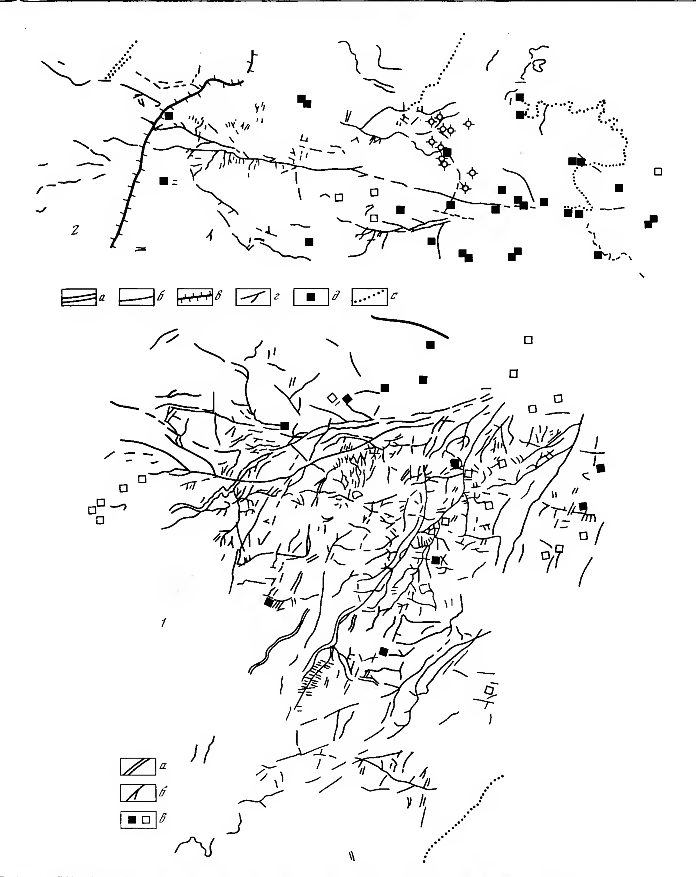


Таблица CLXVIII. Ирригационные системы Бухарского Согда (по А. Р. Мухамеджанову)

1 — Варахшинский массив (*а* — древнее дельтовидное русло Вабкентдарьи; *б* — следы каналов; *в* — городища и поселения). *2* — Кошатепинский-Буратепинский массив (*а* — дельтовое русло, *б* — магистральный канал; *в* — оборонительная стена; *г* — оросительная сеть; *д* — поселения и городища; *е* — современная граница оазиса). Составитель Г. А. Кошеленко

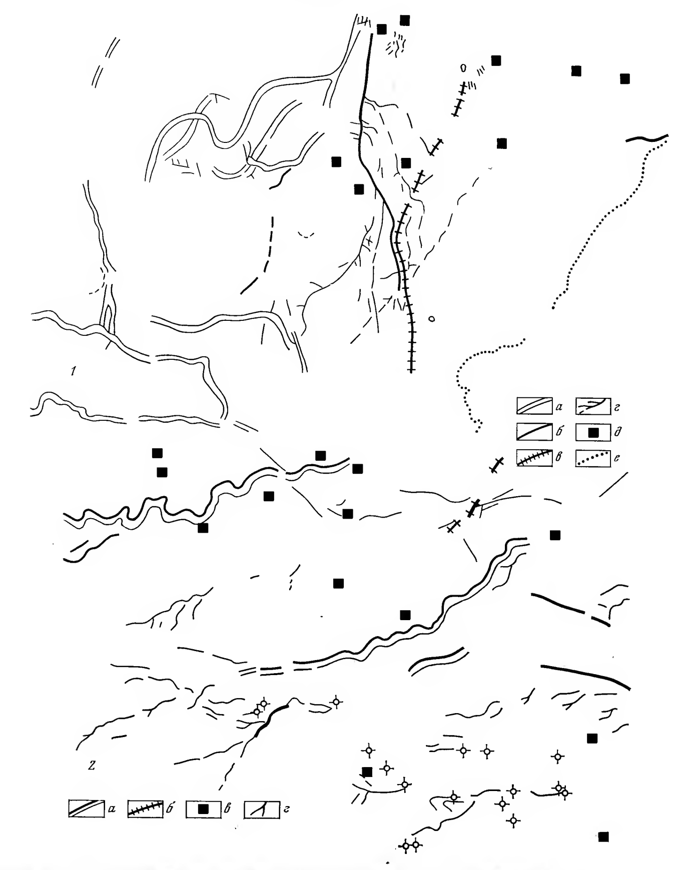


Таблица CLXIX. Ирригационные системы Бухарского Согда (по А. Р. Мухамеджанову)

1 — Кызылкырская группа поселений. (*а* — сухое русло дельтовых протоков древнего Хитфара; *б* — канал античного времени; *в* — оборонительная стена Кампирак; *г* — оросительная сеть; *д* — древние поселения; *е* — современная граница оазиса). *2* — Баштепинская группа поселений (*а* — древние дельтовые протоки Вабкентдарьи; *б* — следы древней оборонительной стены; *в* — древние поселения; *г* — оросительная сеть). Составитель Г. А. Кошеленко

Литература

Библиография к части первой

Абибуллаев О. А., 1959. Археологические раскопки Кюльтепе. Баку.
Абибуллаев О. А., 1961. Материалы Шахтахтинского погребения (по раскопкам А. Алекперова).— ИАН АзССР, СОН, 5.
Абилова Г. А., 1953. Мегалитические памятники Закавказья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
Абрамишвили Р. М., 1957. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— ВГМГ, XIX-A, XXI-B.
Абрамишвили Р. М., 1961. К вопросу об освоении железа на территории восточной Грузии.— ВГМГ, XXII-B.
Абрамишвили Р. М., 1978. Основные итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси.— В кн.: Тбилиси. Археологические памятники. Тбилиси, I.
Абрамишвили Р. М., Гугуашвили Н. И., Казиани К. К., 1980. Археологические памятники Грмахевистави. Тбилиси.
Азимбеков И., 1926. Древности Ленкоранского края.— ИААК, II.
Акопян А. М., 1980. Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Алекперов А. К., 1937. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванского царства.— СА, IV.
Алекперов А. К., 1960. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку.
Алиев В., 1969. Катакомба в Бабедервише.— ИАН АзССР, СИФП, 4.
Алиев В. Г., 1976. Кувшинные погребения античного периода в г. Нахичевани.— ИАН АзССР, СИФП, I.
Алиев И. Г., 1961. История Мидии. Баку.
Алиев И., 1971. Сармато-аланы на пути в Иран. М.
Алиев И. Г., 1979а. К вопросу об общественно-экономическом строе древней Кавказской Албании.— В кн.: VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. ТД. М.
Алиев И. Г., 1979б. О роли и значении иранского элемента в истории Кавказской Албании.— В кн.: VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. ТД. М.
Алиев И. Г., 1979в. О скифах и Скифском царстве в Азербайджане.— В кн.: Переднеазиатский сборник. Вып. 3. История и филология стран древнего Востока. М.
Алиев И. Г., Алибекова Э. Б., 1977. Изучение древней истории в Азербайджане за годы Советской власти.— ВДИ, 4.
Алиев И., Алиев В., 1976. О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР.— СА, 1.
Алиев И. Г., Асланов Г. М., 1971. Культура катакомбных погребений на территории Азербайджана.— ТДСПИПАИ в 1970 г. Тбилиси.
Алиев К., 1973. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1938 г.— МКА, VIII.
Алиев К., 1974. Кавказская Албания (I в. до н. э.— I в. н. э.). Баку.
Амиранашвили А. И., 1928. Греческие надписи музея Грузии.— ВГМК, IV.
Амиранашвили А. И., 1935. Новая находка в низовьях р. Ингури. Тбилиси.
Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 23.
Анхазава Н. И., 1979. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси.
Апакидзе А. М., 1967. Развитие археологической науки в Советской Грузии.— СА, 4.
Апакидзе А. М., 1968. Города древней Грузии. Тбилиси.
Апакидзе А. М., 1972. Полвека грузинской советской археологии. Тбилиси.
Апакидзе А. М., 1978. Археологические раскопки в Пицунде.— В кн. Великий Питиунт, III.
Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А., 1958. Археологические памятники Армазисхеви. Тбилиси, I.
Апакидзе А. М., Каландадзе А. Н. и др., 1978. Мцхета, 1976. Мцхетская археологическая экспедиция 1976 г.— В кн.: Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, II.
Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д., 1963. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса.— Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории, XXXIII—XXXIV.
Апакидзе Г. А., 1973. Багинетский саркофаг.— ДМ, 33.
Аракелян Б. Н., 1951. Гарни I. Ереван.
Аракелян Б. Н., 1957. Гарни II. Ереван.
Аракелян Б. Н., 1965а. Скульптура древней Армении.— МСПИАЭИ. ТД.
Аракелян Б. Н., 1965б. Где находились города Еруандашат и Еруандакерт.— ИФЖ, 3.
Аракелян Б. Н., 1967. Латинские надписи из древней столицы Армении Арташат.— ИФЖ, 4.
Аракелян Б. Н., 1969. О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира.— ИФЖ, 4.
Аракелян Б. Н., 1971. Клад серебряных изделий из Эребуни.— СА, 1.
Аракелян Б. Н., 1975. Древний Арташат. Ереван.
Аракелян Б. Н., 1976. Очерки по истории искусства древней Армении. Ереван.
Аракелян Б. Н., Караханян Г. О., 1962. Гарни III. Ереван.
Аракелян Б. Н., Мартиросян А. А., 1967. Археологическое изучение Армении за годы Советской власти.— СА, 4.
Аракелян Б. Н., Тирацян Г. А., Хачатрян Ж. Д., 1969. Стекло древней Армении. Ереван.
Арутюнян Н. В., 1964. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван.
Арутюнян Н. В., 1966. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван.
Арутюнян Н. В., Оганесян К. Л., 1970. Новые урартские надписи.— ВДИ, 3.
Асланов Г. М., 1952. Из истории материальной культуры Кавказской Албании.— ВИКА.
Асланов Г. М., 1953. Об одной печати (деж), найденной в Мингечауре.— ДАН АзССР, IX, 9.
Асланов Г. М., 1955. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура.— КСИИМК, LX.
Асланов Г. М., 1961. Археологические раскопки на Топрахкале.— ИАН АзССР, СОН, 8.
Асланов Г. М., 1962. Археологические раскопки на Апшероне.— МКА, VI.
Асланов Г. М., 1963. Материальная культура Мингечаура I—II вв. (на основе археологии катакомбных погребений). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
Асланов Г. М., 1965. Археологические раскопки на Апшероне.— МКА, VI.
Асланов Г. М., Бабаев И. А., 1969. Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре.— ИАН АзССР, СОН, 2.
Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959. Древний Мингечаур. Баку.
Ахмедов Г. М., 1972. Средневековый город Байлакан. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Баку.
Ашурбейли С. Б., 1956. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья.— ТМИА, I.
Бабаев И. А., 1965. Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннесредневековья.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку.
Бабаев И. А., 1974. Античная черепица Кавказской Албании.— СА, 2.
Бабаев И. А., 1977. Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. на городище Кабала.— СА, 4.
Бабаев И. А., Казиев С. М., 1971. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи.— ИЮ, IX.

Барамидзе М. Б., 1971. Мерхеульский могильник. Тбилиси.
Бардавелидзе В. В., 1949. Земельные владения грузинских святилищ.— СА, 1.
Бардавелидзе В. В., 1952. Хевсурская община.— САНГ, XIII, 8, 10.
Бахтеев Ф. К., 1956. К истории культуры ячменя в СССР.— В кн.: Материалы по истории земледелия в СССР. М., II.
Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В., 1975. Пицундские амфоры.— В кн.: Великий Питиунт, I.
Бердзенишвили М. Д., 1942. К локализации города Фазиса.— Труды Тбилисского гос. ун-та, 23.
Болтунова А. И., 1947. Описание Иберии в «Географии» Страбона.— ВДИ, 4.
Болтунова А. И., 1956. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии.— ВДИ, 2.
Болтунова А. И., 1973. Колхидки.— ВДИ, 2.
Борисов А. Я., 1946. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении.— ВДИ, 2.
Бохочадзе А. В., 1963. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам (с древнейших времен до XII—XIII вв. н. э.). Тбилиси.
Бохочадзе А. В., 1977. Настакиси. Саркине, Дзалиси — города Иберии античной эпохи.— КСИА, 151.
Бохочадзе А. В., 1978а. Вопросы локализации древнего Мцхета.— В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, III.
Бохочадзе А. В., 1978б. Некоторые вопросы истории города Картлийского царства (Дзалиса).— В кн.: Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, II.
Бохочадзе А. В., 1979. Исследования Настакисской археологической экспедиции.— НАИ в 1975.
Бунятов Т. А., 1957. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку.
Бурчак-Абрамович Н., 1948. Остатки домашнего осла в древней культуре Урарту.— Изв. АН АрмССР, 5.
Вавилов Н. И., 1931. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев.— Труды по прикладной ботанике, I.
Вавилов Н. И., 1932. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.
Ваидов Р. М., 1961. Мингечаур, III—VIII. Баку.
Ваидов Р. М., 1965. Первые итоги археологических раскопок на Топрахкале.— МКА, VI.
Ваидов Р. М., Нариманов И. Г., 1967. Развитие археологической науки в Азербайджане.— СА, 4.
Вайман А. А., Тирацян Г. А., 1974. Кармир-блурский некрополь эллинистического времени.— ВОН АН АрмССР, 8.
Вани. Археологические раскопки/Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, I (1972), II (1975), III (1977), IV (1979), V (1980).
Вашакидзе Н. В., 1973. Случайно найденные кувшинные погребения из бассейна р. Супса.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии. Тбилиси, VI.
Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1977. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии. Тбилиси, VII.
Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1978. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии. Тбилиси, VIII.
Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю., 1979. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии. Тбилиси, VIII.
Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде/Под ред. А. М. Апакидзе. Тбилиси, I (1975), II (1977), III (1978).
Верховская А. С., 1955. Текстильные изделия из раскопок Кармир-блура.— В кн.: Кармир-блур III. Ереван.
Воронов Ю. Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.
Воронов Ю. Н., 1972. Об Эшерском городище.— СА, 1.
Воронов Ю. Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
Воронов Ю. Н., 1980. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.
Гагошидзе Ю. М., 1964. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси.
Гагошидзе Ю. М., 1977. Раскопки храма I в. до н. э. Дедоплис Миндори (восточная Грузия).— КСИА, 151.
Гагошидзе Ю. М., 1978. Отчет об археологических раскопках храмового комплекса II—I вв. до н. э. Дедоплис Миндори.— АЭМГ, VI.
Гагошидзе Ю. М., 1979. Самадло (археологические раскопки). Тбилиси.
Гагошидзе Ю. М., 1981. Самадло. Каталог археологического материала. Тбилиси.
Гайдукевич В. Ф., 1934. Античные керамические обжигательные печи. М.; Л.
Гайдукевич В. Ф., 1958. Виноделие на Боспоре.— МИА, 85.
Гамкрелидзе Г. А., 1977а. Археологические памятники Мтисдзири.— В кн.: Вани, III.
Гамкрелидзе Г. А., 1977б. К изучению древнеколхидских оборонительных сооружений.— САНГ, LXXXVIII, 2.
Гегешидзе М. К., 1961. Орошаемое земледелие в Грузии. Тбилиси.
Гзелишвили И. А., 1964. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси.
Гзелишвили И. А., Хахутайшвили Д. А., 1964. Древнейшее железоплавильное производство в нижнем течении р. Чорохи и археологические разведки Гонио-Апсара.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии. Тбилиси, I.
Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д., 1977. Керамика Колхиды VI—IV вв. до н. з.— КСИА, 151.
Гобеджишвили Г. Ф., 1948. Археологические исследования Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР.— В кн.: Совместная научная сессия Отделения обществ. наук (АН АрмССР, АН ГССР) 20—30.V 1948. ТД. Тбилиси; Ереван.
Гобеджишвили Г. Ф., 1959. Среднебронзовая эпоха в Грузии. Тбилиси.
Гогадзе Э. М., 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси.
Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дарисланишвили М. В., 1977. Работы Носири-Мухурчской экспедиции.— АЭМГ, V.
Голенко К. В., 1964. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.
Голубкина Т. И., 1951. О зооморфной керамике из Мингечаура.— МКА, II.
Гоян Г., 1952. Театр древней Армении. Ереван, I.
Гулакян В. О., 1966. О некоторых сельскохозяйственных культурах из Аргиштихинили.— ИФЖ, 4.
Гумба М. М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси.
Гуммель Я. И., 1931. Погребальный курган 1 около Елендорфа. Баку.
Гуммель Я. И., 1939. Археологические раскопки в районах Азербайджана.— Изв. АзФАН, 3.
Гуммель Я. И., 1940а. Археологические очерки. Баку.
Гуммель Я. И., 1940б. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка.— СА. VI.
Гуммель Я. И., 1949. Курган 2 близ Ханлара.— КСИИМК, XXIV.
Давлианидзе Ц. О., 1976. Памятники раннеантичного периода из Квемо Картли.— ВГМГ, XXXII-В.
Давлианидзе Ц. О. 1977. О некоторых неопубликованных материалах раннеантичной эпохи из юго-восточной Грузии.— КСИА, 151.
Давлианидзе Ц. О., 1978. Культура Квемо Картли (Триалети) во второй половине I тыс. до н. з. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
Дадашева С. А., 1980. Местный чекан в монетном обращении Кавказской Албании.— ВДИ, 2.
Даль С. К., 1947. Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блур.— Изв. АН АрмССР, 10.
Даль С. К., 1952. Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини.— Изв. АН АрмССР, I.
Даниэлян О. А., 1971. К вопросу о появлении железа в Азербайджане.— ДАН АзССР, XXVII, 8.
Джавахишвили К. А., 1972. Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси.
Джанашиа С. Н., 1949. Труды. Тбилиси, II.
Джандиери М. И., Лежава Р. И., 1976. Народная башенная архитектура. М.
Джапаридзе О. М., 1950. Разведочная экспедиция в Гурии.— ВГМГ, XVI-В.
Джафарзаде И. М., 1938. Циклопические сооружения Азербайджана.— ТАзФАН, 55.
Джафарзаде И. М., 1941. Ходжалинская экспедиция.— Изв. АзФАН, 112.
Джафарзаде И. М., 1945. Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР.— ИАН АзССР, 6.

Джафарзаде И. М., 1948. Археологические разведки на Апшероне.— ИАН АзССР, 6.
Джафарзаде И. М., 1973. Гобустан. Наскальные изображения. Баку.
Джафаров Г. Ф., 1978. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
Думберг К. Е., 1901. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области.— ИАК, 1.
Дундуа Г. Ф., 1970. Колхидки.— ДМ, 23.
Дундуа Г. Ф., 1975. Монетное обращение и торгово-экономические взаимоотношения в Бичвинта II в. до н. э.— IV в. н. э. по нумизматическим данным.— Великий Питиунт, I.
Дундуа Г. Ф., 1979а. Монетные клады Грузии. Тбилиси.
Дундуа Г. Ф., 1979б. Еще раз о происхождении колхидок.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
Дьяконов И. М., 1951. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 2—4.
Дьяконов И. М., 1963. Урартские письма и документы. М.; Л.
Дьяконов И. М., 1968. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван.
Дьяконов И. М., Старкова К. В., 1955. Надписи Артаксия (Арташеса) I, царя Армении.— ВДИ, 2.
Дьяконов М. М., 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.
Ельницкий Л. А., 1938. Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 2.
Ельницкий Л. А., 1964. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.— ВДИ, 2.
Еремян С. Т., 1951. Опыт периодизации истории Армении периода феодализма.— ВИ, 7.
Еремян С. Т., 1952. К вопросу об этногенезе армян.— ВИ, 7.
Еремян С. Т., 1971. Армения в сфере римско-парфянских противоречий.— В кн.: История армянского народа. Ереван, I.
Есаян С. А., 1965. Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина.— СА, 3.
Есаян С. А., 1966. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван.
Есаян С. А., 1968. Астхи-блурский могильник.— ВОНАН АрмССР, 6.
Есаян С. А., 1969. Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района.— ИФЖ, 4.
Есаян С. А., 1976. Древняя культура племен северо-восточной Армении. Ереван.
Есаян С. А., 1980. Скульптура древней Армении. Ереван.
Есаян С. А., Калантарян А. А., 1976а. Позднеурартское погребение Ошаканского могильника.— ИФЖ, 3.
Есаян С. А., Калантарян А. А., 1976б. Античный некрополь Ошакана.— ВОНАН АрмССР, 12.
Закарая П. П., 1965. Зодчество городища Урбниси. Тбилиси.
Зардарян М. О., 1977. Амфоры из раскопок Арташата.— ИФЖ, 1.
Зинджирджян В. К., 1978а. Результаты металлографического анализа железных предметов античного времени из Гарни.— ВОНАН АрмССР, 5.
Зинджирджян В. К., 1978б. Железные сельскохозяйственные орудия Армении античной эпохи.— ИФЖ, 1.
Ивановский А. А., 1911. По Закавказью.— МАК, VI.
Иващенко М. М., 1980. Самтаврские погребения первых трех веков н. э.— В кн.: Мцхета II. Тбилиси.
Иессен А. А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 125.
Инадзе М. П., 1968. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси.
Инадзе М. П., 1975. Афины и Восточное Причерноморье.— Мацне, серия истории, 1.
Инаишвили А., 1966. История Батуми на основе новых археологических раскопок (1962—1963 гг.).— В кн.: Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси.
Ионе Г. И., 1951. О гончарных обжигательных печах Мингечаура.— МКА, II.
Ионе Г. И., 1953. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского типа».— МКА, III.
Ионе Г. И., 1955. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием.— КСИИМК, LX.
Исаков М. М., 1959. Археологические памятники Дагестана.— МАД, I.
Исмаилов Г. С., 1973. О некоторых каменных сосудах из древних памятников Азербайджана.— МКА, VII.
Исмизаде О. Ш., 1956. Ялойлутепинская культура. Баку.
Исмизаде О. Ш., 1962. О раскопках на холме Кара-тепе в 1957 г.— МКА, IV.
Исмизаде О. Ш., 1965. Раскопки на холме Карат-тепе в Мильской степи (1954—1958).— МИА, 125.
Каганкатваци М., 1893. История Агван. СПб.
Казиев С. М., 1945. Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы.— Изв. АзФАН, 1.
Казиев С. М., 1946. Об археологических раскопках в Мингечауре.— ДАН АзССР, II, 10.
Казиев С. М., 1947. Археологические раскопки в Варташенском и Куткашенском районах. Экспедиция АН АзССР в 1945 г. Баку.
Казиев С. М., 1949. Археологические раскопки в Мингечауре.— МКА, I.
Казиев С. М., 1951. О некоторых типах оружия из Мингечаура.— МКА, II.
Казиев С. М., 1953. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях.— МКА, III.
Казиев С. М., 1962в. Альбом кувшинных погребений. Баку.
Казиев С. М., 1962б. Об археологических и исторических памятниках Казахского и Акстафинского районов.— МКА. IV.
Казиев С. М., 1964. Историко-археологические обследования городища Кабала.— МКА, V.
Казиев С. М., 1966. Из прошлого Кабалинского магала.— ВИКА.
Казиев С. М., Бабаев И. А., 1968. Раскопки древней Кабалы.— АО, 1967 г.
Каландадзе А., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми.
Калантар А., 1935. Раскопки древнего Вагаршапата. Ереван.
Капанадзе Д. Г., 1953. О назначении монет варваризованной чеканки, находимых на территории Грузии.— ВДИ, I.
Капанадзе Д. Г., 1955а. Грузинская нумизматика. М.
Капанадзе Д. Г., 1955б. Монетные находки Мцхетской археологической экспедиции.— ВДИ, 1.
Капанадзе Д. Г., Голенко К. В., 1957. К вопросу о происхождении колхидок.— ВДИ, 4.
Карапетян И. А., 1971. Группа раннеармянских чаш VI — III вв. до н. э.— ИФЖ, 3.
Карапетян И. А., 1974. Раннеармянская крепость в Норашене.— ИФЖ, 2.
Карапетян И. А., 1977. Раскопки Карачахпюра.— АО 1976 г.
Карапетян И. А., 1979. Раскопки в Карачахпюре (1975—1978).— ИФЖ, 3.
Караханян Г. О., Тер-Мартиросов Ф. И., 1978. Раскопки у села Шираkаван.— АО 1977 г.
Касабян З., 1957. Производство кунжутного масла в Урарту.— Изв. АН АрмССР, ОН, 4.
Каухчишвили Т. С., 1951. Греческие надписи Грузии. Тбилиси.
Каухчишвили Т. С., 1957. «География» Страбона. Сведения о Грузии. Тбилиси.
Каухчишвили Т. С., 1960. Сведения Геродота о Грузии. Тбилиси.
Каухчишвили Т. С., 1963. Сведения греческих писателей о Грузии. Тбилиси. II.
Каухчишвили Т. С., 1965а. О некоторых сведениях Псевдо-Скилака.— В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси.
Каухчишвили Т. С., 1965б. Сведения Гиппократа о Грузии. Тбилиси.
Каухчишвили Т. С., 1967а. Сведения греческих писателей о Грузии. Тбилиси, I.
Каухчишвили Т. С., 1967б. Греческие надписи.— САНГ, XVIII, 1.
Каухчишвили Т. С., 1969. Сведения греческих писателей о Грузии. Тбилиси, III.
Каухчишвили Т. С., 1977. Сведения греческих писателей о Грузии. Тбилиси, III.
Каухчишвили Т. С., 1979. Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
Кафадарян К. Г., 1945. Археологические работы в Армении после установления Советской власти.— Труды Гос. ист. музея АН АрмССР, 1.
Кафадарян К. Г., 1953. Город Двин и его раскопки. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван.

Кафадарян К. К., 1975. Архитектура города Аргиштихинили. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.

Кахидзе А. Ю., 1971. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Тбилиси.

Кахидзе А. Ю., 1975. Античные памятники Восточного Причерноморья. Батуми.

Кахидзе А. Ю., 1977. Раскопки могильника Пичвнари.— КСИА, 151.

Качарава Д. Д., 1971. О хронологии и топографии поселения античного времени у г. Очамчира (θηνός).— САНГ, LXII, 3.

Качарава Д. Д., 1977. Некоторые вопросы истории Гиэноса в связи с проблемой греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Квизнадзе К. Д., 1975. Памятники раннеантичного периода юго-восточной Грузии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Кесаманлы Г. П., 1965. Медные котлы из раскопок на территории Азербайджана.— МСПИАЭИ. ТД.

Кесаманлы Г. П., 1972. О нововыявленных памятниках Хачбулага (Азербайджанская ССР).— ИАН АзССР, СИФП, 1.

Кесаманлы Г. П., Джафаров Г. Ф., Гусейнов М. А., Асланов Г. Г., 1978. Археологические раскопки в зоне строительства Шамхорской ГЭС.— АЭИА.

Кигурадзе Н. Ш., 1976. Дапнарский могильник. Тбилиси.

Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., 1977. Дапнарское селище и могильник (к проблеме сельских поселений Колхиды).— КСИА, 151.

Киквидзе Я. А., 1963. Орошение в древней Грузии. Тбилиси.

Кинжалов Р. В., 1961. Ашнакский могильник.— ТГЭ, V.

Клайс В., 1978. Раскопки в районе крепости и поселения в Бастаме в 1977 г.—В кн.: II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.

Коридзе Д. П., 1965. К истории колхидской культуры. Тбилиси.

Котович В. Г., 1959. Новые археологические памятники южного Дагестана.— МАД, I.

Котович В. Г., 1964. Новые данные о раннесредневековых городах Албании.— МСПИАЭИ. ТД.

Котович В. Г., 1965. О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности.— СА, 3.

Котович В. Г., 1974. О месторасположении раннесредневековых городов Варчана, Беляйджара и Таргу.— МАД, VII.

Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М., 1972. Работы в прикаспийском Дагестане.— АО 1971 г.

Кочарян Г., 1974а. Керамика Двина эллинистической эпохи.— ВОНАН АрмССР, 5.

Кочарян Г. Г., 1974б. Каменный солен из Двина.— ВОНАН АрмССР, 11.

Кочарян Г. Г., 1976. Культура Двина античного времени.— В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван.

Кочарян Г. Г., 1977. Алтарь античного времени из Двина.— ИФЖ, 2.

Кочарян Г. Г., 1978. Тарапан производственного назначения, обнаруженный в Двине.— ВОНАН АрмССР, 2.

Кошеленко Г. А., 1966. Культура Парфии. М.

Кошеленко Г. А., 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.

Кошеленко Г. А., Акопян А., 1978. Градостроительство в Армении и Парфии.— В кн.: II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.

Краткий очерк истории грузинской советской науки за 25 лет, 1946. Тбилиси.

Крикяшарян С. М., 1970. Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии. Ереван.

Кругликова И. Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Крупнов Е. И., 1949. Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, XXVII.

Крупнов Е. И., 1951. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Торкинского могильника, 1947).— МИА, 23.

Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.

Куфтин Б. А., 1944. Урартский колумбарий у подошвы Арарата.— ВГМГ, XIII-B.

Куфтин Б. А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, II.

Кушнарева К. Х., 1957. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в нагорном Карабахе.— СА, XXVII.

Лалаян Е. А., 1919. Раскопки в с. Надш и Варташен Нухинского уезда (весной 1915 г.).— ИКОМАО, 5.

Левкинадзе В. А., 1961. Материалы по истории и архитектуре Ансарской крепости.— Византийский временник, XX.

Левкинадзе В. А., 1965. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье.— САНГ, XL, 1.

Левкинадзе В. А., 1966. Оборонительные сооружения Себастополиса.— СА, 1.

Левкинадзе В. А., 1968. О некоторых сооружениях древнего Питиунта.— КСИА, 113.

Левкинадзе В. А., 1973. Монументальные памятники западной Грузии I—VII вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Лежава Г. И., 1979. Архитектурные памятники Грузии античного периода. Тбилиси.

Личели В. Т., 1977. Городище Саканчиа.— Вани, III.

Ломоури Н. Ю., 1963. Сведения греческих логографов о грузинских племенах.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 36.

Ломоури Н. Ю., 1968. История Эгрисского царства. Тбилиси.

Ломтатидзе Г. А., 1955. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси.

Ломтатидзе Г. А., 1957. Клдеетский могильник. Тбилиси.

Ломтатидзе Г. А., Цицишвили И. Н., 1951. Вновь обнаруженный склеп в Мцхета.— САНГ, XII, 10.

Лордкипанидзе Г. А., 1970. К истории древней Колхиды. Тбилиси.

Лордкипанидзе Г. А., 1978. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси.

Лордкипанидзе М. Н., 1954—1961. Геммы Государственного музея Грузии. Тбилиси, I (1954); II (1958); III (1961).

Лордкипанидзе М. Н., 1963. Иберийские копии с малоазиатских гемм позднеахеменидского времени.— ВООН АН ГССР, 6.

Лордкипанидзе М. Н., 1969. Корпус памятников глиптики древней Грузии. Тбилиси.

Лордкипанидзе М. Н., 1975а. Архаические и «архаизирующие» перстни-печати из Вани.— Вани, II.

Лордкипанидзе М. Н., 1975б. Печати знатной колхидянки из погребения № 6.— Вани, II.

Лордкипанидзе М. Н., 1975в. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. (Вопрос взаимоотношений с греческими мастерскими). Тбилиси.

Лордкипанидзе О. Д., 1957а. О первом «геносе» населения Иберии.— САНГ, XVIII, 3.

Лордкипанидзе О. Д., 1957б. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э.— Труды Тбилисского гос. ун-та, 65.

Лордкипанидзе О. Д., 1962. Краснолаковая керамика из Пицунды.— ВООН АН ГССР, 1.

Лордкипанидзе О. Д., 1964. Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии.— СА, 1.

Лордкипанидзе О. Д., 1965. Раннеантичная Колхида и ее взаимоотношения с греческим миром в свете новейших археологических открытий.— МСПИАЭИ. ТД.

Лордкипанидзе О. Д., 1968а. Сухумская стела.— СА, 1.

Лордкипанидзе О. Д., 1968б. Античный мир и Иберия. Тбилиси.

Лордкипанидзе О. Д., 1971. К локализации τὸ τῆς Λευκοθέας ἱερόν.— ВДИ, 2.

Лордкипанидзе О. Д., 1977а. Археология Грузии: открытия, проблемы, перспективы.— СА, 3.

Лордкипанидзе О. Д., 1977б. Ванское городище (история, раскопки, проблемы).— Вани, III.

Лордкипанидзе О. Д., 1979. Древняя Колхида. Тбилиси.

Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., 1980. Демографическая ситуация в Восточном Причерноморье (Колхида в период великой греческой колонизации).— В кн.: Местное население Причерноморья в период великой греческой колонизации (Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья). Тбилиси.

Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А., 1980. Гонийский клад. Тбилиси.

Лордкипанидзе О. Д., Мусхелишвили Д. Л., 1970. Закавказье в международной торговле Востока и Запада.— В кн.: V Международный конгресс экономической истории. Л.

Лордкипанидзе О. Д., Путурадзе Р. В., Матиашвили Н. Н., 1977. Раскопки в Вани в 1973—1974 гг.— КСИА, 151.

Лосева И. М., 1958. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Аринберд.— СА, 2.

Лосева И. М., 1962. Некоторые урартские ювелирные изделия с изображением ритуальных сцен.— В кн.: Древний мир. Сб. статей в честь В. В. Струве. М.
Магомедов М. Г., 1970. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
Максимова М. И., 1941. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии.— КСИИМК, X.
Максимова М. И., 1950. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро.— ВГМГ, XVI-B.
Манандян Я. А., 1944. Критический обзор истории армянского народа. Ереван, I.
Манандян Я. А., 1954. О торговле и городах Армении. 2-е изд. Ереван.
Мартиросян А. А., 1961. Город Тейшебаини. Ереван.
Мартиросян А. А., 1964. Армения в эпоху бронзы и железа. Ереван.
Мартиросян А. А., 1974. Аргиштихинили. Ереван.
Мартиросян А. А., *Мнацаканян А. О.*, 1958. Урартский колумбарий. Арена.— Изв. АН АрмССР, ОН, 10.
Марченко И. Д., 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории.— МИА, 57.
Матиашвили Н. И., 1973. Местная керамика эллинистической эпохи из Вани.— МАГК, V.
Матиашвили Н. И., 1977а. Металлические сосуды.— Вани, III.
Матиашвили Н. И., 1977б. Из истории экономики городов Колхиды III—I вв. до н. э. Тбилиси.
Мацулевич Л. А., 1956. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте.— ВДИ, 4.
Мачабели К. Р., 1976. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси.
Мачабели К. Р., 1980. Основные тенденции искусства дохристианской Грузии (по материалам торевтики).— В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.
Меликишвили Г. А., 1951. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту.— ВДИ, 4.
Меликишвили Г. А., 1954. Наири-Урарту. Тбилиси.
Меликишвили Г. А., 1956. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии.— ВИ, 4.
Меликишвили Г. А., 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.
Меликишвили Г. А., 1960. Урартские клинообразные надписи. М.; Л.
Меликишвили Г. А., 1962. Кулха (из древней истории южного Закавказья).— В кн.: Древний мир. Сб. статей в честь В. В. Струве. М.
Мещанинов И. И., 1926. К вопросу об ассирийской бусине Ходжалинского могильника.— ИООИА, 3.
Мещанинов И. И., 1932. Циклопические сооружения Закавказья.— ИГАИМК, XIII, 4—7.
Микеладзе Т. К., 1967. Некоторые вопросы истории древнейших племен металлургов юго-восточного Причерноморья.— ВООН АН ГССР, 1.
Микеладзе Т. К., 1974. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья. Тбилиси.
Микеладзе Т. К., 1977. Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса).— КСИА, 151.
Микеладзе Т. К., 1978. Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси.
Микеладзе Т. К., *Барамидзе М. Б.*, 1977. Колхидский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвазиани.— КСИА, 151.
Миллер А. А., 1925. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом.— ИГАИМК, IV.
Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа.— МКА, IV.
Мнацаканян А. О., *Тирацян Г. А.*, 1961. Новые данные о материальной культуре древней Армении.— Изв. АН АрмССР, ОН, 8.
Мовсес Хоренаци. 1893. История Армении. М.
Морчадзе Т. А., 1979. Керамика античного периода Шида Картли (по петрографическим данным). Тбилиси.
Мустафаев И. Д., 1955. Введение новых сортов в изучение процессов формообразования и видообразования пшеницы в Азербайджане.— Агробиология. 16.
Мусхелишвили Д. Л., 1978а. Археологический материал поселения Ховлегора. Тбилиси.
Мусхелишвили Д. Л., 1978б. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси.
Мушегян Х. А., 1962. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван.
Мушегян Х. А., 1973. Монетные клады Армении. Ереван, I.
Мушегян Х. А., 1975. Денежное обращение в античной и средневековой Армении по нумизматическим данным. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ереван.
Надирадзе Д. Ш., 1975. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси.
Нариманов И. Г., 1958. Археологические памятники Ганджачайского района. Баку.
Нариманов И. Г., 1959. Археологические раскопки на поселении холма Сарытепе (1956—1957).— ИАН АзССР, СОН, 3.
Нариманов И. Г., 1960а. Древнее «святилище» (пир)в Казахском районе позднебронзового века.— ДАН АзССР, XVI, 2.
Нариманов И. Г., 1960б. Находки баз колонн VI—V вв. до н. э. в Азербайджане.— СА, 4.
Нариманов И. Г., 1973. Глиняные штампы из западного Азербайджана.— МКА, VIII.
Нариманов И. Г., *Асланов Г. М.*, 1962. Об одной группе памятников Мингечаура.— МКА, IV.
Нариманов И. Г., *Халилов Дж.*, 1962. Археологические раскопки Сарытепе (1956).— МКА, IV.
Негруль Л. М., 1960. Археологические находки семян винограда.— СА, 1.
Немировский А. И., 1980. Понтийское царство и Колхида.— В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.
Немсадзе Г. М., 1977. Погребения иберийской знати из Згудери.— КСИА, 151.
Ниорадзе Г. К., 1947. Дманисский некрополь и некоторые его особенности.— ВГМГ, XIV-B.
Новосельцев А. П., 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.
Нуриев А. Б., 1961. Случайные находки, обнаруженные в Шемахинском районе.— ДАН АзССР, XVII, 11.
Оганесян К. Л., 1961. Архитектура Эребуни (Арин-берд I). Ереван.
Оганесян К. Л., 1964. Культовая архитектура Урарту.— МСПИАЭИ. ТД.
Оганесян К. Л., 1968. Эребуни. Ереван.
Оганесян К. Л., 1973. Росписи Эребуни. Ереван.
Окропиридзе Н. И., *Барамидзе М. Б.*, 1974. Палурское «Садэвле».— МАГК, VI.
Османов Ф. Л., 1964. О ванночных погребениях Азербайджана.— МСПИАЭИ. ТД.
Османов Ф. Л., 1972а. Шихдерекеллеси.— АО 1971 г.
Османов Ф. Л., 1972б. Бронзовый шлем, найденный в Ахсуинском районе Азербайджанской ССР.— ДАН АзССР, XXVIII, 1.
Османов Ф. Л., 1972в. Археологические раскопки на поселении Шихдерекеллеси в 1971 г.— МСПИАЭИ, ТД.
Османов Ф. Л., 1973а. О кувшинных погребениях, найденных в с. Елоджак Ярдымлинского района.— ДАН АзССР, XXIX, 6.
Османов Ф. Л., 1973б. Глиняные саркофаги, найденные на территории Азербайджана.— МКА, VIII.
Османов Ф. Л., 1975а. Городище Галатепе в Мильской степи.— АЭИА.
Османов Ф. Л., 1975б. Находки кувшинных погребений в с. Хапларкенд.— ДАН АзССР, XXXI, 2.
Османов Ф. Л., *Ахвердиев Р. Ш.*, 1975. Разведки в Агджабединском районе.— АО 1974 г.
Османов Ф. Л., *Ибрагимов Ф. А.*, *Ахвердиев А. Ш.*, 1973. Археологические работы 1972 г. на поселении Нюди Ахсуинского района.— АЭИА.
Пассек Т. С., 1946. Джафарханский могильник.— ВДИ, 2.
Пассек Т. С., *Латынин Б. А.*, 1926. Ходжалинский курган 11.— ИООИА, 2.
Пахомов Е. А., 1938. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, II.
Пахомов Е. А., 1957. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, VII.
Пахомов Е. А., 1962. Античные монеты в Албании в пределах Азербайджанской ССР.— ВИКА.
Пахомов Е. А., 1966. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, IX.
Периханян А. Г., 1964. Арамейская надпись из Гарни.— ИФЖ, 3.

Периханян А. Г., 1969. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М.
Пиккуль М. И., 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
Пиотровский Б. Б., 1949. Археология Закавказья. Л.
Пиотровский Б. Б., 1950. Кармир-блур I. Ереван.
Пиотровский Б. Б., 1952. Кармир-блур II. Ереван.
Пиотровский Б. Б., 1954. Кармир-блур. Раскопки 1954 г.— СГЭ, VIII.
Пиотровский Б. Б., 1955а. Кармир-блур III. Ереван.
Пиотровский Б. Б., 1955б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.— СА, 23.
Пиотровский Б. Б., 1959. Ванское царство (Урарту). М.
Пиотровский Б. Б., 1962. Искусство Урарту. Л.
Пиотровский Б. Б., 1970. Кармир-блур. Л.
Пиотровский Б. Б., Джанполадян Р. М., 1956. Виноделие в Урарту.— Виноделие и виноградарство в СССР, 1.
Пицхелаури К. Н., 1972. Основные проблемы истории племен восточной Грузии. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси.
Пицхелаури К. Н., 1973. Основные проблемы истории племен восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. (по археологическим материалам). Тбилиси.
Пичикян И. Р., 1978 г. Традиции Востока в древнеармянской архитектуре (к постановке вопроса).— В кн.: II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.
Погребова М. Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
Почвы Азербайджанской ССР, 1953. Баку.
Придик Е., 1914. Новые кавказские клады.— МАР, 34.
Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, 1979. Тбилиси (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья).
Путуридзе Р. В., 1959. Позднеантичные археологические памятники западной Грузии.— МАГК, II.
Путуридзе Р. В., 1965. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости.— МАГК, IV.
Путуридзе Р. В., 1977. Колхидские амфоры из Вани.— КСИА, 151.
Раджабли А. М., 1974. К истории ранних монетных дворов Азербайджана.— В кн.: Материалы научной сессии Музея истории Азербайджана по итогам научно-исследовательских работ за 1973 г. Баку.
Рамишвили А. Т., 1964. Древние поселения приморской полосы в Гантиаданском районе.— ТБНИИ, III.
Рамишвили Р. М., 1959. Камарахевский могильник.— МАГК, II.
Рамишвили Р. М., 1977. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья.— КСИА, 151.
Рёсслер Э., 1905. Археологические раскопки в Елизаветпольской губернии в 1901 г.— ИАК, 16.
Рзаев Н. И., 1961. Зооморфные сосуды — особый вид художественной керамики Кавказской Албании.— ИАН АзССР, СОН, 7.
Рзаев Н. И., 1964. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку.
Рзаев Н. И., 1976. Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э.— VIII в. н. э. Баку.
Сагинашвили М. Н., 1970. Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Тбилиси.
Сагинашвили М. Н., 1977. Стеклянные сосуды из Тбилиси.— КСИА, 151.
Саинян А. А., 1964. Армянская архитектура в пору рабовладельческого строя. Очерки истории армянской архитектуры. Ереван.
Саинян А. А., 1969. Архитектурные памятники Гарни и Гегарда. Ереван.
Саркисян Г. Х., 1960. Тигранакерт. Ереван.
Саркисян Г. Х., 1978. К предыстории армянской письменности.— В кн.: II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.
Саркисян Г. Х., 1979. Черты эллинизма в духовной культуре древней Армении.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван, I.
Сахарова Л. С., 1965. Бронзовые художественные сосуды Грузии.— Сабчота хеловнеба (Советское искусство), Тбилиси, 12 (на груз. яз.).
Сахарова Л. С., 1976а. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси.
Сахарова Л. С., 1976б. Итоги работ Лечхумской археологической экспедиции в 1970—1971 гг.— Мацне, серия истории, 3.
Смирнов К. Ф., 1951а. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 23.
Смирнов К. Ф., 1951б. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана.—КСИИМК, XXXVII.
Смирнов К. Ф., 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент.— МАД. II.
Смирнов Я. А., 1934. Ахалгорийский клад. Тбилиси.
Сорокин В. С., 1952. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту.— ВДИ, 2.
Сумбадзе Л. З., 1960. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси.
Сумбатзаде А. С., 1978. К истории Атропатены.— ИАН АзССР, СИФП, 3.
Тер-Аветисян С. В., 1926. Курганы Хасан-Калы.— Изв. Кавказского историко-археологического ин-та, Тифлис, IV.
Тер-Акопян С., 1935. Вторая Армавирская надпись. Материалы по истории древней Армении. Ереван.
Тер-Мартиросян Ф. И., 1973а. Терракоты из Арташата.— ВОНАН АрмССР, 4.
Тер-Мартиросов Ф. И., 1973б. Античные печи из раскопок ВОНАН АрмССР, 7.
Тирацян Г. А., 1956. Материальная культура древней Армении по данным бани и некрополя Гарни. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
Тирацян Г. А., 1957. Опыт периодизации материальной культуры древней Армении (VI в. до н. э.— III в. н. э.).— Изв. АН АрмССР, ОН, 2.
Тирацян Г. А., 1959а. Памятник коммунальной техники древней Армении в крепости Гарни.— ИФЖ, 2-3.
Тирацян Г. А., 1959б. О торговых связях Армении с Сирией в античное время.— ПС, 4.
Тирацян Г. А., 1960. Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье.— Изв. АН АрмССР, ОН, 7—8.
Тирацян Г. А., 1962. Раскопки крепости Ацаван в 1961 г.— Изв. АН АрмССР, ОН, 11.
Тирацян Г. А., 1963. Раскопки крепости Ацаван в 1962 г.— Изв. АН АрмССР, ОН. 12.
Тирацян Г. А., 1964а. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э.— СА, 3.
Тирацян Г. А., 1964б. Урартская цивилизация и ахеменидский Иран.— ИФЖ, 2.
Тирацян Г. А., 1965. О расписной керамике древней Армении.— ИФЖ, 3.
Тирацян Г. А., 1968а. Урарту и Армения.— ВОНАН АрмССР, 2.
Тирацян Г. А., 1968б. Из материалов раскопок крепости Ацаван в 1963 и 1965 гг.— ИФЖ, 1.
Тирацян Г. А., 1968в. Золотая пектораль из Армавира (Армения).— СА, 4.
Тирацян Г. А., 1969. К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время.— ИФЖ, 1.
Тирацян Г. А., 1970. Раскопки Паракарского башнеобразного погребения.— Вестн. Ереванского гос. ун-та, 1.
Тирацян Г. А., 1971а. Древнеармянская керамика из раскопок Армавира.— ИФЖ, 1.
Тирацян Г. А., 1971б. Армянская культура VI—IV вв. до н. э.— В кн.: История армянского народа. Ереван, I.
Тирацян Г. А, 1971в. Письменность и литература (гл.: Культура Армении в эллинистический период).— В кн.: История армянского народа. Ереван, I.
Тирацян Г. А., 1973а. Археологические работы в Армавире.— ВОНАН АрмССР, 5.
Тирацян Г. А., 1973б. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.).— В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван.
Тирацян Г. А., 1974а. Из материалов раскопок Армавира в 1973 г.— ИФЖ, 3.
Тирацян Г. А., 1974б. Раскопки Армавира.— ВОНАН АрмССР, 12.
Тирацян Г. А., 1976. Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры.— В кн.: Древний Восток. Ереван, 2.

Тирацян Г. А., 1978а. Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры).— В кн.: II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.
Тирацян Г. А., 1978б. Армавир и античный мир.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
Тирацян Г. А., 1978в. Урартский Армавир (по данным археологических раскопок).— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.
Товадзе Ф. П., Баркая В. Ф., 1954. Из истории обработки металла давлением по археологическим материалам.— СА, XX.
Токарский Н. М., 1961. Архитектура Армении. Ереван.
Толордава В. А., 1963. Материалы к истории Иберийского царства в последние века I тысячелетия до н. з.— МАГК, III.
Толордава В. А., 1975. Богатое погребение из Даблагоми.— Вани, II.
Толордава В. А., 1976. Археологические раскопки из Даблагоми.— Вани, II.
Толордава В. А., 1977а. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми.— КСИА, 151.
Толордава В. А., 1977б. IV участок Бичвинтского городища.— Великий Питиунт, II.
Толордава В. А., 1980. Погребальные обряды Грузии эллинистического времени. Тбилиси
Торосян Р. М., Тер-Мартиросов Ф. И., 1976. Могильник позднего эллинистического периода в селе Айгешат Эчмиадзинского района.— ИФЖ, 2.
Трапш М. М., 1962. Памятники колхидской и скифской культур в селе Кулапурхва Абхазской АССР. Сухуми.
Трапш М. М., 1969. Труды. Сухуми, II.
Трапш М. М., 1971. Культура цебельдинских некрополей.— Труды. Сухуми, III.
Тревер К. В., 1953. Очерки по истории культуры древней Армении. М.; Л.
Тревер К. В., 1959. Очерки по истории культуры Кавказской Албании. М.; Л.
Туманян М. Г., 1944. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР.— Изв. АН АрмССР, 1—2.
Угрелидзе Н. Н., 1961. Стекло в древней Грузии. Тбилиси.
Фавстос Бузанд, 1953. История Армении. Ереван.
Хазарадзе Н. В., Цкитишвили Г. Г., 1980. Черепица Цихиагора.— В кн.: Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси, VI.
Халилов Дж. А., 1958. Могильник у села Казахбейли Казахского района.— ИАН АзССР, СОН, 2.
Халилов Дж. А., 1959. Археологические памятники западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железного века. Баку.
Халилов Дж. А., 1960а. Поселение на холме Сары-тепе.— СА, 4.
Халилов Дж. А., 1960б. Каменные статуи Хыныслы.— ДАН АзССР, XVI, 11.
Халилов Дж. А., 1961. Древнее поселение Хыныслы.— ИАН АзССР, СОН, 3.
Халилов Дж. А., 1962а. Городище Хыныслы — памятник древней Кавказской Албании.— СА, 1.
Халилов Дж. А., 1962б. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане.— МКА, IV.
Халилов Дж. А., 1963. Древнее поселение Хыныслы.— ИАН АзССР, СОН, 3.
Халилов Дж. А., 1965а. Археологические находки близ с. Даг-Коланы Шемахинского района.— АИА.
Халилов Дж. А., 1965б. Первые итоги археологических раскопок Хыныслы.— МКА, VI.
Халилов Дж. А., 1965в. Археологические памятники I тысячелетия у села Худжбала в Азербайджанской ССР.— СА, 3.
Халилов Дж. А., 1971. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Халилов Дж. А., 1974а. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э.— III в. н. з.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Баку.
Халилов Дж. А., 1974б. Разведки на юго-восточных склонах Большого Кавказского хребта.— АО 1973 г.
Халилов Дж. А., 1975. Могильник у с. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана.— В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа. ТД. Махачкала.
Халилов Дж. А., Бабаев И. А., 1974. О городах Кавказской Албании.— СА, 4.
Ханзадян Э. В., 1973. Мецамор. Ереван.
Хахутайшвили Д. А., 1964. Уплисцихе 1. Тбилиси.
Хахутайшвили Д. А., 1966. Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси.
Хахутайшвили Д. А., 1970. Уплисцихе (Результаты археологических изысканий). Тбилиси, II.
Хахутайшвили Д. А., 1973. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван.
Хахутайшвили Д. А., 1977а. Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа.— КСИА, 151.
Хахутайшвили Д. А., 1977б. Некоторые вопросы древнеколхидской металлургии железа.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
Хачатрян Ж. Д., 1965. Многогранные печати, найденные в Армении.— ИФЖ, 1.
Хачатрян Ж. Д., 1966. Археологические находки в Гехадире.— ВОНАН АрмССР, 1.
Хачатрян Ж. Д., 1974. Замечания по глиптике Армении эллинистического времени.— ВОНАН АрмССР, 7.
Хачатрян Ж. Д., 1975а. Стеклоделие в древней Армении.— ИФЖ, 1.
Хачатрян Ж. Д., 1975б. Кремация в Армении (II в. до н. э.— III в. н. э.).— ВОНАН АрмССР, 2.
Хачатрян Ж. Д., 1976. Гарни V. Ереван.
Хачатрян Ж. Д., 1977а. Античная поливная керамика Армении.— ИФЖ, 3.
Хачатрян Ж. Д., 1977б. Уникальное погребение позднеэллинистического времени.— ВОНАН АрмССР, 1.
Хачатрян Ж. Д., 1978а. Медальоны Армении античного времени.— ВОНАН АрмССР, 5.
Хачатрян Ж. Д., 1978б. Результаты раскопок VIII Арташатского холма в 1973—1975 гг.— ВОНАН АрмССР, 8.
Хачатрян Ж. Д., 1979. Об античной коропластике Армении.— ВДИ, 3.
Хачатрян Ж. Д., Канецян А. Г., 1974. Стратиграфия VIII холма Арташата.— ВОНАН АрмССР, 9.
Ходжаш С. И., 1968. Керамика Эребуни.— Сообщ. ГМИИ. М.
Ходжаш С. И., 1975. Амулет бога Беса из Эребуни.— В кн.: Древний Восток. М., I.
Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., 1979. Эребуни. Памятник урартского зодчества VIII—VI вв. до н. з. М.
Хоштариа Н. В., 1941. Чхороцку. Могильник с трупосожжением (захоронение в урнах).— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, II.
Хоштариа Н. В., 1955. Археологические исследования Уреки.— МАГК, I.
Хоштариа Н. В., 1962. Цихисдзири в первых веках нашей эры. Тбилиси.
Хоштариа Н. В., 1972. История археологического изучения Вани.— Вани, I.
Церетели Г. В., 1939. Урартские памятники музея Грузии. Тбилиси.
Церетели Г. В., 1942. Армазская билингва. Тбилиси.
Церетели Г. В., 1948. Эпиграфические находки в Мцхета.— ВДИ, 2.
Церетели Г. В., 1960. Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета.— ВДИ, 2.
Цитланадзе Л. Г., 1967. Культура племен горной части Центрального Кавказа VI—V вв. до н. з. по археологическим памятникам. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
Цитланадзе Л. Г., 1973. Археологические находки в с. Лиа.— ДМ, 33.
Цитланадзе Л. Г., 1976. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси.
Цкитишвили Г. Г., 1977. Результаты работ на Цихиа-гора.— КСИА, 151.
Цкитишвили Г. Г., и др., 1979. Итоги работ Кавтисхевской археологической экспедиции.— ПАИ в 1976 г.
Чиковани Т. А., 1967. Из истории народного жилища Закавказья. Тбилиси.
Чилашвили Л. А., 1964. Городище Урбниси. Тбилиси.

Чкониа А. М., 1977. Золотые серьги из Вани.— Вани, III.
Шамба Г. К., 1970. Погребение II в. из Мацесты.— СА, 2.
Шамба Г. К., 1972. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшеры.— Изв. Абхазского научно-исследовательского ин-та, Тбилиси, I.
Шамба Г. К., 1977. Предварительные итоги работ на Эшерском городище.— КСИА, 151.
Шамба Г. К., 1980. Эшерское городище (основные результаты археологических раскопок 1968, 1970—1977 гг.). Тбилиси.
Шарифов Д. М., 1927. Обследование развалин Кабалы.— ИООИА, 4.
Шелов Д. Б., 1980. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI.— В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.
Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н., 1960. Исследование древнего Себастополиса.— СА, 3.
Шлеев В. В., 1954. Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Щеблыкин И. П., 1945. Архитектурно-строительные остатки Кабалы.— Изв. АзФАН, 1.
Щеблыкин И. П., 1946. Части старых колонн, найденных в районе Орен-Кала и Нахичеванской АССР.— Дан АзССР, II, 6.
Якубцинер М. М., 1956. К истории культуры пшеницы в СССР.— В кн.: Материалы по истории земледелия в СССР. М., II.
Ямпольский З. И., 1955. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании.— КСИИМК, LX.
Ямпольский З. И., 1962. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку.
Ямпольский З. И., 1971а. Об этническом состоянии Каспианы.— УЗАГУ, СИФ.
Ямпольский З. И., 1971б. О времени образования государства Атропатена.— ДАН УзССР, XXVII, 9.
Ямпольский З. И., 1974а. Об Атропате — современнике Александра Македонского — ВДИ, 2.
Ямпольский З. И., 1974б. Необоснованное утверждение о языковом облике древнего и раннесредневекового Азербайджана.— УЗМВСО АзССР, СЯЛ, № 6.
Яновский А., 1846. О древней Кавказской Албании.— ЖМНП, II, 2.

Amandry P., 1958. Orfévrerie achéménide.— Antike Kunst, I.
Bernard P., 1973. Fouilles d'Ai-Khanum. Paris, I.
Bilgic E., Ögün B., 1964. Excavations at Kefkalése of Adilcevaz.—Anatolia, VIII.
Burney Ch., 1966. A first season of excavations at the urartian citadel of Kayalidere.— Anatolian Studies, XVI.
Erme K., 1969. The Urartian Pollery from Altin-Tepe.— Turk Tarih Kurumu Belleten, XXXIII, 131.
Erzen A., 1976. Recent archaeological Research in Turkey.— Anatolian Studies, XXVI.
Francovich L., de, 1966. Problems of Achaemenid Architecture.— East and West, 16.
Fue A. de la, 1927. Monnaie inedite de Xerxes provenant des fouilles.—Revue Numismatique, XXX.
Golenko K., 1972. Kolchis.— Chiron, 2.
Herzfeld E., 1921. Khattische und khaldische Bronzen.— Janus, I.
Herzfeld E., 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs.— Burlington Magazine, 52.
Hummel J., 1933. Zur Archäologie Azerbeidzans.— Eurasia Septentrionalis Antiqua, VIII.
Kleiss W., 1973. Qal'eh Zochak in Azerbaidjan.— AMI, 6.
Kleiss W., 1976. Urartäische Architektur.— In: Urartu. Ein wiederentdeckter Rivale Assyriens. München.
Kleiss W., Kroll St., 1976. Zwei Plätze des 6. Jahrhunderts v. Chr. in Iranisch-Azerbaidjain.— AMI, 9.
Kroll St., 1976a. Keramic urartäischer Festungen in Iran. Berlin.
Kroll St., 1976b. Urartäische Keramic.— In: Urartu, Ein wiederentdeckter Rivale Assyriens. München.
Lehmann-Haupt C. F., 1931. Armenien einst und yetzt. Berlin — Leipzig, II, 2.
Mellink M., 1966. Archaeology in Asia Minor.— American Journal of Archaeology, 2.
Minorsky V., 1944. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene.— BSOAS, XI, 2.
Nylander C., 1966. Remarks on the Urartian Akropolis at Zernaki-Tepe.— Orientalia Suecana (1965—1966), Uppsala, XIV, XV.
Ögün B., 1971. Haraba Excavations, 1969.— Keban Project 1969. Activities. Ankara.
Oqün B., 1972. Haraba Excavations, 1970.— Keban Project 1970 Activities. Ankara.
Osten H. H., von der, 1952. Die urartäische Töpferei und die Möglichkeit ihrer Einordnung in die anatolische Keramik.— Orientalia, N. S., 21, 3.
Özgüs T., 1966. Altin-Tepe. Ankara, I.
Özgüs T., 1969. Altin-Tepe. Ankara, II.
Perikhanian A., 1971. Insciption araméene gravés sur une coupe d'argent trouvés à Sissian (Arménie).— Revue des Etudes Arméniennes, VIII.
Schmidt F., 1957. Persepolis. Chicago, II.
Stronach D., 1974. Achaemenid village I at Susa and the Persian Migration to Fars.— Iraq, 36.
Tschubinaschwili G., 1926. Der Fund von Sargweschi.— Изв. Кавказского историко-археологического ин-та. Тбилиси, III.

Библиография к части второй

Абдуллаев К., 1973. Археологическое изучение городища Канка (средневековый Харашкет).— ТДСПИПАИ в 1972 г. Ташкент.
Абдуллаев К., 1974а. Квартал керамистов городища Канка.— ИМКУ, 11
Абдуллаев К., 1974б. Уникальная находка терракотового фриза.— ОНУ, 2.
Абдуллаев К., 1975. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972).— ИМКУ, 12.
Абрамова М. П., 1959. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. (по материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап).— СА, 1.
Агзамходжаев Т., 1961. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская.— ИМКУ, 2.
Агзамходжаев Т., 1962. Туябугузские наусы.— ИМКУ, 3.
Агзамходжаев Т., 1964. Бронзовые украшения из Туябугуза.— ИМКУ, 5.
Агзамходжаев Т., 1966а. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Агзамходжаев Т., 1966б. Подземные каменные наусы около г. Ангрена.— ИМКУ, 7.
Айзенберг Ю. Б., 1958. Из истории использования естественного камня. Петрографическая обработка археологического каменного материала с мертвого городища Гяур-кала и поселения Карад-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, VIII.
Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И., 1976. Исследования в Ташкентской области.— АО 1975 г.
Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И., 1977. Работы по своду археологических памятников Ташкентского оазиса.— АО 1976 г.
Алимов У., 1969. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе.— ИМКУ, 8.
Альбаум Л. И., 1955а. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.).— ТИИААН УзССР, VII.
Альбаум Л. И., 1955б. Некоторые результаты изучения Анхорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг.— Изв. АН УзССР, 7.
Альбаум Л. И., 1960. Балалык-тепе. Ташкент.
Альбаум Л. И., 1965. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане.— МСПИАЭИ. ТД.
Альбаум Л. И., 1969. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тепе.— ИМКУ, 8.
Альбаум Л. И., 1974. Раскопки буддийского комплекса Фаязтепе (по материалам 1968—1972 гг.).— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Альбаум Л. И,. 1976. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г.— БД.
Альбаум Л. И., 1979. Фаяз-тепе и вопросы кушанской хронологии.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Альхамова З. И., 1949. Зарегистрированные монетные находки в южном Туркменистане с 1884 по 1946 г. (по опубликованным данным).— В кн.: Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад, 1.

Альхамова З. И., 1953. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва.— ТЮТАКЭ, II.

Аманеков Д., Бабаев А., Вейсов К., 1963. География Туркменской ССР. Ашхабад.

Андрианов Б. В., 1955. Из истории земель древнего орошения Хорезмского оазиса.— В кн.: Памяти академика Л. С. Берга. М.; Л.

Андрианов Б. В., 1958. Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен — Яб.— ТХАЭЭ, II.

Андрианов Б. В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.

Арриан, 1962. Поход Александра. М.; Л.

Аскаров А. А., 1973. Сапаллитепа. Ташкент.

Аскаров А. А., 1976а. Бронзовый век южного Узбекистана. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.

Аскаров А. А., 1976б. Расписная керамика Джар-Кутана.— БД.

Аскаров А., 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.

Аскаров А. А., 1982. Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана.— ИМКУ, 17.

Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.

Аскаров А. А., Филанович М. И., 1980. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента.— ОНУ, 6.

Афрасиаб I, 1969. Афрасиаб. Вып. 1, Ташкент.

Ахраров И., 1979. Сельское поселение античного времени в Чустском районе.— ИМКУ, 15.

Ахраров И., Усманова З. И., 1978. Новые данные к истории Бухары.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.

Ахраров И., Усманова З. И., 1980. Керамическая печь позднеантичного времени.— ТЮТАКЭ, XVII.

Бабаев А. Г., 1961. Схема геоморфологического районирования юго-восточной Туркмении.— Тр. Туркменского географического о-ва. Ашхабад, 2.

Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, 1976. Л.

Бартольд В. В., 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. М., I.

Бартольд В. В., 1965. Тохаристан.— Сочинения. М., III.

Бартольд В. В., 1966. К истории древнего Мерва.— Сочинения. М., IV.

Баруздин Ю. Д., 1957. Карабулакский могильник.— ТИИ АН КиргССР, 8.

Баруздин Ю. Д., 1961. Карабулакский могильник.— ИАН КиргССР, серия обществ. наук, 3

Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М., 1961. Бронзовая пластина из Карабулакского могильника.— КСИА, 86.

Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе.

Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г., 1961. Бронзовая женская статуэтка из Кара-булакского могильника.— КСИА, 85.

Батыров Б. Х., 1974. Костные остатки животных из слоев кушанской эпохи на юге Узбекистана.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.

Беленицкий А. М., 1970. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии.— КСИА, 122.

Беляева Т. В., 1978. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.

Беляева Т. В., 1979а. Раскопочные работы на Ходжентском Арке.— АО 1977 г.

Беляева Т. В., 1979б. К стратиграфии древнего Ходжента.— В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». ТД. Ташкент.

Беляева Т. В., 1980. Об эллинистических элементах в керамике Ходжента.— В кн.: Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван.

Беляева Т. В., 1982. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г.— АРТ, XVI.

Беляева Т. В., Хакимов З. А., 1973. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.

Бернштам А. Н., 1943. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.

Бернштам А. Н., 1947а. Древняя Фергана.— КСИИМК, XXI.

Бернштам А. Н., 1947б. Из истории восточной Ферганы и Алая (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.).— Изв. КиргФАН, 6.

Бернштам А. Н., 1947в. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет.— ВДИ, 3.

Бернштам А. Н., 1948. Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши.— СЭ, 4.

Бернштам А. Н., 1949а. Древняя Фергана.— ВДИ, 1.

Бернштам А. Н., 1949б. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае.— КСИИМК, XXVIII.

Бернштам А. Н., 1951а. Древняя Фергана (научно-популярный очерк). Ташкент.

Бернштам А. Н., 1951б. Памиро-ферганская археолого-этнографическая экспедиция (археологические работы 1950 г.).— В кн.: ТД на сессии Отделения истории и философии и Пленуме ИИМК, посвященным итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М.

Бернштам А. Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 26.

Билалов А. И., 1980. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе.

Бичурин Н. Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 2.

Блаватский В. Д., 1954. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья.— СА, XX.

Бонгард-Левин Г. М., 1973. К проблеме земельной собственности в древней Индии.— ВДИ, 2.

Бритова Н. Н., 1969. Греческая терракота. М.

Брусенко Я. Г., 1973. Остатки монументального здания I в. н. э. из Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 2.

Брыкина Г. А., 1966а. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г.— КСИА, 108.

Брыкина Г. А., 1966б. Раскопки на городище Майда-тепе и Карабулак.— АО 1965 г.

Брыкина Г. А., 1967. Раскопки в юго-западных предгорьях Ферганы и на поселении Ана-Кызыл.— АО 1966 г.

Брыкина Г. А., 1970. Раскопки усадьбы у с. Кайрагач.— АО 1969 г.

Брыкина Г. А., 1971а. Некоторые вопросы идеологии и культурные связи населения юго-западной Ферганы в V—VI вв. (по материалам усадьбы Кайрагач). ТДСПИПАИ в 1970 г. Тбилиси.

Брыкина Г. А., 1971б. Раскопки усадьбы Кайрагач.— АО 1970 г.

Брыкина Г. А., 1972. Раскопки усадьбы Кайрагач.— ТДСПИПАИ в 1971 г. М.

Брыкина Г. А., 1973а. Городище Майда-тепе.— КСИА, 136.

Брыкина Г. А., 1973б. Некоторые вопросы верований древних ферганцев (в связи с находками в курганах и в усадьбе Кайрагач).— ТДСПИПАИ в 1972 г. Ташкент.

Брыкина Г. А., 1975. Раскопки в Кайрагаче (южная Киргизия).— АО 1974 г.

Брыкина Г. А., 1976. Раскопки усадьбы Кайрагач.— АО 1975 г.

Брыкина Г. А., 1977. Культурные связи Ферганы в I тыс. н. э.— В кн.: Раннесредневековая культура в Средней Азии и Казахстане. ТД. Душанбе.

Брыкина Г. А., 1978. Раскопки в Кайрагаче.— АО 1977 г.

Брыкина Г. А., 1979а. Итоги исследования усадьбы Кайрагач в Фергане.— УСА, 4.

Брыкина Г. А., 1979б. Культурные связи Ферганы в I тыс. н. э.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.

Брыкина Г. А., 1982. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М.

Брыкина Г. А., Мартынова И. Н., 1972. Раскопки усадьбы Кайрагач.— АО 1971 г.

Брыкина Г. А., Николаенко Т. Д., 1977. Раскопки в Кайрагаче.— АО 1976 г.

Брыкина Г. А., Чернецов А. В., Григорьев В. В., 1973. Раскопки усадьбы Кайрагач.— АО 1972 г.

Брюллова-Шаскольская Н. В., 1927а. Глубины великих культур.— Семь дней, 17.

Брюллова-Шаскольская Н. В., 1927б. На Аму-Дарье.— Новый Восток, 16, 17.

Букинич Д. Д., 1924. История первобытного орошаемого земледелия Закаспийской области.— Хлопковое дело, 5.

Букинич Д. Д., 1945. Каналы древнего Термеза.— Труды АН УзССР, серия I, 2.

Букинич Л. Л., 1969. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши.— ИМКУ, 8.
Буряков Ю. Ф., 1974. Горное дело и металлургия средневекового Илака. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., 1975. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., 1978. Раскопки городища Чангтепе в Ташкентском оазисе.— ИМКУ, 14.
Буряков Ю. Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г., 1973. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе.— ИМКУ, 10.
Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М., 1973. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Левина Г. Д., 1973. Работы Ташилакского отряда.— АО 1972 г.
Буряков Ю. Ф., Тагиев М., 1968. О кангюйско-кушанских слоях Афрасиаба.— ОНУ, 8.
Буряков Ю. Ф., Филанович М. И., 1979. Становление городской культуры и этапы ее развития на территории Ташкента.— ОНУ, 3.
Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф., Алимов К., 1974. Работы в Ташкентской области.— АО 1973 г.
Вайнберг Б. И., 1962. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки.— ВДИ, 1.
Вайнберг Б. И., 1971. Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм.— Нумизматический сборник ГИМ, III, IV.
Вайнберг Б. И., 1972. Титулы правителей домусульманского Хорезма.— ЭВ, XXI.
Вайнберг Б. И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.
Вайнберг Б. И., 1979а. Памятники куюсайской культуры.— ХАЭЭ, XI.
Вайнберг Б. И., 1979б. Первые выпуски медных монет в древнем Хорезме.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.
Валиев А., Кошеленко Г. А., 1976. Антропогенные ландшафты в эпоху античности.— Природа, 10.
Вархотова Д. П., 1964. Такъянтепе.— ИМКУ, 5.
Вертоградова В. В., 1975. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе.— В кн.: Новые находки в Старом Термезе. М.
Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А., 1979. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.
Воробьева М. Г., 1959. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, IV.
Воробьева М. Г., 1961. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.— Труды ИЭ, Новая серия, XLVIII.
Воробьева М. Г., 1963. Греко-Бактрия, Парфия (III—II вв. до н. э.).— В кн.: История таджикского народа. М., 1.
Воробьева М. Г., 1967. Керамика.— В кн.: Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. М.
Воробьева М. Г., 1970. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов.— КСИА, 122.
Воробьева М. Г., 1973. Дингильдже. М.
Воробьева М. Г., 1978. Работа Базаркалинского отряда.— АО 1977 г.
Воробьева М. Г., 1979. Работы в окрестностях Базаркалы и к северу от Джанбаскалы.— АО 1978 г.
Воробьева М. Г., 1981. Хорезмийские терракоты.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е., 1963. Раскопки Хазараспа в 1958—1961 гг.— МХЭ, 6.
Воробьева-Десятовская М. Н., 1964. Памятники индийской письменности из Средней Азии.— В кн.: Индия в древности. М.
Воробьева-Десятовская М. Н., 1974. Новые надписи письмом кхароштхи из Термеза.— ВДИ, 1.
Воробьева-Десятовская М. Н., 1976. Надписи письмом кхароштхи на золотых предметах из Дальверзинтепе.— ВДИ, 1.
Воронец М. Э., 1940а. Археологические исследования 1937—1939 гг. в Узбекской ССР.— ВДИ, 3/4.
Воронец М. Э., 1940б. Археологические исследования Узбекистанского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г.— ВДИ, 1.
Воронец М. Э., 1951. Отчет об археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г.— ТМИ УзССР, 1.
Воронец М. Э., 1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— ТМИ УзССР, 2.
Воронина В. Л., 1950а. Резное дерево Заравшанской долины.— МИА, 15.
Воронина В. Л., 1950б. Изучение архитектуры древнего Пянджикента (по материалам раскопок 1947 г.).— МИА, 15.
Воронина В. Л., 1952. Строительная техника древнего Хорезма.— ХАЭЭ, I.
Воронина В. Л., 1953. Древняя строительная техника Средней Азии.— Архитектурное наследство, 3.
Воронина В. Л., 1957. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии.— СА, 4.
Воронина В. Л., 1972. Эллинистический ордер на территории Таджикистана.— Архитектурное наследство, 20.
Воронина В. Л., 1975. К истокам строительной техники.— Проблемы истории архитектуры народов СССР, 2.
Всеобщая история архитектуры, 1944. М., I.
Всеобщая история архитектуры, 1949, М., II, 1.
Вязигин С. А., 1948. Оссуарии с городища Калалы-гыр Ташаузской области Туркменской ССР.— ВДИ, 3.
Вязигин С. А., 1949. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.— ТЮТАКЭ, I.
Вязьмитина М. И., 1945. Керамика Айртама времени кушанов.— ТТАКЭ, II.
Вязьмитина М. И., 1945б. Раскопки на городище Айртам.— ТТАКЭ, II.
Вязьмитина М. И., 1949. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г.— ТЮТАКЭ, I.
Вязьмитина М. И., 1953. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г.— ТЮТАКЭ, II.
Вяткин В. Л., 1927. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент.
Гаврюшенко П. П., 1969а. О хронологической классификации керамики Кулунчанского поселения.— ИАН КиргССР, 2.
Гаврюшенко П. П., 1969б. Орудия труда как источник характеристики производительных сил Киргизии в эпоху рабовладения.— В кн.: Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. Фрунзе.
Гаврюшенко П. П., 1970а. К вопросу о культурно-экономической и социальной истории восточной Ферганы (вторая половина I тыс. до н. э.) — ИАН КиргССР, 6.
Гаврюшенко П. П., 1970б. Кулунчанское укрепленное поселение (К истории восточной Ферганы второй половины I тыс. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Гайдукевич В. Ф., 1947. Работы Фархадской археологической экспедиции Узбекистана в 1943—1944 гг. Предварительное сообщение.— КСИИМК, XIV.
Гайдукевич В. Ф., 1948. К истории древнего земледелия в Средней Азии.— ВДИ, 3.
Гайдукевич В. Ф., 1949а. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе.— КСИИМК, XXVIII.
Гайдукевич В. Ф., 1949б. Боспорское царство. М.; Л.
Гайдукевич В. Ф., 1952. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане.— СА, XVI.
Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957. Ак-Тамский могильник.— КСИИМК, LXIX.
Ганялин А. Ф., 1956. К стратиграфии Намазга-тепе.— ТИИАЭ АН ТССР, II.
Гафуров Б. Г., 1972. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
Геродот, 1972. История. М.
Гертман А. Н., 1979. Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.
Гинзбург В. В., 1956. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины.— Труды КиргАЭЭ, I.
Гинзбург В. В., 1957. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников.— КСИИМК, LXIX.
Голубцова Е. С., 1962. Очерки социально-политической истории Малой Азии. Независимая сельская община. М.
Голубцова Е. С., 1972. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.— III в. н. э. М.
Горбунова Н. Г., 1961а. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине.— СГЭ, XXI.

Горбунова Н. Г., 1961б. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине.— СГЭ, XXI.
Горбунова Н. Г., 1961б. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. дисс. ... канд ист. наук. Л.
Горбунова Н. Г., 1962а. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ, 5.
Горбунова Н. Г., 1962б. К истории Ферганы в эпоху раннего железа.— СА, 4.
Горбунова Н. Г., 1964. Новые материалы к истории ферганских поселений.— ТД научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л.
Горбунова Н. Г., 1965. На землях древнего оазиса в Фергане.— СГЭ, XXVI.
Горбунова Н. Г., 1966а. Раскопки древних поселений в Фергане.— СГЭ, XXVII.
Горбунова Н. Г., 1966б. Раскопки поселений в зоне затопления Керкидонского водохранилища (Фергана) в 1964—1965 гг.— В кн.: Пленум ИА АН СССР. 1966 г. Секция «Археология Средней Азии». ТД. М.
Горбунова Н. Г., 1967. Работы Ферганской экспедиции в 1964—1966 гг.— ТД научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1966 г. Л.
Горбунова Н. Г., 1968. Фергана в эпоху Кушанского государства (в связи с вопросом о его границах). ТД советских ученых.— В кн.: Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.
Горбунова Н. Г., 1969а. Работы Ферганской экспедиции в 1965—1967 гг.— СГЭ, XXX.
Горбунова Н. Г., 1969б. Суфанский могильник.— АСГЭ, 11.
Горбунова Н. Г., 1970а. О датировке ферганской керамики с красным ангобом.— КСИА, 122.
Горбунова Н. Г., 1970б. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы.— СА, 1.
Горбунова Н. Г., 1971а. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом.— АСГЭ, 13.
Горбунова Н. Г., 1971б. Работы Ферганской археологической экспедиции. Гос. Эрмитажа в 1970 г.— ТДСПИПАИ в 1970 г. Тбилиси.
Горбунова Н. Г., 1971в. Ферганская экспедиция в 1968 г.— СГЭ, XXXIII.
Горбунова Н. Г., 1973а. Некоторые итоги исследования поселений Ферганы кушанского времени.— ТДСПИПАИ в 1972 г. Ташкент.
Горбунова Н. Г., 1973б. Поселения Ферганы первых веков н. э. (некоторые итоги исследования).— СА, 3.
Горбунова Н. Г., 1975а. Раскопки курганов в Ферганской области.— УСА, 3.
Горбунова Н. Г., 1975б. Фергана в кушанское время.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 2.
Горбунова Н. Г., 1975в. Ферганская экспедиция Гос. Эрмитажа.— НОСА, ТД, 2.
Горбунова Н. Г., 1976. Фергана по сведениям античных авторов.— В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
Горбунова Н. Г., 1977а. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в восточной Фергане.— АСГЭ, 18.
Горбунова Н. Г., 1977б. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (Некоторые итоги исследования).— СА, 3.
Горбунова Н. Г., 1979а. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы).— СА, 3.
Горбунова Н. Г., 1979б. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, XX.
Горбунова Н. Г., 1979в. Кургайская (Кургайско-Карабулакская) культура Ферганы II в. до н. э.— VI в. н. э.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД ВНС.
Горбунова Н. Г., 1981. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тыс. н. э.— СГЭ, XXIII.
Горбунова Н. Г., 1983. Кургайско-карабулакская культура Ферганы.— ВДИ, 3.
Горбунова Н. Г., *Иванов Г. П.*, 1973. Ферганская экспедиция.— АО 1972 г.
Горбунова Н. Г., *Козенкова В. И.*, 1974. Сым-тепе — поселение в Фергане.— АСГЭ, 16.
Горбунова Н. Г., *Оболдуева Т. Г.*, 1967. Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской обл.— АО 1966 г.
Горбунова Н. Г., *Оболдуева Т. Г.*, 1968. Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала.— АО 1967 г.
Горбунова Н. Г., *Шичин А. Е.*, 1976. Работы Ферганской экспедиции.— АО 1975 г.
Городище Топрак-кала, 1981 — ТХАЭЭ, XI.
Горячева В. Д., 1972. Археолого-топографическое изучение древнего Узгена.— АО 1971 г.
Гражданкина Н. С., 1958. Древние строительные материалы Туркмении.— ТЮТАКЭ, VIII.
Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.
Грантовский Э. А., 1981. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.
Грек Т. В., 1964. Индийские надписи на керамике.— В кн.: Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.
Грек Т. В., 1975. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе.— В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Грек Т. В., *Лившиц В. А.*, 1972. Двуязычная надпись из Кара-тепе.— В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Греков Б. Д., 1953. Киевская Русь. М.
Григорьев В. В., 1871. О скифском народе саках. СПб.
Григорьев Г. В., 1937. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент.
Григорьев Г. В., 1940. Городище Тали-Барзу.— ТОВЭ, II.
Григорьев Г. В., 1941. «Сасанидское блюдо» из Ферганы.— Изв. УзФАН, 4.
Григорьев Г. В., 1948. Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков).— ИАН КазССР, 46. Серия археологич., I.
Грищин Ю. С., 1960. Производство в тагарскую эпоху.— МИА, 90.
Губаев А., 1968а. Гаш-депе.— Памятники Туркменистана, 2.
Губаев А., 1968б. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка.— КД, 2.
Губаев А., 1970. Античные памятники на четвертой очереди Каракумского канала.— Памятники Туркменистана, 1.
Губаев А., *Кошеленко Г. А.*, 1968. Изучение античных и раннесредневековых памятников.— КД, 1.
Губаев А., *Кошеленко Г. А.*, 1970. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе.— КД, 3.
Губаев А., *Логинов С. Д.*, *Вдовин В. Н.*, 1977. Раскопки замка Ак-депе.— АО 1976 г.
Гудкова А. В., 1963. Археологические исследования в правобережной части дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг.— МХЭ, 6.
Гудкова А. В., 1964. Ток-кала. Ташкент.
Гудкова А. В., *Манылов Ю. П.*, 1981. Могильник у городища Базар-кала.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Гулямов Я. Г., 1951. Отчет о работе 3 отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— ТИИАЛ УзССР, IV.
Гулямов Я. Г., 1956. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса.— ТИИА АН УзССР, VIII.
Гулямов Я. Г., 1957. История орошения Хорезма. Ташкент,
Гулямов Я. Г., 1963. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Заравшана.— ИМКУ, 6.
Гулямов Я. Г., 1974. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., I.
Гулямов Я. Г., *Буряков Ю. Ф.*, 1970. Новые данные по истории древнего Самарканда.— ОПУ, 9.
Гулямова Э., 1958. Раскопки на Дюшамском некрополе.— Сообщ. РИКМ, 3.
Гутлыев Г., 1974а. Раскопки на поселении Яшыллы-депе и Гоша-депе.— АО 1973 г.
Гутлыев Г., 1974б. Памятники южного Туркменистана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Гутлыев Г., 1976. Работы в низовьях Мургаба.— АО 1975 г.
Гутлыев Г., 1977. Раскопки поселения раннежелезного века Яссы-депе в Каахкинском районе.— КД, 5.
Гутлыев Г., 1981. Раскопки Гараой-депе.— В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад.

Давидович Е. А., 1957. Коллекция восточных монет Ферганского областного музея.— ИООН АН ТаджССР, 14.
Давидович Е. А., 1976. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая».— ВДИ, 4.
Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1954. Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г.— ДАН ТаджССР, 11.
Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад.
Дадабаев Г., 1974. История орошения правобережной части Чирчикской долины (с древнейших времен до начала XIII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана, 1978. Ташкент.
Дандамаев М. А., 1963. Иран при первых Ахеменидах. М.
Древний Ташкент, 1973. Ташкент.
Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. з.), 1940. Хрестоматия. Под ред. Л. В. Бажепова. Ташкент.
Древности Туябугаза., 1978. Ташкент.
Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.
Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, 1974. Л.
Древняя и средневековая культура Чача, 1979. Ташкент.
Дресвянская Г. Я., 1969. Бусы с городищ Старого Мерва.— ТЮТАКЭ, XIV.
Дресвянская Г. Я., 1974. Овальный дом христианской общины в Старом Мерве.— ТЮТАКЭ, XIV.
Дуке Х., 1976. К вопросу о бургулюкской культуре.— ОНУ, 8.
Дуке Х., 1977. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г.— ИМКУ, 13.
Дурдыев Д., 1959а. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1954—1957 гг.— ТИИАЭ АН ТССР, V.
Дурдыев Д., 1959б. Кырк-депе.— ТИИАЭ АН ТССР, V.
Дурдыев Д., 1959в. Городище Старого Кишмана (Отчет о раскопках 1956—1957 гг.) — ТИИАЭ АН ТССР, V.
Дурдыев Д., 1976. Уникальная статуэтка с берегов среднего течения Амударьи.— Памятники Туркменистана, 1.
Дьяконов И. М., 1971. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса).— В кн.: История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства и культуры. М.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1951. Документы из древней Нисы.— В кн.: Материалы ЮТАКЭ. М.; Л., 2.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1953а. Парфянский архив из древней Нисы.— ВДИ, 4.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1953б. Новые находки парфянских документов.— Изв. АН СССР, 6.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1956. О языке документов из древней Нисы.— ВДИ, 4.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960а. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работ. М.
Дьяконова И. М., Лившиц В. А., 1960б. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. з.— ВДИ, 2.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1960в. Из материалов парфянской канцелярии Старой Нисы.— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1966. Новые находки документов в Старой Нисе.— Переднеазиатский сборник, 2.
Дьяконов М. М., 1950. Работы Кафирниганского отряда.— МИА, 15.
Дьяконов М. М., 1953. Археологические работы в южном течении реки Кафирнигана (Кобадиан).— МИА, 37.
Дьяконов М. М., 1954а. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы.— ВДИ, 4.
Дьяконов М. М., 1954б. Сложение классового общества в Северной Бактрии— СА, XIX.
Дьяконов М. М., 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.
Ельницкий Л. А., 1964. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.— ВДИ, 2.
Ермолова Н. М., 1970. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— КД, 1.
Ермолова Н. М., 1972. Остатки млекопитающих из древних памятников Южной Туркмении по раскопкам 1970 г.— КД, 4.
Ерназарова Т. С., 1974. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.).— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, III.
Ершов С. А., 1931. Итоги трех лет.— Туркменоведение, 7—9.
Ершов С. А., 1944. Археология в ТССР за 20 лет.— Изв. ТФАН, 2—3.
Ершов С. А., 1949. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г.— ТЮТАКЭ, I.
Ершов С. А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.).— ТИИАЭ АН ТССР, V.
Жебелев С. А., 1953. Северное Причерноморье. М.; Л.
Жуков В. Д., 1940. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала (Предварительное сообщение).— Изв. УзФАН, 10.
Жуков В. Д., 1951. Отчет о работе 2 отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— ТИИА АН УзССР, IV.
Жуков В. Д., 1956а. Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса.— ТИИА АН УзССР, VII.
Жуков В. Д., 1956б. Материалы к изучению пригородов городища Варахша.— ТИИА АН УзССР, VII.
Жуков В. Д., 1957. Некоторые результаты археологических работ в Кувинском районе Ферганской обл.— Изв. АН УзССР, СОН, 2.
Жуков В. Д., 1958. Археологическая разведка на Буритепе в 1956 г.— Изв. АН УзССР. СОН, 5.
Жуков В. Д., 1960. Находка сестерция Нерона в кушанских слоях в южном Узбекистане.— ЭВ, XIII.
Жуков В. Д., 1961. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе.— ИМКУ, 2.
Жуков В. Д., 1966. Археологическая разведка Киндаклитепа.— ИМКУ, 7.
Жуковский В. А., 1894. Развалины древнего Мерва. СПб.
Забелина Н. Н., 1953. Раскопки на городище Калаи-Мир.— МИА, 37.
Завьялов В. А., 1979а. Зартепинский археологический комплекс позднекушанского времени.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент.
Завьялов В. А., 1979б. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе.— СА, 3.
Завьялов В. А., Осипов В. И., 1976. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г.— БД.
Заднепровский Ю. А., 1953 (Рец.). Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Ташкент.— ВДИ, 2.
Заднепровский Ю. А., 1954. Древняя Фергана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
Заднепровский Ю. А., 1956а. Об этническом составе населения древней Ферганы.— КСИИМК, LXI.
Заднепровский Ю. А., 1956б. Разведки и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.— ТИИАЭ АН ТаджССР, XXXVII.
Заднепровский Ю. А., 1957а. Дальверзинское селище.— КСИИМК, LXIX.
Заднепровский Ю. А., 1957б. Археологические работы в южной Киргизии.— КСИЭ, 26.
Заднепровский Ю. А., 1958. Городище Шурбашат.— КСИИМК, LXXI.
Заднепровский Ю. А., 1959а. Археологические работы в южной Киргизии в 1956 г.— КСИИМК, LXXVI.
Заднепровский Ю. А., 1959б. Земледельческие поселения Ферганы и южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа).— В кн.: Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
Заднепровский Ю. А., 1959в. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г.— ТИИ АН КиргССР, 5.
Заднепровский Ю. А., 1960а. Археологические памятники южных районов Ошской обл. Фрунзе.
Заднепровский Ю. А., 1960б. Археологические работы в южной Киргизии в 1954 г.— Труды КиргАЭЭ, 4.
Заднепровский Ю. А., 1960в. Археологические работы в южной Киргизии в 1957 г.— КСИИМК, LXXVIII.
Заднепровский Ю. А., 1960г. Городище Эйлатан.— СА, 3.
Заднепровский Ю. А., 1962а. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 118.
Заднепровский Ю. А., 1962б. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымчатау (Фергана).— СЭ, 5.
Заднепровский Ю. А., 1964. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса.— КСИА, 98.

Заднепровский Ю. А., 1966. Чустская культура в Ферганской долине.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.

Заднепровский Ю. А., 1970. Цитадель Дальверзина.— АО 1969 г.

Заднепровский Ю. А., 1971. Раскопки на Дальверзинском поселении.— АО 1970 г.

Заднепровский Ю. А., 1973а. Разведки и раскопки в Андижанской области.— АО 1972 г.

Заднепровский Ю. А., 1973б. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы.— В кн.: Древний город Средней Азии. ТД. Л.

Заднепровский Ю. А., 1975а. Исследования в южной Киргизии.— АО 1974 г.

Заднепровский Ю. А., 1975б. Раскопки поселений чустской культуры Ферганы.— АО 1974 г.

Заднепровский Ю. А., 1976. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии.— КСИА, 147.

Заднепровский Ю. А., 1977а. Работы в южной Киргизии.— АО 1976 г.

Заднепровский Ю. А., 1977б. Цитадель городища Биловуртепе.— АО 1976 г.

Заднепровский Ю. А., 1978. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дисс. ... докт ист. наук. М.

Заднепровский Ю. А., 1979а. Археологические комплексы древней Ферганы.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД НС.

Заднепровский Ю. А., 1979б. Ферганская экспедиция.— АО 1978 г.

Заднепровский Ю. А., 1981. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии.— КСИА, 167.

Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В., 1974. Работы Ферганской экспедиции.— АО 1973 г.

Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В., 1978. Работы в южной Киргизии.— АО 1977 г.

Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В., 1976. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I.— БД.

Заславская Ф. А., 1959. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени.— ИМКУ, 1.

Зеймаль Е. В., 1962. Клад римских денариев из Таджикистана.— НЭ, III.

Зеймаль Е. В., 1965. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Зеймаль Е. В., 1967. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже.— ТГЭ, IX.

Зеймаль Е. В., 1968. Кушанская хронология (материалы к проблеме). Душанбе.

Зеймаль Е. В., 1972. Талибарзинский клад монет с изображением лучника.— СГЭ, XXXIV.

Зеймаль Е. В., 1978. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.

Зеймаль Е. В., 1979. Амударьинский клад. Л.

Зеймаль Т. И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Зеймаль Т. И., 1971а. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.— МКТ, 2.

Зеймаль Т. И., 1971б. Древние и средневековые каналы Вахшской долины.— В кн.: Страны и народы Востока. М., Х.

Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., 1962. Еще раз о месте находки амударьинского клада.— ИООН АН ТаджССР, 1.

Зеймаль Т. И., Седов А. В., 1979. Комплексы кушано-сасанидского времени в южном Таджикистане.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент.

Златковская Т. Д., 1971. Возникновение государства у фракийцев. М.

Зограф А. Н., 1937. Монеты «Герая». Ташкент.

Из истории античной культуры Узбекистана, 1973. Ташкент.

Исаков А. И., 1982. Отчет о работах Косатарошского отряда за 1976 г.— АРТ, XVI.

Исамиддинов М. Х., 1978. Стратиграфия городища Еркурган в южном Узбекистане.— СА, 3.

Исамиддинов М. Х., 1979. Керамика южного Согда в эпоху древности и раннего средневековья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Исамиддинов М. Х., 1982. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана.— ИМКУ, 17.

Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1977. Комплекс ритуально-культовой керамики IV—V вв. из южного Согда.— ИМКУ, 13.

Итина М. А., 1963. Поселение Якке-Парсан 2.— МХЭ, 6.

К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда, 1981. Ташкент.

Кабанов С. К., 1948. Археологические находки в Фархадстрое.— Изв. АН УзССР, 5.

Кабанов С. К., 1950. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— ТИИА АН УзССР, II.

Кабанов С. К., 1953а. Нахшеб в III—VIII вв. в свете археологических данных. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.

Кабанов С. К., 1953б. К вопросу о столице кидаритов.— ВДИ, 2.

Кабанов С. К., 1954. Археологические раскопки на Шортепе близ Карши.— Изв. АН УзССР, 1.

Кабанов С. К., 1955. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи.— ТИИА АН УзССР, VII.

Кабанов С. К., 1956а. К вопросу о древности канала Иски-Ангор. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.— ТАН ТаджССР, XXXVII.

Кабанов С. К., 1956б. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.— ВДИ, 2.

Кабанов С. К., 1957. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища.— Изв. АН УзССР, 2.

Кабанов С. К., 1958. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан).— СА, 3.

Кабанов С. К., 1959а. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.— ИМКУ, 1.

Кабанов С. К., 1959б. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангорского канала. ИМКУ, 1.

Кабанов С. К., 1961. Нахшебские монеты V—VI вв.— ВДИ, 1.

Кабанов С. К., 1962. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе.— ИМКУ, 3.

Кабанов С. К., 1963. Археологические данные в этнической истории южного Согда в III—VI вв.— СА, 1.

Кабанов С. К., 1964а. Ареал и эволюция двух древних керамических форм.— СА, 3.

Кабанов С. К., 1964б. Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952—1953 гг.— ИМКУ, 5.

Кабанов С. К., 1965. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи.— ИМКУ, 6.

Кабанов С. К., 1966. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. н. э.— СА, 3.

Кабанов С. К., 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб.— СА, 1.

Кабанов С. К., 1971. Изображение Шивы на оссуарии.— СА, 2.

Кабанов С. К., 1973а. Поздние кушаны в Нахшебе.— ВДИ, 3.

Кабанов С. К., 1973б. Руины здания времени кушан близ Карши.— ИМКУ, 10.

Кабанов С. К., 1975. Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашка-Дарьи.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.

Кабанов С. К., 1977. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент.

Кабанов С. К., 1978. Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Карши.— СА, 1.

Кабанов С. К., 1981. Культура сельских поселений южного Согда. III—IV вв. Ташкент.

Кабанов С. К., Шахурин К. А., 1966. Археологическая разведка в верховьях р. Кашка-Дарьи.— ИМКУ, 7.

Кабанов С. К., Шишкина Г. В., 1968. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб.— ОНУ, 3.

Кадыров Э. Б., 1973а. Исследование грунтового могильника в Фергане.— АО 1972 г.

Кадыров Э. Б., 1973б. Новые данные к изучению культуры Ферганы доарабского времени.— ТДСПИПАИ в 1972 г. Ташкент.

Кадыров Э. Б., 1974. К хронологии могильника Обишир в южной Фергане.— ОНУ, 1.

Кадыров Э. Б., 1975а. Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.

Кадыров Э. Б., 1975б. Могильник Гурмирон и его датировка.— НОСА, ТД, 2.

Кадыров Э. Б., 1975в. Новые материалы к изучению куль-

туры древних скотоводов Ферганы (По материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.).— УСА, 3.
Кастальский Б. Н., 1930. Историко-географический обзор Суханской и Ширабадской долин.— Вестн. ирригации, 3.
Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— ТЮТАКЭ, XII.
Кесь А. С., Лисицына Г. Н., 1975. Древние оросительные сооружения юго-западной Туркмении (по материалам работ 1969—1971 гг.).— СА, 1.
Книпович Т. Н., 1949. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода.— КСИИМК, XXVIII.
Кобылина М. М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.
Кожемяко П. Н., 1970. Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР.— КСИА, 122.
Козенкова В. И., 1959. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г.— КСИИМК, 76.
Козенкова В. И., 1964. Гайрат-тепе (К истории поселений Ферганы 1 половины I тыс. н. э.).— СА, 3.
Козенкова В. И., 1966. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры.— СА, 1.
Козловский В. А., Некрасова Е. Г., 1976. Стратиграфический раскоп на цитадели древнего Термеза.— БД.
Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э., 1967.— ТХАЭЭ, V.
Коляков С. М., 1979. Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.
Комаров А. В., 1888. Закаспийская область в археологическом отношении.— Туркестанские ведомости, 24.
Копылов И. И., 1957. Из истории техники литейного дела в сакское время.— Учен. зап. Алмаатинского гос. пед. ин-та. Серия обществ.-полит., 14(2).
Коробкова Г. Ф., 1962. Отпечатки ткани на керамике.— В кн.: Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.
Коське Ф. Я., 1962. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием.— ВДИ, 1.
Кошеленко Г. А., 1963а. Парфянская фортификация.— СА, 2.
Кошеленко Г. А., 1963б. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г.— КСИА, 95.
Кошеленко Г. А., 1966а. Культура Парфии. М.
Кошеленко Г. А., 1966б. О западных влияниях в терракоте Маргианы.— В кн.: Культура античного мира. М.
Кошеленко Г. А., 1966в. Уникальная ваза из Мерва.— ВДИ, 1.
Кошеленко Г. А., 1974. (Рец.): Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.— СА, 2.
Кошеленко Г. А., 1977. Родина парфян. М.
Кошеленко Г. А., 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М., 1966. Раскопки некрополя древнего Мерва.— АО 1965 г.
Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А., 1971. Монументальные росписи Мансур-депе.— Сообщ. ВЦНИЛКР, 26.
Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А., 1972. Мансур-депе — новый памятник парфянского зодчества.— Архитектурное наследство, 20.
Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., 1976. Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1968 гг. (обзор сводной публикации).— БД.
Кошеленко Г. А., Новиков С. В., 1979. Манумиссии Селевкии на Эвлее.— ВДИ, 2.
Кошеленко Г. А., Оразов О., 1965. О погребальном культе в Маргиане парфянского времени.— ВДИ, 4.
Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н., 1968. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы.— КД, 2.
Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1963. Коринфизированная капитель из Мерва.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Кошеленко Г. А., Усманова З. И., 1964. К истории городских укреплений древнего Мерва.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Крашенинникова Н. И., 1960. К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «Башней» Старой Нисы.— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Крашенинникова Н. И., 1963. Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилища Старой Нисы.— Изв. АН ТССР, СОН, 5.
Крашенинникова Н. И., 1968. Разрез крепостной стены древнего Кеша.— ОНУ, 8.
Крашенинникова Н. И., 1969. Древности селения Багир.— Памятники Туркменистана, 2.
Крашенинникова Н. И., 1977. Два комплекса керамики II—I вв. до н. з. из нижних слоев Китаба.— В кн.: Археология Средней Азии. Сб. научн. трудов ТашГУ. Ташкент, 533.
Крашенинникова Н. И., 1978. Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.
Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А., 1964. Круглый храм парфянской Нисы.— СА, 4.
Кругликова И. Т., 1974. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). М., 1.
Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., 1977. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). М., 2.
Кругликова И. Т., Сарианиди В. И., 1971. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА, 4.
Кузищин В. И., 1973а. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. з.— I в. н. э. М.
Кузищин В. И., 1973б. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип.— ВДИ, 1.
Кузьмина Е. Е., 1972. К вопросу о формировании культуры северной Бактрии.— ВДИ, 1.
Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б., 1956. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-Шах.— КСИИМК, LXIV.
Куфтин Б. А., 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы.— ТЮТАКЭ, VII.
Кюнер Н. В., 1961. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
Лапиров-Скобло М. С., 1969. Новый памятник фортификации древнего Хорезма.— АО 1968 г.
Латынин Б. А., 1935 а. К вопросу об истории ирригации.— В кн.: Академия наук СССР акад. Н. Я. Марру. М.; Л.
Латынин Б. А., 1935б. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане.— ИГАИМК, 110.
Латынин Б. А., 1956. Вопросы истории ирригации древней Ферганы.— КСИИМК, LXIV.
Латынин Б. А., 1959. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии.— СА, 3.
Латынин Б. А., 1961. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г.— АСГЭ, 3.
Латынин Б. А., 1962. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Обобщающий доклад по работам, представленным как дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л.
Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 4.
Левина В. А., 1949. Стена и башня Старой Нисы.— ТЮТАКЭ, I.
Левина Л. М., 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М.
Лелеков Л. А., 1971. Осколок вазы из Мансур-депе.— Памятники Туркменистана, 1.
Лелеков Л. А., Берлин Т. И., Рузавин Ю. А., 1968. Особенности росписей Мансур-депе по данным химического и спектрографического анализа.— КД, 2.
Лившиц В. А., 1953. Тохарская надпись на хуме.— ДАН ТаджССР, 7.
Лившиц В. А., 1962. Согдийские документы с горы Муг. М.
Лившиц В. А., 1963. Древнейшие государственные образования.— ИТН, I.
Лившиц В. А., 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Лившиц В. А., 1971. Земледелие и аграрные отношения в период раннего средневековья.— В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад.
Лившиц В. А., 1975. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Лившиц В. А., 1976. Надписи из Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М.
Лившиц В. А., 1977. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Лившиц В. А., 1978. Новые находки парфянских надписей в Туркмении.— В кн.: Археология и история Средней Азии. Ашхабад.

Лившиц В. А., 1979. Два остракa из Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 2.
Лиманное орошение, 1970. М.
Лисицына Г. Н., 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в южной Туркмении. М.
Лисицына Г. Н., Сарианиди В. И., 1961. Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в эпоху первобытнообщинного строя.— В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад.
Литвинский Б. А., 1953. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.— ТЮТАКЭ, II.
Литвинский Б. А., 1954. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк). Сталинабад.
Литвинский Б. А., 1956. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК, LXIV.
Литвинский Б. А., 1958. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах.— Сообщ. РИКМ, 3.
Литвинский Б. А., 1965 (Рец.): Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л, 1962 (МИА, 118).— СА, 4.
Литвинский Б. А., 1967а. Махадева и Дутхагамани (О начале буддизма в Парфии).— ВДИ, 3.
Литвинский Б. А., 1967б. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы.— СА, 2.
Литвинский Б. А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе.
Литвинский Б. А., 1972. Курганы и курумы западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1973а. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг.— АРТ, X.
Литвинский Б. А., 1973б. Керамика из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1973в. Украшения из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1975. Распространение буддизма в Средней Азии.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.
Литвинский Б. А., 1976а. Работы Южно-Таджикского отряда в 1972 г.— АРТ, XII.
Литвинский Б. А., 1976б. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
Литвинский Б. А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1979. Кушанский город в Средней Азии и Индии.— НАА, 3.
Литвинский Б. А., 1981. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы).— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н., 1977. Отчет о работах Южно-Таджикистанской экспедиции в 1973 г.— АРТ, XIII.
Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969. Античное городище Саксанохур (южный Таджикистан).— СА, 2.
Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., 1962. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1979. Кушанские Эроты.— ВДИ, 2.
Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1980. Новые открытия в южном Таджикистане.— Вестн. АН СССР, 7.
Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1981а. Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1981б. Ножны акинака из Бактрии.— ВДИ. 3.
Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
Луконин В. Г., 1967. Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ, XVIII.
Луконин В. Г., 1969а. Завоевание Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— ВДИ, 2.
Луконин В. Г., 1969б. Культура Сасанидского Ирана. М.
Луконин В. Г., 1969. Среднеперсидские надписи из Каратепе.— В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Лунина С. Б., Усманова З. И., 1969. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции.— АО 1968 г.
Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата.
Мамбетуллаев М., 1978. Городище Большая Айбугир-кала.— Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР, Нукус, 4.
Мамбетуллаев М., 1979. Хум с городища Большая Айбугир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии.— Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1.
Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П., 1977. Городище Топрак-кала — крепостное сооружение древнего Хорезма.— ОНУ, 3.
Мамбетуллаев М., Юсупов Н., 1974. Археологические работы в Хорезмской области.— АО 1973 г.
Мандельштам А. М., 1960. К вопросу о хронологической классификации терракот Согда.— ТИИ АН ТаджССР, 29.
Мандельштам А. М., 1963. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения южного Туркменистана в античную эпоху.— Изв. АН ТССР, СОН, 2.
Мандельштам А. М., 1964. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения).— КСИА, 98.
Мандельштам А. М., 1966а. Кочевники на пути в Индию. М.
Мандельштам А. М., 1966б. К предкушанскому чекану Бактрии.— ЭВ, XVII.
Мандельштам А. М., 1967. Археологическая разведка в Чаршангинском районе.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Мандельштам А. М., 1971. Мешрепитахтинский могильник.— КСИА, 128.
Мандельштам А. М., 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.; Л.
Мандельштам А. М., 1974. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., I.
Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.
Мандельштам А. М., 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия.— КСИА, 147.
Мандельштам А. М., Певзнер С. Б., 1957. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА, 66.
Манылов Ю. П., 1967. Сосуды-оссуарии из Южного Хорезма.— Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР, Нукус, 1.
Манылов Ю. П., 1977. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Манылов Ю. П., 1981. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков н. э.— В кн.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
Манылов Ю. П., Ходжаниязов Г., 1980. Городища Аяз-кала I и Бурлы-кала (К изучению фортификации древнего Хорезма).— В кн.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
Маринович Л. П., 1982. Эпоха Александра Македонского.— В кн.: Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М.
Марков А. К., 1892. Неизданные арсакидские монеты.— ЗВОРАО, VI.
Марков Г. Е., 1973. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— СЭ, 1.
Марков Г. Е., 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
Марущенко А. А., 1939. Анау. Историческая справка.— В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад.
Марущенко А. А., 1956а. Старый Серахс (Отчет о раскопках 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТССР, II.
Марущенко А. А., 1956б. Хосров-кала (Отчет о раскопках 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТССР, т. II.
Марущенко А. А., 1959а. Елькен-депе.— ТИИАЭ АН ТССР, V.
Марущенко А. А., 1959б. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана.— ТИИАЭ АН ТССР, II.
Маршак Б. И., 1964. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.— МИА, 124.
Маршак Б. И., 1971. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— В кн.: Страны и народы Востока, М., 10.
Маршак Б. И., Крикис Я. К., 1969. Чилекские чаши.— ТГЭ, X.
Масальский В. И., 1913. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание. СПб., XIX.
Масимов И. С., 1982. Новые памятники раннежелезного

века Мургабского оазиса.— В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад.
Массон В. М., 1953а. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа.— ВДИ, 2.
Массон В. М., 1953б. Хумы Нисы.— ТЮТАКЭ, II.
Массон В. М., 1955. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.— ВДИ, 2.
Массон В. М., 1956. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла.— ЭВ, XI.
Массон В. М., 1957а. Восточнопарфянский правитель Санабар.— Нумизматический сборник, II.
Массон В. М., 1957б. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии.— ИООН АН ТаджССР, 14.
Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.
Массон В. М., 1966а. На пороге раннеклассового общества. Оазисы Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
Массон В. М., 1966б. Страна тысячи городов. М.
Массон В. М., 1966в. Хорезм и кушаны (некоторые вопросы хорезмийской нумизматики).— ЭВ, XVII.
Массон В. М., 1967. Еще раз о геродотовой реке Акес.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М.
Массон В. М., 1968. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Массон В. М., 1969. Древнее орошение на Мисрианской равнине.— В кн.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.
Массон В. М., 1971. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений.— В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад.
Массон В. М., 1973. Археологические работы в Северной Бактрии.— АО 1972 г.
Массон В. М., 1974а. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Массон В. М., 1974б. Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана.— АО 1973 г.
Массон В. М., 1975. Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии.— АО 1974 г.
Массон В. М., 1976а. Кушанские поселения и кушанская археология.— БД.
Массон В. М., 1976б. Раскопки кушанских памятников на юге Узбекистана.— АО 1975 г.
Массон В. М., 1977а. Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии.— В кн.: История и культура античного мира. М.
Массон В. М., 1977б. Раскопки кушанского городища Зартепе.— АО 1976 г.
Массон В. М., 1978. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана.— АО 1977 г.
Массон В. М., 1979а. Раскопки кушанского города в северном Афганистане.— ВДИ, 2.
Массон В. М., 1979б. Культурный процесс и археологические комплексы древней Средней Азии.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Массон В. М., 1980. Эллинистический фактор в культурогенезе древней Средней Азии.— В кн.: Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван.
Массон В. М., 1981. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана.— ОНУ, 6.
Массон В. М., *Заднепровский Ю. А.*, 1955. Новые материалы по археологии Таджикистана.— ВДИ, 1.
Массон В. М., *Ромодин В. А.*, 1964. История Афганистана. М., I.
Массон М. Е., 1928. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.— Изв. Средазкомстариса, Ташкент, III.
Массон М. Е., 1933. Находка скульптурного карниза первых веков нашей эры. Ташкент.
Массон М. Е., 1935. Скульптура Айртама.— Искусство. 2.
Массон М. Е., 1938а. К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма.— СОНАТ, 6.
Массон М. Е., 1938б. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг.— СОНАТ, 7.
Массон М. Е., 1939. Археологические исследования в Узбекистане.— В кн.: Наука в Узбекистане за XV лет (1924—1939). Ташкент.
Массон М. Е., 1940а. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ).— КСИИМК, VIII.
Массон М. Е., 1940б. Городища Старого Термеза и их изучение.— ТУзФАН. Серия история и археология, 2.
Массон М. Е., 1940в. Экспедиция археологического надзора на строительство Большого Ферганского канала.— КСИИМК, IV.
Массон М. Е., 1945. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) в 1937 и 1938 гг.— ТТАКЭ, II.
Массон М. Е., 1949а. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— ТЮТАКЭ, I.
Массон М. Е., 1949б. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории южного Туркменистана до 1946 г.— В кн.: Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад, 1.
Массон М. Е., 1949в. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент.
Массон М. Е., 1950а. К периодизации древней истории Самарканда.— ВДИ, 4.
Массон М. Е., 1950б. Происхождение безымянного «Царя царей великого спасителя».— ТСАГУ, Новая серия, XI. Гуманитарные науки, 3.
Массон М. Е., 1951а. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса.— В кн.: Материалы ЮТАКЭ. М.; Л., 2.
Массон М. Е., 1951б. О северо-восточных пределах парфянского государства.— КСИИМК, XXXVIII.
Массон М. Е., 1951в. Новые данные по древней истории Мерва.— ВДИ, 4.
Массон М. Е., 1953а. Новые данные по истории рабовладельческого общества на территории южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ 1951 г.).— ВДИ, 1.
Массон М. Е., 1953б. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г.— ТЮТАКЭ, II.
Массон М. Е., 1955а. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.— ТЮТАКЭ, V.
Массон М. Е., 1955б. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— ТЮТАКЭ, V.
Массон М. Е., 1956. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, 1.— ТСАГУ, XXXI. Исторические науки, 12.
Массон М. Е., 1960. Некоторые новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 3.
Массон М. Е., 1963а. Из работ ЮТАКЭ в 1962 г.— Изв. АН ТССР, СОН, 3.
Массон М. Е., 1963б. Находка на городище Старая Ниса датированной парфянской тетрадрахмы Митридата I.— ВДИ, 2.
Массон М. Е., 1963в. К изучению прошлого Старого Мерва.— ТЮТАКЭ, XII.
Массон М. Е., 1966а. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Массон М. Е., 1966б. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР).— ТЮТАКЭ, XIII.
Массон М. Е., 1968. К вопросу о северных границах государства «великих кушан».— ОНУ, 8.
Массон М. Е., 1970. К вопросу о Маргиане в составе Греко-Бактрийского царства.— Изв. АН ТССР, СОН, 5.
Массон М. Е., 1973а. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи.— В кн.: История и культура античного мира. М.
Массон М. Е., 1973б. Прошлое города Керки.— Памятники Туркменистана, 2.
Массон М. Е., 1973в. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент.
Массон М. Е., 1974а. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224—651 гг.) на территории советских республик Средней Азии.— ТЮТАКЭ, XIV.
Массон М. Е., 1974б. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1953—1954 гг.— ТЮТАКЭ, XIV.
Массон М. Е., 1974в. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953—1954 гг.— ТЮТАКЭ, XV.
Массон М. Е., 1975. К вопросу о северных границах государства «великих кушан».— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.

Массон М. Е., 1978а. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.— ТЮТАКЭ, XV.
Массон М. Е., 1978б. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.— ТЮТАКЭ, XVI.
Массон М. Е., 1980. Краткий очерк по истории изучения городищ Старого Мерва до 1946 г.— ТЮТАКЭ, XVII.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954а. Парфянские ритоны Нисы.— ТЮТАКЭ, IV.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954б. Оттиски парфянских печатей из Нисы.— ВДИ, 4.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1956. Парфянские ритоны Нисы. Альбом иллюстраций. М.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1957. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы. Предварительная публикация.— Ежегодник Ин-та истории искусств, VII.
Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, 1951. Ташкент.
Медведская И. Н., 1979. Раскопки в Шаартузе в 1971 г.— АРТ, XIV.
Международный коллоквиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии 1977 г.— СА, 3.
Мережин Л. Н., 1962. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе.— ТЮТАКЭ, XI.
Мережин Л. Н., 1978. Обследование районов стены III в. до н. э. вокруг Маргианы (полевой отчет IV отряда ЮТАКЭ).— ТЮТАКЭ, XV.
Мешкерис В. А., 1962. Терракоты Самаркандского музея. Л.
Мешкерис В. А., 1969. Терракоты из Кара-тепе.— В кн.: Буддийская пещера Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Мешкерис В. А., 1975. Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.
Мешкерис В. А., 1977. Коропластика Согда. Душанбе.
Мирбабаев А. К., 1982. О работе Уструшанского отряда в 1976 г.— АРТ, XVI.
Михалевич Г. П., 1969. Раскопки иранских археологов в Персеполе и Пасаргадах.— СА, 2.
Мухамеджанов А. Р., 1969. Водоснабжение древнего Самарканда.— В кн.: История Самарканда. Ташкент, I.
Мухамеджанов А. Р., 1975. К истории ирригации в кушанскую эпоху.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.
Мухамеджанов А. Р., 1978. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент.
Мухамеджанов А., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш., 1982. Керамика нижних слоев Бухары (Опыт предварительной периодизации).— ИМКУ, 17.
Мухитдинов Х. Ю., 1958. Гончарный квартал городища Саксанохур.— ИООН АН ТаджССР, 3.
Мухитдинов Х. Ю., 1973а. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура.— СЭ, 5.
Мухитдинов Х. Ю., 1973б. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе.
Мухитдинов Х. Ю., 1975. Терракоты Саксанохура.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.
Наршахи, 1897. История Бухары/Пер. Н. Лыкошина. Ташкент.
Негматов Н. Н., 1953. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н. э.— МИА, 37.
Негматов Н. Н., 1956а. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г.— АРТ, II.
Негматов Н. Н., 1956б. К вопросу об этнической принадлежности населения Уструшаны.— КСИИМК, LXI.
Негматов Н. Н., 1957. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад.
Негматов Н. Н., 1964. О работах Северо-Таджикского отряда в 1961 г.— ТИИ АН ТаджССР, 42.
Негматов Н. Н., 1968а. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
Негматов Н. Н, 1968б. Сомгор (К истории целинного сомгорийского массива).— МКТ, 1.
Негматов Н. Н., 1973. Раскопки в северном Таджикистане.— АО 1972 г.
Негматов Н. Н., 1975. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г.— АРТ, XI.
Негматов Н. Н., 1981. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.— АРТ, XV.
Негматов Н. Н., 1982а. О работах СТАКЭ в 1976 г.— АРТ, XVI.
Негматов Н. Н., 1982б. Таджикистан на пути к урбанизации.— В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе.
Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1977. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты.— АО 1976 г.
Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К., 1982. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа.— В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе.
Негматов Н. Н., Билалов А. И., Мирбабаев А. К., 1975. Открытие скальных склепов у с. Куркат.— АО 1974 г.
Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., 1978. Раскопки Куркатских склепов. Предварительное сообщение.— КСИА, 154.
Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А., 1978. О работе Куркатского отряда.— АО 1977 г.
Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А., 1982. Начало раскопок городища Ширин (Предварительное сообщение).— АРТ, XVI.
Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1962. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г.— АРТ, VIII.
Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1975. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и западной Фергане.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., II.
Негматов Н., Хмельницкий С. Г., 1966. Средневековый Шахристан. Душанбе.
Некрасова Е. Г., 1974. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Некрасов Е. Г., 1976. Древняя керамика Шерабадского оазиса.— БД.
Некрасова Е. Г., 1979. Керамика археологических комплексов халчаянского и дальверзинского типов.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Немцева Н. Б., 1969. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1.
Неразик Е. Е., 1958. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г.— ТХАЭЭ, II.
Неразик Е. Е., 1959. Керамика Хорезма афригидского периода.— ТХАЭЭ, IV.
Неразик Е. Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки.— ТХАЭЭ, IX.
Неразик Е. Е., 1981. К проблеме развития городов Хорезма.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения, 1960. МХЭ, 3.
Нильсен В. А., 1959. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.).— ИМКУ, 1.
Нильсен В. А., 1966. Архитектура Средней Азии V—VII вв. Ташкент.
Новгородова Э. А., 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.
Новиков С. В., 1982. Парфянское царство и Греко-Бактрийское царство.— В кн.: Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М.
Обельченко О. В., 1956. Кую-Мазарский могильник.— ТИИ АН УзССР, VIII.
Обельченко О. В., 1961. Лявандакский могильник.— ИМКУ, 2.
Обельченко О. В., 1969. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.).— ТЮТАКЭ, XIV.
Оболдуева Т. Г., 1940. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале.— Изв. УзФАН, 10.
Оболдуева Т. Г., 1948. Курганы каунчинской и джудской культур в Ташкентской области.— КСИИМК, XXXVIII.
Оболдуева Т. Г., 1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, IV.
Оболдуева Т. Г., 1962. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан.— КСИА, 91.
Оболдуева Т. Г., 1981. О датировке стен Эйлатана.— СА, 14.
Оразов О., 1965. Археолого-стратиграфическое изучение развалин Битык близ железнодорожной станции Новый Фараб.— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Оразов О., 1972. Из истории развития ирригационной сети Серахского оазиса.— КД, 4.
Оразов О., 1973. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад.

Оразов О., 1975. Находки монет из Серахского оазиса.— ВДИ, 1.
Оранский И. М., 1960. Введение в иранскую филологию. М.
Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане, 1971. Ашхабад.
Пачос М. К., 1966. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. дисс. ... канд ист. наук. Ташкент.
Пачос М. К., 1967. К изучению стен городища Афрасиаб.— СА, I.
Периханян А. Г., 1952. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени.— ВДИ, 2.
Периханян А. Г., 1973. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения вакфа.— ВДИ, 1.
Пигулевская Н. В., 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.
Пидаев Ш. Р., 1974. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Пидаев Ш. Р., 1975. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
Пидаев Ш. Р., 1976а. Мирзакул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии.— БД.
Пидаев Ш. Р., 1976б. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-курган в Северной Бактрии.— СА, 1.
Пидаев Ш. Р., 1978. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.
Пилипко В. Н., 1968. Исследование памятников античного времени в районе Геок-тепе.— КД, 1.
Пилипко В. Н., 1969. Из работ Амударьинского отряда.— АО 1968 г.
Пилипко В. Н., 1971. Поселения северной Парфии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
Пилипко В. Н., 1972а. Исследование античных памятников в Северной Парфиене в 1970 г.— КД, 4.
Пилипко В. Н., 1972б. Некоторые археологические памятники правобережья Средней Амударьи.— Изв. АН ТССР, СОН, 5.
Пилипко В. Н., 1973. Памятники парфянского времени в районе Анау.— Изв. АН ТССР, СОН, 5.
Пилипко В. Н., 1975. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад.
Пилипко В. Н., 1976а. Клад парфянских монет из Гарры-Кяриз (Парфиена).— ВДИ, 2.
Пилипко В. Н., 1976б. Находки парфянских монет на Амударье.— Памятники Туркменистана, 2.
Пилипко В. Н., 1976в. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе.— БД.
Пилипко В. Н., 1977а. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи.— СА, 1.
Пилипко В. Н., 1977б. Еще раз о так называемом Керкинском кладе 1888 г.— Изв. АН ТССР, СОН, 5.
Пилипко В. Н., 1977в. Стратиграфия холма 7 на поселении Гарры-Кяриз.— КД, 5.
Пилипко В. Н., 1978. Топография находок кушанских монет на правобережье Средней Амударьи.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.
Пилипко В. Н., 1979. Древнее городище Одей-депе в Чарджоуском оазисе.— КД, 8.
Пилипко В. Н., 1980а. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком.— ВДИ, 4.
Пилипко В. Н., 1980б. Парфянский слой поселения Кошадепе у Баба-Дурмаза.— СА, 4.
Пилипко В. Н., *Логинов С. Д.*, 1980. Клад парфянских драхм из Ашхабада.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Пилипко В., *Масимов И.*, 1969. Буддийская статуэтка из Ак-кала (Средняя Амударья).— СА, 3.
Пиотровский Б. Б., 1949. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве.— В кн.: Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад. 1.
Пичикян И. Р., 1979. Культовый комплекс на Каменном городище.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент.
Пичикян И. Р., 1982. Первые открытия памятников искусства античной Бактрии.— В кн.: Панорама искусств. М.
Пичикян И. Р., 1983. Александр—Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца).— СА, 1.
Пташникова И. В., 1952. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— ТХАЭЭ, I
Пугаченкова Г. А., 1945. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана.— ТТАКЭ, II.
Пугаченкова Г. А., 1949. Архитектурные памятники Нисы.— ТЮТАКЭ, I.
Пугаченкова Г. А., 1951. Архитектура среднеазиатской античности.— ВДИ, 4.
Пугаченкова Г. А., 1952а. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы.— Изв. АН ТССР, 1.
Пугаченкова Г. А., 1952б. Парфянские крепости южного Туркменистана.— ВДИ, 2.
Пугаченкова Г. А., 1953а. Реконструкция квадратного зала Старой Нисы.— ТЮТАКЭ, II.
Пугаченкова Г. А., 1953б. Храм и некрополь в Парфянской Нисе (из работ ЮТАКЭ).— ВДИ, 3.
Пугаченкова Г. А., 1957. Геммы из Мерва.— Изв. АН ТССР, 3.
Пугаченкова Г. А., 1958а. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— ТЮТАКЭ, VI.
Пугаченкова Г. А. 1958б. Своды в архитектуре южного Туркменистана.— ТЮТАКЭ, VIII.
Пугаченкова Г. А., 1959. Маргианская богиня.— СА, XXIX—XXX.
Пугаченкова Г. А., 1962. Коропластика древнего Мерва.— ТЮТАКЭ, XI.
Пугаченкова Г. А., 1963а. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана.— СА, 4.
Пугаченкова Г. А., 1963б. Мервские геммы-инталии.— ТЮТАКЭ, XII.
Пугаченкова Г. А., 1966а. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства.— ВДИ, 2.
Пугаченкова Г. А., 1966б. Халчаян. Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1967а. Искусство Туркменистана. М.
Пугаченкова Г. А., 1967б. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии.— ВДИ, 3.
Пугаченкова Г. А., 1968. Гандхарская скульптура в Мерве.— Искусство, 6.
Пугаченкова Г. А., 1969. Трон Митридата I из Парфянской Нисы.— ВДИ, 1.
Пугаченкова Г. А., 1971а. Скульптура Халчаяна. М.
Пугаченкова Г. А., 1971б. Новое в изучении Дальверзинтепе.— СА, 4.
Пугаченкова Г. А., 1971в. Археологические исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.— АО 1970 г.
Пугаченкова Г. А., 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры.— УСА, 1.
Пугаченкова Г. А., 1973а. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1973б. Керамические печи эпохи кушан в южном Узбекистане.— СА, 2.
Пугаченкова Г. А., 1973в. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии.— ВДИ, 1.
Пугаченкова Г. А., 1974а. О культах Бактрии в свете археологии.— ВДИ, 3.
Пугаченкова Г. А., 1974б. Ювелирные изделия дальверзинского клада.— В кн.: Советское искусствознание. М.
Пугаченкова Г. А., 1978. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы.— ТЮТАКЭ, XV.
Пугаченкова Г. А., *Ремпель Л. И.*, 1965. История искусств Узбекистана. М.
Пьянков И. В., 1970. Басисты (к истории Самаркандского Согда).— ИООН АН ТаджССР, 3(61).
Пьянков И. В., 1972а. Древний Самарканд (Мараканда) в известиях античных авторов. Душанбе.
Пьянков И. В., 1972б. Хорасмии Гекатея Милетского.— ВДИ, 2.
Пьянков И. В., 1975. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе.
Пьянков И. В., 1982. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе.
Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. Л.
Ранов В. А., *Салтовская Е. Д.*, 1961. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г.— АРТ, VII.
Рапопорт Ю. А., 1958. Раскопки городища Шахсанем в 1952 г.— ТХАЭЭ, II.
Рапопорт Ю. А., 1962. Об изображении на Бартымском блюде.— СА, 2.
Рапопорт Ю. А., 1971. Хорезмийские оссуарии. Из истории религии древнего Хорезма. М.

Рапопорт Ю. А., 1977. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.
Рапопорт Ю. А., 1978. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
Рапопорт Ю. А., 1981. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г.— МХЭ, 6.
Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1968. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (К вопросу о домусульманских мавзолеях в Средней Азии).— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958. Городище Гяуркала.— ТХАЭЭ, II.
Ремпель Л. И., 1949. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы.— ТЮТАКЭ, I.
Ремпель Л. И., 1953. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении.— ТЮТАКЭ, II.
Робинзон В., 1930. Кала-Геами.— Туркменоведение, 6-7.
Росляков А. А., 1955а. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада.— ТЮТАКЭ, V.
Росляков А. А., 1955б. Глиняная печать из села Изгант.— ТЮТАКЭ, V.
Росляков А. А., Деренулов О., 1955. Древности села Кеши.— УЗ ТГУ, 3.
Росляков А. А., Исрафилов Т., 1958. Городище Арман-кала.— УЗ ТГУ, 14.
Ртвеладзе Э. В., 1974а. Новый буддийский памятник в Старом Мерве.— ТЮТАКЭ, XIV.
Ртвеладзе Э. В., 1974б. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Ртвеладзе Э. В., 1975. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени.— СА, 2.
Ртвеладзе Э. В., 1976. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.— БД.
Ртвеладзе Э. В., Маликов О. С., 1977. Рекогносцировки в Чаганиане.— АО 1976 г.
Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р., 1981. Каталог древних монет южного Узбекистана. Ташкент.
Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А., 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
Рутковская Л. М., 1956. Бронзовый котел из Ферганы.— ТСАГУ, XXXI, Исторические науки, 12.
Рутковская Л. М., 1957. Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов.— ТСАГУ, IV.
Рутковская Л. М., 1958. Парфянская керамика древнего Мерва.— СА, 3.
Рутковская Л. М., 1962. Античная керамика древнего Мерва.— ТЮТАКЭ, XI.
Сабиров К. С., 1978а. К изучению оборонительных сооружений античного городища Еркурган.— ОНУ, 6.
Сабиров К. С., 1978б. Раскопки крепостной стены Зар-тепе.— СА, 1.
Сабиров К. С., 1979. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Сабиров К., 1981. Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени. Городище Хайрабадтепа.— ИМКУ, 16.
Савицкий Г. И., 1941. Древняя Бактрия, I. Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. М. Горького, II.
Сагдуллаев А. С., 1976. К эволюции древних поселений южного Узбекистана.— Строительство и архитектура Узбекистана, 9.
Сагдуллаев А. С., 1978а. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
Сагдуллаев А. С., 1978б. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунисау.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.
Сагдуллаев А. С., 1980. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6.— СА, 2.
Сагдуллаев А. С., 1981. Архитектура древнебактрийских усадеб.— Строительство и архитектура Узбекистана, 6.
Сагдуллаев А. С., 1982. Заметки о раннем железном веке Средней Азии.— СА, 2.
Сагдуллаев Т., Хакимов З., 1976. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973—1974 гг.).— БД.
Сайко Э. В., 1971. К истории гончарного круга и развития форм керамики (по археологическим материалам Средней Азии). Душанбе.
Сайко Э. В., 1975. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. II.
Салтовская Е. Д., 1961. О раскопках античных поселений в районе Ашта.— ТИИ АН ТаджССР, 31.
Салтовская Е. Д., 1962. Раскопки на Кзыл-тепе в 1960 г.— ТИИ АН ТаджССР, 34.
Салтовская Е. Д., 1964. Раскопки на Тудаи-Калон в 1961 г.— ТИИ АН ТаджССР, 42.
Салтовская Е. Д., 1968а. О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе.— МКТ, 1.
Салтовская Е. Д., 1968б. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта (древняя Фергана).— ИООН АН ТаджССР, 2.
Салтовская Е. Д., 1971. Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе.
Салтовская Е. Д., 1972а. Итоги изучения аштских памятников.— ТД СПИПАИ в 1971 г. М.
Салтовская Е. Д., 1972б. О работах в северо-западной Фергане.— АО 1971 г.
Салтовская Е. Д., 1973. Могильники эпохи раннего железа в северо-западной Фергане.— ТДСПИПАИ в 1972 г. Ташкент.
Салтовская Е. Д., 1976. О раскопках могильника VI—IV вв. до н. э. в северо-западной Фергане.— АРТ, XII.
Салтовская Е. Д., 1977а. Могильник Дашти-Ашт.— АО 1976 г.
Салтовская Е. Д., 1977б. О раскопках могильников Ашт и Дашти-Ашт в 1973 г.— АРТ, XIII.
Салтовская Е. Д., 1978а. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане.— КСИА, 154.
Салтовская Е. Д., 1978б. Раскопки Дунгча-тепе.— АО 1977 г.
Салтовская Е. Д., 1978в. Тепе Калаи-Афрасиаб в Аште (северо-западная Фергана).— МКТ, 3.
Сарианиди В. И., 1957. Керамические печи древней Маргианы.— КСИИМК, LXIX.
Сарианиди В. И., 1958. Керамическое производство древнемаргианских поселений.— ТЮТАКЭ, VIII.
Сарианиди В. И., 1969. Продолжение работ на Улуг-депе.— АО 1968 г.
Сарианиди В. И., 1971. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе.— АО 1970 г.
Сарианиди В. И., 1972. Раскопки Тилля-тепе в северном Афганистане. М.
Сарианиди В. И., 1973. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана.— КСИА, 136.
Сарианиди В. И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
Сарианиди В. И., Кацурис К. А., 1968. Раскопки на Улуг-депе.— АО 1967 г.
Сарианиди В. И., Ходжаниязов Т., 1980. Раскопки царского некрополя в древней Бактрии.— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Сарианиди В. И., Ходжаниязов Т. Х., 1982. Продолжение работ на Тилля-тепе.— КСИА, 162.
Семенов А. А., 1931. Древности Абивердского района.— ТСАГУ, серия 2, вып. 3.
Сергеева Т. В., 1972. К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище Старая Ниса.— СМИНВ, 5.
Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.
Смирнова О. И., 1950а. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г.— МИА, 5.
Смирнова О. И., 1950б. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана.— МИА, 15.
Смирнова О. И., 1953а. Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г.— МИА, 37.
Смирнова О. И., 1953б. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г.— МИА, 37.
Смирнова О. И., 1970. Очерки из истории Согда. М.
Смирнова О. И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
Сорокин С. С., 1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.— СА, 20.

Спришевский В. И., 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.).— СЭ, 3.
Спришевский В. И., 1957а. Чустское поселение эпохи бронзы — КСИИМК, LXIX.
Спришевский В. И., 1957б. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г.— Изв. АН УзССР, СОН, 1.
Спришевский В. И., 1958а. Чустское поселение эпохи бронзы.— КСИИМК, LXXI.
Спришевский В. И., 1958б. Раскопки Чустского поселения в 1956 г.— СА, 3.
Спришевский В. И., 1958в. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г.— Изв. АН УзССР, СОН, 6.
Спришевский В. И., 1963. Чустское поселение. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Спришевский В. И., 1978. Археологические памятники на берегах Ташкентского моря.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад.
Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966. М.; Л.
Ставиский Б. Я., 1959. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г.— АРТ, V.
Ставиский Б. Я., 1960. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг.— СА, 4.
Ставиский Б. Я., 1961. Работы Магианской группы в 1958 г.— АРТ, VI.
Ставиский Б. Я., 1964. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— В кн.: Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.
Ставиский Б. Я., 1967. О датировке ранних слоев Тали-Барзу.— СА, 2.
Ставиский Б. Я., 1969. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— В кн.: Буддийская пещера Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Ставиский Б. Я., 1972а. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.— В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Ставиский Б. Я., 1972б. Капители древней Бактрии.— СА, 2.
Ставиский Б. Я., 1977а. Бактрия-Тохаристан в кушанский период. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
Ставиский Б. Я., 1977б. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М.
Ставиский Б. Я., 1977в. К югу от Железных ворот. М.
Ставиский Б. Я., Урманова М. Х., 1958. Городище Кулдор-тепе (работы 1955 г.).— СА, 1.
Страбон, 1954. География. Л.
Стрелков А. С., 1927. Зурмала или Катта-тюпк около Термеза.— Культура Востока. М., 1.
Струве В. В., 1949. Восстание в Маргиане при Дарии I.— ВДИ, 2.
Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982. Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана.— ИМКУ, 17.
Сулейманов Р. Х., Туребеков М., 1978. Этапы развития фортификационной системы Еркургана.— ИМКУ, 14.
Сулейманов Р. Х., Ураков Б., 1977. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш.— ИМКУ, 13.
Сусенкова Р. С., 1969. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.).— ТЮТАКЭ, XIV.
Сычева Н. С., 1972. Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Сычева Н. С., 1975. Керамика Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Тагиев М. М., 1973. Из истории развития ирригации Самаркандского оазиса. Ташкент.
Ташходжаев Ш. С., 1963. Разрез городской стены Гяур-калы.— ТЮТАКЭ, XII.
Ташходжаев Ш. С., 1974. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент; III.
Тереножкин А. И., 1940а. Каунча-тепе.— Изв. УзФАН, 8.
Тереножкин А. И., 1940б. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— Изв. УзФАН, 9.
Тереножкин А. И., 1947а. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.— ВДИ, 4.
Тереножкин А. И., 1947б. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана.— ВДИ, 2.
Тереножкин А. И., 1948. Холм Ак-тепе Ташкента (раскопки 1940 г.).— ТИИА АН УзССР, I.
Тереножкин А. И., 1950а. Раскопки в кухендизе Пянджикента.— МИА, 15.
Тереножкин А. И., 1950б. Согд и Чач.— КСИИМК, XXIII.
Тереножкин А. И., 1951. Раскопки на городище Афрасиаб.— КСИИМК, XXXVI.
Тереножкин А. И., 1972. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда.— СА, 3.
Толстов С. П., 1938. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит.— ВДИ, 4(5).
Толстов С. П., 1939а. К вопросу о монетах «Герая».— ВДИ, 2.
Толстов С. П., 1939б. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии.— ВДИ, 3.
Толстов С. П., 1941. Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ, 1.
Толстов С. П., 1945. К истории хорезмийских Сиявушидов (Новые данные по нумизматике древнего Хорезма).— ИАН СССР, СИФ, II, 4.
Толстов С. П., 1946. Опыт хронологической классификации памятников древнего и средневекового Хорезма.— КСИИМК, XIII.
Толстов С. П., 1948а. Древний Хорезм. М.
Толстов С. П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
Толстов С. П., 1949а. Периодизация истории Средней Азии.— КСИИМК, XXVIII.
Толстов С. П., 1949б. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1948 г.— ИАН СССР, СИФ, VI, 3.
Толстов С. П., 1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.).— ТХАЭЭ, I.
Толстов С. П., 1955. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г.— ВДИ, 3.
Толстов С. П., 1957. Бируни и его «Памятники минувших поколений».— В кн.: Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Ташкент, I.
Толстов С. П., 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, I.
Толстов С. П., 1959. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.— ТХАЭЭ, II.
Толстов С. П., 1961. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «Эры Шака» и «Эры Канишки».— ПВ, 1.
Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Толстов С. П., Андрианов Б. В., 1957. Новые материалы по истории ирригации в Хорезме.— КСИЭ, XXVI.
Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. Работы хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.— МХЭ, 6.
Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Ташкента).— СА, 2.
Трапезников Г. Е., 1957. Городище древнего Чарджоу (Амуля).— СА, 4.
Трапезников Г. Е., 1959. Материалы с городища древнего Чарджоу.— СА, 1.
Тревер К. В., 1954. Кушаны, хиониты и эфталиты по кушанским источникам.— СА, XXI.
Тревер К. В., 1955. Экономика и культура в период зарождения рабовладельческого общества.— В кн.: История Узбекской ССР. Ташкент, I.
Тревер К. В., 1958а. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан).— ТГЭ, II.
Тревер К. В., 1958б. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде.— Сообщ. РИКМ, 3.
Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э., 1950. История народов Узбекистана, Ташкент, I.
Трофимова Т. А., 1959. Черепа из оссуарного некрополя крепости Калали-гыр I.— МХЭ, 2.
Трудновская С. А., 1952. Укрепления позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.— ТХАЭЭ, I.
Трудновская С. А., 1967. Изделия из металла, кости, камня и других материалов.— В кн.: Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М.
Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», 1950/Под ред. А. Н. Бернштама. М.; Л.
Тургунов Б. А., 1968. Приемы фортификации античного Чаганиана.— СА, 1.
Тургунов Б. А., 1973. К изучению Айртама.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
Тургунов Б. А., 1974. Айртам (К проблеме античной культуры юга Узбекистана). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.

Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В., 1981. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме.— ОНУ, 3.
Туребеков М., 1979а. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калан-Захони-Марон.— ИМКУ, 15.
Туребеков М., 1979б. Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на западном фасе Афрасиаба.— В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». ТД. Ташкент.
Туребеков М., 1981а. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII—VI вв. до н. э.— VII в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Туребеков М., 1981б. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана.— ИМКУ, 16.
Туребеков М., 1982. Цитадель Еркургана.— ИМКУ, 17.
У истоков древней культуры Ташкеята, 1982. Ташкент.
Ураков Б., 1975. Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылкыр I и Сеталк I.— ИМКУ, 12.
Ураков Б., 1978. Керамика с городища Ромиштепа.— ОНУ, 2.
Ураков Б., 1982. Культура Бухарского оазиса второй половины I тысячелетия до н. з. и первой половины I тысячелетия н. э. (па основе изучения керамических материалов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Урманова М. Х., 1956. Расконки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г.— ТИИА АН УзССР, VIII.
Усманова З. И., 1960а. Керамические ядра из Мерва.— ТТашГУ, 172.
Усманова З. И., 1960б. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала.— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Усманова З. И., 1961. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве.— Изв. АН ТССР, СОН, 2.
Усманова З. И., 1963а. Эрк-кала.— ТЮТАКЭ, XII.
Усманова З. И., 1963б. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала.— ТЮТАКЭ, XII.
Усманова З. И., 1966. Арчевые строительные балки античного времени из расконок на городище Старого Мерва.— Изв. АН ТССР, СОН, 1.
Усманова З. И., 1969. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы.— ТЮТАКЭ, XIV.
Усманова З. И., 1973. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш.— ИМКУ, 10.
Усманова З. И., 1977. Буддийские памятники в Мерве.— ТТАШГУ, 533.
Усманова З. И., Дресвянская Г. И., 1974. Новые данные к изучению намятников среднего течения Кашкадарьи.— ТТашГУ, 473.
Усова Е., Буряков Ю., 1981. Терракотовые поделки с городища Канка.— ИМКУ, 16.
Утченко С. Л., Дьяконов И. М., 1970. Социальная стратификация древних обществ. М.
Федорович Е. Ф., 1969. Исследование древних тканей из расконок ЮТАКЭ в Старом Мерве.— ТЮТАКЭ, XIV.
Филанович М. И., 1969. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1.
Филанович М. И., 1974. Гяур-кала.— ТЮТАКЭ, XIV.
Филанович М. И., 1978. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва.— ТЮТАКЭ, XV.
Хвостов М. М., 1907. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань.
Хлопина Л. И., Хлопин И. Н., 1976. К нроисхождению комплекса Яз-тене I южного Туркменистана.— СА, 4.
Ходжайов Т. К., 1980. К налеоантронологии древнего Узбекистана. Ташкент.
Ходжаниязов Т., 1966. Стратиграфический раскоп на «Ашхабадской горке».— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Хумбах Х., 1972. Кара-тепе — Точи-Сурх-Котал.— В кп.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Центральная Азия в кушанскую эноху, 1974—1975 гг.— Труды Международной конференции но истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эноху, М., I—II.
Черников С. С., 1960. О термине «ранние кочевники».— КСИИМК, 80.
Чуланов Ю. Г., 1967. Некоторые новые намятники северной Ферганы.— СА, 2.
Шарахимов Ш. Ш., 1977. К истории изучения гончарного дела на Афрасиабе.— ИМКУ, 13.
Шелов Д. Б., 1956. Античный мир в Северном Причерноморье. М.
Шишкин В. А., 1940. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент.
Шишкин В. А., 1956. Археологическая разведка па Баштепе.— ТИИА АН УзССР, VIII.
Шишкин В. А., 1961. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.).— ИМКУ, 2.
Шишкин В. А., 1963. Варахша. М.
Шишкин В. А., 1969а. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1.
Шишкин В. А., 1969б. Кала и Афрасиаб. Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1.
Шишкина Г. В., 1969а. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Шишкина Г. В., 1969б. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок па северо-западе Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1.
Шишкина Г. В., 1969в. О местонахождении Мараканды.— СА, 1.
Шишкина Г. В., 1970. Древнейшая оборонительная стена Самарканда.— ОНУ, 9.
Шишкина Г. В., 1974. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II).— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, III.
Штаерман Е. М., 1974. Римская собственность на землю.— ВДИ, 3.
Штаерман Е. М., 1977. Древний Рим: проблемы экономического развития. М.
Щепаньский Я., 1969. Элементарные понятия социологии. М.
Щетенко А. Я., 1974. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе.— В кн.: Древняя Бактрия. Л.
Юркевич Э. А., 1965. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА, 4.
Юркевич Э. А., 1968. Кушаяская культура па территории Афганистана, Пакистана и Индии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Юсупов Х., 1972. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизил-Арватом.— КД, 4.
Юсупов Х., 1973. Курганные памятники вдоль Верхнего Узбоя.— Изв. АН ТССР, СОН, 4.
Юсупов Х., 1977а. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1971 г.— КД, 5.
Юсупов Х., 1977б. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1972 г.— КД, 6.
Юсупов Х., 1977в. Античные памятники Узбоя.— АО 1976 г.
Юсупов Х., 1978. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1973 г.— КД, 7.
Юсупов Х., 1979. Новые археологические материалы с верхнего Узбоя.— КД, 8.
Ягодин В. Н., 1963. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи.— МХЭ, 7.
Ягодин В. Н., 1968. К изучению тонографии и хронологии древнего Миздакхана.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Ягодин В. Н., 1971. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в 1-й половине I тыс. н. э.—В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, IV.
Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б., Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю., 1978. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент.
Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. Некрополь древнего Миздакхана. Ташкент.
Ягодин В. Н., Юсупов Н. Ю., 1978. Разведки и раскопки памятников кочевых племен в Устюрте.— АО 1977 г.
Якубовский А. Ю., 1940. Из истории археологического изучения Самарканда.— ТОВЭ, II.

Adams R-Mc., Nissen H. J., 1972. The Uruk Countryside. Chicago; London.
Altheim F., 1947. Halle Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Halle I.
Andrae W., 1912. Hatra. Leipzig, Bd I—II.
Antonini S., 1969. Swat and Central Asia.— East and West, Roma, 19, N 1—2.

Beal S., 1888. The Life Hiuen-Tsiang. London.
Bernard P., 1970. Campagne des fouilles 1969 à Aï Khanoum.— CRAI.
Bernard P., 1973. Fouilles dé Aï — Khanoum. P. 1—2.— MDAFA, t. 21.
Bernard P., Francfort H. P., 1978. Etudes de la geographie historique sur la plaine d'Ai Khanum (Afganistan). Paris.
Briant P. 1973. Remarques sur les «Laoi» et eslaves ruraux en Asie Mineure hellénistique.— In: Actes du colloque 1971 sur l'esclavage, Paris.
Briant P., 1974. Alexandre le Grand. Paris.
Briant P., 1982. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancient. Cambridge; Paris.
Dalton O. M., 1905. The Treasure of the Oxus. London.
Diakonoff I. M., Livchiz W. A., 1976. Parthian Economic Documents from Nisa. London, I.
Diakonoff I. M., Livchiz W. A., 1977. Parthian Economic Documents from Nisa. London, II.
Diakonoff I. M., Livchiz W. A., 1978. Parthian Economic Documents from Nisa. Text. I. London.
Fussman G., 1974. Documents epigraphiques Kouchans.— Bull, de l'Ecole Francais d'Extreme Orient, LXI.
Frye R. N., 1979. Islamic Sources for the Pre-Islamic History of Central Asia.— In: Prolegomena to the sources on the history of Pre-Islamic Gentral Asia. Budapest.
Gardin J.-C., 1957. Céramiques de Bactres. Paris.
Gardin J.-C., 1973. Les céramiques.— In: Fouilles d'Aï Khanoum I. Paris.
Ghirshman R., 1952. Quelques intailles du Museé de Calcutta à lagende en Tokharien, Pehlevi Arsacide et Pehlevi Sassanide.— Archaologia Orientalia in memoriam Ernst Hertzfeld. N.-Y.
Ghirshman R., 1962. Persian art. The Parthian and Sassanian numismatics. Würzburg.
Harmatta J., 1969. The Bactrian Wall—Inscriptions from Kara Tepe.— In: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.
Harmatta J., 1979. Sogdians Sources for the history of Pre — Islamic Central Asia.— In: Prolegonema to the sources on the history of Pre-Islamic Central Asia. Budapest.
Henning W. B., 1956. Surkh Kotal,— BSOAS, 18.
Henning W. B., 1958. Mitteliraniseh «Handbuch der Orientalistik». Bd IV. Iranistik, Ab. Iβ Linguistik. Leiden; Köln.
Herzfeld E., 1924. Paikuli. The Monument and Inscriptions on the Early History of Sasanian Empire. Berlin I—II.
Herzfeld E., 1932. Sakastana. Archaeologische Mitteilungen aus Iran. IV.
Herzfeld E., 1941. Archaeological history of Iran. London.
Huntington E., 1908. Description of the Kurgans of the Mery Oasis.— In: Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, I.
Koŝelenko G. A., 1980. Les cavaliers parthes Aspectes de la structure sociale de la Parthie.— In: Dialogues d'histoire anceenne. Paris, 6.
Koshelenko G., 1966. The beginning of Buddhism in Margiana.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, XIV, 1—2.
Litvinskiy B. A., Pichikiyan I. R., 1981a. The Temple ol Oxus.— JRAS, 2.
Litvinskij B. A., Pitchikjan I. R., 1981b. Découvertes dans un sanctuaire du dien Oxus de la Bactriane septentrionale.— Revue Archéologique, 2.
Markwart F., 1901. Eranshahr nach der Geographie de Ps. Moses Xorenac'i. Berlin.
Masson V. M., 1966. Monumenti archeoloci dell'Asia Central; influence e relazoni greco-romano.— Academia nazionale dei Lincei, CCCLXII, 79.
Mc Dowell R. H., 1935. The coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor.
Minns E. H., 1915. Parchments of Parthian Period from Avroman.— Journal of Hellenic Studies, XXXV.
Pumpelly R., 1905. Explorations in Turkestan. Washington, I.
Pumpelly R., 1908. Explorations in Turkestan. Washington, II.
Rapson E. I., 1896. On the Attribution of certain silver Coins of Sassanidian Fabrik.—NC.
Ronca I., 1971. Ptolemaios Geographie 6, 9—21. Ostiran und Zentralasien. Roma, I.
Rostovtzeff M., 1936. Sarmatae and Parthians.— In: Cambridge Ancient History. IX.
Schippmann K., 1971. Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin: N.Y.
Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G., 1983. Surkh Kotal en Bactriane. Paris, I.
Schmidt H., 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, I.
Sellwood D., 1971. An Introduction to the coinage of Parthia. London.
Sellwood D., 1976. The drachms of the Parthian «Dark Age». JRAS London.
Simonetta A., 1974. The Indo-Parthian Coinage and its Significance in the Chronology of the Kushans.— In: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., I.
Stawiski B., 1979. Kunst der Kuschan (Mittelasien). Leipzig.
Tarn W. W., 1938. The Greeks in Bactria and India. Cambridge.
Thomas E., 1870. Indo-Parthian coins.— NC, X.
Tomaschek W., 1896. Baktriane.— In: Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft begonnen von G. Wissowa. Stuttgart.
Trever C., 1934. Terracottas from Afrasiab. M.; L.
Wolski J., 1967. L'aristocratie parthe et les commencements du feodalisme en Iran.— Iranica Antiqua, VII.
Wroth W., 1903. Catalogue of the coins of Parthia. London.

Список сокращений

АИА — Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
АО — Археологические открытия. М.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭИА — Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку.
АЭМГ — Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
АЭЭ — Археолого-этнографическая экспедиция
БД — Бактрийские древности. Л.
ВГМГ — Вестник Государственного Музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИКА — Вопросы по истории Кавказской Албании. Баку.
ВОН АН АрмССР — Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. Ереван.
ВООН АН ГССР — Вестник Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
ВЦНИЛКР — Всесоюзная Центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГТК — Городище Топрак-кала — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 1981, XII.
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку.
ДАН ТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ДМ — Дзеглис мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ИААК — Известия Азербайджанского археологического комитета. Баку.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИАН АзССР, СИФП — Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. Баку.
ИАН АзССР, СОН — Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. Баку.
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ИАН СССР, СИФ — Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.
Изв. АзФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Баку.
Изв. АН АрмССР, ОН — Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. Ереван.
Изв. АН ТССР, СОН — Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад.
Изв. АН УзССР, СОН — Известия Академии наук Узбекской ССР. Серия общественных наук. Ташкент.
Изв. ИЯИМК — Известия Института языка и истории материальной культуры. Тбилиси.
Изв. КиргФАН — Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Фрунзе.
Изв. ТФАН — Известия Туркменского филиала Академии наук СССР.
Изв. УзФАН — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент.
ИКОМАО — Известия Кавказского отделения Московского Археологического общества. Тифлис.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку.
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ИТН — История таджикского народа, т. I. С древнейших времен до V в. н. э. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван.
КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КД — Каракумские древности. Ашхабад.
ККК — Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку.
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
МСПИАЭИ. ТД — Материалы сессии, посвященной итогам археолого-этнографических исследований в СССР. ТД. Баку.
МХЭ — Материалы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М.
НАА — Народы Азии и Африки.
НОСА. ТД — Новые открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПАИ — Полевые археологические исследования в Грузии. Тбилиси.
ПВ — Проблемы востоковедения. М.
ПС — Палестинский сборник. Л.
РГО — Российское географическое общество.
РИКМ — Республиканский историко-краеведческий музей. Душанбе.
СА — Советская археология. М.
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СМИНВ — Сообщения Музея искусств народов Востока. М.
СОН — Серия общественных наук.
СОНАТ — Социалистическая наука и техника. Ташкент.
Сообщ. ГФАН — Сообщения Грузинского филиала Академии наук СССР. Тбилиси.
СТАЭ (СТАКЭ) — Согдийско-Таджикская археологическая (комплексная) экспедиция.
СЭ — Советская этнография. М.
ТАзФАН — Труды Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Баку.

ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
ТАЭ — Труды Азербайджанской экспедиции. Баку.
ТБНИИ — Труды Батумского научно-исследовательского института.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТД — Тезисы докладов.
ТД ВНС — Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания. Ташкент.
ТДС — Тезисы докладов и сообщений.
ТДСПИПАН — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР.
ТИИ АН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ТИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Душанбе.
ТИИАЭ АН ТССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ТМИА — Труды Музея истории Азербайджана. Баку.
ТМИ УзССР — Труды Музея истории Узбекской ССР.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.
ТСТАЭ — Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. М.; Л.
ТТАКЭ — Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент.
ТТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент.
ТУзГУ — Труды Узбекского государственного университета. Самарканд.
ТУзФАН — Труды Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ашхабад.
УзАГУ, СИФ — Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия истории и философии. Баку.
УзМВССО АзССР, СЯЛ — Ученые записки Министерства высшего и среднего специального образования Азербайджанской ССР. Серия языка и литературы. Баку.
УзТГУ — Ученые записки Туркменского государственного университета. Ашхабад.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AMI — Archaeologische Mitteilungen aus Iran.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London University.
CRAI — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances. Paris
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
NC — Numismatic Chronicle.
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Paris

Указатели

Указатель имен

Указатель географических и этнических названий

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редакторы издательства
Н. Г. Ларгина,
Г. В. Моисеенко

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технические редакторы
Л. В. Каскова, Ф. М. Хенох

Корректоры В. С. Федечкина, Е. В. Шевченко

ИБ № 28491

Сдано в набор 11.05.84
Подписано к печати 22.10.84
Т-19851. Формат $60\times90^{1}/_{8}$
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 63. Уч.-изд. л. 75,4
Усл. кр.-отт. 67. Тираж 28800 экз.
Тип. зак. 309
Цена 5 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6